Д5
300
3-17
т2 часть 1

А. М. Заіончковскій

ВОСТОЧНАЯ ВОЙНА

1853—1856 гг.

въ связи съ современной ей политической обстановкой

ТОМЪ II

Часть первая

Изданъ на средства Военнаго Министерства

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ
1913

ВОСТОЧНАЯ ВОЙНА

1853—1856 гг.

ЭКЗЕМПЛЯР ЗАПАСНОГО ОТДЕЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННАГО Г. КУЗНЕЦКА

DB
300
.3 17

А. М. Заіончковскій

ВОСТОЧНАЯ ВОЙНА

1853—1856 гг.

въ связи съ современной ей политической обстановкой

ТОМЪ II

Часть первая

Изданъ на средства Военнаго Министерства

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ
1913

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
870995
М

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ

Государю Императору

НИКОЛАЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ

съ глубочайшимъ благоговѣніемъ

всеподданнѣйше посвящаетъ

АВТОРЪ

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Второй томъ настоящаго труда обнимаетъ собой описаніе событій отъ начала войны съ Турціей (осень 1853 года) до переноса союзниками военныхъ дѣйствій на Крымскій полуостровъ (сентябрь 1854 года). Онъ раздѣленъ на двѣ части: первая кампанія 1853 года и политическая обстановка до разрыва сношеній съ Англіей и Франціей и вторая—до рѣшенія союзниковъ перенести военныя дѣйствія къ Севастополю и подготовки къ этой операціи.

Нынѣ издаваемый второй томъ настоящаго труда имѣетъ тотъ же характеръ, какъ и первый томъ, т.-е. основанъ исключительно на первоисточникахъ. При изложеніи же политической обстановки авторъ попрежнему имѣлъ главной цѣлью представить фактическій ходъ событій по достовѣрнымъ документамъ, по возможности избѣгая собственныхъ выводовъ. Наиболѣе интересные и неизвѣстные въ печати документы отнесены въ отдѣльный томъ приложеній.

Авторъ приноситъ искреннюю благодарность своимъ старымъ сотрудникамъ: *Б. Ф. Кутыловскому, Н. А. Болотову, В. В. фонъ-Нотбекъ, С. И. Соважъ* и новому—*В. И. Селивачеву.*

А. Заіончковскій.

26 ноября 1912 года.
С.-Петербургъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стр.
Предисловіе	. . . . .	VII
Глава I.	Дипломатическіе переговоры до объявленія войны (октябрь 1853 года)	1
„ II.	Сосредоточеніе русскихъ войскъ на границѣ Княжествъ (лѣто 1853 года) и распоряженія по занятію Княжествъ.	71
„ III.	Занятіе Княжествъ и дѣйствія въ нихъ до объявленія войны включительно (іюль—октябрь 1853 года). . .	127
„ IV.	Дѣйствія на Кавказѣ и въ Черномъ морѣ до разрыва съ Турціей	191
„ V.	Дѣйствія Черноморскаго флота до Синопскаго сраженія .	249
„ VI.	Синопское сраженіе	305
„ VII.	Дѣйствія на Дунаѣ въ октябрѣ и ноябрѣ 1853 года . .	341
„ VIII.	Сраженіе при Четати 25 декабря 1853 года	391
„ IX.	Дѣйствія на Кавказѣ осенью и зимой 1853 года . . .	439
„ X.	Отношеніе Россіи къ европейскимъ державамъ до разрыва съ Франціей и Англіей	497
„ XI.	Планъ кампаніи на 1854 годъ. Мысли объ освобожденіи балканскихъ христіанъ.	579

Императоръ Николай I.

Глава I.

1.

Извѣстіе о прерванныхъ княземъ Меншиковымъ переговорахъ и объ его отъѣздѣ изъ Константинополя со всѣмъ составомъ посольства вызвало въ крупныхъ политическихъ центрахъ Запада встревоженное настроеніе.

Безрезультатность миссіи нашего чрезвычайнаго посла показала, что роковая минута приближалась, хотя упорство Порты у насъ чуть ли не исключительно приписывалось интригамъ лорда Редклифа, который будто бы дѣйствовалъ на свой личный страхъ и рискъ [1]).

Впрочемъ, Императоръ Николай отдавалъ себѣ ясный отчетъ въ томъ, что всякое внѣшнее потрясеніе можетъ вызвать острый кризисъ на Востокѣ. Государь еще 5 апрѣля написалъ на докладѣ графа Нессельроде по поводу разговора канцлера съ англійскимъ посломъ: „Я допускаю, что будущность Оттоманской Имперіи не „опредѣлена. Это выраженіе правильно, и оно обозначаетъ именно, „что невозможно ни предсказывать ея близкаго конца, ни утвер„ждать, что онъ далекъ. Все неопредѣленно, и надо готовиться „ко всему“ [2]).

---

[1]) Бар. Брунновъ увѣрялъ въ письмѣ къ кн. Меншикову отъ 5 (17) мая 1853 г., что англійское правительство „остается въ совершенной неизвѣстности насчетъ того окончательнаго рѣшенія, къ какому приведутъ дѣйствія ея посла“, и что въ сущности англійскіе министры и даже лордъ Редклифъ болѣе заботятся о томъ, чтобы наша конвенція съ Турціей произвела выгодное впечатлѣніе на англійскую публику, и всего менѣе о томъ, какой вредъ конвенція нанесетъ Турціи. (Письмо № 197. Гос. Арх., разр. XI, д. № 1236).

[2]) Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, карт. Доклады, 1853 г.

Тревожное настроеніе общественнаго мнѣнія Европы начало проявляться по мѣрѣ распространенія въ европейской прессѣ легендъ о невѣроятно грубомъ поведеніи нашего чрезвычайнаго посла не только по отношенію къ турецкимъ министрамъ, но и предъ лицомъ султана, все въ болѣе яркой и рѣзкой формѣ. Оно, возбужденное этими легендами, обратилось противъ Россіи и ея правительства, которымъ ставило въ вину съ одной стороны завоевательные замыслы, имѣющіе цѣлью создать угрожающую безопасности всей Европы силу, а съ другой — скрытность и лицемѣріе, будто бы проявленныя въ томъ, что истинная цѣль миссіи князя Меншикова не была сообщена европейскимъ кабинетамъ. Враждебная намъ печать постепенно создала какой-то кошмаръ русскаго засилія, который угнеталъ умы и вызывалъ въ нихъ естественное желаніе дать отпоръ надвигавшейся грозѣ.

Однако, такое угрожающее для поддержанія мира состояніе умовъ въ западной Европѣ образовалось далеко не сразу, и смѣло можно сказать, что въ началѣ кризиса европейскій миръ или война находились въ рукахъ Императора Наполеона III и лондонскаго кабинета. „Въ настоящемъ положеніи Франціи“, сообщалъ нашъ посолъ въ Парижѣ Киселевъ [1]), „миръ зависитъ отъ при-„страстнаго къ приключеніямъ ума человѣка, котораго судьба такъ „странно поставила въ ея главѣ. Людовикъ-Наполеонъ, сообра-„зуясь обыкновенно лишь со своими личными вдохновеніями, ко-„торымъ онъ вѣритъ и которыя считаетъ болѣе вѣрными, чѣмъ „мнѣнія другихъ, удивитъ еще міръ неожиданнымъ рѣшеніемъ, гдѣ „наибольшая доля будетъ отведена его звѣздѣ и случаю, а не „расчету и разсудку. При современномъ всемогуществѣ Наполеона „въ этомъ странномъ государствѣ, отъ него одного зависитъ миръ „или война изъ-за осложненій на Востокѣ“ [2]). Съ другой стороны, Киселевъ сообщалъ, что общественное мнѣніе во Франціи и правительство высказываются за поддержаніе мира; желаніе правительства итти рука объ руку съ Англіей удерживалось большимъ къ ней недовѣріемъ и сомнѣніемъ въ возможности существованія съ ней искренняго и продолжительнаго союза [3]). Въ томъ же духѣ высказывался и англійскій посолъ въ Парижѣ лордъ Ковлей, который сообщалъ въ Лондонъ, что французское правительство не

---

[1]). Киселевъ—канцлеру 16 (28) мая 1853 г., № 60. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, карт. Paris, 1853.

[2]) Переводъ съ французскаго.

[3]) Шифр. деп. Киселева—канцлеру 21 Мая (2 Іюня) 1853 г., № 67. Тамъ же.

можетъ принять на себя отвѣтственности въ побужденіи Оттоманской Порты къ отказу отъ русскихъ требованій [1]).

Но безпокойный, жаждущій славы, умъ Наполеона дѣлалъ свое дѣло. Несмотря на торжественное сообщеніе графа Нессельроде, что даже, въ случаѣ занятія нами Княжествъ, Императоръ Николай останется вѣрнымъ своему принципу ничего не предпринимать для уничтоженія Оттоманской Имперіи и не искать увеличенія русской территоріи, а также не возбуждать христіанскихъ народностей противъ Порты [2]), Наполеонъ прилагалъ большія усилія къ тому, чтобы заставить Англію болѣе рѣшительно вмѣшаться въ нашу распрю съ турками, и бесѣды Валевскаго въ этомъ направленіи въ Лондонѣ давали нѣкоторую надежду на успѣхъ задуманнаго предпріятія [3]).

Въ то же время работа велась и въ другомъ направленіи. Нашъ посолъ при дворѣ Императора Наполеона отмѣчалъ въ рядѣ депешъ изъ Парижа все увеличивающуюся волну общественнаго возбужденія. Вначалѣ возбужденіе это не имѣло воинственнаго характера, такъ какъ общественное мнѣніе не было правительственными органами достаточно подготовлено къ предстоявшей ему роли. „L'opinion est contre la guerre", писалъ Киселевъ 26 мая (7 іюня) [4]), „cependant on commence à s'inquiéter de l'issue que peut „avoir la complication d'Orient". Черезъ два дня его депеша уже коснулась того непріязненнаго къ Россіи отношенія, которое проявляла вслѣдъ за англійской французская пресса [5]). Прошло еще десять дней, и Киселевъ отмѣчаетъ уже прямыя указанія прессы на возможность войны, въ случаѣ занятія нашими войсками Молдавіи и Валахіи [6]). Страна еще спокойна, говоритъ Киселевъ въ депешѣ отъ 22 іюля [7]), но „міръ биржевой и промышленный „волнуется и проявляетъ безпокойство, поддерживая возбужденіе „въ Парижѣ".

Въ началѣ сентября Наполеонъ въ разговорѣ съ австрійскимъ посломъ Гюбнеромъ нашелъ уже нужнымъ сослаться на общественное мнѣніе, чтобы объяснить возможный входъ французской

---

[1]) Лордъ Ковлей—Кларендону 19 мая 1853 г. изъ Парижа. East. pap. t., 1, p. 175.
[2]) Канцлеръ—Киселеву изъ Петербурга 23 мая 1853 г., № 235. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, карт. Paris, 1853.
[3]) Киселевъ—канцлеру 17 (29) мая 1853 г., № 62. Тамъ же.
[4]) Шифр. деп. Киселева—канцлеру 26 мая (7 іюня) 1853 г., № 68. Тамъ же.
[5]) Киселевъ—канцлеру 28 мая (9 іюня) 1853 г., № 69. Тамъ же.
[6]) Депеша отъ 7 (19) іюня 1853 г., № 74. Тамъ же.
[7]) Тамъ же, № 92.

эскадры въ Дарданельскій проливъ [1]). Начиная съ октября, въ депешахъ Киселева неизмѣнно повторяются указанія на крайне задорный и воинственный духъ французской прессы, на ея къ намъ нерасположеніе и на проявляемую радость по поводу извращенныхъ извѣстій о неудачахъ нашихъ войскъ на Дунаѣ [2]). Такимъ образомъ, работы по подготовкѣ общественнаго мнѣнія, на которое можно было бы впослѣдствіи, при желаніи принять близкое участіе въ возгоравшемся на востокѣ пожарѣ, сослаться и опереться, шли методично и съ большимъ успѣхомъ.

Со стороны нашего посла въ Парижѣ были замѣтны нѣкоторыя колебанія въ оцѣнкѣ настроеній французскаго общественнаго мнѣнія, которыя являлись вполнѣ понятными. Это настроеніе создавалось, съ одной стороны, подъ значительнымъ давленіемъ Англіи, союзъ съ которой становился по мѣрѣ развивавшихся событій все тѣснѣе, а съ другой — подъ вліяніемъ настроеній Тюйлерійскаго дворца, гдѣ Императоръ Наполеонъ не оставлялъ еще окончательной мечты о сближеніи съ Россіей, надѣясь разстроить тройственный союзъ ея съ Австріей и Пруссіей. Ему хотѣлось тѣмъ или инымъ способомъ уничтожить этотъ плодъ и незыблемый памятникъ Вѣнскаго конгресса, положившаго конецъ преобладанію Франціи въ Европѣ и могуществу перваго Наполеона.

Въ донесеніяхъ Киселева эти мечты Императора французовъ отмѣчаются безъ должнаго къ нимъ вниманія, какъ слѣдствіе, по всей вѣроятности, нерасположенія Государя Николая Павловича къ личности Людовика-Наполеона. Признавая за нимъ заслугу возстановителя во Франціи порядка, потрясеннаго революціонной смутой 1848 года, Императоръ Николай не могъ при своемъ прямомъ характерѣ примириться съ тѣми пріемами, благодаря которымъ Наполеонъ III проникъ въ среду государей, и не могъ признать въ немъ равнаго себѣ монарха. Все это чувствовалось во взаимныхъ отношеніяхъ Императора французовъ и нашего посла, который проявлялъ неизмѣнную сдержанность даже въ тѣхъ случаяхъ, когда бесѣды его съ Наполеономъ принимали или, точнѣе, могли принять характеръ откровенности. Киселевъ даже отмѣчалъ въ своихъ донесеніяхъ дружественныя попытки Императора французовъ затронуть вопросъ о соглашеніи, но дѣлалъ это какъ-то

---

[1]) Киселевъ—канцлеру 9 (21) сентября, № 110. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, карт. Paris, 1853.

[2]) Депеши отъ 31 октября (12 ноября) и 2 (14) ноября 1853 г., №№ 132 и 134. Тамъ же.

мимоходомъ, среди туманныхъ разсужденій на многихъ страницахъ о томъ, что и какъ онъ, Киселевъ, сказалъ своему собесѣднику. Такъ, въ депешѣ отъ 7 (19) іюня [1]) нашъ посолъ подробно, хотя нѣсколько и неясно, изложилъ ходъ своей бесѣды съ Наполеономъ во время данной ему въ С.-Клу аудіенціи. Здѣсь заслуживаютъ вниманія слова Императора французовъ, относящіяся къ возможному случаю отказа Порты подписать требуемую отъ нея

Императоръ Николай I
(изъ собранія А. М. Заіончковскаго).

русскимъ правительствомъ ноту. „Вы войдете тогда въ Княже-„ства“, сказалъ Наполеонъ, „мы же будемъ поставлены въ не-„обходимость остаться у Дарданеллъ. Но каковъ будетъ конецъ „такого положенія? Вѣдь придется сдѣлать что-нибудь, чтобы „выйти изъ него. Придется вступить въ соглашеніе и сообща „устроить дѣло. Что вы думаете объ этомъ?“ [2]).

Киселевъ оставилъ безъ опредѣленнаго отвѣта этотъ вопросъ, ограничившись лишь передачей вскользь бывшей бесѣды графу Нессельроде. Самъ же онъ, повидимому, продолжалъ оставаться при точкѣ зрѣнія, высказанной въ болѣе ранней депешѣ [3]), въ

[1]) Киселевъ—канцлеру 7 (19) іюня 1853 г., № 74. Тамъ же.
[2]) Переводъ съ французскаго.
[3]) Отъ 16 (28) мая 1853 г., № 60.

которой Наполеонъ изображался, какъ человѣкъ, странно (bizarrement) и случайно поставленный во главѣ Франціи, и какъ авантюристъ, вѣровавшій только въ свою звѣзду и слѣдовавшій неожиданнымъ личнымъ вдохновеніямъ, а не разсудку и не мудрой предусмотрительности.

Не подлежитъ сомнѣнію, что Императоръ французовъ былъ весьма чувствителенъ къ нѣсколько пренебрежительному къ нему отношенію петербургскаго кабинета. Онъ даже воспользовался случаемъ, чтобы на балу въ С.-Клу высказать это австрійскому послу Гюбнеру [1]). „Мой принципъ", замѣтилъ Наполеонъ, „цѣло-„вать и даже въ обѣ щеки того, кто меня цѣлуетъ. Но если „мнѣ даютъ пощечину, то я ее возвращаю. Я сказалъ это Кисе-„леву и теперь говорю вамъ". Австрійскій дипломатъ добавилъ, что приведенныя слова были высказаны въ нѣсколько грустномъ тонѣ, который, впрочемъ, былъ далекъ отъ всякаго раздраженія. Надо замѣтить, что этому разговору предшествовали жалобы Наполеона на явно враждебное ему покровительство, которое Россія и Австрія оказывали маленькой Бельгіи, несмотря на то, что эта страна въ своемъ управленіи руководилась парламентаризмомъ, столь противнымъ принципамъ двухъ Имперій, и что въ Бельгіи нашли пріютъ заговорщики противъ французскаго правительства и противъ порядка, введеннаго во Франціи возстановленіемъ Имперіи.

По мѣрѣ развитія событій, Наполеонъ долго еще колебался стать окончательно на сторону нашихъ враговъ. Изъ бесѣды Киселева съ побочнымъ братомъ Императора французовъ, герцогомъ Морни [2]), видно, что Наполеонъ, несмотря на свое соглашеніе съ Англіей, стремился къ тому, чтобы „жить въ самыхъ „лучшихъ отношеніяхъ съ Россіей", и что даже извѣстіе о занятіи нами Княжествъ не повело къ измѣненію миролюбиваго настроенія Императора французовъ. Цѣлый рядъ осложненій съ каждымъ днемъ свидѣтельствовалъ все яснѣе, что вопросъ о преобладаніи нашего вліянія въ Константинополѣ, который возникъ вслѣдствіе миссіи князя Меншикова, принимаетъ болѣе и болѣе рѣзкую форму и вызываетъ непримиримое противорѣчіе во взглядахъ европейскихъ кабинетовъ; но онъ долго не вліялъ на

---

[1]) Депеша Гюбнера — гр. Буолю 2 іюня 1853 г. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, карт. Autriche, 1853.

[2]) Депеша Киселева отъ 24 іюня (6 іюля) 1853 г., № 82. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, карт. Paris, 1853.

Наполеона, остававшагося вѣрнымъ идеѣ мира и сближенія съ Россіей. Киселевъ сообщалъ, что непринятіе Портой проекта примирительной ноты, выработаннаго въ Вѣнѣ, вызвало намѣреніе французскаго кабинета высказать ей свое неудовольствіе [1]), а нашъ отказъ въ согласіи на предложенныя Портой поправки былъ принятъ въ Парижѣ, какъ совершенно естественное явленіе [2]). Донесеніе же Аргиропуло князю Меншикову [3]) подтверждало изъ константинопольскихъ источниковъ, что Наполеонъ въ разговорѣ съ турецкимъ посломъ въ Діеппѣ рѣзко отозвался о поведеніи Порты и столь же рѣзко оборвалъ Велли-пашу, который коснулся вопроса о желательности входа французскаго флота въ Дарданеллы.

Нѣкоторое освѣщеніе поведенія Императора французовъ дала бесѣда князя Горчакова съ принцемъ Наполеономъ, происходившая въ Штутгардтѣ, куда нашъ дипломатъ прибылъ наканунѣ отъѣзда принца. Давнишнія близкія отношенія князя Горчакова съ семействомъ Бонапартовъ еще въ тѣ времена, когда оно было поставлено подъ особое покровительство нашихъ дипломатическихъ представителей, дало ему возможность вести съ французскимъ принцемъ бесѣду, принявшую задушевный характеръ. Князь Горчаковъ передалъ канцлеру весьма подробно все высказанное принцемъ Наполеономъ, оговариваясь, однако, что двухчасовой разговоръ не претендуетъ на политическое значеніе, такъ какъ собесѣдники не были никѣмъ и ни на что уполномочены [4]).

Императоръ Наполеонъ, сказалъ принцъ, вполнѣ раздѣляетъ мое сожалѣніе о томъ, что отношенія между Россіей и Франціей не таковы, какими они должны были бы быть, въ видахъ интересовъ обѣихъ странъ. Наполеонъ съ того момента, какъ онъ сталъ мечтать о власти, и нынѣ, когда онъ ее достигъ, не переставалъ думать о томъ, чтобы сдѣлать соглашеніе съ Россіей осью своей политики... Эта мысль является его навязчивой идеей (idée fixe), и я увѣренъ, что онъ готовъ къ ней возвратиться, если бы это было возможно сдѣлать безъ пожертвованія своимъ достоинствомъ... Изолированное положеніе погубило Людовика-Филиппа. Намъ необходимы союзы. Мы прежде всего стремились

---

[1]) Депеша отъ 18 (30) августа 1853 г., № 103.

[2]) Депеша отъ 4 (16) сентября 1853 г., № 107.

[3]) Аргиропуло—кн. Меншикову 13 (25) сентября 1853 г. изъ Константинополя. Госуд. Арх., Разр. XI, д. № 1251.

[4]) Депеша кн. Горчакова—канцлеру изъ Штутгардта отъ 20 октября (1 ноября) 1853 г., № 639. См. Приложеніе № 1.

къ союзу съ вами, но, когда это не удалось, то Англія предложила намъ свой... Пальмерстонъ пользуется вліяніемъ на Императора, льститъ его честолюбію и его ненависти (Il le flatte dans ses vanités et dans ses haines)... У Друэнъ-де-Люиса англійскіе очки. Дѣла въ настоящее время зашли слишкомъ далеко, чтобы Франція могла отступить. Предполагая, однако, что Императоръ Наполеонъ, который можетъ многое еще сдѣлать, совершитъ переворотъ въ этомъ отношеніи, то возможно ли будетъ разсчитывать на вознагражденіе въ видѣ союза съ Россіей?

Высказавъ эту мысль, принцъ внимательно взглянулъ въ глаза князю Горчакову, какъ бы желая прочесть въ нихъ прямой отвѣтъ. Длинную рѣчь своего собесѣдника о необходимости предоставленія Россіи преобладающаго вліянія въ Константинополѣ, которое оправдывается исторіей и географическимъ положеніемъ, принцъ слушалъ, нисколько не протестуя противъ указаній нашего дипломата и видимо не интересуясь судьбами Турціи. На вопросъ же Горчакова, каковы могли бы быть французскія условія будущаго союза, онъ замѣтилъ, что династія Бонапартовъ должна для своего укрѣпленія дать Франціи что-нибудь реальное.

— Что стоило бы вамъ, сказалъ принцъ, предоставить намъ занятіе Ниццы и Савойи! Никому не было бы обидно, если бы перестали существовать два или три мелкихъ княжества въ Италіи, а Австрію можно было бы легко вознаградить въ другомъ мѣстѣ... Я крѣпко держусь этой мысли союза двухъ могущественнѣйшихъ государствъ, который сталъ бы общеконтинентальнымъ, такъ какъ къ нему не преминули бы примкнуть Австрія и Пруссія...

Бесѣда эта не имѣла и не могла имѣть послѣдствій. Съ одной стороны, въ Петербургѣ господствовало большое недовѣріе къ Императору Наполеону, а съ другой—свершились факты, которые привели къ полному охлажденію русско-французскихъ отношеній. Киселевъ писалъ изъ Парижа [1]): „Несомнѣнно, что изъ„вѣстное всѣмъ лицемѣріе Людовика-Наполеона и его натура „заговорщика (la nature de conspirateur) проявляются одинаково, „какъ по отношенію къ его врагамъ и противникамъ, такъ и по „отношенію къ тѣмъ, кто ему служитъ, и отъ кого онъ все-таки „хранитъ свои тайны; несомнѣнно, что этого лицемѣрія достаточно, „чтобы усумниться въ искренности не только его намѣреній, но

[1]) Киселевъ—канцлеру 25 сентября (7 октября) 1853 г., № 112. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, карт. Paris, 1853.

„и самыхъ его увѣреній...“ [1]). Въ томъ же духѣ сообщалъ о настроеніи Наполеона Фонтонъ изъ австрійскихъ источниковъ, на основаніи полученныхъ тамъ свѣдѣній изъ Парижа [2]). Черезъ нѣ-

Императоръ Николай I
(совр. аквар., изъ собранія А. М. Заіончковскаго).

сколько дней Киселевъ указывалъ [3]), что руководящей идеей Императора Наполеона является мысль использованія кризиса для

---

[1]) Переводъ съ французскаго.

[2]) Фонтонъ—Будбергу изъ Вѣны 26 сентября (8 октября) 1853 г. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, карт. Vienne, 1853.

[3]) Киселевъ—канцлеру 30 сентября (12 октября) 1853 г., № 113. Тамъ же, карт. Paris, 1853.

созыва европейскаго конгресса, который даже въ томъ случаѣ, если бы Франція не получила отъ него никакихъ особыхъ выгодъ, имѣлъ бы то значеніе, что замѣнилъ бы трактаты 1815 года, которые въ глазахъ Франціи являлись заключенными противъ нея и для ея униженія. Нашъ посолъ прибавлялъ, что для достиженія поставленной себѣ цѣли Императоръ французовъ не остановится передъ опасностью войны, и что Англія, желая быть ему пріятной, поддерживаетъ эту идею.

Но и независимо отъ личныхъ взглядовъ и догадокъ нашихъ дипломатическихъ представителей теченіе дѣлъ само собою принимало все болѣе и болѣе опасный для общеевропейскаго мира характеръ. Порта, поддерживаемая двумя западными державами, чувствовала, что Франція и Англія, начавъ оказывать ей помощь, не могутъ уже отступиться отъ нея. Она, пользуясь совѣтами англійскаго посла въ Константинополѣ, который, повидимому, рѣшилъ обострить конфликтъ до послѣдней степени, хотя бы для его окончательнаго рѣшенія потребовалось довести дѣло и до войны, продолжала упорствовать въ отказѣ дать намъ приличное удовлетвореніе. Цѣлый рядъ уступокъ петербургскаго кабинета не только не привелъ къ желанному результату, но, наоборотъ, какъ бы придавалъ Портѣ смѣлости. Она, конечно, была освѣдомлена о ходѣ переговоровъ между парижскимъ и лондонскимъ кабинетами, а эти переговоры не оставляли сомнѣнія въ томъ, что обѣ западныя державы твердо рѣшили защищать неприкосновенность Оттоманской Имперіи въ случаѣ могущей возникнуть опасности. Изъ депеши Друэнъ-де-Люиса французскому послу въ Лондонѣ графу Валевскому отъ 5 іюня 1853 года [1]) видно, что обѣ державы непосредственно вслѣдъ за миссіей князя Меншикова рѣшили дѣйствовать сообща, не останавливаясь передъ послѣдствіями. Французскому послу въ Константинополѣ Лакуру была дана инструкція сообразоваться во всемъ съ дѣятельностью лорда Стратфорда и французской эскадрѣ адмирала де-ля-Сюсса дѣйствовать во всемъ согласно съ англійской эскадрой адмирала Дундаса. Это единеніе въ дѣйствіяхъ объяснялось желаніемъ дать дипломатамъ время и возможность предупредить полный разрывъ между нами и Портой и желаніемъ поддержать принципъ неприкосновенности Турціи, положенный будто бы въ основу трактата 1841 года; въ дѣйствительности же все это вело турецкое

---

[1]) Easter pap., t. I, p. 227.

правительство на путь непримиримости по отношенію къ нашимъ требованіямъ.

Охлажденію отношеній между нами и Франціей способствовала въ особенности полемика Друэнъ-де-Люиса, направленная противъ циркуляра графа Нессельроде отъ 20 іюня (2 іюля) 1853 года. Циркуляръ этотъ разъяснялъ точку зрѣнія петербургскаго кабинета на сущность и основаніе требованій, которыя были предъявлены Портѣ княземъ Меншиковымъ и нашимъ правительствомъ, а также объяснялъ поводы и цѣль вступленія нашихъ войскъ въ предѣлы Молдавіи и Валахіи. Циркуляръ ссылался на демонстрацію франко-англійской эскадры, предупредившей „мѣрою *дѣйствительной*“ [1]) тѣ мѣры наши, къ которымъ мы предполагали еще „только прибѣгнуть, какъ къ *условно возможнымъ*“; эта демонстрація несомнѣнно имѣла вызывающій относительно насъ характеръ. Циркуляръ подтверждалъ далѣе, что требованіе отъ Порты обязательнаго дипломатическаго акта, который признавалъ бы право Россіи „наблюдать за охраненіемъ единовѣрной церкви на „Востокѣ“, являлось лишь послѣдствіемъ нарушенія фирмановъ 1852 года и необходимости новымъ обязательствомъ обезпечить дѣйствительное право Россіи, которое было установлено издревле и подтверждено Кучукъ-Кайнарджійскимъ трактатомъ. Допустить, писалъ графъ Нессельроде, признаніе начала, въ силу котораго Порта считаетъ несовмѣстимымъ съ своей независимостью всякое дипломатическое обязательство, даже въ видѣ простой ноты, въ которомъ заключалось бы условіе, относящееся до религіи и церквей, значило бы „собственными руками разорвать договоръ „кайнарджійскій, а равно и всѣ тѣ, которые его подтверждаютъ, и „добровольно отказаться отъ права, ими намъ предоставленнаго“ [2]).

Отвѣтъ не заставилъ себя ждать. 3 (15) іюля французскій министръ иностранныхъ дѣлъ Друэнъ-де-Люисъ отправилъ французскимъ посламъ при европейскихъ дворахъ циркулярную депешу, появившуюся спустя два дня въ Moniteur'ѣ [3]). Упомянувъ въ краткихъ словахъ о томъ, что графъ Нессельроде выразилъ представителю Франціи въ Петербургѣ удовольствіе по поводу фирмановъ, изданныхъ султаномъ въ полное удовлетвореніе петербургскаго кабинета, и что то же выраженіе удовольствія было повторено Киселевымъ въ Парижѣ, французскій министръ замѣчалъ,

---

[1]) Курсивъ подлинника.
[2]) Циркуляръ гр. Нессельроде, см. Приложеніе № 2.
[3]) См. Приложеніе № 3.

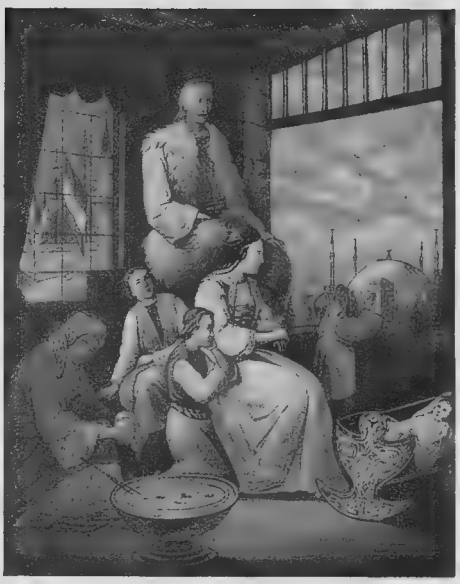
что послѣдовавшія позднѣе требованія князя Меншикова не имѣли, слѣдовательно, никакой связи съ разрѣшеннымъ, согласно желаніямъ Россіи, вопросомъ о Святыхъ Мѣстахъ, и что единственными судьями о пріемлимости русскихъ требованій являются турецкіе министры. Какъ только послѣдніе признали несовмѣстимость требованій съ независимостью и достоинствомъ Турціи, то державамъ, заинтересованнымъ въ сохраненіи Оттоманской Имперіи, не оставалось ничего болѣе... какъ послать свои эскадры въ Безикскую бухту.

Далѣе Друэнъ-де-Люисъ переходитъ къ полемикѣ съ русскимъ канцлеромъ о срокахъ принятія обѣими сторонами враждебныхъ демонстрацій. Въ то время, когда графъ Нессельроде письмомъ отъ 19 (31) мая сообщалъ Решиду-пашѣ о намѣреніи, въ случаѣ непринятія турками нашего ультиматума, занять Княжества, когда это намѣреніе, „какъ бы для того, чтобы сдѣлать „его безповоротнымъ, было циркуляромъ 30 мая (11 іюня) „объявлено Европѣ“, французская эскадра находилась у Саламина, а англійская не выходила изъ Мальтійскаго порта. „Одно „это сравненіе чиселъ“, писалъ Друэнъ-де-Люисъ, „достаточно „для указанія, кому принадлежитъ иниціатива, которую нынѣ „пытаются отрицать, сваливая отвѣтственность на Францію и „Англію“.

Министръ Наполеона закончилъ свою депешу утвержденіемъ, что вступленіе русскихъ войскъ въ предѣлы Дунайскихъ княжествъ не оправдывается, несмотря на наши увѣренія, ни Адріанопольскимъ трактатомъ, согласно которому оно было допустимо лишь въ случаѣ нарушенія Турціей правъ Молдавіи и Валахіи, ни конвенціей, заключенной въ Балтѣ-Лиманѣ и допускавшей активное вмѣшательство Россіи въ дѣла Княжествъ, въ случаѣ революціонныхъ безпорядковъ, которые угрожали бы какъ ихъ спокойствію, такъ и безопасности Россіи и Турціи. Поэтому вступленіе нашихъ войскъ въ Молдавію и Валахію могло произойти лишь по праву войны, хотя въ Петербургѣ и не желаютъ произносить этого слова. Если бы было иначе, то пришлось бы признать право угнетенія сильными государствами своихъ слабыхъ сосѣдей. Друэнъ-де-Люисъ удивлялся, какимъ образомъ столь консервативная держава, какъ Россія, можетъ придерживаться такого разрушительнаго принципа. Если же Порта не можетъ, какъ въ данномъ случаѣ, не видѣть въ занятіи Княжествъ враждебнаго дѣйствія, то самъ собою падаетъ трактатъ 1841 года, воспре-

щавшій военнымъ судамъ всѣхъ странъ входить въ мирное для Турціи время въ Дарданельскій и Константинопольскій проливы.

Вышеприведенныя соображенія руководителя французской дипломатіи подверглись критикѣ нашего канцлера графа Нессельроде въ двухъ его депешахъ къ Киселеву [1]). Одна изъ этихъ депешъ удостоилась помѣтки Императора Николая „parfait“, а другая — „fort bien“. Документы эти интересны не только, какъ изложеніе точки зрѣнія петербургскаго кабинета и какъ образецъ дипломатической полемики, но, и главнымъ образомъ, потому, что въ нихъ впервые явственно проявляется недовольство французской политикой, и послѣдняя обвиняется вмѣстѣ съ англійской въ обостреніи возникшихъ международныхъ недоразумѣній. Достойно вниманія, что рѣзкое охлажденіе отношеній съ Франціей произошло именно въ то время, когда сообщенія изъ Вѣны позволяли надѣяться на мирный исходъ конфликта на Востокѣ [2]).



Англо-французскіе флаги въ Босфорѣ — Христіанская душа (соврем. лит.).

Графъ Нессельроде самымъ рѣшительнымъ образомъ оспаривалъ утвержденіе Друэнъ-де-Люиса, будто нѣтъ связи между вопросомъ о Святыхъ Мѣстахъ и требованіями князя Меншикова, миссія котораго имѣла цѣлью устраненіе текущихъ недоразумѣній и полученіе общей гарантіи на будущее время. Нашъ чрезвычайный посолъ въ первомъ своемъ сообщеніи Портѣ упомянулъ о томъ и о другомъ, говоря о необходимости „торжественнаго акта „довѣрія“, „яснаго и положительнаго акта гарантіи“. Требованія

---

[1]) Отъ 1 августа 1853 г., №№ 349 и 350. См. Приложенія №№ 4 и 5.

[2]) Насколько Государь въ это время былъ увѣренъ въ мирномъ окончаніи конфликта, можно судить по слѣдующимъ словамъ письма его къ командующему войсками на Дунаѣ: „По послѣднимъ свѣдѣніямъ черезъ Вѣну“, писалъ Государь кн. М. Д. Горчакову 13 (25) іюля 1853 г., „можно надѣяться, что занятіемъ Бухареста и кончатся наши военныя дѣйствія, ибо „Англія и Франція пришли на разумъ и за одно съ Австріей хотятъ уговорить турокъ „удовлетворить нашимъ требованіямъ... Теперь займись отдыхомъ войскъ и готовь при „этомъ къ обратному почетному походу“. (Собств. Его Величества библіотека, шк. 115, портф. 14).

князя Меншикова для французскаго правительства не были неожиданными, такъ какъ оно еще въ мартѣ отправило въ Левантійскія воды эскадру, и если она не достигла Дарданеллъ, то единственной причиной этому былъ отказъ Англіи присоединиться къ задуманной демонстраціи. Графъ Нессельроде далѣе ссылался на 7 и 14 статьи Кайнарджійскаго трактата, которыми султанъ обѣщалъ покровительство христіанской религіи и ея церквамъ, что, въ виду принадлежности православной религіи къ христіанству, давало Россіи право наблюдать за дѣйствительностью упомянутаго покровительства православной церкви. Точно такъ же и Франція со времени Франциска I пользовалась правомъ наблюденія за отношеніемъ Порты къ католикамъ и протоколомъ 3 февраля 1830 года передала это право греческому королю въ предѣлахъ возникшаго тогда греческаго королевства; при этомъ протоколъ опредѣленно говорилъ о католикахъ „soumis au Sultan", т.-е. о католическихъ подданныхъ Оттоманскаго государства. Франція и Англія до послѣдняго времени дѣятельно вмѣшиваются въ отношенія между Портой и ея католическими или протестантскими подданными и при томъ въ формѣ, которая въ другомъ мѣстѣ считалась бы несогласной съ принципомъ политической независимости страны. Графъ Нессельроде напоминалъ, что по случаю безпорядковъ въ Триполи Франція, вслѣдъ за угрозой бомбардировки турецкихъ береговъ, получила необходимое удовлетвореніе, а также, что военный корабль „Charlemagne" еще не такъ давно вошелъ, вопреки трактату 1841 года, въ Дарданеллы. Канцлеръ подчеркнулъ также неправильное трактованіе Друэнъ-де-Люисомъ трактата 1841 года, который вовсе не выражалъ принципа неприкосновенности Оттоманской Имперіи, а единственно только взаимное обязательство державъ не посылать своихъ военныхъ судовъ въ турецкіе проливы въ мирное для этого государства время. Правда, что во вступленіи къ трактату 1841 года подписавшія его державы, а въ томъ числѣ и Россія, выразили желаніе охранить неприкосновенность державныхъ правъ султана, и Россія одушевлена такимъ желаніемъ и понынѣ, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы она была обязана обращаться къ вмѣшательству державъ въ своихъ спорахъ съ султаномъ.

Въ другой депешѣ отъ того же числа графъ Нессельроде прямо обвинялъ западныя державы въ оказаніи посылкой своихъ эскадръ въ турецкія воды вліянія на окончательное рѣшеніе Порты. Онъ доказывалъ ссылками на дѣйствія французовъ въ

Мореѣ, французовъ и англичанъ въ Бельгіи, что мнѣніе Друэнъ-де-Люиса о характерѣ занятія Дунайскихъ княжествъ является лишеннымъ всякаго основанія, такъ какъ европейское международное право во всѣ времена различало войну отъ понудительныхъ мѣръ, принимаемыхъ одной или нѣсколькими державами противъ отдѣльныхъ государствъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что, отправляя эти депеши, канцлеръ снабдилъ Киселева особымъ предписаніемъ [1]), въ которомъ онъ выражалъ сожалѣніе о необходимости дать столь рѣзкій отвѣтъ и предлагалъ нашему посланнику не предъявлять ихъ по назначенію, если онъ найдетъ содержаніе ихъ неподходящимъ.

Со времени обмѣна приведенными депешами положеніе Киселева въ Парижѣ и Кастельбажака въ Петербургѣ стало чрезвычайно щекотливымъ, несмотря на то, что оба правительства еще надѣялись на сохраненіе мира. „Я увѣренъ", писалъ маркизъ Кастельбажакъ 13 августа [2]), „что Императоръ Николай „искренно желаетъ конца спора съ Франціей и Англіей... и, какъ „говоритъ онъ самъ, сохраненія Оттоманской Имперіи; однако, „онъ не только не вѣритъ въ ея сохраненіе, но вѣритъ въ не-„отвратимое и близкое ея паденіе. Вопросъ объ очищеніи Кня-„жествъ и ухода эскадръ является для Императора Николая „вопросомъ самолюбія, и онъ не прочь былъ бы видѣть насъ „уходящими раньше его".

Надежда уладить дѣло мирнымъ путемъ не оставляла еще руководящія сферы французской политики. „У насъ во Франціи", писалъ директоръ департамента политическихъ дѣлъ министерства Друэнъ-де-Люиса Тувенель маркизу Кастельбажаку 1 августа, „всѣ желаютъ мира" [3]), а въ другомъ, болѣе раннемъ, письмѣ [4]) объяснялъ, что французская политика стремится къ соглашенію съ Россіей, желая предупредить въ этомъ отношеніи другія державы. Въ одномъ изъ іюльскихъ своихъ писемъ [5]) Тувенель подчеркивалъ, что строгій (farouche) циркуляръ Друэнъ-де-Люиса, приведенный нами выше, вовсе не является признакомъ воинственнаго настроенія, „не измѣняетъ нашихъ чувствъ, и мы всегда

---

[1]) Канцлеръ—Киселеву 1 (13) августа 1853 г., № 352. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, карт. Paris, 1853.

[2]) „Les neuf derniers mois de la mission du gén. Marquis Castelbajac à St-Pétersbourg", pp. 192 et 193.

[3]) Id., p. 180.

[4]) Id., pp. 167 et 168.

[5]) Id., p. 172.

„желаемъ мира". Лучшимъ выходомъ, по мнѣнію Тувенеля, было бы принятіе французскаго проекта ноты, предложеннаго въ то время разсмотрѣнію представителей державъ въ Вѣнѣ. „Вотъ „прекрасный для Россіи случай", замѣчаетъ Тувенель, „сблизиться „съ Франціей, предать нѣкоторыя вещи забвенію и, можетъ быть, „положить основаніе дѣйствительному союзу. Поймутъ ли насъ „тамъ, гдѣ вы находитесь?"...

Императоръ Николай относился къ французскому послу особо милостиво и удостаивалъ его откровенными бесѣдами. Государь, возвращаясь къ видимо мучившей его мысли о близкомъ паденіи оттоманскаго владычества въ Европѣ и о послѣдствіяхъ столь серьезнаго историческаго событія, указывалъ генералу Кастельбажаку на необходимость предупредить возможную опасность предварительнымъ соглашеніемъ съ Императоромъ французовъ. Маркизъ Кастельбажакъ изложилъ одну изъ такихъ бесѣдъ въ письмѣ къ Тувенелю отъ 17 августа [1]), въ которомъ отмѣтилъ, что возникшій кризисъ поставилъ въ глазахъ Императора Николая Восточный вопросъ на очередь историческихъ задачъ во всей его широтѣ. „Императоръ Николай объявилъ мнѣ", пишетъ генералъ Кастельбажакъ, „и подтвердилъ это честнымъ своимъ сло„вомъ, что онъ не желаетъ завоеваній, и что паденіе Турецкой „Имперіи создало бы для Россіи болѣе затрудненій, чѣмъ для „другихъ державъ". Государь желалъ лишь избѣгнуть осложненій, стремился къ возможно мирному разрѣшенію надвигавшейся грозы и сообщилъ Кастельбажаку, что Киселеву будетъ предложено затронуть этотъ вопросъ при встрѣчѣ съ Императоромъ Наполеономъ.

Является не подлежащимъ, такимъ образомъ, сомнѣнію, что одновременно въ Петербургѣ и въ Парижѣ существовало сознаніе пользы не только соглашенія, но и союза. Однако, въ самомъ представленіи объ основаніяхъ и цѣляхъ соглашенія заключалось, несмотря на такое настроеніе, столь глубокое различіе, что осуществленіе обоюдныхъ мыслей было невозможно. Ближайшія событія показали, что пути Россіи и Франціи расходятся въ противоположныя стороны и что, если и возможно ожидать ихъ встрѣчи, то лишь въ отдаленномъ будущемъ.

---

[1]) „Les neuf derniers mois de la mission du gén. Marquis Castelbajac à St-Pétersbourg", pp. 192 et 193.

II.

Оттоманская Порта во время пребыванія въ турецкой столицѣ князя Меншикова чуть ли не ежечасно прибѣгала къ совѣтамъ великобританскаго посла въ Константинополѣ лорда Стратфорда-де-Редклифъ, который, по своему вліянію на султана и его министровъ, игралъ тамъ совершенно исключительную роль. Рядъ депешъ, отправленныхъ имъ своему правительству, свидѣтельствуетъ объ этомъ безъ всякаго сомнѣнія. Достаточно прочесть донесенія Редклифа отъ 10 и 15 мая [1]) по поводу аудіенціи у султана и благодарности Порты за оказанную ей поддержку, чтобы убѣдиться въ томъ, кто былъ настоящимъ руководителемъ оттоманской политики въ спорѣ съ Россіей.

Отъѣздъ князя Меншикова изъ Константинополя не былъ неожиданностью для лорда Редклифа, который не только не проявилъ при этомъ событіи никакого смущенія, но быстро успѣлъ побороть также растерянность турецкихъ сановниковъ съ Решидомъ-пашей во главѣ. Великобританскій посолъ секретно сообщилъ султану [2]), что средиземныя морскія силы Англіи явятся, въ случаѣ опасности, на помощь Турціи, и тотчасъ же вслѣдъ за отъѣздомъ князя Меншикова созвалъ пословъ четырехъ державъ на совѣщаніе для обсужденія происшедшаго событія [3]). На этомъ совѣщаніи, подъ вліяніемъ лорда Редклифа, была подписана представителями великихъ державъ слѣдующая декларація:

„Представители Австріи, Великобританіи, Франціи и Пруссіи „въ отвѣтъ на желаніе его высочества Решида-паши узнать ихъ „мнѣніе о проектѣ ноты, присланной ему частнымъ образомъ „княземъ Меншиковымъ, выражаютъ свой взглядъ, что въ во„просѣ, столь близко затрогивающемъ свободу дѣйствій и верхов„ныя права султана, Решидъ-паша является лучшимъ судьей того, „что нужно предпринять; представители же державъ не считаютъ „себя при настоящихъ обстоятельствахъ уполномоченными выска„зывать свое мнѣніе“.

Послы, подчеркивая въ этой деклараціи связь предлагаемой ноты съ верховными правами и свободой дѣйствій султана, въ

[1]) East. pap., t. I.
[2]) East. pap., t. I.
[3]) Редклифъ—Кларендону 22 мая 1853 г. East. pap., t. I, p. 219.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

сущности высказали все, что было нужно и что имѣло всѣ признаки полной солидарности великихъ державъ во взглядахъ на возбужденный вопросъ. Такая солидарность существовала въ дѣйствительности, и не въ этомъ заслуга лорда Стратфорда; но онъ сумѣлъ воспользоваться обстоятельствами, чтобы ее объединить, вывести наружу и этимъ придать бодрость духа растерявшемуся визирю. Онъ достигъ своей цѣли, и Порта, увѣренная въ поддержкѣ Европы, не пошла ни на какія дальнѣйшія уступки.

Слѣдуетъ отмѣтить, что дѣятельность лорда Редклифа всегда и во всемъ встрѣчала поддержку великобританскаго правительства. Въ рядѣ депешъ, которыми онъ обмѣнялся съ статсъ-секретаремъ по иностраннымъ дѣламъ лордомъ Кларендономъ [1]), не встрѣчается ни одного слова, которое свидѣтельствовало бы о малѣйшемъ между ними недоразумѣніи. Поэтому въ высшей степени странное впечатлѣніе производятъ донесенія нашего посла въ Лондонѣ барона Бруннова, который пытался неоднократно отдѣлить политику великобританскаго кабинета отъ политики его константинопольскаго представителя.

Баронъ Брунновъ, блестящій стилистъ, въ своихъ донесеніяхъ руководствовался, повидимому, принципомъ Талейрана, утверждавшаго, что способность рѣчи дана человѣку для того, чтобы скрывать свои мысли. Нельзя, впрочемъ, сказать, чтобы баронъ Брунновъ скрывалъ истину: онъ ее говорилъ, но сопровождалъ столь разнообразными соображеніями и побочными свѣдѣніями, что среди нихъ ее было мудрено отыскать. Въ настоящее время сдѣлать это, конечно, легко, но современникамъ, удаленнымъ отъ мѣста дѣйствія, задача въ этомъ отношеніи представлялась иногда прямо неразрѣшимой. Убаюкивающія фразы и разсужденія мѣшали сосредоточиться на существѣ дѣла.

Несомнѣнно, что нѣкоторое вліяніе на настроеніе барона Бруннова должна была оказывать нерѣшительность главы англійскаго кабинета лорда Абердина; онъ, отличаясь англійскимъ складомъ консервативно-религіозныхъ убѣжденій, смотрѣлъ на событія съ настолько отвлеченной точки зрѣнія, что его рѣчи невольно могли вводить нашего дипломата въ заблужденіе относительно теченія дѣлъ. Однажды лордъ Абердинъ успокаивалъ нашего посла, говоря [2]): „There shall be no war! There can be no war!“ [3]).

---

[1]) East. pap., t. I.
[2]) Письмо бар. Бруннова—канцлеру 21 апрѣля 1853 г. Госуд. Арх., Разр. III, д. № 108.
[3]) „Тамъ не будетъ войны!“ „Тамъ не можетъ быть войны!“

Въ другой разъ онъ увѣрялъ его, что англійскому представителю въ Константинополѣ имъ данъ высшій руководящій завѣтъ [1]) — „do not „quarrel with Russia“ [2]). Лордъ Абердинъ спрашивалъ также у барона Бруннова мнѣнія относительно значенія конвенціи о проливахъ 1841 года, читалъ въ засѣданіи совѣта министровъ „меморію“, принадлежавшую перу нашего дипломата, и вообще велъ себя въ сношеніяхъ съ нимъ такъ, что барону Бруннову иногда въ самомъ дѣлѣ могло показаться, что мы выйдемъ „honorablement et „pacifiquement de la crise orientale“. И, дѣйствительно, лордъ Абердинъ неоднократно говорилъ, что никогда не кончитъ своей политической дѣятельности „веденіемъ революціонной „войны, войны противъ обществен„наго порядка“ („guerre subversive de „l'ordre social“).

Императоръ Николай I (изъ собранія А. М. Заіончковскаго).

Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что барону Бруннову было очень легко убѣдиться въ безпочвенности увѣреній лорда Абердина, но характеръ всей переписки нашего посла съ канцлеромъ давалъ слишкомъ мало надежды на это. Баронъ Брунновъ имѣлъ обыкновеніе отправлять вмѣстѣ съ офиціальными депешами частныя письма графу Нессельроде, и весь интересъ его донесеній сосредоточивался именно въ этихъ письмахъ.

Его письмо отъ 13 (25) мая [3]) излагаетъ разговоръ съ лордомъ Кларендономъ, который не оставляетъ сомнѣнія въ дѣйствительныхъ намѣреніяхъ и взглядахъ великобританскаго кабинета. Но это письмо начинается вступленіемъ, которое ослабляетъ смыслъ и значеніе самаго разговора, весьма важнаго по своему существу.

---

[1]) Письмо бар. Бруннова—канцлеру 13 апрѣля 1853 г. Тамъ же.
[2]) „Не ссорьтесь съ Россіей“.
[3]) См. Приложеніе № 6.

Свое вступленіе баронъ Брунновъ посвятилъ характеристикѣ настроеній англійскихъ министровъ, при чемъ относительно лорда Кларендона нашъ посолъ говоритъ, что онъ „былъ бы совершенъ“ („serait parfait“), если бы не его боязнь газетъ, палатъ и вообще общественнаго мнѣнія. Поэтому, поясняетъ письмо, „Кларендонъ, не имѣя ни малѣйшей непріязни къ намъ, дѣлается „нашимъ противникомъ единственно вслѣдствіе боязни потерять „кредитъ у публики“. А между тѣмъ этотъ „совершенный“ министръ далъ очень недвусмысленно понять нашему послу, что великобританскій кабинетъ видитъ въ требованіяхъ князя Меншикова безусловный поводъ къ войнѣ, въ которой Англіи придется принять активное участіе. Баронъ Брунновъ, вмѣсто того, чтобы подчеркнуть именно это значеніе словъ англійскаго министра, посвящаетъ дальнѣйшее содержаніе своего письма „простымъ, „яснымъ и серьезнымъ“ своимъ собственнымъ разсужденіямъ, которыми онъ полагалъ переубѣдить великобританскихъ государственныхъ дѣятелей.

Какъ разъ въ день отправленія этого письма было получено въ Лондонѣ извѣстіе объ отъѣздѣ князя Меншикова изъ Константинополя.

20 мая (1 іюня) баронъ Брунновъ начинаетъ свое посланіе канцлеру [1]) невѣроятнымъ заявленіемъ о собственныхъ заслугахъ. „Еще разъ“, пишетъ онъ, „я сумѣлъ удержать Англію въ по„ложеніи мудрой неподвижности въ то время, когда Франція дѣ„лала всѣ усилія, чтобы заставить ее выйти изъ бездѣйствія“ [2]). Правда, далѣе говорится о непрочности достигнутаго, но вслѣдъ за этой фразой начинаются увѣренія, что Великобританія не только будетъ ждать съ почтеніемъ и довѣріемъ рѣшеній Императора Николая, но, „когда Императоръ приметъ свои рѣшенія, то Англія „будетъ сообразовать съ ними свои собственныя“ („y conformera „les siennes“). Это сообщеніе обозначало, какъ будетъ видно изъ дальнѣйшаго, что, въ случаѣ вступленія нашихъ войскъ въ Придунайскія княжества, англійская эскадра приблизится къ Дарданелламъ. Далѣе въ письмѣ рѣчь идетъ о безсмыслiи турокъ, о великолѣпномъ меморандумѣ автора письма, долженствующемъ остаться въ исторіи памятникомъ „сладкихъ словъ, ясныхъ мыслей „и твердыхъ истинъ“, о томъ, что Англія безъ Австріи не сдѣ-

[1]) Письмо бар. Бруннова—канцлеру 20 мая (1 іюня) 1853 г. Госуд. Арх., Разр. III, д. № 108.

[2]) Переводъ съ французскаго.

лаетъ никакого рѣшительнаго шага, такъ какъ „боится быть „вдвоемъ съ Франціей“, о томъ, наконецъ, что невозможно вести хорошую политику „въ сумасшедшемъ домѣ“, гдѣ лорды Мальмсбюри и Гардвикъ толкаютъ на морскую демонстрацію, и т. д.

Меморандумъ [1]), о которомъ идетъ рѣчь въ письмѣ, интересенъ, какъ образецъ того, что у насъ въ первой половинѣ девятнадцатаго вѣка считалось высшимъ дипломатическимъ искусствомъ, и потому неудивительно, что представленный графомъ Нессельроде Государю экземпляръ труда барона Бруннова удостоился слѣдующей помѣтки: „Il est impossible de mieux rendre le véritable état de la „question... c'est parfait, oui, c'est bien cela, c'est toute la vérité“.

Документъ этотъ, заслужившій столь лестный отзывъ Императора Николая I, дѣйствительно представляетъ вѣрное отраженіе благороднаго образа мыслей Государя и этимъ невольно подкупаетъ всякаго въ свою пользу. Но, какъ извѣстно намъ и какъ несомнѣнно должно было быть извѣстно барону Бруннову, съ которымъ англійскіе министры объяснялись совершенно откровенно, они вовсе и не сомнѣвались въ образѣ мыслей Государя, въ его благородствѣ и вѣрности данному слову. Они лишь думали, что въ историческій моментъ, когда лицомъ къ лицу становятся рѣзко противоположные интересы государствъ, судьбы народовъ переходятъ за грани человѣческой воли, будь то воля даже могущественнѣйшихъ и величайшихъ вождей государствъ. Они знали и были убѣждены, что Императоръ Николай не стремился къ завоеваніямъ, но они также знали, какъ, впрочемъ, зналъ и говорилъ и самъ Государь, что въ случаѣ войны на Востокѣ можетъ возникнуть общеевропейскій кризисъ, послѣдствія котораго предвидѣть невозможно.

Баронъ Брунновъ не обращаетъ вниманія именно на это важнѣйшее обстоятельство, и записка въ своемъ стремленіи убѣдить англійскихъ государственныхъ людей въ томъ, въ чемъ они и такъ были убѣждены, противоставляетъ одни только громкія слова серьезному факту непримиримости русской и англійской точекъ зрѣнія на спорный вопросъ. Блестящее изложеніе рыцарскихъ чувствъ и мыслей Государя удостоилось лестной для автора записки помѣтки, но петербургскій кабинетъ остался въ томъ же невѣдѣніи относительно истиннаго взгляда

[1]) См. Приложеніе № 7.

великобританскаго правительства на программу нашихъ дѣйствій противъ Турціи, въ какомъ пребывалъ и прежде.

Сущность этой интересной записки, изложенная словами самого автора, сводится къ слѣдующему:

„Султанъ не сдержалъ слова, даннаго Императору Николаю. „Его Величество счелъ необходимымъ потребовать удовлетворенія „за оскорбленіе, нанесенное его достоинству. Для такого удовле„творенія Государь избралъ мирный путь, предпочитая его не„медленному примѣненію силы. Онъ, требуя удовлетворенія по„средствомъ убѣжденій, а не путемъ непріязненныхъ дѣйствій, „исключительно стремился охранить православную церковь въ „Турціи отъ ущерба и оскорбленій, предметомъ которыхъ она „несправедливо и открыто стала въ послѣднее время. Государь „призналъ, что для достиженія этой цѣли простой фирманъ былъ „бы недостаточенъ ни въ смыслѣ удовлетворенія за прошлое, ни „въ смыслѣ предупрежденія повторенія обидъ въ будущемъ. „Вслѣдствіе этого рѣшено было потребовать и получить отъ „Порты формальный актъ, актъ разъясненія (acte explicatif). Этотъ „актъ долженъ былъ, по мысли Государя, лишь служить подтвер„жденіемъ правъ, которыми пользовалась на Востокѣ православ„ная церковь. Императоръ Николай не требовалъ ни большаго, „ни меньшаго. Онъ желалъ, чтобы осталось не тронутымъ то, „что уже существуетъ, и чтобы исповѣдуемая Россіей религія „была свободна, уважаема и неприкосновенна подъ оттоманскимъ „владычествомъ. Его Величество домогается этой гарантіи; онъ „совѣтуетъ Портѣ дать ее въ интересахъ упроченія внутренняго „спокойствія въ Оттоманской Имперіи и въ интересахъ прочнаго „мира съ Россіей“.

Баронъ Брунновъ, ссылаясь въ концѣ своего меморандума на лондонскій протоколъ 1 (13) іюля 1841 года, замѣчаетъ, что во вступленіи къ этому документу державы высказали желаніе дать султану доказательство уваженія къ его верховнымъ державнымъ правамъ, и выводитъ отсюда заключеніе, что лучшимъ доказательствомъ въ данныхъ обстоятельствахъ помянутаго увѣренія было бы не ставить препятствій тому, чтобы султанъ исполнилъ свои обѣщанія по отношенію къ дружественной сосѣдней державѣ.

Дѣло, однако, въ томъ, что ни Порта, ни западныя державы не признавали самаго существованія такихъ „обѣщаній“, толкуя Кучукъ-Кайнарджійскій договоръ по-своему и не находя въ немъ тѣхъ обязательствъ по отношенію къ Россіи, на которыя указы-

валъ петербургскій кабинетъ. Западныя державы смотрѣли на дѣло проще. Онѣ находили невозможнымъ, какъ и во временаУнкіаръ-Искелесскаго договора, допустить на ближнемъ Востокѣ исключительное преобладаніе русскаго вліянія. Онѣ рѣшились, видя въ требованіяхъ князя Меншикова одно изъ проявленій

Императоръ Николай I (изъ собранія В. В. Эллерса).

стремленія къ такому вліянію, противодѣйствовать ему всѣми силами и всѣми средствами. Споръ шелъ вовсе не о значеніи Кучукъ-Кайнарджійскаго договора и даже не о значеніи требуемаго княземъ Меншиковымъ сенеда, а о томъ, будетъ ли Россія единственной рѣшительницей политическихъ судебъ Балканскаго полуострова и его народностей или же только участницей нѣкотораго, такъ сказать, главенства державъ надъ этимъ полуостровомъ. Западными дипломатами и даже европейскимъ общественнымъ мнѣніемъ вопросъ прямо такъ и ставился; наша же дипломатія этой стороной дѣла пренебрегала и даже ее вовсе отрицала,

нечаянно проговариваясь лишь, какъ будетъ отмѣчено ниже, объ ея существованіи.

Баронъ Брунновъ былъ несомнѣнно человѣкомъ выдающагося ума, а потому является загадкой причина такого односторонняго доклада. Самъ авторъ, препровождая меморандумъ графу Нессельроде, выразилъ желаніе, „чтобы онъ хранился въ архи„вахъ, какъ доказательство вѣрной интересамъ и чести Россіи его „службы“ [1]), но наврядъ ли мы ошибемся въ предположеніи, что авторъ мемуара, забывая интересы и службу Царя и Россіи, думалъ только о томъ, чтобы блестяще изложить мысли Государя, а не представить дѣйствительную и серьезную картину положенія.

Конечно, баронъ Брунновъ понималъ настоящую подкладку возникшихъ недоразумѣній. Онъ шелъ даже, пожалуй, далѣе того, что думали въ Петербургѣ. Въ письмѣ графу Нессельроде отъ 26 мая (7 іюня) [2]) онъ писалъ:

„Мы рѣшительно приближаемся къ эпохѣ, когда придется „называть вещи ихъ истинными именами. Я прошу васъ, когда „эта минута наступитъ, принять во вниманіе мысль, которая уже „нѣкоторое время представляется моему уму. Дайте восточнымъ „дѣламъ новое имя. Назовите ихъ—возстановленіемъ христіанства „въ Турціи. Здѣсь намъ болѣе всего въ общественномъ мнѣніи „вредитъ то, что въ Англіи все думаютъ о возможности полити„ческаго раздѣла, при которомъ Россіи достанется крупнѣйшая „доля. Новое имя должно вызвать въ Лондонѣ несогласіе. Кри„зисъ будетъ серьезенъ, но будетъ большая выгода примѣнить „къ дѣлу религіозныя симпатіи, которыя здѣсь пользуются из„вѣстнымъ уваженіемъ“. Далѣе авторъ письма говоритъ, что Англія болѣе всего боится, чтобы, въ случаѣ нашего успѣха, ея торговля не пострадала отъ русскаго тарифа. „Вотъ почему „для Константинополя опасаются не столько нашихъ солдатъ, „сколько нашихъ таможенныхъ чиновниковъ. Если бы здѣсь на„дѣялись, что политическая перемѣна въ Турціи была бы воз„можна безъ нанесенія ущерба свободѣ торговли, то трауръ по „великимъ оттоманамъ былъ бы скоро забытъ....

„Все это болѣе мелко и меркантильно, чѣмъ политично“, съ оттѣнкомъ презрѣнія кончалъ свое письмо баронъ Брунновъ,

---

[1]) Бар. Брунновъ—канцлеру 20 мая (1 іюня) 1853 г., № 130. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, карт. Londres, 1853.

[2]) Бар. Брунновъ—гр. Нессельроде 26 мая (7 іюня) 1853 г. Госуд. Арх., Разр. III, д. № 108.

еще разъ увѣряя графа Нессельроде, что Англія не боится нашего сенеда, но боится тарифа, конечнаго результата нашихъ „notes „verbales“.

Замѣчательно, что нашъ дипломатъ продолжалъ, при столь опредѣленномъ взглядѣ на вещи, убаюкивать въ своихъ офиціальныхъ донесеніяхъ и даже въ частныхъ письмахъ графу Нессельроде петербургскій кабинетъ въ полномъ, безусловномъ миролюбіи Англіи, а также и въ томъ, что великобританскій посолъ въ Константинополѣ дѣйствуетъ въ сущности на свой рискъ и страхъ при неодобреніи лондонскаго правительства, которое не высказывается только вслѣдствіе побочныхъ обстоятельствъ.

Такъ, 26 мая (7 іюня) въ томъ же письмѣ, гдѣ говорится о приближеніи времени, когда придется называть вещи ихъ истинными именами, баронъ Брунновъ увѣрялъ, что, хотя англійское правительство и не рѣшается публично отречься отъ своего константинопольскаго посла, но что „частныя“ письма лорда Кларендона „conjurent Stratford d'arriver à une conclusion à l'amiable“. Въ позднѣйшемъ письмѣ отъ 7 (19) іюня, т.-е. написанномъ спустя болѣе недѣли послѣ того, какъ баронъ Брунновъ былъ офиціально увѣдомленъ о подчиненіи англійской средиземной эскадры Стратфорду Редклифу [1]), онъ совѣтуетъ графу Нессельроде не принимать къ сердцу депешъ лорда Кларендона. „Читая „ихъ, думайте всегда, что онѣ написаны не для васъ, а для того, „чтобы когда-нибудь фигурировать въ Синей книгѣ парламента“ [2]). Если графъ Нессельроде дѣйствительно слѣдовалъ указаніямъ своего лондонскаго ученика и друга, то все то, что заявлялъ нашему канцлеру англійскій посолъ въ Петербургѣ, должно было ему казаться не имѣющимъ серьезнаго значенія.

Впрочемъ, въ началѣ іюня надежды на мирный исходъ конфликта не были еще никѣмъ потеряны. Въ Лондонѣ назрѣлъ планъ отправленія въ Петербургъ чрезвычайнаго посла, и лордъ Абердинъ называлъ даже, какъ предполагаемыхъ кандидатовъ для выполненія этой миссіи, лордовъ Каннинга или Кланрикорда [3]). На слѣдующій день глава англійскаго кабинета разговорился съ нашимъ посломъ объ этомъ предметѣ подробнѣе [4]). Онъ сказалъ, что

---

[1]) Брунновъ—канцлеру 26 мая (7 іюня) 1853 г., № 131. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, карт. Londres, 1853.

[2]) Бар. Брунновъ—гр. Нессельроде 7 (19) іюня 1853 г. Госуд. Арх., Разр. III, д. № 108.

[3]) Бар. Брунновъ—гр. Нессельроде 26 мая (7 іюня) 1853 г. Госуд. Арх., Разр. III, д. № 108.

[4]) Бар. Брунновъ—гр. Нессельроде 27 мая (8 іюня) 1853 г. Тамъ же.

цѣлью такой чрезвычайной мѣры было бы непосредственное обращеніе къ Императору Николаю съ проектомъ нѣкотораго измѣненія *въ словахъ* [1]) предложенной княземъ Меншиковымъ Портѣ ноты, безъ измѣненія смысла и значенія самаго акта. Баронъ Брунновъ на это возразилъ, что нельзя надѣяться на измѣненіе хотя бы одного слова, что онъ самъ себя устраняетъ отъ всякаго участія въ дѣлѣ, но полагаетъ, что задуманная миссія могла бы имѣть единственный шансъ на успѣхъ лишь въ томъ случаѣ, если бы до ея отъѣзда англійскій флотъ оставилъ турецкія воды и ушелъ обратно къ острову Мальтѣ.

Прочтя это письмо, Государь помѣтилъ на немъ: „Ici je „trouve, que Brounnow n'a pas répondu juste; ce n'est pas seule„ment la flotte qu'il s'agit d'éloigner. Il aurait dû dire, que c'est à „Constantinopole qu'il faut insister pour que l'on signe de suite. Ici „il n'y a rien à faire que protester, comme nous le faisions et comme „nous ferons".

Такое отношеніе Государя является вполнѣ понятнымъ, если принять во вниманіе чувство правоты и оскорбленнаго Портой достоинства, а также основанное на депешахъ барона Бруннова убѣжденіе въ несогласіяхъ, будто бы существовавшихъ между великобританскимъ правительствомъ и лордомъ Стратфордомъ, и въ несерьезности англійскихъ намѣреній поддержать Порту въ ея спорѣ съ Россіей. Миролюбіе и прямодушіе Императора Николая несомнѣнно привели бы къ другому исходу, лишь бы послѣдній оградилъ надлежащимъ образомъ достоинство Государя и государственную честь Россіи.

Замѣчательно, что именно въ то время, когда Императоръ Николай начерталъ на депешѣ Бруннова вышеприведенную помѣтку, имъ же на проектѣ частнаго письма бывшаго нашего посланника въ Константинополѣ Титова лорду Стратфорду Редклифу было написано: „C'est admirablement bien dit" [2]). А несомнѣнно письмо это являлось и по тону и по содержанію попыткой примиренія и разъясненіемъ истиннаго смысла нашихъ требованій, не угрожавшихъ ни верховнымъ правамъ султана, ни интересамъ другихъ государствъ. Оно было написано въ отвѣтъ на поздравленіе, присланное лордомъ Редклифомъ нашему дипломату по случаю праздника Пасхи. Редклифъ воспользовался этимъ, чтобы затро-

[1]) Курсивъ подлинника.
[2]) Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, карт. Turquie, 1853.

нуть вопросъ о возобновленіи русско-турецкихъ дипломатическихъ сношеній, и письмо Титова является разъясненіемъ, почему этого невозможно сдѣлать до удовлетворенія султаномъ требованій, предъявленныхъ княземъ Меншиковымъ. Правда, въ письмѣ замѣтно слишкомъ яркое подчеркиваніе фактическаго преобладанія Россіи на Востокѣ, а также предсказывается, что въ случаѣ войны гибель Оттоманской Имперіи неминуема, но, съ другой стороны, приводятся убѣдительныя доказательства умѣренности Россіи въ пользованіи своимъ вліяніемъ, ея миролюбія и отсутствія мысли о какихъ бы то ни было завоеваніяхъ. Опасностью для насъ, пишетъ Титовъ, могла бы стать лишь коалиція державъ. „Но для того, „чтобы отстранить эту опасность, „достаточно будетъ Государю Императору провозгласить передъ „лицомъ всего міра, что Его Величество не желаетъ увеличивать „своихъ владѣній территоріальными останками Турціи. Будьте „увѣрены, что міръ повѣритъ этому слову, и что у насъ не „будетъ недостатка ни въ національныхъ симпатіяхъ, ни въ союз„никахъ".

Рабочій кабинетъ Императора Николая I.

Если, несмотря на такія убѣжденія въ своемъ могуществѣ и въ невозможности коалиціи, несмотря на неточныя донесенія барона Бруннова, создающія превратное представленіе объ англійской политикѣ, Императоръ Николай все-таки стремился къ мирному разрѣшенію кризиса, то нельзя не усмотрѣть въ этомъ доказательства не только миролюбія, но и глубокаго государственнаго чувства, которое подсказывало Государю истинное значеніе событій и международныхъ отношеній историческаго момента.

Тѣмъ временемъ баронъ Брунновъ продолжалъ вести свою линію. 2 (14) іюня [1]) онъ между прочимъ сообщалъ графу Нессельроде, что великобританскій кабинетъ примирится съ занятіемъ нами Княжествъ и убѣжденъ въ необходимости для Порты дать намъ удовлетвореніе, которое должно быть достигнуто мирными путями. Письмо кончалось увѣреніемъ, что въ Лондонѣ нѣтъ

[1]) Бар. Брунновъ—гр. Нессельроде 2 (14) іюня 1853 г. Госуд. Арх., Разр. III, д. № 108.

никакихъ признаковъ враждебности къ намъ („absence complète „de toute disposition d'hostilité envers nous").

Однако, на слѣдующій день омрачился и оптимизмъ барона Бруннова. Причиной этому былъ серьезный и откровенный разговоръ съ лордомъ Абердиномъ, который предвидѣлъ, что дѣло клонится къ вооруженному столкновенію, и потому рѣшилъ оставить свой постъ, чтобы не принимать на себя отвѣтственности за ужасныя бѣдствія и послѣдствія грядущей войны. Глава англійскаго кабинета, пишетъ баронъ Брунновъ [1]), борется со стремленіемъ, направленнымъ къ нарушенію мира. „Однако, каково бы „ни было мое довѣріе къ правдивости и намѣреніямъ перваго „министра, я остаюсь въ сомнѣніи относительно твердости его „силъ. Въ этомъ заключается опасность. Моя обязанность не „скрывать ея. Съ настоящаго времени слѣдуетъ смотрѣть прямо „въ лицо положенію, признаки котораго крайне серьезны. Изо „дня въ день мы приближаемся къ развязкѣ, которая каждую „минуту можетъ назваться войной, хотя Англія отказывается еще „отъ произнесенія этого слова".

Впрочемъ, нѣкоторымъ утѣшеніемъ барону Бруннову послужилъ дальнѣйшій разговоръ, въ которомъ лордъ Абердинъ пожелалъ узнать мнѣніе нашего дипломата относительно значенія трактата 1841 года о проливахъ. Баронъ Брунновъ разъяснилъ, въ качествѣ участника переговоровъ, предшествовавшихъ заключенію этого акта, что его вступительныя слова объ уваженіи державами правъ султана не заключаютъ никакого обязательства оказывать поддержку Турціи, если бы послѣдняя подверглась какому-либо нападенію; самый же договоръ ограничивается только признаніемъ державами начала закрытія проливовъ. Хотя внимательное чтеніе трактата 1841 года и исключало возможность какой-либо иной точки зрѣнія на этотъ актъ, но баронъ Брунновъ не скрывалъ своей радости по поводу того, что англійскій кабинетъ раздѣлилъ его взглядъ на актъ 1841 года. Нашъ дипломатъ поспѣшилъ увѣдомить о своемъ „успѣхѣ" двухъ своихъ коллегъ— барона Мейендорфа въ Вѣнѣ и барона Будберга въ Берлинѣ и высказывалъ убѣжденіе, что толкованіемъ договора 1841 года ему удалось разстроить французскія попытки извращенія Дарданельскаго трактата, обративъ его въ договоръ европейскихъ дер-

[1]) Бар. Брунновъ—канцлеру 3 (15) іюня 1853 г., № 140. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, карт. Londres, 1853.

жавъ противъ Россіи. „Cet essai a complètement échoué“, увѣрялъ баронъ Брунновъ канцлера, кончая по обыкновенію свою депешу комплиментами графу Нессельроде [1]).

Между тѣмъ англійскій проектъ отправки чрезвычайной миссіи въ Петербургъ былъ оставленъ, такъ какъ лондонскій и французскій кабинеты нашли болѣе цѣлесообразнымъ иниціативу въ этомъ дѣлѣ предоставить Австріи. Баронъ Брунновъ, узнавъ о такомъ поворотѣ дѣла отъ австрійскаго посла въ Лондонѣ графа Колloредо, поспѣшилъ предложить графу Нессельроде [2]) свой проектъ замѣны потребованнаго княземъ Меншиковымъ сенеда или ноты особымъ протоколомъ, который онъ считалъ самой удобной дипломатической формой для согласованія нашихъ интересовъ и требованій съ трудными условіями данной минуты. Нашъ посолъ совѣтовалъ при этомъ не слишкомъ настаивать на каждомъ отдѣльномъ словѣ, а стремиться къ существу дѣла. Однако, предложенный имъ проектъ протокола [3]) отличался бо́льшимъ, нежели первоначальная нота князя Меншикова, подчеркиваніемъ тѣхъ именно словъ и мыслей, которыя вызвали отпоръ среди турецкихъ министровъ. Нашъ представитель въ Лондонѣ полагалъ, что протоколъ возможно редактировать такимъ образомъ, чтобы „déconcerter l'effet „de la finesse diplomatique de lord Stratford“. Это странное у столь освѣдомленнаго дипломата мнѣніе можетъ быть объяснено лишь тѣмъ, что баронъ Брунновъ съ самаго начала кризиса не вѣрилъ въ мирный исходъ и, по его собственному выраженію, ждалъ того „момента, когда вещи придется называть ихъ собственными „именами“.

Брунновъ продолжалъ, впрочемъ, убѣждать англійскихъ государственныхъ людей въ правотѣ и основательности требованій нашего правительства и дѣлалъ все, отъ него зависѣвшее, чтобы успѣшно исполнить принятую на себя задачу. 24 іюня (6 іюля) [4]) онъ писалъ графу Нессельроде, что извѣстіе о переходѣ нашими войсками Прута произвело сильное впечатлѣніе на англичанъ и разсѣяло ихъ иллюзію относительно того, что присутствіе франко-англійской эскадры у входа въ Дарданеллы остановитъ движеніе нашихъ войскъ. Баронъ Брунновъ сообщалъ, что англійское прави-

---

[1]) См. Приложеніе № 8.
[2]) Бар. Брунновъ—гр. Нессельроде 8 (20) іюня 1853 г. Госуд. Арх., Разр. III, д. № 108.
[3]) См. Приложеніе № 9.
[4]) Бар. Брунновъ—канцлеру 24 іюня (6 іюля) 1853 г., № 174. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, карт. Londres, 1853.

тельство приняло этотъ актъ къ свѣдѣнію и отклонило мысль коллективнаго протеста державъ. Оно рѣшило протестовать въ одиночествѣ, избравъ для этой цѣли такую форму заявленія, за которой не предполагается какихъ-либо мѣръ активнаго воздѣйствія.

Англійскій кабинетъ надѣялся, по словамъ упоминаемой депеши барона Бруннова, на успѣхъ австрійскаго посредничества, но опасался, за исключеніемъ одного лорда Абердина, что наши войска вступили въ предѣлы Княжествъ для того, чтобы остаться тамъ навсегда, и что Императоръ Николай намѣренъ нанести Турціи смертельный ударъ, отъ котораго послѣдуетъ ея паденіе („de voir la Turquie succomber sous le coup de mort, que notre Auguste „Maître aurait résolu de lui porter"). Лордъ Кларендонъ въ категорической формѣ высказалъ нашему послу, что, если занятіе Княжествъ русскими войсками продолжится три или четыре мѣсяца, то Оттоманская Имперія падетъ безъ войны, отъ одного истощенія: „il tombera sans guerre, par épuisement" [1]).

При этомъ баронъ Брунновъ сообщалъ, что великобританская эскадра не перейдетъ, согласно рѣшенія англійскаго совѣта министровъ, проливовъ, если съ нашей стороны не будетъ произведена какая-либо морская демонстрація [2]).

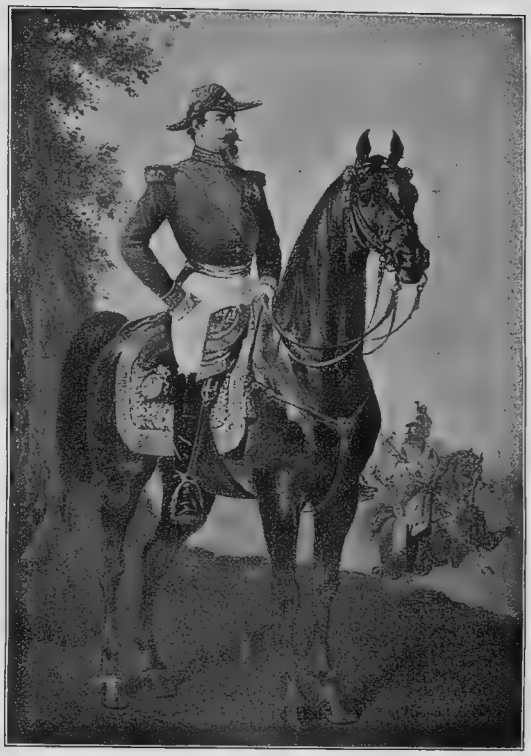
Петербургскій кабинетъ могъ руководствоваться въ отношеніи ознакомленія съ программой предстоящихъ дѣйствій великобританскаго правительства не только донесеніями барона Бруннова, но и непосредственными сообщеніями лондонскаго посла въ Петербургѣ сэра Гамильтона Сеймура, человѣка, который пользовался расположеніемъ Императора Николая и въ своихъ дѣйствіяхъ отличался искренностью и прямотой [3]). Къ сожалѣнію, вышеприведенный совѣтъ, данный барономъ Брунновымъ графу Нессельроде, не придавать особаго значенія рѣшительнымъ заявленіямъ лорда Кларендона, возымѣлъ свое дѣйствіе и въ этомъ случаѣ.

---

[1]) Бар. Брунновъ—канцлеру 24 іюня (6 іюля) 1853 г., № 180. Тамъ же.

[2]) Шифрованная депеша бар. Бруннова 25 іюня (7 іюля) 1853 г., № 190. Тамъ же.

[3]) Впрочемъ, Сеймуръ не пользовался симпатіей въ петербургскомъ обществѣ. Вотъ что записалъ о немъ кн. П. П. Гагаринъ въ своемъ дневникѣ отъ 5 декабря 1853 г.: „Quel „odieux personnage que le ministre d'Angleterre. Je l'ai trouvé et dit à quelques amis dès „son arrivée. Je pense bien qu'à présent personne n'en doute. Lui, malgré sa médiocrité se croit „un génie supérieur comme homme et comme anglais à tout ce qui existe ailleurs". (Собств. Его Величества библіотека).



Императоръ Наполеонъ III.

Сеймуръ сообщилъ графу Нессельроде копію депеши къ нему отъ лорда Кларендона [1]), отправленной тотчасъ по полученіи въ Лондонѣ извѣстія объ отъѣздѣ князя Меншикова изъ Константинополя. Великобританскій кабинетъ опредѣленно формулировалъ въ этомъ документѣ свою точку зрѣнія на возникшій кризисъ и подчеркивалъ его серьезность. Лордъ Кларендонъ, ссылаясь на цѣлый рядъ депешъ и своихъ бесѣдъ съ барономъ Брунновымъ, а также бесѣдъ сэра Сеймура съ графомъ Нессельроде, утверждалъ, что великобританскій кабинетъ былъ до послѣдней минуты увѣренъ, что миссія князя Меншикова исключительно касалась урегулированія вопроса о Святыхъ Мѣстахъ; предполагаемое, такимъ образомъ, обязательство международнаго характера Порты передъ Россіей имѣло въ виду лишь закрѣпленіе фирмановъ, изданныхъ, согласно требованіямъ чрезвычайнаго посла, въ пользу православной церкви именно въ Святыхъ Мѣстахъ. Такъ какъ, кромѣ того, наши, совершенно неожиданныя для англичанъ, требованія подкрѣплялись военными приготовленіями и демонстраціями, то все это вынудило британскій кабинетъ обратиться къ нашему правительству „въ дружественной формѣ“ за разъясненіями. По словамъ лорда Кларендона, „турецкіе министры не могли и не должны „были, изъ уваженія къ достоинству своего государя и къ будущей „безопасности его владѣній, совѣтовать султану согласиться на

[1]) Лордъ Кларендонъ—сэру Сеймуру 31 мая 1853 г., № 81. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, карт. Grande-Bretagne, 1853.

„требованія князя Меншикова; Англія же, съ своей стороны, „считала сохраненіе Турецкой Имперіи европейской необходи-„мостью, а ея паденіе катастрофой, размѣры и послѣдствія ко-„торой предвидѣть невозможно“ [1]).

Сэръ Сеймуръ до такой степени проникся важностью поднятаго вопроса, что, узнавъ изъ разговора съ графомъ Нессельроде о томъ, что „положеніе Императора дѣлаетъ для Его Вели-„чества невозможнымъ всякое отступленіе“ [2]), рѣшился на совершенно необычный шагъ. Онъ написалъ канцлеру письмо, обращенное въ сущности къ Императору Николаю [3]). „Я пишу этотъ „призывъ“, писалъ Сеймуръ, „не какъ дипломатическій агентъ, „а какъ простой частный человѣкъ; онъ обращенъ не къ могу-„щественному Государю, а къ человѣку, несомнѣнно стоящему „выше всѣхъ по тому уваженію, съ которымъ онъ всегда отно-„сился къ требованіямъ чести“.

Письмо, повторяя въ общихъ выраженіяхъ сущность изложенной выше депеши лорда Кларендона, взывало къ чувствамъ справедливости и великодушія Государя; оно выражало надежду, что, руководствуясь этими чувствами, а также принимая во вниманіе убѣжденія великобританскаго правительства, Государь согласится на нѣкоторыя измѣненія въ предполагаемомъ договорѣ съ Портой. Эти измѣненія должны были быть такого рода, чтобы, обезпечивая Императорскому правительству невозможность новыхъ турецкихъ злоупотребленій, они не переходили границъ, которыя Государь положилъ самъ себѣ въ требованіяхъ, предъявленныхъ султану.

Сэръ Сеймуръ ломился собственно въ открытыя двери, такъ какъ лично Императоръ Николай и не представлялъ себѣ, чтобы его требованія нарушали указанныя границы. На сообщенной великобританскимъ посломъ канцлеру депешѣ графа Кларендона отъ 7 іюня 1853 г. [4]), въ которой опять-таки указывалось на противорѣчіе требованій князя Меншикова съ заявленіями нашего правительства, что „единственной цѣлью миссіи князя Меншикова „было разрѣшеніе вопроса о Святыхъ Мѣстахъ, согласно съ до-„стоинствомъ Императора, и полученіе гарантій, предупреждаю-

---

[1]) См. Приложеніе № 10.

[2]) Сеймуръ—Кларендону 31 мая 1853 г. East. pap., t. I, p. 239.

[3]) Сеймуръ—гр. Нессельроде 6 (18) іюня 1853 г. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, карт. Gr.-Bretagne, 1853.

[4]) Гр. Кларендонъ—сэру Сеймуръ 7 іюня 1853 г. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, карт. Gr.-Bretagne, 1853. Депеша эта помѣщена въ East. pap., t. I, p. 230.

„щихъ недоразумѣнія по поводу этого вопроса", Государь начерталъ: „C'est le gouvernement anglais qui le dit lui-même; et bien „nous ne demandons *rien que cela*", при чемъ послѣднія слова были трижды подчеркнуты.

Казалось, что одной этой Высочайшей помѣтки было бы достаточно, чтобы кризисъ пришелъ къ благополучному концу. Однако, на дѣлѣ произошло нѣчто совершенно противоположное. Сэръ Сеймуръ сообщалъ депешей 10 іюня лорду Кларендону [1]), что его новый разговоръ съ канцлеромъ былъ мало удовлетворителенъ. „Я не могу", заявилъ графъ Нессельроде англійскому послу, „совѣтовать Императору уступать: это было бы умале„ніемъ его достоинства". Вмѣстѣ съ этимъ канцлеръ сообщилъ Сеймуру о безповоротномъ рѣшеніи занять нашими войсками Княжества. Великобританскій посолъ отвѣтилъ на это заявленіе, что „несогласія между Россіей и Портой могутъ быть устранены лишь „мирными путями, а не насиліемъ, и вопросъ этотъ можетъ быть „обслѣдованъ совмѣстно всѣми державами, друзьями Россіи и „покровительницами турецкой независимости" [2]).

Несмотря на такія заявленія сэра Гамильтона Сеймуръ, которыя не оставляли сомнѣнія въ ихъ истинномъ смыслѣ и, кромѣ того, были подтверждены циркулярной депешей великобританскаго правительства отъ 13 іюня [3]), графъ Нессельроде продолжалъ твердо отстаивать свою точку зрѣнія. Упомянутая циркулярная депеша сообщала между прочимъ: „Но русскій посолъ (князь „Меншиковъ) потребовалъ, подъ предлогомъ подтвержденія прежнихъ трактатовъ, протектората надъ греческой церковью въ Турціи „не только въ отношеніи религіозномъ, но и въ отношеніи гражданскихъ правъ и привилегій ея членовъ... Удовлетворить требованіямъ князя Меншикова было невозможно, такъ какъ они „противорѣчили суверенным правамъ султана и ограничивали „независимость Порты. Поэтому правительство ея величества „вполнѣ раздѣляетъ мнѣніе, высказанное Портѣ лордомъ Стратфордъ Редклифъ". Въ концѣ циркуляра упоминалось о приближеніи англійскаго флота къ Дарданелламъ.

Сэръ Гамильтотъ Сеймуръ писалъ между тѣмъ лорду Кларендону о своей новой „удручающей" бесѣдѣ съ графомъ

---

[1]) Сеймуръ—Кларендону 10 іюня 1853 г. East. pap., t. I, p. 277.

[2]) Сеймуръ—гр. Нессельроде 14 (26) іюня 1853 г. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, карт. Gr.-Bretagne, 1853.

[3]) East. pap., t. I, p. 264.

Нессельроде [1]). Канцлеръ замѣтилъ, что „ему кажется непонятнымъ, „какъ могутъ державы, заинтересованныя въ судьбѣ Турціи, коле„баться подать ей совѣтъ подчиниться требованіямъ, которыя *ни „въ какомъ случаѣ* [2]) измѣнены быть не могутъ, и когда имъ „извѣстно, что протекторатъ Россіи составляетъ давно ея неотъ„емлемое право". Всѣ, и особенно Россія, заинтересованы въ дальнѣйшемъ существованіи Турціи, говорилъ далѣе графъ Нессельроде, „но вы же ясно видите, что силы Турціи истощаются, и что „довольно одного щелчка Россіи для ея паденія". Турція можетъ существовать только при условіи подчиненія Россіи, поэтому необходимо, чтобы русское вліяніе было могущественно, и петербургскій кабинетъ не можетъ допустить, чтобы оно было поколеблено непринятіемъ Портой предложенныхъ ей условій.

Сеймуръ на этотъ разъ счелъ нужнымъ опредѣленно высказать, что Англія не остановится передъ возможной войной. „Никому", замѣтилъ онъ, „такъ не противна мысль о войнѣ, какъ Англіи, „но въ томъ-то и заключается ея нравственная сила, что никакія „предубѣжденія не въ состояніи остановить ее, разъ ближайшимъ „ея интересамъ угрожаетъ опасность".

Графъ Нессельроде обѣщалъ доложить Государю происшедшій разговоръ.

Слѣдующая бесѣда канцлера съ великобританскимъ посломъ имѣла болѣе дружественный характеръ, несмотря на то, что уже состоялся манифестъ о вступленіи нашихъ войскъ въ предѣлы Дунайскихъ княжествъ. Дѣло въ томъ, что въ это время уже появился и сталъ извѣстенъ въ Петербургѣ французскій планъ примиренія, а, съ другой стороны, занятіе Княжествъ давало нашему кабинету возможность принять этотъ планъ *à deux mains,* какъ выразился графъ Нессельроде въ бесѣдѣ съ Сеймуромъ [3]). Самый планъ могъ почитаться слѣдствіемъ рѣшительной политики нашего правительства, и нельзя отрицать, что въ дѣйствительности такъ и было.

Впрочемъ, великобританскій посолъ въ Петербургѣ уже не вѣрилъ заявленіямъ канцлера и въ отчетѣ о происшедшей бесѣдѣ утверждалъ, что его слова расходятся съ дѣйствіями. Онъ вскорѣ спросилъ канцлера [4]), можно ли вообще послѣ всего происшедшаго

---

[1]) Сеймуръ—Кларендону 17 іюня 1853 г. East. pap., t. I, p. 297.
[2]) Курсивъ подлинника.
[3]) Сеймуръ—Кларендону 28 іюня 1853 г. East. pap., t. I, p. 329.
[4]) Сеймуръ—Кларендону 8 іюля 1853 г. Тамъ же, стр. 359.

продолжать трудиться для сохраненія мира, и на утвердительный отвѣтъ графа Нессельроде предложилъ свой собственный планъ примиренія („système Seymour", по выраженію нашего канцлера).

Императоръ Наполеонъ III.

Сэръ Гамильтонъ Сеймуръ предлагалъ: 1) обнародованіе султаномъ гатти-шерифа, подтверждающаго привилегіи грековъ, въ особенности относительно Святыхъ Мѣстъ, которыя были пріобрѣтены ими давностью или трактатами; 2) объявленіе этого гатти-шерифа Россіи письмомъ султана или великаго визиря, при чемъ письмо это должно быть прислано въ Петербургъ со спеціальнымъ дипломатическимъ агентомъ султана, и 3) официальное сообщеніе Портою копіи гатти-шерифа посольствамъ великихъ державъ въ Константинополѣ. По мнѣнію автора проекта, было бы полезно примирительное предложеніе сдѣлать при посредствѣ Австріи. Съ своей стороны, канцлеръ не считалъ себя въ правѣ высказать свое мнѣніе относительно изложеннаго плана [1]), но полагалъ, что все, исходящее отъ Австріи, будетъ принято съ дружелюбнымъ вниманіемъ.

Мирное настроеніе вновь взяло верхъ, несмотря на то, что, какъ свидѣтельствуютъ депеши лорда Кларендона сэру Сеймуру, лондонскій кабинетъ считалъ тревожнымъ признакомъ рѣшительныя выраженія манифеста о вступленіи нашихъ войскъ въ Придунайскія княжества и опасался какъ бы занятіе этихъ Княжествъ не стало продолжаться слишкомъ долго [2]).

---

[1]) Планъ этотъ былъ одобренъ лордомъ Кларендономъ. Кларендонъ—Сеймуру 19 іюля 1853 г. Тамъ же, стр. 369.

[2]) Брунновъ — гр. Нессельроде 22 іюля (3 августа) 1853 г. Госуд. Арх., Разр. III, д. № 108. Кларендонъ—Сеймуру 22 іюля 1853 г. East. pap., t. I, p. 390.

Центромъ дальнѣйшихъ усилій, направленныхъ къ сохраненію мира, стала Вѣна.

Императоръ Николай несомнѣнно надѣялся на мирный исходъ кризиса и относился, по свойственному ему великодушію, несравненно съ большимъ довѣріемъ къ дѣятельности англійскихъ государственныхъ людей, чѣмъ послѣдніе относились къ политикѣ нашего кабинета. Въ срединѣ іюля въ Константинополѣ ожидались безпорядки, въ виду чего англійскій флотъ предполагалъ высадить десантъ для защиты султана и европейцевъ. Лордъ Абердинъ сообщилъ объ этомъ барону Бруннову, высказывая опасеніе, чтобы высадка войскъ не была сочтена Россіей за враждебную ей демонстрацію [1]). Государю на донесеніи объ этомъ нашего посла въ Лондонѣ угодно было написать: „Non seulement que je „ne m'y oppose pas, mais j'engage *pour ce cas* l'Angleterre et la „France de prendre les mesures nécessaires *en notre nom commun* [2]), „car je ne me considère pas encore en guerre avec la Turquie".

III.

Центръ тяжести политики европейскихъ государствъ, болѣе или менѣе искренно стремившихся къ мирному разрѣшенію кризиса, перешелъ въ Вѣну. Въ Парижѣ и въ Лондонѣ сознавали, что обѣ морскія державы, которыя посылкой своихъ эскадръ въ турецкія воды демонстративно приняли сторону Порты, не могли уже воздѣйствовать на наше правительство въ смыслѣ склоненія его къ извѣстной уступчивости; не могла этого достигнуть и слишкомъ незначительная въ то время по своему международному положенію Пруссія. Оставалась лишь одна Австрія, съ которой Россію связывали узы братства по оружію въ недавней венгерской кампаніи, старыя традиціи общихъ войнъ съ Турціей и общей консервативной политики. Кромѣ того, всѣ знали, что Императоръ Николай относился съ необыкновенной симпатіей къ юному австрійскому Государю, и что узы дружбы, связующія обоихъ монарховъ, принимали, съ одной стороны, характеръ почти отеческой любви, а съ другой, глубокой благодарности за оказанную въ тяжелые годы нравственную и матеріальную поддержку. Нашъ посолъ въ Вѣнѣ баронъ Мейендорфъ былъ шуринъ австрійскаго министра ино-

[1]) Брунновъ—канцлеру 15 (27) іюля 1853 г., № 210. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, карт. Londres, 1853.

[2]) Курсивъ подлинника.

странныхъ дѣлъ графа Буоля, и родственная близость этихъ дипломатовъ давала имъ возможность откровенно касаться самыхъ щекотливыхъ вопросовъ.

Все это заставляло заинтересованныя державы признать необходимость предоставленія вѣнскому кабинету иниціативы въ веденіи дальнѣйшихъ переговоровъ къ благополучному разрѣшенію усложнившагося кризиса.

Еще въ апрѣлѣ 1853 года Государь сообщалъ Императору Францу-Іосифу, что въ его намѣренія не входитъ нанесеніе удара Оттоманской Имперіи.

„Я считаю", писалъ Государь [1]), „ея сохраненіе гораздо болѣе „полезнымъ для обѣихъ нашихъ Имперій, чѣмъ все то, что „могло бы ее замѣнить послѣ паденія. Я думалъ такъ всегда [2]), „и нужно лишь, чтобы мнѣ оставили возможность дѣйствовать „въ этомъ смыслѣ, не подрывая чести и интересовъ Россіи. Но, „если турецкое правительство въ своемъ ослѣпленіи не пойметъ „приводимыхъ доводовъ и не дастъ мнѣ гарантій за будущее, то „я долженъ буду прибѣгнуть къ оружію, несмотря на противо„дѣйствія и препятствія, которыя мнѣ могутъ быть поставлены, „такъ какъ это будетъ моимъ долгомъ. Невозможно въ такомъ „случаѣ опредѣлить исходъ войны для Оттоманской Имперіи, и „если она падетъ по собственной винѣ, то я съ полнымъ довѣ„ріемъ предупрежду тебя о томъ, что усмотрю въ ближайшемъ „будущемъ, и сообща съ тобой мы предпримемъ средства къ пред„упрежденію катастрофы, которую, быть-можетъ, другія державы „желали бы вызвать, но которую съ Божьей помощью мы сумѣемъ „предотвратить, благодаря нашему общему интересу и общности „нашихъ взглядовъ и стремленій" [3]).

Тотчасъ послѣ отъѣзда изъ Константинополя князя Меншикова, временной замѣститель барона Мейендорфа въ Вѣнѣ Фонтонъ имѣлъ съ графомъ Буолемъ очень интересную бесѣду, о которой онъ поспѣшилъ дать подробный отчетъ канцлеру [4]). Австрійскій министръ замѣтилъ, что онъ опасается войны, которая можетъ привести къ паденію Оттоманской Имперіи; Европа же, будучи прежде всего занята борьбой съ революціонными теченіями, не

---

[1]) Собственноручное письмо отъ 9 (21) апрѣля 1853 г. изъ С.-Петербурга. Госуд. Арх.

[2]) Это взглядъ Государя, принятый на особомъ совѣщаніи 1828 г. См. томъ I настоящаго труда.

[3]) Переводъ съ французскаго.

[4]) Фонтонъ—канцлеру 16 (28) мая 1853 г., № 127. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, карт. Vienne, 1853.

подготовлена къ такой катастрофѣ. „Я долженъ“, продолжалъ далѣе графъ Буоль, „дать вамъ почувствовать суть нашей точки „зрѣнія въ двухъ возможныхъ случайностяхъ. Если настоящій „кризисъ приведетъ къ войнѣ, и если можно будетъ основательно „предвидѣть, что эта война приведетъ къ паденію Оттоманской „Имперіи, то наша политика ясна. Нашъ интересъ и симпатіи „повелѣваютъ намъ вступить въ тѣсное соглашеніе съ вами; дѣло „должно быть рѣшено между нами двумя, и мы должны принять „всѣ послѣдствія такого рѣшенія. Но я уже вамъ сказалъ, что „минута для этого не представляется благопріятной, по крайней „мѣрѣ для Австріи. Если вашъ кабинетъ раздѣляетъ послѣднее „мнѣніе и желаетъ сохраненія Оттоманской Имперіи, т.-е. желаетъ „избѣгнуть войны, то не находитъ ли онъ, что соглашеніе пяти „державъ, основанное на договорѣ 1840 года, было бы лучшимъ „средствомъ мирно разрѣшить текущій вопросъ и одновременно „парализовать вліяніе, которое двѣ морскія державы стремятся „оказывать на Турцію“.

Графъ Буоль указывалъ при этомъ на обстоятельства, которыя въ то время связывали руки Австріи, а именно: затрудненія въ Италіи, осложненія въ Швейцаріи и растущее въ этихъ странахъ вліяніе Франціи.

Фонтонъ не ограничился простой передачей этой бесѣды, а снабдилъ ее добавленіями, которыя должны были представить дѣла въ болѣе розовомъ свѣтѣ. Онъ, основываясь на нѣкоторыхъ примѣтахъ (certains indices), утверждалъ, что Императоръ Францъ-Іосифъ не вполнѣ раздѣляетъ мнѣніе своего министра, что военная партія признаетъ желательнымъ и вполнѣ естественнымъ дѣйствіе съ нами въ случаѣ войны рука объ руку, и, наконецъ, что Императоръ Францъ-Іосифъ рѣшилъ тотчасъ по полученіи извѣстія о разрывѣ въ Константинополѣ лично инспектировать войска въ Венгріи и Трансильваніи на случай могущихъ возникнуть осложненій.

Въ Петербургѣ это послѣднее извѣстіе не произвело благопріятнаго впечатлѣнія, такъ какъ съ нашей точки зрѣнія грядущія событія не могли предоставить никакихъ активныхъ задачъ австрійскимъ войскамъ, расположеннымъ въ названныхъ областяхъ. Союзъ и отношенія доброй дружбы, существовавшіе между Россіей и Австріей, могли скорѣе давать намъ поводъ къ предположенію, что, въ случаѣ дѣятельнаго содѣйствія этой державы, ея войска вступятъ, вслѣдъ за занятіемъ нами Молдавіи и Валахіи, въ

сѣверо-западныя области Оттоманской Имперіи, т.-е. въ Сербію и Герцоговину.

Государь въ письмѣ отъ 18 (30) мая заявилъ Императору Францу-Іосифу, что онъ будетъ вынужденъ, не стремясь къ завоеваніямъ, занять Придунайскія княжества въ видѣ залога, который обезпечилъ бы исполненіе Портой нашихъ законныхъ требованій. „Я желалъ бы", говорится далѣе въ письмѣ, „чтобы „въ то время, когда я займу „Княжества, ты сдѣлалъ бы то же „въ отношеніи Герцоговины и „Сербіи, и это до тѣхъ поръ, пока „не будутъ удовлетворены наши „справедливыя требованія" [1]).

Императоръ Наполеонъ III (аллегорическое изображеніе).

Ближайшіе переговоры съ австрійскимъ правительствомъ по вопросу о совмѣстномъ давленіи на Порту были поручены нашему послу барону Мейендорфу, который въ маѣ возвратился къ своему посту въ Вѣну. Въ первый же день своего пріѣзда, 25 числа, баронъ представился Императору Францу-Іосифу. Темой бесѣды въ продолжительной аудіенціи былъ меморандумъ, составленный барономъ Мейендорфомъ [2]). Содержаніе документа сводилось къ нашему обращенію къ Австріи за содѣйствіемъ, такъ какъ Россія имѣла всѣ права разсчитывать на дружбу этой державы.

Краткій трудъ барона Мейендорфа отличался прямотой и ясностью, столь характерными для дипломатическихъ актовъ, составленныхъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ Императора Николая. Записка нашего посла, исходя изъ увѣренности, что Австрія не замедлитъ поддержать наши требованія, предлагала вѣнскому кабинету, во-первыхъ, оказать дружественное содѣйствіе въ Константинополѣ, направивъ Оттоманскую Порту на путь подчиненія

---

[1]) Императоръ Николай—Императору Францу-Іосифу 18 (30) мая 1853 г. Госуд. Арх.
[2]) См. Приложеніе № 11.

послѣднимъ требованіямъ князя Меншикова и давъ ей при этомъ понять, что въ случаѣ отказа Австрія будетъ заодно съ нами; во-вторыхъ, занять, если бы это не подѣйствовало, Герцоговину и Сербію одновременно со вступленіемъ нашихъ войскъ въ Придунайскія княжества.

Баронъ Мейендорфъ вручилъ записку своему августѣйшему собесѣднику вмѣстѣ съ собственноручнымъ письмомъ Императора Николая. Австрійскій монархъ, видимо, былъ тронутъ дружескимъ къ нему обращеніемъ Государя, но особенно явственно появилось у него на лицѣ выраженіе радости тогда, когда нашъ посолъ заявилъ, что занятіе Княжествъ не означаетъ еще войны, и что Императоръ Николай не желаетъ расширенія территоріи своей Имперіи. Францъ-Іосифъ подчеркнулъ при этомъ, что, хотя онъ и раздѣляетъ мнѣніе о непрочности Турціи и полагаетъ, что въ другое время политика, предупреждающая событія, была бы даже хорошей политикой, но думаетъ, что она несвоевременна, въ виду революціонныхъ движеній въ самой Европѣ, съ которыми прежде всего нужно бороться.

Предложеніе занять Герцоговину и Сербію было отклонено Австрійскимъ Императоромъ, замѣтившимъ, что онъ не могъ бы оправдать такого дѣйствія передъ Европой; кромѣ того, занятіе это могло бы дать Людовику-Наполеону поводъ къ нападеніямъ въ Бельгіи или въ Италіи и вообще вызвать всеобщую войну.

Далѣе разговоръ перешелъ на возможность мирнаго уложенія конфликта, и общее впечатлѣніе отъ этого разговора баронъ Мейендорфъ выразилъ въ слѣдующихъ заключительныхъ словахъ своего донесенія: „Императоръ Францъ-Іосифъ, хотя и обезпокоенъ „опасностями, которымъ подвергается миръ Европы, но остается „твердымъ и питаетъ столь полное довѣріе къ мудрости и поли„тикѣ нашего Августѣйшаго Повелителя, что считаетъ ее лучшимъ „оплотомъ противъ опасностей. Онъ искренно будетъ поддержи„вать виды и требованія нашего кабинета, не принимая, однако, „нынѣ никакихъ по отношенію къ намъ обязательствъ, которыя „скорѣе могли бы вызвать общій кризисъ, чѣмъ его предотвратить“ [1]).

Одновременно съ этимъ графъ Нессельроде получилъ донесеніе Фонтона, сообщавшаго о стараніяхъ Франціи отдѣлить отъ насъ Австрію, которая противилась этому. Фонтонъ успокаивалъ

---

[1]) Бар. Мейендорфъ—канцлеру 26 мая (7 іюня) 1853 г., № 135. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, карт. Vienne, 1853.

канцлера, говоря, что, хотя вѣнскій кабинетъ очень встревоженъ послѣдствіями кризиса, но все-таки не перейдетъ границъ выжидательной и нейтральной политики [1]).

Оба наши дипломата опредѣляли приблизительно вѣрно положеніе дѣлъ въ Вѣнѣ. Они не указывали лишь на то, что вѣнское правительство не могло, независимо отъ заботъ, касавшихся охраненія австрійскихъ владѣній въ Италіи и внутренняго броженія умовъ въ монархіи, благопріятно смотрѣть на возможность расширенія и укрѣпленія нашего вліянія на ближнемъ Востокѣ. Въ Вѣнѣ, несмотря на узы дружбы, связывавшія Государей обѣихъ державъ, несмотря на рыцарскую помощь, оказанную Императоромъ Николаемъ юному австрійскому монарху въ тяжелую годину венгерскаго возстанія, не скрывали своего безпокойства по поводу успѣховъ нашей политики въ Константинополѣ. Графъ Буоль на вопросъ французскаго посла о томъ, какой политики намѣрена придерживаться Австрія, въ виду наступающаго кризиса, отвѣчалъ: „Взгляните на географическую карту — наша политика „тамъ изображена въ точности".

Однако, прежде всего вѣнскій кабинетъ заботился о томъ, чтобы, по возможности, избѣжать необходимости крайнихъ рѣшеній, затянуть кризисъ и привести его къ мирному окончанію. Окруженная опасностями Австрія руководствовалась афоризмомъ: „самый худшій миръ лучше войны", и ея дипломатія дѣятельно принялась способствовать мирному разрѣшенію конфликта. Она знакомила наше правительство со всѣмъ тѣмъ, что ею предпринималось въ Константинополѣ.

Уже 2 іюня (20 мая) графъ Буоль сообщалъ австрійскому представителю въ Петербургѣ [2]), что было бы крайне желательно найти способъ удовлетворенія требованіямъ Россіи; эта задача, по мнѣнію графа Буоля, могла быть достигнута, такъ какъ Порта возражала не противъ сущности требованій князя Меншикова, а противъ формы удовлетворенія, т.-е. противъ сенеда или другого договора, имѣвшаго характеръ международнаго трактата, который ограничивалъ, по мнѣнію дивана, державныя права султана.

Удовлетвореніе требованіямъ князя Меншикова можно было бы поэтому облечь въ форму фирмана, который могъ бы быть

---

[1]) Фонтонъ—канцлеру 23 мая (5 іюня) 1853 г., № 132. Тамъ же.

[2]) Гр. Буоль—бар. Лепцельтеру 2 іюня 1853 г. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, карт. Autriche, 1853.

сообщенъ русскому правительству при нотѣ, заключавшей торжественное обѣщаніе уважать содержаніе этого документа. Для передачи ноты въ Петербургъ должно было отправиться особое посольство, а остальнымъ кабинетамъ она сообщалась для свѣдѣнія.

Австрійскій проектъ не встрѣтилъ сочувствія Императора Николая. Государь помѣтилъ на немъ: „Non: l'acceptation pure et „simple de ce que nous avons demandé, ou bien j'entre dans les „Principautés. Si le Sultan signe l'acte demandé, libre alors à lui „d'envoyer un ambassadeur, *mais après avoir signé et remis l'acte*" [1]).

Почти одновременно баронъ Мейендорфъ сообщалъ канцлеру [2]), что, хотя военная партія въ Вѣнѣ, съ генералами Гессомъ и Грюномъ во главѣ, явно сочувствуетъ Россіи, и хотя самъ Императоръ Францъ-Іосифъ исполненъ лучшихъ чувствъ къ своему могущественному другу, тѣмъ не менѣе въ Вѣнѣ повсюду и даже въ придворныхъ кругахъ смотрятъ на кризисъ съ точки зрѣнія отличной отъ петербургской („on considère la marche de „nos négociations à Constantinople autrement qu'on ne les envisage „chez nous"). Баронъ Мейендорфъ рѣшился даже подъ впечатлѣніемъ окружавшей обстановки высказать канцлеру свое мнѣніе, что слѣдовало бы не настаивать на принятіи Портой требованій князя Меншикова во всей точности съ формальной стороны. „Мы хотимъ „*обязательства*" [3]), писалъ баронъ Мейендорфъ, „и обязательство „будетъ существовать, если Порта намъ заявитъ, что она желаетъ „сохранить права православной церкви. Если она не хочетъ поль„зоваться точными словами князя Меншикова и предлагаетъ намъ „равноцѣнныя, но менѣе оскорбляющія ея щепетильность, то я „думаю, что мы могли бы согласиться и дать исходъ оттоманскому „самолюбію и упорству турецкихъ вдохновителей".

Баронъ Мейендорфъ продолжалъ, несмотря на расхолаживающее настроеніе Вѣны, вѣрить, что, если дѣло дойдетъ до крайности, т.-е. вспыхнетъ европейская война, то Австрія окажется въ одномъ вооруженномъ станѣ съ Россіей. Таковъ, по крайней мѣрѣ, заключительный выводъ его записки о положеніи Австріи [4]), записки нѣсколько непослѣдовательной, если ее сопо-

---

[1]) Курсивъ подлинника.

[2]) Шифрованная депеша бар. Мейендорфа—канцлеру 4 (16) іюня 1853 г., № 149, и частн. письма его къ нему же отъ 4 (16) и 10 (22) іюня 1853 г. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, карт. Vienne, 1853.

[3]) Курсивъ подлинника.

[4]) См. Приложеніе № 12.

ставить въ особенности съ его частнымъ письмомъ канцлеру о разговорѣ съ графомъ Буолемъ.

Императрица Евгенія.

Вотъ что сказалъ нашему послу руководитель австрійской иностранной политики: „Я, по совѣсти, „могу васъ увѣрить, что для „насъ наиболѣе удобной и „единственной политикой, „которой я хотѣлъ бы слѣ„довать, было бы согласіе „съ Россіей по всякому „вопросу — одна политика „для двухъ. Но, откро„венно говоря, развѣ вы „также дѣйствуете относи„тельно насъ. Вы прини„маете ваши рѣшенія въ „Петербургѣ, вы приво„дите ихъ въ исполненіе, „и когда они появляются „въ свѣтѣ дня, то наша „роль сводится къ тому, чтобы поддерживать ихъ и содѣйство„вать одобренію ихъ другими раньше, чѣмъ мы сами могли ихъ „одобрить“ [1]).

Изъ переписки между великобританскимъ посломъ въ Вѣнѣ графомъ Вестморландомъ и лордомъ Кларендономъ [2]) видно, что австрійскій министръ осуждалъ способъ дѣйствій князя Меншикова въ Константинополѣ и считалъ нашу политику ошибочной и крайне опасной. По мнѣнію упомянутыхъ англійскихъ дипломатовъ, роль вѣнскаго кабинета состояла единственно въ томъ, чтобы склонить наше правительство сойти съ избраннаго имъ пути и привести возникшія недоразумѣнія къ мирному разрѣшенію. Графъ Вестморландъ въ своихъ депешахъ неоднократно

---

[1]) Частное письмо бар. Мейендорфа—гр. Нессельроде 18 (30) іюня 1853 г. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, карт. Vienne, 1853.

[2]) East. pap., t. I, p. 321.

подчеркивалъ единомыслiе австрiйскаго кабинета съ лондонскимъ и парижскимъ во взглядахъ на сущность русско-турецкаго конфликта, которому на Западѣ придавался характеръ русско-европейскаго.

Роль, возложенная на Австрiю, облегчалась исключительно близкими и сердечными отношенiями петербургскаго и вѣнскаго дворовъ, которыя подчеркивались какъ личной связью монарховъ, такъ и цѣлымъ рядомъ случаевъ, подававшихъ къ этому поводъ [1]).

Графъ Буоль для достиженiя мирнаго соглашенiя продолжалъ работать и въ Константинополѣ и въ Петербургѣ. Австрiйскому послу при Блистательной Портѣ барону Бруку онъ рекомендовалъ предложить великому визирю вновь сравнить ноту, предъявленную княземъ Меншиковымъ, съ первоначальнымъ турецкимъ проектомъ, внести въ послѣднiй нѣкоторыя измѣненiя и сообщить объ этомъ въ Вѣну [2]). Въ письмѣ же къ барону Лебцельтнеру въ Петербургъ онъ подчеркивалъ, что Россiя уже одержала нѣкоторые дипломатическiе успѣхи [3]), и отправленiе султаномъ чрезвычайнаго торжественнаго посольства въ Петербургъ съ изъявленiемъ дружбы было бы достаточнымъ удовлетвореniемъ за отклоненiе нашихъ требованiй въ формѣ, предъявленной княземъ Меншиковымъ. Передъ вступленiемъ нашихъ войскъ въ Княжества графъ Буоль предостерегалъ петербургскiй кабинетъ, что послѣдствiемъ такого факта будетъ раздраженiе Францiи и Англiи и обостренiе отношенiй, которое можетъ угрожать всеобщему миру [4]).

Въ слѣдующей депешѣ австрiйскому послу въ Петербургѣ графъ Буоль замѣчалъ, что манифестъ 14 (26) iюня о вступленiи нашихъ войскъ въ Княжества произвелъ тяжелое впечатлѣнiе на Австрiйскаго Императора. Онъ находилъ, что дальнѣйшiя усилiя вѣнскаго кабинета къ мирному уложенiю кризиса теряютъ всякiй шансъ на успѣхъ, если петербургскiй кабинетъ не окажетъ имъ содѣйствiя [5]). Манифестъ, обращаясь къ религiознымъ чувствамъ

---

[1]) Императоръ Францъ-Iосифъ во время инспекцiи своихъ войскъ въ Ольмюцѣ въ сентябрѣ 1853 г., т.-е. уже послѣ ряда неудачъ въ попыткахъ примиренiя, запретилъ въ теченiе первыхъ восьми дней присутствовать тамъ иностраннымъ военнымъ агентамъ. Исключенiе было сдѣлано лишь для русскаго представителя гр. Штакельберга, такъ какъ Императоръ заявилъ, что на него не смотритъ, какъ на иностранца. (Гр. Штакельбергъ, военн. мин. 2 (14) сентября 1853 г. Арх. Канц. Военн. Мин., 1853 г., с. д. № 16).

[2]) Гр. Буоль—бар. Бруку 22 iюня 1853 г. East. pap., t. I, pp. 334 и 335.

[3]) Удаленiе Фуада-паши и фирманы о Святыхъ Мѣстахъ.

[4]) Гр. Буоль—бар. Лебцельтнеру 30 (18) iюня 1853 г. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, карт. Autriche, 1853.

[5]) См. Приложенiе № 13.

русскаго народа, возбуждалъ, по словамъ графа Буоля, опасенія: отвѣтомъ Порты могъ быть взрывъ мусульманскаго фанатизма [1]). „Намъ невозможно", писалъ графъ Буоль, „отождествлять нашу „точку зрѣнія съ русской. Вопросъ о Святыхъ Мѣстахъ былъ „разрѣшенъ въ полное удовлетвореніе Россіи, и ей ничего не „оставалось требовать, кромѣ гарантіи на будущее время... Было „бы въ интересахъ мира, если бы петербургскій кабинетъ далъ „разъясненія, способныя успокоить Европу относительно его дѣй-„ствительныхъ намѣреній".

Въ это время въ Вѣнѣ совѣщались уже совмѣстно съ графомъ Буолемъ представители Франціи, Англіи и Пруссіи о проектахъ соглашенія турецкой щепетильности съ удовлетвореніемъ русскихъ требованій, поддержанныхъ оккупаціей Придунайскихъ княжествъ.

Первоначальный проектъ принадлежалъ французскому послу въ Вѣнѣ барону Буркенею. Онъ предлагалъ, чтобы Порта приняла ноту князя Меншикова или другую, тождественную ей, и отправила ее съ чрезвычайнымъ посломъ въ Петербургъ; взамѣнъ же она должна была получить отъ нашего кабинета увѣреніе, которое могло бы успокоить ее относительно значенія и смысла потребованныхъ у нея гарантій. Вслѣдъ за этимъ появились проекты лорда Редклифа о протекторатѣ четырехъ великихъ державъ надъ Придунайскими княжествами и объ общемъ протекторатѣ пяти державъ (тѣхъ же и Россіи) надъ христіанскими подданными Турціи. Эти проекты были рѣшительно отклонены нашимъ правительствомъ, потому что, „соединяя насъ съ дру-„гими державами, они отнимали законную часть нашего незави-„симаго вліянія, которое неприкосновенно сохранялось до того „времени" [2]).

Существовалъ еще проектъ лорда Абердина, который представлялъ то важное для насъ условіе пріемлимости, что имѣлъ форму „конвенціи", т.-е. международнаго договора, гарантирующаго передъ нашимъ кабинетомъ обязательства Турціи по отношенію къ правамъ и привилегіямъ православной церкви. Съ своей

[1]) Изъ дневника кн. П. П. Гагарина: „18 іюня 1853 г. Ce manifeste écrit par deux „volontés différentes. L'une qui veut le maintien de la dignité, l'autre qui rassure l'Europe et „dit: je veux la paix qui annonce une invasion et assure que même après il ne dénonce pas la „guerre, est-il de la nature à produire de l'enthousiasme?" Собств. Его Величества библіотека, шк. 115, к. 15.

[2]) Изъ всеподданнѣйшаго отчета гр. Нессельроде за 1853 г. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ.

стороны, французское правительство выработало проектъ ноты, которую должно было привезти въ Петербургъ чрезвычайное турецкое посольство. Когда же нашъ кабинетъ отклонилъ французское предложеніе, ссылаясь на необходимость обождать результатовъ австрійскаго вліянія на Порту, то тюйлерійская дипломатія занялась новой редакціей проекта лорда Абердина, выработавъ новое, весьма неопредѣленное и направленное къ ослабленію значенія Кучукъ-Кайнарджійскаго трактата предложеніе. Наконецъ, выше было упомянуто о „протоколѣ“ или „конвенціи“, предложенныхъ графомъ Нессельроде и отправленныхъ барону Бруннову для сообщенія англійскому правительству.

Баронъ Мейендорфъ участія въ совѣщаніи дипломатовъ въ Вѣнѣ не принималъ. На вопросъ Императора Франца-Іосифа о причинахъ такого воздержанія нашъ посолъ „съ полной откро-„венностью“, отвѣтилъ [1]), что Россія издавна „держалась начала „сама разрѣшать свои недоразумѣнія съ Турціей, что Государь „могъ бы, въ виду тѣснаго союза двухъ Имперій, соединиться „въ этомъ дѣлѣ съ Австріей, но одинъ призракъ соглашенія съ „Европой для разрѣшенія настоящаго недоразумѣнія могъ бы быть „ему неудобенъ“.

Въ нашихъ глазахъ, говорилъ далѣе Мейендорфъ Императору, положеніе, занятое Австріей, существенно отличается отъ положенія Франціи и Англіи, такъ какъ мы знаемъ, что Австрія никогда не вступитъ съ ними въ союзъ противъ насъ.

„Конечно, никогда!“ прервалъ Императоръ Францъ-Іосифъ и уполномочилъ барона Мейендорфа передать это формальное увѣреніе Императору Николаю.

Воздерживаясь отъ участія въ совѣщаніяхъ представителей четырехъ державъ, баронъ Мейендорфъ, однако, часто бесѣдовалъ съ графомъ Буолемъ и внимательно слѣдилъ за ходомъ дѣлъ, принимавшихъ, казалось, благопріятное для мира направленіе.

Графъ Нессельроде отправилъ еще до занятія нами Княжествъ письмо Решиду-пашѣ, въ которомъ предлагалъ подписать „безъ „всякихъ измѣненій“ послѣдній проектъ ноты князя Меншикова и угрожалъ въ случаѣ отказа оккупаціей Молдавіи и Валахіи. Эта угроза повлекла со стороны Франціи и Англіи военную демонстрацію въ видѣ отправки соединенныхъ эскадръ въ бухту

---

[1]) Депеша бар. Мейендорфа — канцлеру 16 (28) іюля 1853 г., № 194. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, карт. Vienne, 1853.

Безика, у входа въ Дарданеллы. Такой вызывающій поступокъ западныхъ державъ сдѣлалъ невозможной отсрочку предполагаемаго занятія нашими войсками Княжествъ и укрѣпилъ у Порты сознаніе поддержки ея Франціей и Англіей.

Графъ Буоль сообщалъ барону Лебцельтнеру [1]), что баронъ Брукъ надѣялся уже получить отъ Решида-паши согласіе на подписаніе ноты, почти тождественной съ предложенной княземъ Меншиковымъ, но извѣстіе о вступленіи нашихъ войскъ въ Придунайскія княжества измѣнило положеніе дѣлъ въ Константинополѣ и поколебало довѣріе къ Решиду-пашѣ [2]).

Австрійскій министръ переслалъ графу Нессельроде отвѣтное письмо Решида. Оно было полно увѣреній въ уваженіи и дружбѣ султана къ Государю и ссылалось, въ доказательство какъ этихъ чувствъ, такъ и благорасположенія Абдулъ-Меджида къ своимъ православнымъ подданнымъ, на фирманъ, который былъ изданъ послѣ отъѣзда князя Меншикова на имя константинопольскаго патріарха. Фирманъ этотъ былъ составленъ въ выраженіяхъ, противъ которыхъ заранѣе протестовалъ нашъ чрезвычайный посолъ, а именно онъ объяснялъ „дѣйствительную невозможность“ для Порты согласиться на подписаніе „обязательства, которое нельзя „согласовать съ ея независимостью и съ ея державными правами“.

Впрочемъ, въ концѣ письма предлагалось принять въ Петербургѣ чрезвычайнаго турецкаго посла, который могъ бы возобновить переговоры и заключить соглашеніе, „удовлетворяющее „Государя и соотвѣтствующее достоинству Порты“.

Решидъ-паша облекъ предполагаемое соглашеніе въ форму ноты, которая, однако, не удовлетворяла, по мнѣнію графа Буоля, условіямъ, поставленнымъ петербургскимъ кабинетомъ.

Въ виду такого положенія вещей, австрійское правительство рѣшилось предложить на одобреніе Россіи проектъ ноты, выработанный въ Вѣнѣ, и поручить своему представителю въ Константинополѣ приложить всѣ усилія принудить Порту подписать эту ноту. Императоръ Францъ-Іосифъ для приданія бо̀льшаго вѣса дѣйствіямъ Брука отправилъ султану собственноручное письмо, въ которомъ указывалъ на громадное значеніе рѣшенія оттоманскаго правительства.

---

[1]) Гр. Буоль — бар. Лебцельтнеру 5 августа 1853 г. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, карт. Autriche, 1853.

[2]) См. Приложеніе № 14.

Графъ Буоль запросилъ петербургскій кабинетъ, расположенъ ли онъ принять проектъ ноты, какъ окончательное рѣшеніе, и можетъ ли Порта разсчитывать на эвакуацію Княжествъ съ момента возобновленія дипломатическихъ сношеній. Австрійскій министръ добавлялъ при этомъ, что Императоръ Николай, начавъ эвакуацію одновременно съ отъѣздомъ изъ Константинополя чрезвычайнаго турецкаго посла съ нотой, совершилъ бы поступокъ, благородство котораго было бы надлежащимъ образомъ оцѣнено Портой и Европой. Государь сдѣлалъ слѣдующія помѣтки на этихъ мѣстахъ депеши графа Буоля: 1) „Je trouve „la question sotte et fort déplacée, car c'est douter de mon honneur „en osant me faire une question semblable, tandis que la chose „devait s'entendre d'elle-même; 2) mes troupes ne quitteront les „Principautés que lorsque l'ambassadeur sera arrivé et se sera acquitté „de son message d'une façon satisfaisante".

Выработанная въ Вѣнѣ представителями четырехъ державъ нота, которую предполагалось предложить Портѣ принять безъ всякихъ измѣненій и отправить съ чрезвычайнымъ посольствомъ въ Петербургъ, была изложена въ слѣдующей редакціи [1]):

„Его Величество султанъ въ самомъ сердечномъ желаніи „возобновить между собой и Его Величествомъ Императоромъ „Всероссійскимъ отношенія добрососѣдства и полнаго согласія, „которыя были, къ несчастью, испорчены недавними и тяжелыми „осложненіями, пріялъ серьезную задачу изыскать средства къ „уничтоженію слѣдовъ сего разногласія. Блистательная Порта, „узнавъ о такомъ императорскомъ рѣшеніи изъ верховнаго ираде „отъ..., поздравляетъ себя съ возможностью сообщить его графу „Нессельроде.

„Если во всѣ времена Императоры Россіи проявляли свою „дѣятельную заботливость о сохраненіи правъ и привилегій право„славной греческой церкви въ Оттоманской Имперіи, то султаны „не отказывались никогда освящать ихъ торжественными актами, „свидѣтельствующими объ ихъ древнемъ и постоянномъ благо„желательствѣ по отношенію къ ихъ христіанскимъ подданнымъ. „Нынѣ царствующій Его Величество Султанъ Абдулъ-Меджидъ, „воодушевленный тѣмъ же расположеніемъ и желая дать Его „Величеству Императору Россіи личное свидѣтельство своей ис„кренней дружбы, руководствуется лишь своимъ безграничнымъ

[1]) См. Приложеніе № 15.

„довѣріемъ къ выдающимся достоинствамъ сво-„его Августѣйшаго друга „и союзника и изволилъ „удѣлить серьезное внима-„ніе представленіямъ, сдѣ-„ланнымъ княземъ Мен-„шиковымъ Блистательной „Портѣ.

„Вслѣдствіе этого ниже-„подписавшійся получилъ „приказаніе объявить ниже-„слѣдующимъ, что прави-„тельство Его Величества „султана останется вѣр-„нымъ буквѣ и духу по-„ложеній Кучукъ-Кайнар-„джійскаго и Адріанополь-„скаго трактатовъ, ко-„торыя касаются покро-„вительства христіанскаго „культа, и которыя Его „Величество считаетъ дол-„гомъ своей чести соблю-„дать навсегда; охранять „отъ всякаго ущерба, будь „то нынѣ, будь въ будущемъ, пользованіе религіозными привиле-„гіями, предоставленными августѣйшими предками Его Вели-„чества восточной православной церкви и подтвержденными имъ „самимъ и, кромѣ того, дать, въ духѣ высокой справедливости, „греческому исповѣданію участіе въ преимуществахъ, предо-„ставленныхъ другимъ христіанскимъ исповѣданіямъ особыми „конвенціями или распоряженіями. Наконецъ, такъ какъ импе-„раторскій фирманъ, только-что данный греческому патріарху „и духовенству, заключаетъ подтвержденіе ихъ религіозныхъ при-„вилегій и долженъ быть разсматриваемъ, какъ новое доказатель-„ство благородныхъ чувствъ султана, и такъ какъ объявленіе этого „фирмана должно навсегда разсѣять всякое опасеніе по отношенію „къ обряду, являющемуся исповѣданіемъ Его Величества Импера-„тора Россіи, то я счастливъ возложенной на меня обязанностью

Королева Викторія.

„сдѣлать настоящее заявленіе. Что касается гарантіи относительно „того, что въ будущемъ ничто не будетъ измѣнено въ Святыхъ „Мѣстахъ въ Іерусалимѣ, то она вытекаетъ изъ фирмана, облечен„наго гатти-гамазономъ 15 луны Реби-уль-Ахиръ 1268 (февраль „1852 года), изъясненнаго и развитаго фирманами отъ ..... и „формальнаго намѣренія Его Величества султана въ приведеніи „въ исполненіе его верховныхъ рѣшеній.

„Блистательная Порта официально обѣщаетъ, кромѣ того, что „никакое измѣненіе въ нынѣ установленномъ положеніи не будетъ „сдѣлано безъ предварительнаго соглашенія съ русскимъ и фран„цузскимъ правительствами и съ ущербомъ для различныхъ хри„стіанскихъ общинъ.

„Въ Іерусалимѣ или въ его окрестностяхъ будетъ предоста„влено на случай требованія Россійскимъ Императорскимъ Дворомъ „соотвѣтствующее мѣсто для постройки церкви, предназначенной „для отправленія богослуженія русскимъ духовенствомъ и для „пріюта бѣдныхъ и больныхъ паломниковъ этой націи.

„Блистательная Порта обязуется нынѣ же подписать торже„ственный актъ, ставящій эти благотворительныя учрежденія подъ „особый надзоръ русскаго генеральнаго консульства въ Сиріи и „Палестинѣ".

Проектъ вѣнской ноты встрѣтилъ въ Петербургѣ благопріятный пріемъ. „Хотя", писалъ графъ Нессельроде барону Мейендорфу [1]), „проектъ не вполнѣ отвѣчаетъ послѣднимъ столь „умѣреннымъ требованіямъ князя Меншикова, но онъ имѣетъ „достоинство соглашенія, заключеннаго по иниціативѣ дружествен„наго двора, разсмотрѣннаго совмѣстно съ вошедшими въ дѣло „представителями трехъ другихъ державъ и единогласно признан„наго ими, какъ долженствующій быть принятымъ Портой и „переданнымъ въ Петербургъ путемъ чрезвычайнаго посольства". Однако, канцлеръ предупреждалъ, что петербургскій кабинетъ, принимая проектъ, не сочтетъ себя связаннымъ даннымъ согласіемъ въ томъ случаѣ, если бы оттоманское правительство отвергло вѣнскую ноту.

Казалось, что кризисъ близился къ мирному исходу. Западныя державы заботились уже о томъ, какъ обставить оставленіе ихъ эскадрами турецкихъ водъ въ связи съ выступленіемъ нашихъ войскъ изъ оккупированныхъ Княжествъ. Онѣ обратились къ

---

[1]) См. Приложеніе № 16.

содѣйствію вѣнскаго кабинета, и графъ Буоль составилъ совмѣстно съ барономъ Мейендорфомъ проектъ слѣдующаго сообщенія [1]):

„Вѣнскій кабинетъ обязуется получить отъ морскихъ дер„жавъ (Франціи и Англіи) приказъ объ удаленіи ихъ эскадръ изъ „Безикской бухты, взамѣнъ даннаго этимъ державамъ увѣренія, „что Его Величество Государь Императоръ лишь ожидаетъ при„бытія въ Петербургъ турецкаго посла съ составленной въ Вѣнѣ „нотой, безъ ея измѣненія, чтобы своимъ войскамъ дать приказъ „очистить Княжества".

Императоръ Николай нашелъ, что подобнаго рода сообщеніе, вызванное сомнѣніями западныхъ кабинетовъ, было бы совершенно излишне. На депешѣ барона Мейендорфа Государь помѣтилъ: „Le „doute est une injure. Cette forme d'engagement que Buol veut „nous extorquer est un tour à la Metternich. Ce qui s'entend de „soi-même doit suffire. Si les anglais et les français doutent, ils n'ont „qu'à en pâtir".

Надежды, связанныя съ вѣнскимъ проектомъ ноты, вскорѣ разсѣялись, такъ какъ въ Константинополѣ встрѣтились неожиданныя препятствія. Австрійскій посолъ передалъ ее Решиду-пашѣ, заявивъ, что она одобрена въ Вѣнѣ представителями четырехъ державъ и принята Россіей [2]). Но въ Константинополѣ одобреніе нотѣ не было единодушно. Баронъ Мейендорфъ сообщалъ изъ австрійскихъ источниковъ [3]), что содѣйствіе Бруку со стороны французскаго посла Лакура было искреннее и сердечное (coopération franche et cordiale), но что лордъ Редклифъ отказался слѣдовать инструкціямъ своего кабинета. Тѣмъ не менѣе баронъ Мейендорфъ полагалъ, что, если нашъ кабинетъ проявитъ уступчивость, то общественное мнѣніе Европы перемѣнится, и вся она будетъ намъ кричать „ура" („—чтобы посмѣяться надъ нами", помѣтилъ на поляхъ Государь), эскадры и, что важнѣе, Редклифъ будутъ удалены, и настанетъ столь глубокій миръ, что намъ не придется содержать арміи на турецкой границѣ, въ виду возможной черезъ каждыя десять лѣтъ войны („никогда, добрый „Мейендорфъ", помѣтилъ Императоръ Николай).

---

[1]) Бар. Мейендорфъ—канцлеру 27 іюля (8 августа) 1853 г., № 206. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, карт. Vienne, 1853.

[2]) См. Приложеніе № 17.

[3]) Частное письмо бар. Мейендорфа—гр. Нессельроде 20 августа (1 сентября) 1853 г. Тамъ же.

Вскорѣ послѣ полученія въ Петербургѣ такихъ оптимистическихъ разсужденій барона Мейендорфа австрійскій посолъ баронъ Лебцельтнеръ сообщилъ графу Нессельроде [1]) турецкія предложенія, измѣнявшія редакцію вѣнской ноты [2]). Несмотря на свою внѣшнюю безобидность, эти измѣненія были существенны. Вмѣсто перваго абзаца вышеприведеннаго текста ноты, оттоманское правительство предлагало слѣдующую фразу:

„Если во всѣ времена Императоры Россіи свидѣтельствовали „о своей дѣятельной заботливости о культѣ греческой право-„славной церкви, то султаны никогда не переставали охранять „права и привилегіи, которыя они даровали въ разное время „этому культу и этой церкви въ Оттоманской Имперіи, и не пере-„ставали освящать ихъ новыми торжественными актами, свидѣ-„тельствующими“ и т. д.

Второй абзацъ Порта предполагала измѣнить такъ, чтобы, вмѣсто указанія на права Россіи, вытекающія изъ договоровъ Кучукъ-Кайнарджійскаго и Адріанопольскаго, явилось нѣчто неопредѣленное. Въ турецкой редакціи эта часть ноты выражала, что „сул-„танъ останется вѣрнымъ постановленіямъ договоровъ Кучукъ-Кай-„нарджійскаго, подтвержденнаго Адріанопольскимъ, которыя ка-„саются попеченій Блистательной Порты о христіанской религіи“....

Послѣднее измѣненіе исключало фразу о „признанныхъ“ конвенціями или особыми распоряженіями преимуществахъ различныхъ христіанскихъ церквей и замѣняло ее фразой о преимуществахъ, „дарованныхъ“ этимъ церквамъ.

Конечно, нашъ кабинетъ не замедлилъ раскрыть истинное значеніе турецкихъ поправокъ, и графъ Нессельроде препроводилъ барону Мейендорфу [3]) подробныя соображенія относительно турецкихъ измѣненій въ текстѣ вѣнской ноты. Канцлеръ отмѣтилъ [4]), что перенесеніе въ первой части ноты словъ: „въ Оттоманской „Имперіи“ и „охраненіе правъ и преимуществъ“ такъ, чтобы они исключительно относились къ султанамъ, измѣняетъ весь смыслъ фразы, потому что никто и не споритъ о томъ, что монархи Россіи заботятся о своемъ и своихъ подданныхъ вѣроисповѣданіи. Нота же должна была признать наше право такой заботливости

---

[1]) Это было 25 августа.

[2]) См. Приложеніе № 15.

[3]) Канцлеръ—бар. Мейендорфу 26 августа 1853 г., № 378. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, карт. Vienne, 1853.

[4]) См. Приложеніе № 18.

относительно турецкихъ подданныхъ въ предѣлахъ Оттоманской Имперіи. Если же мы согласимся допустить въ нотѣ утвержденіе, что султаны всегда были на стражѣ охраненія правъ и преимуществъ православнаго вѣроисповѣданія, то этимъ мы признавали бы безцѣльность и нашихъ требованій и даже посольства князя Меншикова.

Герцогъ Морни.

Особое вниманіе гр. Нессельроде удѣлилъ второму пункту турецкихъ измѣненій вѣнской ноты.

„Исключеніе и добавленіе „словъ", пишетъ канцлеръ, „введенныя сюда съ подчеркнутой „щепетильностью, имѣютъ явную „цѣль отмѣнить Кайнарджійскій „трактатъ, дѣлая видъ, будто они „его подтверждаютъ. Въ первоначальной вѣнской редакціи было „сказано, что „вѣрный буквѣ и духу „„постановленій трактатовъ Ку„„чукъ-Кайнарджійскаго и Адріа„„нопольскаго, касающихся попе„„ченія о христіанской религіи, султанъ считаетъ долгомъ своей „„чести... охранять отъ всякаго покушенія... права и привилегіи, „„признанныя за православной церковью". Эта редакція, исходящая „изъ духа трактата, т.-е. изъ общаго начала, изложеннаго въ его „VII статьѣ, охраненія правъ, была согласна съ поддерживаемымъ „нами взглядомъ. По нашему мнѣнію, обѣщаніе пещись объ извѣстной религіи и ея церквахъ заключаетъ охраненіе правъ, которыми „онѣ пользуются. Это вещи нераздѣлимыя. Первоначальная редакція „подверглась въ Парижѣ и Лондонѣ первому измѣненію, противъ „котораго мы въ то время не возражали, на что имѣли право, „и не возражали не потому, чтобы мы ошибались относительно „значенія этого измѣненія. Мы превосходно замѣтили различіе, „введенное между двумя пунктами, которые для насъ неразрывно „связаны между собой, но это различіе было проведено столь „осторожно, что мы, по примирительному нашему настроенію и „въ желаніи достигнуть скораго окончательнаго рѣшенія, могли „принять редакцію, считая ее впредь неизмѣнной. Эти мотивы „не могутъ быть приложены къ новому измѣненію той же фразы,

„сдѣланному въ Константинополѣ. Различіе во взглядахъ проведено „слишкомъ рѣзко, чтобы мы могли принять поправку, не опро- „вергая всего, что мы говорили и писали. Упоминаніе о Кайнар- „джійскомъ трактатѣ становится излишнимъ, а его подтвержденіе „не имѣющимъ смысла съ той минуты, когда его общій принципъ „перестаетъ прилагаться къ охраненію правъ вѣроисповѣданія. „Съ этой именно цѣлью вычеркнуты два слова „буква и духъ". „Въ измѣненіяхъ безъ необходимости подчеркнуто, что попеченіе „о христіанской религіи является дѣломъ Блистательной Порты, какъ „будто мы сами намѣревались заниматься имъ въ государствѣ сул- „тана, а одновременно съ этимъ опущено упоминаніе о томъ, что, „по смыслу трактата, попеченіе есть обѣщаніе и обязательство, „данное султаномъ, и этимъ выражается сомнѣніе въ нашемъ „правѣ бодрствовать надъ точнымъ исполненіемъ этого обѣщанія".

Третье замѣчаніе нашего кабинета относилось къ послѣднему измѣненію, введенному Портой въ ноту. Оно устанавливало равноправіе греческаго православнаго вѣроисповѣданія съ другими лишь въ томъ случаѣ, когда представителями этихъ исповѣданій будутъ турецкіе подданные. Графъ Нессельроде правильно на это замѣтилъ, что, если бы римско-католическому іерусалимскому патріарху, не принадлежащему къ числу оттоманскихъ подданныхъ, были предоставлены какія-либо новыя привилегіи, то турецкій подданный православный патріархъ не могъ бы, по смыслу турецкаго измѣненія, требовать уравненія себя въ дарованныхъ правахъ.

„Одно изъ двухъ", писалъ канцлеръ барону Мейендорфу [1]), „или требуемыя Портой измѣненія важны, и тогда понятно, „почему мы отказываемся согласиться на нихъ; или они не имѣютъ „значенія, и тогда не понятно, почему Порта ставитъ свое согласіе „въ зависимость отъ принятія ихъ". Наше правительство не можетъ итти далѣе по пути уступокъ, и если державы заботятся о мирѣ, то ихъ дѣло повліять на Порту, отказать ей во всякихъ измѣненіяхъ выработанной въ Вѣнѣ ноты.

Замѣчанія нашего кабинета имѣли характеръ секретный. Они совпадали до извѣстной степени съ турецкими объясненіями, препровожденными представителямъ четырехъ великихъ державъ и конфиденціально сообщенными намъ, какъ графомъ Буолемъ [2]),

---

[1]) См. Приложеніе № 19.

[2]) Гр. Буоль—бар. Лебцельтнеру 28 августа 1853 г. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, карт. Autriche, 1853.

такъ и нашимъ агентомъ въ Константинополѣ Аргиропуло [1]). Между прочимъ Порта указывала [2]) на то, что упоминаніе въ нотѣ о Кучукъ-Кайнарджійскомъ трактатѣ грѣшитъ, по ея мнѣнію, неточностью, такъ какъ нота разсматриваетъ религіозныя преимущества, какъ естественныя послѣдствія духа трактата, между тѣмъ какъ его постановленія ограничиваются единственно обѣщаніемъ Блистательной Порты самой пещись о христіанской религіи. По ея мнѣнію, если уже и необходимо было упоминать о Кайнарджійскомъ трактатѣ, то слѣдовало бы отдѣлить заключенное въ немъ обѣщаніе о попеченіи отъ вопроса о религіозныхъ преимуществахъ такъ, чтобы на первый взглядъ было понятно, что это двѣ различныя вещи. Оттоманское правительство отмѣчало также, что оно не можетъ укрѣплять, не будучи къ тому принуждено силой, уже существующія узы религіознаго единенія между своими подданными и чуземной державой, давая послѣдней право надзора и вмѣшательства; это было бы равносильно раздѣленію съ ней своихъ державныхъ правъ и ставило бы въ опасность независимость Оттоманской Имперіи. Турецкое объясненіе указывало, наконецъ, что Порта не можетъ согласиться на неопредѣленныя выраженія въ родѣ „конвенцій“ или „особыхъ „распоряженій“, когда дѣло касается милліоновъ ея подданныхъ греческаго исповѣданія.

Весьма интересно объясненіе, данное Риза-пашою маршалу Вальяну о причинахъ непринятія турками проекта вѣнской ноты, вопреки совѣту парижскаго кабинета. „Мы не скрываемъ отъ „себя“, писалъ турецкій военный министръ [3]), „всей важности „такого поступка, но необходимо, чтобы вы знали, что Турція и „въ особенности Константинополь въ настоящее время находятся „въ такомъ возбужденномъ состояніи, которое требуетъ отъ министровъ султана особой осторожности. Турецкая публика, плохой „вообще судья въ вопросахъ европейскаго равновѣсія, оскорблена „до глубины души мыслью сдѣлать уступки Россіи. Ей показа„лось, что нота содержитъ таковыя, и совѣтъ высказался противъ „принятія ея съ такой силой, что министры, особенно желающіе „слѣдовать политики Франціи, должны были предложить поправки „къ нотѣ, чтобы этимъ помѣшать окончательному ея непринятію

---

[1]) Аргиропуло — Озерову, № 218. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ.
[2]) См. Приложеніе № 20.
[3]) Lettre de m. Riza au m-al Vaillant le 5 septembre 1853. Парижскій архивъ.

„и войнѣ". Такимъ образомъ лордъ Редклифъ не безъ таланта нашелъ виновнаго въ лицѣ турецкаго общественнаго мнѣнія, на котораго можно было свалить непринятіе турками, вопреки желанію Европы, проекта вѣнской ноты.

Совпаденію опасеній Порты съ нѣкоторыми заключеніями нашего канцлера по поводу измѣненій въ вѣнской нотѣ суждено было сыграть въ дальнѣйшемъ ходѣ дипломатическихъ переговоровъ роковую роль. Выше упомянуто, что лордъ Редклифъ не проявлялъ съ самаго начала особаго рвенія въ дѣлѣ принятія Портой одобреннаго его правительствомъ вѣнскаго проекта ноты и не оказывалъ должной поддержки австрійскому представителю барону Бруку. Вскорѣ случилось событіе, которое вызвало поворотъ англійскаго правительства въ сторону взглядовъ его посла въ Константинополѣ. Въ той части всеподданнѣйшаго доклада графа Нессельроде за 1853 годъ, которая касается этого событія, дѣло изложено слѣдующимъ образомъ [1]):

„Преступное злоупотребленіе довѣріемъ, источникъ котораго „намъ неизвѣстенъ, предало оглашенію во всеобщее свѣдѣніе „наши замѣчанія на турецкія измѣненія вѣнской ноты. Духъ не„доброжелательства и вражды изыскивалъ въ этомъ документѣ „средства признанія насъ неправыми, извращая и преувеличивая „наши намѣренія, которыя остались тѣми же, какими мы объ„являли ихъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ передъ лицемъ всего „свѣта. Англійское правительство, ссылаясь безъ достаточной ис„кренности на наши замѣчанія и заявляя, что мы разъясняли „вѣнскую ноту такъ, чтобы ей придать значеніе противное „тому, которымъ руководствовалась конференція (четырехъ по„словъ въ Вѣнѣ), объявило Портѣ, что, узнавъ наши заднія „мысли, оно не можетъ совѣтовать ей принять ноту безъ измѣ„неній" [2]).

Извѣстіе о происшедшемъ поворотѣ политики великобританскаго кабинета было получено во время пребыванія Императора Николая въ Ольмюцѣ. Визитъ Австрійскому Императору послѣдовалъ послѣ ряда писемъ, которыми обмѣнялись монархи.

Государь въ письмѣ отъ 20 іюня, т.-е. послѣ повелѣнія о занятіи Княжествъ нашими войсками, замѣчалъ, что если дѣло дойдетъ до войны, то придется учитывать возможность возстанія

---

[1]) Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, карт. Доклады.
[2]) Переводъ съ французскаго.

балканскихъ народностей и распаденія Оттоманской Имперіи. Государь подчеркивалъ, что онъ не стремится къ завоеваніямъ, и ему представлялось бы лучшимъ выходомъ на случай катастрофы образованіе мелкихъ балканскихъ государствъ подъ общимъ русско-австрійскимъ покровительствомъ и вольнаго города Константинополя подъ протекторатомъ всѣхъ державъ. Эти мысли повторяются и въ письмѣ отъ 25 іюля, но было бы ошибочно считать ихъ выраженіемъ воинственныхъ замысловъ Императора Николая, такъ какъ на ряду съ ними Государь заявлялъ, что удача попытокъ мирнаго уложенія кризиса является его горячимъ желаніемъ. Письмо заканчивалось упоминаніемъ о маневрахъ въ Ольмюцѣ и о возможномъ прибытіи туда Государя въ качествѣ шефа 5 австрійскаго кирасирскаго полка.

Канцлеръ графъ Нессельроде.

Императоръ Францъ-Іосифъ отвѣтилъ на это письмо выраженіемъ радости по поводу скораго свиданія и приглашеніемъ въ Ольмюцъ также фельдмаршала Паскевича.

Личное общеніе въ Ольмюцѣ монарховъ, связанныхъ особо тѣсной дружбой, привело къ новому проекту мирнаго улаженія конфликта. Императоръ Николай, не отступая отъ того, что требовалось интересомъ огражденія достоинства Россіи, тѣмъ не менѣе проявилъ искреннее миролюбіе, соглашаясь на новый австрійскій проектъ. Онъ состоялъ въ слѣдующемъ: Порта подпишетъ вѣнскую ноту безъ всякихъ измѣненій, а четыре державы дадутъ ей составленную въ одинаковыхъ выраженіяхъ декларацію, которая гарантировала бы, что Россія не воспользуется нотой для покушенія на суверенныя права оттоманскаго государства.

Великобританское правительство, узнавъ о проектахъ примиренія, которые разрабатывались въ Вѣнѣ, отказалось отъ своихъ предложеній и примкнуло къ работѣ дипломатовъ въ австрійской столицѣ. При этомъ лордъ Абердинъ увѣрялъ нашего посла, что

разработанный имъ проектъ ноты является *русскимъ* проектомъ, „хотя", добавилъ онъ шутливо, „я не получилъ отъ васъ бочки „золота, о которой пишутъ газеты". Баронъ Брунновъ, предвидя, съ своей стороны, что война съ Турціей въ лучшемъ случаѣ приведетъ къ образованію мелкихъ балканскихъ государствъ, „столь же неблагодарныхъ, какой оказалась Грецiя, и столь же „неудобныхъ для насъ, какъ Придунайскія княжества", настоятельно совѣтовалъ избѣгать войны [1]).

Баронъ Брунновъ сообщалъ, что англійское правительство первоначально рѣшило даже силой принудить Порту къ принятію вѣнской ноты, если бы диванъ упорствовалъ въ отказѣ. „Итакъ", писалъ баронъ Брунновъ, „державы, постоянно говорящія о не„зависимости Турціи, были бы первыми въ дѣлѣ насилія надъ „этой независимостью".

— Nous y voilà! отмѣтилъ на депешѣ Императоръ Николай [2]).

Произошло, однако, совершенно другое. Въ началѣ августа князю Меншикову сообщили изъ Константинополя частнымъ образомъ [3]), что турецкое правительство чувствуетъ себя на краю гибели. Баронъ Брукъ и Лакуръ настоятельно совѣтовали султану отъ имени Австріи и Франціи принять ноту, и въ Константинополь прибылъ даже особый австрійскій уполномоченный, полковникъ Руфъ, тотъ самый, который въ 1851 году сопровождалъ миссію графа Лейнингена съ письмомъ Австрійскаго Императора къ султану, въ которомъ требовалось принятіе ноты. „Гіена же „изъ Терапіи", т.-е. лордъ Редклифъ, рвала и метала, видя нарушеніе своихъ плановъ. Агентъ Пеццеръ [4]) сообщалъ изъ Константинополя, что лордъ Стратфордъ не принялъ даже участія въ совѣщаніи пословъ, на которое былъ приглашенъ, но явился съ ними къ визирю, чтобы заявить ему по поводу вѣнской ноты: „Какъ посолъ, я ничего сказать не могу, но, какъ частное лицо, „совѣтую сопротивляться".

Озеровъ сообщалъ канцлеру изъ Одессы [5]), что лордъ Редклифъ собирался подавать въ отставку, и англійское правительство

---

[1]) Бар. Брунновъ—гр. Нессельроде 22 іюля (3 августа) 1853 г. Госуд. Арх., Разр. III, д. № 108.

[2]) Бар. Брунновъ—канцлеру 29 іюля (10 августа) 1853 г., № 218. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, карт. Londres, 1853.

[3]) Письмо одного изъ агентовъ 4 (16) августа 1853 г. Госуд. Арх., Разр. XI.—Это письмо было писано съ видимой цѣлью понравиться получателю.

[4]) Въ письмѣ отъ 11 (23) сентября 1853 г. Госуд. Арх., Разр. XI, д. № 1251.

[5]) Отъ 25 сентября 1853 г., № 284. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ.

прислало въ Константинополь полковника Рійвса съ цѣлью склонить бурнаго посла остаться на своемъ посту. Киселевъ предупреждалъ изъ Парижа [1]), что полковникъ Рійвсъ везетъ лорду Стратфорду инструкцію приложить всѣ усилія, чтобы привести Порту къ скорому и окончательному согласію, а также не призывать флота въ проливы, кромѣ случая объявленія войны или возмущенія въ Константинополѣ. Впрочемъ, въ это время въ Босфорѣ уже находилась призванная англійскимъ и французскимъ послами эскадра изъ 10 судовъ, подъ командой контръ-адмирала Барбье дю Тинанъ [2]). Призывъ былъ сдѣланъ изъ опасенія безпорядковъ, которые могли вспыхнуть въ турецкой столицѣ, хотя нашъ агентъ сообщалъ, что эта причина была лишь предлогомъ для появленія союзной эскадры съ цѣлью поддержать упорство Порты [3]).

Австрійская дипломатія также считала дѣятельность лорда Редклифа самымъ крупнымъ препятствіемъ для мирнаго улаженія кризиса. Графъ Буоль официально сообщалъ [4]), что англійскій посолъ не будетъ искренно поддерживать дѣла примиренія, и что слѣдовало бы принять всѣ мѣры для противодѣйствія его вліянію на турецкихъ министровъ. Дѣйствительно, когда диванъ собрался въ Портѣ для обсужденія вопроса объ объявленіи намъ войны, и когда вопросъ былъ рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ, то великобританскій посолъ поспѣшилъ поздравить турокъ съ мужественнымъ рѣшеніемъ [5]).

Несомнѣнно, что лордъ Редклифъ стоялъ на сторонѣ Турціи и поддерживалъ ее въ спорѣ съ нами, но ошибка нашего кабинета въ оцѣнкѣ его дѣятельности состояла въ томъ, что мы считали его поступающимъ на свой рискъ и страхъ, а не въ полномъ согласіи съ видами великобританскаго правительства, которые не были достаточно выпукло освѣщены въ сложныхъ депешахъ барона Бруннова. Ошибка выяснилась лишь послѣ опубликованія переписки лорда Редклифа съ лордомъ Кларендономъ [6]), изъ которой стало

---

[1]) Киселевъ—канцлеру 6 (18) сентября 1853 г., № 109.

[2]) Донесеніе Пизани Озерову отъ 4 (16) сентября 1853 г. Госуд. Арх., Разр. XI, д. № 1251.

[3]) Аргиропуло—Озерову 3 (15) сентября 1853 г. Тамъ же.

[4]) Гр. Буоль—бар. Бруку 19 сентября 1853 г. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, карт. Autriche, 1853.

[5]) Аргиропуло—Озерову 21 сентября (3 октября) 1853 г. Госуд. Арх., Разр. XI, д. № 1251.

[6]) East. pap., t. I.

видно, что въ теченіе всего кризиса царило полное согласіе между сэнъ-джемскимъ кабинетомъ и его представителемъ при Портѣ. Правда, англійское правительство стремилось къ мирному исходу возникшаго конфликта, но оно думало достичь этой цѣли внушительными демонстраціями въ пользу Турціи. „Правительство ея „величества“, писалъ лордъ Кларендонъ лорду Редклифу еще 28 іюня, „вполнѣ оправдываетъ вашу твердость въ борьбѣ съ „несправедливыми требованіями Россіи и въ поддержаніи прин„ципа турецкой независимости. Въ случаѣ дальнѣйшихъ агрессив„ныхъ мѣръ съ ея стороны и дальнѣйшихъ притязаній, прави„тельство ея величества готово въ союзѣ съ Франціей принять „активныя мѣры для защиты Турціи отъ державъ, непріязненныя „отношенія которыхъ къ ней будутъ несомнѣнны“.

Отношенія разъяснились слишкомъ поздно, такъ какъ баронъ Брунновъ предпочиталъ бесѣдовать, вмѣсто Кларендона, съ нерѣшительнымъ лордомъ Абердиномъ, а въ Петербургѣ эти собесѣдованія нашего посла съ главой англійскаго кабинета предпочитались сообщеніямъ и заявленіямъ сэра Гамильтона Сеймура.

Депеши Бруннова начали становиться болѣе тревожными лишь съ тѣхъ поръ, когда для лорда Абердина стало яснымъ, что мирный исходъ является недостижимымъ. 9 (21) сентября нашъ посолъ сообщалъ канцлеру [1]), что первый министръ возлагаетъ послѣднюю надежду на свиданіе монарховъ въ Ольмюцѣ. Баронъ Брунновъ обращалъ „серьезное вниманіе“ петербургскаго кабинета на отказъ великобританскаго правительства поддержать вѣнскую ноту. Отказъ былъ мотивированъ нашими замѣчаніями на турецкія измѣненія ноты, такъ какъ лордъ Абердинъ находилъ, что ему невозможно ни заставить Порту принять ноту въ томъ ея смыслѣ, который вытекаетъ изъ нашихъ „замѣчаній“, ни давать ей гарантіи, что смыслъ ноты будетъ тотъ, который подразумѣвался введенными въ нее турками измѣненіями.

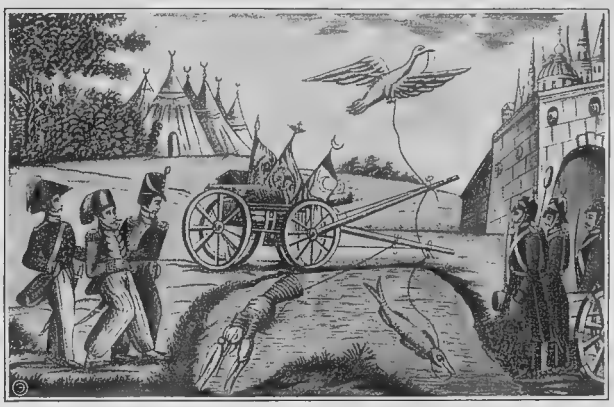
Въ депешѣ отъ 30 сентября (12 октября) [2]) баронъ Брунновъ указывалъ, что англійское правительство отказывается принять участіе въ осуществленіи ольмюцкихъ проектовъ, и въ совѣтѣ министровъ рѣшено не оставлять Турціи безъ активной поддержки. Эскадрамъ будетъ поручено охранять турецкіе порты отъ нашихъ атакъ, и даже предвидится отправленіе въ Турцію сухопутнаго

---

[1]) См. Приложеніе № 21.
[2]) См. Приложеніе № 22.

экспедиціоннаго корпуса. Депеша барона Бруннова была прочтена Императоромъ Николаемъ, который поставилъ противъ изложенія англійскихъ военныхъ плановъ рядъ восклицательныхъ знаковъ.

Въ тотъ же день баронъ Брунновъ бесѣдовалъ съ лордомъ Абердиномъ [1]), который сообщилъ нашему послу, что приказъ войти флоту въ Черное море отсроченъ. Это сообщеніе явилось какъ бы отвѣтомъ на офиціальную ноту барона Бруннова лорду Кларендону [2]), въ которой нашъ посолъ протестовалъ противъ входа эскадры въ Дарданельскій проливъ, чѣмъ нарушалось соглашеніе державъ 1841 года. Нота нашего посла была одобрена Государемъ, написавшимъ на предоставленной ему копіи: „Parfaitement parlé et agi. *Спасибо ему*“ [3]).



Карикатура того времени на политич. обстановку.

Въ происшедшемъ разговорѣ лордъ Абердинъ между прочимъ высказалъ мнѣніе, что приближеніе зимы дѣлаетъ нападеніе на турецкіе порты невѣроятнымъ, и что опасеніе можетъ касаться только Варны и Батума. Онъ считалъ долгомъ чести заявить, что русская эскадра, въ случаѣ нападенія на турецкіе порты, встрѣтитъ передъ собой англійскую. Баронъ Брунновъ отвѣчалъ, что въ этомъ случаѣ произойдетъ то, что угодно будетъ приказать Государю, что англійская эскадра, защищающая турецкіе берега, будетъ союзницей нашего непріятеля и, если Англія не желаетъ войны, то не должна бы вызывать ее, дѣйствуя нелойяльно („under hand dealing“). Эти заявленія барона Бруннова были одобрены Императоромъ Николаемъ, троекратно написавшимъ: „parfait“.

Однако, баронъ Брунновъ счелъ нужнымъ добавить и къ этимъ столь опредѣленнымъ по смыслу заявленіямъ лорда Абердина,

---

[1]) См. Приложеніе № 23.

[2]) Приложеніе къ депешѣ бар. Бруннова канцлеру 14 (26) сентября 1853 г., № 251. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, карт. Londres, 1853.

[3]) Курсивъ подлинника.

что ему кажется, что первый министръ тяготится сотрудничествомъ лорда Кларендона; онъ подробно изложилъ свой разговоръ съ лордомъ Дж. Рёсселемъ, которому нашъ посолъ счелъ нужнымъ заявить, что Англія не способна вести продолжительной войны, какой явится возможная война съ Россіей, и это, по сообщенію барона Бруннова, видимо произвело на его собесѣдника сильное впечатлѣніе.

Но рѣшенія британскаго кабинета были безповоротны. Изъ сообщенной нашему правительству депеши графа Буоля барону Гюбнеру въ Парижъ [1]) видно, что осуществленіе ольмюцкаго проекта встрѣтило рѣшительное противодѣйствіе съ англійской стороны. На совѣщаніи у графа Буоля 22 сентября, когда французскій и прусскій послы изъявили согласіе своихъ правительствъ, англійскій посолъ лордъ Вестморландъ высказалъ, что его правительство рѣшительно отказывается настаивать передъ Портой на подписаніи ею вѣнской ноты, какими бы деклараціями державъ это ни сопровождалось.

Впрочемъ, было уже слишкомъ поздно. Въ Константинополѣ настроеніе стало въ высшей степени возбужденнымъ. Решидъ-паша заявилъ въ присутствіи султана въ чрезвычайномъ собраніи дивана 14 сентября, что онъ проситъ объ отставкѣ, если большинство голосовъ выскажется за миръ, а не за войну [2]). Такое заявленіе сдѣлало Решида-пашу народнымъ идоломъ; ему всѣ стали поклоняться и возносить въ мечетяхъ за него молитвы. Возбужденіе, одинаково проявившееся какъ въ арміи, такъ и въ высшихъ государственныхъ установленіяхъ, и присутствіе англо-французской эскадры, которое вселяло въ туркахъ убѣжденіе, что имъ будетъ оказана вооруженная помощь, не могли не привести къ войнѣ.

Ея объявленіе со стороны Порты послѣдовало 26 сентября (8 октября) въ видѣ письма главнокомандующаго турецкой арміей Омера-паши къ командующему нашей Дунайской арміей князю Горчакову.

„По приказанію моего правительства“, писалъ Омеръ-паша [3]), „имѣю честь адресовать настоящее письмо вашему превосходи-„тельству.

---

[1]) Отъ 23 сентября 1853 г. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, карт. Vienne, 1853.

[2]) Донесеніе кап. Протопопова кн. Меншикову изъ Константинополя 24 сентября 1853 г. Госуд. Арх., Разр. XI, д. № 1260.

[3]) Арх. Канц. Военн. Мин. по снар. в., 1853 г., с. д. № 47.

„Въ то время, когда Блистательная Порта исчерпывала всѣ „средства соглашенія, чтобы сохранить миръ и свою независи- „мость, русское правительство не переставало создавать затруд- „ненія, дойдя до нарушенія трактатовъ занятіемъ княжествъ „Молдавіи и Валахіи, которыя составляютъ неразрывныя части „Оттоманской Имперіи.

„Блистательная Порта, вѣрная своей миролюбивой системѣ, не „пользовалась своимъ правомъ насилія и ограничилась протестами, „не сходя съ пути, который могъ еще привести къ соглашенію.

„Наоборотъ, Россія, избѣгая подобнаго направленія, кончила „отказомъ принять предложенія, рекомендованныя правительствами „августѣйшихъ посредниковъ и необходимыя для чести и без- „опасности Блистательной Порты.

„Послѣдней неизбѣжно остается поэтому прибѣгнуть къ „войнѣ. Но въ виду того, что занятіе Княжествъ и соединенное „съ нимъ нарушеніе трактатовъ являются причинами войны, Бли- „стательная Порта предлагаетъ черезъ меня вашему превосходи- „тельству, въ видѣ послѣдняго выраженія своихъ миролюбивыхъ „чувствъ, очищеніе обоихъ Княжествъ и оставляетъ для вашего „рѣшенія срокъ въ 15 дней со дня полученія этого письма.

„Если въ теченіе указаннаго срока я получилъ бы отъ васъ „отрицательный отвѣтъ, то естественнымъ послѣдствіемъ его бу- „детъ начало военныхъ дѣйствій“ [1]).

Князь Горчаковъ въ своемъ отвѣтѣ отъ 28 сентября (10 октября) ограничился указаніемъ на отсутствіе у него полномочій для переговоровъ о мирѣ и войнѣ и для очищенія Княжествъ [2]). Письмо же Омера-паши онъ отправилъ въ Петербургъ, и Государь помѣтилъ на немъ: „Peut-on lire quelque chose de plus in- „solent et de plus faux“.

Единственнымъ возможнымъ отвѣтомъ на открытіе турками военныхъ дѣйствій явился Высочайшій манифестъ 21 октября 1853 года о войнѣ съ Турціей [3]).

Началось, по выраженію Ѳ. Н. Тютчева [4]), „нѣчто, столь „серьезное и столь роковое, что ни одна мысль нынѣ живущаго „человѣка не сумѣла бы ни измѣрить, ни опредѣлить послѣд- „ствій“. Русское общество, хотя и ожидало крупныхъ событій,

---

[1]) Переводъ съ французскаго.
[2]) Арх. Канц. Военн. Мин., 1853 г., с. д. № 60.
[3]) См. Приложеніе № 24.
[4]) Письма. Русск. Арх. 1898 г., кн. 3.

но не было къ нимъ подготовлено. „Безсиліе, индифферентизмъ, „параличъ умовъ прямо феноменальны“, писалъ тотъ же Тютчевъ и утѣшался лишь тѣмъ, что „дѣло вышло изъ рукъ человѣче„скихъ и покатится силой собственнаго вѣса къ цѣли, назначен„ной ему рокомъ“. Одинъ изъ представителей высшаго петербургскаго свѣта, князь П. П. Гагаринъ, занесъ около этого времени въ свой дневникъ слѣдующія слова: „Voyez en ce moment „la conduite de l'Angleterre et de la France. Est-ce l'intérêt de „l'humanité qui les guide? N'est-il pas visible que l'envie et la haine „de la Russie sont leurs seuls mobiles. Quelle sotte chose que la „diplomatie! Mais celle de 1853 l'est encore plus que celle de beau„coup d'années précédentes qui cependant pourraient fournir bien „des preuves de sa sottise“ [1]).

IV.

Берлинскій кабинетъ послѣ отъѣзда князя Меншикова изъ Константинополя не принималъ особо дѣятельнаго участія въ переговорахъ между державами о предотвращеніи грозныхъ послѣдствій кризиса. Пруссія заняла выжидательное положеніе, какъ бы готовясь активно выступить лишь тогда, когда окончательно опредѣлится исходъ возникшихъ на востокѣ недоразумѣній.

Въ умѣ Прусскаго Короля Фридриха-Вильгельма IV примѣшивались въ этомъ случаѣ къ государственнымъ соображеніямъ соображенія совершенно особаго порядка. Это былъ государь, проникнутый, съ одной стороны, принципами, которые легли въ основаніе Священнаго Союза, а съ другой—мистическими стремленіями, окрашенными либеральнымъ оттѣнкомъ. Эти элементы боролись въ его умѣ, создавая двойственность словъ и поступковъ, отъ которой онъ спасался, призывая Бога и вѣруя въ непосредственное божественное происхожденіе своихъ мечтательныхъ порывовъ. Однако, крѣпкія прусскія династическія традиціи брали въ концѣ концовъ верхъ надъ другими вліяніями, а результатомъ послѣднихъ являлась лишь крайняя медленность и нерѣшительность дѣйствій.

Короля Прусскаго связывали съ Императоромъ Николаемъ узы дружбы, соединявшія государей съ юношескихъ лѣтъ; онѣ

[1]) Отъ 17 ноября 1853 г. Собств. Его Величества библіотека.

были къ тому же подкрѣплены узами родства вслѣдствіе брака Государя съ принцессой прусской—сестрой Короля. Въ личныхъ сношеніяхъ монарховъ была замѣтна извѣстная непринужденность, съ оттѣнкомъ нѣкотораго добродушія со стороны Императора Николая и глубокаго почтенія со стороны Короля, который видѣлъ въ царственномъ преемникѣ Александра Благословеннаго олицетвореніе священныхъ завѣтовъ, оставленныхъ монархамъ великой эпохой общей борьбы и общихъ стремленій.

Сложныя чувства Короля Фридриха-Вильгельма оказывали извѣстное вліяніе на политику берлинскаго кабинета, и это вліяніе было подчасъ весьма трудно учесть. У Императора Николая слова не расходились съ дѣломъ, у Короля же прусскаго колебанія на дѣлѣ соотвѣтствовали нерѣшительности словъ. Симпатіи Государя относились не столько къ личности Короля, сколько къ прусскимъ династическимъ преданіямъ и государственному порядку. Извѣстно, что и наши прибалтійскіе нѣмцы пользовались, въ качествѣ носителей духа порядка и дисциплины, благоволеніемъ Государя, который избиралъ среди нихъ исполнителей своихъ предначертаній въ государственныхъ дѣлахъ. Ихъ присутствіе въ нашихъ правительственныхъ учрежденіяхъ до такой степени усиливало связь между Петербургомъ и Берлиномъ, что послѣдній казался для многихъ какъ бы отраженіемъ перваго.

Защитники Порты.

Отношенія понемногу стали, однако, незамѣтно измѣняться, что нѣмецкіе писатели приписываютъ [1]) вліянію русскаго національнизма, который началъ съ 1839 года мало-по-малу брать верхъ въ петербургскихъ правительственныхъ сферахъ. Въ дѣйствительности же это измѣненіе правдоподобнѣе объяснить широкими политическими замыслами прусскихъ государственныхъ людей, которые уже тогда лелѣяли идею германскаго объединенія подъ главенствомъ Пруссіи. Слова Императора

[1]) T. v. Bernhardi: „Unter Nikolaus I und Friedrich-Wilhelm IV", S. 7.

Николая, сказанныя прусскому послу въ декабрѣ 1849 года что, въ случаѣ прусско-австрійскаго конфликта, Россія станетъ на сторону Австріи, являлись сами по себѣ достаточнымъ поводомъ, чтобы извѣстные берлинскіе придворные и правительственные кружки охладѣли къ Россіи. Они, конечно, были далеки отъ мысли разрыва той связи, которая существовала съ могущественной восточной сосѣдкой, и въ которой Пруссія въ то время еще крайне нуждалась, но они вовсе не были склонны къ политикѣ безусловнаго единенія съ Россіей, называя ее политикой подчиненія.

Опасность чрезмѣрнаго роста Пруссіи сознавалась въ Россіи издавна. Нападеніе этого государства въ 1848 году на Данію было рѣшительно остановлено Императоромъ Николаемъ, и въ Петербургѣ въ то время совершенно основательно говорили: „Что „станетъ съ нашимъ господствомъ на Балтійскомъ морѣ, если „Киль будетъ въ рукахъ пруссаковъ? Чѣмъ станетъ наше вліяніе „въ Германіи и въ Европѣ, если Германія объединится?“ [1]).

Очевидно, что между Россіей и Пруссіей существовалъ глубокій политическій антагонизмъ, который не могъ быть уравновѣшенъ дружбой монарховъ и вліяніемъ Государя на Короля. Поэтому въ рѣшительную минуту, въ мартѣ 1854 года, когда Фридрихъ-Вильгельмъ выразилъ желаніе, подъ вліяніемъ своихъ личныхъ чувствъ и писемъ сестры, вступить въ дѣятельный военный союзъ съ Россіей, то принцъ прусскій Вильгельмъ заявилъ, что въ этой войнѣ онъ не приметъ на себя никакого командованія и на время войны удалится въ Англію, а предсѣдатель совѣта министровъ баронъ Мантейфель заявилъ, что, въ случаѣ союза съ Россіей, онъ будетъ просить объ отставкѣ.

Дипломатическіе документы нашего министерства иностранныхъ дѣлъ не даютъ яснаго освѣщенія дѣйствительности. Это освѣщеніе является въ нихъ—если можно такъ выразиться—салонно-поверхностнымъ, и въ разсматриваемый періодъ кризиса сношенія между петербургскимъ и берлинскимъ кабинетами ограничивались лишь обмѣномъ малозначущихъ сообщеній. Такъ, нашимъ посланникомъ въ Берлинѣ были даны барону Мантейфелю [2]) копіи депешъ графа Нессельроде къ барону Бруннову, которыя „содер-„жали блестящее опроверженіе обвиненій нашей политики ино-

[1]) T. v. Bernhardi, S. 181.

[2]) Будбергъ—канцлеру 29 мая (10 іюня) 1853 г., № 43. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, карт. Berlin, 1853.

„странной прессой, особенно англійской". Далѣе баронъ Будбергъ сообщалъ со словъ прусскаго министра, что Король признаетъ умѣренность нашихъ требованій, хотя и не желаетъ высказываться о существѣ предложенной Портѣ княземъ Меншиковымъ ноты. Однако, добавляетъ баронъ Будбергъ, нота была еще разъ прочитана имъ совмѣстно съ прусскимъ министромъ, который не нашелъ въ ней „ничего несправедливаго или посягающаго на не„зависимость и державныя права султана".

Любопытно, что за нѣсколько дней до этого англійскій посолъ въ Берлинѣ лордъ Блюмфильдъ писалъ своему правительству [1]), что, по мнѣнію барона Мантейфеля, князь Меншиковъ превзошелъ, вѣроятно, данныя ему инструкціи, такъ какъ документъ, предложенный имъ Портѣ, давалъ бы Россіи право вмѣшательства во внутреннія дѣла Турціи, что противорѣчитъ независимости послѣдней. „Могу увѣрить ваше сіятельство", добавлялъ лордъ Блюмфильдъ, „что поступки русскаго правительства „порицаются повсюду, и что всѣ согласны, что Порта не мо„жетъ подписать подобнаго документа, не подвергая опасности „свою независимость".

Прусскій кабинетъ, не желая высказываться окончательно передъ нами, не находилъ въ то же время возможнымъ примыкать и къ западнымъ державамъ. Такъ, онъ отклонилъ предложеніе французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ Габріака о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ, на основаніи договора 1841 года о проливахъ, которымъ державы, по мнѣнію французскаго кабинета, обязывались охранять независимость Оттоманской Имперіи. Баронъ Будбергъ первоначально выражалъ сомнѣніе въ томъ, чтобы предложеніе Габріака исходило отъ тюйлерійскаго кабинета [2]), но черезъ нѣсколько дней предложеніе возобновилъ прибывшій въ Берлинъ французскій посолъ маркизъ Мутье. Онъ далъ понять барону Мантейфелю, что, въ случаѣ отказа прусскаго кабинета отъ признанія обязанности охранять, на основаніи трактата 1841 года, независимость Порты, Франція, въ свою очередь, можетъ отказаться отъ нѣкоторыхъ неудобныхъ для нея обязательствъ по отношенію къ другимъ государствамъ [3]). Но баронъ Мантейфель остался твердъ, и нашъ посолъ счелъ долгомъ, чтобы укрѣпить

---

[1]) Блюмфильдъ—Кларендону 30 мая 1853 г. East. pap., t. I, p. 223.
[2]) Будбергъ—канцлеру 29 мая (10 іюня) 1853 г., № 43.
[3]) Будбергъ—канцлеру 12 (24) іюня 1853 г., № 51. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, карт. Berlin, 1853.

его правильные взгляды, передать ему полученное отъ барона Бруннова изъ Лондона сообщеніе, которое заключало неопровержимыя доказательства неправильности французскихъ домогательствъ. И опять странное совпаденіе: почти что одновременно съ этимъ лордъ Кларендонъ первый выразилъ барону Мантейфелю благодарность черезъ великобританскаго посла въ Берлинѣ [1]) за его дружественныя сообщенія и радость по поводу того, что прусскій представитель въ Константинополѣ баронъ Вильденбургъ раздѣляетъ взгляды лорда Редклифа.

О дѣятельности послѣдняго Прусскій Король разговорился съ барономъ Будбергомъ во время обѣда по случаю дня рожденія Императора Николая. „Думаете ли вы, дѣйствительно", спросилъ Король, „что ненависть къ Россіи лорда Редклифа является „главной причиной происшедшихъ затрудненій? Признаюсь, что „я не вижу этого изъ его донесеній своему правительству, по „крайней мѣрѣ тѣхъ, которыя мнѣ извѣстны" [2]). Баронъ Будбергъ отвѣчалъ, что изъ объясненій самого британскаго кабинета вытекаетъ, что онъ сомнѣвается въ послушаніи своего посла въ Константинополѣ, но не имѣетъ силъ заставить его слѣдовать своимъ указаніямъ. „Не отрицая точности такихъ сужденій бри„танскаго кабинета", доносилъ нашъ посолъ, „Король согласился „со мной въ томъ, что миръ Европы находится въ зависимости „отъ этого страстнаго и несчитающагося съ послѣдствіями чело„вѣка, которому англійское правительство передало свои полно„мочія".

Въ заключеніе бесѣды Король выразилъ надежду, что дѣло до войны не дойдетъ, такъ какъ „мы, трое, сумѣемъ успокоить „увлеченіе Франціи и Англіи".—Грустно, прибавилъ Фридрихъ-Вильгельмъ, что проявилась такая неблагодарность къ Императору, которому Европа столь многимъ обязана.

Впрочемъ, Король не представлялъ себѣ достаточно ясно сущности возникшаго конфликта. Онъ склонялся то въ одну, то въ другую сторону, и, какъ видно изъ сообщеній барона Будберга, у него явилась даже мысль предложить намъ замѣну русскаго протектората надъ христіанами въ Турціи совмѣстнымъ протекторатомъ пяти державъ. Идея была оставлена, такъ какъ даже ба-

---

[1]) Лордъ Кларендонъ—Блюмфильду 14 іюня 1853 г. East. pap., t. 1, p. 256.

[2]) Бар. Будбергъ—канцлеру 25 іюня (7 іюля) 1853 г., № 55. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, карт. Berlin.

ронъ Мантейфель, не особенно приверженный къ Россіи, находилъ ее безусловно непріемлемой съ русской точки зрѣнія.

Особаго вниманія заслуживаетъ депеша барона Будберга отъ 10 (22) Іюля [1]) о впечатлѣніяхъ возвратившагося изъ Англіи принца Прусскаго. Онъ вынесъ изъ бесѣдъ съ лордами Абердиномъ и Кларендономъ заключеніе, что, во-первыхъ, британскій кабинетъ стремится къ улаженію затрудненій самымъ почетнымъ для Россіи образомъ и, во-вторыхъ, что онъ тяготится дружбой съ Франціей. Лишь только текущія затрудненія на Востокѣ будутъ устранены, то британскій кабинетъ воспользуется первымъ случаемъ, чтобы покинуть союзницу. Вторая часть депеши Будберга противорѣчила первой. Въ ней говорилось о томъ, что баронъ Мантейфель далъ нашему послу для прочтенія конфиденціальное письмо прусскаго представителя въ Лондонѣ Бунзена, который сообщалъ, что: 1) соглашеніе Англіи съ Франціей обнимаетъ всѣ возможныя случайности восточнаго кризиса; 2) что обѣ морскія державы окончательно рѣшились воевать съ Россіей, если цѣлость Турціи подвергнется опасности; 3) что британскій кабинетъ крайне недоволенъ нейтральностью Пруссіи въ восточномъ вопросѣ; наоборотъ, онъ хвалитъ положеніе, занятое Австріей, и считаетъ его вполнѣ благопріятнымъ для политики морскихъ державъ.

Карикатура Степанова на полит. обст.

Въ серединѣ сентября баронъ Будбергъ сообщалъ [2]), что берлинскій кабинетъ, несмотря на отказъ Англіи и Франціи въ поддержкѣ вѣнской ноты послѣ опубликованія нашихъ на нее замѣчаній, продолжалъ придерживаться этой ноты и настаивалъ черезъ своего посла въ Вѣнѣ на принятіи ея безъ измѣненій.

---

[1]) См. Приложеніе № 25.
[2]) Будбергъ—канцлеру 16 (28) сентября 1853 г., № 74.

Видимо, Пруссія избирала политику строгаго нейтралитета, и Король Фридрихъ-Вильгельмъ склонялся, несмотря на свои личныя симпатіи и желанія, къ точному исполненію этой политики. На приглашеніе Императора Николая пріѣхать въ Варшаву онъ отвѣтилъ письмомъ, въ которомъ объяснялъ, что противъ пріѣзда борются два воинства (il y a deux corps de bataille qui militent contre le voyage de Varsovie), одно изъ области внѣшней, а другое изъ области внутренней политики [1]). „Положеніе Восточнаго „вопроса таково", писалъ Король, „что манифестація единенія съ „нашей стороны (de nous autres) вызвала бы возбужденіе Англіи „и Франціи, съ рискомъ навлечь нѣчто болѣе положительное, чѣмъ „*манифестація* [2]). Къ несчастью, Восточный вопросъ привелъ къ „усиленію союза этихъ двухъ державъ".

„Перейдемъ къ внутренней политикѣ", продолжалъ Король. „Мои вѣрные министры и я подготовляемъ акты, которые спа„сутъ насъ, съ Божьей помощью, отъ конституціонализма, угро„жающаго Пруссіи... Для этого мнѣ нужна поддержка обществен„наго мнѣнія, а общественное мнѣніе противъ моей поѣздки"...

„Если вы находите", закончилъ Король, „мои соображенія „пустыми и трусливыми, то скажите мнѣ это откровенно. Я до„кажу вамъ мое мужество. Я пріѣду"...

На слѣдующій день Фридрихъ-Вильгельмъ отправилъ Государю другое письмо [3]), въ которомъ просилъ оказать довѣріе отъѣзжавшему въ Ольмюцъ принцу Вильгельму; писалъ, что Англія имѣетъ смѣлость вступать на путь, куда честь запрещаетъ итти другимъ, при чемъ это замѣчаніе было сдѣлано съ оговоркой—„Не знаю, „не ошибаюсь ли я?" Далѣе Король писалъ, что Англія боится войны, что французскій „коллега" готовъ броситься, какъ тигръ, въ сторону Пьемонта, Германіи или Бельгіи, и заклиналъ (je Vous conjure) Государя не отвѣчать ему письменно, а передать отвѣтъ черезъ принца Вильгельма или графа Мюнстера.

Въ сущности Императору Николаю нечего было и отвѣчать Королю Фридриху-Вильгельму.

---

[1]) Король Прусскій—Императору Николаю 28 сентября 1853 г. Госуд. Арх.
[2]) Курсивъ подлинника.
[3]) Отъ 29 сентября 1853 г., изъ С.-Суси. Госуд. Арх.

Глава II.

I.

Придунайскія княжества, Молдавія и Валахія, невольно сдѣлались въ 1853 году объектомъ спора чуть ли не всей Европы.

Княжества эти со времени своего возникновенія въ XIII вѣкѣ непрерывно пользовались внутренней самостоятельностью, признавая надъ собой власть первоначально Венгріи, потомъ Венгріи и Польши, а съ конца XIV вѣка преимущественно власть Турціи. Господари валашскій Бранковано и молдавскій Кантемиръ вступили во время Прутскаго похода Петра Великаго въ сношенія съ Россіей, при чемъ Кантемиръ даже заключилъ съ нами договоръ, на основаніи котораго обязывался вмѣстѣ со своимъ народомъ сдѣлаться вассаломъ Петра. Неудача похода повлекла за собой изгнаніе туземныхъ господарей изъ Княжествъ и передачу ихъ Портой въ управленіе константинопольскихъ грековъ, щедро оплачивавшихъ возведеніе себя въ санъ господарей Молдавіи и Валахіи.

Несмотря на отчужденіе греческихъ правителей, такъ называемыхъ фанаріотовъ [1]), отъ народа, они принуждены были сообразовать въ интересахъ укрѣпленія собственной власти [2]) свою политику съ желаніями управляемой ими страны и стремиться къ расширенію государственной самостоятельности своихъ Княжествъ; съ другой стороны, господари предполагали, что, дѣйствуя такимъ образомъ, они способствуютъ осуществленію греческихъ

---

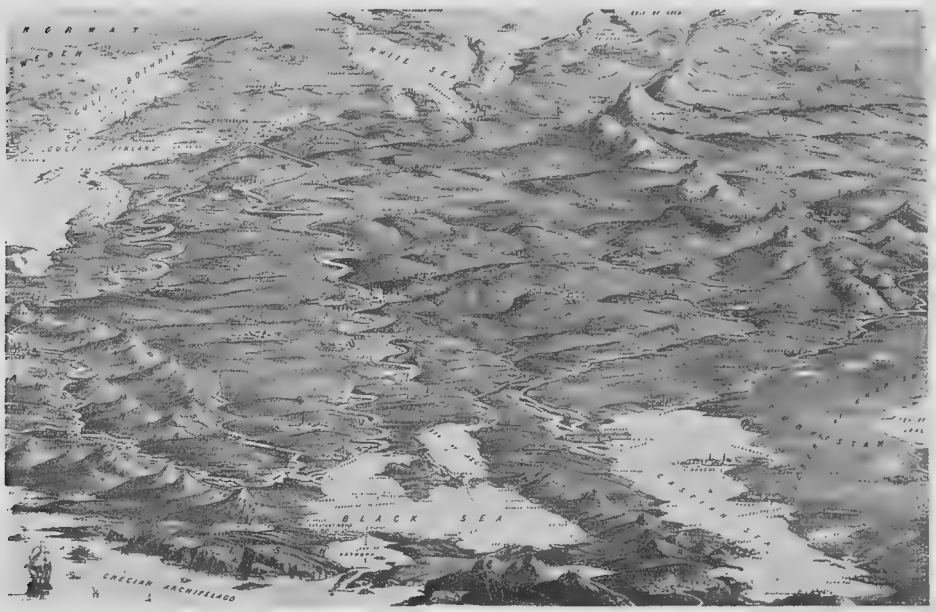
[1]) Названіе это происходило отъ Фанаръ, наименованія греческой части Константинополя.
[2]) Господари назначались Портой лишь на трехлѣтній срокъ.

мечтаній о возстановленіи Византійской Имперіи. Въ дѣйствительности же дѣятельность господарей при возродившемся и усиливающемся румынскомъ національномъ сознаніи невольно клонилась къ освобожденію Княжествъ не только отъ турецкаго владычества, но и отъ греческаго вліянія. Въ началѣ прошлаго столѣтія въ этомъ пришлось убѣдиться вождю греческаго движенія въ Валахіи Александру Ипсиланти, послѣ неудачъ котораго перестала существовать тамъ и самая мысль о возсоединеніи съ Греціей.

Кучукъ-Кайнарджійскимъ договоромъ права Княжествъ были расширены. Господари получили возможность держать при Портѣ своихъ повѣренныхъ въ дѣлахъ и при всякомъ недоразумѣніи между ею и Княжествами имѣли право прибѣгать къ заступничеству Россіи. Ясскій договоръ 1791 года и бухарестскій договоръ 1812 года подтвердили постановленія Кучукъ-Кайнарджійскаго трактата. Аккерманская конвенція 1826 года установила семилѣтній срокъ правленія господарей, при чемъ обусловила ихъ назначеніе и смѣну согласіемъ Россіи. Адріанопольскій трактатъ призналъ протекторатъ Россіи надъ обоими Княжествами. Въ силу этого признанія наши войска оставались въ Княжествахъ и послѣ войны для поддержанія порядка до введенія въ дѣйствіе выработаннаго графомъ Киселевымъ и разсмотрѣннаго, по повелѣнію Императора Николая, въ Государственномъ Совѣтѣ „Органическаго статута", заключавшаго кодексъ государственнаго и финансоваго права Молдавіи и Валахіи, а также и нѣкоторые другіе постановленія и уставы. Согласно статута санъ господаря пріобрѣтался народнымъ избраніемъ и утвержденіемъ Россіи и Турціи.

Однако, волненія въ Княжествахъ не прекращались. Они вызывались въ Валахіи злоупотребленіями господаря, а въ Молдавіи недовольствомъ крестьянъ. Общеевропейское революціонное движеніе 1848 года отозвалось въ Валахіи сверженіемъ господаря и смѣной временныхъ революціонныхъ правительствъ, отмѣнившихъ Органическій уставъ; въ Молдавіи же, которой управлялъ энергичный Стурдза, оно ограничилось отдѣльными вспышками. Эти обстоятельства первоначально повлекли за собой занятіе Княжествъ русскими и турецкими войсками, а затѣмъ, въ 1849 году, была заключена балто-лиманская конвенція, которая возстанавливала дѣйствіе Органическаго статута, но съ отмѣною права избранія господарей, вновь назначавшихся съ тѣхъ поръ по соглашенію нашего правительства и Порты.

Господаремъ Валахіи былъ назначенъ Барбо Стирбей, Молдавіи—Григорій Гика. Первые же годы ихъ правленія ознаменовались злоупотребленіями и недовольствомъ населенія. И то, и другое являлось для нашего правительства предметомъ заботъ, а для нашихъ заграничныхъ недоброжелателей матеріаломъ для обвиненій не столько противъ господарей, сколько противъ Россіи, вліянію которой приписывалось своеволіе молдавскихъ и валахскихъ властей. Нельзя не согласиться со словами князя А. М. Горчакова, что протекторатъ надъ Княжествами, не принося Россіи



Панорамный видъ Россіи (англійская гравюра).

никакой выгоды, являлся для насъ лишь обузой. Къ тому же онъ былъ источникомъ, изъ котораго черпали распространяемыя въ Европѣ противъ насъ небылицы, оправдываемыя до извѣстной степени нравственной отвѣтственностью за господарей, которая налагалась на насъ существованіемъ протектората.

16 мая 1853 года, вслѣдъ за полученіемъ извѣстія объ оставленіи княземъ Меншиковымъ Константинополя, Высочайше повелѣно было войскамъ, предназначеннымъ для занятія Княжествъ, начать сосредоточеніе къ исходнымъ пунктамъ—у мѣстечекъ Скуляны и Леово.

Къ указанному времени на военное положеніе были приведены войска 4-го и 5-го корпусовъ съ прикомандированными къ нимъ частями. Весь 4-й и часть 5-го корпуса предназначались для занятія Придунайскихъ княжествъ и для наблюденія за нашей границей на нижнемъ Дунаѣ. Остальная же часть 5-го корпуса держалась въ полной готовности въ Одессѣ и въ Севастополѣ на случай возможнаго десанта въ предѣлы Турціи.

Войска 3-го корпуса мобилизовались и должны были передвинуться вслѣдъ за уходомъ 4-го корпуса на мѣста расположенія этого послѣдняго въ Кіевской, Волынской и Подольской губерніяхъ [1]).

Такимъ образомъ къ іюню мѣсяцу мы имѣли на нашей южной границѣ для дѣйствія на европейскомъ театрѣ *100½ бат., 64 эск., 60 сот., 264 пѣш. и 40 кон. ор., численностью около 129 тысячъ строевыхъ нижнихъ чиновъ* [2]).

Часть этихъ мобилизованныхъ силъ была оставлена, какъ это сказано выше, въ Одессѣ и Севастополѣ въ полной готовности для посадки на суда Черноморскаго флота.

Въ Крыму, преимущественно въ окрестностяхъ Севастополя, находилась 13-я пѣхотная дивизія съ ея артиллеріей и тремя сотнями донского казачьяго № 39 полка, всего *16 бат., 48 пѣш. ор. и 3 сот.*, и въ окрестностяхъ Одессы 14-я пѣхотная дивизія съ ея артиллеріей, съ четырьмя сотнями донского казачьяго № 22 и съ остальными сотнями № 39 полковъ, всего *16 батал., 48 пѣш. ор. и 7 сот.* [3]). Такимъ образомъ, за исключеніемъ этихъ войскъ, мы имѣли для дѣйствія на Дунаѣ *68½ батал., 64 эск., 50 сот., 168 пѣш., 40 кон. ор. и 2 понт. парка,* численностью около 90.000 строевыхъ нижнихъ чиновъ.

Кромѣ того, въ распоряженіе командующаго дѣйствующими войсками была передана Дунайская флотилія, подъ начальствомъ контръ-адмирала Мессера. Въ ряды арміи князя Горчакова она вошла въ составѣ 27 канонерскихъ лодокъ, пароходовъ „Прутъ“ и „Ординарецъ“, двухъ баржей и двухъ ботовъ, подраздѣленныхъ на 2 баталіона и вооруженныхъ 89 орудіями преимуще-

---

[1]) Для приведенія на военное положеніе дѣйствующихъ частей 3-го, 4-го и 5-го пѣхотныхъ корпусовъ пришлось ихъ составъ увеличить на 440 офицеровъ и 23.308 нижнихъ чиновъ, резервныя и запасныя части тѣхъ же корпусовъ пришлось увеличить на 1.134 офицера и 44.160 нижнихъ чиновъ (Арх. Канц. Воен. мин. по снар. в. 1852 г., секр. д. № 24).

[2]) Подробная вѣдомость помѣщена въ Приложеніи № 26. Большая часть казачьихъ частей находилась еще на пути съ Дона.

[3]) Арх. Канц. Воен. мин. по снар. в. 1856 г., секр. д. № 71.

ственно 24-хъ фунтоваго калибра и 116 трехъ-фунтовыми фальконетами [1]).

Съ конца мая мѣсяца войска начали свое сосредоточеніе къ сборнымъ пунктамъ на границѣ Княжествъ, по теченію р. Прута, и группировались въ окрестностяхъ двухъ пунктовъ, мѣстечекъ *Скуляны* и *Леово* [2]), куда они прибывали между 5 іюня и 14 іюля [3]).

Въ окрестностяхъ Скулянъ расположилась большая часть 4-го корпуса со своей артиллеріей [4]), всего *42¹/₄ батал., 6 сот., 120 пѣш. и 8 кон. ор. и понт. паркъ;* въ окрестностяхъ Леово остальная часть 4-го корпуса [5]) и изъ войскъ 5-го пѣхотнаго корпуса шесть баталіоновъ 15-й пѣхотной дивизіи съ двумя легкими батареями, 5-я легкая кавалерійская дивизія съ артиллеріей, пять сотенъ донского казачьяго № 37 полка, рота 5 сапернаго баталіона съ понтонною ротою и паркомъ и подвижной № 5-го госпиталь; всего *14¹/₂ батал., 64 эск., 5 сот., 48 пѣш. и 32 кон. ор. и понт. паркъ* [6]).

Остальныя части 5-го пѣхотнаго корпуса, за исключеніемъ сосредоточенныхъ у Одессы и Севастополя, расположились въ составѣ *10 батал., 24 пѣш. ор. и 2 сот.,* подъ личнымъ начальствомъ командира корпуса генералъ-адъютанта Лидерса, на нижнемъ Дунаѣ, у *Рени, Измаила* и *Килiи* [7]). Временная задача войскъ генерала Лидерса заключалась въ прикрытіи нашей границы по нижнему Дунаю отъ возможныхъ на нее поползновеній со стороны турокъ. Для противодѣйствія нападенію непріятеля съ этой стороны были, между прочимъ, сдѣланы распоряженія и о приведеніи въ порядокъ крѣпостей Килiи и Измаила.

Высочайшимъ указомъ 26 мая 1853 года генералъ-адъютантъ князь Михаилъ Дмитріевичъ Горчаковъ 2-й былъ назначенъ командующимъ войсками 4-го и 5-го корпусовъ съ приписанными къ нимъ частями.

---

[1]) Подробный составъ и вооруженіе Дунайской флотилiи помѣщены въ I томѣ, въ Приложеніи № 197. Она не вся поступила въ распоряженіе командующаго войсками на Дунаѣ.

[2]) Подробная дислокація показана на схемѣ № 1 (папка).

[3]) Арх. Канц. Воен. мин. по снар. в. 1853 г., д. № 10.

[4]) 2-я бригада 10-й пѣхотной дивизіи, 11-я и 12-я пѣхотныя дивизіи, двѣ батареи 10-й артиллерійской бригады, 11-я и 12-я артиллерійскія бригады, 4-й стрѣлковый и 4-й саперный баталіоны, донская № 9 батарея, понтонный № 4 паркъ съ понтонной ротой, подвижные артиллерійскіе №№ 11 и 12 парки, донской казачій № 25 полкъ и подвижной № 4 госпиталь.

[5]) 1-я бригада 10-й пѣхотной дивизіи съ двумя батареями 10-й артиллерійской бригады, 4-я легкая кавалерійская дивизія съ ея артиллеріею и подвижной паркъ № 10.

[6]) Военно-Историческій журналъ войскъ 4-го и 5-го пѣхотныхъ корпусовъ за 1853 г. Арх. Воен. Уч. Ком. Гл. Шт., Отд. 2, № 3588.

[7]) Арх. Канц. Воен. мин. по снар. в. 1856 г., секр. д. № 71.

Выборъ этотъ былъ сдѣланъ Государемъ не сразу. Въ числѣ кандидатовъ на постъ командующаго войсками называли князя Меншикова, графа Ридигера, генералъ-адъютанта Берга и командира 5-го пѣхотнаго корпуса генералъ-адъютанта Лидерса, молодого, недюжиннаго генерала, отмѣченнаго своими выдающимися дѣйствіями въ Трансильваніи въ 1849 году.

Съ именами графа Ридигера и генерала Лидерса были связаны славныя боевыя воспоминанія нашей арміи; оба они имѣли случай выказать свои военные таланты и способность къ самостоятельному руководству боевыми операціями; имена обоихъ были близки сердцу русскаго войска. Но князь Варшавскій выставилъ своего кандидата, и вѣра Императора Николая въ „отца-командира" заставила Государя остановить на немъ выборъ [1]).

Князь Михаилъ Дмитріевичъ Горчаковъ, произведенный въ офицеры гвардейской артиллеріи въ 1807 году, началъ свою разностороннюю, но преимущественно штабную боевую карьеру съ 1809 года и принималъ самое дѣятельное участіе въ войнахъ 1812, 1813 и 1814 годовъ, чѣмъ собственно и кончилась его строевая служба. Съ 1820 года онъ всего себя посвятилъ штабной службѣ, первоначально въ должности начальника штабовъ 3-го и 1-го корпусовъ, а съ 1831 года въ должности начальника главнаго штаба дѣйствующей арміи при князѣ Варшавскомъ. Эту должность, съ присоединеніемъ къ ней впослѣдствіи должностей члена совѣта управленія Царства Польскаго и военнаго генералъ-губернатора Варшавы, князь Горчаковъ исполнялъ въ теченіе 22-хъ лѣтъ, вплоть до своего назначенія на Дунай.

Будучи начальникомъ штаба 3-го корпуса, онъ участвовалъ въ турецкой кампаніи 1828 и 1829 годовъ, во время которой первымъ съ баталіономъ Брянскаго егерскаго полка переплылъ Дунай, за что былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 3-й степени; въ кампаніи 1831 года онъ принималъ дѣятельное участіе, какъ начальникъ штаба 1-го корпуса и временно начальникъ артиллеріи арміи; венгерскій походъ онъ исполнилъ уже въ роли начальника штаба князя Варшавскаго.

Какъ и большинство современной ему молодежи конца восемнадцатаго и начала девятнадцатаго столѣтія, князь Михаилъ Дмитріевичъ получилъ всестороннее образованіе, но совершенно не русское воспитаніе. Отечественнаго языка онъ очень долгое время

---

[1]) Рукописныя записки П. К. Менькова (Музей Севастопольской обороны).

почти не зналъ и въ достаточной мѣрѣ освоился съ нимъ лишь послѣ многихъ годовъ службы. Не сумѣлъ князь Горчаковъ за свою продолжительную службу и ознакомиться надлежащимъ образомъ съ характеромъ и особенностями русскаго солдата: онъ его любилъ, но не понималъ. Съ другой стороны, „личная храбрость, честность „и какая-то угловатая пря„мота, которая исключительно „нравится человѣку русскому, „отличали князя“ [1]).

Князь Михаилъ Дмитріевичъ Горчаковъ 2-й.

Свыше двадцати-двухлѣтнее пребываніе его на должности начальника штаба при князѣ Варшавскомъ, человѣкѣ съ желѣзной волей и неограниченнымъ самолюбіемъ, смотрѣвшимъ на начальника штаба, какъ на своего секретаря, безпрекословнаго лишь исполнителя приказаній [2]), должно было наложить на характеръ князя Михаила Дмитріевича неизгладимый, самый вредный для самостоятельной дѣятельности отпечатокъ. Властолюбіе Паскевича въ теченіе четверти вѣка успѣло окончательно убить въ князѣ Горчаковѣ и безъ того непрочную увѣренность въ себѣ и поселить полную недовѣрчивость къ правотѣ какого бы то ни было своего мнѣнія.

„Князь Горчаковъ“, пишетъ въ своихъ посмертныхъ запискахъ одинъ изъ многолѣтнихъ его сослуживцевъ [3]), „при ясномъ „иногда взглядѣ на предметы, но при полной недовѣрчивости къ „себѣ, не могъ остановиться на самой вѣрной и обдуманной „мысли!... Въ минуту рѣшимости онъ начиналъ разсматривать „предметъ со всѣхъ сторонъ, ворочалъ, перемѣнялъ и пере„ставлялъ до того, что затемнялъ и предметъ и мысль. Недовѣр-

---

[1]) Записки П. К. Менькова. Томъ I.
[2]) Записки Н. И. Ушакова (Девятнадцатый вѣкъ П. Бартенева. Томъ II).
[3]) Записки П. К. Менькова. Томъ I.

„чивость къ собственному мнѣнію, недовѣрчивость къ другимъ, „соединенныя съ нерѣшимостью и какою-то странною живостью, „суть причины, что дѣла его, иногда глубоко обсужденныя, прини- „мали въ исполненіи видъ нескладицы.

„Съ титуломъ главнокомандующаго онъ соединялъ въ себѣ „занятія командировъ корпусовъ и всѣхъ частныхъ начальниковъ; „подчасъ онъ полковой и ротный командиръ и почти всегда „старшій адъютантъ".

Отличавшійся блестящей личной храбростью, князь Горчаковъ, благодаря указанной выше недовѣрчивости къ себѣ и отчасти свойственнаго ему эгоизма, былъ одержимъ замѣчательной боязнью общественныхъ толковъ и критики. Вопросы не только о томъ, какъ посмотрятъ на тотъ или другой его поступокъ въ Петербургѣ, но что скажетъ князь Варшавскій, что подумаетъ князь Меншиковъ и много другихъ вліятельныхъ лицъ волновали и безпокоили князя Михаила Дмитріевича гораздо болѣе, чѣмъ тотъ открытый врагъ, противъ котораго онъ былъ призванъ бороться. Незначительный досугъ командующаго стотысячной арміей князь Горчаковъ заполнялъ обширной перепиской съ Петербургомъ, Варшавой и Севастополемъ, давая всюду объясненія, оправдывая свои дѣйствія и ища совѣтовъ.

„Призванный обстоятельствами и волею Монарха", писалъ онъ князю Меншикову уже 31 мая [1]), „на постъ, гдѣ я могу „столкнуться со сферой дѣятельности вашей свѣтлости, поста- „вленный противъ той Турціи, которую вы знаете такъ хорошо, „я считаю долгомъ взывать къ давнишнему благорасположенію, „которое вы мнѣ всегда оказывали, и просить васъ сопутство- „вать меня вашими совѣтами, помогать мнѣ вашими познаніями... „Я буду истинно счастливъ, если вамъ будетъ угодно сообщить „мнѣ нѣсколько мыслей относительно образа дѣйствій, котораго „я долженъ придерживаться во время моего пребыванія въ Кня- „жествахъ..." [2]).

Вообще князь Горчаковъ, образованный, богатый свѣдѣніями и опытностью, поэтъ въ душѣ, терялся на каждомъ шагу. До смѣшного разсѣянный, забывчивый, суетливый, онъ при всѣхъ своихъ высокихъ душевныхъ качествахъ былъ обреченъ на безсиліе, и эти свойства его характера особенно обостри-

---

[1]) Арх. Воен. Уч. Ком. Гл. Шт., Отд. 2, д. № 4253.
[2]) Переводъ съ французскаго.

лись къ старости, когда 64-хъ лѣтъ отъ роду онъ впервые былъ поставленъ на самостоятельный постъ командующаго войсками на Дунаѣ.

Добавимъ къ этому, что князь Михаилъ Дмитріевичъ отличался чувствомъ высокаго патріотизма, безкорыстія и отмѣнной честности. Заботливый о нуждахъ солдатъ, прозванный въ рядахъ ихъ почетнымъ именемъ „честнаго князя", Горчаковъ былъ ими любимъ, но мало знакомъ съ условіями ихъ быта и не умѣлъ своимъ словомъ расшевелить душу солдатскую [1]).

Судьба поставила князя Горчакова, независимо отъ его воли и стараній, на стражѣ самыхъ существенныхъ интересовъ Россіи въ одну изъ труднѣйшихъ годинъ ея жизни. Наиболѣе строгій судья долженъ отдать князю Михаилу Дмитріевичу справедливость въ томъ, что во всѣ періоды этой длинной, тяжелой эпопеи нашей исторіи онъ, не щадя своихъ старческихъ лѣтъ, своего самолюбія и личныхъ интересовъ, постоянно отставляя себя на задній планъ, мученически несъ до конца свой тяжелый крестъ. И это въ то время, когда остальные, болѣе его отмѣченные милостями судьбы, одинъ за другимъ старались сбросить съ себя тяжелую и отвѣтственную роль, взваливая ее на плечи все того же выносливаго князя Михаила Дмитріевича. Онъ далъ Россіи болѣе, чѣмъ могъ; остальное зависѣло не отъ него.

Зато князь Варшавскій, ревниво оберегая свою боевую славу, могъ считать себя на берегахъ Дуная столь же полновластнымъ хозяиномъ, какъ и на берегахъ Вислы.

Правдивый и честный князь Горчаковъ хорошо сознавалъ свою неподготовленность къ тому дѣлу, во главѣ котораго онъ былъ поставленъ. „Осмѣливаюсь доложить Вашему Император-„скому Величеству", писалъ онъ Государю 10 (22) іюня [2]), „что „хотя я приступаю теперь къ дѣлу съ нѣкоторымъ опасеніемъ, „такъ какъ доселѣ не командовалъ еще большимъ числомъ „войска, но, однако же, имѣю надежду, что при Божіей помощи „исполню все, согласно видамъ Вашимъ, Всемилостивѣйшій Го-„сударь".

При такомъ характерѣ командующаго арміей большимъ значеніемъ долженъ былъ пользоваться начальникъ его штаба. На

---

[1]) Записки П. К. Менькова, Записки Н. И. Ушакова, Воспоминанія Докудовскаго, Дневникъ гр. П. Е. Коцебу (рукоп. отд. Севаст. муз.), „Восточная война" Богдановича, томъ I, Воспоминанія Севастопольца (Русск. Арх. 1893 г., кн. 1) и др.

[2]) Арх. Канц. Воен. мин. по снар. в. 1853 г., секр. д. № 47.

эту должность былъ назначенъ генералъ-адъютантъ (впослѣдствіи графъ) П. Е. Коцебу. Человѣкъ безупречной храбрости, составившій себѣ, по мѣткому выраженію одного изъ современниковъ „громоздкую“ репутацію своей службой въ Варшавѣ и на Кавказѣ, генералъ Коцебу отличался характеромъ скрытнымъ, подозрительнымъ и, несмотря на свою всегдашнюю вѣжливость, онъ пользовался почти общимъ нерасположеніемъ. Его чуждый природнымъ качествамъ русскаго человѣка характеръ, иностранное происхожденіе, мелочность, не всегда открытый образъ дѣйствій и мстительность, а также стараніе „окружить князя одною только „своею личностью“ заставляли приписывать ему много нехорошаго, случавшагося въ арміи. Во всякомъ случаѣ онъ пользовался большимъ вліяніемъ на князя Горчакова, но только въ размѣрахъ, допускающихъ вліяніе одного лица на такую личность, какой былъ князь Михаилъ Дмитріевичъ.

Получивъ Высочайшія повелѣнія и снабженный цѣлой массой инструкцій и наставленій, преподанныхъ военнымъ министромъ княземъ Долгорукимъ и графомъ Нессельроде, князь Горчаковъ оставилъ Петербургъ и 7 іюня прибылъ къ своей главной квартирѣ, расположенной въ Кишиневѣ.

Военнымъ генералъ-губернаторомъ Бессарабіи генераломъ-отъ-инфантеріи Федоровымъ были ко времени сосредоточенія арміи къ Пруту и еще до пріѣзда князя Горчакова приняты мѣры по усиленію наблюденія за Дунайской границей, по приведенію въ оборонительное состояніе крѣпостей Киліи и Измаила и по обезпеченію войскъ подвозомъ продовольствія и прочими хозяйственными потребностями. Въ Леовѣ и Скулянахъ были устроены для переправы черезъ Прутъ надежные мосты на судахъ, которые въ теченіе сутокъ могли быть поставлены на воду. Въ Измаилѣ навели мостъ на плотахъ, длиною въ 180 саженъ, и заготовили на такое же протяженіе плоты, которые могли быть двинуты по назначенію во всякое время [1]).

Князь Горчаковъ, одобривъ всѣ эти распоряженія, приказалъ, по представленію командующаго Дунайской флотиліей контръ-адмирала Мессера, принять слѣдующія мѣры для наблюденія за Дунаемъ и его рукавами [2]):

---

[1]) Военно-Историческій журналъ войскъ 4-го и 5-го пѣхотныхъ корпусовъ. Арх. Воен. Уч. Ком. Гл. Шт., Отд. 2, д. № 3588.

[2]) См. схему № 1 (папка).

1) Всю линію постовъ пограничной стражи отъ Рени до Сулина обратить въ военную передовую цѣпь.

2) Въ виду бывшаго полноводія употребить на посты лодки пограничной стражи.

3) Всю линію постовъ раздѣлить на отдѣленія, дать имъ наставленіе о мѣстѣ сбора по тревогѣ и о томъ, куда отступать въ случаѣ нападенія превосходныхъ силъ.

4) Въ виду недостатка людей на Дунайской флотиліи выдѣлить изъ нея пять лодокъ съ полнымъ числомъ экипажа и подкрѣпить этими лодками съ двумя пароходами линію пограничныхъ постовъ, размѣстивъ ихъ слѣдующимъ образомъ:

Генералъ-адъютантъ Павелъ Евстафіевичъ Коцебу.

а) 2 лодки — на обоихъ берегахъ Килійскаго рукава, при раздѣленіи его съ Сулинскимъ, чтобы перекрестнымъ огнемъ оборонять входъ въ этотъ рукавъ.

б) 2 лодки — по сторонамъ Сулинской брандвахты и одну имѣть въ Сулинѣ.

в) Одному пароходу быть въ Рени, крейсеруя оттуда до крѣпости Тульчи и обратно, а другому — въ Сулинѣ, производя крейсерство также до крѣпости Тульчи и обратно. Цѣлью крейсерства ставилось наблюденіе за исправностью постовъ и поданіе въ случаѣ надобности послѣднимъ помощи.

Эти распоряженія вызвали серьезную критику со стороны лично осмотрѣвшаго теченіе нижняго Дуная князя Меншикова. Острова Четалъ, Лети, Св. Георгія и другіе, вслѣдствіе розлива рѣки, оказались подъ водой; посты пограничной стражи на половину разрушенными, а уцѣлѣвшіе наполненными водой; тѣ 3-4 человѣка, которые на нихъ находились, каждую минуту рисковали быть затопленными или захваченными турками, если бы они того пожелали. Лодки на постахъ встрѣчались очень рѣдко, отступленіе съ постовъ возможно было только у входа и выхода изъ Килійскаго рукава, отдѣленныхъ пространствомъ въ

60 верстъ, и эти-то два пункта собственно и слѣдовало охранять [1]). Въ то же время князь Меншиковъ свидѣтельствовалъ о безотчетномъ и неоправдываемомъ обстановкою страхѣ, который господствовалъ въ Измаилѣ и отчасти раздѣлялся княземъ Горчаковымъ въ ожиданіи нападенія съ того берега Дуная на эту крѣпость турокъ или некрасовцевъ, а также оспаривалъ желаніе употребить для защиты ея Дунайскую флотилію.

Вообще способъ употребленія флотиліи въ дѣло вызвалъ обширную переписку между командующимъ войсками и начальникомъ главнаго морского штаба. Князь Горчаковъ хотѣлъ видѣть въ тяжелыхъ и неповоротливыхъ канонерскихъ лодкахъ, съ трудомъ подвигавшихся на веслахъ противъ теченія, легкіе крейсера и желалъ при помощи ихъ обезпечить себя отъ вражьихъ поползновеній на нижнемъ Дунаѣ; князь Меншиковъ предлагалъ ему смотрѣть на канонерскія лодки, какъ на плавучія батареи, которыя могутъ принести большую пользу при форсированіи переправы для обстрѣливанія противоположнаго берега, и совѣтовалъ беречь для этого случая какъ лодки, такъ и пароходы.

Выходили недоразумѣнія и по вопросу объ укомплектованіи флотиліи экипажемъ до полнаго состава. Князь Александръ Сергѣевичъ находилъ невозможнымъ сдѣлать это при помощи людей Черноморскаго флота, тѣмъ болѣе, что онъ считалъ совершенно излишними для надобностей Дунайской арміи всѣ 27 лодокъ. Князь Меншиковъ предлагалъ снять съ нѣкоторыхъ лодокъ экипажъ для пополненія имъ полнаго комплекта экипажей на другихъ лодкахъ. Это заставило князя Горчакова назначить на флотилію недостающихъ людей отъ Модлинскаго полка [2]).

Въ ожиданіи своего вступленія въ Княжества командующій войсками нашелъ нужнымъ объединить начальствованіе надъ войсками въ раіонѣ между рѣками Прутъ и Днѣстръ, а также надъ Бессарабскими крѣпостями, Дунайской флотиліей и пограничной и карантинной стражами въ лицѣ генерала Лидерса, на котораго возлагалось охраненіе части нашей границы по нижнему Дунаю.

---

[1]) Кн. Меншиковъ—кн. Горчакову отъ 25 іюня 1853 г. Арх. Воен. Уч. Ком. Гл. Шт., Отд. 2, № 4253.

[2]) Переписка кн. Меншикова съ кн. Горчаковымъ лѣтомъ 1853 г. Арх. Воен. Уч. Ком. Гл. Шт., Отд. 2, д. № 4253. Всеподданнѣйшее письмо кн. Горчакова отъ 22 іюля 1853 г. Арх. Канц. Воен. мин. по снар. в. 1853 г., секр. д. № 47. Арх. Воен. Уч. Ком. Гл. Шт., Отд. 2, д. № 4255.

Особой инструкціей князь Горчаковъ подтверждалъ генералу Лидерсу мирный характеръ нашего занятія Княжествъ, указывалъ, что столкновеніе съ турками возможно лишь при условіи личнаго ихъ перехода въ наступленіе, объявлялъ волю Государя не переходить черезъ Дунай и предписывалъ дать полную свободу плаванія по этой рѣкѣ торговымъ судамъ всѣхъ націй, не исключая и плавающихъ подъ турецкимъ флагомъ.

„Въ случаѣ же“, кончалъ онъ свою инструкцію, „если бы „Турція, пользуясь отдаленіемъ нашихъ силъ въ Княжества, осмѣ„лилась сдѣлать вторженіе въ предѣлы Имперіи со стороны Тульчи „или Исакчи, то вы должны заставить непріятеля дорого попла„титься за подобную дерзкую попытку“ [1]).

II.

13 іюня въ Петербургѣ былъ полученъ отказъ Решида-паши подписать условія, предложенныя въ письмѣ графа Нессельроде отъ 19 мая.

На другой день состоялся Высочайшій манифестъ о занятіи нами Княжествъ [2]).

„Истощивъ всѣ убѣжденія и съ ними всѣ мѣры миролюби„ваго удовлетворенія справедливыхъ нашихъ требованій“, читалось въ манифестѣ, „мы признали необходимымъ двинуть войска наши „въ Придунайскія княжества, дабы доказать Портѣ, къ чему можетъ „вести ея упорство. Но и теперь не намѣрены мы начинать войны; „занятіемъ Княжествъ мы хотимъ имѣть въ рукахъ нашихъ такой „залогъ, который бы во всякомъ случаѣ ручался намъ въ воз„становленіи нашихъ правъ.

„Не завоеваній ищемъ мы: въ нихъ Россія не нуждается. „Мы ищемъ удовлетворенія справедливаго права, столь явно нару„шеннаго. Мы и теперь готовы остановить движеніе нашихъ войскъ, „если Оттоманская Порта обяжется свято соблюдать неприкосно„венность православной церкви. Но если упорство и ослѣпленіе „хотятъ противнаго, тогда, призвавъ Бога на помощь, Ему пре„доставимъ рѣшить споръ нашъ и, съ полной надеждой на все„могущую десницу, пойдемъ впередъ за вѣру православную“.

---

[1]) Военно-Историческій журналъ войскъ 4-го и 5-го пѣхотныхъ корпусовъ за 1853 г. Арх. Воен. Уч. Ком. Гл. Шт., Отд. 2, д. № 3588.

[2]) См. Приложеніе № 27.

Одновременно съ этимъ князю Горчакову было повелѣно вступить въ предѣлы Княжествъ и занять ихъ „со всевозможной „быстротой". Подтверждая ранѣе данныя указанія не переходить Дуная и избѣгать столкновенія съ турками, командующему войсками особенно рекомендовалось не раздроблять съ одной стороны войскъ, но съ другой „наблюдать со всею бдительностью за „турецкою границею и за нижнимъ теченіемъ Дуная для пред- „упрежденія всякаго покушенія турецкихъ войскъ вторгнуться въ „собственные предѣлы наши" [1]).

Со смѣшаннымъ чувствомъ надеждъ и опасеній, воинственнаго пыла и какого-то тяжелаго предчувствія встрѣтила Россія вѣсть о новыхъ и мало для кого понятныхъ военно-дипломатическихъ мѣрахъ противъ Турціи. Святыя Мѣста, восточный вопросъ, посольство князя Меншикова, враждебность Запада — все это успѣло облетѣть всѣ уголки нашего обширнаго отечества и произвести свое впечатлѣніе. Чувствовалась какая-то неестественность положенія, какая-то неопредѣленность цѣлей, недосказанность официальныхъ извѣстій. Полумѣры, къ которымъ вынужденъ былъ прибѣгнуть рѣшительный въ цѣляхъ поддержанія затронутой чести Россіи Государь, наводили на него тяжкое раздумье и приводили къ внутренней борьбѣ между тѣмъ, что онъ полагалъ необходимымъ сдѣлать для поддержанія достоинства страны, и тѣмъ, что онъ, окутанный паутиной двадцатилѣтней односторонней политической системы, принужденъ былъ дѣлать. Настроеніе Императора Николая было самое грустное и тревожное; онъ неоднократно приказывалъ избѣгать всего, что можетъ привести къ необходимости „драки, чего искренно желаю избѣжать по „неисчислимымъ того послѣдствіямъ" [2]).

Государь, поставленный съ самаго начала кризиса на ложный путь и не имѣя силъ отъ него отклониться, инстинктивно сознавалъ всю фальшь своего положенія; съ этого времени онъ постепенно началъ терять вѣру въ тотъ фундаментъ, на которомъ въ теченіе двадцати-пяти лѣтъ строилъ зданіе своего царствованія, и это сдѣлало послѣдніе годы жизни великаго монарха безпримѣрными по трагизму. Съ тѣхъ поръ Императора Николая лишь въ рѣдкія минуты можно было видѣть веселымъ; тяжкія думы и

---

[1]) Воен. Мин.—кн. Горчакову отъ 13 іюня 1853 г., № 863. Арх. Канц. Воен. мин. по снар. в. 1853 г., секр. д. № 52.

[2]) Письмо Государя къ кн. Горчакову отъ 20 іюня 1853 г. Собств. Его Величества библіотека, шк. 115, портф. 14.

впечатлѣніе большой душевной борьбы не сходили съ его лица вплоть до кончины.

Генералъ-лейтенантъ Сержпутовскій (Начальникъ артиллеріи Дунайской арміи).

Въ русскомъ обществѣ наравнѣ со всекритикующимъ кружкомъ высшаго чиновнаго міра Петербурга [1]), не признававшаго необходимости для Россіи вмѣшиваться въ дѣла ближняго Востока, проглядывала надежда на выполненіе тамъ нашей исторической миссіи, смѣшанная съ сознаніемъ искусственности принятой системы и съ опасеніемъ войны съ западными державами. „Много „гадостей дѣлается на Святой „Руси", писалъ князь Вяземскій Северину [2]), „но зато прорываются и такія дѣла, которыхъ „не скоро встрѣтишь въ другихъ краяхъ. Какъ все это кончится? „По моему скудному разумѣнію, въ негоціаціяхъ, хотя будь онѣ „ведены умнымъ и хитрымъ человѣкомъ, какъ Меншиковъ, „все успѣха намъ быть не можетъ. Англичане, заодно съ фран„цузами, всегда насъ пересилятъ, потому что турки имъ довѣ„ряютъ, а намъ не вѣрятъ. Англія и Франція могутъ дѣйствовать „и дѣйствуютъ на Турцію торговлею, такъ называемымъ просвѣ„щеніемъ, а мы не имѣемъ надъ нею этого торговаго вліянія. „Мы можемъ налечь на нее только физическою силою. Слѣдо„вательно, когда обстоятельства того требуютъ, и нужно брать „силою, а не словами. Не признается время удобнымъ для дѣй„ствія, то лучше смотрѣть сквозь пальцы, а не затѣвать преній, „которыя кончатся побѣдою въ пользу противниковъ". Съ своей стороны Аксаковъ писалъ Тургеневу [3]): „Кажется, будетъ война. „Обстоятельства увлекаютъ насъ противъ воли. Исторія возьметъ „свое: я ожидаю великихъ событій".—Это такое происшествіе,

---

[1]) Рукописный дневникъ кн. П. П. Гагарина. Собств. Его Величества библіотека.
[2]) Отъ 24 апрѣля 1853 г., изъ Дрездена. Барсуковъ: „Жизнь и труды Погодина", кн. XIII.
[3]) 12 іюля 1853 г. Тамъ же.

говорилъ Хомяковъ [1]), котораго послѣдствія трудно предвидѣть. „Cette guerre", писалъ тотъ же Хомяковъ пріятелю иностранцу, „nous est imposée par les devoirs de notre fraternité avec les chré-„tiens d'Orient. Quelqu'en soit la marche, le triomphe du principe est „indubitable" [2]).

Бодро и весело между тѣмъ тянулось русское воинство, направляясь къ берегамъ Дуная, завѣтному рубежу, раздѣлявшему двѣ враждебныя націи. Среди офицеровъ съ восторгомъ принималось всякое новое извѣстіе, убѣждавшее ихъ, что армія двинется впередъ. „Самые хладнокровные изъ насъ", занесъ въ свои записки одинъ изъ современниковъ [3]), „не могли равнодушно „слышать о дерзости, съ какою поступала съ нами Порта, по-„двигнутая сперва тайнымъ, а потомъ явнымъ подстрекательствомъ „Англіи и Франціи"... Въ неопредѣленномъ положеніи находился и командующій войсками, постоянно мучившій себя вопросами о томъ, будетъ или не будетъ война, атакуютъ или не атакуютъ его турки, и старавшійся удовлетворить сразу многимъ несовмѣстимымъ условіямъ—военной безопасности, сохраненію войскъ и занятію всей обширной территоріи Княжествъ, а, главное, боявшійся критики въ Петербургѣ, въ Варшавѣ и на берегахъ Чернаго моря, откуда обильной жатвой сыпались совѣты неотвѣтственныхъ совѣтниковъ [4]).

21 іюня начался переходъ нашихъ войскъ черезъ Прутъ и форсированное движеніе ихъ къ Бухаресту [5]). Наступленіе главныхъ силъ [6]) должно было прикрываться, съ цѣлью скорѣйшаго занятія Бухареста, особымъ спеціально кавалерійскимъ авангардомъ и незначительнымъ отдѣльнымъ отрядомъ (1 баталіонъ и 25 казаковъ) [7]), который былъ направленъ въ Галацъ для обезпеченія нашего движенія отъ какихъ-либо поползновеній со стороны Дуная [8]).

---

[1]) Отъ 12 іюля 1853 г., изъ Дрездена. Барсуковъ: „Жизнь и труды Погодина", кн. XIII.

[2]) Полное собраніе сочиненій А. С. Хомякова. Москва, 1861 г., стр. 511.

[3]) Алабинъ: „Восточная война", ч. II, стр. 16.

[4]) Переписка кн. Горчакова съ воен. мин., съ кн. Варшавскимъ, съ кн. Меншиковымъ. Арх. Канц. Воен. мин. и Воен. Уч. Ком. Гл. Шт.

[5]) См. Приложеніе № 28.

[6]) См. общую карту и схему № 1 (папка).

[7]) Отъ 2 бригады 15 пѣхотной дивизіи и донского казачьяго № 37 полка, подъ начальствомъ подполковника Гардѣева.

[8]) Всего въ іюнѣ и іюлѣ 1853 г. вступило въ Княжества 71.869 строев. нижн. чиновъ. Изъ чернового журн. воен. дѣйств., составлявшагося полковникомъ Меньковымъ (Музей Севастопольской обороны).

1) *Авангардъ,* подъ начальствомъ генералъ-адъютанта графа Анрепъ-Эльмпта, силою въ *32 эск., 6 сот. и 16 к. ор.* [1]), переправился 21 іюня черезъ Прутъ у Леово и двинулся, имѣя въ передовомъ отрядѣ казаковъ, однимъ эшелономъ форсированными маршами на Фальчи, Текучъ, Фокшаны, Рымникъ и Бузео къ Бухаресту, куда и прибылъ 3 іюля, выдѣливъ отъ Бузео къ Слободзеѣ наблюдательный отрядъ для прикрытія марша со стороны Дуная. На всемъ пути въ 350 верстъ авангардъ имѣлъ лишь двѣ дневки [2]).

2) *Главныя силы* арміи были раздѣлены на *три колонны:*

а) *Правая колонна,* подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Липранди, силою въ *16 батал., 48 пѣш. ор.* [3]), окончивъ переправу черезъ Прутъ у Скулянъ 2 іюля, направилась для обхода гористаго участка Скуляны-Романъ на Яссы, Романъ, Баксу, Фокшаны, Рымникъ и Бузео къ Бухаресту, куда и прибыла 12 іюля.

б) *Средняя колонна,* подъ начальствомъ генерала-отъ-инфантеріи Данненберга, силою въ *25¼ батал., 80 ор., 7 сот. и 1 понт. паркъ* [4]), произвела переправу черезъ Прутъ у Скулянъ между 21 іюня и 3 іюля и двинулась восемью эшелонами на Яссы, Васлуй, Бырлатъ, Текучъ, Фокшаны и Бузео къ Бухаресту, куда и прибыла въ половинѣ іюля. И, наконецъ,

в) *Лѣвая колонна,* подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта гр. Нирода, силою въ *13½ батал., 32 эск., 5 сот. и 56 ор.* [5]), окончивъ переправу черезъ Прутъ у Леова 4 іюля, двинулась

---

[1]) 5 легкая кавалерійская дивизія, 5 конная артиллерійская бригада и донской казачій № 34 полкъ.

[2]) Арх. Канц. Воен. мин. по снар. в. 1853 г., секр. д. № 52.

[3]) 12 пѣхотная дивизія, 12 артиллерійская бригада и подвижной артиллерійскій № 12 паркъ.

[4]) Семь баталіоновъ 2-й бригады 10-й пѣхотной дивизіи (1 баталіонъ Колыванскаго егерскаго полка оставался въ Хотинѣ до смѣны баталіономъ отъ 3-го пѣхотнаго корпуса), двѣ батареи 10-й артиллерійской бригады, 11-я пѣхотная дивизія съ ея артиллеріей, 4-й стрѣлковый и 4-й саперный баталіоны, понтонная № 4 рота съ паркомъ, донской казачій № 25 и сотня № 37 полка, донская казачья № 9 батарея, подвижной артиллерійскій № 11 паркъ и подвижной № 4 госпиталь.

[5]) 1-я бригада 10-й пѣхотной дивизіи съ двумя батареями 10-й артиллерійской бригады, пять баталіоновъ 2-й бригады 15-й пѣхотной дивизіи (одинъ баталіонъ Замосцкаго егерскаго полка съ 25-ю казаками донского № 37 полка былъ отправленъ подъ начальствомъ полковника Гордѣева отъ Леово въ Галацъ, а два баталіона остались въ колоніяхъ южной Бессарабіи) съ двумя батареями 15-й артиллерійской бригады (еще въ 8 орудійномъ составѣ), 4-я легкая кавалерійская дивизія съ ея артиллеріей, пять сотенъ донского казачьяго № 37 полка, рота 5-го сапернаго баталіона съ понтоннымъ № 5 паркомъ и понтонною ротою, подвижной артиллерійскій № 10 паркъ и подвижной № 5 госпиталь.

семью эшелонами къ Бухаресту черезъ Фальчи, Бырлатъ, Текучъ и Фокшаны [1]).

Дойдя до Текуча въ трехъ колоннахъ, главныя силы князя Горчакова продолжали въ половинѣ іюля дальнѣйшее слѣдованіе къ Бухаресту уже въ двухъ колоннахъ:

1) *Лѣвая,* подъ начальствомъ графа Нирода, силою въ *8½ батал., 32 эск., 5 сот., 24 пѣш. и 16 кон. ор. и понт. паркъ* [2]), на селенія Нашалоса, Градишня-де-Сусъ, Филонешти и Лучіу [3]) и

2) *Правая,* подъ начальствомъ генерала Даненберга, силою въ *42½ батал., 120 пѣш. и 8 кон. ор. и понт. паркъ* [4]), на Фокшаны, Рымникъ и Бузео [5]).

Къ нашимъ войскамъ, вступавшимъ въ Княжества, присоединились также молдавскія и валахскія войска, численность которыхъ совмѣстно съ граничарами (пограничная стража) и доробанцами (конная полиція) доходила до 20.000 человѣкъ при 14 орудіяхъ. Наибольшее боевое значеніе по своей численности (свыше 15 тысячъ человѣкъ) [6]) имѣли валахскія войска. Впрочемъ, на эти войска, хотя и хорошо обученныя, но руководившіяся собственными частными интересами и не имѣвшими „воинскаго духа“ [7]), такъ же, какъ и на греческихъ и славянскихъ волонтеровъ, въ составъ которыхъ большею частью входили жадные на добычу искатели приключеній, нельзя было разсчитывать. Было приказано

---

[1]) Арх. Канц. Воен. мин. по снар. в. 1856 г., секр. д. № 71, 1853 г., секр. дд. № 10, № 52 и Воен. Уч. Арх. Гл. Шт., Отд. 2, № 3311.

[2]) 1-я бригада 10-й пѣхотной дивизіи съ двумя батареями 10-й артиллерійской бригады, 4-я легкая кавалерійская дивизія съ ея артиллеріею, рота 5-го сапернаго баталіона, понтонный № 5 паркъ съ понтонной ротой, пять сотенъ донского казачьяго № 37 полка и подвижной № 5 госпиталь.

[3]) См. схему № 1 (папка).

[4]) 2-я бригада 10-й пѣхотной дивизіи съ двумя батареями 10-й артиллерійской бригады, 11-я и 12-я пѣхотныя дивизіи съ ихъ артиллеріею, 4-й стрѣлковый и 4-й саперный баталіоны, 4-й понтонный паркъ съ понтонной ротой, донская казачья № 9 батарея и подвижной № 4 госпиталь.

Подвижные артиллерійскіе №№ 10, 11 и 12 парки были направлены изъ Текуча въ Плоешти.

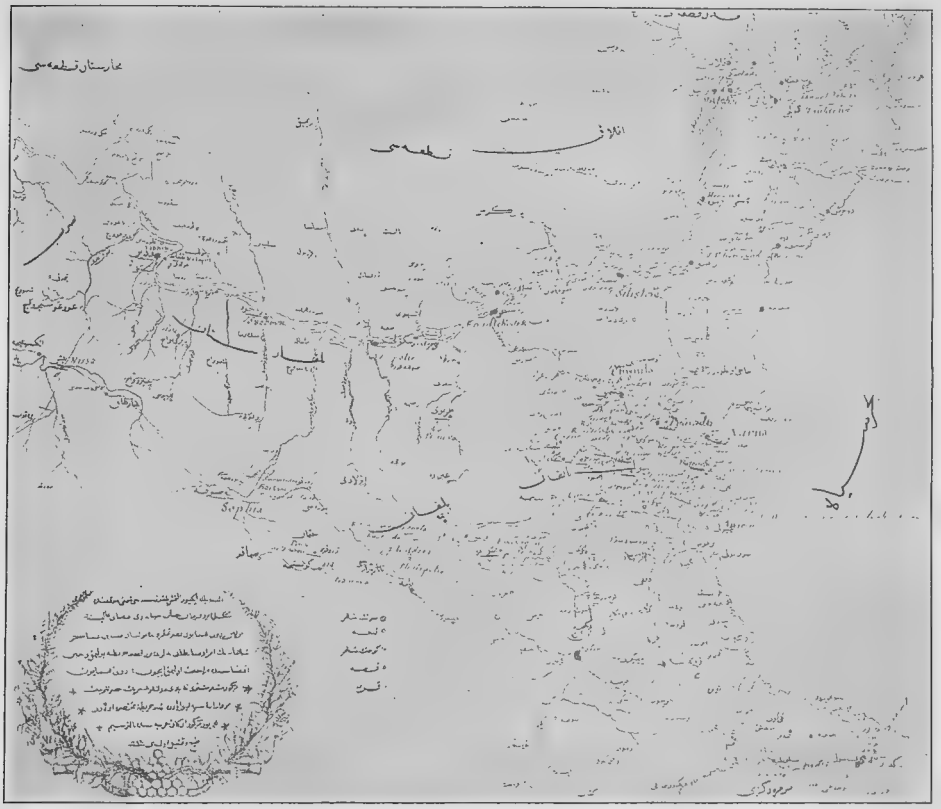
[5]) Во время этого движенія главныхъ силъ къ Бухаресту былъ выдвинутъ къ Браилову для прикрытія арміи съ этой стороны, а равно и для наблюденія Дуная со стороны Браилова, отрядъ генералъ-майора Фридрихса изъ гусарскаго Принца Прусскаго полка, 4-хъ орудій конно-легкой № 8 батареи и сотни донского казачьяго № 37 полка (8 эскадроновъ, 1 сотня и 4 конныхъ орудія), который расположился близъ Браилова у сел. Назиру. Черезъ нѣсколько дней, при одномъ изъ безконечныхъ видоизмѣненій расположенія охраняющихъ и наблюдающихъ частей, этотъ отрядъ былъ расформированъ.

[6]) Составъ валахскихъ войскъ помѣщенъ въ Приложеніи № 29.

[7]) Донесеніе кн. Горчакова отъ 20 октября 1853 г., № 1731. Арх. Воен. Уч. Ком. Гл. Шт., Отд. 2, д. № 3311.

ни въ какомъ случаѣ не вводить ихъ въ дѣло съ турками и держать подальше въ тылу [1]).

Выдвигая авангардъ, князь Горчаковъ далъ начальнику его инструкцію, являющуюся образцомъ того вожденія начальниковъ значительныхъ массъ войскъ на помочахъ, которое такъ процвѣтало во всѣхъ распоряженіяхъ князя Горчакова. Онъ, желая все



Турецкая карта театра войны (Архивъ Министерства Иностранныхъ дѣлъ).

предвидѣть, все предугадать, вмѣшивался въ мельчайшія распоряженія эскадронныхъ и сотенныхъ командировъ и указывалъ имъ тѣ подробности, которыя можно разрѣшить только на мѣстѣ. Стѣсняя этимъ малѣйшую самостоятельность частныхъ начальниковъ, князь Горчаковъ отбивалъ у нихъ всякую возможность разсуждать самимъ, а между тѣмъ злой, но справедливый рокъ

[1]) Арх. Воен. Уч. Ком. Гл. Шт., Отд. 2, д. № 3419.

не позволялъ ему въ числѣ многихъ комбинацій, имъ предугадываемыхъ, включать и тѣ, къ которымъ турки въ дѣйствительности обращались. Хотя, въ нѣкоторое оправданіе князя Горчакова, надо сказать, что предвзятый взглядъ на возможныя операціи турокъ былъ не чуждъ и Петербургу [1]).

Командующій войсками, указавъ авангарду общую цѣль занятія Княжествъ, возложилъ на него обязанность предупредить быстрымъ появленіемъ нашихъ войскъ на лѣвомъ берегу Дуная противъ Слободзеи, Силистріи, Туртукая и Рущука вторженіе туда турокъ.

Инструкція, данная графу Анрепу, разбирала возможныя дѣйствія непріятеля и останавливалась на двухъ предположеніяхъ: 1) на высылкѣ турками въ Княжества отдѣльныхъ партій и 2) на переходѣ противника въ значительныхъ силахъ на лѣвый берегъ Дуная. Авангардъ долженъ былъ прогонять отдѣльныя непріятельскія партіи, но ему предписывалась полная осторожность при встрѣчѣ со значительными силами турокъ. Первоначально графъ Анрепъ долженъ былъ черезъ парламентера объявить турецкому начальнику, что онъ составляетъ авангардъ цѣлой арміи, слѣдующей непосредственно за нимъ, и предложить ему вернуться за Дунай, такъ какъ Россія не находится въ войнѣ съ Турціей и имѣетъ цѣлью лишь занятіе Княжествъ.

Если бы турки отказались исполнить наше требованіе, то предлагалось принудить ихъ къ этому оружіемъ, но только тогда, если непріятель будетъ слабѣе нашихъ войскъ; въ противномъ случаѣ авангарду полагалось отступать на соединеніе съ нашими главными силами. „Ни въ какомъ случаѣ“, писалъ князь Горчаковъ, „и подъ строжайшею отвѣтственностью вы не должны „сталкиваться съ такими турецкими силами, которыя могли бы „вступить съ вами въ бой не только съ нѣкоторою вѣроятностью „успѣха, но даже и съ такимъ числомъ войскъ, коихъ вы навѣр„ное и безъ всякаго риска не можете прогнать“.

По достиженіи Бузео авангарду указывалось, какъ было сказано выше, выдѣлить къ Слободзеѣ особый отрядъ изъ 2-хъ эскадроновъ и 1-й сотни [2]), чтобы „показать часть нашихъ войскъ „на пространствѣ лѣваго берега Дуная отъ Силистріи до Гирсова“.

---

[1]) Инструкція кн. Горчакова генералу Анрепу отъ 18 іюня 1853 г., какъ образчикъ его инструкцій, помѣщается въ Приложеніи № 30.

[2]) Были выдвинуты, подъ начальствомъ подполковника Бакаева, два эскадрона Бугскаго уланскаго полка и сотня донского казачьяго № 34 полка.

Инструкція давала самое подробное распредѣленіе частей этого отряда по разнымъ пунктамъ врученнаго ему для охраненія участка и до мельчайшихъ подробностей указывала способъ несенія службы [1]).

Главныя силы авангарда предлагалось по достиженіи Бухареста поставить лагеремъ на р. Аржисѣ [2]), верстахъ въ 15 отъ города по Журжинской дорогѣ. Четыре дивизіона конницы съ казаками должны были быть высланы въ Обилешти, Будешти, Калагурени и Драгонешти съ тѣмъ, чтобы отряды эти своими казаками наблюдали пространство отъ Калафата до Турно. Казачьимъ постамъ строго предписывалось не начинать перестрѣлки съ турками и отходить, въ случаѣ ихъ наступленія, къ своимъ резервамъ.

Такимъ образомъ армія князя Горчакова должна была, совмѣстно съ Дунайской флотиліей, наблюдать все теченіе нижняго и средняго Дуная и охранять Княжества, избѣгая всѣми мѣрами столкновенія съ турками. Этимъ мы сами давали возможность турецкой арміи ознакомиться съ нашимъ расположеніемъ и подготовиться къ нанесенію намъ сильныхъ ударовъ [3]). Но князь Горчаковъ, видимо, былъ очень доволенъ такимъ рѣшеніемъ вопроса о роли нашей арміи. Восхваляя „премудрую“ мысль о мирно-военномъ занятіи Княжествъ, онъ выражалъ предположеніе, что даже въ случаѣ войны такое рѣшеніе поведетъ къ скорой развязкѣ. „Турки“, писалъ онъ, „видя, что мы не переходимъ Дуная, „потеряютъ, можетъ-быть, терпѣніе и перейдутъ сами на нашу „сторону. Въ подобномъ случаѣ я могу надѣяться, что съ по„мощью Божіей мнѣ удастся ихъ побить, и тогда у нихъ дурь „спадетъ“ [4]).

Вступая въ Княжества, князь Горчаковъ обратился къ жителямъ съ особой прокламаціей, вышедшей изъ-подъ пера нашего министерства иностранныхъ дѣлъ [5]). Командующій войсками, объясняя истинную причину и возможную продолжительность занятія Молдавіи и Валахіи, успокаивалъ жителей, что мы не намѣрены ни искать завоеваній, ни измѣнять коренныхъ законовъ,

---

[1]) Арх. Воен. Уч. Ком. Гл. Шт., Отд. 2, д. № 3419.

[2]) См. схему № 2 (папка).

[3]) Вступая въ Княжества, кн. Горчаковъ возложилъ охраненіе мостовъ у Леово и Скулянъ на Бессарабскаго военнаго генералъ-губернатора.

[4]) Всеподданнѣйшее письмо отъ 6 іюля (Арх. Канц. Воен. мин. по снар. в. 1853 г., секр. д. № 47).

[5]) См. Приложеніе № 31.

которыми управляются Княжества, ни ихъ политическаго положенія. Онъ предупреждалъ жителей, что пребываніе нашихъ войскъ не повлечетъ за собою никакихъ новыхъ налоговъ и повинностей и что всякія поставки для войскъ будутъ уплачиваться по цѣнамъ, напередъ установленнымъ по соглашеніямъ съ мѣстнымъ правительствомъ. Князь Горчаковъ увѣщалъ жителей взирать безъ боязни на ихъ будущность, спокойно заниматься своими дѣлами, повиноваться законамъ, такъ какъ этимъ они пріобрѣтутъ лучшія права „на великодушное попеченіе и могущественное покро-„вительство Его Императорскаго Величества".

Одновременно съ этимъ князь Горчаковъ долженъ былъ, по указанію графа Нессельроде, сообщить непосредственно отъ себя о вступленіи въ Княжества и Решиду-пашѣ. Сообщеніе это, въ видѣ личнаго письма князя Горчакова, долженъ былъ вручить по назначенію директоръ нашей коммерческой канцеляріи въ Константинополѣ, которому было указано не спрашивать у Решида-паши отвѣта, но и не отказываться отъ его пріема, если бы турецкій министръ, по собственному почину, захотѣлъ отвѣтить князю Горчакову [1]).

Въ то время въ высшихъ петербургскихъ сферахъ еще преобладало убѣжденіе, что одно только вступленіе русскихъ войскъ въ Княжества заставитъ турокъ подчиниться нашимъ требованіямъ. Въ этомъ убѣждали и донесенія князя Меншикова изъ Одессы о томъ, что у турокъ нѣтъ ни денегъ, ни военныхъ припасовъ, и что Турецкая Имперія должна развалиться сама собою, даже безъ враждебныхъ съ нашей стороны дѣйствій [2]).

Существованію такихъ предположеній содѣйствовали также свѣдѣнія о полной неготовности Оттоманской Порты къ войнѣ съ Россіей. Число войскъ во всей Европейской Турціи едва доходило до 70 тыс., изъ которыхъ только 18 тыс. было собрано въ Болгаріи, въ Шумлѣ и на берегу Дуная. Крѣпости на Дунаѣ находились въ самомъ жалкомъ положеніи и не были снабжены ни продовольственными, ни военными припасами [3]).

Движеніе нашей арміи къ Бухаресту походило на торжественное шествіе. Несмотря на огромные переходы и тропическую

---

[1]) Письмо кн. Горчакова тайному совѣтнику Озерову 25 іюня 1853 г. Арх. Воен. Уч. Ком. Гл. Шт., Отд. 2, д. № 4253.

[2]) Депеша кн. Меншикова канцлеру 16 іюня 1853 г., № 51, изъ Одессы. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ.

[3]) Сводка свѣдѣній отъ нашихъ агентовъ, плѣнныхъ, лазутчиковъ и проч. Арх. Воен. Уч. Ком., Отд. 2, д. № 5741. Канц. Воен. мин., Мин. Иностр. дѣлъ и др.

жару, бодро и весело шли солдаты, и даже число больныхъ уменьшилось сравнительно съ пребываніемъ на квартирахъ [1]); привѣтливо и радостно встрѣчали жители наши войска, охотно отдавая лучшіе дома въ ихъ распоряженіе [2]); съ торжественнымъ молебствіемъ и почетнымъ карауломъ встрѣчала князя Горчакова столица Молдавіи, Яссы, при чемъ владѣтельный ея князь Гика въ русскомъ генеральскомъ мундирѣ и съ сбритой по этому случаю бородою привѣтствовалъ командующаго войсками на правомъ флангѣ караула [3]); не менѣе торжественна была встрѣча и въ Бухарестѣ, при входѣ въ который войска были привѣтствованы митрополитомъ съ духовенствомъ и почти всѣми жителями [4]). „Пока здѣсь все идетъ отлично“, сообщалъ князь Горчаковъ

Городъ Яссы.

князя Меншикову [5]). „Поставки для моихъ войскъ дѣлаются съ „угодливостью. Молдаване дѣлаютъ очень низкіе „саламалеки“; „господарь отличный говорунъ, а европейская публика до настоя„щаго времени наружно очень корректна. Въ Валахіи не ожидали „нашего прибытія, хотя господарь и былъ объ этомъ пред„упрежденъ. Тамъ предполагали, что это только одна пустая „угроза“ [6]).

Въ то же время князь Горчаковъ доносилъ Государю: „Войска „Вашего Величества были приняты въ Бухарестѣ, какъ избави„тели, и появленіе ихъ у Дуная, вѣроятно, отобьетъ у турокъ

---

[1]) Письма подполковника Батезатула (рукоп. отд. Севастопольскаго Музея). Изъ 5½-тысячнаго отряда гр. Анрепа за время усиленнаго перехода отъ Леова до Бухареста въ теченіе 12 дней выбыло изъ строя больными 63 и умершій 1 (Арх. Канц. Воен. мин. по снар. в. 1853 г., секр. д. № 52).

[2]) Записки А. А. Генерици. Русская Старина 1877 г., кн. 10.

[3]) Записки П. К. Менькова, т. 2, стр. 212.

[4]) Гр. Анрепъ—кн. Горчакову 4 іюля 1853 г. Арх. Воен. Уч. Ком. Гл. Шт., Отд. 2, д. № 3419.

[5]) Письмо отъ 25 іюня изъ Яссъ. Арх. Воен. Уч. Ком. Гл. Шт., Отд. 2, д. № 4253.

[6]) Переводъ съ французскаго.

„охоту укрѣпляться до моего прихода у Журжи, Туртукая или „Силистріи“ [1]).

Однако, болѣе наблюдательные современники чувствовали въ отношеніяхъ къ намъ молдо-валахскаго общества фальшь и предсказывали, что оно, въ случаѣ нашей неудачи, несомнѣнно постарается отплатить намъ за 1848 годъ, когда мы не допустили Княжества измѣнить образа правленія и заставили Валахію шесть лѣтъ оставаться подъ властью господаря, котораго она ненавидѣла [2]). Дѣйствительно, большинство въ душѣ враждебной къ намъ интеллигенціи Княжествъ принадлежало къ новому поколѣнію, либеральнымъ идеямъ котораго наше правительство далеко не потворствовало; маститые же бояре, свидѣтели нашихъ благодѣяній ихъ отечеству, живо помнившіе, какъ мы разбили своими руками ярмо, столько вѣковъ на нихъ лежавшее, сошли со сцены, и некому было за насъ поднять голоса. Русская кровь, пролитая за Княжества, была забыта, а передъ глазами у всѣхъ оставался лишь тотъ фактъ, что Россія не допустила молдо-валаховъ сложиться въ тѣ формы, въ которыхъ, по ихъ понятіямъ, только и было возможно счастье государства.

Печальная дѣйствительность вскорѣ не замедлила показать себя. Уже 7 октября 1853 года генералъ Коцебу записалъ въ своемъ дневникѣ: „Ежедневно получается все болѣе и болѣе до„казательствъ враждебныхъ отношеній къ намъ мѣстныхъ жителей„румынъ и ихъ подлости“ [3]).

Истинныя же надежды Молдавіи и Валахіи, тайно поощряемыя морскими державами, явствуютъ изъ слѣдующихъ строкъ донесенія французскаго посла въ Константинополѣ генерала Опика (Aupich) своему правительству въ 1849 году, цитировавшаго мнѣніе капитана Сабатьера (Sabatier) [4]):

„Общее чувство сводится къ ненависти и страшной боязни „Россіи. Съ другой стороны крестьяне дрожатъ при одномъ „имени Турціи. Жители близки къ отчаянію, и это отчаяніе бро„ситъ молдаво-валаховъ въ объятія Россіи, чтобы имъ быть увѣ„реннымъ хотя бы только въ обезпеченіи своего рабскаго суще„ствованія. Эти печальныя и жестокія по отношенію къ народо-

---

[1]) Всеподданнѣйшее письмо отъ 6 іюля 1853 г. (Арх. Канц. Воен. мин. по снар. в. 1853 г., секр. д. № 47).

[2]) Алабинъ: „Восточная война“, ч. II.

[3]) Музей Севастопольской обороны.

[4]) Парижскій Военный архивъ.

„населенію Княжествъ мысли, столь часто нами возбуждаемыя, за„ставляютъ съ грустью слышать стенанія несчастныхъ бояръ, бла„годаря тому полному пренебреженію, съ которымъ Европа от„носится къ цѣлой націи.

„Примѣръ Греціи намъ часто служитъ указаніемъ, какъ слѣ„дуетъ избѣгать всесокрушающаго покровительства Россіи. Это „покровительство обратилось, въ особенности въ Яссахъ, въ са„мое абсолютное владычество, доходящее до руководства мель„чайшими подробностями внутренняго управленія....

„Мы восхищались тѣмъ величественнымъ чувствомъ націона„лизма, той гордостью романскаго происхожденія, которыя заста„вляютъ патріотовъ мечтать о возстановленіи древней Дакіи, ото„бравъ у русскихъ Бессарабію, а у австрійцевъ Буковину, Тран„сильванію и Банатъ. Вѣдь въ дѣйствительности это есть та во„сьмимилліонная масса потомковъ колонистовъ Траяна, которая „покрываетъ пространство отъ Карпатъ на сѣверѣ, до Дуная на „югѣ, Тейсы на западѣ, Днѣстра и Чернаго моря на востокѣ“ [1]).

III.

Театромъ войны 1853 года въ Европейской Турціи служили княжества Молдавія и Валахія. Они представляютъ страну, гористую у Карпатъ, но постепенно измѣняющуюся въ холмистую и равнинную по мѣрѣ приближенія къ Дунаю.

Второстепенные горные хребты, которые отдѣляются отъ Карпатъ, идутъ въ юго-восточномъ направленіи, при чемъ одинъ изъ нихъ покрываетъ своими отрогами пространство между рр. Прутомъ и Серетомъ, а другой, развѣтвляясь между притоками р. Серета, упирается крутыми скатами въ эту рѣку.

Оба упомянутыя государства въ географическомъ отношеніи имѣютъ свои особенности.

Молдавія дѣлится р. Серетъ на двѣ части — восточную и западную.

1) Восточная часть покрыта отрогами Карпатъ; высокіе на сѣверѣ, они постепенно понижаются къ югу, гдѣ оканчиваются равниной между Текучемъ и Галацомъ.

Сѣверная половина этой части Молдавіи изрѣзана множествомъ овраговъ и рѣчекъ, текущихъ въ крутыхъ берегахъ;

---

[1]) Переводъ съ французскаго.

южная же половина, наоборотъ, имѣетъ рѣки съ берегами низкими и мѣстами болотистыми, съ илистымъ, вязкимъ дномъ и крайне медленнымъ теченіемъ.

Вся восточная часть Молдавіи пользуется умѣреннымъ климатомъ, весьма плодородна и лишь въ южной своей половинѣ лишается иногда растительности при недостаткѣ дождей и сильномъ зноѣ.

2) Западная часть, занимающая пространство вправо отъ Серета, также покрыта отрогами главнаго Карпатскаго хребта. Они, достигая здѣсь 7000 футовъ высоты, скалисты и покрыты дремучими лѣсами, но постепенно понижаются къ востоку и въ концѣ концовъ образуютъ обширныя плато, господствующія надъ долиною р. Серета.

Рѣки западной части Молдавіи имѣютъ быстрое теченіе; онѣ, внезапно наполняясь отъ дождей, неожиданно прерываютъ сообщеніе между берегами, но зато столь же быстро и мелѣютъ.

Валахія. За исключеніемъ 125 верстной границы съ Молдавіей, она со всѣхъ сторонъ окружена естественными преградами: на сѣверѣ отдѣляется отъ австрійскихъ владѣній Карпатами, доступными лишь по немногимъ узкимъ проходамъ, съ востока же и запада ее отдѣляетъ отъ Сербіи и Болгаріи р. Дунай.

Отроги Трансильванскаго хребта, постепенно понижаясь, наполняютъ своими вѣтвями сѣверо-западную часть Валахіи до линіи Краіово-Плоэшти-Фокшаны.

Къ югу и востоку отъ этой линіи до Дуная страна совершенно открыта, и лишь изрѣдка встрѣчается волнообразный характеръ мѣстности.

Рѣки, прорѣзывающія Валахію въ направленіи отъ Карпатъ къ Дунаю, подвержены, какъ и всѣ горные потоки, внезапнымъ наводненіямъ и нерѣдко прерываютъ въ странѣ сообщенія.

Изъ рѣкъ Княжествъ болѣе значительны: Жіо, Ольта, Веде, Аржисъ съ притокомъ Дембовицей, Яломница, Серетъ и Прутъ. Судоходныя лишь въ среднемъ своемъ теченіи, рѣки эти по всему протяженію удобны для сплава лѣса, въ изобиліи растущаго въ ихъ верховьяхъ и годнаго для устройства мостовъ.

Вообще Княжества орошены достаточно, и лишь пространство къ востоку отъ Бухареста, между Дунаемъ и р. Яломницей, представляетъ безводную и ненаселенную степь, передвиженіе войскъ по которой крайне затруднительно.

Климатъ Княжествъ умѣренъ, при чемъ на него оказываютъ значительное вліяніе Черное море и Карпаты. Зима обыкновенно устанавливается въ декабрѣ и продолжается до половины февраля, но въ январѣ и февралѣ морозы доходятъ иногда до 18° по Реомюру; въ іюлѣ и августѣ жары бываютъ до 30°.

Вообще въ климатическомъ отношеніи Княжества находятся въ условіяхъ, довольно благопріятныхъ для здоровья; только въ низменныхъ мѣстахъ, особенно близъ заливаемыхъ весною береговъ Прута и Дуная, господствуютъ перемежающіяся лихорадки и завалы печени.

Населеніе Княжествъ вообще незначительно, около 1500 человѣкъ на 1 кв. милю. Поселки рѣдки; они главнымъ образомъ группируются по долинамъ рѣкъ.

Въ отношеніи расквартированія наиболѣе выгодныя условія представляли западная и центральная части Княжествъ, гдѣ, благодаря скученности дворовъ, являлась возможность располагать большое количество войскъ на тѣсномъ пространствѣ.

Почва вообще плодородна, особенно въ Валахіи; но такъ какъ земледѣліе находилось въ первобытномъ состояніи (обрабатывалась едва третья часть всей удобной земли) и главными продуктами продовольствія были кукуруза и пшеница, то Княжества не могли обезпечить русскія войска привычными имъ продуктами потребленія—рожью и овсомъ; гречихи же тамъ вовсе не сѣялось [1]).

Рогатаго скота въ Княжествахъ было много, но овса почти не было; вмѣсто него сѣялся ячмень.

Заграничный отпускъ хлѣба былъ весьма незначителенъ: до 2-хъ милліоновъ четвертей пшеницы, кукурузы и ячменя вмѣстѣ.

Главными складочными пунктами вывозной торговли были Галацъ и Браиловъ, на которые приходилось до трехъ четвертей всего вывоза. Другихъ большихъ складовъ хлѣба не имѣлось, а избытки у жителей были разсѣяны небольшими запасами на значительномъ пространствѣ Княжествъ.

Вывозъ хлѣба за границу производился въ зернѣ, а потому запасы муки были очень незначительны и только въ городахъ.

Сверхъ того, продовольствованіе затруднялось недостаткомъ мельницъ и топлива, а также запрещеніемъ помѣщиковъ своимъ арендаторамъ продавать провіантъ на сторону,

---

[1]) Арх. Канц. Воен. мин. 1856 г., д. № 71, ч. III.

чтобы этимъ возвысить его цѣну и извлечь наибольшую для себя выгоду.

Дороги въ Княжествахъ были очень плохи и сравнительно рѣдки; въ особенности этимъ недостаткомъ отличалась Валахія. Въ зимнее время года дороги дѣлались почти непроѣздными. Лучшіе пути преимущественно слѣдовали по направленію рѣчныхъ долинъ съ сѣвера на югъ или съ сѣверо-запада на юго-востокъ, вслѣдствіе чего продольныхъ дорогъ было больше, и онѣ были удобнѣе поперечныхъ.

Грунтовые пути, пролегая особенно въ равнинной полосѣ, по черноземно-глинистой почвѣ, легко портились послѣ каждаго сильнаго дождя и часто обращались въ совершенно непроходимые, благодаря также тому, что на нихъ не было устроено надежныхъ мостовъ.

Главнѣйшими путями [1]) для движенія арміи князя Горчакова черезъ Княжества къ Дунаю могли служить:

1) Дорога Скуляны—Яссы и далѣе по долинѣ р. Серета къ Фокшанамъ; оттуда черезъ Бузео, Плоэшти или Урзичени и Бухарестъ на Журжево (440 верстъ).

2) Скуляны—Яссы и далѣе вдоль теченія р. Бырлатъ на Текучъ и отсюда на Фокшаны, Бузео, Плоэшти или Урзичени къ Бухаресту на Журжево.

3) Леово—Фальчи и внизъ по р. Пруту на Галацъ (115 верстъ) откуда на Браиловъ—Урзичени къ Бухаресту (240 верстъ) съ вѣтвями къ Дунаю на Гирсово, Каларашъ и Ольтеницу.

Въ западной части Валахіи важнѣйшимъ путемъ была дорога отъ Бухареста черезъ Питешти, Слатино и Краіово на Калафатъ (280 верстъ) съ вѣтвями къ Дунаю: отъ Слатино—на Турно и отъ Краіово—по направленію къ Рахову (65 верстъ).

Такимъ образомъ, узлами путей, ведущихъ къ переправамъ черезъ р. Дунай, были Бухарестъ и Краіово. Отъ этихъ узловъ шли отвѣтвленія къ удобнѣйшимъ переправамъ черезъ р. Дунай у Калафата, Челеи, Журжи, Ольтеницы, Калараша, Гура-Яломицы и Браилова.

Пути, ведущіе изъ Россіи въ Княжества, пересѣкаются р. Прутомъ. Рѣка эта, несмотря на небольшую свою ширину, отличается быстрымъ теченіемъ и имѣетъ броды только выше Унгени.

---

[1]) Списокъ лучшихъ, такъ называемыхъ почтовыхъ дорогъ въ Княжествахъ помѣщенъ въ Приложеніи № 32.

Нѣсколько сѣвернѣе мѣстечка Скулянъ равнина праваго берега перерѣзана многими лощинами и оврагами, наполняющимися въ ненастное время водою, что можетъ затруднить устройство переправы для войскъ; ниже Скулянъ, до самаго устья р. Жижіи, Прутъ течетъ въ болотистой долинѣ, наводняемой во время разливовъ. Мосты находились у Скулянъ и у Леово, а паромы — у Рведеуца и при устьѣ рѣки, на дорогѣ изъ Рени въ Галацъ.

Пункты, удобные для переправы ниже устья р. Жижіи, были у Вадулуй-Исакчи и въ двухъ верстахъ выше м. Рени.

По занятіи нашими войсками Княжествъ, оборонительною для нихъ линіею становилась р. Дунай, составлявшая въ то же время и серьезную преграду для вторженія нашей арміи въ предѣлы Турціи.

Валахская повозка.

Дунай прикрываетъ предѣлы Валахіи отъ Орсовы до Галаца на протяженіи 700 верстъ. На этомъ протяженіи Дунай три раза мѣняетъ направленіе своего теченія: отъ Орсовы до Калафата рѣка течетъ на югъ, отъ Калафата до Силистріи — на востокъ, отъ Силистріи поворачиваетъ на сѣверъ, послѣ чего у Галаца снова круто поворачиваетъ къ востоку, впадая затѣмъ многими рукавами въ Черное море.

Дунай протекаетъ по низменности, пересѣкаемой множествомъ рѣчекъ, которыя составляютъ его притоки и берутъ начало въ горахъ, окаймляющихъ долину Дуная съ сѣвера и съ юга.

Быстрота теченія этихъ притоковъ обусловливаетъ чрезвычайную быстроту теченія и самаго Дуная, проходящаго по илистому грунту, вслѣдствіе чего вода Дуная мутна и мало пригодна для питья. Средняя скорость теченія Дуная болѣе 4-хъ футовъ въ секунду, глубина же его измѣняется отъ 10 до 100 футовъ.

Съ другой стороны, илистый грунтъ и быстрота теченія рѣки производятъ наносы, которые вліяютъ на измѣненіе русла Дуная и способствуютъ образованію на немъ множества острововъ. При таяніи снѣговъ въ горахъ или при сильныхъ дождяхъ не только

острова, но и берега Дуная, особенно лѣвый, низменный, покрываются водою, мѣстами отъ 10 до 20 и болѣе верстъ въ ширину. Почти на всемъ протяженіи теченія правый берегъ рѣки командуетъ лѣвымъ. Крутыя скалы, которыя образуютъ этотъ берегъ, дѣлаютъ трудно доступнымъ подъемъ и спускъ къ рѣкѣ; исключеніемъ въ этомъ отношеніи являются только окрестности Никополя. Ниже Силистріи правый берегъ становится менѣе скалистъ и возвышенъ, хотя все-таки продолжаетъ оставаться трудно доступнымъ; зато въ этой части рѣки болота лѣваго берега все болѣе и болѣе расширяются и затрудняютъ постройку мостовъ, заставляя на значительномъ протяженіи дѣлать дамбы. Отъ Галаца и до устья оба берега одинаково низки, одинаково болотисты и покрыты кустарниками. Только противъ Исакчи почва берега тверда на протяженіи 3-4 верстъ.

Ширина Дуная неодинакова: верстахъ въ 3-хъ выше устья р. Ольты она не болѣе 60 саженей, у Рущука доходитъ до 100, а у Силистріи болѣе 350 саженей, при чемъ между Рущукомъ и Журжей и ниже Силистріи теченіе рѣки раздѣляется многими островами.

Нижнее теченіе Дуная, отъ Силистріи, имѣетъ ширину отъ 350 до 500 саженей, и только 3 версты ниже Исакчи оно не превосходитъ 280 саженей при глубинѣ лишь 5-6 аршинъ.

Переправа черезъ Дунай въ бродъ бываетъ возможна только при чрезвычайной засухѣ; вообще же переправа возможна только по мостамъ или на лодкахъ и паромахъ.

Срытіе послѣ войны 1828—1829 годовъ крѣпостей лѣваго берега Дуная, служившихъ тетъ-де-понами крѣпостямъ праваго берега, лишило турокъ обезпеченныхъ переправъ, на случай наступательныхъ съ ихъ стороны дѣйствій. Въ 1853 году они могли пользоваться только выгодными свойствами праваго берега рѣки, почти вездѣ командовавшаго лѣвымъ, и множествомъ острововъ, которые облегчали устройство переправъ и могли прикрывать плаваніе судовъ по правымъ, ближайшимъ къ турецкому берегу, рукавамъ Дуная.

Такимъ образомъ: 1) переправа отъ крѣпости Видина къ Калафату облегчалась островомъ Маре.

2) Отъ Калафата до устья р. Жіо равнина лѣваго берега рѣки, окаймленная рядомъ сплошныхъ холмовъ, способствовала производству нападеній съ правой стороны Дуная, опираясь на лежащую противъ устья р. Жіо крѣпость Рахово.

3) Отъ устья р. Жіо до устья р. Ольты наиболѣе удобнымъ для переправы пунктомъ было село Челеи, противъ устья р. Искера.

4) Переправа на участкѣ отъ устья р. Ольты до Калараша, противъ Силистріи, затруднялась трудной проходимостью лѣваго берега рѣки, изрѣзаннаго канавами и покрытаго плавнями, которыя замерзали лишь въ сильныя зимы и высыхали въ знойныя лѣта. Кромѣ того, турецкія крѣпости этого участка рѣки, Никополь и Рущукъ, потеряли, съ уничтоженіемъ своихъ мостовыхъ укрѣпленій, наступательное значеніе противъ Валахіи; что же касается крѣпости Туртукая, то, хотя присутствіе около устья рѣки Аржиса острова и облегчало переправу у этого пункта, но она была возможна лишь въ лѣтнее время; въ весеннее же половодье лѣвый берегъ былъ совершенно недоступенъ.

Сооруженіе моста у Силистріи, противъ самой крѣпости, было трудно вслѣдствіе весьма быстраго теченія и массы отмелей, допускавшихъ постройку мостовъ только на плоскодонныхъ баркахъ. Переправа противъ Калараша была еще затруднительнѣе, въ виду необходимости устроить три моста, изъ которыхъ два черезъ оба рукава Дуная, а третій черезъ р. Борчу.

5) На участкѣ рѣки отъ Калараша до устья постоянная переправа имѣлась у села Гура—Яломница, гдѣ ширина Дуная не превосходила 350 саженей; но и здѣсь переправа затруднялась свойствами рѣки—весьма мелкой и илистой у лѣваго берега, вслѣдствіе чего даже мелкія суда не могли подходить къ пристанямъ.

Переправа съ праваго берега на лѣвый въ топографическомъ отношеніи была наиболѣе удобна у Исакчи; при этомъ переправа у этого пункта имѣла и стратегическое значеніе: наступающій, прикрываясь съ фронта и съ лѣваго фланга рѣкою, а съ праваго фланга моремъ, могъ вполнѣ безопасно совершить большую часть своего пути къ нашимъ предѣламъ. Что касается обороны праваго берега Дуная въ этомъ пунктѣ, то изложенныя выше выгоды переправы у Исакчи обращаются во вредъ обороняющемуся: наступающій съ лѣваго берега рѣки, совершивъ переправу у Гирсова или у Черноводы и двинувшись къ Бабадагу, легко можетъ отрѣзать войска, занимающія Добруджу. Поэтому оборона послѣдней заключалась только въ силѣ крѣпостей Тульча, Исакча и Мачинъ, которыя не отвѣчали своему назначенію. Съ потерею же ихъ, а, слѣдовательно, и съ потерею Добруджи удержаніе

праваго берега Дуная сводилось къ защитѣ сильныхъ крѣпостей Силистріи и Рущука въ среднемъ его теченіи и Никополя и Видина на верхнемъ Дунаѣ [1]).

IV.

Первоначальныя заготовленія провіанта на 1853 годъ для всей русской арміи вообще и для дѣйствующей мирнаго времени (1, 2, 3 и 4 корпуса) въ частности дѣлались въ то время, когда еще никто не предполагалъ близости войны. Провіантскіе магазины наполнялись сообразно съ дислокаціею мирнаго времени, при чемъ не имѣлось въ виду никакихъ большихъ передвиженій войскъ.

Для занятій Придунайскихъ княжествъ сначала были предназначены 4-й и часть 5-го корпуса, а вскорѣ послѣ того и 3-й корпусъ [2]). Изъ этихъ корпусовъ 3-й и 4-й входили въ составъ дѣйствующей арміи мирнаго времени, интендантство которой и распоряжалось заготовленіемъ для нихъ провіанта на текущее довольствіе.

Въ началѣ февраля 1853 года было получено Высочайшее повелѣніе о приведеніи 4-го корпуса на военное положеніе, а въ срединѣ мая началось передвиженіе 4-го и 5-го корпусовъ къ молдавской границѣ.

Такъ какъ при начавшемся усиленномъ передвиженіи войскъ мѣста ихъ сосредоточенія въ Волынской и Подольской губерніяхъ не соотвѣтствовали мѣстонахожденію провіантскихъ магазиновъ, то еще въ февралѣ главнокомандующій дѣйствующею арміею, генералъ-фельдмаршалъ князь Варшавскій, принялъ мѣры по обезпеченію продовольствіемъ выступавшихъ первыми войскъ 4-го корпуса въ мѣстахъ, назначенныхъ для сосредоточенія ихъ въ юго-западномъ участкѣ раіона дѣйствующей арміи.

Неприкосновенныхъ запасовъ собственно на случай войны въ распоряженіи князя Варшавскаго къ 1 января 1853 года не состояло, а имѣлись лишь крѣпостные запасы, которыхъ въ

---

[1]) Кромѣ русскихъ источниковъ, для составленія этого описанія служила: „Note sur les provinces Danubiennes“, составленная генераломъ Опикъ въ 1849 г. (Парижскій военный архивъ).

[2]) Въ началѣ 1853 г. 3-й корпусъ былъ расположенъ въ губерніяхъ Минской, Могилевской, Черниговской, Полтавской и Кіевской; 4-й корпусъ—въ Волынской, Кіевской и Подольской; 5-й корпусъ—въ Бессарабіи и по сѣверному берегу Чернаго моря.

Варшавѣ, Замостьѣ, Ивангородѣ, Новогеоргіевскѣ, Брестъ-Литовскѣ, Бобруйскѣ, Динабургѣ и Кіевѣ было всего: муки—136.350 чтв., крупы—20.620 чтв. [1]).

Въ мѣстахъ же сосредоточенія корпусовъ, въ Каменецъ-Подольскѣ и въ Проскуровѣ, въ провіантскихъ магазинахъ было всего 11.000 четвертей муки съ пропорціей крупъ [2]), т.-е. для двухмѣсячнаго запаса продовольствія одной пѣхотной дивизіи съ ея артиллеріей не хватало 5000 четвертей муки съ соотвѣтствующимъ количествомъ крупы. Поэтому фельдмаршалъ, считая необходимымъ произвести новыя дополнительныя заготовленія

Городъ Видинъ.

провіанта въ юго-западномъ раіонѣ арміи, 10 февраля 1853 года послалъ князю Горчакову, предназначенному для командованія войсками 4-го и 5-го корпусовъ, предписаніе увеличить запасы провіанта въ Каменецъ-Подольскѣ и въ сосѣднихъ магазинахъ настолько, чтобы ихъ тамъ было достаточно для двухмѣсячнаго продовольствія одной пѣхотной дивизіи съ артиллеріей, т.-е. добавить 5000 чтв. муки съ пропорціей крупъ.

По распоряженію князя Горчакова, это количество было куплено и сложено во вновь устроенномъ имъ временномъ провіантскомъ магазинѣ въ Фрамполѣ.

Такимъ образомъ, къ веснѣ 1853 г. въ Каменецъ-Подольскѣ, Проскуровѣ и Фрамполѣ имѣлось въ магазинахъ 16.000 чтв. муки и 1600 чтв. крупъ, что обезпечивало на 2 мѣсяца продовольствіе 32.000 человѣкъ [3]).

---

[1]) Арх. Канц. Воен. мин. 1856 г., д. № 71.

[2]) Пропорціей крупъ считалось $^1/_{10}$ часть муки по вѣсу. Въ данномъ случаѣ значитъ—1100 четвертей.

[3]) Аратовскій, стр. 277.

Военное министерство одновременно съ распоряженіями князя Варшавскаго также принимало мѣры по обезпеченію войскъ продовольствіемъ на границѣ. Но всѣ заготовленія военнаго министерства дѣлались въ томъ предположеніи, что войска не пойдутъ далѣе Дуная.

Для войскъ, предназначенныхъ ко вступленію въ Княжества, внутреннимъ провіантскимъ вѣдомствомъ была заготовлена къ 17 февраля 1853 года на молдавской границѣ, въ Леовѣ и Кишиневѣ, мѣсячная пропорція провіанта [1]), а въ маѣ тамъ было уже собрано всего:

Въ Леовѣ: 20-дневный запасъ сухарей, крупъ, порціоннаго скота, вина, перцу, уксусу и соли на 30.000 человѣкъ.

Въ Кишиневѣ: 20-дневный запасъ тѣхъ же продуктовъ на 70.000 человѣкъ [2]).

Кромѣ этихъ запасовъ, предназначавшихся собственно для подвижныхъ магазиновъ, было сложено въ Кишиневѣ 35.000 чтв. муки и 3500 чтв. крупъ, что составляло двухмѣсячный запасъ на 70.000 человѣкъ.

Всѣ эти запасы, вмѣстѣ съ Бессарабскою дистанціей, были переданы въ полевое интендантство 3-го, 4-го и 5-го корпусовъ [3]).

Для 40 тысячнаго отряда, предназначеннаго на случай десанта въ предѣлы Турціи при помощи судовъ Черноморскаго флота, былъ заготовленъ шестинедѣльный запасъ слѣдующихъ продуктовъ [4]):

	Въ Севастополѣ.	*Въ Одессѣ.*
Сухарей	39.187½ пуд.	43.312½ пуд.
Крупъ	668 чтв.	745 чтв.
Овса	759 „	1185 „
Соли	1187 пуд.	1325 пуд.
Перца	55½ „	62 „
Уксуса	5344 вед.	5962 вед.
Вина	463½ „	5144 „
Мяса	4957½ пуд.	5565 пуд.

[1]) Арх. Канц. Воен. мин., 1852 г., д. № 11, ч. 2.
[2]) Затлеръ, ч. I, стр. 192. Историч. очеркъ Военн. Упр., ч. II, стр. 95.
[3]) Затлеръ, ч. I, стр. 192. Истор. очеркъ, ч. II, стр. 95.
[4]) Арх. Канц. Воен. мин. 1856 г., д. № 71, ч. III; Арх. Канц. Воен. мин., 1852 г., д. № 11, ч. II, и № 18.

Но часть этихъ запасовъ была отправлена впослѣдствіи въ Сухумъ-Кале. Кромѣ того, для десантныхъ отрядовъ былъ образованъ запасъ сухарей въ 55.000 пудовъ въ Ростовѣ.

Въ Скулянахъ, гдѣ предполагалось сосредоточить большую часть войскъ, направляемыхъ въ Княжества, внутреннее провіантское вѣдомство еще къ 20 мая не собрало никакихъ запасовъ. Это послужило причиной болѣе поздняго, чѣмъ предполагалось, начала движенія нашихъ войскъ къ Пруту [1]).

Во всякомъ случаѣ для своза запасовъ въ Скуляны требовалось время; съ доставкою ихъ всегда могли опоздать, и это должно было еще болѣе задержать выступленіе войскъ. Внутреннее же провіантское вѣдомство, вмѣсто того, чтобы самому усиленно заняться передвиженіемъ запасовъ къ границѣ, передало заботы объ этомъ интендантству дѣйствующей арміи въ ту минуту, когда войска уже готовились къ выступленію. 20 мая князь Варшавскій получилъ письмо отъ военнаго министра съ просьбою принять на себя всѣ распоряженія по продовольствію корпуса также и въ раіонѣ не подчиненнаго ему внутренняго провіантскаго вѣдомства на все время до перехода границы, а затѣмъ и въ самыхъ Княжествахъ [2]).

Фельдмаршалъ немедленно потребовалъ отъ Кременчугской провіантской комиссіи заготовленія запасовъ въ раіонѣ предполагаемаго расположенія корпусовъ и приказалъ тотчасъ же перевезти на вольнонаемныхъ подводахъ въ Скуляны весь запасъ провіанта изъ Проскурова, Каменецъ-Подольска и Фрамполя; въ Каменецъ-Подольскомъ же магазинѣ заготовить еще 5000 чтв. муки съ пропорціей крупъ для отправки, въ случаѣ надобности, въ Скуляны [3]).

Для исполненія этихъ распоряженій былъ командированъ генералъ-провіантмейстеръ дѣйствующей арміи Затлеръ, которому было сказано, что войска начнутъ переходить Прутъ, вѣроятно, въ первой половинѣ іюня.

Для своевременной перевозки всѣхъ припасовъ представлялись большія трудности:

во-первыхъ, оставалось очень мало времени; Затлеръ могъ прибыть въ Каменецъ-Подольскъ только 27 мая, при чемъ до

---

[1]) Арх. Канц. Воен. мин. 1856 г., д. № 71, ч. III; Арх. Канц. Воен. мин., 1852 г., д. № 11, ч. II, п. 18.

[2]) Аратовскій, 278. Затлеръ, I, стр. 192.

[3]) Арх. Воен. Уч. Ком., Отд. 2, д. № 3310.

начала предполагаемаго перехода войсками границы оставалось всего нѣсколько дней. Во вторыхъ, большія разстоянія до Скулянъ: отъ Проскурова—310 верстъ, отъ Фрамполя—270 верстъ и отъ Каменецъ-Подольска—223 версты. Въ третьихъ, трудность достать требуемое число подводъ, которыхъ для поднятія всего запаса сразу нужно было около 4500. Въ окрестностяхъ упомянутыхъ трехъ городовъ такого количества подводъ нельзя было достать вовсе; крестьяне нанимались неохотно въ виду рабочей поры и дальности перевозки. Къ тому же и по тѣмъ же дорогамъ шелъ 4-й корпусъ, забирая по пути массу подводъ для своза своихъ тяжестей.

Тѣмъ не менѣе къ 25 іюня перевозка была окончена, хотя и обошлась дороже стоимости самаго провіанта. (Провіантъ стоилъ 44.013 р., перевозка—58.547 р.).

Къ тому же времени Затлеръ заготовилъ въ Каменецъ-Подольскѣ 5000 чтв. муки съ пропорціей крупъ [1]).

Всѣми этими мѣрами военнаго министерства и фельдмаршала войска 4-го и 5-го корпусовъ ко времени перехода границы были обезпечены на базѣ, въ Бессарабіи, запасами на 3 мѣсяца, считая въ томъ числѣ и десятидневный запасъ провіанта при войскахъ [2]).

Фуражемъ войска въ мирное время обыкновенно довольствовались собственнымъ попеченіемъ, а потому въ началѣ 1853 года распоряженіемъ внутренняго провіантскаго вѣдомства были сдѣланы лишь небольшіе запасы фуража на молдавской границѣ для подвижныхъ магазиновъ, а именно [3]): двухдневныя пропорціи овса въ Кишиневѣ на 16.897 лошадей и въ Леовѣ на 11.142 лошади [4]).

Когда было дано приказаніе двинуться къ Пруту, то фельдмаршалъ, предвидя затрудненія въ продовольствіи сѣномъ, приказалъ командиру 4-го корпуса генералу Даненбергу завести въ войскахъ для кошенія травы косы, по одной на каждую повозку, а потому и было куплено 1479 косъ.

Больше никакихъ распоряженій о заготовленіи фуража министерствомъ сдѣлано не было, такъ какъ при соображеніяхъ въ военномъ министерствѣ о продовольствіи войскъ на молдавской границѣ было принято мнѣніе командира 5-го корпуса генералъ-адъютанта

---

[1]) Аратовскій, 281.
[2]) Арх. Канц. Воен. мин., 1856 г., д. № 71.
[3]) Истор. очеркъ, ч. II, стр. 95.
[4]) По Затлеру—въ Леовѣ четырехдневная пропорція на 18.000 лошадей.

Лидерса, что особыхъ запасовъ фуража въ мѣстахъ сборовъ войскъ составлять нѣтъ надобности, и что пріобрѣтеніе его можно предоставить самимъ войскамъ, утвердивши справочныя цѣны. Это предложеніе объяснялось неизвѣстностью, сколько времени войска пробудутъ въ сборѣ на границѣ и въ какихъ именно пунктахъ.

Въ маѣ, когда послѣдовало распоряженіе о сосредоточеніи войскъ къ Пруту, Государь выразилъ опасеніе, что войска встрѣтятъ затрудненіе въ продовольствіи лошадей, такъ какъ ихъ должно было сосредоточиться тамъ на небольшомъ пространствѣ около 30.000 головъ.

Казачій пикетъ на низовьяхъ Дуная.

Поэтому военный министръ запросилъ князя Варшавскаго, не нужно ли заготовить для войскъ 4-го и 5-го корпусовъ фуражъ, и въ такомъ случаѣ гдѣ и сколько, или же отпустить на него деньги? [1]).

На это фельдмаршалъ отвѣчалъ, что не одобряетъ полнаго отсутствія заготовленія фуража; по его мнѣнію, слѣдовало бы сдѣлать заготовку въ половинномъ размѣрѣ ожидавшейся потребности, а для покупки остальной части войсками установить справочныя цѣны. Фельдмаршалъ писалъ, что теперь, когда время уже прошло, онъ не видитъ другого способа ограничить затрудненія въ фуражномъ довольствіи войскъ, идущихъ къ Пруту, какъ эшелонированіемъ ихъ въ глубину. Для этого слѣдовало задержать кавалерію на пути и располагать по бригадно въ одномъ переходѣ одну отъ другой.

Такая мѣра оправдывалась и тѣмъ, что хотя бы войска и находились на границѣ въ одномъ лагерѣ, но все-таки они не могли бы въ одинъ и тотъ же день переправиться черезъ рѣку и вступить въ Молдавію. При такомъ разбросанномъ положеніи войскъ частные начальники скорѣе могли найти возможность пріобрѣтать фуражъ.

---

[1]) Аратовскій, стр. 282.

Въ заключеніе фельдмаршалъ добавлялъ, что ему вовсе неизвѣстно, въ какихъ именно пунктахъ и въ какихъ размѣрахъ слѣдуетъ заготовить фуражъ на случай занятія Княжествъ [1]).

Мнѣніе фельдмаршала было одобрено Государемъ, и войскамъ было предоставлено самимъ закупать фуражъ по цѣнамъ, утвержденнымъ генералъ-адъютантомъ Лидерсомъ. При этомъ деньги на фуражъ войскамъ были отпущены по расчету до границы Княжествъ.

Для безостановочнаго снабженія дѣйствующихъ войскъ предметами *артиллерійскаго довольствія* въ военное время, по уставу объ управленіи арміями 1846 года, предназначались запасы:

а) содержимые въ крѣпостяхъ на базисѣ въ военныхъ паркахъ;

б) свозимые по мѣрѣ удаленія арміи отъ перволинейныхъ парковъ въ устраиваемые промежуточные склады, и

в) возимые въ подвижныхъ паркахъ арміи.

Запасы эти, по уставу 1846 года, должны были состоять изъ полевой артиллеріи, оружія, частей его и боевыхъ припасовъ, частью въ готовомъ видѣ, частью въ матеріалахъ.

На основаніи правилъ, изложенныхъ въ уставѣ, порядокъ снабженія войскъ артиллерійскими снарядами и патронами устанавливался слѣдующій:

1) войска получали боевые припасы, по мѣрѣ израсходованія ихъ изъ подвижныхъ парковъ, по распоряженію начальника артиллеріи въ арміи или въ отдѣльномъ корпусѣ;

2) по ихъ же распоряженіямъ, подвижные парки пополнялись изъ перволинейныхъ мѣстныхъ парковъ;

3) по мѣрѣ удаленія арміи отъ границы, учреждались, по назначенію главнокомандующаго, промежуточные парки, и тогда перволинейные обращались во второлинейные;

4) перволинейные парки получали укомплектованіе изъ второлинейныхъ, по сношеніямъ начальника перволинейныхъ парковъ съ начальникомъ второлинейныхъ;

5) второлинейные парки пополнялись изъ внутреннихъ складовъ, по распоряженіямъ артиллерійскаго департамента [2]).

Для войскъ, направленныхъ въ Придунайскія княжества, перволинейными парками были назначены мѣстные парки Дунайскаго артиллерійскаго округа—3 въ Хотинѣ, 3 въ Бендерахъ и

---

[1]) Письмо кн. Варшавскаго отъ 25 мая 1853 г., за № 363.
[2]) Уст. Упр. арм., 1346 г., §§ 11—20, 382—336.

3 въ Измаилѣ, всего 9 мѣстныхъ парковъ. Второлинейными были назначены 6 мѣстныхъ парковъ въ Кіевѣ, которые, въ свою очередь, должны были пополняться изъ Калуги.

Для десантныхъ отрядовъ предназначались парки: для Севастопольскаго — 3 мѣстныхъ парка, находившіеся въ этомъ городѣ, и для Одесскаго — 3 мѣстныхъ парка въ Херсонѣ [1]).

Въ февралѣ 1853 года было предназначено къ сбору на границѣ Дунайскихъ княжествъ всего 68½ баталіоновъ, 64 эскадрона, 50 сотенъ и 208 орудій [2]).

Хотя князь Варшавскій и полагалъ, что для наступательной войны съ Турціей надо имѣть запасъ снарядовъ на каждое полевое орудіе на 500 выстрѣловъ, а на каждое осадное на 800 [3]), но для опредѣленія потребности въ артиллерійскихъ огнестрѣльныхъ припасахъ въ данномъ случаѣ было положено, по представленію артиллерійскаго департамента, имѣть количество припасовъ, которое въ то время было принято при выступленіи въ походъ въ другихъ европейскихъ арміяхъ, а именно, по 350 выстрѣловъ на орудіе.

Вскорѣ число орудій, предназначавшихся въ походъ, было увеличено до 328, для которыхъ по вышеприведенной нормѣ слѣдовало имѣть 114.800 зарядовъ.

Изъ этого числа 50.244 заряда имѣлось при батареяхъ и 53.685 — въ паркахъ и особыхъ запасахъ, назначенныхъ для десантныхъ отрядовъ; всего 103.929 зарядовъ, т.-е. около 317 на орудіе.

Такимъ образомъ, противъ исчисленнаго количества не хватало 10.871 заряда — по 33 заряда на орудіе. Это количество имѣлось въ виду пополнить изъ мѣстныхъ парковъ.

Въ мѣстныхъ паркахъ Дунайскаго и Южнаго округовъ, которые всегда могли быть отнесены къ перволинейнымъ и которые въ то время укомплектовывались недостающими въ нихъ вещами, а также въ подвижномъ паркѣ № 13, находившемся въ Тирасполѣ, имѣлось 152.866 зарядовъ, т.-е. по 466 на орудіе. Въ паркахъ, которые могли быть причислены къ второлинейнымъ — Кіевскихъ, Бобруйскихъ и Брестъ-Литовскихъ — было всего 145.590 зарядовъ, или 443 на орудіе. Этими запасами по той нормѣ, которая была признана достаточной, артиллерія обезпечивалась, какъ видно, съ большимъ излишкомъ.

---

[1]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. № 3614/28.
[2]) Арх. Воен. Уч. Ком., Отд. 2, д. № 3614/28.
[3]) Арх. Канц. Воен. мин., 1853 г., д. № 60.

Что касается до количества патроновъ, то, по свѣдѣніямъ, имѣвшимся въ артиллерійскомъ департаментѣ, для одной кампаніи въ европейской войнѣ считалось „весьма достаточнымъ имѣть „на каждое ружье не болѣе 140 патроновъ, въ томъ числѣ по „100 патроновъ на людяхъ и въ патронныхъ ящикахъ; для „войны же съ Турціей и того меньше".

Въ войскахъ, предназначенныхъ къ походу, состояло 9.763.880 патроновъ. Въ подвижныхъ паркахъ и особыхъ запасахъ, которые предполагалось отправить съ десантнымъ отрядомъ — 5.343.600 патроновъ. Въ мѣстныхъ перволинейныхъ паркахъ — 8.619.150 и во второлинейныхъ — 8.208.750; ко второлинейнымъ паркамъ здѣсь причислены также парки въ Брестъ-Литовскѣ и въ Бобруйскѣ, въ которыхъ имѣлось 4.925.250. Такимъ образомъ, въ перволинейныхъ и во второлинейныхъ паркахъ, считая ихъ отдѣльно, патроновъ было меньше комплекта таковыхъ въ войскахъ [1]).

Полкамъ 13-й пѣхотной дивизіи, назначенной въ составъ Севастопольскаго десантнаго отряда, было заготовлено для второго комплекта въ Севастополѣ 1.512.000 патроновъ, укупоренныхъ въ ящики, т.-е. то самое число, которое составляло имѣвшійся въ войскахъ первый комплектъ.

Для третьяго комплекта въ Севастополѣ имѣлось 266.500 готовыхъ патроновъ; остальное же недостающее до полнаго комплекта количество могло быть, по соображеніямъ артиллерійскаго департамента, изготовлено въ 82 дня, а съ добавкомъ рабочихъ отъ войскъ и въ 45 дней.

При такомъ назначеніи запасовъ на каждое ружье приходилось:

	Для сухопутнаго отряда 4 и 5 корп.	Для десантныхъ отрядовъ.
У людей въ сумахъ	60	60
Въ патронныхъ ящикахъ при войскахъ	40	40
„ шести перволинейныхъ паркахъ Севастопольскихъ и Херсонскихъ	100	—
„ пяти подвижныхъ паркахъ	—	33
„ девяти второлинейныхъ, Тираспольскихъ, Измаильскихъ и Херсонскихъ	—	74
Всего	200	207

[1]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. № 3313. Докл. Арт. Деп. 18 февраля 1853 г., № 56.

Сверхъ того, въ Кіевскихъ второлинейныхъ паркахъ былъ полный комплектъ патроновъ—3.283.500.

На основаніи всѣхъ этихъ соображеній, было принято мнѣніе генерала Баранцева, что нѣтъ надобности въ заготовленіи третьяго комплекта патроновъ въ Севастополѣ, какъ того требовалъ генералъ-адъютантъ Лидерсъ, имѣя въ виду, что все равно они останутся неизрасходованными.

Поэтому послѣдовало повелѣніе, чтобы третій комплектъ имѣть лишь въ готовности въ мѣстныхъ паркахъ Дунайскаго и Южнаго округовъ и готовить его только исподволь [1]).

Мостъ на Каруцахъ
(съ рис. тушью Прянишникова).

Такимъ образомъ, относительный запасъ патроновъ въ мѣстныхъ паркахъ былъ меньше запаса артиллерійскихъ зарядовъ.

Кромѣ того, въ мѣстныхъ паркахъ, ближайшихъ къ южнымъ артиллерійскимъ округамъ, а также въ Севастопольскихъ и Тираспольскихъ паркахъ, былъ нѣкоторый недостатокъ патроновъ. Это произошло, во-первыхъ, оттого, что было приказано изготовить, вмѣсто старыхъ, новые патроны, съ увеличенною для ударнаго оружія пулею, а во-вторыхъ, Севастопольскіе и Тираспольскіе парки должны были отдать изъ положенныхъ въ нихъ 3.283.500 патроновъ, въ десантные отряды 3.154.800 патроновъ. По всему этому

[1]) Арх. Канц. Воен. мин., 1852 г., д. № 15.

предвидѣлась усиленная фабрикація патроновъ, какъ для пополненія существующаго недостатка, такъ и для расхода ихъ во время военныхъ дѣйствій.

Для приготовленія такого количества патроновъ матеріалы въ мѣстныхъ паркахъ имѣлись въ достаточномъ количествѣ, но лаборатористовъ и замѣщающихъ ихъ нижнихъ чиновъ артиллерійскихъ гарнизоновъ было слишкомъ мало. Поэтому было приказано, согласно представленію артиллерійскаго департамента, наряжать въ мѣстные второлинейные парки, особенно въ Кіевскіе, отъ войскъ, расположенныхъ по близости къ паркамъ, людей для приготовленія патроновъ [1]).

Пороха въ крѣпостяхъ Южнаго и Дунайскаго округовъ, за исключеніемъ назначеннаго къ отпуску морскому вѣдомству въ количествѣ 17.000 пудовъ, оставалось 45.089 пудовъ. Въ Кіевѣ, Бобруйскѣ и Брестъ-Литовскѣ имѣлось 31.652 пуда.

Второлинейные парки должны были пополняться порохомъ съ Шостенскаго порохового завода, по мѣрѣ выдѣлки его тамъ. Къ ноябрю заводъ долженъ былъ выдѣлать 22.500 пудовъ.

Такимъ образомъ, весь запасъ пороха составлялъ 99.241 пудъ. Изъ этого количества нѣкоторая часть должна была пойти на производившееся въ это время укомплектованіе парковъ и на снабженіе войскъ. За всѣмъ тѣмъ предполагался остатокъ до 90.000 пудовъ, который, по мнѣнію артиллерійскаго департамента, вполнѣ обезпечивалъ комплектованіе парковъ на южной границѣ.

Кромѣ того, изъ внутреннихъ складовъ должны были свозиться во второлинейные парки армякъ для зарядныхъ мѣшковъ (изъ Тулы и Москвы), жесть для картечей, бумага и другіе матеріалы для патроновъ.

Перволинейные парки должны были получать изъ второлинейныхъ патроны въ готовомъ видѣ, а артиллерійскіе заряды въ матеріалахъ [2]).

По уставу 1846 года, при каждомъ пѣхотномъ корпусѣ полагалось имѣть, по числу пѣхотныхъ дивизій корпуса, три *подвижныхъ парка*.

Для войскъ 4-го и 5-го корпусовъ (безъ 13-й пѣх. див.) было назначено 5 подвижныхъ парковъ: №№ 10, 11, 12, 14 и 15.

---

[1]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3313. Докл. Арт. Департ. 18 февраля 1853 г.
[2]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3313. Докл. Арт. Департ. 18 февраля 1853 г., № 56.

Для отправки вмѣстѣ съ войсками были, вслѣдствіе неизвѣстности будетъ ли война, первоначально назначены только три подвижныхъ парка № 10-й при лѣвой колоннѣ, № 11-й при средней и № 12-й при правой [1]). Паркъ № 14-й оставался на мѣстѣ своего обыкновеннаго расположенія въ Тирасполѣ [2]), а паркъ № 15-й былъ временно оставленъ въ Леово [3]). Паркъ № 13-й находился въ Тирасполѣ, но одна его полурота, когда дѣлались приготовленія къ снаряженію десантнаго отряда, была переведена въ Одессу. Таково было расположеніе этихъ пяти парковъ къ 21 іюня 1853 года.

Паркъ № 12-й приводился на военное положеніе и шелъ изъ Брестъ-Литовска. Онъ былъ укомплектованъ лошадьми отъ помѣщиковъ, и многія лошади въ немъ были старыя и слабыя. Въ паркѣ № 14-мъ лошади были хороши. Въ № 11-мъ, пришедшемъ изъ Кіева, и въ № 14-мъ всѣ повозки были новой конструкціи, но въ обоихъ колеса слабыя и разсохшіяся до такой степени, что уже 30 августа 1853 года князь Горчаковъ просилъ о присылкѣ для этихъ парковъ новыхъ запасныхъ колесъ, которыхъ не оказалось; для изготовленія же новыхъ потребовалось четыре мѣсяца времени. Поэтому тотчасъ же по прибытіи парковъ въ Плоешти, во всѣхъ ихъ пришлось колеса исправлять, а для парковъ № 11 и № 14 заказать въ Россіи 200 новыхъ колесъ.

Впослѣдствіи для снабженія войскъ на Дунаѣ боевыми припасами служили еще слѣдующія учрежденія:

постоянные арсеналы Кіевскій и Новогеоргіевскій;

подвижной арсеналъ № 3, который находился въ Тирасполѣ, а въ апрѣлѣ, когда дѣлались приготовленія къ войнѣ, былъ двинутъ въ Одессу. 7-го іюня было приказано перевести его еще ближе къ войскамъ, а именно въ Измаилъ [4]). Этотъ арсеналъ былъ сначала назначенъ въ составъ десантнаго отряда. Къ концу мая онъ былъ укомплектованъ вполнѣ только людьми, лошадей же, повозокъ и сбруи еще совсѣмъ не имѣлъ. Предполагалось въ томъ случаѣ, если встрѣтится надобность, двинуть арсеналъ съ сухопутнымъ отрядомъ, снабдивъ его вольнонаемными лошадьми. Лошадей для арсенала надо было купить всего 126 [5]);

---

[1]) Арх. Канц. Воен. Мин., д. 1852/1853. Журн. воен. д. кн. Горчакова, 21 мая—18 іюля 1853 г.

[2]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3605.

[3]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3311.

[4]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3605.

[5]) Арх. Канц. Воен. мин., д. 1852, № 15.

лабораторная рота № 2, находившаяся въ Брестѣ. 2 іюня князь Горчаковъ просилъ полуроту этой роты двинуть въ Скуляны, что и было приказано сдѣлать, по изготовленіи ея къ походу; для этого надо было купить 21 лошадь и доставить сбрую изъ Кіевскаго арсенала. Только 19 іюля полурота выступила изъ Бреста и ожидалась въ Скуляны 6 сентября 1853 года [1]).

Ближайшіе къ театру войны *артиллерійскіе гарнизоны* были въ Измаилѣ, Килiи, Бендерахъ, Хотинѣ и Херсонѣ.

Ближайшіе къ мѣсту сосредоточенія 4-го и 5-го корпусовъ *постоянные госпитали* находились въ Кишиневѣ, Тирасполѣ, Измаилѣ, Килiи, Кинбурнѣ, Бендерахъ, Кагулѣ, Хотинѣ, Бѣльцахъ, Каменецъ-Подольскѣ и Тульчинѣ.

Опытъ войны 1828—29 годовъ, во время которой войска потеряли массу людей и лошадей единственно вслѣдствіе тяжелыхъ климатическихъ условій, указывалъ на необходимость принятія обширныхъ мѣръ для уменьшенія заболѣваемости въ ихъ рядахъ.

Ко времени вступленія нашихъ войскъ въ Княжества въ Бессарабіи было сосредоточено 12 кадровъ военно-временныхъ госпиталей, всего на 4800 больныхъ (4 по 600 мѣстъ и 8 по 300 мѣстъ) [2]). Къ этому же времени были открыты военно-временные госпитали въ Кишиневѣ, Леовѣ и Скулянахъ, а также, по сношенію съ правительствами Княжествъ [3]), въ Яссахъ [4]), Фокшанахъ [5]) и Бузео [6]).

Запасныя аптеки были въ Херсонѣ, Одессѣ и Леовѣ. Въ нихъ и въ передовой аптекѣ при штабѣ войскъ заготовлялись лекарства по числу 35.000 больныхъ.

Кромѣ того, въ войскахъ были полковые лазареты, и каждый третій человѣкъ имѣлъ при себѣ перевязочные предметы: 4 аршина бинтовъ, 1 компрессъ и 10 золотниковъ корпіи [7]).

Перевозочными средствами войска наши ко времени перехода границы были обезпечены слѣдующимъ образомъ:

Въ 1848 году для дѣйствующей арміи былъ сформированъ подвижной провіантскій магазинъ въ двухбаталіонномъ составѣ.

---

[1]) Арх. Канц. Воен. мин., 1852 г., д. № 15 и Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3605.
[2]) Арх. Канц. Воен. мин., 1856 г., д. № 71, ч. 3.
[3]) Затлеръ: „О госпиталяхъ“, приложеніе № 23.
[4]) № 9, съ 10 мая 1853 г.
[5]) № 10, съ 1 іюня 1853 г.
[6]) № 35, съ 14 іюня 1853 г.
[7]) Затлеръ: „О госпиталяхъ“, стр. 163.

Въ 1851 году магазинъ этотъ былъ упраздненъ, но въ видѣ кадра осталась одна запряженная рота въ 125 повозокъ и 385 лошадей, баталіонный штабъ, вооруженная команда и мастеровые на два баталіона. При баталіонномъ штабѣ было 836 провіантскихъ телѣгъ, 134 почтовыхъ бричекъ и разныхъ повозокъ и 35 лошадей. Къ февралю 1853 года весь этотъ подвижной составъ, т.-е. 961 провіантская телѣга, 134 разныя повозки и 420 лошадей, состоялъ налицо.

Для формированія подвижного магазина могли быть употреблены лошади, находившіяся „на попеченіи дворянства". Послѣ венгерской кампаніи, при демобилизаціи арміи, лишнія артиллерійскія, парковыя и подъемныя лошади были переданы въ 1851 году помѣщикамъ Царства Польскаго и губерній, входившихъ въ раіонъ дѣйствующей арміи. Помѣщики, принявшіе этихъ лошадей на свое попеченіе, должны были содержать ихъ, имѣя право, взамѣнъ этого, употреблять ихъ для своихъ надобностей и работъ, отвѣчая за убыль въ томъ только случаѣ, если она произошла по ихъ винѣ. По требованію правительства, помѣщики были обязаны представить этихъ лошадей, а, взамѣнъ пришедшихъ, по ихъ винѣ, въ негодность или палыхъ, представить другихъ, годныхъ, или же внести за нихъ штатную стоимость.

Войсковая повозка въ Валахіи (рисунокъ съ натуры карандашомъ Волонова).

Этою мѣрою имѣлось въ виду сохранить на случай надобности запасъ лошадей, а вмѣстѣ съ тѣмъ не потерпѣть убытка при распродажѣ ихъ массами по дешевой цѣнѣ при демобилизаціи и не нести издержекъ по содержанію лошадей въ мирное время. Конечно, этотъ способъ могъ бы оправдаться только въ томъ случаѣ, если лошади потребовались бы черезъ короткій промежутокъ времени послѣ ихъ отдачи, и если было бы возможно гарантировать ихъ хорошее содержаніе у помѣщиковъ. На указанныхъ выше условіяхъ въ 1851 году помѣщикамъ было сдано 10.698 лошадей. Въ началѣ 1853 года, когда было рѣшено

взять на укомплектованіе 4-го корпуса всѣхъ лошадей отъ помѣщиковъ 13 губерній, то предполагалось, что будетъ принято обратно около двухъ третей лошадей. Но ожиданія эти далеко не оправдались. Въ числѣ принятыхъ отъ помѣщиковъ лошадей многія оказались негодными для похода, и на укомплектованіе 4 корпуса пришлось купить еще 1299 лошадей, тогда какъ вся потребность 4 корпуса составляла 6844 лошади. Большинство представленныхъ помѣщиками лошадей пошло на укомплектованіе частей войскъ и парковъ, и только 111 лошадей были взяты для подвижного магазина.

Въ началѣ 1853 года помѣщиками было представлено (въ числѣ 8935, потребованныхъ княземъ Горчаковымъ отъ 13 губерній) всего 7149 лошадей, изъ которыхъ 1043 были забракованы. Остальныя лошади, остававшіяся у помѣщиковъ, были потребованы во второй половинѣ 1853 года для укомплектованія 3-го корпуса, при чемъ въ число потребованныхъ 6169 лошадей было принято всего около $^1/_{10}$ части. Для сбора лошадей назначались сборные пункты, куда посылались военные пріемщики.

Такимъ образомъ, въ подвижномъ магазинѣ образовалось всего (вмѣстѣ съ взятыми 111 лошадьми отъ помѣщиковъ)— 531 лошадь.

Въ 4-мъ корпусѣ въ началѣ 1853 года состояло 340 провіантскихъ телѣгъ 2-го и 3-го комплекта, которыя могли поднять 16.405 пудовъ провіанта, т.-е. пропорцію для корпуса на $4^1/_2$ дня. Лошадей же для этого обоза не было вовсе.

Фельдмаршалъ, считая обозъ недостаточнымъ, приказалъ усилить его средствами подвижного магазина дѣйствующей арміи. На основаніи этого распоряженія, князь Горчаковъ приказалъ въ февралѣ (послѣ усиленія подвижного магазина 111 лошадьми) отправить изъ подвижного магазина въ распоряженіе командира 4-го корпуса 156 провіантскихъ телѣгъ и 468 лошадей. Послѣ этого въ 4-мъ корпусѣ, кромѣ находившихся при частяхъ штатныхъ провіантскихъ телѣгъ, поднимавшихъ провіантъ на 6 дней, образовалось добавочныхъ повозокъ на двухдневный запасъ, что вмѣстѣ съ четырехдневнымъ ранцевымъ запасомъ обезпечивало корпусъ провіантомъ на 12 дней [1]). Это было исполнено въ мартѣ 1853 года, и послѣ того въ подвижномъ магазинѣ при главной

[1]) Аратовскій, 286—289. Поливановъ, стр. 49.

квартирѣ арміи остался только штабъ, обозъ, около 60 лошадей и нѣсколько десятковъ людей [1]).

Еще 27 декабря 1852 года военный министръ приказалъ предупредить Новороссійскаго и Бессарабскаго генералъ-губернатора о томъ, что можетъ встрѣтиться надобность въ формированіи подвижного провіантскаго магазина для перевозки 16.333 пудовъ провіанта [2]), и просилъ его представить по этому поводу соображенія.

Изъ собранныхъ провіантскимъ департаментомъ свѣдѣній, представленныхъ въ мартѣ 1853 года, оказалось, что формированіе подвижного магазина посредствомъ обыкновеннаго найма подводъ въ трехъ Новороссійскихъ губерніяхъ обойдется слишкомъ дорого, такъ какъ подводчики требовали чрезвычайно высокую плату (отъ 2 р. 50 к. до 3 р. 50 к. въ сутки за подводу), соглашались перевозить только до октября и предъявляли еще другія неудобныя условія.

Поэтому единственнымъ подходящимъ способомъ для сбора подводъ являлся нарядъ ихъ отъ сословій Бессарабской области, обязанныхъ земскою повинностью. По собраннымъ свѣдѣніямъ оказалось, что вольные хлѣбопашцы Бессарабской области, исключительно царане, могутъ, безъ подрыва ихъ хозяйства, выставить отъ $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{2}$ воловыхъ подводъ, нужныхъ для подвижныхъ магазиновъ, а остальное количество могло быть взято у колонистовъ и государственныхъ крестьянъ области.

Къ тѣмъ же соображеніямъ провіантскаго департамента добавлялось, что, по произведеннымъ опытамъ, на каждую пароволовую подводу можетъ быть положено для ускореннаго движенія 32 пуда, а при медленномъ движеніи и до 40 пудовъ [3]). Поэтому для своза 20-дневнаго запаса провіанта и двухдневнаго запаса овса, назначенныхъ въ Леово и въ Кишиневъ, потребовалось всего 4597 пароволовыхъ подводъ, а съ запасными всего 4689 подводъ и 5251 пара воловъ [4]).

Военнымъ министромъ, на основаніи всѣхъ этихъ соображеній, въ мартѣ мѣсяцѣ было предложено Новороссійскому генералъ-губернатору собрать въ Бессарабіи 4880 обывательскихъ

---

[1]) Аратовскій, 287.

[2]) Провіантскій департаментъ предполагалъ тогда заготовлять въ Леово и въ Кишиневѣ 20-дневный запасъ для 30.000 человѣкъ.

[3]) Вмѣсто 25 пудовъ, по закону полагавшихся на пароконную подводу.

[4]) Арх. Канц. Воен. мин., д. 56 г., № 71, ч. III. Согласно ст. 1372 Св. В. П., кн. II, ч. 4 — полагалось по 1 парѣ запасныхъ воловъ на каждыя 8 паръ и по 1 запасной подводѣ на каждыя 50 подводъ.

пароволовыхъ подводъ съ положеннымъ числомъ запасныхъ воловъ, необходимыхъ для сформированія подвижного магазина въ 4 полубригады. Магазинъ этотъ долженъ былъ слѣдовать за войсками въ Княжества [1]).

17 мая было повелѣно безотлагательно собрать въ Леово подвижной магазинъ въ числѣ подводъ, которое было бы соразмѣрно съ числительностью отряда. Организація этого подвижного магазина была поручена генералъ-адъютанту Лидерсу.

Къ концу мая въ Леово была сформирована одна полубригада подвижного магазина изъ 4-хъ ротъ, въ составѣ 1220 пароволовыхъ подводъ съ 122 парами запасныхъ воловъ и 25 запасными повозками. Все это было собрано у бессарабскихъ крестьянъ, съ платою по 60 коп. за подводу въ сутки. За эту плату подводчики должны были содержать себя, кормить воловъ и исправлять повозки. Въ составъ сформированной полубригады были назначены еще 3 повозки комиссаріатскаго обоза, 6 офицеровъ (командиръ полубригады, адъютантъ и 4 ротныхъ командира) и 26 нижнихъ чиновъ отъ 5-го пѣхотнаго корпуса [2]).

Этимъ формировавшимся въ Бессарабіи четыремъ полубригадамъ были даны №№ 1, 2, 3 и 4 [3]).

Формированіе подвижного магазина вызвало большія затрудненія, такъ какъ найти нужное большое число подводъ въ окрестностяхъ Каменецъ-Подольска, Проскурова и Фрамполя было невозможно, и ихъ приходилось собирать за десятки верстъ.

Крестьяне, въ виду рабочаго времени и отдачи значительнаго числа подводъ 4-му корпусу, шли неохотно, что и было причиною медленности формированія подвижного магазина, въ свою очередь задержавшаго переходъ черезъ Прутъ [4]).

Части 4-го корпуса 24 мая двинулись къ границѣ, въ Скуляны и Леово, двумя колоннами и прибывали въ Скуляны между 5 іюня и 14 іюля, а въ Леово—между 22 іюня и 3 іюля. Части 5-го корпуса съ 5-й кавалерійской дивизіей сосредоточились у Леова въ началѣ іюня [5]).

На пути войска не встрѣтили никакихъ затрудненій въ продовольствіи ни провіантомъ, ни фуражемъ. Они имѣли при себѣ

---

[1]) Поливановъ, 50. Затлеръ, I, стр. 192.
[2]) Арх. Канц. Воен. мин., д. 1856 г., № 71, ч. 3.
[3]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3594. Приказъ по 4 и 5 корп. 15 іюня 1853 г., № 5.
[4]) Поливановъ, стр. 47.
[5]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3310.

10 дневный запасъ въ сухаряхъ, а на мясо и соль имъ были отпущены деньги по 1 сентября. Кромѣ того, на случай недостатка хлѣба на границѣ, корпусному комиссіонерству было отпущено 50.000 рублей, но въ расходованіи этихъ денегъ нужды не представилось, такъ какъ вмѣстѣ съ прибытіемъ въ Скуляны головныхъ частей 4-го корпуса туда стали подходить и транспорты съ провіантомъ, о чемъ было упомянуто выше. Мясо, соль и фуражъ войска покупали сами и затрудненій въ этомъ также не встрѣчали [1]). Израсходованный войсками во время пути сухарный запасъ былъ пополненъ въ Скулянахъ и Леовѣ [2]).

Турецкій кредитный билетъ (Арх. Мин. Ин. дѣлъ).

Князь Горчаковъ, прибывъ въ Кишиневъ, назначилъ на должность генералъ-интенданта при 4 и 5 корпусахъ генералъ-маіора Затлера [3]), состоявшаго до тѣхъ поръ генералъ-провіантмейстеромъ дѣйствующей арміи. Генералъ Затлеръ занималъ эту должность уже во время венгерской кампаніи и тогда своими удачными распоряженіями по интендантской части обратилъ на себя вниманіе князя Варшавскаго.

Такъ какъ большая часть дѣйствующей арміи (мирнаго времени) не предназначалась въ походъ, то интендантство ея оставалось въ полномъ своемъ составѣ въ Варшавѣ, а при генералѣ Затлерѣ состояли только одинъ провіантскій чиновникъ и два писаря. Пришлось формировать вновь цѣлое интендантское управленіе: канцелярію, главныя полевыя провіантскую и комиссаріатскую комиссіи, корпусныя комиссіонерства и дивизіонныхъ провіантмейстеровъ [4]). Для магазиновъ, которые имѣлось въ виду открыть въ Княжествахъ, надо было назначить смотрителей и т. п. Вновь сформированному комиссіонерству 4-го корпуса было приказано постоянно состоять при

---

[1]) Аратовскій, 277 и 281.
[2]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3310.
[3]) Приказъ по 4 и 5 корп., 9 іюня 1853 г., № 1.
[4]) Затлеръ, ч. I, стр. 192 и ч. II, стр. 264.

штабѣ командующаго войсками въ помощь генералъ-интенданту арміи [1]).

Такимъ образомъ, въ самую горячую пору для интендантства, во время всякаго рода обширныхъ заготовленій, это интендантство только формировалось на-скоро изъ десятковъ новыхъ лицъ, не знавшихъ своего начальства, которое, въ свою очередь, не знало способностей и качествъ подчиненныхъ. Между тѣмъ генералъ Затлеръ долженъ былъ, по самому роду дѣятельности интендантства при условіяхъ военнаго времени, посылать своихъ чиновниковъ въ дальнія, самостоятельныя командировки.

Условія продовольствія въ Молдавіи, Валахіи и Болгаріи и непримѣнимость въ этихъ Княжествахъ реквизиціонной системы были извѣстны намъ изъ опыта всѣхъ предыдущихъ войнъ и даже по послѣдней венгерской кампаніи, когда въ Молдавіи и Валахіи былъ расположенъ 5-й корпусъ [2]). Между тѣмъ фельдмаршалъ въ письмѣ своемъ къ военному министру отъ 20 мая 1853 года писалъ, что о способахъ продовольствія въ Придунайскихъ княжествахъ онъ не можетъ сообщить никакихъ положительныхъ свѣдѣній, хотя ему и извѣстно, что въ прежнее время обязанность доставлять нашимъ войскамъ нужное количество припасовъ лежала на диванахъ, т.-е. именно указывалъ на реквизиціонный способъ.

Князь Варшавскій вмѣстѣ съ этимъ предписалъ генералу Даненбергу, знакомому съ Княжествами по 1848 году, изложить свое мнѣніе о способахъ продовольствія войскъ въ Молдавіи и Валахіи.

Въ началѣ іюня генералъ Даненбергъ представилъ объ этомъ записку, въ которой говорилъ, что продовольствіе войскъ въ Княжествахъ поставками отъ мѣстныхъ властей онъ считаетъ неудобнымъ. Въ 1848 году припасы отъ земли доставлялись всегда весьма неисправно, часто недоброкачественные, а между сдатчиками и пріемщиками постоянно возникали споры и жалобы по поводу вѣса и мѣры; для окончательнаго же расчета съ Княжествами пришлось потомъ составить особую комиссію, которая работала болѣе года. Поэтому онъ признаетъ самымъ удобнымъ заготовлять припасы въ Княжествахъ съ торговъ, допуская поставку отъ мѣстныхъ властей только въ крайнихъ случаяхъ и

---

[1]) Приказъ по 4 и 5 корп. 1853 г., № 26.
[2]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. № 3310.

дѣлая по этому поводу заблаговременно съ ними сношенія, въ которыхъ слѣдуетъ указывать складочные пункты и количество требуемыхъ продуктовъ.

Эта записка генерала Даненберга была препровождена князю Горчакову для соображенія о способѣ продовольствія въ Княжествахъ [1]).

Общій порядокъ довольствія войскъ нашей Дунайской арміи былъ установленъ особымъ положеніемъ, Высочайше утвержденнымъ 18 мая 1853 года и разосланнымъ въ войска [2]). Главныя основанія этого положенія заключались въ слѣдующемъ:

Довольствіе предполагалось организовать тремя способами:

1) *Непосредственнымъ распоряженіемъ интендантства,* т.-е. заготовленіемъ внутри Россіи запасовъ и подвозомъ ихъ прямо въ войска или въ учрежденные временные магазины. Эти же магазины предполагалось пополнять также посредствомъ торговъ или покупокъ въ Княжествахъ. Всѣ продукты предписывалось получать отъ края не иначе, какъ за соотвѣтствующее вознагражденіе или чистыми деньгами или по квитанціямъ. Безъ вознагражденія разрѣшалось отводить только квартиры для воинскихъ чиновъ, подъ госпитали, магазины и прочія потребности войскъ, а также получать дрова для варки пищи.

2) *Средствами края за установленное вознагражденіе.* Для этого предполагалось учреждать распоряженіемъ мѣстныхъ властей земскіе магазины въ мѣстахъ, заранѣе указанныхъ интендантствомъ. При магазинахъ должны были находиться земскіе чиновники съ прислугою и комиссіонеры или офицеры отъ нашихъ войскъ. Требованія отъ войскъ въ земскіе магазины и отпуски изъ нихъ должны были производиться по тѣмъ же правиламъ, какъ и изъ русскихъ магазиновъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда по какимъ-либо причинамъ войскамъ не было бы возможности получать продовольствіе изъ земскихъ магазиновъ, допускалось полученіе продуктовъ прямо отъ жителей, по указанію земскихъ комиссаровъ. Для этого при всѣхъ отрядахъ должны были находиться особые земскіе комиссары. Уплату за все забранное полагалось производить или наличными деньгами или установленными квитанціями.

---

[1]) Аратовскій, 279 и 280.

[2]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3419. Приложеніе къ приказу по 4 и 5 корп. 15 іюня 1853 г., № 5.

3) *Покупка самими войсками по утвержденнымъ цѣнамъ,* съ обязательною уплатою наличными деньгами.

Князю Горчакову была сообщена также инструкція министра иностранныхъ дѣлъ войти въ соглашеніе черезъ нашихъ консуловъ съ правительствами Княжествъ по поводу продовольствія тамъ нашихъ войскъ и въ этомъ соглашеніи опредѣлить, чтобы всѣ поставки отъ правительствъ и отъ жителей производились по нормальнымъ цѣнамъ, т.-е. по цѣнамъ, существовавшимъ во время вступленія нашихъ войскъ въ Княжества [1]).

11 іюня 1853 года послѣдовалъ приказъ по войскамъ о предстоящемъ занятіи Княжествъ, въ которомъ, между прочимъ, было сказано о Высочайшей волѣ, „дабы Россійскія войска зани„мали Молдавію и Валахію не какъ враждебный край, но какъ „области, издревле подъ покровительствомъ Его Императорскаго „Величества состоящія"... и что „никто не долженъ ничего требо„вать отъ жителей безъ должнаго вознагражденія, на основаніи „правилъ, которыя вслѣдъ за симъ будутъ объявлены".

Князь Горчаковъ, будучи начальникомъ штаба корпуса во время войны 1828 и 1829 годовъ, былъ очевидцемъ той нужды, которую терпѣли войска въ Княжествахъ, а потому, готовясь теперь снова вступить въ этотъ край, проявилъ усиленную заботливость объ устройствѣ продовольственной и госпитальной частей.

Для пополненія десятидневнаго сухарнаго запаса въ войскахъ, подходившихъ къ Скулянамъ, имъ было приказано еще до перехода границы перевезти туда изъ Кишинева 3000 чтв. сухарей, а Новороссійскому генералъ-губернатору заготовить тамъ, взамѣнъ ихъ, такое же количество.

Заготовленныя въ Кишиневѣ 35.000 чтв. муки съ пропорціей крупъ было приказано перевезти въ Леово на обывательскихъ подводахъ, для найма которыхъ были назначены торги въ Бессарабской казенной палатѣ [2]). Кромѣ того, въ Скулянахъ заготовлялись 1000 чтв., а въ Леовѣ 3000 чтв. ячменя.

Войска должны были передъ выступленіемъ за границу пополнить сухарный запасъ въ частяхъ 5-го корпуса на 11 дней, а въ 4-мъ, имѣвшемъ большее число повозокъ, на 13 дней [3]). Запасы фуража было предписано пополнить немедленно: кавалеріи на 3, артиллеріи на 6, обозамъ на 8 дней. Частямъ 5 корпуса прика-

[1]) Аратовскій, 317.
[2]) Аратовскій, 316.
[3]) Приказъ по 4 и 5 корп. 18 іюня 1853 г.; № 8.

зано купить для возки спирта и уксуса пароконныя повозки. Въ 4-мъ корпусѣ, имѣвшемъ лишнія повозки, заведенныя еще въ февралѣ распоряженіемъ князя Варшавскаго, было приказано назначить подъ спиртъ и уксусъ: въ пѣхотныхъ полкахъ — по 6, въ кавалерійскихъ — по 2, въ артиллерійскихъ бригадахъ — по 1 телѣгѣ [1]).

Командующій войсками разослалъ одновременно съ опубликованными правилами о довольствіи войскъ въ Княжествахъ [2]) въ войска „тарифъ для продовольствія войскъ за границею", представлявшій собою раскладку для нижнихъ чиновъ и офицеровъ; кромѣ того, были объявлены войскамъ сравненія заграничныхъ мѣръ, вѣсовъ и монетъ съ русскими и разосланы бланки квитанцій для выдачи за взимаемые припасы [3]).

Англо-французскіе флаги въ Босфорѣ. Турецкая дума.

18 іюня была разослана начальникамъ колоннъ главныхъ силъ и авангарда инструкція относительно продовольствія войскъ въ пути. Въ этой инструкціи назначалось усиленное довольствіе войскъ мясомъ, указывалось, что фуражъ, мясо, вино и соль войска должны покупать сами, а также указывались и случаи, когда войска могутъ обращаться, черезъ находящихся при нихъ комиссіонеровъ, къ средствамъ страны [4]).

Князь Горчаковъ, на основаніи инструкціи, полученной имъ изъ министерства иностранныхъ дѣлъ, снесся, черезъ нашихъ консуловъ, которыхъ онъ вызвалъ въ Кишиневъ, съ правительствами Княжествъ относительно заготовленія на ночлегахъ на пути слѣдованія нашихъ войскъ продовольственныхъ запасовъ, особенно

---

[1]) Приказъ по 4 и 5 корп. 1853 г., № 6.
[2]) Приказъ кн. Горчакова отъ 15 іюня 1853 г.
[3]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3594.
[4]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3419.

въ Бырлатѣ, Текучѣ и Фокшанахъ, а также относительно установленія за нихъ цѣнъ.

Необходимость установленія цѣнъ вызывалась, очевидно, вѣроятностью подъема ихъ, въ виду громаднаго спроса [1]). Какъ на продукты, такъ и на фуражъ, подводы и дрова были установлены *нормальныя* цѣны, отдѣльно за продовольственные припасы, за продовольствіе на квартирахъ у жителей, за пастбища и за обывательскія подводы, которыя будутъ взиматься по наряду. (За одну пароволовую подводу была установлена плата за одинъ переходъ: въ Молдавіи—66 к., въ Валахіи—42 к.) [2]).

На пути слѣдованія нашихъ войскъ были назначены, по сношенію съ правительствами Княжествъ, слѣдующіе пункты ночлеговъ [3]):

Большая дорога отъ Скулянъ до Бухареста. Скуляны, Яссы (20 в.), Баросешти (25 в.), Унчешти (16 в.), Васлуй (20 в.), Даколени (17 в.), Флорешти (17 в.), Бырлатъ (15 в.), Ліешти (20 в.), Цыганешти-Ноу (15 в.), Текучъ (12 в.), Сушле (13 в.), Фокшаны (14 в.), Тыргокука (18 в.), Рымникъ (14 в.), Кильису (21 в.), Бузео (14 в.), Петросъ (12 в.), Морженяны (16 в.), Урзичени (23 в.), Синешти (26 в.), Мора-Домняска (12 вер.), Бухарестъ (15 в.).

Боковая дорога отъ Леова въ Бырлатъ. Леово, Фальчи (23 в.), Епурени (23 в.), Бырлатъ (24 в.).

Боковая дорога отъ Леова въ Васлуй. Леово, Станилешти (16 в.), Хушъ (14 в.), Ивинцешти (14 в.), Васлуй (18 в.).

Боковая дорога отъ Баксу въ Текучъ. Баксу, Клежа-Дежосъ (18 в.), Вале-Сака (16 в.), Аджутъ-Ноу (19 в.), Маришешти (14 в.), Текучъ (17 в.).

При слѣдованіи крупныхъ частей войскъ къ этимъ пунктамъ дневокъ и ночлеговъ потомъ приписывались дополнительно еще другія сосѣднія селенія, а войскамъ и правительствамъ Княжествъ свѣдѣнія эти разсылались заблаговременно въ маршрутахъ [4]).

На всѣхъ пунктахъ, гдѣ были учреждены магазины, должны были находиться чиновники отъ Княжествъ для выдачи войскамъ припасовъ.

---

[1]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3419.

[2]) Приказы по 4 и 5 корп., №№ 14, 15, 41, 42, 43 и 92.

[3]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3310. Отношеніе генералъ-квартирмейстера дежурному генералу.

[4]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3422.

Правительства Княжествъ тотчасъ же приступили къ заготовленію въ указанномъ имъ количествѣ муки, крупъ, ячменя, сѣна, соломы и дровъ на всѣхъ пунктахъ ночлеговъ, а главнымъ образомъ въ Бырлатѣ, Фокшанахъ, Текучѣ, Бузео, Слободзеѣ и Бухарестѣ; въ Бухарестѣ, кромѣ того, заготовлялись сухари [1]). Въ этихъ пунктахъ войска должны были пополнять свои запасы, израсходованные въ пути [2]). 18 іюня командиру 2-й бригады 15 пѣхотной дивизіи было предписано устроить въ Фокшанахъ и Текучѣ хлѣбопеченіе, для чего были назначены 5 баталіоновъ этой бригады. Сухари, по мѣрѣ выпечки, должны были сдаваться въ тотъ же день въ подвижные магазины [3]).

Изъ всѣхъ этихъ распоряженій видно, что князь Горчаковъ все-таки былъ вынужденъ имѣть въ виду пользованіе мѣстными средствами края, что вытекало изъ слѣдующихъ соображеній:

Разстояніе отъ бессарабской базы до Бухареста было около 300 верстъ (отъ Леова до Бухареста—313 в.). На кругооборотъ подвижного магазина между этими пунктами требовалось не менѣе 44-хъ дней, т.-е., принимая въ расчетъ путь въ оба конца, время на нагрузку и разгрузку. Для нѣкоторыхъ же отрядовъ, которые могли оказаться еще дальше, времени для подвоза съ базы понадобилось бы еще больше. Подвижной магазинъ поднималъ продовольствіе для 70.000 человѣкъ только на одинъ мѣсяцъ [4]), а, слѣдовательно, въ доставкѣ продуктовъ могли быть задержки, и основывать все продовольствіе на одномъ такомъ подвозѣ было невозможно.

Такимъ образомъ, къ 21 іюня, ко дню выступленія нашихъ войскъ за границу, для продовольствія ихъ имѣлось всего:

1) *при самыхъ войскахъ:* 11—13 дневный запасъ провіанта въ ранцахъ и войсковомъ обозѣ;

2) *въ подвижномъ магазинѣ:* 20-ти дневный запасъ провіанта, вина, уксусу, соли и перца въ 4-хъ полубригадахъ изъ 4622-хъ пароволовыхъ подводъ;

---

[1]) Въ Бухарестѣ заготовлялось: 400 чтв. сухарей, 2065 чтв. муки, 206 чтв. крупъ, 5300 чтв. ячменя, 680 пуд. соломы, 17 саж. дровъ. Вскорѣ генеральному консулу въ Валахіи было поручено заготовить въ Бухарестѣ къ 15 іюля еще 5000 чтв. муки, 500 чтв. крупъ, 5000 чтв. ячменя, 9081 пудъ соломы и 145 саж. дровъ. Въ Слободзеѣ въ 20-хъ числахъ іюня было заготовлено 200 чтв. муки съ пропорціей крупъ и 500 чтв. ячменя. (Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3419).

[2]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3419.

[3]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. № 3311.

[4]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3419.

3) *на базѣ въ Бессарабіи:* нѣсколько болѣе 2 мѣсячной пропорціи провіанта;

4) *запасы впереди:* заготовляемые по соглашенію съ правительствами Княжествъ на пути движенія нашихъ войскъ.

Изъ этого видно, что продовольствіе войскъ запасами, собранными на первоначальной базѣ въ Бессарабіи, обезпечивало войска очень не надолго, а довольствіе на пути къ Бухаресту основывалось главнымъ образомъ на средствахъ Княжествъ.

Наличное состояніе запасовъ въ войскахъ и въ подвижномъ магазинѣ также требовало дополнительныхъ средствъ, а размѣръ подвижного магазина не допускалъ возможности подвоза съ базы всего нужнаго количества продуктовъ, т.-е. въ общемъ вся организація была приноровлена не на случай войны, а лишь для оккупаціи, что и вытекало логически изъ словъ Высочайшаго манифеста 14 іюня 1853 года.

Формированіе остальныхъ трехъ полубригадъ подвижного магазина, изъ 4880 подводъ, было приказано закончить къ 17 іюня; одна полубригада была сформирована еще въ маѣ мѣсяцѣ.

Эти три полубригады были отправлены: одна, изъ 1210 пароволовыхъ подводъ, въ Скуляны, а двѣ, также пароволовыя, по 1096 подводъ каждая, въ Кишиневъ [1]). Въ каждой изъ нихъ имѣлось положенное число запасныхъ воловъ и повозокъ. Командирами полубригадъ были назначены штабъ-офицеры, а командирами ротъ—оберъ-офицеры отъ 5-го пѣхотнаго корпуса. Въ каждую было назначено по нѣскольку нижнихъ чиновъ [2]).

Плата за подводы и прочія условія найма была установлена та же, какъ и въ 1-й полубригадѣ, сформированной въ маѣ. Полубригады, по мѣрѣ ихъ формированія, тотчасъ же нагружались 20 дневнымъ запасомъ провіанта, вина, уксусу, соли и перцу и затѣмъ ожидали движенія войскъ за границу для слѣдованія за ними.

Во всѣхъ четырехъ полубригадахъ вмѣстѣ было 4622 пароволовыхъ подводы и запасныхъ—92 подводы и 1154 вола; всѣ подводы вмѣстѣ могли поднять сразу мѣсячный запасъ провіанта и вина на 70 тысячъ человѣкъ.

---

[1]) Арх. Канц. Воен. мин., д. 1856 г., № 71, ч. III.
[2]) Приказъ по 4 и 5 корп. 1853 г., № 16.

Глава III.

I.

Не успѣвъ еще дойти до Бухареста, графъ Анрепъ получилъ отъ князя Горчакова новое измѣненіе инструкціи. Командующій войсками, кромѣ опасенія переправы турокъ ниже Силистріи, что могло бы угрожать безопасности наступленія къ Бухаресту, возъимѣлъ опасеніе о возможной переправѣ турокъ у Журжи и поэтому рекомендовалъ начальнику авангарда выставить къ этому пункту дивизіонъ кавалеріи, подкрѣпивъ его особымъ отрядомъ изъ пяти эскадроновъ и двухъ конныхъ орудій. Этотъ отрядъ долженъ былъ на общихъ основаніяхъ не вдаваться въ бой съ непріятелемъ, если послѣдній будетъ въ большихъ силахъ, но прогонять малыя шайки турокъ; наблюденіе же за Дунаемъ, между Турно и Туртукаемъ, производить при посредствѣ особыхъ подвижныхъ колоннъ, силою отъ ½ до 1 эскадрона [1]).

Графъ Анрепъ, на основаніи полученныхъ имъ общихъ распоряженій, расположилъ 6 іюля, послѣ занятія Бухареста, главныя силы своего авангарда бивакомъ по Журженской дорогѣ на р. Саборѣ, между селеніями Желява и Магурени (Магура), и принялъ обширныя мѣры для наблюденія и охраненія Дуная на протяженіи около 250 верстъ, отъ деревни Бетрешти, что ниже Гирсова, до города Зимничь, что противъ Систова [2]).

Съ этой цѣлью было выдвинуто пять самостоятельныхъ отрядовъ:

1. Къ с. *Слободзея*—отрядъ подполковника Баканова, силою въ 2 эскадрона и 1 сотню [3]), на который возлагалось охраненіе

---

[1]) Кн. Горчаковъ—гр. Анрепу 1 іюля 1853 г., № 257. Арх. Воен. Уч. Ком. Гл. Шт., Отд. 2, д. № 3419.

[2]) См. схему № 2 (папка).

[3]) 3-й и 4-й эскадроны Бугскаго уланскаго полка и 4-я сотня донского казачьяго № 34 полка.

и наблюденіе участка отъ д. Бетрешти до деревни Манукулъ, протяженіемъ около 90 верстъ [1]).

2. Въ *Обилешти-Ноу*—отрядъ маіора Бантыша, силою въ 2 эскадрона и ½ сотни, для наблюденія участка отъ д. Манукулъ до Ст. Ольтеницы, противъ Туртукая, длиною около 40 верстъ [2]).

3. Въ *Будешти*—1 эскадронъ и ½ сотни, которымъ былъ данъ участокъ отъ Ольтеницы до Пуэни, длиною около 30 верстъ [3]).

4. У *Фратешти*—отрядъ генералъ-маіора Гасферта, силою въ 6 эскадроновъ, 2 сотни и 2 конныхъ орудія [4]), которому поручался участокъ отъ с. Пуэни до г. Зимнича, протяженіемъ около 80 верстъ [5]).

5. Какъ бы въ резервѣ, за этимъ послѣднимъ отрядомъ, въ 19 верстахъ за нимъ, у д. *Калагурени,* были поставлены 2 эскадрона [6]), которые въ то же время предназначались для прикрытія праваго фланга расположенія главныхъ силъ авангарда графа Анрепа. Начальникъ авангарда, осмотрѣвъ лично передовыя части, выдвинулъ изъ этого отряда 2 взвода уланъ къ с. Драганешти, съ приказаніемъ посылать разъѣзды къ селеніямъ Русе-де-Веде и Александрія.

Такимъ образомъ, для наблюденія всего 250-верстнаго участка Дуная съ цѣлью не допустить переправы турецкихъ партій на его лѣвый берегъ было назначено 13 эскадроновъ, 4 сотни и 2 конныхъ орудія. Всѣ отряды несли свою наблюдательную службу при помощи отдѣльныхъ заставъ, постовъ и сѣти разъ-

---

[1]) Подполковникъ Бакаевъ выставилъ для выполненія возложенной на него задачи три отряда: въ Кіоре, противъ Гирсова (1 взводъ уланъ и 25 казаковъ), въ Кокарджіа (1 взводъ уланъ и 25 казаковъ) и въ Каларашѣ (2 взвода уланъ съ 68 казаками), и два отдѣльныхъ казачьихъ поста для наблюденія за переправами у Гура-Яломница и у Силистріи. Эти отряды, выставивъ отъ себя по берегу, какъ показано на схемѣ, рядъ постовъ, связались между собою, а равно и съ сосѣднимъ отрядомъ, разъѣздами. Эскадронъ и нѣсколько казаковъ оставались въ Слободзеѣ.

[2]) Два эскадрона гусарскаго кн. Варшавскаго полка и ½ сотни донского казачьяго № 34 полка. Отъ этого отряда были выдвинуты къ селеніямъ Ульмулъ и Ульмени по взводу гусаръ съ 20-ю казаками и постъ изъ 6 гусаръ у устья р. Аржиса, противъ Туртукайской переправы. Весь берегъ Дуная на этомъ участкѣ также наблюдался разъѣздами, которые входили въ связь съ сосѣдними участками.

[3]) Гусарскаго пр. Фридриха-Карла и донского казачьяго № 34 полковъ. Отъ него были выставлены: постъ изъ 7 казаковъ на правый берегъ р. Аржиса для наблюденія за Туртукаемъ и взводъ гусаръ съ 30-ю казаками въ Хошару (Кашорли), которые, какъ и прочіе отряды, наблюдали за Дунаемъ и связывались съ сосѣдними разъѣздами.

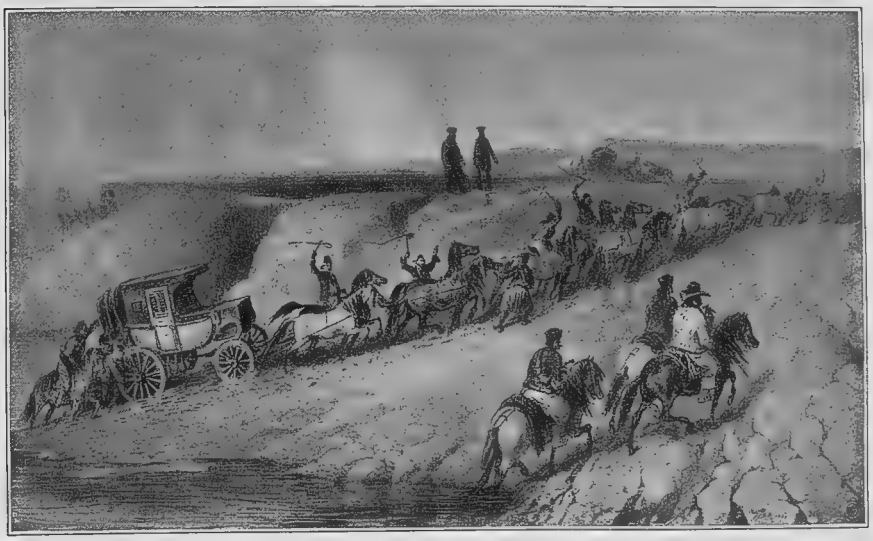
[4]) 6 эскадроновъ Бугскаго уланскаго полка, 2 сотни донского казачьяго № 34 полка и 2 орудія № 9 конной батареи.

[5]) Отъ этого отряда были высланы: 1 эскадронъ и ½ сотни къ Журжѣ, при чемъ два казачьихъ поста поставлены противъ Рущука, и 40 казаковъ къ д. Бригадиръ.

[6]) Уланскаго герц. Нассаускаго полка.

ѣздовъ [1]). Наблюденіе за Дунаемъ, выше устья р. Веде, должно было производиться при помощи лазутчиковъ.

Съ 16 іюля главныя силы нашей арміи стали прибывать къ Бухаресту и располагаться по квартирамъ въ 30-40 верстномъ раіонѣ около города, между р. Кылништа, впадающею въ Аржисъ противъ Гастинари, р. Аржисомъ, до устья р. Дымбовицы, и чертою отъ сліянія р. Дымбовицы и Аржиса, вверхъ на Иляны и Урзичени. Санитарное состояніе войскъ было прекрасное [2]).



Ѣзда въ Валахіи.

Охраненіе квартирнаго раіона было возложено на авангардъ графа Анрепа, который для этого былъ соотвѣтственно усиленъ пѣхотой и артиллеріей. Онъ долженъ былъ расположиться квартиро-бивачнымъ порядкомъ на нижнемъ Аржисѣ, въ 25 верстахъ отъ Бухареста, между селеніями Колибашъ и Гостинари [3]).

Послѣ многихъ дополненій и измѣненій охраненіе расположенія главныхъ силъ князя Горчакова и наблюденіе за Дунаемъ на всемъ пространствѣ ниже впаденія въ него р. Веде вылилось въ слѣдующую форму:

---

[1]) Гр. Анрепъ—кн. Горчакову 11 іюля 1853 г., № 39. Арх. Воен. Уч. Ком. Гл. Шт., Отд. 2, д. № 3419.

[2]) Кн. Горчаковъ—военному министру 17 (29) августа 1853 г. Арх. Канц. Воен. мин. по снар. в. 1853 г., секр. д. № 57.

[3]) Кн. Горчаковъ—гр. Анрепу 15 іюля 1853 г., № 398. Арх. Воен. Уч. Ком. Гл. Шт., Отд. 2, д. № 3419.

А. *Авангардъ графа Анрепа,* силою *въ 11 батал., 32 эскадр., 9 сот., 36 пѣш. и 16 кон. ор.* [1]), расположившись между Калибахомъ и Гастинари [2]), непосредственно прикрывалъ квартирное расположеніе главныхъ силъ и наблюдалъ за Дунаемъ на протяженіи отъ р. Веде до оз. Мостинешти [3]).

Онъ выдвинулъ отъ себя два отряда:

а) *правый,* силою *въ 8 эск., 6 сот. и 2 кон. ор.* [4]), наблюдалъ со стороны Малой Валахіи и Дуная, въ раіонѣ между притокомъ р. Веде, рѣкою Кленвице, рѣкою Веде и Дунаемъ, отъ впаденія въ него Веде и до селенія Ойнаку, что ниже Журжи, включительно. Этотъ отрядъ раздѣлился на двѣ, почти равныя, части: 4 эск. и 1 сот. стали на тѣсныхъ квартирахъ въ сел. Калагурени, 3 эск., 2 сот. и 2 кон. ор.—бивакомъ у с. Фратешти (Одая); остальныя части заняли отдѣльными заставами, силою отъ ½ до 1 сотни каждая, селенія Кривенику (Мари), Найпулъ, Путинею и 1 эск. съ ½ сот. Журжу [5]).

б) *лѣвый отрядъ,* силою *въ 8 эск., 3 сот. и 2 кон. ор.* [6]), наблюдая теченіе Дуная отъ селенія Ойнаку до озера Мостинешти, расположился квартиро-бивачнымъ порядкомъ у сел. Негоешти, выставивъ заставы въ сс. Прунду, Гряку и Хошару и 1 сотню въ с. Ульмени [7]).

Сборнымъ пунктомъ для всего авангарда графа Анрепа, въ случаѣ перехода турокъ черезъ Дунай, было назначено с. Колибашъ [8]).

Б. *Отрядъ генералъ-маіора Богушевскаго,* силою *въ 16 эск., 3 сот. и 8 кон. ор.* [9]); на него возлагалось прикрытіе лѣваго

---

[1]) 11 баталіоновъ 10-й пѣхотной дивизіи съ тремя батареями 10-й артиллерійской бригады, 5-я легкая кавалерійская дивизія съ ея артиллеріею, донск. казач. № 37 и три сотни № 34 полк.

[2]) Тобольской пѣхотный полкъ съ батарейною № 1 батареею 10-й артиллерійской бригады, включенный въ составъ авангарда гр. Анрепа, оставался расположеннымъ въ окрестностяхъ Дарешти (Орешти).

[3]) См. схему № 3 (папка).

[4]) Гусарскій кн. Варшавскаго и донской казачій № 37 полки и 2 орудія кон. легк. № 10 батареи.

[5]) Предписаніе кн. Горчакова гр. Анрепу 21 іюля 1853 г., № 448; ген. Коцебу—ему же того же числа, № 443. Арх. Воен. Уч. Ком. Гл. Шт., Отд. 2, д. № 3419.

[6]) Уланскій герц. Нассаускаго и донской казачій № 34 полки и 2 орудія кон. легк. № 9 батареи.

[7]) Всѣ эти мѣры были приняты къ 24 іюля. Арх. Воен. Уч. Ком. Гл. Шт., Отд. 2, д. № 3316.

[8]) Предписаніе гр. Анрепу 7 августа 1853 г., № 688. Тамъ же.

[9]) 1-я бригада 4-й легко-кавалерійской дивизіи, три сотни донск. казач. № 34 полка и конная легкая № 7 батарея.

фланга расположенія главныхъ силъ и наблюденіе за Дунаемъ отъ границы раіона авангарда графа Анрепа, озера Мостинешти, до сел. Тикилешти, верстахъ въ 15 къ югу отъ Браилова [1]). Отрядъ генерала Богушевскаго расположился квартиро-бивачнымъ порядкомъ въ сс. Обилешти-Ноу, Гурбанешти и Пріязни-Вѣки, выставивъ отъ себя передовыя части къ сс. Гауноша (1 эск. и 15 каз.), Слободзея (2 эск. и 25 каз.), Чоара-Дейчешти (1 сот.) и на берегу лѣваго рукава Дуная, у сел. Дудешти, что на серединѣ разстоянія между Каларашемъ и Гирсово (1 сот.). Части эти непосредственно наблюдали уже все теченіе Дуная на данномъ раіонѣ при помощи ряда заставъ, постовъ и разъѣздовъ [2]).

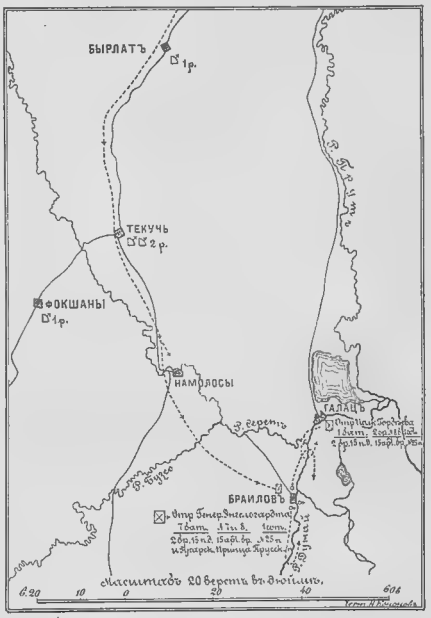


Схема № 4.
Расположеніе Браиловскаго отряда въ Августѣ 1853 г.

Частными сборными пунктами для отряда генерала Богушевскаго были селенія Обилешти-Ноу и Тамадсу-де-Сусъ и общимъ — с. Друмасеру.

В. *Браиловскій отрядъ генералъ-маіора Энгельгарда,* силою *въ 8 батал., 8 эск., 2 сотни и 24 п. ор.* [3]), предназначался для удержанія наступленія турокъ со стороны Браилова и Галаца, для наблюденія за Дунаемъ между отрядами генераловъ Богушевскаго и Лидерса [4]), для охраненія тыла арміи князя Горчакова и ея сообщеній съ нашей границей.

Отрядъ генерала Энгельгарда, первоначально расположившись въ с. Немолосы [5]), пододвинулся въ августѣ мѣсяцѣ къ Браилову, занялъ этотъ пунктъ сильной казачьей заставой, выдвинулъ къ

---

[1]) Кн. Горчаковъ—ген. Богушевскому 17 іюля 1853 г., № 407. Арх. Воен. Уч. Ком. Гл. Шт., Отд. 2, д. № 3428.

[2]) Подробности см. на схемѣ № 3.

[3]) 2-я бригада 15-й пѣхотной дивизіи съ 2-мя легкими батареями 15-й артиллерійской бригады, гусарскій принца Прусскаго полкъ и 2 сотни донского казачьяго № 25 полка.

[4]) Послѣдній, какъ извѣстно, охранялъ нашу границу по Дунаю ниже устья р. Прутъ.

[5]) См. схему № 4, стр. 131.

Галацу отрядъ полковника Гордѣева (1 батал., 1 сот. и 2 ор.) и связался разъѣздами съ отрядомъ генерала Богушевскаго.

Для охраненія тыла главныхъ силъ и для обезпеченія ихъ сообщенія со Скулянами и Леово генераломъ Энгельгардомъ были употреблены два баталіона и нѣсколько казаковъ, которые заняли, какъ этапные пункты, Скуляны, Яссы, Бырлатъ, Текучъ и Фокшаны.

Что же касается до охраненія нижняго Дуная, на протяженіи около 190 верстъ, отъ Галаца до устья, то тамъ было сосредоточено всего *13 батал., 48 ор., 6 сот., пограничная и карантинная стражи и большая часть Дунайской флотиліи* [1]).

Войска эти заняли Рени (1 батал., 1 сот. и дивизіонъ артиллеріи), Сатуново (1 батал., 1 сот. и дивизіонъ артиллеріи) [2]), Измаилъ (4 батал., 1 сот. и 48 оруд.) [3]), Болградъ и Татаръ Бунаръ (5 баталіоновъ) [4]), и Килію (2 батал.), имѣя по сотнѣ казаковъ въ Слободзеѣ-Маре и Карачагѣ [5]) и 17 канонерскихъ лодокъ у Измаила. Собственно наблюденіе за Дунаемъ на протяженіи отъ Рени до Сулина производилось при помощи 137 кордоновъ пограничной стражи и казаковъ, силою каждый отъ 4 до 35 человѣкъ. Входъ въ рукавъ Дуная, ведущій къ Измаилу, ограждался 2 канонерскими лодками у мыса Четала, Сулинскій же пунктъ охранялся брандвахтою изъ двухъ канонерскихъ лодокъ при 50 казакахъ. Рени и Галацъ были соединены прочнымъ мостомъ на плотахъ, устроенномъ въ этомъ мѣстѣ черезъ р. Прутъ.

Описавши уже характеръ князя Горчакова, нечего и прибавлять, что всѣ мельчайшія подробности изложеннаго выше расположенія охранительныхъ и развѣдывательныхъ отрядовъ были приняты не по личному почину ближайшихъ начальниковъ, которые могли ближе ознакомиться съ мѣстными условіями, а по распоряженію командующаго войсками, который считалъ возможнымъ указать по картѣ мѣсто чуть ли не каждой заставѣ на линіи наблюденія, растянутой на 250 верстъ.

Въ обширныхъ инструкціяхъ, данныхъ княземъ Горчаковымъ начальникамъ передовыхъ частей, обращалось неоднократное вниманіе на то, чтобы не дать туркамъ возможности нанести пора-

---

[1]) Рапортъ генералъ-адъютанта Лидерса отъ 26 августа 1853 г., № 68. Военно-историческій журналъ воен. дѣйствій.

[2]) Артиллерія была расположена въ с. Барту, въ 12 верстахъ отъ Сатунова.

[3]) Батареи стояли въ Бабелѣ и Татбунарѣ.

[4]) 1 баталіонъ стоялъ въ Болградѣ, а 4 баталіона 15 резервной бригады между Болградомъ и Татаръ Бунаромъ.

[5]) См. схему № 1 (папка).

женіе даже нашимъ отдѣльнымъ постамъ, что произвело бы неблагопріятное для насъ впечатлѣніе въ Княжествахъ. Благодаря этому, служба охраняющихъ частей была очень тяжела; половина изъ нихъ почти всегда находилась въ полной боевой готовности и это въ продолженіе многихъ мѣсяцевъ. Между тѣмъ какъ большая разброска наблюдающихъ частей, малая ихъ величина, сосѣдство Дуная, дающаго возможность туркамъ скрытно приблизиться къ нашимъ постамъ, и безусловная освѣдомленность непріятеля о томъ, что происходитъ на нашемъ берегу, дѣлали желаніе князя Горчакова, какъ впослѣдствіи и подтвердилось на практикѣ, почти невыполнимымъ. Войска наши менѣе утомились бы и не было бы случаевъ удачнаго нападенія на наши отдѣльные посты, если бы мы отказались отъ желанія пресѣчь незначительнымъ турецкимъ шайкамъ возможность переправиться на лѣвый берегъ Дуная на всемъ протяженіи 250 верстной линіи.

Съ приходомъ въ Княжества начались постоянныя безпокойства князя Горчакова, постоянное колебаніе между надеждами на миръ и войну. Обширная переписка съ Петербургомъ, Вѣной и Варшавой вливала въ душу командующаго войсками тѣ мирныя иллюзіи, которыми были полны наши дипломаты, вѣрившіе въ несокрушимую силу союзовъ, меморандумовъ и нотъ [1]); живой же голосъ съ того берега Дуная давалъ наоборотъ чувствовать, что дѣло обстоитъ не такъ благополучно; струны были сильно натянуты для того, чтобы разсчитывать на мирное окончаніе всѣхъ недоразумѣній. „Его Величество полонъ мирными иллюзіями“, занесъ въ свой дневникъ генералъ Коцебу, „а между тѣмъ все „болѣе и болѣе выясняется, что война неизбѣжна“. Англійскій и французскій консулы всѣми силами старались, по словамъ нашего начальника штаба арміи, ослабить вліяніе Россіи на Турцію и поставить Дунайскія княжества подъ протекторатъ всѣхъ державъ. Подпольная работа второстепенныхъ дипломатическихъ агентовъ западныхъ державъ была болѣе видна на самомъ мѣстѣ ихъ дѣйствій, и генералъ Коцебу чуть ли не ежедневно заносилъ въ свой дневникъ, что война неизбѣжна.

Что касается до князя Горчакова, то у него не сложилось такого опредѣленнаго мнѣнія, какъ у его начальника штаба, и

---

[1]) Всеподданнѣйшее письмо кн. Варшавскаго 18 (30) мая 1853 г. (Арх. Канц. Воен. мин. 1853 г., секр. д. № 44); его же письма кн. Горчакову 29 іюня и 14 іюля 1853 г.; кн. Долгоруковъ — кн. Меншикову 11 іюля 1853 г. (Арх. Воен. Уч. Ком. Гл. Шт., Отд. 2, д. № 4254); рукописный дневникъ генералъ-адъютанта Коцебу (Муз. Сев. обор.) и др.

онъ поочередно находился или подъ вліяніемъ внушеній издали или подъ вліяніемъ тѣхъ свѣдѣній, которыя собирались на мѣстѣ. Князь Михаилъ Дмитріевичъ не принадлежалъ къ тѣмъ натурамъ, которыя способны спокойно и безпристрастно взвѣсить всю окружающую обстановку; поэтому по мѣрѣ приближенія къ Дунаю онъ все нервнѣе и нервнѣе относился ко всѣмъ слухамъ, которые въ необработанномъ и непровѣренномъ видѣ доходили до него съ того берега. Не только ожиданіе войны въ будущемъ, но ежеминутное ожиданіе нападенія не выходило изъ головы командующаго войсками и въ полумирной еще обстановкѣ вызывало лихорадочную и суетливую дѣятельность самого князя Горчакова, его штаба и всей арміи [1]).

Первоначальное опасеніе за низовья Дуная вызвало, какъ было упомянуто выше, желаніе воспользоваться для его охраны нашей флотиліей, въ настоящемъ употребленіи которой главные дѣятели сухопутнаго и морского вѣдомствъ долгое время не могли прійти къ соглашенію [2]).

Князь Горчаковъ хотѣлъ употребить ее въ видѣ крейсирующаго по Дунаю отряда, противъ чего сильно возставалъ князь Меншиковъ. Наконецъ, въ это дѣло вмѣшался Решидъ-паша, который протестовалъ противъ движенія по Дунаю нашихъ военныхъ судовъ выше впаденія въ него Прута, угрожая въ противномъ случаѣ вооруженнымъ сопротивленіемъ. Князь Горчаковъ, вопреки мнѣнію князя Меншикова, рѣшилъ оставить этотъ протестъ безъ отвѣта [3]), но въ то же время отмѣнилъ движеніе нашихъ пароходовъ выше Галаца [4]). Государь одобрилъ это рѣшеніе командующаго войсками [5]).

Не успѣлъ князь Горчаковъ успокоиться относительно своего лѣваго фланга, низовьевъ Дуная, какъ началась тревога на правомъ флангѣ, со стороны Малой Валахіи.

Господарь Стибрей получилъ отъ Порты приказъ оставить Валахію; послѣ долгихъ обсужденій этого вопроса съ княземъ Горчаковымъ и послѣ многихъ колебаній, Стибрей рѣшилъ остаться

---

[1]) Переписка кн. Горчакова и дневникъ П. Е. Коцебу.

[2]) Переписка между кн. Меншиковымъ и кн. Горчаковымъ. Арх. Воен. Уч. Ком., Отд. 2, д. № 4253.

[3]) Переписка между кн. Меншиковымъ и кн. Горчаковымъ. Арх. Воен. Уч. Ком., Отд. 2, д. № 4253.

[4]) Кн. Горчаковъ — кн. Меншикову 10 (22) августа 1853 г. Арх. Воен. Уч. Ком. Гл. Шт., Отд. 2, д. № 4253.

[5]) Высочайшая резолюція на всеподданнѣйшую записку кн. Горчакова 22 іюля. Арх. Канц. Воен. мин. по снар. в. 1853 г., секр. д. № 47.

на своемъ мѣстѣ, хотя это рѣшеніе и вызвало со стороны англійскаго и французскаго консуловъ въ Бухарестѣ спускъ съ ихъ домовъ національныхъ флаговъ [1]). Господарь Гика послѣдовалъ примѣру своего собрата. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Стибрей, „въ душѣ“, по словамъ командующаго войсками [2]), „большой негодяй, глав„ный руководитель котораго есть „французскій консулъ“, внесъ въ сердце князя Горчакова новый источникъ мученій, предупредивъ его, по всей вѣроятности, съ корыстной цѣлью о намѣреніи турокъ занять Малую Валахію [3]).

Генералъ-адъютантъ Лидерсъ.

Съ тѣхъ поръ начинается постепенное тяготѣніе наше на западъ, вплоть до Видина, исходившее изъ желанія князя Горчакова предупредить на всемъ большомъ пространствѣ появленіе турокъ и приведшее въ началѣ открывшихся осенью военныхъ дѣйствій къ полной разброскѣ нашихъ силъ по обширному протяженію Дуная. Не помогло въ этомъ отношеніи даже всесильное мнѣніе князя Варшавскаго, который рекомендовалъ не занимать Малой Валахіи, а держать войска сосредоточенно отъ Гирсова до Бухареста [4]).

„Безпокойство Горчакова“, записалъ генералъ Коцебу, „въ „это время было необыкновенное, такъ же, какъ и его мучительная „педантичность [5]). Онъ питаетъ особенный страхъ, что турки насъ „могутъ атаковать, и что мы можемъ быть разбиты.... Мы много „суетимся“....

Слѣдствіемъ опасенія за Малую Валахію было созрѣвшее, наконецъ, послѣ многихъ колебаній и отмѣнъ, рѣшеніе сформировать особый Мало-Валахскій отрядъ. Въ своемъ донесеніи

---

[1]) Всеподданнѣйшее письмо кн. Горчакова отъ 22 іюля. Арх. Канц. Воен. мин. по снар. в. 1853 г., секр. д. № 47.

[2]) Тамъ же.

[3]) Дневникъ П. Е. Коцебу.

[4]) Всеподданнѣйшее письмо отъ 2 (14) іюля 1853 г. Арх. Канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 60.

[5]) Переводъ съ нѣмецкаго.

военному министру князь Горчаковъ объяснялъ выдѣленіе особаго Мало-Валахскаго отряда полученными свѣдѣніями о сосредоточеніи значительныхъ силъ турокъ къ Систову, Никополю, Рахову и Видину и необходимостью распространенія вслѣдствіе этого нашего наблюденія на правомъ флангѣ къ сторонѣ Систово и Турно [1]). Сюда же примѣшивалось и желаніе расширить общій квартирный раіонъ съ цѣлью облегченія продовольствія войскъ.

Первоначально былъ сформированъ незначительный отрядъ, силою *въ 3 батал., 8 эск., 2 сот. и 8 ор.* [2]), подъ начальствомъ командира 1-й бригады 10-й пѣхотной дивизіи генералъ-маіора Бельгарда, которому было приказано расположиться въ Русе-де-Веде [3]) и наблюдать посредствомъ передовыхъ постовъ и разъѣздовъ за теченіемъ Дуная [4]), отъ устья р. Веде до впаденія р. Ольты и „вмѣстѣ съ тѣмъ показать войска наши въ Малой „Валахіи“ [5]). Что касается до образа дѣйствій генерала Бельгарда въ случаѣ перехода турокъ черезъ Дунай, то они были тождественны съ дѣйствіями остальныхъ прикрывающихъ частей: прогоняя незначительныя партіи, не рисковать неудачею при встрѣчѣ съ турками въ значительныхъ силахъ и, стягивая свой отрядъ, отступать къ Бухаресту.

Указанныя выше распоряженія были сдѣланы 28 іюля, и вслѣдъ за тѣмъ началась продолжительная, тяжелая многомѣсячная жизнь Мало-Валахскаго отряда, который причинялъ князю Горчакову наибольшія безпокойства и потому болѣе чѣмъ какой-либо другой отрядъ испыталъ на себѣ всѣ особенности характера командующаго войсками. Мирные и воинственные слухи, боязнь разбрасывать войска и желаніе показать ихъ на всемъ обширномъ пространствѣ Княжествъ, боязнь понести пораженіе хотя бы въ лицѣ незначительнаго своего отряда и надежды „напугать“ турокъ, „показавъ“ свои войска отъ Калафата до Чернаго моря,

---

[1]) Кн. Горчаковъ — военному министру 4 августа 1853 г. Арх. Воен. Уч. Ком. Гл. Шт., Отд. 2, д. № 3429.

[2]) Три баталіона Екатеринбургскаго пѣхотнаго полка, батарейная № 1 батарея 10-й артиллерійской бригады, гусарскій пр. Фридриха Прусскаго полкъ и 2 сотни донского казачьяго № 37 полка.

[3]) Кн. Горчаковъ—генералу Бельгарду 28 іюля 1853 г., № 537. Арх. Воен. Уч. Ком. Гл. Шт., Отд. 2, д. № 3429.

[4]) См. схему № 5 (папка).

[5]) Кн. Горчаковъ не преминулъ при этомъ указать генералу Бельгарду и подробности несенія охранительной службы его отрядомъ. Онъ долженъ былъ выставить дивизіонъ кавалеріи къ с. Плоска, который въ свою очередь выставлялъ по ½ эскадрона къ сс. Цыганешти и Фуркулешти и 1 сотню на правый берегъ р. Ольты (къ с. Плони). Наблюденіе за Дунаемъ должно было производиться при помощи разъѣздовъ.

все это вносило въ распоряженія князя Горчакова ту суету и перемѣнчивость, которыя безполезно изнуряли его самого, его штабъ, сбивали съ толку исполнителей и вливали въ войска еще далеко до встрѣчи съ непріятелемъ тотъ ядъ апатіи, который такъ мастерски изобразилъ Э. Золя въ своемъ военно-историческомъ романѣ „La débâcle“.

Въ теченіе какой-нибудь недѣли генералъ Бельгардъ днемъ и ночью получалъ цѣлую массу противорѣчивыхъ распоряженій. То князю Горчакову казалось, что турки уже заняли Калафатъ и всѣми силами наступаютъ въ Малую Валахію; онъ спѣшно усиливалъ отрядъ генерала Бельгарда и торопилъ его къ Краіову, связывая, однако, ему руки постояннымъ повтореніемъ вступать съ турками въ дѣло лишь съ вѣрной надеждой на успѣхъ. То полученное изъ Петербурга письмо мирнаго характера заставляло его отводить Мало-Валахскій отрядъ къ Текучу [1]). И во всѣхъ этихъ распоряженіяхъ главная цѣль состояла не въ томъ, чтобы имѣть возможность нанести дѣйствительный ударъ непріятелю, если онъ въ самомъ дѣлѣ будетъ наступать, а въ надеждѣ устрашить его появленіемъ нашихъ казачьихъ разъѣздовъ и этимъ отбить охоту къ переходу на нашъ берегъ Дуная. Къ сожалѣнію, турки были очень хорошо освѣдомлены о томъ, что у насъ дѣлалось, и разброска нашихъ силъ не была для нихъ секретомъ.

Къ этому же времени у командующаго войсками созрѣла, отчасти подъ вліяніемъ Варшавы и Петербурга, та превратная мысль о способѣ будущихъ дѣйствій турецкихъ войскъ, которая легла въ основу его дальнѣйшихъ распоряженій и во многомъ послужила причиной нашихъ неудачъ. Князь Горчаковъ былъ увѣренъ, что турки, переправившись черезъ Дунай, могутъ увлечься нашимъ притворнымъ отступленіемъ и неосторожно удалиться въ поле. Заставить турокъ отдалиться отъ Дуная на два или на три перехода и потомъ обрушиться на нихъ превосходными силами, вотъ планъ дѣйствій, который князь Горчаковъ безпрестанно рекомендовалъ всѣмъ частнымъ начальникамъ, а также и начальнику Мало-Валахскаго отряда. Турки ни разу не поступили согласно рецепта князя Горчакова, а мы, исполняя предписаніе командующаго

[1]) Военно-историческій журналъ войскъ 4 и 5 корпусовъ въ 1853 г. (Арх. Воен. Уч. Ком. Гл. Шт., Отд. 2, д. 3588); ген. Коцебу—ген. Бельгарду 30 іюля 1853 г., № 582 (Арх. Воен. Уч. Ком. Гл. Шт., Отд. 2, д. № 3429); кн. Горчаковъ—ген. Бельгарду 31 іюля 1853 г., № 598 (тамъ же); кн. Горчаковъ—военному министру 4 августа 1853 г., № 420 (тамъ же); кн. Горчаковъ—ген. Бельгарду 5 августа 1853 г., № 651 (тамъ же); дневникъ ген.-адъют. Коцебу (Музей Севаст. обороны).

войсками, неоднократно давали имъ въ продолженіе послѣдующихъ дѣйствій возможность безнаказанно переходить и укрѣпляться на нашемъ берегу Дуная.

Къ счастью для войскъ генерала Бельгарда, разнорѣчивыя приказанія князя Горчакова слѣдовали такъ быстро одно за другимъ, что отряду не пришлось совершить всѣхъ поочередно предписываемыхъ передвиженій отъ Русе-де-Веде къ Краіову и обратно къ Текучу. Согласно новаго приказанія командующаго войсками, который остановился на среднемъ рѣшеніи, Мало-Валахскій отрядъ, усиленный до *7 батал., 24 п. ор., 8 эск. и 2 сот.* [1]), 11 августа сосредоточился къ с. Слатино, выдвинувъ авангардъ изъ *2-хъ батал., 2 эск. и 4 ор.* къ с. Гоняса, въ 5 верстахъ по дорогѣ на Краіово [2]).

Новая цѣль отряда генерала Бельгарда [3]) заключалась въ защитѣ пространства между рр. Жіо и Ольтою, при чемъ ему разрѣшалось перейти въ Малую Валахію только послѣ удачнаго дѣла и подтверждалось, по обыкновенію, ни въ какомъ случаѣ не ввязываться въ неравный бой. Что же касается до атаки укрѣпленій Калафата, если бы они были заняты турками, то атака разрѣшалась лишь въ томъ исключительномъ случаѣ, когда калафатскія укрѣпленія будутъ ничтожны и успѣхъ обезпеченъ [4]).

Выдѣленіе Мало-Валахскаго отряда дало поводъ князю Варшавскому сдѣлать нашему командующему войсками въ письмѣ отъ 15 (27) августа [5]) цѣлое тактическое нравоученіе съ обильными ссылками на то, какъ вообще дѣйствовалъ самъ свѣтлѣйшій князь. Впрочемъ, вся суть поученія сводилась къ тому, что фельдмаршалъ, оправдывая необходимую разброску войскъ при оборонительномъ образѣ дѣйствій, чего собственно и долженъ былъ придерживаться князь Горчаковъ, ограничивался предостереженіемъ его отъ такой разброски при наступленіи. Съ своей стороны постоянное ожиданіе нападенія и неопредѣленность, это естествен-

---

[1]) Три баталіона Екатеринбургскаго и Тобольскій пѣхотный полкъ, батарейная и легкая № 1 батареи 10-й артиллерійской бригады, гусарскій пр. Прусскаго полкъ и 2 сотни донского казачьяго № 37 полка.

[2]) Ген. Бельгардъ — кн. Горчакову 11 августа 1853 г., № 55. Арх. Воен. Уч. Ком. Гл. Шт., Отд. 2, № 3429.

[3]) Горчаковъ — военному министру 4 августа 1853 г., № 420.

[4]) Генераломъ Бельгардомъ были приняты слѣдующія мѣры охраненія и развѣдыванія: отъ авангарда на Краіово высылался сильный казачій разъѣздъ; у с. Плоэшти-Румыны, для обезпеченія лѣваго фланга квартирнаго расположенія, былъ поставленъ особый постъ, отъ котораго высылался разъѣздъ на Каракулъ. Охраненіе Дуная отъ Ольты до Систова возлагалось на одинъ изъ кавалерійскихъ полковъ, выдвинутыхъ къ Русе-де-Веде.

[5]) Письмо это напечатано въ Русск. Стар. 1876 г., кн. 1.

ное послѣдствіе пассивной обороны рѣки на протяженіи нѣсколькихъ сотъ верстъ, вызвали со стороны князя Горчакова слѣдующія, полныя отчаянія, строки[1]): „Если возгорится война, то я буду „просить разрѣшенія перейти Дунай и не для того, чтобы пред„принять рѣшительныя дѣйствія — теперь уже очень поздно и „ничего не готово для начала осады, но чтобы не оставаться въ „оборонительномъ положеніи, такъ какъ нѣтъ положенія болѣе „глупаго и болѣе вреднаго“ [2]).

II.

Между тѣмъ политическій горизонтъ все болѣе и болѣе омрачался. Извѣстіе о непринятіи турками вѣнской ноты, вызы-

Турецкій пикетъ на Дунаѣ.

вающій голосъ константинопольской прессы [3]) и видимое усиленіе турокъ на правомъ берегу Дуная, а также спѣшно производимыя ими крѣпостныя работы ясно давали чувствовать, что враждебныя дѣйствія съ ихъ стороны не замедлятъ начаться. Это особенно проявлялось въ арміи, въ Княжествахъ, куда всѣ свѣдѣнія съ того берега Дуная доходили въ ихъ первоначальномъ видѣ, гдѣ близость врага инстинктивно заставляла болѣе правильно чувствовать пульсъ мира и войны. Войска наши страдали отъ безрезультатной тяжелой службы по наблюденію за обширнымъ протяженіемъ Дуная, страдали отъ напряженнаго ожиданія нападенія турокъ безъ права отвѣтить имъ такимъ же; чувство

---

[1]) Въ письмѣ кн. Меншикову отъ 7 августа 1853 г. Арх. Воен. Уч. Ком. Гл. Шт., Отд. 2, д. № 4253.

[2]) Переводъ съ французскаго.

[3]) Echo de l'Orient 1853 г., № 469, Journal de Constantinople, и др.

народной гордости ихъ было оскорбляемо разсужденіями иностранной и въ особенности константинопольской печати. Воинственный пылъ началъ съ особой силой проявляться среди арміи князя Горчакова [1]).

Вполнѣ понятно, что параллельно съ этимъ усиливалось и безпокойство командующаго войсками, а равномѣрно усиливались и предпринимаемыя имъ мѣры боевыхъ предосторожностей.

14 августа прикрытіе квартирнаго раіона съ фронта было возложено уже на два авангарда, правый—графа Анрепа, съ главными силами у сел. Копачени, и лѣвый—графа Нирода, съ главными силами у сел. Фрузанешти [2]). На первый изъ этихъ авангардовъ возлагалось охраненіе участка отъ устья р. Веде до с. Гряка, что ниже Журжи, и наблюденіе за дорогами отъ Зимнича и Рущука; на авангардъ же графа Нирода [3]) возлагалось охраненіе участка отъ с. Гряка до г. Браилова и наблюденіе за дорогами изъ Туртукая, Силистріи и Гирсова [4]). Охранительную и наблюдательную службу оба эти авангарда несли при помощи трехъ передовыхъ отрядовъ (у Ойнаки, Негоешти и Гауноша), постовъ и разъѣздовъ [5]).

Но не успѣли эти распоряженія войти въ силу, какъ князь Горчаковъ вновь ихъ измѣнилъ, назначивъ начальникомъ праваго авангарда, подъ названіемъ главнаго, начальника 10-й пѣхотной дивизіи генералъ-лейтенанта Соймонова и расширивъ раіонъ его охраненія до р. Аржиса; графъ же Анрепъ былъ назначенъ инспекторомъ обоихъ авангардовъ [6]).

Одновременно съ этимъ княземъ Горчаковымъ была отдана подробная диспозиція по передовымъ войскамъ [7]) съ указаніемъ, какъ имъ дѣйствовать при появленіи непріятеля на правомъ берегу Дуная. Въ случаѣ появленія незначительныхъ турецкихъ силъ,

---

[1]) Алабинъ: „Восточная война".

[2]) Кн. Горчаковъ—военному министру 14 августа 1853 г. (Арх. Канц. Воен. мин. по снар. в. 1853 г., секр. д. № 57) и Арх. Канц. Воен. мин. по снар. в. 1852—1854 гг., д. № 3/12.

[3]) Камчатскій егерскій полкъ, легкая № 4 батарея 11-й артиллерійской бригады, 1-я бригада 4-й легкой кавалерійской дивизіи, гусарскій Наслѣдника Цесаревича полкъ, 4-я конная артиллерійская бригада, донской казачій № 34 и три сотни № 37 полка, всего: *4 батал., 24 эск., 9 сот., 12 п. и 16 к. ор.*

[4]) Кн. Горчаковъ—гр. Нироду 14 августа 1853 г.; № 761. Арх. Воен. Уч. Ком. Гл. Шт., Отд. 2, д. № 3429.

[5]) См. схему № 3 (папка).

[6]) Кн. Горчаковъ—военному министру 25 августа 1853 г., № 898. Арх. Канц. Воен. Мин. по снар. в. 1853 г., секр. д. № 52.

[7]) Отъ 14 августа 1853 г. Она помѣщена въ Приложеніи № 33.

передовые отряды должны были отбросить ихъ; въ противномъ случаѣ, отступать на линію Калагурени, Фрузанешти и Обилешти [1]). 12 сентября князь Горчаковъ отправилъ генералу Соймонову новую инструкцію [2]), въ которой рекомендовалъ еще строже соблюдать бдительность и, подробно описывая возможныя дѣйствія каждаго эскадрона и сотни, окончательно запутывалъ этого генерала, лишая его всякой самостоятельности. Какихъ-либо существенныхъ измѣненій въ будущій образъ дѣйствій генерала Соймонова эта инструкція не вводила.

Новыя свѣдѣнія о прибытіи къ берегамъ Дуная значительныхъ отрядовъ албанцевъ вызвали сосредоточеніе 13 сентября отряда генерала Соймонова къ с. Копачени-Джуліешти [3]), а опасеніе переправы турокъ черезъ Дунай противъ Бухареста и атаки главныхъ силъ князя Горчакова заставило его дать новое расположеніе прикрывающимъ частямъ. Предполагалось, что при этомъ новомъ расположеніи попытки непріятеля перейти Дунай противъ Бухареста могли бы быть съ успѣхомъ отражаемы, и квартирное расположеніе главныхъ силъ было бы болѣе обезпечено [4]).

Съ этой цѣлью 15 сентября былъ образованъ особый *передовой отдѣлъ* войскъ, ввѣренный командиру 4-го пѣхотнаго корпуса генералу Данненбергу, на котораго было возложено охраненіе Дуная отъ устья р. Веде до монастыря Корницели (близъ озера Мостище) и обезпеченіе квартирнаго расположенія главныхъ силъ.

Всего въ распоряженіи генерала Данненберга находилось *19 батал., 14 эск., 9 сот., 56 пѣш. и 8 кон. ор.,* которые лично княземъ Горчаковымъ были распредѣлены слѣдующимъ образомъ [5]):

Авангардъ передового отдѣла, подъ начальствомъ генерала Соймонова, силою въ *7 батал., 5 сот. и 24 п. ор.* [6]), у с. Одая (Фратешти), имѣя казаковъ у с. Ойнаку съ цѣпью постовъ по Дунаю, отъ устья р. Веде до Ойнаку.

Лѣвый отрядъ, подчиненный за отсутствіемъ графа Нирода начальнику 11-й пѣхотной дивизіи генералу Павлову, силою въ

---

[1]) Таблица распредѣленія нашихъ войскъ въ Княжествахъ помѣщена въ Приложеніи № 34.

[2]) См. Приложеніе № 35.

[3]) Ген. Соймоновъ—кн. Горчакову 14 сентября 1853 г., № 235. Арх. Воен. Уч. Ком. Гл. Шт., Отд. 2, д. 3419.

[4]) Кн. Горчаковъ—ген. Данненбергу 15 сентября 1853 г., № 1178. Арх. Воен. Уч. Ком. Гл. Шт., Отд. 2, д. № 3318.

[5]) См. схему № 6 (папка).

[6]) Томскаго и Колыванскаго егерскихъ полковъ, двѣ батареи 10-й артиллерійской бригады и пять сотенъ донского № 40 полка.

4 бат., 6 эск., 3 сот. и 12 п. ор. [1]), имѣя пѣхоту съ артиллеріей у Будешти, уланъ у Фундени и казаковъ у Негоешти и Ульмени, съ постами по Дунаю отъ Кортыли до монастыря Корницели.

Резервъ, подъ непосредственнымъ начальствомъ генерала Данненберга, силою въ *8 бат., 8 эск., 1 сот., 24 п. и 8 кон. ор.* [2]), располагался на тѣсныхъ квартирахъ въ сс. Бронештарахъ и Сингурени, имѣя казаковъ у Гостинари съ постами въ Пуэни и Гряка.

Схема № 7.
Расположеніе Браиловскаго отряда къ 1 Сентября 1853 года.

Влѣво отъ отряда генерала Данненберга Дунай попрежнему наблюдалъ, отъ озера Мостище до Браилова, отрядъ генерала Богушевскаго, съ главными силами въ Обилешти, а отъ Браилова до устья р. Прута—отрядъ генерала Энгельгарда [3]). Вправо отъ отряда генерала Данненберга находился у с. Плоска на р. Веде донской казачій № 37 полкъ подполковника Шапошникова, который охранялъ Дунай отъ устья р. Веде до впаденія р. Ольты, гдѣ онъ входилъ въ связь съ Мало-Валахскимъ отрядомъ.

Въ особой инструкціи, данной генералу Данненбергу, князь Горчаковъ выражалъ увѣреніе, что при такомъ расположеніи нашихъ войскъ онъ не ожидаетъ даже частныхъ попытокъ со сто-

---

[1]) Камчатскій егерскій полкъ, легкая № 4 батарея 11-й артиллерійской бригады, Ольвіопольскій уланскій полкъ и три сотни донского казачьяго № 34 полка.

[2]) 1-я бригада 11-й пѣхотной дивизіи, батарейная № 3 и легкая № 5 батареи 11-й артиллерійской бригады, гусарскій Наслѣдника Цесаревича полкъ, конно-легкая № 8 батарея и сотня донского казачьяго № 40 полка.

[3]) Отрядъ ген. Энгельгарда (см. схему № 7, стр. 142) къ этому времени былъ силою въ *8 батал., 8 эск., 1 с. и 16 п. ор.* и былъ расположенъ у с. Максимени, имѣя по 2 баталіона, 4 ор. и ½ сотни у Браилова и Галаца (Кн. Горчаковъ—военному министру 14 августа 1853 г., № 762. Арх. Канц. Воен. мин. по снар. в. 1853 г., секр. д. № 52).

роны турокъ противъ Журжи [1]) и не полагаетъ, чтобы они отважились перейти Дунай въ большихъ силахъ около Туртукая, Рущука и даже Зимнича. Далѣе генералу Данненбергу предписывалось отгонять за Дунай малыя шайки; въ случаѣ же переправы всей турецкой арміи, дѣйствовать двоякимъ образомъ: атаковать непріятеля съ возможно большимъ числомъ войскъ при самомъ началѣ переправы и тѣмъ уничтожить его покушеніе, или же, если это будетъ признано неудобнымъ, то сосредоточить свои войска противъ пункта переправы на выгодной позиціи и ожидать на ней прибытія главныхъ силъ.

Генералу Энгельгарду былъ предписанъ, въ случаѣ весьма мало вѣроятной переправы турокъ на его участкѣ, подобный же образъ дѣйствій; если же ему пришлось бы начать отступленіе, то онъ долженъ былъ отходить на Немолосы къ Фокшанамъ, съ цѣлью прикрытія этого главнаго склада запасовъ. Въ случаѣ наступленія турокъ на Леово [2]), генералъ Энгельгардъ долженъ былъ движеніемъ въ тылъ принудить ихъ къ отступленію; при дѣйствіи турокъ на Рымникъ или Бузео, онъ отъ Немолосы угрожалъ ихъ флангу и принуждалъ къ отступленію за Дунай.

Что касается до обороны нижняго Дуная, то генералъ Лидерсъ, въ предвидѣніи разрыва съ Портой, предпринялъ слѣдующія мѣры.

На всемъ пространствѣ отъ устья Прута до впаденія Дуная въ Черное море болѣе доступнымъ участкомъ для нападенія турокъ былъ участокъ отъ Рени до Измаила включительно и Килія, узелъ нѣсколькихъ рукавовъ Дуная, обезпечивавшійся Килійскою крѣпостью. Пространство отъ Рени до Измаила было раздѣлено озеромъ Ялтухомъ на двѣ, не сообщающіяся между собою, части.

Оборона участка вправо отъ озера Ялтуха была возложена на отрядъ генерала Марина, силою въ *9 бат., 7 сот. и 32 ор.*, изъ которыхъ 2 батал. 12 ор. и 1 сот. [3]) стояли въ Рени, 4 батал. [4]), 20 ор. и 2 сот. — въ окрестностяхъ Сатунова и остальные — при с. Этюли [5]).

---

[1]) Однако уже 20 сентября кн. Горчаковъ приказалъ перевести въ Журжу 3-й и 4-й баталіоны и штуцерныхъ Томскаго егерскаго полка.

[2]) См. схему № 1 (папка).

[3]) Прагскаго и донского казачьяго № 22 полковъ.

[4]) Прагскаго и Житомирскаго полковъ.

[5]) Модлинскаго полка.

Оборона участка влѣво отъ озера Ялтуха сводилась къ оборонѣ крѣпости Измаила, занятаго $7^3/_4$ батал. и 16 оруд. [1]). Резервомъ для этихъ войскъ должны были служить 3 батал. и 3 сотни [2]), направленные изъ Одессы [3]).

Однако, въ это время особенно безпокоили командующаго войсками не центръ и тѣмъ болѣе не лѣвый флангъ; въ его мысляхъ самая страшная гроза надвигалась справа, со стороны Малой Валахіи. Нравственное состояніе князя Горчакова лучше всего видно изъ ежедневныхъ записокъ его начальника штаба, генералъ-адъютанта Коцебу. Приведемъ для иллюстраціи нѣкоторыя изъ нихъ [4]).

„12 сентября. Злой день. Стирбей сообщилъ, что Омеръ-„паша намѣренъ насъ атаковать со стороны Видина, демонстрируя „на другихъ пунктахъ. Такъ какъ мнѣ это показалось возможнымъ, „если бы турки думали переправляться черезъ Дунай, то я по-„совѣтовалъ сосредоточить 12-ю дивизію у Бухареста. Вмѣстѣ съ „тѣмъ, вопреки моему мнѣнію, князь Горчаковъ собралъ по тре-„вогѣ и другія войска. Ночью я опять отдавалъ приказанія, выз-„ванныя его болѣзненно возбужденнымъ волненіемъ".

„19 сентября. Впечатлѣніе, которое на меня производитъ „Горчаковъ, печальное; его приказанія такъ запутаны, что его „никто не понимаетъ".

„6 октября. Система крайней предосторожности князя Гор-„чакова, доходящая до боязливости, можетъ довести человѣка до „отчаянія, тѣмъ болѣе, если къ этому еще прибавляется нерѣши-„тельность" [5]).

Такое настроеніе командующаго войсками особенно отражалось на безпокоившемъ его Мало-Валахскомъ отрядѣ, которому въ короткое время пришлось выдержать гораздо больше перемѣнъ въ своемъ составѣ и въ своемъ назначеніи, чѣмъ другимъ частямъ арміи князя Горчакова.

Командующій войсками еще 14 августа, по полученіи свѣдѣній о стягиваніи значительныхъ турецкихъ силъ къ Турно, Рахову и Видину, усилилъ Мало-Валахскій отрядъ гусарскимъ

---

[1]) Три баталіона резервной бригады, 2 баталіона Житомирскаго полка, 2 баталіона Подольскаго полка.

[2]) Одинъ стрѣлковый и два Подольск. полка и сотни донского казачьяго № 39 полка.

[3]) Ген. Лидерсъ—кн. Горчакову 9 октября 1853 г., № 1936. Арх. Воен. Уч. Ком. Гл. Шт., Отд. 2, д. № 3410.

[4]) Дневникъ ген.-адъют. Коцебу. Рукописн. отд. Музея Севаст. обороны.

[5]) Переводъ съ нѣмецкаго.

князя Варшавскаго полкомъ, конно-легкою № 10 батареею и сотнею донского казачьяго № 37 полка [1]), подчинивъ его новому начальнику — генералу Фишбаху. Отрядъ этотъ долженъ былъ передвинуться изъ Слатина внизъ по Ольтѣ и расположиться у с. Стоенешти [2]), имѣя цѣлью охранять пространство между рѣками Веде и Жіо, при чемъ за эту послѣднюю разрѣшалось переходить только для окончательнаго пораженія разбитаго непріятеля [3]). Въ остальномъ инструкція, данная генералу Фишбаху, мало отличалась отъ наставленій, преподанныхъ прочимъ начальникамъ охраняющихъ частей. Онъ долженъ былъ посылать партіи къ Краіову для распусканія слуха, что городъ скоро будетъ занятъ нашими войсками, которыя, въ случаѣ разрыва съ Турціей, переправятся черезъ Дунай у Рахова; дѣйствовать съ осторожностью, если турки переправятся и укрѣпятся на лѣвомъ берегу Дуная, стараясь выманить ихъ въ открытое поле, и отступать на главныя силы къ Бухаресту, въ случаѣ переправы турокъ въ значительныхъ силахъ, примѣрно тысячъ 20-30. Безъ особаго приказанія генералъ Фишбахъ ни коимъ образомъ не долженъ былъ переходить Дуная [4]).

Путешествія князя Горчакова въ Княжествахъ.

3 сентября до князя Горчакова дошли свѣдѣнія о стягиваніи значительныхъ отрядовъ албанцевъ къ Систову, Рахову и Видину, и тотчасъ же къ генералу Фишбаху было отправлено спѣшное

---

[1]) Весь отрядъ, такимъ образомъ, состоялъ изъ 7 баталіоновъ, 16 эскадроновъ, 3 сотенъ, 24 пѣшихъ и 8 конныхъ орудій.

[2]) См. схему № 5 (папка).

[3]) Кн. Горчаковъ—военному министру 14 августа 1853 г., № 762. Арх. Канц. Воен. мин. по снар. в. 1853 г., секр. д. № 52.

[4]) Напомнимъ, что для связи отряда ген. Фишбаха съ авангардомъ ген. Соймонова былъ поставленъ на р. Веде у сел. Плоска донской казачій № 37 полкъ, который въ то же время наблюдалъ пространство между рр. Веде и Ольта. Сотни этого полка, бывшія въ отрядѣ ген. Фишбаха, были замѣнены у него донскимъ № 38 полкомъ.

приказаніе сосредоточиться къ с. Комани. Наврядъ ли вся сопряженная съ этимъ суета и безпокойство отряда оправдывались необходимостью передвиженія его въ сторону на какихъ-нибудь 7-8 верстъ.

13 сентября командующій войсками получилъ новыя свѣдѣнія о туркахъ. Согласно этимъ свѣдѣніямъ, Омеръ-паша направился изъ Шумлы къ Видину, гдѣ предполагалось сосредоточеніе большихъ турецкихъ силъ. Сообщалось также, что всего вѣроятнѣе переправу турокъ слѣдуетъ ожидать около Видина и Рахова, гдѣ собираются болѣе значительныя силы, и гдѣ берега Дуная болѣе способствуютъ переправѣ [1]).

Это извѣстіе вновь вызвало тревогу въ нашей главной квартирѣ, отразившуюся на Мало-Валахскомъ отрядѣ. Однако, въ чемъ-либо существенномъ положеніе этого отряда не измѣнилось; его приказали сосредоточить у с. Каракулъ, въ 5 верстахъ отъ мѣста прежняго расположенія. Впрочемъ, генералу Фишбаху предлагалось „усугубить надзоръ за Дунаемъ и р. Жіо, посылать „какъ можно чаще партіи къ Краіову, а казачьи до Калафата и „распускать слухъ, что онъ составляетъ авангардъ арміи, слѣ„дующей за нимъ".

Одинъ изъ близкихъ свидѣтелей дѣятельности штаба князя Горчакова, П. К. Меньковъ, разбирая въ своихъ посмертныхъ запискахъ [2]) работу Мало-Валахскаго отряда, даетъ слѣдующую образную характеристику положенія генерала Фишбаха, сходную съ положеніемъ всѣхъ остальныхъ частныхъ начальниковъ нашей Дунайской арміи.

„На разстояніи 500 верстъ, безъ знанія мѣстныхъ обстоя„тельствъ, по картѣ, выбираются позиціи, пріискиваются случай„ности, въ которыя можетъ быть поставленъ отрядъ, и пред„писывается отряду дѣйствовать такъ или иначе.... и гдѣ въ „заключеніе всего говорится: „Я вамъ ни того не разрѣшаю, ни „„этого не запрещаю; дѣйствуйте по обстоятельствамъ, но помните, „„что, въ случаѣ неудачи, вы виноваты!"... Подобнаго рода при„казанія — начальника отряда рѣшительнаго, дѣльнаго и смѣлаго „дѣлаютъ трусомъ и заставляютъ сомнѣваться въ себѣ. Съ началь„никомъ бездарнымъ, боящимся отвѣтственности, не умѣющимъ „обсудить собственнаго положенія, выходитъ рядъ нескончаемыхъ

---

[1]) Рапортъ ген. Фишбаха 13 сентября 1853 г., № 235. Арх. Воен. Уч. Ком. Гл. Шт., Отд. 2, д. № 3431.

[2]) Записки П. К. Менькова, т. 1-й, стр. 51 и 52.

„глупостей. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ находился генералъ „Фишбахъ". Онъ долженъ былъ бить турокъ всѣми своими силами поочередно на всѣхъ пунктахъ, у Видина, Рахово и Турно.

1 октября генералъ Фишбахъ получилъ отъ князя Горчакова новую инструкцію [1]), являющуюся лучшей иллюстраціей только-что приведенной характеристики Менькова.

Главнымъ побужденіемъ къ сформированію Мало-Валахскаго отряда, по словамъ инструкціи, было убѣжденіе князя Горчакова, что турки, не рѣшаясь вторгнуться въ Большую Валахію [2]), занятую нашими войсками, предпримутъ вторженіе въ Малую Валахію съ цѣлью поживиться въ этомъ краѣ, а затѣмъ будутъ „хвастаться" своими наступательными дѣйствіями на нашей сторонѣ Дуная. Поэтому на отрядъ генерала Фишбаха возлагалась „защита Малой „Валахіи отъ частныхъ покушеній непріятеля".

Считая невыгоднымъ движеніе всего отряда Фишбаха къ Краіову, командующій войсками рекомендовалъ постоянныя передвиженія отряда между рѣками Жіо и Ольтою съ такимъ расчетомъ, чтобы, оставаясь въ 2-3 переходахъ отъ Дуная, не быть отъ него отрѣзаннымъ. Главнымъ же средствомъ для противодѣйствія поискамъ мелкихъ партій противника князь Горчаковъ считалъ посылку въ разныя стороны особаго сильнаго отряда, примѣрно въ 4 эск. и 1 сот., съ придачею, если понадобится, и 2-хъ конныхъ орудій.

Князь Горчаковъ считалъ, что въ случаѣ быстраго перехода турокъ у Видина или Рахова на лѣвый берегъ Дуная въ числѣ 25-30 тысячъ, силы отряда генерала Фишбаха были недостаточны для охраны Малой Валахіи, и потому предлагалъ ему при такихъ обстоятельствахъ отступать на главныя силы.

„Я рѣшительно не хочу", писалъ онъ, „чтобы войска при „началѣ войны потерпѣли неудачу гдѣ бы то ни было. Лучше „дозволить туркамъ кратковременно занять Малую Валахію, нежели „подвергать войска вредному вліянію неудачи при открытіи кам„паніи". Наступленіе отряда за р. Жіо, по направленію къ Видину, командующій войсками признавалъ рискованнымъ, такъ какъ, въ случаѣ перехода другого турецкаго отряда у Рахова, онъ грозилъ отрѣзать генерала Фишбаха отъ главныхъ силъ; зато князь

---

[1]) См. Приложеніе № 36.

[2]) Раньше было указано, какъ кн. Горчаковъ опасался вторженія въ эту область. Очевидно, что всѣ опасенія командующаго войсками появлялись подъ впечатлѣніемъ минуты. Онъ всюду хотѣлъ быть сильнымъ и въ рѣшительную минуту всюду оказался слабымъ.

Горчаковъ благословлялъ начальника отряда двинуться противъ турокъ, если они переправятся у Рахова или Никополя. Въ довершеніе окончательнаго запутыванія слабаго и нерѣшительнаго генерала Фишбаха князь Горчаковъ въ заключеніе своей инструкціи рекомендовалъ ему „не вдавать себя въ обманъ лживыми слухами „или хвастливыми разглашеніями турокъ и не оставлять Малой „Валахіи безъ надобности передъ незначительными отрядами".

Инструкція—способная сбить съ толку и самаго рѣшительнаго генерала. Растерявшійся генералъ Фишбахъ, болѣе всего опасавшійся по смыслу инструкціи за Рахово, періодически доносилъ командующему войсками, что „со стороны Рахова все спокойно" [1]).

Не въ осужденіе князя Михаила Дмитріевича, нравственно страдавшаго болѣе, чѣмъ кто-либо изъ чиновъ его арміи, отъ того ненормальнаго положенія, въ которое были поставлены наши войска, мы останавливаемся такъ подробно на обильныхъ инструкціяхъ, даваемыхъ княземъ Горчаковымъ частнымъ начальникамъ. Онѣ во многомъ зависѣли отъ возложенной на наши войска дипломатической задачи, которая шла совершенно въ разрѣзъ съ самыми фундаментальными основами военнаго дѣла. Князь Горчаковъ былъ поставленъ въ самое фальшивое положеніе въ этомъ отношеніи; его военныя дарованія были закованы въ цѣпи предвзятой, узкой дипломатической идеи. Вмѣсто того, чтобы руководствоваться только боевыми соображеніями, имѣющими цѣлью встрѣтить или атаковать врага сильной массой, успѣхъ которой покроетъ всѣ мелкія неудачи, онъ думалъ только о томъ, чтобы „всюду показать" свои войска, чтобы всюду „напугать" турокъ. Самыя существенныя причины нашихъ неудачъ на Дунаѣ заключались именно въ той невыносимой въ военномъ отношеніи обстановкѣ, въ которую наша армія была поставлена всѣми тонкостями петербургской политики.

Инструкцію князя Горчакова генералъ Фишбахъ выполнилъ слѣдующимъ образомъ [2]).

Онъ выдѣлилъ два передовыхъ отряда [3]): *правый,* флигель-адъютанта полковника князя Васильчикова, силою въ *4 эск., 1 сот. и 2 кон. ор.* [4]), и *лѣвый,* силою въ *2 эск.* [5]).

---

[1]) Записки П. К. Менькова, т. 1-й, стр. 52.

[2]) Рапортъ ген. Фишбаха 5 октября 1853 г., № 53. Арх. Воен. Уч. Ком. Гл. Шт., Отд. 2, д. № 3431.

[3]) См. схему № 5 (папка).

[4]) Гусарскаго пр. Прусскаго полка и № 10 конно-легкой батареи.

[5]) Гусарскаго кн. Варшавскаго полка.

Князь Васильчиковъ долженъ былъ направиться черезъ Краіово къ с. Радовану (въ 25 верстахъ отъ Краіова, по дорогѣ къ Калафату), куда онъ прибывалъ 7 октября къ вечеру, а лѣвый отрядъ къ с. Бикетулъ, противъ Рахова, куда онъ также прибывалъ 7 числа [1]).

Главныя силы отряда направились въ Краіово, имѣя цѣлью успокоить городъ и уменьшить фанатизмъ турокъ быстротою нашихъ передвиженій [2]). Въ занятіи Краіова генералъ Фишбахъ видѣлъ и стратегическую цѣль. Оттуда онъ могъ, въ случаѣ переправы турокъ въ Раховѣ, поспѣть туда въ два перехода и, разбивъ ихъ, успѣть перехватить тотъ турецкій отрядъ, который могъ наступать отъ Калафата къ Краіову [3]).

Англійскій флотъ въ Бельтѣ.

Но не успѣлъ генералъ Фишбахъ привести въ исполненіе всѣ свои предположенія, какъ имъ было получено извѣстіе о переправѣ турокъ у Калафата [4]).

3 октября ихъ иррегулярныя войска пытались, по приказанію Гусейна-паши, занять на Дунаѣ большой островъ между Калафатомъ и Видиномъ, но бѣжали, замѣтивъ на лѣвомъ берегу нашихъ казаковъ. Въ ночь на 4 октября турки, въ числѣ 300 человѣкъ, снова заняли островъ, при чемъ къ полдню тамъ уже находилось до 2000 человѣкъ, которые приступили къ укрѣпленію острова. Въ самомъ Видинѣ замѣчались усиленныя приготовленія къ переправѣ и передвиженія войскъ. 5 октября жители Калафата въ безпорядкѣ бѣжали въ степь. Со стороны Рахова попрежнему было все спокойно [5]).

Генералъ Фишбахъ, получивъ эти свѣдѣнія, отказался отъ движенія къ Краіову, а свернулъ отъ Леула къ с. Маротани, что

---

[1]) Линія передовыхъ постовъ шла на сс. Недея, Быркa, Амулешти, Черою и Рудари; ближайшіе ихъ резервы расположились въ с. Гыджова на р. Жіо и Инторсура на Калафатской дорогѣ. Въ с. Быйлешти было поставлено 1½ сотни казаковъ, наблюдавшихъ теченіе Дуная отъ Лома черезъ Калафатъ до Моцецей.

[2]) Кап. Кебеке—ген. Коцебу 6 октября 1853 г. Арх. Воен. Уч. Ком. Гл. Шт., Отд. 2, д. № 3431.

[3]) Тамъ же.

[4]) Рапортъ ген. Фишбаха 6 октября 1853 г., № 56 и письмо кап. Кебеке ген. Коцебу отъ того же числа. Арх. Воен. Уч. Ком. Гл. Шт., Отд. 2, д. № 3431.

[5]) Письмо Кебеке отъ 6 октября (Тамъ же).

лежитъ на серединѣ пути между Раховомъ и Краіово [1]). Отсюда начальникъ отряда полагалъ болѣе удобнымъ дѣйствовать при одновременной переправѣ турокъ у Видина и Рахова, разсчитывая сначала разбить войска, перешедшія Дунай у послѣдняго пункта, а потомъ встрѣтить наступавшія отъ Калафата. Въ случаѣ же движенія турокъ только отъ Видина, генералъ Фишбахъ рѣшилъ дать имъ отойти отъ берега на 1-2 перехода и потомъ уже ихъ атаковать.

А между тѣмъ, по донесенію самого же Фишбаха [2]), турки стягивали къ Калафату все болѣе и болѣе войскъ, но не съ цѣлью наступленія къ Краіову, а съ цѣлью образованія на нашемъ берегу Дуная хорошаго опорнаго пункта, при помощи котораго всегда можно было бы грозить нашему флангу и въ нужныя минуты отвлекать въ этомъ направленіи вниманіе русской арміи.

Предвзятая идея о будущемъ способѣ дѣйствій турокъ заставила насъ упустить возможность захвата Калафата, который на нѣсколько мѣсяцевъ сдѣлался самымъ больнымъ мѣстомъ для князя Горчакова [3]). Турки, не торопясь, дѣлали на нашихъ глазахъ свое дѣло, и надо сознаться, что они приближались къ своей цѣли очень методично: укрѣпляли островъ, соединяли его прочнымъ мостомъ съ Видиномъ, но самый Калафатъ еще не занимали [4]). Между тѣмъ генералъ Фишбахъ утѣшалъ себя мыслью, что турки вѣрятъ въ нашу переправу въ скоромъ будущемъ черезъ Дунай у Рахова, хотя тутъ же прибавлялъ, что число турецкихъ войскъ въ этомъ пунктѣ значительно уменьшилось [5]).

III.

Многочисленными инструкціями и передвиженіями частей войскъ не ограничивались заботы князя Горчакова о своей арміи въ этотъ продолжительный подготовительный къ военнымъ дѣйствіямъ періодъ. Онъ рѣшилъ притти войскамъ на помощь со-

---

[1]) Рапортъ ген. Фишбаха 7 октября 1853 г., № 65. Арх. Воен. Уч. Ком. Гл. Шт., Отд. 2, д. № 3431.

[2]) Тамъ же.

[3]) Кн. Горчаковъ объяснялъ свое желаніе не выбивать турокъ съ острова противъ Калафата какъ тѣмъ обстоятельствомъ, что этотъ островъ находился подъ огнемъ крѣпости, такъ и невыгодой посылать отрядъ къ оконечности Малой Валахіи. (Кн. Горчаковъ—военному министру 7 октября 1853 г., № 710. Арх. Канц. Воен. мин. 1853 г., секр. д. № 52).

[4]) Рапортъ ген. Фишбаха 13 октября 1853 г., № 80. Арх. Воен. Уч. Ком. Гл. Шт., Отд. 2, д. № 3431.

[5]) Тамъ же.

ставленіемъ также особаго руководства для боя противъ турокъ [1]). И здѣсь скромный князь Михаилъ Дмитріевичъ отодвигалъ себя на задній планъ, указывая, что всѣ данныя имъ правила были преподаны и постоянно соблюдаемы княземъ Варшавскимъ въ знаменитыхъ его походахъ противъ персіянъ и турокъ.

Отличительная черта руководства князя Горчакова заключалась въ полномъ забвеніи наступательныхъ дѣйствій, въ присущей тому времени шаблонности, въ полномъ пренебреженіи разсыпнымъ строемъ и въ желаніи намѣтить цѣлый рядъ рецептовъ при отсутствіи общихъ основныхъ идей.

Руководство рекомендовало избѣгать боя въ разсыпномъ строю даже въ мѣстахъ, пересѣченныхъ или покрытыхъ высокимъ кустарникомъ, замѣняя этотъ строй сомкнутыми застрѣльщичьими взводами или ротными колоннами; штуцерныхъ запрещалось высылать въ передовыя цѣпи, а рекомендовалось держать соединенно въ каждомъ баталіонѣ или полку и выдвигать впередъ въ сомкнутомъ строю вмѣстѣ съ застрѣльщичьими взводами; пѣхотѣ указывалось строиться для боя въ колоннахъ къ атакѣ, а удобными ротными колоннами руководство совершенно пренебрегало.

Боевой порядокъ пѣхоты долженъ былъ состоять изъ двухъ линій и резерва; для разнаго количества баталіоновъ въ отрядѣ былъ подготовленъ расчетъ, сколько имѣть частей въ каждой линіи и въ резервѣ, при чемъ вообще резерва не предполагалось дѣлать сильнымъ. Интервалы и дистанціи точно опредѣлялись шагами. Интервалы между колоннами баталіоновъ были отъ 150 до 200 шаговъ. Дистанціи второй линіи отъ первой—200 шаговъ; разстояніе резерва отъ второй линіи—200, 400 или 600 шаговъ, въ зависимости отъ его величины.

Въ артиллеріи былъ установленъ особый артиллерійскій резервъ, въ который отчислялось по двѣ батареи отъ каждой артиллерійской бригады. Батареи боевой части становились въ интервалахъ баталіоновъ по полубатарейно; въ случаѣ надобности допускалось усиливать ихъ частью артиллеріи резерва.

Кавалерія располагалась между второй линіей и резервомъ, а конная артиллерія при артиллерійскомъ резервѣ.

Такимъ образомъ, въ этомъ боевомъ порядкѣ замѣчалось полное отсутствіе примѣненія къ мѣстности, равномѣрное распредѣленіе силъ по фронту, разброска артиллеріи, отсутствіе

---

[1]) См. Приложеніе № 37.

возможности для этой послѣдней дѣйствовать при переходѣ пѣхоты въ наступленіе и сильное пренебреженіе къ дѣйствію огнемъ даже въ оборонительномъ бою. И во всемъ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ тактическіе взгляды двѣнадцатыхъ годовъ, санкціонированные успѣхами Паскевича въ двадцатыхъ годахъ, были въ полномъ объемѣ перенесены на поля сраженій пятидесятыхъ годовъ.

Что касается до самаго характера боя, рекомендуемаго княземъ Горчаковымъ, то онъ исключительно затрогивалъ оборонительныя дѣйствія, примѣнялъ наставленіе къ нѣкоторымъ частнымъ случаямъ и основывалъ свои положенія на пренебрежительномъ отношеніи къ свойствамъ противника, почерпнутымъ изъ опытовъ давно прошедшаго времени.

Прежде чѣмъ перейти къ описанію военныхъ событій, интересно хоть вкратцѣ прослѣдить отношеніе главныхъ дѣйствующихъ лицъ эпохи къ распоряженіямъ князя Горчакова. Объ этомъ можно судить по обширной его перепискѣ съ Петербургомъ, Варшавою и Николаевымъ, гдѣ въ то время находился князь Меншиковъ.

Большая часть писемъ изъ Петербурга затрогивала вопросы будущаго хода политическихъ дѣлъ и неразрывно связанныхъ съ нимъ военныхъ операцій. Въ нихъ, по обыкновенію, выказывался весь рыцарскій характеръ Императора Николая, все его миролюбіе и вѣрность разъ данному обѣщанію, хотя Государь сознавалъ всю невыгоду принятаго положенія вещей чисто съ военной точки зрѣнія. Проглядывала въ этихъ письмахъ и замѣчательная деликатность Государя къ выбранному военноначальнику, боязнь стѣснить его самостоятельность какимъ-либо категорическимъ приказаніемъ даже по тѣмъ распоряженіямъ князя Горчакова, которыхъ Государь не могъ не признать ошибочными.

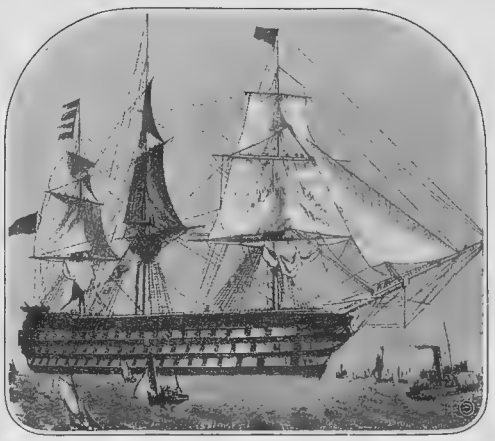
Внимательность Императора Николая къ князю Горчакову отчасти превзошла даже пользу службы, о чемъ явствуетъ крайне любопытная переписка между военнымъ министромъ и начальникомъ штаба арміи генералъ-адъютантомъ Коцебу [1]).

2 ноября князь Долгоруковъ совершенно секретно сообщалъ, по Высочайшему повелѣнію, генералу Коцебу, что до Государя

---

[1]) Сообщеніемъ этихъ интересныхъ документовъ, такъ же какъ и дневника П. Е. Коцебу, мы обязаны любезности племянника генералъ-адъютанта гр. П. Е. Коцебу, тайнаго совѣтника Эрнеста Карловича Коцебу, которому приносимъ нашу искреннюю признательность.

дошли свѣдѣнія о печальномъ состояніи здоровья князя Горчакова. „Говорятъ, что онъ слабъ, подверженъ очень частымъ при„падкамъ лихорадки, и что неожиданныя, большей частью мало„важныя обстоятельства приводятъ его въ такое волненіе, что „даже сонъ его не можетъ успокоить“. Поэтому князь Долгоруковъ взывалъ къ чувству долга генерала Коцебу и именемъ Государя требовалъ правдиваго отвѣта, дѣйствительно ли состояніе Горчакова такъ плохо, что онъ не можетъ перенести тяжелаго бремени, сопряженнаго съ многочисленными обязанностями главы дѣйствующей арміи.



Парусный линейный корабль.

Генералъ Коцебу письмомъ отъ 12 ноября увѣдомилъ военнаго министра, что слухи о печальномъ состояніи здоровья князя Горчакова справедливы, но что онъ приписываетъ это скорѣе нервамъ, а не лихорадкѣ. Удостовѣряя физическую слабость командующаго войсками и полную его неспособность къ перенесенію въ зимнее время бивачной жизни, начальникъ штаба, однако, успокоивалъ военнаго министра тѣмъ, что бодрость духа и рвеніе къ службѣ князя Горчакова берутъ верхъ надъ его физической немощью [1]).

Уклончивый, но достаточно ясный отвѣтъ генерала Коцебу не повлекъ, однако, за собою смѣщенія князя Горчакова, котораго мы видимъ до конца кампаніи во главѣ армій первоначально на Дунаѣ, а потомъ и въ Крыму.

Государь въ своихъ письмахъ успокоивалъ [2]) расходившіеся отъ постояннаго ожиданія наступленія турокъ нервы командующаго войсками, предвидя съ своей стороны наступательныя дѣйствія противника скорѣе на Кавказѣ; онъ болѣе спокойно смотрѣлъ на возможность мелкихъ набѣговъ изъ-за Дуная, находя,

---

[1]) Подлинныя письма помѣщены въ Приложеніи № 38.

[2]) Письмо отъ 18 (30) сентября 1853 г. изъ Варшавы. Собств. Его Величества библіотека, шк. 115, портф. 14.

что „предупредить ихъ трудно, отбивать же довольно легко, но „изъ-за этого одного выходить изъ принятаго плана было бы „лишиться всѣхъ его большихъ выгодъ". Государь, все еще надѣясь на мирный исходъ кризиса, полагалъ, что турецкая армія, простоявъ всю зиму въ сборѣ, придетъ въ разстройство, и поэтому до весны онъ рѣшилъ Дуная не переходить. „А что „будетъ съ правительствомъ ихъ черезъ зиму", писалъ Государь, „при постоянной стоянкѣ союзнаго флота, еще мудренѣе опре„дѣлить. Не думаю, чтобы это послужило къ укрѣпленію власти „султана, и, вѣроятно, власть его окончательно рушится подъ „этими разными вліяніями". Къ тому же Государь считалъ князя Горчакова слабымъ къ веденію кампаніи за Дунаемъ, а посылать туда новыя войска, „при неистовомъ состояніи революціонной „партіи въ Англіи и Франціи и даже въ Германіи, требующей нашей „готовности по всей западной границѣ" [1]), считалъ невозможнымъ. Впрочемъ, Императоръ Николай допускалъ одинъ лишь случай, который могъ его заставить перейти Дунай до весны, а именно оказаніе помощи возставшимъ христіанамъ, если бы таковое возстаніе случилось, „но тогда только, когда возстаніе приметъ такой „размѣръ, что туркамъ не устоять". Относительно принятаго княземъ Горчаковымъ распредѣленія войскъ Николай Павловичъ выражалъ свое желаніе, чтобы командующій войсками не разбрасывался чрезмѣрно, а держалъ подъ рукой весь 4-й корпусъ, имѣя на нижнемъ Дунаѣ, по возможности, сосредоточенной 15-ю дивизію.

„И такъ", кончалъ Государь свою переписку за этотъ періодъ, „вся выгода наша *ожидать* [2]) упираясь на время года, „затрудняющее всякое враждебное противъ насъ покушеніе, кромѣ „набѣговъ. Но осторожность необходима. У тебя ничего важнаго „случиться не можетъ при принятыхъ мѣрахъ". [3]).

Князь Варшавскій велъ за это время переписку съ Государемъ и съ княземъ Горчаковымъ, письма къ которому отличались нѣсколько покровительственнымъ и снисходительнымъ тономъ.

---

[1]) Письмо отъ 5 октября 1853 г. изъ Царскаго Села. Собств. Его Величества библіотека, шк. 115, портф. 14.

[2]) Курсивъ подлинника.

[3]) „Думаю", писалъ Государь нѣсколько ранѣе, „что образъ войны будетъ особый, „ежели вынужденъ буду объявить независимость княжествъ и тѣмъ дамъ знакъ къ постепен„ному отпаденію христіанскихъ частей Оттоманской Имперіи. Но и это еще *мысль,* а не „рѣшимость" (Изъ письма къ кн. Горчакову отъ 25 іюля 1853 г. Собств. Его Величества библіотека).

Свѣтлѣйшаго князя болѣе всего заботили наши будущія военныя операціи и, въ особенности, подготовка театра военныхъ дѣйствій въ интендантскомъ отношеніи. Надо отдать полную справедливость, что этотъ послѣдній вопросъ онъ разбиралъ съ рѣдкой любовью и знаніемъ дѣла.

Паскевичъ, какъ было уже сказано выше, придавалъ большое значеніе занятію нами Княжествъ, которое позволяло выиграть время, необходимое „для вѣрнаго достиженія цѣлей сей „войны“ [1]). Но онъ былъ противъ перехода нами Дуная и вообще противъ начала непріязненныхъ дѣйствій съ нашей стороны. „Если же турки“, писалъ фельдмаршалъ, „перешли бы на лѣвый „берегъ, то, безъ сомнѣнія, ихъ слѣдуетъ отбросить, но и тогда „еще подумать, итти ли впередъ или остановиться, ибо едва ли „мы будемъ готовы для перехода за Балканы. Разумѣется, если бы „удалось разбить и разогнать ихъ армію такъ, чтобы все про„странство передъ нами очистилось, — тогда, конечно, пользо„ваться обстоятельствами и итти впередъ. Но это можетъ быть „почитаемо только счастливымъ случаемъ, который упускать не „должно, но на который разсчитывать не слѣдуетъ, тѣмъ болѣе, „что есть средство къ успѣху вѣрнѣе“.

Это средство князь Варшавскій видѣлъ въ заблаговременномъ заготовленіи въ Одессѣ запаснаго магазина со всѣми родами припасовъ для довольствія арміи въ будущемъ послѣ перехода ея черезъ Балканы, такъ какъ фельдмаршалъ по опыту предшествовавшихъ войнъ свидѣтельствовалъ, что „всѣ наши потери „и убыль въ людяхъ происходили не отъ непріятеля, но отъ не„достатковъ всякаго рода въ голодномъ краѣ“.

Заготовленные, такимъ образомъ, запасы должны были, по мѣрѣ движенія нашихъ войскъ, перевозиться моремъ, а если оно будетъ занято флотами западныхъ державъ, то подыматься на судахъ вверхъ по Дунаю и потомъ слѣдовать на Варну гужемъ.

Одновременно съ этимъ Паскевичъ писалъ и князю Горчакову [2]), рекомендуя ему не расходовать въ Княжествахъ своихъ запасовъ, разсмѣстить войска такъ, чтобы они могли жить на средства страны и „не довольствоваться лишь хлѣбомъ насущ„нымъ, а употребить все удобное время для составленія сколь

---

[1]) Всеподданнѣйшая записка кн. Варшавскаго отъ 2 (14) іюля 1853 года. Помѣщена въ Приложеніи № 39.

[2]) Письмо отъ 6 іюля 1853 г. Русск. Стар. 1876 г., кн. 1.

„можно значительнѣйшихъ запасныхъ магазиновъ въ нѣсколь-„кихъ пунктахъ надъ Дунаемъ".

Что касается до распредѣленія войскъ въ Княжествахъ, то князь Варшавскій въ письмахъ къ Государю придерживался нѣсколько иного мнѣнія, чѣмъ въ перепискѣ съ княземъ Горчаковымъ. Въ первыхъ онъ несочувственно относился къ занятію Малой Валахіи, вполнѣ законно находя, что мы не въ состояніи защитить христіанъ на всемъ обширномъ протяженіи Княжествъ, и указывалъ, что въ эту ошибку мы всегда впадали, „начиная „отъ Миниха и Румянцева до Каменскаго". Въ письмѣ же къ Горчакову [1]) Паскевичъ, наоборотъ, предупреждалъ его беречься со стороны Малой Валахіи. „Непріятно будетъ, если турки, про-„рвавшись съ той стороны, обойдутъ вашъ флангъ, будутъ угро-„жать тылу и станутъ грабить около Бухареста".

Отказъ Порты отъ принятія вѣнской ноты возбудилъ понятное въ Россіи негодованіе. Негодовалъ и князь Варшавскій. Война съ Турціей сдѣлалась неизбѣжной, и Паскевичъ увѣдомлялъ Государя, что „мы можемъ ожидать спокойно послѣдствій. На „европейской границѣ мы, кажется, уже готовы; на азіатской же „не мудрено увеличить наши средства" [2]).

Во всеподданнѣйшей запискѣ, поданной Государю въ Варшавѣ 11 сентября [3]), фельдмаршалъ разбиралъ возможныя противъ турокъ дѣйствія. Въ случаѣ борьбы съ одной Турціей князь Варшавскій вновь обращался къ мысли о десантѣ въ Босфорѣ; при занятіи же флотами западныхъ державъ Чернаго моря, онъ считалъ десантъ невозможнымъ и единственное средство видѣлъ въ дѣйствіяхъ на сухомъ пути.

Успѣхъ этихъ дѣйствій, по мнѣнію фельдмаршала, зависѣлъ отъ надлежащаго обезпеченія продовольствіемъ и отъ увеличенія собственныхъ силъ вооруженіемъ христіанскихъ племенъ Турціи. Паскевичъ, развивъ извѣстную уже мысль о заготовленіи разнаго рода запасовъ, переходилъ въ своей запискѣ къ сравнительно новой идеѣ вооруженія христіанскихъ племенъ Турціи. Онъ подробно останавливался на организаціи этихъ вооруженныхъ элементовъ и выражалъ увѣреніе, что наша армія, углубляясь внутрь Балканскаго полуострова, увеличится такимъ способомъ 30-40 ты-

---

[1]) Отъ 29 сентября 1853 г. Русск. Стар. 1876 г., кн. 1.
[2]) Письмо отъ 4 сентября. Арх. Канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 44.
[3]) Помѣщена въ Приложеніи № 40.

сячами „людей отчаянныхъ, хорошихъ стрѣлковъ, знающихъ мѣст-„ность и тамошній образъ войны“.

Жестоко ошибался князь Варшавскій въ этомъ своемъ предположеніи: нельзя было въ нѣсколько мѣсяцевъ раздуть смѣлую искру борьбы за свободу въ народѣ, который въ продолженіе многихъ вѣковъ былъ лишенъ всякой духовной жизни. Да, наконецъ, способъ вооруженной борьбы противъ законной власти былъ такъ противенъ всѣмъ убѣжденіямъ Императора Николая, что онъ рѣшилъ прибѣгнуть къ нему лишь въ томъ случаѣ, когда признаетъ необходимость полнаго уничтоженія Оттоманской Имперіи.

Бивакъ Бѣлорусскаго гусарскаго полка на Дунаѣ (съ рисунка карандашемъ участника Сталь).

Фельдмаршалъ, обращаясь къ характеру веденія войны за Дунаемъ, который онъ предполагалъ возможнымъ по климатическимъ условіямъ перейти только въ концѣ февраля или въ началѣ марта [1]), рекомендовалъ быстрое движеніе съ осадной артиллеріей къ Варнѣ, немедленное заложеніе траншей и открытіе огня, такъ какъ „по опыту извѣстно, что ничто такъ не страшитъ не-„пріятеля, какъ скорое открытіе работъ и безостановочное дви-„женіе ихъ впередъ, по правиламъ инженернаго искусства“. Князь Варшавскій рекомендовалъ при встрѣчѣ съ турецкой арміей разбить ее и воспользоваться нашимъ успѣхомъ; если бы турки уклонились отъ боя, то не преслѣдовать ихъ далеко, а постоянно имѣть цѣлью Варну. Разбирая разные, могущіе встрѣтиться при осадѣ этой крѣпости, случаи, фельдмаршалъ рекомендовалъ цѣлый рядъ рѣшительныхъ дѣйствій, примѣромъ которыхъ выставлялъ поведеніе Наполеона подъ Мантуей и свое собственное въ Аббасъ-Абадѣ. Паскевичъ, считая турецкую армію еще „не вышедшей „изъ младенчества“, весьма радужно смотрѣлъ на наше положеніе послѣ взятія Варны, „очень полагаясь на ополченія турецкихъ

[1]) Конецъ зимы.

„христіанъ". Эта послѣдняя мысль такъ безпокоила престарѣлаго фельдмаршала, что черезъ нѣкоторое время онъ вновь обратился къ Государю [1]), рекомендуя на этотъ разъ воспользоваться подготовлявшимся возстаніемъ грековъ.

Приведенный выше, полный жизни и здраваго военнаго взгляда, планъ князя Варшавскаго особенно интересенъ при сравненіи съ собственными его дѣйствіями подъ Силистріей, имѣвшими мѣсто всего лишь нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ изложенныхъ имъ мыслей.

Но не успѣло пройти и двухъ недѣль со времени этихъ наступательныхъ порывовъ князя Варшавскаго, какъ взглядъ его относительно нашихъ будущихъ дѣйствій существенно измѣнился.

Фельдмаршалъ, узнавъ о проходѣ Дарданеллъ нѣсколькими французскими и англійскими кораблями, 24 сентября вошелъ съ новой всеподданнѣйшей запиской [2]), въ которой рекомендовалъ на европейскомъ театрѣ войны строго оборонительный образъ дѣйствій. „Наше положеніе", писалъ онъ, „слишкомъ хорошо для „того, чтобы спѣшить выйти изъ него, начавъ военныя дѣйствія „первыми, и тѣмъ поставить противъ себя, кромѣ Турціи, еще „сильнѣйшія державы западной Европы. Время за насъ, и мы „имѣемъ въ рукахъ, оставаясь въ Княжествахъ, еще другіе силь„нѣйшіе способы безъ военныхъ дѣйствій угрожать Турецкой „Имперіи". Оставалось только рѣшить, какъ намъ дѣйствовать, если турки сами начнутъ войну, и въ этомъ отношеніи фельдмаршалъ разбиралъ способы противодѣйствія имъ на Дунаѣ, въ Азіатской Турціи и на Черномъ морѣ.

Князь Варшавскій рекомендовалъ разбить турокъ при переходѣ ихъ черезъ Дунай, на-голову, но и послѣ этого еще *подумать* [3]), не полезнѣе ли намъ продолжать оставаться въ оборонительномъ состояніи, „прогоняя ихъ каждый разъ, но самимъ „не заходить далѣе". Авторъ записки категорически высказывался за такой способъ дѣйствій, по опыту увѣренный въ томъ, что, ежели бы мы дошли даже до Адріанополя, то „Европа не допу„ститъ насъ воспользоваться нашими завоеваніями". Въ оборонительныхъ же дѣйствіяхъ фельдмаршалъ видѣлъ большія выгоды. „Мы не поссоримся съ Европой, не остановимъ торговли, не „помѣшаемъ дипломатическимъ сношеніямъ, которыя въ резуль-

[1]) Письмо отъ 28 сентября. Арх. Канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 44.
[2]) См. Приложеніе № 41.
[3]) Курсивъ подлинника.

„татѣ могутъ быть намъ выгодны. Такое положеніе дѣлъ будетъ, „конечно, новое и странное: двѣ державы въ войнѣ, а союзники, „поддерживая разныя стороны, остаются въ мирѣ съ противной „стороною. Но почему же не такъ? Никто нынѣ въ Европѣ „войны не хочетъ, а наше положеніе дѣлается между тѣмъ день „ото дня лучше.... Что же касается до турокъ, то ни для одной „державы нѣтъ выгоды объяснять имъ сіе небывалое положеніе „дѣлъ, ибо ни одна держава войны не желаетъ, даже Англія, „вѣроятно, скоро должна стараться о мирѣ".

Но князь Варшавскій, восхваляя выгодныя для насъ стороны обороны, вновь обращался къ тому „болѣе страшному для Ту„рецкой Имперіи оружію", которое имѣется въ нашихъ рукахъ и „успѣху котораго не можетъ воспрепятствовать ни одно госу„дарство въ Европѣ". Авторъ подразумѣвалъ вліяніе наше на христіанскія племена Турціи.

Зная отвращеніе Императора Николая отъ всего, имѣющаго связь съ революціей, авторъ записки старался придать этому дѣлу иную окраску. „Мѣру сію нельзя", писалъ Паскевичъ, „мнѣ кажется, смѣшивать со средствами революціонными. Мы „не возмущаемъ подданныхъ противъ своего государя, но если „христіане, подданные султана, захотятъ свергнуть съ себя иго „мусульманъ, когда мы съ ними въ войнѣ, то нельзя безъ не„справедливости отказать имъ въ помощи". Вслѣдъ за этимъ слѣдовало подробное развитіе авторомъ своей мысли объ организаціи вооружаемыхъ христіанъ при помощи кадровъ молдаво-валахскихъ войскъ, истинное значеніе которыхъ было выяснено выше.

Князь Горчаковъ также затрогивалъ въ это время вопросъ о поднятіи христіанскихъ народностей [1]), хотя, однако, какъ человѣкъ, ближе стоявшій къ дѣлу, онъ менѣе радужно смотрѣлъ на способность балканскихъ племенъ энергично откликнуться на призывъ Россіи. Замѣчательно, что Императоръ Николай, читавшій письмо князя Горчакова нѣкоторое время спустя послѣ приведенныхъ выше записокъ князя Варшавскаго, сдѣлалъ на немъ помѣтки, которыя уже не отвергали предлагаемыхъ средствъ.

Что касается до дѣйствій на Черномъ морѣ, то князь Варшавскій, сознавая вѣроятность входа въ это море флотовъ

---

[1]) Въ письмѣ къ военному министру отъ 30 сентября 1853 г. Арх. Канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 60.

западныхъ державъ, вполнѣ основательно полагалъ, что мы должны будемъ и тамъ обратиться къ оборонѣ.

Совершенно иного мнѣнія онъ былъ относительно веденія войны на кавказскомъ театрѣ. Здѣсь фельдмаршалъ рекомендовалъ наступательный образъ дѣйствій, указывая на необходимость быстраго взятія Карса, Ардагана, а можетъ-быть, и Баязета.

Война на Кавказѣ, совершенно не завися отъ событій на европейскомъ театрѣ, могла составлять „отдѣльную кампанію, „хотя бы на Дунаѣ и не было военныхъ дѣйствій".

Подлинную записку князя Варшавскаго Государь приказалъ препроводить князю Горчакову „для его свѣдѣнія, но не съ тѣмъ, „чтобы принять ее въ руководство для предстоящихъ ему дѣй„ствій" [1]).

Такимъ образомъ, мысли Императора Николая и его „отца„командира" относительно ближайшаго плана кампаніи противъ турокъ были почти одинаковы. Пребываніе Государя въ это время въ Варшавѣ, частыя личныя свиданія его съ княземъ Паскевичемъ и, наконецъ, сличеніе датъ вышеприведенныхъ писемъ и записокъ достаточно точно удостовѣряютъ кто былъ авторомъ мыслей, легшихъ въ основу нашего плана войны съ турками.

Переписка между княземъ Горчаковымъ и княземъ Меншиковымъ преимущественно касалась дунайской флотиліи и той помощи, которую князь Михаилъ Дмитріевичъ ожидалъ отъ морского вѣдомства на случай могущей быть переправы черезъ Дунай. Не представляя ничего существеннаго, переписка эта, однако, интересна въ смыслѣ характеристики двухъ главныхъ дѣятелей Восточной войны и ихъ взаимныхъ отношеній.

Вопросъ о подготовкѣ къ переправѣ черезъ Дунай, очевидно, долженъ былъ безпокоить командующаго войсками уже въ то время. Желаніе обезпечить свою переправу возможно широко въ матеріальномъ отношеніи вполнѣ естественно заставило князя Горчакова заблаговременно озаботиться о заготовленіи мостовъ и плавучихъ средствъ; при недостаткѣ и того и другого на мѣстѣ, не менѣе естественно было обращеніе къ средствамъ обширнаго Николаевскаго адмиралтейства, въ которомъ въ теченіе лѣта производились „практическія испытанія" [2]) постройки плавучихъ на

---

[1]) Отношеніе генералъ-адъютанта гр. Адлерберга 24 сентября 1853 г., № 436. Арх. Канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 60.

[2]) Изъ письма кн. Меншикова къ кн. Горчакову 4 августа 1853 г. Арх. Воен. Уч. Ком. Гл. Шт., Отд. 2, д. № 4253.

мелкихъ судахъ мостовъ. Просьба оказать помощь въ якоряхъ, канатахъ и прочихъ принадлежностяхъ для постройки мостовъ встрѣтила рѣзкую отповѣдь со стороны князя Меншикова. „Моряки „не въ состояніи васъ снабдить якорями“, писалъ князь Александръ Сергѣевичъ [1]), „и тѣмъ множествомъ канатовъ, которые „требуетъ Бухмейеръ [2]). Претензіи невѣжды-инженера превосхо„дятъ дозволенное: какимъ образомъ требовать въ Николаевѣ „колотушку для вбиванья кольевъ, когда начальникъ инженеровъ „въ Измаилѣ долженъ ихъ имѣть „болѣе, чѣмъ нужно“ [3]). Еще болѣе рѣзко князь Меншиковъ выражался въ письмѣ къ военному министру [4]), въ которомъ называлъ Бухмейера „пожирателемъ „канатовъ“ [5]) и просилъ отклонить ходатайство князя Горчакова, не ссоря ихъ между собою.

Капитанъ 2-го ранга Варпаховскій.

„Характеръ пожирателя“, отвѣчалъ князь Долгоруковъ [6]), „отличаетъ нашего командующаго „Дунайской арміей во многихъ „вещахъ. Вы не можете себѣ „представить то количество муки, „пороху и госпитальныхъ принад„лежностей, которое онъ отъ меня „требуетъ. Что хотите вы? Я понимаю желаніе обезпечить себя „противъ всякихъ случайностей и извиняю его отъ всего сердца. „Но, что пріятно въ князѣ Горчаковѣ это то, что онъ, не сер„дясь, вникаетъ въ тѣ мотивы, которые ему противопоставляютъ“ [7]).

Не былъ князь Горчаковъ удовлетворенъ и въ остальныхъ, обращенныхъ къ князю Меншикову, просьбахъ [8]), но тѣмъ не

---

[1]) Отъ 8 сентября. Тамъ же.

[2]) Начальникъ инженеровъ Дунайской арміи.

[3]) „Les exigences de l'ingénieur ignare passent la permission: comment demander à Nico„laef une sonnette à battre les pieux, tandis que le commandeur du génie à Ismail doit en avoir „de reste“.

[4]) Отъ 11 сентября 1853 г.

[5]) „Une espèce d'ogre en fait de cordages“.

[6]) Отъ 26 сентября 1853 г. Арх. Воен. Уч. Ком. Гл. Шт., Отд. 2, д. № 4254.

[7]) Переводъ съ французскаго.

[8]) О содѣйствіи по обезпеченію устьевъ Дуная отъ входа непріятельскихъ судовъ (Письмо отъ 12 октября 1853 г., Арх. Воен. Уч. Ком. Гл. Шт., Отд. 2, д. № 4253).

менѣе онъ съ полнымъ добродушіемъ всегда готовъ былъ уступить князю Александру Сергѣевичу первое мѣсто.

Получивъ увѣдомленіе о непринятіи Государемъ поправокъ къ вѣнской нотѣ и увидавъ, такимъ образомъ, неизбѣжность войны, князь Михаилъ Дмитріевичъ привѣтствовалъ своего стараго товарища юности слѣдующими словами [1]):

„Я думаю, что вы и я должны будемъ уничтожить это низ-
„кое вмѣшательство Европы. Не оставьте меня вашей помощью,
„и если мы на будущій годъ встрѣтимся въ Бургасѣ или около
„Босфора, то я кинусь въ огонь и воду, какъ только вы того
„потребуете. Я серьезно вѣрю, что вы предназначены сыграть
„роль *Rico Dandolo*. Берегите себя для этой роли!“ [2]).

Поистинѣ тяжело было положеніе преданнаго всѣмъ своимъ существомъ долгу службы, добраго и нерѣшительнаго князя Михаила Дмитріевича, окруженнаго требовательностью князя Варшавскаго по заготовленію запасовъ, эгоизмомъ князя Меншикова и легкостью князя Долгорукова.

Рыцарски отплатилъ онъ годъ спустя князю Александру Сергѣевичу, отнимая отъ себя все необходимое и снабжая бѣдствовавшаго подъ Севастополемъ командовавшаго войсками, въ Крыму расположенными!

IV.

Между тѣмъ вопросъ о войнѣ и мирѣ былъ разрѣшенъ турками. 27 сентября князь Горчаковъ получилъ отъ главнокомандующаго турецкой арміей Омера-паши письмо съ предложеніемъ очистить въ продолженіе двухъ недѣль Княжества, грозя, въ противномъ случаѣ, открытіемъ военныхъ дѣйствій.

Въ то же время было получено сообщеніе нашего вѣнскаго посольства, что, несмотря на это, Омеру-пашѣ послано приказаніе не переправляться черезъ Дунай, а лишь ограничиться его обороною [3]). Послѣ продолжительныхъ колебаній князь Горчаковъ отвѣтилъ турецкому главнокомандующему, что онъ не имѣетъ полномочій разсуждать о мирѣ и войнѣ, а также объ очищеніи Княжествъ.

---

[1]) Письмо къ кн. Меншикову отъ 4 сентября 1853 г. Тамъ же.
[2]) Переводъ съ французскаго.
[3]) Дневникъ П. Е. Коцебу. Севастопольскій Музей.

Нападеніе турокъ ожидалось ежеминутно, и кипучая дѣятельность главной квартиры еще болѣе увеличилась. „Князь Горча„ковъ начинаетъ суетиться", записалъ Коцебу 28 сентября [1]). „Князь Горчаковъ очень суетится", записалъ онъ на другой день, „изъ-за чего сдѣлано много безполезныхъ распоряженій, „изнуряющихъ войска".

И, дѣйствительно, хотя командующій войсками очень спокойно сообщалъ въ Петербургъ [2]), что онъ не ожидаетъ переправы Омера-паши съ большей частью его арміи, а лишь частныя попытки иррегулярными войсками на всѣхъ возможныхъ для переправы пунктахъ, но, однако, вмѣстѣ съ этимъ далъ своимъ прикрывающимъ частямъ такую инструкцію въ формѣ предписанія, которая лишала ихъ всякой возможности дѣйствовать сообразно съ обстоятельствами и была способна сбить съ толку самыхъ рѣшительныхъ начальниковъ.

„По имѣющимся извѣстіямъ", сообщалъ князь Горчаковъ генералу Данненбергу [3]), „и вообще, по всѣмъ вѣроятностямъ, „нельзя полагать, чтобы турки перешли Дунай въ значительныхъ „силахъ у Туртукая, Журжи или Систова. Но, однакожъ, въ семъ „послѣднемъ пунктѣ можно ожидать переправы съ нѣсколько „большими силами, нежели на прочихъ двухъ.

„Если турки переправятся при Журжѣ или около Журжи, „то ген.-лейт. Соймонову съ ввѣреннымъ ему авангардомъ над„лежитъ вступить въ бой; отъ вашего высокопревосходительства „же будетъ зависѣть, въ случаѣ надобности, дать ему нужное под„крѣпленіе и, если признаете за полезное, принять непосредствен„ное командованіе войсками, вошедшими тутъ въ дѣло.

„Если же переправа совершена будетъ турками у Туртукая, „то посты донского № 34 полка и резервъ онаго, при Ольте„ницѣ находящійся, должны прогонять непріятеля, если перей„дутъ только ничтожныя шайки; въ противномъ же случаѣ, „казаки должны отступать на отрядъ, при Будештахъ располо„женный; сей же послѣдній долженъ дѣйствовать тогда по „указаніямъ вашего высокопревосходительства сообразно обстоя„тельствамъ.

---

[1]) Дневникъ П. Е. Коцебу. Севастопольскій Музей.

[2]) Въ письмѣ военному министру отъ 30 сентября. Арх. Канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 60.

[3]) Предписаніе отъ 29 сентября 1853 г., № 1370. Арх. Воен. Уч. Ком. Гл. Шт., Отд. 2, д. № 3318.

„Что касается до Систова, то хотя нельзя ожидать оттуда „весьма большихъ силъ, но, однакожъ, скорѣе можно предпола- „гать, что при семъ пунктѣ перейдутъ, примѣрно, отъ 5 до 6 тыс. „человѣкъ. Во всякомъ случаѣ ген.-лейт. Соймонову было бы не- „выгодно двинуться противъ непріятеля въ семъ направленіи, „такъ какъ при таковомъ движеніи Журжа осталась бы обна- „женною отъ войскъ.

„Поэтому, если турки переправятся при Систовѣ, то ген.-лейт. „Соймонову немедленно надлежитъ послать два дивизіона гусаръ съ „достаточнымъ числомъ казаковъ для наблюденія за непріятелемъ.

„Если турки переправятся только незначительными шайками, „то отрядъ этотъ долженъ прогнать ихъ. Но если переправившійся „непріятель будетъ такъ силенъ, что нельзя безъ риска атаковать „оный, то помянутому отряду слѣдуетъ ограничиться наблюденіемъ „за непріятелемъ, не вдаваясь въ бой, и если онъ будетъ итти „впередъ, то отступать передъ нимъ, оставаясь въ такомъ отъ „него разстояніи, чтобы не быть смятымъ, при томъ доносить „сколь можно чаще о силѣ непріятеля и о направленіи его, если „пойдетъ впередъ, какъ мнѣ, такъ и ген.-лейт. Соймонову.

„Если изъ Зимницы турки направятся на Журжу, то ген.-лейт. „Соймонову дать имъ тамъ сраженіе, а ваше высокопревосходи- „тельство должны подкрѣплять его сообразно сказанному выше.

„Но если турки пойдутъ въ другомъ какомъ-либо напра- „вленіи или останутся у Систова, то ген.-лейт. Соймонову не слѣ- „дуетъ предпринимать наступательнаго движенія впредь до моего „приказанія, ибо въ такомъ случаѣ указано будетъ мною общее, „соображенное съ обстоятельствами, движеніе достаточныхъ силъ „для вѣрнаго успѣха, о каковомъ движеніи вамъ будетъ сооб- „щено своевременно“.

При этомъ войскамъ было приказано соблюдать вездѣ самую бдительную осторожность, отнюдь не переходить Дуная и не начинать военныхъ дѣйствій безъ нападенія со стороны турокъ, „дабы не давать туркамъ повода впослѣдствіи обвинять насъ въ „начатіи войны“.

Данненбергъ въ отношеніи лѣваго авангарда, генерала Павлова, облекъ это предписаніе въ болѣе краткую форму: „если бы „турки вздумали переправиться на нашъ берегъ, то не завязы- „вать съ ними дѣла, а только не пускать ихъ дальше“ [1]).

---

[1]) Алабинъ: „Восточная война“, т. 2, стр. 79.

„Такое категорическое приказаніе", пишетъ Алабинъ, „воз-„мущало генерала Павлова...—Какъ исполнить такое приказаніе, „говорилъ Павловъ: не завязывать дѣла и не пускать дальше?! „Но развѣ возможно удержать непріятеля при такихъ условіяхъ? „Да, къ тому же, дальше какого мѣста не пускать его: дальше „Дуная, на берегу котораго стоятъ наши казаки, или дальше „Будешти, гдѣ наши главныя силы?"

Въ то же время князь Горчаковъ сдѣлалъ распоряженіе объ усиленіи лѣваго авангарда и о приближеніи передовыхъ частей къ угрожаемымъ пунктамъ.

Пароходъ „Ординарецъ" противъ кр. Исакчи.

Такимъ образомъ, для усиленія Журжинскаго отряда къ Фратешти (Одая) [1]) были направлены 8 эскадр. и 8 кон. ор. [2]). Авангардъ генерала Павлова былъ усиленъ остальными тремя полками его дивизіи съ артиллеріей, которые перешли изъ Мавгурени и Колибаша и, совмѣстно съ Ольвіопольскимъ уланскимъ полкомъ, расположились въ Добрени, Будешти и промежуточныхъ деревняхъ, пододвинувъ три сотни донского казачьяго № 34 полка изъ Негоешти къ Ольтеницѣ.

Приказаніе держать главныя силы лѣваго авангарда въ Будешти, около котораго не было какой-либо позиціи, заставило генерала Павлова, хорошо ознакомленнаго съ мѣстностью, войти къ генералу Данненбергу съ представленіемъ недостатковъ такого расположенія и съ указаніемъ на болѣе выгодныя и близкія къ Дунаю позиціи у Негоешти и въ особенности между с. Митрени и Ольтеницею. Генералъ Данненбергъ приказалъ ожидать своихъ личныхъ распоряженій, такъ какъ онъ предполагалъ немедленно прибыть къ отряду генерала Павлова, въ случаѣ наступленія на него турокъ [3]). Это распоряженіе осталось не безъ вліянія на печальный исходъ Ольтеницкаго сраженія.

---

[1]) См. схему № 6 (папка).
[2]) Гусарскій Наслѣдника Цесаревича полкъ и № 8 конно-легкая батарея.
[3]) Алабинъ: „Восточная война", т. 2, стр. 79—80.

Только-что были приведены въ исполненіе сдѣланныя княземъ Горчаковымъ распоряженія, какъ вновь явился поводъ къ сильному безпокойству. Турки заняли островъ противъ Калафата, и вмѣстѣ съ этимъ до главной квартиры дошло свѣдѣніе о намѣреніи Омера-паши сдѣлать одновременную попытку переправы черезъ Дунай незначительными силами на обѣихъ оконечностяхъ нашей растянутой линіи у Видина и Гирсова, чтобы, отвлекая въ этихъ направленіяхъ наше вниманіе, переправиться съ главными силами у Рущука, Туртукая или Силистріи и двинуться къ Бухаресту [1]).

Эти свѣдѣнія вызвали немедленное распоряженіе о сформированіи въ Слободзеѣ особаго отряда, силою въ 6 батал., 7 эск., 12 пѣш. и 8 кон. ор., который поручался начальствованію графа Анрепа. Въ составъ его вошли части авангарда Павлова и отряда Богушевскаго, что значительно ослабляло оборону Дуная со стороны Туртукая [2]).

Едва войска успѣли тронуться со своихъ мѣстъ, какъ въ главной квартирѣ было получено извѣстіе о переправѣ турокъ у Ольтеницы. Хотя въ дѣйствительности произошло простое нападеніе турокъ на одинъ изъ нашихъ пикетовъ, но князь Горчаковъ отмѣнилъ сосредоточеніе отряда въ Слободзеѣ [3]).

Одновременно съ рядомъ изложенныхъ мѣръ командующій войсками рѣшилъ продвинуть часть флотиліи отъ Измаила вверхъ по Дунаю, къ Галацу и Браилову. При этомъ князь Горчаковъ имѣлъ цѣлью овладѣніе Дунаемъ отъ Рени до Гирсова, обезпеченіе городовъ Рени, Галаца и Браилова отъ покушеній турокъ и держаніе подъ рукою части флотиліи на случай нашей переправы черезъ Дунай [4]).

Означенное передвиженіе флотилія должна была совершить въ составѣ 2 пароходовъ („Прутъ“ и „Ординарецъ“) и 8 канонерскихъ лодокъ [5]), подъ начальствомъ командира 2-го баталіона

---

[1]) Предписаніе ген. Фишбаху 12 октября 1853 г., № 117. Арх. Воен. Уч. Ком. Гл. Шт., Отд. 2, д. № 3431.

[2]) Предписаніе ген. Данненбергу 10 октября 1853 г., № 1550, и ген. Богушевскому отъ того же числа, № 1548. Арх. Воен. Уч. Ком. Гл. Шт., Отд. 2, д. № 3428.

[3]) Предписаніе ген. Богушевскому 11 октября 1853 г., № 1562. Арх. Воен. Уч. Ком. Гл. Шт., Отд. 2, д. № 1562.

[4]) Кн. Горчаковъ—военному министру 7 октября 1853 г., № 710. Арх. Воен. Уч. Ком. Гл. Шт., Отд. 2, № 3431. Кн. Горчаковъ—ген. Лидерсу 16 октября 1853 г., № 1668. Арх. Воен. Уч. Ком. Гл. Шт., Отд. 2, № 3324.

[5]) „Прутъ“, подъ командой лейтенанта Языкова, былъ вооруженъ четырьмя 36 фунт. пушко-каронадами; „Ординарецъ“, подъ командой лейтенанта Барковскаго,—четырьмя 3 фунт. пушками. На каждой канонерской лодкѣ было по три орудія 24 фунт. калибра и по четыре 3 фунт. фальконета. Комплектъ людей на каждой лодкѣ состоялъ изъ 20 матросовъ 5 ластоваго экипажа и 40 рядовыхъ Модлинскаго полка.

ПЛАНЪ Р. ДУНАЯ отъ Г. ИЗМАИЛА до РЕННИ
Ренни
Сафьяны
Измаилъ
Кр. Измаилъ
Исакче
Тульче
Масштабъ 5 вр. въ 1 дюймъ
5 верст

Схема № 8.

гребной флотиліи капитана 2 ранга Варпаховскаго, 11 октября, т.-е. въ конечный срокъ, назначенный Омеромъ-пашею для очищенія нами Княжествъ. Во время своего движенія флотиліи приходилось проходить мимо исправленныхъ и вооруженныхъ турками укрѣпленій крѣпости Исакчи, что надлежало, по приказанію князя Горчакова, совершить ночью, не стѣсняясь при надобности вступить и въ бой. Но командиръ отряда и всѣ офицеры просили разрѣшенія совершить этотъ переходъ днемъ [1]), что, кромѣ личнаго мужества, вызывалось желаніемъ сохранить, въ случаѣ боя, наибольшій порядокъ.

Генералъ Лидерсъ [2]), разрѣшивъ Варпаховскому двинуться днемъ, вывелъ ночью изъ Сатунова 3 баталіонъ Житомирскаго егерскаго полка и 4 орудія и поставилъ ихъ въ камышахъ противъ Исакчи для поддержки флотиліи, если бы это случайно понадобилось.

Пароходы, расположивъ вдоль своихъ бортовъ канонерскія лодки для защиты машинъ отъ выстрѣловъ и взявъ по одной лодкѣ на буксиры [3]), снялись въ 5 часовъ утра 11 октября съ якоря, имѣя впереди пароходъ „Прутъ“ съ начальникомъ отряда, и пошли вверхъ противъ теченія со скоростью двухъ съ половиною узловъ.

Въ $8^1/_2$ часовъ утра флотилія подошла къ Исакчѣ. Турки открыли огонь ядрами, бомбами и картечью по обоимъ пароходамъ [4]). Отъ попавшаго снаряда на „Ординарцѣ“ начался пожаръ, скоро, впрочемъ, потушенный.

Послѣ шестаго турецкаго выстрѣла капитанъ Варпаховскій сигналомъ приказалъ начать бой. Команды привѣтствовали этотъ сигналъ радостнымъ крикомъ „ура“. Находившійся у Сатунова генералъ Лидерсъ приказалъ открыть огонь по туркамъ изъ 4 полевыхъ орудій, чѣмъ первоначально и отвлекъ ихъ вниманіе отъ нашей флотиліи.

Вслѣдъ за сигналомъ Варпаховскаго при продолжавшихся крикахъ „ура“ былъ открытъ батальный огонь изъ всѣхъ орудій канонерскихъ лодокъ, имѣвшихъ возможность дѣйствовать. Стрѣляли гранатами, ядрами и картечью по укрѣпленіямъ, на кото-

---

[1]) Кн. Горчаковъ—военному министру 13 октября 1853 г. Арх. Канц. Воен. мин. по снар. в. 1853 г., секр. д. № 57.

[2]) См. схему № 8, стр. 167.

[3]) См. схему № 9, стр. 169.

[4]) Турки дѣйствовали изъ 12, 6 и 3 фунт. пушекъ и 2 пудов. мортиръ. Всего было насчитано на ихъ укрѣпленіяхъ 25 орудій и 3 мортиры.

рыхъ намъ удалось сбить нѣсколько орудій, по городу и по турецкому лагерю, расположенному на скатѣ горы. Турки же направляли свой огонь преимущественно съ цѣлью повредить машины пароходовъ. Одною изъ первыхъ жертвъ сдѣлался капитанъ Варпаховскій, сраженный ядромъ въ то время, когда онъ распоряжался боемъ, стоя впереди кожуха на пароходѣ „Прутъ“.

Къ 10 часамъ утра отрядъ вышелъ изъ-подъ выстрѣловъ турецкихъ батарей, произведя охватившій весь городъ пожаръ въ Исакчѣ и истребивъ турецкій лагерь, изъ котораго толпами бѣжали войска. Наши пароходы получили много пробоинъ, не помѣшавшихъ имъ, однако, совершать дальнѣйшее плаваніе. Кромѣ капитана Варпаховскаго, мы потеряли убитыми 6 и ранеными

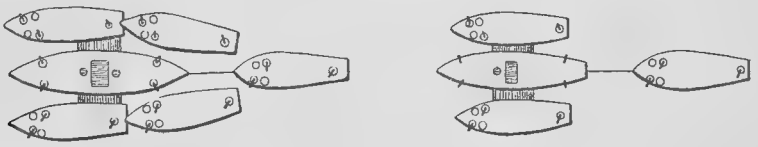


Схема № 9.
Построеніе канонерскихъ лодокъ.

45 нижн. чиновъ [1]). У турокъ былъ уничтоженъ лагерь, пострадалъ городъ (сгорѣло 30 домовъ) и выбыло изъ строя 1 шт.-оф., 3 об.-оф. и 156 нижн. чиновъ [2]).

Раздался, наконецъ, съ такимъ нетерпѣніемъ ожидавшійся нашими войсками первый выстрѣлъ на Дунаѣ [3]). Впечатлѣніе было общее и громадное [4]). Войска давно сгорали желаніемъ выйти изъ того выжидательнаго и томительнаго состоянія, сопряженнаго съ тяжелой сторожевой службой, въ которомъ они пребывали уже три мѣсяца. Государь наградилъ молодецкій, состоявшій на двѣ трети изъ рядовыхъ Модлинскаго полка, экипажъ 12-ю знаками отличія военнаго ордена и приказалъ выдать по 1 рублю на человѣка [5]).

---

[1]) Рапортъ к.-адм. Мессера 12 октября 1853 г., № 496. Арх. Воен. Уч. Ком. Гл. Шт., Отд. 2, д. № 3317.

[2]) Рапортъ ген. Лидерса 18 октября 1853 г., № 2185. Тамъ же.

[3]) Записки П. К. Менькова, т. 2, стр. 56.

[4]) Дневникъ П. Е. Коцебу.

[5]) Донесеніе кн. Горчакова (Арх. Канц. Воен. мин. по снар. в. 1853 г., секр. д. № 60); Всеподданнѣйшій отчетъ Великаго Князя Константина Николаевича за 1853 г.; Морск. Сбор. за 1853 г., № 10; письма подполк. Батезатула (Севастопольскій Музей); дневникъ П. Е. Коцебу (тамъ же); Шханочн. журн. пар. „Ординарецъ“ за 1853 г. (Никол. Морск. Арх.); записки П. К. Менькова, и др.

Князь Горчаковъ былъ очень доволенъ приходомъ флотиліи къ Галацу и Браилову; онъ разсчитывалъ при ея помощи не допускать непріятеля возводить батареи по берегу Дуная, между Мачинымъ и Рени, усилить средства къ оборонѣ Галаца, Браилова и Рени и крейсеровать по Дунаю [1]). Пароходъ „Прутъ“ немедленно былъ посланъ въ такое крейсерство вверхъ по Дунаю, дошелъ до Гирсова и благополучно вернулся въ Браиловъ.

„Онъ мнѣ сослужилъ огромную службу, дойдя до Гирсова“, дѣлился князь Горчаковъ своей радостью съ княземъ Меншиковымъ [2]); „турки будутъ смотрѣть теперь въ оба глаза, прежде чѣмъ „переходить рѣку въ этомъ мѣстѣ, зная, что я могу при помощи „военныхъ судовъ атаковать ихъ съ тыла черезъ Браиловскій „рукавъ“.

Одновременно съ этимъ командующій войсками приказалъ прекратить движеніе по Дунаю торговыхъ судовъ подъ флагами всѣхъ націй и собрать въ озера или устья рѣкъ всѣ лодки и перевозочные матеріалы на пространствѣ Дуная, наблюдаемомъ нашими войсками, и тамъ ихъ задерживать.

Въ то же время князь Горчаковъ сдѣлалъ распоряженіе объ усиленіи передовыхъ частей [3]). Селенгинскій пѣхотный полкъ съ двумя батареями [4]) долженъ былъ перейти изъ Добрени въ Будешти, а 1-я бригада 12-й пѣхотной дивизіи, 4-й стрѣлковый баталіонъ и двѣ батареи 12-й артиллерійской бригады [5])—занять тѣсныя квартиры въ окрестностяхъ Бухареста, имѣя сборнымъ пунктомъ Крецешти, движеніе съ котораго разрѣшалось не иначе, какъ по особому приказанію. Бугскому уланскому полку расположиться между р. Аржисомъ и с. Клежаны, а резерву аванпостовъ отряда генерала Богушевскаго [6]) перейти изъ Гауноши въ Чокулъ.

Всѣ эти измѣненія должны были быть приведены въ исполненіе къ 16 октября.

Въ Измаилѣ же ушедшіе оттуда пароходы были замѣнены присланными княземъ Меншиковымъ пароходами „Сулинъ“ и „Метеоръ“.

---

[1]) Кн. Горчаковъ—ген. Лидерсу 16 октября 1853 г., № 1668. Арх. Воен. Уч. Ком. Гл. Шт., Отд. 2, № 3324.

[2]) Письмо отъ 14 (26) октября 1853 г. Арх. Воен. Уч. Ком. Гл. Шт., Отд. 2, д. № 4253.

[3]) См. схему № 6 (папка).

[4]) Батарейная № 3 и легкая № 5 11-й артиллерійской бригады.

[5]) Легкія №№ 6 и 8.

[6]) Эскадронъ Вознесенскаго уланскаго полка и сотня донского казачьяго № 34 полка.

Что касается до охраненія пространства лѣваго берега Дуная отъ Браилова до устья Прута и охраненія поднятой по Дунаю флотиліи, то генераломъ Лидерсомъ были сдѣланы слѣдующія распоряженія: до замерзанія Дуная лодки и пароходы были распредѣлены по городамъ Браилову, Галацу и Рени, а для крейсерства былъ назначенъ пароходъ „Прутъ“, какъ имѣющій орудія большаго калибра и лучшій ходъ. На зимовку флотилію предполагалось сосредоточить въ небольшой бухтѣ выше города Галаца и въ устьѣ р. Прута, при чемъ оба эти пункта предполагалось усилить укрѣпленіями.

Для лучшей обороны лѣваго берега Дуная были намѣчены слѣдующія укрѣпленія: а) редуты для пѣхоты съ артиллеріей у гор. Браилова, противъ Мачинскаго рукава, и у г. Галаца; б) мостовое укрѣпленіе для защиты переправы черезъ Прутъ со стороны Молдавіи, и в) баррикады въ Браиловѣ и Галацѣ [1]).

Привезенное въ Петербургъ извѣстіе о дѣлѣ при Исакчѣ вызвало манифестъ 20 октября о войнѣ съ Турціей.

„Тщетно даже главныя Европейскія державы“, гласилъ манифестъ, „старались своими увѣщаніями поколебать закоснѣлое упор„ство турецкаго правительства. На миролюбивыя усилія Европы, „на наше долготерпѣніе, оно отвѣтствовало объявленіемъ войны „и прокламаціей, исполненной извѣтовъ противъ Россіи. Наконецъ, „принявъ мятежниковъ всѣхъ странъ въ ряды своихъ войскъ, „Порта открыла уже военныя дѣйствія на Дунаѣ.

„Россія вызвана на брань: ей остается, возложивъ упованіе „на Бога, прибѣгнуть къ силѣ оружія, дабы принудить Порту къ „соблюденію трактатовъ и къ удовлетворенію за тѣ оскорбленія, „коими отвѣчала она на самыя умѣренныя наши требованія и на „законную заботливость нашу о защитѣ на Востокѣ Православной „Вѣры, исповѣдуемой и народомъ Русскимъ.

„Мы твердо убѣждены, что наши вѣрноподданные соеди„нятъ съ нами теплыя мольбы къ Всевышнему, да благословитъ „Десница Его оружіе, подъятое нами за святое и правое дѣло, „находившее всегда ревностныхъ поборниковъ въ нашихъ благоче„стивыхъ предкахъ. На Тя, Господи, уповахомъ, да не постыдимся „вовѣки“ [2]).

---

[1]) Кн. Горчаковъ—ген. Лидерсу 16 октября 1853 г., № 1668. Арх. Воен. Уч. Ком. Гл. Шт., Отд. 2, № 3324.

[2]) Полный манифестъ помѣщенъ въ Приложеніи № 24.

Съ радостью откликнулся этотъ манифестъ и на Дунаѣ, и на волнахъ Чернаго моря, и на далекомъ Кавказѣ, гдѣ непосредственные защитники чести Россіи были поставлены въ фальшивое положеніе и съ горькимъ чувствомъ видѣли безнаказанную продолжительную подготовку турокъ къ войнѣ. Вѣрили, что манифестъ окончательно развяжетъ руки главнокомандующему, что начнутся, наконецъ, рѣшительныя дѣйствія противъ вѣкового врага за дѣло, близкое сердцу русскому [1]).

„Подлинно, это можетъ быть брань библейская", сказалъ митрополитъ Филаретъ по прочтеніи манифеста, „брань народа „Божія съ язычниками, только если бы мы менѣе заразились „языческими обычаями запада". Но великій старецъ еще съ 1850 года сильно возставалъ противъ нашего чрезмѣрнаго самовосхваленія и еще тогда писалъ, что „въ наше время мы много „хвалимся и не довольно каемся" [2]); онъ вновь обратилъ на это вниманіе и при объявленіи войны. „Не нравится мнѣ", писалъ онъ лаврскому намѣстнику Антонію, „что въ первомъ донесеніи о начатіи „войны князь Воронцовъ сравниваетъ ее съ войной 1812 года".

Въ самомъ сердцѣ Россіи, въ Москвѣ, и въ провинціи, манифестъ вызвалъ большой подъемъ духа. Цѣлая масса пожертвованій деньгами, людьми и продовольствіемъ обильной рѣкой полилась отъ всѣхъ сословій русскаго народа съ разныхъ концовъ нашего обширнаго отечества и въ особенности изъ коренныхъ русскихъ губерній. Радушный пріемъ проходившихъ войскъ, обезпеченіе оставшихся семей офицеровъ и нижнихъ чиновъ — все это было откликомъ на призывъ Императора Николая. Многочисленныя произведенія въ стихахъ и въ прозѣ были посвящены свершившемуся событію, и въ большинствѣ изъ нихъ проглядывало то горькое чувство отъ напрасныхъ извѣтовъ западной печати, которое долго таилось въ глуши русской провинціи и радо было, наконецъ, вырваться наружу въ боевыхъ кликахъ современныхъ поэтовъ [3]).

„Многіе говорятъ", записалъ сенаторъ Лебедевъ въ своихъ запискахъ [4]), „что поѣздка Государя въ Москву есть начало „крестоваго похода".

---

[1]) Записки П. К. Менькова, т. 2, стр. 56.

[2]) Барсуковъ: „Жизнь и труды М. П. Погодина", кн. XIII, стр. 9.

[3]) Современные газеты и журналы и въ особенности Сѣверная Пчела, Русскій Инвалидъ, С.-Петербургскія Вѣдомости и др.

[4]) Русскій Архивъ 1888 г., кн. 5.

Въ западной Европѣ манифестъ вызвалъ много превратныхъ толкованій, о которыхъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

Что касается до Турціи, то ея безпечность въ военномъ отношеніи простиралась только до разрыва съ нами дипломатическихъ сношеній. Одновременно же съ сосредоточеніемъ арміи князя Горчакова на р. Прутѣ оттоманское правительство рѣшило, отчасти по собственной иниціативѣ, отчасти же подъ давленіемъ своихъ западныхъ покровителей, принять дѣятельныя мѣры къ укрѣпленію двухъ оборонительныхъ линій, составляющихъ оплотъ имперіи съ сѣвера, т.-е. линій Дуная и Балканъ, а также къ дѣятельному укомплектованію и усиленію арміи.

Дѣйствія пароходовъ „Прутъ“ и „Ординарецъ“ противъ г. Исакчи.

Особое вниманіе было обращено на тѣ пункты по Дунаю, которые имѣли значеніе въ предшествовавшія кампаніи, и турки немедленно приступили къ укрѣпленію Тульчи, Исакчи, Мачина, Гирсова, Силистріи, Туртукая и Рущука. Къ сентябрю мѣсяцу линія Дуная была, такимъ образомъ, уже значительно усилена.

Въ Тульчѣ исправили старую крѣпость и построили шесть батарей сильной профили для обстрѣливанія самой рѣки и мыса Чаталъ. У Исакчи особое вниманіе было обращено на укрѣпленіе пространства противъ Сатуновской плотины, для чего построили десять батарей и редутъ. Въ Мачинѣ, на мѣстѣ старой крѣпости возвели укрѣпленіе временной профили и вдоль берега рукава построили рядъ батарей, соединенныхъ ложементами для стрѣлковъ. У Гирсова былъ приведенъ въ оборонительное состояніе старый замокъ и на высотахъ, командующихъ городомъ, было построено три батареи, соединенныя между собою ложементами для стрѣлковъ; кромѣ того, къ сѣверу отъ города былъ возведенъ рядъ батарей, образовавшихъ сильно укрѣпленную позицію

съ нѣсколькими опорными пунктами. Силистрія, Туртукай, Рущукъ, Систово, Никополь, Раховъ и Видинъ были приведены въ оборонительное положеніе, какъ исправленіемъ старыхъ верковъ, такъ и постройкой новыхъ укрѣпленій, преимущественно на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нами велись осадныя работы въ предшествовавшія кампаніи.

Въ отношеніи защиты Балканъ было обращено особое вниманіе на укрѣпленіе Варны, Праводъ, Шумлы и проходовъ Габровскаго, Чаловыковакскаго и Доброльскаго.

Въ теченіе зимнихъ мѣсяцевъ оттоманское правительство, обезпокоенное, по всей вѣроятности, увеличеніемъ численности нашихъ войскъ въ Малой Валахіи, обратило вниманіе на приведеніе въ оборонительное состояніе городовъ и крѣпостей въ Сербіи и по сосѣдству съ этой страной.

Были приняты также мѣры къ сосредоточенію возможно большихъ силъ на берегахъ Дуная и вообще въ Болгаріи. Туда были направлены войска изъ Румеліи, Албаніи и Босніи, были призваны редифы и объявленъ наборъ со всего магометанскаго населенія Турціи.

Кромѣ того, начался дѣятельный сборъ баши-бузуковъ и были потребованы контингенты изъ Египта и Триполи.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ мѣръ силы Омера-паши возросли къ серединѣ іюня до 58 тысячъ человѣкъ, изъ которыхъ 40 тысячъ были распредѣлены по теченію Дуная отъ Тульчи до Видина.

Въ началѣ октября мѣсяца прекратилось сосредоточеніе турецкой арміи въ Болгаріи, при чемъ можно полагать, что силы Омера-паши къ этому времени доходили до 100-120 тысячъ человѣкъ, которые были распредѣлены примѣрно пополамъ на линіи Дуная и на линіи Балканъ, съ главнымъ резервомъ въ Шумлѣ.

Въ такихъ приблизительно размѣрахъ, не считая иррегулярныхъ бандъ, армія Омера-паши продержалась всю зиму. Наша главная квартира нѣсколько преувеличивала силы, находившіяся въ рукахъ турецкаго главнокомандующаго, и полагала у него подъ ружьемъ до 220 тысячъ человѣкъ [1]).

---

[1]) Краткій сводъ свѣдѣній о турецкой арм. и крѣп. по 1 апрѣля 1854 г. Арх. Воен. Уч. Ком., Отд. 2, д. № 5741. Свѣдѣнія отъ нашихъ агентовъ. Арх. Канц. Воен. мин. и Арх. мин. Иностр. дѣлъ.

V.

Во время движенія нашихъ войскъ къ Бухаресту административная часть арміи была организована слѣдующимъ образомъ:

Оккупаціонный корпусъ имѣлъ къ 21 іюня, т.-е. къ началу выступленія изъ Скулянъ и Леово, впереди на своемъ пути запасы, которые были заготовлены мѣстными уѣздными исправниками Княжествъ въ Бырлатѣ, Текучѣ, Фокшанахъ, Бузео, Лучіу, Слободзеѣ, Бухарестѣ, а также въ незначительномъ количествѣ и на всѣхъ ночлегахъ [1]).

26 іюня князь Горчаковъ, независимо отъ сдѣланныхъ раньше распоряженій, предложилъ великому лагофету княжества Молдавскаго заготовить дополнительно, по пути слѣдованія нашихъ войскъ, еще овса, ячменя, соломы, дровъ и соли въ количествѣ и пунктахъ, указанныхъ княземъ Горчаковымъ [2]). Лагофетъ отвѣтилъ, что потребованное количество будетъ заготовлено къ 30 іюня [3]).

Для сношенія съ мѣстными властями состояли при главной квартирѣ, при штабахъ корпуса, дивизій и отрядовъ земскіе комиссары отъ Княжествъ.

Вслѣдъ за авангардомъ изъ Леово двинулись три полубригады подвижного магазина, которыя опередили колонну главныхъ силъ, шедшую черезъ Скуляны, и сгружали свои продукты для слѣдовавшихъ сзади войскъ въ Бырлатѣ, Текучѣ и Фокшанахъ. Четвертая полубригада [4]), приведенная въ Скуляны и нагруженная тамъ нѣсколько позже, шла сзади, по пути первыхъ трехъ полубригадъ [5]).

На походѣ къ Бухаресту главное затрудненіе по довольствію войскъ состояло въ томъ, что при быстромъ движеніи и за крат-

---

[1]) См. схему № 1 (папка).

[2]) Кн. Горчаковъ потребовалъ (см. общую карту) заготовить: въ *Фокшанахъ, Тырго-Куку, Рымникѣ, Кильнео, Бузѣо* и *Мержинянахъ* по 500 пуд. сѣна, 6433 пуд. соломы, 100 чтв. овса, 100 чтв. ячменя и 109 саж. дровъ; въ *Бароешти, Васлуй, Кицканы, Бырлатѣ, Ліешти, Текучѣ, Синешти* и *Бухарестѣ* по 500 пуд. сѣна, 100 чтв. овса и 100 чтв. ячменя; въ *Урзичени* 500 пуд. сѣна, 100 чтв. овса, 100 чтв. ячменя, 2588 пуд. соломы и 36 саж. дровъ; въ *Яссахъ, Тырго-Формозѣ, Мирчешти* и *Ромонѣ* по 2326 пуд. соломы и 38 саж. дровъ; въ *Коліени, Раковицы, Башу, Лучіу* и *Мишелеу* по 2588 пуд. соломы и 36 саж. дровъ; въ *Турцештахъ* (дорога въ Текучъ)—500 чтв. овса, 3200 пуд. сѣна, 2600 пуд. соломы и 400 саж. дровъ.

[3]) Арх. Воен. Уч. Ком., Отд. 2, д. 3311 и 3594.

[4]) Сформированная въ сѣверныхъ уѣздахъ Бессарабіи.

[5]) Арх. Канц. Воен. мин., д. 1856 г., № 71, ч. III. Затлеръ, ч. I, стр. 194.

костью остановокъ нельзя было снабжать войска хлѣбомъ или сухарями изъ учрежденныхъ на пути мѣстныхъ магазиновъ. Это вызывалось тѣмъ обстоятельствомъ, что мѣстное населеніе не умѣло печь хлѣбъ и выпекать сухари; задерживать же для этой цѣли движеніе войскъ къ Бухаресту не представлялось желательнымъ.

Поэтому князь Горчаковъ главнымъ образомъ принужденъ былъ довольствовать войска вплоть до Бухареста провіантомъ изъ подвижныхъ магазиновъ.

Для этого войскамъ было приказано пополнить свои запасы въ Текучѣ (черезъ который шли всѣ колонны) изъ складовъ, доставленныхъ до ихъ перехода въ этотъ городъ на подвижномъ магазинѣ. Такимъ образомъ части, выступая изъ Текуча, снова имѣли при себѣ полный 13 дневный запасъ провіанта. Но такъ какъ отъ Текуча до Бухареста имъ предстояло итти отъ 12-ти до 13-ти дней, то, чтобы этого запаса хватило до конца пути, было приказано уменьшить ежедневную дачу сухарей на $^1/_3$, выдавая взамѣнъ ея $^1/_4$ фунта мяса. По этому расчету войска оказались снабженными провіантомъ на 17 дней [1]). Хотя въ Бырлатѣ, Текучѣ и Фокшанахъ молдавскимъ правительствомъ было поставлено ко времени прохода войскъ черезъ эти пункты лишь незначительное количество потребованныхъ припасовъ [2]), но препятствій въ довольствіи не встрѣчалось, такъ какъ провіанта въ подвижномъ магазинѣ для пополненія 10 дневнаго запаса было вполнѣ достаточно, а все остальное, что войска могли потребовать изъ запасовъ, собранныхъ отъ земли распоряженіемъ правительствъ Княжествъ, получалось во все время слѣдованія исправно какъ авангардомъ, такъ и всѣми колоннами главныхъ силъ. За взятые въ магазинахъ продукты войска выдавали квитанціи; мясо и вино покупали сами. Прочіе продукты приходилось покупать лишь изрѣдка, когда ихъ не оказывалось въ магазинахъ. Все покупалось по установленнымъ, весьма умѣреннымъ, цѣнамъ. Фуража вездѣ было много [3]).

Такимъ образомъ войска, имѣя при себѣ только 10 дневный запасъ сухарей въ полковомъ обозѣ, прошли разстояніе отъ Прута до Бухареста въ 25 дней, нигдѣ не останавливаясь изъ-за недостатка въ провіантѣ.

---

[1]) Арх. Канц. Воен. мин., Журн. в. д. Горч. 27 іюня — 2 іюля 1853 г. Приказъ по 4 и 5 корп. 28 іюня 1853 г., № 17. Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3311.

[2]) Аратовскій, стр. 318.

[3]) Арх. Воен. Уч. Ком., дд. 3311 и 3419.

По мѣрѣ движенія нашихъ войскъ къ Бухаресту немедленно учреждались на ихъ коммуникаціонной линіи, а потомъ и въ раіонахъ расположенія отрядовъ провіантскіе магазины, которые къ концу августа были открыты въ Яссахъ, Бырлатѣ, Текучѣ, Галацѣ, Браиловѣ, Баксу, Фокшанахъ, Бузео, Лучіу, Урзичени, Бухарестѣ, Руссо-де-Веде, Команахъ, Слатинѣ и Краіовѣ [1]).

Провіантъ въ эти магазины поставлялся частью отъ жителей, по распоряженію правительствъ Молдавіи и Валахіи, частью подвозился изъ Скулянъ и Леова на четырехъ полубригадахъ подвижного магазина, совершавшихъ безпрерывные кругообороты между этими двумя пунктами и магазинами. Мало-Валахскій отрядъ довольствовался изъ магазиновъ въ Краіовѣ и Слатинѣ, которые, въ свою очередь, наполнялись изъ расположенныхъ непосредственно за ними, а также и отъ земли. 3 августа, вслѣдъ за 2-ю бригадою 10-й пѣхотной дивизіи, выступила изъ Бухареста рота подвижного магазина, нагруженная тысячью четвертями сухарей, и сложила ихъ въ Краіовѣ въ запасъ для отряда [2]).

Британскій флотъ.

Въ Бырлатѣ, Текучѣ, Фокшанахъ, Бузео и Бухарестѣ тотчасъ по прослѣдованіи нашихъ войскъ были устроены большія хлѣбопекарни и организовано приготовленіе сухарей. Для выпечки хлѣба и сухарей въ этихъ пунктахъ были отъ нашихъ войскъ назначены команды, по 300 человѣкъ въ каждой. Въ Бырлатѣ, Текучѣ и Фокшанахъ эти команды были отъ 2 бригады 15 пѣхотной дивизіи, входившей въ составъ войскъ Немолосскаго отряда [3]).

Потомъ хлѣбопеченіе открывалось въ разное время и при другихъ русскихъ провіантскихъ магазинахъ. Въ августѣ хлѣбо-

---

[1]) Арх. Воен. Уч. Ком., дд. №№ 3311, 3419, 3428, 3431 и 3594.
[2]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3431.
[3]) Арх. Воен. Уч. Ком., дд. 3420 и 3427. Затлеръ, ч. 1, стр. 195, ч. 4, стр. 184. Приказъ по 4 и 5 корп., 27 іюля 1853 г., № 50.

печеніе производилось уже въ Краіовѣ, Слатинѣ, Калугарени и Слободзеѣ [1]).

Для завѣдыванія магазинами были назначены временно, до прибытія изъ Россіи интендантскихъ чиновниковъ, офицеры отъ 4 и 5 корпусовъ. Отъ ближайшихъ частей войскъ къ магазинамъ назначались караулы.

Съ прибытіемъ въ Бухарестъ, войскамъ было приказано опять выдавать полную дачу провіанта [2]); съ середины же сентября всѣмъ строевымъ начали выдавать ежедневно по ½ фунта мяса, а нестроевымъ пять разъ въ недѣлю [3]).

До октября войска получали муку, крупу и дрова частью изъ мѣстныхъ провіантскихъ складовъ, устроенныхъ правительствами Княжествъ, частью же поставками отъ земли прямо въ войска подъ квитанціи. Въ Бухарестѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ пунктахъ были устроены, какъ о томъ будетъ сказано ниже, большія хлѣбопекарни, въ которыхъ выпекались также и сухари.

Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ войска пекли хлѣбъ сами. Доставка хлѣба и сухарей въ войска изъ пунктовъ хлѣбопеченія производилась частью на обывательскихъ подводахъ, частью на повозкахъ полкового обоза, а иногда и на подвижномъ магазинѣ. Мясо, вино, уксусъ, перецъ, соль и фуражъ войска покупали сами по утвержденнымъ цѣнамъ [4]).

Выше было уже упомянуто, что правительства Княжествъ заготовили далеко не все потребованное количество продуктовъ, а въ Бухарестѣ, ко времени прибытія туда нашихъ войскъ, заготовленнаго тамъ валахскимъ правительствомъ провіанта едва хватило лишь на первое время. Поэтому князь Горчаковъ приказалъ [5]) провіантъ заготовлять частью интендантству, частью предоставилъ покупать самимъ [6]) войскамъ. Съ октября пришлось прекратить подвозъ съ бессарабской базы и основать все довольствіе войскъ на средствахъ самихъ Княжествъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ пришлось отказаться отъ поставокъ отъ земли по нормальнымъ цѣнамъ и перейти къ заготовленіямъ исключительно посредствомъ торговъ.

---

[1]) Арх. Воен. Уч. Ком., дд. 3419, 3427 и 3429.
[2]) Приказъ по 4 и 5 корп. 28 іюня 1853 г., № 20.
[3]) Приказъ по 4 и 5 корп. 1853 г., № 94.
[4]) Затлеръ, ч. 1, стр. 195.
[5]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3431. Аратовскій, стр. 318.
[6]) Такъ, еще 9 сентября Затлеру было приказано въ пунктахъ сборовъ войскъ для ученій заготовлять дрова, сѣно и солому по 5 фунт. на человѣка: для авангарда—въ Копачени и Друмешти; для главныхъ силъ—въ Мовчурени, Слытешти, Виртезу, Жилова и Калентинѣ (Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3311).

Подвозъ съ базы былъ неудобенъ потому, что для этого имѣлись все тѣ же четыре полубригады подвижного магазина, которыя поднимали только мѣсячный запасъ для 70.000 человѣкъ. Войскъ же на Дунаѣ въ это время было больше (около 104 тыс.), и ожидалось еще прибытіе всего 3-го корпуса. Для полнаго кругооборота полубригадъ нужно было болѣе мѣсяца, 44 дня, а слишкомъ удалять перевозочныя средства отъ войскъ, въ виду возможнаго перехода черезъ Дунай, было рисковано.

Поэтому для устройства довольствія, основаннаго на подвозѣ съ тыла, понадобилось бы формированіе дополнительныхъ транспортовъ изъ обывательскихъ подводъ. Это представляло опять-таки два большихъ неудобства. Во-первыхъ, постоянный нарядъ лошадей на одной и той же коммуникаціонной линіи совершенно истощилъ бы вдоль ея перевозочныя средства и фуражъ, т.-е. они истощались бы именно тамъ, гдѣ должны были двигаться войска; во-вторыхъ, цѣны на подводы неизбѣжно повысились бы, и довольствіе обошлось бы гораздо дороже, чѣмъ заготовленіе его въ Княжествахъ [1]).

Примѣръ такой дороговизны перевозки имѣлся въ недавнемъ прошломъ при доставкѣ провіанта въ Скуляны, при чемъ нужно принять во вниманіе, что это случилось у себя дома, въ Россіи.

То же самое повторилось при выступленіи въ походъ 3-го корпуса съ доставкою въ Могилевъ на Днѣстрѣ провіантскихъ телѣгъ изъ Царства Польскаго [2]).

На подвозъ моремъ также нельзя было разсчитывать, въ виду враждебнаго настроенія Франціи и Англіи, которыя и дѣйствительно въ началѣ 1854 года ввели свои флоты въ Черное море.

Довольствіе войскъ мѣстными средствами посредствомъ поставокъ по нормальнымъ цѣнамъ, практиковавшееся до сихъ поръ, въ сущности представляло собою реквизицію и ложилось тяжелымъ бременемъ на жителей Княжествъ, а потому вызывало ихъ неудовольствіе.

Къ тому же мѣстные спекулянты искусственно поднимали цѣны, скупая огромныя количества хлѣба и составивъ подложные договоры о продажѣ его за границу для того, чтобы эти запасы не могли быть потребованы правительствами для войскъ [3]). Жители же жаловались, одновременно съ этимъ, на низкія цѣны и на

---

[1]) Затлеръ, ч. 1, стр. 196.
[2]) Поливановъ, стр. 49.
[3]) Аратовскій, стр. 319.

злоупотребленія мѣстныхъ властей при расчетахъ съ ними за продукты [1]).

Наконецъ, господарь Валахіи, князь Стирбей, обратился къ князю Горчакову съ запиской о томъ, что принятый способъ сбора припасовъ обременителенъ для Княжествъ и вызываетъ неудовольствіе жителей [2]).

Къ тому же въ арміи открылись безпорядки въ выдачѣ квитанцій за взятые продукты, а войска стали жаловаться, что установленныя цѣны слишкомъ низки [3]).

И такъ, съ одной стороны, доставка съ базы оказывалась неудобною, а съ другой — пользоваться мѣстными средствами реквизиціоннымъ способомъ становилось невозможнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ представлялась необходимость все-таки ими пользоваться.

По всѣмъ этимъ причинамъ съ 1 октября подвозъ припасовъ изъ Бессарабіи былъ прекращенъ, и было рѣшено пользоваться средствами Княжествъ, заготовляя припасы не поставками отъ земли по нормальнымъ цѣнамъ, а черезъ подрядчиковъ и комиссіонеровъ посредствомъ публичныхъ торговъ, назначенныхъ въ департаментахъ внутреннихъ дѣлъ Княжествъ [4]).

Съ этихъ поръ на обязанности жителей осталось снабженіе войскъ за опредѣленную цѣну только подводами и топливомъ и безплатный отводъ помѣщеній. Покупка мяса и фуража была возложена на командировъ частей, для чего были утверждены существовавшія цѣны [5]). По такимъ же цѣнамъ войскамъ было предоставлено покупать и провіантъ въ тѣхъ случаяхъ, когда не хватало заготовленій.

Этотъ способъ довольствія войскъ и продолжался все время до конца пребыванія ихъ въ Княжествахъ.

Вслѣдствіе неизвѣстности, сколько времени останутся наши войска въ Княжествахъ, и будетъ ли война, интендантству было первоначально приказано заготовить провіантъ для текущей потребности только на два мѣсяца, съ 1 октября по 1 декабря 1853 года.

Въ концѣ августа въ Бухарестѣ и Яссахъ были объявлены торги на поставку 50.000 чтв. муки съ соотвѣтствующимъ коли-

---

[1]) Поливановъ, стр. 76.
[2]) Затлеръ, ч. 1, стр. 196.
[3]) Приказъ по 4 и 5 корп. 1853 г., № 99.
[4]) Арх. Канц. Воен. мин., д. 1856, № 71, ч. III.
[5]) Затлеръ, ч. 4, стр. 3.

чествомъ крупъ. Торги не состоялись изъ-за стачки евреевъ поставщиковъ, и генералъ Затлеръ пріискалъ подрядчиковъ, которые взяли на себя поставку всего требуемаго количества.

Провіантъ этотъ они поставляли не въ магазины, а прямо въ войска, что и составляло одно изъ главныхъ условій поставки, затруднявшее пріисканіе подрядчиковъ. Необходимость этого условія была вызвана тѣмъ, что магазины имѣлись не во всѣхъ мѣстахъ расположенія войскъ, а для учрежденія ихъ тамъ, гдѣ встрѣчалась въ этомъ потребность, не хватало чиновниковъ [1]).

Русскій обозъ въ Валахіи (съ франц. иллюстр. того времени).

Вскорѣ послѣ этого князь Горчаковъ, по представленію генерала Затлера, приказалъ заготовить двумъ чиновникамъ на коммерческомъ правѣ еще 160.000 чтв. муки съ пропорціей крупъ.

Изъ этого количества 60.000 чтв. предназначались для текущаго довольствія войскъ, а остальныя 100.000 чтв., съ перепеченіемъ муки въ сухари, готовились въ запасъ, на случай наступленія за Дунай. Этотъ запасъ составлялъ четырехмѣсячную пропорцію на 100.000 человѣкъ.

Всѣми же сдѣланными до сихъ поръ заготовленіями войска, находившіяся въ октябрѣ въ Княжествахъ (4-й и 5-й корпуса), были обезпечены провіантомъ по 1 мая 1854 года.

Изъ назначенныхъ въ послѣдній разъ къ заготовленію 160.000 чтв. муки съ пропорціей крупъ въ Княжествахъ было заготовлено только 110.000 чтв. муки съ пропорціей крупъ, а остальныя 50.000 чтв. собирались въ Измаилѣ и Кагулѣ, несмотря на то, что тамъ провіантъ обходился дороже.

Такъ было приказано потому, что все еще не было извѣстно, будетъ ли война, и изъ опасенія, что придется, можетъ быть, очистить Княжества и нести большіе расходы на обратный вывозъ въ Россію заготовленнаго провіанта [2]).

Провіантъ, предназначенный на текущую потребность 4-го и 5-го корпусовъ (60.000 чтв. муки съ пропорціей крупъ),

---

[1]) Аратовскій, стр. 319. Затлеръ, ч. 1, стр. 197; ч. 4, стр. 5.
[2]) Аратовскій, 320. Затлеръ, ч. 1, стр. 201; ч. 2, стр. 4 и 8.

доставлялся подрядчиками мукою прямо въ отряды. Войска же, имѣя все время при себѣ полный ранцевый запасъ, сами перепекали эту муку въ хлѣбъ, для чего еще въ іюнѣ имъ были разосланы правила хлѣбопеченія и устройства полевыхъ печей [1]).

Вскорѣ послѣ прохода войскъ магазины были открыты еще въ Слободзеѣ, Каларашѣ [2]), Плоешти, Питешти, Калугареняхъ и Стоянешти [3]). Всего къ концу октября въ Княжествахъ было открыто 24 русскихъ провіантскихъ магазина [4]).

Когда въ августѣ дѣлались общія распоряженія по обезпеченію 4-го и 5-го корпусовъ продовольствіемъ по 1 января 1854 года, то и для Мало-Валахскаго отряда былъ свезенъ провіантъ на тотъ же срокъ въ Слатино, Команы и Руссо-де-Веде [5]).

Въ срединѣ августа для Мало-Валахскаго отряда было уже сложено:

ПУНКТЫ.	Муки.	Крупы.	Ячменя.	Соли.	Дровъ.
Въ Слатинѣ . . .	2000 чтв.	200 чтв.	2000 чтв.	3750 пуд.	66 саж.
„ Руссо-де-Веде	2000 „	200 „	2000 „	7875 „	347 „

Кромѣ того, въ Текучѣ было для этого отряда наготовѣ 1000 чтв. сухарей, а мука и крупа подвозились изъ Стоянешти [6]).

Провіантъ въ магазины для Мало-Валахскаго отряда подвозился, какъ и въ другихъ мѣстахъ, частями и иногда имѣлся въ магазинахъ въ обрѣзъ [7]).

Обезпеченіе Дунайской арміи *боевыми припасами* вылилось за это время въ слѣдующую форму.

Князь Горчаковъ, вскорѣ послѣ перехода Прута, приказалъ (27 іюня 1853 г.) подвижному парку № 14 перейти изъ Тирасполя въ Леово, а парку № 15, находившемуся

---

[1]) Приказъ по 4 и 5 корп. 27 іюля 1853 г., № 50.

[2]) Въ Слободзеѣ были два строенія, вмѣщавшія 18.000 чтв., и, кромѣ того, тамъ было построено нами третье. Запасы постоянно пополнялись свозомъ изъ окрестныхъ селеній; такъ, 15 октября въ слободзейскомъ магазинѣ имѣлось: сухарей 120 пуд., муки 5808 чтв., крупы 198 чтв., сѣна 10.000 пуд.

Въ Каларашѣ постоянно имѣлось провіанта на 2 недѣли, поставлявшагося по распоряженію мѣстнаго исправника (Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3428).

[3]) Арх. Воен. Уч. Ком., дд. №№ 3419, 3427, 3428, 3429 и 3431.

[4]) Затлеръ, ч. 4, стр. 8.

[5]) Арх. Канц. Воен. Мин., д. 1856, № 71, ч. III.

[6]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3431.

[7]) Въ концѣ августа провіантъ подвозился въ Слатино частью изъ Руссо-де-Веде, частью изъ Команъ. Въ концѣ августа, по донесенію генерала Фишбаха, въ Слатинѣ оставалось муки на 2 дня, и войскамъ пришлось расходовать 13 дневный запасъ до новаго подвоза (Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3431).

въ Леово, поступить въ вѣдѣніе начальника 10-й пѣхотной дивизіи и, присоединившись къ 1-й бригадѣ этой дивизіи, слѣдовать въ Фокшаны. Вслѣдъ за этимъ парку № 14 было приказано (14 іюля 1853 г.) перейти изъ Гура-Сарацыка (въ окрестностяхъ Леова), гдѣ онъ стоялъ по квартирамъ, въ Плоешти.

Такимъ образомъ изъ Скулянъ двигались подвижные парки №№ 10, 11 и 12 и изъ Леово—№ 14 и № 15. Всѣ парки шли, пополняя свой 10 дневный запасъ продовольствія въ Бырлатѣ, Текучѣ и Фокшанахъ. 31 іюля 1853 года штабъ 4 парковой бригады и всѣ 5 парковъ были сосредоточены въ Плоешти, гдѣ для прикрытія ихъ стоялъ баталіонъ [1]).

Парки для болѣе удобнаго расквартированія, въ виду тѣсноты помѣщенія въ Плоешти, были переведены 1 августа въ окрестныя селенія: № 12—въ Буково, № 14—въ Альбешти, № 15—въ Филинешти, а въ августѣ паркъ № 14 былъ переведенъ изъ Альбешти въ сосѣднюю деревню Уралацъ. Между 15 августа и 1 сентября парки №№ 12, 14 и 15 ходили въ Леово за снарядами. Въ началѣ октября половина парка № 10 была отправлена къ Слатину въ отрядъ генерала Фишбаха, а паркъ № 14—въ с. Тунаръ (около Бухареста) [2]).

Князь Горчаковъ, въ виду удаленія арміи отъ границы и для болѣе удобнаго безостановочнаго пополненія ея припасами, писалъ уже 28 іюня начальнику Дунайскаго артиллерійскаго округа генералъ-маіору Рербергу о необходимости учредить промежуточный паркъ въ Фокшанахъ, предлагая ему произвести торги на перевозку туда вольнонаемными подводами запасовъ тираспольскихъ мѣстныхъ парковъ.

Доставка запасовъ въ Фокшаны затянулась изъ-за неготовности къ этому какъ парковъ, подлежавшихъ перевозкѣ, и помѣщеній для нихъ въ складочныхъ пунктахъ, такъ и по недостатку перевозочныхъ средствъ.

Всѣ эти причины возбудили, по обыкновенію, обширную переписку.

Оказалось, что въ тираспольскихъ мѣстныхъ паркахъ вовсе нѣтъ ружейныхъ патроновъ, которые въ апрѣлѣ 1853 года были перевезены въ Одессу для десантнаго отряда. 2 іюля генералъ Рербергъ доносилъ князю Горчакову, что комплектъ патроновъ

---

[1]) Арх. Воен. Уч. Ком., дд. №№ 3311, 3429 и 3605. Арх. Канц. Воен. мин., д. 1852/53. Ж. в. д. кн. Горч. 21 іюня 1853 и 18 іюля 1853.

[2]) Арх. Воен. Уч. Ком., дд. 3429 и 3605.

для тираспольскихъ парковъ (1.400.000) можетъ быть изготовленъ только черезъ мѣсяцъ, и что, кромѣ того, въ паркахъ имѣется для укладки и перевозки патроновъ лишь половинное число необходимыхъ для такого количества боевыхъ припасовъ зарядныхъ ящиковъ; остальные же еще дѣлаются въ Тирасполѣ и въ Одессѣ.

Поэтому командующій войсками приказалъ въ началѣ іюля перевезти въ Леово сначала половину имущества трехъ тираспольскихъ и трехъ хотинскихъ мѣстныхъ парковъ, пополнивъ ихъ изъ кіевскихъ второлинейныхъ парковъ.

Въ то же время князь Горчаковъ сдѣлалъ распоряженіе о свозѣ запасовъ въ Плоешти, приказавъ перевезти туда имущество одного Бендерскаго мѣстнаго парка. До Леово этотъ паркъ долженъ былъ быть перевезенъ на вольнонаемныхъ подводахъ, а изъ Леово въ Плоешти — средствами подвижныхъ парковъ.

Тогда возникъ вопросъ о помѣщеніяхъ для парковъ въ Леово и въ Фокшанахъ.

Въ Леово подходящихъ помѣщеній для 3 мѣстныхъ парковъ не было, но посланный туда для устраненія этихъ затрудненій офицеръ нашелъ тамъ ямы и бревна, оставшіяся отъ пороховыхъ погребовъ, бывшихъ въ 1848 году; ямы эти и были примѣнены къ постройкѣ новыхъ погребовъ [1]).

Всего въ Фокшаны предполагалось свезти патроновъ на 7 пѣхотныхъ дивизій, а зарядовъ въ двойномъ комплектѣ по числу всѣхъ орудій, перешедшихъ Прутъ; запасы эти вѣсили 31.636 пудовъ. Кромѣ того, въ сентябрѣ было приказано отправить въ Фокшаны 1200 пудовъ пороха для инженернаго вѣдомства на случай осадныхъ работъ [2]), а въ октябрѣ доставить туда изъ Кіевскаго арсенала ударныя ружья для замѣны ими существовавшихъ въ войскахъ кремневыхъ ружей [3]). Хотинскіе и тираспольскіе парки перевозились въ Фокшаны въ сентябрѣ и октябрѣ на вольнонаемныхъ подводахъ съ торговъ. 30 іюля князь Горчаковъ приказалъ немедленно перевезти въ Плоешти имущество и запасы одного мѣстнаго Бендерскаго парка. До Леово паркъ былъ перевезенъ на вольнонаемныхъ подводахъ съ торговъ, а для перевозки изъ Леово до Плоешти былъ назначенъ подвижной паркъ № 15, который, сложивъ свое имущество въ Плоешти, пришелъ съ пустыми повозками въ Леово (18 августа) и, нагру-

---

[1]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3606.
[2]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3605.
[3]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3616/15.

зивъ тамъ запасы Бендерскаго парка, выступилъ съ ними обратно въ Плоешти 23 августа. Но такъ какъ одинъ подвижной паркъ не могъ сразу поднять цѣлаго мѣстнаго парка, припасы котораго вѣсили 7500 пудовъ и требовали для нагрузки 175 повозокъ, то всѣ запасныя вещи Бендерскаго парка были оставлены въ Бендерахъ [1]).

Въ Измаилѣ въ серединѣ октября находились 3 мѣстныхъ парка, въ которыхъ имѣлось патроновъ на одинъ пѣхотный корпусъ.

Князь Воронцовъ, намѣстникъ Кавказскій.

Снарядовъ же готовыхъ не было, а матеріаловъ для нихъ состояло на три артиллерійскія бригады, изъ которыхъ паркъ готовилъ снаряды для артиллеріи, расположенной на границѣ, въ Бессарабіи.

При войскахъ генерала Лидерса, расположенныхъ въ окрестностяхъ Измаила, не было ни одного подвижного парка, почему парку № 15 было приказано оставить свое имущество въ Филипешти и итти въ Измаилъ, гдѣ получить припасы изъ тамошнихъ мѣстныхъ парковъ и поступить въ составъ отряда генерала Лидерса [2]).

Подвижному арсеналу № 3 было приказано купить упряжь и лошадей и къ январю приготовиться къ походу; къ 20 октября онъ вновь перешелъ въ Тирасполь [3]).

Половина лабораторной роты № 2 по прибытіи въ Скуляны была немедленно двинута въ Плоешти, куда пришла къ началу октября, а оттуда къ 16 октября была переведена къ Бухаресту, въ с. Балту.

И такъ, *къ 21 октября 1853 года* расположеніе артиллерійскихъ запасовъ для Дунайской арміи было слѣдующее:

---

[1]) Арх. Воен. Уч. Ком., дд. 3605 и 3606.
[2]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3615.
[3]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3605.

Второлинейные парки въ Кіевѣ; тамъ же арсеналы, склады пороха и артиллерійскій гарнизонъ.

Перволинейные парки—хотинскіе, бендерскіе, тираспольскіе и измаильскіе; тамъ же были и артиллерійскіе гарнизоны.

Промежуточные склады въ Фокшанахъ и Плоешти.

Подвижные парки: въ Плоешти № 11 и половина № 10; около Бухареста: въ Буково—№ 12, въ Тунарѣ—№ 14; на пути изъ Филипешти (около Плоешти)—№ 15; въ Слатинѣ (отрядъ генерала Фишбаха)—половина № 10.

Лабораторная рота № 2: половина въ с. Балта (близъ Бухареста), другая половина въ Брестъ-Литовскѣ.

Кромѣ того, въ Тирасполѣ находились подвижной паркъ № 13 и подвижной арсеналъ № 3.

Въ Леово были расположены артиллерійскіе склады.

Служившіе впослѣдствіи для пополненія арміи склады и запасы находились еще въ слѣдующихъ пунктахъ: мѣстные парки—въ Динабургѣ (3 парка), Новогеоргіевскѣ (9 парковъ и арсеналъ), Брестъ-Литовскѣ (6 парковъ), Бобруйскѣ (3 парка), Севастополѣ (3 парка и складъ патроновъ), Замостьѣ (3 парка), Херсонѣ (3 парка и складъ), Николаевѣ (большіе артиллерійскіе склады), Килiи (артиллерійскій гарнизонъ) и въ Одессѣ (склады патроновъ и пороха и подвижной № 9 паркъ).

Что касается до *санитарной части* арміи, то при переходѣ черезъ Прутъ больные были оставлены въ военно-временныхъ госпиталяхъ въ Леовѣ и Скулянахъ. Впереди были уже открыты госпитали въ Яссахъ, Фокшанахъ и Бузео. При колоннахъ главныхъ силъ слѣдовали подвижные госпитали (№ 4—при средней колоннѣ, № 5—при лѣвой).

Вмѣстѣ съ передовыми войсками въ Княжества вступили госпитальные кадры, которые шли такъ же, какъ и подвижные магазины, впереди колоннъ главныхъ силъ и открыли военно-временные госпитали въ Бырлатѣ, Баксу, Текучѣ, Фокшанахъ, Бузео и Бухарестѣ еще до прихода въ эти пункты колоннъ главныхъ силъ.

Въ Бузео, кромѣ нашего военно-временного госпиталя, по распоряженію владѣтельнаго князя Валахіи, въ городской больницѣ было оставлено для нашихъ солдатъ 30 мѣстъ со всѣми принадлежностями [1]).

---

[1]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3419.

Въ Яссахъ нашего военно-временного госпиталя сначала не открывали, такъ какъ, по предварительному соглашенію съ молдавскимъ правительствомъ, наши больные принимались въ Ясскую городскую больницу, при чемъ въ теченіе первыхъ двухъ мѣсяцевъ для нихъ было предназначено 120 безплатныхъ мѣстъ, а послѣ этого они могли помѣщаться за плату по расчету дѣйствительной стоимости содержанія каждаго больного [1]).

Средствъ этихъ было болѣе чѣмъ достаточно. Больныхъ въ войскахъ, вступившихъ въ Княжества, состояло къ 1 іюля: офицеровъ—43, нижнихъ чиновъ—2159 человѣкъ [2]). Въ полкахъ имѣлись полковые лазареты, а больные, которые не могли перенести перевозки, оставались по пути въ вышепоименованныхъ пунктахъ.

По мѣрѣ движенія нашихъ войскъ впередъ, военно-временные госпитали, смотря по надобности, открывались и закрывались на скорую руку въ разное время и въ другихъ пунктахъ.

Въ августѣ въ Фокшанахъ находилось одновременно пять военно-временныхъ госпиталей (№№ 2, 3, 4, 5 и 7) [3]), въ Текучѣ—четыре (№№ 1, 3, 6 и 28); временно былъ открытъ госпиталь въ Бузео (№ 9); въ Бухарестѣ было уже открыто четыре военно-временныхъ госпиталя (№№ 1, 4, 6 и 12) [4]); въ Яссы былъ переведенъ изъ Скулянъ и открытъ военно-временной госпиталь № 16 [5]). Матеріальныхъ средствъ госпиталей было въ избыткѣ; лазаретными вещами и медикаментами военно-временные госпитали были снабжены по положенію. Личнаго состава по числу больныхъ въ войскахъ было достаточно, но его далеко не хватало по штату, и 17 августа князь Горчаковъ доносилъ, что въ 18 военно-временныхъ госпиталяхъ не достаетъ противъ штата 105 человѣкъ писарей, фельдшеровъ и аптекарскихъ учениковъ (штатъ—366, было—261) [6]).

Къ концу октября, послѣ сосредоточенія войскъ на Дунаѣ, военно-временные госпитали были, послѣ нѣкоторыхъ перемѣщеній, открыты на продолжительное время въ Яссахъ, Бырлатѣ, Текучѣ, Фокшанахъ, Бузео, Слатинѣ, Питешти и Бухарестѣ [7]). Больные

---

[1]) Арх. Канц. Воен. мин. Журн. воен. д. кн. Горчакова съ 21 іюня по 2 іюля 1853 г. Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3594.

[2]) Затлеръ: „О госпиталяхъ“, стр. 174.

[3]) Арх. Воен. Уч. Ком., дд. 3311 и 3310.

[4]) Затлеръ: „О госпиталяхъ“, Прил. № 23.

[5]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3594.

[6]) Арх. Канц. Воен. мин., д. 1853, № 19.

[7]) Затлеръ: „О госпиталяхъ“, Прил. № 23.

изъ Слободзейскаго отряда отправлялись въ Бузео (ночлеги въ Крунцы и Колдарешти), изъ Калараша—въ Бухарестъ [1]). Изъ отряда генерала Соймонова больные до 14 сентября посылались въ Журжу, гдѣ принимались въ тамошнія лечебныя заведенія, по сдѣланному о томъ сношенію съ мѣстнымъ начальствомъ; съ этого же времени всѣхъ больныхъ, которыхъ можно было перевезти на обывательскихъ подводахъ, направляли въ полковой лазаретъ Колыванскаго полка въ Копачени, а въ Журжѣ оставляли только такихъ, которые не могли вынести перевозки [2]).

Къ началу октября больныхъ въ госпиталяхъ и войсковыхъ лазаретахъ было всего: офицеровъ — 159, нижнихъ чиновъ — 6824 челов. [3]); въ госпитальныхъ же кадрахъ, сосредоточенныхъ въ Княжествахъ, былъ полный комплектъ госпитальнаго хозяйства на 35.000 больныхъ. Соотвѣтственно этому числу были заготовлены и лекарства въ запасныхъ аптечныхъ магазинахъ въ Херсонѣ, Одессѣ, Леовѣ и въ передовой аптекѣ при штабѣ войскъ.

Вообще на Дунаѣ было сосредоточено такое количество госпитальныхъ средствъ, что до конца военныхъ дѣйствій тамъ не встрѣтилось надобности въ развертываніи всѣхъ госпитальныхъ кадровъ.

Госпитальные кадры доставляли медицинскій персоналъ, прислугу, лекарства, посуду, бѣлье и проч.; кровати и мебель брались, гдѣ было можно, отъ жителей; помѣщенія назначались по отводу въ городахъ и мѣстечкахъ [4]), и въ нихъ недостатка не было, такъ какъ число больныхъ было не велико.

Въ виду того, что войска были расположены широко, являлась полная возможность выбрать мѣста для открытія госпиталей тамъ, гдѣ было достаточно большихъ строеній.

Поэтому больные были размѣщены удобно и просторно, воздухъ въ палатахъ былъ чистый, кроватей достаточно, одежды и бѣлья вдоволь.

Для выздоравливающихъ были устроены при всѣхъ госпиталяхъ слабосильныя команды, гдѣ имъ давалось улучшенное довольствіе, и откуда больные, окрѣпнувъ, возвращались въ свои части.

---

[1]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3428.
[2]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3419.
[3]) Затлеръ: „О госпиталяхъ“, стр. 167.
[4]) Затлеръ: „О госпиталяхъ“, стр. 163. Затлеръ: „Записки“, ч. 2, стр. 12.

Пища была хорошая. Довольствіе госпиталей производилось мѣстными средствами. Сначала продовольствіе больныхъ было возложено на комиссіонномъ правѣ на смотрителей госпиталей, но такой способъ оказался слишкомъ дорогимъ, и послѣ прибытія князя Горчакова въ Бухарестъ онъ былъ измѣненъ. Въ департаментахъ внутреннихъ дѣлъ Княжествъ были назначены торги и довольствіе госпиталей сдано подрядчикамъ [1]).

Князь А. И. Барятинскій.

На *коммуникаціонныхъ путяхъ* отъ Прута къ Дунаю устраивались этапные пункты, соотвѣтственно движенію на нихъ войскъ въ трехъ колоннахъ, а затѣмъ и соотвѣтственно расположенію ихъ въ трехъ группахъ.

Къ августу этапы были учреждены въ Скулянахъ, Леово, Яссахъ, Васлуѣ, Бырлатѣ, Текучѣ, Баксу и Фокшанахъ. Для несенія этапной службы въ эти пункты были командированы молдавскія войска, на каждый этапъ отъ 40 до 60 человѣкъ, при молдавскихъ же офицерахъ [2]). Потомъ были еще добавлены этапы въ Бузео, Плоешти, Урзичени, Слободзеѣ, Каларашѣ, Бухарестѣ, Питештѣ, Чалонешти, Слатинѣ и Краіовѣ.

Дороги въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были по возможности исправлены, при чемъ особенное вниманіе обращалось на мосты. У Скулянъ мостъ былъ наведенъ еще 13 іюня. Въ концѣ іюня былъ наведенъ, по распоряженію молдавскаго правительства, понтонный мостъ и у с. Немолосы. Въ августѣ наши саперы построили прочные мосты на р. Серетѣ, близъ Водени, на Прутѣ, при с. Раковицы, на Ольтѣ въ с. Команы. Кромѣ того, на Ольтѣ, на

---

[1]) Затлеръ: „О госпиталяхъ", стр. 164 и 165.

[2]) Арх. Канц. Воен. мин., д. 1852 и 1853. Журналъ воен. д. Горч. 21 іюня—2 іюля 1853 г. Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3420.

случай разлитія рѣки, было, по приказанію генерала Бельгарда, заготовлено еще четыре парома. На Прутѣ тоже былъ мостъ у г. Ренни [1]).

Между нѣкоторыми пунктами устраивались въ разное время летучія почты и временныя почтовыя сообщенія [2]).

На Немолосскій отрядъ генерала Энгельгарда возлагалось, между прочимъ, прикрытіе нашихъ сообщеній съ Россіей черезъ Скуляны и Леово, на случай переправы турокъ у Галаца и Браилова; поддержаніе порядка въ тылу; прикрытіе продовольственныхъ складовъ на коммуникаціонной линіи, преимущественно въ Фокшанахъ, и перепеченіе муки въ сухари.

По одному баталіону этого отряда постоянно находилось въ Галацѣ, Бырлатѣ, Текучѣ, Фокшанахъ и Яссахъ. Въ первыхъ четырехъ пунктахъ, а также въ Бузео и Бухарестѣ, были назначены команды по 300 человѣкъ для изготовленія сухарей [3]). Съ средины октября въ Бузео хлѣбъ пекли четыре роты 3-го полка Валахской милиціи [4]). Кромѣ того, временное хлѣбопеченіе при помощи войскъ производилось въ Слободзеѣ [5]), въ Слатинѣ и въ Краіово [6]). Во всѣхъ этихъ пунктахъ были устроены хлѣбопекарныя печи [7]).

---

[1]) Арх. Воен. Уч. Ком., дд. 3427, 3429 и 3431.

[2]) Отъ отряда, выставленнаго для наблюденія за Дунаемъ между рѣками Ольтой и Веде (отъ 37-го казачьяго полка), была учреждена летучая почта отъ с. Плоска (штабъ полка) до Бухареста, съ постами въ Магура-Лычанка, Драгонешти, Гимпанцы и Копачени (Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3431). Въ началѣ октября было устроено временное почтовое сообщеніе между Бухарестомъ и с. Чоклно, для сообщенія отряда генерала Богушевскаго; лошади были выставлены на Чоклно, Паду-Дроганѣ и др. пунктахъ (Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3428).

[3]) Арх. Канц. Воен. мин. Журн. воен. д. кн. Горчакова 21 іюня—18 іюля 1853 г.

[4]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3311.

[5]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3428.

[6]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3429.

[7]) Подробное устройство коммуникаціонной линіи къ 21 октября 1853 г. показано въ Приложеніи № 42.

Глава IV.

I.

Едва только, послѣ нѣкоторыхъ нашихъ неудачъ на Кавказѣ въ сороковыхъ годахъ и продолжительнаго затѣмъ затишья, мы разгромили въ первый разъ въ 1852 году всю большую и малую Чечню, подорвали значеніе предводителя непокорныхъ горцевъ, Шамиля, и готовились твердо стать на новой почвѣ систематическаго завоеванія Кавказа, какъ на горизонтѣ ближняго Востока быстро начали собираться грозовыя тучи, вскорѣ разразившіяся полнымъ разрывомъ съ Турціей.

Этого было достаточно, чтобы пріостановить на время начатое нами покореніе края и дать возможность Шамилю вновь возвыситься, окрѣпнуть и открыть, подъ давленіемъ и вліяніемъ на него турецкихъ агентовъ, противъ насъ рѣшительныя наступательныя дѣйствія.

Во мнѣніи горцевъ имя хункара (султана), которымъ началъ дѣйствовать Шамиль, составляло все. Не только враждебный Кавказъ, но и остальное мусульманское населеніе встрепенулось, заколыхалось. Тревожные и самые нелѣпые слухи стали быстро распространяться среди горъ, и весь восточный Кавказъ скоро представилъ изъ себя пороховой погребъ, который ожидалъ только искры, чтобы произошелъ страшный взрывъ.

Но судьба намъ покровительствовала. Шамиль пропустилъ въ 1853 году минуты напряженнаго и въ высшей степени наэлектризованнаго состоянія мусульманскаго народа и приступилъ къ дѣйствіямъ только въ 1854 году, когда пылъ горцевъ и всего родственнаго имъ населенія Кавказа уже улегся, ослабѣлъ [1]).

---

[1]) Кавказъ въ теченіе 25 лѣтняго царствованія Императора Александра II (рукоп.). Собств. Его Величества библіотека. Рук. отд. Императора Александра II, № 200.

Господствовавшая въ Петербургѣ въ концѣ 1852 года увѣренность въ мирномъ исходѣ нашего спора съ Турціей осталась не безъ вліянія на полную неподготовку для наступательныхъ дѣйствій на Кавказѣ на случай вооруженнаго столкновенія съ Портой Оттоманской.

Въ 1853 году предполагалось продолжать установленную уже систему закрѣпленія нашего владычества въ этомъ краѣ, сообразно чему и были распредѣлены войска Кавказскаго корпуса. Въ программу Высочайше утвержденныхъ дѣйствій вошли усмиреніе ближайшихъ непокорныхъ горскихъ племенъ, борьба съ развивающимся мюридизмомъ и представителемъ его Шамилемъ, а, главное, работы по улучшенію дорогъ, по возведенію новыхъ и усиленію старыхъ укрѣпленій.

Для этихъ дѣйствій было предназначено изъ числа 128 баталіоновъ, 11 эскадроновъ, 52 казачьихъ полковъ и 232 орудій [1]), сосредоточенныхъ на Кавказѣ, 96½ баталіоновъ, 7 ротъ саперъ, 146 орудій, 6 эскадроновъ, 109 сотенъ и 1 баталіонъ казаковъ, 35½ сотенъ милиціи и 4 сотни дагестанскихъ всадниковъ, не считая линейныхъ баталіоновъ.

Войска Черноморской береговой линіи, подъ начальствомъ вице-адмирала Серебрякова, должны были совмѣстно съ войсками Черноморской кордонной линіи, подъ начальствомъ полковника Кухарскаго, дѣйствовать противъ натухайцевъ и шапсуговъ, а также производить работы по улучшенію укрѣпленій Кабардинскаго, Навагинскаго, Новороссійска, Геленджика, Сухумъ-Кале и прочихъ прибрежныхъ пунктовъ.

Войскамъ праваго фланга, въ числѣ 13½ баталіоновъ [2]), 30 орудій, 24 ракетныхъ станковъ, 30 сотенъ казаковъ, 1 сотни милиціи и 100 человѣкъ саперъ, предназначалось продолжать работы по устройству Лабинской линіи, по улучшенію сообщеній и по обезпеченію ихъ укрѣпленіями.

На войска центра, въ количествѣ 3 баталіоновъ [3]), 4 орудій, 6 ракетныхъ станковъ и 3 сотенъ, возлагалось охраненіе Военно-Грузинской дороги и передовой Кисловодской линіи, устройство штабъ-квартиръ въ Нальчикѣ, улучшеніе сообщенія съ Карачаемъ и верхней Кубанью.

---

[1]) Воен. Уч. Арх. Гл. Шт., д. № 4249, стр. 12 — 30. Арх. Воен. мин., д. 1853 г., № 3254, стр. 32. Воен. отч. Воен. мин. 1853 г.

[2]) 1 бриг. 19 див. 1 батал., Ставроп. п. 5 батал., Кубанск. п. 3 батал., 1 пѣш. казач. бат., 3½ лин. бат. (2. 3. 4, 2 роты 5-го бат.).

[3]) 1 бриг. 19 див. ½ бат., Кубанск. п. 2 бат., Кавказ. лин. № 63 бат.

Войска Владикавказскаго округа должны были, кромѣ набѣговъ на непокорныя горныя общества, улучшать сообщеніе съ нагорною частью Чечни и зимою устроить просѣки въ Натхойскомъ и Генашевскомъ ущельяхъ, а также отъ Владикавказа къ Дашиху черезъ Мужисъ. Для этой цѣли назначалось 6 баталіоновъ [1]), 10 орудій, 18 сотенъ казаковъ и 3 сотни милиціи. Лѣтомъ войска этого округа должны были устроить колесный путь въ Гончаевское общество изъ Владикавказа по Джераховскому ущелью до Ассы, а также окончить постройку Бумутскаго укрѣпленія и, кромѣ того, построить нѣсколько башенъ и казармъ. Съ этой цѣлью для лѣтнихъ дѣйствій назначалось 9 баталіоновъ [2]), команда саперъ, 20 орудій, 17 сотенъ казаковъ и 9 сотенъ милиціи.

Видъ Геленджика.

На лѣвомъ флангѣ отрядомъ, силою въ 12 баталіоновъ, 4 эскадрона, 8 сотенъ и 24 орудія, продолжалась зимою вырубка просѣкъ въ Чечнѣ, а лѣтомъ, кромѣ охраны линіи, предполагалось продолженіе заселенія Сунженской линіи и укрѣпленіе нѣкоторыхъ пунктовъ и постовъ. Съ этой цѣлью для лѣтнихъ дѣйствій отрядъ былъ увеличенъ до 15½ баталіоновъ [3]), 26 орудій, 22 сотенъ казаковъ, 3 сотенъ милиціи и команды саперъ.

Такія же оборонительныя задачи возлагались на войска Прикаспійскаго края, силою въ 24¼ баталіона [4]), 2 эскадрона, 16 сотенъ и 20 орудій.

На Лезгинской линіи были предположены экспедиціи въ горы для удержанія лезгинъ отъ вторженій, рубка просѣкъ, устройство постовъ по рѣкѣ Алазони и у Муганлинской переправы, а также устройство мостовъ какъ черезъ эту рѣку, такъ

---

[1]) 1 бриг. 19 п. див. 5 бат., Эриванскаго Караб. Наслѣдника Цесаревича п. 1 бат.

[2]) 1 бриг. 19 п. див. 6 бат., Эриванскаго Караб. Наслѣдника Цесаревича п. 1 бат., Кавказск. лин. № 7 и № 8 бат., 1 взв. Кавказск. саперн. бат.

[3]) 1 бриг. 19 п. див. 1½ бат., 2 бриг. 20 п. див. 10 бат., Кавказск. лин. №№ 9, 10, 11 и 12 бат.

[4]) 1 бриг. 20 и 1 бриг. 21 пѣх. див., 1 рота Кавказск. стрѣлк. бат., команда саперъ.

и черезъ Куру у Минчихоурской переправы для облегченія доставки продовольствія съ Каспійскаго моря въ Закавказье; здѣсь же должны были строиться укрѣпленія въ Мухахскомъ ущельи, въ Лисельфагерѣ и другихъ пунктахъ.

На Лезгинскую линію всего предназначалось 8 баталіоновъ [1]), 12 орудій, 11 ракетныхъ станковъ, 6 сотенъ казаковъ и 5 сотенъ милиціи. Кромѣ того, было назначено для разработки дорогъ Военно-Ахтинской—3 роты [2]) и 4 ракетныхъ станка, Военно-Грузинской—2 баталіона [3]) и на дороги изъ Гори въ Тифлисъ и въ Алатырскомъ ущельи—5 ротъ пѣхоты и 2 роты саперъ [4]).

Для караульной службы оставались: въ Тифлисѣ 2 баталіона, въ Бѣломъ Ключѣ 1 баталіонъ, въ Джарахъ, Гори и Рокъ 1¼ баталіона, въ Манглисѣ ¾ баталіона, въ Царскихъ Колодцахъ 1 баталіонъ, въ Хонхендохѣ ¾ баталіона и въ Шушѣ ½ баталіона, а всего 6¼ баталіоновъ [5]).

Продовольствіе войскъ, назначавшихся для зимнихъ дѣйствій, обезпечивалось особыми запасами. Для лѣваго фланга такіе запасы были собраны въ Грозной—6000 четвертей сухарей съ пропорціей крупъ и 5000 четвертей овса; сѣна же по пропорціи 20 фунтовъ на лошадь было заготовлено въ Грозной, Воздвиженской, Умахми-Юртѣ и Куринскомъ; для Владикавказскаго округа 10 дневная пропорція для всего числа людей и лошадей находилась въ укрѣпленіи Ачховскомъ и четырехъ недѣльный запасъ въ укрѣпленіи Амусъ-Али. Для лѣтнихъ дѣйствій запасы состояли въ распоряженіи начальниковъ отдѣльныхъ отрядовъ и, кромѣ того, во Владикавказѣ трехмѣсячные запасы на 14.000 человѣкъ. Небольшіе запасы были заготовлены въ Кварелiи, Лагодохѣ, Закаталахъ, укрѣпленіи Елисуйскомъ, Нухѣ, Ахты, сел. Шинъ. Мясо должно было заготовляться попеченіемъ войскъ. Довольствіе полагалось по военному времени, т.-е. усиленное и съ отпускомъ винной порціи, а офицеры получали особый раціонъ въ размѣрѣ за Кавказомъ по 25 коп., а на линіи по 15 коп. въ день.

---

[1]) Гренадерскаго Е. И. В. В. К. Константина Николаевича 2 бат., Эрив. Наслѣдника Цесаревича 1 бат., Тифл. егер. 3 бат., Мингр. егер. 2 бат., коман. Кавказск. стр. бат. и коман. саперн. бат.

[2]) Мингр. егер. п. 2 роты и Кавказск. сап. бат. 1 рота.

[3]) 1 бриг. 19 п. див. ½ бат., Мингр. егер. п. 1 бат., Тифл. егер. ½ бат.

[4]) 2 роты Тифл. егер., 1 рота Мингр. егер., 2 роты 1 бриг. 19 п. див., 2 роты 3 резерв. саперн. бат.

[5]) Гренадерскаго В. К. Константина Николаевича, Эрив. Наслѣдника Цесаревича, Тифл. и Мингр. егерск. полковъ.

Ближайшіе къ раіону сбора войскъ госпитали предположено было довести до такого состава, чтобы они могли принять 6200 человѣкъ, а при надобности, могли бы развернуться на 7750 человѣкъ.

Кромѣ того, войска были снабжены перевязочными предметами на $^1/_5$ всего состава, носилками, медикаментами и полнымъ комплектомъ боевыхъ зарядовъ и патроновъ.

Для перевозки продовольствія войскамъ, участвующимъ въ боевыхъ дѣйствіяхъ, слѣдовало колесный обозъ замѣнить вьючнымъ, для чего изготовлялись изъ подкладочнаго холста мѣшки такого размѣра, чтобы въ нихъ входила четверть сухарей. Подвозъ же производился частью казенными лошадьми, а частью наемными.

Изъ этихъ Высочайше утвержденныхъ предположеній относительно военныхъ дѣйствій на Кавказѣ въ 1853 году видно, что почти на всемъ протяженіи нашихъ линій предположено было, за исключеніемъ небольшихъ экспедицій и набѣговъ, дѣйствовать оборонительно и главное вниманіе удѣлялось на обезпеченіе уже занятыхъ нами земель.

Значительныхъ силъ, сосредоточенныхъ на Кавказѣ, признавалось недостаточнымъ для болѣе активныхъ дѣйствій.

Наши лучшія кавказскія войска были прикованы къ краю для борьбы съ внутреннимъ врагомъ и, несмотря на то, что они составляли почти четвертую часть всѣхъ нашихъ силъ, ихъ было недостаточно для болѣе значительныхъ дѣйствій на какомъ нибудь участкѣ длинной Кавказской линіи.

А между тѣмъ на нашемъ крайнемъ правомъ флангѣ, въ сторонѣ натухайцевъ, шапсуговъ и абадзеховъ, начались волненія. Горцы, недавно отторгнутые отъ турецкаго покровительства, стѣсненные занятіемъ нами береговой линіи, были убѣждены, что Турція не можетъ къ нимъ относиться безучастно. Турецкіе и англійскіе эмиссары и усилившійся подвозъ моремъ военной контрабанды поддерживали въ нихъ эти надежды.

Осенью 1852 года уже ходили въ горахъ слухи о близкомъ разрывѣ нашемъ съ Турціей и о присылкѣ ею на Кавказъ войскъ, которыя протянутъ руку въ горы.

Почва для пропаганды Шамилемъ идеи священной войны противъ русскихъ все болѣе и болѣе подготовлялась посредствомъ распространенія въ западныхъ горахъ мюридизма.

Шамилевскій наибъ Магометъ-Аминъ ловко воспользовался рознью, существовавшею между разными племенами, и постепенно

распространилъ свою власть среди абадзеховъ, а затѣмъ и убыховъ. Что же касается до земель за Кубанью, то хотя тамъ мюридизмъ и не могъ, благодаря отсутствію среди мѣстныхъ племенъ религіозности, пустить столь глубокіе корни, какъ въ земляхъ лезгинъ и чеченцевъ, но все же Магомету-Амину удалось постепенно уничтожить черкесское дворянство, на могилахъ котораго онъ вводилъ свое управленіе на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и Шамиль, номинально признаваемый имъ своимъ главою.

Прекратить эти волненія въ самомъ началѣ являлось дѣломъ необходимымъ, а между тѣмъ на береговой линіи свободныхъ для наступательныхъ дѣйствій войскъ, не считая слабыхъ, разбросанныхъ по укрѣпленіямъ и фортамъ Черноморскаго побережья частей, не было. Наше наступленіе только со стороны Черноморіи и праваго фланга не могло принести рѣшительныхъ результатовъ, такъ какъ оно не прерывало сношеній горцевъ съ Турціей.

Императоръ Николай съ особымъ вниманіемъ относился къ упроченію нашей власти въ этомъ раіонѣ Кавказа и сознавалъ необходимость установленія прочной связи Черноморья съ береговой линіей. Государь не останавливался даже надъ усиленіемъ для этой цѣли многочисленныхъ войскъ Кавказскаго корпуса цѣлой 13-й пѣхотной дивизіей, которая должна была быть перевезена изъ Севастополя [1]).

Во главѣ всей экспедиціи рѣшено было поставить князя А. С. Меншикова и только ожидалось благополучное окончаніе этимъ послѣднимъ константинопольской миссіи.

Судьба рѣшила иначе, и 13-я дивизія начала дѣйствовать на Кавказѣ гораздо позже и совершенно при иныхъ условіяхъ.

Уже въ началѣ 1853 года неизбѣжность разрыва съ Турціей становилась все болѣе очевидной и военный министръ запросилъ, по Высочайшему повелѣнію, князя Воронцова о тѣхъ мѣрахъ, которыя онъ предполагаетъ принять на Кавказѣ въ случаѣ войны [2]).

Выше было уже указано то значительное количество вооруженныхъ силъ, которое было сосредоточено на Кавказѣ, но почти всѣ эти силы получили опредѣленное назначеніе для дѣйствій противъ горцевъ и для работъ на линіи. На границахъ съ ослабленными предшествовавшими войнами Персіей и Турціей была

---

[1]) Арх. Кавк. Воен. Окр. Переписка князя Воронцова съ княземъ Меншиковымъ.
[2]) Рапортъ отъ 13 февраля 1853 г., № 89.

выставлена лишь рѣдкая кордонная линія изъ пограничныхъ постовъ. Войскъ, свободныхъ для дѣйствій въ полѣ, вовсе не было, и лишь небольшіе гарнизоны занимали пограничныя крѣпости, которыя оставались въ томъ же положеніи, въ какомъ были въ 1829 году.

Генералъ-маіоръ Я. П. Бакланов.

Между тѣмъ пограничная линія съ Турціей, растянутая на 500 верстъ, не давала никакихъ выгодъ для обороны нашихъ предѣловъ. Между Турціей и Кобулетскимъ санджакомъ граница, начинаясь у Чернаго моря, близъ поста св. Николая [1]), не была точно опредѣлена по Адріанопольскому трактату и нами была занята, въ видѣ временной мѣры, линія по р. Чолоку. Мѣстность здѣсь была покрыта дремучими лѣсами, изрѣзана крупными горами и глубокими балками, дѣлая невозможнымъ ни удобное тамъ расположеніе постовъ, ни движеніе конныхъ разъѣздовъ, ни наблюденіе за хищниками и за контробандистами.

Поэтому на западномъ участкѣ границы не было сплошной кордонной линіи, а лишь было поставлено нѣсколько казачьихъ постовъ, общей численностью въ 40 человѣкъ; остальная охрана возлагалась на мѣстныхъ гурійцевъ, которые сами были заинтересованы въ контробандныхъ сношеніяхъ съ турецкими подданными. Не мудрено, что здѣсь процвѣтали торгъ плѣнными, хищничество, разбои и контробанда, вмѣстѣ съ которыми отсюда вплоть до Самурзакани и Абхазіи проникало вліяніе турокъ на единовѣрныя имъ племена.

Въ предѣлахъ Ахалцыхскаго уѣзда [2]) граница пролегала отъ поста Квабисъ-Джаръ до Качкаевскаго карантина, на протяженіи 45 верстъ, по сѣверному скату крутыхъ горъ, покрытыхъ

---

[1]) Арх. Воен. Уч. Ком. Гл. Шт., Отд. 2, д. № 6565, стр. 18.
[2]) Арх. Кавк. Воен. Окр., секр. д. Генер. Шт., 1853 г., № 11, кн. I.

густымъ сосновымъ лѣсомъ; поэтому сборная донская сотня, составлявшая здѣсь кордонъ, была отодвинута до слѣдующаго открытаго хребта. На этомъ неудобномъ для вторженія крупныхъ отрядовъ участкѣ могли, впрочемъ, проникать въ наши предѣлы по трудно доступнымъ горнымъ тропамъ только мелкія хищническія партіи; вторженіе же крупныхъ отрядовъ было возможно лишь въ прибрежной части, со стороны Батума на Озургеты, черезъ посты св. Николая или Чолокскій.

Далѣе на 80 верстъ до р. Куры мѣстность была скалистая, которая, впрочемъ, пересѣкалась двумя удобными для движенія путями, изъ Ардагана къ Ахалцыху черезъ Кочкаевскій карантинъ и по Уравельскому ущелью. Этотъ участокъ охранялся двумя сотнями осетинъ. Отъ Хозатинскаго озера до поста Мадатанинскаго на протяженіи 50 верстъ мѣстность была совершенно открытая, удобная для вторженія турокъ въ наши духоборскія селенія, и здѣсь проходили дороги изъ Ардагана и Карса, мимо Хозатинскаго озера, черезъ Сульду въ Ахалкалаки.

У поста Мадатанинскаго кончался Ахалцыхскій и начинался Александропольскій кордонъ. Центромъ этого кордона, въ 100 верстъ протяженіемъ, являлась крѣпость Александрополь. Мѣстность въ общемъ была доступна для движенія непріятеля, и рѣка Арпачай, по которой отъ поста Коганчинскаго пролегала граница, была вездѣ удобопроходима въ бродъ.

Удобная дорога отъ Карса шла прямо на Александрополь, удаленный отъ него лишь на 68 верстъ.

Эриванскій кордонъ, длиною въ 100 верстъ, хотя и пролегалъ по мѣстности скалистой, неудобной для движенія, но непосредственно за этой мѣстностью была открытая, удобная для дѣйствій конницы равнина Сардаръ-Абадская. Со стороны Турціи здѣсь пролегали дороги изъ Кагызмана черезъ Парнаутскій постъ и Кульпы на Сардаръ-Абадъ и далѣе на Эривань или Александрополь и изъ Баязета черезъ Орговскій укрѣпленный постъ, Игдыръ и Амаратъ на Эривань.

Невыгодная сторона нашей пограничной полосы на случай оборонительной войны заключалась, кромѣ ея растянутости и отсутствія прочныхъ оборонительныхъ линій, еще и въ отсутствіи хорошихъ продольныхъ путей сообщенія.

Важнѣйшимъ предметомъ дѣйствій для непріятеля могли служить Озургеты со стороны Батума, Ахалцыхъ со стороны Ардагана, Александрополь со стороны Карса и Эривань со стороны

Кагызмана и Баязета. Мѣстныя условія заставляли назначить для обороны этихъ пунктовъ особые отряды безъ возможной между ними связи. Въ самомъ дѣлѣ, Гурія съ Озургетомъ составляла обособленный театръ дѣйствій, отдѣленный отъ сосѣдняго Ахалцыхскаго уѣзда хребтомъ Ахалцыхо-Имеретинскихъ (Аджарскихъ) горъ, высотой до 900 футъ. Ахалцыхъ отъ Александрополя былъ отдѣленъ не только 120 верстнымъ разстояніемъ, но и отрогами пограничныхъ съ Турціей Чалдырскихъ горъ, при чемъ связь между ними могла быть нарушена движеніемъ непріятеля отъ Ардагана къ городу Ахалкалакамъ, который поэтому тоже надо было удерживать въ своихъ рукахъ особымъ отрядомъ. Кромѣ того, дорога, связывающая Александрополь съ Ахалкалаками, пролегала, начиная отъ Орловки до Александрополя, вдоль самой границы. Наконецъ, Эриванскій уѣздъ, отдѣленный отъ Александрополя горой Алагезъ и ея отрогами, имѣлъ противъ себя весьма важный пунктъ, а именно крѣпость Баязетъ, и долженъ былъ также составить отдѣльный театръ военныхъ дѣйствій.

Главнымъ центромъ всѣхъ путей въ Закавказьѣ являлся Тифлисъ, отъ котораго шли слѣдующія дороги:

1) въ долину Ріона черезъ Сурамскій перевалъ на Кутаисъ и Редутъ-Кале. Дорога эта была построена уже послѣ Восточной войны, и хотя въ 1853 году по ней возможно было колесное движеніе, но въ распутицу оно представляло большія затрудненія;

2) черезъ Цалку на Ахалкалаки или Орловку;

3) черезъ Воронцовку на Александрополь;

4) черезъ Красный мостъ и Акстафинскую на Делижанъ и далѣе въ Александрополь или мимо озера Гокча на Эривань.

Народонаселеніе пограничной полосы въ Кутаисской губерніи, состоя на 85% изъ единовѣрныхъ намъ грузинскихъ племенъ, являлось вполнѣ надежнымъ; въ Ахалцыхскомъ уѣздѣ среди населенія были поселенія духоборовъ, которые по мѣрѣ движенія къ Эриванской губерніи составляли главный контингентъ жителей. Въ этомъ же направленіи увеличивалась и примѣсь татарскаго и персидскаго племенъ, такъ что въ Эриванской губерніи насчитывалось магометанъ до 40%.

Главнымъ центромъ торговли и столицей Анатоліи былъ Эрзерумъ, слабо укрѣпленный, но прикрытый Карсомъ, верки котораго были послѣ 1829 года, по собраннымъ нами свѣдѣніямъ, значительно усилены. Ардаганъ и Баязетъ являлись пунктами второстепенными, и занятіе перваго имѣло бы лишь

значеніе для обезпеченія фланга при движеніи отъ Александрополя къ Карсу. Затѣмъ имѣлъ значеніе Батумъ, какъ портовый городъ, занятіе котораго могло имѣть для насъ выгодныя послѣдствія лишь при условіи преобладанія нашего флота на Черномъ морѣ.

Пограничные пашалыки, Ахалцыхскій, Карсскій и Баязетскій, были преимущественно населены армянами, постоянно находившимися во враждебныхъ отношеніяхъ съ мусульманскими народностями и потому сочувственно къ намъ относившимися. Мѣстныя же мусульманскія племена состояли изъ карапанцевъ, лазовъ, курдовъ, аджарцевъ и небольшого процента турокъ. Воинственные по природѣ, они не отличались фанатизмомъ и любовью къ родинѣ, а потому были одинаково ненадежны, какъ для турокъ, противъ которыхъ они нерѣдко возставали, такъ и для насъ; однако, при успѣхѣ съ нашей стороны можно было разсчитывать на ихъ содѣйствіе.

Пересѣченность всей мѣстности отъ границы до указанныхъ главныхъ пунктовъ Анатолійскаго театра военныхъ дѣйствій давала туркамъ большія преимущества въ случаѣ веденія нами наступательной войны.

Для движенія отъ Ахалцыха черезъ Ардаганъ на Карсъ нашимъ войскамъ приходилось перейти Чалдырскій хребетъ и горы, окружающія Ардаганъ, отъ котораго до Карса было 70 верстъ. При движеніи на Карсъ отъ Ахалкалакъ надо было тоже перевалить Чалдырскій хребетъ у Керзаха, отъ котораго до Карса было 90 верстъ и до Ардагана 60 верстъ. Дороги эти удобны для движенія только съ мая по ноябрь. Отъ Александрополя къ Карсу вели двѣ дороги, протяженіемъ въ 70 верстъ каждая: одна, по которой двигался въ 1828 году Паскевичъ, шла на Пальдерванъ и Мешко, а другая—черезъ Пирвали, Ходживали, Визинкевъ, южнѣе Большого Ягни-Дага. Обѣ дороги преграждались рѣкой Карсъ-Чаемъ, за которой турки имѣли хорошія позиціи. Далѣе мѣстность была холмистая, овражистая. Въ фуражѣ недостатка въ раіонѣ этихъ путей не было, но зато было почти полное отсутствіе топлива.

Изъ Эривани на Карсъ дорога шла черезъ Сардаръ-Абадъ, Кульпы и Кагызманъ; въ долинѣ Аракса она была неудобна, далѣе же становилась лучше. Изъ Эривани въ Баязетъ шла вполнѣ удобная дорога, протяженіемъ около ста верстъ, черезъ Амаратъ, Игдырь и Чингельскій перевалъ.

До Эрзерума отъ Баязета было 280 верстъ, а отъ Карса 180 верстъ. Хотя между послѣднимъ и Эрзерумомъ имѣлось шесть путей, но лѣсистая мѣстность и перевалы черезъ Саганлугскій хребетъ, покрытый до іюля снѣгомъ, дѣлали движеніе затруднительнымъ и представляли обороняющемуся рядъ удобныхъ позицій.

13 февраля 1853 года князю Воронцову была сообщена Высочайшая воля о принятіи имъ, на случай разрыва съ Турціей, оборонительныхъ мѣръ, при чемъ Государь рекомендовалъ образовать въ Закавказьѣ особый резервъ для дѣйствія противъ турокъ, продолжая въ то же время охраненіе внутренней линіи со стороны горцевъ [1]).

Курды, переходящіе р. Аракс̀ъ.

Положеніе князя Воронцова было въ высшей степени затруднительно. Граница наша со стороны Турціи, на протяженіи болѣе 500 верстъ, была охраняема только рѣдкими постами, на которыхъ, кромѣ чапаръ, находилось всего лишь около 1760 донскихъ казаковъ, а въ пограничныхъ городахъ, въ укрѣпленіяхъ и крѣпостяхъ было расположено четыре линейныхъ баталіона [2]).

Въ случаѣ вторженія непріятеля въ наши предѣлы, нельзя было и думать о непосредственной оборонѣ этой границы, защита которой была разсчитана только противъ контробандистовъ и хищниковъ, и которая не могла быть, по удаленію своему отъ расположенія нашихъ резервовъ, своевременно подкрѣплена большимъ числомъ дѣйствующихъ войскъ.

Поэтому князь Воронцовъ предполагалъ озаботиться преимущественно объ охраненіи важнѣйшихъ политическихъ и стратегическихъ пунктовъ, какъ-то: Озургеты, Ахалцыхъ, Ахалкалаки, Александрополь и Эривань; остальные посты и укрѣпленія упразднить, а гарнизоны ихъ собрать на удобнѣйшихъ мѣстахъ, гдѣ они могли бы соединиться съ главными нашими резервами. Такими сборными пунктами могли служить:

---

[1]) Рапортъ Воен. мин. 13 февраля № 89 и отвѣтъ князя Воронцова 28 февраля № 4. Арх. Воен. Уч. Ком. Гл. Шт., Отд. 2, д. № 6564.

[2]) Черноморскій № 12 и Грузинскіе №№ 2, 3 и 4.

1) Озургеты для ¾ баталіона и 38 казаковъ, занимавшихъ линію отъ поста св. Николая до поста Квабисъ-Дарвазскаго; 2) Ахалцыхъ для ¾ баталіона и 430 казаковъ, занимавшихъ линію до Варнетскаго поста; 3) Ахалкалаки для одной роты; 4) Чебуретъ-Чай для 309 казаковъ части Александропольскаго кордона отъ п. Аладанскаго до Мадаточинскаго; 5) крѣпость Александрополь для 1 баталіона и 383 казаковъ остальной части Александропольскаго кордона отъ п. Казанчинскаго до Кошевскаго поста, и 6) крѣпость Эривань для 1 баталіона и 631 казака участка Эриванскаго уѣзда отъ поста Анинскаго до поста Халахачинскаго.

Сборъ войскъ съ постовъ въ вышеназванные пункты могъ быть законченъ въ восемь дней со времени полученія ими соотвѣтствующихъ приказаній.

Что касается до дѣйствующихъ войскъ, то намѣстникъ не счелъ удобнымъ значительно ослаблять отряды, собранные противъ горцевъ, и полагалъ возможнымъ сосредоточить въ видѣ резервовъ только 7½ баталіоновъ, 60 казаковъ и 20 орудій [1]), которые сгруппировать въ двухъ пунктахъ: въ Делижанѣ, на узлѣ путей въ Александрополь и Эривань, и на Цалкѣ, узлѣ всѣхъ сообщеній Ахалцыхскаго уѣзда съ Тифлисомъ. Сосредоточеніе этихъ частей могло быть окончено въ 20 дней послѣ полученія ими приказанія. Предполагая, что главныя силы Турціи будутъ привлечены на Европейскій театръ, князь Воронцовъ разсчитывалъ удержать турецкія войска на Азіатскомъ театрѣ этими небольшими отрядами, дальнѣйшее усиленіе которыхъ съ линіи признавалъ нежелательнымъ.

Преклонный возрастъ князя Воронцова и болѣзненное состояніе не позволяли ему принять личнаго начальства надъ войсками дѣйствующаго корпуса. Кромѣ того, военныя дѣйствія не

---

[1]) 1. Изъ Грен. бриг. 4½ батал., въ томъ числѣ 1 батал. Эриванск. Е. И. В. Наслѣдника Цесаревича п. съ Кавказской линіи, и 2 батал. съ Лезгинской. Остальные 3½ батал. этой бригады назначались для караульной службы въ Тифлисѣ, Манглисѣ, Бѣломъ Ключѣ и Гори. Вмѣсто 2 батал. этой бригады на Лезгинскую линію предназначалось 2 роты Мингр. егерск. п. съ работъ на военной Ахтлаской дорогѣ и 1 рота изъ штабъ-квартиры этого полка.

2. 1½ батал. Мингр. и Тифл. егерск. п. съ работъ на Военно-Грузинской дорогѣ.

3. 3 роты тѣхъ же полковъ съ работъ южн. Имеретинской, Осетинской и Эриванской дорогъ.

4. 2 роты Кавказск. саперн. батал. (въ томъ числѣ 1 рота съ работъ на Военно-Ахтинской дорогѣ).

5. 1 рота Кавказск. стрѣлк. батал. изъ Гамборъ.

6. 600 казак. съ внутреннихъ постовъ и изъ полковыхъ штабовъ.

7. 20 горныхъ и легкихъ орудій изъ ближайшихъ батарей.

Всего же 7½ батал., 600 казак. и 20 орудій.

могли ограничиться одной турецкой границей, и слѣдовало ожидать, что разрывъ съ Турціей вызоветъ новый ожесточенный взрывъ фанатизма среди кавказскихъ горцевъ. Такимъ образомъ намѣстнику надо было оставить за собой общее руководство надъ операціями на всемъ Кавказѣ, и командиромъ дѣйствующаго корпуса былъ назначенъ князь Василій Осиповичъ Бебутовъ, проведшій почти всю свою службу на Кавказѣ, гдѣ онъ выказалъ большія военныя и административныя способности.

II.

Первоначальныя предположенія князя Воронцова о тѣхъ силахъ, которыя могли бы быть сосредоточены къ границѣ въ іюнѣ 1853 года впослѣдствіи были разработаны болѣе подробно [1]), при чемъ число войскъ для активныхъ дѣйствій пришлось уменьшить до 6 баталіоновъ, 4 сотенъ и 14 орудій [2]).

Отрядъ этотъ предполагалось усилить 15 сотнями милиціи и часть его сосредоточить въ двухъ группахъ на тѣхъ участкахъ границы, которые были наиболѣе удобны для вторженія непріятеля [3]), а именно у Ахалцыха, впереди д. Суплисъ—$1^1/_4$ баталіонъ, 2 горныхъ орудія и 3 сотни [4]) и у Орловки—$1^1/_4$ баталіонъ, 2 легкихъ орудія и 6 сотенъ [5]); остальныя же войска оставить въ мѣстахъ квартированія, при условіи готовности къ выступленію черезъ 24 часа по востребованіи.

Если же обстоятельства вызвали бы необходимость дальнѣйшаго усиленія резервовъ на границѣ, то къ Ахалцыху предполагалось отправить еще $^3/_4$ баталіона [6]) и 4 орудія и къ Орловкѣ—$2^1/_4$ баталіона [7]) и 6 орудій.

---

[1]) Записка Нач. Штаба Отд. Кавк. корп. Арх. Шт. Кавк. воен. окр., 2 отд. Ген. Штаба, 1853 г., секр. д. № 11, кн. I.

[2]) 1 батал. Эрив. п. изъ Владикавказа; 1 батал. Гренад. В. Кн. Константина Николаевича п. съ Лезгинской линіи; по 2 роты тѣхъ же полковъ изъ Манглиса и Бѣлаго Ключа; $1^1/_4$ батал. Мингрел. ег. п. съ работъ на Военно-Грузинской и Эриванской дорогахъ; 3 р. Тифлис. егер. п. съ Военно-Грузинской и Осетинской дорогъ; 1 р. Кавк. саперн. батал. изъ Тифлиса; 1 р. Кавк. стрѣлк. батал. изъ Гомборъ; 2 р. Грузинск. лин. № 1 батал. изъ Кутаиса; 6 горн. и 8 легк. ор.; 3 сот. Кавк. лин. войска и 1 сборн. донская сотня.

[3]) Предписаніе князю Гагарину отъ 2 іюля 1853 г. № 31 и отношеніе главнокомандующаго военному министру 30 іюня 1853 г. № 30. Арх. Шт. Кавк. воен. окр., 2 отд. Ген. Шт., 1853 г., секр. д. № 11, кн. 1.

[4]) 1 батал. Мингрел. егер. п.; 1 р. Тифлис. егер. п.; 1 сб. сот. дагест. каз. п.; 2 сот. милиціи.

[5]) 1 батал. Эрив. п.; 1 р. Кавк. саперн. батал.; 3 сот. лин. каз. и 3 сот. милиціи.

[6]) Тифлис. егер. п.

[7]) 2 р. Эрив. п., 6 р. гр. В. К. Константина Николаевича п. и 1 р. Мингрел. егер. п.

Для защиты Гуріи оставалось лишь 3 роты Черноморскаго линейнаго № 12 баталіона и 2 сотни гурійской милиціи, которыя поэтому рѣшено было усилить шестью сотнями гурійской, мингрельской и имеретинской милицій и 2 ротами линейнаго № 1 баталіона изъ Кутаиса. Эти части должны были быть перемѣщены въ Озургеты.

Южный участокъ границы, отъ Александропольскаго уѣзда исключительно, обезпечивался крѣпостью Александрополемъ и пограничными казачьими постами, почему этотъ участокъ также предполагалось усилить сборомъ милиціи.

Ничтожность свободныхъ войскъ на Кавказѣ, лишавшая насъ не только возможности предпринять наступательныя дѣйствія, но и обезпечить границы отъ непріятельскаго вторженія, вызвала со стороны Императора Николая I согласіе на усиленіе Кавказскаго корпуса одной дивизіей изъ Европейской Россіи. При этомъ Государь имѣлъ въ виду, кромѣ обезпеченія Закавказья отъ вторженія непріятеля, также наступательныя дѣйствія въ предѣлы Азіатской Турціи [1]) и указывалъ, какъ на желательные въ этомъ отношеніи пункты, на Карсъ и Баязетъ [2]).

Для этого была вновь избрана расположенная въ Севастополѣ ближайшая къ Кавказу 13 пѣхотная дивизія, которую должна была смѣнить въ Севастополѣ бригада 14 пѣхотной дивизіи съ 2 батареями, квартировавшая до сихъ поръ въ Одессѣ [3]).

Относительно употребленія на Кавказѣ 13 пѣхотной дивизіи было два предположенія. Согласно первому, ее хотѣли отправить изъ Севастополя до Керчи походомъ, переправить черезъ Керченскій проливъ въ Тамань, а оттуда опять походомъ до Кавказской линіи для смѣны части войскъ, на ней расположенныхъ; послѣднія же присоединить къ дѣйствующему корпусу. Согласно второму предположенію, дивизію должны были посадить въ полномъ составѣ съ ея артиллеріей на суда въ Севастополѣ, перевезти ее моремъ въ Сухумъ-Кале и оттуда направить походнымъ порядкомъ къ границѣ.

---

[1]) Арх. Шт. Кавк. воен. окр., 2 отд. Ген. Шт., 1853 г., д. № 11, кн. 1. Военный министръ — кн. Воронцову 29 августа 1853 г., № 985.

[2]) Тамъ же. Военный министръ — кн. Воронцову 18 іюля 1853 г., № 930.

[3]) Арх. Канц. Воен. мин., секр. д. № 72, 1853 г. Письмо кн. Воронцова — кн. Меншикову 26 августа 1853 г. Арх. Воен. Уч. Ком. Гл. Шт., Отд. 2, д. № 6564. Военный министръ — кн. Воронцову 29 августа 1853 г., №№ 984, 985. Военный министръ — начальнику Гл. Морск. Шт., №№ 979 и 259.

Отношеніе Военнаго министра — командующему 4 и 5 п. корп. 29 августа, № 984.

Первый способъ давалъ возможность употребить для дѣйствія противъ турокъ войска боевыя, привычныя къ мѣстнымъ условіямъ и климату, но для его выполненія нужно было болѣе времени, а организація продовольствія являлась болѣе сложной. Второе предположеніе, болѣе трудное въ отношеніи дальней морской перевозки въ бурное осеннее время, имѣло то преимущество, что скорѣе выводило Кавказъ изъ критическаго положенія, въ которомъ онъ находился, и, кромѣ того, высадка такихъ внушительныхъ силъ на Черноморскомъ побережьи должна была произвести выгодное для насъ впечатлѣніе на враждебныя черкесскія племена.

Генералъ-маіоръ Майдель.

Поэтому предпочтеніе было отдано морскому способу перевозки, несмотря на то, что такая значительная перевозка моремъ должна была быть произведена нашимъ флотомъ впервые, и что трудность ея увеличивалась необходимостью перевезти съ войсками весь обозъ и всѣхъ строевыхъ и подъемныхъ лошадей (по штату 1660 головъ). Князь Воронцовъ категорически заявилъ о полной невозможности купить или нанять столь значительное число лошадей въ Закавказьѣ, близъ пункта высадки. Онъ признавалъ также необходимымъ перевезти при дивизіи всѣ запасы, какъ для довольствія въ пути, такъ и послѣ высадки, въ размѣрѣ не менѣе 26 дневной пропорціи овса, такъ какъ Кавказское интендантство могло заготовить лишь количество, необходимое при передвиженіи дивизіи отъ моря до границы.

Императоръ Николай изъявилъ желаніе, чтобы перевозка десантнаго отряда была произведена въ два рейса частями въ полномъ составѣ, съ обозомъ и лошадьми, не нарушая строевой ихъ организаціи, съ тѣмъ, чтобы каждый эшелонъ послѣ высадки могъ немедленно двинуться въ походъ.

Одинъ полкъ 13 пѣхотной дивизіи Государь полагалъ употребить для смѣны частей гренадерской бригады, несшей караульную службу въ Тифлисѣ, чтобы такимъ образомъ въ дѣйствующемъ корпусѣ было не менѣе 6 баталіоновъ этой славной бригады. Остальные полки перевозимой дивизіи должны были въ полномъ составѣ поступить въ ряды дѣйствующаго корпуса, усиливаемаго кавказскими стрѣлковымъ и сапернымъ баталіонами, драгунскимъ Наслѣднаго Принца Виртембергскаго (Нижегородскій) полкомъ, одной батареей Кавказской Гренадерской артиллерійской бригады, одной казачьей конной батареей, 2 казачьими и 2 мусульманскими полками.

Въ сѣверный Дагестанъ, на смѣну драгунъ, должны были быть отправлены два донскихъ казачьихъ полка.

Императоръ Николай признавалъ, что усиленный такимъ образомъ корпусъ князя Бебутова будетъ достаточенъ не только для обороны границы, но и для перехода въ наступленіе съ цѣлью овладѣнія Карсскимъ пашалыкомъ и спорной территоріей пограничной съ Гуріей полосы [1]).

Князь Бебутовъ, выдѣливъ часть силъ для усиленія войскъ въ Гуріи, остальныя, въ числѣ отъ 16 до 20 баталіоновъ, 10 эскадроновъ, 9 сотенъ, 50 орудій и до 112 сотенъ милиціи, долженъ былъ сосредоточить у Александрополя [2]) и составить изъ нихъ дѣйствующій корпусъ.

Имѣя въ виду, что высадка 13 пѣхотной дивизіи въ Сухумъ-Кале ожидалась между 20 и 25 сентября, а къ Александрополю эта дивизія могла прибыть только послѣ 48 дневнаго марша, т.-е. въ началѣ ноября, наступательныя военныя операціи предполагалось начать съ весны 1854 года, такъ какъ поздней осенью и зимой дороги въ Карсскомъ пашалыкѣ въ большинствѣ случаевъ для обоза непроходимы.

Хотя переходъ въ наступленіе турецкой Анатолійской арміи представлялся и мало вѣроятнымъ, но намѣстникъ еще въ августѣ поручилъ князю Бебутову и начальнику инженеровъ отдѣльнаго Кавказскаго корпуса генералу Ганзену осмотрѣть всѣ пограничныя крѣпости и составить соображеніе о необходимыхъ въ нихъ работахъ, а начальнику артиллеріи принять мѣры къ ихъ вооруженію и снабженію боевыми комплектами.

---

[1]) Воен. Уч. Арх. Гл. Шт., 2 отд., д. 6564. Отношеніе военнаго министра начальнику Гл. Морск. Шт. 29 августа 1853 г., № 979.

[2]) Воен. Уч. Арх. Гл. Шт., 2 отд., д. № 6565. Докладъ Канц. воен. мин., сентябрь 1853 г.

Важнѣйшимъ укрѣпленнымъ пунктомъ въ пограничной полосѣ являлся Александрополь [1]). Крѣпость имѣла 7 бастіоновъ съ капониромъ между 1-мъ и 6-мъ бастіонами, главный валъ съ линіей огня въ 1135 саженей, 2 оборонительныя казармы на 1700 и 1500 человѣкъ и оборонительный магазинъ на 20.000 четвертей. Укрѣпленія были въ хорошемъ состояніи, но нѣкоторыя работы еще не были закончены. Отдѣльные верки состояли изъ двухъ-этажной башни и двухъ неоконченныхъ постройкой люнетовъ. Для приведенія крѣпости въ оборонительное положеніе необходимо было насыпать барбеты по главному валу и расчистить мѣстность впереди 8-го полигона отъ развалинъ стараго Гумринскаго укрѣпленія. Мѣшали обстрѣлу и нѣкоторыя частныя постройки, но, въ виду дороговизны отчужденія, пришлось временно ихъ оставить, съ рѣшеніемъ уничтожить только въ случаѣ надобности.

На вооруженіи крѣпости состояло всего 76 орудій; для полнаго вооруженія требовалось еще 283 орудія, но въ крайнемъ случаѣ признавалось достаточнымъ 44 орудія. Зарядовъ состояло 22.680, а требовалось еще столько же.

Наличный составъ крѣпостной артиллеріи былъ: 2 офицера, 12 фейерверкеровъ и 121 рядовой; необходимо же было: 10 офицеровъ, 30 фейерверкеровъ и 300 рядовыхъ. Точно такъ же былъ непомѣрно слабъ и пѣхотный гарнизонъ, въ которомъ числилось 860 рядовыхъ Грузинскаго линейнаго № 3 баталіона, тогда какъ для обороны по числу верковъ требовалось 3200 и не менѣе 2500 человѣкъ.

Крѣпость Ахалкалаки состояла изъ каменныхъ стѣнъ съ башнями и двухъ ярусной цитадели.

Въ ней также требовалось произвести нѣкоторыя работы по приведенію ея въ оборонительное положеніе, а именно: насыпать барбеты, присыпать траверсы, вооружить башни артиллеріей, расчистить фронтъ впереди укрѣпленій. На вооруженіи крѣпости состояло только 4 орудія, и требовалось добавить не менѣе 10 орудій.

Гарнизонъ, численностью въ 1 роту, признавалось необходимымъ усилить еще на 300 человѣкъ.

Укрѣпленія Ахалцыха состояли изъ каменной стѣны съ башнями и цитадели, расположенной на крутомъ утесѣ. Цитадель

---

[1]) Арх. Шт. Кавк. Воен. Окр. Ген. Шт., Отд. 2, 1853 г., д. № 11, кн. 1. Рапортъ Александр. коменданта Эриванск. военному губернатору 19 іюля 1853 г., № 244.

эта была окружена командующими высотами и плохо прикрывала городъ, который лежалъ внѣ ея. Здѣсь тоже ощущался недостатокъ въ вооруженіи, и къ имѣвшимся 38 орудіямъ необходимо было добавить не менѣе 6 орудій.

Въ наихудшемъ положеніи находилась крѣпость Эривань [1]). Князь Бебутовъ признавалъ состояніе ея совершенно неудовлетворительнымъ. Стѣны, башни и даже контръ-эскарпы обвалились, батареи обветшали настолько, что не могли выдержать выстрѣловъ изъ стоявшихъ на валгангахъ орудій большого калибра. Водоснабженіе крѣпости было необезпечено, такъ какъ непріятель могъ разрушить водопроводъ. Вооруженіе ея (только пять 24 футовыхъ пушекъ) было чрезмѣрно мало. Тѣмъ не менѣе князь Бебутовъ признавалъ крѣпость достаточно сильной противъ того турецкаго отряда, который могъ бы быть направленъ изъ Баязета.

Вообще же, какъ видно, главная слабость всѣхъ указанныхъ крѣпостей заключалась въ недостаточности ихъ артиллерійскаго вооруженія. Насколько въ Закавказьѣ были невелики артиллерійскіе запасы, видно изъ того, что часть орудій для вооруженія пограничныхъ пунктовъ была снята съ укрѣпленій Лезгинской линіи, вооруженіе которой было пополнено изъ склада въ Дубовкѣ. Совершенно не имѣлось также запасныхъ лафетовъ и платформъ, которые приходилось вновь заготавливать.

Наибольшія опасенія князя Воронцова вызывала оборона Гуріи и береговой линіи [2]). Уже въ сентябрѣ получались тревожные слухи о сосредоточеніи турецкаго отряда до 4000 регулярныхъ и 10.000 иррегулярныхъ войскъ въ окрестностяхъ Батума и на границѣ Гуріи. Слабость нашего флота, охранявшаго черноморское побережье, давала возможность туркамъ предпринять противъ Гуріи одновременно сухопутныя и морскія дѣйствія значительнымъ ихъ флотомъ, который базировался на Батумъ. Такой планъ съ ихъ стороны подтверждался какъ разработкой дороги къ Озургетамъ и посту св. Николая, такъ и слухами о сосредоточеніи въ Батумѣ большого сухопутнаго отряда, флота и значительнаго числа кочермъ.

---

[1]) Арх. Шт. Кавк. Воен. Окр. Ген. Шт., дѣйств. корп., 1853 г., д. № 2, ч. I. Рапортъ кн. Бебутова кн. Воронцову 1 сентября 1853 г., № 16.

[2]) Тамъ же. Письмо адм. Серебрякова кн. Воронцову 24 сентября 1853 г. Арх. Воен. Уч. Ком., Отд. 2, д. № 6562. Письмо кн. Воронцова военному министру 5 октября 1853 г.

Между тѣмъ въ Гуріи былъ расположенъ лишь одинъ Черноморскій линейный № 12 баталіонъ и двѣ роты Грузинскаго линейнаго № 1 баталіона, которые прибыли изъ Кутаиса.

Со стороны моря наша граница была совершенно необезпечена.

Въ Поти было 2 старыхъ турецкихъ укрѣпленія, но они не были вооружены.

Князь А. С. Меншиковъ.

Укрѣпленія береговой линіи были построены исключительно противъ горцевъ; со стороны моря они были совершенно открыты, не исключая Новороссійска и Геленджика. Среднія укрѣпленія, отъ Новотроицкаго до Гагры включительно, какъ земляныя такъ и каменныя, могли быть разрушены въ самое короткое время артиллеріей хотя бы одного непріятельскаго фрегата. Число орудій, обращенныхъ къ морю, и ихъ калибръ были настолько незначительны (въ Новороссійскѣ — 4 орудія, въ Геленджикѣ — 2 орудія, въ остальныхъ укрѣпленіяхъ по 1 или 2 блокгауза, съ 1 орудіемъ каждый), что не могли устоять противъ артиллеріи флота. Укрѣпленія Пицунда и Бомборы, хотя тоже были слабы, но настолько удалены отъ моря, что первое мало подвергалось опасности, а второе было совсѣмъ обезпечено отъ огня флота. Городъ Сухумъ не былъ укрѣпленъ ни съ моря, ни съ сухого пути, а старая Сухумская крѣпость представляла съ моря развалины бастіоновъ и одну стѣну, частью обвалившуюся, которую было не трудно окончательно привести въ негодность нѣсколькими десятками выстрѣловъ [1]).

Между тѣмъ, высадка на этомъ берегу, хотя бы и небольшого непріятельскаго отряда, должна была отразиться для насъ

---

[1]) Арх. Кавк. Воен. Окр., 1 отд. Ген. Шт., д. 11, кн. I. Рапортъ начальника Черном. берег. линіи 17 мая, № 89.

невыгодно въ умахъ горцевъ, которые, конечно, воспользовались бы случаемъ для нападенія на эти укрѣпленія со стороны горъ.

Уже въ іюнѣ [1]) среди горцевъ ходили слухи о скоромъ движеніи Магометъ-Амина въ Абхазію, Мингрелію и Гурію на соединеніе съ турецкой арміей и объ ожидаемой помощи западныхъ державъ, съ которыми Магометъ-Аминъ находился въ сношеніи [2]). Въ случаѣ его удачи нельзя было разсчитывать на вѣрность мусульманскаго населенія этихъ областей, особенно Абхазіи, т.-е. въ тылу тѣхъ слабыхъ войскъ, которыя могли быть сосредоточены на гурійской границѣ.

Усиленіе фортовъ и постройка береговыхъ батарей, при недостаткѣ войскъ и трудности, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и невозможности между ними связи, не могли бы уничтожить опасеній за наше побережье. Эти разобщенныя укрѣпленія были, по сравненію полковника Колюбакина [3]), въ виду доступности берега для высадки на всемъ протяженіи, „похожи на ворота среди чистаго „поля, и развѣ орудія не изъ чугуна или мѣди, а изъ магнита „будутъ имѣть двоякое свойство поражать и притягивать. Въ „случаѣ же усиленнаго вторженія непріятеля эти батареи, связы„вая наши движенія, будутъ не помощью, а помѣхою". Поэтому полковникъ Колюбакинъ высказывалъ, что „мы должны противъ „покушенія съ моря обезпечить себя такъ, какъ оракулъ совѣто„валъ аѳинянамъ, стѣнами деревянными, т.-е. кораблями" [4]). Та же мысль высказывалась и адмираломъ Серебряковымъ (начальникъ Черноморской береговой линіи), который убѣдительно доказывалъ необходимость непрерывнаго крейсерства флота вдоль всего берега отъ Анапы до поста св. Николая, а такъ какъ назначавшихся для этой цѣли 1 фрегата и 6 малыхъ судовъ недостаточно, то онъ просилъ какъ усиленія ихъ судами Черноморскаго флота, такъ и разрѣшенія вооружить и держать подъ парами всѣ 5 пароходовъ Кавказской береговой линіи.

Изъ числа этихъ пароходовъ два („Молодецъ" и „Боецъ") и 8 транспортовъ предполагалось оставить въ распоряженіи на-

---

[1]) Арх. Кавк. Воен. Окр., 1 отд. Ген. Шт., д. № 10. Письмо полк. Колюбакина къ ген. Вольфу отъ 7 іюня.

[2]) Арх. Шт. Кавк. Воен. Окр. Ген. Шт., 1853 г., д. № 3. Письмо Магометъ-Амина къ французскому посланнику въ Турціи.

[3]) Начальникъ III отдѣленія береговой линіи.

[4]) Полк. Колюбакинъ—ген. Вольфу 7 іюня 1853 г. Арх. Шт. Кавк. Воен. Окр., Отд. 2 Ген. Шт., 1853 г., секр. д. № 10.

чальника береговой линіи для текущей службы, т.-е. для поддержанія связи между фортами, для подвоза къ нимъ продовольствія, такъ какъ торговыя сношенія съ горцами прекратились, для эвакуаціи больныхъ и проч. Остальные три парохода („Могучій", „Эльборусъ" и „Колхида") вмѣстѣ съ паровой шхуной „Аргонавтъ" предполагалось присоединить къ крейсерамъ Черноморскаго флота со спеціальной цѣлью охранять побережье и препятствовать доставкѣ турками горцамъ боевыхъ припасовъ.

Пароходы эти, однако, были не всѣ въ готовности къ плаванью; они требовали дополнительнаго артиллерійскаго вооруженія и нѣкоторые изъ нихъ ремонта [1]).

Адмиралъ Серебряковъ полагалъ усилить открытыя съ моря укрѣпленія земляными батареями, которыя вооружить запасными орудіями береговой линіи, а также орудіями, взятыми изъ южнаго артиллерійскаго округа.

Онъ считалъ также необходимымъ усилить мѣстные гарнизоны до прихода 13-й дивизіи призывомъ мингрельской и имеретинской милицій, о чемъ просилъ и владѣтель Абхазіи, князь Шервашидзе, сильно опасавшійся начавшагося среди горцевъ непріязненнаго движенія [2]).

Князь Воронцовъ разрѣшилъ адмиралу Серебрякову привести эти предположенія въ исполненіе, при чемъ береговая линія должна была быть усилена 3 сотнями мингрельской милиціи, подъ начальствомъ князя Константина Дадіана, и сборомъ, въ случаѣ надобности, одной или двухъ имеретинскихъ сотенъ. Намѣстникъ приказалъ, за неимѣніемъ другихъ свободныхъ войскъ, приготовить къ походу баталіонъ Черноморскаго казачьяго войска, который долженъ былъ смѣнить одинъ изъ линейныхъ баталіоновъ I отдѣленія береговой линіи, а этотъ послѣдній прибыть въ III отдѣленіе [3]).

Приготовленія къ войнѣ по части артиллерійской сводились къ вооруженію пограничныхъ крѣпостей, устройству артиллерійскихъ складовъ и сформированію запаснаго и осаднаго артиллерійскихъ парковъ.

---

[1]) Приложеніе къ письму адм. Серебрякова отъ 24 мая 1853 г., № 74.

[2]) Арх. Кавк. Воен. Окр., 2 отд. Ген. Шт., д. № 10. Письмо кн. Шервашидзе ген. Вольфу отъ 7 іюня 1853 г.

[3]) Арх. Кавк. Воен. Окр., 6 отд. дежурства, № 216. Предписаніе и. д. начальника Гл. Шт. полк. Колюбакину 16 іюня, № 17.

Къ началу кампаніи въ крѣпостяхъ состояло:

Въ Озургетахъ . . .	2	ор.	и	300	ружей	для	вооруж.	жит.
„ Ахалцыхѣ . . .	42	„	„	375	„	„	„	„
„ Ахалкалакахъ . .	19	„	„	125	„	„	„	„
„ Александрополѣ .	119	„	„	1750	„	„	„	„
„ Эривани	12	„	„	9000	„	„	„	„

По числу этихъ орудій было заготовлено по два комплекта зарядовъ и снарядовъ со всѣми припасами [1]).

Въ Александрополѣ и Ахалцыхѣ было сосредоточено по два комплекта и въ Ахалкалакахъ одинъ комплектъ зарядовъ и патроновъ на 8 легкихъ, 8 горныхъ орудій и 6 баталіоновъ пѣхоты; въ Озургетахъ 50.000 патроновъ и въ каждомъ изъ этихъ четырехъ пунктовъ матеріалы для изготовленія 15.000 кавалерійскихъ патроновъ.

Для укрѣпленій береговой линіи было рѣшено взять вооруженіе изъ запасовъ Севастополя, всего 7—18 фунт. пушекъ, 31—12 фунт., 20—6 фунт. мортиръ, 6—2 пуд. мортиръ, изъ Херсона 4—12 фунт. пушки и изъ Ростова—15 каронадъ. Боевые припасы для всѣхъ этихъ орудій также должны были получиться изъ Севастополя.

Возможность для Кавказскаго корпуса, если онъ будетъ соотвѣтственно усиленъ, наступательныхъ дѣйствій и предположеніе овладѣть въ такомъ случаѣ столь сильными турецкими укрѣпленіями, какъ Карсъ и Эрзерумъ, ставила на очередь вопросъ о сформированіи осаднаго парка [2]).

Для него было назначено:

Пушекъ	24 фунт. . .	4	(2 изъ Эривани, 2 изъ Дагестана).
Единороговъ	1 пуд. . .	2	изъ Эривани.
Мортиръ	2 „ . .	4	
„	½ „ . .	2	изъ Тифлиса.

Заряды и снаряды должны были поступить изъ Эриванской и Александропольской крѣпостей.

---

[1]) Арх. Кавк. Воен. Окр., 2 отд. Ген. Шт., секр. д. № 11, кн. 3. Отн. дежур. Корп. Штаба и. д. оберъ-квартирм. Отд. Кавк. Корп. отъ 26 сентября, № 3292.

[2]) Воен. Уч. Арх. Гл. Шт., д. № 4254. Письмо кн. Долгорукова кн. Меншикову 17 октября 1853 г. Арх. Кавк. Воен. Окр. Шт. дѣйств. корп. по Ген. Шт., № 5. Рапортъ ген. Бриммера кн. Барятинскому 25 августа, № 2259.

Личный составъ назначался изъ парка 19 артиллерійской бригады. Паркъ долженъ былъ быть перевезенъ въ Александрополь лишь въ мѣрѣ дѣйствительной надобности; для слѣдованія за войсками боевыхъ припасовъ необходимо было сформировать наемный буйволовый транспортъ изъ 120 повозокъ съ 600 буйволовъ [1]).

Запасный артиллерійскій паркъ долженъ былъ формироваться въ Тифлисѣ [2]) изъ состава 19 и 21 артиллерійскихъ бригадъ, въ числѣ 80 зарядныхъ ящиковъ, для возки комплекта зарядовъ на 2 батарейныхъ и 2 легкихъ батареи и 160 наемныхъ парныхъ

Севастополь въ концѣ восемнадцатаго столѣтія (съ оригинальнаго рисунка акварелью).

воловыхъ арбъ для возки остальныхъ зарядовъ и патроновъ (на 21¾ батал., 2-хъ стр. и 3-хъ саперн. ротъ, 10 эскадр., 4 дон. каз. пол., 3 сот. лин. каз., 25 сот. милиціи, 2-хъ кон. батар., 8 легкихъ и 6 горныхъ орудій [3]).

Кромѣ того, въ крѣпостяхъ Александрополѣ и Эривани для этихъ же войскъ должно было храниться по одному комплекту зарядовъ и патроновъ.

Въ видахъ наступательныхъ цѣлей было также приступлено къ формированію запаснаго инженернаго парка. Работу эту воз-

---

[1]) Ген. Бриммеръ — кн. Барятинскому 25 августа 1853 г., № 2259. Арх. Шт. Кавк. Воен. Окр., Дѣйств. корп. по Ген. Шт., 1853 г., д. № 5.

[2]) Арх. Кавк. Воен. Окр., Шт. Дѣйств. корп. по Ген. Шт., № 5. Рапортъ г.-л. Бриммера инспектору всей артил. 31 августа, № 2336.

[3]) Тамъ же.

ложили на капитана Кавказскаго сапернаго баталіона фонъ-Кауфмана, который и долженъ былъ принять въ свое вѣдѣніе паркъ по окончаніи его сформированія.

Такъ какъ многаго изъ потребнаго для парка имущества недоставало, и оно не могло быть взято изъ Кавказскаго сапернаго баталіона и мѣстнаго инженернаго парка, то капитану фонъ-Кауфману было поручено пріобрѣсти или изготовить недостающее количество вещей хозяйственнымъ способомъ на авансъ 5000 руб., при чемъ „по экстренности дѣла и въ полномъ довѣріи къ капи-„тану фонъ-Кауфману“ онъ былъ освобожденъ отъ веденія формальной отчетности по этому дѣлу [1]).

Несмотря на сложность возложенной задачи, она была исполнена въ трехнедѣльный срокъ, и 12 ноября Кауфманъ донесъ уже о выступленіи парка изъ Тифлиса въ Александрополь [2]).

Военно-санитарная часть получила слѣдующую организацію [3]):

кромѣ госпиталей и усиленныхъ лазаретовъ пограничныхъ пунктовъ мирнаго времени (Редутъ-Кале на 142 мѣста, Озургеты—350, Ахалцыхъ—315, Ахалкалаки—100, Эривань—300), въ Александрополѣ былъ открытъ военно-временной госпиталь на 600 мѣстъ, а также заготовлено имущество для полевого подвижного госпиталя на 1000 мѣстъ (послѣдній долженъ былъ слѣдовать за арміей на 200 наемныхъ арбахъ) и для трехъ кадровыхъ госпиталей на 600, 300 и 150 мѣстъ. Кромѣ того, оставался запасъ на 1000 мѣстъ.

На случай появленія чумы были приняты мѣры къ сформированію карантиннаго отдѣленія.

Для подвижного госпиталя изготовили 72 большихъ, подбитыхъ сукномъ палатокъ, каждая на 18 человѣкъ. Перевязочныхъ предметовъ имѣлось на 30.000 человѣкъ. Въ войскахъ было приказано имѣть по одной лазаретной брикѣ на баталіонъ, по 1 лазаретной палаткѣ и лазаретныхъ вещей на 30 человѣкъ и перевязочныхъ предметовъ на 50 человѣкъ.

---

[1]) Арх. Кавк. Воен. Окр., Шт. Дѣйств. корп. по Ген. Шт., по инж. части, № 6. Предписаніе главнокомандующаго командиру Кавк. сап. батал. 6 октября 1853 г., № 3320, рапортъ военнаго министра главнокомандующему 28 августа, № 981, рапортъ кап. фонъ-Кауфмана кн. Барятинскому 14 ноября, № 32.

[2]) Рапортъ кап. Кауфмана кн. Барятинскому 14 ноября 1853 г., № 32.

[3]) Арх. Кавк. Воен. Окр., дежурство Шт. Дѣйств. корп., 1853 г., № 105. Отн. 4 отд. деж. Шт. и. д. оберъ-квартирм. 26 сентября, № 3292, и предписаніе главнокомандующаго — ген. интенданту 25 августа, № 6.

Продовольствіе было опредѣлено на 30.000 человѣкъ, а зернового фуража для кавалерійскихъ и артиллерійскихъ лошадей на 6 мѣсяцевъ [1]).

Муки, кромѣ годовой пропорціи на весь отдѣльный Кавказскій корпусъ, было заготовлено еще 25.000 четв., что обезпечивало войска до 1 января 1854 года.

Склады сухарей были: въ Ахалцыхѣ—2500 четв., въ Александрополѣ—7500 четв., въ Эривани—5000 четв. и въ Делижанѣ—2000 четв. Всего 17.000 четв., т.-е. на 68 дней. Кромѣ того, для проходящихъ войскъ (13 пѣх. див.) изготовлялось въ Кутаисѣ 2000 четв. и въ Сухумъ-Кале 3000 четв. Мясо должно было пріобрѣтаться войсками на мѣстѣ, а при движеніи за границу по особому распоряженію. Винныя порціи разсчитывались по 4 чарки на человѣка въ недѣлю въ пропорціи на 6 мѣсяцевъ, а на поставку спирта было заключено условіе съ подрядчикомъ.

Потребность ячменя была исчислена въ 38.000 четвертей, но первоначально было заготовлено 15.000 четвертей, такъ какъ войскамъ предоставлялось право заготовленія его хозяйственнымъ способомъ.

Для войскъ Черноморской береговой линіи провіантъ доставлялся моремъ изъ Симферопольской провіантской комиссіи [2]) въ годовой пропорціи (51.768 четв. муки, 5230 четв. крупы, 6680 четв. овса); въ Ростовѣ былъ устроенъ запасъ въ 12.000 четв. муки и 1125 четв. крупы и въ Керчи въ 23.000 четв. муки и 2160 четв. крупы, при чемъ часть муки была перепечена въ сухари.

Перепеченіе муки въ сухари было устроено въ Сухумъ-Кале, Александрополѣ, Ахалцыхѣ, Кутаисѣ, Делижанѣ, Манглисѣ и Бѣломъ Ключѣ. Въ Делижанъ для этого была спеціально послана команда въ 300 человѣкъ изъ Ханъ-Келды; въ остальныхъ пунктахъ оно производилось мѣстными войсками, съ отпускомъ имъ по 50 коп. за пудъ, въ своихъ, а частью полевыхъ печахъ.

Интендантская смѣта на 6 мѣсяцевъ была исчислена въ 2.300.098 руб. 7½ коп. [3]), и, сверхъ того, князь Воронцовъ

---

[1]) Тамъ же. 2 отд. Ген. Шт., д. № 11, кн. I. Рапортъ военнаго министра главнокомандующему 14 іюня, № 876.

[2]) Арх. Кавк. Воен. Окр., 2 отд. Ген. Шт., секр. д. № 11, кн. I. Рапортъ военнаго министра главнокомандующему 14 іюня, № 876.

[3]) Тамъ же. 6 отд. дежур. шт. отд. Кавк. корп., д. № 221, ч. I. Рапортъ корп. интенд. — главнокомандующему 5 октября, № 5536.

испрашивалъ на экстраординарные расходы 62.250 руб. и на агитацію въ нашу пользу среди курдовъ 100.000 червонцевъ.

Положеніе Кавказскаго корпуса на турецкой границѣ въ значительной степени зависѣло отъ того образа дѣйствій, котораго будетъ придерживаться Персія въ случаѣ нашего разрыва съ Турціей.

Надежда на союзъ съ этой страной могла поддерживаться давнишней враждой персовъ съ турками, религіозной ихъ рознью съ шіитами и, наконецъ, неудовольствіемъ тегеранскаго двора на захватъ Турціей округа Котуръ съ окрестными землями. Но для насъ не были тайной происки Англіи, старавшейся обратить тегеранское правительство противъ Россіи и всѣми силами возбуждавшей къ тому же армянское населеніе пограничныхъ съ нами областей [1]).

Если бы даже Персія оставалась нейтральной, то все же нельзя было особенно полагаться на ея нейтралитетъ.

Коварная, легкомысленная политика этой державы, естественная ея вражда къ Россіи и желаніе отомстить намъ за прежнія неудачи, вознаградить себя за недавнюю потерю отторгнутыхъ областей, надежда на мусульманское населеніе и въ особенности на горцевъ, съ которыми персіяне были въ частыхъ сношеніяхъ, наконецъ, подстрекательство западныхъ державъ, особенно Англіи, дѣлали мало вѣроятнымъ предположеніе, чтобы, въ случаѣ войны съ Турціей, Персія не пожелала воспользоваться благопріятной минутой. Углубленіе нашего дѣйствующаго корпуса въ предѣлы Азіатской Турціи могло вызвать попытку ея взволновать пограничное населеніе. Она могла тайно содѣйствовать хищническимъ вторженіямъ вооруженныхъ партій въ наши предѣлы, оправдываясь безсиліемъ ихъ прекратить.

Возможность такихъ непріязненныхъ дѣйствій подтверждалась и опытомъ послѣдней турецкой кампаніи 1828 и 1829 годовъ; тогда, несмотря на пораженіе 1827 года и полное разстройство финансовъ, персидскій шахъ едва не началъ новой войны съ нами, чѣмъ графъ Паскевичъ былъ бы въ то время поставленъ въ опасное положеніе.

Въ наступившемъ кризисѣ принятіе мѣръ противъ Персіи также являлось существенно необходимымъ, но для этого на Кавказѣ положительно не было средствъ.

---

[1]) Воен. Уч. Арх. Гл. Шт., Отд. 2, д. № 6565, Докладъ. Канц. воен. мин., сентябрь 1853 г.

Граница съ Персіей охранялась постами отъ донскихъ №№ 10 и 13 полковъ въ числѣ 700 человѣкъ. Поддержкой имъ служили штабъ-квартиры этихъ полковъ въ Ванкахъ и Гекъ-Тапе съ 60-80 казаками въ каждомъ, отряды по три слабыхъ роты грузинскихъ линейныхъ №№ 5 и 8 баталіоновъ въ Беченагѣ и Ленкорани и пять ротъ Мингрельскаго егерскаго полка, занимавшихъ караулы въ Ханъ-Кенды и Шушѣ.

Между тѣмъ непріязненныя дѣйствія горцевъ восточнаго Кавказа, особенно лезгинъ, которыя должны были въ случаѣ войны еще болѣе усилиться, не только не давали возможности

Севастополь въ началѣ девятнадцатаго столѣтія (съ оригинальнаго рисунка акварелью).

удѣлить что-либо изъ Дагестана или Лезгинской линіи къ персидской границѣ, но, напротивъ, отряды эти, сами ослабленные выдѣленіемъ части силъ въ дѣйствующій корпусъ, требовали подкрѣпленій.

Поэтому уже въ сентябрѣ 1853 года военнымъ министромъ разработывался вопросъ объ усиленіи Кавказскаго корпуса, сверхъ назначенной туда 13-й дивизіи, еще одной пѣхотной дивизіей и одной кавалерійской бригадой изъ войскъ Европейской Россіи.

Для этой цѣли были намѣчены 14-я или 18-я пѣхотныя дивизіи съ ихъ артиллеріей. Назначеніе 14-й дивизіи представлялось болѣе удобнымъ въ томъ отношеніи, что она входила въ

составъ одного корпуса съ 13-й дивизіей, но для этого ее необходимо было бы замѣнить въ окрестностяхъ Одессы другими войсками (предполагалось резервной дивизіей 3-го пѣхотнаго корпуса). Сосредоточеніе къ Шушѣ этой дивизіи требовало бы при движеніи сухимъ путемъ четыре мѣсяца марша, а при перевозкѣ ея изъ Одессы и Севастополя моремъ—52 дня марша отъ Сухума. Къ этимъ срокамъ надо было прибавить еще два мѣсяца на приведеніе дивизіи на военное положеніе, а, принимая во вниманіе, что дороги въ Абхазіи, Мингреліи и Имеретіи для артиллеріи и обоза ранѣе апрѣля были почти непроходимы, можно было разсчитывать на прибытіе дивизіи къ границѣ Персіи не ранѣе конца мая 1854 года.

Назначеніе 18-й дивизіи давало то преимущество, что не требовало смѣны ея другими войсками; прибыть же къ границѣ она могла бы, считая 170 дней марша и два мѣсяца на приведеніе ее на военное положеніе, одновременно съ 14-ю.

Въ составъ кавалеріи такого наблюдательнаго со стороны Персіи отряда были намѣчены 6-я легкая кавалерійская дивизія или же бригада 1-й драгунской дивизіи. Первой требовалось 109 дней марша, второй—115 дней, т.-е., при выступленіи въ началѣ января 1854 года, онѣ могли прибыть по назначенію только въ концѣ апрѣля.

Князь Воронцовъ, запрошенный о тѣхъ мѣрахъ, которыя онъ, съ своей стороны, полагалъ бы необходимымъ принять противъ Персіи, тоже доносилъ [1]) о потребности для этой цѣли не менѣе одной дивизіи пѣхоты и бригады кавалеріи. Кромѣ того, онъ доказывалъ необходимость усилить, въ виду волненій среди горцевъ, Лезгинскую линію на 6 баталіоновъ и возвратить на Кавказскую линію 3 баталіона, а въ Дагестанъ два баталіона, взятыхъ въ составъ дѣйствующаго корпуса. Для исполненія же этого необходима была бы еще одна дивизія, которая при благопріятныхъ на границѣ Персіи обстоятельствахъ могла бы усилить дѣйствующій корпусъ для наступательныхъ операцій.

Императоръ Николай призналъ такія требованія чрезмѣрными и на отзывѣ князя Воронцова помѣтилъ: „Полагаю достаточнымъ „того, что уже велѣно послать; отъ князя Воронцова будетъ за„висѣть передвинуть на Лезгинскую линію тѣ ли 4 баталіона

---

[1]) Воен. Уч. Арх. Гл. Шт., Отд. 2, д. № 6565. Рапортъ военнаго министра 4 октября 1853 г., № 1061 и отн. кн. Воронцова отъ 30 октября 1853 г., № 652.

„2-й бригады 20-й дивизіи, которые уже взяты и уже направлены „мною за Кавказъ, или какія-нибудь другія части 19-й пѣхотной „дивизіи, но болѣе послать изъ Россіи *неоткуда и совершенно „невозможно* [1]), о чемъ князю Воронцову положительно объявить, „предоставляя распоряжаться, какъ по обстоятельствамъ за лучшее „признаетъ; я же остаюсь при прежнемъ мнѣніи, что означен-„ныхъ способовъ должно быть достаточно".

Между тѣмъ со стороны нашего противника принимались весьма дѣятельныя мѣры къ усиленію Анатолійской арміи.

По донесенію нашего консула [2]) въ Эрзерумѣ къ 1 января 1853 года армія эта, подъ начальствомъ мушира Абда-паши, по штатамъ должна была считать въ своихъ рядахъ до 30.000 человѣкъ, но въ дѣйствительности, за откомандированіемъ подкрѣпленій въ Константинополь, она состояла изъ 20.336 штыковъ, 4000 сабель, при 68 полевыхъ орудіяхъ, 1500 баши-бузуковъ, а всего 25.866 человѣкъ [3]).

Этотъ корпусъ могъ быть усиленъ резервами (редифомъ) на 24.000 человѣкъ (6 пѣх., 4 кав. и 1 арт. полк. изъ 12 пѣш. и 2 кон. батар.) и сборомъ до 20.000 баши-бузуковъ.

Уже въ маѣ 1853 года получались извѣстія о готовящемся призывѣ редифовъ и о сборѣ въ Эрзерумѣ продовольствія на 25.000 человѣкъ въ шестимѣсячной пропорціи.

По свѣдѣніямъ, имѣвшимся у насъ [4]), всего предполагалось турками собрать въ Анатолійской арміи до 50.000 человѣкъ пѣхоты и 17.000 кавалеріи. Изъ нихъ уже въ сентябрѣ были сосредоточены въ Карсѣ, подъ начальствомъ Вели-паши, отъ 8 до 13.000 пѣхоты, 1500 кавалеріи и 20-40 орудій. Туда же ожидалось еще 11.000 пѣхоты при 12 орудіяхъ и 3000 баши-бузуковъ. Этотъ отрядъ, составляя главныя силы, выступилъ въ началѣ октября, подъ начальствомъ Абди-паши, по направленію къ Александрополю и остановился въ 12 верстахъ отъ р. Арпачая, у Кюрюкъ-Дара.

---

[1]) Курсивъ подлинника.

[2]) Дипл. Канц. нам. и. д. нач. Гл. Шт. войскъ на Кавказѣ 5 февраля 1853 г., № 193. Арх. Шт. Кавк. Воен. Окр., 2 отд. Ген. Шт., 1853 г., д. № 11, кн. 1.

[3]) Здѣсь мы приводимъ свѣдѣніе о силѣ Анатолійской арміи по тѣмъ даннымъ, которыя имѣлись въ нашей главной квартирѣ и которыя легли въ основу нашихъ предположеній о планѣ военныхъ дѣйствій. Впослѣдствіи, при описаніи хода кампаніи, мы въ отношеніи величины турецкой арміи внесемъ измѣненія соотвѣтственно со свѣдѣніями, имѣющимися въ документахъ, которые хранятся въ Парижскомъ военномъ архивѣ.

[4]) Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, д. № 218, 1853 г. Воен. Уч. Арх. Гл. Шт., Отд. 2, д. № 6562. Записка, приложенная къ письму кн. Воронцова 26 августа 1853 г.

Другой отрядъ въ 6000 пѣхоты, 400 человѣкъ кавалеріи, 16 орудій и 1000 баши-бузуковъ сосредоточивался у Ардагана, подъ начальствомъ Ферикъ-Али-паши, угрожая Ахалцыху, къ которому турками разработывалась дорога. Ближайшей поддержкой этому отряду могли служить 8000 человѣкъ у Ольти и столько же у Чалдырскаго озера.

Въ Кабулетскомъ санджакѣ, на границѣ съ Гуріей, тоже дѣлались приготовленія къ военнымъ дѣйствіямъ: въ окрестностяхъ Тзихиндзира были построены укрѣпленія — 5 редутовъ съ палисадами, изъ которыхъ 3 господствовали надъ дорогой къ нашей границѣ, а 2 были расположены на берегу Чурукъ-су. У подножія горы Тзихиндзира, на полъ-дорогѣ между Батумомъ и нашей границей, былъ возстановленъ и подготовленъ къ вооруженію 20 орудіями выдающійся въ море фортъ. Ниже его, у самаго моря, турки построили редутъ на 6 орудій, который дополнялъ 2 маленькіе редута, раньше возведенные для защиты Батума. Вдоль границы Лозистана также были построены 3 сильныхъ укрѣпленія.

Общее число войскъ въ Батумѣ и на Чурукъ-су было около 2500 человѣкъ при 8 орудіяхъ. Редифы не были еще собраны, но санджаки Лозистана должны были выставить до 9000 баши-бузуковъ, а 3 пограничныхъ съ трапезондскимъ пашалыкомъ санджака — до 3000 человѣкъ.

На южномъ фронтѣ, противъ Эривани, у Баязета было собрано 6000 пѣхоты, 400 человѣкъ регулярной кавалеріи и 1000 баши-бузуковъ, подъ начальствомъ Ферика-Селима-паши.

Резервомъ всѣхъ этихъ отрядовъ являлись 20-25.000 человѣкъ у Эрзерума, который служилъ центральнымъ пунктомъ всей Анатолійской арміи, поставленной подъ начальство мушира Абди-паши [1]).

Въ началѣ осени въ пограничной полосѣ замѣтно было возбужденіе мѣстнаго населенія, и начались притѣсненія и насилія надъ христіанами. Вторженія отдѣльныхъ шаекъ въ наши предѣлы участились.

Самъ главнокомандующій, Абди-паша, производилъ рекогносцировку р. Арпачая. Дорога изъ Кабулетъ къ р. Чолоку испра-

---

[1]) Свѣдѣнія о турецкихъ силахъ на нашей кавказской границѣ. Арх. Канц. Воен. мин. по сн. в., 1853 г., секр. д. № 72. Рапортъ консула Яба къ Озерову изъ Эрзерума 4 іюля, 8 августа и 12 сентября 1853 г. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ. Рапортъ в. консула Guidici консулу Dendrino отъ 30 августа 1853 г. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ.

влялась. Словомъ, все предвѣщало возможность скораго открытія военныхъ дѣйствій въ то время, какъ къ намъ еще не прибыла 13 пѣхотная дивизія. Приготовленія турокъ указывали при этомъ на желаніе дѣйствовать наступательно на всемъ фронтѣ.

Облегчающимъ наше положеніе обстоятельствомъ являлось то, что Анатолійская армія была грозна не столько боевыми своими качествами, какъ числительностью. Несмотря на мѣры, принятыя еще съ начала лѣта для заготовки продовольствія, войска часто голодали, благодаря злоупотребленіямъ и безпорядочной организаціи тыла; жалованье уплачивалось неаккуратно.

Вице-адмиралъ П. С. Нахимовъ.

Результатомъ всего этого было громадное дезертирство и большой процентъ больныхъ, главнымъ образомъ желудочными болѣзнями.

III.

Ослабленіе нашихъ силъ на Кавказской линіи, ради усиленія войскъ на границѣ Турціи, не остановило приведенія въ исполненіе установленной программы по умиротворенію Кавказа. Бездѣйствіе наше или переходъ къ пассивной оборонѣ неминуемо должны бы были возвысить духъ горцевъ. Надо было ихъ развлекать, не дать имъ собраться въ большихъ силахъ на какомъ-нибудь одномъ пунктѣ, особенно въ тылу дѣйствующаго корпуса.

Противъ Черноморской линіи и праваго фланга Кавказской линіи, на всемъ протяженіи отъ Анапы, уже въ началѣ года усилилось враждебное намъ волненіе среди натухайцевъ, шапсуговъ и убыховъ.

Магометъ-Аминъ, перебрасываясь отъ одного племени къ другому, послѣдовательно подчинялъ ихъ себѣ и только небольшая часть натухайцевъ и шапсуговъ еще противилась ему. Отъ подчинившихся онъ бралъ присягу: 1) признавать подданство Турціи, 2) почитать Шамиля и его самого, какъ намѣстниковъ султана, почему безусловно имъ повиноваться, 3) исполнять предписанные кораномъ намазъ и омовеніе и 4) вносить десятину въ пользу бѣдныхъ и духовенства [1]).

Уничтоженіе родовой аристократіи и установленіе выборнаго начала увеличивали его партію среди низшихъ классовъ населенія.

Своимъ приверженцамъ Магометъ-Аминъ внушалъ необходимость дружной борьбы противъ русскихъ, обнадеживая помощью не только Турціи, съ которой находился, благодаря плохой охранѣ нашего побережья, въ частыхъ сношеніяхъ, но и западныхъ державъ.

Ближайшимъ помощникомъ Магометъ-Амина являлся Хаджи-Ибрагимъ-Ханъ-Оглу.

Простой кумыкъ, сиротою 7 лѣтъ онъ былъ отвезенъ въ Египетъ и, по окончаніи курса Каирскаго училища, былъ взятъ однимъ туркомъ, у котораго жилъ до 16 лѣтъ, когда вернулся на Кавказъ и женился на дочери шапсугскаго старшины Хаджи-Магомета-Кобли. Послѣдній изъ честолюбія выдавалъ своего зятя за сына кумыкскаго хана, и съ того времени онъ сталъ называться Ханомъ-Оглы.

Магометъ-Аминъ оцѣнилъ этого честолюбиваго, ловкаго человѣка, приблизилъ къ себѣ и поручилъ ему управленіе племенемъ натухайцевъ, а затѣмъ послалъ въ Константинополь съ письмомъ къ султану.

Вернувшись отъ султана, награжденный имъ чиномъ, Ханъ-Оглу пріобрѣлъ еще большее значеніе среди горскихъ племенъ [2]).

Весною увѣренность въ себѣ Магомета-Амина настолько возросла, что онъ 28 апрѣля предпринялъ экспедицію противъ мирныхъ натухайцевъ подъ самый Новороссійскъ и къ постамъ Варенниковскому и Гостогаевскому.

---

[1]) Воен. Уч. Арх. Гл. Шт., журналъ воен. дѣйств., 1853 г., д. № 5. Рапортъ нач. Черном. берег. л., 12 мая 1853 г. и 1 февраля, № 103. Тамъ же, дѣло № 3. Рапортъ команд. войск. на Кавк. линіи 23 февраля, № 388.

[2]) Письмо Хана-Оглу Государю 18 іюня 1859 г. и прошеніе его кн. Барятинскому 17 декабря 1859 г. Арх. Шт. Кавк. Воен. Окр.

Для противодѣйствія ему со стороны Варенникова укрѣпленія долженъ былъ дѣйствовать отрядъ адмирала Серебрякова изъ 6 баталіоновъ, ½ эскадрона, 1 сотни, 3 полевыхъ и 8 горныхъ орудій [1]), которому долженъ былъ съ Карабулахской линіи, у острова Шарко, содѣйствовать отрядъ полковника Кухаренко, силою въ 1¼ баталіона, 5 сотенъ и 4 конныхъ орудія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ для лучшей обороны линіи были начаты работы по ея сокращенію проведеніемъ постовъ прямо отъ Варенниковскаго укрѣпленія черезъ Гостогаевское къ Анапѣ и по укрѣпленію постройкой постовъ: Новокопыльскаго, Ново-Ерховскаго, Атаманскаго и 10 батарей (Отважной, Новоредутской и др.).

Со стороны Владикавказскаго округа генералъ Евдокимовъ долженъ былъ предпринять карательную экспедицію противъ племени егерукаевцевъ, главныхъ приверженцевъ Магометъ-Амина, за ихъ нападенія на Лабинскую линію.

16 февраля отрядъ его, силою въ 6 баталіоновъ, 24 сотни, 8 пѣшихъ и 6 конныхъ орудій и 22 ракетныхъ станка [2]), всего около 7850 штыковъ и сабель, выступилъ изъ Тенгинской въ направленіи къ балкѣ Джегу въ верхнюю Уль.

17 февраля, послѣ 50 верстнаго перехода, отрядъ подошелъ къ аулу Ассанъ-Шухай, огражденному тремя рядами заваловъ. Для нападенія казаки были раздѣлены на двѣ колонны: 8 сотенъ и 2 конныхъ орудія, подъ начальствомъ командира донского казачьяго № 31 полка полковника Ягодина, направились на аулъ, а 6 сотенъ войскового старшины Фелькерзама демонстрировали влѣво къ хуторамъ. Остальныя силы были оставлены въ резервѣ.

Полковникъ Ягодинъ взялъ аулъ спѣшенными казаками, подкрѣпленными затѣмъ двумя баталіонами и четырьмя сотнями.

Уничтоживъ аулъ, войска эти стали, подъ напоромъ горцевъ, воспользовавшихся закрытой, лѣсистой мѣстностью, отходить на главныя силы.

---

[1]) Черном. лин. №№ 13 и 14 батал., 3 р. Черном. лин. № 4 батал., 1 р. греческ. Балаклавск. батал., 1-й сводный батал. изъ 1 р. Черном. лин. № 1 батал., 2 р. № 3 батал., 1 р. № 15 батал., 2-й сводный батал. изъ 1 р. Черном. лин. № 3 батал., 1 р. № 16 батал., 1 р. матросовъ, 3-й сводный батал. изъ 1 р. Черном. лин. № 5 батал., 1 р. № 7 батал., 2 р. № 15 батал., 1 сот. дон. каз. № 29 полка, Апоклійскій горскій полуэскадронъ.

[2]) 4 батал. Тенгинск. п., 1 и 2 батал. и 2 р. 3 батал. Ставроп. п., 1 батал. и 1 р. 4 батал. Кубанск. егер. п., 1 р. лин. № 1 батал., 2 сот. донск. каз. № 15 п., 2 сот. донск. каз. № 31 п., 8 сот. Кавказ. бриг., 2 сот. Лабинской бриг., 8 сот. Кубанской бриг. и 2 сот. Ставроп. бриг., 2 ор. легк. № 2 батар., 6 ор. легк. № 3 батар., 4 ор. Кавк. каз. № 13 батар., 2 ор. Кавк. каз. № 14 батар., 120 чел. милиціи.

На слѣдующій день отрядъ раздѣлился: часть его отошла съ ранеными въ Тенгинское, остальные въ Темиргоевскую станицу.

Потери,—главнымъ образомъ, при отступленіи,—составляли: 1 офицеръ, 12 нижнихъ чиновъ убитыми и 6 офицеровъ, 128 нижнихъ чиновъ ранеными и контуженными.

Императоръ Николай, со вниманіемъ слѣдившій за каждымъ боевымъ столкновеніемъ на Кавказѣ, приказалъ спросить князя Воронцова: „Не произошли ли столь большія потери отъ какихъ-„либо особыхъ обстоятельствъ, и соотвѣтствуютъ ли онѣ важ-„ности достигнутой цѣли?“ [1]).

Намѣстникъ объяснялъ потери готовностью горцевъ къ встрѣчѣ нашего отряда, такъ какъ они были предупреждены о нашемъ движеніи; у насъ же все было въ порядкѣ и хорошо соображено.

На вторую часть вопроса князь Воронцовъ не даетъ отвѣта, но нельзя не признать справедливости сомнѣній Государя.

Внушительный отрядъ въ семь съ лишнимъ тысячъ человѣкъ былъ употребленъ для достиженія частной цѣли—раззоренія одного аула, тогда какъ въ тотъ же годъ въ дѣйствующемъ корпусѣ, въ главномъ сраженіи подъ Башъ-Кадыкларомъ, было собрано лишь 10.000 человѣкъ, которымъ пришлось дѣйствовать противъ 36 тысячнаго корпуса турокъ.

Со стороны Владикавказскаго округа дѣйствія, кромѣ того, были направлены и въ верховья р. Фортанги.

Ближайшіе къ намъ или „мирные“ чеченцы естественно тяготѣли къ Россіи болѣе, чѣмъ населявшіе нагорную часть Чечни, которые ненавидѣли первыхъ, какъ измѣнниковъ. Необходимо было упрочить въ мирныхъ чеченцахъ чувство довѣрія къ нашей силѣ, надо было ихъ поддержать противъ враждебныхъ сородичей и облегчить желающимъ выселеніе подъ защиту нашихъ передовыхъ постовъ и укрѣпленій.

Съ этой цѣлью весною было предпринято движеніе въ Шаложинское ущелье.

7 марта баронъ Вревскій прибылъ въ станицу Михайловскую, откуда послалъ приказъ частямъ съ Верхне-Сунженской линіи и изъ Бумутскаго укрѣпленія собираться въ Ачхой [2]).

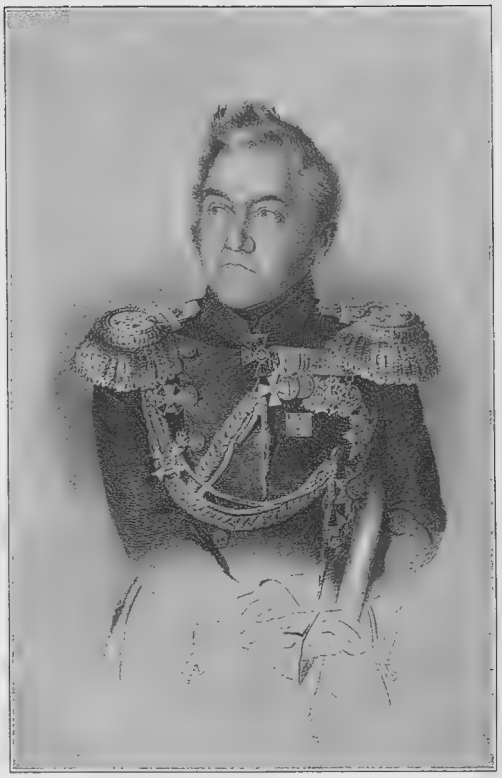
---

[1]) Воен. Уч. Арх. Гл. Шт., 1853 г., о воен. происш., д. № 3. Отн. Воен. Мин. отъ 7 марта 1853 г. и отвѣтъ кн. Воронцова отъ 20 марта, за № 11.

[2]) Воен. Уч. Арх. Гл. Шт., д. № 14, 1853 г. (по донес. Нач. Владикавк. окр. о воен. происш. въ 1853 г.).

8 марта отрядъ изъ 2¼ баталіоновъ, 4 орудій, 5 сотенъ [1]) былъ собранъ и на разсвѣтѣ двинулся въ Шаложинское ущелье, гдѣ горцы устроили ровъ съ завалами.

Казаки, завидѣвъ завалъ, двинулись впередъ. Двѣ сотни 1-го Сунженскаго полка спѣшились, выбили смѣлымъ ударомъ изъ завала чеченцевъ и завладѣли ауломъ. Часть жителей добровольно присоединилась къ намъ.



Адмиралъ Михаилъ Петровичъ Лазаревъ.

Далѣе шелъ лѣсистый возвышенный гребень между р. Шаложей и Валерикомъ; сакли лѣпились по верху гребня. Въ нихъ оказано было отчаянное сопротивленіе, и только въ 2 часа дня, послѣ девяти-часового боя, аулы пали, и тогда началось обратное движеніе отряда.

Потери наши составляли: 1 офицеръ и 11 нижнихъ чиновъ убитыхъ, 1 офицеръ и 42 нижнихъ чина раненыхъ.

Въ результатѣ къ намъ присоединилось во время боя 25 и послѣ боя 10 чеченскихъ семействъ.

9 марта отрядъ усилился двумя ротами [2]) и продолжалъ дѣло уничтоженія заваловъ.

Съ 26 марта было приступлено къ рубкѣ лѣса и разработкѣ дорогъ, расходящихся изъ Мужиса къ Владикавказу, къ Галашевскому ущелью и отъ Корелама къ Новому Дашыху.

Чеченскій отрядъ, подъ начальствомъ князя Барятинскаго, состоялъ изъ 11 баталіоновъ, 4 эскадроновъ, 8 сотенъ, 24 орудій,

---

[1]) 3 р. 2-го батал. Эриванск. п., 2 р. 2-го батал. Тенгинск. п., 3 р. 2-го батал. Кубанск. егер. п. и 1 р. Кавказ. лин. № 4 батал., 5 сот. каз. и 4 ор.

[2]) 13-я мушкет. р. Тенгинск. и 5-я грен. р. Навагинск. полковъ.

силою около 10.600 штыковъ и сабель [1]). Онъ былъ расположенъ слѣдующимъ образомъ: 8 баталіоновъ, 2 команды, 7 сотенъ и артиллерія въ Грозной [2]); 3 баталіона егерскаго князя Чернышева полка на Кумыкской плоскости въ укрѣпленіи Хасавъ-Юртъ; сотня донского казачьяго № 17 полка въ укрѣпленіи Куринскомъ, и 2 дивизіона драгунскаго Наслѣднаго Принца Виртембергскаго полка и 1 сотня Кизлярскаго казачьяго полка въ станицѣ Шелководной.

Въ январѣ и февралѣ княземъ Барятинскимъ были предприняты экспедиціи для прорубки просѣкъ на р. Мичикѣ отъ Куринскаго укрѣпленія на Гурдалай черезъ Гасанвинское ущелье и на Хоби-Шавдонъ, который и былъ занятъ 6 февраля.

Шамиль имѣлъ на Мичикѣ у Гурдалая 12.000 пѣхоты и 8000 конницы.

17 февраля его позиція была атакована съ фронта двумя баталіонами при 14 орудіяхъ полковника Левина и слѣва двумя баталіонами при 4 орудіяхъ полковника барона Николаи.

Кавалерія генералъ-маіора Бакланова съ 1 баталіономъ егерскаго князя Воронцова полка при 8 орудіяхъ была послана въ обходъ съ праваго фланга, къ сліянію Мичика съ Гонсолью.

Шамиль, атакованный со всѣхъ сторонъ, былъ разбитъ и бѣжалъ, потерявъ 500 человѣкъ убитыми. У насъ выбыло изъ строя только 11 человѣкъ раненыхъ.

Этотъ успѣхъ имѣлъ для насъ большое значеніе, такъ какъ онъ открылъ прямое сообщеніе крѣпости Воздвиженской съ Мичикомъ и Кумыкской плоскостью.

Въ Прикаспійскомъ краѣ весной и лѣтомъ дѣйствія горцевъ ограничивались вторженіемъ мелкихъ партій, но въ іюлѣ стали распространяться слухи о сборѣ Шамилемъ значительныхъ силъ на границѣ Джаро-Бѣлоканской области; почему для наблюденія за нимъ были собраны отряды генералъ-маіора Волкова, силою 2 баталіона, 6 орудій и 2 сотни [3]) на Куришинскихъ высотахъ, и князя Аргутинскаго-Долгорукова, силою въ 8 баталіоновъ,

---

[1]) Арх. Воен. Уч. Ком. Гл. Шт., д. № 9, 1853 г.; по донес. нач. Чегенск. отр. о воен. происш. Рапорты Военному Министру 9 января, № 52, 21 февраля, № 420.

[2]) 1 и 3 батал. Тенгинск. п., 1 и 4 батал. Навагин. п., 2, 3 и 4 батал. егер. кн. Воронцова п., 1 свод. лин. батал., ком. 3 рез. саперн. и Кавк. стрѣлк. батал., 3 сот. лин. каз. в., 1 с. Моздокск. каз. п., 1 с. Гребенск. каз. п., 1 с. Грознен. каз. п., 1 с. Чегенск. мил., по 1 див. батар. № 3, 21 арт. бр. и № 5, 26 арт. бр.; 1 див. легк. № 5 батар., 20 арт. бр.; 2 взв. № 4 батар. 20 арт. бр.; 1 взв. дон. каз. № 7 батар., 6 ор. к. арт. каз. № 15 батар., 10 зар. ящ. подв. запасн. парка 19 ар. бр.

[3]) 3 и 4 батал. Апшеронск. п., 1 див. легк. № 6 батар. 20 арт. бр., 1 взв. единороговъ горн. № 4 батар. 21 арт. бр., 1 и 2 с. Дагестан. конно-иррег. полка.

сводной команды штуцерныхъ, 10 орудій и 6 сотенъ [1]), на Турчиданѣ.

Въ наступленіе съ этой стороны мы не переходили.

Такимъ образомъ мы на всемъ протяженіи приняли въ общемъ положеніе активно-оборонительное, и наступательныя дѣйствія имѣли главнымъ образомъ цѣль демонстративную, угрозу, удержаніе горцевъ отъ нападенія въ наиболѣе невыгодномъ для насъ направленіи.

Скоро, однако, обнаружилось, что слухи о войнѣ съ Турціей настолько возвысили духъ непокорныхъ горцевъ, что изъ положенія оборонительнаго они перешли въ смѣлое наступленіе.

Въ половинѣ марта [2]) въ западной части Кавказскаго хребта Магометъ-Аминъ началъ распространять свою власть на джигетовъ и на шапсуговъ до форта Лазарева, при чемъ шапсуги сѣвернаго склона Кавказскаго хребта добровольно къ нему присоединились. Абадзехи же еще раньше признавали его власть.

13 марта Магометъ-Аминъ спустился со своими полчищами къ укрѣпленію Вельяминовскому, 20 числа прошелъ мимо Тенгинскаго, 30 у Ново-Троицкаго, 2 апрѣля у Шапоръ, откуда направился къ дальнимъ натухайцамъ.

Попутно онъ произвелъ рекогносцировку нашихъ укрѣпленій и объ Тенгинскомъ выразился, что „его не трудно взять, но „только для этого необходимо пожертвовать 800 человѣкъ“.

Всѣмъ этимъ передвиженіямъ намъ было невозможно препятствовать, такъ какъ въ средней части береговой линіи не было продольнаго сообщенія по берегу. Дѣйствія наступательныя въ это время года не могли бы принести намъ пользы, такъ какъ жителямъ нечего было терять. Поэтому войска были исключительно заняты работами по улучшенію сообщеній, проложеніемъ просѣкъ между Адогумомъ и укрѣпленіемъ Абинскимъ на соединеніе съ ранѣе проложенной просѣкой по Неберджой и Адогуму, чѣмъ достигалось безпрепятственное сообщеніе Новороссійска съ укрѣпленіемъ Абинскимъ.

---

[1]) 4-й батал. и 2 р. 3-го Дагестан. п., 2 и 4 батал. Самурск. п., 2 р. Кавк. стр. батал., св. взв. штуц. грузинск. лин. батал. №№ 13, 14, 15 и 16, 3-й див. драг. Е. К. В. Н. П. В. п., 3 и 5 с. Дагест. конно-иррег. п., див. единороговъ и взв. мортиръ горн. № 2 батар. 20 арт. бриг., 3 батал. Эрив. п., 1 батал. Самурск. п., ком. штуцерн. грузин. лин. №№ 14 и 18 батал., 1 взв. горн. № 2 батар. 20 арт. бриг., 1 взв. горн. № 4 батар. 21 арт. бриг., 2 с. д. к. № 14 п., 2 с. Кюринской кон. милиціи.

[2]) Воен. Уч. Арх. Гл. Шт., д. № 5, 1853 г. (По дон. нач. Черном. бер. лин. о воен. происш.). Рапорты 18 марта, № 47, и 9 мая, № 61.

Для этой цѣли 25 марта былъ собранъ отрядъ изъ Новороссійскаго, Анапскаго и Геленджикскаго гарнизоновъ въ составѣ $3^3/_4$ баталіона, $^1/_2$ сотни казаковъ, 4 полевыхъ и 6 горныхъ орудій, силою въ 3276 штыковъ и сабель.

26 марта отрядъ выступилъ, 27-го прибылъ въ Адогумъ. До 31-го безпрепятственно шла рубка лѣса. Магометъ-Аминъ совѣтывалъ горцамъ принять до соединенія всѣхъ силъ выжидательный образъ дѣйствій. 31 марта была произведена рекогносцировка къ Шипсу, а 5 апрѣля было получено извѣстіе о движеніи Магометъ-Амина въ Хобль. 7 апрѣля отрядъ, за недостаткомъ продовольствія, котораго было взято на 14 дней, вернулся въ Новороссійскъ.

Въ результатѣ была прорублена просѣка въ 11 верстъ длиною и 1 версту шириною.

19 апрѣля шапсуги сѣвернаго склона горъ собрались у лѣса Сепуазе, а на 21-е былъ назначенъ ихъ сборъ у Адогума. Для воспрепятствованія имъ 21 апрѣля былъ двинутъ изъ Новороссійска и Геленджика отрядъ въ $3^1/_2$ баталіона, $^1/_2$ сотни, 2 полевыхъ и 4 горныхъ орудія, т.-е. около 2400 штыковъ и сабель, который 23 числа прибылъ въ Нижній Адогумъ.

Магометъ-Аминъ отступилъ безъ боя къ натухайцамъ, а 24-го отрядъ вернулся въ Новороссійскъ, откуда на слѣдующій день перешелъ къ форту Раевскаго для прикрытія мирныхъ натухайцевъ отъ ихъ непокорныхъ единоплеменниковъ.

30 апрѣля отрядъ, подъ начальствомъ генерала Дебу, атаковалъ скопище горцевъ на высотахъ Маркотхе и его разсѣялъ.

Болѣе энергичныхъ дѣйствій на этомъ фронтѣ предпринять было невозможно за недостаткомъ силъ. Дѣйствительно, въ Анапѣ, за выдѣленіемъ указаннаго выше отряда, оставалось 2-3 роты, въ Новороссійскѣ — менѣе баталіона, въ Геленджикѣ — 3 роты. При этомъ укрѣпленія Новороссійска были растянуты и слабы. Въ остальныхъ укрѣпленіяхъ береговой линіи гарнизоны тоже были очень слабы; такъ, напримѣръ, линейный № 8 баталіонъ былъ раздѣленъ на 3 части: штабъ и 2 роты въ Навагинскомъ, рота въ укрѣпленіи Св. Духа, рота въ Гаграхъ, а Пицунда занималась линейнымъ № 9 баталіономъ.

Между тѣмъ въ іюнѣ и началѣ августа власть Магометъ-Амина настолько возросла, что онъ вторгнулся даже въ Кабарду для удержанія переселенія части населенія въ наши предѣлы, что ему и удалось. Вслѣдъ за этимъ онъ провозгласилъ священную войну противъ насъ „въ союзѣ съ Турціей“ и собирался напасть

на укрѣпленіе Вознесенское. Появленіе русскаго отряда вынудило его отказаться отъ похода на Вознесенское, но лишь временно: мысль нападенія на наши разрозненныя силы не оставляла Магометъ-Амина.

26 іюля сборище изъ 8000 натухайцевъ и шапсуговъ напало на укрѣпленіе Гостогаевское, занятое слабымъ гарнизономъ изъ гренадерской роты Черноморскаго линейнаго № 1 баталіона съ 1 орудіемъ, силою около 300 человѣкъ, подъ командой поручика Вояковскаго [1]).

Генералъ-адъютантъ В. А. Корниловъ.

Къ счастью, поручикъ Вояковскій зналъ о готовящемся нападеніи и для встрѣчи многочисленнаго непріятеля сдѣлалъ всѣ распоряженія.

Въ ночь на 26 іюля скрытно подкрались горцы къ укрѣпленію и залегли въ разстояніи ружейнаго выстрѣла, а въ 3 часа утра ползкомъ стали къ нему приближаться, но сигналъ тревоги поднялъ уже гарнизонъ, быстро изготовившійся къ бою. Тогда горцы бросились на приступъ открытою силою и всѣ три атаки ихъ были отражены штыками храбраго гарнизона.

Въ защитѣ укрѣпленія участвовали всѣ способные владѣть оружіемъ: докторъ, священникъ, денщики; даже женщины и дѣти приносили посильную помощь подносомъ зарядовъ и уходомъ за ранеными.

Все пространство впереди укрѣпленія было усѣяно тѣлами убитыхъ; на парапетѣ собрано 78 тѣлъ, внѣ укрѣпленія до 800. У насъ же убито всего 2 и ранено 8 человѣкъ.

---

[1]) Воен. Уч. Арх. Гл. Шт., д. № 5, 1853 г., по донес. нач. Черном. берег. лин. о воен. происш. въ 1853 г. Рапортъ отъ 3 августа, № 125.

На донесеніи объ этомъ славномъ дѣлѣ Государь начерталъ: „Всѣмъ офицерамъ слѣдующій чинъ, а поручика Вояковскаго изъ „штабсъ-капитановъ въ капитаны и Георгія 4 ст. черезъ думу; „нижнимъ чинамъ строевымъ и нестроевымъ по 3 рубля серебромъ и на раздачу отличившимся 6 знаковъ отличія военнаго „ордена; женамъ и дѣтямъ по 1 руб., а женѣ поручика Булича „золотую медаль за усердіе и пенсіонъ по жизнь, по жалованью „мужа, и публиковать!“

Почти одновременно горцами было произведено нападеніе на Тенгинское укрѣпленіе, занятое гарнизономъ въ 9 офицеровъ и 518 нижнихъ чиновъ при 1 орудіи.

20 іюля горцы обложили укрѣпленіе, 23-го они напали на блокгаузъ, чтобы захватить орудіе, тамъ расположенное, но гарнизонъ блокгауза изъ 56 человѣкъ отбилъ атаку. Послѣ второго штурма на укрѣпленіе, въ отраженіи котораго огнемъ участвовалъ съ моря бригъ „Ендиміонъ“, горцы отступили; наша потеря состояла изъ 20 человѣкъ.

Вслѣдъ за этими двумя ударами послѣдовалъ третій со стороны самого Шамиля, притомъ въ направленіи, для насъ наиболѣе опасномъ, — на Лезгинскую линію, въ тылъ тѣхъ войскъ, которыя должны были составить дѣйствующій на турецкой границѣ корпусъ.

Шамиль вышелъ съ 10.000 дагестанскихъ горцевъ 25 августа съ горъ противъ нашего укрѣпленія Н. Закаталы.

У начальника Лезгинской линіи, князя Орбеліани, было собрано всего 3½ батал., 6 ор. и 500 казаковъ [1]), но и съ этимъ слабымъ отрядомъ онъ смѣло двинулся навстрѣчу Шамилю, и послѣ горячаго боя до самаго вечера (у насъ потеря убитыми и ранеными простиралась до 139 человѣкъ), Шамиль былъ вынужденъ отказаться отъ прямого направленія и отойти въ горы. Оттуда онъ выслалъ три отряда: первый—наиба Бакранъ-Алія для обложенія укрѣпленія Месельдегеръ, другой—подъ начальствомъ Даніель-Бека, въ Бѣлоканскую область и третій—ирибскаго наиба Кази-Магомеда, въ долину Мукачъ [2]).

Князь Орбеліани, успѣвшій уже 28 августа притянуть къ себѣ 1 батал. и 2 горн. ор. изъ Елисуйскаго ущелья и Шинскій

---

[1]) 2 с. съ Алазанской линіи, 1 батал. и 2 горн. ор. изъ Бѣлоканъ, 1 батал. и 2 горн. ор. изъ Месельдегера, 1½ батал. и 2 горн. ор. изъ Мухахскаго ущелья.

[2]) Воен. Уч. Арх. Гл. Шт., д. № 7, 1853 г. По дон. нач. Лезг. лин. о воен. происш. 1853 г. Рапортъ 11 сентября, № 726.

отрядъ изъ 3 ротъ и ½ сотни, направилъ свои дѣйствія противъ отряженныхъ Шамилемъ отрядовъ, ограничиваясь наблюденіемъ за нимъ самимъ небольшими силами.

Между тѣмъ горцы 29 августа взяли Катехъ и Мацехъ, а 30 августа Даніель-Бекъ дошелъ до Бѣлоканъ. Князь Орбеліани выступилъ противъ него изъ Закаталъ съ 4 батал., 6 ор. и всей кавалеріей, очистилъ Бѣлоканскій округъ и въ тотъ же день вернулся въ Закаталы, сдѣлавъ 70 верстъ въ 18 часовъ.

1 сентября Даніель-Бекъ соединился съ ирибскимъ наибомъ Кази-Магомедомъ въ Мухахскомъ ущельи. Въ ночь на 2 сентября имъ сожжены ст. Муганлинская и Алмалинская, но быстрое прибытіе туда князя Орбеліани вынудило ихъ отступить.

3 сентября Шамиль перешелъ въ Катехское ущелье, а вслѣдъ за нимъ двинулся князь Орбеліани съ 5 батал. и 9 ор., но 4 сентября Шамиль свернулъ къ крѣпости Месельдегеръ. Догнать его было невозможно изъ-за задержки на выступившей изъ береговъ р. Катехъ-чай. Князь Орбеліани, перейдя ее только къ вечеру, не могъ итти далѣе на выручку Месельдегера, такъ какъ къ нему вела лишь одна извилистая тропа, по которой пришлось бы, подъ выстрѣлами горцевъ, двигаться по одному человѣку.

Слухи о намѣреніяхъ Шамиля, какъ было уже выше упомянуто, еще въ началѣ августа доходили до князя Аргутинскаго-Долгорукова, начальника войскъ Прикаспійскаго края.

27 августа слухи эти подтвердились, и князь Аргутинскій рѣшился отвлечь Шамиля отъ Лезгинской линіи движеніемъ черезъ горы въ Джарскую область, или же напасть на него, соединившись съ княземъ Орбеліани [1]).

Немедленно весь дагестанскій отрядъ выступилъ съ Турчидага, имѣя при себѣ продовольствія на 12 дней, и 28 числа прибылъ въ Кумухское укрѣпленіе [2]).

Князь Аргутинскій, распуская слухъ о движеніи своемъ въ Табасаранъ, направился черезъ Хозрекъ и перевалъ Носдагъ въ

---

[1]) Воен. Уч. Арх. Гл. Шт., д. № 10, 1853 г., съ дон. Ком. в. въ Прикасп. обл. о воен. происш. Рапортъ Военному министру 20 сентября, № 365, и „80 лѣтъ боевой и мирной „жизни 20 арт. бриг., 1806—1886 гг. Историческій очеркъ войны и владычества русскихъ на „Кавказѣ“, составилъ кап. Янжулъ, подъ редакц. г.-м. Чернявскаго. Тифлисъ, 1887 г.

[2]) Въ составъ отряда входили: 1-й и 3-й батал. гр. фельдм. гр. Паскевича-Эрив. п.; 1-й, 2-й и 4-й батал. Самурскаго п.; ком. Кавк. саперн. батал.; 2-я р. Кавк. стрѣлк. батал.; штуцерн. ком. 17 и 18 груз. лин. батал.; 3-й див. драг. Е. К. В. Н. Пр. Виртембергскаго п.; 1, 2, 3 и 5 с. Дагестанск. конно-иррег. п.; 5 и 6 с. донск. каз. № 14 п.; 2 с. Казыкумукской кон. милиціи; 2 с. Акутинск. мил.; 1 с. Кюринской мил.; 1 сборн. с. мил.; 4 единорога

Ихрякское ущелье. Въ Ихрякскомъ ущельи къ отряду присоединились изъ Лучека 2 и 4 баталіоны гренадерскаго князя Варшавскаго полка и 4 единорога горной № 4 батареи, 2 кон. и 5 пѣш. сотенъ Самурской милиціи и 2 сот. Кубинскихъ нукеровъ.

Далѣе на западъ путь лежалъ черезъ два хребта и Дульти-Дагъ къ сел. Кусуръ. Отъ Ихрякскаго ущелья до Кусура 32¼ версты, но для ихъ прохожденія потребовалось 3 сутокъ.

30 августа отрядъ поднялся на Дульти-Дагъ, вечеромъ окончилъ его переходъ и заночевалъ у подножья хребта. Движеніе далѣе становилось все труднѣе. Ночью на 1 сентября предстоялъ крутой подъемъ на Курти-Дагъ. Благодаря дождямъ, дорога размякла, былъ туманъ, шелъ снѣгъ. До 30 лошадей здѣсь сорвалось и погибло; орудія мѣстами приходилось нести на рукахъ. Переходъ черезъ Кусурскій хребетъ сдѣланъ въ 22 часа. Лошади были до крайности изнурены, благодаря непосильной работѣ при недостаткѣ фуража — въ горахъ росъ лишь древовидный бурьянъ. Люди и на ночлегѣ не имѣли отдыха: на узкой тропѣ, гдѣ было невозможно разъѣхаться, приходилось становиться на ночь, спать безъ костровъ, держа лошадей въ поводу.

2 сентября отрядъ имѣлъ дневку у раззореннаго аула Кусуръ. Крутой спускъ къ нему съ горъ при метели и вьюгѣ сильно задержалъ движеніе, и аріергардъ прибылъ въ Кусуръ только 3 сентября, въ 7 часовъ утра. Далѣе предстояло сдѣлать еще 37 верстъ по Самуру на перевалъ Гудуръ-Дагъ. Въ Кусурѣ отрядъ раздѣлился: 1) князь Аргутинскій съ 4¼ баталіонами, 2 эск., 8 сот. и 6 ор. [1]), имѣя продовольствія на 4 дня, двинулся далѣе и 2) полковникъ Рокуса съ 3¾ батал., 8 сот. и 6 ор. [2]) долженъ

и 2 морт. горн. № 2 батар. 20 арт. бриг. и 2 морт. горн. № 4 батар. 21 арт. бриг., 2 ракетн. ком. по 8 станковъ.

Для охраненія Казыкумукскаго ханства оставлено было, подъ нач. ком. Дагестанск. п. полк. Броневскаго, въ сел. Кумухѣ 2 р. 3-го батал. этого полка, 2 един. горн. № 4 батар. и 2 с. мил., у сел. Унджугатля—4-й батал. Дагестанск. п. и штуцерн. груз. лин. №№ 13, 14, 15 и 16 батал., 2 един. горн. № 2 батар. и 1 с. мил.; на Кутишинскихъ высотахъ, для охраненія Даргинскаго округа — 3-й и 4-й батал. Апшерон. п., 4 ор. легк. № 6 батар. 20 арт. бриг.; 2 един. горн. № 4 батар. 21 арт. бриг.; 1 ракетн. ком.; 2 с. мил., подъ нач. командира 1 бриг. 20 пѣх. див. ген.-маіора Волкова.

[1]) 4 батал. пѣх. фельдм. гр. Паскевича-Эрив. п. съ 1 стр. ротой; 1 див. драгунъ; 4 с. дагест. конно-ир. п.; 2 с. д. каз. № 14 п.; 2 с. мил.; 4 единор. 2 морт. горн. № 4 батар.

[2]) 3 батал. Самурск. п., 8 с. кон. мил., 5 с. пѣш. мил., 4 единор. и 2 морт. № 2 батар.

былъ принять все лишнее изъ перваго отряда и оставаться въ резервѣ у Кусура.

4-го сентября, въ 4½ часа утра отрядъ князя Аргутинскаго сталъ спускаться съ крутого перевала по тяжелой дорогѣ. Движеніе задерживалось, такъ какъ часто приходилось перевьючивать и подымать упавшихъ лошадей. Къ 9 часамъ вечера князь Аргутинскій прибылъ съ 1 баталіономъ въ Динды (сдѣлавъ 31 версту), т.-е. былъ лишь въ 6 верстахъ отъ

Видъ Одессы.

Гонзагора, но весь отрядъ собрался туда лишь къ полуночи съ 5 на 6 сентября.

Въ это время положеніе горсти нашихъ храбрецовъ въ Месельдегерѣ было критическое [1]).

Весь гарнизонъ этого укрѣпленія, съ незаконченными еще верками, состоялъ, подъ начальствомъ подполковника Критскаго, изъ двухъ ротъ Мингрельскаго егерскаго полка, команды саперъ и мастеровыхъ при 2 полевыхъ орудіяхъ.

Въ 12 часовъ дня 4 сентября началось обложеніе горцами Месельдегерскаго укрѣпленія; но, несмотря на присут-

---

[1]) „Тифлисскіе гренадеры на Азіатскомъ театрѣ войны", изъ рукописной исторіи полка, составленной въ 1901 г. Изъ матеріаловъ, хранящ. въ арх. 14 грен. груз. ген. Котляревскаго п., прик. № 276, 30 октября 1853 г., Энцикл. Леера „Месельдегеръ".

ствіе у нихъ артиллеріи, вреда гарнизону и укрѣпленію нанесено не было.

На разсвѣтѣ 5 сентября огонь по укрѣпленію возобновился, и съ двухъ часовъ дня горцы начали вести къ нему подступы, прикрываясь хворостомъ и каменьями.

Между тѣмъ гарнизонъ, израсходовавшій еще къ 4 сентября все продовольствіе, страдалъ отъ голода и жажды, такъ какъ онъ былъ отрѣзанъ нападающими отъ родника. Патроновъ и зарядовъ также оставалось мало.

Въ ночь на 6-е подступы горцевъ еще ближе подошли къ укрѣпленію, а подъ утро стороны раздѣлялись лишь пространствомъ въ 6 саженъ.

Къ счастью для гарнизона, въ этотъ день выпалъ дождь, удалось набрать воды, утолить нестерпимую жажду. Въ полдень среди горцевъ было замѣтно приготовленіе къ штурму. Гарнизонъ поклялся лечь до единаго, не сдавая крѣпости.

Къ вечеру началась усиленная бомбардировка Месельдегера; на нее не приходилось, за бѣдностью въ снарядахъ и порохѣ, отвѣчать. Гарнизонъ стоялъ въ ружьѣ. Въ 8 часовъ вечера начался штурмъ со всѣхъ сторонъ, но горцы были встрѣчены батальнымъ огнемъ, картечью и штыками. Штурмъ былъ отбитъ. Осажденные ждали новаго приступа, но съ разсвѣтомъ 7 сентября увидѣли, что непріятель неожиданно исчезъ. Штурмъ былъ лишь послѣдней отчаянной попыткой Шамиля, знавшаго уже о появленіи у него въ тылу свѣжаго отряда князя Аргутинскаго. Попытка не удалась, и онъ быстро отступилъ черезъ Джумрутъ въ горы.

Потеря Месельдегерскаго гарнизона за время осады составляла лишь 4 нижнихъ чина убитыхъ и 1 офицеръ и 19 нижнихъ чиновъ раненыхъ.

„Не осуществились предпріятія Шамиля возмутить край „Джаро-Бѣлоканскаго округа и наши мусульманскія провин„ціи“, говорилъ въ своемъ приказѣ по войскамъ князь Воронцовъ. „Онъ во всѣхъ дѣлахъ съ нашими войсками разбитъ „и бѣжалъ постыдно въ горы, понеся значительную потерю „отъ рукъ нашихъ молодецкихъ войскъ. Онъ взялъ въ то же „время на свою совѣсть еще другую потерю: конечное истребленіе „большого числа несчастныхъ горцевъ, силою завлеченныхъ за „собой при слѣдованіи по покрытымъ снѣгомъ горамъ, въ то „время, когда тамъ существуютъ сильные холода и вьюги.

„Честь и слава храбрымъ войскамъ Лезгинскаго отряда, „неустрашимому гарнизону Месельдегерскаго укрѣпленія и Даге- „станскому отряду, увѣнчавшему уничтоженіе замысловъ Шамиля „скорымъ приходомъ на помощь товарищамъ черезъ такія мѣста „и въ такое время, что походъ сей, по справедливости, должно „считать *историческимъ* и *почти* [1]) безпримѣрнымъ".

Бѣгство Шамиля было такъ быстро, что нельзя было и думать объ его преслѣдованіи въ горы, и оба отряда наши вернулись въ Закаталы. Три баталіона было оставлено для работъ въ Месельдегерѣ.

Князь Воронцовъ придавалъ большое значеніе этой побѣдѣ надъ Шамилемъ. Едва ли до конца года можно было ожидать новыхъ наступательныхъ дѣйствій съ этой стороны, тѣмъ болѣе, что среди мусульманскаго населенія нашихъ областей пораженіе имама должно было подорвать значительно его престижъ. И, дѣйствительно, при первыхъ же его неудачахъ часть населенія добровольно присоединилась къ князю Орбеліани при его экспедиціи въ Бѣлоканскій округъ противъ Даніель-Бека, и въ Чардали противъ Кози-Магомета.

Эти успѣхи дали возможность также выдѣлить отъ князя Орбеліани 1 баталіонъ, отъ князя Аргутинскаго 2 баталіона и 2 эскадрона и по одному баталіону изъ Владикавказскаго округа и съ лѣваго фланга, чтобы усилить такимъ образомъ дѣйствующій корпусъ у Александрополя.

Дагестанскій отрядъ, отдохнувъ въ Закаталахъ, выступилъ обратно черезъ Шинское ущелье и Салаватъ въ Борче. Здѣсь было получено извѣстіе о намѣреніи Шамиля вторгнуться изъ Ириба въ Козы-Кумухское ханство. Поэтому изъ Борча 1 и 2 баталіоны князя Варшавскаго полка были направлены въ Кусары для дальнѣйшаго слѣдованія въ Тифлисъ, а 3 и 4 баталіоны, въ составѣ Дагестанскаго отряда, черезъ Рутулъ и Лучекъ, Ихрякское ущелье, Носдагъ-Хозрекъ въ Кумухъ, куда были впередъ высланы 2 сотни казикумухской милиціи.

17 сентября у подошвы Носдага было получено донесеніе о роспускѣ Шамилемъ своихъ силъ и о прибытіи его въ Веденъ.

Во время отсутствія изъ Дагестана князя Аргутинскаго тамъ все оставалось спокойно; были лишь мелкія нападенія хищниковъ. Спокойствіе это не нарушалось до конца года.

---

[1]) Курсивъ подлинника.

IV.

Посольство князя Меншикова въ Константинополь вызвало распоряженіе о спѣшной боевой подготовкѣ Черноморскаго флота на случай быстраго выхода въ море. 27 февраля, въ пятницу на масленой недѣлѣ, въ Севастополѣ былъ полученъ приказъ о немедленномъ вооруженіи всѣхъ военныхъ и транспортныхъ судовъ. Работа закипѣла на слѣдующій же день, и черезъ двѣ недѣли на Севастопольскомъ рейдѣ красовался Черноморскій флотъ въ полной боевой готовности [1]). 28 марта генералъ-адъютантъ Корниловъ лично убѣдился, что флотъ былъ „готовъ ко „всякимъ событіямъ“ [2]).—Примѣрный порядокъ—писалъ по этому поводу великій князь Константинъ Николаевичъ [3]),—въ которомъ находилась портовая часть еще со времени управленія флотомъ адмирала Лазарева, далъ намъ возможность вооружить на Черномъ морѣ сильный и отлично снабженный флотъ. Даже слабѣйшая его часть, пароходы, была достаточно сильна для противодѣйствія паровому флоту турокъ, успѣхи котораго, благодаря руководству англійскихъ офицеровъ, были значительны и озабочивали нашихъ адмираловъ [4]).

Въ началѣ мая мѣсяца 4-я и 5-я дивизіи, въ составѣ 12 кораблей, 6 фрегатовъ и мелкихъ судовъ стояли на Севастопольскомъ рейдѣ, имѣя провизіи на 4 мѣсяца и запасовъ на 6 мѣсяцевъ. Въ теченіе лѣта флотъ этотъ увеличился еще двумя боевыми товарищами, 120 пушечнымъ кораблемъ „Великій Князь Константинъ“ и 84 пушечнымъ кораблемъ „Императрица Марія“.

Съ мая мѣсяца началась тяжелая боевая служба Черноморскаго флота, непрерывно продолжавшаяся до Синопскаго сраженія включительно. Трудно представить себѣ, чтобы когда-либо приходилось полному силъ и рвенія флоту дѣйствовать въ такой неблагопріятной обстановкѣ, въ какую были поставлены наши черноморцы въ 1853 году.

---

[1]) Рукописный дневникъ Асланбегова. Музей Севастопольской обороны.

[2]) Письмо В. А. Корнилова къ кн. А. С. Меншикову отъ 31 марта 1853 г. Жандръ, стр. 37.

[3]) Всеподданнѣйшій отчетъ ген.-адм. за 1853 г. Арх. Морск. Мин. Воен. Пох. Канц. 1853 г., д. № 155/84.

[4]) Всеподданнѣйшій отчетъ ген.-адм. за 1853 г. Арх. Морск. Мин. Воен. Пох. Канц. 1853 г., д. № 155/84.

Чтобы должнымъ образомъ оцѣнить заслуги нашихъ моряковъ и безошибочно судить объ ихъ дѣйствіяхъ, надо вспомнить, что они все время находились, такъ сказать, подъ дулами пушекъ тайныхъ союзниковъ Порты, открыто и безнаказанно выказывавшихъ далеко не платоническое сочувствіе къ нашимъ противникамъ. „Человѣкъ военный и въ особенности морякъ", пишетъ по этому поводу Шестаковъ [1]), „придастъ этимъ исключительнымъ „обстоятельствамъ должную важность. Все, дѣлающееся въ морѣ, „требуетъ быстроты и рѣшительности. Составивъ заблаговременно „планъ, не должно колебаться въ исполненіи его. Одна только „неодолимая сила природы можетъ измѣнить начертанное. Однѣ „только прихоти этой силы, то враждебной, то союзной, уже „побуждаютъ моряка ко всегдашней умственной бдительности... „Спокойствіе нравственное, даже при совершенномъ знаніи дѣла, „здѣсь необходимо. Каково же должно быть душевное состояніе „человѣка, обреченнаго въ подобномъ случаѣ силою обстоя- „тельствъ на неувѣренность и сомнѣнія, неясно видящаго черту, „разграждающую наблюдательность отъ непріязненности, не знаю- „щаго продолжается ли миръ или объявлена война, находящагося „въ какой-то душной, сжимающей сердце средѣ, чуждой его „привычкамъ и наклонностямъ".

Какъ только послѣ своего неудачнаго посольства князь Меншиковъ выѣхалъ изъ Константинополя, то рѣшено было учредить въ Черномъ морѣ крейсерство для наблюденія за турецкими и иностранными судами, на случай выхода ихъ изъ Босфора. Крейсерство это имѣло исключительно характеръ охранительный; единственная его цѣль заключалась въ предупрежденіи нашего флота о враждебныхъ намѣреніяхъ турокъ и покровительствовавшихъ имъ западныхъ державъ, такъ какъ война не была объявлена, и дѣла могли быть еще улажены желаемымъ Государемъ Императоромъ миролюбивымъ образомъ [2]).

При этомъ крейсерамъ разрѣшалось прибѣгать къ крайнимъ средствамъ лишь въ самыхъ неизбѣжныхъ обстоятельствахъ.

Весь Черноморскій флотъ былъ раздѣленъ для этой цѣли на три части. Около половины его [3]) оставалось въ полной готов-

---

[1]) Морской Сборн. 1855 г., кн. 2.

[2]) См. Приложеніе № 43. „Инструкція крейсерамъ между Босфоромъ и Севастополемъ".

[3]) Вторая практическая эскадра, подъ начальствомъ вице-адмирала Юрьева, а впослѣдствіи контръ-адмирала Новосильскаго, изъ кораблей: „Три Святителя", „Парижъ", „Храбрый", „Чесма", „Уріилъ", „Ростиславъ"; фрегатовъ: „Сизополь", „Кагулъ" и корвета „Пиладъ". Всеподданнѣйшій докладъ Великаго Князя Константина Николаевича за 1853 г.

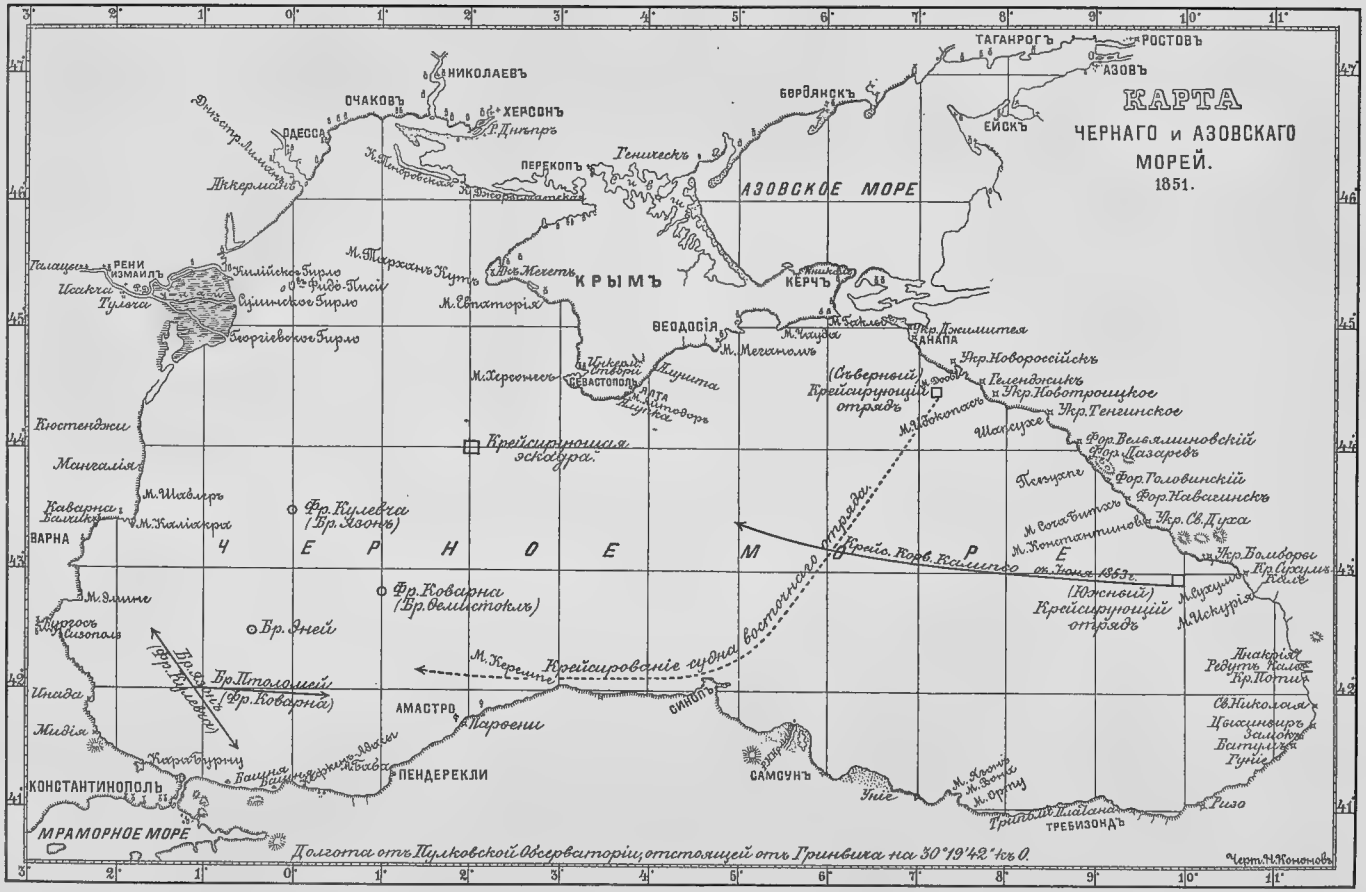

КАРТА
ЧЕРНАГО и АЗОВСКАГО
МОРЕЙ.
1851.
ЧЕРНОЕ МОРЕ
АЗОВСКОЕ МОРЕ
МРАМОРНОЕ МОРЕ
КРЫМЪ
ТАГАНРОГЪ
РОСТОВЪ
АЗОВЪ
НИКОЛАЕВЪ
ОЧАКОВЪ
ХЕРСОНЪ
ОДЕССА
БЕРДЯНСКЪ
ЕЙСКЪ
ПЕРЕКОПЪ
КЕРЧЪ
ФЕОДОСІЯ
СЕВАСТОПОЛЬ
ЯЛТА
ГЕНИЧЕСКЪ
АККЕРМАНЪ
РЕНИ
ИЗМАИЛЪ
ТУЛЧА
ВАРНА
КОНСТАНТИНОПОЛЬ
ПЕНДЕРЕКЛИ
АМАСТРО
СИНОПЪ
САМСУНЪ
ТРЕБИЗОНДЪ
Крейсирующія эскадра.
(Северный) Крейсирующій отрядъ
(Южный) Крейсирующій отрядъ
Крейс. Корв. Калипсо отъ Іюня 1853г.
Восточная эскадра.
Крейсированіе судовъ
Долгота отъ Пулковской Обсерваторіи, отстоящей отъ Гринвича на 30°19'42" къ О.
Черт. Н. Кононовъ

Схема № 10.

ности на Севастопольскомъ рейдѣ, а остальныя суда были распредѣлены для крейсерованія по Черному морю. Въ зависимости отъ цѣлей дѣйствій, которыя могли преслѣдовать непріятельскія эскадры, т.-е. нападеніе на Крымъ и Европейскіе берега или же на Кавказское прибрежье, крейсерующіе отряды были раздѣлены на двѣ части: западную и восточную. Для наблюденія за западною частью моря назначалась первая практическая эскадра, подъ начальствомъ вице-адмирала Нахимова [1]); для наблюденія же за Кавказскимъ побережьемъ—отрядъ судовъ, постоянно крейсеровавшихъ у восточныхъ береговъ Чернаго моря [2]).

Вице-адмиралу Нахимову [3]) было предложено держать свою эскадру сосредоточенно примѣрно у пересѣченія параллели 44° съ меридіаномъ 2° къ востоку [4]) (въ половинѣ іюня, когда эскадра ушла къ Севастополю, здѣсь остался корветъ „Андромаха"), а для наблюденія за Босфоромъ выдвинуть рядъ мелкихъ судовъ. Ближайшее къ Босфору судно (сначала бригъ „Язонъ", а потомъ фрегатъ „Кулевчи") должно было крейсеровать отъ пересѣченія параллели 42° 30′ съ меридіаномъ 1° 40′ долготы къ западу до пересѣченія параллели 41° 30′ съ меридіаномъ 0° 40′ долготы къ западу [5]). Другое судно (сначала бригъ „Птоломей", а потомъ фрегатъ „Коварна") должно было держаться между пересѣченіемъ параллели 42° съ меридіаномъ входа въ Босфоръ вдоль этой параллели до долготы 0° 20′ къ востоку. Обоимъ этимъ судамъ предписывалось стараться приходить на видъ одинъ другого на меридіанѣ входа въ Босфоръ, не приближаясь, однако, къ берегамъ на столько, чтобы быть оттуда видимыми. Третье судно (бригъ „Эней") должно было держаться въ широтѣ 42° 30′ и долготѣ 0° 30′ къ западу.

Для связи между этими судами и крейсерующей эскадрой и для наблюденія за движеніемъ непріятельской эскадры, если она

---

[1]) Первая практическая эскадра къ 18 мая 1853 г. состояла изъ кораблей: „Двѣнадцать Апостоловъ", „Гавріилъ", „Ягудіилъ", „Святославъ", „Варна", „Селафаилъ"; фрегатовъ: „Коварна" и „Кулевчи" и бриговъ: „Язонъ", „Эней" и „Птоломей". Всеподданнѣйшій докладъ Великаго Князя Константина Николаевича за 1853 г.; дневникъ Асланбегова; отн. нач. шт. Черном. фл. командиру Сев. порта 17 мая 1853 г., № 102. Черном. Центр. Воен. Морск. Арх. въ Николаевѣ, кн. оп. 23, оп. 185, д. № 1734, св. 61.

[2]) Фрегатъ „Мидія" (контръ-адмиралъ Новосильскій, а впослѣдствіи Синицынъ), корветъ „Орестъ", бриги: „Тезей", „Меркурій", „Эндиміонъ", „Аргонавтъ" и тендеръ „Поспѣшный". Тамъ же и Жандръ, стр. 41.

[3]) См. схему № 10, стр. 238.

[4]) Корниловъ—Нахимову. 17 мая 1853 г. Никол. Арх., д. № 1734, св. 61, оп 185.

[5]) Программа крейсерства между Босфоромъ и Севастополемъ 18 мая 1853 г. Никол. Морск. Арх., оп. 185, д. № 1734, св. 61, кн. оп. 23.

войдетъ въ Черное море, назначались два фрегата: „Коварна“ (впослѣдствіи бригъ „Язонъ“), который долженъ былъ крейсеровать около пересѣченія параллели 42° 50′ съ меридіаномъ 1° къ востоку, и „Кулевчи“ (впослѣдствіи бригъ „Ѳемистоклъ“) — у пересѣченія параллели 43° 30′ съ меридіаномъ 0° [1]).

Для того, чтобы слѣдить за движеніемъ непріятельскихъ судовъ вдоль Анатолійскаго къ Кавказскимъ берегамъ, крейсеровавшій у этихъ береговъ отрядъ нашихъ судовъ долженъ былъ высылать крейсера къ Синопу, откуда быть въ сообщеніи съ судами, крейсеровавшими между Босфоромъ и Севастополемъ [2]).

Такое распредѣленіе судовъ Черноморскаго флота давало возможность слѣдить за выходомъ непріятеля изъ Босфора и своевременно сосредоточивать большую часть нашихъ судовъ для активныхъ дѣйствій противъ нихъ въ любомъ направленіи.

Вплоть до окончательнаго разрыва съ Турціей крейсерство носило мирный характеръ, хотя и требовало напряженной дѣятельности флота.

„Наблюдая за Босфоромъ“, пишетъ одинъ изъ современниковъ [3]), „эскадра крейсеровъ съѣла послѣдній сухарь, тратя воду „по порціямъ, пируя на одной солонинѣ, сторожа денно и нощно „непріятелей, не сбросившихъ еще личины, приготовляясь къ долж„ному пріему ихъ упражненіями боевыми, подъ зноемъ лѣтняго „черноморскаго солнца“.

Турецкія и англійскія суда выходили иногда изъ Босфора, производили артиллерійское ученье, выбирая своей цѣлью нашъ ближайшій крейсеръ, который отвѣчалъ имъ тѣмъ же, и этимъ дѣло кончалось [4]). Впрочемъ, такое появленіе турецкихъ судовъ заставило князя Меншикова выдвинуть въ первую линію крейсеровъ фрегаты, отодвинувъ на ихъ мѣсто, во вторую линію, бриги [5]). 29 іюня первая практическая эскадра вошла на рейдъ и была въ крейсерствѣ замѣнена второю эскадрою, подъ флагомъ контръ-адмирала Новосильскаго. Въ концѣ іюля обѣ эскадры соединились на Севастопольскомъ рейдѣ, оставивъ въ морѣ одни крейсера.

---

[1]) Арх. Воен. Уч. Ком. Гл. Шт., Отд. 2, д. № 4261.

[2]) Начальникъ штаба Черноморскаго флота — командиру Севастопольскаго порта 17 мая 1853 г., № 102, Никол. Арх.

[3]) Морской Сборникъ 1855 г., кн. 2. См. также Путиловъ. Сборн. Изв., кн. 3: „Плаваніе брига „Язонъ“ въ 1853 году“.

[4]) Дневникъ А. Б. Асланбегова, 1853 г.

[5]) Начальникъ штаба Черноморскаго флота — Командиру Севастопольскаго порта отъ 16 іюня 1853 г., № 136.

Въ теченіе всего лѣта нашъ флотъ, подъ опытнымъ руководствомъ Корнилова и Нахимова, производилъ рядъ ученій и маневровъ, которые безспорно послужили отличной подготовкой для предстоящихъ въ теченіе бурной осени боевыхъ дѣйствій Черноморскаго флота [1]).

Въ началѣ іюня въ Севастополѣ было получено извѣстіе о враждебныхъ намѣреніяхъ кавказскихъ горцевъ, что немедленно вызвало съ нашей стороны усиленіе крейсеровавшихъ у восточнаго берега Чернаго моря судовъ. Вмѣсто крейсеровавшаго тамъ обыкновенно одного отряда, приказано было сформировать два—сѣверный и южный [2]).

Суда, прежде крейсеровавшія, составили сѣверный отрядъ, который имѣлъ центромъ соединенія Новороссійскъ и долженъ былъ оберегать сѣверную половину побережья; для наблюденія же за южной половиной побережья былъ сформированъ въ Севастополѣ новый южный отрядъ судовъ, подъ флагомъ контръ-адмирала Синицына [3]), которому предписывалось имѣть пунктомъ соединенія Сухумъ-Кале и одинъ корветъ („Калипсо“) крейсерующимъ на меридіанѣ Синопа для связи съ Босфорскими крейсерами [4]).

Оба крейсеровавшихъ отряда подчинялись начальнику береговой линіи вице-адмиралу Серебрякову, который долженъ былъ указать мѣста, подлежащія болѣе бдительному охраненію, а также опредѣлить, дѣйствовать ли отрядамъ независимо или же быть имъ обоимъ въ распоряженіи старшаго флагмана.

7 сентября князь Меншиковъ сдѣлалъ, въ виду приближенія времени равноденствующихъ бурь, распоряженіе объ уменьшеніи числа крейсерующихъ судовъ [5]).

Между тѣмъ политическій горизонтъ все болѣе и болѣе омрачался, и съ конца августа въ Петербургѣ начали опасаться со стороны Турціи открытія враждебныхъ противъ насъ дѣйствій. Особенно опаснымъ казалось наше положеніе на Кавказѣ, какъ

---

[1]) Всеподданнѣйшій отчетъ Великаго Князя Константина Николаевича за 1853 г. Арх. Морск. Мин. Воен. Пох. Канц., 1853 г., д. № 155/84.

[2]) Начальникъ штаба Черноморскаго флота — Командиру Севастопольскаго порта отъ 8 іюня 1853 г., № 119. Дневникъ А. Б. Асланбегова.

[3]) Отрядъ этотъ состоялъ изъ: фрегата „Мессемврія“, корвета „Калипсо“, брига „Птоломей“, шхунъ „Смѣлая“ и „Дротикъ“ и тендера „Скорый“.

[4]) См. схему № 10, стр. 238.

[5]) Начальникъ шт. Черном. фл. об. инт. 7 сентября 1853 г., № 19820. Арх. Черном. фл. въ г. Николаевѣ.

по недостаточности тамъ войскъ, могущихъ быть употребленными для активныхъ противъ турокъ дѣйствій, такъ и потому, что наступленіе турецкой арміи скорѣе можно было ожидать на Азіатскомъ, чѣмъ на Европейскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій.

Въ это время война еще не была объявлена, но все говорило за скорое открытіе турками боевыхъ операцій. Большіе сборы войскъ на нашей Азіатской границѣ, сборъ редифа, участившіеся, при томъ въ болѣе значительныхъ чѣмъ прежде партіяхъ, грабежи на нашей границѣ, все это заставило князя Воронцова [1]) просить о скорѣйшей присылкѣ 13-й пѣхотной дивизіи, такъ какъ иначе нельзя было быть увѣреннымъ въ успѣхѣ даже оборонительной войны [2]).

4 сентября военный министръ сообщилъ князю Меншикову окончательное рѣшеніе Государя немедленно приступить къ перевозкѣ этой дивизіи въ Сухумъ-Кале, а для смѣны ея одновременно перевезти изъ Одессы въ Севастополь одну бригаду 14-й пѣхотной дивизіи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ военный министръ передалъ это рѣшеніе и князю Воронцову съ просьбой озаботиться приготовленіемъ необходимыхъ для слѣдованія обоза отъ мѣста высадки лошадей и вообще сдѣлать всѣ распоряженія по безпрепятственному движенію дивизіи къ ея сборнымъ пунктамъ.

Государь, опасаясь невозможности перевезти всю дивизію въ одинъ рейсъ, соглашался разбить перевозку на два рейса: въ 1-й — 3 полка и 2 батареи, во 2-й — 4-й полкъ, или же въ первый рейсъ—бригада съ 2 батареями, во 2-й—вторая бригада.

Во всякомъ случаѣ каждая часть должна была имѣть при себѣ весь обозъ, трехнедѣльный запасъ сухарей сверхъ десятидневнаго провіанта и, кромѣ того, изъ Севастополя и Одессы долженъ былъ быть погруженъ запасъ овса около 2000 четвертей.

Принимая во вниманіе, что въ обозѣ не имѣлось офицерскихъ повозокъ, слѣдовало нанять на каждый полкъ у пункта высадки для перевозки офицерскихъ вещей по 16 арбъ.

Если бы высадка у Сухума затруднилась неблагопріятной погодой, то ее рѣшено произвести или у Бомборъ, или у Анакріи [3]).

---

[1]) Военный министръ — кн. Воронцову 4 сентября, № 3042 и № 3044; гр. Адлербергъ — кн. Меншикову 8 сентября 1853 г., № 258. Арх. Кавк. в. окр., секр. д. 2 отд. Ген. Шт., № 11, ч. V.

[2]) См. Приложенія №№ 44, 45 и 46.

[3]) Арх. Шт. Кавк. воен. окр., 2 отд. Ген. Шт., 1853 г., секр. д. № 11, ч. V. Отзывъ кн. Меншикова кн. Воронцову 10 сентября 1853 г., № 425.

Такимъ образомъ вся тяжесть быстрой перевозки этой массы войскъ ложилась на Черноморскій флотъ и притомъ при обстоятельствахъ, самыхъ невыгодныхъ. Ежеминутное ожиданіе разрыва съ Портой Оттоманской, бушующее во время равноденствій Черное море и негостепріимный восточный берегъ его съ почти полнымъ отсутствіемъ удобныхъ пунктовъ для высадки, а также необходимость слѣдить за появленіемъ въ Черномъ морѣ враждебныхъ флотовъ, дѣлали эту операцію весьма опасной. Необходимо было произвести ее возможно скрытно и скоро, и здѣсь-то впервые на практикѣ выказа-

Общій видъ Синопа.

лась блестящая подготовка личнаго состава нашего Черноморскаго флота.

Его положеніе было тѣмъ болѣе затруднительно, что въ это время всѣ малые транспорты были заняты въ Азовскомъ морѣ, а большіе транспорты никоимъ образомъ не могли поднять лошадей цѣлой дивизіи [1]). Рѣшено было поэтому привлечь къ перевозкѣ и боевыя суда флота.

13 сентября дошло до Севастополя Высочайшее повелѣніе о перевозкѣ войскъ; 16-го къ вечеру нагрузка была уже окончена, а 17-го утромъ флотъ, съ десантнымъ отрядомъ въ 16.393 человѣка, 824 лошади, со всѣми обозами, госпиталями, тридцатидневнымъ запасомъ продовольствія и матеріальной частью двухъ батарей, вышелъ, подъ флагомъ вице-адмирала Нахимова, въ море. Всего для перевозки 13-й дивизіи было употреблено 12 кораблей, 2 фрегата, 2 корвета, 7 пароходовъ и

[1]) Жандръ, стр. 57.

11 транспортовъ [1]). 120 пушечные корабли помѣщали на себя до 1500 десанта, 84 пушечные—до 1000 человѣкъ, большіе транспорты—по 120 лошадей и самые малые—по 40. Войска были въ полной походной формѣ и имѣли при себѣ десятидневный запасъ провіанта, независимо отъ судового довольствія [2]). Всѣ распоряженія по высадкѣ и избраніе для нея мѣста были возложены на генералъ-адъютанта Корнилова.

Съ вечера 16-го числа установился свѣжій противный юго-западный вѣтеръ; нетерпѣливо, съ сомнѣніемъ и надеждой ожидали въ Севастополѣ наступающаго утра. Съ разсвѣтомъ небо очистилось, и вѣтеръ перемѣнился въ способный, сѣверный, но, однако, все еще было очень свѣжо. По сигналу съ „Вел. Кн. Константина“ эскадра снялась съ якоря и всѣ 38 вымпеловъ величественно тронулись въ море; 34 пошли къ берегамъ Кавказа, а 4, подъ начальствомъ капитана 1-го ранга Варницкаго, въ Одессу за частями 14-й дивизіи [3]).

Встрѣченные при выходѣ съ рейда сильной юго-западной зыбью и имѣя довольно свѣжій вѣтеръ, оба отряда Кавказской эскадры, т.-е. транспорты, конвоируемые пароходами, и корабли, слѣдовали въ нѣкоторомъ отдаленіи одинъ отъ другого. Около полудня вѣтеръ началъ стихать, хотя размашистая боковая качка продолжалась цѣлый день, а къ вечеру отрядъ пароходовъ, буксировавшихъ транспорты, ушелъ совсѣмъ изъ вида отставшихъ по маловѣтрію кораблей.

Первоначальнымъ мѣстомъ высадки былъ назначенъ Сухумъ-Кале, пунктъ наиболѣе удобный по нѣкоторой его закрытости для стоянія на якорѣ мелкихъ судовъ, но не представляющій тѣхъ же выгодъ для многочисленныхъ судовъ большого ранга, и Корниловъ предпочиталъ въ этомъ отношеніи рейды Бомборскій или Редутскій, хотя совершенно открытые и особенно опасные въ осеннее время года, но доступные для большого флота, которому всегда выгодно какъ можно скорѣе освободиться отъ перевозимаго десанта. Поэтому рѣшено было произвести выгрузку лошадей

---

[1]) Корабли: „Двѣнадцать Апостоловъ“, „Вел. Кн. Константинъ“, „Парижъ“, „Три Святителя“, „Императрица Марія“, „Храбрый“, „Чесма“, „Святославъ“, „Ростиславъ“, „Ягудіилъ“, „Варна“, „Гавріилъ“; фрегаты: „Сизополь“ и „Кагулъ“; корветы: „Андромаха“ и „Калипсо“; пароходы: „Владиміръ“, „Одесса“, „Эльборусъ“, „Бессарабія“, „Грозный“, „Молодецъ“, „Аргонавтъ“; транспорты: „Березань“, „Днѣпръ“, „Балаклава“, „Днѣстръ“, „Дунай“, „Ріонъ“, „Гагра“, „Прутъ“, „Килія“, „Бугъ“ и „Цемесъ“. Арх. Морск. Мин. Воен. пох. Канц., 1853 г., д. № 155/84.

[2]) Рукописныя записки контръ-адмирала Афанасьева. Музей Севастопольской обороны.

[3]) Дневникъ А. Б. Асланбегова.

въ Сухумъ-Кале, а тяжестей и людей въ Анакріи, близъ Редутъ-Кале [1]).

Пунктъ этотъ былъ очень выгоденъ по близости къ Редутъ-Кале, отъ котораго идетъ дорога на Тифлисъ. Высадкой у Анакріи устранялась необходимость перехода войсками многочисленныхъ рѣчекъ и ручьевъ, впадающихъ въ море между Сухумомъ и Редутъ-Кале.

Въ часъ пополудни 19 сентября пароходъ „Владиміръ", имѣвшій на буксирѣ транспортъ „Ріонъ", бросилъ якорь на Сухумскомъ рейдѣ и приступилъ къ выгрузкѣ лошадей. Вслѣдъ за нимъ стали подходить остальные пароходы и транспорты, и къ утру 21 числа операція по выгрузкѣ лошадей была окончена. Транспорты, по мѣрѣ освобожденія отъ груза, были отправляемы къ Анакріи для своза артиллеріи и остальныхъ тяжестей.

Между тѣмъ корабельный флотъ, задержанный тихимъ вѣтромъ, находился въ морѣ до 23 сентября, когда, отчасти при помощи пароходовъ, а отчасти и благодаря возобновившемуся легкому попутному вѣтру, началъ подходить къ Анакріи. 24-го на разсвѣтѣ весь парусный флотъ собрался на этомъ рейдѣ, и къ четыремъ часамъ дня десантъ былъ высаженъ на берегъ при полномъ штилѣ. „Жители окрестныхъ мѣстъ", занесъ въ свой дневникъ одинъ изъ очевидцевъ высадки, „говорятъ, что не за-„помнятъ такой погоды на открытомъ рейдѣ Анакріи, и одни съ „ужасомъ, а другіе съ самодовольствомъ смотрѣли на этотъ „огромный флотъ, гордо приближавшійся къ берегамъ въ такое „бурное время года.—Самъ Аллахъ помогаетъ русскимъ, гово-„рили озлобленные черкесы".

5 октября весь Черноморскій флотъ вновь собрался на Севастопольскомъ рейдѣ [2]).

По поводу одного только предположенія совершить эту, столь блестяще выполненную, перевозку, князь Меншиковъ писалъ князю Горчакову: „On me demande de transporter *à la fois* à „Soukhoum-Kalé les 16 bataillons de la 13-me division, avec son „artillerie, tout son charroi et 1660 chevaux avec un approvision-„nement de 26 jours en fourrages pour les marches en Géorgie, non

---

[1]) См. схему № 10, стр. 238.

[2]) Всеподданнѣйшій отчетъ Великаго Князя Константина Николаевича за 1853 г. Арх. Морск. Мин. Воен. пох. Канц., 1853 г., д. № 155/84.

Жандръ: „Матер. къ біогр. Корнилова". Контръ-адмиралъ Афанасьевъ (Рукопись). Музей Севастопольской обороны. Дневникъ А. Б. Асланбегова. Музей Севастопольской обороны. Краткій журналъ лейт. Бутакова. Тамъ же.

„compris 2000 sacs d'avoine, et d'embarquer simultanément à Odessa „pour Sévastopol une brigade de la 14 division avec 2 batteries „d'artillerie. Tout cela à l'époque de l'équinoxe d'automne. Je ne vous „ferai pas de commentaire sur cette armade moderne, mais vous „sentirez combien les écritures oisives doivent me peser et je n'ai „pour toute chancellerie qu'un sous-officier copiste".

Въ черновикѣ этого письма были еще зачеркнуты слѣдующія строки: „Je suis obligé de tuer mon temps en circulaires pour prou- „ver l'importunité et l'impossibilité de la chose" [1]).

Не его энергіей былъ подвинутъ флотъ на этотъ подвигъ, а непреклонной волей Государя, ясно понимавшаго то критическое положеніе, въ которомъ находился Кавказъ.

Императоръ Николай былъ очень обрадованъ быстрымъ и удачнымъ окончаніемъ перевозки войскъ, при чемъ всѣ главные руководители операціи, начиная съ князя А. С. Меншикова, удостоились особыхъ наградъ [2]).

Въ ожиданіи обоза и лошадей [3]), высаженныхъ въ Сухумѣ и слѣдовавшихъ оттуда сухимъ путемъ, подъ прикрытіемъ 3-го баталіона Литовскаго егерскаго полка и 1½ баталіона Бѣлостокскаго полка, на Редутъ-Кале, 13-я дивизія оставалась лагеремъ на морскомъ берегу, по лѣвую сторону р. Ингура, до 29 сентября, когда съ мѣста тронулся головной эшелонъ.

1-я бригада должна была слѣдовать на Тифлисъ, и 2-я въ Кутаисъ, Сурамъ и Ахалцыхъ.

Княземъ Воронцовымъ заранѣе были приняты мѣры къ возможно удобному слѣдованію войскъ. По всему пути выставлялись обывательскія арбы для облегченія полковыхъ обозовъ, а значительная часть груза была перевезена изъ Анакріи до Редутъ-Кале моремъ въ наемныхъ мингрельскихъ каюкахъ.

Благодаря принятымъ мѣрамъ, въ 13-й пѣхотной дивизіи, несмотря на непривычный климатъ и трудности пути, было мало заболѣваній, и въ Редутъ-Кале въ госпиталь поступило лишь 50 человѣкъ больныхъ; приходилось только бороться съ заве-

---

[1]) Кн. Меншиковъ — кн. Горчакову 5 сентября 1853 г. Арх. Воен. Уч. Ком. Гл. Шт., Отд. 2, д. № 4253.

[2]) Кн. Меншиковъ — благодарственный рескриптъ, Нахимовъ — орденъ Владиміра 2-й ст., Корниловъ — св. Анны 1-й ст., Крабе — Владиміра 3-й ст.

[3]) Арх. Канц. Воен. Мин., д. № 72, 1853 г. Письмо кн. Воронцова кн. Меншикову 2 октября. Арх. Кавк. Воен. Окр., д. Ген. Шт. 1853 г., № 6. Рапортъ Начальника 13 п. див. 25 сентября, № 6260, и отношеніе кн. Воронцова военному министру 8 октября 1853 г., № 1309.

зенной изъ Севастополя эпидемической болѣзнью глазъ, которую, впрочемъ, также удалось скоро пріостановить.

Вмѣстѣ съ 13-й пѣхотной дивизіей должны были быть перевезены изъ Севастополя и Одессы и запасы продовольствія и фуража.

Въ первый рейсъ, дѣйствительно, было перевезено: сухарей 2053 четверти, мяса 811¼ пудовъ, овса 759 четвертей и соли 300 пудовъ. Во второй рейсъ предполагалось перевезти еще: сухарей 796 четвертей, крупы 550 четвертей, вина 400 ведеръ, соли 75 пудовъ.

Но командированный для встрѣчи 13-й пѣхотной дивизіи подполковникъ Кузьминъ донесъ начальнику дивизіи, что перевезенныхъ уже запасовъ достаточно, такъ какъ по пути слѣдованія войскъ они могутъ снабжаться изъ магазиновъ, а на винныя порціи войскамъ будутъ отпускаться деньги. Въ виду же того, что прибытіе второго рейса могло состояться лишь по выступленіи 13-й дивизіи отъ пунктовъ высадки, то было сдѣлано распоряженіе о пріостановкѣ дальнѣйшей перевозки этихъ запасовъ [1]).

---

[1]) Арх. Кавк. Воен. Окр., 1 отд. Деж. 1853 г., д. № 5. Рапортъ ген. Обручева кн. Бебутову 10 октября 1853 г., № 6510.

Глава V.

I.

„По всѣмъ извѣстіямъ“, писалъ графъ Адлербергъ князю Меншикову въ концѣ сентября 1853 года [1]), „разрывъ съ Турціей „неизбѣженъ, и можно даже ожидать скораго открытія военныхъ „дѣйствій. Посему необходимо нынѣ же рѣшить вопросъ: какъ „въ такомъ случаѣ употребить Черноморскій флотъ въ нынѣшнюю „осень и наступающую зиму?“ Далѣе графъ Адлербергъ увѣдомлялъ князя о томъ, что Государю угодно заблаговременно знать мнѣніе по этому поводу начальника главнаго морского штаба, при чемъ присовокуплялъ, что „съ своей стороны Государь Импера„торъ полагаетъ, что болѣе всего пользы можно извлечь изъ „нашего флота учрежденіемъ крейсерства передъ устьемъ Босфора „и вдоль тѣхъ береговъ Чернаго моря, гдѣ преимущественно „турки могли бы пользоваться выгодами морского сообщенія во „вредъ намъ“. Какъ цѣль дѣйствій для выполненія такой задачи, указывалось прекращеніе подвоза запасовъ, оружія и даже войскъ изъ Константинополя въ Варну, Батумъ и другіе приморскіе пункты европейскаго и азіатскаго береговъ и усиленіе крейсерства вдоль нашей береговой линіи. Однако, такой способъ дѣйствій допускался Государемъ „лишь въ томъ предположеніи, что „флоты другихъ морскихъ державъ ограничатся наблюденіемъ входа „въ Босфоръ около Константинополя и не войдутъ сами въ „Черное море“.

---

[1]) 24 сентября 1853 г., № 419. Арх. Канц. Воен. мин. 1853 г., секр. д. № 60. См. приложеніе № 47.

Письмо графа Адлерберга заканчивалось увѣдомленіемъ, что „Его Величество не дозволяетъ себѣ положительнаго мнѣнія въ „дѣлѣ морскомъ, недостаточно ему знакомомъ“, и что поэтому Государь желаетъ, чтобы князь Меншиковъ представилъ „свое „мнѣніе съ полной откровенностью, нисколько не стѣсняясь из- „ложенными здѣсь высочайшими указаніями“.

По всей вѣроятности, слѣдствіемъ этого письма явилась записка Корнилова, поданная имъ 1 октября князю Меншикову [1]).

Авторъ этой записки признавалъ осеннее и зимнее крейсерство въ Черномъ морѣ затруднительнымъ, около Босфора даже опаснымъ и вообще мало дѣйствительнымъ, такъ какъ парусныя суда не могли держаться возлѣ береговъ, близъ которыхъ смѣло проходятъ пароходы. Корниловъ предполагалъ выбрать другое средство мѣшать плаванію турокъ и въ этомъ отношеніи остановился на необходимости занятія на европейскомъ и азіатскомъ берегахъ гаваней, у которыхъ отряды военныхъ судовъ могли бы безопасно учредить, при содѣйствіи сильныхъ пароходовъ, свои наблюдательные посты. Адмиралъ указывалъ, какъ на наиболѣе подходящіе для этой цѣли, на Сизополь и Синопъ [2]). Оба эти пункта находились на пути движенія турецкаго флота къ театрамъ военныхъ дѣйствій, были удобны къ удержанію ихъ малыми силами отъ покушеній съ сухого пути и могли вмѣстить на зиму значительные флоты.

Мысль Корнилова о неудобствѣ зимняго крейсерства раздѣлялъ и князь Меншиковъ, который находилъ его „безполезнымъ „и разорительнымъ для судовъ“ [3]); неизвѣстно только, какъ отнесся онъ къ предложенію занять Сизополь и Синопъ.

Во всякомъ случаѣ предложеніе это не было исполнено и, вѣрнѣе всего, по причинамъ политическаго характера, такъ какъ такія дѣйствія нашего флота уничтожили бы послѣднюю надежду Императора Николая на сохраненіе мирныхъ отношеній съ Англіей и Франціей.

9 октября Государь въ собственноручномъ письмѣ къ князю Меншикову [4]) вновь затронулъ вопросъ о роли Черноморскаго флота.

---

[1]) Жандръ, стр. 67.

[2]) См. схема № 11, стр. 251.

[3]) Кн. Меншиковъ — генералъ-адмиралу 16 октября 1853 г. Гос. Арх., разр. XI, д. № 1249.

[4]) Приложеніе № 48.

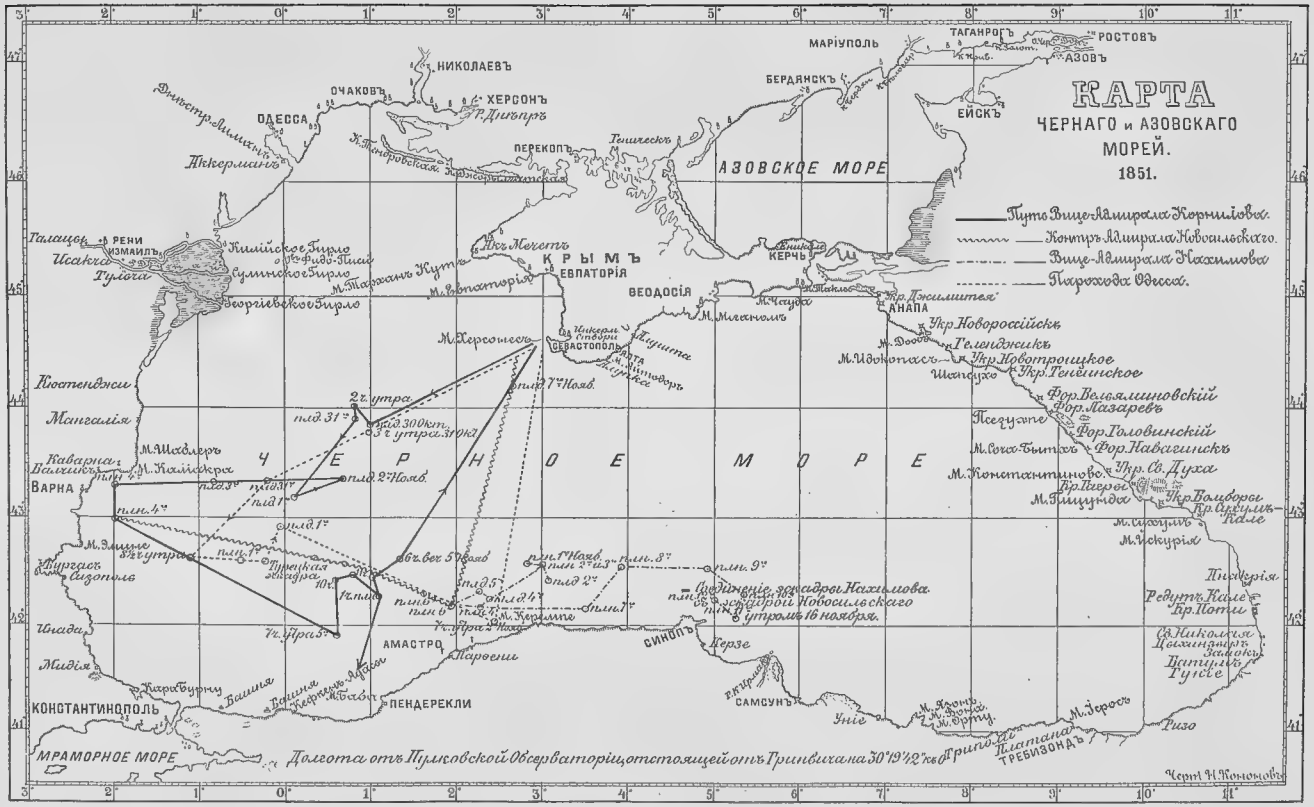

КАРТА
ЧЕРНАГО и АЗОВСКАГО
МОРЕЙ.
1851.
Путь Вице-Адмирала Корнилова.
Контръ-Адмирала Новосильскаго.
Вице-Адмирала Нахимова
Парохода Одесса.
АЗОВСКОЕ МОРЕ
ЧЕРНОЕ МОРЕ
МРАМОРНОЕ МОРЕ
КРЫМЪ
ОДЕССА
ОЧАКОВЪ
НИКОЛАЕВЪ
ХЕРСОНЪ
ПЕРЕКОПЪ
ЕВПАТОРІЯ
ВЕОДОСІЯ
КЕРЧЬ
АНАПА
СЕВАСТОПОЛЬ
АЛТА
ЯЛТА
МАРІУПОЛЬ
БЕРДЯНСКЪ
ТАГАНРОГЪ
РОСТОВЪ
АЗОВЪ
ЕЙСКЪ
РЕНИ
ИЗМАИЛЪ
ВАРНА
АМАСТРО
ПЕНДЕРЕКЛИ
КОНСТАНТИНОПОЛЬ
СИНОПЪ
САМСУНЪ
ТРЕБИЗОНДЪ
Долгота отъ Пулковской Обсерваторіи, отстоящей отъ Гринвича на 30°19'42" къ Ю.
Черт. Н. Кононовъ

Схема № 11.

Императоръ Николай, упомянувъ о томъ, что объявленіе Турціей войны не заставитъ его измѣнить оборонительнаго плана на Дунаѣ, который онъ рѣшилъ не переходить, даже въ случаѣ побѣды надъ турками на лѣвомъ берегу рѣки, выражалъ намѣреніе дѣйствовать на Кавказѣ наступательно и, въ случаѣ нападенія турокъ на наши предѣлы, разбить ихъ, а потомъ овладѣть Карсомъ, Ардаганомъ, а, можетъ-быть, и Баязетомъ.

Далѣе Государь вновь спрашивалъ князя Меншикова о тѣхъ предпріятіяхъ, которыя можно было бы возложить на Черноморскій флотъ, и съ своей стороны обрисовывалъ положеніе, въ которомъ этотъ флотъ находился.

„Хотя намъ здѣсь еще неизвѣстно", писалъ онъ, „часть ли „только или весь флотъ англійскій и французскій вошли въ „Босфоръ, но въ Лондонѣ были уже угрозы войти въ Черное „море и прикрывать турецкія гавани, на что Брунновъ очень „хорошо возразилъ, что это все равно, что объявленіе намъ „войны". Этимъ Брунновъ „напугалъ", какъ онъ самъ писалъ, англичанъ, которые объявили, что „доколь мы не атакуемъ ту„рецкихъ портовъ, то ихъ флотъ не войдетъ въ Черное море".

Императоръ Николай приказалъ сообщить великобританскому кабинету, что съ своей стороны онъ приметъ всякое появленіе военныхъ судовъ западныхъ державъ въ Черномъ морѣ за открыто враждебный поступокъ противъ Россіи и отвѣтитъ таковымъ же.

Обращаясь къ возможнымъ дѣйствіямъ нашего флота, Государь предъявлялъ князю Меншикову слѣдующія свои желанія:

Послѣ начала турками дѣйствій, флоту наносить имъ возможный вредъ, забирая отдѣльныя суда, пересѣкая сообщенія вдоль берега и даже бомбардируя Кюстенджи, Варну или какой-либо другой пунктъ. Ежели же турки выйдутъ со своимъ флотомъ и захотятъ зимовать гдѣ-либо внѣ Босфора, то позволить имъ исполнить „эту глупость, а потомъ задать имъ Чесьму".

Что касается до флотовъ западныхъ державъ, то, въ случаѣ встрѣчи съ ними „не на своемъ мѣстѣ вмѣстѣ съ турками", дѣйствовать противъ тѣхъ и другихъ, какъ противъ враговъ.

Въ заключеніе Государь приказывалъ не отваживаться безъ нужды на невѣрное предпріятіе, но не упускать ни одного случая наносить врагамъ всевозможный вредъ.

„Аминь и къ дѣлу", заканчивалъ свое письмо Императоръ Николай. — „Съ нами Богъ, а исполнители праваго дѣла князь „Меншиковъ и Черноморскій флотъ и потому—честь и слава!"

Князь М. Д. Горчаковъ также волновался въ Бухарестѣ относительно той роли, которая будетъ возложена на нашъ флотъ. „Что меня болѣе всего интересуетъ", писалъ онъ военному министру [1]), „это узнать, какія повелѣнія дастъ Его Величество „нашему флоту; было бы очень желательно, чтобы онъ крейсе„ровалъ у устья Дуная и мѣшалъ бы проходу въ эту рѣку че„резъ Георгіевскій рукавъ турецкихъ вооруженныхъ судовъ".

Князь Меншиковъ съ своей стороны отказывался допустить возможность выхода плохого по своему составу турецкаго флота въ море въ столь позднее время года, а также занятіе имъ позиціи, какъ о томъ носились слухи, у мыса Кальякра (къ сѣверовостоку отъ Варны) или въ Бургасскомъ заливѣ [2]). Но тѣмъ не менѣе онъ рѣшился произвести рекогносцировку румелійскаго берега и, въ случаѣ отысканія турецкаго флота, дѣйствовать нашими соединенными эскадрами, смотря по обстоятельствамъ. Выводить флотъ заблаговременно изъ Севастополя князь не считалъ полезнымъ, такъ какъ нахожденіе его въ морѣ непремѣнно остановитъ турокъ, если бы они имѣли „невѣроятное" намѣреніе выйти изъ Босфора.

Меншиковъ, признавая зимнее крейсерство безполезнымъ и разорительнымъ для судовъ, обѣщалъ въ то же время во что бы то ни стало воспользоваться послѣдними осенними днями, чтобы нанести туркамъ возможно болѣе вреда, ежели съ ихъ стороны начнутся военныя дѣйствія, или же если за таковыя приказано будетъ признать дѣло у Исакчи.

Во всякомъ случаѣ князь Меншиковъ признавалъ, что дѣйствія нашего флота должны подчиняться поведенію двухъ морскихъ державъ, и что съ превосходными силами сражаться было бы неосторожно. Не мало его смущала также неопредѣленность нашего политическаго положенія и опасеніе, чтобы дѣйствія на Черномъ морѣ не помѣшали веденію мирныхъ переговоровъ [3]).

Но въ то время, какъ шла эта переписка между главными дѣйствующими лицами, Черноморскій флотъ не бездѣйствовалъ.

---

[1]) Отъ 12 октября 1853 г. Арх. Канц. Воен. мин. по снаб. в. 1853 г., д. № 57.

[2]) Кн. Меншиковъ — генералъ-адмиралу 16 октября 1853 г. Гос. Арх., разр. XI, д. № 1249.

[3]) Кн. Меншиковъ ссылается въ письмѣ къ генералъ-адмиралу на свое всеподданнѣйшее письмо отъ 3 октября, котораго при всемъ стараніи мы въ архивахъ отыскать не могли, такъ же какъ и вообще большинства писемъ Меншикова къ Государю за 1853 г. Въ своемъ же дневникѣ кн. Александръ Сергѣевичъ не имѣлъ обыкновенія затрогивать общеинтересныхъ вопросовъ.

Лишь только успѣлъ онъ сосредоточиться на Севастопольскомъ рейдѣ послѣ перевозки 13-й дивизіи на Кавказъ, какъ рѣшено было въ предвидѣніи начала военныхъ дѣйствій усилить крейсерство въ западной и въ восточной частяхъ Чернаго моря.

По имѣвшимся у насъ свѣдѣніямъ можно было предполагать, что англійскіе руководители турецкихъ властей составили для начала войны обширный планъ наступательныхъ дѣйствій со стороны Закавказья, чтобы, такимъ образомъ, отвлечь значительную часть нашихъ силъ отъ западной границы; поэтому должно было ожидать движенія большихъ запасовъ и войскъ отъ Босфора къ восточнымъ берегамъ Чернаго моря [1]).

Для наблюденія за такимъ передвиженіемъ рѣшено было въ началѣ октября вновь выслать въ крейсерство эскадру вице-адмирала Нахимова [2]), изъ четырехъ 84 пушечныхъ кораблей, трехъ фрегатовъ, двухъ бриговъ и одного пароходо-фрегата [3]), включая сюда и всѣ находившіеся между Крымомъ и Босфоромъ крейсера. Этой эскадрѣ предписывалось крейсеровать между Анатоліей и Крымомъ, держась, по возможности, на меридіанѣ Тарханкута и параллели 43° и имѣть поочередно одинъ фрегатъ и бригъ на Севастопольскомъ рейдѣ, какъ для отдыха этихъ судовъ, бывшихъ въ крейсерствѣ съ начала лѣта, такъ и для сообщенія съ портами.

Цѣль посылки эскадры указывалась та же, что и раньше высланнымъ крейсерамъ, т.-е. желаніе, въ виду ожидаемаго разрыва, имѣть наши морскія силы у береговъ Турціи и особенно на сообщеніи Константинополя съ анатолійскими приморскими городами. Одновременно съ этимъ Нахимову указывалось попрежнему до полученія новыхъ инструкцій не считаться въ войнѣ съ турками.

Командиру Севастопольскаго порта вмѣстѣ съ этимъ предписывалось [4]) поставить на пароходахъ „Крымъ“, „Одесса“ и „Херсонесъ“, находившихся на сообщеніяхъ съ Константинополемъ, предназначенную имъ артиллерію, снабдить ихъ командами и всѣмъ необходимымъ по военному положенію, а весь остальной флотъ держать въ полной готовности къ выходу въ море.

---

[1]) К.-адм. Афанасьевъ. Рукопись. Музей Севастопольской обороны.

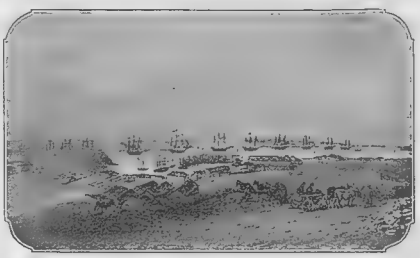
[2]) Предписаніе адм. Берха в.-адм. Нахимову отъ 5 октября 1853 г., № 51.

[3]) Корабли: „Имп. Марія“, „Ягудіилъ“, „Храбрый“ и „Чесьма“; фрегаты: „Коварна“, „Кулевча“ и „Кагулъ“; бриги: „Эней“ и „Язонъ“, и пароходо-фрегатъ „Бессарабія“.

[4]) Предписаніе адм. Берха отъ 5 октября 1853 г., № 52.

Не успѣлъ еще П. С. Нахимовъ уйти изъ Севастополя, какъ тамъ были получены неофиціальныя свѣдѣнія [1]) о томъ, что турецкимъ судамъ приказано атаковать послѣ 9 (21) октября наши суда, если они ихъ встрѣтятъ въ морѣ въ меньшихъ силахъ, и что изъ Константинополя въ Батумъ послано три турецкихъ пароходо-фрегата съ орудіями. Поэтому Нахимову предписывалось распространить свое крейсерство къ Анатолійскому берегу между мысомъ Керемпе и портомъ Амастро съ такимъ расчетомъ, чтобы быть на пути сообщенія между Константинополемъ и Батумомъ.

Нашей эскадрѣ разрѣшалось подходить на видъ береговъ, но не позволялось начинать враждебныхъ дѣйствій противъ турокъ безъ открытія таковыхъ съ ихъ стороны или же безъ повелѣнія высшаго начальства.



Видъ Севастопольскаго рейда.

11 октября Нахимовъ ушелъ въ море, чтобы черезъ мѣсяцъ съ лишнимъ вновь явиться въ Севастополь уже съ лаврами Синопскаго побѣдителя [2]).

На слѣдующій день, 12 октября князь Меншиковъ и Корниловъ, находясь въ Одессѣ, получили извѣстіе объ открытіи турками военныхъ дѣйствій у Исакчи, при чемъ князь Александръ Сергѣевичъ рѣшилъ немедленно отправить Корнилова въ Севастополь, откуда онъ долженъ былъ предпринять обширную рекогносцировку во главѣ соединенной эскадры изъ четырехъ большихъ пароходовъ. Ему было поручено осмотрѣть Кальякрскій и Бургасскій заливы, спуститься мимо Босфора къ мысу Кефкенъ-Аденъ и далѣе дойти до мыса Керемпе, на меридіанѣ котораго онъ долженъ былъ встрѣтиться съ эскадрой Нахимова. Корнилову надлежало, въ случаѣ открытія турецкой эскадры, немедленно дать знать объ этомъ какъ эскадрѣ Нахимова, такъ и остальному флоту, который долженъ былъ тотчасъ же выйти съ ними на соединеніе [3]).

---

[1]) Отношеніе ген.-адъют. Корнилова къ командиру Севастопольскаго порта отъ 8 октября 1853 г., № 277, изъ Одессы.

[2]) Всеподданнѣйшій рапортъ вице-адмирала Нахимова отъ 11 октября 1853 г. Арх. Мор. мин.

[3]) Кн. Меншиковъ—генералъ-адмиралу 16 октября 1853 г. Гос. Арх., разр. XI, д. № 1249.

16 октября Корниловъ прибылъ въ Севастополь, сообщилъ особымъ приказомъ по флоту о дѣлѣ подъ Исакчей [1]), выразивъ увѣренность, что всѣмъ извѣстная исправность судовъ Черноморскаго флота даетъ полную надежду, что флотъ этотъ, бывъ вызванъ на бой врагами Россіи, докажетъ свѣту справедливость доброй славы, имъ пріобрѣтенной, и предписалъ рядъ мѣръ къ полной готовности флота выйти по первому требованію въ море.

Съ этой цѣлью въ Севастополѣ были сформированы три эскадры: двѣ парусныя — подъ флагомъ контръ-адмирала Новосильскаго, изъ 6 кораблей (изъ нихъ четыре 100 пушечныхъ) и 2-хъ фрегатовъ [2]) и, подъ флагомъ контръ-адмирала Вульфа, изъ 4-хъ кораблей [3]), и одна пароходная, подъ флагомъ контръ-адмирала Панфилова, изъ 4-хъ пароходовъ [4]). Первыя двѣ эскадры составляли резервъ на случай надобности выхода въ море, а также и для защиты Севастопольскаго рейда; эскадра же пароходовъ предназначалась для производства рекогносцировокъ [5]).

Одновременно съ этимъ Корниловъ отправилъ корветъ „Калипсо“ къ Нахимову [6]), съ подтвержденіемъ Высочайшаго повелѣнія быть до времени въ оборонительномъ положеніи и выжидать перваго выстрѣла со стороны турокъ. „Опять пред„остерегаю васъ отъ англичанъ“, заключалъ свое письмо Корниловъ. „Вамъ извѣстно, какъ они рѣшительны, когда дѣло идетъ „объ истребленіи чужихъ кораблей поодиночкѣ; я все опасаюсь, „что они выскочатъ изъ Босфора, чтобы на васъ напасть“.

Между тѣмъ предполагаемый Корниловымъ выходъ на рекогносцировку нѣсколько задержался, такъ какъ, по прибытіи въ Севастополь, онъ не нашелъ всѣхъ пароходовъ въ сборѣ.

22 числа онъ получилъ отъ князя Меншикова письмо, дающее понятіе о томъ фальшивомъ положеніи, въ которое былъ поставленъ нашъ флотъ запутанными дипломатическими отношеніями и постоянной неизвѣстностью о мирѣ и войнѣ. „Можетъ-быть“, писалъ онъ, „не лишнее было бы показаться вамъ у Сулина,

---

[1]) Приказъ по Черноморскому флоту 16 октября 1853 г., № 5. Никол. Центр. Арх., кн. оп. 51, оп. 335, д. № 2385, св. 130. Жандръ, стр. 71.

[2]) Корабли: „Три Святителя“, „12 Апостоловъ“, „Вел. Кн. Константинъ“, „Парижъ“, „Ростиславъ“ и „Святославъ“; фрегаты: „Кулевча“ и „Мидія“.

[3]) „Гавріилъ“, „Селафаилъ“, „Уріилъ“ и „Варна“.

[4]) „Херсонесъ“, „Крымъ“, „Одесса“ и „Громоносецъ“.

[5]) К.-адм. Афанасьевъ (рукопись). Музей Севастопольской обороны. Дневникъ А. Б. Асланбекова (рукопись). Тамъ же. Шханочные журналы. Николаевскій архивъ. Жандръ, стр. 71—73.

[6]) 18 октября 1853 г. Тамъ же.

„дабы узнать, не было ли между тѣмъ покушеній турокъ учинить „набѣгъ за Дунаемъ, и, слѣдовательно, начать дѣйствительную „войну, что намъ развязало бы руки.... Но ежели бы турецкій „флотъ дѣйствительно расположился гдѣ-либо внѣ Босфора, „хотя бы то было и съ охраннымъ кораблемъ англійскимъ и „французскимъ, я рѣшусь, подъ своею отвѣтственностью, на „всякое дѣйствіе“ [1]).

Осторожность нашего министерства иностранныхъ дѣлъ во всемъ томъ, что касалось дѣйствій Черноморскаго флота въ этотъ періодъ кампаніи, отчасти объясняется тревожными донесеніями барона Бруннова изъ Лондона о нервности, съ которой руководитель англійской политики въ Константинополѣ, лордъ Стратфордъ, относился ко всѣмъ дѣйствіямъ Черноморскаго флота.

„Я очень радъ“, отвѣтилъ лордъ Абердинъ барону Бруннову на сообщеніе послѣдняго о благополучномъ окончаніи перевозки 13-й дивизіи на Кавказъ, „что эта операція окончилась до входа „эскадръ въ Мраморное море. Если бы въ Константинополѣ „узнали, что вашъ флотъ вышелъ въ море съ цѣлымъ корпу„сомъ десанта, то могли бы подумать, что онъ имѣетъ назначе„ніемъ Варну, Трапезундъ, Батумъ, и Богъ знаетъ, чѣмъ все это „могло бы кончиться“ [2]).

Лишь только 23 октября Корниловъ, поднявъ свой флагъ на „Владимірѣ“, вышелъ съ пароходами „Громоносецъ“, „Одесса“ и „Херсонесъ“ съ Севастопольскаго рейда и взялъ курсъ на Сулинъ.

Предпринимая рекогносцировку, Корниловъ принялъ всѣ мѣры, чтобы возможно подробнѣе и незамѣтнѣе разсмотрѣть непріятельскія бухты, быть готовымъ, въ случаѣ встрѣчи съ соотвѣтственными силами турокъ, къ бою всей соединенной эскадрой [3]), а также, чтобы своевременно извѣстить Нахимова, Севастопольскую эскадру и князя Меншикова, если въ море выйдетъ превосходный въ силахъ турецкій флотъ. На этотъ случай онъ заблаговременно отдалъ на пароходъ „Херсонесъ“, долженствовавшій извѣстить П. С. Нахимова, запечатанный конвертъ съ инструкціей для дѣйствій эскадры послѣдняго. Корниловъ высказывалъ въ ней желаніе, чтобы Нахимовъ, при полученіи извѣстія о выходѣ турецкаго флота въ море, двинулся вдоль азіатскаго

---

[1]) Жандръ, стр. 78. Письмо отъ 20 октября 1853 г., изъ Николаева.

[2]) Бар. Брунновъ гр. Нессельроде 17 (29) октября 1853 г. Гос. Арх., разр. III, д. 108.

[3]) Инструкція, данная ген.-адъют. Корниловымъ командирамъ пароходовъ, помѣщена у Жандра на стр. 80 и 81.

берега къ Босфору, чтобы отрѣзать отступленіе непріятельскому флоту, а онъ самъ предполагалъ съ прибывшей изъ Севастополя эскадрой дѣйствовать съ фронта. Если же, оканчивалъ онъ, „вамъ удастся предупредить Севастопольскую эскадру и застать „непріятеля на якорѣ подъ его крѣпостями, то блокировать его „до соединенія, и тогда, съ Божіею помощью, можетъ повториться „знакомое вамъ Наваринское сраженіе!“ [1]).

24 октября утромъ Корниловъ подошелъ къ Сулину, гдѣ отъ австрійскаго парохода узналъ, что флоты западныхъ державъ начинаютъ занимать свою позицію въ Бейкосѣ, и носятся слухи, что часть ихъ останется въ Галиполи; турецкій же флотъ не покидалъ еще Буюкъ-Дере, но тамъ собиралась особая эскадра для отправленія ее въ Батумъ.

Несмотря на эти извѣстія, эскадра продолжала свою рекогносцировку къ югу, перестраиваясь, смотря по обстоятельствамъ, то въ боевой порядокъ [2]), то въ походный [3]), на такомъ разстояніи другъ отъ друга, которое, по возможности, скрывало бы величину эскадры отъ взоровъ непріятеля, но позволяло бы ей, въ случаѣ столкновенія съ противникомъ, дѣйствовать совмѣстно. Самъ же Корниловъ, пользуясь быстротою хода „Владиміра“, его не дающимъ дыму антрацитнымъ отопленіемъ и прикрываясь парусами, подходилъ на самое близкое разстояніе къ турецкимъ берегамъ.

Такимъ образомъ имъ были подробно осмотрѣны всѣ заливы и рейды на европейскомъ берегу Турціи вплоть до Босфора, но нигдѣ не было замѣчено ни одного военнаго судна. 26 октября эскадра пароходовъ подошла при дурной погодѣ съ сильнымъ сѣверо-западнымъ вѣтромъ на 30 миль къ Босфору. Тогда Корниловъ, опасаясь, что эскадрѣ придется бороться съ крѣпкимъ сѣверо-восточнымъ вѣтромъ, который предвѣщали и барометръ и облака, и потерявъ всякую надежду встрѣтить какія-либо военныя турецкія суда, кромѣ обыкновенныхъ крейсеровъ, содержимыхъ у самаго пролива, отправилъ съ донесеніями „Громоносца“ въ Одессу, а „Херсонесъ“ въ Севастополь. Самъ же адмиралъ, имѣя за собою въ пяти миляхъ „Одессу“, чтобы, такимъ образомъ, возможно болѣе продолжительное время скрыть свое приближеніе, направился на „Владимірѣ“ къ Константинопольскому проливу.

---

[1]) Жандръ, стр. 82.
[2]) Ордеръ фронта — на перпендикулярѣ курса.
[3]) Въ кильватеръ другъ другу.

Въ четвертомъ часу дня онъ различалъ уже маяки и между ними множество купеческихъ судовъ, среди которыхъ вскорѣ обнаружилъ эскадру турецкихъ крейсеровъ, состоявшую изъ 5 фрегатовъ, одного корвета и одного парохода. „Владиміръ“ подошелъ къ крейсерамъ почти на пушечный выстрѣлъ, приведя ихъ въ „большую суету и недоумѣніе“. Но налетѣвшій съ сѣверо-востока шквалъ и наступавшая темнота заставили Корнилова повернуть назадъ, на соединеніе съ „Одессой“. „Тутъ „я видѣлъ“, кончаетъ Корниловъ свое донесеніе, „какое преиму„щество имѣютъ силь„ные пароходы, и скор„бѣлъ о нашемъ въ „этомъ отношеніи недо„статкѣ“.

Подвигъ парохода „Колхида“ (съ карт. А. Боголюбова).

Опасеніе не имѣть достаточно топлива до Севастополя заставило адмирала отказаться отъ свиданія съ П. С. Нахимовымъ, которому онъ не имѣлъ ничего сообщить любопытнаго, и взять курсъ на Севастополь [1]), куда онъ и прибылъ 28 октября.

Однако, есть основаніе полагать, что турецкая эскадра, обнаруженная Корниловымъ съ „Владиміра“ и находившаяся у выхода изъ Босфора, не была единственной. Лейтенантъ Желѣзновъ упоминаетъ въ своей запискѣ [2]), что одновременно съ этимъ изъ Босфора выходило 3 большихъ парохода, и у нихъ на буксирахъ 3 парусныя судна, которыя, по величинѣ рангоута, можно было принять за корабли или фрегаты. Пароходъ „Одесса“, направлявшійся въ это же время на мысъ Керемпе, замѣтилъ миляхъ въ 16-ти отъ „Владиміра“ два турецкихъ корабля, пароходо-фрегатъ и бригъ, лежавшіе на пересѣченіе его курса [3]).

---

[1]) Отчетъ ген.-адъют. Корнилова, составленный 28 октября 1853 г. Никол. Центр. Арх., кн. оп. 23, оп. 185, д. № 1765, св. 61. Отчетъ этотъ помѣщенъ у Жандра, стр. 83—85.

[2]) Жандръ, стр. 85.

[3]) Шханочный журналъ „Одессы“. Никол. Центр. Арх., кн. оп. 51, оп. 335, д. № 2438, св. 134.

Въ тотъ же день „Херсонесъ“, разлучившись съ „Владиміромъ“ для слѣдованія въ Севастополь, увидѣлъ въ 2 часа пополудни къ сѣверу отъ себя эскадру изъ шести судовъ большого ранга, которую онъ принялъ за эскадру Нахимова, и поворотилъ къ „Одессѣ“, чтобы предупредить ее объ этомъ. За мрачностью „Одесса“ не замѣтила сигнала „Херсонеса“, который между тѣмъ увидалъ на югъ отъ себя три корабля, фрегатъ и пароходъ подъ турецкими флагами. „Херсонесъ“, желая предупредить объ этомъ Нахимова, взялъ курсъ на ранѣе видѣнную имъ эскадру, но не догналъ ее, а недостатокъ угля, при усиливавшемся сѣверо-восточномъ вѣтрѣ, принудилъ его итти въ Севастополь [1]).

Въ то же время эскадра Нахимова, вышедшая, какъ извѣстно, въ море еще 11 октября, боролась все время со свѣжими сѣверо-восточными вѣтрами и также 25 октября замѣтила турецкій пароходъ, которому удалось благополучно ускользнуть отъ преслѣдованія парохода „Бессарабія“ и фрегата „Кагулъ“ [2]).

Такимъ образомъ, когда, по возвращеніи Корнилова 28 октября въ Севастополь, у него сосредоточились всѣ указанныя выше свѣдѣнія, то для Владиміра Алексѣевича должно было сдѣлаться очевиднымъ присутствіе въ Черномъ морѣ значительной турецкой эскадры.

II.

Войска наши на Азіатской границѣ были ко времени прибытія на Кавказъ 13 пѣхотной дивизіи распредѣлены слѣдующимъ образомъ [3]):

Въ Ахалцыхскомъ уѣздѣ въ первыхъ числахъ августа находились, подъ начальствомъ полковника Шликевича, два отряда: первый—силою въ 1½ баталіона, 2 ор. и 3 сотни [4])—у с. Орловки для поддержки Ахалцыхскаго гарнизона въ случаѣ движенія туда турокъ, и второй—силою въ 1 баталіонъ, 2 горныхъ орудія и 1½ сотни [5])—у Ахалцыха для защиты этой крѣпости.

---

[1]) К.-ад. Афанасьевъ (рукопись). Музей Севастопольской обороны. Жандръ, стр. 86.

[2]) Шханочный журналъ брига „Язонъ“. Никол. Центр. Арх., кн. оп. 51, оп. 335, д. № 2413, св. 133.

[3]) Воен. Уч. Арх. Гл. Шт., Отд. 2, д. 6562. Письмо кн. Воронцова воен. мин. 25 сентября 1853 г.

[4]) 3-й бат. Эриван. караб. Н. Ц. полка, 4-я р. Кавк. саперн. бат., 1 взв. легк. № 7 батар. 21 арт. бр. и 3 сотни милиціи.

[5]) Мингр. ег. п., горн. № 1 батар. Кавк. гренад. арт. бриг., донск. каз. № 21 п. и милиціи.

Въ Александрополѣ къ этому же времени былъ, кромѣ роты Грузинскаго линейнаго № 4 баталіона, переведенной сюда изъ Эривани, лишь одинъ сводный гренадерскій баталіонъ.

Въ Эриванской губерніи стоялъ у Орговскаго поста противъ силъ, сосредоточиваемыхъ турками у Баязета, лишь отрядъ изъ 3-хъ сотенъ Карабачской милиціи, къ которымъ затѣмъ былъ направленъ 2-й баталіонъ гренадерскаго Вел. Кн. Константина Николаевича полка.

Въ концѣ августа намѣстникъ сдѣлалъ распоряженіе о немедленномъ движеніи къ Александрополю изъ Чиръ-Юрта драгунскаго Наслѣднаго Принца Виртенбергскаго (Нижегородскаго) полка, смѣнивъ его 5 сотнями донского казачьяго № 26 полка и сотней горскаго линейнаго войска.

Эти послѣднія впослѣдствіи должны были быть въ свою очередь смѣнены донскими казачьими №№ 41 и 49 полками. Кисловодскій же кордонъ долженъ былъ быть занятъ частями 6-й бригады кавказскаго линейнаго казачьяго войска, а затѣмъ донскими казачьими №№ 36 и 48 полками.

Съ драгунскимъ полкомъ прибывала донская конно-артиллерійская казачья № 7 батарея, которая смѣнялась состоявшей на льготѣ 10-й черноморской конно-артиллерійской батареей.

Работы на военныхъ дорогахъ въ концѣ августа были прекращены, и войска съ нихъ притянуты къ границѣ. Туда же должны были слѣдовать донскіе казачьи №№ 2 и 4 полки.

Съ прибытіемъ 13 пѣхотной дивизіи, 1-я бригада ея должна была слѣдовать въ Тифлисъ и оттуда для смѣны частей Кавказскаго корпуса, несшихъ въ Закавказьѣ караульную службу, а изъ 2-й бригады одинъ полкъ назначался въ Ахалцыхъ, 2 баталіона—въ Кутаисъ и 2 баталіона—въ Сурамъ.

Дѣйствующій на границѣ корпусъ [1]), такимъ образомъ, долженъ былъ состоять изъ 25 баталіоновъ, 10 эскадроновъ, 21 сотни каз., 62 орудій и 78½ сотенъ милиціи [2]).

Отрядными начальниками были назначены [3]): *Гурійскаго отряда,* т.-е. войскъ, расположенныхъ въ Гуріи, Мингреліи и Имеретіи, Кутаисскій военный губернаторъ генералъ-маіоръ князь Гагаринъ;

---

[1]) Приказы по дѣйств. Кавказскому корпусу №№ 1, 2, 3 и 11.
[2]) См. Приложеніе № 49.
[3]) Приказъ по дѣйств. Кавказскому корпусу № 4.

Ахалцыхскаго отряда, т.-е. войскъ, расположенныхъ между Сурамомъ и Ахалкалаками, не включая послѣдняго пункта,—генералъ-маіоръ Ковалевскій;

Ахалкалакскаго отряда, т.-е. войскъ, расположенныхъ въ Ахалкалакахъ и его окрестностяхъ,—полковникъ Шликевичъ, и

Эриванскаго отряда, т.-е. войскъ, расположенныхъ въ Орговѣ и Эривани,—Эриванскій военный губернаторъ генералъ-маіоръ Назаровъ.

Изъ приведеннаго перечня войскъ видно, что въ составъ дѣйствующаго корпуса было включено значительное число милиціи. Къ сбору ея приступили еще въ началѣ іюля. Первоначально предполагалось собрать 50 сотенъ, но затѣмъ князь Воронцовъ испросилъ разрѣшеніе Государя довести милицію до 100 сотенъ. Населеніе относилось очень сочувственно къ этой мѣрѣ, и наплывъ желающихъ служить въ милиціи былъ большой.

Кромѣ воинственнаго духа мѣстнаго населенія, это объяснялось и выдачей хорошаго денежнаго довольствія, отпускаемаго милиціонерамъ отъ казны. Офицеры получали жалованье по чину и порціонныя деньги; юнкера—по 45 копѣекъ серебромъ въ день, по 2 фунта пшена и по фунту мяса; прочіе—отъ 40 до 30 копѣекъ въ день, кромѣ указаннаго для юнкеровъ довольствія.

Число сотенъ милиціи въ составѣ отрядовъ не было постояннымъ: они призывались въ мѣрѣ потребности, а затѣмъ, по минованіи надобности, распускались по домамъ.

Начальникъ Гурійскаго отряда князь Гагаринъ первый получилъ 8 октября тревожныя свѣдѣнія о приготовленіяхъ турокъ къ открытію военныхъ дѣйствій [1]). Князю Гагарину сообщали, что манифестъ о войнѣ уже объявленъ турецкимъ войскамъ, и Селимъ-паша разрѣшилъ кобулетцамъ тревожить нашу границу; дорога отъ Батума къ Чурукъ-Су спѣшно исправлялась, при чемъ въ послѣднемъ пунктѣ сосредоточилось до 6000 человѣкъ при 20 орудіяхъ; Батумскій гарнизонъ былъ усиленъ на 2000 человѣкъ, и аджарскій паша набиралъ до 8000 милиціи.

Въ виду этихъ данныхъ, командированный княземъ Гагаринымъ къ передовымъ частямъ начальникъ штаба отряда полковникъ Карганов передвинулъ на границу къ с. Нацхотевы 2 сотни милиціи, въ с. Лихоуры поставилъ 2 роты Грузинскаго линейнаго

---

[1]) Арх. Кавк. в. окр., д. Ген. шт. № 2, рапорты полк. Карганова кн. Гагарину 8 октября, № 104, и 9 октября, № 1571.

баталіона и 3 сотни милиціи, а затѣмъ, для отвлеченія аджарцевъ перевелъ эти роты на хребетъ Сомлія.

Къ посту св. Николая были направлены роты Черноморскаго линейнаго № 12 баталіона съ 2 орудіями Редуткальскаго артиллерійскаго гарнизона, которымъ было приказано привести этотъ пунктъ въ оборонительное положеніе.

Съ своей стороны князь Гагаринъ расположилъ сотни имеретинской милиціи въ Марани, передвинулъ двѣ роты Грузинскаго линейнаго баталіона изъ Кутаиса и три сотни самурзаканской милиціи въ Редутъ-Кале для охраны города и пороховыхъ погребовъ, предложивъ, кромѣ того, правительницѣ Мингреліи княгинѣ Дадіанъ расположить двѣ сотни милиціи въ Анакріи, собрать дворянскую дружину и имѣть наготовѣ еще 3 сотни милиціи.

Подвигъ фрегата „Флора"
(съ карт. А. Боголюбова).

Два баталіона Литовскаго егерскаго полка съ 4 орудіями легкой № 1 батареи 13 артиллерійской бригады прибыли 10 октября въ Озургеты, и туда же была собрана сотня сванетской милиціи, а затѣмъ прибыли и остальные 2 баталіона этого полка съ 4 орудіями, за исключеніемъ двухъ ротъ, оставленныхъ гарнизономъ въ Кутаисѣ.

Въ виду опаснаго положенія Редутъ-Кале, было приступлено къ вывозу изъ него въ Кутаисъ всѣхъ артиллерійскихъ снарядовъ, а въ Марань — части продовольственныхъ запасовъ.

Виленскій егерскій полкъ совмѣстно съ легкой № 2 батареей 13 артиллерійской бригады находился въ это время на маршѣ къ Ахалцыху, составляя отрядъ генералъ-маіора Ковалевскаго.

Съ прибытіемъ этого полка въ Ахалцыхъ, полковникъ Шликевичъ долженъ былъ выступить съ 2-мя баталіонами и 6 орудіями [1]) въ Орловку. Здѣсь должны были остаться изъ состава войскъ,

---

[1]) 1-й бат. Мингр. ег. п., 4-й бат. Тифлисск. ег. п., 4 ор. горн. № 3 батар. и 2 ор. легк. № 7 батар.

тамъ находившихся и вновь прибывшихъ, 1¼ баталіона, 6 орудій и 3½ сотни милиціи, а остальныя войска, съ присоединеніемъ къ нимъ 3-хъ баталіоновъ Эриванскаго карабинернаго полка (прежде расположеннаго въ Орловкѣ), направить въ Александрополь [1]). Въ прочихъ пограничныхъ съ Турціей пунктахъ войска въ половинѣ октября были расположены слѣдующимъ образомъ [2]):

Въ с. Марань стояло для образованія резерва Гурійскаго отряда два баталіона Брестскаго полка (съ 18 октября) и 4 орудія горной № 1 батареи (къ 23 октября).

Въ Ахалкалаки предназначалось три баталіона Бѣлостокскаго полка, но къ 22 октября тамъ стояли только 4-й баталіонъ Тифлисскаго егерскаго полка, 13-я рота Мингрельскаго егерскаго полка, рота Грузинскаго линейнаго № 6 баталіона и 2 легкихъ орудія.

Въ Сурамѣ—2 баталіона Брестскаго полка (съ 18 октября), въ Александрополѣ—6½ баталіоновъ, 28 орудій и 2 эскадрона драгунъ [3]).

Въ Эриванской губерніи: на Орговскомъ посту—2-й баталіонъ гренадерскаго Вел. Кн. Константина Николаевича полка, въ Эривани—2 роты Мингрельскаго егерскаго полка и Грузинскій линейный № 4 баталіонъ и, кромѣ того, во всей губерніи—27 сотенъ милиціи и 1 бекская дружина.

Затѣмъ ожидались на границу: въ Александрополь 2 баталіона Эриванскаго кн. Варшавскаго полка, рота гренадерскаго Вел. Кн. Константина Николаевича полка, батарейная № 2 батарея, донская № 7 конная батарея, 4 дивизіона Нижегородскаго драгунскаго полка, 6 сотенъ линейныхъ казаковъ и донскіе казачьи №№ 2 и 4 полки.

Въ Эривань ожидалось 3 роты Тифлисскаго егерскаго полка, 2 роты Мингрельскаго егерскаго полка, 4 орудія легкой № 7 батареи (2 орудія изъ Ахалцыха).

Съ Лезгинской линіи должно было быть отправлено въ дѣйствующій корпусъ 2 баталіона пѣхоты и рота саперъ.

Въ началѣ октября князь Орбеліани 3-й, начальствовавшій войсками въ Александрополѣ [4]), узналъ, что отрядъ турецкихъ

---

[1]) Предписаніе г.-л. Ковалевскому отъ 9 октября 1853 г., № 203. Арх. Кавк. в. окр.

[2]) Отзывъ главнокомандующаго военному министру 17 октября 1853 г., № 648. Тамъ же.

[3]) 1-й бат. грен. Вел. Кн. Константина Николаевича п.; 2-й и 3-й бат. Эрив. кар. п.; Св. бат. грен. бриг.; Кавк. стр. бат.; 3 роты Кавк. сап. бат.; 1-й бат. ег. кн. Воронцова п.; батар. № 1 и № 5 батар.; легк. № 1 и 2 ор. № 7 батар.; 2 ор. горн. № 1 батар. и дивизіонъ Нижегор. драг. полка.

[4]) Кн. Бебутовъ былъ боленъ, а кн. Барятинскій, который долженъ былъ временно командовать корпусомъ, еще не прибылъ въ Александрополь.

войскъ, около 10.000 человѣкъ, выступилъ изъ Карса и прибылъ къ селеніямъ Кюрюкъ-Дара и Джамутлу (въ 20 верстахъ отъ Александрополя). Поэтому князь Орбеліани выступилъ для ободренія пришедшаго въ волненіе пограничнаго населенія 9 октября изъ Александрополя, оставивъ въ немъ лишь линейный баталіонъ и 3 роты пѣхоты, и занялъ въ 10 верстахъ отъ Александрополя, у с. Баяндуръ, позицію. Здѣсь онъ узналъ о прибытіи къ с. Суботанъ и Хаджи-Вали (въ 20 верстахъ отъ границы) отряда турецкой кавалеріи въ 4000 человѣкъ, а 11 октября получилъ свѣдѣніе о прибытіи въ Суботанъ пѣхоты съ артиллеріей.

12 октября князь Орбеліани выѣхалъ съ 3 сотнями казаковъ на рекогносцировку къ с. Ачину и выяснилъ, что турецкій отрядъ былъ силою около 6000 пѣхоты, 3000 кавалеріи и 14 орудій.

14 октября онъ еще выдвинулся впередъ по направленію къ Ачину и расположился на позиціи у Тавшанъ-Кишляка для обезпеченія выселенія пограничныхъ жителей подъ прикрытіе Александропольской крѣпости, а затѣмъ вернулся съ отрядомъ къ с. Баяндуръ.

Переходъ въ наступленіе турокъ, какъ со стороны Суботана, такъ и изъ Баязета, былъ назначенъ, по донесеніямъ лазутчиковъ, на 20 или 22 октября.

Адмиралъ Серебряковъ одновременно съ этимъ доносилъ о снаряженіи турками на Батумскомъ берегу значительнаго числа кочермъ, предназначенныхъ, по слухамъ, для нападенія на наше почти беззащитное побережье.

Эта часть границы была наиболѣе открыта для нападенія, и Государь особенно за нее опасался, хотя и считалъ, что съ прибытіемъ 13-й пѣхотной дивизіи положеніе наше значительно тамъ улучшилось. Насколько взгляды въ этомъ отношеніи въ Петербургѣ и въ Тифлисѣ были различны, можно судить изъ строкъ военнаго министра къ князю Воронцову, что въ случаѣ вторженія турокъ онъ „имѣетъ средство не только отразить попытки ихъ, „но покрыть оружіе наше славою и при первой возможности „наступать къ Карсу“ [1]).

Та же мысль еще болѣе настойчиво проводилась Государемъ въ собственноручномъ письмѣ его къ намѣстнику отъ 6 октября 1853 года.

---

[1]) Воен. Уч. Арх., Отд. 2, д. № 6565, рапортъ воен. мин. 5 октября 1853 г., № 1062.

„Не зная", писалъ Государь [1]), „какъ ты распредѣлилъ „войска, полагаю, съ своей стороны, что ты не пренебрегъ „составить отрядъ для прикрытія Ріона, дабы всякая попытка „отъ стороны Батума, гдѣ, какъ слышно, у турокъ большія „силы, могла встрѣтить должный отпоръ и тѣмъ уничтожить „всякую попытку возмутить Абхазію.

„Думаю, что это необходимо, признавъ эту сторону нашей „границы за слабѣйшую, ибо ни Николаевскій редутъ, ни Поти „не суть преграды предпріимчивому непріятелю. За симъ, *выждавъ „первыя нападенія турокъ, желаю я, чтобы ты непремѣнно „перешелъ въ наступленіе, направясь на Карсъ, и овладѣлъ „онымъ, равно какъ и Ардаганомъ* [2]). Можно надѣяться, что, „ежели турки осмѣлятся встрѣтить тебя въ полѣ, ты ихъ разо- „бьешь; за симъ покореніе Карса и Ардагана, кажется, не можетъ „быть труднѣе, чѣмъ было въ 1829 году".

Почти черезъ мѣсяцъ послѣ этого Государь въ письмѣ отъ 9 ноября вновь затрагивалъ вопросъ о переходѣ въ наступленіе.

„Вся моя надежда", писалъ Государь [3]), „на твои дѣйствія. „Желаю и надѣюсь, что не только прогонишь турокъ, но и „сейчасъ перейдешь въ рѣшительное наступленіе къ Карсу. „Съ какими силами ты это предпримешь, не знаю еще, ибо „вижу, что 13-я дивизія покуда получила иное назначеніе.

„Обезпечивъ Гурію или правый флангъ, кажется мнѣ, что „весьма желательно собрать наиболѣе силъ, дабы дѣйствовать „рѣшительно на важнѣйшемъ пунктѣ наступательно и тѣмъ „отвлечь непріятеля отъ другихъ предпріятій, обратя на защиту „собственнаго края. При этомъ считаю однимъ изъ первыхъ „условій успѣха, чтобы войска оставались, сколько можно, въ „своемъ боевомъ составѣ, а не въ сводномъ, и подъ своими „непосредственными начальниками".

Напомнимъ, что еще 8 іюня, когда въ Севастополѣ было получено извѣстіе о враждебныхъ намѣреніяхъ кавказскихъ горцевъ, крейсеровавшій у восточныхъ береговъ Чернаго моря отрядъ былъ увеличенъ новыми судами и былъ подраздѣленъ на два отряда: сѣверный съ центромъ въ Новороссійскѣ [4]) изъ одного

---

[1]) Арх. Канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 73.
[2]) Курсивъ подлинника.
[3]) Арх. Канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 73.
[4]) См. схема № 11, стр. 251.

фрегата, одного корвета, четырехъ бриговъ и одного тендера [1]), и южный съ центромъ у Сухумъ-Кале изъ одного фрегата, одного корвета, одного брига, двухъ шхунъ и одного тендера [2]), кромѣ нѣсколькихъ слабыхъ пароходовъ Кавказскаго вѣдомства [3]).

Капитанъ 2-го ранга Бутаковъ.

Въ особой инструкціи, данной судамъ, крейсеровавшимъ у восточныхъ береговъ, указывались, кромѣ общихъ для всякаго крейсера задачъ, и спеціальныя цѣли — быть въ сношеніи съ гарнизонами укрѣпленій береговой линіи, оказывать возможное содѣйствіе транспортамъ Кавказскаго вѣдомства и даже пополнять при надобности ихъ экипажи [4]).

Негостепріимные берега Кавказа и бурное время года заставляли наши парусные крейсера держаться сравнительно далеко отъ береговъ и пользоваться лишь рѣдкими, относительно спокойными, днями, чтобы къ нимъ приближаться. Это условіе давало возможность турецкимъ пароходамъ, имѣвшимъ способность безопасно двигаться во всякую погоду вблизи береговъ, безнаказанно ускользать отъ взора нашихъ крейсеровъ и не обезпечивало ближайшихъ отъ турецкой границы укрѣпленій отъ нечаяннаго нападенія.

Въ концѣ сентября [5]), въ виду ожиданія близкаго разрыва съ Турціей, суда южнаго отряда были усилены фрегатомъ „Сизополь“ и корветомъ „Андромаха“, при чемъ княземъ Меншиковымъ было предписано держать, на случай начала военныхъ дѣйствій, по близости Редутъ-Кале фрегаты „Мессемврія“ и „Сизополь“, корветы „Андромаха“ и „Пиладъ“ и при нихъ одинъ изъ пароходовъ Кавказскаго корпуса.

---

[1]) Списокъ судовъ этого отряда см. выше.
[2]) Списокъ этихъ судовъ см. выше.
[3]) Всего такихъ пароходовъ было шесть, отъ 44 до 260 силъ.
[4]) Корниловъ — Синицыну 8 іюня 1853 г., № 123. Никол. Центр. Арх., кн. оп. 23, оп. 185, д. № 1734, св. 61.
[5]) Корниловъ — Синицыну 28 сентября 1853 г., № 265.

Еще до полученія этого приказанія начальникъ береговой линіи, вице-адмиралъ Серебряковъ, узнавъ о появленіи турецкаго парохода въ Батумѣ и опасаясь его нападенія на транспорты, стоявшіе въ Анакріи, отрядилъ 27 сентября въ крейсерство къ укрѣпленію св. Николая корветъ „Андромаха“ [1]). Впослѣдствіи, въ виду того, что въ Батумѣ оказался не одинъ, а три парохода, въ крейсерство туда были направлены фрегатъ „Сизополь“ и корветъ „Пиладъ“. Прочія суда малаго ранга, раздѣленныя на двѣ смѣны, содержали крейсерство при остальныхъ укрѣпленіяхъ Черноморской береговой линіи [2]). Такъ какъ держаться близъ укрѣпленія св. Николая при свѣжихъ вѣтрахъ, начиная съ сѣвернаго и кончая юго-западнымъ, было довольно опасно, а именно эти-то вѣтры и дули почти въ теченіе всего октября, то наши крейсера больше держались у Пицунды, лишь иногда подходя на видъ укрѣпленія св. Николая [3]).

17 октября фрегату „Сизополь“, въ соединеніи съ корветами „Андромахой“ и „Пиладомъ“, были указаны болѣе опредѣленно мѣста и цѣль ихъ крейсерства, а именно: они должны были постоянно держаться у пересѣченія меридіана 10° 42′ къ востоку съ параллелью 42° и приближаться при благопріятной погодѣ на видъ Поти и Редутъ-Кале, но, при вѣтрахъ съ моря и вообще при малѣйше сомнительной погодѣ, должны были немедленно отходить въ море, не далѣе меридіана 10° [4]).

Между тѣмъ еще ранѣе этого послѣдняго приказанія, а именно въ ночь съ 15 на 16 октября, турки произвели нечаянное нападеніе на постъ св. Николая и, звѣрски вырѣзавъ почти поголовно весь гарнизонъ, завладѣли постомъ и двумя нашими орудіями.

Нападенія на нашу границу болѣе значительными партіями начались еще въ концѣ августа.

23 числа 200 человѣкъ вторглись въ наши предѣлы у сел. Кара-Саклу, со стороны персидской границы, а на другой день такая же партія перешла кордонную линію у Нижне-Аратлинскаго поста; но въ этихъ нападеніяхъ не участвовали регулярныя турецкія войска вплоть до 15 октября, когда совершенно

---

[1]) Рукописный журналъ плаванія лейтенанта Бутакова. Музей Севастопольской обороны.

[2]) Рапортъ ком. отр. суд., крейсер. у вост. бер. Чернаго моря, ком. Севаст. порта отъ 21 октября 1853 г., № 409. Никол. Центр. Арх., оп. 185, д. № 1761, св. 61.

[3]) Эти показанія лейтенанта Бутакова, плававшаго на „Андромахѣ“ и записавшаго ихъ тотчасъ же подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ, заслуживаютъ полнаго довѣрія.

[4]) Вахтенный журналъ фрегата „Сизополь“ за 1853 г. Никол. Центр. Арх., кн. оп. 51, оп. 335, д. № 2399, св. 132.

неожиданно для насъ, безъ объявленія войны, цѣлый отрядъ ихъ въ ночь на 16 октября произвелъ нападеніе на постъ св. Николая.

Хотя этотъ постъ носилъ названіе укрѣпленія, но, въ дѣйствительности, здѣсь была лишь таможенная застава, карантинъ и провіантскій магазинъ муки на 3000 человѣкъ.

Въ сентябрѣ князь Гагаринъ на запросъ князя Воронцова доносилъ [1]), что постройка здѣсь укрѣпленія требовала бы значительныхъ средствъ и рабочихъ рукъ; для защиты же его лишь отъ внезапнаго нападенія достаточно было назначить двѣ роты и милицію и построить редутъ на томъ мѣстѣ, съ котораго онъ можетъ обстрѣливать устье рѣкъ Чолока и Натамба, а также мелководную, доступную для движенія въ бродъ часть залива. Со стороны моря этотъ постъ все равно являлся беззащитнымъ, если онъ не будетъ охраняемъ особымъ крейсерующимъ судномъ. Подходящей артиллеріи для вооруженія поста св. Николая также не было, и на него могло быть назначено лишь два легкихъ орудія изъ Озургетъ.

Укрѣпленія въ Николаевскомъ ко дню нападенія еще не было возведено и тамъ успѣли устроить только ровъ съ полисадомъ. Гарнизонъ, подъ начальствомъ капитана Щербакова, состоялъ изъ 2-хъ ротъ, 2-хъ орудій [2]), команды донского казачьяго № 11 полка и Николаевской таможенной заставы, численностью всего 339 человѣкъ; кромѣ того, тамъ находилось 2 сотни милиціи князя Георгія Гуріели [3]).

Въ десять часовъ вечера 15 октября турки, въ числѣ отъ 5 до 7 тысячъ человѣкъ, внезапно атаковали постъ св. Николая.

Они, не довѣряя стойкости кобулетской милиціи, которая ранѣе отказывалась произвести на насъ нападеніе открытою силою, прибѣгли относительно этой милиціи къ хитрости. Посадивъ 3000 кобулетцевъ на 80 баркасовъ, вооруженныхъ фальконетами, непріятель обогнулъ укрѣпленіе и присталъ къ мысу, образующемуся [4]) впаденіемъ въ море рѣки Натамбы; здѣсь турки высадили кобулетцевъ и вернулись обратно. Послѣднимъ, такимъ образомъ, не было пути отступленія, и имъ поневолѣ приходилось насъ атаковать.

---

[1]) Арх. Кавк. в. окр., д. Ген. шт. 1853 г., № 2, ч. I, рапортъ 14 сентября № 1077.

[2]) Черноморскаго линейнаго № 12 баталіона; орудія Редутъ-кальскаго гарнизона.

[3]) Воен. Уч. Арх. Гл. Шт., д. № 5, по донес. Нач. Черноморск. берег. лин. о воен. происш., рапорты кн. Гагарина 22 октября № 1733 и 18 октября № 1678.

[4]) См. схему № 12, стр. 271.

Противникъ, съ цѣлью отвлечь вниманіе гарнизона съ этой стороны, открылъ одновременно сильный огонь съ турецкаго берега, а затѣмъ повелъ на постъ св. Николая атаку съ двухъ сторонъ, при содѣйствіи артиллерійскаго огня изъ 4-хъ орудій, открытаго съ противоположнаго берега рѣки Чолока.

Послѣ девятичасового непрерывнаго отчаяннаго боя гарнизонъ къ 7 часамъ утра, истощивъ всѣ снаряды и патроны, былъ почти весь истребленъ [1]), и только три офицера и 25 нижнихъ чиновъ, почти всѣ раненые штыками, пробили себѣ путь отступленія, предварительно заклепавъ оба доставшіеся туркамъ орудія [2]). Впослѣдствіи къ отряду присоединилось еще 63 человѣка, спасшихся въ одиночку.

Турки достигли этого успѣха тоже дорогой цѣной. Они, озлобленные за это противъ гарнизона, ознаменовали свою побѣду жестокостью съ плѣнными; женщины и дѣти были убиты, іеромонахъ Серафимъ, служившій обѣдню, былъ звѣрски умерщвленъ, а чиновникъ таможеннаго вѣдомства Заспицкій распятъ и разстрѣленъ [3]).

Капитанъ Щербаковъ еще въ 11 часовъ вечера послалъ князю Гагарину донесеніе о нападеніи, но везшій это извѣстіе казакъ былъ убитъ турками, и только въ 5 часовъ утра князь Гагаринъ, узнавъ о нападеніи, направилъ къ посту св. Николая полковника Карганова съ 3 ротами Литовскаго егерскаго полка, 2 орудіями и сотней милиціи, но уже на полъ-дорогѣ [4]) полковникъ Каргановъ получилъ извѣстіе о взятіи укрѣпленія турками.

Преодолѣвъ всѣ трудности пути и переправы черезъ двѣ рѣчки, полковникъ Каргановъ, не доходя 2-хъ верстъ до поста св. Николая, открылъ непріятеля, засѣвшаго въ числѣ 4000 человѣкъ въ густомъ лѣсу въ крѣпкихъ завалахъ. Нашъ отрядъ, разсыпавъ 4-ю егерскую роту и сотню Озургетской милиціи, подошелъ подъ сильнымъ огнемъ къ заваламъ, бросился послѣ залпа въ штыки и выбилъ турокъ, которые въ безпорядкѣ от-

---

[1]) Убито 1 офицеръ и 217 ниж. чиновъ; ранено 2 офицера и 29 ниж. чиновъ.

[2]) Вѣдом., прил. къ рапорту кн. Гагарина отъ 22 октября 1853 г., № 1733. Арх. Шт. Кавк. воен. окр.

[3]) Кн. А. С. Меншиковъ не вѣрилъ донесенію объ атакѣ св. Николая съ моря, полагая, что шумъ высадки долженъ былъ предупредить гарнизонъ объ угрожавшей опасности, а считалъ болѣе вѣроятнымъ нападеніе съ сухого пути. (Письмо кн. Меншикова военному министру отъ 29 октября 1853 г., Арх. Канц. Воен. мин. по снар. в. 1853 г., секр. д. № 72.) Если принять во вниманіе, что въ эту ночь была вѣтреная погода, заставлявшая наши крейсера держаться у Пицунды, то шумъ отъ высадки, навѣрно, покрывался шумомъ моря.

[4]) Отъ Озургетъ до поста св. Николая 30 верстъ.

ступили къ посту. Дальнѣйшее преслѣдованіе было остановлено болотистою рѣчкой Скудерби, на которой турки разрушили мостъ.

Переправа черезъ нее обстрѣливалась какъ фланговымъ съ р. Чолока, такъ и фронтальнымъ огнемъ. Въ теченіе шести часовъ шла сильная ружейная и артиллерійская перестрѣлка, а съ наступленіемъ сумерекъ турки большими силами, съ музыкой, перешли въ контръ-атаку, переправляясь черезъ р. Скудерби по переброшеннымъ перекладинамъ. Попытка эта была отбита штыками, и турки, потерявъ свыше 300 человѣкъ убитыми, отошли обратно къ посту.

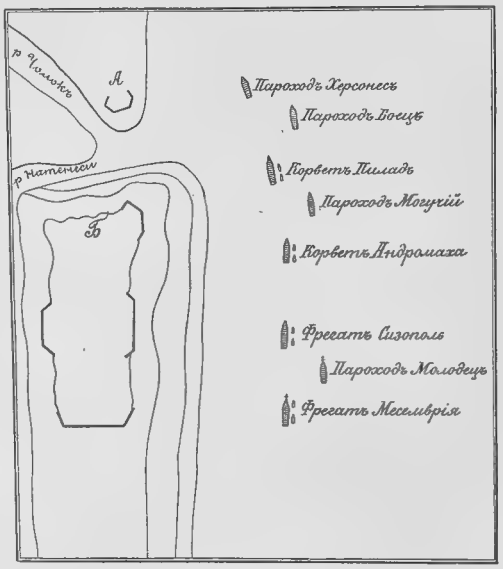


Схема № 12.

Наступленіе ночи и усиленіе непріятеля, подвозившаго въ кочермахъ съ турецкаго берега р. Натамбы подкрѣпленія, ставило отрядъ полковника Карганова въ опасное положеніе, почему онъ началъ, подъ прикрытіемъ сильнаго огня, обратное движеніе къ Озургетамъ. Въ полночь нашъ отрядъ прибылъ на позицію у Чехотскаго моста, а въ 9 часовъ утра въ Озургеты.

Потеря въ отрядѣ полковника Карганова простиралась до 194 человѣкъ.

Князь Гагаринъ заключилъ изъ нападенія турокъ на постъ св. Николая и усиленія ихъ у Легвы, противъ Чолокскаго поста, о намѣреніи непріятеля вторгнуться въ Гурію черезъ Озургеты, почему расположился съ оставшимися пятью ротами Литовскаго егерскаго полка и 2 орудіями у Озургетъ; туда же онъ притянулъ изъ Кутаиса еще 1½ баталіона Литовскаго полка съ 4 орудіями и Гурійское ополченіе.

Изъ Кутаиса войска могли прибыть только черезъ 6 дней, но и тогда въ Озургетахъ составился бы отрядъ всего силою въ 4 баталіона и 8 орудій.

Держаться съ такими силами противъ турокъ, имѣвшихъ два пути наступленія, съ поста св. Николая и съ Легвы, было трудно,

поэтому князь Гагаринъ просилъ князя Воронцова усилить его двумя баталіонами Брестскаго полка и 4 горными орудіями, которые, будучи расположены у Марани, могли служить ему резервомъ.

Уничтоженіе склада муки въ Николаевскомъ посту ставило Гурійскій отрядъ въ затруднительное положеніе.

Перевезенныхъ оттуда ранѣе 500 четвертей могло хватить лишь на 15 дней, поэтому князь Гагаринъ ходатайствовалъ о перевозкѣ запасовъ изъ Поти по р. Ріону въ каюкахъ до Усть-Ухеникальскаго поста, откуда на черводарскихъ лошадяхъ до Озургетъ. Такимъ же образомъ должны были быть доставлены изъ Редутъ-Кале 3500 четвертей, которыя слѣдовало перевезти туда изъ Керчи, вмѣсто предполагавшейся выгрузки ихъ въ Николаевскомъ посту.

Турки, имѣя въ захваченномъ укрѣпленіи лишній опорный пунктъ, еще легче могли теперь предпринять дѣйствія противъ нашего побережья, защита котораго безъ помощи флота представлялась невозможной [1]). Поэтому князь Воронцовъ предложилъ адмиралу Серебрякову употребить для крейсерства между Редутъ-Кале и Батумомъ состоящую въ его распоряженіи флотилію, если Черноморскимъ флотомъ не будетъ для этой цѣли оказана помощь.

Вмѣстѣ съ тѣмъ гарнизонъ Поти былъ усиленъ одной ротой Грузинскаго линейнаго № 1 баталіона, переведенной туда изъ Редутъ-Кале, и сотней Самурзаканской милиціи.

Князь Гагаринъ возлагалъ, за недостаткомъ регулярныхъ войскъ, большія надежды на мѣстную милицію, которой у него было собрано до 30 сотенъ. Милиціонерамъ предполагалось, кромѣ поддержки регулярныхъ отрядовъ, давать и самостоятельныя назначенія, какъ-то оборону отдѣльныхъ горныхъ проходовъ и постовъ пограничной линіи.

Извѣстіе о взятіи турками поста св. Николая произвело панику среди населенія Редутъ-Кале и Сухума и было совершенной неожиданностью для нашихъ крейсеровъ, плававшихъ у Пицунды. Находившійся въ Сухумѣ начальникъ III отдѣленія Черноморской береговой линіи генералъ-маіоръ Мироновъ рѣшился немедленно отправиться туда на стоявшемъ въ Сухумѣ пароходѣ „Колхида“, съ ротой Черноморскаго линейнаго № 11 ба-

---

[1]) Въ Поти, гдѣ былъ складъ въ 2300 четвертей муки, имѣлся гарнизонъ всего изъ 75 человѣкъ и сотни милиціи; въ Редутъ-Кале было 3 роты.

таліона, чтобы провѣрить это извѣстіе, ободрить жителей Редутъ-Кале и, въ случаѣ надобности, поддержать наши войска съ моря [1]).

Въ 9 часовъ вечера 18 октября „Колхида“, подъ командой капитанъ-лейтенанта Кузьминскаго, снялась съ якоря и при тихой погодѣ прибыла въ 11 часовъ утра въ Редутъ-Кале. Здѣсь къ ней вышелъ навстрѣчу казачій баркасъ, который и былъ взятъ на бакштофъ.

Въ Редутъ-Кале тоже не было никакихъ опредѣленныхъ извѣстій о результатахъ боя у поста св. Николая. Было лишь извѣстно, что онъ попалъ въ руки турокъ, но тамъ не знали, былъ ли онъ взятъ обратно нашими войсками.

Въ 5 часовъ дня „Колхида“ подошла на высоту поста. Поднявшійся туманъ не давалъ возможности разглядѣть, что дѣлалось на берегу; когда же, въ семь часовъ вечера, былъ брошенъ якорь, то обстановка осталась попрежнему невыясненной; у поста св. Николая были видны огни, но осталось неизвѣстнымъ, кому они принадлежали.

Поэтому съ берегомъ начались переговоры сигналами. На одинъ пушечный выстрѣлъ съ „Колхиды“ (вопросъ „благополучно ли?“) изъ укрѣпленія послѣдовало два выстрѣла, означавшіе, что укрѣпленіе находится въ опасности отъ непріятеля, и одновременно со стороны турецкаго берега послѣдовало три боевыхъ выстрѣла. На вопросъ: „можно ли пристать къ берегу“, послѣдовалъ утвердительный сигналъ.

Изъ этихъ переговоровъ можно было заключить, что берегъ въ нашихъ рукахъ. Чтобы окончательно въ этомъ убѣдиться, туда былъ отправленъ баркасъ съ капитаномъ Завадскимъ и 30 нижними чинами, а для связи его съ „Колхидой“ спущена еще шлюпка. Капитанъ Завадскій не могъ, однако, ничего выяснить, такъ какъ на всѣ вопросы и окрики не получалъ изъ укрѣпленія никакого отвѣта. На сигналы же рожкомъ получались отвѣты непонятные. Приходилось въ морѣ ждать утра. „Колхида“ пыталась съ 10-ти часовъ вечера до 3-хъ часовъ ночи привлечь на себя вниманіе какого-нибудь русскаго крейсера, пускала ракеты, давала сигналы, но вблизи никого не оказалось.

Въ три часа ночи пароходъ направился прямо къ посту св. Николая. Въ 5 часовъ утра всѣ были наверху. Когда туманъ

[1]) Рапортъ ген. Миронова 22 октября, № 731. Воен. Уч. Арх., д. № 5, по донес. нач. Черном. берег. лин. о воен. происш. 1853 г. Рапортъ бар. Дюстерлоо. Арх. Воен. Уч. Ком., Отд. 2, д. № 5.

поднялся, то на укрѣпленіи ясно обозначились турецкіе значки и ихъ войска, стоявшія развернутымъ фронтомъ; вправо виднѣлся непріятельскій лагерь, а у устья р. Чолока 5 кочермъ.

Капитанъ-лейтенантъ Кузьминскій рѣшилъ подойти возможно ближе къ берегу, чтобы лучше обрекогносцировать постъ, и неожиданно сталъ на мель въ разстояніи 300 саженей отъ укрѣпленія и въ 80 саженяхъ отъ турецкаго лагеря. Данный машинѣ задній ходъ не помогъ дѣлу, а между тѣмъ турки открыли по пароходу съ самаго близкаго разстоянія сильный орудійный (изъ 7 орудій) и перекрестный ружейный огонь. Команда „Колхиды" не смутилась этимъ и, пробуя стянуться съ мели при помощи кабельтововъ, завезенныхъ на казачій баркасъ, открыла огонь изъ двухъ каронадъ праваго борта и бомбическаго орудія. Въ то же время люди перевозимой роты расположились по борту парохода, а штуцерные на бакѣ и отвѣчали мѣткимъ огнемъ на огонь турокъ. Чтобы облегчить пароходъ, начали выбрасывать за бортъ якорныя цѣпи, запасъ угля и, наконецъ, срубили фокъ-мачту, послѣ чего, въ началѣ двѣнадцатаго часа дня, „Колхида" медленно сошла съ мели. Въ это время непріятельскія кочермы отплывали уже отъ берега, чтобы сцѣпиться съ пароходомъ на абордажъ, но нашъ удачный выстрѣлъ бранскугелемъ изъ бомбическаго орудія потопилъ одну кочерму и остановилъ намѣреніе турокъ. Послѣ четырехчасового неравнаго боя „Колхида" вышла изъ-подъ выстрѣловъ, имѣя 120 пробоинъ въ корпусѣ, убитыми командира парохода и 12 нижнихъ чиновъ и ранеными 2 оберъ-офицеровъ и 15 нижнихъ чиновъ, кромѣ легко раненыхъ [1]).

Вся доблесть команды слабой „Колхиды" особенно рельефно обрисовывается при сравненіи съ поведеніемъ сильнаго англійскаго парохода „Тигръ", ставшаго 30 апрѣля 1854 года на мель у береговъ Одессы и спустившаго флагъ послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ двухъ орудій нашей конной артиллеріи!

Занятіе турками поста св. Николая произвело и въ Севастополѣ и въ Петербургѣ удручающее впечатлѣніе, въ особенности въ виду вліянія этого событія на горцевъ [2]). Рѣшено было произ-

---

[1]) Вахтенные журналы за 1853 г. пароходовъ „Колхида" и „Боецъ"; донесеніе к.-адм. Синицына командиру Севастопольскаго порта отъ 21 октября 1853 г., № 409; рапортъ командующаго пар. „Колхида" отъ 21 октября 1853 г., № 12. Ник. Черномор. Центр. Арх.

[2]) Письмо кн. А. С. Меншикова кн. М. Д. Горчакову отъ 2 ноября 1853 г. Воен. Уч. Арх. Гл. Шт., Отд. 2, д. № 4253. Кн. Долгоруковъ—кн. Меншикову отъ 13 ноября 1853 г. Тамъ же, д. № 4254.

вести попытку къ отобранію поста, для чего князь Меншиковъ, кромѣ фрегатовъ „Флоры“ и „Мидіи“, отправилъ къ восточнымъ берегамъ и пароходо-фрегатъ „Херсонесъ“.

Съ 20 октября къ Озургетамъ стали прибывать подкрѣпленія, силою въ $1\frac{1}{2}$ баталіона, 4 орудія и 6 сотенъ, при помощи которыхъ были съ успѣхомъ отбиты всѣ дальнѣйшія попытки турокъ произвести нападеніе на разные пограничные пункты Гуріи.

Въ свою очередь и князь Гагаринъ, возмущенный вѣроломнымъ нападеніемъ турокъ на постъ св. Николая, горѣлъ желаніемъ отомстить имъ переходомъ въ наступленіе Гурійскаго отряда.

У него съ присоединеніемъ частей Литовскаго и Брестскаго полковъ образовался отрядъ изъ 6 баталіоновъ, 12 орудій и болѣе 2500 человѣкъ милиціи. Князь Гагаринъ предполагалъ предпринять съ такими силами движеніе въ Кобулетскій санджакъ [1]).

Одинаковымъ желаніемъ горѣлъ и начальникъ береговой линіи адмиралъ Серебряковъ [2]), который настаивалъ, впрочемъ, на направленіи дѣйствій прямо на Николаевскій постъ съ цѣлью обратнаго имъ овладѣнія.

Серебряковъ, предполагая, что у князя Гагарина имѣется 8 баталіоновъ, считалъ необходимымъ направить изъ нихъ четыре съ 4 орудіями противъ Николаевска и остальные 4 баталіона оставить у Озургетъ для прикрытія ихъ со стороны Легвы. Вмѣстѣ съ этимъ онъ намѣревался со стороны моря, если состояніе погоды будетъ благопріятствовать, содѣйствовать одновременной атакой 2 фрегатами, 2 корветами и 2 пароходами съ посаженнымъ на нихъ для десанта однимъ баталіономъ.

Нападеніе адмиралъ Серебряковъ предполагалъ произвести 1 ноября, а 31 октября эскадра должна была прибыть въ Редутъ-Кале и скрытно тамъ расположиться.

Князь Гагаринъ долженъ былъ въ видахъ той же скрытности двинуться не прямо на Николаевскъ, а на Сепу, распространяя слухъ о движеніи къ Легвѣ. Отрядъ этотъ предполагалось подвести 31 октября къ Сепѣ и расположить его, не доходя до Сепы двухъ верстъ, совершенно скрытно верстахъ въ пяти отъ Николаевска, чтобы не быть обнаруженнымъ турками.

---

[1]) Рапортъ его отъ 17 октября 1853 г., № 1674.

[2]) Отзывъ адм. Серебрякова кн. Гагарину 27 октября 1853 г., № 207. Арх. Воен. Уч. Ком., Отд. 2, д. № 5.

Въ виду того, что непріятель, послѣ отобранія нами поста, не могъ отступать вдоль берега, который обстрѣливался бы нашимъ флотомъ, и поэтому будетъ вынужденъ искать путей отступленія гдѣ-нибудь выше по рѣкѣ, предполагалось перехватить эти пути отступленія отрядомъ, находившимся въ Озургетахъ.

Минута для атаки Николаевска должна была опредѣлиться двумя пущенными съ парохода „Молодецъ“ ракетами.

Адмираломъ Серебряковымъ были составлены диспозиціи для атаки какъ для сухопутнаго, такъ и для морского отрядовъ [1]).

Однако, приведеніе этого плана въ исполненіе представляло очень много неудобствъ, какъ по незначительности силъ, въ дѣйствительности имѣвшихся у князя Гагарина, такъ и по сложности самаго плана и по трудности сочетать дѣйствія раздѣленныхъ непріятелемъ сухопутныхъ и морскихъ силъ.

Такъ смотрѣлъ на дѣло и Государь, положившій на донесеніи князя Воронцова о предположеніяхъ адмирала Серебрякова резолюцію: „Сложно, дай Богъ успѣха“.

Князь Гагаринъ не вполнѣ сочувственно относился къ этому плану. Постъ св. Николая, по имѣвшимся у него свѣдѣніямъ, сильно укрѣплялся турками и былъ занятъ отрядомъ до 4000 человѣкъ при 5-ти орудіяхъ, подъ начальствомъ Аббаза-паши. На противоположной, турецкой сторонѣ р. Чолока стояло въ укрѣпленномъ лагерѣ Лимана до 4000 большей частью регулярныхъ войскъ съ 6 орудіями и противъ Чолокскаго поста на урочищѣ Легва до 2000 при 6 орудіяхъ.

Самъ Селимъ-паша, командовавшій всѣми войсками въ Лазистанѣ, находился въ Кобулетахъ.

Занятіе турками Николаевска служило, по мнѣнію князя Гагарина, имъ не на пользу, а во вредъ, такъ какъ раздѣляло ихъ силы и ставило ихъ въ невыгодное положеніе при одновременномъ нашемъ наступленіи съ суши и моря.

Начальникъ Гурійскаго отряда съ своей стороны предполагалъ болѣе выгоднымъ направить часть силъ на Чурукъ-Су, за Чолокъ, что дало бы возможность стать твердой ногой въ Кобулетахъ и повліять на мѣстное населеніе, не особенно тяготѣвшее къ туркамъ. Но для продолжительнаго пребыванія отряда на Чурукъ-Су необходимо было обезпечить доставку къ нему продовольствія,

---

[1]) См. Приложенія №№ 50 и 51.

что являлось бы возможнымъ только при условіи оставленія на всю зиму парохода съ азовскими баркасами въ Николаевскѣ [1]).

Но такъ какъ, несмотря на свершившееся уже открытое нападеніе турокъ на наши предѣлы, война офиціально еще не была объявлена, то на переходъ границы требовалось разрѣшеніе князя Воронцова. Взятіе нами одного Николаевска не принесло бы, по мнѣнію князя Гагарина, тѣхъ результатовъ, какіе можно было ожидать при одновременномъ наступленіи къ Чурукъ-Су.

Мы вынуждены были бы, при овладѣніи только постомъ св. Николая, отдѣлить половину силъ (не менѣе 2-хъ баталіоновъ и 4 орудій) для удержанія его въ нашихъ рукахъ; кромѣ того, его необходимо было бы сильно укрѣпить, устроить въ немъ зимнія помѣщенія для войскъ и обезпечить 4-хъ мѣсячнымъ запасомъ продовольствія.

Лейтенантъ Желѣзновъ, адъютантъ Корнилова.

При этомъ турки не только не покинули бы своихъ позицій близъ Николаевска, но постарались бы ихъ усилить и вооружить крѣпостными орудіями, имѣющимися у нихъ въ Батумѣ, Цихиндзирахъ и Чурукъ-Су. Нашъ отрядъ былъ бы въ такомъ случаѣ все время подъ выстрѣлами крѣпостныхъ орудій противника, не имѣя самъ возможности наносить ему вреда огнемъ своей полевой артиллеріи [2]).

Но занятіе Кобулетъ вызывало при всей своей выгодѣ и неудобства, а именно необходимость дальнѣйшаго движенія къ Батуму для овладѣнія имъ, чего безъ содѣйствія флота нельзя было достигнуть.

Между тѣмъ флотъ не могъ, въ виду необходимости охраны побережья, бурнаго осенняго времени и недостатка угля для пароходовъ, удаляться на долгое время отъ мѣстъ стоянки [3]).

---

[1]) Рапортъ кн. Гагарина 28 октября 1853 г., № 1828. Арх. Кавк. в. окр.
[2]) Рапортъ кн. Гагарина адм. Серебрякову 30 октября 1853 г., № 1852. Тамъ же.
[3]) Письмо адм. Серебрякова кн. Воронцову отъ 26 октября 1853 г. Тамъ же.

Мысль объ овладѣніи Батумомъ была, какъ извѣстно, сообщена Государемъ князю Воронцову еще до начала кампаніи въ іюнѣ мѣсяцѣ, но намѣстникъ признавалъ эту операцію неисполнимой, пока не будетъ извѣстно то положеніе, которое примутъ въ отношеніи насъ Англія и Франція.

Въ случаѣ разрыва съ ними охрана Батума потребовала бы присутствія всего Черноморскаго флота, а это для него являлось задачей узкой и трудно исполнимой [1]).

Къ приведенію въ жизнь плановъ адмирала Серебрякова и князя Гагарина встрѣтились еще другія затрудненія. Около 1 ноября стояла столь бурная погода, что флотъ не могъ въ намѣченный срокъ принять участія въ этой операціи, да и князь Воронцовъ признавалъ необходимымъ пріостановить всякія наступательныя дѣйствія со стороны Гуріи, ожидая вторженія турокъ въ Ахалцыхскій уѣздъ и опасаясь движенія непріятеля въ Боржомское ущелье и черезъ Сурамъ къ Тифлису.

Намѣстникъ потребовалъ даже для отвращенія этой опасности высылки въ Сурамъ трехъ сотенъ Имеретинской милиціи.

Тѣмъ не менѣе князь Воронцовъ просилъ адмирала Серебрякова держать свою эскадру ближе къ Поти и Редутъ-Кале для угрозы турецкому флоту и для обезпеченія перевозки изъ этихъ пунктовъ въ Марань запасовъ продовольствія [2]).

Такъ какъ барометръ предвѣщалъ скорое измѣненіе благопріятной погоды, то Серебряковъ не могъ дожидаться прибытія отправленныхъ къ нему фрегатовъ „Флора“ и „Мидія“ и двинулся къ посту св. Николая [3]) съ отрядомъ имѣвшихся у него подъ рукою судовъ: фрегатовъ „Мессемврія“ и „Сизополь“, корветовъ „Андромаха“ и „Пиладъ“, брига „Птоломей“, пароходо-фрегата „Херсонесъ“ и трехъ слабыхъ пароходовъ Кавказскаго вѣдомства „Могучій“, „Боецъ“ и „Молодецъ“ [4]).

Въ ночь съ 6 на 7 ноября этотъ отрядъ судовъ вышелъ подъ флагомъ вице-адмирала Серебрякова изъ Редутъ-Кале, имѣя парусныя суда на буксирахъ пароходовъ и, на случай

---

[1]) Отн. Воен. Мин. кн. Воронцову 20 іюня 1853 г., № 3893, и его отвѣтъ. Арх. Канц. Воен. мин. 1853 г., секр. д. № 59.

[2]) Отзывъ кн. Воронцова адм. Серебрякову 3 ноября 1853 г., № 660. Арх. Кавк. Воен. Окр. и рапортъ адм. Серебрякова 9 ноября 1853 г., № 273. Арх. Воен. Уч. Ком., Отд. 2, д. № 5.

[3]) Рапортъ в.-адм. Серебрякова кн. Воронцову отъ 9 ноября 1853 г., № 273. Арх. Мор. Мин. Инсп. Деп., II отд., 2 ст., 1853 г., д. № 597.

[4]) Никол. Центр. Арх., оп. 18, д. № 22, св. 1.

десанта, на судахъ одинъ баталіонъ пѣхоты и восемь азовскихъ казачьихъ лодокъ. Въ 11 часовъ утра суда, при почти полномъ штилѣ, были поставлены пароходами на указанныя имъ по диспозиціи мѣста на разстояніи около 450 саженей отъ укрѣпленія [1]), кромѣ брига „Птоломей", который по маловѣтрію не могъ подойти на необходимую дистанцію. Турки, сохранивъ на Николаевскомъ посту всѣ наши строенія, возвели новыя земляныя укрѣпленія и открыли частый огонь изъ батарей *А* и *Б*, вооруженныхъ каждая четырьмя орудіями. Наши суда отвѣчали имъ сильнымъ огнемъ, нанося вредъ гарнизону, но не имѣя успѣха въ дѣйствіи противъ орудій, стоявшихъ за земляными насыпями. Черезъ два часа безрезультатной перестрѣлки наши суда были взяты вновь на буксиры и ушли въ море. Мы потеряли убитыми 2 нижнихъ чиновъ и ранеными 1 оберъ-офицера и 5 нижнихъ чиновъ. Суда потерпѣли различныя поврежденія, не помѣшавшія имъ, однако, продолжать дальнѣйшую службу [2]).

Послѣ этого вице-адмиралъ Серебряковъ совершилъ крейсерство вдоль ближайшихъ турецкихъ береговъ, результатомъ котораго было извѣстіе о проходѣ изъ Трепизонда въ Батумъ и далѣе къ Сухуму четырехъ непріятельскихъ пароходо-фрегатовъ [3]). Эти свѣдѣнія вынудили адмирала Серебрякова повернуть обратно, и на разсвѣтѣ 9 ноября онъ прибылъ въ Сухумъ.

Почти въ то же время у восточныхъ береговъ Чернаго моря произошелъ безпримѣрный и весьма лестный для русскаго флота фактъ успѣшнаго боя нашего паруснаго фрегата съ тремя турецкими пароходо-фрегатами. Фрегатъ „Флора" слѣдовалъ изъ Севастополя въ Сухумъ-Кале и въ ночь съ 5 на 6 ноября неожиданно встрѣтился на высотѣ укрѣпленія Пицунда съ тремя двухбатарейными турецкими пароходами, имѣвшими по 16 портовъ и вооруженными бомбическими орудіями; изъ нихъ одинъ былъ подъ вице-адмиральскимъ флагомъ [4]). Но все это объяснилось позднѣе, на разсвѣтѣ. Ночью же, на опознательные сигналы „Флоры", пароходы, скрывъ свои огни, выстроились въ линію и пошли

---

[1]) См. схему № 12, стр. 271.

[2]) Донесенія в.-адм. Серебрякова (Арх. Мор. Мин. Инсп. Деп., II отд., 2 ст., 1853 г., д. № 597), к.-адм. Вукотича (Ник. Центр. Арх., оп. 185, д. № 1767), вахтенные журналы корв. „Андромаха", брига „Птоломей", пар. фр. „Херсонесъ", корв. „Пиладъ" и пар. „Молодецъ" (Никол. Черн. Центр. Арх.); журн. плав. лейт. Бутакова (рукоп. отд. Музея Севастопольской обороны).

[3]) Тамъ же.

[4]) См. схему № 11, стр. 251.

противъ нашего фрегата. Сойдясь на дальность выстрѣла, пароходы открыли огонь, на который не замедлила отвѣтомъ и „Флора“. Бой съ перерывами продолжался четыре часа, при чемъ турецкіе пароходы старались стать противъ носа нашего фрегата, чтобы безнаказанно бить его, а этотъ послѣдній удачными маневрами становился къ нимъ бокомъ и дѣйствовалъ батальнымъ огнемъ.

Вся цѣль маневровъ „Флоры“ заключалась въ томъ, чтобы держать пароходы противъ своего борта и не дать имъ возможности окружить ее съ разныхъ сторонъ. Благодаря искусству командира „Флоры“, капитанъ-лейтенанта Скоробогатова, и молодечеству команды, цѣль эта была достигнута блестящимъ образомъ, и пароходы, получивъ поврежденія въ корпусахъ, принуждены были выйти изъ сферы выстрѣловъ нашего фрегата.

Когда разсвѣло, то на горизонтѣ показалась наша шхуна „Дротикъ“, шедшая на веслахъ по направленію къ берегу. Два изъ турецкихъ пароходовъ тотчасъ же бросились въ погоню за этимъ дешевымъ призомъ, а третій продолжалъ держаться за кормой фрегата. Скоробогатовъ, чтобы спасти шхуну, сталъ бортомъ къ пароходу и открылъ по немъ огонь. Тогда два другіе парохода бросили свою погоню и присоединились къ обстрѣливаемому. Огонь фрегата былъ такъ силенъ, что пароходы болѣе не рѣшались разъединяться, а держались вмѣстѣ, благодаря чему „Флора“ могла имъ наносить громадный вредъ.

Въ девять часовъ утра пароходы не могли болѣе выдерживать артиллерійскаго огня нашего фрегата и отступили въ безпорядкѣ къ западу, имѣя на буксирѣ пароходъ подъ вице-адмиральскимъ флагомъ. Это судно, съ котораго распоряжались всѣмъ ходомъ дѣла, и которое дѣйствовало лучше другихъ, имѣло, по свидѣтельству Скоробогатова, наверху всѣхъ людей, одѣтыхъ не въ турецкую форму [1]).

По мнѣнію контръ-адмирала Вукотича, корветъ „Флора“ своимъ блестящимъ дѣломъ спасъ Сухумъ-Кале, куда направлялись турецкіе пароходы, и гдѣ, кромѣ тендера „Скорый“, не было никакихъ судовъ [2]).

---

[1]) Рапортъ кап.-л. Скоробогатова отъ 11 ноября 1853 г., № 623 (Арх. Мор. Мин. Инсп. Деп., II отд., 2 ст., 1853 г., д. № 600); вахт. журн. фр. „Флора“ за 1853 г. (Ник. Центр. Черном. Арх.); П. Мордвиновъ (Мор. Сборн. за 1880 г., кн. 8-я); всеподд. докл. Вел. Кн. Константина Николаевича за 1853 г. (Арх. Мор. Мин. Воен. пох. канц.), дневникъ А. Б. Асланбекова (рукоп. отд. Музея Севастопольской обороны) и др.

[2]) Донесеніе к.-адм. Вукотича отъ 11 ноября 1853 г., за № 23.

Появленіе въ нашихъ водахъ турецкихъ военныхъ судовъ вынудило адмирала Серебрякова снять съ крейсерства мелкія суда и ограничиться для этой цѣли лишь четырьмя фрегатами [1]).

Наше положеніе могло еще ухудшиться въ случаѣ появленія въ Черномъ морѣ англо-французской эскадры, когда гибель не защищенныхъ флотомъ береговыхъ укрѣпленій становилась неизбѣжной. Адмиралъ Серебряковъ опасался также, чтобы не оправдались слухи о намѣреніи турецкой эскадры сдѣлать поползновеніе къ овладѣнію Гаграми. Турки входили бы тогда въ непосредственную связь съ горцами и Магометъ-Аминомъ, послѣ чего нельзя было поручиться за вѣрность даже мирнаго населенія Абхазіи.

Поэтому адмиралъ Серебряковъ ходатайствовалъ объ усиленіи Сухумскаго гарнизона изъ 1-го отдѣленія береговой линіи двумя линейными баталіонами, которые предполагалось смѣнить баталіонами Черноморскаго казачьяго войска.

III.

Хотя къ концу октября манифестъ о войнѣ не былъ еще полученъ въ Севастополѣ, но враждебныя операціи, открытыя уже турками противъ насъ на европейскомъ и азіатскомъ театрахъ военныхъ дѣйствій, заставили князя Меншикова немедленно по полученіи извѣстія о выходѣ изъ Босфора турецкой эскадры принять рядъ мѣръ для усиленія крейсеровавшаго у восточныхъ береговъ Чернаго моря отряда судовъ контръ-адмирала Синицина, для извѣщенія Нахимова и для поисковъ турецкой эскадры, если она направится вдоль европейскаго берега.

Съ этой цѣлью фрегаты „Флора“ и „Мидія“ и пароходофрегатъ „Херсонесъ“ должны были отправиться, подъ флагомъ контръ-адмирала Вукотича, къ Сухумъ-Кале для подкрѣпленія отряда контръ-адмирала Синицина [2]); фрегаты „Коварна“ и „Кагулъ“—къ вице-адмиралу Нахимову; эскадрѣ контръ-адмирала Вульфа, съ присоединеніемъ къ ней корвета „Калипсо“ и парохода „Грозный“, оставаться на Севастопольскомъ рейдѣ и находиться въ совершенной готовности къ выходу въ море, а эскадра

---

[1]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. №. 5. Рапорты адм. Серебрякова 18 и 26 октября 1853 г., №№ 918 и 724. Арх. Кавк. воен. окр., рапортъ его же 10 ноября, № 276.

[2]) Вукотичъ долженъ былъ смѣнить въ начальствованіи отрядомъ Синицина, которому предписано было вернуться въ Севастополь.

контръ-адмирала Новосильскаго, съ присоединеніемъ къ ней пароходовъ „Владиміръ“ и „Одесса“ и брига „Эней“, должна была немедленно выйти въ море, подъ флагомъ В. А. Корнилова, для исполненія особаго, возложеннаго на нее, порученія [1]).

Князь Меншиковъ, посылая, подъ вліяніемъ ли писемъ Императора Николая или же подъ вліяніемъ рвавшагося въ бой полнаго энергіи Корнилова, въ море большую часть флота, въ душѣ не разсчитывалъ на возможность встрѣчи въ такое позднее время года съ турецкой эскадрой въ открытомъ морѣ, а атаковать турецкія крѣпости ему не было дано право; вотъ почему, надо полагать, онъ измѣнилъ своему намѣренію лично стать во главѣ эскадры [2]). „Ваша задача“, писалъ онъ по этому поводу князю Горчакову 2 ноября [3]), „какъ мнѣ кажется, строго оборо-„нительная, моя же—атаковать непріятеля всюду, гдѣ его встрѣ-„тятъ въ морѣ, не касаясь крѣпостей. Для этой цѣли я имѣю „въ морѣ двѣ эскадры, которыя, по всей вѣроятности, встрѣ-„тятъ только нѣсколько транспортовъ или пароходовъ, которые „укроются въ портахъ“ [4]).

Отправляя 28 октября, до полученія манифеста о войнѣ, Корнилова въ море, князь Меншиковъ поставилъ ему задачей отыскать видѣнный пароходомъ „Херсонесъ“ турецкій флотъ, если онъ расположится въ одномъ изъ трехъ портовъ — Сизополѣ, Варнѣ или Балчикѣ [5]).

Эскадра, врученная Корнилову, состояла изъ 120 пушечныхъ кораблей „Вел. Кн. Константинъ“, подъ флагомъ Корнилова, „Три Святителя“, подъ флагомъ Новосильскаго, „Парижъ“, „Двѣнадцать Апостоловъ“, подъ флагомъ Панфилова; 84 пушечныхъ кораблей, „Ростиславъ“ и „Святославъ“, брига „Эней“ и двухъ пароходовъ „Владиміръ“ и „Одесса“, которые должны были присоединиться вслѣдъ за выходомъ эскадры.

---

[1]) Приказъ командира Севастопольскаго порта 28 октября 1853 г., № 1095. Никол. Центр. Арх., кн. 17, оп. 97, д. № 43, св. 3.

[2]) 20 октября кн. Меншиковъ писалъ Корнилову: „Ежели вы дѣйствительно узнаете о „выходѣ турецкаго флота изъ Босфора, то неукоснительно дайте мнѣ знать съ назначеніемъ „пункта соединенія съ вами“. Жандръ, стр. 79.

[3]) Манифестъ о войнѣ былъ полученъ въ Севастополѣ 30 октября. Дневникъ А. Б. Асланбекова (рукопись). Музей Севастопольской обороны.

[4]) „Votre programme est la défensive stricte, à ce que je crois, le mien est d'attaquer „l'ennemi partout où on le rencontrera en mer, sans toucher aux places. J'ai deux escadres en „mer à cet effet qui probablement ne rencontreront que quelques transports ou vapeurs qui se „réfugieront dans les ports“. Арх. Воен. Уч. Гл. Шт., Отд. 2, д. № 4253.

[5]) Подлинное донесеніе генералъ-адъютанта Корнилова кн. Меншикову о произведенномъ плаваніи отъ 7 ноября 1853 г. помѣщено въ приложеніи № 52.

Въ девять часовъ вечера 28 числа Корниловъ отдалъ по эскадрѣ слѣдующій приказъ:

„Получивъ приказаніе господина начальника главнаго морского „штаба вступить въ командованіе эскадрой, бывшей подъ флагомъ „контръ-адмирала Новосильскаго, съ присоединеніемъ пароходовъ „Владиміръ", „Одесса" и брига „Эней", и слѣдовать немедленно „для открытія и истребленія турецкаго флота, вышедшаго изъ „Босфора, буде онъ перешелъ параллель Инады [1]), я объявляю „объ этомъ для свѣдѣнія, кому слѣдуетъ, при чемъ присовоку- „пляю, что флагъ мой будетъ поднятъ на кораблѣ „Вел. Кн. Кон-

Бой „Владиміра" съ „Первазъ-Бахре"
(съ карт. А. Боголюбова).

„стантинъ", и что сего числа ночью или съ разсвѣтомъ я намѣ- „ренъ сняться, надѣясь, что если бы счастье намъ благопріятство- „вало, и мы встрѣтили непріятеля, то съ помощью Божьей офицеры „и команды судовъ, со мной отплывающихъ, вполнѣ воспольз- „уются случаемъ увеличить нашъ флотъ новыми кораблями. „Такъ какъ манифеста о войнѣ нѣтъ, то судамъ нашимъ разрѣ- „шено брать и истреблять одни только турецкія военныя суда; „купеческія же осматривать и въ такомъ только случаѣ не отпу- „скать, если они будутъ имѣть войска или грузъ, турецкому „правительству принадлежащій, а что касается до судовъ воен- „ныхъ или купеческихъ другихъ націй, то все остается въ ста- „ромъ порядкѣ, и ихъ ни подъ какимъ предлогомъ не должно

[1]) См. схему № 11, стр. 251.

„останавливать. При могущемъ встрѣтиться боѣ, я не считаю „нужнымъ излагать какія-либо наставленія — дѣйствовать соеди-„ненно, помогая другъ другу и на самое близкое разстояніе, по „моему, лучшая тактика“ [1]).

Въ тотъ же день Корниловъ отправилъ съ фрегатомъ „Коварна“ письмо Нахимову [2]), въ которомъ выражалъ надежду, что Павлу Степановичу удастся расколотить въ пухъ турецкую флотилію, посылаемую въ Батумъ или Сухумъ; о себѣ же сообщалъ, что онъ выходитъ въ море искать турецкую эскадру, видѣнную „Херсонесомъ“, но думаетъ, что не найдетъ ее ни въ Варнѣ, ни въ Бургасѣ, далѣе котораго переступать не приказано. Свое письмо Владиміръ Алексѣевичъ кончалъ выраженіемъ надежды пробраться отъ Бургаса на свиданіе съ Нахимовымъ.

Такимъ образомъ, при выходѣ въ море сфера дѣятельности эскадры Корнилова была строго ограничена, въ виду неизвѣстности, состоялся ли манифестъ о войнѣ, о которомъ ему пришлось узнать только 7 ноября, по возвращеніи въ Севастополь. Впрочемъ, какъ можно судить изъ приведенной выше выдержки изъ письма князя Меншикова къ князю Горчакову отъ 2 ноября, т.-е. по полученіи имъ уже манифеста, этотъ послѣдній не измѣнилъ взгляда князя Александра Сергѣевича на неприкосновенность турецкихъ приморскихъ крѣпостей.

29 октября, въ восьмомъ часу утра, эскадра Корнилова снялась съ якоря и, обмѣнявшись салютомъ съ эскадрой контръ-адмирала Вульфа и крѣпостью, взяла курсъ на мысъ Каліакра. Выйдя въ открытое море, Владиміръ Алексѣевичъ поднялъ сигналъ: „Объявить командамъ, что Государь ожидаетъ усердной службы, „а Россія — всегдашней славы своего оружія. Съ нами Богъ!“ [3]).

Все плаваніе эскадры Корнилова совершалось при самой неблагопріятной погодѣ. Тотчасъ за Херсонесскимъ маякомъ ее встрѣтилъ крѣпкій юго-восточный вѣтеръ, обратившійся къ вечеру въ противный юго-западный штормъ съ большимъ неправильнымъ волненіемъ и дождевыми шквалами. Противные вѣтры, штормы, шквалы, градъ и дождь неотступно сопровождали наши многочисленныя суда, разбросанныя по всему Черному

---

[1]) Шханочный журналъ корабля „Три Святителя“ за 1853 г. Никол. Центр. Арх., кн. оп. 51, оп. 335, д. № 2385, св. 130.

[2]) Жандръ, стр. 88.

[3]) Вахтенный журналъ корабля „Вел. Кн. Константинъ“ за 1853 г. Никол. Центр. Арх., кн. оп. 51, оп. 335, д. № 2380, св. 130.

морю. Корнилову на западѣ, Нахимову въ центрѣ и Вукотичу на востокѣ съ одинаковой трудностью пришлось, за отсутствіемъ спрятавшихся по портамъ турецкихъ судовъ, бороться съ болѣе грознымъ врагомъ—разбушевавшимся Чернымъ моремъ, и это не одинъ-два дня, а недѣлю и даже, какъ, напримѣръ, Нахимову, свыше мѣсяца.

Лишь только 3 ноября эскадра Корнилова, присоединивъ къ себѣ „Владиміра“ и не дождавшись „Одессы“, приблизилась къ мысу Каліакра [1]). Адъютантъ адмирала, лейтенантъ Желѣзновъ, былъ посланъ на „Владимірѣ“ осмотрѣть Балчикъ, Варну, Сизополь и Бургасъ, а эскадра въ полной готовности къ бою въ морѣ или къ якорному дѣлу стройно лавировала, ожидая возможности двинуться на непріятеля. Но Желѣзновъ безпрестанно подавалъ печалившіе моряковъ сигналы, что турецкаго флота нигдѣ не обнаружилъ.

Опрошенныя же купеческія суда показали, что турецко-египетскій флотъ стоитъ въ Буюкъ-Дерѣ, попрежнему имѣя фрегаты и мелкія суда въ крейсерствѣ у самаго пролива; четыре англійскихъ и столько же французскихъ линейныхъ кораблей, при соотвѣтственномъ числѣ пароходовъ, расположились у азіатскаго берега, а три турецкіе парохода 31 октября отправились въ Трапезондъ [2]).

Такимъ образомъ, надежда на столкновеніе съ непріятельскимъ флотомъ у Корнилова пропала, что онъ съ грустью и сообщилъ въ часъ дня 4 ноября своей эскадрѣ сигналомъ съ флагманскаго корабля „Вел. Кн. Константинъ“ [3]). Полагая свое пребываніе съ эскадрой болѣе не нужнымъ, онъ передалъ ее контръ-адмиралу Новосильскому съ приказаніемъ двинуться навстрѣчу къ Нахимову, чтобы какъ можно скорѣе извѣстить его о турецкихъ пароходахъ, а самъ пересѣлъ на „Владиміра“, которому надо было быть скорѣе въ Севастополѣ, чтобы запастись углемъ, и направился на немъ къ порту Амастро [4]).

Новосильскому дано было приказаніе двинуться послѣ свиданія съ Нахимовымъ въ Севастополь, оставивъ Павлу Степановичу, если понадобится, 84 пушечные корабли „Ростиславъ“ и „Святославъ“.

---

[1]) Путь эскадры Корнилова показанъ на схемѣ № 11, стр. 251.

[2]) Вахтенные журналы всѣхъ судовъ эскадры. Никол. Центр. Арх.

[3]) Вахтенный журналъ корабля „12 Апостоловъ“ за 1853 г. Никол. Центр. Арх., кн. оп. 31, оп. 335, д. № 2382, св. 130.

[4]) См. Приложеніе № 52.

А между тѣмъ турецкая эскадра изъ шести судовъ находилась въ это время въ морѣ и не далеко отъ сферы дѣйствій эскадры Корнилова. На нее наткнулся ночью на 1 ноября пароходъ „Одесса“, отыскивавшій Корнилова и разошедшійся съ нимъ, благодаря пасмурности и бурной погодѣ [1]). Уклоняясь отъ этой эскадры, „Одесса“ двинулась къ сѣверу; въ полдень 1 ноября она находилась только въ 18 миляхъ отъ эскадры Корнилова [2]), но, въ виду мрачности и шторма, вновь не могла ее различить.

Спустившись, благодаря поврежденію въ лопастяхъ колесъ, къ Анатолійскому берегу и не найдя эскадры Нахимова, командиръ „Одессы“ направился къ Севастополю.

5 ноября, съ разсвѣтомъ, „Владиміръ“ подошелъ на видъ Анатолійскаго берега противъ Пендерекліи [3]), и здѣсь Корниловъ замѣтилъ пароходный дымъ по направленію къ Севастополю, а вскорѣ затѣмъ къ югу отъ себя, въ разстояніи отдаленнаго сигнала, какую-то эскадру изъ шести судовъ.

Можно полагать, что это была та самая турецкая эскадра, которую въ ночь на 1 ноября видѣлъ пароходъ „Одесса“ на параллели Бургаса и на меридіанѣ 0° 15′ къ западу. По всей вѣроятности, выйдя 31 октября изъ Босфора для слѣдованія вдоль Анатолійскаго берега, она была отнесена господствовавшими въ эти дни южными и юго-западными штормами на сѣверъ, а потомъ, когда погода немного утихла, взяла свое прежнее направленіе. Корниловъ, предполагая себя, благодаря ошибочному исчисленію „Владиміра“, между Амастро и мысомъ Керемпе, т.-е. въ раіонѣ крейсерства Нахимова, принялъ эту эскадру за Нахимовскую, и, полагая, что онъ всегда успѣетъ къ ней возвратиться, взялъ курсъ на видимый пароходъ.

„Владиміръ“, подъ командой капитанъ-лейтенанта Бутакова, началъ быстро сближаться съ неизвѣстнымъ пароходомъ, и въ 8 часовъ утра онъ уже увидѣлъ его рангоутъ и трубу. Непріятель, преслѣдуемый „Владиміромъ“, началъ поперемѣнно мѣнять свой курсъ [4]), то направляясь къ берегу, то удаляясь въ море.

---

[1]) См. схему № 11, стр. 251.

[2]) Рапортъ командира парохода „Одесса“ начальнику Штаба Черноморскаго флота отъ 3 ноября 1853 г., № 749. Жандръ, стр. 98.

[3]) Въ отчетѣ Корнилова ошибочно указанъ подходъ къ Анатолійскому берегу, между портомъ Амастро и мысомъ Керемпе.

[4]) Эволюціи „Владиміра“ и „Первазъ-Бахре“ передъ боемъ и во время боя см. на кроки № 13, стр. 288.

Когда на нашемъ пароходѣ были въ четверть десятаго подняты рангоутъ и русскій флагъ, то непріятельское судно пошло прямо на „Владиміра“, выкинувъ турецкій флагъ; но вскорѣ противникъ вновь перемѣнилъ направленіе, что дало Корнилову возможность съ нимъ сблизиться. „Владиміръ“, видя, что непріятельское судно малосильнѣе нашего, пустилъ ему ядро передъ носъ; на это непріятельскій пароходъ отвѣчалъ залпомъ съ борта, что послужило сигналомъ для открытія огня и съ нашей стороны.

Между тѣмъ суда такъ сблизились, что непріятельскіе снаряды перелетали черезъ нашъ пароходъ; нашъ же огонь отличался замѣчательной мѣткостью, и одинъ изъ первыхъ снарядовъ сбилъ съ турецкаго парохода флагштокъ съ флагомъ, который скоро былъ замѣненъ другимъ.

„Владиміръ“, видя, что у непріятеля не было кормовыхъ орудій, расположился у него въ кильватеръ, чтобы имѣть возможность безнаказанно бить его и тѣмъ принудить къ сдачѣ.

Турецкій пароходъ пытался приводить себя въ положеніе, возможное для стрѣльбы правымъ бортомъ, на что „Владиміръ“ отвѣчалъ такою же эволюціей и дѣйствовалъ противъ турокъ ядрами, бомбами, а иногда и картечью съ орудій всего лѣваго борта, на который, кромѣ того, было перевезено одно кормовое бомбическое орудіе. Залпы съ турецкаго парохода перелетали черезъ „Владиміръ“ и не наносили ему никакого вреда.

Въ 12 часовъ дня командиръ непріятельскаго парохода, стоявшій во все время боя на площадкѣ, былъ сбитъ ядромъ, и вся площадка снесена. Турецкій пароходъ направилъ свой курсъ прямо на азіатскій берегъ. Такъ бой продолжался около трехъ часовъ при образцовомъ поведеніи всей команды, при быстрыхъ и снаровистыхъ дѣйствіяхъ и при управленіи капитанъ-лейтенантомъ Бутаковымъ своимъ пароходомъ со спокойствіемъ, напоминавшимъ мирные маневры.

Тогда Корниловъ, видя серьезныя поврежденія непріятельскаго судна, рѣшилъ положить конецъ дѣлу, сойдясь на дальность близкаго картечнаго выстрѣла и принявъ параллельное непріятельскому пароходу направленіе. Одинъ залпъ картечью заставилъ турецкій пароходъ въ часъ дня спустить флагъ и остановить машину [1]).

---

[1]) Всеподд. отч. Вел. Кн. Константина Николаевича за 1853 г. Арх. Мор. Мин. Воен. пох. канц. 1853 г., д. № 155/84.

Взятое съ боя судно оказалось десяти-пушечнымъ египетскимъ пароходомъ „Первазъ-Бахре“ въ 220 силъ [1]), отвозившимъ письма въ Синопъ и возвращавшимся въ Пендераклію, гдѣ онъ долженъ былъ ожидать эскадру турецкихъ фрегатовъ.

Экипажъ судна состоялъ изъ 151 человѣка, изъ которыхъ было убито 3 офицера и 16 нижнихъ чиновъ и ранено 21 человѣкъ. Съ нашей стороны были убиты адъютантъ Корнилова лейтенантъ Желѣзновъ, офицеръ, подававшій большія надежды, и одинъ нижній чинъ и ранено 3 нижнихъ чина [2]).

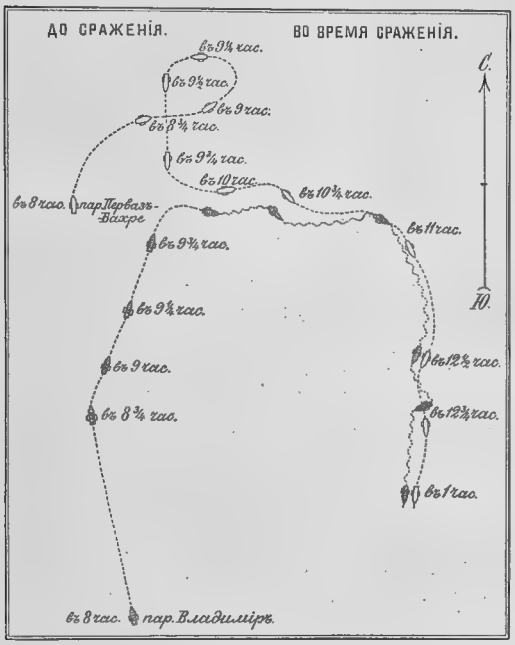


Схема № 13.

Это первое пароходное дѣло въ исторіи флотовъ и единственное состязаніе между двумя колесными пароходами привлекло на себя всеобщее вниманіе. „Первазъ-Бахре“, новый, хорошей конструкціи, съ исправной машиной пароходъ, былъ избитъ до разрушенія, кромѣ машины, которая уцѣлѣла, получивъ лишь нѣсколько пробоинъ въ паровикахъ и трубѣ. Въ кормовой части были вырваны цѣлыя доски, рулевая голова сбита, компасы уничтожены, такъ что приведеніе парохода въ состояніе продолжать путь на Севастополь заняло болѣе трехъ часовъ вре-

[1]) Напомнимъ здѣсь, что „Владиміръ“ былъ вооруженъ 11-ю орудіями: 2—10-дюйм. бомб., 3—68-фунт. бомб. пуш., 4—24-фунт. пуш. кар. и 2—18-фунт. кар.

[2]) Н. А. Обнинскій разсказываетъ въ своихъ запискахъ со словъ Бутакова (Рус. Арх. 1891 г., кн. 3) слѣдующую легенду по поводу смерти Желѣзнова, а впослѣдствіи и самого Корнилова: Желѣзновъ во время пребыванія на Кавказѣ купилъ себѣ за очень дешевую цѣну отличную шашку и на высказанное по этому поводу Владиміромъ Алексѣевичемъ удивленіе объяснилъ, что шашка досталась ему такъ дешево потому, что она пользовалась нехорошей славой, что каждый, кто одѣвалъ ее въ бой, бывалъ убитъ. Желѣзновъ погибъ въ первомъ же дѣлѣ. Корниловъ, несмотря на просьбы окружавшихъ его, взялъ шашку любимаго адъютанта себѣ, и 5 октября 1854 г., въ первый разъ, что онъ былъ послѣ этого подъ огнемъ, онъ погибъ. Перебитъ былъ пополамъ и чудесный клинокъ, который послѣ того хранился у вдовы знаменитаго адмирала. Нынѣ онъ находится въ Севастопольскомъ Музеѣ.

мени [1]). Что касается до „Владиміра“, то онъ не потерпѣлъ почти никакихъ поврежденій, но артиллерія его оказалась слабою на штыряхъ и въ скобахъ для брюковъ, которыя не выдерживали отдачи орудія и задерживали скорость стрѣльбы. Это обстоятельство, по мнѣнію Корнилова [2]), въ болѣе равномъ бою могло бы быть сопряжено съ гибельными послѣдствіями.

Командиръ „Владиміра“ весьма искусно воспользовался въ бою обнаруженной слабостью противника — отсутствіемъ у него кормовыхъ орудій и, слѣдуя ему въ кильватеръ, билъ турецкій пароходъ почти безнаказанно. Бутаковъ, подготовивъ надлежащимъ образомъ успѣхъ атаки, не замедлилъ этимъ воспользоваться, сблизился рѣшительнымъ движеніемъ впередъ съ противникомъ и послѣ нѣсколькихъ залповъ картечи заставилъ спустить флагъ.

Въ 4 часа дня, едва только успѣли привести взятый пароходъ въ состояніе, возможное для продолженія плаванія въ Севастополь, на горизонтѣ „Владиміра“ появились двѣ эскадры. Одна, турецкая, на югѣ, которую Корниловъ вновь принялъ за эскадру Нахимова, другая же шла отъ запада, т.-е. въ направленіи, даннымъ отдѣлившейся 4 числа отъ Корнилова эскадрѣ Новосильскаго. Но Владиміръ Алексѣевичъ, предполагая, что это могла быть также и эскадра турецкихъ фрегатовъ, пустивъ призъ плыть по румбу въ Севастополь, направился къ этой сомнительной эскадрѣ, въ дѣйствительности оказавшейся принадлежащей Новосильскому [3]).

Въ пятомъ часу дня Корниловъ подошелъ къ эскадрѣ, поздравилъ людей съ призомъ и, приказавъ контръ-адмиралу Новосильскому слѣдовать навстрѣчу Нахимову для передачи ему словесныхъ распоряженій, самъ, взявъ плѣнный пароходъ на буксиръ „Владиміра“, направился въ Севастополь [4]), куда и прибылъ благополучно 7 ноября. Новосильскому же было приказано усилить, если потребуется, эскадру Нахимова двумя двухъ-дечными кораблями, а самому со сто-пушечными слѣдовать также въ Севастополь.

Въ полночь съ 5 на 6 Новосильскій сошелся съ Нахимовымъ на пересѣченіи меридіана порта Амастро и параллели 42° 12′.

---

[1]) См. приложеніе № 52.

[2]) Рапортъ ген.-адъют. Корнилова адмиралу Берху отъ 7 ноября 1853 г., № 338. Никол. Центр. Арх., кн. 23, оп. 185, д. № 1763, св. 61.

[3]) См. приложеніе № 52.

[4]) Шханочный журналъ кор. „Три Святителя“ за 1853 г. Никол. Центр. Арх., кн. оп. 51, оп. 335, д. № 2385, св. 130.

На разсвѣтѣ состоялось свиданіе между обоими адмиралами. Здѣсь Новосильскій впервые узналъ отъ Нахимова, что манифестомъ объявлена война съ Турціей, и объявилъ это своей эскадрѣ. Въ девять часовъ утра, оставивъ Нахимову корабли: „Ростиславъ“, „Святославъ“ и бригъ „Эней“ и присоединивъ къ своей эскадрѣ „Ягудіила“ и бригъ „Язонъ“, Новосильскій направился къ Севастополю [1]).

Павелъ Степановичъ вновь остался одинъ неизмѣннымъ стражемъ Чернаго моря съ эскадрой изъ 5-ти 84 пушечныхъ кораблей, 2-хъ фрегатовъ, одного брига и одного парохода [2]), безпрерывно несшихъ второй мѣсяцъ тяжелую крейсерскую службу въ бурное время года и при несомнѣнной наличности вблизи турецкаго флота.

Плаваніе эскадры Корнилова съ 29 октября по 7 ноября выказало въ полной мѣрѣ блестящія качества Черноморскаго флота и отличную подготовку всего личнаго состава.

Сопровождаемыя постоянными штормами и противными вѣтрами, суда этой эскадры во все время плаванія находились въ стройномъ порядкѣ, готовыя атаковать непріятеля, гдѣ бы и въ какихъ силахъ онъ ни былъ обнаруженъ. Но, обращаясь къ результатамъ труднаго крейсерства Корнилова, нельзя не пожалѣть, что вся блестящая работа эскадры увѣнчалась лишь частнымъ успѣхомъ—взятія съ боя „Первазъ-Бахре“. Причиной этому скорѣе всего можетъ служить то фальшивое положеніе, въ которое былъ поставленъ Корниловъ при отправленіи его въ крейсерство, рядъ неизбѣжныхъ на войнѣ, а тѣмъ паче въ морѣ, случайностей и, наконецъ, незначительное число пароходовъ, которые одни только могли играть роль отличныхъ развѣдчиковъ въ морѣ, несмотря ни на какую погоду [3]).

Корниловъ отправился въ крейсерство въ то время, когда манифестъ о войнѣ еще не былъ полученъ. Онъ былъ стѣсненъ въ своей роли самостоятельнаго руководителя военныхъ операцій разными дипломатическими тонкостями, характеризовавшими общее наше фальшивое въ то время положеніе. Турокъ, открыто проливавшихъ русскую кровь, онъ могъ атаковать только не южнѣе

---

[1]) Шханочный журналъ кор. „Три Святителя“ за 1853 г. Никол. Центр. Арх., кн. оп. 51, оп. 335, д. № 2385, св. 130.

[2]) Корабли: „Императрица Марія“, „Чесма“, „Храбрый“, „Ростиславъ“, „Святославъ“; фрегаты: „Кагулъ“, „Коварна“, бригъ „Эней“ и пароходъ „Бессарабія“.

[3]) Въ эскадрѣ Корнилова, въ виду не присоединенія къ ней „Одессы“, оставался только одинъ „Владиміръ“.

Бургаса и никоимъ образомъ не трогать ихъ крѣпостей; при встрѣчѣ съ неимѣющими права показываться въ Черномъ морѣ судами враждебныхъ намъ западныхъ державъ онъ долженъ былъ обходиться съ ними дружественно. Князь Меншиковъ не счелъ нужнымъ послать ему вслѣдъ полученный манифестъ о войнѣ и тѣмъ развязать руки нашей сильной и отлично подготовленной эскадрѣ.

Корниловъ, дойдя до Бургаса, исполнилъ собственно боевую часть возложеннаго на него порученія; послѣ этого онъ, не обнаруживъ нигдѣ турокъ, отказался отъ свиданія съ Нахимовымъ, поручивъ переговоры съ нимъ Новосильскому, а самъ рѣшилъ вернуться въ Севастополь. Но здѣсь и начинается рядъ досадныхъ случайностей.

„Одесса“ въ ночь на 1 ноября встрѣчается въ морѣ съ турецкой эскадрой, ищетъ Корнилова, ищетъ Нахимова, не находитъ ни того, ни другого и, потерпѣвъ аварію, 3 ноября возвращается въ Севастополь. Князь Меншиковъ, относившійся вообще недовѣрчиво къ возможности выхода въ такую погоду турецкаго флота въ море, не принимаетъ никакихъ мѣръ къ сообщенію начальникамъ нашихъ эскадръ свѣдѣній, привезенныхъ „Одессой“.

Корниловъ, благодаря ошибочному исчисленію „Владиміромъ“ своего мѣста, полагалъ себя утромъ 5 ноября между портомъ Амастро и мысомъ Керемпе, тогда какъ въ дѣйствительности онъ находился противъ Пендерекліи. Принятіе имъ при такихъ условіяхъ обнаруженной къ югу эскадры, подходившей по числу судовъ къ эскадрѣ Нахимова, за эту послѣднюю является вполнѣ понятнымъ.

Благодаря этому, турки вновь ускользаютъ отъ насъ. Послѣ боя съ „Первазъ-Бахре“ на виду „Владиміра“ снова появляются двѣ эскадры. Свиданіе съ Новосильскимъ и повѣрка мѣста своего нахожденія казалось бы могли влить въ душу Корнилова сомнѣніе на счетъ того, что только-что видѣнная на югѣ эскадра принадлежала Нахимову, но, по всей вѣроятности, разговора объ этой эскадрѣ между Корниловымъ и Новосильскимъ не было, такъ какъ этотъ послѣдній, послѣ свиданія съ Корниловымъ, продолжалъ отыскивать Нахимова въ прежнемъ направленіи, не перемѣнивъ своего курса на югъ. Причины, которыми въ данномъ случаѣ руководствовался Корниловъ, а также причина неоставленія Нахимову сто-пушечныхъ кораблей не могутъ быть выяснены при

помощи имѣющихся въ нашихъ рукахъ матеріаловъ. А между тѣмъ турецкая эскадра свободно разгуливала по Черному морю вплоть до Синопскаго погрома.

IV.

Мы оставили эскадру Нахимова вышедшей 11 октября въ крейсерство между Анатоліей и Крымомъ, съ приказаніемъ держаться по возможности на меридіанѣ Тарханкута и параллели 43° и распространить свое наблюденіе къ Анатолійскому берегу между мысомъ Керемпе и портомъ Амастро, съ такимъ расчетомъ, чтобы быть на сообщеніи между Константинополемъ и Батумомъ, въ который были отправлены три турецкіе пароходо-фрегаты съ орудіями. При этомъ Нахимову указывалось, что до полученія новыхъ инструкцій не надлежитъ считаться въ войнѣ съ турками [1]).

Павелъ Степановичъ съ своей стороны старался по возможности полнѣе снабдить свои суда всѣмъ необходимымъ для долгаго зимняго плаванія и далъ командирамъ достойную вниманія инструкцію. „Такъ какъ", говорилось, между прочимъ, въ этой инструкціи, „Россія не объявляла войны, то при встрѣчѣ съ ту„рецкими судами первый непріязненный выстрѣлъ долженъ быть „съ ихъ стороны; тѣ же турецкія суда, которыя на это рѣшатся, „должны быть уничтожены... Я убѣжденъ, что въ случаѣ раз„рыва между Россіей и Турціей, каждый изъ насъ исполнитъ „свое дѣло" [2]).

Но въ воздухѣ уже чувствовалась близость войны, и потому жители Севастополя съ особой сердечностью прощались съ эскадрой, которой суждено было вновь увидѣть родной рейдъ лишь послѣ сорокадневной, ужасной по перенесеннымъ трудамъ, жизни въ морѣ и увѣнчанной лаврами Синопской побѣды.

Съ разсвѣтомъ, при легкомъ сѣверо-восточномъ вѣтрѣ, эскадра торжественно снялась съ Севастопольскаго рейда. Несмотря на ранній часъ, всѣ берега и окрестные холмы были усѣяны жителями Севастополя, сроднившимися со своимъ флотомъ и громко напутствовавшими уходившихъ на путь славы, тяжелыхъ трудовъ, а многихъ и на послѣдніе боевые подвиги.

---

[1]) См. выше.

[2]) Плаваніе брига „Язонъ" въ 1853 г. Сборн. изв. Путилов., кн. 3.

На слѣдующій уже день вѣтеръ засвѣжѣлъ, и осенніе бури, штормы и очень часто ураганы почти безъ перерыва сопровождали эскадру во все время этого продолжительнаго ея послѣдняго плаванія.

Казалось, сама природа напѣвала грустную лебединую пѣснь могучему флоту, гордо носившему въ теченіе семи десятковъ лѣтъ свой флагъ по волнамъ бурнаго Чернаго моря и которому черезъ годъ съ небольшимъ суждено было погибнуть въ своемъ родномъ морѣ—погибнуть, чтобы вновь возродиться твердымъ въ наслѣдіи своихъ предковъ и еще болѣе величественнымъ и прекраснымъ.

14 числа эскадра Нахимова была уже у Анатолійскаго берега, и здѣсь она впервые была обнаружена трехъ-мачтовымъ турецкимъ батарейнымъ пароходомъ, который осмотрѣлъ ее издали и, замѣтивъ дымъ подходившей „Бессарабіи“, скрылся изъ вида. 20 октября адъютантъ Корнилова, лейтенантъ Желѣзновъ, привезъ извѣстіе о дѣлѣ у Исакчи, но эта новость, какъ извѣстно, не развязала рукъ нашимъ морякамъ, такъ какъ Желѣзновъ вновь подтвердилъ приказаніе выжидать перваго выстрѣла турокъ и быть въ оборонительномъ положеніи [1]).

Благодаря такому распоряженію, турецкіе военные пароходы безнаказанно тянули суда съ далеко не мирнымъ грузомъ съ запада на востокъ на виду связанной по рукамъ нашей эскадры [2]).

Съ нетерпѣніемъ и, безъ сомнѣнія, со скорбью Нахимовъ продолжалъ бороться у Анатолійскаго берега съ бурями и ураганами [3]) въ томительномъ ожиданіи вожделѣннаго вѣстника, который освободилъ бы его отъ невыносимой обязанности отражать, но не атаковать. Наконецъ, 1 ноября пароходъ „Бессарабія“ и фрегатъ „Коварна“ пришли изъ Севастополя съ манифестомъ о войнѣ. Адмиралъ тотчасъ же поднялъ сигналъ: „Война объявлена; ту„рецкій флотъ вышелъ въ море. Отслужить молебствіе и поздра„вить команду“. Подъ звуки бушующаго шторма экипажи привѣтствовали эту новость несмолкаемыми криками „ура!“.

Сильный вѣтеръ окончательно прервалъ всякое сообщеніе между судами эскадры Нахимова, и только 2 числа вечеромъ адмиралъ могъ передать эскадрѣ свои приказанія.

---

[1]) Жандръ, стр. 75 и 77.

[2]) „Плаваніе брига „Язонъ“ въ 1853 г.“ Морск. Сборн. 1854 г., № 3. Вахтен. журн. за 1853 г. Никол. Центр. Арх., кн. оп. 51, оп. 335, д. № 2413, св. 133.

[3]) Записки вице-адмирала Забудскаго (рукоп. отд. Севастопольскаго Музея).

„Не имѣя возможности", писалъ онъ въ своемъ приказѣ, „за крѣпкимъ вѣтромъ и большимъ волненіемъ два дня передать „на суда ввѣреннаго мнѣ отряда копіи съ манифеста объявленія „войны Турціи, я передаю ихъ теперь и предлагаю гг. команди- „рамъ приказать священникамъ прочесть ихъ при собраніи всей „команды. Имѣю извѣстіе, что турецкій флотъ вышелъ въ море „съ намѣреніемъ занять принадлежащій намъ портъ Сухумъ-Кале, „и что для отысканія непріятельскаго флота отправленъ изъ Се- „вастополя съ шестью кораблями генералъ-адъютантъ Корниловъ. „Непріятель не иначе можетъ исполнить свое намѣреніе, какъ „пройдя мимо насъ или давъ намъ сраженіе. Въ первомъ случаѣ „я надѣюсь на бдительный надзоръ гг. командировъ и офицеровъ; „во второмъ—съ Божіею помощью и увѣренностью въ своихъ „офицерахъ и командахъ, я надѣюсь съ честью принять сраженіе. „Не распространяясь въ наставленіяхъ, я выскажу свою мысль, „что въ морскомъ дѣлѣ близкое разстояніе отъ непріятеля и „взаимная помощь другъ другу есть лучшая тактика. Увѣдомляю „гг. командировъ, что въ случаѣ встрѣчи съ непріятелемъ, пре- „вышающимъ насъ въ силахъ, я атакую его, будучи совершенно „увѣренъ, что каждый изъ насъ сдѣлаетъ свое дѣло" [1]).

Оцѣнивая этотъ краткій, опредѣленный, полный рѣшимости и достоинства, но въ то же время скромный приказъ, одинъ изъ моряковъ того времени говоритъ по поводу его слѣдующее [2]):

Какъ знатокъ дѣла, адмиралъ отлично понималъ, что успѣхъ дѣйствій съ парусными судами въ открытомъ морѣ зависитъ отъ начальника только до перваго выстрѣла. Съ этой же минуты начальникъ эскадры долженъ въ полной мѣрѣ положиться на личныя способности и опытность командировъ, предоставляя себѣ лишь лестное право кинуться первымъ въ бой. Если адмиралъ въ теченіе крейсерства сумѣлъ пріучить экипажи къ управленію кораблями, если онъ развилъ въ командирахъ соображеніе, далъ имъ возможность постичь качества своихъ судовъ, вселилъ въ нихъ увѣренность, которая не можетъ существовать безъ чувства собственнаго достоинства, тогда, подобно Нельсону подъ Трафальгаромъ, онъ можетъ закрыть сигнальныя книги. Другое, не менѣе важное и чисто нравственное условіе, это тѣсная дружеская связь

---

[1]) Морск. Сборн. 1854 г., кн. 3, стр. 266.

[2]) Ив. Шестаковъ. „Обзоръ дѣйствій на Черномъ морѣ отъ приготовленій къ настоящей войнѣ до Синопскаго сраженія включительно". Морск. Сборн. 1855 г., кн. 2.

между командирами, которая одна только вполнѣ обезпечиваетъ столь необходимую взаимную помощь.

Лазаревъ и его достойные сподвижники въ теченіе многихъ лѣтъ воспитывали Черноморскій флотъ именно въ этомъ направленіи; во время послѣдняго трехнедѣльнаго крейсерства въ бурную осень, подъ руководствомъ своего опытнаго адмирала, Нахимовская эскадра довершила свою боевую подготовку, и теперь, вступая въ открытую борьбу, когда пришло время использовать результатъ многолѣтнихъ трудовъ, Павлу Степановичу не зачѣмъ было быть многорѣчивымъ: отъ адмирала и до послѣдняго матроса всѣ мыслили у него въ эскадрѣ одинаково, всѣ отлично знали, что и какъ предстоитъ имъ дѣлать подъ флагомъ своего обожаемаго начальника.

Контръ-адмиралъ Панфиловъ.

Инструкціи, присланныя Нахимову вмѣстѣ съ манифестомъ о войнѣ, не измѣняли, судя по отданному имъ приказу, ранѣе данной ему задачи крейсеровать у Анатолійскаго берега между мысомъ Керемпе и портомъ Амастро. Враждебная намъ западная печать старалась объяснить послѣ Синопскаго погрома крейсерованіе эскадры Нахимова именно на этомъ участкѣ Чернаго моря нашимъ желаніемъ во что бы то ни стало атаковать турокъ, считая, что для охраны Закавказья отъ подвоза туда моремъ подкрѣпленій и оружія слѣдовало бы крейсеровать у восточныхъ береговъ Чернаго моря. Полагаемъ, что одного взгляда на карту этого моря достаточно, чтобы видѣть, что лучшее выполненіе возложенной на Нахимова задачи именно требовало пребыванія его эскадры между Крымомъ и мысомъ Керемпе.

Здѣсь, въ самомъ узкомъ мѣстѣ Чернаго моря, Нахимову было гораздо легче перехватывать всѣ идущія изъ Константинополя суда, чѣмъ дѣлать это, разбросавъ свою эскадру вдоль значительнаго протяженія восточнаго берега. Да, кромѣ того, намъ было хорошо извѣстно, что главныя средства для борьбы на Кавказѣ могли доставляться именно изъ Константинополя, а не

изъ сосѣднихъ съ Кавказомъ азіатскихъ портовъ, для наблюденія за которыми существовала вторая линія судовъ, подъ начальствомъ первоначально контръ-адмирала Синицина, а впослѣдствіи Вукотича [1]).

Нахимовъ, по самой природѣ своей, не принадлежалъ къ числу натуръ нервныхъ, честолюбивыхъ. Поэтому манифестъ о войнѣ не заставилъ его кинуться впередъ, чтобы во что бы то ни стало отыскать непріятеля и разбить его. Онъ отлично сознавалъ важное значеніе оберегаемаго имъ участка, правильно понялъ, что цѣлью слабаго турецкаго флота будутъ не европейскіе берега и не Крымъ, а Кавказъ, и потому спокойно оставался между мысомъ Керемпе и Амастро, гдѣ непріятель непремѣнно долженъ былъ пройти [2]). И это рѣшеніе знаменитаго адмирала было тѣмъ болѣе правильно, что онъ зналъ о предпринятыхъ эскадрою Корнилова поискахъ турецкаго флота и не сомнѣвался въ энергіи этихъ поисковъ.

Но Нахимовъ пересталъ уже только наблюдать за проходившими мимо него турецкими судами, и результатомъ полученнаго права дѣйствовать наступательно былъ захватъ 4 ноября близъ мыса Керемпе нашимъ пароходомъ „Бессарабія“ турецкаго транспортнаго парохода въ 200 силъ „Меджари-Теджарета“. „Бессарабія“ во время крейсерства вдоль берега для осмотра купеческихъ судовъ увидала идущій изъ Синопа турецкій пароходъ. Скрывъ первоначально себя парусами и подпустивъ непріятеля ближе къ себѣ, нашъ пароходъ погнался за нимъ. Послѣ второго выстрѣла турецкій пароходъ спустилъ шлюпки, на которыхъ успѣли спастись на берегъ капитанъ и часть экипажа. Захваченный же призъ былъ доставленъ въ полной исправности въ Севастополь [3]).

5 ноября, съ 10 часовъ утра, въ эскадрѣ Нахимова были слышны выстрѣлы — то было извѣстное дѣло „Владиміра“ съ „Первазъ-Бахре“. Эти выстрѣлы сильно встревожили Павла Степановича. Предполагая, что Корниловъ встрѣтилъ турецкій флотъ и завязалъ съ нимъ дѣло, онъ всей душой рвался на помощь, но, какъ нарочно, мертвый штиль приковывалъ его къ мѣсту. При-

---

[1]) См. выше, стр. 266.

[2]) Слѣдованіе эскадры Нахимова со времени полученія манифеста о войнѣ и по 12 ноября обозначены на схемѣ № 11, стр. 251.

[3]) Арх. Мор. Мин. Инсп. Деп., I отд., 2 ст., 1853 г., д. № 383. Командиръ Севастопольскаго порта Главному командиру Черноморскаго флота 9 ноября 1853 г., № 900. Ник. Центр. Арх., кн. оп. 23, оп. 185, д. № 1764, св. 61. Вахт. журн. пар. „Бессарабія“ за 1853 г. Никол. Центр. Арх.

шлось „Бессарабіи“ и плѣнному турецкому пароходу брать корабли поочередно на буксиръ, и такимъ только образомъ эскадра придвинулась на семь миль къ западу [1]). Задувшій къ вечеру вѣтеръ далъ возможность прибавить ходу. Въ десятомъ часу вечера многочисленные огни обнаружили приближеніе неизвѣстной эскадры. Адмиралъ сдѣлалъ сигналъ приготовиться къ бою, но то была эскадра Новосильскаго.

Подробности разговора Новосильскаго съ Нахимовымъ остаются для исторіи неизвѣстными. Какъ было изложено выше [2]), Новосильскій, замѣнивъ у Нахимова наиболѣе пострадавшія отъ продолжительнаго плаванія суда другими, утромъ 7 ноября, исполняя приказаніе Корнилова, направился въ Севастополь, уводя съ собою всѣ сто-пушечные корабли.

Разставшись съ эскадрой Новосильскаго, Нахимовъ направился къ Синопу, чтобы удостовѣриться, дѣйствительно ли тамъ стоятъ два турецкіе фрегата и два корвета, о которыхъ сообщили плѣнные со взятаго „Бессарабіей“ парохода, а также развѣдать не сосредоточилась ли тамъ турецкая эскадра, присутствіе которой въ морѣ съ цѣлью пробраться къ Кавказскимъ берегамъ было неоспоримо. Для крейсерованія же по направленію къ Босфору былъ оставленъ фрегатъ „Кагулъ“ [3]).

Съ полночи на 8 ноября снова задулъ сильный юго-западный вѣтеръ, который къ утру превратился въ штормъ. Громадное волненіе не помѣшало, однако, въ этотъ день нашимъ судамъ различить черезъ Синопскій перешеекъ рангоуты четырехъ турецкихъ судовъ, стоявшихъ на Синопскомъ рейдѣ, хотя этотъ штормъ и не прошелъ даромъ для эскадры Нахимова. „Святославъ“, „Храбрый“ и „Коварна“ получили такія поврежденія, что адмиралъ принужденъ былъ 9 числа отправить ихъ въ Севастополь, куда 10-го отправилась и „Бессарабія“ для починки и пополненія запаса угля.

Такимъ образомъ у Павла Степановича осталось въ рукахъ только три корабля [4]), одинъ бригъ [5]) и въ крейсерствѣ у мыса Керемпе фрегатъ „Кагулъ“. Адмиралъ, несмотря на это, продолжалъ

---

[1]) „Плаваніе брига „Язонъ“ въ 1853 г.“ (Морск. Сбор. 1854 г., № 3). Записки вице-адмирала Забудскаго (рукоп. отд. Севастопольскаго Музея).

[2]) Стр. 290.

[3]) Жандръ, стр. 98. Чайковскій. Морск. Сборн. 1899 г., кн. 1. Записки в.-адм. Забудскаго (рукоп. отд. Севастопольскаго Музея).

[4]) „Императрица Марія“, „Чесма“ и „Ростиславъ“.

[5]) „Эней“.

держаться на виду Синопа, чтобы воспользоваться первой возможностью произвести ближайшую развѣдку числа стоявшихъ на рейдѣ судовъ.

Въ это же самое время фрегатъ „Кагулъ“ въ штормъ 8 ноября незамѣтно сошелся съ четырьмя турецкими фрегатами, отъ которыхъ спасся, исключительно благодаря блестящей подготовкѣ личнаго состава Черноморскаго флота.

Крейсеруя у мыса Керемпе, фрегатъ боролся не только съ сильнымъ юго-западнымъ штормомъ, но и съ туманомъ, который былъ настолько густъ, что въ пяти саженяхъ ничего нельзя было различить. Къ полдню туманъ началъ нѣсколько подниматься, и вскорѣ невдалекѣ на горизонтѣ удалось различить четыре неясныхъ контура судовъ.

Командиръ фрегата, капитанъ-лейтенантъ Спицинъ, принялъ ихъ за суда эскадры Нахимова, и поэтому „Кагулъ“ продолжалъ штормовать подъ тѣми же парусами. Но каково было удивленіе экипажа, когда туманъ всколыхнулся, и въ 400 саженяхъ отъ „Кагула“ обрисовались четыре турецкихъ фрегата, идущихъ на него полнымъ вѣтромъ. Минута промедленія, и нашъ фрегатъ долженъ былъ очутиться между турокъ, шедшихъ двумя колоннами. О вступленіи въ бой со столь неравными силами не могло быть и рѣчи; оставалось сдѣлать отчаянную попытку уйти отъ преслѣдованія. Въ одну минуту на „Кагулѣ“ закипѣла молодецкая авральная работа [1]). „Любо было смотрѣть“, пишетъ очевидецъ [2]), „на молодцовъ матросовъ, понимавшихъ всю серьезность поло„женія, быстро и отчетливо, безъ суеты и въ строгомъ молчаніи „исполнявшихъ каждый свое дѣло“. Пока турки были въ нерѣшительности, разсматривая сигналы съ ихъ флагманскаго судна, „Кагулъ“ уже отдалъ всѣ паруса и, глубоко зарываясь носомъ въ пѣнистыя волны, летѣлъ, какъ птица, имѣя прислугу у заряженныхъ орудій. Черезъ полчаса, замѣтивъ, что одинъ изъ турецкихъ фрегатовъ какъ бы приближается, наше судно еще прибавило ходу, и съ тѣхъ поръ непріятель видимо сталъ отставать.

Но такая форсировка парусами не дешево досталась „Кагулу“. Его бросало, какъ щепку, и сильными порывами вѣтра раза два совсѣмъ клало на бокъ; вода съ шумомъ переливалась съ борта

---

[1]) Работы, для производства которыхъ вызывается весь экипажъ судна наверхъ.
[2]) И. Чайковскій. Морск. Сборн. 1899 г., кн. 1.

на бортъ не только на батарейной палубѣ, но и на кубрикѣ, а въ трюмѣ ее набралось до 35 дюймовъ.

Наступившій вновь туманъ и сумерки скрыли „Кагулъ“ отъ непріятеля, но ему еще въ теченіе двѣнадцати часовъ пришлось выдерживать разразившійся съ новой силой штормъ.

Находясь въ такомъ положеніи, фрегатъ рѣшилъ итти на Севастополь, чтобы дать знать о погонѣ турецкаго флота. 10 числа „Кагулъ“ встрѣтилъ подходившую къ Севастопольскому рейду эскадру Новосильскаго, далъ ей знать о случившемся, послѣ чего фрегатъ вновь отправился, несмотря на всѣ поврежденія и большую течь, въ крейсерство къ мысу Керемпе.

Своимъ спасеніемъ фрегатъ былъ единственно обязанъ молодецкой распорядительности командира и отличной подготовкѣ всей команды. Этотъ маленькій эпизодъ является блестящей иллюстраціей характеристики всего Черноморскаго флота, память о которомъ не изсякнетъ вовѣки.

Турецкіе фрегаты, гнавшіеся за „Кагуломъ“, были подъ начальствомъ вице-адмирала Османа-паши.

Въ ночь на 19 ноября, послѣ Синопскаго сраженія, израненный начальникъ турецкой эскадры былъ найденъ на горѣвшемъ суднѣ командой съ „Кагула“. Придя въ себя, онъ съ интересомъ началъ разспрашивать о томъ русскомъ фрегатѣ, который 8 ноября ускользнулъ отъ его эскадры въ то время, когда онъ считалъ его уже совсѣмъ въ своихъ рукахъ. Изумленію стараго адмирала не было границъ, когда онъ узналъ, что находится на томъ самомъ фрегатѣ, который, по его мнѣнію, долженъ былъ погибнуть, неся всѣ паруса во время бывшаго ужаснаго шторма [1]).

Между тѣмъ Нахимовъ все время продолжалъ держаться у Синопа и, наконецъ, 11 ноября, воспользовавшись свѣжимъ восточнымъ вѣтромъ, подошелъ къ этому пункту на 2 мили и ясно различилъ тамъ большую турецкую эскадру, состоявшую изъ 12 военныхъ судовъ и 2 транспортовъ.

Положеніе серьезно измѣнилось и притомъ въ худшую для Нахимова сторону: онъ очутился съ тремя кораблями противъ несравненно болѣе сильной турецкой эскадры, которая ежеминутно могла его атаковать. Но не измѣнилась рѣшимость Павла Степановича не упустить безъ боя отысканнаго послѣ такихъ трудовъ

---

[1]) И. Чайковскій. Морск. Сборн. 1899 г., кн. 1. Вахтенные журналы. Ник. Черном. Центр. Арх. Записка в.-адм. Забудскаго (рукоп. отд. Севастопольскаго Музея).

противника. Эта рѣшимость знаменитаго адмирала, еще рельефнѣе выдающаяся въ виду той затруднительной обстановки, въ которой онъ находился, замѣчательно характерно выясняется изъ его рапорта къ командиру Севастопольскаго порта отъ 11 ноября, за № 274, который онъ отправилъ съ бригомъ „Эней", вылавировавъ изъ Синопскаго залива [1]).

„Обозрѣвши сего числа", доносилъ Нахимовъ, „въ самомъ „близкомъ разстояніи портъ Синопъ, я нашелъ тамъ не два „фрегата, корветъ и транспортъ, какъ доносилъ вашему превос- „ходительству, а семь фрегатовъ, два корвета, одинъ шлюпъ и „два большихъ парохода, стоящихъ на рейдѣ, подъ прикрытіемъ „береговыхъ батарей.

„Предполагая, что есть какая-нибудь цѣль у непріятеля, „чтобы собрать такой отрядъ военныхъ судовъ въ Синопѣ, я „положительно останусь здѣсь въ крейсерствѣ и буду ихъ бло- „кировать до прибытія ко мнѣ двухъ кораблей, отправленныхъ „мною въ Севастополь для исправленія поврежденій. Тогда, не- „смотря на вновь устроенныя батареи, кромѣ тѣхъ, которыя пока- „заны на картѣ Манганари, я не задумаюсь ихъ атаковать". Свой рапортъ адмиралъ кончалъ убѣдительной просьбой вернуть скорѣе два корабля его отряда и фрегатъ „Кулевча", а также прислать хоть два парохода, столь необходимые въ крейсерствѣ.

Одновременно съ этимъ Нахимовъ сдѣлалъ распоряженіе о возвращеніи къ эскадрѣ отъ мыса Керемпе фрегата „Кагулъ" [2]).

Между тѣмъ князь Меншиковъ въ первыхъ числахъ ноября получилъ въ Севастополѣ Высочайшее повелѣніе [3]) не атаковать турецкихъ приморскихъ городовъ, истребить турецкій флотъ, если онъ вышелъ въ море, и стараться отрѣзать сообщеніе между Константинополемъ и Батумомъ. Такимъ образомъ, несмотря на пролившуюся уже кровь, дѣйствія нашихъ моряковъ все еще продолжали быть стѣсняемы дипломатическими тонкостями канцеляріи графа Нессельроде.

Князь Меншиковъ это Высочайшее повелѣніе облекъ въ болѣе опредѣленную и менѣе стѣснительную для Нахимова форму, предписавъ ему, по истребленіи въ Синопѣ непріятельскихъ судовъ [4]),

---

[1]) Жандръ, стр. 103.

[2]) И. Чайковскій. Морск. Сборн. 1899 г., кн. 1.

[3]) Письмо кн. А. С. Меншикова къ В. А. Корнилову отъ 6 ноября 1853 г.

[4]) Въ то время кн. Александръ Сергѣевичъ имѣлъ свѣдѣніе о присутствіи въ Синопѣ только двухъ фрегатовъ и двухъ корветовъ.

пройти съ эскадрою вдоль Анатоліи къ восточнымъ берегамъ Чернаго моря, у которыхъ появились турецкіе пароходы и дѣлаютъ нападенія на крейсерующія тамъ суда [1]).

Однако, посланные 7 ноября съ этимъ приказаніемъ пароходы „Одесса“ и „Громоносецъ“ не могли, благодаря непрерывнымъ штормамъ и аваріямъ, доставить его по назначенію и вернулись въ Севастополь. 15-го на разсвѣтѣ предписаніе Меншикова

Синопское сраженіе.

вновь было отправлено съ фрегатомъ „Кулевча“ и дошло до Нахимова наканунѣ Синопскаго сраженія.

Между тѣмъ еще 11 ноября, когда эскадра Новосильскаго, выдержавъ штормъ у южныхъ береговъ Крыма, входила на Севастопольскій рейдъ, съ городского телеграфа былъ замѣченъ даваемый этой эскадрѣ фрегатомъ „Кулевча“ сигналъ о погонѣ за нимъ турецкихъ судовъ, а приходъ въ Севастополь одновременно съ этимъ отосланныхъ Нахимовымъ потерпѣвшихъ судовъ выяснилъ князю Александру Сергѣевичу рискованное положеніе незначительной эскадры Нахимова.

---

[1]) Историческій обзоръ плаванія эскадры вице-адмирала Нахимова. Жандръ, стр. 101.

Новосильскій поэтому былъ немедленно по входѣ на рейдъ потребованъ къ князю Меншикову и получилъ приказаніе тотчасъ же вновь слѣдовать на соединеніе съ Нахимовымъ. Эскадрѣ не дали даже, какъ слѣдуетъ, запастись провизіей, и на разсвѣтѣ 12-го „Парижъ“, „Вел. Кн. Константинъ“, „Три Святителя“, „Варна“ и „Гавріилъ“ покинули Севастопольскій рейдъ [1]). Два послѣдніе на слѣдующій день были отосланы обратно, вслѣдствіе открывшейся въ „Варнѣ“ течи при крѣпкомъ восточномъ вѣтрѣ, а сто-пушечные корабли соединились съ Нахимовымъ рано утромъ 16 ноября [2]) у мыса Пахіоса [3]).

Корниловъ во время этихъ распоряженій находился въ Николаевѣ и прибылъ въ Севастополь только 15 ноября. Тотчасъ имъ былъ сдѣланъ рядъ распоряженій [4]) о скорѣйшемъ изготовленіи всѣхъ пароходовъ къ выходу въ море, при чемъ изъ пароходо-фрегатовъ „Крымъ“, „Одесса“ и „Херсонесъ“ формировался особый отрядъ, подъ начальствомъ контръ-адмирала Панфилова, назначеніе котораго пока оставалось въ тайнѣ.

16-го, въ полдень, „Эней“ доставилъ въ Севастополь вышеприведенное донесеніе Нахимова о сосредоточеніи въ Синопѣ большой эскадры, и князь Меншиковъ приказалъ Корнилову немедленно спѣшить на помощь къ Нахимову съ тѣми пароходами, которые могутъ быть скорѣе изготовлены [5]).

Утромъ 17-го „Одесса“, „Крымъ“ и „Херсонесъ“ покинули, подъ флагомъ Корнилова, Севастопольскій рейдъ [6]).

Если отправленіе въ Севастополь эскадры Новосильскаго 6 ноября, послѣ свиданія съ Нахимовымъ и при явномъ присутствіи въ Черномъ морѣ турецкой эскадры, и вызываетъ нѣкоторое недоумѣніе, то дальнѣйшія дѣйствія всѣхъ высшихъ руководителей Черноморскаго флота отличаются замѣчательной опредѣленностью въ достиженіи одной общей цѣли — не упустить обнаруженной въ Синопѣ турецкой эскадры и обезпечить успѣхъ предстоящаго дѣла сосредоточеніемъ возможно большихъ силъ.

---

[1]) Вахтенный журналъ кор. „Вел. Кн. Константинъ“ за 1853 г. Ник. Центр. Арх., кн. оп. 51, оп. 335, д. № 2380, св. 130.

[2]) Вахтенный журналъ кор. „Гавріилъ“ за 1853 г. Никол. Центр. Арх., кн. оп. 51, оп. 335, д. № 2393, св. 130.

[3]) См. кроки № 11, стр. 251.

[4]) Отношеніе къ командиру Севастопольскаго порта отъ 15 ноября 1853 г., № 345.

[5]) Жандръ, стр. 104.

[6]) Вахтенный журналъ пароходо-фрегата „Одесса“ за 1853 г. Ник. Центр. Арх., кн. оп. 51, оп. 335, д. № 2438, св. 134.

Въ дѣйствіяхъ Нахимова обнаружилось то рѣдкое соединеніе твердой рѣшимости съ благоразумной осторожностью, то равновѣсіе ума и характера, которое составляетъ исключительную принадлежность великихъ военноначальниковъ. Выслѣдивъ непріятеля, обнаруживъ его превосходныя силы, онъ сумѣлъ удержать у себя и у своего отряда благородный пылъ, требовавшій немедленно дать волю долго накипавшему чувству обиды, вызванному фальшивой политической обстановкой. И, дѣйствительно, атаковать съ тремя кораблями болѣе сильную турецкую эскадру, стоявшую подъ защитою береговыхъ батарей, было бы безразсудно, въ особенности, когда обстоятельства позволяли разсчитывать на увеличеніе своего отряда. Но это не отнимало у Павла Степановича рѣшимости вступить во что бы то ни стало въ бой и съ такими неравными силами, если бы непріятель высказалъ поползновеніе ускользнуть изъ Синопа.

Несмотря на сильный сѣверо-восточный вѣтеръ, онъ все время продолжалъ держаться со своей эскадрой у самыхъ береговъ „изъ опасенія, чтобы непріятель не вышелъ изъ порта „ночью и, пользуясь попутнымъ вѣтромъ, не возвратился въ „Константинополь“ [1]).

Между тѣмъ Нахимовъ принялъ всѣ мѣры, чтобы скорѣе увеличить свой отрядъ. Онъ сдѣлалъ энергичное представленіе въ Севастополь и не забылъ притянуть къ себѣ крейсеровавшій фрегатъ „Кагулъ“, отлично сознавая, что въ пылу морского боя ни одно судно не можетъ быть лишнимъ.

Надо отдать должную справедливость и князю Меншикову, который, при первомъ извѣстіи о появленіи турецкаго флота, принялъ съ полной энергіей рядъ мѣръ, чтобы поскорѣе усилить Нахимова, и Корнилову, который немедленно, получивъ извѣстіе о сосредоточеніи въ Синопѣ турецкой эскадры, лично отправился принять участіе въ славномъ дѣлѣ.

---

[1]) Донесеніе вице-адмирала Нахимова о Синопскомъ боѣ. Ник. Центр. Арх., кн. оп. 15, оп. 66, д. № 2, св. 1.

Глава VI.

I.

Что касается до причины нахожденія турецкаго флота въ Синопѣ, то, къ сожалѣнію, освѣтить этотъ фактъ съ полными подробностями не представляется возможнымъ, въ виду самыхъ противорѣчивыхъ свидѣтельствъ современныхъ событіямъ иностранныхъ источниковъ и въ виду безусловно пристрастнаго освѣщенія этого вопроса иностранными историками Восточной войны.

Сравнивая самыя разнообразныя показанія, можно безошибочно опредѣлить лишь, что въ Синопѣ оказалась та эскадра, подъ флагомъ вице-адмирала Османа-паши, которая въ концѣ октября нашего стиля была обнаружена у выхода изъ Босфора, а въ первыхъ числахъ ноября показывалась поочередно на виду пароходовъ „Одесса“, „Владиміръ“, эскадры Новосильскаго, и часть которой гналась за фрегатомъ „Кагулъ“.

Очень можетъ быть, что свирѣпствовавшія въ началѣ ноября бури, а также и приказаніе содѣйствовать доставленію къ берегамъ Кавказа боевыхъ припасовъ и войскъ заставили ее укрыться на Синопскомъ рейдѣ. Кромѣ эскадры Османа-паши, тамъ сосредоточились и другія суда, стоявшія въ Трапезондѣ, а, можетъ-быть, и спеціально прибывшія съ боевыми запасами изъ Константинополя и благополучно достигнувшія Синопа, въ виду связывавшаго долгое время Нахимова приказанія „обороняться и не атаковать“. Присутствіе при сравнительно небольшой эскадрѣ нѣсколькихъ флагмановъ служитъ нѣкоторымъ подтвержденіемъ сосредоточенія разныхъ отрядовъ судовъ.

Неоспоримо только то, что почти общее свидѣтельство иностранныхъ историковъ [1]) о „мирномъ“ характерѣ экспедиціи турецкаго флота, который будто бы, успокоенный обѣщаніями нашего правительства не предпринимать активныхъ дѣйствій до окончанія переговоровъ съ западными державами, спокойно перевозилъ припасы изъ одного своего порта въ другой, совершенно опровергается самыми фактами. Не будемъ уже говорить о предшествовавшихъ Синопскому сраженію дѣлахъ на Дунаѣ и о звѣрскомъ истребленіи гарнизона поста св. Николая, но вспомнимъ хотя бы только погоню четырехъ фрегатовъ за „Кагуломъ“, атаку тремя пароходами „Флоры“, и этихъ двухъ фактовъ будетъ совершенно достаточно, чтобы отогнать всякую иллюзію о мирныхъ путешествіяхъ турецкаго флота по Черному морю.

Иностранными историками отвергается и другой фактъ—участіе западныхъ державъ въ отправкѣ турецкаго флота въ Черное море. Они увѣряютъ, что французскій и англійскій послы въ Константинополѣ [2]) всѣми силами старались отговорить турокъ отъ отправки флота въ море, указывая на плохое состояніе ихъ судовъ и экипажей, на опасность плаванія въ это время года и на возможность встрѣчи съ превосходнымъ противникомъ. Если вспомнить могущественное въ то время вліяніе на Порту Оттоманскую англійскаго посла въ Константинополѣ, лорда Стратфорда Редклифа, его совершенно не мирный относительно Россіи образъ дѣйствій и хорошо сознаваемое имъ миролюбіе Императора Николая, то такія увѣренія не могутъ имѣть никакой цѣны.

Вѣрнѣе всего, что турки и ихъ западные покровители не разсчитали въ достаточной мѣрѣ предѣловъ миролюбія Русскаго Царя, которое не могло перейти за черту неоднократнаго измѣннического пролитія русской крови, и предполагали продолжать безостановочное сосредоточеніе своихъ войскъ и запасовъ.

Нравственная поддержка западныхъ державъ экспедиціи Османа-паши является фактомъ неоспоримымъ; объ этомъ свидѣтельствуетъ впечатлѣніе, произведенное на эти державы Синопскимъ погромомъ: онъ былъ принятъ ими, какъ оскорбленіе народной чести. Этой же нравственной поддержкой вѣрнѣе всего можно объяснить и непонятное по бездѣятельности пребываніе Османа-паши на Синопскомъ рейдѣ въ тѣ нѣсколько дней, когда

---

[1]) Guérin, Bazancourt, Dufour и пр.
[2]) Guérin. T. 1, p. 53.

онъ охранялся только тремя кораблями Нахимова, хотя, разумѣется, здѣсь играли роль и присущія туркамъ личныя качества. Въ ней же надо искать и причину безпечности Османа-паши, который не принялъ никакихъ мѣръ къ оборонѣ, тогда какъ береговыя укрѣпленія Синопа давали ему къ этому богатыя средства. Гордо развивающійся въ Босфорѣ флагъ „коварнаго Альбіона“ на этотъ разъ чрезмѣрно усыпилъ бдительность турецкихъ адмираловъ.

Лордъ Стратфордъ къ этому времени имѣлъ уже инструкціи своего правительства, предлагавшія ему „защищать Константино-„поль и вообще всякую часть турецкой территоріи, которая мо-„жетъ подвергнуться атакѣ, будь то въ Европѣ или въ Азіи“. Ему предписывалось, по соглашенію съ французскимъ правительствомъ, на этомъ основаніи провести флоты западныхъ державъ черезъ Босфоръ, какъ только будетъ получено извѣстіе, что нашъ флотъ вышелъ изъ Севастополя [1]).

10 (22) ноября Сампсонъ увѣдомлялъ его нарочнымъ, отправленнымъ изъ Синопа сухимъ путемъ, что русская эскадра изъ одного корабля, 7 фрегатовъ и одного парохода крейсеруетъ уже нѣсколько дней въ виду Синопа и производитъ разные маневры около турецкой эскадры, стоявшей тамъ на рейдѣ. Это извѣстіе было получено англійскимъ посланникомъ 13 (25) или 14 (26) ноября [2]). Въ свою очередь Османъ-паша доносилъ 12 (24) ноября своему правительству изъ Синопа слѣдующее: „Шесть русскихъ линейныхъ кораблей, корветъ и два парохода „находятся постоянно въ открытомъ морѣ, близъ порта; то они „ложатся въ дрейфъ, то лавируютъ. Отъ шести до восьми фре-„гатовъ и два парохода по самымъ вѣрнымъ свѣдѣніямъ были „видны на высотѣ портовъ Бартинъ и Амастро. Во всякомъ слу-„чаѣ большой военный непріятельскій портъ находится недалеко. „Его эскадра можетъ получить подкрѣпленія и атаковать насъ „при помощи брандеровъ. Такимъ образомъ, если мы не полу-„чимъ подкрѣпленій и если наше такое положеніе продлится еще „нѣсколько дней, то это значитъ, что насъ Богъ бережетъ— „Императорскій флотъ можетъ подвергнуться разгрому“ [3]).

Донесеніе это было сообщено лорду Стратфорду турецкимъ правительствомъ 17 (29) ноября, но даже удвоенныя въ глазахъ

---

[1]) „Eastern papers“, томъ 2, стр. 143.
[2]) Kinglake: „L'invasion de la Crimée“. T. 2, p. 35.
[3]) „Eastern papers“, т. 2, стр. 313.

Османа-паши силы русской эскадры не понудили благороднаго лорда къ оказанію матеріальной поддержки своимъ слабымъ союзникамъ.

Синопъ — родина двухъ знаменитыхъ мужей древности, Митридата и Діогена, и мѣсто, откуда прибылъ въ Россію апостолъ Андрей Первозванный, первый проповѣдникъ святаго Евангелія въ землѣ славянской, принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ городовъ Малой Азіи. Онъ былъ основанъ милетцами и, составляя главный торговый портъ Пафлагоніи, отличался въ прежнія времена своимъ богатствомъ и торговлею, при чемъ число жителей въ немъ доходило до 60.000 человѣкъ. Перешедши впослѣдствіи подъ владычество турокъ, назвавшихъ его „Синубъ", городъ сталъ приходить въ упадокъ, и хотя открывшееся въ концѣ сороковыхъ годовъ прошлаго столѣтія пароходство между Константинополемъ и Трапезондомъ и оживило нѣсколько его торговлю, но ко времени Восточной войны она была еще очень незначительна. Кромѣ рыбной ловли, главная промышленность народонаселенія сосредоточивалась преимущественно на торговлѣ лѣсомъ и на постройкѣ судовъ, для чего въ Синопѣ существовали отличныя верфи. Его населяли почти исключительно турки и греки, числомъ всего до 12.000 человѣкъ, при чемъ обѣ эти народности жили въ двухъ почти совершенно отдѣленныхъ кварталахъ.

Синопскій рейдъ считается однимъ изъ лучшихъ и самыхъ безопасныхъ на берегахъ Анатоліи. Закрытый отъ сѣверныхъ вѣтровъ возвышеннымъ полуостровомъ Бозъ-Тепе [1]), онъ по своимъ размѣрамъ, глубинѣ и хорошему грунту дна представлялъ безопасное мѣсто для стоянки значительнаго флота. Самый городъ расположенъ на перешейкѣ, соединяющемъ материкъ съ полуостровомъ Бозъ-Тепе. Посрединѣ перешейка раскинулся собственно турецкій городъ, представлявшій изъ себя какъ бы цитадель, окруженную высокой каменной стѣной съ замкомъ въ концѣ у материка; къ востоку отъ него, къ сторонѣ полуострова, на довольно покатомъ возвышеніи, находился греческій кварталъ. Близъ турецкаго города находились молъ, верфи и вообще всѣ портовыя сооруженія.

---

[1]) См. схему № 14, стр. 309.

ПЛАНЪ
СРАЖЕНІЯ ПРИ СИНОПСКОМЪ РЕЙДѢ.
18-го ноября 1853 года.
СИНОПЪ
Имп. Марія
Парижъ
В.К. Константинъ
Три Святителя
Чесма
Кагулъ
Ростиславъ
Кулевча
Батареи
№1
№2
№3
№4
№5
№6
№№ Объясненіе цифръ.
1. Навекъ-Бахри 60 пуш. фрегатъ
2. Несими-Зеферъ 60 пуш. фрегатъ
3. Неджми-Фешанъ 24 пуш. корветъ.
4. Фазлі-Аллахъ (Рафаилъ) 44 пуш. фрегатъ.
5. Ауни-Аллахъ 44 пуш. Адмир. фр. флагм. Османъ-Паши.
6. Гюли-Сефидъ 22 пуш. корветъ.
7. Даміадъ 56 пуш. египетскій фрегатъ
8. Каиди-Зеферъ 54 пуш. фрегатъ
9. Низамиэ двухъ-палубный 64 пуш. фр. 2-й флагм. Гусейнъ-Паши.
10. Фейзи-Меабудъ 24 пуш. корветъ.
11. Таифъ 20 пуш. батар. пароходъ въ 450 лош. силъ.
12. Эрекли 4 пуш. пароходъ въ 140 силъ.
13 и 14 – Турецкіе транспорты.
15 и 16 – Турецкіе купеческіе бриги.
17 Англійская купеческая шхуна.
1 морская миля
0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 кабельтовъ
Черт. Н. Кононовъ.

Схема № 14.

Для обороны рейда имѣлось шесть батарей. Онѣ начинались отъ восточнаго мыса Бозъ-Тепе, и четыре изъ нихъ были расположены по его южному берегу до греческаго квартала, въ равномъ приблизительно другъ отъ друга разстояніи. Батарея № 1 находилась у восточной оконечности мыса, № 4—у начала города, а № 2 и № 3—между ними.

Каждая изъ этихъ батарей была вооружена 6-ю, по нѣкоторымъ источникамъ—8-ю орудіями. Калибръ орудій былъ самый разнообразный, установка на банкетахъ [1]). На набережной, въ центрѣ турецкаго города стояла самая сильная батарея въ 8 орудій большого калибра. Къ западу отъ города, въ разстояніи свыше версты, стояла батарея № 6. Сѣверная сторона перешейка также оборонялась нѣсколькими батареями.

Такимъ образомъ, эскадра, форсирующая Синопскій рейдъ, обстрѣливалась первоначально съ праваго фланга огнемъ батарей №№ 1, 2 и 3, а послѣ постановки на якорь подвергалась, кромѣ огня стоявшихъ на рейдѣ судовъ, близкому перекрестному огню трехъ остальныхъ батарей. Такимъ образомъ, береговыя батареи, при надлежащемъ ими пользованіи, являлись существенной поддержкой флота, расположеннаго на Синопскомъ рейдѣ.

Что касается до стратегическаго значенія Синопа, то, кромѣ самыхъ свойствъ рейда, оно опредѣлялось и его центральнымъ положеніемъ относительно нашихъ Кавказскихъ береговъ, Крыма и Азовскаго моря, а также нахожденіемъ почти на серединѣ пути между Константинополемъ и Кавказскимъ побережьемъ. Присутствіе энергичнаго противника въ Синопѣ, въ ближайшемъ разстояніи отъ Севастополя, заставляло насъ быть настороже на всемъ обширномъ пространствѣ нашихъ Черноморскихъ границъ къ востоку отъ Тарханкутскаго маяка.

Эскадра вице-адмирала Османа-паши на Синопскомъ рейдѣ состояла изъ 7 фрегатовъ, 3 корветовъ, 2 пароходовъ [2]), кромѣ которыхъ на рейдѣ стояли еще два турецкихъ транспорта, два купеческихъ брига и одна иностранная шхуна. Всего на воору-

---

[1]) Письмо французскаго мичмана о Синопѣ. Гос. Арх., разр. XI, д. № 1260.

[2]) Фрегаты: 64-пушечный „Низаміе“, подъ флагомъ Гусейнъ-паши, 60-пушечные „Навекъ-Бахри“ и „Несеми-Зеферъ“, 56-пушечный египетскій „Даміадъ“, 54-пушечный „Каиди-Зеферъ“, 44-пушечный „Фазли-Аллахъ“ (бывшій русскій „Рафаилъ“) и „Ауни-Аллахъ“, подъ флагомъ Османа-паши; корветы: 24-пушечные „Неджми-Фешанъ“ и „Фейзи-Меабудъ“, 22-пушечный „Гюли-Сефидъ“ и пароходы: 20-пушечный батар. въ 450 силъ „Таифъ“ и 4-пушечный въ 140 силъ „Эрекли“.

женіи турецкихъ судовъ состояло 474 орудія [1]) и на прибрежныхъ батареяхъ 38 орудій.

Интересно прослѣдить, какимъ же образомъ воспользовался Османъ-паша своими оборонительными средствами при содѣйствіи командира парохода „Таифъ“ англичанина Слэдъ (Муштаверъ-паша). Этотъ англичанинъ свыше двадцати-пяти лѣтъ служилъ въ турецкомъ флотѣ, оказалъ ему огромную услугу, какъ наставникъ и организаторъ, и пользовался полнымъ довѣріемъ турецкаго правительства [2]).

Османъ-паша расположилъ свои суда у самаго берега дугообразно, съ серединою у центра города и сообразно съ направленіемъ берега. Лѣвый флангъ эскадры примыкалъ къ батареѣ № 4, правый—къ батареѣ № 6; въ центрѣ между судами былъ оставленъ открытый промежутокъ для дѣйствія самой сильной батареи № 5. Пароходы стояли во второй линіи ближе къ центру, а транспорты и купеческія суда—между эскадрой и берегомъ. Нельзя признать этого расположенія удачнымъ и не согласиться съ мнѣніемъ одного изъ современныхъ той эпохи моряковъ [3]), что турецкій адмиралъ, рѣшившись принять сраженіе на якорѣ, не воспользовался всѣми средствами обороны, бывшими въ его рукахъ.

Турецкая эскадра оказала бы болѣе успѣшное сопротивленіе, если бы ее расположили не вдоль города, а южнѣе его, по краю мелководья. Свезя съ недѣйствующихъ бортовъ своихъ судовъ орудія и установивъ ими городской берегъ, Османъ-паша не только употребилъ бы съ пользою половину своей артиллеріи, но и подвергъ бы наши корабли, съ какой бы стороны они ни подошли, страшному продольному огню. Ихъ при подходѣ съ востока встрѣтилъ бы съ фронта огонь всей эскадры, при наступленіи съ юга—залпы береговыхъ батарей, а по занятіи ими мѣстъ для дѣйствія противъ турецкихъ судовъ, они находились бы въ теченіе всего боя подъ перекрестнымъ огнемъ. Между тѣмъ какъ расположеніе судовъ, на которомъ остановились турки, давало возможность принять участіе въ дѣлѣ лишь орудіямъ одного борта, каковыхъ было около 237 [4]), и 26 орудіямъ четырехъ

---

[1]) Пестичъ (Морск. Сб. 1889 года, кн. 2) считаетъ, что на вооруженіи турецкой эскадры состояло 524 орудія. Эта цифра весьма вѣроятна, такъ какъ обыкновенно суда носили бо́льшее число орудій, чѣмъ обозначалъ ихъ рангъ.

[2]) Е. Богдановичъ: „Синопъ“, стр. 78.

[3]) Ив. Шестаковъ. Морск. Сборн. 1855 года, кн. 2.

[4]) По Пестичу (Морск. Сборн. 1889 г., кн. 2)—262 ор.

ближайшихъ къ городу батарей; вогнутая же дугообразная линія построенія еще болѣе уменьшила силу огня на дальнемъ разстояніи. Наконецъ, рѣшеніе Османа-паши прижать свою эскадру къ городу повергало этотъ послѣдній неминуемому разрушенію, нисколько не обезпечивая собственной участи флота. Въ чемъ же искать причину такого небрежнаго къ собственной безопасности отношенія со стороны одного изъ лучшихъ адмираловъ турецкаго флота?

Изъ сорокадвухлѣтней службы на морѣ Османъ-паша провелъ двадцать-одинъ годъ на службѣ у Мегмета-Али египетскаго и уже болѣе десяти лѣтъ находился въ адмиральскомъ чинѣ. Участникъ, также какъ и его противникъ, Наваринскаго сраженія, Османъ-паша соединялъ въ себѣ качества боевого офицера и опытнаго, выдающагося и знающаго свое дѣло моряка турецкаго флота. Нѣтъ поэтому основанія приписывать его бездарности неудачныя дѣйствія, предшествовавшія Синопскому погрому, которыя онъ искупилъ своимъ личнымъ мужествомъ и раной. Безпечность его скорѣе можно приписать или старческому утомленію (ему былъ уже 61 годъ), или англійскому гипнозу въ невозможности для насъ атаки турецкихъ укрѣпленныхъ пунктовъ. Къ самому берегу такого укрѣпленнаго пункта онъ и примкнулъ свою эскадру, полагая себя въ такомъ положеніи въ полной безопасности.

Эскадру Нахимова мы оставили тѣсно блокировавшей Синопскій рейдъ, въ ожиданіи прибытія просимыхъ подкрѣпленій. Вмѣсто двухъ 84-пушечныхъ кораблей, на которые онъ разсчитывалъ и съ которыми во что бы то ни стало рѣшилъ атаковать турокъ, къ нему 16 числа присоединился Новосильскій съ тремя 120-пушечными кораблями, вернулся сверхъ того изъ крейсерства фрегатъ „Кагулъ“, а въ пятомъ часу дня 17 числа прибылъ и давно ожидаемый фрегатъ „Кулевча“. Всего, такимъ образомъ, у Павла Степановича сосредоточилось въ рукахъ 6 кораблей и 2 фрегата.

Въ бою участвовали: 120-пушечные корабли—„Парижъ“, подъ флагомъ контръ-адмирала Новосильскаго и подъ командой капитана 1 ранга Истомина 2-го, „Вел. Кн. Константинъ“ (капитанъ 1 ранга Ергомышевъ 1-й), „Три Святителя“ (Кутровъ 1-й); 84-пушечные—„Императрица Марія“, подъ флагомъ вице-адмирала Нахимова и подъ командой капитана 1 ранга Барановскаго 2-го, „Чесма“ (Микрюковъ 1-й) и „Ростиславъ“ (Кузнецовъ 1-й), и фрегаты „Кагулъ“ (Спицинъ 1-й) и „Кулевча“ (Лесовскій).

Всего на вооруженіи этихъ судовъ состояло 788 орудій свыше 8-фунтового калибра [1]). Если исключить изъ этого числа фрегаты „Кагулъ“ и „Кулевчи“, изъ которыхъ первый совсѣмъ не принималъ участія въ артиллерійскомъ состязаніи, а второй принялъ участіе уже при довершеніи одержанной нами побѣды, то число орудій судовъ, выдержавшихъ на себѣ весь бой, уменьшится до 688, что дастъ съ одного борта 344 орудія. Наибольшій калибръ орудій былъ 68-фунтовыя бомбовыя пушки, главнымъ же калибромъ были 36-фунтовыя чугунныя пушки. Въ этомъ отношеніи мы имѣли перевѣсъ надъ нашимъ противникомъ, который

Корабль „Императрица Марія“ въ Синопскомъ бою.

зато имѣлъ возможность дѣйствовать противъ нашихъ деревянныхъ судовъ каленными ядрами съ береговыхъ батарей.

Сильная русская эскадра, сосредоточенная для атаки Синопскаго рейда, отличалась однимъ большимъ недостаткомъ — полнымъ отсутствіемъ пароходовъ; и въ этомъ отношеніи Османъ-паша, имѣвшій въ своемъ распоряженіи два парохода, изъ которыхъ одинъ („Таифъ“) батарейный, съ 20 орудіями, находился въ лучшемъ положеніи сравнительно со своимъ противникомъ.

---

[1]) Подробную вѣдомость смотрѣть въ приложеніяхъ къ 1 тому. Пестичъ (Морск. Сб. 1889 г., кн. 2) считаетъ 738 орудій.

Обращаясь къ личному составу обѣихъ сторонъ, остается только повторить сказанное выше о славномъ Черноморскомъ флотѣ и его доблестномъ адмиралѣ. Въ тѣсной, сплоченной въ одно цѣлое дружной семьѣ моряковъ высокое и вполнѣ сознательное чувство исполненія своего долга, любовь къ Царю и родинѣ и гордость своимъ флагомъ отличали не только офицерскій составъ: они проходили красной нитью отъ адмирала до послѣдняго матроса и служили залогомъ успѣха. Руководители Черноморскаго флота путемъ многолѣтнихъ неустанныхъ работъ не только не дали заглохнуть этому природному чувству русскаго народа, но старались поддержать, развить такой священный въ воинѣ огонь, обративъ его въ сознательно понимаемое, а потому и особенно сильное чувство исполненія своего долга. Обожаніе своего адмирала, дружба всего командnаго элемента и отличная техническая подготовка довершали остальное.

Со стороны нашихъ противниковъ — извѣстный мусульманскій фанатизмъ, не имѣвшій здѣсь, въ морскомъ бою, обычной силы электрическаго тока, личная храбрость, въ особенности при оборонѣ, но въ значительной дозѣ уменьшаемая дѣйствіемъ не на сухомъ пути, и полное отсутствіе спайки между высшими и низшими, между офицерами и матросами придавали эскадрѣ Османа-паши свою типичную физіономію.

Мы выше уже разсмотрѣли мѣры, предпринятыя Нахимовымъ для обезпеченія успѣха Синопскаго сраженія путемъ сосредоточенія возможно большихъ силъ, развѣдки средствъ противника и мѣстности предстоящаго боя, а также постояннымъ наблюденіемъ за нимъ.

Канунъ сраженія адмиралъ Нахимовъ провелъ въ обдумываніи плана предстоящей атаки и въ передачѣ своихъ распоряженій эскадрѣ.

Тактическіе взгляды Павла Степановича были приведены выше; въ морскомъ дѣлѣ лучшей тактикой онъ считалъ „близкое „разстояніе отъ непріятеля и взаимную помощь другъ другу“. Очевидно, что такой способъ дѣйствій онъ предполагалъ примѣнить и въ Синопскомъ сраженіи. Такимъ образомъ, весь маневръ сводился къ подходу на самое близкое разстояніе съ возможно меньшими потерями отъ непріятельскаго огня во время движенія, къ быстрому и сноровистому развертыванію судовъ въ боевую линію и къ постановкѣ ихъ въ положеніе, удобное для рѣшительнаго дѣйствія противъ непріятеля и для взаимной помощи

другъ другу. Но, кромѣ этого боевого плана, обстоятельства требовали обратить вниманіе и на возможныя въ бою случайности, въ особенности потому, что Османъ-паша имѣлъ въ своихъ рукахъ пароходы, которыхъ совершенно не было у Нахимова. Турецкій пароходъ „Таифъ“ имѣлъ бы, при желаніи энергично дѣйствовать, полную возможность занять во время боя позицію, позволявшую ему безнаказанно обстрѣливать часть нашихъ судовъ продольнымъ огнемъ.

Планъ атаки, составленный Павломъ Степановичемъ, по своей простотѣ, ясности и обдуманности, вполнѣ удовлетворялъ выше приведеннымъ условіямъ.

Въ ночь съ 16 на 17 ноября наша эскадра находилась въ 22 миляхъ отъ Синопа, въ ночь съ 17 на 18 число она приблизилась на 10 миль. Отсюда собственно должно было начаться движеніе для атаки Синопскаго рейда. Владѣя моремъ, Нахимовъ имѣлъ полную возможность двинуться на Синопскій рейдъ въ юго-восточномъ, южномъ и юго-западномъ направленіяхъ. Павелъ Степановичъ рѣшилъ приблизиться въ юго-восточномъ направленіи. Такое направленіе, кромѣ условій вѣтра, было особенно выгодно въ томъ отношеніи, что наша эскадра, почти до постановки на якорь, подвергалась, въ виду дугообразнаго расположенія турецкихъ судовъ, огню лишь 62 орудій (западнаго фаса); при движеніи въ южномъ направленіи она подвергалась бы огню 127 орудій и въ юго-западномъ направленіи — огню 154 орудій восточнаго фаса судовъ. Что же касается до участія въ дальнемъ обстрѣливаніи береговыхъ батарей, то при всѣхъ трехъ направленіяхъ оно было почти одинаково.

Нахимовъ назначилъ подходъ эскадры въ двухъ колоннахъ, развертываніе, самое быстрое, по переднимъ кораблямъ въ обѣ стороны. Для противодѣйствія турецкимъ пароходамъ адмиралъ отдѣлилъ два бывшихъ въ его распоряженіи фрегата, „Кагулъ“ и „Кулевчи“, какъ суда, болѣе подвижныя и несшія менѣе сильную, но вполнѣ достаточную для борьбы съ пароходами артиллерію. Онъ рѣшилъ держать во время боя эти фрегаты подъ парусами.

Въ самомъ бою начальнику эскадры трудно держать ее въ своихъ рукахъ: здѣсь начинаются уже самостоятельныя дѣйствія командировъ судовъ. Поэтому Нахимовъ поставилъ флагманскіе корабли въ головѣ колоннъ; этимъ достигалось и извѣстное нравственное воздѣйствіе на эскадру, и, кромѣ того,

Павелъ Степановичъ оставлялъ въ своихъ рукахъ рѣшеніе весьма важнаго вопроса о мѣстѣ постановки эскадры на якорь.

Разбирая внимательно весь планъ дѣйствій адмирала Нахимова, нельзя не отдать ему справедливости, что все имъ было обдумано, все соображено, и успѣхъ дѣла былъ подготовленъ до мельчайшихъ подробностей.

Въ десять часовъ утра 17 ноября, воспользовавшись нѣсколько прояснившеюся погодою, адмиралъ собралъ на кораблѣ „Императрица Марія“ второго флагмана и всѣхъ командировъ и ознакомилъ ихъ со своими предположеніями. Въ одиннадцать часовъ на эскадрѣ читался уже приказъ Нахимова для атаки турецкаго флота, стоявшаго на Синопскомъ рейдѣ [1]).

Адмиралъ, передавая диспозицію, по которой суда должны для боя стать на якорь, прежде всего подтверждалъ въ приказѣ свое непремѣнное требованіе становиться въ возможно близкомъ отъ непріятеля разстояніи, однако, не менѣе, какъ на 10 саженной глубинѣ. Давъ далѣе необходимыя техническія указанія, Нахимовъ перешелъ къ изложенію своихъ боевыхъ требованій. Онъ приказывалъ немедленно прекращать огонь по судамъ, которыя спустятъ флаги, и переносить его на суда, еще сопротивляющіяся, и на береговыя батареи, которыя, по словамъ Нахимова, несомнѣнно будутъ продолжать дѣйствовать, даже если бы съ турецкимъ флотомъ дѣло и было покончено. Огонь приказывалось открывать по второму адмиральскому выстрѣлу, если со стороны непріятеля не будетъ оказано никакого сопротивленія; въ противномъ случаѣ каждое судно открываетъ огонь, соображаясь съ обстоятельствами. Приказавъ, по возможности, не вредить консульскихъ домовъ, адмиралъ въ заключеніе высказывалъ свою мысль, что всѣ предварительныя наставленія могутъ при перемѣнившихся обстоятельствахъ затруднить знающаго свое дѣло командира, а потому, кончалъ Нахимовъ, „я предоставляю каждому совершенно независимо дѣйствовать по усмотрѣнію своему, но непремѣнно исполнить свой долгъ. Государь Императоръ и Россія ожидаютъ славныхъ подвиговъ отъ Черноморскаго флота — отъ насъ зависитъ оправдать ожиданія“.

Въ то время, какъ эскадра Нахимова проводила канунъ сраженія въ подготовкѣ къ бою, генералъ-адъютантъ Корниловъ спѣшилъ изъ Севастополя съ тремя пароходами на помощь Павлу

---

[1]) Приказъ № 157. См. приложеніе № 53.

Степановичу. Судьба, однако, какъ увидимъ ниже, не дала ему возможности раздѣлить славныя лавры Нахимова. Досадное волненіе и противные вѣтры замедлили приходъ пароходовъ къ Синопу.

II.

Прошелъ канунъ Синопскаго боя. Неторопливо, спокойно и безъ всякой суеты обдумалъ адмиралъ свой несложный по исполненію, но рѣшительный по результатамъ планъ дѣйствій. Онъ велъ или къ полной побѣдѣ или къ геройской гибели нашихъ судовъ; другого выхода не предвидѣлось ни въ мысляхъ адмирала, ни въ той краткости, простотѣ и опредѣленности, которыя отличали его приказанія, ни, наконецъ, въ сердцахъ и волѣ всей команды, до послѣдняго матроса включительно. Сорокадневное безпрерывное пребываніе на стражѣ русскихъ интересовъ въ бурномъ морѣ, безплодные труды и лишенія, понесенные въ это продолжительное плаваніе, а, главное, набиравшееся капля за каплей горькое чувство оскорбленія и вѣроломныхъ поступковъ, сознательно понимаемое офицерами и инстинктивно воспринимаемое всей сильной духомъ сѣрой массой, были тому ручательствомъ.

Синопское сраженіе.

Кратко и опредѣленно передалъ адмиралъ свои приказанія о предстоящемъ боѣ командирамъ судовъ. Въ скромной каютѣ корабля „Императрица Марія“ не было произнесено ни громкихъ фразъ, ни бьющихъ по нервамъ перловъ эффектнаго краснорѣчія— не въ этомъ заключалась нравственная мощь Павла Степановича; знатокъ сердца человѣческаго, онъ двигалъ своихъ сподвижниковъ на дѣла неимовѣрныя однимъ скромнымъ: „Надо сдѣлать“ или: „Я рѣшилъ атаковать“ и могъ быть увѣреннымъ въ

исполненіи его краткаго приказа всей мощью тѣхъ тысячъ людей [1]), которые многолѣтними совмѣстными трудами слились съ своимъ обожаемымъ адмираломъ въ одно тѣло и въ одну душу.

Несуетливо, въ порядкѣ обыденныхъ занятій, готовили капитаны свои суда и команды къ предстоящему на завтра бою, пока зашедшее солнце и спускъ флаговъ, долженствовавшихъ вновь подняться въ ореолѣ блестящей побѣды, не прекратили будничной дѣятельности эскадры.

При свѣжемъ брамсельномъ вѣтрѣ суда Нахимова спокойно провели ночь въ 10½ миляхъ къ сѣверо-востоку отъ Синопскаго перешейка [2]).

Негостепріимно встрѣтило нашу эскадру утро 18 ноября. Дождь, сильная пасмурность и самый неблагопріятный для успѣха дѣла юго-восточный, дувшій шквалами, вѣтеръ привѣтствовали будущихъ побѣдителей Синопа. При этомъ вѣтрѣ овладѣніе непріятельскими судами представлялось крайне затруднительнымъ; они могли легко выбрасываться на берегъ, что съ нашей стороны вызывало необходимость ихъ полнаго уничтоженія.

Съ утра жизнь на эскадрѣ началась своимъ обычнымъ порядкомъ. Ожиданіе боя не нарушало ея мирнаго теченія; на всѣхъ судахъ закипали котлы съ матросскими щами, обычно суетилась прислуга каютъ-кампаній и лишь рѣдкіе сигналы съ „Императрицы Маріи“ напоминали о предстоящемъ дѣлѣ.

Приказавъ судамъ держаться при движеніи одинъ отъ другого въ разстояніи 150 саженей и приготовиться стать на якорь со шпрингами [3]), а фрегату „Кулевчи“ держаться лѣвѣе колонны Новосильскаго, адмиралъ Нахимовъ въ девять часовъ утра поднялъ сигналъ къ спуску гребныхъ судовъ, а въ половинѣ десятаго, отслуживъ на судахъ молебенъ [4]), эскадра въ двухъ колоннахъ, имѣя въ головѣ „Императрицу Марію“, подъ флагомъ Нахимова, и „Парижъ“, подъ флагомъ Новосильскаго, неслась, постепенно прибавляя хода, къ Синопскому рейду, съ гордо развѣвающимися на брамъ-стеньгахъ [5]) національными флагами. Около

---

[1]) Всего на судахъ, участвовавшихъ въ Синопскомъ сраженіи, кромѣ пароходовъ, находилось строевыхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ 5576 человѣкъ и нестроевыхъ 371 человѣкъ. Никол. Центр. Арх., оп. 66, д. № 2, св. 1.

[2]) Шханочный журналъ корабля „Парижъ“.

[3]) Приспособленіе для постановки корабля на якорь въ желаемомъ положеніи; безъ этого онъ на якорѣ всегда обращается носомъ къ вѣтру.

[4]) Е. Богдановичъ: „Синопъ“, стр. 79.

[5]) Продолженіе мачтъ кверху.

десяти часовъ утра адмиралъ поднялъ сигналъ „Приготовиться къ бою“, но на судахъ все было уже готово, и спокойные духомъ черноморцы въ одиннадцать часовъ по обыкновенію сѣли за обѣдъ [1]).

Черезъ полчаса обѣдъ былъ оконченъ, на судахъ ударили тревогу; мгновенно всѣ были на своихъ мѣстахъ, и орудія въ декахъ заряжены каждое двумя ядрами [2]). На салингахъ [3]) стояли офицеры для наблюденія за непріятелемъ и за правильнымъ направленіемъ огня своихъ судовъ [4]).

Дождь пересталъ, туманъ отнесло отъ берега, какъ бы вся природа оживилась, и въ двухъ съ половиною миляхъ отъ стройно несшейся эскадры открылся Синопскій рейдъ со стоящими на немъ турецкими судами. Страшная суета, поднявшаяся среди непріятеля, должна была еще болѣе подкрѣпить нашу увѣренность въ побѣдѣ. Торопливые сигналы, снующія во всѣхъ направленіяхъ шлюпки, разводимые пароходами пары и безпорядочныя группы турецкихъ солдатъ, бѣжавшихъ къ береговымъ батареямъ, представляли ту знакомую картину зачатка пораженія эскадры Османа-паши еще до начала самаго дѣла, которая по достоинству должна была быть оцѣнена опытнымъ взоромъ черноморскаго моряка.

Въ противовѣсъ этому въ русской эскадрѣ, когда, казалось бы, видъ суетливаго непріятельскаго рейда долженъ былъ внести извѣстную горячность, царило полное, величавое спокойствіе. Каждый строго исполнялъ свое дѣло, взглядывая на адмиральскій корабль. Флагманскіе корабли подошли уже на высоту батареи № 1, когда на „Императрицѣ Маріи“ взвился сигналъ— это былъ моментъ истиннаго полдня, который адмиралъ не упустилъ, по существующему обычаю, показать своей эскадрѣ даже при такой исключительной боевой обстановкѣ. Въ этомъ ничтожномъ повидимому фактѣ замѣчательно краснорѣчиво выразились не только полное спокойствіе и нравственная мощь адмирала, но и полная увѣренность его въ своей эскадрѣ, вся система его боевого воспитанія.

Въ то же время оба флагманскіе корабля взяли для атаки турецкаго флота направленіе на его центральныя суда, и эскадра

---

[1]) Шханочный журналъ корабля „Парижъ“.
[2]) Тамъ же.
[3]) Продольные и поперечные бруски на вершинѣ стеньги.
[4]) Е. Богдановичъ: „Синопъ“, стр. 80.

безъ выстрѣла продолжала нестись къ своей цѣли, постепенно уменьшая паруса для постановки на якорь.

Въ свою очередь турки безъ выстрѣла ожидали приближенія нашей эскадры, и лишь въ половинѣ перваго, когда суда наши были на самомъ близкомъ разстояніи, выстрѣлъ съ турецкаго флагманскаго фрегата „Ауни-Аллахъ“ нарушилъ гробовое молчаніе и далъ сигналъ къ бою. Почти моментально всѣ непріятельскія суда и батареи окутались дымомъ, и градъ снарядовъ полетѣлъ съ фронта и фланга на наши корабли, стойко продолжавшіе свое движеніе до дистанціи, указанной диспозиціей. Турецкій огонь, направленный преимущественно противъ обоихъ флагманскихъ кораблей, былъ очень мѣтокъ и еще до постановки на якорь нанесъ серьезное поврежденіе рангоуту и стоячему такелажу корабля „Императрица Марія“, большая часть которыхъ была перебита, а у гротъ-мачты оставалась только одна нетронутая ванта. Корабль „Императрица Марія“, имѣя вѣтеръ съ кормы и проходя вдоль судовъ лѣваго фаса турецкой эскадры, открылъ батальный огонь по этимъ судамъ и, не задерживая хода, смѣло продолжалъ приближаться къ флагманскому фрегату. Въ полутораста саженяхъ отъ него, на глубинѣ 15 саженей былъ отданъ якорь, и нашъ корабль направилъ самый сильный огонь по своему противнику.

Корабль „Парижъ“ шелъ рядомъ съ „Императрицей Маріей“ и на ходу не отвѣчалъ на сильный огонь турокъ. Одновременно и рядомъ съ послѣднимъ онъ сталъ на якорь, спокойно принялъ удобное для боя положеніе и открылъ всѣмъ лѣвымъ бортомъ огонь по ближайшимъ турецкимъ судамъ. На всѣ эти эволюціи „Парижу“ потребовалось только $4\frac{1}{2}$ минуты времени.

Сзади слѣдовавшіе корабли шли на свои мѣста, обмѣниваясь выстрѣлами съ прибрежными батареями, и постепенно бросали якоря на разстояніи 150—180 саженей отъ турецкихъ судовъ. Фрегаты „Кагулъ“ и „Кулевчи“ остались подъ парусами.

Съ этой минуты руководство боемъ со стороны адмирала должно было почти прекратиться. Каждый корабль дѣйствовалъ самостоятельно, строго руководствуясь преподаннымъ наставленіемъ драться на самомъ близкомъ разстояніи и помогать другъ другу.

Фрегатъ „Ауни-Аллахъ“ не выдержалъ и получасового огня нашего корабля „Императрица Марія“ и, отклепавъ цѣпи, бросился на берегъ у батареи № 6, не спуская, впрочемъ, своего флага. Слѣдуетъ замѣтить, что во время этого боя нашъ корабль выдерживалъ огонь не только „Ауни-Аллаха“, но и близъ него

расположенныхъ 44 пушечнаго фрегата „Фазли-Аллаха“ (бывшій русскій „Рафаилъ“) и 24 пушечнаго корвета „Неджми-Фешана“. Но командиръ „Маріи“, капитанъ Барановскій, не разбрасывалъ своего огня по всѣмъ тремъ противникамъ, а сосредоточенно поражалъ ихъ поочередно. Покончивъ съ „Ауни-Аллахъ“, онъ началъ дѣйствовать исключительно по фрегату „Фазли-Аллаху“, который, загорѣвшись, послѣдовалъ вскорѣ примѣру своего флагмана и выбросился на берегъ близъ самаго города, у мола.

На кораблѣ „Императрица Марія“ пробили, выведя изъ строя стоявшія противъ него суда, отбой и повернули его для дѣйствія какъ противъ батарей № 5, такъ и по судамъ, съ большимъ ожесточеніемъ сопротивлявшимся колоннѣ контръ-адмирала Новосильскаго. Но въ этомъ содѣйствіи надобности не представилось: „вторая колонна дѣйствовала превосходно“ [1]).

Корабль „Парижъ“, ставшій, какъ извѣстно, на якорь рядомъ съ кораблемъ „Императрица Марія“, открылъ страшный батальный огонь по батареѣ № 5, по 22 пушечному корвету „Гюли-Сефидъ“ и по 56 пушечному египетскому фрегату „Даміадъ“. Черезъ полчаса „Гюли-Сефидъ“ взлетѣлъ на воздухъ, „Даміадъ“ отброшенъ на берегъ. Продольно обстрѣлявъ дрейфовавшій въ это время мимо „Парижа“ фрегатъ „Ауни-Аллахъ“, командиръ „Парижа“, капитанъ Истоминъ, перемѣнилъ направленіе судна и сталъ бить второй флагманскій 64 пушечный фрегатъ „Низаміе“. Къ двумъ часамъ дня и этотъ фрегатъ сдрейфовалъ къ берегу и вскорѣ былъ охваченъ пламенемъ. Неутомимый командиръ „Парижа“, выведя въ теченіе полуторочасового боя изъ строя три непріятельскихъ судна и не имѣя противъ кого дѣйствовать, вновь измѣнилъ свое направленіе и открылъ огонь первоначально по батареѣ № 5, вредившей нашему кораблю „Три Святителя“, а когда она замолчала, то по батареѣ № 6.

Всѣ дѣйствія капитана Истомина были такъ разсчитаны, такъ спокойны, увѣрены и сообразованы съ обстановкой, а работа экипажа до того сноровиста, что Нахимовъ, стоявшій съ неизмѣнной трубой на палубѣ корабля „Императрица Марія“, даже въ пылу битвы не могъ не залюбоваться молодецкой работой лихого корабля. „Нельзя было не залюбоваться“, доносилъ онъ [2]), „прекрасными и хладнокровно разсчитанными дѣйствіями корабля

---

[1]) Слова донесенія П. С. Нахимова.
[2]) Тамъ же.

„Парижъ"; я приказалъ изъявить ему свою благодарность во время „самаго сраженія, но не на чѣмъ было поднять сигнала — всѣ „фалы были перебиты". Адъютантъ Павла Степановича, лейтенантъ Острино, былъ посланъ на шлюпкѣ передать молодецкому экипажу благодарность любимаго начальника [1]).

Корабль „Великій Князь Константинъ", слѣдуя въ правой колоннѣ, подвергся на ходу сильному огню турецкихъ судовъ и батарей, но, несмотря на это, безостановочно двигался до дистанціи картечнаго выстрѣла и бросилъ якорь въ интервалѣ между крайними судами лѣваго фланга турецкой эскадры — 60-пушечными фрегатами „Навекъ-Бахри" и „Несими-Зеферъ". Командиръ корабля, капитанъ 2-го ранга Ергомышевъ, открылъ сильный батальный огонь какъ по этимъ судамъ, такъ и по батареѣ № 4. Черезъ двадцать минутъ фрегатъ „Навекъ-Бахри" при громовомъ крикѣ „ура" съ „Константина" взлетѣлъ на воздухъ, осыпавъ обломками и тѣлами батарею № 4, которая временно прекратила огонь. Поворотившись на шпрингѣ, „Константинъ" началъ бить фрегатъ „Несими-Зеферъ" и 24-пушечный корветъ „Неджми-Фешанъ". Черезъ нѣсколько минутъ оба эти судна были выброшены на берегъ, фрегатъ — противъ греческаго предмѣстья, у остатковъ мола, и корветъ — у батареи № 5. Передъ нашимъ кораблемъ не оставалось больше цѣлей, и около двухъ часовъ дня на немъ ударили отбой.

Корабль „Чесма", бросившій якорь за „Великимъ Княземъ Константиномъ", первоначально содѣйствовалъ этому послѣднему въ пораженіи „Навекъ-Бахри", а потомъ направилъ свой огонь противъ батарей №№ 3 и 4 и срылъ ихъ до основанія.

Бой кораблей правой нашей колонны прекратился, такъ какъ турецкія суда были окончательно выведены изъ строя, не спуская, однако, своихъ флаговъ. Массовое бѣгство ихъ экипажей на шлюпкахъ на берегъ служило указаніемъ, что они не намѣрены болѣе сопротивляться, и, дѣйствительно, по первому требованію парламентеровъ, остатки экипажей спускали флаги своихъ судовъ.

Положеніе нашей лѣвой колонны было болѣе опасное, и здѣсь всѣ три корабля отличались въ соревнованіи оказанія взаимной помощи. Вслѣдъ за „Парижемъ", дѣйствія котораго уже были разобраны, сталъ на якорь въ 180 саженяхъ отъ непріятеля корабль „Три Святителя", подъ командой капитана 1-го ранга

---

[1]) Шханочный журналъ корабля „Парижъ".

Кутрова. Едва онъ успѣлъ дать два залпа по фрегатамъ 54 пушечному „Каиди-Зеферъ“ и 64 пушечному „Низаміе“, а также по батареѣ № 6, какъ у него перебило шпрингъ; повернувшись по вѣтру, „Три Святителя“ подвергся мѣткимъ продольнымъ выстрѣламъ батареи № 6, сильно повредившимъ его рангоутъ.

Англичанинъ Слэдъ (Мушаверъ-паша).

Положеніе корабля, впредь до новой правильной его установки, становилось критическимъ. Мичманъ 32 флотскаго экипажа Варницкій, находившійся съ самаго начала дѣла на полубаркасѣ и уже однажды раненый, сталъ молодецки работать со своими людьми надъ завезеніемъ верпа [1]). Упавшее въ полубаркасъ ядро раздробило его и вновь ранило мичмана Варницкаго. Несмотря на боль отъ раны, офицеръ этотъ быстро перескочилъ на баркасъ, и черезъ нѣсколько минутъ „Три Святителя“ опять былъ готовъ къ бою.

Онъ вновь сталъ очень хорошо дѣйствовать по стоявшимъ противъ него судамъ и въ особенности по фрегату „Каиди-Зеферъ“, который въ скоромъ времени бросился къ берегу. Въ половинѣ четвертаго часа дня „Три Святителя“ прекратилъ огонь за отсутствіемъ передъ нимъ цѣлей.

Корабль „Ростиславъ“ сталъ на якорь вслѣдъ за „Тремя Святителями“. Капитанъ 1-го ранга Кузнецовъ отлично помѣстилъ этотъ корабль противъ наносившей сильное пораженіе его сосѣду батареи № 6, имѣя въ то же время возможность дѣйствовать и противъ крайнихъ турецкихъ судовъ — 24 пушечнаго корвета „Фейзи-Меабудъ“ и извѣстнаго уже фрегата „Низаміе“. „Ростиславъ“ первоначально открылъ огонь по болѣе сильному „Низаміе“, но, видя, что „Парижъ“ легко справляется съ этимъ фрегатомъ, онъ перенесъ самый быстрый огонь на корветъ „Фейзи-

[1]) Приспособленіе для постановки корабля на якорь со шпрингомъ.

Меабудъ“ и батарею № 6, серьезно вредившую кораблю „Три Святителя“. Въ скоромъ времени корветъ былъ выброшенъ на берегъ, батарея же наносила „Ростиславу“ сильный вредъ, дѣйствуя противъ него съ самаго близкаго разстоянія, между прочимъ, и калеными ядрами. Одно изъ такихъ ядеръ зажгло кокора, и начавшійся пожаръ грозилъ серьезной опасностью крюйтъ-камерѣ — горящія части занавѣси, ограждавшей подачу картузовъ, падали въ люки крюйтъ-камернаго выхода. Отъ вѣрной гибели „Ростиславъ“ былъ спасенъ находчивостью и храбростью мичмана Колокольцова, который успокоилъ испуганную команду, заперъ двери и съ полнымъ хладнокровіемъ началъ тушить горящіе обрывки занавѣси.

Находившіяся противъ кораблей нашей лѣвой колонны турецкія суда дѣйствовали болѣе энергично, чѣмъ суда, бывшія противъ правой колонны. Расположенныя подъ прикрытіемъ огня сильной и хорошо работавшей батареи № 6, суда эти, даже сброшенныя къ берегу и отчасти горѣвшія, продолжали дѣйствовать по нашимъ кораблямъ, преимущественно направляя огонь свой противъ рангоута и нанося ему существенный вредъ. Ожиданіе турками помощи отъ ихъ западныхъ доброжелателей, на которую они въ правѣ были разсчитывать, видимо, возбуждало въ нихъ желаніе сдѣлать наши корабли не способными къ движенію. „Ростиславу“ удалось, однако, въ пятомъ часу дня заставить замолчать и послѣднія турецкія суда, а также и батарею № 6, послѣ чего и на нашемъ кораблѣ пробили отбой.

Но этимъ главнымъ эпизодамъ Синопскаго сраженія предшествовало нѣсколько второстепенныхъ, имѣвшихъ мѣсто въ самомъ началѣ боя.

Почти единственнымъ представителемъ парового флота на Синопскомъ рейдѣ былъ 20 пушечный батарейный турецкій пароходъ „Таифъ“, подъ командой англичанина Слэдъ. Какъ только былъ обнаруженъ подходъ нашей эскадры, пароходъ этотъ началъ разводить пары и съ первыми выстрѣлами бѣжалъ съ мѣста битвы. Онъ направился вдоль турецкихъ судовъ, ловко проскользнувъ между кораблемъ „Ростиславъ“ и батареею № 6. Выйдя съ рейда, „Таифъ“ наткнулся на наши фрегаты „Кагулъ“ и „Кулевча“, которые находились подъ парусами и немедленно погнались за уходившимъ пароходомъ. „Таифъ“, лежавшій сначала на юго-западъ, началъ безпрестанно мѣнять курсъ, то останавливая машину, то поочередно давая ходъ впередъ и назадъ, пока, наконецъ,

выбравъ удобную минуту, пустилъ машину полнымъ ходомъ впередъ и, обмѣнявшись съ фрегатами нѣсколькими выстрѣлами, быстро вышелъ изъ сферы ихъ огня. Но этимъ не кончились приключенія „Таифа“.

Около полудня отрядъ нашихъ пароходовъ, подъ флагомъ Корнилова, подходилъ къ Синопскому мысу. Вскорѣ дымъ и звуки орудійныхъ выстрѣловъ указали, что эскадра Нахимова вступила уже въ бой. Приказавъ пароходамъ держаться соединенно, Корниловъ на „Одессѣ“ полнымъ ходомъ двинулся въ направленіи на мысъ Пахіосъ. Между тѣмъ огонь все разгорался, и пароходы увидали пѣнящееся по сѣверную сторону перешейка море отъ нашихъ снарядовъ, въ изобиліи падавшихъ туда. Надо было быть въ то время на мостикѣ „Одессы“, чтобы оцѣнить всѣ терзанія энергичнаго адмирала, жаждавшаго оказать помощь эскадрѣ Нахимова.

Но вотъ и со стороны турокъ замѣтили приближеніе нашихъ пароходовъ, и батарея № 1 привѣтствовала ихъ безрезультатнымъ по дальности огнемъ.

Въ это же время, безъ нѣсколькихъ минутъ въ два часа дня, „Таифъ“, ускользнувъ отъ нашихъ фрегатовъ, показался на виду отряда пароходовъ Корнилова. „Одесса“ быстро взяла курсъ наперерѣзъ бѣглецу, и адмиралъ сигналомъ приказалъ остальнымъ пароходамъ поставить „Таифъ“ въ два огня. Черезъ четверть часа „Одесса“ сблизилась уже съ противникомъ на дальность выстрѣла бомбическаго орудія и открыла по турецкому пароходу огонь изъ бомбическихъ пушекъ, а потомъ и изъ пушко-каронадъ. „Таифъ“ не замедлилъ отвѣтомъ, и между нимъ и „Одессой“ началось артиллерійское состязаніе, нанесшее поврежденіе обоимъ судамъ. „Крымъ“ и „Херсонесъ“ бросились, вслѣдъ за „Одессой“, въ погоню за турецкимъ пароходомъ, но малый ходъ ихъ, въ особенности уменьшенный еще постановкой тяжелыхъ орудій, не позволилъ этимъ пароходамъ поставить сильнаго „Таифа“ въ два огня; они ограничились лишь дальней стрѣльбой по бѣглецу изъ носовыхъ орудій. Около двухъ часовъ продолжалась безрезультатная погоня за „Таифомъ“, пока вновь пошедшій дождь и туманъ не скрыли его отъ нашихъ пароходовъ, которые послѣ этого взяли курсъ на Синопскій рейдъ.

Тамъ, къ тремъ часамъ дня, бой въ общемъ былъ уже оконченъ, такъ какъ турецкой эскадры болѣе не существовало. Прибитыя къ берегу уцѣлѣвшія суда, хотя и не спускали флаговъ и

продолжали изрѣдка стрѣлять, но видно было, какъ ихъ экипажи цѣлыми толпами покидали свои суда. Адмиралъ Нахимовъ тотчасъ приказалъ пріостановить стрѣльбу и отправилъ мичмана Манто парламентеромъ въ городъ, съ приказаніемъ объявить мѣстному начальству о немедленномъ прекращеніи огня съ берега, такъ какъ наша эскадра пришла только для истребленія турецкихъ военныхъ судовъ и не желаетъ вредить городу. Но Синопскій губернаторъ бѣжалъ изъ города при первыхъ нашихъ выстрѣлахъ, и парламентеръ, пробывши болѣе часа на берегу, не могъ исполнить даннаго ему порученія; онъ не нашелъ не только никого изъ мѣстнаго начальства, послѣдовавшаго вслѣдъ за губернаторомъ, но даже и жителей, разбѣжавшихся по деревнямъ. А между тѣмъ съ батарей № 5 и № 6 еще около часа продолжалась рѣдкая стрѣльба каленными ядрами, пока эти батареи не были окончательно срыты огнемъ „Парижа“ и „Ростислава“.

Въ 4 часа дня отрядъ пароходовъ вошелъ на Синопскій рейдъ, и громовое „ура!“ Корнилова и его команды привѣтствовало побѣдителей.

Непріятельскія суда, брошенныя на берегъ, были въ самомъ бѣдственномъ состояніи. Фрегаты „Фазли-Аллахъ“ (бывшій „Рафаилъ“), „Низаміе“ и „Каиди-Зеферъ“, корветъ „Неджми-Фешанъ“ и пароходъ „Эрекли“, повидимому, были зажжены своими экипажами и взрывались на воздухъ одинъ за другимъ. Транспорты и купеческія суда затонули отъ попавшихъ въ нихъ ядеръ, и мѣста ихъ указывались лишь торчащими изъ воды верхушками мачтъ. Взрывы „Фазли-Аллаха“ и „Неджми-Фешана“ покрыли горящими обломками турецкій городъ, и начавшійся пожаръ, разносимый вѣтромъ и никѣмъ не тушимый, охватилъ весь городъ и продолжалъ бушевать до ухода нашей эскадры.

Пароходы немедленно приступили къ отводу нашихъ кораблей въ безопасное мѣсто, а также къ отводу угрожавшихъ имъ своими взрывами турецкихъ судовъ.

Всю ночь продолжалась молодецкая работа экипажей по приведенію своихъ сильно избитыхъ кораблей въ состояніе, возможное для перехода въ Севастополь.

Дождливая, вѣтреная ночь, огромное зарево горящаго Синопа, служившее на большое разстояніе отличнымъ маякомъ, послѣдовательные взрывы турецкихъ судовъ, аккомпанируемые

залпами разрывавшихся снарядовъ, и шумъ работы на нашихъ корабляхъ—все это смѣшивалось въ одну грандіозную, но ужасную картину.

19-го числа по Синопскому рейду плавали лишь обломки не существовавшей болѣе турецкой эскадры Османа-паши.

III.

Въ Синопскомъ сраженіи, въ которомъ, по словамъ Августѣйшаго генералъ-адмирала, флагманы, капитаны и подчиненные имъ офицеры выказали и знаніе своего дѣла и непоколебимую храбрость, а нижніе чины дрались, какъ львы [1]), мы потеряли убитыми одного офицера (корпуса штурмановъ прапорщикъ Высота) и 36 нижнихъ чиновъ и ранеными 7 офицеровъ (командиръ корабля „Императрица Марія“ капитанъ 2 ранга Барановскій, мичманъ Зубовъ, Костыревъ, Варницкій, корпуса штурмановъ штабсъ-капитанъ Родіоновъ и прапорщикъ Плонскій и корпуса морской артиллеріи поручикъ Антипенко) и 209 нижнихъ чиновъ; суда потерпѣли очень серьезныя поврежденія, въ особенности въ рангоутѣ; артиллерія пострадала незначительно: было подбито 13 орудій и свыше 10 станковъ. Самыя сильныя поврежденія понесли корабли „Императрица Марія“, „Ростиславъ“, получившій 64 пробоины, „Три Святителя“ и „Вел. Кн. Константинъ“, получившій 119 пробоинъ. Но эти потери окупились огромными результатами Синопской битвы. Береговыя батареи были срыты, турецкая эскадра перестала существовать въ полномъ смыслѣ этого слова, израненный Османъ-паша, 2 капитана и свыше 200 человѣкъ были взяты въ плѣнъ; число же погибшихъ турокъ всѣми источниками опредѣляется отъ трехъ до четырехъ тысячъ человѣкъ. Къ сожалѣнію, благодаря отчасти близкому сосѣдству турецкой эскадры къ городу, а также происшедшимъ отъ частыхъ взрывовъ пожарамъ и охватившей населеніе паникѣ, была почти совершенно уничтожена и турецкая часть города.

Такими результатами, кромѣ блестящихъ дѣйствій нашихъ экипажей, выпустившихъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ на самомъ близкомъ разстояніи около 16.800 снарядовъ, при чемъ стрѣльба

---

[1]) Всеподданнѣйшій докладъ за 1853 годъ.

отличалась большой мѣткостью, мы обязаны и превосходству нашей артиллеріи. Въ то время, какъ наши корабли „Вел. Кн. Константинъ“ и „Парижъ“ имѣли на вооруженіи 68 фунтовыя бомбовыя пушки, наибольшій калибръ турецкихъ судовъ былъ 32 фунтовыя орудія. Отношеніе вѣса чугуна, выбрасываемаго съ одного борта нашими и турецкими судами можно приблизительно принять, какъ 3 къ 2. Но въ этомъ бою эскадрѣ Нахимова приходилось принимать еще во вниманіе и огонь береговыхъ батарей со столь опасной для деревяннаго флота стрѣльбой каленными ядрами. Серьезныя поврежденія, полученныя нашими судами, являются лучшимъ доказательствомъ, что въ Синопскомъ бою адмиралъ Нахимовъ имѣлъ болѣе сильнаго въ матеріальномъ отношеніи противника, чѣмъ это старалась доказать враждебная намъ западная печать.

Кончился бой, но не окончилось опасное положеніе, въ которомъ находилась наша эскадра. Вдали отъ собственныхъ портовъ, при наличности лишь трехъ слабыхъ пароходовъ, ей, въ большинствѣ лишенной возможности самостоятельно двигаться, приходилось пройти въ бурную осеннюю погоду все Черное море, ежеминутно ожидая встрѣчи съ флотами западныхъ державъ, которые могли туда войти.

При такихъ условіяхъ нельзя было терять ни минуты времени, и, вслѣдъ за окончаніемъ боя, на всѣхъ судахъ закипѣла, пожалуй, болѣе трудная, чѣмъ самый бой, работа по исправленію поврежденій.

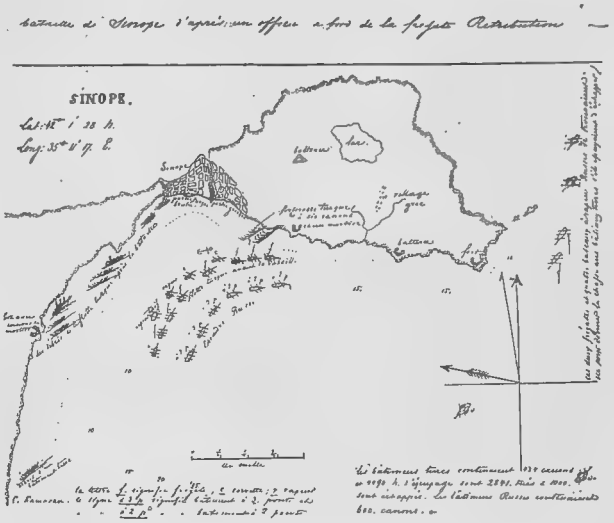
„Конечно“, доносилъ по этому поводу адмиралъ Нахимовъ, „только неутомимая ревность къ службѣ и знаніе мор„ского дѣла офицеровъ и нижнихъ чиновъ могли въ полу„тора сутокъ поставить эскадру, потерпѣвшую капитальныя по„врежденія въ корпусѣ, рангоутѣ, такелажѣ и парусахъ, въ „состояніе предпринять плаваніе въ глубокую осень черезъ все „Черное море“.

Тридцать шесть часовъ непрерывной работы сдѣлали свое дѣло, и къ утру 20 ноября наши корабли могли начать свой небезопасный путь въ Севастополь. Избитаго героя Синопскаго дня, корабль „Императрица Марія“, съ котораго Нахимовъ перенесъ свой флагъ на „Вел. Кн. Константинъ“, буксировалъ пароходъ „Крымъ“ при конвоѣ фрегатовъ „Кагулъ“ и „Кулевча“; всѣ остальные корабли, за исключеніемъ „Парижа“ и „Чесмы“, также шли на буксирахъ пароходовъ. 22 ноября, послѣ труднаго

плаванія, побѣдные корабли вновь увидали родной Севастопольскій рейдъ [1]).

Передъ уходомъ изъ Синопа Нахимовъ обратился со слѣдующимъ письмомъ къ единственному тамъ офиціальному представителю европейскихъ державъ, австрійскому консулу.

„Господинъ консулъ! [2]) Позвольте мнѣ обратиться къ вамъ, „какъ къ единственному представителю Европы, флагъ котораго „я вижу поднятымъ, „и черезъ васъ сообщить властямъ несчастнаго города Синопа ту исключительную цѣль, которая привела суда Императорскаго флота на его рейдъ.



Планъ Синопскаго сраженія (набросокъ англійскаго офицера, сдѣланный черезъ день послѣ сраженія).

„Узнавъ, что непріятельскія суда, слѣдовавшія къ Абхазскимъ берегамъ для возмущенія подвластныхъ Россіи народностей, укрылись на Синопскомъ рейдѣ, я былъ вынужденъ къ печальной необходимости ихъ уничтожить, съ рискомъ нанести вредъ городу и его укрѣпленіямъ.

„Я вполнѣ сочувствую печальной судьбѣ города и невинныхъ жителей, такъ какъ только упорное сопротивленіе турецкихъ судовъ и огонь батарей принудили меня прибѣгнуть къ ядрамъ, какъ къ единственному средству заставить ихъ замолчать. Но несомнѣнно, что самый большой вредъ городу причи-

---

[1]) Донесеніе в.-ад. Нахимова о Синопскомъ боѣ (Никол. арх., кн. оп. 15, оп. 66, д. № 2, св. 1); всеподданнѣйшіе отчеты Вел. Кн. Константина Николаевича за 1853 г. (Арх. Мор. Мин., воен. пох. канц. и канц. ген.-адм.); дневникъ А. Б. Асланбекова (Музей Севастопольской обороны); записки к.-ад. Афанасьева (тамъ же); Арх. Мор. Мин., Орд. ч. 1855 г., д. № 65, Канц. Мин., 1854 г., д. № 13935, статьи Пестича (Мор. Сбор. 1892 г., кн. 8, и 1889 г., кн. 2), Синопскій бой (Рус. Арх. 1878 г., кн. 11), Записки Севастопольца (Рус. Арх. 1867 г.), Вахтенные журналы участвовавшихъ въ бою судовъ (Николаев. Черном. Арх.) и др.

[2]) Переводъ съ французскаго.

„нили горящіе остатки турецкихъ судовъ, зажженныхъ большею „частью самими экипажами.

„Я отправилъ, какъ только огонь непріятеля мнѣ это поз- „волилъ, парламентера въ городъ, чтобы объяснить властямъ мои „истинныя намѣренія, но онъ пробылъ тамъ цѣлый часъ, никого „не найдя.

„Вчера въ теченіе цѣлаго дня никто не появлялся, за исклю- „ченіемъ нѣсколькихъ грековъ, выдавшихъ себя за депутатовъ „одноплеменныхъ имъ жителей города, которые меня просили „взять ихъ на суда. Мои инструкціи ограничивались только дѣй- „ствіями противъ турецкихъ военныхъ судовъ, и поэтому я напра- „вилъ этихъ несчастныхъ къ европейскимъ консуламъ.

„Теперь я покидаю рейдъ и обращаюсь къ вамъ, какъ къ „представителю дружественной державы, разсчитывая на вашу „услугу сдѣлать извѣстнымъ, что Императорская эскадра не имѣла „никакого враждебнаго намѣренія ни противъ города, ни даже „противъ Синопскаго порта“ [1]).

Князь А. С. Меншиковъ не остался особенно доволенъ этимъ письмомъ. Извѣщая графа Нессельроде о Синопскомъ сраженіи [2]), онъ, между прочимъ, сообщалъ ему, что Нахимовъ имѣлъ приказаніе щадить порты и прибрежные населенные пункты, а потому, какъ бы въ оправданіе себя, и отправилъ вышеприведенное письмо. „Я хотѣлъ бы видѣть его иначе редактирован- „нымъ“, кончалъ князь Александръ Сергѣевичъ, „но дѣло уже „сдѣлано“.

Наврядъ ли князь Меншиковъ имѣлъ нравственное право сваливать всю вину за погромъ Синопа на Павла Степановича. Отправляя ему приказаніе истребить въ Синопѣ первоначально предполагаемые тамъ два фрегата [3]), онъ долженъ былъ разсчитывать на то, что роковая случайность, какъ это и произошло въ дѣйствительности, можетъ заставить пострадать и городъ.

20 ноября Севастополь, не подозрѣвая свершившейся побѣды, торжественно праздновалъ день восшествія на престолъ Государя Императора; но мысли севастопольцевъ находились далеко, по ту сторону бушующаго Чернаго моря, около славныхъ именъ Нахимова и Корнилова.

---

[1]) Гос. Арх., разр. III, д. № 124.
[2]) Письмо отъ 21 ноября 1853 г. Тамъ же.
[3]) См. выше.

Въ городѣ думали, что именно къ этому дню пріурочатъ давно желанную побѣду надъ турками. Каково же было удивленіе севастопольцевъ, когда уже на слѣдующій день, около 11 часовъ вечера, на рейдѣ раздалось громовое „ура!“. То былъ первый вѣстникъ Синопской побѣды „Громоносецъ“, на котораго въ пути пересѣлъ генералъ-адъютантъ Корниловъ, и команда котораго своими кликами извѣщала городъ о радостной вѣсти. Съ разсвѣтомъ весь городъ бѣжалъ на пристань узнать о подробностяхъ Синопской побѣды. Въ 8 часовъ утра взвился на „Громоносцѣ“ флагъ, и вновь раздалось „ура!“, которому громко вторили эскадра контръ-адмирала Вульфа и унизанные жителями прибрежные холмы Севастополя.

Черезъ нѣсколько часовъ показались корабли побѣдной эскадры, ведомые на буксирахъ пароходовъ. Впереди, какъ и въ Синопскомъ бою, шелъ совершенно израненный корабль „Императрица Марія“. Въ отвѣтъ на салютъ эскадры Вульфа „Марія“ подняла свой избитый флагъ.

На всѣхъ мыскахъ рейда загремѣло могучее „ура!“, шапки полетѣли вверхъ, и общему ликованію не было конца. Восторженность встрѣчи нѣсколько опечалилась распоряженіемъ князя Меншикова объ объявленіи побѣдоносной эскадры, какъ пришедшей отъ турецкихъ береговъ, на карантинномъ положеніи и прекращеніи всякаго сношенія ея съ берегомъ. Три дня невольнаго ареста выдержали Синопскіе герои!

„25 ноября выпустили, наконецъ, эскадру изъ карантина“, пишетъ одинъ изъ современниковъ [1]), „и побѣдители съѣхались „къ князю Меншикову съ рапортомъ. Они были оскорблены „холоднымъ пріемомъ; по второму слову онъ заговорилъ о жел„тыхъ рубахахъ—вѣчно со штуками!... 29-го, въ воскресенье, „былъ съѣздъ въ Михайловскую церковь для благодарственнаго „молебна. Князь сказался больнымъ—также штучки!“

Холодный пріемъ князя Александра Сергѣевича былъ съ избыткомъ возмѣщенъ ликованіями и празднествами въ честь Синопскихъ побѣдителей, устроенными всѣми сословіями Севастополя.

Въ Зимній дворецъ первое извѣстіе о Синопскомъ боѣ привезъ ночью 28 числа адъютантъ князя Меншикова, подполковникъ Сколковъ, свидѣтель славнаго подвига нашихъ моряковъ.

---

[1]) Дневникъ А. Б. Асланбекова (рукоп. отд. Севастопольскаго Музея).

Своей радостью Государь торопился немедленно подѣлиться съ окружающими; не былъ забытъ и гвардейскій экипажъ, который въ этотъ день занималъ въ Зимнемъ дворцѣ караулъ. На другое утро торжественныя молебствія, большой выходъ, колокольный звонъ и пушечная пальба, а вечеромъ иллюминація возвѣстили жителямъ столицы почти объ одновременныхъ побѣдахъ князя Андронникова близъ Ахалцыха и Нахимова на Синопскомъ рейдѣ.

Это были первыя радостныя извѣстія послѣ многихъ мѣсяцевъ печали и тревоги, и давно Императора Николая не видали такимъ веселымъ, какъ въ день 29 ноября.

„До какой степени я обрадованъ былъ“, писалъ онъ въ тотъ же день князю Меншикову [1]), „радостною вѣстью славнаго „Синопскаго сраженія, не могу довольно тебѣ выразить, любезный „Меншиковъ! Оно меня осчастливило столько же важностью „послѣдствій, которыя, вѣроятно, имѣть будутъ на дѣла наши „на Черноморской береговой линіи, но почти столько же потому, „что въ геройскомъ дѣлѣ семъ вижу, что за духъ, благодаря „Бога, у насъ въ Черноморскомъ флотѣ господствуетъ отъ адми„рала до матроса; увѣренъ, что при случаѣ, отъ чего Боже „упаси, но и Балтійскіе товарищи не отстанутъ. Это моему „сердцу отрадно и утѣшительно среди всякаго горя.... Напиши „мнѣ, каково нашимъ раненымъ, пришли списокъ увѣчнымъ и „раздай безрукимъ и безногимъ по 100 рублей каждому, а ежели „и тяжкіе больные есть, то и больше, по твоему усмотрѣнію“ [2]).

Одновременно съ этимъ Государь и офиціальнымъ рескриптомъ на имя князя Меншикова [3]) выражалъ свое особое удовольствіе Черноморскому флоту.

„Съ искреннею сердечною радостью“, писалъ Государь, „поручаю вамъ сказать храбрымъ морякамъ нашимъ, что я благо„дарю ихъ за подвигъ, совершенный для славы Россіи и для „чести Русскаго флага. Я съ удовольствіемъ вижу, что Чесма не „забывается въ русскомъ флотѣ, и что правнуки достойны своихъ „прадѣдовъ“.

Виновникъ торжества, Павелъ Степановичъ Нахимовъ, получилъ при милостивомъ рескриптѣ орденъ св. Георгія Побѣдоносца 2-й степени, на всѣхъ же остальныхъ участниковъ Синопскаго боя награды посыпались той широкой волной, которая

---

[1]) Письмо отъ 29 ноября 1853 г.
[2]) См. Приложеніе № 54.
[3]) Рескриптъ отъ 29 ноября 1853 г.

отличала щедрость Императора Николая въ воздаяніи за боевыя заслуги, независимо отъ того, кѣмъ бы онѣ ни были сдѣланы. Огромные столбцы современныхъ событію офиціальныхъ извѣстій наполнены списками награжденныхъ за Синопъ.

Наравнѣ со своимъ Царемъ всколыхнулась могучей радостью и вся Россія, узнавъ о блестящихъ побѣдахъ на Кавказѣ и Черномъ морѣ. Темныя тучи и непроницаемая мгла, которыми были окутаны всѣ политическіе переговоры по Восточному вопросу, лишь неяснымъ отголоскомъ доходившіе до всеобщаго свѣдѣнія, распространили среди русскаго общества какой-то гнетъ. Въ воздухѣ чувствовалось приближеніе грозы, что вмѣстѣ съ неясностью обстановки и сбивчивой неопредѣленностью сообщеній, выходившихъ изъ канцеляріи графа Нессельроде, погрузило всю Россію въ тяжелое, мрачное настроеніе. Радостное извѣстіе о блестящихъ побѣдахъ на Черномъ морѣ и на Кавказѣ электрической искрой пробѣжало по всѣмъ слоямъ русскаго общества, въ которомъ замѣтно поднялись бодрость духа и надежда на блестящее окончаніе всѣхъ недоразумѣній.

„Вы не можете себѣ представить“, писалъ военный министръ, князь Долгоруковъ, князю Меншикову [1]), „счастье, которое всѣ „испытывали въ Петербургѣ по полученіи извѣстія о блестящемъ „Синопскомъ дѣлѣ. Это поистинѣ замѣчательный подвигъ, и ваше „сердце должно радоваться, вспоминая о немъ. Дай Богъ, чтобы „оно принесло намъ выгодныя послѣдствія“ [2]).

Восторгъ Россіи выразился цѣлою массою патріотическихъ стихотвореній, пожертвованій и празднествъ [3]); многіе изъ молодежи, начиная съ лучшихъ семей (два брата князья Голицыны, Римскій-Корсаковъ и др.), пожелали принять участіе въ войнѣ и поступили нижними чинами въ разные полки [4]); слава Нахимова распространилась по всей Россіи, и имя его сдѣлалось народнымъ не только среди родныхъ ему черноморцевъ.

Въ Петербургѣ особенный энтузіазмъ всего общества выразился при постановкѣ пьесы „Синопъ“, на которой перебывалъ весь городъ. Сама пьеса, занесъ въ свои записки одинъ изъ современниковъ [5]), волненіе, охватившее публику, и всеобщій

---

[1]) Письмо отъ 4 декабря 1853 г. Арх. Воен. Уч. Ком. Гл. Шт., Отд. 2, д. № 4254.
[2]) Переводъ съ французскаго.
[3]) „Сборникъ Извѣстій“ Путилова, кн. 2.
[4]) „Воспоминанія С. М. Загоскина“. Истор. Вѣст. 1900 г., кн. 4.
[5]) „Воспоминанія кн. Эмилія Витгенштейна“, Рус. Ст. 1900 г., кн. 4.

восторгъ такъ подѣйствовали, что у многихъ, и въ особенности у моряковъ, которыхъ въ театрѣ было множество, почти все время на глазахъ были слезы. Появленіе на сценѣ портрета адмирала Лазарева вызвало особый взрывъ энтузіазма. „При каждомъ словѣ, „касавшемся Императора или славы русскаго флота, при каждомъ „разсказѣ объ его теперешнихъ или прежнихъ подвигахъ со всѣхъ „сторонъ раздавался громъ рукоплесканій, столь единодушныхъ, „что, казалось, будто рукоплещетъ одинъ человѣкъ".

Но на ряду съ этимъ общимъ ликованіемъ наши правительственныя сферы были озабочены почти неминуемой войной съ Англіей и Франціей.

Извѣстіе о Синопской побѣдѣ поразило западную Европу, какъ громовымъ ударомъ. Покровителями Турціи она была принята, какъ оскорбленіе народной чести. Превратное понятіе о нашемъ Черноморскомъ флотѣ, который усиленными стараніями періодической прессы представлялся существовавшимъ только на бумагѣ, и присутствіе въ Босфорѣ морскихъ силъ Англіи и Франціи, открыто оберегавшихъ неприкосновенность Порты Оттоманской, были тому причиной.

„Мы, въ Англіи", писалось въ главномъ органѣ Сити [1]), „привыкли съ пренебреженіемъ смотрѣть на русскій флотъ и „любоваться турецкимъ, потому что онъ руководимъ англійскими „офицерами. Однако, часть русскаго флота держалась въ морѣ „нѣсколько дней въ такую ужасную погоду, въ которую ни турки, „ни австрійскіе пароходы не смѣли показываться на морѣ. Неужели „эти русскіе матросы тѣ самые трусливые новобранцы изъ евреевъ, „о которыхъ намъ натолковали? Боевой ихъ порядокъ въ Синоп- „скомъ дѣлѣ былъ удивительный. Въ продолженіе часа одиннад- „цать кораблей были потоплены, подняты на воздухъ или сож- „жены. Такого совершеннаго истребленія и въ такое короткое „время никогда еще не бывало. Неравенство силъ хотя и можетъ „объяснить это нѣкоторымъ образомъ, но не вполнѣ. Русскіе по- „казали, что имъ извѣстны всѣ новѣйшія усовершенствованія „артиллеріи, и ужасное дѣйствіе новой методы никогда еще не „было доказано такъ хорошо".

Официальный англійскій историкъ этой войны [2]) всю вину Синопскаго погрома возлагаетъ на великобританскаго посла въ

---

[1]) Times отъ 9 января н. ст. 1854 г.
[2]) Kinglake, т. 2, стр. 36.

Константинополѣ, знаменитаго лорда Стратфорда. „Способность „сосредоточивать всю свою энергію“, говоритъ онъ, „на одной „отрасли дѣйствій была однимъ изъ свойствъ Редклифа, которая „дѣлала его сильнымъ на дипломатическомъ полѣ; но, какъ ка„жется она же мѣшала ему слѣдить за тѣмъ, что выходило изъ „этой сферы“.

Лордъ Стратфордъ, донося своему правительству объ уничтоженіи турецкаго флота [1]), объяснялъ слѣдующими причинами свое бездѣйствіе: „Недостовѣрность свѣдѣній (о нашемъ флотѣ), „желаніе возможно болѣе избѣжать разрыва, прибытіе новаго

Раненый Османъ-паша
(съ рисунка карандашемъ Айвазовскаго).

„французскаго посла и время года были достаточными причинами, „которыя заставили меня не рисковать отправкой флота въ Черное „море въ осеннюю пору“.

Справедливо замѣчаетъ Кинглаке [2]), что такія отговорки, при наличности приведенной выше угрожающей депеши Сампсона и призыва Османа-паши, не могли удовлетворить общественнаго мнѣнія страны.

2 (14) декабря извѣстіе о Синопскомъ дѣлѣ достигло Лондона и Парижа. Французское правительство, по словамъ своего министра иностранныхъ дѣлъ, почувствовало всю горечь погрома, произведеннаго, такъ сказать, подъ дулами орудій англійскаго и французскаго флотовъ [3]). Если бы, говоритъ Кинглаке, англійская публика знала, что Синопскій погромъ былъ слѣдствіемъ непринятія ея правительствомъ и константинопольскимъ посланникомъ очевидныхъ мѣръ предосторожности, то немедленное паденіе министерства было бы неминуемо. Необходимо было спасать

---

[1]) Отъ 4 декабря н. ст. Eastern papers, т. 2, стр. 311.
[2]) Томъ 2, стр. 37.
[3]) Eastern papers, томъ 2, стр. 299.

самихъ себя и для того, чтобы дать выходъ общественному негодованію, надо было найти виновнаго. И такой виновный былъ найденъ въ лицѣ Императора Николая. Свободная пресса свободной страны додѣлала свое дѣло.

Нельзя поэтому не отнестись съ особымъ сочувствіемъ къ правдивымъ словамъ цитированнаго выше англійскаго офиціальнаго историка, который еще во время общаго предубѣжденія противъ поведенія въ этомъ дѣлѣ нашего Государя взывалъ къ несправедливости такого упрека.

„Петербургское правительство было освѣдомлено", пишетъ онъ [1]), „что не только одинъ Дунай сдѣлался театромъ военныхъ „дѣйствій, но что турки завладѣли также русскимъ постомъ „св. Николая, что на восточномъ берегу Чернаго моря, и атако„вали русскихъ на Кавказѣ. Послѣ воинственныхъ демонстрацій „подобнаго рода нельзя, по справедливости, претендовать, что „Россія воспользовалась своимъ правомъ взорвать на воздухъ „корабли своего противника. Необходимо равномѣрно признать, „что разгромъ турецкой эскадры не былъ выполненъ втихомолку, „но англійскій народъ, не знавшій всѣхъ обстоятельствъ и впер„вые услыхавшій о русскомъ флотѣ въ минуту полученія извѣстія „о Синопскомъ погромѣ, предполагалъ, что ударъ былъ нанесенъ „съ той тайной поспѣшностью, которая отличаетъ кулакъ убійцы. „Онъ былъ очень раздраженъ для того, чтобы обсудить вопросъ „спокойно и справедливо. Отвратить, такимъ образомъ, вниманіе „отъ ошибокъ правительства и привлечь общественное мнѣніе къ „болѣе обширному плану мести, было дѣломъ не труднымъ. „Министровъ, посланниковъ и адмираловъ оставили въ покоѣ, но „кипучее желаніе возмездія неправильно выбрало своей жертвой „Императора Николая".

Одинъ изъ современниковъ той эпохи, Фицтумъ-фонъ-Экштедтъ, такъ характеризуетъ въ своихъ интересныхъ воспоминаніяхъ значеніе Синопской побѣды [2]): „Ни Наполеону, ни лорду „Стратфорду, ни даже Пальмерстону не удалось бы разбудить „укачиваемаго манчестерской школой въ мирныхъ иллюзіяхъ ан„глійскаго народа къ этой безсмысленной войнѣ кита съ медвѣ„демъ, если бы второй Наваринъ не возбудилъ народныхъ массъ... „Когда телеграфъ сообщилъ о совсѣмъ неожиданномъ событіи, что

---

[1]) Kinglake, томъ 2, стр. 41.
[2]) Стр. 66. Переводъ съ нѣмецкаго.

„русскіе корабли оставили Севастополь, врасплохъ напали на ту-„рецкій флотъ у Синопа и истребили его, тогда эта вѣсть, какъ „искра, воспламенила воинственный пылъ англійскаго народа, тѣмъ „болѣе, что морскія сраженія сильнѣе всего возбуждаютъ само-„мнѣніе современныхъ венеціанцевъ. Нападеніе у Синопа является „точкой поворота, сдѣлавшей, совмѣстно съ другими факторами, „войну неизбѣжной. Тогда уже не было преградъ; друзья мира „скоро замолкли, и пресса на всѣ лады повторяла свои любимыя „темы объ опасности, которая грозитъ европейской цивилизаціи „отъ русскаго варварства".

Не вдаваясь въ политическія подробности, скажемъ здѣсь, что слѣдствіемъ такого настроенія англійскаго общества было рѣшеніе немедленно ввести въ Черное море флоты западныхъ державъ.

Событіе это предвидѣлось и съ нашей стороны.

„Ежели точно англичане и французы войдутъ въ Черное „море", писалъ Государь князю Меншикову [1]), „съ ними драться „не будемъ, а пусть они отвѣдаютъ нашихъ батарей въ Сева-„стополѣ, гдѣ ты ихъ примешь съ салютомъ, какого они, можетъ, „и не ожидаютъ. Высадки не опасаюсь, а, ежели бы позднѣе и „была, то, кажется, и теперь отбить ихъ можно; въ апрѣлѣ же „будемъ имѣть всю 16-ю дивизію съ ея артиллеріей, бригаду „гусаръ и конную батарею. Болѣе, чѣмъ нужно, чтобы заставить „ихъ дорого поплатиться".

Съ своей стороны графъ Нессельроде также давалъ князю Меншикову совѣты о будущихъ дѣйствіяхъ на Черномъ морѣ.

„Къ несчастью", писалъ онъ [2]), „мы не имѣемъ въ Черномъ „морѣ достаточныхъ силъ, чтобы бороться, съ надеждой на „успѣхъ, съ соединенными флотами Англіи, Франціи и оставшихся „кораблей турокъ. Давъ этимъ послѣднимъ почувствовать въ „блестящемъ Синопскомъ дѣлѣ наше превосходство, нашъ слав-„ный Черноморскій флотъ можетъ, мнѣ кажется, почить на сво-„ихъ лаврахъ, не рискуя вступать въ очень неравную борьбу" [3]).

О послѣдовавшемъ рѣшеніи западныхъ державъ ввести флоты въ Черное море сообщилъ князю Горчакову нашъ посолъ въ Вѣнѣ баронъ Мейендорфъ телеграммой отъ 9 (21) декабря [4]).

---

[1]) Письмо отъ 29 ноября 1853 г. См. приложеніе № 54.
[2]) Отъ 24 декабря 1853 г., Госуд. Арх., разр. III, д. № 124.
[3]) Переводъ съ французскаго.
[4]) Арх. Воен. Уч. Ком. Гл. Шт., д. № 2453.

При этомъ указывалось, что морскія силы англичанъ и французовъ не начнутъ враждебныхъ дѣйствій противъ насъ, но должны мѣшать повторенію Синопской катастрофы или вообще атакѣ нашимъ флотомъ какого-либо турецкаго порта.

Дальнѣйшая печальная участь Черноморскаго флота предрѣшалась, такимъ образомъ, самой судьбой.

Таковы были стратегическія и политическія послѣдствія Синопскаго боя. Онъ очистилъ Черное море отъ турецкаго флота, но онъ же порвалъ послѣднюю нить надежды на мирную развязку того Гордіева узла, который запутался на политическомъ горизонтѣ Европы.

Парусный Черноморскій флотъ со славой пропѣлъ свою лебединую пѣснь и со славой выполнилъ свою вѣковую задачу быть грозой Порты Оттоманской; не его вина, что политическая система графа Нессельроде еще съ 1841 года открыла, на случай войны съ Турціей, свободный проходъ въ его родныя волны флотамъ могущественныхъ морскихъ державъ, бороться съ которыми онъ не предназначался.

Послѣ уничтоженія большей части турецкаго флота на Синопскомъ рейдѣ активная дѣятельность черноморцевъ на морѣ прекратилась. Для флота, по сложившейся политической обстановкѣ, въ ближайшемъ будущемъ не предвидѣлось какихъ-либо важныхъ наступательныхъ задачъ, да, кромѣ того, ожиданіе неминуемаго входа въ Черное море сильной англо-французской эскадры окончательно отстраняло въ высшихъ правительственныхъ сферахъ всякую мысль объ активномъ дѣйствіи нашего Черноморскаго флота.

Съ тѣхъ поръ главная задача, поставленная нашему флоту, заключалась въ защитѣ, въ виду ожидаемаго разрыва съ западными державами, Севастопольскаго рейда и въ приведеніи въ порядокъ пострадавшихъ въ Синопѣ кораблей [1]).

Второстепенная задача заключалась въ крейсерованіи у восточныхъ береговъ Чернаго моря для охраны и возможнаго содѣйствія укрѣпленіямъ Черноморской береговой линіи.

Хотя начальникъ этой линіи, вице-адмиралъ Серебряковъ, и просилъ неоднократно объ усиленіи крейсеровавшихъ близъ нея судовъ, но Императоръ Николай взглянулъ на это дѣло иначе.

---

[1]) Письмо Императора Николая къ князю Меншикову 29 ноября 1853 г. См. приложеніе № 54.

Государь признавалъ желательнымъ снаряженіе въ море сильной эскадры, ежели бы въ Батумѣ или гдѣ-либо по сосѣдству была вновь обнаружена турецкая эскадра, имѣвшая цѣлью экспедицію къ нашимъ Кавказскимъ берегамъ. Государь находилъ въ такомъ случаѣ необходимымъ нанести ей такой же ударъ, какой былъ нанесенъ на Синопскомъ рейдѣ, послѣ чего вновь вернуться въ Севастополь. Но такой эскадры у турокъ уже не существовало въ Черномъ морѣ, „развѣ“, писалъ Государь [1]), „придетъ новая или пароходная; „это было бы опаснѣе, ибо не „полагаю, чтобы нашихъ парохо„довъ достало однихъ съ ними „раздѣлаться“. При существовавшихъ же условіяхъ Императоръ Николай полагалъ достаточнымъ для крейсерованія у восточныхъ береговъ Чернаго моря уже бывшаго тамъ отряда судовъ контръ-адмирала Вукотича.

Редклифъ, получающій извѣстіе о Синопѣ (современная англійская карикатура).

Еще до полученія этого письма князь Меншиковъ снарядилъ, подъ флагомъ контръ-адмирала Панфилова, отрядъ изъ пароходо-фрегатовъ „Крымъ“, „Одесса“ и „Херсонесъ“ для производства рекогносцировки Кавказскихъ береговъ [2]). На пароходахъ этихъ увеличили артиллерію, которая, такимъ образомъ, на каждомъ состояла изъ двухъ 84 фунт. бомбическихъ пушекъ, поставленныхъ на носу и кормѣ, и десяти 24 фунт. пушко-каронадъ [3]).

5 декабря отрядъ Панфилова вышелъ въ море и въ теченіе декабря мѣсяца обошелъ, совмѣстно съ эскадрой контръ-адмирала Вукотича, весь восточный берегъ Чернаго моря, обстрѣлялъ постъ св. Николая и спустился до Батума. Присутствія турецкихъ судовъ нигдѣ обнаружено не было.

---

[1]) Письмо Императора Николая къ князю Меншикову 29 ноября 1853 г. См. приложеніе № 54.

[2]) Арх. Мор. Мин.

[3]) Дневникъ А. Б. Асланбекова (рукоп. отд. Севаст. Музея).

Въ день Рождества Христова на виду Севастополя впервые появился сильный англійскій пароходъ. Прибытіе давно жданнаго гостя заставило суда наши, стоявшія на рейдѣ въ полной готовности, приготовиться къ бою. Николаевская батарея двумя боевыми выстрѣлами своевременно остановила излишне любопытствовавшаго англійскаго капитана, который вздумалъ близко подойти къ рейду, и заставила его отойти на должное разстояніе. Пароходъ „Бердянскъ" принялъ отъ пришедшаго „Ретрибюньона" депеши, послѣ чего, обмѣнявшись салютами, англійскій пароходъ ушелъ въ море [1]).

Это было увѣдомленіе о входѣ въ Черное море англо-французской эскадры изъ 18 линейныхъ кораблей и 13 боевыхъ пароходо-фрегатовъ [2]).

Жгучей болью отозвалось это извѣстіе въ сердцахъ черноморцевъ, которые сознавали свое безсиліе въ борьбѣ съ соединеннымъ флотомъ могущественнѣйшихъ морскихъ державъ. Настроеніе ихъ лучше всего выражается слѣдующими строками письма одного изъ выдающихся моряковъ Черноморскаго флота, контръ-адмирала В. И. Истомина.

„Флотъ, какъ изволите видѣть, хоть куда", писалъ онъ своему балтійскому товарищу, перечисливъ силу вошедшихъ въ Черное море иностранныхъ судовъ [3]), „и, признаться, при его „винтовыхъ корабляхъ и пароходахъ довольно грозный. Но пусть „эти неестественные союзники, по какимъ бы то ни было при„чинамъ, разъединятся хотя на малое время, и тогда, надѣюсь, „что въ Англіи отдадутъ справедливость этой новой силѣ нашего „Государя, какъ они изволятъ называть нашъ Черноморскій флотъ. „И это, повѣрьте мнѣ, не хвастовство черномора, а откликъ всего „корпуса офицеровъ здѣшняго флота!"

---

[1]) Вахтенные журналы кораблей „Храбрый", „Парижъ", брига „Язонъ" и др. Никол. Центр. Черном. Арх.

[2]) Рукоп. отд. Севастоп. Музея.

[3]) Письмо отъ 18 января 1854 г. Рукоп. отд. Севаст. Музея.

Глава VII.

I.

Первый выстрѣлъ на Дунаѣ, какъ было сказано выше, раздался 3 октября у Видина, гдѣ турки стрѣляли по нашимъ аванпостамъ, а затѣмъ начали свою переправу у Калафата; 10 октября, также еще до условленнаго начала военныхъ дѣйствій, ими было сдѣлано удачное нападеніе на казачій пикетъ противъ Туртукая. Съ 11-го же числа турки, пользуясь оставшимися у ихъ береговъ лодками, почти ежедневно переплывали небольшими группами, въ 20-40 человѣкъ, Дунай, высаживались, подъ покровомъ темноты или тумана, на нашъ берегъ, сбивали пикеты и уходили обратно. Такіе набѣги производились въ разныхъ пунктахъ, на флангахъ нашей длинной линіи, у Гуро-Яломницы, что близъ Гирсова, у Калафата, и въ центрѣ, близъ Ольтеницы [1]).

Подобныя стычки, не имѣя въ общемъ никакого вліянія на ходъ дѣлъ, тѣмъ не менѣе дѣйствовали очень плохо въ нравственномъ отношеніи на наши войска, которымъ не дано было права отвѣчать такими же набѣгами; туркамъ же, приписывавшимъ нашу неподвижность слабости, они все болѣе и болѣе придавали предпріимчивости. Это заставило князя Горчакова просить разрѣшенія и нашимъ войскамъ дѣлать поиски за Дунай; Государь согласился на испрашиваемую мѣру, но лишь на самое короткое разстояніе и съ соблюденіемъ полной осторожности, чтобы не быть отрѣзанными [2]).

---

[1]) Князь Горчаковъ—военному министру 12 октября 1853 г., № 117 (Арх. Канц. Воен. мин. по снар. в. 1853 г., секр. д. № 47).

[2]) Арх. Канц. Воен. мин. по снар. в. 1853 г., секр. д. № 47.

Между тѣмъ, хотя командующаго войсками наше вѣнское посольство и предупреждало, что Омеру-пашѣ предписано не переходить за Дунай, но мелкія нападенія турокъ и свѣдѣнія, собранныя имъ на мѣстѣ, заставили князя Горчакова нарисовать себѣ слѣдующую картину ближайшихъ дѣйствій турецкой арміи. По его предположенію, первоначально должны были быть брошены черезъ Дунай два корпуса турокъ на обоихъ флангахъ длинной линіи Княжествъ—одинъ, около 20 тысячъ, у Гирсова, а другой, около 30 тысячъ, у Видина; самъ же Омеръ-паша, съ 30-40 тысячами, будетъ ожидать у Рущука, Туртукая и Силистріи, пока дѣйствія фланговыхъ корпусовъ не заставятъ князя Горчакова отдѣлить часть своихъ войскъ, послѣ чего онъ переправится въ одномъ изъ вышеупомянутыхъ пунктовъ для овладѣнія Бухарестомъ [1]).

Такое предположеніе заставило командующаго войсками, спокойнаго, въ виду выдѣленія отряда генерала Фишбаха, за свой правый флангъ, вновь отдать отмѣненное за день передъ этимъ распоряженіе объ образованіи въ Слободзеѣ [2]) отряда графа Анрепа, силою въ 6 баталіоновъ, 10 эскадроновъ, 6 сотенъ и 12 пѣшихъ орудій [3]). Этотъ отрядъ, совмѣстно съ войсками генерала Энгельгарда, расположенными у Браилова, въ достаточной степени обезпечивалъ армію князя Горчакова со стороны Силистріи и, главное, Гирсова, но зато такая мѣра облегчала туркамъ переправу у Ольтеницы, такъ какъ въ составъ отряда графа Анрепа была взята почти вся пѣхота авангарда генерала Павлова. Дѣйствительно, въ случаѣ переправы турокъ у этого пункта, ближайшей пѣхотной частью оказывался одинъ Селенгинскій полкъ, расположенный у с. Добрени, въ 50-ти верстахъ отъ Дуная [4]). Самъ же князь Горчаковъ рѣшилъ оставаться съ 33 баталіонами и 32 эскадронами у Бухареста до выясненія обстановки.

Болѣе энергичныя попытки турокъ перейти черезъ Дунай начались съ нашего праваго фланга, со стороны Калафата. Съ 12-го числа было замѣчено передвиженіе къ сторонѣ Видина значительныхъ непріятельскихъ силъ, а 16-го числа 10 тысячный отрядъ регулярныхъ войскъ быстро переправился въ Калафатъ, занялъ этотъ городъ и, расположивъ войска лагеремъ, принялся за энергичное укрѣпленіе позиціи. Не встрѣчая сопротивленія съ нашей

---

[1]) Кн. Горчаковъ—военному министру 12 октября 1853 г., № 117 (тамъ же).
[2]) См. схему № 6 (въ папкѣ).
[3]) Составъ отряда гр. Анрепа и задачи, на него возлагаемыя, см. въ приложеніи № 55.
[4]) Алабинъ: „Восточная война", т. 2, стр. 91.

стороны, турки выслали впередъ цѣпь своихъ разъѣздовъ, которые начали грабить окрестныя селенія. Генералъ Фишбахъ передвинулъ свой отрядъ къ Краіово и для противодѣйствія грабежу турецкихъ шаекъ выслалъ казачьи разъѣзды, имѣвшіе удачныя съ непріятелемъ схватки. Съ своей стороны князь Горчаковъ предписалъ генералу Фишбаху, въ случаѣ наступленія турокъ къ Краіову, встрѣтить ихъ боемъ; если же они ограничатся укрѣпленіемъ Калафата, то съ нашей стороны выслать лишь летучіе отряды, примѣрно, изъ одного или двухъ дивизіоновъ, приказавъ имъ „дѣйствовать партизанами“ и стараться мелкими удачными стычками препятствовать непріятелю распространяться по странѣ [1]).

Разрушенная часть г. Синопа.

У князя Горчакова къ этому времени уже установился опредѣленный планъ относительно дѣйствій противъ Калафата. „Если я не атакую „ихъ“, дѣлился онъ своими мыслями съ княземъ Меншиковымъ [2]), „то это потому, что въ мой планъ кампаніи „не входитъ отдѣленіе отряда войскъ почти-что на 300 верстъ „отъ Бухареста для того, чтобы драться—почти-что каждую ночь „турки въ разныхъ пунктахъ переходятъ на лѣвый берегъ Дуная, „чтобы нападать врасплохъ на мои посты“. Съ своей стороны генералъ-адъютантъ Коцебу записалъ въ своемъ дневникѣ подъ 17 октября [3]): „Я все утро занимался съ Горчаковымъ, чтобы „убѣдить его отдать приказаніе генералу Фишбаху прогнать турокъ, „но это мнѣ не удалось“.

Такимъ образомъ, относительно цѣли дѣйствій нашихъ войскъ въ Малой Валахіи явилось разномысліе между командующимъ войсками и его начальникомъ штаба, которое, при нерѣшительности

---

[1]) Рапорты ген. Фишбаха отъ 16 и 18 октября, за №№ 91 и 100, предписаніе князя Горчакова 17 октября, № 1689 (Арх. Воен. Уч. Ком. Гл. Шт., отд. 2, №№ 3317 и 3431) и записка князя Горчакова воен. министру 12 октября, № 117 (Арх. Канц. Воен. Мин. по снар. в. 1853 г., секр. д. № 47).

[2]) Письмо отъ 19 октября 1853 г. Арх. Воен. Уч. Ком. Гл. Шт., отд. 2, д. № 4253.

[3]) Рукописный отдѣлъ Севастопольскаго Музея.

характера князя Горчакова, должно было въ будущемъ вылиться въ крайне вредную форму непослѣдовательныхъ распоряженій и разнородныхъ намѣреній на нашемъ правомъ флангѣ.

Занявъ почти одновременно съ дѣйствіями въ Малой Валахіи острова у Силистріи и Туртукая и приступивъ къ ихъ укрѣпленію, турки 20 октября открыли враждебныя дѣйствія и противъ Журжи.

Верстахъ въ двухъ выше этого города, на правомъ—возвышенномъ и утесистомъ берегу Дуная расположена турецкая крѣпость Рущукъ, приводимая въ оборонительное состояніе, какъ усиленіемъ верковъ, такъ и постройкою по берегу Дуная ряда полевыхъ батарей, и сильно занятая войсками. Западный фронтъ крѣпости прикрывался рѣкою Ломъ, впадающею въ Дунай и имѣющею въ своемъ устьѣ глубину, достаточную для укрытаго размѣщенія всей турецкой флотиліи.

Самый Дунай на пространствѣ между Рущукомъ и Журжею перерѣзанъ цѣлымъ рядомъ большихъ лѣсистыхъ острововъ, раздѣленныхъ между собою, а также отдѣленныхъ отъ праваго и лѣваго береговъ Дуная рукавами большей или меньшей ширины, которые называются рѣчками. Наибольшее значеніе по величинѣ и своему положенію имѣли острова Радоманъ, Чарой и Маканъ [1]). Первые два, отдѣленные отъ лѣваго берега рѣчками Кишерой и Веригой, были очень низменны, изрѣзаны узкими затоками и покрыты высокимъ камышемъ; островъ Маканъ лежитъ ниже Журжи и былъ покрытъ густымъ лѣсомъ. Такимъ образомъ, правый, возвышенный берегъ Дуная скрывалъ отъ нашихъ взоровъ передвиженіе турецкихъ войскъ, а лѣсистые острова, совмѣстно съ господствовавшими въ осеннее время туманами, облегчали неожиданную переправу турокъ черезъ рѣку.

Журжа, какъ лежащая на лѣвомъ берегу Дуная, противъ Рущука и на пути къ Бухаресту, имѣла, слѣдовательно, важное стратегическое значеніе, которое и было надлежащимъ образомъ оцѣнено командным элементомъ нашей Дунайской арміи.

Вслѣдъ за боемъ у Исакчи генералъ Данненбергъ, желая дать возможность генералу Соймонову съ бо̀льшимъ успѣхомъ противодѣйствовать попыткамъ турокъ противъ Журжи [2]), усилилъ гарнизонъ этого города 1 баталіономъ, 4 орудіями [3]) и 1 сотней

---

[1]) См. планъ окрестностей Журжева, № 31, стр. 345.

[2]) Военно-историч. журн. войскъ 4 и 5 пѣх. корп. за 1853 г. Арх. В. Уч. Ком. Гл. Шт., отд. 2, д. № 3588.

[3]) 4-й батал. Колыванскаго егерскаго полка и 4 оруд. № 2 батареи 10-й арт. бриг.

казаковъ, переведенныхъ изъ Фратешти и Турбату, а генералъ Соймоновъ съ своей стороны усилилъ упомянутые выше острова цѣлымъ рядомъ батарей и редутовъ, не занятыхъ, впрочемъ, войсками [1]).

Всѣ эти мѣры предосторожности были приняты какъ нельзя болѣе кстати: Омеръ-паша приказалъ, съ цѣлью содѣйствовать

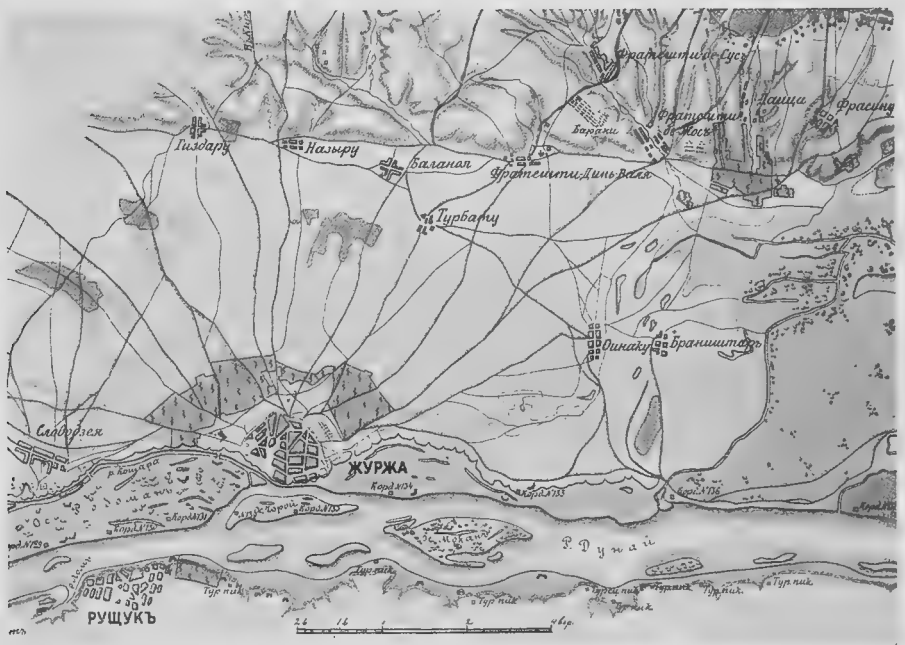


Схема № 31.
Планъ окрестностей г. Журжи..

набѣгу противъ нашего Ольтеницкаго отряда, спуститься части судовъ рущукской флотиліи внизъ по рѣкѣ къ Туртукаю.

20 октября, около полудня, турецкая флотилія въ составѣ 15 двѣнадцативесельныхъ лодокъ, имѣя за собой пароходъ съ галіотомъ, вооруженнымъ тремя орудіями, на буксирѣ, съ посаженными на суда войсками, вышла изъ устья р. Лома и, прикрываясь туманомъ, направилась внизъ по Дунаю. Валахскіе посты на островѣ Чарой замѣтили, благодаря разсѣившемуся туману, флотилію только тогда, когда она проходила мимо этого острова.

---

[1]) На островѣ Радоманъ 4 батареи и 2 редута, на островѣ Чарой 1 батарея и на островѣ Маканъ 2 батареи, на западной и восточной оконечностяхъ острова.

Тотчасъ же изъ лагеря, по тревогѣ, были вызваны 4 орудія 10-й артиллерійской бригады и рота Томскаго егерскаго полка.

Два орудія, расположившись на берегу между островами Чарой и Маканъ, встрѣтили флотилію мѣткимъ огнемъ и заставили ее отойти къ правому берегу; вышедшій вслѣдъ за ней пароходъ съ галіотомъ открылъ по нашимъ орудіямъ огонь, но скоро получилъ рядъ поврежденій, заставившихъ его бросить галіотъ и укрыться у праваго берега за незначительнымъ островомъ Малый Рошу. Между тѣмъ два другія орудія, подъ прикрытіемъ роты Томскаго полка, расположились противъ восточной оконечности острова Маканъ. Турецкій пароходъ, простоявъ около часа на мѣстѣ, сдѣлалъ попытку выйти изъ-за острова, но былъ встрѣченъ такимъ мѣткимъ огнемъ двухъ нижнихъ орудій и роты Томскаго полка, что, сдѣлавъ 18 выстрѣловъ по нашимъ войскамъ, причалилъ, сильно поврежденный, къ правому берегу.

На другой день пароходъ нѣсколько разъ пытался выйти изъ-за острова Маканъ, подъ прикрытіемъ огня изъ Рущука, но всѣ его попытки окончились неудачею. 22-го числа турки заняли островъ отрядомъ въ 200 человѣкъ, съ цѣлью заставить отойти нашу артиллерію отъ берега [1]).

Обнаруживъ почти одновременно свои наступательныя попытки противъ нашего лѣваго фланга и центра, у Гирсова и Журжи, и противъ праваго фланга, у Калафата, турки перешли въ наступленіе и въ ближайшемъ отъ Бухареста пунктѣ, около Ольтеницы.

Противъ этого пункта, въ Туртукаѣ, Омеръ-паша собралъ свыше 15.000 человѣкъ [2]) и прибылъ туда лично для руководства всей операціей. Насколько можно судить, конечная цѣль дѣйствій турецкаго главнокомандующаго у Туртукая не заключалась въ развитіи сильныхъ наступательныхъ операцій къ сторонѣ Бухареста — это не соотвѣтствовало ни общему плану кампаніи, ни собранному Омеромъ-пашею числу войскъ. Умѣлое пользованіе выгодно сложившейся обстановкой, увѣренность въ неприкосновенности для русскихъ праваго берега Дуная, а, главное, желаніе дать своимъ войскамъ возможность пріобрѣсти частный успѣхъ и, можетъ-быть, желаніе утвердить на лѣвомъ берегу рѣки опор-

---

[1]) Журн. воен. дѣйств. (Арх. Канц. Воен. Мин. 1853 г., секр. д. № 82); Воен. истор. журн. войскъ 4 и 5 корп. (Арх. В. Уч. Ком. Гл. Шт., отд. 2, д. № 3588); Арх. Томск. пѣх. полка.

[2]) Точно опредѣлить число турокъ, собранныхъ въ это время у Туртукая, не представляется, въ виду ихъ постояннаго передвиженія, возможнымъ.

ный пунктъ скорѣе всего руководили намѣреніями турецкаго паши. Образованіе такихъ опорныхъ пунктовъ противъ разныхъ концовъ растянутаго расположенія князя Горчакова должно было, какъ это отлично понялъ Омеръ-паша, сбивать съ толку нашего командующаго войсками и отвлекать его вниманіе въ разныя стороны, заставляя исключительно заботиться объ оборонѣ, но не объ активныхъ съ своей стороны дѣйствіяхъ противъ турокъ.

Расположеніе нашихъ войскъ противъ Туртукая, хорошо извѣстное непріятелю, какъ нельзя болѣе соотвѣтствовало наступательнымъ операціямъ турокъ въ этомъ пунктѣ. Рѣдкая цѣпь казачьихъ и валахскихъ пикетовъ, разбросанныхъ по берегу рѣки и поддержанныхъ сотнею донского казачьяго № 34 полка, стоявшею въ двухъ верстахъ отъ Дуная, въ с. Новая Ольтеница [1]) — вотъ все, что мы могли противоставить здѣсь первому натиску турокъ. Ближайшія пѣхотныя части стояли въ Будешти, въ 18 верстахъ отъ Ольтеницы. Справедливыя опасенія, высказанныя по поводу такого расположенія начальникомъ 11-й пѣхотной дивизіи, генераломъ Павловымъ, вызвали со стороны генерала Данненберга приказаніе ждать личныхъ распоряженій корпуснаго командира, который при первомъ выстрѣлѣ въ отрядѣ Павлова прибудетъ къ нему [2]). Сплошные туманы, которые въ теченіе многихъ сутокъ окутывали, не разсѣиваясь, Дунай, съ своей стороны много содѣйствовали успѣху и неожиданности наступательныхъ дѣйствій.

Синопскій рейдъ послѣ сраженія 18 Ноября 1853 года.

Въ ночь съ 19 на 20 октября часть турецкихъ войскъ, находившихся въ Туртукаѣ, скрытно переправилась на островъ, расположенный саженяхъ въ 300-хъ выше впаденія въ Дунай

---

[1]) Всего вмѣстѣ съ пикетами и разъѣздами на пространствѣ между Дунаемъ и Ольтеницею было три сотни донского каз. № 34 полка, съ командиромъ полка полковникомъ Власовымъ во главѣ.

[2]) Алабинъ: „Восточная война", ч. II, стр. 79 и 80.

р. Аржиса [1]), и стукъ топоровъ, доносившійся до Новой Ольтеницы, указалъ, что турки приступили тамъ къ работамъ. Утромъ 20 числа непріятель, пользуясь сильнымъ туманомъ, ввелъ свои лодки въ рукавъ Дуная, отдѣлявшій островъ отъ лѣваго берега рѣки, и своимъ огнемъ заставилъ наши посты очистить берегъ р. Аржиса и каменный карантинъ, находившійся у устья этой рѣки. Разсѣившійся около полудня туманъ позволилъ разглядѣть насыпанную уже турками на восточномъ мысѣ острова батарею на 10 орудій и рядъ ложементовъ для пѣхоты. Генералъ Павловъ поставилъ свой отрядъ, находившійся въ Будештѣ, въ 20 верстахъ отъ пункта переправы, въ ружье, а самъ поѣхалъ по направленію къ Ольтеницѣ. Свѣдѣнія, полученныя по дорогѣ, успокоили начальника лѣваго отряда, и къ вечеру войска вновь расположились въ своихъ лагеряхъ [2]).

Между тѣмъ турки усиленно продолжали переправу на островъ, а съ него и на лѣвый берегъ Дуная, гдѣ около пяти часовъ дня 21 октября безпрепятственно заняли каменный карантинъ [3]), выше котораго, въ 100-150 саженяхъ, навели мостъ на судахъ черезъ р. Аржисъ. При помощи согнанныхъ съ праваго берега Дуная нѣсколькихъ тысячъ болгаръ они начали дѣятельно укрѣплять и вооружать карантинъ, въ то время, какъ турецкая конница неоднократно пыталась захватить и предать грабежу селенія Нов. и Стар. Ольтеницы; эти попытки ея съ успѣхомъ были отражены полковникомъ Власовымъ съ тремя сотнями казаковъ № 34 полка [4]). Къ утру 23-го числа у Ольтеницкаго карантина находилось уже свыше 8000 турецкихъ войскъ [5]), занимавшихъ сильную и искусно укрѣпленную позицію.

Наступленіе турокъ по всей линіи Дуная привело въ сильное смущеніе князя Горчакова. Сознаніе большой лежащей на немъ отвѣтственности, невозможность своевременнаго полученія точныхъ инструкцій и преувеличенныя опасенія на счетъ наступательныхъ намѣреній Омеръ-паши, вообще все тревожное нравственное состояніе престарѣлаго князя высказалось въ слѣдующихъ словахъ

---

[1]) См. планъ сраженія при Ольтеницѣ, № 15, стр. 349.

[2]) Рапортъ ген. Павлова начальнику штаба арміи 20 октября 1853 года, № 206, изъ Будешти (Арх. Воен. Уч. Ком. Гл. Шт., отд. 2, д. № 3317).

[3]) Къ этому времени переправилось около 800 чел. пѣх. и 2 эск. кавалеріи (Донес. ген. Павлова нач. шт. арміи отъ 21 октября 1853 г., № 213. Арх. Воен. Уч. Ком. Гл. Шт., отд. 2, д. № 3317).

[4]) Алабинъ: „Восточная война", ч. II, стр. 96—100.

[5]) Guérin (p. 48) число турокъ у карантина опредѣляетъ въ 9-10/т. человѣкъ.

Схема № 15.
Планъ Ольтеницкаго сраженія.

его письма къ товарищу юности князю Меншикову [1]): „Въ Петер-„бургѣ могутъ только ожидать событій; обстоятельства очень „серьезны. Честь Россіи и неприкосновенность ея границъ въ „настоящее время покоятся лишь на двухъ головахъ: на вашей „и на моей. Будемъ же дѣйствовать по собственному внушенію „и собственными силами, такъ какъ невозможно разсчитывать, „чтобы подкрѣпленія и инструкціи прибыли бы къ намъ во-время... „Со дня на день я ожидаю, что 90.000 фанатиковъ кинутся на „меня сначала изъ Гирсова и Видина, а потомъ изъ Рущука, „Туртукая и Силистріи“ [2]).

Князь Меншиковъ болѣе спокойно относился къ положенію Горчакова и рекомендовалъ военному министру, какъ лучшее средство отбить у турокъ охоту отъ наступательныхъ порывовъ, сильную экспедицію на правый берегъ Дуная, хотя бы и безъ цѣли утвердиться на этомъ берегу [3]). Совѣтъ князя, какъ шедшій въ разрѣзъ съ нашими дипломатическими обѣщаніями, не былъ принятъ во вниманіе.

Какъ только было получено извѣстіе о переправѣ турокъ у Туртукая, то нервность командующаго войсками достигла наибольшихъ предѣловъ. Журжа и Ольтеница — это были два ближайшіе къ Бухаресту пункта, наступленіе со стороны которыхъ грозило немедленнымъ началомъ серьезныхъ боевыхъ столкновеній. Князь Горчаковъ былъ болѣе склоненъ видѣть въ попыткѣ противъ Ольтеницы лишь демонстрацію, ожидая главнаго наступленія со стороны Журжи [4]). Возможность соединенія операцій со стороны этого пункта съ операціями отъ Калафата давали такому предположенію нѣкоторую реальную окраску.

Между командующимъ войсками и командиромъ 4-го корпуса началась дѣятельная переписка, которая не осталась безъ вліянія и на исходъ Ольтеницкаго сраженія.

Генералъ Данненбергъ еще 21-го числа сдѣлалъ распоряженіе о сосредоточеніи отряда генерала Павлова, силою въ 8 батал., 24 пѣш. ор., 6 эск. и 2 к. ор. [5]), изъ Добрени и Негоешти на хорошей позиціи у с. Митрени (Фундени), въ разстояніи около

---

[1]) Отъ 13 (25) октября 1853 г. (Арх. Воен. Учен. Ком. Гл. Шт., отд. 2, д. № 4253).

[2]) Переводъ съ французскаго.

[3]) Письмо отъ 23 октября 1853 г. (Арх. Воен. Учен. Ком. Гл. Шт., отд. 2, д. № 4254).

[4]) Кн. Горчаковъ — ген. Данненбергу 22 октября 1853 г., № 1774 (Арх. Воен. Учен. Ком. Гл. Шт., отд. 2, д. № 3317).

[5]) Якутскій и Селенгинскій пѣх. полки, батарейная № 3 и легкая № 5 батареи 11-й артилл. бриг., 6 эск. Ольвіопольскаго уланск. полка и 2 ор. донской казач. № 9 батареи.

8 верстъ отъ Нов. Ольтеницы, и о производствѣ кавалеріей и конной артиллеріей этого отряда, совмѣстно съ тремя сотнями казаковъ Власова, усиленной рекогносцировки расположенія турокъ у Ольтеницкаго карантина [1]). При этомъ начальнику рекогносцирующаго отряда, полковнику Козлянинову, вмѣнялось въ обязанность „не подвергать отряда по пустому урону", а стараться отступать и навести турокъ на нашу пѣхоту, занявшую удобную позицію; короче, предписывая полковнику Козлянинову опредѣленный образъ дѣйствій, его заблаговременно стѣсняли въ средствахъ къ лучшему достиженію цѣлей рекогносцировки. Генералъ Данненбергъ не придавалъ особаго значенія попыткѣ непріятеля у Ольтеницы, считая ее за демонстрацію, и выражалъ въ письмѣ къ генералу Коцебу [2]) полную увѣренность отбить у турокъ желаніе оставаться на нашей сторонѣ рѣки; это, впрочемъ, не мѣшало ему сожалѣть объ отсутствіи въ двинутомъ противъ Ольтеницы отрядѣ большаго количества войскъ.

Князь Горчаковъ 21-го и 22-го числа отправилъ генералу Данненбергу цѣлый рядъ писемъ и инструкцій, слѣдовавшихъ одно за другимъ положительно черезъ нѣсколько минутъ, съ приказаніями разнорѣчивыми и всегда неопредѣленными. Убѣжденный въ томъ, что у Ольтеницы производится демонстрація, командующій войсками рѣшилъ сосредоточить 12-ю дивизію у Крецешти, ближе къ Журжѣ, со стороны которой ожидалъ главнаго наступленія турокъ, предоставивъ генералу Данненбергу справляться у Ольтеницы лишь съ поименованными выше войсками. „Весьма „было бы желательно", писалъ онъ Данненбергу 21 октября [3]), „воспрепятствовать непріятелю утвердиться на островѣ при Тур- „тукаѣ", и за сотню верстъ сообщалъ длинный и очень подробный рецептъ, какъ это сдѣлать [4]). „Старайтесь опрокинуть непріятеля у „Ольтеницы", сообщалъ онъ 22-го числа [5]); „при несчастіи отсту- „пайте медленно въ направленіи на Крецешти". Черезъ нѣсколько минутъ князь Горчаковъ уже перемѣнилъ свое мнѣніе и находилъ, что „терпѣть турокъ противъ Туртукая на нашемъ берегу никакъ „не слѣдуетъ" [6]), и вновь давалъ подробныя указанія, какъ дѣй-

---

[1]) Донесенія ген. Данненберга отъ 21 октября 1853 г. (Арх. Воен. Учен. Ком. Гл. Шт., отд. 2, д. № 3317).

[2]) Письмо отъ 21 октября 1853 г. (Арх. Воен. Учен. Ком. Гл. Шт., отд. 2, д. № 3317).

[3]) № 1746 (тамъ же).

[4]) См. приложеніе № 56.

[5]) № 1774 (Арх. Воен. Учен. Ком. Гл. Шт., отд. 2, д. № 3317).

[6]) № 1775 (тамъ же).

ствовать, ни разу не бывши лично на мѣстѣ. Въ концѣ своего письма князь Горчаковъ „совершенно раздѣлялъ“ мнѣніе генерала Данненберга, что попытка у Ольтеницы есть демонстрація, а потому рѣшилъ не трогать съ мѣста ни 12-й дивизіи, ни отряда графа Анрепа. Но не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ въ Будешти летѣло новое приказаніе [1]). Оно начиналось категорическимъ восклицаніемъ: „Во что бы то ни стало „надо выбить непріятеля съ лѣваго берега Дуная!“ и обѣщаніемъ личнаго прибытія къ вечеру 23-го съ 8 баталіонами и 8 эскадронами [2]) въ Негоешти. Но черезъ двѣ строчки предписанія рѣшимость уже покидаетъ князя Горчакова и онъ рекомендуетъ генералу Данненбергу атаковать турокъ 23-го числа, если имѣетъ вѣрную надежду разбить непріятеля; въ противномъ же случаѣ предписываетъ не завязывать серьезнаго боя. Только-что было отправлено это предписаніе, какъ ничего не значущее извѣстіе изъ Журжи заставило вновь князя Горчакова отмѣнить приказаніе о движеніи бригады къ Негоешти и предписать Данненбергу атаковать турокъ у Ольтеницы своими силами и сбросить ихъ въ Дунай. „Было большое волненіе, и мы „усердно молились“, заканчиваетъ генералъ Коцебу свою запись объ этомъ новомъ распоряженіи [3]).

Таковъ въ немногихъ словахъ былъ обликъ нравственнаго состоянія руководителей арміи, такова была сбивчивость и неопредѣленность тѣхъ цѣлей, которыя ставились въ основу задуманнаго предпріятія противъ Ольтеницкаго карантина. 22-го числа для выясненія обстановки изъ главной квартиры былъ посланъ къ Ольтеницѣ генеральнаго штаба подполковникъ Эрнротъ, который долженъ былъ замѣнить полковника Козлянинова въ производствѣ „безопасной, но и безвредной для обѣ„ихъ сторонъ рекогносцировки“ [4]). Къ вечеру Эрнротъ вернулся въ главную квартиру и успокоилъ князя Горчакова тѣмъ, что карантинъ занятъ весьма слабо, что турецкія войска, въ немъ находящіяся, жалкій сбродъ, который онъ берется съ двумя баталіонами выбить не только изъ карантина, но и съ острова [5]).

---

[1]) № 1782 (Арх. Воен. Учен. Ком. Гл. Шт., отд. 2, д. № 3317).
[2]) 1-я бриг. 12-й пѣх. див. и уланск. герц. Нассауск. полкъ.
[3]) Рукописный дневникъ за 22 октября (Музей Севастопольской обороны).
[4]) Записки П. К. Менькова, т. 1, стр. 61.
[5]) Тамъ же и дневникъ П. Е. Коцебу.

Разсказъ Эрнрота водворилъ спокойствіе въ домѣ командующаго войсками, и атака Ольтеницы слабымъ отрядомъ Данненберга была на этотъ разъ безповоротно рѣшена.

Съ полнымъ спокойствіемъ и даже съ радостью встрѣчались будущими исполнителями труднаго дѣла ежеминутно прибывающія извѣстія объ увеличеніи турецкихъ силъ у карантина. Начиная отъ корпуснаго командира и кончая младшими офицерами, всѣ были настолько увѣрены въ полной побѣдѣ, что желали только одного—это увеличенія числа турокъ на нашемъ берегу, чтобы большее число ихъ потопить въ Дунаѣ. Узнавъ о движеніи уланъ на рекогносцировку, генералъ Павловъ серьезно разсердился, доказывая, что это движеніе „только испугаетъ турокъ и „не дастъ имъ переправиться „на свою погибель на нашъ „берегъ“ [1]). Въ свою очередь нижніе чины съ полнымъ восторгомъ думали о предстоящемъ боѣ. Съ музыкой и пѣснями, отказываясь отъ привала, войска потянулись къ Ольтеницѣ, ожидая боя послѣ долгаго и утомительнаго бездѣйствія, „какъ желаннаго пира, какъ „радостнаго праздника“ [2]).

Остатки разбитаго въ Синопѣ турецкаго корабля.

А между тѣмъ между рекогносцировкою Эрнрота и послѣдовавшимъ боемъ прошли цѣлыя сутки, которыми умѣло воспользовались наши враги—ничтожныя укрѣпленія турецкаго карантина и жалкій сбродъ, ихъ защищавшій, обратились въ сильную преграду, занятую значительнымъ отрядомъ въ 8-10 тысячъ человѣкъ.

II.

Полемъ Ольтеницкаго сраженія служила нѣсколько покатая къ Дунаю равнина, ограниченная на сѣверѣ с. Новая Ольтеница, на югѣ теченіемъ Дуная, на западѣ рѣкою Аржисомъ и на востокѣ отдѣльной рощей, находящейся въ верстѣ отъ Новой

---

[1]) Алабинъ, т. 2, стр. 101.
[2]) Тамъ же.

Ольтеницы. Съ сѣвера на югъ это пространство занимало около 2-хъ верстъ и съ запада на востокъ около $2^1/_2$ верстъ. Кромѣ упомянутой выше небольшой рощи, окаймленной кустарниками и камышами и составлявшей восточную окраину поля сраженія, былъ покрытъ кустарникомъ и лѣвый берегъ рѣки Аржиса, но кустарникъ этотъ, занимая полосу шириною около полуверсты, былъ до того густъ и низокъ, что, не представляя закрытія для войскъ, сильно затруднялъ ихъ движеніе.

Вся равнина отъ Новой Ольтеницы до Дуная была болотиста, покрыта кочками и изрѣзана мелкими оврагами, наполняющимися почти въ теченіе цѣлаго лѣта водой, остающейся въ нихъ отъ разлива Дуная и Аржиса. Два такихъ наиболѣе глубокихъ оврага прикрывали съ сѣвера каменный карантинъ, построенный на лѣвомъ берегу Аржиса, при впаденіи его въ Дунай, и отстояли отъ него въ разстояніи 60 и 100 саженей. Кочковатая илистая почва равнины, вообще неудобная для движенія, сдѣлалась очень трудно проходимой послѣ дождей, которые предшествовали дѣлу 23 октября.

Ширина Дуная ниже карантина не превосходила 240 саженей; выше карантина, какъ уже было сказано, имѣлся большой островъ, занятый туркамии отдѣленный отъ лѣваго берега узкимъ рукавомъ. Обрывистый правый берегъ рѣки командовалъ надъ лѣвымъ, также круто спускающимся къ водѣ и дававшимъ укрытіе высаживавшимся здѣсь войскамъ. Рѣка Аржисъ составляла надежное на всемъ протяженіи прикрытіе праваго фланга наступающихъ съ сѣвера войскъ; для переправы черезъ нее существовалъ бродъ у с. Старой Ольтеницы и мостъ у устья рѣки, но этотъ послѣдній находился въ раіонѣ расположенія турокъ.

Омеръ-паша, послѣ занятія Ольтеницкаго карантина, принялъ цѣлый рядъ мѣръ къ обезпеченію расположенія своихъ войскъ въ этомъ пунктѣ, и надо отдать полную справедливость, что турки воспользовались съ большимъ умѣніемъ и энергіей для усиленія своего расположенія на лѣвомъ берегу Дуная тѣми тремя днями, въ теченіе которыхъ шла безплодная переписка между княземъ Горчаковымъ и генераломъ Данненбергомъ, выразившаяся въ концѣ концовъ въ сосредоточеніи къ предмету дѣйствій около 6000 войскъ изъ пунктовъ квартированія, отстоявшихъ не болѣе 20 верстъ отъ Ольтеницы.

Каменное зданіе карантина было приведено въ оборонительное состояніе и окружено съ трехъ сторонъ рядомъ полевыхъ

укрѣпленій, батарей и ложементовъ, обнимающихъ пространство около 300 саженей по фронту и около 150 саженей въ глубину. Высота брустверовъ этихъ укрѣпленій доходила до 4 футъ, толстота брустверовъ до 10-12 футъ и глубина рвовъ до 7 футъ. Орудія стрѣляли черезъ амбразуры, одѣтыя турами и фашинами. Шагахъ въ 20-ти передъ фронтомъ укрѣпленій было заложено три ряда фугасовъ [1]).

Командиръ 4-го корпуса генералъ Данненбергъ.

Всего въ описанныхъ выше укрѣпленіяхъ турки къ началу боя сосредоточили свыше 8000 человѣкъ, преимущественно пѣхоты и артиллеріи съ нѣсколькими эскадронами кавалеріи [2]). Всей операціей руководилъ Омеръ-паша, имѣя подъ своимъ начальствомъ еще четырехъ пашей: Мустафу, Измаила, Неджи и Алида [3]). 13 орудій заняли батареи, устроенныя къ сѣверу отъ карантина и въ правомъ исходящемъ углу, 7 орудій расположились лѣвѣе карантина для дѣйствія вдоль лѣваго берега Аржиса. Кромѣ того, на правомъ берегу Дуная было, для обстрѣливанія нашихъ наступающихъ войскъ, а также и для обезпеченія отступленія своихъ войскъ, выстроено, ниже Туртукая, нѣсколько укрѣпленій и батарей, вооруженныхъ 40 орудіями большого калибра и расположенныхъ въ три яруса; между ними находились и мортиры для навѣсной стрѣльбы; въ полуверстѣ ниже карантина для той же цѣли стояло нѣсколько лодокъ, вооруженныхъ 6-ю орудіями. Наконецъ, на восточномъ мысу острова, въ 380 саженяхъ отъ карантина, были построены двѣ батареи, всего на 14 орудій

---

[1]) Категорическихъ указаній на то, что эти фугасы были заложены до 23 числа, а не послѣ, не имѣется.

[2]) Французскій историкъ Guérin считаетъ число турокъ, принимавшихъ участіе въ сраженіи, отъ 9 до 10 тысячъ человѣкъ (стр. 48).

[3]) Тамъ же.

большого калибра, предназначенныя для дѣйствія по карантину, въ случаѣ занятія его нашими войсками, и для содѣйствія обратной переправѣ турецкихъ войскъ.

Все расположеніе турокъ было прикрыто двойнымъ рядомъ цѣпей—пѣшей застрѣльщичьей и конной, выдвинутыхъ передъ линіей укрѣпленій.

Такимъ образомъ, турки сумѣли подготовить себѣ сильную, трудно доступную позицію, находившуюся подъ покровительствомъ могущественной артиллеріи противоположнаго берега, обезпечили себѣ, по возможности, безпрепятственное отступленіе и сдѣлали крайне затруднительнымъ наше пребываніе въ карантинѣ, даже если бы намъ и удалось имъ овладѣть. Существенный недостатокъ турецкой позиціи заключался въ томъ, что она не соотвѣтствовала величинѣ отряда и заставляла держать сосредоточенными на 300 саженномъ пространствѣ большую массу войскъ.

Въ распоряженіи генерала Данненберга для атаки Ольтеницкаго карантина находились полки Якутскій и Селенгинскій, рота 5 сапернаго баталіона, батарейная № 3 и легкая № 5 батареи 11-й артиллерійской бригады, шесть эскадроновъ ольвіопольскихъ уланъ, три сотни донского казачьяго № 34 полка и два орудія донской казачьей № 9 батареи, всего *8¼ батал., 6 эск., 3 сот., 24 пѣш. и 2 конн. орудій,* численностью около 6½ тысячъ человѣкъ. Отрядъ этотъ сосредоточился у с. Старая Ольтеница послѣ небольшого перехода лишь къ полудню 23 октября и тотчасъ же былъ направленъ въ бой. Ближайшія пѣхотныя части (12-я пѣхотная дивизія съ двумя батареями) находились въ это время у с. Крецешти, въ разстояніи одного усиленнаго перехода отъ Ольтеницы (около 45 верстъ), но князь Горчаковъ, какъ извѣстно, успокоенный рекогносцировкой подполковника Эрнрота и обезпокоенный вѣстями изъ Турціи, рѣшилъ этихъ войскъ не трогать. Кромѣ того, близъ Будешти, въ разстояніи небольшого перехода отъ Ольтеницы, находилось три баталіона Камчатскаго егерскаго полка съ батареей.

Атака турокъ была предрѣшена на основаніи поверхностной рекогносцировки упомянутаго выше офицера, результаты которой были доложены генералу Данненбергу на самомъ полѣ будущаго сраженія, въ присутствіи генераловъ Павлова и Мартинау (начальника штаба корпуса), въ полдень 22-го числа, т.-е. ровно за сутки до ея начала. Правда, на разсвѣтѣ 23-го числа было приказано

генеральнаго штаба капитану Ѳеоктистову съ нѣсколькими казаками „обозрѣть правый берегъ Аржиса доколѣ будетъ возможно“ [1]). Это обозрѣніе могло надлежащимъ образомъ выяснить корпусному командиру и силу турецкихъ укрѣпленій и количество ихъ войскъ, но въ дѣйствительности оно ни къ чему не привело. Ѳеоктистовъ въ 9 часовъ утра въ день боя доложилъ корпусному командиру результатъ своей рекогносцировки, который, однако, не измѣнилъ намѣренія генерала Данненберга. Не исполнилъ ли Ѳеоктистовъ своего порученія въ должномъ видѣ, или же корпусный командиръ не обратилъ вниманія на его донесеніе, остается вопросомъ открытымъ [2]).

Когда войска сосредоточились на позиціи за Старой Ольтеницей, то имъ была передана диспозиція для предстоящаго боя [3]). Она отличалась всѣми характерными особенностями боевыхъ распоряженій того времени. Въ диспозиціи подробно говорилось, въ какой колоннѣ двигаться, когда и въ какую колонну перестроиться, гдѣ остановиться и прочія мелочи, совершенно стѣснявшія самостоятельность частныхъ начальниковъ, но зато она почти не касалась цѣли дѣйствій и совершенно не указывала частныхъ задачъ начальникамъ участковъ. Кромѣ того, въ этомъ интересномъ документѣ совсѣмъ не говорилось объ атакѣ непріятеля, а лишь дѣлались распоряженія о расхожденіи въ боевой порядокъ и объ открытіи артиллерійскаго огня.

Боевая часть, согласно диспозиціи, подраздѣлялась на два участка:

Правый, силою въ 2 баталіона и 4 орудія [4]), подъ начальствомъ генералъ-маіора Охтерлоне; ему было приказано развернуться въ кустахъ у лѣваго берега Аржиса, на высотѣ с. Новая Ольтеница и составить правый флангъ „наступательнаго боевого „порядка“, выславъ штуцерныхъ, поддержанныхъ однимъ баталіономъ, возможно ближе къ непріятелю, дабы безпокоить его артиллерійскую прислугу. Кромѣ того, на участокъ генерала Охтерлоне было возложено наблюденіе за правымъ берегомъ р. Аржиса.

Лѣвый участокъ, силою въ 2 баталіона и 12 орудій [5]), подъ начальствомъ пѣхота — генерала Павлова и артиллерія — генерала

---

[1]) Предписаніе генерала Данненберга генералу Павлову 22 октября 1853 года, № 1004.

[2]) П. К. Меньковъ (т. 1, стр. 62) и Алабинъ (т. 2, стр. 108) обвиняютъ Ѳеоктистова въ небрежномъ исполненіи порученія.

[3]) См. Приложеніе № 57.

[4]) 1-й и 2-й баталіоны Селенгинскаго полка и 4 орудія легкой № 5 батареи.

[5]) 3-й и 4-й баталіоны Селенгинскаго полка и батарейная № 3 батарея.

Сикстеля, располагался западнѣе дороги изъ Новой Ольтеницы къ карантину, имѣя баталіоны уступомъ за лѣвымъ флангомъ батареи.

Резервъ, 4¼ баталіона и 8 пѣшихъ орудій [1]), первоначально располагался у дороги между Старой и Новой Ольтеницей.

Кавалерія, 6 эскадроновъ и 2 конныхъ орудія [2]), подъ начальствомъ полковника Козлянинова, располагалась „въ обыкновенномъ „боевомъ порядкѣ“ влѣво отъ с. Новая Ольтеница такъ, чтобы сначала стоять „внѣ выстрѣловъ непріятельской артиллеріи“.

Казаки полковника Власова сосредоточивались на флангахъ боевого порядка.

Пѣхотѣ было приказано, по занятіи указанныхъ мѣстъ, перестроиться въ колонны къ атакѣ. Корпусный командиръ, оставивъ за собою руководство боемъ, назначилъ мѣстомъ своего пребыванія с. Новая Ольтеница, которую и не покидалъ до окончанія сраженія.

Генералу Сикстелю, послѣ выстраиванія войсками боевого порядка, предписывалось пододвинуть батарейную батарею на 400 саженъ къ непріятельской позиціи и открыть огонь по войскамъ, расположеннымъ около Ольтеницкаго карантина.

Ровно въ полдень войскамъ, стоявшимъ на привалѣ за Старой Ольтеницей, была передана вышеприведенная диспозиція. Вѣсть о движеніи впередъ была принята съ величайшимъ восторгомъ. Въ одно мгновеніе ранцы были накинуты, ружья разобраны, и войска пошли съ такимъ желаніемъ скорѣе встрѣтить непріятеля, что начальникамъ стоило много труда сдерживать шагъ, чтобы ихъ не утомить преждевременно. Миновали Новую Ольтеницу, вышли на поле предстоящихъ дѣйствій, и съ тѣхъ поръ каждый шагъ нашихъ войскъ былъ виденъ туркамъ, какъ на ладони. Черезъ полчаса боевой порядокъ занялъ предписанное ему первоначальное положеніе, и генералъ Сикстель во главѣ тяжелой батареи на полныхъ рысяхъ понесся, подъ прикрытіемъ казачьей цѣпи, къ непріятельской позиціи до дистанціи 400 саженей. Его примѣру послѣдовали четыре орудія участка генерала Охтерлоне; пѣхота усиленнымъ шагомъ догоняла артиллерію. Тотчасъ же началась сильная канонада съ обѣихъ сторонъ; турки направили свой огонь, какъ изъ карантина, такъ и съ того берега Дуная,

---

[1]) Якутскій пѣх. полкъ, рота 5 саперн. батал. и 8 оруд. легкой № 5 батареи.
[2]) Ольвіопольскіе уланы и донская каз. № 9 батарея.

по нашимъ батареямъ, которыя въ свою очередь били сосредоточеннымъ огнемъ карантинъ и прилегающую къ нему батарею. На правомъ флангѣ генералъ Павловъ выдвинулся со штуцерными Селенгинскаго полка впередъ, чтобы ружейнымъ огнемъ поражать непріятельскую артиллерійскую прислугу. Якутскій полкъ и артиллерія резерва были переведены за 3-й и 4-й баталіоны Селенгинскаго полка. Кавалерія также продвинулась впередъ, заняла рощу и выдвинула два конныхъ орудія на позицію для обстрѣливанія турецкихъ лодокъ съ дистанціи около 500 саженей. Генералъ Данненбергъ оставался, подъ прикрытіемъ саперной роты и жандармской команды, въ Новой Ольтеницѣ.

Начальникъ 11-й пѣхотной дивизіи генералъ Павловъ.

Послѣ получасовой перестрѣлки наша артиллерія быстро взялась на передки и подъѣхала на дистанцію первоначально въ 350, 300, а потомъ и на 250 саженей, съ которой открыла сильный картечный огонь. Дѣйствіе нашей артиллеріи наносило туркамъ самое ужасное пораженіе. Два зарядныхъ ящика у карантина были взорваны, многія орудія сбиты, и сосредоточенная на узкомъ пространствѣ масса турецкихъ войскъ поражалась сильнымъ перекрестнымъ огнемъ. Смѣло можно сказать, что ни одинъ нашъ снарядъ не пропадалъ даромъ. Но и наши потери были значительны, хотя частые переѣзды артиллеріи съ позиціи на позицію и уменьшали ихъ.

Когда огонь непріятельской артиллеріи началъ ослабѣвать, то генералъ Данненбергъ направилъ на позицію восемь орудій изъ резерва для окончательной подготовки атаки на карантинъ и двинулъ впередъ Якутскій полкъ. Быстро и стройно, какъ на ученіи, понеслись легкія орудія на помощь своимъ товарищамъ и снялись съ передковъ передъ исходящимъ угломъ карантина. Четыре изъ нихъ открыли огонь по карантину, а остальныя четыре—по турецкимъ судамъ у пристани, изъ которыхъ одно двухмачтовое вскорѣ загорѣлось.

Атака была признана достаточно подготовленной, и генералъ Павловъ въ 3 часа дня двинулъ Селенгинскій полкъ впередъ къ турецкимъ укрѣпленіямъ. Къ этому времени и пѣхота несла уже значительныя потери отъ непріятельскаго огня, а потому солдаты съ нетерпѣніемъ ожидали завѣтнаго приказанія двинуться впередъ. Радостный вѣстникъ былъ встрѣченъ громовымъ крикомъ „ура!“, и баталіоны, равняясь, какъ на ученіи, размашистымъ шагомъ кинулись впередъ, оставаясь все въ тѣхъ же густыхъ колоннахъ къ атакѣ. Замолкшій было непріятельскій огонь разразился съ новой силой. Артиллерія карантина, наполовину подбитая, наполовину снимаемая съ позицій для своевременнаго отвоза ея на противоположный берегъ рѣки, почти прекратила огонь. Но зато всѣ укрѣпленія лѣваго берега покрылись густыми цѣпями стрѣлковъ, и неумолкаемая ружейная трескотня встрѣтила нашихъ храбрецовъ. Островная батарея продольно поражала наступающихъ картечными гранатами, „турецкій берегъ казался вулканомъ, изрыгавшимъ желѣзо“.

Наступленіе нашей пѣхоты производилось такъ быстро, что верховые должны были поспѣвать за ней рысью. Губительный огонь, вырывавшій цѣлыми кучами людей изъ нашихъ густыхъ колоннъ, вызывалъ новые взрывы „ура!“, и, смыкая ряды, селенгинцы, а за ними якутцы продолжали литься грозной лавиной впередъ, имѣя передъ собою всѣхъ старшихъ начальниковъ.

Батарея центра, подъ командой подполковника Шейдемана, и два орудія праваго фланга, подъ командой подпоручика Врончевскаго, вновь взялись на передки и подскакали на 120 саженей къ непріятельской позиціи. По безпорядочному движенію въ карантинѣ замѣтно было усиленное подготовленіе турокъ къ отступленію. Еще нѣсколько минутъ безостановочнаго движенія, и карантинъ былъ бы въ нашихъ рукахъ. Но нашимъ измученнымъ войскамъ предстояли еще неожиданныя и пагубныя для нихъ препятствія.

Баталіоны генерала Охтерлоне въ своемъ наступательномъ порывѣ нѣсколько опередили баталіоны лѣваго фланга и, по выходѣ изъ кустовъ, оказались въ самомъ близкомъ разстояніи отъ лѣваго фланга турецкой позиціи, который имѣлъ первостепенную важность для непріятеля, такъ какъ за нимъ находился мостъ черезъ Аржисъ и единственный удобный для турокъ путь отступленія. Это заставило обороняющагося обратить особое вниманіе на нашъ правый флангъ. Сильнѣйшій картечный и ружейный огонь

съ фронта и съ фланга встрѣтилъ наступающихъ селенгинцевъ, задержанныхъ переправою черезъ вязкую низину, но десятками падающіе начальники и товарищи не остановили молодцовъ, которые, преодолѣвъ препятствіе, продолжали катиться по направленію къ турецкимъ укрѣпленіямъ.

Однако, черезъ нѣсколько десятковъ шаговъ измученные баталіоны встрѣтили новую, еще болѣе топкую низину, которая задержала ихъ подъ губительнымъ огнемъ турокъ на нѣсколько минутъ. Люди вязли выше колѣна, офицеры и солдаты падали десятками; произошло замѣшательство, и баталіоны, продолжая кричать „ура!“, открыли стрѣльбу. Личный примѣръ офицеровъ не послужилъ уже достаточнымъ импульсомъ для движенія впередъ; свѣжихъ частей, чтобы дать толчокъ впередъ, не было, и баталіоны продолжали стоять, стрѣлять и таять отъ непріятельскаго огня.

Между тѣмъ въ центрѣ велъ въ атаку 3-й и 4-й баталіоны селенгинцевъ командиръ полка полковникъ Сабашинскій. Видя, что въ колоннахъ къ атакѣ баталіоны несутъ большія потери, онъ постепенно перестроилъ ихъ въ ротныя колонны, которыя относительно легко преодолѣли первую преграду. Между тѣмъ якутцы быстро настигали, перестраиваясь въ свою очередь въ ротныя колонны, селенгинцевъ, и этотъ натискъ сзади придавалъ еще болѣе нравственной мощи передовымъ частямъ. При преодолѣніи второй преграды болѣе свѣжіе якутцы успѣли обогнать селенгинцевъ, и наши баталіоны стройно приближались къ непріятельскимъ укрѣпленіямъ. Охотники, имѣя въ головѣ поручика Зиненко (Селенгинскаго полка) и прапорщика Раздиришина (Якутскаго полка), достигли рва турецкихъ укрѣпленій. Непріятельская артиллерія, кавалерія и часть пѣхоты спѣшно покидали его, чтобы открыть просторъ для дѣйствія артиллеріи съ праваго берега и съ острова.

Съ нашей стороны вся пѣхота уже была введена въ бой; оставались свѣжими только корпусный командиръ съ саперной ротой въ Новой Ольтеницѣ и ольвіопольскіе уланы въ рощѣ на лѣвомъ флангѣ; поддержки ждать было неоткуда, но чувствовалось, что шесть баталіоновъ селенгинцевъ и якутцевъ, у которыхъ выбыли въ это время изъ строя почти всѣ штабъ-офицеры и всѣ офицеры знаменныхъ ротъ, имѣютъ еще достаточно физической и нравственной мощи, чтобы черезъ нѣсколько мгновеній быть на валахъ турецкихъ укрѣпленій. Въ это время, однако,

было получено приказаніе корпуснаго командира начать отступленіе [1]), которое онъ мотивировалъ въ своемъ донесеніи князю Горчакову [2]) „не только невозможностью безъ жестокаго урона „завладѣть занимаемою непріятелемъ мѣстностью, но и тщетностью „такого предпріятія".

Неохотно, но съ полнымъ спокойствіемъ повернули наши баталіоны назадъ и отошли за вязкія низины, гдѣ, подъ прикрытіемъ артиллеріи, задержались для подбора раненыхъ. Баталіоны останавливались черезъ каждые 50 шаговъ въ полной готовности отразить ожидавшееся наступленіе турокъ. Но эти послѣдніе были удивлены не менѣе нашихъ войскъ пріостановкою штурма. Первоначально они предполагали, что мы совершаемъ какой-нибудь новый маневръ, но, убѣдившись въ отступленіи, выдвинули изъ укрѣпленій кавалерію, которая послѣ перваго удачнаго съ нашей стороны ядра ускакала обратно.

Это былъ послѣдній выстрѣлъ на Ольтеницкомъ полѣ сраженія, пущенный въ половинѣ пятаго вечера. Турки не возобновляли болѣе огня. Подобравъ раненыхъ и убитыхъ, отрядъ генерала Данненберга грустно подвигался къ Ольтеницѣ, не досчитывая въ своихъ рядахъ 980 храбрыхъ товарищей [3]).

Что касается до потерь турокъ, то онѣ должны были на много превосходить нашу потерю. Восьмитысячная масса, скученная на пространствѣ 300 саженей по фронту и 150 саженей въ глубину, представляла отличную цѣль для перекрестнаго огня нашихъ 24 орудій. По свѣдѣніямъ изъ Константинополя, въ этомъ дѣлѣ были убиты двое пашей—Мустафа и Гассанъ.

Къ вечеру 23 октября главныя силы нашего отряда сосредоточились на высотахъ за Старой Ольтеницей, оставивъ у Новой Ольтеницы авангардъ, въ составѣ 2 батал., 2 эск., 2 сот., 4 пѣш. и 2 к. оруд., и имѣя казачью цѣпь на полъ-версты впереди. Турки продолжали занимать карантинъ [4]).

---

[1]) Алабинъ въ своихъ запискахъ (т. 2, стр. 120) связываетъ это приказаніе отступать съ отвѣтомъ генерала Павлова на запросъ корпуснаго командира, что „теперь" карантина онъ взять не можетъ. Генералъ Павловъ въ теченіе всего боя леталъ отъ праваго къ лѣвому флангу, и, по всей вѣроятности, такое мнѣніе имъ было высказано подъ впечатлѣніемъ заминки нашего праваго фланга.

[2]) Отъ 26 октября 1853 г., № 1043 (Арх. Воен. Уч. Ком. Гл. Шт., отд. 2, д. № 3317).

[3]) Изъ этого числа убитыхъ и раненыхъ 45 приходится на долю офицеровъ (на наличное число 75 человѣкъ) и 938 человѣкъ почти поровну на полки Селенгинскій и Якутскій. Подробную вѣдомость см. въ приложеніи № 58.

[4]) Журналы военныхъ дѣйствій; донесеніе генерала Данненберга кн. Горчакову отъ 26 октября 1853 г., № 1043 (Арх. Воен. Учен. Ком. Гл. Шт., отд. 2, д. № 3317); документы кап. Батезатула (рукоп. отд. Севаст. Музея); записки П. К. Менькова, Алабина и др.

Таковы были результаты перваго значительнаго дѣла на Дунаѣ, которые являлись естественнымъ послѣдствіемъ всѣхъ предшествовавшихъ распоряженій.

Постоянное колебаніе командующаго войсками, отсутствіе у него опредѣленной цѣли, погоня за несбыточными при пассивной оборонѣ мечтами одержать верхъ сразу на многихъ пунктахъ и противорѣчивыя приказанія, запутавшія частныхъ начальниковъ, отмѣтили предшествовавшую бою дѣятельность князя Горчакова. Полная нераспорядительность въ бою отмѣтила дѣятельность генерала Данненберга. Неправильная оцѣнка непріятельской позиціи и силъ, направленіе главной атаки въ лобъ, вмѣсто того, чтобы ее вести на важный въ стратегическомъ отношеніи лѣвый флангъ, руководство боемъ съ далекаго тыла и, какъ слѣдствіе этого, приказаніе отступить, когда обстановка давала полное вѣроятіе разсчитывать на возможность захвата карантина, остаются, совмѣстно съ пристрастнымъ объясненіемъ причинъ отступленія, на винѣ генерала Данненберга [1]). Дѣйствительно, удержаться долго въ карантинѣ подъ огнемъ 40 орудій праваго берега Дуная наши войска не могли бы, но захватъ его нанесъ бы существенное пораженіе туркамъ, не успѣвшимъ еще переправиться черезъ Дунай, поддержалъ бы престижъ непобѣдимости русскихъ войскъ и, какъ первая побѣда, могъ бы дать совсѣмъ другое направленіе нравственному самочувствію враждующихъ сторонъ, а съ ними вмѣстѣ и всей Европѣ. Наврядъ ли турки открыли бы огонь по карантину съ праваго берега рѣки по перемѣшанной массѣ своихъ и русскихъ войскъ, а черезъ полчаса послѣ занятія карантина

Сраженіе подъ Ольтеницей (нѣмецкій рисунокъ).

[1]) Указанныя генераломъ Данненбергомъ причины отступленія заключались въ пріостановкѣ войскъ при движеніи въ атаку. Этотъ случай въ дѣйствительности имѣлъ мѣсто, какъ видно изъ описанія боя, только съ двумя баталіонами праваго фланга, которые, понеся большія потери, не были уже въ состояніи продолжать наступленіе безъ поддержки съ тыла.

мы могли подъ покровомъ темноты срыть до основанія турецкія укрѣпленія и отойти къ Ольтеницѣ.

И не было бы тогда мѣста злорадству иностранной печати и той массы гнусной лжи, которую вылили на неповинную русскую армію ближайшіе къ той эпохѣ иностранные историки [1]).

Что касается до поведенія войскъ, то записки всѣхъ современниковъ и официальныя данныя одинаково свидѣтельствуютъ, что и въ ужасной обстановкѣ Ольтеницкаго боя они выказали тѣ же присущія русской націи свойства, которыя одинаково отличали ее во всѣ эпохи исторической жизни. Готовность смять противника—при выбытіи изъ строя большей половины наличнаго состава офицеровъ и около пятой части наличнаго состава всей пѣхоты—служатъ тому лучшимъ, неопровержимымъ доказательствомъ. Генералы Павловъ и Сикстель, самостоятельно руководившіе боемъ и не подчиненные другъ другу, но соревновавшіе въ своемъ порывѣ впередъ; штабъ и оберъ-офицеры, остававшіеся въ строю послѣ полученія нѣсколькихъ ранъ; штабсъ-капитанъ Лютеръ, истекающій кровью, но не позволяющій вести себя на перевязочный пунктъ, такъ какъ не хотѣлъ оставить обожавшей его роты; подпоручикъ Орѣховъ, передающій товарищу образъ, благословеніе матери, и увлекающій солдатъ впередъ, чтобы черезъ нѣсколько мгновеній погибнуть смертью храбраго; знаменщикъ унтеръ-офицеръ Сназикъ, израненный, но не желающій, пока живъ, передать чести нести знамя другому; Магдикъ, Чиликинъ и многіе другіе нижніе чины, отмѣченные въ официальномъ донесеніи [2]), не отставали въ подвигахъ геройскаго мужества отъ своихъ офицеровъ; наконецъ, идущія рука объ руку пѣхота и артиллерія, рвавшіяся какъ на веселый пиръ въ кровавый бой, и стройно маневрировавшія подъ убійственнымъ огнемъ, все это представляло такую картину нравственной силы рядовыхъ бойцовъ Николаевской арміи, передъ которой блѣднѣютъ отзывы многихъ современниковъ этой эпохи, безпощадно ее порицавшихъ въ шестидесятыхъ годахъ.

Извѣстіе о результатахъ Ольтеницкаго сраженія привезъ въ главную квартиру генералъ Семякинъ въ ночь на 24 октября. Князь Горчаковъ пришелъ въ полное отчаяніе и въ ожиданіи

---

[1]) Journal de Francfort, 1853, № 280; Eugène Pick; A. Du Caste; Léon Guérin, Rousset, M. Tane, Клапка и др.

[2]) См. приложеніе № 59 и Алабинъ, т. 2.

наступленія турокъ на Бухарестъ отдалъ приказаніе о немедленномъ стягиваніи къ центру отрядовъ генерала Фишбаха и графа Анрепа, но на другой уже день это приказаніе было отмѣнено [1]). Однако, въ своемъ наполовину не договоренномъ, сбивчивомъ донесеніи въ Петербургъ онъ это сраженіе назвалъ „une affaire „très brillante“ [2]), хотя, впрочемъ, черезъ нѣсколько строкъ прибавлялъ: „mais ce n'est qu'un demi-succès, momentané, qui n'est „bon que sous deux rapports: il a terrorisé les turcs et me donnera „quelques jours de repos“. Но въ Петербургѣ чувствовалась неискренность донесеній съ береговъ Дуная, и на хвастливое сообщеніе князя Горчакова, что онъ заставилъ турокъ выкупаться въ этой рѣкѣ, военный министръ отвѣчалъ слѣдующими ироническими строками [3]): „Ольтеницкое сраженіе, дѣйствительно, бле„стяще, и я надѣюсь, что оно дастъ вамъ или отдыхъ или новый „случай выкупать вашихъ противниковъ, но въ такомъ случаѣ „вы намъ хоть приблизительно скажите, какъ великъ былъ не„пріятель, съ которымъ вы встрѣтились, и какой ущербъ вы ему „причинили. Къ нашему великому сожалѣнію, эти подробности „не встрѣчаются въ вашемъ донесеніи о прекрасномъ дѣлѣ подъ „Ольтеницей“ [4]).

Съ чувствомъ гордости за доблестное поведеніе своихъ войскъ и съ чувствомъ глубокаго сожалѣнія о безцѣльномъ пролитіи крови встрѣтилъ Императоръ Николай тяжелую вѣсть о сраженіи 23 октября. Въ нѣсколькихъ строкахъ собственноручнаго письма, которымъ онъ удостоилъ князя Горчакова, еще разъ обрисовался весь рыцарскій, обаятельный обликъ желѣзной воли Монарха [5]).

„Вчера вечеромъ“, писалъ Государь, „я получилъ твое письмо „отъ 26 октября, любезный Горчаковъ, и ежели съ удоволь„ствіемъ узналъ о новомъ опытѣ блистательной и никогда не„сомнѣнной храбрости славныхъ нашихъ войскъ, то, признаюсь, „что не безъ сожалѣнія, что столько жертвъ пало для цѣли, ко„торой постигнуть не совсѣмъ могу по краткости и неопредѣ„ленности журнала.

---

[1]) Дневникъ ген.-ад. Коцебу.

[2]) Письмо военному министру 26 октября 1853 г. (Арх. Канц. Воен. Мин. по сн. в. 1853 г., секр. д. № 571).

[3]) Въ письмѣ отъ 3 ноября (тамъ же).

[4]) Переводъ съ французскаго.

[5]) Письмо отъ 3 ноября 1853 г. (Собств. Его Вел. Библ., шк. 115, порт. 14).

„Кажется, хотѣлось сбросить турокъ въ Дунай; войска были „уже во рву, и, кажется, труднѣйшее исполнено, орудія свезены— „почему же не довершена побѣда, орудія не взяты? Ежели огонь „былъ прежде жестокъ, турки бы по своимъ, вѣроятно, не „стрѣляли. Надо было довершить побѣду и полонить, чтобы „не ушли, или, перебивъ, орудія взять. Но дѣло прошлое; вели „впередъ писать журналъ такъ, чтобы я могъ понимать и слѣ- „дить за происходящимъ. Согласенъ съ тобой, что положеніе „твое стало довольно труднымъ — вездѣ остановить переправу „турокъ, развѣ ниже Браилова дѣло не сбыточное при силѣ ихъ. „Но, стоя, какъ ты, *въ центрѣ* [1]), есть, однако, возможность „разбить турокъ или *по частямъ,* бросаясь на ближнихъ, или, „ежели перейдутъ большими силами *въ одномъ мѣстѣ,* дать „имъ отойти отъ Дуная и *тогда атаковать,* опрокинуть и „преслѣдовать славной твоей кавалеріей, заставя дорого запла- „тить за дерзкое движеніе". Посылая искреннее спасибо всѣмъ участникамъ боя, Государь утѣшалъ престарѣлаго князя Горчакова. *„Не унывай",* кончалъ онъ свое письмо, *„береги себя и „береги войско!* Прочее въ рукахъ Божьихъ, *на Него вся моя „надежда"* [2]).

Вообще Императоръ Николай въ душѣ не могъ оправдать суетливой дѣятельности нашей главной квартиры на Дунаѣ и киданья князя Горчакова отъ низовьевъ къ верховьямъ этой рѣки, съ цѣлью всюду преградить туркамъ входъ въ Княжества, и свои военныя соображенія высказывалъ въ цѣломъ рядѣ собственноручныхъ записокъ и писемъ. Всѣ мысли Государя сводились къ держанію главной массы войскъ въ кулакѣ, чтобы бить сосредоточенными силами перешедшихъ Дунай турокъ по частямъ; разброска войскъ и рискъ частнаго пораженія ихъ болѣе всего обезпокоивали Николая Павловича. Получивъ изъ Вѣны телеграмму о переходѣ турокъ черезъ Дунай [3]), онъ высказалъ слѣдующій свой взглядъ на характеръ дальнѣйшихъ дѣйствій Дунайской арміи: „По-моему, Горчаковъ долженъ бы разбить прежде отрядъ Турту- „кайскій, потомъ итти бить Турновскій, оставя Анрепа для при- „крытія тыла своего за Бухарестомъ, и заманить Калафатскій „отрядъ, отведя Фишбаха, а самому итти отъ Турно въ тылъ

---

[1]) Курсивъ подлинника.
[2]) См. приложеніе № 60.
[3]) Отъ 20 октября 1853 г.

„туркамъ, ежели бъ они „осмѣлились слѣдовать за „Фишбахомъ“ [1]). Но Государь отлично понималъ, что давать указанія издали совершенно невозможно, и потому очень осторожно дѣлился своими мыслями съ княземъ Горчаковымъ, болѣе всего опасаясь стѣснить его необходимую самостоятельность. Князь же Горчаковъ въ своихъ дѣйствіяхъ соединялъ здравыя мысли Государя съ своей природной суетливостью и нервностью, и выходило нѣчто среднее, вылившееся въ форму Дунайской кампаніи 1853 года.

Фельдфебель Щепановскій подъ Ольтеницей (см. Приложеніе № 59).

Между тѣмъ истинный свѣтъ Ольтеницкаго дѣла не могъ долго скрываться отъ Петербурга, и уже въ началѣ ноября Наслѣдникъ Цесаревичъ далъ ему слѣдующую характерную оцѣнку: „La bravoure des troupes admirable, la perte considérable, „un succès minime et la situation du prince Gortschakoff devient très „précaire!“ [2]).

Подробное разсмотрѣніе реляціи объ этомъ дѣлѣ заставило Государя сдѣлать нѣсколько собственноручныхъ замѣчаній тактическаго характера, которыя и были сообщены для руководства князю Горчакову. Императоръ Николай признавалъ въ своей запискѣ недостаточность артиллеріи, начало нами атаки въ то время, когда „непріятельская артиллерія не давала еще и мысли, чтобы атака „имѣла удачу“; Государь указывалъ на преступность наступленія въ колоннахъ къ атакѣ [3]), въ почти сплошномъ построеніи, „ибо „вторая линія и уступы были почти безъ интерваловъ“, на не-

---

[1]) Арх. Канц. Воен. Мин., 1853 г., секр. д. № 76, ч. 1.

[2]) Изъ зап. кн. гр. Граббе (Рус. Арх. 1889 г., т. 1, стр. 538).

[3]) Какъ мы видѣли, 6 баталіоновъ изъ 8-ми впослѣдствіи наступали въ ротныхъ колоннахъ, но объ этомъ не было упомянуто въ реляціи.

умѣніе пользоваться штуцерными и на прочія техническія отступленія. Всю переписку по этому поводу и объясненія князя Горчакова мы относимъ въ приложенія [1]).

III.

Къ числу самыхъ сильныхъ и неблагопріятныхъ послѣдствій Ольтеницкаго сраженія слѣдуетъ отнести то моральное впечатлѣніе, которое оно произвело въ нашей главной квартирѣ и въ особенности на командующаго войсками. „Ужасный день", занесъ въ свой дневникъ генералъ Коцебу [2]). „Горчаковъ въ отчаяніи.... „Кажется, что турки хотятъ насъ атаковать въ превосходныхъ „силахъ на всѣхъ пунктахъ.... Горчаковъ поѣхалъ къ войскамъ, „но вернулся еще болѣе деморализованнымъ. Я старался поднять „его душевное состояніе, но долженъ сознаться, что и самъ палъ „духомъ". Это настроеніе не разсѣялось и черезъ нѣсколько дней. „Князь Горчаковъ", записалъ Коцебу 27 октября, „не имѣетъ „другого разговора, кромѣ критическаго положенія, въ которомъ „мы находимся, при этомъ онъ все видитъ въ черномъ свѣтѣ"....

Самъ князь Михаилъ Дмитріевичъ, упоминая въ своемъ всеподданнѣйшемъ письмѣ [3]) о той „остросткѣ", которую онъ далъ туркамъ въ „блистательномъ дѣлѣ" подъ Ольтеницей, признавалъ въ то же время свое положеніе опаснымъ. „Турки", писалъ онъ, „рѣшились на наступательную кампанію, чтобы воспользоваться „всѣми выгодами, коими пользуются, и на бѣду погода стоитъ „не только хорошая, но, вѣроятно, простоитъ еще около мѣсяца „сухая и холодная. Ихъ армія въ послѣднее время много усили„лась и весьма фанатизирована. Они могутъ на разныхъ пунктахъ „употребить для наступательныхъ дѣйствій около 100 тысячъ „человѣкъ". Враждебное настроеніе жителей Княжествъ еще болѣе усиливало безпокойство командующаго войсками.

Увѣренность въ наступательномъ движеніи стотысячной арміи привела, однако, князя Горчакова къ странному выводу. Онъ опасался стянуть свои войска въ двѣ группы — у Браилова и Бухареста и, наоборотъ, рѣшилъ „сколь можно долѣе" имѣть три

---

[1]) См. прилож. №№ 61 и 62.
[2]) Подъ 24 октября. Рукопись.
[3]) Отъ 26 октября. Арх. Канц. Воен. Мин., 1853 г., по сн. в., секр. д. № 47.

значительныхъ отдѣльныхъ отряда—противъ Рущука, противъ Туртукая и въ Малой Валахіи; въ то же время онъ ходатайствовалъ о скорѣйшей присылкѣ на театръ военныхъ дѣйствій хотя бы одной свѣжей дивизіи.

Послѣ боя 23-го числа войска генерала Павлова, какъ было сказано выше, отступили къ Старой Ольтеницѣ, гдѣ были приняты всѣ необходимыя мѣры къ встрѣчѣ противника, на случай перехода его въ наступленіе, при чемъ войска провели ночь въ боевомъ порядкѣ [1]). Вслѣдъ за этимъ и корпуснымъ командиромъ и главной квартирой арміи былъ принятъ рядъ мѣръ къ встрѣчѣ ожидавшагося дальнѣйшаго наступленія турокъ; это ожиданіе было отчасти вызвано извѣстіемъ объ усиленіи непріятельскихъ войскъ у Туртукая.

Отрядъ генерала Павлова былъ усиленъ 8-ю эскадронами уланъ и 4-мя конными орудіями [2]), которые расположились на одной съ нимъ высотѣ, но на правомъ берегу р. Аржиса. Генералу Павлову было предписано вступать въ бой съ турками, если они перейдутъ въ наступленіе, только въ случаѣ крайней къ тому необходимости, при чемъ генералъ Данненбергъ долженъ былъ немедленно поддержать его находившейся въ его распоряженіи 1-й бригадой 12-й пѣхотной дивизіи. Въ противномъ же случаѣ генералъ Павловъ долженъ былъ медленно отходить на Негоешти, гдѣ князь Горчаковъ предполагалъ сосредоточить всю 12-ю дивизію [3]).

Опасеніе за наступленіе турокъ со стороны Ольтеницы вызвало желаніе князя Горчакова притянуть къ главнымъ силамъ и большую часть отряда графа Анрепа, сосредоточеннаго у Слободзеи и наблюдавшаго Дунай отъ Силистріи до Гирсова [4]). Но графъ Анрепъ еще раньше передвинулся къ Каларашу, такъ какъ получилъ извѣстіе о намѣреніи турокъ начать противъ этого пункта переправу черезъ Дунай [5]). Это извѣстіе послужило новымъ источникомъ волненій и нерѣшительности командующаго войсками. Онъ соглашался на оставленіе у Калараша отряда графа

---

[1]) Рап. ген. Данненберга кн. Горчакову 25 октября, № 1026. Арх. Воен. Уч. Ком. Гл. Шт., отд. 2, д. № 3318.

[2]) Герцога Нассаускаго полка и конно-легкой № 9 батареи.

[3]) Кн. Горчаковъ ген. Данненбергу 25 окт. 1853 г., № 1814 и ген. Павлову 26 окт., № 1048. Арх. Воен. Уч. Ком. Гл. Шт., отд. 2, д. №№ 3317 и 3429.

[4]) Предпис. гр. Анрепу отъ 25 октября, № 1823. Арх. В. Уч. Ком. Гл. Шт., отд. 2, д. № 3428.

[5]) Рап. гр. Анрепа 25 октября, № 56. Тамъ же.

Анрепа лишь „въ случаѣ явныхъ приготовленій турокъ къ пере-„правѣ“, при чемъ разрѣшалъ атаковать ихъ только въ такомъ случаѣ, „если они не успѣли еще укрѣпиться, отнюдь не штурмуя „укрѣпленія“ [1]). Примѣръ Ольтеницы былъ, видимо, свѣжъ, и виновный найденъ: это въ глазахъ князя Горчакова были укрѣпленія карантина, а не вся система, истинная причина Ольтеницкой неудачи.

Но такъ какъ до 28 числа силистрійскіе турки не выказывали „явныхъ приготовленій къ переправѣ“, а сосредоточеніе большей части войскъ къ Негоешти князь Горчаковъ признавалъ „дѣломъ первой важности“, то графъ Анрепъ въ этотъ день выступилъ съ 8-ю баталіонами и 12-ю орудіями [2]) въ Негоешти, оставивъ у Калараша [3]) отрядъ генерала Богушевскаго, силою въ 8 эск. и 8 к. ор. [4]), взамѣнъ котораго въ Слободзею былъ высланъ изъ отряда генерала Энгельгарда Люблинскій егерскій полкъ (15-й дивизіи) съ легкою № 7 батареею.

Желая въ то же время имѣть подъ рукой готовый резервъ какъ для атаки непріятеля, въ случаѣ его наступленія на Бухарестъ, такъ и для оказанія помощи которому-либо изъ передовыхъ отрядовъ, князь Горчаковъ перенесъ свою главную квартиру изъ Бухареста въ Будешти, сосредоточивъ въ окрестностяхъ этого пункта, а также селеній Груи, Добрени и Фундени 23 батал., 8 эск. и 82 орудія [5]). Въ Бухарестѣ были оставлены лишь 2 батал. и 12 ор., чтобы, въ случаѣ надобности, образовать отдѣльный отрядъ у с. Пересѣчени [6]).

Но князь Горчаковъ, сосредоточивая большую часть своихъ войскъ въ ожиданіи наступленія главныхъ силъ турокъ со стороны Ольтеницы, мало вѣрилъ въ такое наступленіе и ожидалъ, что Омеръ-паша нанесетъ ему главный ударъ со стороны Видина и Турно, которому могли противодѣйствовать только отдаленныя

---

[1]) Предп. 27 октября, № 69. Тамъ же.

[2]) 2-я бриг. 11-й пѣх. див. и легк. № 4 батарея.

[3]) Рап. гр. Анрепа 27 октября, № 69. Арх. В. Уч. Ком. Гл. Шт., отд. 2, д. № 3428.

[4]) Вознес. ул. п. и кон. легк. № 7 батарея.

[5]) См. схему № 6 (въ папкѣ).

[6]) Въ *Будешти* и *Груи* — 1-я бриг. и Одесск. ег. п. 12-й пѣх. див., 2 батал. Украинск. ег. п., № 4 батарейная и №№ 4 и 6 легк. батареи 12-й арт. бриг., легк. № 3 батарея 11-й арт. бриг. и донск. № 9 батарея.

Въ *Добрени*—4-й стрѣлк. батал. и Бугскій ул. п. съ 4-мя ор. конно-легк. № 9 батар.

Въ лагерѣ при *Фундени*—1-я бриг. 11-й пѣх. див. съ батар. № 3 и легк. № 5 батареями.

Въ *Колентино*—подвижн. № 5 паркъ.

Въ *Бухарестѣ*—2 батал. Украинск. ег. п. съ легк. № 7 батар. 12-й арт. бригадой.

отъ главныхъ силъ войска Мало-Валахскаго отряда. Угрозы со стороны Рущука командующій войсками не боялся, такъ какъ на сильной позиціи въ 10-ти верстахъ отъ Журжи былъ сосредоточенъ отрядъ генерала Соймонова (7 батал. и 8 эск.), который могъ быть поддержанъ операціями нашихъ главныхъ силъ со стороны Будешти [1]).

Знаменщикъ Магдикъ подъ Ольтеницей (см. Приложеніе № 59).

На другой день послѣ того, какъ графъ Анрепъ покинулъ съ своей пѣхотой Каларашъ, направляясь на Негоешти, турки 29 октября начали демонстративную переправу черезъ Дунай со стороны Силистріи. Угроза въ этомъ направленіи была особенно чувствительна для князя Горчакова, такъ какъ движеніе непріятеля на Слободзею угрожало коммуникаціонной линіи нашей арміи. Вслѣдствіе этого командующій арміей приказалъ флотиліи сдѣлать диверсію на Гирсово, а генералу Лидерсу сосредоточить свой корпусъ къ Браилову, чтобы поддержать Слободзейскій отрядъ, если бы непріятель двинулся туда отъ Гирсова или Силистріи. Войска же, собранныя у Будешти, въ свою очередь могли дѣйствовать противъ лѣваго фланга противника, стараясь отрѣзать ему путь отступленія.

Такимъ образомъ, въ концѣ октября все вниманіе князя Горчакова было обращено на Ольтеницу, со стороны которой ежедневно ожидалось наступленіе турокъ на Бухарестъ. Большая часть войскъ съ этой цѣлью была собрана у Будешти и Негоешти; генералъ Лидерсъ приближался къ Браилову, чтобы дѣйствовать

---

[1]) Письмо кн. Горчакова воен. мин. 28 октября 1853 г. Арх. Канц. Воен. Мин. по сн. в., 1853 г., д. № 57.

совмѣстно съ генераломъ Богушевскимъ, если бы турки переправились у Силистріи; генералъ Соймоновъ оберегалъ со стороны Рущука, а Мало-Валахскій отрядъ Фишбаха наблюдалъ противника со стороны Калафата.

Но вся Ольтеницкая операція кончилась для нашей главной квартиры самымъ неожиданнымъ образомъ. 30 октября турки, взорвавъ карантинъ, безнаказанно ушли съ лѣваго берега Дуная, переправившись въ Туртукай. „Не понятно"—занесъ послѣ этого въ свой дневникъ генералъ Коцебу [1]); „Обидно"—отмѣтилъ въ дневникѣ одинъ изъ участниковъ Ольтеницкаго боя [2]).

Уходъ турокъ изъ-подъ Ольтеницы и очищеніе ими острововъ противъ этого пункта дали возможность передвинуть главныя силы нашей арміи къ Бухаресту и расположить ихъ тамъ по квартирамъ; для наблюденія же за непріятелемъ со стороны Туртукая у Ольтеницы былъ оставленъ отрядъ генерала Павлова, уменьшенный до 4 батал., 8 ор. и 16 эск., съ обычной инструкціей въ видѣ курса тактики, какъ ему расположиться и какъ дѣйствовать въ тѣхъ безчисленныхъ „случаяхъ", которые въ полномъ объемѣ предугадать за многіе десятки верстъ не суждено ни одному главнокомандующему [3]).

Между тѣмъ у Журжи, противъ Рущука, всѣ попытки турокъ переправиться на нашу сторону не только не имѣли успѣха, но и дорого имъ стоили. Здѣсь дѣйствовалъ храбрый, распорядительный и въ мѣру самостоятельный начальникъ 10-й пѣхотной дивизіи генералъ Соймоновъ, котораго въ исполненіи его долга не стѣсняли мелочныя, не соотвѣтствовавшія обстановкѣ распоряженія главной квартиры изъ Бухареста, а предписаніе завладѣть островомъ Маканъ вызвало даже отпоръ, съ которымъ долженъ былъ согласиться и князь Горчаковъ [4]).

Какъ было сказано выше, генералъ Соймоновъ 20-21 октября дѣйствовалъ противъ турецкой флотиліи, которая направлялась отъ Рущука внизъ по Дунаю, и своимъ огнемъ не далъ непріятельскому пароходу выйти изъ-за острова Маканъ. Съ цѣлью покровительствовать проходу судна, турки 23-го числа насыпали

---

[1]) Рукопись Музея Севаст. обор.

[2]) Алабинъ: „Вост. война", ч. II, стр. 140.

[3]) Кн. Горчаковъ—ген. Павлову 1 ноября, № 2001. Ген.-кварт.—ген. Павлову 1 ноября, № 2013. Арх. Воен. Уч. Ком. Гл. Шт., отд. 2, № 3429.

[4]) Рапортъ ген. Соймонова ген. Коцебу 24 октября 1853 г., № 455. Арх. Воен. Уч. Ком. Гл. Шт., отд. 2, № 3317.

на правомъ берегу рѣки, ниже острова, редутъ на 4 орудія, соотвѣтственно прикрывъ его сильной пѣхотной частью, а 25 числа построили на высотѣ противъ Журжи и въ разстояніи 1200 саженей отъ нея редутъ на 5 крѣпостныхъ орудій.

Отрядъ генерала Соймонова, силою въ 7 батал., 8 эск. и 32 ор., стоялъ на позиціи у Фратешти (Дая), въ восьми верстахъ отъ Журжи, которая должна была быть „удерживаема, „сколь возможно, долѣе и „не иначе оставлена, какъ „если бы была угрожаема „обходомъ“ [1]).

Прапорщикъ Попандопуло подъ Ольтеницей (см. Приложеніе № 59).

Въ ночь съ 27 на 28 октября турки начали производить работы на островѣ Маканъ и усиливать тамъ свои войска, что вынудило генерала Соймонова произвести въ этомъ направленіи усиленную рекогносцировку [2]). Подъ прикрытіемъ утренняго тумана были двинуты изъ Фратешти баталіонъ Томскаго полка, 8 батарейныхъ орудій и дивизіонъ гусаръ съ конной батареей.

Пѣшая батарея, спустившись съ гребня высотъ, лихо выѣхала на позицію противъ середины острова Маканъ въ то время, какъ конная батарея расположилась по дивизіонно на самомъ берегу Дуная, противъ оконечности острова. Первые выстрѣлы нашихъ орудій заставили турокъ бѣжать внутрь острова, а часть ихъ на лодкахъ начала переправляться на правый берегъ рѣки; три лодки, работавшія около парохода, бросили его и спасались внизъ по теченію. Рущукскія, а также и вновь выстроенныя батареи открыли сильный огонь, не дѣйствительный противъ

---

[1]) Предп. ген. Соймонову 27 октября, № 15. Арх. Воен. Уч. Ком. Гл. Шт., отд. 2; № 3419.

[2]) См. планъ окрестностей Журжи, № 31, стр. 345.

нашего отряда и безвредный для Журжи, что очень успокоило жителей этого города [1]).

Наши батареи, выпустивъ 51 выстрѣлъ, вернулись въ Фратешти, а Соймоновъ приступилъ къ приготовленію новаго поиска уже на островъ Маканъ съ цѣлью окончательно выбить изъ него турокъ. „Продолжайте по вашему усмотрѣнію подобныя дѣйствія", писалъ ему обрадованный Горчаковъ; „вообще старайтесь мѣшать „непріятелю устроить переправу всѣми зависящими отъ васъ мѣрами, „только не штурмуйте укрѣпленій для избѣжанія большого урона, „а дѣйствуйте такъ, чтобы непріятелю наносить сколь можно „болѣе вреда, не подвергая себя опасности быть разбитымъ" [2]).

Узнавъ, что турки вновь усилились на островѣ Маканъ, Соймоновъ утромъ 31 октября двинулся къ Дунаю съ отрядомъ изъ 3 батал., 2 эск. и 24 пѣш. и кон. ор. [3]). Расположивъ свою артиллерію въ равныхъ группахъ противъ середины и обѣихъ оконечностей острова, онъ мѣткимъ огнемъ заставилъ турокъ очистить Маканъ.

Непріятель въ свою очередь открылъ сильный огонь изъ всѣхъ орудій крѣпости и укрѣпленій противъ Журжи, выдвинувъ, кромѣ того, 8 пѣшихъ и конныхъ орудій на покатость праваго берега Дуная, между островами Чарой и Маканъ.

Видя малую дѣйствительность непріятельскаго огня, нашихъ 83 охотника, имѣя въ томъ числѣ 20 казаковъ, при 4 офицерахъ [4]), бросились на пяти лодкахъ, подъ перекрестнымъ огнемъ турокъ, къ острову Маканъ. Смѣло вскарабкавшись на высокій и обрывистый берегъ, охотники раздѣлились на партіи и, подъ командой офицеровъ, двинулись внутрь острова съ цѣлью уничтожить возведенныя на немъ постройки. Однако, не найдя тамъ никакихъ укрѣпленій, кромѣ засѣкъ и заваловъ, охотники благополучно возвратились назадъ.

Это была послѣдняя неудачная попытка турокъ, послѣ чего они уже не пытались овладѣть островомъ Маканъ [5]).

---

[1]) Рапортъ ген. Соймонова кн. Горчакову 28 октября, № 483. Арх. Воен. Уч. Ком. Гл. Шт., отд. 2, № 3419.

[2]) Отз. ген. Соймонову 29 октября, № 498. Тамъ же.

[3]) 2 батал. Колыванскаго, батал. Томскаго ег. полк., 2 эск. гусаръ Наслѣдника Цесаревича и №№ 2 батар. и легкой батар. 10-й арт. бриг. и кон. легк. № 8 батар.

[4]) Адъют. нач. 10-й пѣх. див. поручикъ Чаплинскій, Томскаго ег. п. поручикъ Хабаревъ, кон. бат. подпор. Бобарыкинъ и Колыванскаго ег. полка подпор. Пржеславскій.

[5]) Рапортъ ген. Соймонова кн. Горчакову 31 октября, № 498. Арх. Воен. Уч. Ком. Гл. Шт., отд. 2, № 3317. Журн. воен. д. Колыванскаго и мат. по истор. Томскаго полк. (рукопись).

Съ начала ноября и вплоть до конца 1853 года на всемъ протяженіи средняго и нижняго Дуная происходили только рѣдкія незначительныя попытки турокъ сдѣлать поиски на нашъ берегъ рѣки, всегда оканчивавшіяся для нихъ неудачно.

Такъ, 3 ноября, ихъ 2-хъ тысячный отрядъ, собравъ у Никополя свыше 60-ти лодокъ, высадился въ устьѣ р. Ольты, но ограничился сожженіемъ трехъ валахскихъ пикетовъ и бѣжалъ, не принявъ атаки подполковника Шапошникова, подоспѣвшаго изъ с. Пятры съ находившимися въ резервѣ сотнями донского № 37 полка [1]).

У Рущука турки 2 ноября построили укрѣпленія на берегу Дуная между островами Чарой и Маканъ, противъ которыхъ успѣшно дѣйствовала наша батарея, построенная противъ Макана. Попытка, произведенная непріятелемъ въ этотъ же день, завладѣть островомъ Радоманомъ кончилась неудачно, и къ 15 ноября они стянули къ Рущуку всѣ свои войска, стоявшія противъ этихъ острововъ, а къ концу декабря мы окончательно срыли всѣ возведенныя тамъ непріятелемъ укрѣпленія, навели мостъ для соединенія Журжи съ Радоманомъ и собрали при Журжѣ 21 гребное судно, которыя могли поднять 210 человѣкъ [2]).

Наконецъ, для лучшаго наблюденія за Дунаемъ отъ Фламунды до устья р. Веде и въ особенности отъ Слободзеи до Бригадира былъ сформированъ летучій отрядъ полковника Бонтана изъ 3-хъ офицеровъ и 195-ти нижн. чиновъ, поддержкой которому служилъ баталіонъ Колыванскаго полка, расположенный въ Слободзеѣ [3]).

Съ ноября мѣсяца нашимъ войскамъ было разрѣшено дѣлать небольшіе поиски за Дунай, но лишь съ крайней осторожностью, чтобы отправлявшіяся туда партіи не были отрѣзаны отъ обратной переправы [4]). Государь требовалъ только дѣлать такіе поиски съ опредѣленной цѣлью, а не изъ одного молодечества—„для взятія или уничтоженія турецкихъ судовъ, было бы „дѣло молодецкое и полезное“ [5]).

---

[1]) Рапортъ подполк. Шапошникова ген. Коцебу 3 ноября, № 894. Арх. Воен. Уч. Ком. Гл. Шт., отд. 2, № 3317.

Кн. Горчаковъ—кн. Меншикову 11 ноября 1853 г. Тамъ же, № 4253.

[2]) Рапортъ ген. Соймонова кн. Горчакову 4 ноября 1853 г., № 512. Арх. Воен. Уч. Ком. Гл. Шт., отд. 2, № 3317.

[3]) Ген. Соймоновъ—полк. Бонтану 1 декабря, № 649. Арх. Воен. Уч. Ком. Гл. Шт., от. 2, № 3419.

[4]) Коцебу—Соймонову 10 ноября, № 2084. Тамъ же.

[5]) Имп. Николай—кн. Горчакову 15 ноября 1853 г. Библ. Его Велич., шк. 115, портф. 14.

Въ силу этого, съ нашей стороны поиски на правый берегъ Дуная большею частью производились охотниками, преимущественно изъ казаковъ, не имѣя существеннаго для хода операцій значенія.

Дѣйствія у Силистріи и на низовьяхъ Дуная вплоть до конца года также не представляли изъ себя ничего существеннаго и ограничивались лишь незначительными обоюдными поисками и безрезультатными стычками.

Вслѣдъ за окончаніемъ Ольтеницкой операціи начальникомъ Каларашскаго отряда вновь былъ назначенъ графъ Анрепъ, которому главною цѣлью указывалось „воспрепятствовать переправѣ „непріятеля у Силистріи на лѣвый берегъ Дуная и не допускать „его утвердиться на ономъ“ [1])...

На низовьяхъ Дуная генералъ Лидерсъ расположилъ къ 10 ноября свои войска въ пяти группахъ [2]): Измаилѣ, Сатуновѣ, Рени, Галацѣ и Браиловѣ [3]), имѣя на передовыхъ постахъ отъ Браилова до Рени три сотни донского № 9 полка. Всего въ отрядѣ генерала Лидерса находилось 25.000 чел. съ 52 оруд. Къ тому же времени со стороны турокъ было собрано въ Мачинѣ 15.000 чел. при 38 ор., подъ начальствомъ Измаила-паши, и въ Исакчѣ и Тульчѣ болѣе 10.000 чел. при 30 ор., подъ начальствомъ Садыка-паши, которому было поручено также формировать казачьи полки изъ некрасовцевъ и другихъ раскольниковъ, поселившихся въ Турціи.

Генералъ Лидерсъ, чтобы лишить турокъ возможности переплывать на нашъ берегъ Дуная, предположилъ сдѣлать рекогносцировку Мачина, близъ котораго у берега находилось до 30 турецкихъ лодокъ. Наступившіе холода дали возможность предпринять экспедицію только 1 декабря, при чемъ цѣль ея заключалась въ рекогносцировкѣ расположенія батарей вокругъ города и въ уничтоженіи перевозочныхъ средствъ непріятеля, если бы это оказалось возможнымъ [4]).

Съ этой цѣлью былъ сформированъ, подъ начальствомъ генерала Энгельгарда, отрядъ изъ пароходовъ „Прутъ“ и „Орди-

---

[1]) Кн. Горчаковъ — гр. Анрепу 2 ноября, № 2017. Арх. Воен. Уч. Ком. Гл. Шт., отд. 2, № 3428.

[2]) Кн. Горчаковъ—военному министру 22 октября 1853 г., № 1778. Арх. Канц. Воен. Мин. по сн. в., 1853 г., секр. д. № 52.

[3]) См. схему № 16 (въ папкѣ).

[4]) Рапортъ ген. Лидерса кн. Горчакову 3 декабря 1853 г., № 3350. Воен. Уч. Арх. Гл. Шт., Отд. 2, д. № 3410.

нарецъ“ съ 4-мя канонерскими лодками, 5-ти ротъ пѣхоты и 2-хъ полевыхъ орудій [1]). Для отвлеченія же вниманія турокъ въ то же время должны были демонстрировать противъ Исакчи пароходъ „Метеоръ“ и съ берега, со стороны Сатунова 6 орудій, подъ прикрытіемъ двухъ ротъ Житомирскаго егерскаго полка.

Отрядъ генерала Энгельгарда былъ для производства экспедиціи распредѣленъ слѣдующимъ образомъ: рота стрѣлковъ, двѣ роты замосцевъ и два орудія были посажены на пароходъ „Ординарецъ“, на которомъ должны были переправиться на островъ Бындой, откуда содѣйствовать своимъ огнемъ производимой рекогносцировкѣ; одна рота замосцевъ была посажена на пароходъ „Прутъ“, на которомъ находился и генералъ Лидерсъ, и одна рота—на канонерскія лодки.

Турецкій планъ сраженія подъ Ольтеницей.

Части, направленныя на островъ Бындой, расположились по восточному его берегу, противъ Мачина, и открыли огонь по турецкой пѣхотѣ, находившейся въ укрѣпленіяхъ около города. Самъ же генералъ Лидерсъ на пароходѣ „Прутъ“ и канонерскія лодки вошли въ 9 часовъ утра въ Мачинскій рукавъ и къ 11 часамъ подошли къ Мачинской батареѣ, въ семь 12-ти фунтовыхъ орудій, противъ которой открыли огонь. Въ то же время охотники двухъ ротъ Замосцскаго полка, бывшихъ на лодкахъ, направились на гребныхъ судахъ, подъ начальствомъ полковника Гордѣева, къ турецкому берегу и двинулись, разсыпавъ цѣпь, къ главной турецкой батареѣ. Наткнувшись, однако, въ виноградникахъ на турецкіе окопы, занятые

[1]) 4 роты Замосцскаго ег. полка, рота 5-го стр. бат. и 2 ор. легк. № 8 батар. 15-й арт. бриг.

цѣлымъ баталіономъ, наши охотники принуждены были отойти назадъ.

Генералъ Лидерсъ убѣдился въ невозможности продолжать движеніе для уничтоженія разбросанныхъ, подъ прикрытіемъ батареи, непріятельскихъ судовъ и ограничился только произведенной рекогносцировкой [1]).

Дальнѣйшее продолженіе поисковъ на Дунаѣ было отложено, чтобы, какъ писалъ князь Горчаковъ, „турки успокоились отъ „сдѣланной имъ тревоги“ [2]).

Однако, турки не только не успокоились, но, вслѣдъ за нашей рекогносцировкой Мачина, вновь стянули къ берегамъ Дуная свои войска, первоначально отведенныя на зимнія квартиры въ Бабадагъ, и даже усилили ихъ. Такъ, въ концѣ декабря въ Тульчѣ уже числилось ихъ до 2 тысячъ, въ Исакчѣ—до 4 тысячъ, при чемъ въ оба города ожидалось прибытіе подкрѣпленій до 4 тысячъ человѣкъ.

Къ тому же времени турецкія укрѣпленія на нижнемъ Дунаѣ находились, по свѣдѣніямъ, собраннымъ генераломъ Лидерсомъ, въ слѣдующемъ состояніи: въ Тульчѣ было 4 открытыхъ батареи на 16 орудій и старый исправленный редутъ на горѣ, командующей восточной частью города;

въ Исакчѣ—4 открытыхъ батареи на 27 орудій, за ними во второй линіи 2 батареи и редутъ; у Визирскаго кургана—редутъ на 4 орудія и на островѣ передъ курганомъ батарея на 3 орудія;

въ Мачинѣ—по правому берегу Мачинскаго рукава батарея на 2 и двѣ батареи на 7 орудій, соединенныя ложементомъ для пѣхоты; передъ самымъ городомъ былъ построенъ редутъ, а на западной сторонѣ города батарея на 4 крѣпостныхъ орудія;

у Гирсова—редутъ, батарея и три открытыхъ укрѣпленія; ниже Гирсова, близъ мѣста, гдѣ въ 1828 году была произведена нашими войсками переправа, устроены три открытыя батареи на 7 орудій и два редана.

---

[1]) Рапортъ ген. Лидерса кн. Горчакову 3 декабря, № 3350 (Арх. Воен. Уч. Ком. Гл. Шт., отд. 2, № 3410). Шхан. журн. пар. „Прутъ“, „Ординарецъ“ и „Метеоръ“ (Николаевск. Черном. арх.). Бѣляевъ: Боев. подвиги 60-го пѣх. Замосцскаго полка. Арх. Житомирскаго егерск. полка.

[2]) Всеподд. письмо кн. Горчакова 6 декабря 1853 г. Арх. Канц. Воен. Мин., 1853 г., секр. д. № 88.

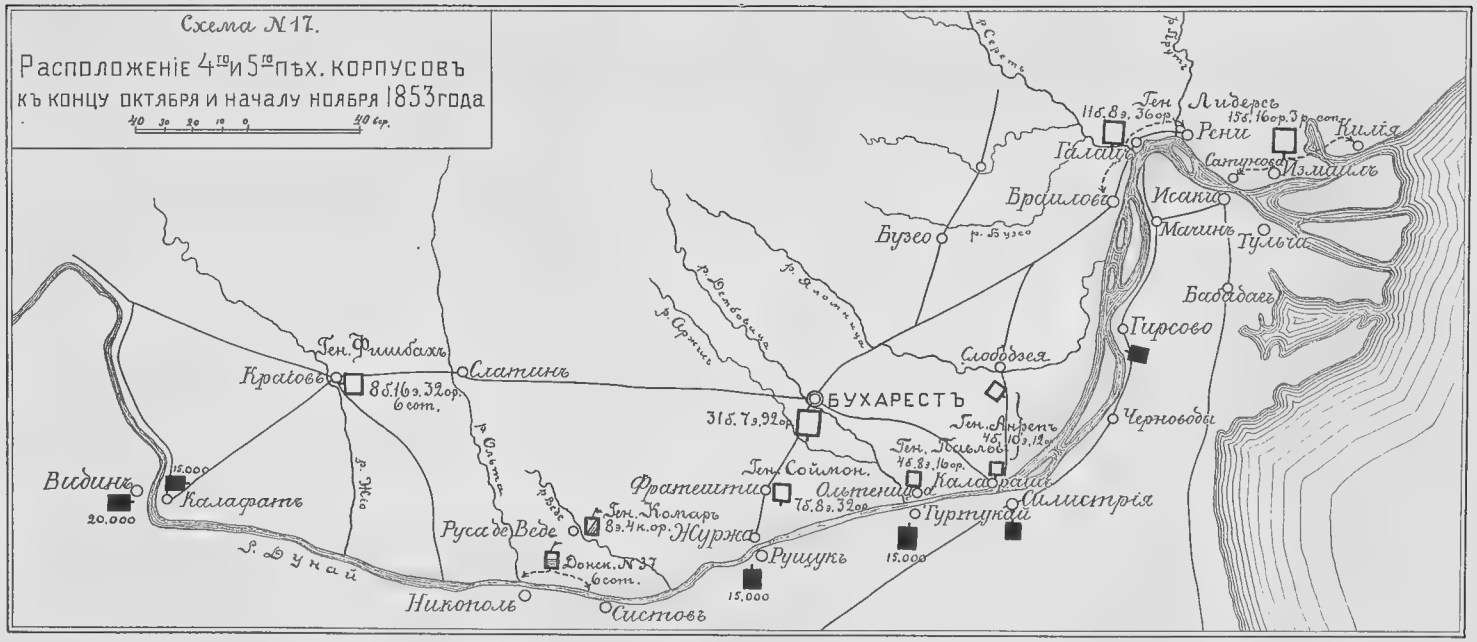


Схема № 17.
Расположеніе 4го и 5го пѣх. корпусовъ
къ концу октября и началу ноября 1853 года
40 30 20 10 0 40 вер.
р. Серетъ
р. Прутъ
Ген. Лидерсъ
11б. 8э. 36ор.
15б. 16ор. 3 р. сот.
Рени
Килія
Галацъ
Сатунова
Измаилъ
Браиловъ
Исаки
Бузео
р. Бузео
Мачинъ
Тульча
Бабадагъ
Гирсово
р. Аржисъ
р. Дембовица
р. Яломница
Слободзея
Ген. Фишбахъ
Краіовъ
8б. 16э. 32ор.
6 сот.
Слатинъ
БУХАРЕСТЪ
31б. 7э. 92ор.
Черноводы
Ген. Анрепъ
4б. 10э. 12ор.
Ген. Павловъ
4б. 8э. 16ор.
Ген. Соймон.
Фратешти
Ольтеница
7б. 8э. 32ор.
Калараши
Силистрія
Туртукай
15.000
Видинъ
20.000
Калафатъ
15.000
р. Жіо
р. Ольта
р. Веде
Ген. Комаръ
8э. 4к. ор.
Руса де Веде
Журжа
Рущукъ
15.000
Донск. № 37
6 сот.
р. Дунай
Никополь
Систовъ

Схема № 17.

IV.

Въ началѣ ноября наша Дунайская армія имѣла главныя силы, въ составѣ 31 батал., 7 эск. и 92 ор., сосредоточенными у Бухареста, а остальныя войска разбросанными по Дунаю, начиная отъ его устья, въ слѣдующихъ группахъ [1]): 15¾ батал. и 16 ор. у Киліи, Сатунова и Измаила; 11 батал., 8 эск. и 36 ор. между Рени и Браиловымъ; отрядъ графа Анрепа, 4 батал., 10 эск. и 12 ор., между Каларашемъ и Слободзеей; генералъ Павловъ съ 4 батал., 8 эск. и 16 ор. противъ Туртукая; генералъ Соймоновъ съ 7 батал., 8 эск. и 32 ор. у Журжи; между Систовымъ и Никополемъ 8 эск., 6 сот. и 4 к. ор., и, наконецъ, Мало-Валахскій отрядъ генерала Фишбаха, силою въ 8 батал., 16 эск., 6 сот. и 32 ор., у Краіова [2]).

Однако, уходъ турокъ изъ-подъ Ольтеницы и отсутствіе новыхъ съ ихъ стороны серьезныхъ попытокъ къ переходу Дуная въ другихъ пунктахъ не успокоили князя Горчакова, который считалъ положеніе своего противника на Дунаѣ столь прочнымъ, что опасался ежеминутнаго наступленія 90 тысячной турецкой арміи [3]) въ неопредѣленномъ покуда для командующаго арміей направленіи. „Ce diable de Danube“, жаловался онъ въ письмѣ къ князю Меншикову [4]), „fait que je ne puis avoir aucun renseigne-„ment sur les mouvements de l'ennemi“.

Естественнымъ послѣдствіемъ ожиданій князя Горчакова [5]) было желаніе его увеличить Дунайскую армію, и съ этой просьбой онъ неоднократно обращался какъ къ Государю, такъ и къ военному министру. „По крайней мѣрѣ двѣ дивизіи пѣхоты, нѣсколько „конницы и въ особенности два полка казаковъ мнѣ необходимы“,

---

[1]) См. схему № 17, стр. 379.

[2]) Всеподд. зап. кн. Горчакова 7 ноября 1853 г. Арх. Канц. Воен. Мин., 1853 г., секр. д. № 47.

[3]) Тамъ же.

[4]) Отъ 2 ноября 1853 г. Арх. Воен. Уч. Ком. Гл. Шт., № 4253.

[5]) Напомнимъ, что къ этому времени у Туртукая турки очистили лѣвый берегъ Дуная и островъ, снявъ съ укрѣпленій большую часть орудій; на правомъ берегу Дуная вблизи былъ виденъ лагерь отряда, силою около 15 тыс. чел. У Рущука ихъ, повидимому, было такое же число, при чемъ здѣсь они ежедневно усиливали свои батареи. У Силистріи непріятель свозилъ на острова противъ р. Борчи туры и другіе матеріалы для возведенія батарей, но рѣки Борчи не переступалъ. У Гирсова, куда по временамъ появлялся нашъ пароходъ, турки дѣлали только ничтожныя попытки. Наконецъ, по свѣдѣніямъ нашей главной квартиры, у Калафата, гдѣ возводился укрѣпленный лагерь, находился 15-ти тысячный отрядъ турокъ, имѣя за собой въ Видинѣ и его окрестностяхъ до 20.000 чел.

писалъ онъ послѣднему [1]). Мотивы къ такому увеличенію арміи были подробно изложены княземъ Михаиломъ Дмитріевичемъ въ его письмѣ Государю [2]). Сюда входили и непремѣнное наступленіе турокъ со стороны Силистріи или Никополя и Видина, и желаніе сберечь большую часть войскъ на спокойныхъ зимнихъ квартирахъ. „Съ теперешнимъ же малымъ числомъ войскъ", кончалъ онъ свое письмо, „имъ не будетъ, можетъ-быть, ни ми„нуты спокойствія; малый резервъ мой придется безостановочно „водить взадъ и впередъ по каждой тревогѣ, и того и гляди, что „гдѣ-либо будетъ неудача, коей будетъ въ высшей степени трудно „помочь" [3]).

Князь Горчаковъ старался оправдать въ глазахъ Петербурга разброску своихъ силъ, находя, что въ противномъ случаѣ онъ былъ бы уже окруженъ турками въ Бухарестѣ, и его сообщенія съ Россіей отрѣзаны [4]). Государь смотрѣлъ на дѣло болѣе трезво и на оправданіе командующаго войсками замѣтилъ: „предпо„челъ бы такъ войскъ не дробить, а наблюдать кавалеріей, держа „пѣхоту вокругъ себя въ резервѣ" [5]).

Извѣстіе о переправѣ турокъ черезъ Дунай, полученное къ тому же первоначально черезъ Вѣну, т.-е. изъ иностранныхъ источниковъ, произвело и на Императора Николая такое впечатлѣніе, что „война приметъ весьма серьезный оборотъ" [6]); при этомъ Государь, предупредивъ просьбу князя Горчакова, рѣшилъ усилить нашу Дунайскую армію войсками 3-го корпуса. „Не могу „довольно повторить тебѣ", писалъ при этомъ Государь князю Михаилу Дмитріевичу, „мое желаніе, *чтобы ты берегъ войска, „елико можно,* не тревожа напрасно для всякихъ свѣдѣній, часто „ложныхъ, *но не щадя тогда, когда неожиданностью и быстро„той предпріятія пріобрѣтается рѣшительный успѣхъ*" [7]). Упомянувъ далѣе о слухахъ, что послѣ переправы черезъ Дунай турки вступятъ съ нами въ переговоры о мирѣ, Императоръ Николай категорически выражалъ надежду, что Горчаковъ прежде

---

[1]) Отъ 1 ноября 1853 г. Арх. Канц. Воен. Мин. по сн. в., 1853 г., секр. д. № 57.
[2]) Отъ того же числа. Арх. Канц. Воен. Мин., 1853 г., секр. д. № 47.
[3]) См. приложеніе № 63.
[4]) Письмо воен. мин. отъ 4 ноября 1853 г. Арх. Канц. Воен. Мин. по сн. в., 1853 г., д. № 57.
[5]) Приложеніе № 64.
[6]) Императоръ Николай—князю Горчакову 26 октября 1853 г. Собств. Его Вел. Библ., шк. 115, портф. 14.
[7]) Курсивъ подлинника.

переговоровъ ихъ разобьетъ и прогонитъ за Дунай. Эти слова Государь два раза подчеркнулъ.

На такія правдивыя обвиненія Императора Николая послѣдовалъ со стороны князя Михаила Дмитріевича рядъ оправданій. Исчисляя силы турокъ для наступательныхъ операцій въ 90 тысячъ человѣкъ [1]), онъ предполагалъ, что Омеръ-паша можетъ дѣйствовать однимъ изъ трехъ способовъ:

1) наступать незначительными силами въ Малую Валахію со стороны Калафата и Турно, отвлекая этимъ наши резервы отъ Бухареста къ Краіову, и переправиться главными силами у Туртукая, Журжи или Силистріи для атаки Бухареста;

2) ограничиться устройствомъ нѣсколькихъ предмостныхъ укрѣпленій на лѣвомъ берегу Дуная и изъ нихъ производить набѣги, и

3) дѣлая частныя тревоги, не предпринимать ничего важнаго до весны, когда перейти, въ зависимости отъ нашего образа дѣйствій, къ общему наступленію или къ оборонѣ.

Князь Горчаковъ полагалъ, что принятое имъ расположеніе вполнѣ соотвѣтствуетъ противодѣйствію изложеннымъ выше предполагаемымъ операціямъ турецкой арміи.

Въ послѣдующихъ письмахъ Императоръ продолжалъ успокаивать нервы князя Горчакова. Онъ считалъ безразсуднымъ переправу турокъ у Гирсова, при наличности нашей флотиліи и близости корпуса генерала Лидерса, и безопасной для насъ у Силистріи, когда Горчаковъ, имѣя большую часть войскъ въ сборѣ, „можетъ дать имъ карачунъ“ [2]).

Болѣе опаснымъ могло быть наступленіе непріятеля со стороны Видина, но и это движеніе не представлялось Государю, и вполнѣ справедливо, опаснымъ, такъ какъ „отдаляться имъ „далеко, во внутрь края, мудрено“....

Затрогивалъ Государь въ своихъ письмахъ и вопросъ о зимней кампаніи, которую многіе предлагали ему начать, но онъ лично былъ противъ нея, опасаясь невылазной грязи, которая затруднитъ движеніе обозовъ и артиллеріи. Впрочемъ, Николай Павловичъ сознавалъ, что зимнимъ походомъ „мы изумили бы турокъ“ [3]).

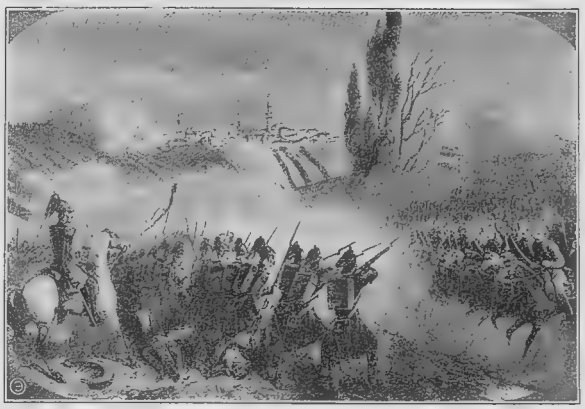
---

[1]) Всеподд. записка князя Горчакова 7 ноября 1853 г. Арх. Канц. Воен. Мин. по сн. в., секр. д. 1853 г., № 47. Приложеніе № 65.

[2]) Императоръ Николай—кн. Горчакову 12 ноября 1853 г. Собств. Его Вел. Библ., шк. 115, портф. 14.

[3]) Письмо къ кн. Горчакову отъ 15 ноября 1853 г. Тамъ же.

Князь Варшавскій также затрогивалъ въ своей перепискѣ съ Государемъ вопросы, касавшіеся военныхъ дѣйствій, и мысли его, какъ будущаго главнокомандующаго, являются особенно интересными. По нимъ можно было бы судить о томъ планѣ, который онъ будетъ исполнять, ставъ во главѣ Дунайской арміи, но въ дѣйствительности, какъ увидимъ впослѣдствіи, князь Иванъ Федоровичъ взглянулъ, въ бытность на Дунаѣ, на обстановку нѣсколько иначе, чѣмъ она представлялась ему изъ Варшавы.



Сраженіе подъ Ольтеницей (французскій рисунокъ).

Наше политическое и военное положеніе рисовалось фельдмаршалу въ очень радужномъ свѣтѣ. „Англія и Франція должны „узнать“, писалъ онъ Государю [1]), „что ихъ „флоты, даже десанты, „будутъ безполезны. „Никто не можетъ воспрепятствовать намъ, „особенно въ Азіи, „при настоящихъ средствахъ и при согласіи „съ Персіей, въ первую кампанію завоевать до Эрзерума, взявъ „на жалованіе курдовъ. На другой же годъ взять Эрзерумъ, пододвинуться до греческихъ поселеній и вооружить грековъ. Съ европейской же стороны мы, съ открытіемъ весны, можемъ занять „всѣ земли до Балканъ и дѣйствовать по обстоятельствамъ“.

Государь и въ данномъ случаѣ смотрѣлъ болѣе правильно на обстановку. Въ своемъ письмѣ къ „отцу-командиру“ [2]) онъ сознавалъ, что „турки гораздо сильнѣе, чѣмъ предполагалось, „а смѣлость или дерзость ихъ, благодаря присутствію флотовъ „въ Царьградѣ, достигла до бѣшенства“. Возможной, по словамъ Горчакова, потери Бухареста Государь придавалъ только политическое значеніе, такъ какъ дерзость Англіи и Франціи „тогда „будетъ еще нестерпимѣе, и турки успѣхомъ воспламенятся до „нѣльзя“. Горчакову Государь рекомендовалъ быть осторожнымъ,

---

[1]) 2 ноября 1853 г. Арх. Канц. Воен. Мин., 1853 г., секр. д. № 44.
[2]) Отъ 7 ноября 1853 г. Собств. Его Вел. Библ., шк. 115, портф. 14.

„не дробить силъ и быть готовымъ броситься на ближайшаго „врага, не мучить войскъ напрасными передвиженіями и тревогами".

Не радовали Императора Николая и кавказскія дѣла. „Воронцовъ боленъ и до того ослабъ, что не можетъ даже всѣ дѣла „отправлять.... Удивительно, что онъ весь свой корпусъ, кромѣ „11 баталіоновъ и вновь пришедшей (13) дивизіи, все разбилъ „по малымъ отрядамъ.... Ни корпуса, ни резерва нѣтъ; будь „онъ разбитъ, нечѣмъ остановить".... [1]).

На обвиненіе Паскевичемъ Австріи и Пруссіи въ ихъ поведеніи относительно насъ Государь замѣтилъ между прочимъ: „Австріи трудно, много заботъ по Италіи и Венгріи; этимъ извинить только можно ея нейтралитетъ. Пруссія все дрожитъ „Франціи и Англіи. Вотъ наши *союзники* [2]); и то хорошо, что, „по крайней мѣрѣ, не пристаютъ ко врагамъ!"

Тѣмъ не менѣе просьба князя Горчакова была уважена, и въ ноябрѣ къ нему на помощь былъ двинутъ 3-й пѣхотный корпусъ.

Ожидая наступленія турокъ отъ Калафата черезъ Краіово на Бухарестъ, командующій войсками направилъ въ Мало-Валахскій отрядъ 12-ю дивизію и принялъ мѣры для его дальнѣйшаго, если понадобится, усиленія.

Съ этой цѣлью 3-й пѣхотный корпусъ былъ двинутъ изъ Волыни и Подоліи къ Скулянамъ, куда головныя части 8 и 9 пѣхотныхъ дивизій прибыли 24 ноября, и получилъ приказаніе вступить въ Молдавію. Въ серединѣ декабря въ Скуляны прибыла и 7-я пѣхотная дивизія, которая въ концѣ мѣсяца была распредѣлена, одна бригада—на нижнемъ Дунаѣ въ Сатуновѣ и Рени [3]), а другая оставалась на квартирахъ въ средней Бессарабіи съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ надобности быть направленной или къ Одессѣ или къ нижнему Дунаю.

Войска 5-го корпуса, смѣненныя 7-й дивизіей, переходили въ вѣдѣніе князя Горчакова, усмотрѣнію котораго предоставлялось направить ихъ въ Княжества.

Между тѣмъ пассивность нашихъ дѣйствій не осталась безъ вліянія и на успѣхъ враждебной намъ пропаганды среди жителей Княжествъ.

---

[1]) Приложеніе № 66.

[2]) Курсивъ подлинника.

[3]) 2-я бригада съ ея артиллеріей: въ Сатуновѣ — Витебскій полкъ съ легкой № 2 батареей, въ Рени — Полоцкій полкъ съ батарейной № 2 батареей. Занятіе же кр. Измаила было возложено на резервную бригаду 15 пѣх. дивизіи.

Вскорѣ послѣ открытія военныхъ операцій оба господаря оставили свои посты и покинули Яссы и Бухарестъ, что вынудило насъ учредить для управленія Княжествами должность временного военнаго генералъ-губернатора [1]). „Отъѣздъ господарей", писалъ Императоръ Николай князю Горчакову [2]), „тѣмъ хорошъ, „что развязываетъ намъ руки, когда настанетъ время объявить „независимость Княжествъ и сдѣлать выборъ князей для наслѣд- „ственнаго правленія краями".

Одновременно съ этимъ усилилось броженіе и среди населенія. Временной отъѣздъ князя Горчакова изъ Бухареста придалъ смѣлости революціонной партіи, но нѣсколько строгихъ наказаній заподозрѣнныхъ лицъ, по возвращеніи обратно главной квартиры, сдѣлали свое дѣло [3]). Гораздо труднѣе было положеніе въ Малой Валахіи, гдѣ близость границы и отсутствіе нашихъ войскъ предоставляло широкое поле для успѣшной пропаганды; тамъ дѣло дошло даже до открытаго сопротивленія, оказаннаго доробанцами (жандармами) трехъ уѣздовъ [4]).

Что касается до молдаво-валахскихъ войскъ, то они не только не представляли изъ себя надежнаго элемента для подкрѣпленія нашей арміи, а скорѣе элементъ опасный. „Quant à la „troupe", писалъ князь Горчаковъ военному министру [5]), „elle n'a „pas envie de se battre ni pour ni contre nous; les officiers princi- „palement qui sont des poltrons, mais il n'y a rien à en redouter. „J'envoie dans deux ou trois jours la batterie Valaque à Braïlow „sous prétexte d'y armer des batteries de côte. Non que je la craigne, „mais pour que, dans le cas où je serai obligé de quitter Bucarest, „les canons ne puissent tomber aux mains des révolutionnaires".

При такихъ условіяхъ увеличеніе мѣстной милиціи являлось безполезнымъ, и князь Горчаковъ находилъ, что предназначенныя для этого деньги было выгоднѣе употребить на формированіе изъ грековъ, болгаръ и отчасти изъ румынъ баталіоновъ волонтеръ [6]).

---

[1]) Кн. Горчаковъ — воен. министру 17 октября 1853 г. Арх. Канц. Воен. Мин. по сн. в., 1853 г., секр. д. № 57.

[2]) Въ письмѣ отъ 20 октября 1853 г. Собств. Его Вел. Библ., шк. 115, портф. 14.

[3]) Кн. Горчаковъ — воен. министру 4 ноября 1853 г. Арх. Канц. Воен. Мин. по сн. в., 1853 г., секр. д. № 57.

[4]) Всеподд. письмо кн. Горчакова отъ 21 ноября 1853 г. Арх. Канц. Воен. Мин., 1853 г., секр. д. № 88.

Кн. Горчаковъ — воен. министру 6 декабря 1853 г., № 7075. Арх. Канц. Воен. Мин., 1853 г., по сн. в. секр. д. № 762.

[5]) Отъ 4 ноября 1853 г. Арх. Канц. Воен. Мин. по сн. в., 1853 г., секр. д. № 57.

[6]) Всеподд. письмо кн. Горчакова отъ 20 октября 1853 г. Арх. Канц. Воен. Мин. по сн. в., 1853 г., секр. д. № 47.

Государь, который въ мысляхъ своихъ уже рѣшилъ, въ случаѣ продолжительнаго сопротивленія турокъ, весною перейти Дунай и „приступить къ объявленію независимости Княжествъ, „Сербіи и Болгаріи“ [1]), разрѣшилъ князю Горчакову приступить къ формированію волонтерскихъ ротъ, ограничивъ свое разрѣшеніе характернымъ примѣчаніемъ: „Берегись набрать каналій, „которые и нашихъ своимъ примѣромъ развратить могутъ“ [2]). При этомъ въ помощь командующему войсками были командированы два надежныхъ офицера греческаго происхожденія—генералъ Салосъ и полковникъ Костанда [3]).

Но обстановка была очень мало подготовлена къ тому, чтобы эта мѣра дала ожидаемые положительные результаты. Населеніе Княжествъ, какъ уже было выяснено выше, относилось къ намъ отчасти безразлично, отчасти враждебно; что же касается до христіанъ, живущихъ по правую сторону Дуная, то трехсотлѣтнее иго, которое тяготѣло надъ христіанскими народностями Турціи, дѣлало ихъ мало способными къ воспріятію того быстраго подъема народнаго духа, который требовался для достиженія самостоятельной жизни. Для этого потребно было много и много лѣтъ подготовительной работы, которая только-что начиналась.

Въ Одессѣ скромно дѣйствовалъ одинъ изъ передовыхъ борцовъ за освобожденіе болгаръ, Николай Христофоровичъ Плаузовъ, посвящавшій все свободное отъ служебныхъ занятій время на поддержку возраждавшейся ново-болгарской литературы. Онъ велъ усиленную переписку съ своими задунайскими единоплеменниками и ободрялъ ихъ надеждою на милостиваго покровителя православія—Государя Императора. Преосвященный Иннокентій и генералъ-губернаторъ Ѳедоровъ въ Одессѣ, Погодинъ, графиня А. Д. Блудова и многіе другіе въ Москвѣ и Петербургѣ покровительствовали начинаніямъ Плаузова и оказывали ему возможное содѣйствіе. Труды ихъ не пропадали даромъ; живой голосъ все чаще и чаще доносился изъ Болгаріи, и участившіяся со времени объявленія войны неистовства турокъ все болѣе и болѣе увеличивали тамъ число лицъ, рѣшившихся съ оружіемъ въ рукахъ отстаивать свои права.

---

[1]) Императоръ Николай—кн. Варшавскому 22 октября 1853 г. См. приложеніе № 67.
[2]) Императоръ Николай—кн. Горчакову 20 октября 1853 г. Собств. Его Велич. Библ., шк. 115, портф. 14.
[3]) Императоръ Николай—кн. Горчакову 26 октября 1853 г. Собств. Его Велич. Библ., шк. 115, портф. 14.

Однако, почва для такого дѣйствія еще не была подготовлена ни съ той, ни съ другой стороны. Правда, въ декабрѣ 1853 года особой депутаціей болгаръ было подано прошеніе Императору Николаю о защитѣ и поданіи имъ помощи, но чувство самосознанія среди этого народа начинало еще только нарождаться, и трудно было разсчитывать на то, чтобы оно быстро охватило всѣ слои общества. Съ другой стороны и офиціальный Петербургъ, кромѣ Императора Николая, былъ мало подготовленъ къ такой новой, необычной для него задачѣ, которой онъ сталъ чуждъ со времени Священнаго союза. „Благодарю очень“, сообщала графиня А. Д. Блудова Погодину [1]), „за копію прошенія болгаръ, которое въ самомъ дѣлѣ произвело большое дѣйствіе на Государя, тронуло его до слезъ и первое подало поводъ къ видимому измѣненію во *взглядѣ политическомъ* [2]) на вопросъ Восточный. Это измѣненіе, къ несчастью, никакъ еще не проникаетъ до дипломатіи нашей, и она все находитъ средство сдѣлать вялыми и безцвѣтными самыя хорошія предположенія. Неизлечимо *западна* и *чужда* намъ вся бюрократія иностранныхъ дѣлъ министерства!“

Памятникъ на Ольтеницкомъ полѣ сраженія.

Что касается до пріѣзда болгарской депутаціи въ Петербургъ, то та же графиня Блудова полагала, что „лучше подождать до весны, когда уже совершенно рѣшится война и ея объемъ“.

Русское общество тѣмъ временемъ все болѣе и болѣе прислушивалось къ изрѣдка доносившимся до него отголоскамъ политической бури. И если вначалѣ причины осложненій не для всѣхъ были понятны, то, по мѣрѣ увеличивающейся враждебности къ намъ западной Европы и клеветъ, распространяемыхъ ея прессой, чувство народнаго самопознанія и гордости, а вмѣстѣ съ ней и сознанія необходимости войны, постепенно замѣняли собой замѣчавшееся раньше безразличіе.

---

[1]) Барсуковъ: Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. XIII, стр. 18.
[2]) Курсивъ подлинника.

„Les préoccupations croissantes politiques dissipent visiblement „la torpeur générale, où l'on était plongé jusqu'ici", писалъ Тютчевъ своей женѣ 23 ноября 1853 года [1]). „Le réveil se fait et l'on „commence à comprendre... C'est au fond l'année 1812 qui recom- „mence pour la Russie"... Въ другомъ письмѣ, также относящемся къ концу 1853 года, Тютчевъ писалъ: „Il y a quelque chose qui „cet hiver donne un peu de la physionomie à la société... C'est la „préoccupation de la situation politique... Ce qui vient de commencer, „ce n'est pas la guerre, ce n'est pas de la politique, c'est un monde „qui se constitue et qui, pour cela, doit avant toute chose retrouver „sa conscience perdue"... Такого же взгляда придерживался въ своемъ дневникѣ и князь П. П. Гагаринъ [2]).

Славянофилы признавали бѣдствія, которыя грозили Россіи, вполнѣ заслуженными, и Хомяковъ съ особеннымъ жаромъ доказывалъ, что безнаказанно нельзя ни стѣснять и подавлять духъ человѣческій, ни допускать его стѣсненія и подавленія. „Прихо- „дилось расплатиться", писалъ нашъ историкъ Соловьевъ [3]), „за „полную остановку именно того, что нужно было болѣе всего „поощрять, чего, къ несчастью, такъ мало приготовила наша „исторія, именно самостоятельнаго и общаго дѣйствія"...

Наша Дунайская армія томилась тѣмъ временемъ въ ожиданіи возможности сойтись, наконецъ, грудь съ грудью съ врагомъ, въ безплодныхъ поискахъ за которымъ она уже вела въ теченіе многихъ мѣсяцевъ трудную жизнь, сопряженную съ постоянными лишеніями, передвиженіемъ и бодрствованіемъ. Побѣдныя вѣсти, доносившіяся и съ волнъ Чернаго моря и съ горъ Кавказскихъ, еще болѣе горячили сердце русское, и избытокъ удали находилъ себѣ пищу въ отважныхъ, но большею частью безполезныхъ поискахъ за Дунай.

Но наиболѣе тяжелый крестъ продолжалъ нести князь Михаилъ Дмитріевичъ Горчаковъ. Беззавѣтно преданный своему долгу, несчастный рабъ своего характера, онъ не могъ найти силы ни въ себѣ самомъ, ни въ окружавшихъ его лицахъ, чтобы стать на высотѣ той трудной задачи, которую судьба, помимо его воли, взвалила на его старческія плечи. „Le manque d'hommes capables „chez moi me rend presque fou", жаловался онъ князю Меншикову [4]).

---

[1]) Рус. Архивъ 1874 г., „Ѳ. И. Тютчевъ", ст. С. Аксакова, стр. 295.
[2]) Собств. Его Вел. Библ. Рукоп. отдѣлъ.
[3]) Русск. Вѣстн. 1896 г., май, стр. 126.
[4]) Въ письмѣ отъ 24 января 1854 г. Арх. Воен. Уч. Ком. Гл. Шт., Отд. 2, № 4253.

„Tout ce que j'ai est encroûté, endormi, et ne veut pas remuer „le petit doigt sans разрѣшеніе". Но причина въ такомъ поведеніи русскихъ генераловъ лежала отчасти и въ самомъ князѣ Михаилѣ Дмитріевичѣ.

Съ половины ноября онъ нѣсколько успокоился за фронтъ и лѣвый флангъ своего расположенія на Дунаѣ и все болѣе и болѣе волновался за Ахиллесову пяту, Мало-Валахскій отрядъ, гдѣ и, дѣйствительно, 25 декабря разразился ударъ въ видѣ неожиданнаго, безцѣльнаго и кровопролитнаго дѣла у с. Четати.

Глава VIII.

I.

Тревожное состояніе и какой-то духъ растерянности, которые царили въ сердцѣ князя Горчакова, не были чужды и его начальнику штаба генералъ-адъютанту Коцебу. Полное непониманіе плана, легшаго въ основу дѣйствій Омера-паши въ зиму 1853—1854 годовъ, отсутствіе серьезныхъ свѣдѣній о противникѣ и боязнь наступательныхъ дѣйствій его на всемъ обширномъ пространствѣ Дуная отъ моря до Видина были тому причиной. „Ни„чего неизвѣстно о непріятелѣ... Новыхъ свѣдѣній о врагѣ не „получено. Необъяснимая тишина!... Все еще ничего новаго о „непріятелѣ. Съ праваго берега Дуная мы не имѣемъ никакихъ „извѣстій, а посему совершенно не знаемъ о намѣреніяхъ ту„рокъ. Тишина, какъ будто бы затишье передъ бурей...“, чуть ли не ежедневно заносилъ Павелъ Евстафьевичъ въ свой дневникъ [1]).

Чувство справедливости заставляетъ признать, что такому мрачному состоянію духа ближайшихъ руководителей нашей арміи много содѣйствовала и та неблагопріятная обстановка, въ которой проходила зимняя кампанія 1853—54 годовъ на Дунаѣ. Широкая рѣка, раздѣлявшая враждующія арміи, какъ китайская стѣна, плохая организація тайныхъ развѣдокъ на турецкой сторонѣ Дуная, связанныя у князя Горчакова утвержденнымъ планомъ кампаніи руки и необходимость защищать обширный театръ войны при

[1]) Записи за конецъ октября и начало ноября 1853 г.

боязни потерпѣть гдѣ-нибудь хоть частичную неудачу—это такія специфическія черты пагубной пассивной обороны, цѣпи которой было подъ силу разбить болѣе могучимъ талантамъ и характерамъ, чѣмъ тѣ, которыми обладали князь Горчаковъ и его начальникъ штаба.

И въ этомъ отношеніи нравственная побѣда, надо сознаться, была на сторонѣ нашихъ враговъ.

Омеръ-паша не только блестяще выполнилъ возложенную на него задачу дать туркамъ мобилизовать и развернуть подъ прикрытіемъ Дуная всѣ свои силы и напрактиковать въ тактическихъ дѣйствіяхъ свои молодыя войска [1]), но своими удачными наступательными попытками въ разныхъ мѣстахъ Дуная онъ сумѣлъ лишить князя Горчакова нравственнаго равновѣсія, сбить его съ толку и заставить подчиниться волѣ Омера.

На южномъ берегу Дуная, одинаково какъ и на сѣверномъ, недоумѣвали о томъ, чего же хочетъ противникъ, но у турокъ, не предполагавшихъ насъ атаковать, это было понятно; у насъ же, долженствовавшихъ вооруженной рукой подчинить непріятеля своей волѣ, такое положеніе вело къ нравственному гнету арміи, распространявшемуся мало-по-малу отъ старшихъ къ младшимъ.

Такое же чувство, даже въ своемъ зародышѣ, не есть спутникъ побѣдоносной кампаніи.

Волненіе и суетливость князя Горчакова, какъ уже сказано выше, болѣе всего касались Мало-Валахскаго отряда и повлекли за собою, какъ неизбѣжное послѣдствіе, утомленіе, нервозность этого отряда и погоню его сразу за нѣсколькими цѣлями.

Нельзя упрекать князя Михаила Дмитріевича въ его безпокойствѣ за свой правый флангъ.

Опасеніе ослабленія главныхъ силъ отправкой къ Калафату, за 300 верстъ отъ центра нашего расположенія, достаточно крупнаго отряда, чтобы примкнуть нашъ правый флангъ къ Дунаю, нежеланіе съ другой стороны допустить турокъ утвердиться здѣсь, на нашемъ берегу рѣки, совмѣстно съ упорнымъ удержаніемъ ими Калафата въ то время, какъ они легко отказались отъ своихъ наступательныхъ попытокъ на остальныхъ участкахъ рѣки, давало основаніе съ безпокойствомъ смотрѣть за тѣмъ, что дѣлалось въ Малой Валахіи.

---

[1]) Письмо Барагэ д'Илье Друэнъ-де-Люису изъ Константинополя 24 февраля 1854 г. Парижъ. Военный Архивъ.

Генералъ Фишбахъ, поставленный во главѣ выполненія столь важной и отвѣтственной задачи, положительно былъ сбитъ съ толку особой заботливостью о немъ нашей главной квартиры.

Генералъ-лейтенантъ Фишбахъ.

Мы оставили Мало-Валахскій отрядъ расположеннымъ на р. Жіо и освѣщающимъ высылкой сильныхъ разъѣздовъ всю мѣстность вплоть до Калафата [1]).

21 октября генераломъ Фишбахомъ былъ высланъ для полученія болѣе опредѣленныхъ свѣдѣній о силѣ и намѣреніяхъ противника на верхнемъ Дунаѣ въ окрестности Калафата сильный кавалерійскій отрядъ въ 7 эскадроновъ гусарскаго князя Варшавскаго полка и $4\frac{1}{2}$ сотни казаковъ. Конница эта, выступивъ одновременно, подъ начальствомъ флигель-адъютантовъ полковниковъ графа Алопеуса и князя Васильчикова, изъ лагерей при Ницоешти и Радована [2]), двинулась въ тѣсной связи другъ съ другомъ четырьмя колоннами и, оттѣснивши непріятельскую кавалерію и пѣхоту, освѣтила всю мѣстность до линіи Пояна, Модловита, Росинищу. Въ Калафатѣ, по собраннымъ ею свѣдѣніямъ, находилось до 15 тысячъ человѣкъ, въ томъ числѣ около $2\frac{1}{2}$ тысячъ конницы; въ укрѣпленіяхъ острова оставалось 400 албанцевъ и 9 орудій; впереди Калафата было возведено пять батарей и въ с. Пояны находился кавалерійскій постъ въ 150 человѣкъ.

Со стороны Рахова попрежнему оставалось все спокойно и турки тамъ расположились по квартирамъ; у Никополя же было собрано до 70 лодокъ и можно было предполагать, что турки дѣлали приготовленія къ переправѣ [3]).

---

[1]) Напомнимъ, что въ распоряженіи генерала Фишбаха въ то время находилось 8 батал., 16 эск., 24 пѣш., 8 конн. ор. и казачій полкъ.

[2]) См. схему № 18, стр. 395.

[3]) Рапортъ ген. Фишбаха 25 октября 1853 г., № 125, изъ Ницоешти. Воен. Уч. Арх., отд. 2, д. № 3431.

Ничего особеннаго, такимъ образомъ, на верховьяхъ Дуная не случилось, но князь Горчаковъ находился 24 октября подъ впечатлѣніемъ Ольтеницкой неудачи, и результатомъ такого настроенія главной квартиры было экстренное приказаніе генералу Фишбаху отодвинуться съ его отрядомъ отъ р. Жіо къ Команамъ, т.-е. на три перехода къ востоку [1]). На другой день, 25 числа, когда нервы въ Бухарестѣ успокоились, то генералу Фишбаху было опять приказано оставаться на р. Жіо [2]).

Однако, 27-го числа князь Горчаковъ вновь не имѣлъ другого разговора, какъ о томъ критическомъ положеніи, въ которомъ онъ находился; при этомъ онъ все видѣлъ въ черномъ свѣтѣ, что отзывалось и на его начальникѣ штаба [3]). Сильныя наступательныя дѣйствія турокъ снова начали грезиться нашему военноначальнику, и эти опасенія опять-таки вылились въ путанную и неопредѣленную инструкцію генералу Фишбаху [4]). Разбирая въ ней возможныя дѣйствія турокъ и Мало-Валахскаго отряда, князь Горчаковъ выражалъ желаніе удержать за собой Малую Валахію столько времени, сколько это возможно, не подвергая отряда Фишбаха невыгодному бою, и рекомендовалъ ему перевести отрядъ изъ Ницоешти въ Краіово, откуда, въ случаѣ отступленія, отрядъ менѣе подвергался бы опасности быть отрѣзаннымъ непріятелемъ [5]).

Вслѣдствіе этихъ распоряженій, генералъ Фишбахъ вновь перешелъ 29 октября со своимъ отрядомъ въ Краіово, выставивъ у Радована авангардъ князя Васильчикова изъ 2 баталіоновъ, 4 эскадроновъ гусаръ, $2^1/_2$ сотенъ казаковъ и 4 орудій. Казаки, во главѣ съ есауломъ Аѳанасьевымъ, составили передовой отрядъ въ Быйлешти, откуда должны были высылать разъѣзды къ сторонѣ Калафата для наблюденія за непріятелемъ и для воспрепятствованія фуражировкамъ противника.

Разрѣшая, однако, князю Васильчикову высылать партіи въ разныхъ направленіяхъ для борьбы съ фуражирами, генералъ Фишбахъ ему запрещалъ долго оставаться на одномъ мѣстѣ вблизи Калафата, чтобы не быть отрѣзаннымъ отъ главныхъ силъ отряда.

---

[1]) Кн. Горчаковъ—ген. Фишбаху 24 октября 1853 г., № 1801. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 3431.

[2]) Предписаніе 25 октября 1853 г., № 1810. Тамъ же.

[3]) Дневникъ ген.-ад. Коцебу.

[4]) Отн. 28 октября 1853 г., № 1871. Арх. Воен. Уч. Ком. Гл. Шт., д. № 3431.

[5]) Приложеніе № 68.

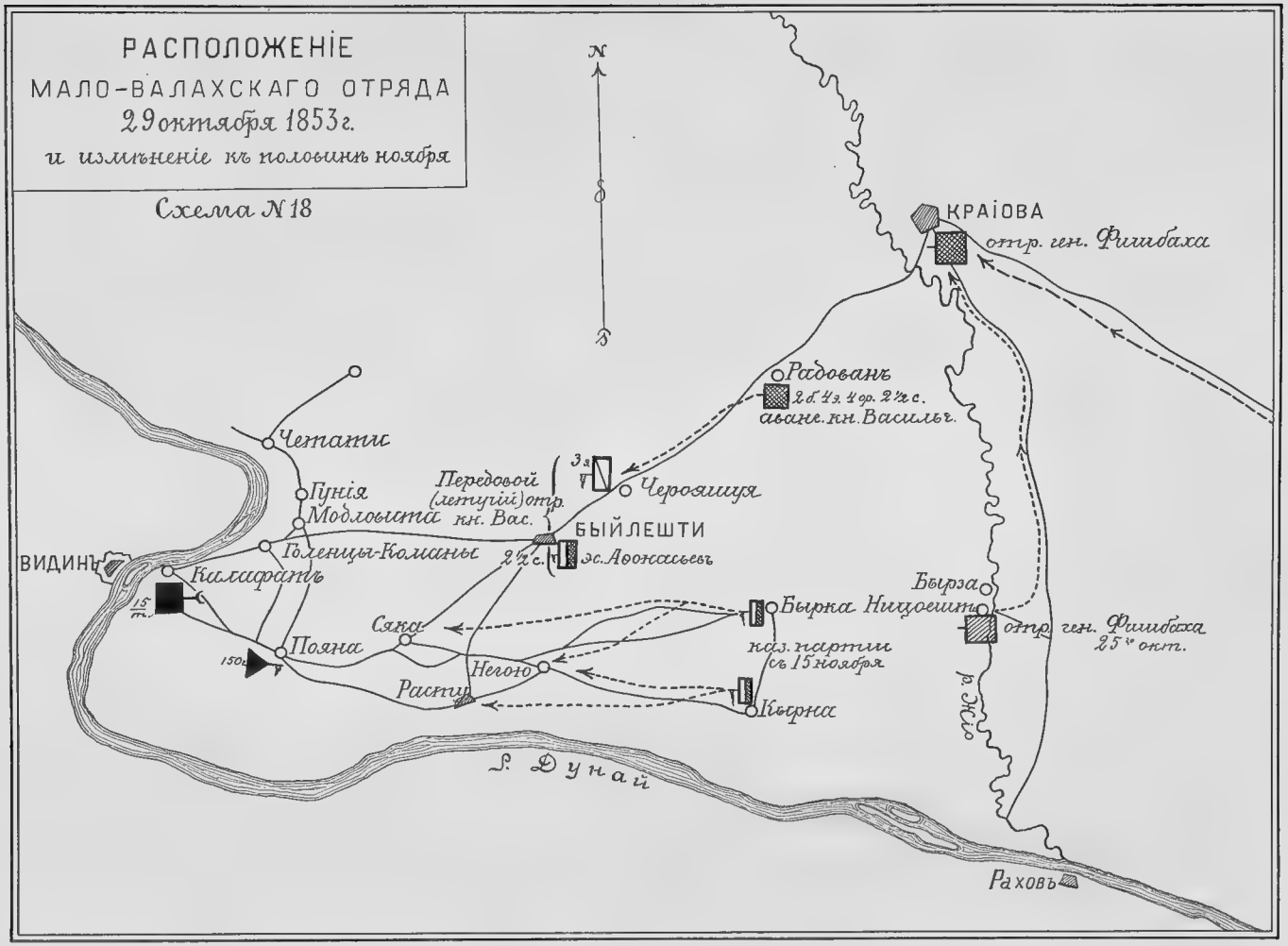

РАСПОЛОЖЕНІЕ
МАЛО-ВАЛАХСКАГО ОТРЯДА
29 октября 1853 г.
и измѣненіе къ половинѣ ноября
Схема № 18
N
КРАІОВА
отр. ген. Фишбаха
Радованъ
2 б. 4 з. 4 ор. 2½ с.
аванс. кн. Васильч.
Четати
Гунія
Модловита
Передовой (летучій) отр. кн. Вас.
3 з.
Чероящуя
БЫЙЛЕШТИ
2½ с.
эс. Аѳонасьевъ
ВИДИНЪ
Голенцы-Команы
Калафатъ
15 т.
Бырза
Бырка
Ницоешти
отр. ген. Фишбаха 25 окт.
Сяка
Пояна
150 г.
Негою
Расти
каз. партіи съ 15 ноября
Кырна
р. Жіо
р. Дунай
Раховъ

Схема № 18.

31 октября для князя Михаила Дмитріевича былъ радостный день. Турки взорвали свои укрѣпленія и оставили Ольтеницу [1]).

Но вслѣдъ затѣмъ безпокойство вновь овладѣло командующимъ войсками. До него дошли слухи о приготовленіи турокъ къ переправѣ у Никополя. Вслѣдствіе этого явилось опасеніе, что непріятель можетъ угрожать со стороны Турно лѣвому флангу Мало-Валахскаго отряда, и это опасеніе вызвало сформированіе новаго отряда, генерала Комара, изъ полка уланъ и казаковъ и дивизіона конной артиллеріи [2]), который 8 ноября расположился у Руссе-де-Веде для охраны пространства между рр. Ольтой и Веде [3]).

На этотъ разъ безпокойство за Фишбаха не вызвало распоряженія объ отходѣ его отряда на востокъ, а лишь ограничилось приказаніемъ предварить всѣ части быть готовыми къ выступленію.

Войска Валахскаго отряда тѣмъ временемъ рвались въ бой, и къ генералу Коцебу поступали просьбы молодыхъ офицеровъ Генеральнаго Штаба разрѣшить атаковать Калафатъ [4]). Князь Горчаковъ попрежнему ни на что не рѣшался, а непріятель тѣмъ временемъ все усиливался на нашемъ берегу Дуная, и въ концѣ ноября Калафатскій укрѣпленный лагерь представлялъ уже силу, съ которой серьезно приходилось считаться.

По всѣмъ собраннымъ свѣдѣніямъ, войска Калафатскаго отряда къ этому времени увеличились до 20-25 тысячъ человѣкъ при 52 орудіяхъ и состояли почти исключительно изъ регулярныхъ частей; въ томъ числѣ кавалеріи было около 7 полковъ. Укрѣпленный лагерь былъ расположенъ на возвышенномъ берегу Дуная, противъ Видина, сообщеніе съ которымъ первоначально поддерживалось на лодкахъ, а впослѣдствіи, въ декабрѣ, при помощи пловучаго моста. Укрѣпленія были расположены въ двѣ линіи. Первую составляли ломаные земляные валы съ деревянными капонирами и блокгаузами; валы эти были вооружены 50-ю орудіями средняго калибра. Во второй линіи находился рядъ редутовъ, особенно сильныхъ у Краіовской дороги. У самаго города былъ построенъ редутъ, вооруженный 6 орудіями, и, кромѣ

---

[1]) „Князь радуется по-ребячески“, не упустилъ занести въ свой дневникъ П. Е. Коцебу.

[2]) Бугскій уланскій, донской № 37 полки и дивизіонъ легко-конной № 9 батареи.

[3]) Кн. Горчаковъ — воен. министру 4 ноября 1853 г. Арх. Канц. Воен. Мин. по сн. в., д. № 57, 1853 г.

[4]) Письмо кап. Кебеке ген.-ад. Коцебу отъ 5 ноября 1853 г. Слѣдуетъ, впрочемъ, оговориться, что 9 ноября кап. Кебеке отказался отъ своей мысли. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. 1853 г., № 3431.

того, два укрѣпленія. Войска располагались въ землянкахъ и въ палаточномъ лагерѣ, примыкавшемъ своими флангами къ Дунаю [1]). Вся кавалерія была расположена на правомъ флангѣ, имѣя около 2 эскадроновъ у с. Пояны и около 3-4 эскадроновъ у с. Голенцы-Команы, подъ прикрытіемъ которыхъ у с. Модловита окрестными жителями строились укрѣпленія [2]).

Своимъ выгоднымъ у Калафата положеніемъ турки до конца декабря не пользовались для дѣйствія противъ отряда генерала

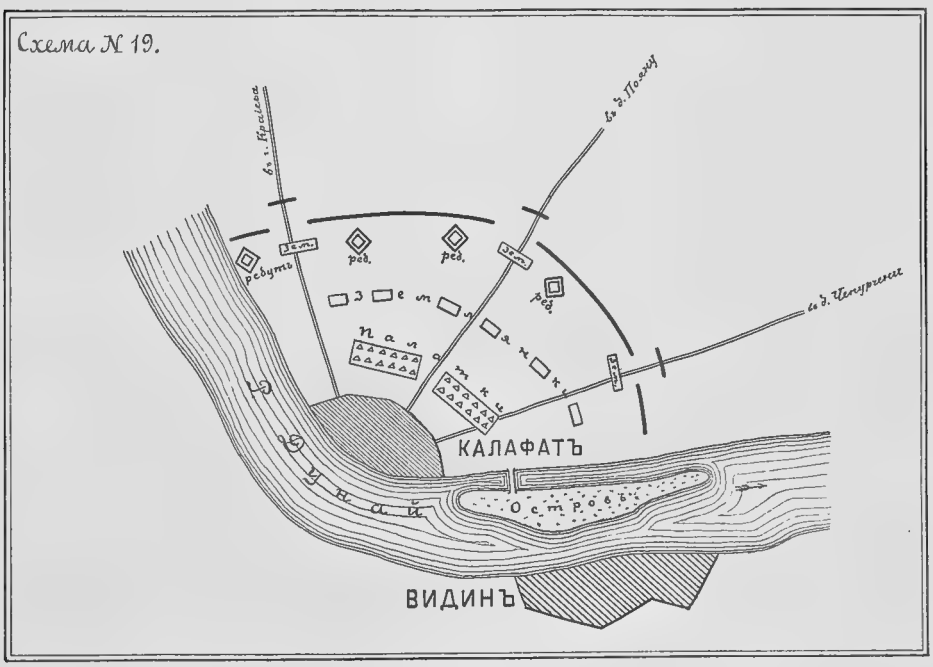


Схема № 19.

Фишбаха, а занимались сосредоточеніемъ въ укрѣпленный лагерь запасовъ продовольствія изъ окрестныхъ деревень и, главнымъ образомъ, революціонированіемъ мѣстнаго населенія.

Турки обращались съ нимъ весьма кротко, объявляя, что пришли освободить народъ Валахіи отъ бояръ и русскихъ, и что за ними идутъ ревнители свободы Валахіи, оставившіе край въ 1848 году [3]).

---

[1]) См. схему № 19, стр. 397.

[2]) Собран. свѣд. о тур. в. Арх. Канц. Воен. Мин. по сн. в., 1853 г., секр. д. № 57. Зап. П. К. Менькова, т. 1.

[3]) Всеподд. письмо кн. Горчакова 13 октября 1853 г. Арх. Канц. Воен. Мин. по сн. в., 1853 г., секр. д. № 47. Зап. кн. Горчакова отъ 21 января 1854 г. о дѣйств. въ Мал. Валахіи. Арх. Канц. Воен. Мин. по сн. в., 1853 г., секр. д. № 60.

Приведенныя свѣдѣнія о силѣ турокъ подъ Калафатомъ совмѣстно со слухами, что на военномъ совѣтѣ въ Шумлѣ предложено, не теряя времени, начать противъ насъ наступательныя дѣйствія, и что ежедневно ожидается прибытіе въ Калафатъ самого Омера-паши, вновь разстроили князя Горчакова. Онъ опасался захвата турками Краіова и необходимости въ такомъ случаѣ очистить Малую Валахію до прихода двинутыхъ на театръ войны частей 3-го корпуса, что можно было ожидать не раньше января мѣсяца. Только послѣ этого онъ считалъ возможнымъ двинуть часть резерва отъ Бухареста, не опасаясь за свои сообщенія, и изгнать турокъ изъ Валахіи [1]).

„Не совсѣмъ раздѣляю это мнѣніе“, помѣтилъ Государь на разсужденіяхъ Горчакова [2]).

Постепенно увеличивающаяся смѣлость турокъ, все возрастающее вліяніе ихъ на мѣстныхъ жителей и дерзкія фуражировки вблизи расположенія нашихъ войскъ заставили генерала Фишбаха принять болѣе рѣшительныя мѣры для уменьшенія сферы вліянія Калафатскаго отряда. Съ этой цѣлью онъ усилилъ авангардъ 4 дивизіономъ гусарскаго князя Варшавскаго полка, выдѣливъ изъ него особый летучій отрядъ, подъ начальствомъ князя Васильчикова [3]), изъ трехъ эскадроновъ гусаръ [4]) и двухъ съ половиною сотенъ донского казачьяго № 38 полка. Отряду князя Васильчикова было указано находиться примѣрно около с. Быйлешти, откуда дѣлать неожиданныя нападенія на турецкія партіи, выходившія изъ Калафата, препятствовать сношенію жителей съ турками и свозу ими продовольствія въ непріятельскій лагерь. Южнѣе отряда князя Васильчикова съ этою же цѣлью дѣйствовали сильныя казачьи партіи отъ сс. Быркы и Кырна на сс. Негою, Расту и Сяпу [5]).

16 ноября отрядъ Васильчикова сосредоточился у Быйлешти и Черои, а 18-го числа произошла удачная стычка нашихъ гусаръ и казаковъ съ турецкой кавалеріей у с. Пояны, благодаря которой

---

[1]) Кн. Горчаковъ—воен. министру 11 ноября 1853 г. Арх. Канц. Воен. Мин. по сн. в., д. № 57. Кн. Горчаковъ—кн. Меншикову 11 ноября 1853 г. Арх. Воен. Уч. Ком., д. № 4253.

[2]) Помѣтка на письмѣ кн. Горчакова воен. министру 18 ноября 1853 г. Арх. Канц. Воен. Мин. по сн. в., секр. д. № 57.

[3]) Начальникомъ авангарда у Радована, вмѣсто кн. Васильчикова, былъ назначенъ гр. Алопеусъ.

[4]) 1, 2 и 7 Принца Фридриха-Карла Прусскаго полка.

[5]) Фишбахъ — Коцебу 17 ноября 1853 г., № 232. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 3431.

временно прекратилось появленіе непріятельскихъ шаекъ къ востоку отъ этой деревни [1]).

Такой результатъ навелъ на мысль увеличить число летучихъ отрядовъ съ тѣмъ, чтобы ихъ дѣйствіями не дать развиться среди жителей враждебному намъ настроенію.

Поэтому 20 ноября былъ сформированъ отрядъ маіора Рудзевича изъ одного эскадрона и сотни, которому былъ данъ раіонъ къ сѣверу отъ князя Васильчикова. 2 ноября Рудзевичъ произвелъ поискъ на сс. Росиницу, Добридоръ, Четати, Фонтына-Банулуй и Морени; турокъ нигдѣ не встрѣтилъ, но захватилъ въ послѣднихъ двухъ селахъ припасы продовольствія, отправлявшіеся жителями въ Калафатъ.

Однако, всѣ эти мѣры не повели къ уменьшенію турецкой пропаганды среди жителей Малой Валахіи, настроеніе которыхъ становилось все болѣе и болѣе намъ враждебнымъ.

Вмѣстѣ съ этимъ до князя Горчакова начали доходить слухи о непригодности генерала Фишбаха къ тому отвѣтственному посту, который онъ занималъ. Князь Васильчиковъ, назначенный въ концѣ ноября начальникомъ штаба къ генералу Фишбаху, писалъ одному изъ своихъ пріятелей въ главную квартиру [2]): „Дѣло начальника „штаба при здѣшнемъ отрядѣ есть дѣло трудное и въ военномъ и „въ политическомъ отношеніяхъ. Городъ Краіово набитъ людьми, „ожидающими пришествія турецкихъ войскъ, чтобы возобновить „продѣлки 1848 года. Здѣшніе бояре постоянно ведутъ переговоры „съ пашами. Генералъ же нашъ, не будучи въ состояніи справиться „со своими подчиненными, не можетъ держать края въ порядкѣ. „У насъ доробанцы бѣгутъ—мы имъ кланяемся, священники пропо„вѣдуютъ, что турокъ должно принимать, какъ избавителей—мы „ничего! Въ казино провозглашаютъ, что русскихъ выгонятъ изъ „Валахіи—мы молчимъ... Пора бы, наконецъ, устроить хоть какое„нибудь управленіе, потому что насъ никто не слушаетъ, а не слу„шаютъ потому, что мы ничего не приказываемъ!“

Вслѣдъ за этимъ и князь Горчаковъ призналъ, что „Фишбахъ „не имѣетъ достаточнаго ума, чтобы его оставить одного на та„комъ посту“ [3]) и началъ искать для этой цѣли болѣе подходящее

---

[1]) Фишбахъ—кн. Горчакову 20 ноября 1853 г., № 245. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 3431.

[2]) Записки П. К. Менькова, т. 1.

[3]) Кн. Горчаковъ—воен. министру 21 декабря 1853 г. Арх. Канц. Воен. Мин., 1853 г., секр. д. № 60.

лицо. Выборъ палъ на генералъ-адъютанта графа Анрепъ-Эльмпта, при чемъ генералъ Фишбахъ не былъ отозванъ, а остался въ подчиненіи новому начальнику [1]).

Графъ Анрепъ 29 ноября прибылъ въ Краіово, а вслѣдъ за нимъ на усиленіе Мало-Валахскаго отряда была двинута изъ-подъ Бухареста въ Краіово 12-я пѣхотная дивизія съ ея артиллеріей и двѣ роты 4 сапернаго баталіона, взамѣнъ которыхъ въ первыхъ числахъ января ожидалось прибытіе въ Бухарестъ 8-й дивизіи 3-го корпуса, мобилизованнаго и двинутаго на усиленіе Дунайской арміи. Такія силы князь Горчаковъ считалъ вполнѣ достаточными для атаки Калафата или, по крайней мѣрѣ, для тѣснаго его обложенія, если бы турки оказались въ немъ очень сильными [2]). Головной полкъ 12-й дивизіи, Одесскій егерскій, прибывалъ въ Краіово 19 декабря [3]).

Съ прибытіемъ графа Анрепа положеніе Мало-Валахскаго отряда не измѣнилось къ лучшему. Революціонные выходцы продолжали наводнять окрестности Калафата и жители начали оказывать нашимъ войскамъ почти открытое сопротивленіе. Враждебное намъ настроеніе главнымъ образомъ обнаружилось по деревнямъ, лежащимъ близъ Дуная, выше Видина, и особенно между селеніями Груя, Сальчія и Четати.

Для борьбы съ этимъ зломъ первоначально рѣшено было посылать въ разныя направленія сильныя подвижныя колонны изъ трехъ родовъ оружія, а 17 декабря былъ пододвинутъ въ Быйлешти изъ Краіова и весь отрядъ графа Анрепа. Князь Горчаковъ не признавалъ такого выдвиженія опаснымъ, такъ какъ, благодаря распутицѣ, нельзя было ожидать наступленія турокъ ни со стороны Рахова, ни со стороны Никополя [4]).

Одновременно съ переходомъ графа Анрепа въ Быйлешти часть Мало-Валахскаго отряда, въ составѣ 2-хъ баталіоновъ Тобольскаго пѣхотнаго полка, эскадрона гусарскаго князя Варшав-

---

[1]) Всеподд. письмо кн. Горчакова 29 ноября 1853 г. Арх. Канц. Воен. Мин., 1853 г., секр. д. № 88.

[2]) Кн. Горчаковъ — воен. министру 2 декабря 1853 г. Арх. Канц. Воен. Мин. по сн. в., 1853 г., д. № 57. Кн. Горчаковъ — кн. Меншикову 23 ноября 1853 г. Арх. Воен. Уч. Ком., д. № 4253.

[3]) Всеподд. письмо кн. Горчакова отъ 6 декабря 1853 г. Арх. Канц. Воен. Мин., 1853 г., секр. д. № 88.

[4]) Зап. кн. Горчакова 21 января 1854 г. Арх. Канц. Воен. Мин., 1853 г., секр. д. № 60.— П. К. Меньковъ въ своихъ Запискахъ называетъ выдвиженіе гр. Анрепа къ Быйлешти самовольнымъ, вызваннымъ ожидаемымъ прибытіемъ къ отряду начальника 12-й дивизіи генерала Липранди и опасеніемъ, что его поставятъ во главѣ отряда.

скаго полка и двухъ сотенъ доробанцевъ при 4 орудіяхъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Бельгарда, была направлена отъ Радована на Перитору, Галича-Маре, Сальчію и Кушмиръ для усмиренія этихъ послѣднихъ деревень [1]).

17 декабря Бельгардъ занялъ Четати, отогнавъ оттуда къ Гуніи и Мадловитѣ партіи турецкой конницы, но не успѣлъ собрать сколько-нибудь положительныхъ свѣдѣній о противникѣ. Оставивъ въ Четати для усмиренія взволнованныхъ доробанскихъ деревень командира Тобольскаго пѣхотнаго полка полковника Баумгартена съ однимъ баталіономъ его полка, взводомъ гусаръ и 25-ю казаками при двухъ орудіяхъ [2]), онъ съ остальными войсками своего отряда двинулся черезъ Изымшу, Оберту и Кушмиру въ Браништи, гдѣ и расположился на ночлегъ. 19-го числа, произведя своей кавалеріей поискъ на Грую, онъ перешелъ къ д. Престолъ.

Графъ Анрепъ, получившій въ это время донесеніе о появленіи турецкихъ разъѣздовъ между сс. Мадловита и Скрипетулъ, сталъ опасаться за тылъ отряда генерала Бельгарда и направилъ прибывающій Одесскій егерскій полкъ на его усиленіе, при чемъ три баталіона этого полка должны были расположиться въ сс. Моцацей и Галича-Маре, а 4-й баталіонъ въ с. Бырза на низовьяхъ р. Жіо для охраны моста и для наблюденія со стороны Рахова.

19 декабря Мало-Валахскій отрядъ занималъ, такимъ образомъ, слѣдующіе пункты: генералъ Бельгардъ съ баталіономъ Тобольскаго полка, взводомъ гусаръ, двумя сотнями доробанцевъ и двумя орудіями—с. Престолъ, полковникъ Баумгартенъ съ такимъ же отрядомъ, но безъ доробанцевъ,—у с. Четати и главныя силы графа Анрепа (3½ батал., 2 эск., 2 сот. и 20 ор.)—у Быйлешти, имѣя въ 10 верстахъ за собою, въ Черо̀ѣ, 10 эскадроновъ кавалеріи. Очевидно, такое расположеніе, при которомъ Бельгардъ отстоялъ отъ Баумгартена на 30 верстъ, и этотъ послѣдній отъ графа Анрепа на 25 верстъ, давало энергичному противнику, владѣющему укрѣпленной позиціей у Калафата, возможность разбить наши отряды по частямъ или по крайней мѣрѣ заставить ихъ принять неравный бой поодиночкѣ. Это и привело къ славному, но и совершенно безцѣльному дѣлу у с. Четати.

---

[1]) См. схему № 20, стр. 402.
[2]) Прик. войск. 3, 4 и 5 пѣх. корп. 27 декабря 1853 г., № 177.

Схема № 20
РАСПОЛОЖЕНІЕ
МАЛО-ВАЛАХСКАГО ОТРЯДА
17 декабря
22 декабря
1853 г.
движеніе отр. ген. Бельгарда
Куилару
Сальчія
Бельгардъ
Баумг.
3 б. 6 op. 1 э. 1 с.
Четати
Бельгардъ
4 б. 6 op. 2 э. 1 с.
Моцацей
Галича-Маре
Перинору
Радованиль
2 роты
Гунія
Скрипетулъ
Быйлешти
Мадловиты
Голенцы-Команы
ВИДИНЪ
Калафатъ
Гр. Андреъ
3½ б. 20 ор.
2 э. 2 с.
Черояя
Силешти-Круча
Ковей-де-Сусъ
Сяка
Негой
Каз. постъ
КРАІОВА
Слатино
р. Ольта
р. Жіо
Бырза
р. Дунай
N.
S.

Схема № 20.

II.

Разброска нашихъ небольшихъ отрядовъ для занятія валахскихъ селеній вверхъ по Дунаю, сѣвернѣе Калафата, при нахожденіи ядра Мало-Валахскаго отряда у Быйлешти, т.-е. въ разстояніи почти 40 верстъ отъ турецкаго лагеря, вполнѣ содѣйствовала выполненію Омеромъ-пашею плана тактической подготовки его войскъ набѣгами сосредоточенныхъ силъ на раздробленныя части русской арміи. Растерянность, нерѣшительность и пассивность, которыя до сего времени проявлялъ Мало-Валахскій отрядъ, почти обезпечивали безопасность такихъ мѣропріятій энергичнаго турецкаго главнокомандующаго.

Прежде чѣмъ предпринимать наступательныя дѣйствія въ значительныхъ силахъ, Ахметъ-паша рѣшилъ произвести сильную кавалерійскую развѣдку нашего расположенія, обративъ особое вниманіе на с. Четати, которое въ глазахъ турокъ пріобрѣтало большое значеніе, какъ пунктъ, долженствовавшій служить опорой нашего праваго фланга при ожидаемомъ съ ихъ стороны обложеніи нами Калафатскаго укрѣпленнаго лагеря.

При наличности въ отрядѣ графа Анрепа цѣлой массы кавалеріи, турецкая конница скрытно пробралась изъ Калафата и утромъ 19 декабря неожиданно появилась передъ с. Четати.

Находя неудобнымъ защищать съ незначительными силами самое селеніе, вытянутое на три версты въ одну линію, полковникъ Баумгартенъ,ославъ генералу Бельгарду донесеніе о наступленіи противника, вывелъ свой отрядъ изъ деревни и расположился по Ульмской дорогѣ на картечный выстрѣлъ отъ Четати. Занятая позиція была обращена фронтомъ къ селенію, правымъ флангомъ она примыкала къ крутому спуску въ долину Дуная, а тыломъ къ оврагу; кромѣ того, съ тыла и фланговъ она была обнесена рвомъ съ небольшой насыпью къ сторонѣ поля [1]).

Сосредоточивъ здѣсь свой отрядъ, полковникъ Баумгартенъ оставилъ для первой встрѣчи противника въ самомъ селеніи 4-ю гренадерскую роту и всѣхъ штуцерныхъ [2]).

---

[1]) См. планъ сраженія при Четати 25 декабря, № 21, стр. 404.

[2]) Кн. Горчаковъ—воен. министру 23 декабря 1853 г. Арх. Канц. Воен. Мин., 1853 г., по сн. в., д. № 57.

Рапортъ Ахмета-паши. „Echo de l'Orient", 1854 г., № 495. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, карт. С, 1854 г.

Турецкая конница ворвалась въ селеніе, ввязалась въ бой съ засѣвшими въ немъ частями, которыми и была наведена на позицію Баумгартена. Встрѣченная сильнымъ картечнымъ огнемъ, она отхлынула, но повторила атаку съ обоихъ нашихъ фланговъ. Отбитая вновь, она появилась въ тылу нашего отряда и выслала парламентера съ предложеніемъ о сдачѣ. Въ отвѣтъ Баумгартенъ обдалъ ее огнемъ картечи и цѣпи застрѣльщиковъ, разсыпавшихся

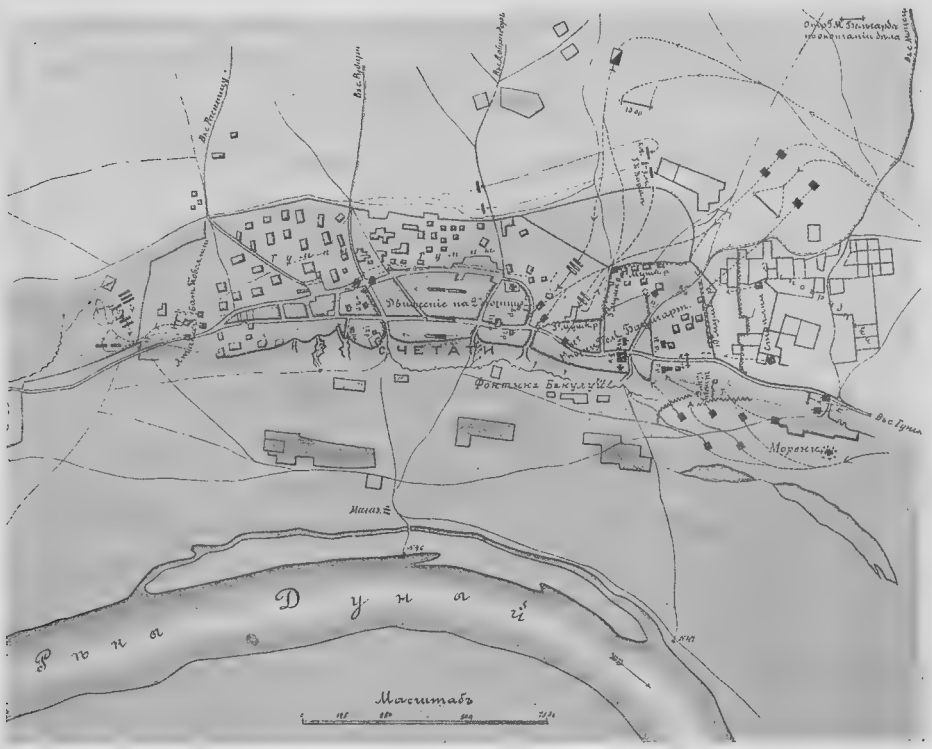


Схема № 21.
Планъ сраженія при Четати.

во рву и за валомъ. Турки, спѣшивъ за оврагомъ до 200 человѣкъ, вновь, подъ прикрытіемъ ихъ огня, атаковали лѣвый флангъ позиціи и снова были отбиты. Тогда 4-я гренадерская рота, подъ командой штабсъ-капитана Грицая 1-го, атаковала въ штыки спѣшенную часть непріятельской конницы и выбила ее съ позиціи. Послѣ этого турецкій отрядъ отступилъ отъ Четати на Гунію и Мадловиту, а полковникъ Баумгартенъ вновь занялъ селеніе, куда къ вечеру прибылъ и генералъ Бельгардъ со своимъ отрядомъ.

По донесенію графа Анрепа, результатомъ описаннаго дѣла было прекращеніе всякаго сообщенія съ Калафатомъ деревень, лежащихъ вверхъ по Дунаю. По турецкимъ источникамъ, эта рекогносцировка подтвердила имъ раньше имѣвшіяся свѣдѣнія, что деревни вверхъ по Дунаю заняты каждая отрядомъ русскихъ, силою въ два баталіона пѣхоты съ достаточнымъ количествомъ кавалеріи и артиллеріи.

Отрядъ графа Анрепа, въ видахъ еще большаго стѣсненія круга дѣйствій противника, 22 декабря расположился, по прибытіи къ нему Одесскаго егерскаго полка, слѣдующимъ образомъ:

въ с. Быйлешти—$3\frac{1}{2}$ батал., 2 эск., 2 сот. и 20 орудій [1]). Здѣсь же находился и графъ Анрепъ со своимъ штабомъ;

въ с. Четати—отрядъ полковника Баумгартена изъ 3 батал., 1 эск., 1 сот. и 6 орудій [2]);

въ с. Моцацей, для связи между отрядами, расположенными въ Быйлешти и Четати, а въ случаѣ надобности и для подкрѣпленія ихъ, былъ расположенъ отрядъ генерала Бельгарда, силою въ 4 батал., 2 эск., 1 сот. и 6 орудій [3]);

въ сс. Силешти-Круча и Черая стояло 10 эскадроновъ гусаръ [4]), имѣя эскадронъ на аванпостахъ у с. Ковей-де-Сусъ.

Такимъ образомъ, несмотря на урокъ 19 декабря, растянутое расположеніе семитысячнаго отряда графа Анрепа оставалось все въ томъ же опасномъ для насъ положеніи. Князь Горчаковъ указывалъ на это начальнику отряда, но онъ остался при своемъ мнѣніи, не признавая выгоднымъ очищать с. Четати [5]). Казалось бы, что существовавшая обстановка вызывала необходимость принятія самыхъ бдительныхъ мѣръ охраненія, связи и взаимной поддержки, но, какъ увидимъ ниже, въ Мало-Валахскомъ отрядѣ на это почти не было обращено вниманія. Хотя, впрочемъ, диспозиціей по отряду, отданной 24 декабря, графъ Анрепъ указывалъ, чтобы въ случаѣ нападенія непріятеля каждая изъ отдѣльно

---

[1]) Екатеринбургскій пѣх. полкъ безъ 2-хъ ротъ, которыя остались въ Радованѣ при вагенбургѣ, дивизіонъ гусарскаго Пр. Фр.-Карла Прусскаго полка, 2 сот. донского каз. № 38 п., батарейная № 1 батар. 10-й арт. бриг. и кон. легк. № 10 батар.

[2]) Тобольскій пѣх. полкъ безъ 2-го батал., три роты котораго оставались въ Краіовѣ и одна въ Слатинѣ, эск. гусарскаго кн. Варшавскаго полка, сотня донского каз. № 38 п. и 6 ор. легк. № 1 батар. 10-й артилл. бриг.

[3]) Одесскій егерскій полкъ, 2 эск. гусарскаго кн. Варшавскаго полка, сот. донского каз. № 38 п. и 6 ор. легк. № 1 батар. 10-й арт. бриг.

[4]) Гусарскихъ Пр. Фр.-Карла Прусскаго и кн. Варшавскаго полковъ.

[5]) Зап. кн. Горчакова 21 января 1854 г. Арх. Канц. Воен. Мин., 1853 г., секр д. № 60.

расположенныхъ частей содѣйствовала одна другой и по первому выстрѣлу шла на помощь атакованнымъ [1]).

Ахметъ-паша рѣшилъ воспользоваться разбросанностью нашихъ войскъ и заставить ихъ очистить прилегающія къ Дунаю селенія.

Съ этой цѣлью 24 декабря, съ заходомъ солнца, турки совершенно скрытно отъ насъ вывели изъ Калафата отрядъ въ 13 баталіоновъ пѣхоты, 5 ротъ карабинеръ и 3 полка кавалеріи при 28 орудіяхъ, всего силою около 15 тысячъ человѣкъ, и сосредоточили его въ Мадловитѣ. Здѣсь отрядъ долженъ былъ раздѣлиться на три колонны.

Первая, подъ начальствомъ Измаилъ-паши, силою въ 5 батал., 2 роты караб., 1 полкъ кавал. и 11 орудій, должна была итти на с. Добридоръ; вторая, подъ начальствомъ Мустафа-Тефикъ-паши, такой же силы, на с. Муси (вѣроятно, Моцацей), и третья, подъ начальствомъ Османъ-паши, силою въ 3 батал., 300 гусаръ, 1 полкъ кавалеріи и 6 легкихъ орудій, на с. Четати. Но, должнобыть, подъ вліяніемъ упорнаго сопротивленія Баумгартена 19 декабря, турки измѣнили свое рѣшеніе и въ ту же ночь направились всѣмъ отрядомъ на с. Четати, оставивъ въ Мадловитѣ баталіонъ пѣхоты, эскадронъ кавалеріи и 2 орудія.

Совершенно скрыто, не обнаруженные ни однимъ нашимъ разъѣздомъ, турки въ четвертомъ часу утра подошли къ Четати. Отрядъ полковника Баумгартена расположился, не принявъ никакихъ мѣръ предосторожности отъ внезапнаго нападенія. Разбросанное селеніе было занято войсками, какъ на мирныхъ квартирахъ. Казачьи заставы стояли по опушкѣ деревни, разъѣзды вертѣлись около заставъ, пути къ Калафату были оставлены безъ наблюденія, и непріятель свалился отряду, какъ снѣгъ на голову [2]).

Селеніе Четати и смежная съ нимъ деревня Фонтына-Банулуй [3]) лежатъ на гребнѣ высотъ, составляющихъ лѣвый нагорный берегъ долины Дуная, которая здѣсь имѣетъ до 600 саженей ширины [4]). Высоты эти круто спускаются къ рѣкѣ и полого въ противоположную сторону, кончаясь открытымъ степнымъ пространствомъ, которое тянется на селеніе Моцацей, Быйлешти и далѣе.

---

[1]) Записки П. К. Менькова, ч. 1.
[2]) Записки П. К. Менькова, т. 1.
[3]) См. схему № 21, стр. 404.
[4]) Журналъ воен. д. Арх. Канц. Воен. Мин., 1853 г., секр. д. № 82.
Подв. чин. Тобольскаго полка. Воен. Уч. Арх. Гл. Шт., отд. 2, д. № 3712.
Записки П. К. Менькова, ч. 1.
Пис. кап. Батезатула 1 января 1854 г., Севаст. Музей.

Обѣ деревни, Фонтына-Банулуй и Четати, были обнесены со стороны степи большимъ рвомъ съ насыпью, при чемъ восточнѣе первой изъ этихъ деревень ровъ шелъ въ двѣ линіи, образуя очень удобный для обороны фронтомъ на югъ и востокъ пятиугольный плацдармъ. Слѣдующимъ опорнымъ пунктомъ было кладбище и, наконецъ, за деревнею Четати находилась извѣстная уже по бою 19 декабря позиція, вполнѣ соотвѣтствующая силѣ отряда.

Такимъ образомъ, Баумгартенъ имѣлъ сильную, но нѣсколько обширную для его отряда позицію къ востоку отъ д. Фонтына-Банулуй, которая представляла особое значеніе, какъ лежавшая на пути ближайшихъ къ нему подкрѣпленій отряда генерала Бельгарда; за этой первой позиціей было расположено узкое и длинное село Четати, мало удобное для обороны, за которымъ находилась третья и послѣдняя позиція, представлявшая всѣ данныя для упорной защиты отряда.

На разсвѣтѣ 25 декабря полковникъ Баумгартенъ, получивъ извѣстіе о приближеніи значительныхъ массъ турецкой кавалеріи, быстро поднялъ свой отрядъ по тревогѣ и приготовился для встрѣчи праздничныхъ гостей. Благодаря этому, войска наши не были застигнуты врасплохъ, а искусное занятіе позиціи и блестящая оборона Баумгартена вполнѣ загладили прегрѣшеніе его безпечнаго расположенія. Оборона Четати и понынѣ служитъ блестящимъ примѣромъ образцовой обороны такого рода мѣстныхъ предметовъ.

Полковникъ Баумгартенъ, по соглашенію съ генераломъ Бельгардомъ, долженъ былъ, въ случаѣ наступленія турокъ, обороняться на плацдармѣ, что восточнѣе д. Фонтына-Банулуй, гдѣ, при первомъ извѣстіи о появленіи непріятеля, онъ и сосредоточилъ весь свой отрядъ. Многочисленность турецкой кавалеріи заставляла приготовиться къ оборонѣ со всѣхъ сторонъ [1]).

Съ этой цѣлью начальникъ отряда расположилъ 4 орудія внѣ деревни по дорогѣ на с. Гунію, 2 орудія влѣво отъ селенія по дорогѣ на с. Моцацей и раздѣлилъ боевую часть на три участка: первый, фронтомъ на Гунію—четыре роты и штуцерные 1-го и 4-го баталіоновъ, второй, фронтомъ на Моцацей—двѣ роты и третій, фронтомъ на Четати—двѣ роты; въ общемъ резервѣ

---

[1]) Расчетъ всѣмъ войскамъ на случай тревоги былъ сдѣланъ еще 24 декабря. Изъ дневн. Баумгартена. П. Симанскій: „Бой при Четати“.

осталось три роты, а четвертая прикрывала обозъ. Кавалеріи, по ея малочисленности, не было дано самостоятельной задачи, и она прикрывала лѣвый флангъ нашего расположенія. Въ каждомъ участкѣ были высланы сильныя стрѣлковыя цѣпи, за которыми въ ротныхъ колоннахъ расположились частные резервы, а на площади сталъ общій резервъ [1]).

Ахметъ-паша, подойдя къ Четати, раздѣлилъ свой отрядъ на двѣ части. Измаилъ-паша долженъ былъ атаковать, во главѣ 6 батал., 5 эск. карабинеръ, 2-хъ полк. кавал. и 300 гусаръ при 16 орудіяхъ, полковника Баумгартена, а остальныя силы, подъ личнымъ начальствомъ Ахмета, составили резервъ на случай появленія нашихъ войскъ со стороны Моцацея и Быйлешти [2]).

Около 7 часовъ утра передъ Фонтына-Банулуй появилась масса непріятельской кавалеріи, которая свернула вправо и развернулась на дорогѣ въ с. Моцацей, выдвинувъ на позицію 10 конныхъ орудій, немедленно открывшихъ огонь. Вслѣдъ за кавалеріей по направленію изъ Гуніи появились густыя колонны пѣхоты, которыя выставили на дорогѣ свою артиллерію, открывшую около 9 часовъ утра огонь, и развернулись по обѣ ея стороны въ три линіи колоннъ, прикрывъ боевой порядокъ сильными цѣпями штуцерныхъ. Двукратная фронтальная атака двухъ турецкихъ баталіоновъ была отбита мѣткимъ огнемъ нашей артиллеріи и стрѣлковъ, при чемъ турецкая пѣхота отхлынула въ д. Морени, потерявъ раненымъ своего начальника, Измаила-пашу.

Въ командованіе отрядомъ вступилъ Мустафа-Тефикъ-паша, который, усиливъ батарею и цѣпи штуцерныхъ противъ нашего фронта, рѣшилъ нанести главный ударъ въ охватъ нашего праваго фланга со стороны крутого спуска, граничащаго съ долиной Дуная. Разсыпавъ въ цѣпь цѣлыя роты штуцерныхъ, въ близкомъ разстояніи за которыми слѣдовали три баталіона въ сомкнутыхъ колоннахъ, Мустафа-паша энергично бросился впередъ. Отъ цѣлыхъ баталіоновъ намъ приходилось отбиваться отдѣльными ротами. Роты двухъ братьевъ Грицай и поручика Калакуцкаго встрѣчали турецкіе баталіоны въ ротныхъ колоннахъ. Подпустивъ турокъ на близкое разстояніе, они обдавали ихъ тремя залпами, производимыми однимъ взводомъ за другимъ, послѣ чего отбрасывали противника штыками. Три вражескихъ

---

[1]) См. схему № 21, стр. 404.
[2]) Рапортъ Ахмета-паши. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, карт. С, 1854 г.

натиска были отбиты такимъ образомъ, послѣ чего ударъ въ штыки во флангъ 4-й гренадерской ротой заставилъ турокъ окончательно отхлынуть назадъ.

Генералъ-маіоръ С. О. Жигмондъ.

Баумгартенъ не ввелъ еще здѣсь въ дѣло общаго резерва, такъ какъ турки въ своихъ атакахъ далеко еще не израсходовали всѣхъ силъ, и положеніе отряда попрежнему оставалось критическимъ.

Во время этого единоборства нашихъ ротъ съ турецкими баталіонами на самыхъ близкихъ дистанціяхъ густыя колонны нашей пѣхоты несли огромныя потери отъ турецкихъ штуцерныхъ [1]), при чемъ они почти на выборъ били русскихъ офицеровъ, отличавшихся отъ нижнихъ чиновъ своей формой одежды. Потери турокъ отъ нашего огня, судя по турецкимъ и англійскимъ источникамъ, были незначительны, и успѣхъ нашъ слѣдуетъ приписать энергичнымъ переходамъ въ частныя контръ-атаки, мужественно и умѣло веденнымъ.

Вслѣдъ за этимъ опрокинутые турки ввели новыя силы и, прикрываясь крутыми скатами, начали болѣе кружный охватъ д. Фонтына-Банулуй, угрожая отрѣзать насъ съ этой стороны отъ Четати. Упорство турокъ на правомъ флангѣ отряда Баумгартена можно объяснить желаніемъ ихъ вытѣснить насъ изъ селенія на востокъ, гдѣ встрѣтить своей многочисленной кавалеріей.

Новая атака непріятеля едва не увѣнчалась успѣхомъ, и застрѣльщики ихъ начали врываться въ крайніе дома деревни. Полковнику Баумгартену, для отраженія удара въ этомъ направленіи, пришлось израсходовать двѣ роты своего резерва, а между тѣмъ упорство турокъ все росло.

Было уже 10 часовъ утра. Потери наши были велики; однихъ офицеровъ на правомъ флангѣ выбыло изъ строя 9 человѣкъ. Въ резервѣ оставалось только двѣ роты, изъ которыхъ одна

---

[1]) The life of Nicholas I by F. Mayne, p. 185.

прикрывала обозъ. Чувствовалось, что турки не прекратятъ своихъ атакъ, и что излишняя задержка въ д. Фонтына-Банулуй можетъ повести къ преждевременной катастрофѣ. Баумгартену надо было выиграть время, чтобы дать возможность подойти отрядамъ генерала Бельгарда и графа Анрепа [1]). Достигнуть этого можно было, лишь занявъ соотвѣтствующую силамъ отряда позицію за деревней Четати, ту самую, которую Баумгартенъ оборонялъ уже 19-го числа. Начальникъ отряда и поставилъ себѣ это ближайшею цѣлью.

Однако, вывести войска изъ боя и отступать подъ натискомъ многочисленнаго противника черезъ длинную и неудобную для обороны деревню было дѣломъ весьма труднымъ, и для выполненія такой операціи требовалось искусство начальника и доблесть войскъ, что въ полной мѣрѣ показали какъ самъ Баумгартенъ, такъ и его отрядъ. Много мѣшалъ отступленію и полковой обозъ, который находился среди отступавшихъ.

Эта трудная операція была произведена слѣдующимъ образомъ.

Остававшіяся въ рукахъ 7-я и 8-я роты разсыпались за домами ближайшей къ туркамъ опушки Четати для принятія на себя частей, оборонявшихъ Фонтына-Банулуй. Между ними на дорогѣ было поставлено 2 орудія, ранѣе стоявшія на пути въ Моцацей. Подъ прикрытіемъ этихъ частей прежде всего начали отходить роты, которымъ наименѣе угрожалъ противникъ; онѣ предназначались для занятія промежуточной позиціи по серединѣ Четати. Первой отошла 3-я мушкатерская рота, разсыпавшаяся за домами площадки, отдѣлявшей одну половину селенія отъ другой; за ней 1-я гренадерская, составившая резервъ 7-й и 8-й ротамъ, далѣе 9-я и 11-я, присоединившіяся къ 3-й; за ними отошли 4 орудія подъ прикрытіемъ штуцерныхъ.

Послѣ того, когда, такимъ образомъ, правая сторона Фонтына-Банулуй была очищена, начали отводить роты, составлявшія лѣвый боевой участокъ, т.-е. 10-ю, 1-ю и 2-ю мушкатерскія.

---

[1]) „Прошло болѣе двухъ часовъ“, пишетъ объ этомъ моментѣ полковникъ Баумгартенъ въ своемъ дневникѣ, „а не было видно ни откуда никакой помощи. Послать съ донесеніемъ о нападеніи я не имѣлъ возможности, потому что прямо съ разсвѣтомъ показалась непріятельская кавалерія и, заставивъ отступить наши аванпосты, заняла Моцацейскую дорогу. Но уже въ 8 часовъ не только въ Моцацѣ, но и въ Быйлешти должна была быть услышана канонада. По расчету времени и разстоянію можно было ожидать прибытія подкрѣпленій изъ Моцацеи, но, не видя ихъ, я полагалъ, что не было ли сдѣлано въ то же время какой-нибудь диверсіи и на Быйлешти, и что въ такомъ случаѣ графъ Анрепъ могъ притянуть къ себѣ генерала Бельгарда. Имѣя въ резервѣ три роты и видя, что непріятель отходитъ, я приказалъ отступать подъ прикрытіемъ этихъ трехъ ротъ“. П. Симанскій: „Бой при Четати“. 1904 г.

При выходѣ этихъ ротъ на площадку между селеніями, ихъ атаковала турецкая конница, но атака была отражена залпами и штыками. Послѣдней отошла 12-я рота, которая отбила съ успѣхомъ атаку цѣлаго баталіона, вновь дѣйствуя указаннымъ выше способомъ, т.-е. отбиваясь по очереди залпами по взводно и потомъ переходя всей ротой въ штыки.

Теперь для встрѣчи противника съ фронта у насъ имѣлось три роты, а для встрѣчи его съ фланговъ, на длинныхъ фасахъ Четати — по двѣ роты на каждомъ фасѣ. Подъ прикрытіемъ этихъ ротъ остальныя части продолжали отходить назадъ, на позицію за Четати. Турки своими атаками во флангъ старались помѣшать этому отходу, но съ успѣхомъ были отбиваемы ротами 3-й, 9-й, 11-й и 12-й, хотя и наши войска несли громаднѣйшія потери отъ перекрестнаго огня непріятельскихъ штуцерныхъ и ихъ артиллеріи.

Движеніе тобольцевъ сильно стѣснялъ бывшій при нихъ обозъ. Взявъ первоначально неправильное направленіе, онъ едва не попался въ плѣнъ. Все-таки въ рукахъ турокъ временно остались три лазаретныхъ фургона, у которыхъ были убиты лошади, и врагъ звѣрски замучилъ нашихъ раненыхъ. Всѣ нестроевые, вооружившись ружьями, взятыми у валаховъ, стали въ ряды полка и доблестно бились до конца дѣла.

Наконецъ, казалось, самая трудная часть операціи—отступленіе по селенію подходила къ концу; Баумгартенъ съ 3-мъ и 1-мъ баталіонами и полковымъ обозомъ подходили къ противоположной опушкѣ Четати, прикрываясь отъ тѣснившихъ съ юга турокъ 4-мъ баталіономъ. Но здѣсь истомленную трехчасовымъ боемъ горсть храбрецовъ ожидало новое испытаніе. Турецкая кавалерія обскакала деревню и заняла уже ту позицію, на которую стремился отрядъ Баумгартена; на высотѣ уже стояло 6 конныхъ орудій, изъ которыхъ два открыли по нашей пѣхотѣ огонь.

Положеніе становилось критическимъ, и отрядъ могъ быть спасенъ только особой рѣшимостью и находчивостью своего начальника. Выставивъ у выхода изъ селенія 4 орудія, Баумгартенъ собралъ роты 3 баталіона и лично двинулся съ ними противъ непріятельской кавалеріи.

Атака эта, несмотря на сильный фланговый огонь непріятельской батареи, была ведена съ такой стремительностью, что турки кинулись назадъ, при чемъ нашими смѣльчаками съ боя было захвачено у нихъ два орудія. Между тѣмъ сюда подошли и

остальные два баталіона, успѣшно отбиваясь отъ ежеминутно повторяемыхъ турецкихъ атакъ.

Эта послѣдняя позиція, на которой могъ еще обороняться отрядъ Баумгартена, была занята имъ слѣдующимъ образомъ [1]).

Въ центрѣ, у подошвы высоты, стали 4 орудія, имѣя влѣво отъ себя 1-ю и 2-ю роты въ двѣ линіи, а вправо 1-ю гренадерскую и 10-ю роты, за которыми во второй линіи стала 11-я рота. На правомъ флангѣ, на вершинѣ ската, фронтомъ къ Дунаю, стала 7-я рота, имѣя правѣе себя гусаръ и казаковъ. На лѣвомъ флангѣ всего расположенія были поставлены остальныя 2 орудія и роты 12-я и 4-я гренадерская въ затылокъ другъ другу. Тылъ позиціи прикрывался штуцерными и 8-й ротой, расположившимися вдоль рва и вала, фронтомъ къ оврагу; въ резервѣ за ними стала 9-я рота. Общій резервъ образовали остальныя двѣ роты, ставшія за главной батареей. Здѣсь же расположился и обозъ.

Не успѣли еще наши войска занять указанныя мѣста, какъ турецкая кавалерія бросилась отбивать потерянныя орудія. Построенная, благодаря узкому пространству въ густыя колонны, она сильно терпѣла отъ нашего фронтальнаго и фланговаго огня и въ то же время была встрѣчена атакой гусаръ и казаковъ. Послѣ пятиминутной рукопашной схватки непріятельская конница пришла въ полный безпорядокъ, бросилась вправо въ оврагъ, заваливъ его трупами людей и лошадей и оставивъ здѣсь еще 4 орудія съ подбитыми лафетами и зарядный ящикъ. Приблизительно въ эту минуту былъ раненъ полковникъ Баумгартенъ, который лично здѣсь руководилъ ходомъ боя; рана не помѣшала доблестному командиру тобольцевъ оставаться въ строю до конца боя.

Чтобы не дать непріятелю возможности вывести брошенныя имъ орудія и чтобы поражать огнемъ съ болѣе близкой дистанціи отступавшую турецкую кавалерію, Баумгартенъ двинулъ впередъ охотниковъ, поддержанныхъ 11-й и 12-й ротами и конницей, для занятія оврага. Глубокій ровъ помѣшалъ людямъ быстро выполнить данное имъ порученіе. Тогда рядовой 12-й роты Никифоръ Дворникъ вскочилъ въ ровъ и, образовавъ изъ себя живой мостъ, помогъ охотникамъ переправиться черезъ ровъ. Оврагъ былъ нами захваченъ, турецкія орудія, по невозможности ихъ увести, заклепаны, а лафеты изрублены.

---

[1]) См. схему № 21, стр. 404.

Между тѣмъ противникъ возобновилъ свои атаки и съ другихъ сторонъ. Болѣе часа обстрѣливалъ онъ наше сосредоточенное расположеніе огнемъ 14 орудій, поставленныхъ у выхода изъ Четати и противъ нашего лѣваго фланга, послѣ чего вновь бросилъ въ атаку свою пѣхоту. Три повторные удара противъ нашего праваго фланга были отбиты огнемъ и контръ-атаками тобольцевъ; попытки кавалеріи противъ нашего лѣваго фланга были также неудачны.

Генералъ-лейтенантъ Бельгардъ.

Было около 12-ти часовъ дня. Упорный и кровопролитный бой длился уже около четырехъ часовъ. Наши орудія разстрѣляли почти всѣ снаряды, потеряли лошадей и почти всю прислугу; приходилось заряжать картечью, найденной въ отбитыхъ у непріятеля зарядныхъ ящикахъ. Но турки не унимались, а ожидаемой Баумгартеномъ выручки ни отъ генерала Бельгарда, ни отъ графа Анрепа не появлялось.

Чтобы окончательно сломить тобольцевъ, турки рѣшили повести послѣднюю атаку уже на фронтъ нашей позиціи, т.-е. со стороны самой деревни Четати. Эта фронтальная атака должна была быть поддержана атакой съ обоихъ фланговъ. Все было готово для нанесенія такого рѣшительнаго удара отряду Баумгартена, и неизвѣстно, удалось ли бы храбрецамъ отразить его, или же пришлось бы заставить своей смертью непріятеля дорогою цѣною купить надъ ними побѣду, но въ эту минуту турки неожиданно остановились и начали постепенно оттягивать свои войска назадъ [1]). Остатки тобольцевъ были спасены.... Вдали раздался гулъ орудійныхъ выстрѣловъ.

---

[1]) По русскимъ источникамъ, въ атакахъ Баумгартена принималъ участіе весь отрядъ Ахмета-паши; по турецкимъ донесеніямъ, 5 батал. и 10 оруд. оставались у нихъ въ резервѣ на случай подхода нашихъ отрядовъ изъ Моцаци и Быйлешти. Генералъ Бельгардъ вступилъ въ бой въ 11 ч. утра и встрѣтилъ уже сопротивленіе со стороны турокъ; послѣдняя атака на Баумгартена велась въ 12 часовъ. Отсюда можно полагать, что турецкая версія болѣе правильна.

III.

Одесскій егерскій полкъ, послѣ утомительнаго перехода въ 300 верстъ изъ-подъ Бухареста и безцѣльнаго движенія по тревогѣ къ Гуніи и Четати, 24 декабря, къ вечеру, расположился на отдыхъ въ с. Моцацей [1]). На другой день предполагался церковный парадъ по случаю дня Рождества Христова, но въ семь часовъ утра со стороны Четати была услышана все усиливающаяся канонада, а въ девятомъ часу полкъ, въ составѣ отряда генерала Бельгарда, спѣшилъ уже къ Четати на помощь атакованнымъ тобольцамъ. Нижніе чины, доносилъ генералъ Жигмондъ, несмотря на утомленіе, выступили по тревогѣ на выручку своихъ товарищей сначала съ молитвами, а потомъ съ пѣснями и съ радостью, что въ такой великій праздникъ, какъ 25 декабря, имъ удастся, наконецъ, сойтись съ турками.

Генералъ Бельгардъ, оставивъ въ Моцацеѣ ранцы и обозъ, подъ прикрытіемъ двухъ ротъ Одесскаго полка, остальной свой отрядъ для движенія раздѣлилъ на двѣ колонны. Меньшую, въ составѣ шести ротъ одессцевъ, подъ начальствомъ ихъ командира полка генерала Жигмонда, и двухъ орудій, онъ направилъ непосредственно на Четати на помощь Баумгартену, а съ остальными войсками своего отряда, силою въ 2 баталіона, 2 эскадрона, 1 сотню и 4 орудія, пошелъ на с. Гунія, имѣя цѣлью занять путь отступленія турецкаго отряда и добивать разбитаго Баумгартеномъ непріятеля [2]). Но, получивъ донесеніе отъ высланной впередъ кавалеріи, что Гунія занята турками слабо, и всѣ силы ихъ сосредоточены противъ тобольцевъ, Бельгардъ, не доходя Гуніи, свернулъ на Фонтына-Банулуй и приказалъ генералу Жигмонду итти туда же для совмѣстнаго съ нимъ дѣйствія. Первоначальное движеніе генерала Бельгарда на Гунію привело къ нѣкоторому запозданію вступленія въ бой Моцацейскаго отряда, къ разрозненности его дѣйствій и къ невольной растянутости боевого порядка.

Почти бѣгомъ спѣшилъ Одесскій полкъ, при чемъ колоннѣ Жигмонда частью пришлось слѣдовать безъ дорогъ, по пахотному

---

[1]) Рапортъ ген. Жигмонда ген. Липранди 24 января 1854 г., № 4. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 3416.

[2]) Рапортъ ген. Бельгарда гр. Анрепу 30 декабря 1853 г., № 1261. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 3416.

полю, и въ одиннадцатомъ часу утра, оттѣснивъ турецкіе пикеты, одессцы подошли къ Фонтына-Банулуй, восточнѣе котораго, около шанцевъ [1]), турки спѣшно выстраивали боевой порядокъ.

Въ первый періодъ боя противъ отряда Бельгарда дѣйствовало со стороны турокъ 5 баталіоновъ, 10 орудій и 1 кавалерійскій полкъ [2]), но, по мѣрѣ развитія боя на этомъ фронтѣ, на помощь къ Ахмету-пашѣ постепенно прибывали войска, дравшіяся съ отрядомъ Баумгартена, противъ котораго въ концѣ концовъ было оставлено 4 баталіона турецкой пѣхоты.

Непріятельская позиція была обращена фронтомъ къ Моцацеѣ. Впереди на возвышеніи за рвами съ насыпью лежали развернутые баталіоны, прикрытые густыми цѣпями стрѣлковъ; во второй линіи находилась пѣхота въ густыхъ колоннахъ, имѣя на флангахъ кавалерію. На высотахъ праваго фланга и впереди второй линіи были поставлены батареи.

Отрядъ генерала Бельгарда развернулся для боя въ слѣдующемъ порядкѣ: на правомъ флангѣ колонна генерала Жигмонда изъ 6-ти ротъ 3-го и 4-го баталіоновъ и 2-хъ орудій. Пѣхота въ ротныхъ колоннахъ въ двѣ линіи, имѣя въ первой по двѣ егерскія роты и въ резервѣ по карабинерной, а артиллерію въ интервалахъ баталіоновъ. На лѣвомъ флангѣ, подъ личнымъ начальствомъ Бельгарда, стали также въ ротныхъ колоннахъ въ первой линіи три роты 1-го баталіона, имѣя за собой во второй линіи три роты 2-го баталіона и въ общемъ резервѣ двѣ карабинерныя роты. Артиллерія была расположена по два орудія между ротами первой линіи. Вся конница почему-то стала на лѣвомъ флангѣ, оставивъ правый флангъ совершенно безъ наблюденія.

Связи между раздѣленными значительнымъ пространствомъ участками Жигмонда и Бельгарда не было никакой, и генералъ Бельгардъ не принялъ никакихъ мѣръ, чтобы руководить боемъ всего своего отряда.

Около полудня началась сильная орудійная канонада съ обѣихъ сторонъ, при чемъ наши войска, построенныя въ колоннахъ и стоявшія открыто, несли несравненно болѣе потерь, чѣмъ тонкія линіи турокъ. Подъ этимъ огнемъ Одесскій полкъ стройно двинулся впередъ. Тогда турецкія батареи спустились по покатости

---

[1]) Шанцами называются рвы и валы, которыми окружены валахскія деревни съ поля, и о которыхъ говорилось выше.

[2]) Рапортъ Ахметъ-паши. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, карт. С, 1854 г.

ближе къ переднимъ рвамъ и открыли огонь картечью, поражая атакующихъ съ фронта и съ фланга.

Несмотря на это, пѣхота генерала Жигмонда, подъ личнымъ его начальствомъ, бросилась на турокъ въ штыки, выбила ихъ изъ перваго рва, зашла во флангъ и атаковала второй ровъ; но роты, потерявъ раненымъ командира полка, убитымъ командира баталіона и выбывшими изъ строя многихъ офицеровъ, были стремительно атакованы съ фронта свѣжей турецкой пѣхотой и съ фланга конницей. Этотъ новый ударъ, обрушившійся на 7-ю и 8-ю роты былъ мужественно ими отбитъ, но безъ начальниковъ, безъ резерва у ротъ не хватило уже силы продолжать движеніе впередъ; онѣ остановились и начали постепенно отходить на свой резервъ, 3-ю карабинерную роту, которая при своемъ движеніи на поддержку передовыхъ частей также была атакована непріятельской конницей и блестяще отбила ее.

Въ то же время 1-й и 2-й баталіоны, имѣя генерала Бельгарда во главѣ, подготовили атаку артиллерійскимъ огнемъ, двинулись на центръ непріятельской позиціи, преодолѣли картечный огонь и бросились въ штыки. Одессцы, встрѣченные сильнымъ огнемъ турецкаго баталіона, расположеннаго за рвомъ, и поражаемые во флангъ артиллеріей, потеряли убитыми обоихъ баталіонныхъ командировъ и многихъ офицеровъ, пріостановились и въ свою очередь открыли по туркамъ сильный огонь. Фланговая атака непріятельской конницы, произведенная въ это время противъ нашего лѣваго фланга, была успѣшно отбита, послѣ чего наша кавалерія атаковала батарею противника и заставила ее поспѣшно сняться съ занимаемой позиціи.

Въ резервѣ отряда не оставалось уже ни одного человѣка; довершить удара было нечѣмъ, держать людей въ 200 шагахъ отъ позиціи превосходныхъ силъ противника было безцѣльно: назрѣвало рѣшеніе отойти назадъ.

„Сознаюсь“, пишетъ объ этой минутѣ генералъ Бельгардъ [1]), „что ужасная неизвѣстность о тобольцахъ дѣлала меня во время „сраженія несправедливымъ къ Одесскому полку. Я требовалъ „невозможнаго — полкъ дошелъ до окоповъ Фонтына-Банулуй „подъ самымъ сильнымъ огнемъ болѣе 20-ти непріятельскихъ „орудій. Я ожидалъ найти Баумгартена на позиціи, гдѣ онъ былъ

---

[1]) Рапортъ ген. Бельгарда ген. Липранди 10 февраля 1854 г., № 157. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 3416.

„поставленъ, но она была за-
„нята болѣе чѣмъ 12-ти тысяч-
„нымъ непріятелемъ. Въ Четати
„не слышно было ни одного
„выстрѣла; очевидно было, что
„Баумгартенъ отступилъ или
„уничтоженъ. Между тѣмъ я
„потерялъ болѣе 300 убитыми
„и болѣе того ранеными; боль-
„шая часть штабъ-офицеровъ
„убита, и много ротныхъ коман-
„дировъ выбыло изъ строя.
„Видимо было, что непріятель,
„не зная моихъ силъ, стра-
„шился за тылъ свой. Съ ма-
„лыми силами мнѣ невозможно
„было ему преградить отсту-
„пленіе. Тутъ я получилъ до-
„несеніе Баумгартена, что онъ
„отступилъ въ Четати и отбился отъ непріятеля [1]). Тогда, счастли-
„вый блестящимъ результатомъ, я въ состояніи былъ признать,
„что войска исполнили свое дѣло, какъ войска русскія.

Полковникъ А. К. Баумгартенъ.

„Не имѣя достаточныхъ силъ преслѣдовать бѣгущаго не-
„пріятеля, я перестроилъ свои войска изъ ротныхъ колоннъ въ
„колонны къ атакѣ и остановился въ ожиданіи подкрѣпленій изъ
„отряда, находившагося въ селеніи Быйлешти, куда послана была
„записка при выступленіи моемъ изъ Моцацеи".

Но непріятель въ то время еще не думалъ бѣжать...

Изъ приведенныхъ словъ генерала Бельгарда, написанныхъ имъ почти черезъ два мѣсяца послѣ боя, чувствуется, что онъ самъ не былъ вполнѣ удовлетворенъ достигнутыми имъ результатами, несмотря на молодецкія дѣйствія войскъ. Чувствовалось это и другими, какъ то свидѣтельствуетъ многочисленная переписка по Четатинскому дѣлу. Самого Бельгарда, какъ и прочихъ начальствовавшихъ въ этомъ бою лицъ, нельзя упрекнуть въ отсутствіи безумной храбрости—одиннадцать пуль въ его шинели лучшее тому доказательство.

---

[1]) Вѣроятно, это донесеніе было послано Баумгартеномъ послѣ его отступленія въ Четати изъ Фонтына-Банулуй, но такъ какъ на пути стояла турецкая конница, то оно пришло очень поздно. Какъ видно изъ хода дѣла у Баумгартена, онъ далеко не отбился отъ непріятеля, отступивши въ Четати.

Бельгардъ вывелъ свой отрядъ изъ сферы турецкаго огня. Видя это движеніе, часть турецкой пѣхоты бросилась изъ-за рвовъ впередъ, но первый баталіонъ, повернувъ кругомъ, ударилъ въ штыки и отбросилъ ее съ большимъ урономъ. Непріятель, получивъ свѣдѣніе о движеніи отряда графа Анрепа отъ Быйлешти къ Мадловитѣ, прекратилъ свое преслѣдованіе и началъ быстро отступать на Голенцы-Команы и Гунію.

Намъ остается изложить участіе въ Четатинской операціи остальной части Мало-Валахскаго отряда, которая, согласно ранѣе отданной диспозиціи, должна была дѣйствовать совмѣстно съ отрядами Баумгартена и Бельгарда, въ случаѣ наступленія турокъ изъ Калафата. Надо сознаться, что это ядро войскъ, предназначенныхъ дѣйствовать въ Малой Валахіи и находившихся подъ непосредственнымъ начальствомъ графа Анрепа, сыграло въ день 25 декабря какую-то непонятную, будничную роль.

Напомнимъ, что въ Быйлештѣ стояло $3^1/_2$ батал., 2 эск., 2 сотни и 20 орудій, имѣя въ 10 верстахъ за собою въ Чероѣ 10 эскадроновъ кавалеріи. Самое расположеніе ядра отряда не въ центрѣ, а на оконечности длинной, растянутой линіи отъ Быйлешти до Четати, по которой графъ Анрепъ разбросалъ свои войска, и которой, видимо, онъ придавалъ особое значеніе, является мало понятнымъ; болѣе подходящимъ мѣстомъ ему было бы Моцацей, имѣющій также прямой путь отступленія къ Краіову, какъ и Быйлешти. Держаніе 10 эскадроновъ кавалеріи, при столь опасной разброскѣ войскъ вблизи непріятеля, спрятанными въ 10 верстахъ за пѣхотой, еще менѣе понятно. Смѣло можно предположить, что, расположивши главныя силы своего отряда такимъ порядкомъ, графъ Анрепъ болѣе заботился объ обезпеченіи своего пути отступленія на Краіово и Бухарестъ, чѣмъ объ активныхъ дѣйствіяхъ противъ зарвавшихся турокъ. Одинъ изъ участниковъ этой войны, П. К. Меньковъ, въ своей злой, но мѣткой характеристикѣ дѣйствующихъ лицъ кампаніи на Дунаѣ подтверждаетъ это предположеніе [1]).

25 декабря, въ 8 часовъ утра въ Быйлештѣ явственно были слышны пушечные выстрѣлы со стороны Четати, но, имѣя въ рукахъ 14 эскадроновъ и сотенъ кавалеріи, графъ Анрепъ не поинтересовался узнать, въ чемъ дѣло, и хотя бы конницу выслать на помощь атакованнымъ... Графъ Анрепъ принималъ церковный

---

[1]) Записки П. К. Менькова, т. 1.

парадъ... Тѣмъ временемъ кононада разгоралась, войска роптали, что не идутъ на помощь своимъ, начальникъ штаба отряда, князь Васильчиковъ, настойчиво представлялъ о необходимости итти на выстрѣлы, навстрѣчу непріятелю, на выручку своихъ—графъ Анрепъ со стойкостью, достойной удивленія, выслушивалъ длинное рождественское богослуженіе.

Только въ полдень, когда отъ генерала Бельгарда пришло донесеніе, что подъ Четати идетъ сильный бой, и вполнѣ опредѣлилось, что отъ Калафата турки не наступаютъ на Быйлешти, отрядъ началъ собираться въ походъ. Но графъ Анрепъ не торопился: еще два часа пѣхота простояла, поджидая подхода изъ Черои конницы.

Дойдя до с. Скрипетулъ, отрядъ остановился и, молча, созерцалъ, какъ турки нестройными толпами пробирались черезъ Мадловиту къ Калафату.

Наконецъ-то, судьба давала намъ въ руки рѣдкій, блестящій случай эффектнымъ ударомъ закончить несчастный годъ въ нашу пользу, поднять упадающій духъ нашихъ войскъ, умѣрить враждебный тонъ нашихъ западныхъ доброжелателей... До послѣдняго рядового, какъ пишутъ современники, каждый чувствовалъ необходимость быстро двинуться къ Мадловитѣ и отрѣзать турокъ отъ Калафата, но къ громкимъ возгласамъ изъ строя оставался глухимъ графъ Анрепъ... Онъ приказалъ отряду вернуться въ Быйлешти, а генералу Бельгарду въ Четати на присоединеніе къ Баумгартену.

Отхлынули турки, вздохнули тобольцы и пошли изъ рокового Четати на соединеніе съ одессцами. Дневникъ Баумгартена рисуетъ тяжелое положеніе геройскаго отряда при этомъ движеніи. На рукахъ масса раненыхъ, подводъ почти нѣтъ, многихъ приходилось оставлять въ Четати подъ опасеніемъ, что турки придутъ обратно и вырѣжутъ... Въ артиллеріи ни одного снаряда, везти орудія не на чѣмъ, ибо почти всѣ лошади перебиты. Растревоженные нервы, при полномъ отсутствіи точныхъ свѣдѣній о намѣреніяхъ турокъ, порождали частыя проявленія какого-то паническаго страха. То тамъ, то здѣсь поднимается ложная тревога...

Генералъ Бельгардъ получилъ приказаніе графа Анрепа вновь итти на соединеніе съ Баумгартеномъ въ Четати лишь въ полночь, когда тобольцы ушли уже оттуда, и оба отряда соединились у Добридора, откуда перешли въ Моцацей. „Люди были такъ „измучены“, доносилъ по этому поводу генералъ Бельгардъ [1]),

[1]) Рапортъ гр. Анрепу 25 декабря 1853 г. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 3416.

„что и думать нельзя было двинуть ихъ въ Четати въ эту ночь. „Притомъ потеря, которую они понесли, и то, что многія роты „лишились своихъ начальниковъ, не могло не поколебать ихъ „стойкости".

Въ свою очередь турки, оставивъ въ Мадловитѣ и окрестныхъ деревняхъ 3 баталіона, одну легкую батарею и 3 полка кавалеріи, благополучно ушли съ остальными войсками въ Калафатъ [1]).

На Дунаѣ послѣ безрезультатнаго кровопролитнаго боя въ с. Четати наступило вновь временное затишье. А между тѣмъ намъ этотъ бой стоилъ очень дорого. Отряды Баумгартена и Бельгарда понесли огромныя для того времени потери. Всего выбыло изъ строя убитыми 22 офицера и 813 нижн. чин. и ранеными 1 ген., 32 оф. и 1161 нижн. чинъ. Такимъ образомъ, общая потеря достигала 55 офиц. и 1974 н. чин., что на отрядъ въ четыре съ небольшимъ тысячи человѣкъ составляетъ около 50%. Наибольшей своей тяжестью потери легли, какъ и слѣдовало ожидать, на отрядъ полковника Баумгартена, лишившагося болѣе трехъ четвертей своего личнаго состава и почти всего своего имущества.

По донесенію князя Горчакова потери турокъ доходили до 3000 человѣкъ и 6 орудій; Ахметъ же паша исчисляетъ свои потери приблизительно около 1000 чел. Хотя эта цифра и уменьшена значительно, но, въ виду полнаго отсутствія съ нашей стороны преслѣдованія и самаго характера боя, можно предполагать, что она не достигала и указанной въ донесеніи князя Горчакова цифры.

IV.

Четатинское дѣло, самое кровопролитное на Европейскомъ театрѣ войны въ 1853 году, было для насъ, какъ сказано выше, безрезультатнымъ. Дѣйствительно, разстроивъ два полка, выведя изъ строя болѣе 2 тысячъ человѣкъ, мы получили только нравственные трофеи въ видѣ взятыхъ шести непріятельскихъ орудій и новаго свидѣтельства о доблести и мужествѣ русскихъ войскъ.

---

[1]) Рапортъ Ахметъ-паши. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, 1854 г., карт. С.

Съ своей стороны, мы идемъ дальше и считаемъ, что дѣло это принесло намъ отрицательные результаты. Безцѣльное пролитіе крови и такое напряженіе нервовъ войскъ, какъ это было при Четати, всегда влечетъ за собой неудовлетворенность и упадокъ духа; войска въ общей своей массѣ инстинктивно чувствуютъ необходимость большихъ жертвъ и сильныхъ потрясеній и безполезность ихъ; этого послѣдняго они не прощаютъ своимъ руководителямъ, лишая ихъ необходимаго на войнѣ довѣрія [1]). Съ другой стороны, наступательныя дѣйствія турокъ и безпрепятственный отходъ ихъ къ Калафату давали полную возможность

Сраженіе при Четати.

Ахмету-пашѣ писать хвастливые рапорты, которые, при услугахъ враждебной намъ прессы, быстро распространялись по всей Европѣ и давали возможность нашимъ явнымъ и тайнымъ врагамъ поднять голову и трактовать дѣло у Четати, какъ нашу неудачу [2]), доказывающую превосходство турецкихъ войскъ надъ русскими [3]).

Впрочемъ, французскій военный министръ высказалъ въ своей резолюціи на донесеніи изъ Константинополя о дѣлѣ при Четати болѣе безпристрастное о немъ сужденіе: „Четатинское „дѣло“, помѣтилъ генералъ Вальянъ [4]), „есть ни что иное, какъ „результатъ своего рода рекогносцировки впереди Калафата съ

---

[1]) Архивные матеріалы по исторіи Одесскаго пѣх. полка. Полковой архивъ.

[2]) Kinglake: L'invasion de la Crimée, t. II, p. 51.

[3]) The life of Nicholas I by F. Mayne, p. 185—192.—Этотъ авторъ приходитъ даже къ заключенію, на основаніи сраженія при Четати, что „русская артиллерія худшая въ свѣтѣ“, и что бой этотъ доказалъ полное превосходство турецкихъ пѣхоты и артиллеріи надъ таковыми же родами оружія русскихъ войскъ.

[4]) Парижскій Воен. архивъ. Переводъ съ французскаго.

„наступательной цѣлью, произведенной со стороны турокъ. Оно „не имѣло никакого стратегическаго значенія относительно общей „цѣли операціи, но оно возстановило очень интересный фактъ, „который всегда оспаривается, что турки дрались въ чистомъ полѣ „и даже въ трудной обстановкѣ, и что они дрались съ достаточ„ной методичностью и энергіей, чтобы принудить къ отступленію „противника, болѣе сильнаго и считавшагося болѣе подготовлен„нымъ, чѣмъ они".

Описанное сраженіе являлось прямымъ послѣдствіемъ нерѣшительности князя Горчакова относительно дѣйствій у Калафата, вызвавшей двойственность распоряженій, преслѣдованіе разнообразныхъ цѣлей и, какъ результатъ всего этого, путаницу въ мысляхъ частныхъ начальниковъ, опредѣленно не знавшихъ, что отъ нихъ требуютъ, и какъ имъ поступать.

Въ постоянномъ колебаніи относительно того—атаковать или не атаковать Калафата выказался весь характеръ князя Горчакова, не имѣвшаго случая во время всей своей продолжительной службы дѣйствовать самостоятельно и совершенно неспособнаго поэтому на склонѣ лѣтъ къ проявленію такой необходимой для военноначальника дѣятельности. Сравнивая записи дневниковъ того времени и переписку начальствующихъ лицъ, можно прійти, однако, къ заключенію, что желаніе активно дѣйствовать противъ Калафата у князя Горчакова постепенно все болѣе и болѣе смѣнялось, въ особенности подъ впечатлѣніемъ Ольтеницкой неудачи, опредѣленнымъ намѣреніемъ не атаковать Калафата, хотя, по свойству своего характера, онъ долго не имѣлъ силъ сознаться въ этомъ откровенно. Его начальникъ штаба, генералъ Коцебу, былъ болѣе опредѣленнаго мнѣнія и признавалъ, какъ и большинство въ арміи, необходимость для дальнѣйшихъ операцій прикрыть нашъ правый флангъ оттѣсненіемъ турокъ у Видина на противоположный берегъ Дуная. Эта борьба мнѣній также не могла остаться безъ вліянія на рѣшительность командовавшаго войсками на Дунаѣ. Однако, въ двадцатыхъ числахъ декабря, наканунѣ кровопролитнаго Четатинскаго дѣла, князь Горчаковъ, повидимому, рѣшительно утвердился въ убѣжденіи не начинать рискованныхъ предпріятій противъ Калафата. „Горчаковъ нерѣшителенъ отно„сительно Калафата", занесъ генералъ Коцебу въ свой дневникъ 20 декабря. „Князь Горчаковъ объявилъ мнѣ", записалъ онъ 24-го числа, „что онъ не желаетъ атаковать Калафата. Всѣ мои „доводы онъ опровергъ указаніями на печальныя послѣдствія,

„которыя могла бы имѣть неудача атаки“ [1]). „Я не предполагаю“, писалъ князь Горчаковъ князю Меншикову въ Севастополь [2]), „атаковать турокъ въ ихъ Калафатскомъ убѣжищѣ. Они укрѣ-„плены до зубовъ, и ихъ укрѣпленія вооружены болѣе чѣмъ „50-ю орудіями, изъ которыхъ половина крѣпостныхъ, взятыхъ „изъ Видина. Мнѣ кажется, что съ моей стороны будетъ несообр-„разностью атаковать непріятеля въ томъ единственномъ пунктѣ, „гдѣ всѣ шансы на его сторонѣ. Если онъ останется за укрѣпле-„ніями, то онъ намъ не сдѣлаетъ никакого вреда, если же онъ „выйдетъ оттуда, то самый глупый изъ моихъ генераловъ (а въ „такихъ я недостатка не имѣю) разобьетъ ихъ на-голову“. Бѣдный князь Михаилъ Дмитріевичъ еще не зналъ о приготовленномъ ему графомъ Анрепомъ сюрпризѣ.

Въ этомъ взглядѣ князю Горчакову удалось убѣдить и Государя, который, отвѣчая на письмо его отъ 21 декабря, выражалъ согласіе не рисковать атакой Калафата, прибавляя, впрочемъ, „до „поры до времени“ [3]). Впрочемъ, Императору Николаю князь Горчаковъ не высказывалъ свои мысли по этому предмету въ такой опредѣленной формѣ, какъ князю Меншикову. „Между 10 и „15 января“, всеподданнѣйше доносилъ князь Михаилъ Дмитріевичъ [4]) наканунѣ полученія имъ извѣстія о Четатинскомъ дѣлѣ, „я полагаю подойти къ Калафату, дабы рѣшить, что предпринять. „По всѣмъ извѣстіямъ, турки готовятся къ отпору, имѣя болѣе „50 орудій въ укрѣпленіяхъ, но есть слухи, что между пашами „раздоръ, и я не теряю надежды, что, можетъ быть, турки уберутся „за рѣку, когда увидятъ, что имъ угрожаютъ большія силы“.

Растерянность, нерѣшительность главныхъ руководителей боевыхъ дѣйствій, неимѣніе съ ихъ стороны строго опредѣленной цѣли, а, слѣдовательно, и неуказаніе таковой подчиненнымъ, оказываетъ существенное, хотя, можетъ быть, и трудно объяснимое вліяніе на этихъ послѣднихъ. Выражаясь вульгарно, они, желая удовлетворить противоположнымъ указаніямъ, сразу хотятъ сѣсть на два стула и вполнѣ естественно садятся между ними. Не зная опредѣленно, что собственно хочетъ отъ нихъ высшее начальство, не видя передъ собой ясно поставленной цѣли, за-

---

[1]) Дневникъ П. Е. Коцебу. Рукоп. Муз. Сев. Обор.

[2]) Отъ 27 декабря 1853 г. Арх. Воен. Уч. Ком., д. № 4253. Переводъ съ франц.

[3]) Имп. Николай—кн. Горчакову 30 декабря 1853 г. Собств. Его Вел. Библ., шк. 115, портф. 14.

[4]) Всеподд. письмо отъ 28 декабря 1853 г. Арх. Канц. Воен. Мин., 1853 г., секр. д. № 88.

суеченные сбивчивыми приказаніями частные начальники, а за ними и войска опускаютъ руки и халатно относятся къ своему дѣлу. Не съ цѣлью уменьшить отвѣтственность ближайшихъ исполнителей подчеркиваемъ мы эту мысль, а съ цѣлью оттѣнить фактъ несомнѣнно существующей нервной связи между характеромъ старшаго начальника и работой войскъ во всѣхъ ея мелкихъ проявленіяхъ.

Отмѣтимъ еще одну отрицательную черту такихъ двойственныхъ нерѣшительныхъ распоряженій, которыя между прочимъ присущи были въ большихъ размѣрахъ князю Горчакову. Они умоляютъ отвѣтственность исполнителей, даютъ большой просторъ оправданіямъ и сваливаніямъ своей вины на старшихъ, парализуютъ желаніе и необходимость напречь всѣ силы къ лучшему выполненію ясно поставленной опредѣленной цѣли. Вяло отданное приказаніе бить врага, приправленное обширными указаніями на осторожность, и опасеніе быть разбитымъ и отрѣзаннымъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ повлечетъ за собою внутреннее желаніе обезпечить себя отъ послѣдняго, хотя для вида и могутъ быть приняты мѣры для выполненія активной половины задачи. И это въ особенности въ тѣхъ арміяхъ, въ которыхъ воля и самостоятельность частныхъ начальниковъ подавлены долгими годами мирнаго обученія [1]).

Главнымъ виновникомъ безрезультатности Четатинскаго боя современники и исторія признаютъ начальника Мало-Валахскаго отряда генералъ-адъютанта графа Анрепъ-Эльмпта. Онъ таковымъ и былъ, но и не безъ нѣкотораго нравственнаго вліянія и князя Горчакова, въ виду его двойственныхъ и неопредѣленныхъ инструкцій.

Изложенное въ своемъ мѣстѣ расположеніе Мало-Валахскаго отряда наканунѣ боя настолько оригинально, что было бы неосторожно приписать его только бездарности графа Анрепа, тѣмъ болѣе, что начальникомъ штаба при немъ состоялъ отличавшійся недюжинными военными способностями князь Викторъ Иларіоновичъ Васильчиковъ. Мы имѣемъ очень мало данныхъ судить о личности графа Анрепа. Это былъ второстепенный дѣятель, имя котораго, вѣроятно, никогда не попало бы на страницы исторіи, если бы не неудачное для него Четатинское дѣло.

---

[1]) Эта связь между характеромъ главнокомандующаго и поведеніемъ войскъ подтверждается, смѣемъ думать, и поведеніемъ нашихъ войскъ въ послѣднюю Японскую войну.

Въ началѣ кампаніи онъ лихо командовалъ авангардомъ и при движеніи арміи къ Бухаресту быстро занялъ берегъ Дуная. Князь Михаилъ Дмитріевичъ лишь одного его считалъ способнымъ руководить сложными дѣйствіями Мало-Валахскаго отряда и, выжидая прибытія къ этому отряду слѣдующаго по способностямъ за Анрепомъ, по мнѣнію князя Горчакова, генерала Липранди, готовилъ графа Анрепа на болѣе важный и отвѣтственный постъ. Даже Меньковъ въ своей злой характеристикѣ Анрепа не отрицаетъ, что онъ обладалъ „недоученными понятіями о „военномъ искусствѣ. Стратегія, база, наука войны—вотъ слова, „которыя безпрерывно вертѣлись на языкѣ Анрепа“ [1]).

Изъ всего этого можно заключить, что Анрепъ не отличался, можетъ быть, военными талантами, но онъ не былъ безусловно и невѣждою въ ратномъ дѣлѣ. Поэтому причину несоотвѣтственнаго распредѣленія имъ войскъ отряда наканунѣ Четатинскаго дѣла и поведенія его въ самый день боя слѣдуетъ искать скорѣе въ томъ нравственномъ гнетѣ, который должны были произвести на него инструкціи князя Горчакова, ставившія ему разнородныя цѣли. А такъ какъ самой опасной изъ всѣхъ этихъ цѣлей въ смыслѣ личной отвѣтственности начальника отряда было—избѣжать отдѣльнаго пораженія и не быть отброшеннымъ отъ пути на Бухарестъ, то весьма понятно, что эта забота и была доминирующею въ его головѣ, какъ при расположеніи отряда, такъ и въ необъяснимой медлительности наступленія 25 декабря на Мадловиту. „Если бы Анрепъ“, писалъ князь Горчаковъ военному министру [2]), „могъ прибыть во-время изъ Быйлешти со своимъ „пѣхотнымъ резервомъ и кавалеріей, чтобы ударить на непріятеля „при его отступленіи, то результаты боя были бы еще лучше“.

Удивленный такими дѣйствіями Анрепа, князь Горчаковъ писалъ черезъ нѣсколько дней [3]): „Онъ не позже чѣмъ наканунѣ „самъ мнѣ писалъ, что, если непріятель атакуетъ Четати, то онъ „двинется на его флангъ прямо изъ Быйлешти на Мадловиту; „предположеніе исполняется, но, вмѣсто того, чтобы дѣлать то, „что онъ самъ себѣ намѣтилъ, Анрепъ теряетъ время въ Быйлешти, не доходитъ далѣе Скрипетула и возвращается, даже „не видавши непріятеля“. Полагаемъ, что все это можетъ быть

---

[1]) Записки П. К. Менькова, т. 1.
[2]) 29 декабря 1853 г. Арх. Канц. Воен. Мин. по сн. в., д. № 57. Перев. съ франц.
[3]) Письмо воен. мин. 3 января 1854 г. Приложеніе № 69.

объяснено, но ничуть не оправдано вышеприведенной точкой зрѣнія.

Нельзя не отмѣтить и цѣлаго ряда мелкихъ упущеній въ дѣлѣ 25 декабря. Мы показали полное неумѣніе использовать нашу многочисленную конницу въ развѣдовательныхъ цѣляхъ и неподготовку этой послѣдней къ такого рода работѣ; иначе трудно было бы при многочисленности нашей кавалеріи и при близкомъ соприкосновеніи съ непріятелемъ не замѣтить сосредоточенія большихъ силъ турокъ въ Мадловитѣ и даже подходъ ихъ къ Четати. Генералъ Бельгардъ въ своемъ движеніи на помощь Баумгартену также, имѣя достаточно кавалеріи, сначала взялъ съ большею частью своего отряда неправильное направленіе, благодаря чему удлинилъ время неравнаго боя тобольцевъ съ насѣдавшими на нихъ турками. Самый бой Бельгардъ велъ съ должной энергіей, но ударъ наносилъ по частямъ, ведя фронтальную атаку сильной непріятельской позиціи и не имѣя почти ничего въ резервѣ, что заставило его послѣ перваго сильнаго удара не только перейти къ оборонѣ, но и пережить нѣсколько критическихъ минутъ.

Что касается до героевъ дня—полковника Баумгартена и Тобольскаго полка, то, кромѣ небрежнаго несенія охранительной службы, всѣ дѣйствія ихъ представляютъ высокій образецъ доблестнаго поведенія отряда, рѣшившагося умереть, но не сдаваться, и продать свою жизнь возможно дороже. Дѣло полковника Баумгартена и понынѣ служитъ лучшимъ образцомъ обороны населеннаго пункта, могущимъ служить примѣромъ для такого рода операцій. „Генералъ-маіоръ Бельгардъ и полковникъ Баумгартенъ“, доносилъ князь Горчаковъ [1]), „показали себя отличными боевыми „офицерами“. Императоръ Николай Павловичъ отмѣтилъ ихъ мужество рѣдкой наградой орденомъ св. Георгія 3-й степени.

Вѣсть о блестящемъ подвигѣ тобольцевъ подъ Четати наполнила чувствомъ гордости сердца Государя, арміи и всей Россіи, но одновременно съ этимъ послѣ первыхъ извѣстій начало проявляться чувство неудовлетворенности за безцѣльныя большія потери и за упущенный случай нанести туркамъ серьезное пораженіе, чтобы сильнымъ ударомъ загладить мелкія, но досадныя въ началѣ кампаніи неудачи осенняго періода. Какъ ни старался князь Горчаковъ маскировать въ своихъ донесеніяхъ истину, но

---

[1]) Всеподданн. письмо отъ 29 декабря 1853 г. Арх. Канц. Воен. Мин., 1853 г., секр. д. № 88.

она не ускользнула отъ зоркаго глаза Царя, и мы не ошибемся въ своемъ предположеніи, что Четатинское дѣло было послѣдней каплей, рѣшившей въ мысляхъ Государя замѣну Горчакова на Дунаѣ княземъ Паскевичемъ.

Первое донесеніе о боѣ въ главной квартирѣ было получено черезъ Ланского поздно вечеромъ 29-го числа. „Войска дрались „весьма храбро“, записалъ Коцебу въ своемъ дневникѣ [1]). „Исходъ „могъ бы быть блестящій, если бы Анрепъ не сдѣлалъ громадной

Живой мостъ въ сраженіи при Четати.

„ошибки. Анрепъ сдѣлалъ большую ошибку“, повторяетъ онъ на другой день. „Турки были бы въ его рукахъ, если бы онъ „пошелъ прямо на Мадловиту. Несчастливо. Князь Горчаковъ „внѣ себя“.

Во всеподданнѣйшемъ своемъ донесеніи объ этомъ дѣлѣ, написанномъ въ тотъ же день [2]), князь Михаилъ Дмитріевичъ не высказалъ, однако, Государю истинныхъ чувствъ, волновавшихъ его при извѣстіи о событіи 25 декабря. „Я получилъ сегодня“, писалъ онъ, „донесеніе графа Анрепа о славномъ дѣлѣ при „селеніи Четати.... Турки, ободренные большимъ превосход- „ствомъ своимъ, дрались весьма упорно. Это видно изъ весьма

---

[1]) Рукопись. Муз. Сев. Обор.

[2]) Всеподд. письмо кн. Горчакова 29 декабря 1853 г. Арх. Канц. Воен. Мин., 1853 г., секр. д. № 88.

Приложеніе № 70.

„значительнаго урона нашихъ войскъ.... Послѣдствія онаго будутъ „весьма выгодны не только тѣмъ, что прекратятся поиски турокъ „во внутренность края для возмущенія жителей, начинавшаго уже „дѣлаться опаснымъ, но въ особенности вліяніемъ, которое будетъ „эта острастка имѣть на будущія дѣйствія при Калафатѣ.... Жаль „только, что успѣхъ этотъ намъ стоилъ столь дорого.... Вѣроятно, „причиною наступленія турокъ 25-го числа были настаиванія ино- „странцевъ, въ большомъ числѣ въ Калафатъ пріѣхавшихъ".

Почти въ такихъ же радостныхъ выраженіяхъ писалъ князь Горчаковъ и военному министру [1]), но уже съ намекомъ на досадное опозданіе графа Анрепа, которое онъ, впрочемъ, оправдывалъ необходимостью держать войска, въ виду холоднаго времени, разбросанными. „C'est là mon plus grand souci"—съ грустью заканчивалъ онъ свое письмо.

Судя по помѣткѣ Государя: „Очень хорошо", первое впечатлѣніе отъ чтенія этихъ документовъ было вполнѣ благопріятное, но приложенная къ письмамъ реляція, по своей неясности, дала почувствовать въ Петербургѣ, что въ дѣлѣ 25 декабря есть что-то недоговоренное. „Дѣло было кровопролитное", совершенно секретно сообщалъ военный министръ князю Меншикову [2]), „но, по моему мнѣнію, съ ничтожнымъ результатомъ".

Зоркому взгляду Императора Николая смутная реляція Горчакова полнѣе, чѣмъ его министру, раскрыла всю безрезультатность Четатинскаго дѣла и произвела на него самое грустное, тяжелое впечатлѣніе. Государь, по горло обремененный дѣлами, все-таки нашелъ время собственноручнымъ письмомъ подѣлиться своими мыслями съ командующимъ войсками на Дунаѣ. Этотъ замѣчательный документъ такъ полно рисуетъ свѣтлую личность Николая Павловича, его доброе, отеческое сердце и даетъ въ краткихъ чертахъ такой полный разборъ дѣла при Четати, что мы приведемъ въ подлинникѣ часть письма, относящуюся къ событіямъ 25 декабря [3]).

„Извѣстіе о геройскомъ поведеніи войскъ нашихъ въ дѣлѣ „подъ Четати", писалъ Государь 7 января, „меня не удивило, но „тѣмъ болѣе съ сердечнымъ сокрушеніемъ узналъ я объ огром- „ной потерѣ ихъ, ничуть не соразмѣрной съ предметомъ, а еще

---

[1]) Въ письмѣ отъ 29 декабря 1853 г. Арх. Канц. Воен. Мин., 1853 г., д. № 57.
[2]) Въ письмѣ отъ 7 января 1854 г. Арх. Воен. Уч. Ком., д. № 4254. Перев. съ франц.
[3]) Письмо въ полномъ видѣ помѣщено въ приложеніи № 71.

„менѣе мнѣ понятной, какъ планъ дѣйствій. Реляція писана такъ „неясно, такъ противорѣчиво, такъ неполно, что я ничего по- „нять не могу. Я уже обращалъ твое вниманіе на эти донесенія, „писанныя столь небрежно и дурно, что выходятъ изъ всякой „мѣры. Въ послѣдній разъ требую, чтобъ въ рапортахъ ко мнѣ „писана была *одна правда* [1]), какъ есть, безъ романовъ и про- „пусковъ, вводящихъ меня въ совершенное недоумѣніе о проис- „ходившемъ.

„Здѣсь, напримѣръ: 1) зачѣмъ войска были растянуты такъ, „что въ Четати стоялъ Баумгартенъ съ 3-мя баталіонами, въ „Моцацеѣ Бельгардъ съ 4-мя, а Анрепъ въ Быйлештѣ, на око- „нечномъ лѣвомъ флангѣ съ главнымъ резервомъ? 2) Зачѣмъ „по первому свѣдѣнію о движеніи турокъ Анрепъ не пошелъ „имъ прямо въ тылъ, что, кажется, просто было, и отчего бы, „вѣроятно, изъ нихъ никто бы не воротился въ Калафатъ? „3) Отчего Анрепъ съ 15-ю эскадронами и конной батареей „опоздалъ и не преслѣдовалъ бѣгущихъ турокъ?—Все это мнѣ „объясни, ибо ничего этого изъ реляцій понять не можно.

„Ежели такъ будемъ тратить войска, то убьемъ ихъ духъ, „и никакихъ резервовъ не достанетъ на ихъ пополненіе. Тратить „надо на рѣшительный ударъ;—гдѣ же онъ тутъ??? Потерять „2000 человѣкъ лучшихъ войскъ и офицеровъ, чтобы взять „6 орудій и дать туркамъ спокойно возвратиться въ свое гнѣздо, „тогда какъ надо было радоваться давно желанному случаю, что „они, какъ дураки, вышли въ поле, и не дать уже ни одной „душѣ воротиться; это просто задача, которой угадать не могу, „но душевно огорченъ, видя подобныя распоряженія.

„Итакъ, спѣши мнѣ это все разъяснить и прими мѣры, „чтобы впредь безплодной траты людей не было; это грѣшно, и, „вмѣсто того, чтобы приблизить къ нашей цѣли, удаляетъ отъ „оной... Спѣши представить о наградѣ отличившихся и не забудь „объ убитыхъ и раненыхъ; пришли имъ списки.

„Нетерпѣливо ожидаю, что ты рѣшишь подъ Калафатомъ, и „надѣюсь, что не вдашься въ ошибку лбомъ брать укрѣпленія, „въ которыхъ притомъ удержаться нельзя будетъ за огнемъ съ „противнаго берега“....

Далѣе Государь говоритъ о необходимости скорѣйшей переправы черезъ Дунай, что будетъ изложено въ своемъ мѣстѣ, и

---

[1]) Курсивъ подлинника.

затѣмъ такъ кончаетъ свое письмо: „Симъ кончаю“, пишетъ онъ. „Дай Богъ, чтобы все шло согласно моимъ желаніямъ, безъ без-„плодной траты людей, дѣйствуя сильно, рѣшительно, не дробясь „и тѣмъ пріобрѣтая превосходство надъ врагами безъ усилій, „которыя, кромѣ славы, не приносятъ никакой пользы... Теперь „Богъ съ тобой. Поклонись всѣмъ; молодцовъ отъ меня побла-„годари. Какъ мнѣ ихъ жаль! Повѣрить не можешь! Глупыхъ „распоряженій, ради Бога, не допускай и *съ дураковъ* [1]), ежели „были, примѣрно взыщи. Я такихъ въ арміи знать не хочу; „пора ихъ вонъ, кто бы ни были. Не пощажу, ей-ей не пощажу!“

Но правдивый князь Михаилъ Дмитріевичъ еще раньше, чѣмъ вышеприведенныя строки письма Государя увидали свѣтъ, въ рядѣ писемъ къ военному министру старался исправить свое первоначальное донесеніе и понемногу проливалъ истинный свѣтъ на Четатинское дѣло. Приписывая вину злому року и графу Анрепу, князь Горчаковъ признавался, что этотъ бой далъ намъ лишь безполезную славу взятія нѣсколькихъ орудій, тогда какъ мы могли достигнуть блестящихъ результатовъ, и заканчиваетъ патетическимъ сожалѣніемъ, что на всѣ милости Государя онъ могъ отвѣтить лишь донесеніемъ о ничтожномъ и дорого оплаченномъ успѣхѣ, вмѣсто донесенія о побѣдѣ, которая со славою окончила бы кампанію [2]). „Вотъ доказательство, что я пред-„видѣлъ справедливо“, начерталъ Государь на этомъ письмѣ, испестривъ его своими помѣтками.

Черезъ нѣсколько дней князь Горчаковъ [3]), прибывъ лично къ Мало-Валахскому отряду, даже старался оправдать виновнаго графа Анрепа въ томъ, что онъ не атаковалъ Мадловиты, которая была окружена рвами, на подобіе всѣхъ валахскихъ деревень, и этимъ избѣжалъ потери по крайней мѣрѣ въ 1000 человѣкъ; между тѣмъ, какъ одно движеніе его изъ Быйлешти дало, по мнѣнію командовавшаго войсками, необходимый результатъ, принудивъ турокъ къ отступленію.

Однако, получивъ изложенное выше письмо Государя отъ 7 января, князь Горчаковъ отказался отъ своего мнѣнія въ невозможности для графа Анрепа атаковать Мадловиту. Въ обширной запискѣ, приложенной ко всеподданнѣйшему письму отъ

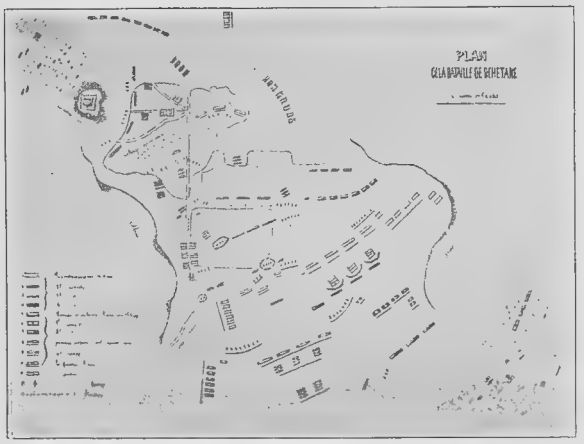
---

[1]) Курсивъ подлинника.

[2]) Письмо отъ 3 января 1854 г. Приложеніе № 69.

[3]) Въ письмѣ къ воен. мин. отъ 10 января 1854 г. изъ Быйлешти. Арх. Канц. Воен. Мин. по сн. в., 1853 г., секр. д. № 57.

21 января [1]), онъ ставилъ въ вину начальнику Мало-Валахскаго отряда слѣдующія погрѣшности: 1) выдѣленіе Баумгартена къ Четати, вмѣсто того, чтобы держать отрядъ сосредоточеннымъ въ двухъ пунктахъ—Быйлешти и Моцацѣ; 2) въ бездѣйствіи кавалеріи, когда были услышаны выстрѣлы со стороны Четати, и въ замедленіи своего выступленія съ пѣхотой изъ Быйлешти до подхода туда кавалеріи, и, наконецъ, 3) въ остановкѣ у с. Скрипетулъ, вмѣсто того, чтобы атаковать отступавшаго въ безпорядкѣ черезъ Мадловиту непріятеля. Упоминая и этотъ разъ о рвѣ, окружавшемъ названное селеніе, и объ опасеніи поэтому со стороны графа Анрепа его атаковать, князь Михаилъ Дмитріевичъ не находилъ уже такого оправданія основательнымъ и полагалъ подобную атаку вполнѣ возможной и при существовавшей обстановкѣ не затруднительной, а наступленіе, „по всѣмъ вѣроятіямъ, увѣнчало бы бой самымъ блистательнымъ успѣхомъ“ [2]).



Турецкій планъ сраженія при Четати.

„Подробности дѣла подъ Четати читалъ я съ величайшимъ „любопытствомъ“, отвѣтилъ на это Государь Николай Павловичъ [3]). „Это меня утвердило въ моемъ прежнемъ мнѣніи. На„хожу, что Анрепъ *оплошалъ* непростительно; авось загладитъ „въ будущемъ, но подобные случаи къ пораженію не часто пред„ставляются“.

Ноябрьскія побѣды на Кавказѣ и Черномъ морѣ сильно подняли духъ русскаго общества и воскресили въ немъ надежду

---

[1]) Арх. Канц. Воен. Мин., 1853 г., секр. д. № 60.

[2]) Генералъ Коцебу объ этомъ донесеніи Горчакова занесъ въ свой дневникъ слѣдующее: „20 января. Краіово. Много работы при отправленіи фельдъегеря въ Петербургъ съ „отвѣтомъ Государю, что было весьма непріятно, потому что Анрепа никакъ оправдать нельзя. „Весь день ушелъ на составленіе отвѣта, и все же пришлось отложить отправку фельдъегеря „на завтра“.

[3]) Въ письмѣ къ кн. Горчакову отъ 1 февраля 1854 г. Собств. Его Велич. Библ., шк. 115, портф. 14.

на успѣшное окончаніе Россіей ея исторической задачи на ближнемъ Востокѣ. „Если увидите митрополита Филарета“, писала графиня Блудова Погодину 25 ноября 1853 года [1]), „просите „его отъ меня молиться за Государя въ это критическое время „и поручить въ лаврѣ, у раки св. Сергія, молиться и о немъ „и о страждущихъ народахъ соплеменныхъ, чающихъ избавленія, „какъ нѣкогда ждала его Россія — и готовящихся на борьбу „такую же, какъ Россія во время св. Сергія“. Но недомолвки на берегахъ Дуная нѣсколько охлаждали это настроеніе и вызвали даже саркастическое пожеланіе архіепископа Таврическаго Иннокентія послать подобныхъ Нахимову на Дунай, „который что-то „крайне обмелѣлъ“ [2]).

Въ свою очередь Шевыревъ въ день Рождества Христова писалъ Погодину: „Государь веселъ. Побѣды его развеселили. „Война и война—нѣтъ слова на миръ. Ото всей Россіи войнѣ „сочувствіе. Флигель-адъютанты доносятъ, что такихъ дивныхъ и „единодушныхъ наборовъ еще никогда не бывало. Крестовый „походъ. Государь самъ выразился, что ему присылаютъ Апол„лоновъ Бельведерскихъ на войну: въ теченіе двадцати-девяти „лѣтъ онъ ничего подобнаго не видывалъ... Никогда еще мнѣнія „въ Петербургѣ такъ рѣзко не высказывались, какъ теперь. „Русскаго тотчасъ отличишь отъ западника. Жертвовать всѣ го„товы. Есть движенія, напоминающія двѣнадцатый годъ“...

Но полученное вскорѣ извѣстіе о Четатинскомъ дѣлѣ измѣнило настроеніе. „Дѣло Анрепа подъ Калафатомъ“, записалъ графъ Граббе, „навело грусть на Дворъ и общество... Распоряженія „очевидно нелѣпы“... Русское общество чувствовало, какъ все это должно было подѣйствовать на Государя, и душою скорбѣло о немъ. „Говорятъ“, писалъ 29 января 1854 года Шевыревъ Погодину, „что Государь былъ нездоровъ. Молится онъ по но„чамъ передъ сномъ долго на колѣняхъ, и его нашли уснувшаго „такъ во время молитвы. Услыши ее Господи!“... „Вы знаете“, сообщалъ черезъ нѣсколько дней Хомяковъ Попову, „что я не „сентименталенъ, но мнѣ его жаль. Я бы радъ былъ сказать „слово, какъ умѣю, не для Руси только, а и для него. Но гдѣ „доступъ слову? Двадцать лѣтъ душили мысль. Въ важную минуту „наткнулись на безсмыслiе, и мнѣ чувствуется страшная безпомощ-

---

[1]) Барсуковъ: „Жизнь и труды М. П. Погодина“, кн. XIII.
[2]) Тамъ же.

„ность, скрываемая подъ плохою личиною спокойствія и надежды. „Что-то Богъ дастъ? А время великое!“... [1]).

И вся польза отъ славнаго дѣла при Четати заключалась лишь въ новыхъ геройскихъ лаврахъ на доблестныхъ знаменахъ Тобольскаго и Одесскаго полковъ, составившихъ себѣ громкое имя въ арміи и во всей Россіи. Объ этомъ между прочимъ свидѣтельствуетъ и донынѣ стоящій скромный крестъ на площади с. Соловьевки Радомысльскаго уѣзда, который былъ сооруженъ въ 1855 году крестьяниномъ Прокопіемъ Лукичемъ Савченко „въ память храбрецамъ Тобольцамъ и Одессцамъ, павшимъ на „Четатинскомъ полѣ 25 декабря 1853 года“ [2]).

V.

Описанными событіями окончились наши дѣйствія на Дунаѣ въ 1853 году.

Бросая общій взглядъ на происшедшее на главномъ театрѣ военныхъ дѣйствій, мы должны отмѣтить отрицательный для насъ результатъ истекшаго періода и ухудшеніе нашего положенія.

„Quant aux Principautés“, писалъ военный министръ князю Меншикову, „les troupes y ont combattu avec une bravoure hé„roïque; mais quel en a été le résultat. J'en ai le cœur navré, et je „m'attends encore à des mécomptes. Vous trouverez sous ce pli un „bulletin sur l'affaire du 25 près de Kalafat; il a fallu des efforts „pour le rendre un peu compréhensible, car, d'après le journal, on y „conçoit rien“ [3]).

Та фальшивая искусственная обстановка, въ которую была поставлена Дунайская армія политическими соображеніями и обязательствами петербургскаго кабинета, совмѣстно съ противными военному взгляду и духу Императора Николая цѣлями, поставленными нашимъ войскамъ, на Дунаѣ расположеннымъ, являются главными причинами неудачныхъ дѣйствій князя Горчакова. Съ другой стороны, этой искусственной обстановкой отлично воспользовался въ своихъ выгодахъ талантливый турецкій главнокомандующій Омеръ-паша.

---

[1]) Барсуковъ: „Жизнь и труды М. П. Погодина“, кн. XIII, стр. 35.

[2]) „Жизнь и Искусство“, № 221, 1899 г.

[3]) Кн. Долгоруковъ—кн. Меншикову 8 (20) января 1854 г. Арх. Воен. Уч. Ком., д. № 4254.

Невозможно было предполагать, чтобы сосредоточеніе на непріятельской территоріи грозной стотысячной арміи, въ видѣ гарантіи въ исполненіи Турціей принятыхъ на себя обязательствъ, не повлекло бы за собою кровавыхъ столкновеній. Преграда, отдѣлявшая обѣ враждующія арміи, Дунай, могла послужить къ уменьшенію опасности близкаго сосѣдства лишь при искреннемъ желаніи обѣихъ сторонъ мирно уладить существовавшія недоразумѣнія. Но таковое желаніе было только со стороны Императора Николая; Турція же, чувствуя за собою нравственныя симпатіи всей западной Европы и матеріальную поддержку морскихъ державъ, была настроена далеко не такъ миролюбиво.

Поставленная при подобныхъ условіяхъ петербургскимъ кабинетомъ задача арміи князя Горчакова — не переходить Дуная, а отбивать лишь попытки турокъ на нашъ берегъ, была крайне неблагодарна. Она давала противнику возможность подъ прикрытіемъ Дуная, какъ за китайской стѣной, не только спокойно подготовляться къ будущей кампаніи, но и наносить намъ, не опасаясь послѣдствій рискованныхъ предпріятій, хоть и мелкіе, но досадные въ началѣ кампаніи удары на широкомъ фронтѣ Княжествъ, занятыхъ русскими войсками. Дунай служилъ крайне выгодною для турокъ преградой не только военной, но и политической. Въ первый періодъ войны, когда подчиненіе своей волѣ воли противника имѣетъ такое первенствующее значеніе, мы не только добровольно уступили этотъ могущественный факторъ въ руки противника, но и постарались создать ему очень благопріятную обстановку. Принужденные только отбивать наносимые удары, мы невольно растянулись на огромномъ протяженіи Дуная, томили и дергали войска и, имѣя стотысячную армію въ рукахъ, всюду были слабы и всюду опаздывали.

Извѣстный стратегъ той эпохи, генералъ Жомини, жившій во время кампаніи уже на покоѣ въ Брюсселѣ, въ своей интересной запискѣ военному министру о планѣ войны пишетъ между прочимъ [1]):

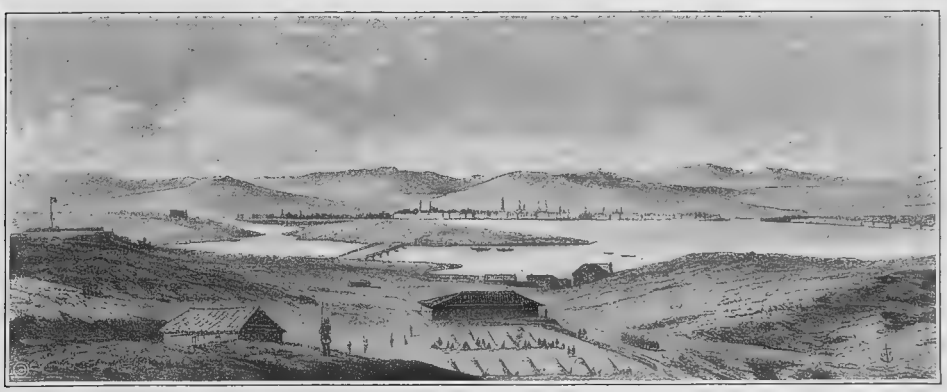
„Я уже сообщалъ князю Варшавскому и Горчакову мое „мнѣніе о той опасности, которую представляетъ линія Дуная въ „отношеніи *оборонительныхъ дѣйствій,* въ особенности если ихъ „растянуть до Видина. Ясно, что удачное серьезное наступленіе

[1]) Ген. Жомини—воен. министру. Брюссель. 19 февраля (3 марта) 1854 г. Арх. Канц. Воен. Мин., 1853 г., секр. д. № 60.
Переводъ съ франц.

„противъ нашего лѣваго фланга повлечетъ, въ виду географиче-
„скаго положенія фронта операцій, большую опасность правому
„флангу, такъ какъ этотъ фронтъ, вмѣсто того, чтобы быть па-
„раллельнымъ базѣ, перпендикуляренъ къ линіи Прута, которая
„ее составляетъ“.

Нельзя сказать, чтобы такіе мелкіе уколы самолюбію благотворно дѣйствовали на духъ привыкшей до сего времени къ побѣдамъ славной русской арміи. Ей непривычна, непонятна была война съ турками, взявшими на себя починъ наступательныхъ дѣйствій.

Какъ слѣдствіе такой обстановки, должны были явиться пагубное недовѣріе къ руководителямъ военными операціями, уныніе и какое-то равнодушіе въ исполненіи святого дѣла войны.



Видъ Калафатскаго укрѣпленнаго лагеря.

Надо было быть полководцемъ, отмѣченнымъ особымъ дарованіемъ и характеромъ, чтобы съ честью выйти изъ того положенія, въ которое былъ поставленъ князь Горчаковъ созданной политической обстановкой. Къ сожалѣнію, ни требуемаго характера, ни отмѣченныхъ особымъ даромъ свыше талантовъ князь Михаилъ Дмитріевичъ не проявилъ. Онъ лишь принадлежалъ къ типу тѣхъ, по словамъ Наполеона, хорошихъ генераловъ, которые сразу видятъ много хорошихъ вещей и потому размѣниваются по мелочамъ, не имѣя силы воли направить всю энергію къ достиженію одной очередной и въ данную минуту наиболѣе важной цѣли. Если мы прибавимъ сюда какую-то безотчетную боязнь со стороны командовавшаго войсками на Дунаѣ предоставить въ своихъ планахъ необходимый процентъ на долю

риска, ожиданіе со стороны непріятеля крупныхъ ошибокъ, наконецъ, цѣлый рядъ вольныхъ и невольныхъ погрѣшностей со стороны какъ самого князя Горчакова, такъ и его сотрудниковъ, то причины безцвѣтной кампаніи на Дунаѣ въ 1853 году будутъ ясны.

Планъ, которымъ рѣшилъ руководствоваться турецкій главнокомандующій, былъ изложенъ въ первомъ томѣ настоящаго труда. Омеръ-паша съ замѣчательнымъ искусствомъ воспользовался всѣми невыгодными сторонами нашего положенія, исполняя заблаговременно составленный и строго обдуманный западными руководителями Оттоманской Порты планъ борьбы съ Россіей, которая, какъ возможная политическая комбинація, уже нѣсколько лѣтъ нарождалась въ мечтательной головѣ честолюбиваго Людовика-Наполеона.

Сколько умѣнія, сколько политическаго таланта и счастливаго случая надо имѣть, чтобы составить себѣ благопріятную обстановку для спокойной подготовки страны, арміи и политическихъ сочетаній къ началу кровопролитной войны съ сильнымъ врагомъ. На это иногда идутъ года усиленной систематичной работы, которая и при такихъ условіяхъ не всегда достигаетъ блестящихъ результатовъ, подобныхъ тѣмъ, въ которыхъ находилась Оттоманская Порта осенью 1853 года, преимущественно благодаря политическимъ соображеніямъ петербургскаго кабинета.

Разслабленная, не готовая къ борьбѣ Турція всецѣло находилась ко времени разрыва переговоровъ князя Меншикова въ Константинополѣ подъ ударами занесеннаго надъ ней русскаго меча. И если бы даже энергичныя дѣйствія нашей арміи и флота, какъ это первоначально предполагалъ Императоръ Николай, и вызвали вооруженное вмѣшательство западныхъ державъ, то оно было бы скороспѣлое, безъ надлежащей подготовки и при непрочно установившемся еще соглашеніи между новыми союзниками. Смѣло можно предполагать, что при такихъ условіяхъ на нашей сторонѣ было бы больше шансовъ на успѣхъ борьбы даже съ европейской коалиціей, чѣмъ это случилось, годъ спустя.

Но принятая русскимъ правительствомъ полуполитическая полувоенная мѣра занять Княжества и рѣшеніе не переходить до окончанія затянувшихся переговоровъ Дуная создали для нашихъ враговъ рѣдко благопріятную обстановку, которой они очень умѣло воспользовались.

Затягиваніе переговоровъ съ пристрастнымъ освѣщеніемъ ихъ подкупленной прессой дало время образоваться противъ насъ

плотно сложившейся коалиціи и враждебно настроить общественное мнѣніе западной Европы. Турки, совершенно обезпеченные со стороны Дуная, спокойно подготовляли въ теченіе многихъ мѣсяцевъ нашего сидѣнія въ Княжествахъ театръ предстоящихъ военныхъ дѣйствій, мобилизовали и сосредоточивали свою армію. И, наконецъ, Омеръ-паша, зная, что мы добровольно рѣшили не переходить Дуная, могъ свободно перебрасывать свои войска съ одного пункта на другой, переправляться черезъ рѣку и безбоязненно атаковать насъ превосходными силами въ Княжествахъ, въ одномъ изъ пунктовъ нашего растянутаго расположенія. И надо сознаться, что турецкій главнокомандующій очень удачно пользовался своимъ выгоднымъ положеніемъ: онъ взялъ въ свои руки иниціативу, подчинилъ всѣ дѣйствія и помыслы князя Горчакова своей волѣ, давалъ хорошій боевой опытъ молодымъ турецкимъ войскамъ, отучая ихъ въ то же время отъ мысли о непобѣдимости русскихъ, и давалъ пищу западно-европейской прессѣ кричать о нашей неудачѣ и о доблести оттоманской арміи.

„Съ той минуты“, пишетъ одинъ изъ иностранныхъ историковъ Крымской кампаніи [1]), „какъ Омеръ-паша занялъ Калафатъ, „Императоръ Николай пересталъ спокойно занимать территорію, „которую онъ пожелалъ назвать своей „матеріальной гарантіей“. „Его тщеславіе было задѣто. Возмущенный мыслью, что возмож„ность владѣть этимъ залогомъ у него была оспариваема турец„кимъ военноначальникомъ, онъ началъ исчерпывать свои сред„ства въ попыткѣ сосредоточить войска на западномъ флангѣ „своей растянутой линіи. Этой ошибки такъ желалъ Омеръ-паша. „Къ концу года Горчакову удалось сосредоточить въ Малой Ва„лахіи многочисленный корпусъ войскъ, и въ первыхъ числахъ „января (новаго стиля) укрѣпленія Калафата были атакованы ге„нераломъ Анрепъ. Бой продолжался четыре дня и кончился от„ступленіемъ русскихъ. Если мы отдадимъ себѣ отчетъ о гро„мадномъ разстояніи, отдѣлявшемъ Калафатъ отъ ядра русской „арміи, то можемъ заключить, что эта безсильная попытка рус„скаго тщеславія должна была принести большой ущербъ воен„ному могуществу Царя.

„Омеръ-паша, сверхъ того, не менѣе удачно воспользовался „политическими соображеніями, которыя помѣшали русскимъ пе„рейти Дунай. Онъ упражнялъ въ теченіе зимы свои войска,

[1]) Kinglake: „L'invasion de la Crimée“, t. 2, p. 51.

„заставляя ихъ предпринимать нападеніе противъ непріятельскихъ „постовъ по всей длинѣ Дуная, отъ Видина до Рассова. Такъ какъ „эти нападенія очень часто увѣнчивались успѣхомъ и не могли „быть прекращены подобными же дѣйствіями непріятеля, который „лишилъ себя права переходить рѣку, то они дали туркамъ ту „увѣренность въ своихъ силахъ, которая служитъ основаніемъ „боевой доблести арміи".

Таковы были послѣдствія дѣйствій арміи князя Горчакова въ 1853 году, вызванныхъ по преимуществу той фальшивой обстановкой, въ которую были поставлены наши войска въ Княжествахъ, и таковы были сужденія о нихъ нашихъ враговъ, сужденія, не лишенныя большой доли справедливости.

Но весь вредъ опутыванія арміи условными политическими комбинаціями сознавался и въ Петербургѣ.

„Les circonstances deviennent de plus en plus graves; mais „c'est le moment où il faut se montrer fier et ferme. Dieu arrangera „le reste". Такъ заканчивалъ военный министръ свое поздравительное съ новымъ годомъ письмо князю А. С. Меншикову [1]).

Вопросъ о переправѣ черезъ Дунай созрѣлъ и вылился въ окончательную форму. Къ сожалѣнію, только время было непоправимо упущено.

---

[1]) Кн. Долгоруковъ—кн. Меншикову 31 декабря 1853 г. Арх. Воен. Уч. Ком., д. № 4254.

Глава IX.

I.

Опасенія Государя за Кавказъ, вызванныя сообщеніемъ князя Воронцова о томъ, что онъ не можетъ собрать на турецкой границѣ свыше 6 баталіоновъ [1]), прекратились послѣ того, какъ Императоръ Николай „съ большой неохотой“ отправилъ 13-ю дивизію изъ Севастополя въ Сухумъ, и послѣ того, какъ эта трудная въ осеннее время года операція морскимъ путемъ благополучно совершилась [2]). Успокоился первоначально и князь Воронцовъ, который выражалъ въ началѣ октября увѣренность, что турки пока не имѣютъ ни средствъ, ни желанія насъ атаковать. Прибытіе же войскъ изъ Россіи заставило ихъ опасаться за собственную границу, а видъ нашего могущественнаго флота внушилъ имъ страхъ даже за самый Батумъ [3]). Но такое настроеніе дряхлаго намѣстника скоро измѣнилось [4]), и къ концу октября онъ смотрѣлъ на положеніе вещей съ самой мрачной точки зрѣнія. Тяжелый недугъ, мѣшавшій князю Воронцову принимать дѣятельное участіе въ управленіи ввѣреннымъ ему краемъ, слухи о сосредоточеніи на границѣ внушительныхъ турецкихъ силъ съ цѣлью перейти въ наступленіе, удачное нападеніе турокъ на постъ св. Николая до объявленія войны и разброска войскъ были тому причиной [5]). Удрученное состояніе князя Воронцова увеличивалось еще тѣмъ, что онъ долженъ былъ, въ виду болѣзни князя Бебутова, отправить въ Александрополь для командованія дѣйствующимъ корпусомъ своего начальника штаба, князя А. И. Барятинскаго.

---

[1]) См. Приложенія №№ 72 и 73.

[2]) Имп. Николай—кн. Варшавскому 27 августа (8 сентября) 1853 г., изъ Александріи. Собств. Его Велич. Библ., шк. 115, портф. 14.

[3]) Кн. Воронцовъ—кн. Меншикову 2 октября 1853 г. Арх. Канц. Воен. Мин. по сн. в., 1853 г., секр. д. № 72.

[4]) См. Приложеніе № 74.

[5]) См. Приложеніе № 75.

По получаемымъ отъ нашихъ агентовъ и лазутчиковъ въ теченіе октября свѣдѣніямъ, становилось ясно, что турки, зная о предстоящемъ разрывѣ ранѣе, чѣмъ это стало извѣстно князю Воронцову, сосредоточили свои войска въ Батумѣ, Ардаганѣ, Карсѣ и Баязетѣ и въ концѣ мѣсяца придвинули ихъ на нѣсколько верстъ къ нашей границѣ, занявъ угрожающее положеніе. Агенты доносили, что въ предположеніе турецкаго главнокомандующаго входило направить первоначальный ударъ на Ахалкалаки. Князь Воронцовъ не придавалъ этимъ слухамъ большого значенія, считая, что крѣпость Ахалкалаки способна устоять противъ напора турокъ, которымъ къ тому же было крайне рисковано вдаваться внутрь страны въ этомъ направленіи. Они такимъ движеніемъ подставляли свой флангъ удару бригады 13-й дивизіи, совершавшей вблизи послѣ высадки свой маршъ внутрь страны. Намѣстникъ болѣе безпокоился за центръ и крайніе фланги своей растянутой линіи — Озургеты и Эривань. Движеніе въ первомъ направленіи совершенно отдѣляло насъ отъ моря и ставило въ критическое положеніе наши береговыя укрѣпленія, а Эривань имѣла значеніе, какъ пунктъ, лежащій на прямомъ пути изъ Баязета къ Тифлису, находящійся вблизи персидской границы и важный въ моральномъ отношеніи, въ виду близости отъ него Эчмодзіанскаго монастыря — резиденціи армянскаго патріарха. Князь Воронцовъ считалъ необходимымъ, обезпечивъ эти важные пункты возможнымъ числомъ войскъ, всѣ остальныя силы дѣйствующаго корпуса сосредоточить въ центральномъ положеніи у Александрополя, съ рискомъ даже ослабить до крайности непосредственную охрану границы въ остальныхъ пунктахъ. Намѣстникъ полагалъ, что, имѣя сильный отрядъ въ центрѣ, онъ болѣе способенъ удержать турокъ отъ прорыва нашей границы и при случаѣ дать имъ даже внушительный отпоръ. Этимъ же способомъ лучше можно было обезпечить и дорогу отъ Тифлиса до Александрополя, столь намъ необходимую для подхода подкрѣпленій къ дѣйствующему корпусу. Князь Барятинскій со своей стороны вполнѣ сочувствовалъ плану намѣстника и со свойственной ему энергіей посвятилъ октябрь мѣсяцъ къ сосредоточенію войскъ у Александрополя [1]).

Благодаря этимъ мѣрамъ, къ ноябрю мѣсяцу войска дѣйствующаго корпуса на турецкой границѣ были доведены до

---

[1]) Зюссерманъ: „Фельд. кн. Барятинскій". Русск. Арх. 1888 г., кн. 8, стр. 3338.

32¼ баталіоновъ, 68 орудій, 10 эскадроновъ, 21 сотни казаковъ и 4 дружинъ и 36 сотенъ мѣстной милиціи.

Эти войска были расположены слѣдующимъ образомъ:

Въ *Александрополѣ*—7¼ батал., 40 ор., 10 эск., 3 сот. каз., 3 друж. и 2 сот. милиціи [1]). Сюда же между 2 и 16 ноября должны были прибыть 5½ батал. и 18 сот. [2]).

Въ *Эривани* и ея окрестностяхъ—3½ батал., 8 ор. и 14 сот. милиціи [3]).

Въ *Ахалкалакскомъ* отрядѣ—2 батал., 4 ор. и 2 сот. милиціи [4]).

Въ *Ахалцыхскомъ* отрядѣ— 5 батал., 8 ор., 1 др. и 6 сот. милиціи [5]).

Въ *Гурійскомъ* отрядѣ—7 батал., 8 ор. и 12 сот. милиціи [6]).

Въ *Сурамѣ*—2 батал. [7]); они вмѣстѣ съ войсками, которыя могли освободиться съ Гурійскаго кордона, должны были составить резервъ, находившійся въ вѣдѣніи князя Воронцова [8]).

Батарея въ Синопѣ.

Князь Барятинскій опредѣлялъ, по собраннымъ имъ свѣдѣніямъ, силы и расположеніе турокъ къ этому времени слѣдующимъ образомъ: въ Карсѣ—25 тысячъ при 65 орудіяхъ, въ Ардаганѣ—7 тысячъ при 10 орудіяхъ и въ Баязетѣ—5 тысячъ при 10 орудіяхъ. Кромѣ того, какъ онъ доносилъ, „отдѣльная и очень большая „часть турецкихъ войскъ“ была собрана въ Батумѣ, куда продолжали

---

[1]) 1¾ бат. гр. Вел. Кн. Константина Николаевича п.; 2¾ бат. Эриванскаго п.; 1 бат. ег. кн. Воронцова п.; 1 бат. Мингрельскаго ег. п.; 1 бат. Тифлисскаго ег. п.; Кавказскій стр. бат.; ¾ Кавказскаго сап. бат.; драг. Н. Пр. Вирт. (Нижегор.) п.; по 8 ор. батар. № 1 и №2 и 8 ор. л. № 1 батар. Кавк. гр. бр.; 8 ор. батар. № 5 бат. 21 арт. бр.; донск. № 7 батар., 3 сот. Кавк. лин. каз. в., 3 др. Елизавет. и Борчил. мил. и 2 с. Эрив. и Ново-Баяз. мил.

[2]) 3-й бат. гр. Вел. Кн. Константина Николаевича п.; 1-й б. Эрив. п.; 1 и 2 бат. кн. Варш. п.; 5 р. Тифлисск. и Мингр. п.; р. Кавк. сап. б.; 6 с. Кавк. лин. каз. в. и донск. каз. №№ 2 и 4 п.

[3]) Гр. Вел. Кн. Константина Николаевича п., 1½ б. Мингр. ег. п., 1 б. Тифл. п. и 8 ор. № 7 батар. 21 арт. бр.

[4]) Бѣлост. п. и горн. № 3 батар.

[5]) Вилен. ег. и бат. Бѣлост. п., легк. № 2 батар. 13 арт. бр.

[6]) Лит. ег. и три бат. Брест. п., легк. № 1 батар. 13 арт. бр.

[7]) По бат. Брест. и Бѣлост. пп.

[8]) Рапорты кн. Барятинскаго кн. Воронцову 28 октября 1853 г., №№ 421 и 424. Арх. Кавк. в. окр., секр. 2 отд. Ген. Шт., 1853 г., № 11.

прибывать моремъ еще новыя силы, и въ Эрзерумѣ находился большой резервъ, составъ котораго не былъ положительно извѣстенъ князю Барятинскому. При турецкихъ регулярныхъ войскахъ находилась въ значительномъ числѣ и мѣстная милиція.

Враждебныя дѣйствія турокъ на границѣ Гуріи не вызвали съ нашей стороны немедленнаго объявленія войны. На остальныхъ же пунктахъ турки продолжали оставаться въ выжидательномъ положеніи, что намъ было весьма полезно, такъ какъ давало время для сосредоточенія силъ. Правда, нападенія курдовъ и баши-бузуковъ на всемъ протяженіи нашей границы участились, но цѣлью ихъ исключительно служилъ грабежъ, и турецкія регулярныя войска не участвовали въ этихъ нападеніяхъ.

Несмотря на дружественную переписку между княземъ Барятинскимъ и Абди-пашей по поводу прекращенія грабежей [1]), эти послѣдніе къ концу октября приняли болѣе значительный размѣръ въ особенности въ предѣлахъ Александропольскаго уѣзда.

30 октября, къ вечеру въ Александрополѣ было получено достовѣрное извѣстіе о томъ, что главныя силы турокъ придвинулись изъ Карса къ нашимъ границамъ и расположились на ночлегъ между разрушеннымъ городомъ Ани и д. Баяндуромъ. Вслѣдъ за этимъ было сообщено, что отъ 35 до 40 тысячъ регулярныхъ турецкихъ войскъ и милиціи намѣрены предпринять энергичное ночное движеніе на Александрополь. Князь Барятинскій рѣшилъ, во избѣжаніе безпорядковъ, могущихъ быть ночью, немедленно двинуться со всѣмъ своимъ малочисленнымъ отрядомъ навстрѣчу непріятелю.

Князю Орбеліани, хорошо знакомому съ мѣстностью, было поручено ночью избрать позицію, соотвѣтствовавшую силамъ отряда и прикрывавшую оба пути къ городу. Такая позиція была выбрана въ 3-4 верстахъ отъ Александрополя по пути къ д. Баяндуру и на ней войска расположились въ двѣ линіи съ резервомъ. Утромъ 31 октября турокъ передъ нашимъ расположеніемъ не оказалось, и князь Барятинскій увелъ наши войска обратно, чтобы не дать возможности противнику разсмотрѣть незначительныя силы нашего отряда. Для развѣдки же были оставлены двѣ сотни линейцевъ.

Около полудня наши разъѣзды встрѣтили близъ Баяндура многочисленныя шайки курдовъ, число которыхъ увеличивалось

---

[1]) Арх. Кавк. в. окр., секр. 2 отд. Ген. Шт., д. № 11.

съ неимовѣрной быстротой. Линейцы начали отступать къ ночной позиціи, которая вновь была занята Александропольскимъ отрядомъ. Въ это время курды принялись грабить армянскія деревни, и двѣ линейныя сотни, возмущенныя ихъ звѣрствами и позабывъ осторожность, бросились впередъ спасать беззащитныхъ. Храбрецы въ нѣсколько минутъ были буквально окружены 2 тысячами непріятельской кавалеріи и, собравшись въ кучу, отстрѣливались во всѣ стороны залпами, готовясь дорого продать свою жизнь. Къ счастью, на полѣ битвы въ это время нежданно появилась сотня казаковъ, высланная княземъ Барятинскимъ на развѣдку, и непріятель началъ быстро отходить за Арпачай, не появляясь болѣе въ этотъ день въ нашихъ предѣлахъ. Въ происшедшей стычкѣ линейныя сотни и донскіе казаки потеряли убитыми 59 нижн. чиновъ, ранеными 1 офицера и 18 нижн. чиновъ. Кромѣ того, выбыло изъ строя 92 лошади [1]).

1 ноября прибылъ къ отряду выздоровѣвшій князь Бебутовъ. Узнавъ, что курды и баши-бузуки вновь ворвались въ большихъ силахъ въ наши предѣлы и опустошаютъ окрестныя деревни, онъ рѣшилъ выслать отрядъ подъ начальствомъ князя Орбеліани, силою въ 7 батал. пѣхоты, 28 ор., 4 эск., 1 сот. и 1000 милиціонеровъ, чтобы очистить край отъ грабителей.

Генералъ-маіоръ князь Орбеліани, командиръ гренадерскаго Вел. Кн. Константина Николаевича полка, доблестный кавказскій служака, человѣкъ выдающейся храбрости и рѣшимости, не имѣлъ въ то же время никакого опыта въ вожденіи значительныхъ массъ войскъ. Поэтому, 2 ноября, выйдя изъ Александрополя, онъ немедленно развернулъ свой отрядъ въ боевой порядокъ и въ такомъ видѣ двинулся на селенія Мал. Караклисъ и Баяндуръ [2]). Боевой порядокъ состоялъ изъ трехъ линій пѣхоты и артиллеріи, въ четвертой линіи слѣдовалъ обозъ, дивизіонъ донской батареи и 4 эскадрона драгунъ. Впереди боевого порядка находилась лишь одна сотня казаковъ. Въ такомъ видѣ отрядъ князя Орбеліани началъ свой фланговый маршъ по отношенію къ турецкой границѣ, рѣкѣ Арпачаю, отстоявшей всего на 3-4 версты. Объ охраненіи отряда съ этой стороны, а также и о развѣдкѣ передъ фронтомъ боевого порядка не было и рѣчи.

---

[1]) Рапортъ кн. Барятинскаго кн. Воронцову 31 октября 1853 г., № 557. Тамъ же.
[2]) См. схему № 22 (папка).

За деревней Мал. Караклисъ отрядъ долженъ былъ переправиться черезъ большой оврагъ, и едва первая линія совершила эту переправу и поднялась на высоту, отдѣляющую Мал. Караклисъ отъ дер. Баяндуръ, какъ она была атакована массой непріятельской кавалеріи. Князь Орбеліани пріостановилъ первую линію, чтобы дать время переправиться остальнымъ частямъ и перемѣнить фронтъ боевого порядка по направленію на д. Баяндуръ.

Противъ же непріятельской кавалеріи былъ открытъ огонь двухъ батарей первой линіи. Конница отхлынула, а отрядъ, окончивъ переправу и занявъ свои мѣста, двинулся всѣмъ боевымъ порядкомъ впередъ. Но едва только прошли мы полъ-версты, какъ непріятельская конница разсыпалась въ обѣ стороны и открыла 40 орудійную батарею, устроенную на позиціи 30 тысячнаго турецкаго отряда впереди с. Баяндуръ. Кавалерія же заскакивала съ разныхъ сторонъ кругомъ боевого порядка князя Орбеліани, и только орудійные выстрѣлы и быстрыя маневрированія драгунъ не позволяли ей близко подойти. Абди-паша рѣшилъ, пользуясь своимъ численнымъ перевѣсомъ, удерживать насъ съ фронта огнемъ своей превосходной артиллеріи и произвести охваты съ обоихъ фланговъ. Черезъ нѣкоторое время показалась противъ нашего лѣваго фланга сильная непріятельская пѣхота при 6 эскадронахъ регулярной кавалеріи. Князь Орбеліани пріостановилъ свой отрядъ и разсѣялъ наступавшихъ противъ лѣваго фланга турокъ мѣткимъ огнемъ артиллеріи.

Столь же неуспѣшна была попытка Абди-паши охватить нашъ правый флангъ. Обходная колонна была отбита огнемъ первой линіи, усиленной частями второй линіи; при этомъ 1-я легкая батарея (подполковника де-Саже), вынесшись на флангъ, оставалась временно безъ прикрытія и самостоятельно отбила картечью всѣ атаки большихъ массъ курдовъ.

Въ это время толпы иррегулярной конницы вынеслись незамѣтно изъ лощины въ тылъ нашего праваго фланга и устремились на обозъ. Находившаяся тамъ въ прикрытіи Елизаветпольская милиція не выдержала и послѣ перваго выстрѣла бѣжала въ полной паникѣ съ поля сраженія, распространяя ужасъ до самаго Александрополя. Курды бросились на наши вьюки, но были отогнаны за Арпачай пикинернымъ дивизіономъ драгунъ.

На фронтѣ дѣло ограничилось съ обѣихъ сторонъ артиллерійскимъ огнемъ, и Абди-паша, испытавъ неудачу на флангахъ, не рѣшился атаковать нашъ слабый отрядъ съ фронта. Дождав-

шись же темноты, онъ отвелъ свой отрядъ на противоположный берегъ Арпачая [1]). На такой оборотъ дѣла повліяла, по всей вѣроятности, помощь, оказанная князю Орбеліани княземъ Бебутовымъ.

Поручикъ Путята подъ Ольтеницей.

Какъ только въ Александрополѣ узнали о столкновеніи высланнаго отряда со всѣмъ турецкимъ корпусомъ, то князь Бебутовъ собралъ по тревогѣ остальныя войска (3 баталіона, 12 орудій, 6 эскадроновъ драгунъ и сотню казаковъ) и направилъ ихъ, подъ начальствомъ генерала Кишинскаго, на помощь князю Орбеліани. Колонна эта могла выступить только въ половинѣ четвертаго дня и направилась къ Баяндуру форсированнымъ маршемъ по нижней, ближайшей къ Арпачаю дорогѣ. Князь Бебутовъ, взявъ такое направленіе, разсчитывалъ выйти противъ лѣваго фланга противника и отбросить его отъ переправъ черезъ Арпачай.

Отрядъ Кишинскаго вышелъ на поле сраженія уже съ наступленіемъ темноты, и князь Бебутовъ не рѣшился атаковать ночью на незнакомой мѣстности превосходнаго противника, а пріостановился до утра, развернувъ колонну генерала Кишинскаго въ боевой порядокъ и примкнувъ его къ правому флангу отряда князя Орбеліани.

Узнавъ объ отступленіи турокъ, князь Бебутовъ не рѣшился преслѣдовать непріятеля и перейти границу, такъ какъ не имѣлъ ни перевозочныхъ средствъ, ни подвижныхъ парковъ, ни госпиталей. Поэтому нашъ отрядъ ночью же отошелъ къ Александрополю.

Неосторожное выдвиженіе князя Орбеліани стоило намъ убитыми 2 офиц. и 125 нижн. чиновъ и ранеными 6 офиц. и 308 нижн. чиновъ. Потери турокъ простирались, по полученнымъ нами свѣдѣніямъ, до 1000 человѣкъ [2]).

---

[1]) Рапортъ кн. Орбеліани кн. Бебутову 3 ноября 1853 г., № 15. Тамъ же. Зап. подп. де-Саже. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 4717.

[2]) Рапортъ кн. Бебутова главнокомандующему 4 ноября 1853 г., № 74, и частн. письмо отъ того же числа. Арх. Кавк. в. окр., 1853 г., секр. 2 отд. Ген. Шт., д. № 11.

Вся тяжесть боя въ дѣлѣ подъ Баяндуромъ легла на артиллерію, и начальникъ отряда свидѣтельствовалъ о мѣткой и хладнокровной стрѣльбѣ нашихъ артиллеристовъ.

Этотъ случайный бой имѣлъ для насъ лишь нравственное значеніе прегражденія пути въ нѣсколько разъ превосходному противнику и распространенія страха, внушеннаго огнемъ нашей артиллеріи турецкимъ иррегулярнымъ войскамъ. Курды отказались впредь драться противъ русской артиллеріи и просили разрѣшить имъ дѣйствовать мелкими партіями.

Для прекращенія подобныхъ вторженій курдовъ было вооружено христіанское пограничное населеніе, и по Ахалкалакской дорогѣ былъ высланъ летучій отрядъ, который имѣлъ удачную стычку съ грабителями. Кромѣ того, для защиты дороги отъ Орловки на Цалку и далѣе на Тифлисъ князь Бебутовъ выслалъ въ Орловку отрядъ изъ 2¼ баталіоновъ, 4 горныхъ орудій и небольшого числа казаковъ и конной милиціи.

Нападеніе курдовъ не являлось результатомъ сочувствія ихъ туркамъ, а лишь жаждой грабежа. Напротивъ, они скорѣе тяготѣли къ Россіи, мощь которой ими сознавалась. Нѣкоторые старшины обращались къ князю Бебутову съ предложеніемъ своихъ услугъ и пріема ихъ на русскую службу. Но для агитаціи среди курдовъ требовались деньги, за которыми князь Бебутовъ и обратился въ Тифлисъ.

4 ноября, наконецъ, въ Александрополѣ былъ полученъ манифестъ о войнѣ, который и былъ торжественно объявленъ войскамъ, и руки у главнокомандующаго были развязаны.

Почти одновременно съ переходомъ турокъ въ наступленіе противъ Александропольскаго отряда начались ихъ дѣйствія и противъ Ахалцыха, прегражданшаго пути наступленія изъ Батума и Ардагана черезъ Боржомъ, Сурамъ и Гори на Тифлисъ.

Сама по себѣ крѣпость Ахалцыхъ не была достаточно сильна для удержанія турецкой арміи, въ особенности, если бы эта послѣдняя была снабжена осадной артиллеріей; да къ тому же значеніе крѣпости умалялось еще тѣмъ, что ее легко можно было обойти движеніемъ на Боржомъ. Поэтому командующему войсками Ахалцыхскаго раіона было указано обратить особое вниманіе на возможность движенія турокъ въ обходъ Ахалцыха на Боржомъ и принять самыя энергичныя мѣры для удержанія въ нашихъ рукахъ этого послѣдняго пункта. Нашему отряду надлежало, въ случаѣ направленія турокъ непосредственно къ Боржому, дви-

нуться противъ непріятеля, оставивъ въ Ахалцыхѣ необходимый гарнизонъ, атаковать турокъ и дать знать объ этомъ командиру Брестскаго полка, расположенному въ Сурамѣ, для скорѣйшаго занятія Боржомскаго ущелья [1]).

Начальникъ Ахалцыхскаго отряда, генералъ-маіоръ Ковалевскій, не счелъ возможнымъ уменьшить гарнизона крѣпости, состоявшаго почти изъ одного Виленскаго полка, а полагалъ достаточнымъ обезпечить Боржомское ущелье и подступы къ нему Брестскимъ полкомъ, который, по его расчетамъ, долженъ былъ уже прибыть къ Сураму. Онъ предлагалъ баталіонъ и два горныхъ орудія поставить въ Ацхурѣ, на серединѣ пути между Ахалцыхомъ и Боржомомъ, двѣ роты въ самомъ Боржомѣ, двѣ роты при входѣ въ ущелье у развалинъ старой крѣпости и два баталіона въ Сурамѣ [2]). Но, какъ оказалось на самомъ дѣлѣ, Брестскій полкъ былъ задержанъ на пути дурными дорогами и тяжелымъ обозомъ, и предположенія генерала Ковалевскаго осуществились лишь отчасти.

Въ дѣйствительности же къ 1 ноября въ Ахалцыхскомъ раіонѣ войска наши были расположены слѣдующимъ образомъ: въ *Ахалцыхѣ* — 5 батал., 8 п. ор., 2 сот. казаковъ [3]), Гурійская дворянская дружина и Осетинская милиція; въ *Ацхурѣ* — 1 батал. Бѣлостокскаго полка, Горійская дружина и сотня Осетинской милиціи; въ *Боржомѣ* — 1 батал. Брестскаго полка и 2 роты Бѣлостокскаго полка; въ *Квишхетахъ* (въ 10 верстахъ отъ Сурама по дорогѣ на Боржомъ) — 1 батал. Брестскаго полка, и въ *Сурамѣ* — 2 роты Бѣлостокскаго полка и обозы трехъ полковъ дивизіи [4]).

Со второй половины октября участились въ Ахалцыхскомъ раіонѣ нападенія турецкихъ иррегулярныхъ войскъ и разбойничьихъ бандъ на разбросанные по границѣ наши мелкіе посты. Несмотря на массу отдѣльныхъ подвиговъ доблести и мужества нашихъ казаковъ и отчасти милиціонеровъ, огромное численное превосходство нападающихъ и сочувствіе имъ части населенія сдѣлали свое дѣло. Къ концу октября вся граница въ этомъ раіонѣ

---

[1]) Инстр. ген. Ковалевскому отъ 19 октября 1853 г. Арх. Кавк. воен. окр. Ахалцыхск. отр., д. № 9.

[2]) Ген. Ковалевскій — кн. Барятинскому 18 октября 1853 г. Арх. Кавк. в. окр., 2 отд. Ген. Шт., секр. д. № 11.

[3]) Виленскій п. и 1 бат. Бѣлост. п., легк. 2 бат. 13 арт. бр., 1 с. донск. каз. № 21 п. и сборн. каз. сот.

[4]) Кн. Андронниковъ — кн. Воронцову 2 ноября 1853 г. Тамъ же.

перешла въ руки турецкихъ бандъ, и мы оставались хозяевами только въ Ахалцыхѣ. Но 30-го числа и передъ этимъ пунктомъ появились передовыя части корпуса Али-паши, который долженъ былъ, согласно общему плану дѣйствій, вторгнуться съ 18.000 при 15 орудіяхъ отъ Ардаґана къ Ахалцыху одновременно съ вторженіемъ другихъ корпусовъ къ Эривани, Александрополю и въ Гурію.

Турки подошли къ старому Ахалцыху, расположенному на лѣвомъ берегу Посховъ-чая, и атаковали нашу кавалерію, которая отошла въ городъ подъ защиту двухъ ротъ Виленскаго полка [1]). Непріятель бросился противъ этихъ двухъ ротъ, но всѣ атаки его были отбиты, и онъ отошелъ въ ближайшія селенія.

Осетинская милиція послѣ этого дѣла разбѣжалась, и у генерала Ковалевскаго изъ конницы осталось только 250 утомленныхъ казаковъ и 150 человѣкъ дворянской дружины противъ 4-5 тысячъ непріятельской кавалеріи.

1 ноября турки сдѣлали покушеніе на новый городъ, лежащій на правомъ берегу рѣки и совершенно не укрѣпленный. Хотя нападеніе это и было отбито, но все мусульманское населеніе перешло на сторону турокъ, которые, пользуясь громаднымъ превосходствомъ въ силахъ, блокировали Ахалцыхъ и отрѣзали его сообщеніе съ Тифлисомъ.

Генералъ Ковалевскій, соединяя съ природнымъ мужествомъ боевой опытъ и познанія военнаго дѣла, отличался нѣкоторою мнительностью. Поэтому его дѣйствительно критическое положеніе представилось ему положеніемъ въ полномъ смыслѣ отчаяннымъ. Съ незначительнымъ, утомленнымъ отрядомъ, безъ кавалеріи, съ весьма небольшимъ запасомъ продовольствія, окруженный противникомъ, во много разъ превосходящимъ его, Ковалевскій считалъ почти невозможнымъ удержать городъ съ 16-тысячнымъ населеніемъ въ своихъ рукахъ и въ то же время сознавалъ, что потеря Ахалцыха будетъ имѣть большое нравственное вліяніе на мѣстное населеніе. Онъ просилъ, почти что требовалъ во имя государственныхъ интересовъ у князя Андронникова, тифлисскаго военнаго губернатора, быстраго движенія войскъ на помощь Ахалцыху [2]).

Съ своей стороны князь Воронцовъ, узнавъ о наступленіи Али-паши, поручилъ князю Андронникову собрать все, что можно,

---

[1]) См. схему № 23 (въ папкѣ).

[2]) Ген. Ковалевскій — кн. Андронникову 2 ноября 1853 г., № 2. Арх. Кавк. в. окр., Пох. канц. кн. Андронникова, д. 3.

изъ войскъ, расположенныхъ между Сурамомъ и Ацхуромъ, и спѣшить на помощь къ Ковалевскому [1]). Князь Андронниковъ отлично сознавалъ тяжелое положеніе Ахалцыха, но не могъ немедленно двинуться къ нему на помощь, такъ какъ надо было собрать войска и обезпечить Боржомское ущелье; генералу Ковалевскому пока приходилось отбиваться отъ турокъ своими незначительными силами.

Тѣмъ временемъ Али-паша, расположивъ свои главныя силы у Ахалцыха, двинулъ къ Боржомскому ущелью сильную колонну иррегулярной кавалеріи, поддержанную пѣхотой. Узнавъ объ этомъ, князь Андронниковъ возложилъ охрану Боржомскаго ущелья на командира Брестскаго полка генералъ-маіора Бруннера, которому подчинилъ всѣ войска, расположенныя между Ацхуромъ и Сурамомъ. Вмѣстѣ съ этимъ князь Андронниковъ приказалъ занять тремя ротами Страшноокопское ущелье и собрать туда же Горійскую милицію.

Рекогносцировка князя Горчакова.

Генералъ Бруннеръ имѣлъ въ своемъ распоряженіи всего три баталіона. Изъ нихъ къ 6 ноября 4 роты Бѣлостокскаго и Брестскаго полковъ, подъ начальствомъ командира Бѣлостокскаго полка полковника Толубѣева, занимали Ацхуръ; 7 ротъ тѣхъ же полковъ находились въ Боржомѣ, а Сурамъ былъ занятъ ротой Брестскаго полка и прибывшими туда наканунѣ на изнуренныхъ лошадяхъ донскимъ казачьимъ № 2 полкомъ и двумя горными № 1 батареи орудіями.

6 ноября, въ четыре часа дня турки обрушились въ значительныхъ массахъ на Ацхуръ [2]), намѣреваясь отрѣзать отрядъ Толубѣева отъ Боржомскаго ущелья и открыть себѣ путь внутрь страны въ направленіи на Тифлисъ.

---

[1]) Кн. Воронцовъ—кн. Андронникову 5 ноября 1853 г., № 663. Тамъ же, 2 отд. Ген. Шт., секр. д. № 11.

[2]) См. схему № 24 (папка).

Полковникъ Толубѣевъ, сознавая важность сохраненія Ацхура, занялъ мѣстечко двумя ротами Брестскаго полка, а двѣ роты Бѣлостокскаго полка направилъ вправо и, занявъ съ боемъ прилегающія высоты лѣваго берега Куры, замкнулъ ущелье. Въ это время къ нему прибыла изъ Боржома еще одна рота Брестскаго полка, конвоировавшая транспортъ съ капсюлями.

Упорный бой за Ацхуръ продолжался всю ночь [1]); нѣсколько разъ дѣло доходило до штыковъ, но турки были отбиты. Ночью въ Ацхуръ прибыло пять сотенъ Грузинской пѣшей дружины, что дало возможность полковнику Толубѣеву продлить свой флангъ еще правѣе на высоты. Слабость отряда увеличивалась къ тому же необходимостью прикрыть обозы Виленскаго и Бѣлостокскаго полковъ, которые, слѣдуя въ Ахалцыхъ, были задержаны здѣсь неожиданнымъ появленіемъ непріятеля.

Генералъ Бруннеръ, получивъ извѣстіе о боѣ, оставилъ въ Боржомѣ для обезпеченія своего тыла три роты Брестскаго полка, а съ остальными тремя ротами ночью же выступилъ къ Ацхуру, куда прибылъ въ семь часовъ утра 7 ноября. Въ свою очередь и къ туркамъ подошли за ночь регулярная пѣхота и кавалерія при двухъ орудіяхъ, такъ что общее число ихъ доходило до 7000 человѣкъ [2]).

Генералъ Бруннеръ перестроилъ свой отрядъ въ двѣ линіи, при чемъ одна изъ ротъ при перестроеніи неосторожно подставила свой лѣвый флангъ непріятельской конницѣ и получила приказаніе отойти назадъ. Движеніе это было принято турками за начало отступленія, воодушевило противника, который и перешелъ къ общей атакѣ на всемъ фронтѣ. Но генералъ Бруннеръ самъ перешелъ въ контръ-атаку. Четыре роты первой линіи, поддержанныя второй линіей въ ротныхъ колоннахъ, энергично двинулись впередъ, смяли турокъ и обратили ихъ въ бѣгство. Несмотря на полное отсутствіе у насъ кавалеріи, отрядъ стремительно преслѣдовалъ разбитыхъ турокъ на протяженіи семи верстъ и вернулся обратно въ Ацхуръ лишь къ вечеру, захвативъ у противника одно орудіе, 4 штандарта, 3 значка и большое количество боевыхъ запасовъ и амуниціи. Наша потеря въ этомъ бою состояла изъ 4 нижн. чиновъ убитыми и 3 офицеровъ и 30 нижн.

---

[1]) Рапортъ ген. Бруннера 7 ноября 1854 г., № 5481. Арх. Кавк. в. окр., секр. д. Ген. Шт., № 11.

[2]) Кн. Барятинскій — военному министру 8 ноября 1853 г. Арх. Канц. Воен. Мин., 1853 г., секр. д. № 73.

чиновъ ранеными. Турки оставили въ нашихъ рукахъ 90 тѣлъ. Небольшая потеря въ отрядѣ генерала Бруннера объясняется тѣмъ, что при стремительномъ натискѣ въ штыки непріятельскія орудія не могли оказать своего дѣйствія [1]).

Между тѣмъ подъ Ахалцыхомъ положеніе дѣлъ оставалось прежнимъ. Али-паша, не рѣшаясь атаковать нашъ гарнизонъ, прикрытый хоть и слабыми укрѣпленіями, ограничивался блокадой и бомбардировкой города, а также производствомъ мелкихъ нападеній [2]). Это промедленіе было пагубно для турокъ, такъ какъ побѣда подъ Ацхуромъ и относительная безопасность Боржомскаго ущелья давала возможность князю Андронникову направиться на помощь къ генералу Ковалевскому.

11 ноября въ Ацхурѣ у князя Андронникова сосредоточилось 2½ баталіона Брестскаго и Бѣлостокскаго полковъ, взводъ горной № 1 батареи съ отбитымъ турецкимъ орудіемъ, донской казачій № 2 полкъ, Тифлисская дружина, 2 сотни Осетинской милиціи и 40 охотниковъ Горійскаго уѣзда.

Съ этими силами 12 числа онъ выступилъ къ Ахалцыху, приказавъ генералу Ковалевскому выслать часть своихъ силъ на высоты около крѣпости для обезпеченія этого соединенія. Къ вечеру князь Андронниковъ благополучно прибылъ въ Ахалцыхъ.

Корпусъ Али-паши продолжалъ занимать позицію за рѣкой Посховъ-чай, между селеніями Абъ и Суфлисъ [3]), на высотахъ, командовавшихъ Ахалцыхомъ. Сама по себѣ сильная турецкая позиція была укрѣплена еще батареями и завалами. Войска были расположены по окрестнымъ деревнямъ, группируясь большей своей частью на линіи Абъ-Суфлисъ. Къ вечеру 13 ноября общую численность корпуса Али-паши подъ Ахалцыхомъ можно принять въ 18 тысячъ человѣкъ при 13 орудіяхъ, въ томъ числѣ 8 тысячъ низама и 3 тысячи регулярной кавалеріи.

У князя Андронникова къ этому же времени было 7½ баталіоновъ, 17 орудій [4]), 9 сотенъ и 1500 человѣкъ милиціи, всего около 7000 штыковъ и сабель. Однако, несмотря на такое превосходство силъ, на военномъ совѣтѣ было рѣшено атаковать турокъ, чтобы не дать имъ усилиться подходомъ подкрѣпленій.

---

[1]) Кн. Воронцовъ — военному министру 13 ноября 1853 г., № 666. Арх. Кавк. в. окр. Зап. полк. де-Саже. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 3, д. № 3644.

[2]) Ген. Ковалевскій — кн. Воронцову 12 ноября 1853 г., № 48. Арх. Кавк. в. окр.

[3]) См. схему № 23 (въ папкѣ).

[4]) Въ это число вошло 6 орудій, взятыхъ изъ вооруженія Ахалцыхской крѣпости, и отбитое подъ Ацхуромъ турецкое орудіе.

13 ноября начальникъ отряда лично произвелъ рекогносцировку турецкой позиціи, при чемъ выяснилось, что селенія Суфлисъ, Садзель и Абъ сильно укрѣплены и заняты пѣхотой. Можно было предполагать, что Али-паша рѣшился принять оборонительный бой съ тѣмъ, чтобы, разбивъ насъ въ полѣ, атаковать городъ.

Фронтальная атака турецкой позиціи въ направленіи на селеніе Абъ не сулила намъ успѣха, и князь Андронниковъ избралъ главнымъ пунктомъ атаки селеніе Суфлисъ, рѣшивъ направить ударъ съ фронта и въ охватъ лѣваго фланга турокъ съ угрозою ихъ пути отступленія.

Въ 4 часа утра 14 ноября войска стали подъ покровомъ утренняго тумана строиться у выхода изъ стараго города. Всѣ горѣли желаніемъ сразиться съ турками.

На разсвѣтѣ князь Андронниковъ началъ движеніе къ непріятельской позиціи въ двухъ колоннахъ [1]), направивъ одну съ фронта, а другую съ фланга, чтобы послѣ сильной канонады ударить на Суфлисъ.

Лѣвая колонна, генерала Ковалевскаго, силою въ 4 баталіона [2]) и 14 орудій, двинулась по дорогѣ на селеніе. Переправившись черезъ лощину у аула Ивлитъ (Мелитъ), Ковалевскій поднялся на высоты лѣваго берега Посховъ-чая, гдѣ колонна его была встрѣчена огнемъ 7 турецкихъ орудій отъ Суфлиса.

Наши орудія тотчасъ же выѣхали на позицію, а Виленскій полкъ, подъ начальствомъ генерала Фрейтага, сталъ укрыто за скатомъ лощины. Частый артиллерійскій огонь загремѣлъ здѣсь съ обѣихъ сторонъ, застилая дымомъ долину рѣки.

Правая колонна, генерала Бруннера, силою въ $3\frac{1}{2}$ баталіона [3]) и 3 горныхъ орудія, пошла вправо, укрываясь высотой, чтобы стать параллельно единственному удобному пути отступленія турокъ. Милиція и кавалерія были направлены еще правѣе.

Али-паша догадался, въ какомъ направленіи готовился нашъ главный ударъ, и началъ спѣшно переводить войска отъ своего праваго фланга, селеній Абъ и Садзель, къ лѣвому флангу. Артиллерія частью усилила семиорудійную батарею у сел. Суфлисъ, частью была поставлена на высоту выше этого селенія. Отсюда

---

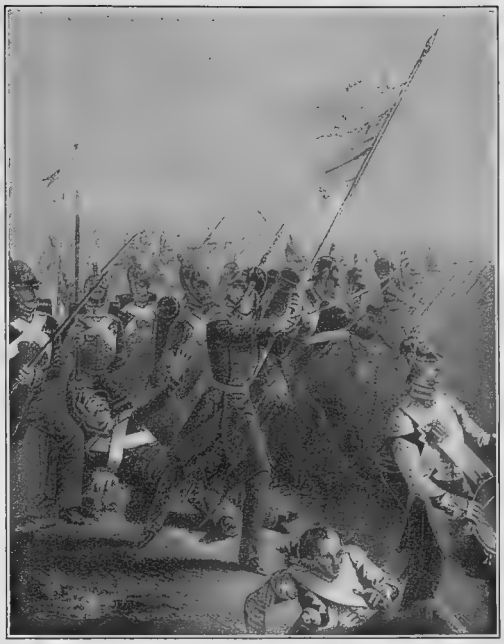
[1]) Рапорты кн. Андронникова кн. Воронцову отъ 15 и 20 ноября 1853 г., №№ 122 и 127. Арх. Кавк. в. окр. и Записка полк. де-Саже. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 3, д. № 3644.

[2]) Виленскій полкъ.

[3]) 6 ротъ Брестскаго и 2 баталіона Бѣлостокскаго полковъ.

она была, впрочемъ, скоро сбита мѣткими выстрѣлами нашихъ крѣпостныхъ орудій.

Послѣ трехчасового артиллерійскаго боя князь Андронниковъ приказалъ генералу Фрейтагу съ Виленскимъ полкомъ двинуться на Суфлисъ, а генералу Бруннеру, колонна котораго уже успѣла развернуться противъ садовъ Суфлиса, спуститься къ рѣкѣ, чтобы атаковать эти сады одновременно съ атакой Фрейтагомъ самаго селенія. Князь Андронниковъ находился при колоннѣ генерала Бруннера.



Маіоръ Салогубъ подъ Ольтеницей (см. Приложеніе № 59).

Отъ продолжительнаго огня густой дымъ застилалъ все поле сраженія, такъ что въ 50 шагахъ ничего не было видно; лишь солнце едва просвѣчивало въ видѣ багроваго шара, и молніи пушечныхъ выстрѣловъ разсѣкали мракъ. Снаряды были у насъ уже на исходѣ, турецкая же артиллерія все усиливала огонь, и запасъ снарядовъ ихъ казался неистощимъ. Время артиллерійской подготовки невольно подходило для насъ къ концу, и надо было торопиться съ нанесеніемъ рѣшительнаго удара.

Генералъ Фрейтагъ спустился съ двумя баталіонами Виленскаго полка съ высотъ въ долину Посховъ-чай и пошелъ на штурмъ селенія. Шесть ротъ были двинуты прямо черезъ заросшее колючимъ кустарникомъ дно долины, а двѣ егерскія роты были переведены влѣво по мосту и двигались по узкой тропинкѣ у подножья скалъ. У рѣки, вблизи непріятельской батареи, Фрейтагъ выбылъ изъ строя раненымъ, и во главѣ баталіоновъ сталъ Генеральнаго Штаба подполковникъ Циммерманъ.

Ни глубина рѣки и быстрое ея теченіе, ни высокій обрывистый берегъ, ни смертоносный ружейный и артиллерійскій огонь съ дистанціи 50—70 саженъ не могли остановить этой энергичной атаки виленцевъ, получавшихъ здѣсь свое первое боевое крещеніе на Кавказѣ. Люди, перейдя черезъ Посховъ-чай на

глубинѣ выше пояса, взбирались, подсаживая другъ друга, на крутой обрывъ. Наконецъ, цѣпь отъ шести ротъ, соединившись съ двумя егерскими ротами, выстроилась на вершинѣ въ 40 саженяхъ отъ небольшой высоты, занятой семью орудіями и усиленной завалами. Картечный огонь этихъ орудій поддерживался батальнымъ огнемъ пѣхоты, которая заняла опушку селенія.

Съ крикомъ „ура!“ егеря бросились на штурмъ, взяли однимъ натискомъ высоту съ находившимися на ней орудіями и ворвались въ селеніе. Турецкая пѣхота отступала изъ деревни медленно, отстрѣливаясь и отбиваясь штыками. Большая ея часть остановилась въ садахъ за ауломъ, а остальные засѣли въ домахъ и стрѣляли изъ оконъ и отверстій для дыма. Горячій бой завязался въ селеніи. Турки защищались отчаянно, и многія сакли пришлось брать штурмомъ. Генералу Ковалевскому для окончательнаго овладѣнія селеніемъ постепенно пришлось ввести въ дѣло весь свой резервъ. Наконецъ, Суфлисъ былъ взятъ, и Виленскій полкъ, занявъ внутреннюю опушку селенія, открылъ огонь по второй позиціи турокъ въ садахъ. Сюда же съ крикомъ „ура!“ подоспѣли и баталіоны генерала Бруннера. Послѣ этого у князя Андроникова въ общемъ резервѣ осталось лишь полторы роты и три горныхъ орудія, а между тѣмъ къ нему пришло извѣстіе о появленіи на нашемъ правомъ флангѣ значительныхъ массъ турецкой кавалеріи и пѣшей милиціи. Противодѣйствовать этой новой опасности возможно было только выдвиженіемъ казаковъ и личнаго конвоя начальника отряда.

Между тѣмъ бой за обладаніе Суфлисскими садами продолжался. Упорство турокъ, пересѣченная мѣстность, узкія дорожки и разбросанныя сторожки давали большое преимущество обороняющемуся. Виленскій полкъ наступалъ стрѣлковыми цѣпями съ фронта, очищая сады, а два баталіона Брестскаго и Бѣлостокскаго полковъ слѣдовали въ колоннахъ правѣе садовъ. Намъ удалось, наконецъ, выбить противника первоначально изъ садовъ, а потомъ и изъ верхняго Суфлиса, но турки успѣли занять новую позицію на высотахъ и скалахъ вблизи селенія. Впрочемъ, эта крѣпкая позиція не могла задержать дружнаго напора нашихъ сомкнутыхъ баталіоновъ, и турки начали отступленіе.

Утомленныя, но воодушевленныя побѣдой войска наши энергично преслѣдовали турокъ. Генералъ Бруннеръ принялъ начальство надъ передовыми частями, быстро привелъ ихъ въ порядокъ, построилъ въ колонны съ сильными стрѣлковыми цѣпями

впереди и, быстро подымаясь въ гору, преслѣдовалъ огнемъ отходившихъ въ безпорядкѣ турокъ. Противникъ безостановочно отступалъ на протяженіи пяти верстъ до сел. Верх. Памачъ, гдѣ долженъ былъ пріостановиться для прикрытія войскъ, отходившихъ со стороны сел. Садзель. Турецкій аріергардъ изъ 3 баталіоновъ, 3 орудій и 2 эскадроновъ занялъ позицію и открылъ картечный и ружейный огонь. Генералъ Бруннеръ, подтянувъ свой отрядъ, быстро сбилъ противника и съ этой позиціи. Вся мѣстность за Памачемъ покрылась бѣгущими турками, которые отступили за границу, бросивъ 3 орудія [1]).

Здѣсь наше преслѣдованіе должно было пріостановиться, такъ какъ пѣхота до крайности утомилась, а кавалерія была отвлечена для дѣйствія на другомъ пунктѣ.

Выше было упомянуто о появленіи противъ нашего праваго фланга турецкой кавалеріи и милиціи, спѣшившихъ къ полю сраженія со стороны Абассъ-Туманскихъ высотъ. Князь Андроникова направилъ противъ нихъ 4 орудія изъ колонны генерала Ковалевскаго, горныя орудія, бывшія при донскихъ казакахъ, и два орудія, отбитыя у турокъ. Туда же былъ направленъ донской казачій полкъ и горійская сотня, бывшая въ конвоѣ начальника отряда. Казаки и горійцы обратили своей лихой атакой турецкую кавалерію въ бѣгство, врубились въ толпы пѣшихъ аджарцевъ, уложивъ на мѣстѣ болѣе 200 человѣкъ, и этимъ совершенно очистили нашъ правый флангъ. Но послѣ такого горячаго боя наша конница была мало способна къ немедленному преслѣдованію разбитаго противника.

Во время самаго боя въ Ахалцыхѣ оставался лишь грузинскій линейный баталіонъ [2]). Для усиленія этого баталіона и для защиты города на случай нападенія турокъ изъ лагеря были вооружены и поставлены по крѣпостнымъ веркамъ охотники изъ мѣстныхъ жителей. Успѣхъ, одержанный войсками, воодушевилъ и мѣстныхъ жителей, которые, имѣя священника съ крестомъ во главѣ, произвели удачное нападеніе на турецкій лагерь.

Около четырехъ часовъ дня бой прекратился на всѣхъ пунктахъ. Турки потеряли 11 орудій, много зарядныхъ ящиковъ, патроновъ, боевыхъ припасовъ, всю канцелярію Али-паши [3]),

---

[1]) Частные подвиги, см. Приложеніе № 76.

[2]) Рапортъ кн. Авалова кн. Андронникову 14 ноября 1853 г., № 2954. Арх. Кавк. воен. окр.

[3]) Хранится въ Публичной библіотекѣ.

весь лагерь и многочисленные запасы провіанта и фуража. Потери турокъ людьми опредѣлить трудно, но нами было похоронено 700 тѣлъ и взято въ плѣнъ 120 человѣкъ. Наши потери, благодаря хорошему примѣненію къ мѣстности и дружному удару, были сравнительно незначительны. Убито 1 офицеръ и 51 нижн. чинъ, ранено 11 офицеровъ и 216 нижн. чиновъ и около 80 человѣкъ было контужено.

Турки безостановочно и въ полномъ безпорядкѣ бѣжали до Ардагана, ожидая за собой погони побѣдителей. Большая часть ополченія разбѣжалась по домамъ, и къ Ардагану прибыли лишь деморализованные остатки корпуса Али-паши.

15 и 16 ноября наши войска оставались на позиціи и перевозили въ Ахалцыхъ отбитую у турокъ добычу. 17-го на позиціи, въ качествѣ авангарда было оставлено $1^1/_2$ батал., 2 ор. и 3 сотни и къ селенію Вале было выдвинуто 2 батал., 3 ор. и 3 сотни, а остальныя войска вернулись въ городъ для отдыха.

Ахалцыхскій уѣздъ былъ совершенно очищенъ отъ непріятеля, спокойствіе было возстановлено и сообщеніе съ Боржомомъ открыто. 19 ноября кавалерія князя Андронникова направилась въ Поцховскій санджакъ и у сел. Дагвери [1]) захватила послѣднія 2 орудія, остававшіяся у Али-паши. На туземцевъ наша побѣда произвела сильное впечатлѣніе, и вскорѣ всѣ жители санджака изъявили покорность русской власти [2]). За ними послѣдовала часть аджарцевъ, дѣйствовавшихъ противъ нашей гурійской границы, которые разошлись по домамъ и отказались драться противъ русскихъ. Даже изъ Ардагана прибыла депутація съ просьбой принять этотъ городъ въ свое подданство.

Извѣстіе о блестящей побѣдѣ князя Андронникова прибыло въ Петербургъ 28 ноября, одновременно съ извѣстіемъ о Синопской побѣдѣ адмирала Нахимова. 29 ноября столица, а вслѣдъ за ней вся Россія, торжественно праздновала обѣ эти побѣды. Государь щедро наградилъ побѣдителей. Князь Андронниковъ получилъ Георгіевскій крестъ 3-й степени; части 13-й дивизіи—Георгіевскія знамена и трубы. Бои подъ Ацхуромъ и Ахалцыхомъ имѣли для этой дивизіи большое значеніе. Только-что прибывшая изъ Севастополя дивизія была встрѣчена кавказскимъ начальствомъ съ недовѣріемъ къ ея боевому опыту, но первыя же

---

[1]) Кн. Андрониковъ—кн. Воронцову 20 ноября 1854 г., № 181. Арх. Кавк. в. окр.
[2]). Тифл. губерн.—Кутаисск. губерн. 17 ноября 1853 г., № 129. Арх. Кавк. воен. окр.

дѣйствія этой дивизіи дали ей почетное мѣсто среди доблестныхъ кавказскихъ войскъ, что князь Воронцовъ подтвердилъ особымъ приказомъ, даннымъ этой дивизіи 19 ноября [1]).

Побѣда подъ Ахалцыхомъ устранила безпокойство князя Воронцова за этотъ раіонъ. Но тѣмъ сильнѣе чувствовалъ намѣстникъ опасное положеніе князя Гагарина въ Гуріи, противъ которой, по полученнымъ свѣдѣніямъ, было собрано до 30 тысячъ человѣкъ при 30 орудіяхъ въ то время, какъ у насъ тамъ находилось 7½ баталіоновъ пѣхоты [2]), 36 сотенъ милиціи и казаковъ и 10 орудій [3]). Блестящее дѣло князя Андронникова развязало руки главнокомандующему, который въ дополненіе къ пяти ротамъ [4]), посылавшимся въ Озургеты изъ Тифлиса, рѣшилъ отправить туда же изъ Ахалцыха два баталіона, 3 сотни и 4 орудія [5]).

Подвигъ Снозика подъ Ольтеницей.

Вскорѣ князь Андрониковъ былъ отозванъ въ Тифлисъ для исполненія своихъ прямыхъ обязанностей, а начальникомъ Ахалцыхскаго отряда былъ назначенъ генералъ баронъ Врангель, начальникъ 21-й пѣхотной дивизіи, который озаботился расположеніемъ отряда на зимній періодъ.

Зимой нельзя было ожидать въ Ахалцыхскомъ уѣздѣ продолженія военныхъ дѣйствій, въ виду полной непроходимости горъ между Поцховскимъ и Ардаганскимъ санджаками, сообщеніе между которыми въ началѣ декабря совершенно прекращалось. Но это же обстоятельство съ другой стороны затрудняло намъ введеніе русскаго управленія въ изъявившихъ покорность Ардаганскомъ и Чалдырскомъ санджакахъ.

---

[1]) Арх. Кавк. в. окр.

[2]) Изъ нихъ два линейныхъ баталіона были разбросаны по укрѣпленіямъ.

[3]) Кн. Воронцовъ — кн. Горчакову 17 ноября 1853 г. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 3422.

[4]) Рота 3 рез. сап. батал. и 3-й бат. егер. кн. Воронцова полка.

[5]) Брест. п., 3 сот. донск. каз. № 2 п. и 4 ор. легк. № 2 бат. 13-й арт. бр.

Въ Ахалцыхскомъ отрядѣ большая часть мѣстной милиціи была въ видахъ экономическихъ распущена. Въ самомъ городѣ на зиму долженъ былъ остаться Виленскій полкъ, въ Ацхурѣ и Боржомѣ по одному баталіону и въ Сурамѣ два баталіона Бѣлостокскаго полка.

Что касается до турокъ, то остатки корпуса Али-паши были отправлены изъ Ардагана въ Карсъ, гдѣ ихъ предполагалось расформировать по разнымъ частямъ, а въ Ардаганъ же, куда для замѣны раненаго Али-паши прибылъ Юсуфъ-паша, ожидались свѣжія войска [1]).

II.

Императоръ Николай, связанный политическими условностями относительно веденія наступательной войны на Европейскомъ театрѣ, а впослѣдствіи и на Черномъ морѣ, возлагалъ большія надежды на рѣшительныя операціи на Кавказѣ. По мнѣнію Государя, быстрое наступленіе къ Карсу, разбитіе турецкой арміи въ полѣ и овладѣніе этой крѣпостью должны были сломить упрямство турокъ и вознаградить насъ за невольное бездѣйствіе въ Европѣ. Многочисленная, закаленная въ бояхъ, Кавказская армія давала, казалось, средства къ выполненію этой воли Государя. Но въ дѣйствительности, какъ извѣстно, обстановка сложилась иначе. Вся армія князя Воронцова ушла на внутреннюю борьбу въ краѣ, и до прихода 13-й дивизіи намѣстникъ отчаивался даже удержать въ своихъ рукахъ Кавказъ [2]). Приходъ подкрѣпленій изъ Севастополя и два удачныхъ дѣла у Баяндура и Ахалцыха улучшили наше положеніе, но не настолько, чтобы князь Воронцовъ имѣлъ возможность приступить къ выполненію изложеннаго Государемъ плана. Дѣйствующій отрядъ, Александропольскій, который собственно и долженъ былъ начать активныя операціи, былъ, какъ мы знаемъ, очень слабъ, и намѣстникъ не могъ его въ скоромъ времени увеличить, въ виду опаснаго положенія Ахалцыха и Гуріи. Этотъ отрядъ пока могъ съ трудомъ противостоять натиску превосходныхъ силъ турокъ, но не атаковать ихъ. Въ Петербургѣ же смотрѣли на дѣло иначе и торопили къ переходу

[1]) Кн. Андронниковъ — кн. Барятинскому 20 ноября 1853 г. Арх. Кавк. воен. окр.

[2]) Всеподд. письмо кн. Воронцова 29 ноября 1853 г., Арх. Канц. Воен. Мин., 1853 г., секр. д. № 73.

въ наступленіе. „Государь надѣется", писалъ военный министръ князю Воронцову послѣ полученія извѣстія о побѣдѣ при Ацхурѣ [1]), „что теперь князь Бебутовъ не замедлитъ перейти къ наступа„тельнымъ операціямъ. Это самый дѣйствительный способъ при„крыть нашу границу и нанести рѣшительный ударъ. Занятіе „Карсской области предоставитъ намъ при этомъ особое удобство „въ снабженіи войскъ провіантомъ".

Перехода въ наступленіе и особенно побѣды съ жаждой ожидали и храбрыя войска Александропольскаго отдѣла. На Кавказѣ хорошо сознавали полную невозможность немедленно начать наступательную кампанію въ широкихъ размѣрахъ [2]), но полки князя Бебутова съ ревностью смотрѣли на блестящіе подвиги своихъ товарищей подъ Ахалцыхомъ и съ нетерпѣніемъ ждали случая уравняться съ ними. Такой случай вскорѣ и представился на поляхъ Башъ-Кадыкларскихъ.

Послѣ Баяндурскаго боя тридцатишеститысячный турецкій корпусъ Абди-паши отступилъ за р. Арпачай, но, узнавъ, что нашъ отрядъ вновь отошелъ къ Александрополю, перешелъ на прежнюю свою позицію и укрѣпился на ней, ожидая прибытія подкрѣпленій изъ Карса.

Отрядъ князя Бебутова въ свою очередь усилился въ періодъ съ 4 по 12 ноября двумя баталіонами и двумя казачьими полками [3]) и больше подкрѣпленій въ скоромъ времени ожидать не могъ, въ виду тяжелаго положенія подъ Ахалцыхомъ и въ Гуріи.

Князь Бебутовъ, удовлетворяя сердечному желанію войскъ вступить въ бой, въ особенности послѣ полученія извѣстія о побѣдѣ князя Андроникова, рѣшилъ выступить въ ночь съ 13 на 14 ноября со своимъ отрядомъ для атаки турокъ на Баяндурской позиціи и для изгнанія ихъ изъ нашихъ предѣловъ.

Хотя 13 ноября и было получено извѣстіе, что турки внезапно очистили Баяндурскую позицію и начали быстро отступать къ Карсу, но князь Бебутовъ не отмѣнилъ своего распоряженія и съ разсвѣтомъ 14 ноября выступилъ изъ Александрополя по слѣдамъ непріятеля. Благодаря дурной погодѣ, испорченнымъ дорогамъ и необходимости переправляться черезъ рѣчки съ обры-

---

[1]) Отъ 21 ноября 1853 г. Арх. Кавк. воен. окр.

[2]) Секр. письмо кн. Бебутова кн. Барятинскому 4 ноября 1853 г., № 1. Арх. Кавк. воен. окр.

[3]) Два батал. гренад. Вел. Кн. Константина Николаевича п., лин. каз. и донск. № 4 каз. полки.

вистыми берегами, отрядъ лишь поздно вечеромъ прибылъ въ с. Пирвали, въ 20 верстахъ отъ Александрополя. На слѣдующій день онъ перешелъ черезъ Акъ-Узюмъ къ с. Башъ-Шурачель, гдѣ расположился лагеремъ. Къ 16 ноября по строевому рапорту всего въ отрядѣ числилось 12.655 человѣкъ всѣхъ родовъ оружія, включая сюда и нестроевыхъ [1]). Въ томъ числѣ было около 8000 пѣхоты и около 3000 кавалеріи.

Можно было предполагать, что непріятель находится въ одномъ переходѣ отъ насъ. Преслѣдованіе его при дурныхъ дорогахъ по странѣ бѣдной, разоренной турками, лишенной фуража и безъ продовольственныхъ транспортовъ и, въ особенности, безъ санитарнаго обоза являлось невозможнымъ.

Кромѣ того, база въ Александрополѣ не была достаточно обезпечена запасами. Всего къ этому времени тамъ находилось 2800 четв. муки, 5500 четв. сухарей и 9000 четв. пшеницы въ зернѣ, для перемола которой имѣлась лишь одна мельница. Подвозъ же припасовъ изъ Делижана замедлялся дурнымъ состояніемъ дорогъ [2]).

Эти обстоятельства вынудили князя Бебутова пріостановить дальнѣйшее наступленіе съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ продолжавшейся дурной погоды, возвратить войска на зимнія квартиры.

17 ноября колонна изъ $2^1/_2$ баталіоновъ, дивизіона пѣшей артиллеріи, дивизіона драгунъ и 2-хъ конныхъ орудій отправилась, подъ командой генерала Кишинскаго, на фуражировку въ д. Астахану, гдѣ была встрѣчена значительной массой турецкой кавалеріи. При содѣйствіи прибывшихъ изъ лагеря подкрѣпленій турки были наголову разбиты и прогнаны съ большой потерей; наши же фуражиры благополучно вернулись назадъ съ набраннымъ продовольствіемъ. Появленіе непріятельской кавалеріи давало поводъ предполагать, что и главныя силы турокъ не далеко ушли. Дѣйствительно, на слѣдующій день князь Бебутовъ получилъ новыя свѣдѣнія о томъ, что отступившій отъ Баяндура турецкій корпусъ не отходитъ къ Карсу, а сосредоточился въ окрестностяхъ Суботана и сталъ лагеремъ около Орта-Кадыкляра и Башъ-Кадыкляра. Это извѣстіе обрадовало князя Бебутова; явилась надежда настигнуть непріятеля и заставить его принять бой, „чтобы поло-

[1]) Рапортъ кн. Бебутова главнок. 16 ноября 1853 г., № 134. Арх. Кавк. воен. окр.
[2]) Нач. Шт. отряда—кн. Барятинскому 10 ноября 1853 г. Тамъ же.

„жительнымъ пораженіемъ нанести ему ударъ за всѣ грабежи „и разбойничества, которые турки еще до начала военныхъ „дѣйствій позволяли себѣ въ нашихъ предѣлахъ“ [1]).

Съ вечера 18 ноября лишніе обозы были отправлены въ Александрополь подъ прикрытіемъ 1 баталіона, 6 орудій и 2 сотенъ казаковъ, а 19 числа отрядъ князя Бебутова двинулся въ 7 часовъ утра отъ Башъ-Шурагеля по Карсской дорогѣ. Всего въ отрядѣ состояло $10\frac{1}{2}$ баталіоновъ, 10 эскадроновъ, 15 сотенъ, 24 пѣш. и 8 кон. орудій [2]).

Въ авангардѣ, подъ начальствомъ генерала Багговута, шли нижегородскіе драгуны и 3 сотни линейныхъ казаковъ; главныя

Укрѣпленія Калафата.

силы двигались, подъ личнымъ начальствомъ князя Бебутова, имѣя артиллерію въ двухъ группахъ въ серединѣ колонны, и въ аріергардъ, для прикрытія оставшагося при войскахъ обоза, было назначено $1\frac{3}{4}$ баталіона, пѣшая батарея и 4 сотни казаковъ. Такой внушительный аріергардъ оправдывался необходимостью обезпечить обозъ отъ находившихся вблизи большихъ массъ турецкой конницы. Съ тою же цѣлью фланги колонны на походѣ были прикрыты справа цѣпью отъ 4 сотенъ казаковъ и слѣва цѣпью отъ 2 сотенъ.

Войска шли налегкѣ, безъ артельныхъ котловъ. Въ виду отсутствія при отрядѣ подвижного артиллерійскаго парка, они

---

[1]) Рапортъ кн. Бебутова 21 ноября 1853 г., № 743. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 3422.

[2]) Эриван. кар. Н. Ц., грен. Вел. Кн. Константина Николаевича, пѣх. кн. Варшавскаго и егер. кн. Воронцова полковъ, Кавк. стр. б., 2 роты Кавк. сапер. б., Кавк. грен. арт. и 21 арт. бриг., драг. Н. Пр. Вирт. п., лин. и сводн. каз. полки и донск. каз. № 7 батарея.

имѣли при себѣ только одинъ комплектъ патроновъ и зарядовъ. Продовольствія (сухарей и провіанта) и зернового фуража имѣлось только на пять дней, спирту же—на четыре порціи. Лазаретный обозъ состоялъ изъ 23 повозокъ для больныхъ и раненыхъ.

Отрядъ, пройдя 20 верстъ и переправившись черезъ р. Карсъ-чай въ бродъ у с. Пирвали, въ полдень поднялся на высоты, которыя далѣе постепенно спускались къ ручью Маврякъ-чай. Съ этихъ высотъ нашему отряду открылась, благодаря ясной погодѣ, вся непріятельская позиція [1]).

Она была ограничена съ фронта ручьемъ Маврякъ-чай, текущимъ въ очень обрывистыхъ берегахъ, которые къ тому же образовали на лѣвомъ берегу нѣсколько глубокихъ овраговъ. Съ праваго фланга и съ тыла она ограничивалась ручьемъ Кадыкларъ. Самая позиція представляла рядъ возвышенностей, имѣвшихъ общее направленіе отъ д. Гамза-Кирякъ на Башъ-Кадыкларъ. Трудно доступная съ фронта, гдѣ она прикрывалась не только обрывистыми берегами ручья Маврякъ-чай, но и д. Угузла, позиція эта имѣла въ тылу ручей Кадыкларъ, крутые берега котораго стѣсняли маневрированіе большой массы войскъ. Число турецкихъ войскъ, расположенныхъ на позиціи, простиралось до 20.000 регулярной пѣхоты, 3000 регулярной кавалеріи, болѣе 14.000 курдовъ и милиціи и 46 орудій.

Мѣстность, отдѣлявшая отрядъ князя Бебутова отъ непріятельской позиціи, представляла небольшую, пересѣченную оврагами равнину, ограниченную съ сѣверо-запада горою Караялъ, а съ юга крутымъ спускомъ въ долину Маврякъ-чая.

Неожиданная остановка непріятельскаго корпуса на Башъ-Кадыкларской позиціи была слѣдствіемъ разногласія среди турецкихъ военноначальниковъ.

Абди-паша полагалъ послѣ боя 2 ноября уклониться отъ встрѣчи съ нами и отойти, въ виду приближенія суроваго времени года, къ Карсу на зимнія квартиры. Но нѣкоторые паши, съ начальникомъ штаба корпуса Рейсъ-Ахметомъ-пашею во главѣ, протестовали противъ этого рѣшенія, настоятельно требуя вступить съ нами въ бой. Отношенія между командиромъ корпуса и его начальникомъ штаба такъ обострились, что 11 ноября Абди-паша уѣхалъ въ Карсъ, съ намѣреніемъ донести обо всемъ въ Константинополь.

---

[1]) См. схему № 25 (въ папкѣ).

Вступившій въ командованіе корпусомъ Рейсъ-Ахметъ-паша, узнавъ о прибытіи къ намъ подкрѣпленій, размѣръ которыхъ былъ сильно преувеличенъ, рѣшился 13 ноября послѣ нѣкоторыхъ колебаній продолжать отступленіе. Но дошедшій до него разговоръ о томъ, что въ лагерѣ его обвиняютъ въ трусости, заставилъ Рейсъ-Ахмета вернуться въ Кадыкларъ съ тѣмъ, чтобы принять здѣсь бой [1]).

Въ ночь на 19 ноября турки не имѣли еще никакихъ свѣдѣній о нашемъ намѣреніи ихъ атаковать, и когда въ десятомъ часу утра ихъ разъѣзды дали знать о приближеніи отряда князя Бебутова, то первоначально Рейсъ-Ахметъ этому не повѣрилъ, и цѣлый часъ прошелъ безъ всякихъ съ его стороны распоряженій. Удостовѣрившись же въ дѣйствительности нашего наступленія, онъ приказалъ ударить тревогу.

Первоначально турецкія войска построились на лѣвомъ берегу ручья Кадыкларъ въ двѣ боевыя линіи, по 6 баталіоновъ пѣхоты въ каждой. На правомъ флангѣ первой линіи стало 16 орудій, на лѣвомъ 6 орудій; обѣ батареи были съ наружныхъ фланговъ прикрыты двумя полками регулярной кавалеріи. Въ резервѣ расположилось 8 баталіоновъ пѣхоты и полкъ регулярной кавалеріи съ 8 орудіями. Для прикрытія главнаго лагеря у сел. Орта-Кадыкларъ было оставлено 6 баталіоновъ пѣхоты при 8 орудіяхъ и въ маломъ лагерѣ у Башъ-Кадыклара одинъ баталіонъ. Иррегулярная кавалерія, курды и баши-бузуки, расположились въ большихъ массахъ правѣе позиціи, въ лощинахъ у сел. Гамза-Кирякъ, и на лѣвомъ флангѣ, выше сел. Угузла.

Князь Бебутовъ, произведя рекогносцировку непріятельскаго расположенія, первоначально рѣшилъ обойти лѣвый флангъ турецкой позиціи, стать на Карсской дорогѣ и нанести оттуда главный ударъ, лишивъ такимъ образомъ турокъ пути отступленія.

Былъ первый часъ дня, когда князь Бебутовъ приказалъ отряду немедленно спуститься къ сел. Угузла и построить боевой порядокъ.

Первой линіей командовалъ генералъ Кишинскій. Въ центрѣ ея сталъ 1-й баталіонъ пѣхотнаго кн. Варшавскаго полка въ развернутомъ строѣ, имѣя за собой двѣ роты саперъ въ ротныхъ колоннахъ; на лѣвомъ флангѣ 2-й баталіонъ того же полка, а на правомъ флангѣ 1-й баталіонъ егерскаго кн. Воронцова полка,

---

[1]) Частн. письмо кн. Бебутова кн. Воронцову 8 декабря 1853 г. Арх. Кавк. воен. окр.

оба въ колоннахъ къ атакѣ, имѣя за собой по двѣ роты стрѣлковъ въ колоннѣ справа. Въ интервалахъ между баталіонами расположилось 16 пѣш. орудій, по 8 въ каждомъ интервалѣ.

Вторую линію, подъ начальствомъ князя Багратіонъ-Мухранскаго, составили 4 баталіона [1]), въ колоннахъ къ атакѣ.

Для охраненія нашего праваго фланга отъ многочисленной турецкой кавалеріи было направлено къ верховью оврага 6 эскадроновъ нижегородскихъ драгунъ и 3 сотни съ 4 конными орудіями, подъ начальствомъ князя Чавчавадзе. Для охраненія лѣваго фланга было выдвинуто по направленію къ сел. Гамза-Кирякъ 4 эскадрона драгунъ, 7 сотенъ казаковъ и 4 кон. орудія, подъ начальствомъ генерала Багговута.

1¾ баталіона [2]), 8 пѣш. орудій и 5 сотенъ казаковъ составили резервъ, прикрывая вмѣстѣ съ тѣмъ оставшійся при отрядѣ обозъ. Резервъ и обозъ расположились въ лощинѣ, закрытой отъ непріятельскаго огня.

Какъ только нашъ отрядъ сталъ спускаться съ высотъ, что бы перестроиться въ боевой порядокъ, то Рейсъ-Ахметъ съ своей стороны перешелъ къ активнымъ дѣйствіямъ. Двѣ первыя линіи были выдвинуты въ одну и должны были занять берегъ Маврякъ-чая отъ сел. Гамза-Кирякъ до Угузлы, а резервъ изъ 8 баталіоновъ при 8 орудіяхъ и полка регулярной кавалеріи былъ направленъ для охвата нашего праваго фланга между сел. Угузлы и горою Караялъ.

По окончаніи этихъ передвиженій, совершенныхъ турками въ стройномъ порядкѣ съ распущенными знаменами, музыкой и барабаннымъ боемъ, корпусъ Рейсъ-Ахмета принялъ слѣдующее расположеніе.

На правомъ флангѣ, по дорогѣ изъ с. Байрахъ-таръ въ сел. Гамза-Кирякъ, близъ ручья Маврякъ-чай, сталъ полкъ регулярной кавалеріи; лѣвѣе его, на высотахъ, батарея, прикрытая расположенными за нею 6 баталіонами бывшей первой линіи. Баталіоны же второй линіи спустились съ высотъ къ ручью Маврякъ-чай и заняли тремя баталіонами сел. Угузлы и тремя баталіонами обрывистый лѣвый берегъ ручья вправо отъ этого селенія. Лѣвый флангъ этого боевого порядка также прикрывался

---

[1]) 1 и 4 бат. гренад. Вел. Кн. Константина Николаевича и 1 и 2 бат. Эриванскаго Наслѣдника Цесаревича полковъ.

[2]) 3 и 4 Эриванскаго полка.

регулярнымъ кавалерійскимъ полкомъ, спрятавшимся въ долинѣ ручья.

Резервъ же турецкаго корпуса, какъ сказано выше, направился противъ нашего праваго фланга и, перейдя оврагъ Маврякъ-чай, развернулся между этимъ оврагомъ и горою Караялъ. Пѣхота выстроилась въ двѣ линіи, по 4 баталіона въ каждой, имѣя на высотѣ передъ первой линіей 6 орудій и на лѣвомъ флангѣ полкъ регулярной кавалеріи съ 2-мя орудіями. Иррегулярная конница попрежнему была сгруппирована на обоихъ флангахъ турецкаго расположенія.

Эпизоды Четатинскаго боя.

Это новое распредѣленіе непріятельскихъ войскъ дѣлало для князя Бебутова трудно исполнимымъ первоначальное его предположеніе о нанесеніи удара на лѣвый флангъ турокъ. Ему потребовалось бы совершить обходное движеніе на протяженіи шести верстъ подъ фланговымъ огнемъ втрое сильнѣйшаго непріятеля. Поэтому князь Бебутовъ рѣшилъ измѣнить свое первоначальное предположеніе и нанести ударъ на ближайшій, т.-е. правый флангъ турецкаго расположенія.

Нашей первой линіи было приказано пододвинуться къ д. Угузлы, еще не занятой противникомъ, и открыть огонь изъ находившихся при ней 16 орудій по непріятельской батареѣ; вторая же линія должна была выдвинуться влѣво для нанесенія главнаго удара.

На огонь нашихъ 16 орудій турки отвѣтили огнемъ 30 орудій. Стрѣльба съ обѣихъ сторонъ была очень мѣткая, и густые строи нашихъ баталіоновъ сильно страдали отъ огня. Чтобы ослабить дѣйствіе наиболѣе важной правой батареи турокъ, рѣшено было сосредоточить противъ нея огонь большинства нашихъ орудій. Съ этой цѣлью дивизіонъ артиллеріи съ праваго интервала былъ перекинутъ въ лѣвый, и наши 12 орудій произвели замѣшательство въ турецкой батареѣ.

Въ это время три турецкихъ баталіона, расположенныхъ между д. Угузлы и мельницей, начали наступленіе противъ лѣваго фланга нашей первой линіи. Картечный огонь, направленный противъ нихъ, не могъ остановить атаковавшихъ, и только дружный ударъ въ штыки 1-го баталіона егерскаго князя Воронцова полка и двухъ ротъ Кавказскаго стрѣлковаго баталіона опрокинулъ въ оврагъ непріятельскія колонны. Турки усилились однимъ или двумя баталіонами, взятыми отъ д. Угузлы, и повторили атаку, но и генералъ Кишинскій ввелъ въ дѣло 1-й баталіонъ князя Варшавскаго полка и двѣ роты саперъ, а изъ резерва подошли двѣ роты Эриванскаго карабинернаго полка и четыре орудія. Войска эти опрокинули своимъ огнемъ турокъ обратно въ оврагъ съ большимъ для нихъ урономъ.

Вторая линія во время этихъ дѣйствій въ центрѣ нашего боевого порядка приняла, какъ было сказано, влѣво и вышла противъ праваго фланга турецкой позиціи. Эту колонну составляли два баталіона Эриванскаго карабинернаго и два баталіона гренадерскаго Вел. Кн. Константина Николаевича полковъ, подъ начальствомъ князя Багратіонъ-Мухранскаго. Въ стройномъ порядкѣ шли баталіоны впередъ, сильно страдая отъ губительнаго огня турокъ. Въ балкѣ, которая находилась близъ оврага, прикрывавшаго непріятельскій правый флангъ, князь Багратіонъ далъ войскамъ передохнуть и перестроилъ ихъ для штурма, поставивъ эриванскіе баталіоны въ головѣ, а гренадерскіе за ними. Только полъ-версты отдѣляло наши войска отъ непріятельской батареи, но на этомъ пространствѣ имъ предстояло спуститься въ оврагъ и подняться на высоту подъ картечнымъ огнемъ турецкихъ орудій и батальнымъ огнемъ пѣхоты.

Князь Багратіонъ произвелъ рекогносцировку и, подъѣхавъ къ своему отряду, сказалъ нѣсколько горячихъ словъ о предстоявшемъ войскамъ подвигѣ. Громкое „ура!“, бывшее отвѣтомъ на эти слова, обмануло турокъ, и тѣ дали залпъ, думая, что наши войска пошли уже на штурмъ. Между тѣмъ баталіоны, пользуясь наступившимъ между залпами промежуткомъ, быстро двинулись впередъ, прикрытые густой цѣпью штуцерныхъ.

Стройное движеніе нашихъ войскъ, наступавшихъ, держа ружья на руку, съ развернутыми знаменами и барабаннымъ боемъ, въ грозной тишинѣ, несмотря на губительный огонь, произвело замѣтное впечатлѣніе на турокъ. Карабинеры, выдержавъ по пути три залпа изъ орудій и штуцеровъ, отбросили штыками вышед-

шую имъ навстрѣчу пѣхоту и съ крикомъ „ура!“ ударили на правый флангъ непріятельской батареи, которая успѣла дать послѣдній залпъ почти въ упоръ. Здѣсь закипѣлъ жаркій рукопашный бой съ непріятельской пѣхотой, старавшейся отстоять свою батарею. Наши офицеры, подавая своимъ солдатамъ примѣръ неустрашимости, падали въ головѣ колонны одинъ за другимъ. Ихъ замѣняли другіе, и бой продолжался съ новой силой, пока знамя 2 баталіона карабинеръ не было водружено поручикомъ Менделѣевымъ и штабсъ-капитаномъ Кавтарадзе 2-мъ на непріятельской батареѣ.

Колонна гренадеръ, наступавшая въ это время правѣе карабинеръ на ту же непріятельскую батарею, лишилась въ самомъ началѣ приступа своего командира князя Орбеліани 3-го, раненаго двумя пулями въ ту минуту, когда онъ верхомъ находился уже въ нѣсколькихъ шагахъ отъ батареи. Тутъ же выбыло изъ строя большинство офицеровъ. Гренадеры, ослабленные значительнымъ урономъ, были встрѣчены на подъемѣ къ батареѣ превосходными силами непріятеля. Овладѣніе батареей казалось сомнительнымъ. Это была критическая минута боя, тѣмъ болѣе, что въ то же время нашъ крайній правый флангъ едва держался противъ превосходныхъ силъ, его обходившихъ. Князь Бебутовъ, сознавая всю важность минуты, лично повелъ въ бой свой послѣдній резервъ—двѣ роты Эриванскаго полка и взводъ легкой батареи. Картечный огонь пріостановилъ турокъ, а Бебутовъ устранилъ минутное замѣшательство въ колоннѣ гренадеръ и снова направилъ ее на непріятельскую батарею. Дружно опрокинули гренадеры турецкіе баталіоны и на батареѣ примкнули къ эриванцамъ, которые къ этому времени также справились съ напиравшимъ на нихъ противникомъ. Взятая 16-ти орудійная турецкая батарея вознаградила наши войска за ихъ мужественный подвигъ.

Въ этой атакѣ приняла участіе и наша кавалерія лѣваго фланга, подъ начальствомъ генерала Багговута. Она имѣла назначеніемъ прикрывать лѣвый флангъ боевого расположенія князя Бебутова отъ турецкой регулярной и курдской кавалеріи и содѣйствовать главной атакѣ. Съ этой цѣлью четыре орудія донской казачьей № 7 батареи заняли возвышенность надъ с. Гамза-Кирякъ, откуда могли анфилировать турецкую батарею, а также обстрѣливать регулярный кавалерійскій полкъ, расположенный на крайнемъ правомъ флангѣ турокъ. Два дивизіона

драгунъ прикрывали орудія, четыре сотни сводпаго линейнаго полка были направлены влѣво для обезпеченія отряда съ этой стороны, а три сотни линейныхъ казаковъ оставались въ резервѣ.

Волнистая мѣстность, отдѣлявшая нашу конницу отъ непріятеля, не давала возможности опредѣлить расположеніе его батарей и пѣхоты, почему генералъ Багговутъ медлилъ открытіемъ огня, но когда турки начали обстрѣливать правый флангъ нашего боевого порядка, то генералъ Багговутъ убѣдился въ удачномъ расположеніи своихъ орудій и приказалъ имъ открыть огонь. Нѣсколько удачныхъ выстрѣловъ привлекли вниманіе турокъ на ихъ правый флангъ. Курды, начавшіе перестрѣлку съ казаками, усилили свой натискъ, а стоявшій сзади нихъ регулярный кавалерійскій полкъ переправился черезъ рѣку и пошелъ въ атаку.

Генералъ Багговутъ усилилъ огонь своей батареи, направивъ два орудія противъ турецкой кавалеріи, и приказалъ сводному линейному полку ударить въ шашки. Нѣсколько гранатъ, попавшихъ въ турецкій полкъ, обратили его назадъ, и казаки, высланные изъ резерва, успѣли занять селеніе Гамза-Кирякъ, но положеніе сводпаго линейнаго полка было трудное, и онъ просилъ помощи противъ напиравшихъ на него курдовъ. Генералъ Багговутъ, снявъ два орудія съ позиціи, быстро двинулъ ихъ впередъ, осыпалъ курдовъ картечью и на нѣсколько минутъ остановилъ ихъ; но курды вскорѣ произвели новый натискъ, для отраженія котораго пришлось выдвинуть остальныя два орудія съ 4-мъ дивизіономъ драгунъ. 3-й ихъ дивизіонъ былъ оставленъ на прежней важной для насъ позиціи, такъ какъ здѣсь проходила дорога черезъ оврагъ, отдѣлявшій генерала Багговута отъ турокъ. Мѣткая и быстрая стрѣльба нашихъ орудій разстроила толпы курдовъ, а дружный ударъ казаковъ въ шашки опрокинулъ ихъ съ большимъ урономъ, послѣ чего дѣйствія курдовъ на нашемъ лѣвомъ флангѣ ограничивались лишь безвредной джигитовкой. Между тѣмъ непріятельскій кавалерійскій полкъ, пользуясь временемъ, когда наша артиллерія была направлена противъ курдовъ, снова двинулся въ атаку; онъ приближался уже къ оврагу, когда орудія наши вернулись, по приказанію генерала Багговута, на прежнюю свою позицію и своимъ огнемъ вновь заставили турокъ отступить.

Генералъ Багговутъ, управившись такимъ образомъ съ непріятелемъ, въ пять разъ насъ превосходившимъ, сталъ выжидать дѣйствій нашей пѣхоты и въ тотъ рѣшительный моментъ, когда

баталіоны гренадеръ пошли на приступъ непріятельскихъ батарей, т.-е. около двухъ часовъ дня, онъ двинулъ драгунъ съ артиллеріей во флангъ туркамъ; казакамъ же приказалъ обскакать сел. Гамза-Кирякъ, сбить кавалерійскій полкъ и съ тыла ударить на турецкую пѣхоту.

Крутой каменистый оврагъ не остановилъ быстроты наступленія, и кавалерія въ карьеръ вынеслась на противоположный его берегъ. Сотникъ Кульгачевъ со взводомъ донской батареи опередилъ свою конницу и, прикрытый лишь личнымъ конвоемъ князя Бебутова, подскакалъ къ фланговому непріятельскому баталіону не далѣе 50 саженей и осыпалъ его картечью. Третій дивизіонъ драгунъ, подъ командой маіора Петрова, ударилъ въ шашки.

Сраженіе при Ольтеницѣ.

Однако, турецкій баталіонъ, несмотря на быстроту и стремительность нашей атаки, успѣлъ перестроиться въ каре съ орудіями по угламъ и встрѣтилъ драгунъ огнемъ. Передніе ряды турокъ были сбиты, но задніе съ ожесточеніемъ отбивались штыками и стрѣляли въ упоръ, уложивъ 80 нашихъ храбрецовъ. Маіоръ Петровъ, перемѣнивъ свою поднятую на штыки лошадь, продолжалъ напирать на каре и, пробивъ его уголъ, захватилъ орудіе. Подоспѣвшій 4-й дивизіонъ драгунъ поддержалъ своихъ товарищей, захватилъ, несмотря на продолжавшееся упорное сопротивленіе турокъ, второе орудіе и довершилъ пораженіе фланговаго турецкаго баталіона.

Тѣмъ временемъ казаки опрокинули регулярный кавалерійскій полкъ, отбили его знамя и заскакали въ тылъ правому флангу турокъ. Эти одновременные удары поколебали непріятеля; онъ дрогнулъ и обратился въ бѣгство, при чемъ казаки взяли 4 орудія. Къ чести турецкой артиллеріи надо сказать, что она отличалась истинной неустрашимостью и самоотверженіемъ. Оставаясь послѣ бѣгства пѣхоты безъ прикрытія, артиллеристы продолжали стрѣльбу и гибли на своихъ орудіяхъ. Лафеты и тѣла почти всѣхъ отбитыхъ орудій были облиты кровью ихъ храброй прислуги.

Когда эти описанныя дѣйствія происходили на нашемъ лѣвомъ флангѣ, то непріятель продолжалъ въ центрѣ оказывать сильное сопротивленіе отряду генерала Кишинскаго. Здѣсь турки засѣли въ сел. Угузлы, для овладѣнія которымъ Кишинскій двинулъ свои войска тремя колоннами. Средняя—изъ $2^3/_4$ баталіоновъ и 12 орудій [1])—направилась на селеніе съ фронта, лѣвая—изъ 3 ротъ и 4 орудій [2])—въ обходъ слѣва и правая—изъ $1^1/_2$ баталіоновъ и 4 орудій [3])—въ обходъ справа.

Средняя и лѣвая колонны быстро двигались впередъ подъ прикрытіемъ своихъ батарей и, несмотря на сильный огонь противника, ворвались на штыкахъ въ селеніе, откуда вытѣснили непріятеля. Правая же колонна была встрѣчена двумя турецкими баталіонами и кавалерійскимъ полкомъ и оказалась въ затруднительномъ положеніи; однако, стойкость пѣхоты и саперъ и искусное дѣйствіе артиллеріи этой колонны остановили напоръ многочисленнаго непріятеля, а дружный ударъ въ штыки и здѣсь обратилъ его назадъ.

Вслѣдъ за этимъ весь отрядъ генерала Кишинскаго перешелъ въ преслѣдованіе бѣгущаго непріятеля, переправился черезъ оврагъ и построился на высотахъ противоположнаго берега рѣчки Маврякъ-чай; здѣсь отрядъ генерала Кишинскаго примкнулъ къ правому флангу гренадерской бригады, которая стояла уже на мѣстѣ взятыхъ непріятельскихъ батарей.

Во время боя на нашемъ фронтѣ и лѣвомъ флангѣ кавалерія нашего праваго фланга, подъ начальствомъ командира нижегородскихъ драгунъ князя Чавчавадзе, выдерживала натискъ несоразмѣрно превосходныхъ турецкихъ силъ, направленныхъ въ обходъ нашего праваго фланга.

Верховья рѣчки Маврякъ-чай образуютъ къ западу отъ селенія Угузлы оврагъ, отдѣлявшій нашъ правый флангъ отъ противника и безъ особаго затрудненія доступный для перехода кавалеріи. Можно было, несмотря на волнистую мѣстность, разсмотрѣть, что густыя колонны регулярной турецкой кавалеріи (два уланскихъ полка) и 8 баталіоновъ пѣхоты тянулись по дорогѣ, которая шла вдоль упомянутаго оврага и потомъ переходила на нашу сторону въ разстояніи около версты выше се-

---

[1]) 1-й бат. ег. кн. Воронцова п., 2-й бат. кн. Варшавскаго п., 3 р. стрѣлк., №№ 2 и 5 батар. батареи.

[2]) 2 роты 3-го бат. Эриванскаго п. и рота стрѣлк. при 4 ор. легк. № 1 батареи.

[3]) 1-й бат. кн. Варшавскаго п., 2 р. сап. и дивиз. батар. № 5 батареи.

ленія Угузлы. Не было сомнѣнія, что эта колонна направлялась въ обходъ праваго фланга князя Чавчавадзе. Толпы курдовъ, шедшія слѣва и впереди регулярныхъ войскъ, приближались уже къ тому мѣсту, гдѣ дорога пересѣкала оврагъ.

Князь Чавчавадзе, сознавая всю опасность замысловъ непріятеля, если бы ему удалось утвердиться на нашей сторонѣ оврага, построилъ свой отрядъ въ боевой порядокъ. 1-й и 5-й дивизіоны нижегородскихъ драгунъ стали въ развернутомъ фронтѣ, имѣя между собой четыре орудія донской № 7 батареи; въ резервѣ сталъ 2-й дивизіонъ драгунъ въ колоннѣ къ атакѣ, а 2-й дивизіонъ сборнаго линейнаго казачьяго полка и сборная сотня милиціи были направлены вправо отъ драгунъ для удержанія курдовъ.

Между казаками и курдами завязалась сильная перестрѣлка, а турецкій кавалерійскій полкъ, расположенный въ эскадронныхъ колоннахъ въ одну линію лѣвѣе пѣхоты, разсыпалъ фланкеровъ и двинулся впередъ на нашихъ драгунъ.

Въ то же время 4 баталіона непріятельской пѣхоты съ 6-ю орудіями заняли позицію правѣе кавалеріи и открыли по нашимъ войскамъ сильный огонь, а сзади первой линіи показалось еще 4 баталіона; курды же приняли влѣво и заняли скатъ горы Караялъ.

Князь Чавчавадзе, оставивъ казаковъ противъ курдовъ, выдвинулъ впередъ 1-й дивизіонъ драгунъ и взводъ артиллеріи, приказавъ 2-му дивизіону слѣдовать за первымъ, а пикинерному съ двумя орудіями наблюдать за пѣхотой.

Послѣ залпа двухъ конныхъ орудій, подскакавшихъ на ближній картечный выстрѣлъ къ непріятельской кавалеріи, первый дивизіонъ драгунъ понесся на нее въ атаку. Дружный ударъ въ шашки остановилъ непріятеля, а когда на него ударилъ подоспѣвшій 2-й дивизіонъ, то турецкая кавалерія была въ совершенномъ безпорядкѣ опрокинута на свою пѣхоту. Непріятельскіе баталіоны собирались ударить драгунъ во флангъ, но на нихъ былъ направленъ пикинерный дивизіонъ. Онъ опрокинулъ баталіоны и заставилъ ихъ отступить. Первая попытка непріятеля перейти черезъ оврагъ была, такимъ образомъ, отбита, и князь Чавчавадзе отвелъ драгунъ на прежнюю позицію.

Едва наши драгуны успѣли остановиться, какъ турки снова перешли въ наступленіе. Баталіоны ихъ выстроились въ одну линію съ орудіями въ интервалахъ, а кавалерія выдвинулась впередъ. Князь Чавчавадзе тотчасъ же повторилъ свою атаку, но,

чтобы не допустить непріятеля охватить наши фланги, онъ построилъ всѣ три дивизіона развернутымъ фронтомъ въ одну линію съ орудіями въ интервалахъ. И въ этотъ разъ турецкая кавалерія не выдержала натиска драгунъ; нѣсколько храбрѣйшихъ турокъ дождались удара въ шашки, прочіе же въ безпорядкѣ бѣжали за свою пѣхоту. Пользуясь этимъ, драгуны атаковали пѣхоту и, несмотря на сильный ея огонь, разстроили нѣсколько баталіоновъ и захватили два орудія.

Чрезмѣрное превосходство противника не позволяло нижегородцамъ извлечь всѣхъ выгодъ изъ ихъ блестящей атаки. Турки, несмотря на громадныя потери, имѣли еще достаточно войскъ, чтобы съ рѣшимостью противодѣйствовать нашимъ драгунамъ. Непріятельская кавалерія еще два раза пыталась перейти въ наступленіе, но князь Чавчавадзе вновь водилъ драгунъ въ атаку, пользуясь той минутой, когда турецкая кавалерія закрывала при движеніи впередъ свою артиллерію, и успѣвалъ опрокидывать наступавшія на него массы. Послѣднее же усиліе турокъ кончилось въ третьемъ часу дня ихъ бѣгствомъ.

Описанный бой покрылъ неувядаемой славой доблестныхъ нижегородскихъ драгунъ. Въ продолженіе двухъ съ половиной часовъ они безпрерывно повторяли атаки превосходнаго противника и каждый разъ съ полнымъ успѣхомъ. Донская № 7 батарея также ни одной минуты не оставалась праздной. Выскакивая при наступленіи нашихъ войскъ впередъ, она подготовляла разстройство непріятеля и быстро поспѣвала на угрожаемые пункты.

Было около половины третьяго дня, когда наши войска двинулись вслѣдъ за разбитымъ на всѣхъ пунктахъ непріятелемъ, довершая его пораженіе. Кавалерія лѣваго фланга была выслана впередъ для преслѣдованія турокъ, бѣжавшихъ по суботанской дорогѣ; за нею слѣдовали баталіоны генерала Кишинскаго на Башъ-Кадыкларъ, а гренадерская бригада на Орта-Кадыкларъ. Кавалерія праваго фланга, до крайности истощившая лошадей въ безпрерывныхъ атакахъ, была оставлена для прикрытія обоза и раненыхъ.

Нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ было достаточно, чтобы заставить непріятеля бросить свои два лагеря. Съ этой минуты отступленіе турецкихъ войскъ обратилось въ бѣгство по дорогѣ на Карсъ; курды же и милиція вскорѣ совершенно разбѣжались въ разныя стороны, грабя по дорогѣ своихъ.

Наши войска, прекративъ преслѣдованіе, позднимъ вечеромъ были возвращены обратно и расположились лагеремъ близъ источниковъ рѣчки Маврякъ-чай. Не имѣя съ собой въ наступившую морозную ночь палатокъ, они нашли удобный пріютъ подъ турецкими шатрами двухъ отбитыхъ лагерей. Башъ-Кадыкларское сраженіе продолжалось около трехъ часовъ, но, въ виду многочисленности непріятеля, выгодъ его позиціи и тѣхъ чрезвычайныхъ усилій, которыя потребовались отъ нашего малаго отряда для одержанія побѣды, потери князя Бебутова не могли не быть большими. Мы потеряли убитыми 9 офицеровъ и 308 нижнихъ чиновъ и выбывшими изъ строя ранеными и контуженными 1 генерала, 48 офицеровъ и 928 нижнихъ чиновъ. Непріятель оставилъ убитыми на полѣ сраженія свыше 1500 чел., въ томъ числѣ Ибрагимъ-пашу, 2 полковыхъ и 5 баталіонныхъ командировъ. Общая же потеря турокъ простиралась до 8000 человѣкъ.

Канониръ Чиликинъ подъ Ольтеницей (см. Приложеніе № 59).

Въ руки побѣдителей досталось 24 орудія, 13 зарядныхъ ящиковъ, знамя, 13 значковъ, много артиллерійскихъ лошадей, ружей и французскихъ штуцеровъ съ прицѣломъ на 1000 метровъ, а также два богатыхъ лагеря. Добыча была такъ велика, что въ теченіе трехъ дней успѣли перевезти на нашъ бивакъ только часть ея, а остальное пришлось уничтожить [1]).

Турки въ паническомъ страхѣ безостановочно бѣжали до самаго Карса. Милиція, опередившая регулярныя войска, прибыла

---

[1]) Рапортъ инсп. всей арт. ген.-м. Бриммера начальн. шт. Кавк. арм. 23 ноября 1853 г., № 84. Рапортъ кн. Багратіона кн. Бебутову 8 декабря 1853 г., № 3315. Рапортъ кн. Чавчавадзе кн. Бебутову 12 декабря 1853 г., № 7. Рапортъ ген. Багговута ген. Индреніусу 15 декабря 1853 г., № 64. Рапортъ ген. Кишинскаго кн. Бебутову 25 декабря 1853 г., № 18. Extrait de plusieurs lettres d'Erzeroum (Арх. Шт. Кавк. воен. окр.). Рапортъ кн. Бебутова кн. Воронцову 21 ноября 1853 г., № 743. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 3422.

въ Карсъ первая и произвела на базарѣ общій грабежъ безъ разбора національностей. Курды не дошли до крѣпости, грабили своихъ же дорогою и разсѣялись во всѣ стороны по домамъ.

Такъ печально для турокъ кончилась встрѣча нашего десятитысячнаго отряда съ 36.000-мъ корпусомъ Рейсъ-Ахмеда-паши, который, въ надеждѣ на хорошее обученіе своихъ войскъ и ихъ многочисленность, гордо говорилъ своимъ солдатамъ въ началѣ боя: „Смотрите, какая горсть имѣетъ дерзость итти на васъ! „Мы не будемъ бить этихъ невѣрныхъ, а окружимъ ихъ, разбе„ремъ по рукамъ и отведемъ въ Карсъ!“

Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что нашими начальниками были отмѣчены положительныя по сравненію съ прежнимъ временемъ качества турецкихъ войскъ, которыя въ бою выказали большое мужество и хорошее обученіе [1]).

Лучшее впечатлѣніе производила турецкая артиллерія. Матеріальная часть ея была въ большинствѣ англійскаго изготовленія, офицеры и прислуга исполняли свой долгъ выше всякой похвалы, и большая часть ихъ умирала на орудіяхъ въ то время, какъ пѣхота бросала свою артиллерію. Пѣхота была хорошо обучена строю и движеніямъ, такъ что не вѣрилось, что это молодое, недавно призванное подъ знамена войско; но въ открытомъ бою она не всегда была достаточно стойкой. Кавалерія, несмотря на хорошій конскій составъ и хорошую ѣзду, также не отличалась стойкостью, и наши драгуны ее легко опрокидывали.

Неудача, однако, быстро привела турецкій корпусъ въ разстройство. Прибывшіе въ Карсъ остатки этого корпуса тщетно приводились въ порядокъ иностранными офицерами (Кмети, Гюйонъ и др.), но трудно было что-либо сдѣлать съ этой деморализованной пораженіемъ толпой. Недостатокъ въ продовольствіи, благодаря злоупотребленіямъ интендантства, невыдача содержанія и плохо организованная санитарная служба—все это были причины, которыя также содѣйствовали полному разстройству арміи.

Для подкрѣпленія Карсскаго корпуса туда притянули 2000 кавалеріи изъ Эрзерума и 10.000 человѣкъ изъ Ардагана, выдвинувъ къ этому послѣднему пункту изъ Эрзерума отрядъ Сари-паши въ 6000 человѣкъ при 16 орудіяхъ.

---

[1]) Бар. Индреніусъ—кн. Барятинскому 28 ноября 1853 г. Арх. Кавк. воен. окр.

Къ зимѣ въ Карсѣ находилось всего 25 тысячъ при 30 орудіяхъ [1]), въ Ардаганѣ 5-6 тысячъ и въ Баязетѣ столько же при 7-8 тысячахъ курдовъ. Этотъ послѣдній отрядъ первоначально предполагалъ начать наступленіе на Эривань, но, узнавъ о пораженіи главнаго корпуса, отказался отъ активныхъ дѣйствій. Войска въ Гуріи оставались въ прежнемъ составѣ, а резервъ въ Эрзерумѣ уменьшился до 7 баталіоновъ и 12 осадныхъ орудій.

Нашъ отрядъ 23 ноября вернулся въ Александрополь и расположился тамъ на зимнія квартиры. Ближайшимъ слѣдствіемъ побѣды князя Бебутова было увеличеніе нашего вліянія на пограничное населеніе. Жители Башъ-Шурагельскаго санджака добровольно вернули нашихъ плѣнныхъ и отбитый въ разное время скотъ, прося принятія ихъ въ русское подданство [2]).

Извѣстіе о побѣдѣ князя Бебутова было получено въ Петербургѣ 5 декабря и на слѣдующій день было отпраздновано торжественнымъ выходомъ и молебствіемъ. Нечего и говорить о томъ радостномъ впечатлѣніи, которое побѣда эта произвела на Императора Николая, гордаго выдающимся геройскимъ подвигомъ своихъ войскъ. Князь Бебутовъ получилъ орденъ св. Георгія 2 степени, генералы Багговутъ, князь Багратіонъ и князь Чавчавадзе—ордена св. Георгія 3 степени; остальные участники также получили многочисленныя награды, нижніе же чины по 10 знаковъ отличія на роту, батарею и дивизіонъ и по 2 рубля на человѣка [3]).

Башъ-Кадыкларская побѣда обезпечивала Александропольскому отряду спокойную зиму, но положеніе на обоихъ нашихъ флангахъ, въ Гурійскомъ и Эриванскомъ отрядахъ, оставалось еще невыясненнымъ. Съ обѣихъ сторонъ приходили донесенія объ усиленіи турецкихъ войскъ, и во всякое время можно было ожидать ихъ перехода въ наступленіе.

Гурійскій отрядъ поулчилъ, какъ уже извѣстно, подкрѣпленіе изъ Ахалцыха, а усиленіе Эриванскаго отряда было возложено на князя Бебутова. Съ этой цѣлью были выдѣлены, подъ начальствомъ генерала Кишинскаго, $3\frac{1}{2}$ баталіона, 4 орудія и 4 сотни изъ Александрополя и Ахалкалакъ, съ которыми онъ долженъ былъ усилить Эриванскій отрядъ и, вступивъ въ командованіе этимъ отрядомъ, очистить наши предѣлы отъ непріятельскихъ партій.

---

[1]) Кн. Воронцовъ — воен. министру 11 декабря 1853 г., № 681. Арх. Кавк. воен. окр.
[2]) Кн. Воронцовъ — воен. мин. 30 ноября 1853 г., № 675. Арх. Кавк. воен. окр.
[3]) Военный министръ — кн. Воронцову 5 декабря 1853 г., № 12800. Тамъ же.

По окончаніи возложеннаго на него порученія, генералъ Кишинскій долженъ былъ возвратиться со своимъ отрядомъ въ Александрополь, конвоируя изъ Эривани осадную артиллерію, необходимую для предположеннаго на слѣдующій годъ движенія къ Карсу.

III.

У крѣпости Ахалкалаки до прибытія на Кавказъ 13-й пѣхотной дивизіи не было самостоятельнаго отряда, а войска, прикрывавшія эту крѣпость и расположенныя у сел. Орловки, подчинялись полковнику Шликевичу, начальнику всѣхъ войскъ, расположенныхъ въ Ахалцыхскомъ уѣздѣ. Съ прибытіемъ же 13-й дивизіи явилась возможность обратить вниманіе и на этотъ пунктъ, имѣвшій значеніе, какъ связывающій Ахалцыхъ съ Александрополемъ и какъ прикрывающій путь изъ Ардагана черезъ Ахалкалаки и Орловку на Цалку и Тифлисъ.

Первоначально предполагалось направить въ Ахалкалакскій участокъ три баталіона Бѣлостокскаго полка, а полковникъ Шликевичъ долженъ былъ съ $1^1/_4$ баталіона Мингрельскаго полка, 6 орудіями и $3^1/_2$ сотнями милиціи перейти въ Орловку; расположенные же тамъ 2 баталіона Эриванскаго и Тифлисскаго полковъ и 6 орудій надлежало отправить въ Александрополь. Но полковнику Шликевичу было, въ виду сбора турецкихъ войскъ у Ардагана и появленія въ Ардаганскомъ участкѣ большихъ партій курдовъ, приказано оставаться до прибытія бѣлостокскихъ баталіоновъ у Ахалкалакъ и принять подъ свое личное начальство всѣ тамъ сосредоточенныя войска [1]).

Въ концѣ октября здѣсь было получено донесеніе о появленіи на самой границѣ турецкаго отряда, силою въ 2000 человѣкъ при 6 орудіяхъ. Произведенная для провѣрки этого донесенія рекогносцировка выяснила, что на границѣ появились лишь значительныя массы курдовъ, а регулярныя же турецкія войска, въ количествѣ 4000 при 6 орудіяхъ, продолжаютъ оставаться въ Ардаганѣ. Поэтому отрядъ полковника Шликевича оставался расположеннымъ у Ахалкалакъ, имѣя 9 ротъ съ двумя орудіями раскинутыми по духоборскимъ селеніямъ, и двѣ сотни милиціи высланными для наблюденія за границей къ сел. Сульда.

---

[1]) Рапортъ подполк. Циммермана кн. Бебутову 24 октября 1853 г., № 21. Арх. Шт. Кавк. воен. окр.

Вскорѣ, однако, турецкія конныя партіи стали проникать въ наши предѣлы и производить грабежи въ пограничныхъ селеніяхъ. 29 октября отрядъ турокъ, около 1000 человѣкъ, началъ сосредоточиваться противъ селенія Керзакъ. Находившійся въ этомъ пунктѣ начальникъ штаба отряда подполковникъ Циммерманъ сдѣлалъ распоряженіе о спѣшномъ сосредоточеніи къ этому пункту отъ Ахалкалакъ и Богдановки $1^1/_2$ баталіона и 4 горныхъ орудій. Войска эти выступили съ пунктовъ квартированія на разсвѣтѣ

Сраженіе у Четати
(съ рисунка тушью Прянишникова).

30 октября и могли прибыть къ мѣсту назначенія не ранѣе 4 часовъ дня. Тѣмъ временемъ турки успѣли ограбить Керзакъ, который только къ вечеру былъ вновь занятъ подполковникомъ Циммерманомъ съ подошедшими подкрѣпленіями. Одновременно непріятель сжегъ беззащитный Хозанинскій карантинъ [1]).

31 октября 3-й баталіонъ Бѣлостокскаго полка получилъ приказаніе двинуться изъ Керзака въ Александрополь. Турки воспользовались уменьшеніемъ нашихъ силъ, атаковали въ числѣ 2000 человѣкъ Керзакъ, заняли его, а ночью произвели нападеніе и на сел. Орловку. Эти нападенія при невозможности противодѣйствія имъ вызвали распоряженіе о выселеніи жителей подъ

---

[1]) Рапорты подполк. Циммермана кн. Барятинскому 1 и 2 ноября 1853 г., №№ 55 и 62. Арх. Шт. Кавк. воен. окр.

защиту нашихъ отрядовъ на Цалку. Впрочемъ, нападеніе на Орловку было отбито направившимся туда съ пути 3-мъ баталіономъ Бѣлостокскаго полка, который, въ виду утомленія и оставленнаго при быстрыхъ передвиженіяхъ обоза, не могъ немедленно продолжать движенія къ Александрополю. Тяжелое положеніе Ахалкалакъ и появленіе турецкихъ скопищъ на сообщеніяхъ этого пункта съ Ахалцыхомъ и Александрополемъ заставили князя Бебутова временно пріостановить движеніе части войскъ Ахалкалакскаго отряда къ Александрополю.

Это дало возможность и здѣсь намъ перейти къ активнымъ операціямъ.

3 ноября подполковникъ Циммерманъ выступилъ съ 13-й ротой Мингрельскаго полка и 160 казаками изъ Ахалкалакъ къ с. Оны, надѣясь захватить въ немъ турокъ врасплохъ, но и непріятель выступилъ къ намъ навстрѣчу.

Въ произошедшемъ столкновеніи успѣхъ оказался на нашей сторонѣ, благодаря подошедшимъ на помощь двумъ ротамъ Бѣлостокскаго полка съ двумя горными орудіями, и турки были опрокинуты на Керзакъ. 11 ноября также произошло удачное дѣло нашихъ двухъ конныхъ дружинъ съ турками у сел. Курдадема, кончившееся отступленіемъ турокъ [1]). Къ 14 ноября мы сосредоточили къ Хертвикскому ущелью отрядъ, силою въ 3 сборныхъ баталіона и 3 сотни, что заставило турокъ очистить сел. Хертвикъ и отойти къ границѣ.

Эти мелкіе успѣхи дали возможность новому начальнику Ахалкалакскаго отряда князю Орбеліани 3-му 21 ноября выступить изъ Ахалкалакъ по направленію къ границѣ, съ цѣлью вытѣснить изъ нашихъ предѣловъ турецкіе отряды [2]). Послѣ ночлега въ сел. Оны онъ раздѣлилъ свой отрядъ на двѣ колонны, направивъ одну на Сульду, а другую на Керзакъ. Это движеніе заставило турецкія войска очистить нашу границу и отойти къ Ардагану. Населеніе пограничныхъ Чалдырскаго и Ардаганскаго санджаковъ явилось къ начальнику отряда съ просьбой пощады и съ обѣщаніемъ полной покорности въ случаѣ занятія нами Ардагана. Однако, такое предпріятіе являлось съ нашей стороны невыполнимымъ. Даже въ случаѣ захвата незначительнымъ отрядомъ князя Орбеліани Ардагана, ему невозможно было бы зимовать

---

[1]) Журн. в. д. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 3422.

[2]) Рапортъ кн. Орбеліани кн. Барятинскому 23 ноября 1853 г., № 272. Арх. Шт. Кавк. окр.

въ этомъ пунктѣ, менѣе удаленномъ отъ Карса, чѣмъ отъ Ахалкалакъ, и пути сообщенія съ которымъ были къ тому же крайне плохи; поэтому 24 ноября князь Орбеліани вернулся въ Ахалкалаки, расположивъ свой отрядъ въ окрестностяхъ этого города.

Въ концѣ ноября князь Бебутовъ сдѣлалъ новое распредѣленіе войскъ, чтобы болѣе сосредоточить части, по необходимости до этого времени разрозненныя. Въ Ахалкалакскій отрядъ назначались, подъ начальствомъ князя Багратіона-Мухранскаго, три баталіона Эриванскаго полка съ 4-мя орудіями, а два баталіона Бѣлостокскаго полка съ 4-мя орудіями должны были направиться въ Ацхуръ и войти въ составъ Ахалцыхскаго отряда. Части же Тифлисскаго и Мингрельскаго полковъ, входившія въ составъ Ахалкалакскаго отряда, перемѣщались въ Эриванскій отрядъ.

Князь Воронцовъ, при общей слабости нашихъ силъ на Кавказѣ до прибытія туда 13-й пѣхотной дивизіи, главное вниманіе обращалъ на прикрытіе границы въ важнѣйшемъ направленіи со стороны Карса и Батума. Для обезпеченія же Эриванской губерніи со стороны Баязета и Кагызмана могъ быть удѣленъ лишь одинъ баталіонъ [1]) при двухъ орудіяхъ, кромѣ казачьихъ постовъ кордонной линіи и грузинскаго линейнаго баталіона, занимавшаго Эриванскую крѣпость.

Казачьи посты Сурмалинскаго участка должны были, въ случаѣ наступленія турокъ, сосредоточиваться къ постамъ Аргуджинскому и Каравансарайскому; ближайшей поддержкой имъ могли служить три сотни милиціи у д. Паузкунъ, а общимъ резервомъ отрядъ изъ 5-ти ротъ, 2-хъ орудій, 200 казаковъ и 1400 милиціонеровъ, расположенный въ Орговѣ. Съ такими силами представлялось невозможнымъ удерживать непріятеля на всемъ протяженіи Сурмалинскаго участка нашей границы, почему и было сдѣлано распоряженіе вывести при извѣстіи о наступленіи турокъ чиновниковъ и все казенное имущество изъ Кульпъ, Аралыка и Орговскаго карантина въ Эривань [2]).

Уже 10 октября было приступлено къ сбору постовъ, такъ какъ, по донесеніямъ лазутчиковъ, турки предполагали въ скоромъ времени вторгнуться, въ числѣ 10.000 человѣкъ при 8 орудіяхъ (въ дѣйствительности тамъ было не болѣе 6000 человѣкъ, подъ начальствомъ Селима-паши), изъ Баязета въ наши предѣлы въ

---

[1]) 2-й бат. гренад. Вел. Кн. Константина Николаевича полка.

[2]) Эрив. губ.—полк. Хрещатицкому 15 сентября 1853 г., № 1009. Арх. Шт. Кавк. воен. окр.

двухъ колоннахъ черезъ Орговъ и Каравансарай. Если бы эти слухи оправдались, то положеніе Орговскаго отряда, выдвинутаго къ самой границѣ, являлось очень опаснымъ. Къ тому же мѣстное татарское населеніе явно показывало сочувствіе туркамъ, а армянское населеніе отличалось трусостью, и набранная изъ него милиція заявляла о нежеланіи драться въ томъ случаѣ, если Орговскій отрядъ не будетъ усиленъ пѣхотой. На мѣстныхъ курдовъ, въ общемъ пока еще спокойныхъ, также трудно было разсчитывать при первыхъ, хотя бы и незначительныхъ успѣхахъ турокъ. Въ виду этого, начальнику передовыхъ постовъ, полковнику Хрещатицкому, было приказано, въ случаѣ явной, „тщательно провѣренной“ опасности, отходить не далѣе р. Аракса, прикрывая выселеніе туда же изъ пограничныхъ деревень армянскихъ семей.

Около 20 октября передовыя турецкія части одновременно появились со стороны Баязета у Оргова и со стороны Кагызмана у Кульпъ. Въ виду слуховъ, что это движеніе предпринято непріятелемъ съ цѣлью овладѣнія Эчмодзіанскимъ монастыремъ, Эриванскій отрядъ, усиленный двумя ротами и двумя орудіями, былъ переведенъ къ Эчмодзіану. Извѣстіе это до того встревожило князя Воронцова, что, несмотря на нежеланіе ослаблять Александропольскій отрядъ, онъ приказалъ двинуть оттуда на выручку Эчмодзіана часть силъ. Впрочемъ, войска эти, пройдя два перехода, вернулись назадъ, такъ какъ турецкіе отряды вновь отступили къ Кульпамъ и Оргову.

28 октября Эриванскій отрядъ, силою въ $3^1/_2$ баталіона, 10 орудій, 4 сотни казаковъ и 16 сотенъ милиціи, выступилъ, подъ начальствомъ полковника Колюбакина, изъ Эчмодзіана къ Араксу. Полковникъ Колюбакинъ 31 числа отправилъ, для выясненія силъ непріятеля, появившагося со стороны Кульпы, отрядъ, силою въ 2 роты, сотню казаковъ и пять сотенъ милиціи, въ сел. Арабъ-Керли, съ приказаніемъ, въ случаѣ наступленія превосходныхъ непріятельскихъ силъ, отходить къ Амарату. Въ то же время полковникъ Хрещатицкій долженъ былъ съ 3 сотнями произвести рекогносцировку отъ сел. Игдырь къ Оргову. Впереди Амарата въ резервѣ оставались 4 роты при 4 орудіяхъ и въ самомъ селеніи 2 баталіона и 6 орудій.

Отъ разбитой передъ Кульпами партіи курдовъ удалось узнать, что съ этой стороны оперируетъ лишь незначительная партія въ 800 человѣкъ, отдѣлившаяся отъ отряда изъ Башъ-Шурагеля, дѣйствовавшаго противъ Александрополя, и что другихъ силъ съ

этой стороны у турокъ не было. Поэтому полковникъ Колюбакинъ оставилъ свою конницу на правомъ берегу Аракса, а съ пѣхотой и артиллеріей сталъ у Сардаръ-Абада, чтобы слѣдовать затѣмъ къ Эчмодзіану [1]).

10 ноября турки вновь перешли въ наступленіе со стороны Оргова и начали грабить окрестныя селенія. Высланному изъ Сардаръ-Абада къ Игдырю конному отряду полковника Хрещатицкаго, поддержанному двумя баталіонами и двумя орудіями, не удалось уже завладѣть Игдыремъ, въ виду занятія его превосходными силами турокъ, и удалось лишь удачнымъ боемъ передъ этимъ селеніемъ способствовать переселенію за Араксъ армянскаго населенія.

Князь В. О. Бебутовъ.

О турецкихъ силахъ, сосредоточенныхъ у с. Игдыря и въ Кульпахъ, у насъ были настолько преувеличенныя свѣдѣнія, что Эриванскій губернаторъ генералъ Назаровъ сталъ спѣшно готовиться къ серьезной оборонѣ Эривани. Вмѣстѣ съ тѣмъ послѣ Башъ-Кадыкларскаго боя и генералъ Бебутовъ рѣшилъ усилить Эриванскій отрядъ, направивъ туда генерала Кишинскаго съ $3^1/_2$ баталіонами, 4 орудіями и 4 сотнями. Генералъ Кишинскій долженъ былъ перейти на правый берегъ Аракса, очистить Сурмалинскій участокъ отъ непріятеля и, присоединивъ къ себѣ баталіонъ гренадерскаго Великаго Князя Константина Николаевича полка, вернуться въ Александрополь съ осаднымъ паркомъ, направляемымъ туда изъ Эривани.

Хотя въ концѣ ноября выяснилось, что силы турокъ у Игдыря и Кульпъ оказались въ дѣйствительности не болѣе 4 тысячъ, и послѣ Башъ-Кадыкларскаго боя они спѣшно очистили

---

[1]) Рапортъ полк. Колюбакина ген. Назарову 4 ноября 1853 г., № 7. Арх. шт. Кавк. воен. окр.

Сурмалинскій участокъ и отступили къ Баязету, но назначеніе генерала Кишинскаго не было отмѣнено. Исполнивъ свою задачу, онъ въ началѣ декабря вернулся въ Александрополь, а Эриванскій отрядъ расположился по квартирамъ слѣдующимъ образомъ: баталіонъ, 2 орудія и сотня въ Кульпахъ, такой же силы отряды въ Арабъ-Керли и Амаратѣ и остальныя 6 ротъ при орудіяхъ были оставлены въ Эчмодзіанѣ [1]).

Говоря объ Эриванскомъ отрядѣ, слѣдуетъ добавить нѣсколько словъ о томъ положеніи, которое въ началѣ кампаніи заняла Персія.

Когда въ октябрѣ мѣсяцѣ начались среди турецкихъ курдовъ враждебныя намъ волненія и наслѣдники умершаго Сеидъ-шаха, находившагося въ дружескихъ сношеніяхъ съ Шамилемъ, объявили фесехадъ (религіозный походъ) въ наши предѣлы, то это враждебное настроеніе перешло и за границу Персіи, населенной курдами. Братъ Сеидъ-шаха, Шейхъ-Салекъ, который проживалъ въ Персіи, въ Бердассурѣ, являлся главнымъ агитаторомъ среди курдовъ, почему наше правительство потребовало отъ шаха удаленія Шейхъ-Салека и удержанія курдовъ.

Персидское правительство хотя и принимало рядъ мѣръ, но дѣйствія его были нерѣшительны и тѣмъ какъ бы поощряли курдовъ. Причину къ этому слѣдуетъ искать главнымъ образомъ въ дѣятельной агитаціи турецкихъ и въ особенности англійскихъ агентовъ. Персидскій шахъ пребывалъ въ нерѣшительности; съ одной стороны онъ находился подъ вліяніемъ агитаціи англичанъ, съ другой же онъ не хотѣлъ упустить возможности поживиться на счетъ турокъ въ случаѣ нашей удачи. Поэтому онъ не рѣшался принять энергичныхъ мѣръ противъ своихъ курдовъ и даже противъ вторженія черезъ Персію въ наши предѣлы турецкихъ ордъ, но въ то же время не препятствовалъ и намъ производить въ большомъ количествѣ въ Персіи закупки муки для Александропольскаго отряда.

Однако, въ началѣ ноября шахъ обратился къ Императору Николаю съ предложеніемъ наступательнаго союза, при чемъ онъ обязывался выставить на границѣ съ Турціей въ Хоѣ отдѣльный корпусъ въ 60.000 человѣкъ, который долженъ былъ бы дѣйствовать въ связи съ корпусомъ князя Бебутова. Государь былъ

---

[1]) Журн. в. д. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 3422.
Кн. Воронцовъ — воен. мин. 27 ноября 1853 г., № 673. Арх. шт. Кавк. воен. окр.

очень обрадованъ этой вѣстью. „Слава Богу“, помѣтилъ онъ на донесеніи князя Воронцова, „хотя мало дѣйствительной „помощи, но все же оттянетъ „часть турокъ“ [1]).

Генералъ - лейтенантъ князь Андроникovъ.

Для руководства дѣйствіями персидскаго корпуса была отправлена изъ Тифлиса особая миссія во главѣ съ генераломъ Санковскимъ, которая должна была поддерживать связь съ княземъ Бебутовымъ, сообщать персидскому главнокомандующему тѣ свѣдѣнія, которыя князь Бебутовъ признаетъ необходимыми, и руководить дѣйствіями персидской арміи, на сколько это будетъ признано желательнымъ персидскимъ правительствомъ [2]).

Шахъ, дѣйствительно, отдалъ приказъ о сборѣ войскъ и назначилъ главнокомандующимъ Азисъ-хана, но дѣло подвигалось медленно. Въ серединѣ ноября въ Хоѣ было лишь 5 слабыхъ полковъ тысячнаго состава при 12 орудіяхъ, къ слѣдованію туда готовилось 6 полковъ и въ Айбеджанѣ предполагалось набрать еще 10 полковъ; артиллерія же должна была быть усилена еще 38 орудіями.

Всѣ эти распоряженія еще не были приведены въ исполненіе, какъ совершенно неожиданно шахъ предъявилъ намъ, какъ непремѣнное условіе его союза, требованіе значительной денежной субсидіи и гарантій. Вмѣстѣ съ этимъ персидское правительство продолжало потворствовать агитаціи турокъ среди персидскихъ курдовъ и не препятствовало туркамъ дѣлать въ Персіи значительныя закупки всѣхъ продовольственныхъ запасовъ.

Императоръ Николай былъ очень недоволенъ такой двусмысленной политикой шаха. Генералъ Санковскій получилъ

---

[1]) Кн. Воронцовъ — воен. мин. 8 ноября 1853 г. изъ Тифлиса. Арх. Канц. Воен. Мин., 1853 г., секр. д. № 73.

[2]) Предп. кн. Воронцова ген. Санковскому 8 ноября 1853 г., № 1773. Арх. шт. Кавк. воен. окр.

приказаніе оставаться на границѣ впредь до особаго распоряженія, а нашему посланнику въ Тегеранѣ было предложено передать шаху, что Государь отказывается отъ всякаго союза съ Персіей, а тѣмъ болѣе отъ предлагаемаго ею нравственнаго содѣйствія, и ограничивается лишь требованіемъ полнаго ея нейтралитета [1]).

Князь Бебутовъ, какъ уже было сказано, воспользовался успѣхами Ахалцыхскаго отряда, чтобы въ половинѣ ноября усилить Гурійскій отрядъ, за который онъ въ то время наиболѣе опасался. На границѣ Гуріи, дѣйствительно, стоялъ корпусъ турецкихъ войскъ, одержавшій успѣхъ, хоть и незначительный, у поста св. Николая. Корпусъ этотъ считалъ въ своихъ рядахъ свыше 20.000 человѣкъ, лучше другихъ снабженныхъ, такъ какъ имѣлъ по берегу и моремъ удобное сообщеніе съ Батумомъ, который служилъ для него базой.

Князь Гагаринъ противъ этихъ силъ имѣлъ въ Озургетахъ и его окрестностяхъ всего $5\frac{1}{2}$ баталіоновъ полевыхъ войскъ, $\frac{3}{4}$ линейнаго баталіона, 12 орудій и $14\frac{1}{2}$ сотенъ милиціи [2]); гарнизонъ Поти состоялъ изъ $\frac{3}{4}$ Грузинскаго линейнаго баталіона и сотни Самурской милиціи, въ Редутъ-Кале стояли рота Черноморскаго линейнаго № 12 баталіона и сотня Самурской милиціи, и на постахъ по границѣ были распредѣлены 2 сотни казаковъ и 18 сотенъ милиціи. Въ Кутаисѣ оставалось только 2 роты Брестскаго пѣхотнаго полка.

Всего же въ Гуріи было 8 баталіоновъ, 12 орудій, 2 сотни казаковъ и $34\frac{1}{2}$ сотни милиціи, численностью въ 6237 нижнихъ чиновъ и 3850 милиціонеровъ.

Вторженіе турокъ въ Ахалцыхскій раіонъ вынудило князя Гагарина отдѣлить часть силъ для обезпеченія своего лѣваго фланга. Съ этой цѣлью проходы въ Сурамъ и Вахань, а также ущелья Зекарское и Ханское, идущія изъ Абасъ-Тумана и Ахалцыха, были заняты милиціей, а въ резервѣ у сел. Богдадъ была поставлена рота Брестскаго полка, выдвинутая изъ Кутаиса. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ виду возможности дѣйствія турокъ со стороны моря, были перевезены запасы продовольствія изъ Поти и Редутъ-

---

[1]) Канцлеръ — кн. Долгорукову въ Тегеранъ, 5 декабря 1853 г., № 3531. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, карт. Perse, 1853.

[2]) Литовскій ег. п., $1\frac{1}{2}$ б. Брестскаго п., 3 р. Черн. лин. № 12 б., легк. № 1 бат. 13 арт. бр., 4 ор. гор. № 1 бат., $2\frac{1}{2}$ с. Гурійск., 8 с. Имерет. и 4 с. Мингр. мил.

Кале къ пристани на Ріонѣ, у Чапанъ, который оборонялся ротой усиленнаго состава. За Поти князь Гагаринъ не опасался, считая, что расположеннаго тамъ гарнизона и 5 орудій достаточно для противодѣйствія высадкѣ турокъ, но Редутъ-Кале признавался имъ безъ содѣйствія флота совершенно беззащитнымъ.

Гурійскій отрядъ, стоя лицемъ къ лицу съ авангардомъ турецкаго корпуса, долженъ былъ оставаться въ постоянной готовности къ бою, и рѣдкій день проходилъ тамъ безъ стычекъ на границѣ. 5 ноября турецкій отрядъ, силою въ 2000 чел. при 2 орудіяхъ, напалъ на кочермахъ, вооруженныхъ фальконетами, на устье р. Сепи и окружилъ расположенную тамъ сотню мингрельской милиціи, но сотня эта, подкрѣпленная дружиной князя Гуріели, отбила нападеніе и обратила турокъ въ бѣгство. 7 ноября отрядъ въ 3000 человѣкъ, напавъ на Чолокскій постъ, хотѣлъ вторгнуться въ наши предѣлы на Лихауръ, но былъ отбитъ милиціей, которая преслѣдовала турокъ на 6 верстъ по ту сторону границы. Также неудачны были и остальныя нападенія непріятеля на наши посты, почти непрерывно производимыя въ первой половинѣ ноября.

По собраннымъ свѣдѣніямъ, войска корпуса Селима-паши были къ серединѣ ноября расположены слѣдующимъ образомъ: около 7000 человѣкъ въ укрѣпленныхъ позиціяхъ близъ р. Чолокъ, имѣя въ резервѣ у Чурукъ-су 7000 человѣкъ съ 13 полевыми и 20 крѣпостными орудіями, подъ начальствомъ самого Селима-паши. Въ Николаевскѣ и его окрестностяхъ находилось 8000 человѣкъ при 9 орудіяхъ и, кромѣ того, часть силъ занимала Батумъ (при 50 орудіяхъ) и Цихидзири (при 15 орудіяхъ). Въ Батумѣ собирались кочермы и ожидались военныя суда для перевозки, по слухамъ, десанта къ Поти, Редутъ-Кале и Сухуму одновременно съ наступленіемъ корпуса отъ Николаевска и Чурукъ-су къ Озургетамъ. На это намѣреніе непріятеля указывали также усилившіяся сношенія турецкаго флота съ горцами, выгрузка 6 ноября на берегъ збыховъ 200 пудовъ пороха и орудій [1]) и обѣщаніе о прибытіи туда, не позже какъ черезъ двѣ недѣли, турецкаго отряда.

Появленіе въ нашихъ водахъ непріятельскаго флота вынудило адмирала Серебрякова снять съ крейсерства мелкія суда и оста-

---

[1]) Рапортъ адм. Серебрякова 4 декабря 1853 г., № 189. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 3422.

вить для этой цѣли лишь 4 фрегата и 1 корветъ, что затрудняло связь съ фортами береговой линіи, и положеніе ихъ становилось опасно. Черноморскому побережью угрожала въ это время и другая бѣда—появленіе холеры въ Геленджискѣ, но, къ счастью, эпидемія скоро прекратилась, не распространившись на другіе пункты [1]).

Князь Гагаринъ признавалъ лучшимъ способомъ защиты Гуріи переходъ въ наступленіе съ цѣлью занятія Кобулетъ и поэтому вновь вошелъ въ переговоры съ адмираломъ Серебряковымъ относительно плана совмѣстныхъ дѣйствій противъ Чурукъ-су. Но предварительно надо было выждать прибытія обѣщанныхъ подкрѣпленій, такъ какъ силы Гурійскаго отряда были недостаточны для атаки хорошо укрѣпленныхъ позицій турокъ, въ особенности при томъ условіи, что адмиралъ Серебряковъ могъ содѣйствовать операціи лишь огнемъ артиллеріи своей эскадры, не имѣя возможности для производства десанта удалять войска съ береговой линіи [2]).

Вообще адмиралъ Серебряковъ на наступленіе къ Чурукъ-су смотрѣлъ съ нѣсколько иной точки зрѣнія, чѣмъ князь Гагаринъ. Онъ полагалъ, что движеніе къ этому пункту въ соединенныхъ силахъ можетъ имѣть весьма серьезныя послѣдствія, но для этого необходимы быстрота, рѣшительность и достаточныя силы. При такихъ условіяхъ турки, занимавшіе постъ св. Николая, не поспѣли бы на помощь къ Чурукъ-су, а занятіе нами этого пункта повлекло бы и немедленное паденіе поста св. Николая. Неудачная же атака нами Чурукъ-су могла бы повлечь за собой очень вредныя для насъ послѣдствія: совершенный упадокъ духа въ милиціи, большія потери при отступленіи и наступленіе турокъ изъ поста св. Николая на Озургеты, въ тылъ нашему отряду. Адмиралъ Серебряковъ предупреждалъ князя Гагарина, что задуманную операцію противъ Чурукъ-су надо базировать исключительно на сухопутныя войска, не надѣясь на внушительную помощь со стороны флота. Эскадра, крейсеровавшая у восточныхъ береговъ Чернаго моря, при незначительномъ своемъ размѣрѣ имѣла задачей охранять все побережье, и, удаляясь на югъ, она открывала доступъ непріятелю къ важнымъ для насъ сѣвернымъ пунктамъ побережья. Кромѣ того, помощь флота находилась въ большой

---

[1]) Рапортъ адм. Серебрякова 21 декабря 1853 г., № 194. Тамъ же.

[2]) Адм. Серебряковъ—кн. Гагарину 17 ноября 1853 г., № 351. Арх. шт. Кавк. воен. окр.

зависимости отъ погоды, и, наконецъ, адмиралъ полагалъ, что въ борьбѣ съ береговыми батареями суда всегда находятся въ болѣе невыгодномъ положеніи, а потому и примѣнять ихъ для этой цѣли надо съ большой осторожностью.

Обѣщая, впрочемъ, возможное съ своей стороны содѣйствіе, адмиралъ Серебряковъ держался иного, чѣмъ князь Гагаринъ, мнѣнія о предполагаемыхъ дѣйствіяхъ и силахъ турокъ. Онъ считалъ, что доставленныя свѣдѣнія о силѣ Батумскаго корпуса очень преувеличены, и останавливался на трехъ возможныхъ предположеніяхъ о силахъ и намѣреніяхъ непріятеля. Судя о большой заботливости по укрѣпленію непріятелемъ своихъ позицій, Серебряковъ считалъ возможнымъ, что силы турокъ были слабѣе нашихъ, и тогда Селимъ-паша могъ бы напасть на насъ при удобномъ случаѣ, какъ, напримѣръ, при раздробленіи нашихъ силъ. Второе предположеніе состояло въ намѣреніи непріятеля подаваться впередъ вдоль берега, подъ защитой и при содѣйствіи флота, чтобы утвердиться въ Поти и потомъ двигаться къ слѣдующимъ береговымъ пунктамъ, укрѣплять ихъ и обезпечивать себѣ тылъ порчей береговой дороги. Возможно также, что турки выжидали, оставаясь на занимаемыхъ ими позиціяхъ, нашего наступленія на Чурукъ-су, чтобы ударить отъ поста св. Николая на нашъ правый флангъ и тылъ.

Генералъ-маіоръ князь Гагаринъ.

Адмиралъ Серебряковъ считалъ наиболѣе вѣроятнымъ второй способъ дѣйствій, т.-е. наступленіе вдоль береговой дороги, а поэтому полагалъ необходимымъ сильно укрѣпить Поти, такъ какъ паденіе этого пункта повлекло бы за собой паденіе Редутъ-Кале, возстаніе Абхазіи и присоединеніе къ туркамъ горцевъ Магометъ-Аминя. При такихъ условіяхъ тылъ Гурійскаго отряда оказался бы въ рукахъ противника, и его положеніе могло стать критическимъ.

Князь Гагаринъ принималъ, въ ожиданіи подкрѣпленій, мѣры къ обезпеченію своего отряда продовольствіемъ на зимній періодъ. Къ 1 нобяря въ магазинахъ Гуріи и Имеретіи состояло

всего 8400 четвертей муки, 511 четвертей крупъ, 2145 четвертей сухарей, что составляло лишь четырехмѣсячную пропорцію, а между тѣмъ мѣстные запасы были сильно истощены прохожденіемъ черезъ Гурію 13-й пѣхотной дивизіи. Это обстоятельство сильно тревожило начальника отряда, который просилъ независимо отъ предназначенныхъ ему изъ Сухума 3500 четв. муки доставить ему столько же изъ внутреннихъ магазиновъ края. Не хватало въ отрядѣ также перевозочныхъ средствъ, которыя могли поднять только треть мѣсячнаго довольствія, и князь Гагаринъ просилъ о доставленіи ему добавочнаго транспорта.

Для Гурійскаго отряда ноябрь мѣсяцъ былъ самымъ критическимъ, но побѣды князя Андронникова и князя Бебутова облегчили его положеніе [1]). Онѣ не только отразились самымъ неблагопріятнымъ образомъ на моральномъ состояніи корпуса Селимапаши, но и дали возможность подкрѣпить отрядъ $3^1/_4$ баталіонами и 3 сотнями [2]). Кромѣ того, два баталіона Бѣлостокскаго полка, входившіе въ составъ Ахалцыхскаго отряда, должны были расположиться въ Ацхурѣ, откуда они могли поддерживать и Гурійскій отрядъ. Наконецъ, Синопскій бой уменьшалъ опасеніе за Гурію и за все побережье наше со стороны моря.

Эти благопріятныя обстоятельства воскресили надежды князя Гагарина на переходъ въ наступленіе. Желаніе отряда и въ особенности пылкой милиціи, тяготившейся продолжительнымъ бездѣйствіемъ, раздѣлить лавры своихъ болѣе счастливыхъ товарищей вполнѣ понятно. Князь Гагаринъ во всѣхъ своихъ письмахъ къ князю Воронцову просилъ разрѣшенія перейти границу съ цѣлью оттѣснить турокъ изъ Чурукъ-су и, такимъ образомъ, обезпечить зимнее расположеніе своего отряда [3]).

Дѣйствительно, казалось бы, что и Гурійскому отряду возможно было теперь приступить къ болѣе энергичнымъ дѣйствіямъ. Князь Меншиковъ, который раньше высказывался за невозможность наступленія со стороны Гуріи [4]), сталъ послѣ Ахалцыхскаго и Башъ-Кадыкларскаго сраженій упрекать князя Гагарина въ бездѣйствіи и „въ недостаткѣ священнаго огня и способностей,

---

[1]) Кн. Воронцовъ — кн. Долгорукову 24 ноября 1853 г. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 6562.

[2]) 2 батал. Брестскаго п., 3 батал. ег. кн. Воронцова п., рота 3 рез. сап. батал. и 3 с. донск. каз. № 2 п.

[3]) Кн. Гагаринъ — кн. Воронцову 30 ноября 1853 г., № 2414. Арх. шт. Кавк. воен. окр.

[4]) Кн. Меншиковъ — кн. Долгорукову 29 октября 1853 г. Арх. Канц. Воен. Мин., по сн. в. 1853 г., секр. д. № 72.

„необходимыхъ для войны“ [1]). Но иначе смотрѣлъ на это дѣло князь Воронцовъ [2]), который считалъ наступательныя дѣйствія съ Гурійской линіи въ то время не только напрасными, но и могущими имѣть дурныя послѣдствія.

Своей главной заботой съ самаго начала открытія военныхъ дѣйствій князь Воронцовъ считалъ защиту всего края. Къ концу ноября опасное положеніе оставалось только въ Гуріи, почему намѣстникъ и отправилъ туда подкрѣпленіе, имѣя исключительной цѣлью обезпечить себя на этомъ флангѣ и образовать резервы въ Поти и Редутъ-Кале на случай высадки турокъ въ то время, когда бурная погода не позволила бы нашему флоту прійти на помощь изъ Сухума. Князь Воронцовъ ни коимъ образомъ не желалъ рисковать нападеніемъ на приморскіе пункты, защищенные сильными отрядами, и которые мы не можемъ удержать за собой, въ виду близкаго сосѣдства Батума. Онъ полагалъ возможнымъ взять безъ особаго труда обратно постъ св. Николая, но считалъ не въ силахъ удержать его въ своихъ рукахъ безъ постоянной помощи съ моря и безъ занятія Чурукъ-су. Гурійскій отрядъ, по словамъ намѣстника, находился въ очень сильномъ оборонительномъ положеніи, составляя резервъ для Абхазіи. При удаленіи же этого отряда во внутрь непріятельской страны турки могли угрожать Абхазіи съ моря, а Магометъ-Аминь съ сухого пути, и, слѣдовательно, могъ возгорѣться опасный для насъ вопросъ о Черноморской береговой линіи. Князь Воронцовъ полагалъ, что занятіе поста св. Николая и Чурукъ-су было бы полезно лишь въ томъ случаѣ, если бы рѣшено было занять и Батумъ, для чего потребовалось бы участіе и значительной части Черноморскаго флота. Но вопросъ объ атакѣ Батума не входилъ въ сферу самостоятельныхъ рѣшеній намѣстника.

Императоръ Николай, котораго побѣды подъ Ахалцыхомъ и Башъ-Кадыкларомъ заставили еще болѣе, чѣмъ прежде, желать перехода Кавказской арміи въ наступленіе, согласился съ доводами князя Воронцова, и наступленіе Гурійскаго отряда не состоялось.

11 декабря адмиралъ Серебряковъ, не зная еще о послѣдовавшемъ запрещеніи князя Воронцова атаковать Чурукъ-су,

---

[1]) Кн. Меншиковъ — кн. Воронцову 29 ноября 1853 г. Арх. шт. Кавк. воен. окр.

[2]) Кн. Воронцовъ — кн. Долгорукову 24 декабря 1853 г.; № 620; кн. Долгоруковъ — кн. Воронцову 5 января 1854 г. Арх. Канц. Воен. Мин., 1853 г., секр. д. № 73. Кн. Воронцовъ — кн. Меншикову 10 декабря 1853 г. Арх. шт. Кавк. воен. окр.

прибылъ со своей эскадрой въ Сухумъ-Кале. Подъ флагомъ его находилось 5 пароходовъ и 5 фрегатовъ, такъ какъ князь Меншиковъ усилилъ въ цѣляхъ поддержки наступленія князя Гагарина эскадру Серебрякова пароходо-фрегатами „Крымъ“, „Херсонесъ“ и „Одесса“, подъ флагомъ контръ-адмирала Панфилова.

Узнавъ въ Сухумъ-Кале объ отмѣнѣ операцій Гурійскаго отряда, эскадра Серебрякова направилась для рекогносцировки Анатолійскаго побережья, имѣя цѣлью возбудить у турокъ опасеніе за Батумъ и тѣмъ удержать ихъ отъ морскихъ предпріятій къ нашимъ берегамъ [1]).

16 декабря эскадра вышла изъ Сухума и 18-го прошла отъ Николаевска до Ризо. Погода благопріятствовала паруснымъ судамъ, которыя все время держались на виду пароходовъ. Изъ Чурукъ-су турки открыли по эскадрѣ частую, но совершенно безрезультатную пальбу залпами, на которую наши суда также отвѣчали и произвели въ городѣ пожаръ. Въ Батумѣ приближеніе нашей эскадры произвело смятеніе, и войска выстроились на берегу, ожидая нападенія; въ другихъ пунктахъ, также на берегу, были видны войска и масса зрителей. Отъ Ризо пароходы адмирала Панфилова направились прямо въ Севастополь, а эскадра Серебрякова 19-го утромъ вернулась въ Сухумъ. Рекогносцировка выяснила, что вблизи Анатолійскихъ береговъ турецкаго флота не было, а имѣлось лишь по 10 кочермъ въ Батумѣ и у Чурукъ-су, а также можно было разглядѣть, что у этого послѣдняго пункта имѣлось на берегу три редута, а въ Батумѣ хорошо вооруженные редутъ и береговая батарея.

Въ Гурійскомъ отрядѣ въ теченіе декабря дѣйствія ограничивались лишь незначительными стычками, при чемъ нападеніе турецкихъ бандъ съ успѣхомъ отбивалось нашими милиціонерами [2]).

Корпусъ Селима-паши, несмотря на болѣзни и дезертирство, все же считалъ въ своихъ рядахъ свыше 9000 регулярной пѣхоты при 20 орудіяхъ и 8000 милиціонеровъ. Почти-что всѣ силы этого корпуса были сосредоточены въ раіонѣ Николаевска-Чурукъ-су съ незначительными резервами въ Батумѣ и Цихиндзирахъ. Селимъ-паша старался ободрить свои войска обѣщаніемъ поддержки англо-французскаго флота и скораго перехода въ наступленіе, но въ дѣйствительности самъ онъ готовился къ обо-

[1]) Отношеніе адм. Серебрякова 13 декабря 1853 г., № 443 и рапортъ его главнокомандующему 19 декабря, № 464. Арх. шт. Кавк. воен. окр.

[2]) Дѣло о воен. происш. 1853 г. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 3422.

ронѣ, на что указывала порча имъ только-что турками же исправленныхъ дорогъ къ нашей границѣ и укрѣпленіе всѣхъ позицій до Батума включительно.

Князь Багратіонъ-Мухранскій.

Въ такомъ оборонительномъ для обѣихъ сторонъ положеніи застало Гурійскій отрядъ извѣстіе о дѣйствительномъ появленіи союзнаго флота въ Черномъ морѣ съ цѣлью „оберегать турецкую „территорію и флагъ отъ всякаго „нападенія или враждебнаго дѣй„ствія“.

Князь Меншиковъ и послѣ этого извѣстія все еще продолжалъ настаивать на необходимости перехода Гурійскаго отряда въ наступленіе, хотя бы съ цѣлью сдѣлать „наперекоръ англичанамъ“ [1]), но князь Воронцовъ не только не помышлялъ о наступательныхъ предпріятіяхъ по берегу моря, невозможныхъ безъ содѣйствія флота, а признавалъ наше положеніе на всемъ побережьѣ Чернаго моря критическимъ. И это тѣмъ болѣе, что князь Меншиковъ настаивалъ на прибытіи въ Севастополь крейсеровавшей у восточныхъ береговъ эскадры, что лишало побережье послѣдняго средства защиты.

Объ оборонѣ кавказскаго побережья противъ соединеннаго флота, конечно, нельзя было и думать, но слѣдовало позаботиться о спасеніи многочисленныхъ гарнизоновъ береговой линіи и ихъ семействъ. Если укрѣпленія сѣверной части побережья могли надѣяться на отступленіе къ Новороссійску, а южной—на Гурійскій отрядъ, то въ совершенно иномъ положеніи находились укрѣпленія средней его части. Гарнизоны ихъ, атакованные съ моря, къ которому они съ другой стороны были бы прижаты горцами, и безъ пути отступленія, неминуемо должны были погибнуть. Единственно, что оставалось, это очистить все побережье отъ мелкихъ гарнизоновъ, срывъ предварительно укрѣпленія и испортивъ орудія, но и этой операціи нельзя было сдѣлать безъ флота.

---

[1]) Кн. Меншиковъ—кн. Воронцову 25 декабря 1853 г. Арх. шт. Кавк. воен. окр.

По мнѣнію адмирала Серебрякова, необходимо было начать съ эвакуаціи укрѣпленій Новотроицкаго, Тенгинскаго, Вельяминовскаго, Лазаревскаго, Головинскаго, Навагинскаго и Св. Духа, изъ которыхъ послѣднія пять, хотя и каменной постройки, но не могли выдержать огня артиллеріи. Геленджискъ имѣлъ путь отступленія лишь въ случаѣ удержанія нами Новороссійска, но и то по береговой дорогѣ, обстрѣливаемой съ моря; переходъ же слабаго (2 баталіона) гарнизона этого укрѣпленія черезъ горы прямо въ Черноморье являлся невозможнымъ. Тѣмъ не менѣе Геленджискъ желательно было сохранить, чтобы не дать непріятельскому флоту базироваться въ немъ для дѣйствій противъ Новороссійска и Крыма. Въ свою очередь въ отношеніи защиты послѣдняго необходимо было сохранить Новороссійскъ, что не представляло затрудненій, такъ какъ онъ имѣлъ путь отступленія на Анапу.

Что касается до фортовъ отъ Абхазіи и къ югу, то вопросъ объ очищеніи ихъ находился въ зависимости отъ того положенія, которое приметъ въ отношеніи насъ мѣстное населеніе. Но такъ какъ на вѣрность Абхазіи разсчитывать, въ случаѣ вторженія турокъ и ихъ союзниковъ, было нельзя, то приходилось отказаться отъ сохраненія и этихъ фортовъ. Мѣра эта являлась для насъ крайне невыгодной, такъ какъ безъ сопротивленія отдавала во власть союзниковъ всю Абхазію и открывала имъ связь съ горцами. Особенно въ этомъ отношеніи чувствительнымъ для насъ являлось бы очищеніе укрѣпленія Гагры, которое закрывало дефиле съ единственнымъ удобнымъ путемъ изъ Абхазіи въ горы, но и Гагры были слишкомъ слабы для борьбы противъ флота, а удержаніе ихъ могло лишь отдалить, но не предотвратить потерю Абхазіи.

Наиболѣе важнымъ пунктомъ этой части побережья являлся Сухумъ, такъ какъ потеря его давала бы хорошую бухту для зимовки непріятельскаго флота. Между тѣмъ Сухумъ былъ очень слабо защищенъ. Въ старой, турецкой постройки, крѣпостцѣ два бастіона со стороны моря обвалились и надъ ихъ брешами были построены деревянные срубы для прикрытія орудій; городъ же и гора, занимаемая гарнизономъ, не были ничѣмъ защищены съ суши. Бухта оборонялась лишь 12-ю орудіями малаго калибра, поставленными въ крѣпости и на земляныхъ батареяхъ въ устьѣ р. Беслети. Единственнымъ средствомъ для удержанія Сухума могъ бы служить лишь достаточно сильный гарнизонъ, для чего

и могли быть обращены гарнизоны очищенныхъ укрѣпленій береговой линіи.

Въ томъ случаѣ, если бы снятіе фортовъ было рѣшено, адмиралъ Серебряковъ считалъ необходимымъ приступить къ нему не поодиночкѣ, а по нѣсколько фортовъ сразу, чтобы не дать горцамъ времени приготовиться къ нападенію, а также не откладывать этой операціи, которой, въ случаѣ разрыва съ западными державами, могли помѣшать ихъ флоты [1]).

Мнѣніе адмирала Серебрякова раздѣлялось и княземъ Меншиковымъ, который, однако, признавалъ труднымъ удержать Сухумъ и, вмѣсто него, указывалъ на Редутъ-Кале или Поти, какъ на базу и пунктъ сосредоточенія подвижного резерва [2]).

Князь Воронцовъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ разрѣшенія Государя для приведенія въ исполненіе такой крайней мѣры, а пока не рѣшался отпустить въ Севастополь крейсерующую эскадру, которая ему необходима была для этой цѣли.

Зима 1853—1854 годовъ прошла спокойно для войскъ Кавказскаго корпуса. Турецкіе отряды, оттѣсненные отъ границы, не рѣшались уже тревожить ее своими нападеніями, а устрашенное нашими побѣдами пограничное населеніе искало дружбы съ нами. И только на Кавказской линіи продолжались начатыя еще осенью дѣйствія противъ горцевъ.

На правомъ флангѣ въ Тенгинскомъ былъ собранъ 20 октября отрядъ въ составѣ 3 сборныхъ баталіоновъ, 20 сотенъ, 12 пѣшихъ и 6 конныхъ орудій, общей силою около 7000 человѣкъ, который долженъ былъ отвлекать горцевъ, находившихся между рѣками Лабой и Бѣлой, отъ содѣйствія шапсугамъ противъ войскъ Черноморья. 21 октября отрядъ этотъ перешелъ въ Бѣлорѣченское, гдѣ усилился еще однимъ баталіономъ, и, переночевавъ 22 числа на р. Пшишъ, на слѣдующій день двинулся вверхъ по рѣкѣ [3]). Въ 12 верстахъ войска наши обнаружили завалы, сильно занятые горцами и укрѣпленные земляным банкетомъ и рвомъ. Артиллерійскій огонь вынудилъ горцевъ отступить, и отрядъ продолжалъ движеніе къ лѣсистой балкѣ Аджой.

---

[1]) Кн. Воронцовъ—кн. Долгорукову 20 ноября 1853 г. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 6562. Кн. Воронцовъ—кн. Меншикову 13 и 23 февраля 1854 г.; кн. Меншиковъ—кн. Воронцову 15 января 1854 г. Арх. шт. Кавк. воен. окр.

[2]) Кн. Меншиковъ—кн. Воронцову 8 ноября 1853 г. Арх. Канц. Воен. Мин., 1853 г., секр. д. № 72.

[3]) Рапортъ ген.-л. Козловскаго 6 ноября 1853 г., № 4241. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 11.

Балка эта, занятая горцами, была атакована главными силами съ фронта и 6-ю сотнями съ лѣваго фланга, послѣ чего находившійся тамъ аулъ Хуаджи-Хобль былъ нами взятъ. Тогда началось обратное движеніе отряда подъ напоромъ горцевъ, при чемъ потери наши простирались до 80 человѣкъ.

27 октября былъ предпринятъ новый поискъ вверхъ по Бѣлой, послѣ чего отрядъ разбился на мелкія партіи, въ 3-4 роты каждая, для рубки просѣки между Большой и Малой Лабой.

Со стороны Владикавказскаго округа болѣе значительныя дѣйствія были предприняты въ декабрѣ, съ цѣлью обезпеченія Военно-Грузинской дороги очищеніемъ ущелій Нетхая и Шалаши отъ непокорныхъ горцевъ, главными гнѣздами которыхъ являлись аулы Азъ-ерзау и Соль-ерзау въ 8-12 верстахъ отъ Бумутскаго укрѣпленія [1]). Съ покореніемъ ихъ явилась возможность заселить мирными жителями долины рѣкъ Прутона и Фортанчи. Наши наступательныя дѣйствія здѣсь были важны и въ томъ отношеніи, что давали возможность показать горцамъ, что война съ Турціей не ослабила насъ на линіи.

9 декабря къ укрѣпленію Бумутскому былъ въ полной тайнѣ собранъ отрядъ, предназначенный для дѣйствія [2]). Въ полночь выступилъ авангардъ, въ составѣ 9 ротъ, 2 конныхъ орудій, $5^1/_2$ сотенъ, 60 милиціонеровъ и стрѣлковой и ракетной командъ. Дорога пролегала по гребню среди лѣса. Въ шестомъ часу утра отрядъ былъ встрѣченъ выстрѣлами у спуска къ аулу Азъ-ерзау. Спѣшенные казаки выбили горцевъ изъ перваго хутора, населеніе бѣжало, и аулъ былъ уничтоженъ. Вечеромъ 10 числа къ авангарду прибыли главныя силы, и въ Азъ-ерзау собрался весь отрядъ, въ составѣ $4^1/_2$ баталіоновъ, 4 орудій и $6^1/_2$ сотенъ. 11 декабря началось обратное движеніе. Исполнить его по прежнему пути было трудно, поэтому рѣшили итти на Соль-ерзау, тѣмъ болѣе, что жители этого аула были склонны вступить съ нами въ переговоры.

За часъ до разсвѣта выступила передовая колонна, силою въ 6 ротъ, 1 горный единорогъ и 1 сотня. Ближайшая высота была уже занята горцами, но двѣ роты Навагинскаго полка молодецки выбили штыками непріятеля и очистили дорогу. Въ 8 часовъ утра выступили и остальныя силы, имѣя въ аріергардѣ два

---

[1]) См. схему № 26, стр. 495.

[2]) Рапортъ нач. Владикавк. воен. окр. 30 декабря 1853 г., № 2718. Арх. Воен. Уч. ком., отд. 2, д. № 12.

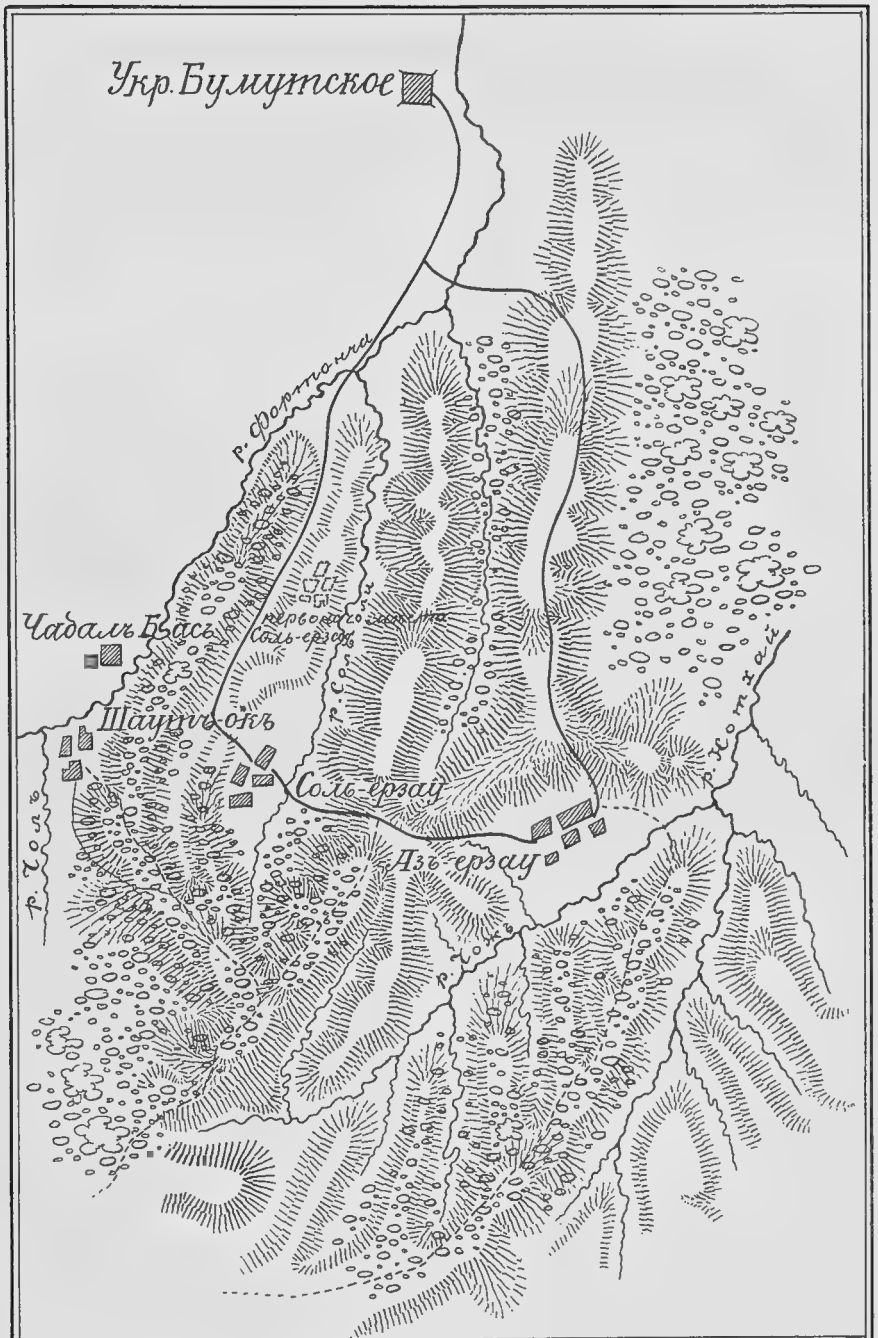


Схема №26.

движенія отряда къ непокорнымъ адлалами Азерзе и Солерзе подъ начальствомъ ген. маіора Бар. Вревскаго съ 9 по 12 декабря 1853 года.

баталіона, одно орудіе и ракетную команду. На переправѣ черезъ рѣку войска наши снова были встрѣчены сильнымъ огнемъ, но и здѣсь горцы были выбиты, и аулъ Соль-ерзау занятъ нами. Къ вечеру туда подошелъ и аріергардъ, все время преслѣдуемый огнемъ горцевъ. 12 декабря отрядъ вернулся въ Бумутъ, сдѣлавъ за всю экспедицію 20 верстъ и потерявъ 50 человѣкъ. Результатомъ этого похода явилась покорность обоихъ ауловъ. До 23 декабря войска занимались рубкой просѣкъ, послѣ чего были распущены на зимнія квартиры.

На лѣвомъ флангѣ въ началѣ декабря было получено извѣстіе о сборѣ наибовъ въ Веденѣ для совѣщанія съ Шамилемъ и о намѣреніи чеченцевъ перейти къ наступательнымъ дѣйствіямъ. Это указывало, что до горцевъ дошли извѣстія объ ослабленіи нашихъ силъ на линіи, и что въ нихъ воскресла надежда на успѣхъ. Тогда съ нашей стороны рѣшено было перейти въ наступленіе вверхъ по рѣкѣ Аргуну отрядами Аргунскимъ, Грозненскимъ, Воздвиженскимъ и Горячеводскимъ. Въ нѣсколькихъ стычкахъ чеченцы понесли полное пораженіе и разбѣжались въ паникѣ, съ потерей 300 человѣкъ убитыми и ранеными [1]).

Это небольшое дѣло имѣло, однако, значеніе угрозы Шамилю, и, благодаря ему, дѣйствительно, спокойствіе здѣсь въ теченіе зимы не нарушалось.

---

[1]) Письмо кн. Воронцова А. П. Ермолову 24 декабря 1853 г. Русск. Арх., 1890, кн. 1.

Глава X.

I.

Сближеніе между Франціей и Великобританіей дѣлалось, по мѣрѣ обостренія нашихъ отношеній съ Портой, все болѣе и болѣе тѣснымъ. Уже въ маѣ 1853 года французскій посолъ въ Лондонѣ графъ Валевскій сообщалъ своему правительству, что поведеніе двухъ западныхъ державъ въ наступающемъ кризисѣ будетъ въ полной мѣрѣ одинаково; онѣ пойдутъ въ ногу (marcheront du même pas) къ достиженію поставленной цѣли, и поэтому графъ Валевскій указывалъ на необходимость раздѣлить внушаемую Лондону лордомъ Редклифомъ точку зрѣнія, которая безусловно отрицала допустимость какихъ бы то ни было непосредственныхъ соглашеній Оттоманской Порты съ Россіей [1]). Впрочемъ, великобританское правительство въ то время еще колебалось принять совѣтъ своего посла въ Константинополѣ и не теряло надежды на возможность добиться согласія нашего кабинета на пріемъ измѣненнаго въ духѣ турецкихъ пожеланій проекта конвенціи или ноты [2]).

Взглядъ французскаго кабинета также еще нѣсколько отличался отъ мнѣнія графа Валевскаго. Друэнъ-де-Люисъ въ разговорѣ съ Киселевымъ [3]) заявилъ нашему послу, что Франція вовсе не намѣрена дѣятельно вмѣшиваться въ русско-турецкую распрю до тѣхъ поръ, пока ее къ этому не обязываетъ трактатъ 1841 года въ отношеніи независимости и цѣлости Оттоманской Имперіи. Но Киселевъ вынесъ впечатлѣніе, что, хотя вступленіе нашихъ войскъ

---

[1]) Депеша гр. Валевскаго отъ 28 мая 1853 г.—Thouvenel: „Nicolas I et Napoléon III", p. 163.
[2]) Тамъ же.
[3]) Шифр. депеша Киселева канцлеру 1 (13) іюня 1853 г., № 72. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, карт. Paris, 1853.

въ Княжества и не будетъ разсматриваться, какъ *casus belli,* но тѣмъ не менѣе этотъ фактъ, давая намъ извѣстное удовлетвореніе, открываетъ путь къ заключенію общеевропейскаго договора объ обезпеченіи правъ турецкихъ христіанъ.

Въ дѣйствительности, какъ мы видимъ, взгляды французскаго правительства мало отличались отъ цѣли лорда Редклифа, который шелъ къ достиженію ея лишь болѣе рѣшительными шагами. И эта взлелѣянная великобританскимъ посломъ на берегахъ Босфора идея о замѣнѣ русскаго вліянія въ отношеніи протектората надъ православными подданными султана общеевропейскимъ стала краеугольнымъ камнемъ политики двухъ союзныхъ западныхъ державъ, а затѣмъ и близко заинтересованной въ дѣлахъ Балканскаго полуострова Австріи. Послѣ этого никакія увѣренія нашей дипломатіи въ отсутствіи желанія завоеваній, никакія разъясненія умѣренности нашихъ требованій и логическаго ихъ согласованія съ прежними договорами не могли, очевидно, оказать предполагаемаго впечатлѣнія на умы французскихъ и англійскихъ государственныхъ людей.

Послѣ отказа Порты въ принятіи вѣнской ноты вопросъ опредѣлялся все съ большей ясностью. Впрочемъ, въ Лондонѣ и въ Парижѣ полагали еще, что цѣли возможно достигнуть безъ вооруженнаго столкновенія. Хотя уже и послѣдовало объявленіе войны Турціей, но предполагалось, что въ теченіе наступившей осени, а потомъ и зимы, военныя дѣйствія не получатъ крупнаго развитія, и нашъ кабинетъ пойдетъ на дальнѣйшія уступки. Но вмѣстѣ съ этимъ въ военныхъ портахъ Франціи дѣлались на всякій случай приготовленія къ транспорту на востокъ войскъ для предполагаемой защиты Константинополя. Киселевъ доносилъ также, что польскіе эмигранты и французскіе офицеры вступаютъ въ турецкую военную службу. Однако, онъ еще не замѣтилъ мобилизаціи сухопутныхъ силъ, и вообще казалось, что вопросъ о вмѣшательствѣ Франціи въ войну представлялся неопредѣленнымъ [1]).

Тѣмъ не менѣе тяготѣніе западныхъ державъ къ подчиненію взаимныхъ отношеній Россіи и Турціи общему европейскому конгрессу проглядывало все яснѣе. Графъ Морни, братъ Наполеона по матери и ближайшій къ нему сановникъ, намекнулъ въ разговорѣ съ Киселевымъ, что лучшимъ исходомъ изъ кризиса былъ бы

---

[1]) Киселевъ — канцлеру 30 сентября (12 октября) 1853 г., № 114. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, карт. Paris, 1853.

un petit congrès, который могъ бы найти удовлетворяющее всѣхъ рѣшеніе [1]). Одновременно Друэнъ-де-Люисъ, не стѣсняясь, заявилъ прусскому представителю въ Парижѣ графу Гатцфельду, что англо-французскій флотъ войдетъ въ Черное море, что турецкій флотъ будетъ перевозить оружіе на Кавказъ, гдѣ вспыхнетъ противъ насъ возстаніе, что въ будущемъ возможно созданіе англичанами на берегахъ Чернаго моря какого-нибудь новаго Гибралтара и т. д. [2]).

Понятно, что при такихъ условіяхъ на Императора Николая долженъ былъ произвести тягостное впечатлѣніе случай съ фран-

Князь Я. И. Чавчавадзе и князь И. К. Багратіонъ-Мухранскій.

цузскимъ генераломъ Гюйономъ. Государь, встрѣтивъ его на австрійскихъ маневрахъ въ Ольмюцѣ, пригласилъ французскаго представителя посѣтить и маневры въ Варшавѣ. На запросъ по этому поводу генерала Гюйона своему правительству онъ получилъ приказаніе немедленно вернуться во Францію. Хотя Друэнъ-де-Люисъ и объяснялъ происшедшій инцидентъ недоразумѣніемъ, но этимъ не удалось сгладить произведеннаго имъ тяжелаго впечатлѣнія [3]). Впрочемъ, въ настоящее время извѣстно, что французское правительство дѣйствовало тогда вполнѣ сознательно; оно упрекало генерала Гюйона въ томъ, что онъ поддался

---

[1]) Киселевъ — канцлеру 5 (17) октября 1853 г., № 118. Тамъ же.
[2]) Будбергъ—канцлеру 9 (21) октября 1853 г., № 87. Берлинъ. Тамъ же, карт. Berlin, 1853.
[3]) Киселевъ — канцлеру 8 (20) октября 1853 г., № 119. Тамъ же, карт. Paris, 1853.

„enguirlandements“ Императора Николая, и отозвало генерала изъ опасенія дурнаго впечатлѣнія въ Лондонѣ и въ Константинополѣ [1]).

Вѣроятно, по причинѣ вызванныхъ инцидентомъ Гюйона осложненій и не было отправлено по назначенію письмо, написанное Государемъ Императору Наполеону. Сохранившійся проектъ этого письма [2]) свидѣтельствуетъ о томъ, что Государь не приписывалъ Императору французовъ тѣхъ враждебныхъ чувствъ къ Россіи, которыя, по его мнѣнію, одушевляли англійскій кабинетъ. Императоръ Николай упрекалъ великобританское правительство въ дерзко обращенномъ къ намъ заявленіи о входѣ англійскаго флота въ Черное море для защиты турецкихъ береговъ отъ нашего нападенія въ то время, когда туркамъ предоставлялось по праву войны нападать на наши береговыя сооруженія. Такого заявленія со стороны тюйлерійскаго кабинета не послѣдовало, и потому Императоръ Николай нѣкоторое время считалъ возможнымъ откровенно объясниться съ Наполеономъ III.

И, дѣйствительно, Киселевъ доносилъ въ Петербургъ, что Императоръ французовъ продолжалъ надѣяться избѣжать войны, и что никакія особыя мѣры военнаго характера во Франціи не принимаются; идея же европейскаго конгресса облекается въ Парижѣ все болѣе и болѣе въ реальную форму (prend ici de la consistance). Тамъ для успѣха дѣла считалось важнымъ добиться бездѣйствія нашего флота, такъ какъ активное его выступленіе могло вызвать вмѣшательство союзныхъ флотовъ и участіе западныхъ державъ въ войнѣ [3]). Парижскій кабинетъ объявилъ въ Moniteur'ѣ [4]), что переходъ союзныхъ флотовъ черезъ проливы слѣдуетъ разсматривать, какъ мѣру заботливости о равновѣсіи въ Европѣ, являющемся залогомъ мира; онъ считалъ возможнымъ не придавать этой мѣрѣ вызывающаго по отношенію къ Россіи характера и усматривать въ ней лишь средство къ ускоренію возстановленія мира на Востокѣ. Такое настроеніе Императора Наполеона, повидимому, повліяло въ нѣкоторой степени и на англійскій кабинетъ. Великобританскій посолъ въ Парижѣ лордъ Ковлей говорилъ Киселеву, что обѣ морскія державы желаютъ

---

[1]) Тувенель — Кастельбажаку 1 (13) октября 1853 г. Thouvenel: „Nicolas I et Napoléon III“, p. 232.

[2]) Приложеніе № 77.

[3]) Шифр. деп. Киселева канцлеру 19 (31) октября 1853 г., № 127. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, карт. Paris, 1853.

[4]) Moniteur, 26 octobre 1853, № 300.

мира, и что было бы очень хорошо достигнуть соглашенія до февраля, т.-е. ранѣе, чѣмъ будетъ созванъ англійскій парламентъ, увлеченіямъ котораго правительство не будетъ въ состояніи противодѣйствовать [1]).

Друэнъ-де-Люисъ съ своей стороны старался повліять на нашего посла въ Парижѣ. Онъ продолжалъ намекать на созывъ конгресса, какъ на единственный выходъ изъ создавшихся затрудненій, и высказывалъ твердое убѣжденіе, что всѣ державы настроены противъ насъ, и что мы не можемъ разсчитывать ни на Австрію, ни на Пруссію [2]). Быть можетъ, французскій министръ, говоря объ этомъ, имѣлъ въ виду слова циркулярной депеши графа Нессельроде отъ 19 октября [3]), въ которой, на ряду съ заявленіями нашего кабинета о томъ, что занятіе Княжествъ и даже формальное объявленіе намъ Турціей войны не измѣняютъ мирнаго настроенія Императора Николая, подчеркивались тѣсная (intime) дружба и союзъ съ Императоромъ Францомъ-Іосифомъ. Будущее показало, что Друэнъ-де-Люисъ былъ правъ, но у насъ въ то время еще совершенно не считались съ возможностью поддержки Австріей западныхъ державъ, несмотря на довольно прозрачныя заявленія графа Буоля барону Мейендорфу, о которыхъ упоминалось выше.

Донесенія французскаго посла въ Петербургѣ генерала Кастельбажака отличались оптимизмомъ. Благоволеніе, которымъ удостаивалъ Государь представителя Наполеона, и прямой характеръ генерала были причиной этого оптимизма. Въ началѣ октября Кастельбажакъ писалъ директору канцеляріи французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ Тувенелю: „Настроеніе Императора „Всероссійскаго можетъ быть, какъ мнѣ кажется, опредѣлено „такъ: искреннее желаніе мира, твердое намѣреніе дать рѣши„тельный отпоръ туркамъ, но при этомъ не только самому не ата„ковать ихъ, но и не переходить ни границъ Имперіи въ Азіи, „ни линіи Дуная“ [4]).

Надежда на мирный исходъ еще не была оставлена. По полученіи извѣстій о первыхъ столкновеніяхъ на Дунаѣ, предполагали, что будетъ достаточно одной нашей блестящей побѣды, которая удовлетворила бы оскорбленныя чувства Императора Николая,

---

[1]) Киселевъ — канцлеру 27 октября (8 ноября) 1853 г., № 129. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, карт. Paris, 1853.

[2]) Киселевъ — канцлеру 30 октября (11 ноября) 1853 г., № 131. Тамъ же.

[3]) См. Приложеніе № 78.

[4]) Thouvenel: „Nicolas I et Napoléon III“, p. 241.

для того, чтобы нашъ кабинетъ нашелъ возможнымъ отказаться отъ первоначальныхъ своихъ требованій, и чтобы разрѣшилъ совмѣстно съ другими державами возникшій кризисъ мирнымъ путемъ [1]). Впрочемъ, общественное мнѣніе не раздѣляло уже надеждъ правительства, и Киселевъ все чаще и чаще указывалъ въ своихъ депешахъ на воинственное настроеніе французской прессы.

Было нѣчто фатальное во взаимномъ непониманіи Россіи и Европы, ведущемъ къ вооруженному столкновенію, несмотря на миролюбіе обѣихъ сторонъ. Къ этому же періоду относится и письмо извѣстнаго французскаго государственнаго дѣятеля и историка Гизо къ неизвѣстному русскому, найденное нами переписаннымъ, повидимому, рукой Императора Александра Николаевича въ Собственной Его Величества библіотекѣ. Письмо написано 3 ноября 1853 г. изъ Val Richer и настолько выпукло отражаетъ современную западно-европейскую точку зрѣнія на ходъ событій, что мы его приводимъ цѣликомъ [2]).

„Я рѣшаюсь вѣрить", писалъ Гизо, „что вашъ Государь не „желаетъ войны, а, слѣдовательно, что онъ воспользуется пер„вымъ представившимся случаемъ, чтобы сойти съ пути, который „ведетъ къ общей революціонной войнѣ и къ европейскому хаосу. „Если бы вы твердо рѣшились, несмотря на эти послѣдствія, „довести дѣло до конца и опрокинуть Оттоманскую Имперію, „чтобы захватить львиную долю, то я понялъ бы упорство и „не нашелъ бы, что сказать, кромѣ того, что для такого удара „выбранъ неподходящій моментъ. Но я убѣжденъ, что вы не „желаете нанести этотъ ударъ, и потому мнѣ не понятно, почему „вы не торопитесь покончить съ настоящимъ положеніемъ. Отъ „этого вы можете только потерять. Вы уже кое-что потеряли. „Вы потеряли вашъ характеръ всеобщаго миротворца и верховнаго „охранителя европейскаго порядка, вы вызвали недовѣріе другихъ „державъ, вы отдѣлились отъ Англіи, вы ее толкнули въ союзъ „съ Франціей, вы поставили вашего вѣрнѣйшаго союзника Австрію „въ самое опасное положеніе. Вы сдѣлали еще нѣчто большее: „вы дали случай Турціи войти въ разрядъ защищаемыхъ европей„скимъ международнымъ правомъ державъ.

---

[1]) Киселевъ — канцлеру 31 октября (12 ноября) 1853 г., № 132. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, карт. Paris, 1853.

[2]) Собственная Его Величества библіотека, шк. 115, портф. 14.

„Допустите, что во мнѣ го-
„воритъ злопамятство, но вы
„совершили вашу крупнѣйшую
„ошибку въ 1840 году. Вы, чтобы
„изолировать и ослабить прави-
„тельство короля Луи-Филиппа,
„оставили вашу традиціонную по-
„литику сноситься съ Турціей не-
„посредственно, безъ соглашенія
„съ другими. Вы сами завели дѣло
„въ Лондонѣ и трактатомъ 15 іюля
„1840 года вы его сдѣлали об-
„щимъ дѣломъ Европы. Въ слѣ-
„дующемъ году вы принуждены
„были сдѣлать еще шагъ по этому
„пути, и съ вашего согласія кон-
„венція о проливахъ 13 іюля
„1841 года подтвердила вмѣша-
„тельство въ турецкія дѣла евро-

Князь И. Д. Орбеліани.

„пейскаго концерта. Я думаю, что это не всегда вамъ удобно, и
„вы должны бы поспѣшить возобновить ваши непосредственныя
„сношенія съ Турціей (votre tête-à-tête avec la Turquie). Споръ о
„Святыхъ Мѣстахъ доставилъ вамъ нѣсколько мѣсяцевъ назадъ
„удобный къ тому случай. Послѣ маленькой неудачи вы достигли
„успѣха. Вы устроили дѣло, какъ вамъ было угодно, не поссо-
„рившись съ Франціей и при одобреніи Англіи. Почему вы на
„этомъ не остановились? Все, что сдѣлано вами послѣ, было
„неудачно. Вы имѣли видъ, какъ бы вы желали бóльшаго, чѣмъ
„говорили сами; вы не дѣлали того, что хотѣли; вы зашли
„вскорѣ далѣе, чѣмъ желали; вы соединили всю Европу про-
„тивъ васъ и толкнули Турцію въ объятія Европы. Зачѣмъ?
„Я еще разъ не понимаю. Я бы понялъ, если бы я видѣлъ въ
„васъ рѣшимость поставить крупную и послѣднюю ставку и, не-
„смотря на рискъ, захватить Константинополь. Но такъ какъ я
„ее не вижу, то продолжаю думать, что для васъ важно лишь
„достигнуть скораго окончанія положенія, которое имѣетъ троякія
„послѣдствія: оно изолируетъ васъ въ Европѣ, оно соединяетъ
„Европу противъ васъ, оно все болѣе и болѣе ставитъ Турцію
„подъ охрану европейскаго концерта. Вы можете сойти съ дур-
„наго пути, хотя и не безъ нѣкоторой временной непріятности,

„но также и безъ особо серьезнаго вреда для вашей національной „политики и для ея будущаго. Географія и естественное теченіе „дѣлъ даютъ вамъ въ турецкомъ вопросѣ силу и преимущества, „которыхъ ничто не можетъ у васъ похитить. Зачѣмъ призывать „на себя бурю, когда достаточно предоставить течь водѣ?“ [1]).

Письмо характерно и для Гизо, государственнаго дѣятеля эпохи, когда во Франціи былъ провозглашенъ лозунгъ „enrichissez-vous“, и для образа мышленія западно-европейскихъ людей того времени. Въ немъ совершенно отсутствуетъ сознаніе тѣхъ чувствъ, которыми руководствовался Императоръ Николай, и блѣдное отраженіе которыхъ мы находимъ въ циркулярахъ и нотахъ графа Нессельроде и другихъ нашихъ дипломатовъ. Поэтому сравненіе письма Гизо съ этими документами представляется весьма любопытнымъ и поучительнымъ. Они говорятъ сами за себя.

Киселевъ находился въ самомъ затруднительномъ положеніи. Онъ въ точности не зналъ намѣреній нашего кабинета и писалъ въ началѣ ноября канцлеру [2]), что общественное мнѣніе во Франціи стало послѣ опубликованія нашего манифеста предвидѣть неизбѣжность войны. Тамъ вызвали общую радость сообщаемыя иностранной печатью извѣстія о нашихъ неудачахъ на Дунаѣ [3]), и Киселевъ рѣшилъ соблюдать крайнюю сдержанность—охранять достоинство Россіи и въ то же время уклоняться отъ всякаго дѣйствія, которое могло быть истолковано, какъ вызовъ разрыва съ Франціей. Нашъ посолъ особенно подчеркивалъ необходимость такого образа дѣйствій въ виду полученнаго имъ приглашенія посѣтить лѣтнюю резиденцію Наполеона III Фонтенебло.

Изъ происходившихъ тамъ разговоровъ съ Императоромъ французовъ Киселевъ вывелъ заключеніе [4]), что въ душѣ Наполеонъ желалъ бы мирнаго исхода, лучшимъ средствомъ достиженія котораго была бы международная конференція и конгрессъ, способный зачеркнуть лежавшія въ основаніи тогдашней политической системы оскорбительныя для Франціи положенія Вѣнскаго конгресса 1815 года. Впрочемъ, самъ Наполеонъ о конгрессѣ не говорилъ. Онъ ограничился только указаніемъ на то, что ему

---

[1]) Переводъ съ французскаго. Подлинникъ см. Приложеніе № 79.

[2]) Киселевъ — канцлеру 2 (14) ноября 1853 г., № 124. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, карт. Paris, 1853.

[3]) Депеша выражается сдержаннѣе, говоря, что эти извѣстія „impressionnent les esprits „d'une manière peu favorable à notre égard“.

[4]) Киселевъ — канцлеру 17 (29) ноября 1853 г., №№ 138 и 139. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, карт. Paris, 1853.

слишкомъ часто напоминали о неравенствѣ съ другими въ семьѣ государей, и выразилъ надежду, что послѣ блестящей побѣды надъ турками, которая не должна заставить себя ждать, Императоръ Николай „окажетъ имъ великодушіе и закончитъ войну, „ничего не измѣняя въ существованіи Оттоманской Имперіи".

Не подлежитъ сомнѣнію, что сказанныя Наполеономъ слова заключали весьма ясно очерченную программу дѣйствій. Они означали, что Франція, предоставляя Россіи возможность одержать блестящую побѣду лишь, какъ почетный способъ выхода изъ осложнившагося положенія, не допуститъ никакого нарушенія status quo на Востокѣ, т.-е. удовлетворенія Портой нашихъ требованій, которыя западными державами именно и почитались за такое нарушеніе. Съ своей стороны графъ Морни продолжалъ указывать нашему послу [1]) на возможность созыва конференціи представителей шести державъ для совмѣстнаго разрѣшенія спорныхъ вопросовъ. Онъ заявилъ, что лично былъ бы на конференціи представителемъ Франціи, а лордъ Гренвиль Великобританіи, и оба они были бы настроены самымъ примирительнымъ образомъ, отнесясь съ полной справедливостью къ интересамъ Россіи.

Почти одновременно канцлеръ получилъ письмо отъ своего зятя, барона Зеебаха, который, будучи въ Парижѣ, навѣстилъ близко знакомаго ему съ 1848 года французскаго министра иностранныхъ дѣлъ Друэнъ-де-Люиса [2]). Баронъ Зеебахъ сообщалъ, что его собесѣдникъ обратился къ нему съ просьбой указать какой-либо просвѣтъ надежды (lueur d'espoir). На отвѣтъ, что это невозможно, такъ какъ для Россіи созданы затрудненія, которыхъ не могли предупредить всѣ торжественныя и примирительныя заявленія ея Государя, Друэнъ-де-Люисъ сталъ распространяться о томъ, что послѣднія предложенія, выработанныя представителями четырехъ державъ, вполнѣ пріемлемы. Затѣмъ министръ подчеркнулъ, что Франція вошла въ соглашеніе съ Англіей лишь потому, что протянутая Россіи рука была оттолкнута, что идея союза съ Россіей все-таки жива въ умѣ Наполеона, и что если въ Петербургѣ пожелаютъ съ этимъ считаться, то тюйлерійскій кабинетъ съ готовностью приметъ всякое конфиденціальное сообщеніе.

---

[1]) Шифр. деп. Киселева 29 ноября (11 декабря) 1853 г., № 149. См. Приложеніе № 80.
[2]) См. Приложеніе № 81.

На это письмо баронъ Зеебахъ получилъ отвѣтъ отъ графа Нессельроде, который былъ одобренъ Государемъ, написавшимъ на проектѣ: „Быть по сему“ [1]). Содержаніе этого документа сводилось къ заявленію, что „насъ припираютъ къ стѣнѣ (on nous „acculе) такъ, что намъ остается лишь выборъ между унизитель„нымъ миромъ и войной à outrance“. Далѣе въ письмѣ говорится о значеніи, которое Государь придаетъ дружескимъ и непосредственнымъ сношеніямъ съ Наполеономъ, напоминается о разговорѣ принца Наполеона съ княземъ Горчаковымъ [2]) и въ заключеніе указывается, въ какомъ случаѣ можетъ наступить сближеніе Россіи съ Франціей. Для этого необходимо было, чтобы Франція подала намъ надежду, что она не пойдетъ до конца по опасной тропѣ, на которую стали двѣ западныя державы, и согласится съ тѣмъ, что почетный для насъ миръ не можетъ быть заключенъ безъ подтвержденія нашихъ старыхъ трактатовъ и безъ гарантіи соблюденія правъ, которыми пользуется православная церковь въ Оттоманской Имперіи. Это общее выраженіе открывало возможность для дальнѣйшихъ переговоровъ тѣмъ болѣе, что графъ Нессельроде подчеркнулъ въ своемъ отвѣтѣ зятю, что въ случаѣ прибытія въ Петербургъ особой французской миссіи съ генераломъ Канробером во главѣ, ей будетъ оказанъ самый милостивый пріемъ.

Но надеждамъ на мирное окончаніе конфликта не суждено было сбыться, такъ какъ тѣсное соглашеніе Франціи съ Великобританіей успѣло уже повести обѣ эти державы по тому опасному пути, свернуть съ котораго не представлялось уже возможнымъ. Франція и Англія какъ бы приняли на себя въ разгорѣвшемся до войны спорѣ роль непризванныхъ третейскихъ судей и, хотя онѣ старались въ этой своей роли щадить наше самолюбіе, но, видимо, не сознавали, что обращеніе ихъ съ Россіей неизбѣжно ведетъ къ войнѣ, а не къ тому мирному конгрессу, къ созыву котораго онѣ стремились.

Въ срединѣ ноября Киселевъ имѣлъ разговоръ съ графомъ Валевскимъ [3]), французскимъ посломъ въ Лондонѣ, который отправлялся къ мѣсту своего служенія. Графъ Валевскій передалъ нашему дипломату [4]), что Франція и Англія предлагаютъ Австріи и

---

[1]) См. Приложеніе № 82.

[2]) См. выше.

[3]) Побочный сынъ Наполеона I отъ графини Валевской.

[4]) Киселевъ — канцлеру. 21 ноября (3 декабря) 1853 г., № 145. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, карт. Paris, 1853.

Пруссіи отправить Портѣ краткую ноту съ требованіемъ формулировать свои условія мира, и что подобное же предложеніе будетъ сдѣлано нашему кабинету. Въ Константинополь отправлялся энергичный генералъ Барагэ д'Илье, который долженъ былъ оказать на Порту давленіе съ цѣлью склонить ее къ миролюбію. Графъ Валевскій добавилъ, что не предполагается посылать союзные флоты въ Черное море, за исключеніемъ необходимости помѣшать нашему десанту между Варной и Константинополемъ. Киселевъ доносилъ канцлеру, что заявленія Валевскаго подтверждаются и англійскимъ посломъ въ Парижѣ лордомъ Ковлей, и что вообще замѣтно примирительное настроеніе, которое сообщилось и парижской биржѣ. Но послѣ столь успокоительныхъ свѣдѣній нашъ посолъ упоминалъ, что тюйлерійскій кабинетъ уже предлагалъ англійскому правительству военное вмѣшательство въ наши дѣла съ Турціей, которое „съ удивленіемъ" было отклонено, несмотря на то, что оно обусловливалось возможнымъ участіемъ Австріи.

Генералъ-лейтенантъ Э. В. Брюммеръ.

Черезъ три дня послѣ этого Киселевъ передавалъ совершенно противоположныя свѣдѣнія, исходившія отъ австрійскаго посла Гюбнера [1]). Этотъ дипломатъ сообщалъ, что французское правительство всѣми силами желаетъ добиться мирнаго исхода, стараясь не оскорбить насъ и насколько возможно щадить наше самолюбіе для будущаго. Однако, Гюбнеръ прибавилъ, что ему неизвѣстны тайныя мысли Наполеона, хотя вообще настроеніе въ Парижѣ болѣе примирительно, чѣмъ въ Лондонѣ.

Нашему кабинету были извѣстны и подлинныя депеши Гюбнера своему правительству [2]). Изъ нихъ можно съ полной очевидностью заключить, что, какъ тюйлерійскій кабинетъ, такъ и

---

[1]) Шифр. деп. Киселева 24 ноября (6 декабря) 1853 г., № 147. Тамъ же.

[2]) Гюбнеръ—гр. Буолю 13 и 20 ноября 1853 г. Сообщ. Австр. прав. См. Приложенія №№ 83 и 84.

лично Императоръ Наполеонъ производили рѣшительное давленіе на Австрію, съ цѣлью привести ее къ соглашенію съ обѣими западными державами. Друэнъ-де-Люисъ прямо заявлялъ австрійскому послу, что Австрія не можетъ оставаться нейтральной въ дѣлѣ, которое является для нее вопросомъ существованія; Франція будетъ воевать, такъ какъ она не можетъ допустить дальнѣйшаго роста Россіи, и единственнымъ средствомъ избѣжать войны служитъ соглашеніе Франціи, Англіи, Австріи и Пруссіи. Этотъ концертъ державъ долженъ былъ потребовать, чтобы турецкія войска отошли за Дунай, а наши за Прутъ, а также заявить, что четыре державы ни въ какомъ случаѣ не допустятъ, чтобы результатомъ войны явилось увеличеніе территоріи одной изъ воюющихъ сторонъ. Императоръ Наполеонъ стѣснялся въ выраженіяхъ по этому поводу еще менѣе, чѣмъ его министръ. Онъ прямо высказалъ барону Гюбнеру, что такъ какъ нейтралитетъ для Австріи невозможенъ, то, въ случаѣ, если бы она оказалась на сторонѣ Россіи, онъ не замедлитъ атаковать ее въ самыхъ уязвимыхъ пунктахъ („là, où „vous êtes le plus vulnérables“).

Почти одновременно баронъ Будбергъ прислалъ изъ Берлина копію инструкцій, данныхъ генералу Барагэ-д'Илье при его отъѣздѣ изъ Парижа въ Константинополь [1]). Онъ прежде всего долженъ былъ потребовать отъ султана очистки турецкими войсками Княжествъ и отхода ихъ за Дунай.

Это требованіе объяснялось необходимостью создать перерывъ въ военныхъ дѣйствіяхъ, которымъ державы воспользуются, чтобы привести дѣло къ почетному для Турціи миру, на всегда ограждающему ее отъ самолюбивыхъ требованій Россіи. Портѣ разрѣшалось продолжать войну въ Азіи и даже вызвать возстаніе на Кавказѣ, но въ Европѣ безусловно держаться линіи Дуная, пользуясь лишь временемъ для ея укрѣпленія. Франція обѣщала немедленно выслать 50-ти тысячный корпусъ для охраны Константинополя и прислать своихъ офицеровъ для инспекціи войскъ Омера-паши.

Депеши Киселева становились болѣе и болѣе тревожными. Въ одной изъ нихъ онъ сообщалъ, что, по пришедшимъ въ Парижъ извѣстіямъ, четыре державы рѣшили пригласить Порту особой нотой прислать въ Вѣну уполномоченнаго для веденія мирныхъ

---

[1]) Приложеніе къ депешѣ Будберга въ началѣ декабря 1853 г., № 108. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, карт. Berlin, 1853.

переговоровъ, а австрійскій кабинетъ обѣщалъ пригласить и наше правительство къ участію въ мирной конференціи.

Въ случаѣ же отклоненія нами этого предложенія, Австрія рѣшила принять сторону западныхъ державъ [1]). Киселевъ присовокуплялъ при этомъ, что усиленіе агитаціи Бурбоновъ, вмѣстѣ съ несбывающейся надеждой имѣть наслѣдника, могутъ склонить Наполеона къ войнѣ, чтобы, въ случаѣ успѣха, утвердиться на престолѣ, а, въ случаѣ неудачи, найти почетный для выскочки (pour un parvenu) конецъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что династическія соображенія играли въ политикѣ Наполеона III очень крупную роль, но въ Восточномъ вопросѣ она принадлежала не имъ. Это ясно изъ всего предъидущаго изложенія, и Киселевъ не могъ этого не знать.

Извѣстіе о Синопскомъ сраженіи вызвало во Франціи, по словамъ нашего посла [2]), надежду на великодушіе Императора Николая, которое могло бы облегчить дѣло мира. Но на слѣдующій уже день Киселевъ писалъ [3]), что предпочтительнѣе была бы побѣда на сушѣ, такъ какъ пораженіе турокъ на морѣ являлось какъ бы упрекомъ въ бездѣйствіи союзныхъ флотовъ, стоявшихъ у входа въ Черное море. Два дня спустя, нашъ посолъ сообщалъ [4]) о воинственномъ возбужденіи, охватившемъ англичанъ вслѣдствіе телеграммъ о Синопскомъ сраженіи, и о входѣ союзныхъ эскадръ въ Черное море, прося по этому поводу особыхъ инструкцій, такъ какъ Киселеву было неизвѣстно, находитъ ли нашъ кабинетъ возможнымъ щадить Францію („ménager la France“) даже въ случаѣ разрыва съ Великобританіей [5]). Рѣчи Наполеона, по словамъ нашего посла [6]), продолжали быть мирными, но его окружающіе говорили совсѣмъ иное.

Впрочемъ, особыхъ военныхъ приготовленій во Франціи все еще не было замѣтно, и только генералъ Барагэ-д'Илье получилъ, по свѣдѣніямъ прусскаго посла, дополнительную инструкцію призвать эскадру въ Черное море. Мѣра эта была принята по соглашенію съ британскимъ кабинетомъ. Вслѣдъ за этимъ нашъ

---

[1]) Киселевъ — канцлеру 23 ноября (5 декабря) 1853 г., № 146. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, карт. Paris, 1853.

[2]) Киселевъ — канцлеру 30 ноября (12 декабря) 1853 г., № 150. Тамъ же.

[3]) Ему же 1 (13) декабря 1853 г., № 151. Тамъ же.

[4]) Киселевъ — канцлеру 3 (15) декабря 1853 г., № 152. Тамъ же.

[5]) „Oui, tant que c'est possible“, помѣтилъ Императоръ Николай.

[6]) Киселевъ — канцлеру 7 (19) декабря 1853 г., № 153. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, карт. Paris, 1853.

посолъ сообщалъ [1]) о своихъ подозрѣніяхъ („je soupçonne“) относительно уже заключеннаго между тюйлерійскимъ и с.-джемскимъ кабинетами полнаго письменнаго соглашенія по участію Франціи и Великобританіи въ дѣлахъ турецкаго Востока, а, спустя два дня, 18 декабря, онъ уже убѣдился изъ разговора съ Друэнъ-де-Люисомъ, что слишкомъ поздно поднимать вопросъ о русско-французскомъ сближеніи [2]). Киселевъ пробовалъ убѣждать французскаго министра, что если Англіи, въ виду ея азіатскихъ интересовъ и парламентаризма, выгодно дѣятельное вмѣшательство въ русско-турецкій конфликтъ, то для Франціи отъ такого вмѣшательства никакой выгоды быть не можетъ. Нашему дипломату пришлось выслушать заявленіе, что Наполеонъ безповоротно рѣшился предпочесть союзъ съ Англіей всякому другому союзу. Неизвѣстно, почему Киселевъ послѣ такого категорическаго заявленія призналъ возможнымъ сообщить въ слѣдующей депешѣ [3]), что Друэнъ-де-Люисъ двуличенъ, и что хотя онъ старается еще производить впечатлѣніе благожелательнаго и миролюбиваго къ намъ расположенія, но нашъ посолъ ясно усмотрѣлъ („j'ai clairement vu“), что въ сущности въ Парижѣ рѣшено дѣйствовать въ полномъ единеніи съ Великобританіей.

За два дня до отправленія этой странной депеши Киселевъ былъ на балу у принцессы Матильды, гдѣ къ нему подошелъ Императоръ Наполеонъ, чтобы высказать, что онъ крайне сожалѣетъ объ оборотѣ, который принимаютъ дѣла, но продолжаетъ надѣяться на умѣренность и мудрость Императора Николая, и что имъ отправленъ въ Петербургъ M. Reiset, съ миссіей представить открытыя и искреннія объясненія („des explications franches „et sincères“). Нашъ посолъ воспользовался случаемъ, чтобы повторить Наполеону то, что онъ уже высказывалъ его министру, т.-е. о безполезности для Франціи вмѣшиваться въ Восточный вопросъ. „Людовикъ-Наполеонъ“, пишетъ Киселевъ, „въ своемъ отвѣтѣ „высказалъ лишь туманныя надежды на избѣжаніе войны, но его „слова не произвели на меня впечатлѣнія увѣренности, что онъ „много разсчитывалъ на это“. На балу уже говорилось о войнѣ, какъ объ исходѣ неизбѣжномъ [4]).

---

[1]) Киселевъ — канцлеру 16 (28) декабря 1853 г., № 155. Тамъ же.
[2]) Киселевъ — канцлеру 18 (30) декабря 1853 г., № 156. Тамъ же.
[3]) Киселевъ — канцлеру 22 декабря (3 января) 185³/₄ г., № 157. Тамъ же.
[4]) См. Приложеніе № 85.

Жребій былъ брошенъ, и союзъ двухъ западныхъ державъ становился дѣйствительностью. Однако, несмотря на это, во французскихъ правительственныхъ сферахъ и въ обществѣ какъ бы замѣчалось сожалѣніе о происшедшемъ, которое находило выраженіе не только въ частныхъ бесѣдахъ и письмахъ, но и въ офиціальныхъ документахъ. „Было много недо-„сказаннаго въ англо-француз-„скомъ соглашеніи 1854 года“, пишетъ Тувенель въ своей извѣстной книгѣ „Nicolas I et Napoléon III“ [1]). „Этимъ объясняется „осторожность, съ которой нѣ-„которые дипломаты высказыва-„лись о союзѣ съ Англіей. Среди офиціальныхъ французскихъ на-„падокъ на Императора Николая въ 1853 году проскальзы-„ваетъ едва скрытое чувство сожалѣнія о томъ, что не удалось „достигнуть взаимнаго соглашенія съ Царемъ. Такъ какъ эта „цѣль, несмотря на наши усилія, не могла быть достигнута, то „пришлось повернуться въ сторону Англіи. Франко-англійскій „союзъ 1854 года, заключенный безъ убѣжденія, поддержи-„ваемый лишь терпѣніемъ, съ облегченіемъ былъ расторгнутъ „обѣими сторонами“ [2]).

Генералъ-лейтенантъ А. Ѳ. Багговутъ.

Французамъ, быть-можетъ, скрѣпя сердце, пришлось къ концу 1853 года подчиниться этой исторической необходимости, несмотря на стараніе маркиза Кастельбажака, который пользовался особо милостивымъ расположеніемъ Императора Николая,

---

[1]) Op. cit., p. VIII.

[2]) Недоразумѣнія между англичанами и французами въ Константинополѣ начались тотчасъ же послѣ пріѣзда туда генерала Барагэ-д'Илье. Генералъ жаловался въ своихъ письмахъ къ Тувенелю на деспотическое поведеніе тамъ лорда Редклифа, въ рукахъ котораго Решидъ-паша являлся лишь послушнымъ орудіемъ безъ всякаго оттѣнка самостоятельности, а также жаловался на рѣшительное намѣреніе Редклифа помѣшать всякой возможности окончить кризисъ мирнымъ путемъ. Противодѣйствіе всемогущему въ Константинополѣ англійскому послу, по словамъ Барагэ-д'Илье, должно было повести къ полному разрыву съ англичанами. Thouvenel: „Nicolas I et Napoléon III“, pp. 351—356.

примирить непримиримое. Кастельбажакъ доносилъ своему правительству [1]), что миролюбіе Государя не подлежитъ никакому сомнѣнію, что приписываемое ему намѣреніе завладѣть Турціей („s'emparer de la Turquie") не имѣетъ подъ собой никакой почвы. Несмотря на представленія князя Воронцова, доносилъ Кастельбажакъ, Кавказъ оставленъ беззащитнымъ, и русскія войска, занявши Княжества, придерживаются тамъ исключительно оборонительнаго образа дѣйствій. Турціи ничто не угрожаетъ, и до весны есть надежда уладить русско-турецкій конфликтъ мирнымъ путемъ или непосредственными переговорами, или же при участіи нейтральной державы. Кастельбажакъ настоятельно совѣтовалъ отозвать союзныя эскадры изъ Чернаго моря, оставивъ ихъ передъ Константинополемъ или, еще лучше, въ Буюкъ-дере. Эта мѣра могла бы показать петербургскому кабинету, что „союзники, „поддерживая Турцію въ спорѣ, желаютъ щадить права Россіи, „ея религіозныя нужды и ея политическія требованія".

Маркизъ Кастельбажакъ сдѣлалъ еще одинъ шагъ. Онъ написалъ письмо лично къ Императору Наполеону, предлагая ему, основываясь на своей бесѣдѣ съ Императоромъ Николаемъ, обратиться непосредственно съ письмомъ къ Государю и высказать ему свои мысли. Наполеонъ III отвѣтилъ своему послу слѣдующими соображеніями [2]):

„Если бы спорный въ теченіе уже нѣсколькихъ мѣсяцевъ „вопросъ возникалъ изъ прямого недоразумѣнія между Франціей „и Россіей, то я бы, не колеблясь, высказалъ Императору мои „мысли, потому что я никогда не колеблюсь сказать, какъ я „понимаю интересы и честь моей страны. Но въ данномъ случаѣ „вопросъ совершенно иной. Мы приняли сторону Турціи не по„тому, что дѣло непосредственно насъ касается, а потому, что мы „не желаемъ, чтобы Россія злоупотребляла своей силой по отно„шенію къ слабому государству; потому, что мы желаемъ, чтобы „существующіе трактаты были соблюдаемы въ томъ, что намъ „выгодно, такъ какъ мы ихъ соблюдаемъ въ томъ, что намъ не„выгодно; потому, что мы никогда не допустимъ раздѣла Турціи „безъ нашего вмѣшательства. Въ концѣ концовъ споръ идетъ „между Россіей и Турціей, и я не имѣю предложеній для его „разрѣшенія. Дѣло Всероссійскаго Императора сказать намъ кон-

---

[1]) См. Приложеніе № 86.
[2]) См. Приложеніе № 87.

„фиденціально, если онъ, дѣйствительно, желаетъ мира, на какія „условія онъ могъ бы согласиться, и тогда мы, если не найдемъ „его условія нарушающими независимость султана, употребимъ „всѣ усилія, чтобы заставить принять ихъ въ Константинополѣ. „Я прошу васъ дать понять Императору мое положеніе въ этомъ „дѣлѣ, а также почему я не считаю полезнымъ обращаться прямо „къ нему, такъ какъ я былъ бы огорченъ, если бы онъ припи„салъ мое молчаніе какому-либо иному соображенію".

Однако, вскорѣ Государи обмѣнялись письмами, при чемъ первое изъ нихъ исходило отъ Наполеона III, и, какъ можно было предвидѣть, обмѣнъ остался безрезультатнымъ. Быть-можетъ, нѣсколько болѣе раннее обращеніе Императора французовъ къ Государю и въ особенности, если бы оно сопровождалось рекомендованнымъ Кастельбажакомъ отходомъ союзныхъ или, по крайней мѣрѣ, французской эскадръ изъ Чернаго моря въ глубь проливовъ, достигло бы цѣли; но за время, протекшее между донесеніемъ Кастельбажака и минутой, когда Наполеонъ III взялся за перо, была безвозвратно потеряна всякая надежда на мирный исходъ возникшаго съ западными державами спора.

Дѣло въ томъ, что въ концѣ декабря англійскій и французскій послы обратились къ графу Нессельроде съ заявленіемъ, что союзныя эскадры вошли въ Черное море съ цѣлью отражать всякое наше покушеніе на турецкіе корабли и порты. Хотя англійскій посолъ и сказалъ при этомъ, что эскадры также будутъ заботиться о томъ, чтобы и турецкій флотъ уважалъ наши берега и нашъ флагъ, но о такомъ обязательствѣ не говорилось ни въ офиціальномъ заявленіи пословъ, ни въ сообщеніи адмираловъ союзныхъ эскадръ князю Меншикову. Это обстоятельство заставило графа Нессельроде отправить нашимъ посламъ въ Парижъ и Лондонъ одинаковыя депеши [1]), которыми имъ предписывалось потребовать отъ французскаго и великобританскаго правительствъ разъясненія — является ли принятая мѣра двухсторонней, одинаково обращенной къ обѣимъ воюющимъ сторонамъ, или же лишь направленной противъ одной Россіи. Въ послѣднемъ случаѣ нашимъ посламъ предписывалось оставить свои посты, приказавъ выѣхать изъ Англіи и Франціи всѣмъ русскимъ подданнымъ [2]).

---

[1]) Канцлеръ—Киселеву и бар. Бруннову 4 января 1854 г. Гос. Арх., Разр. XI, д. № 1227.

[2]) Высочайшая помѣтка на докладѣ гр. Нессельроде 1 января 1854 г. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, карт. Доклады, 1854 г.

22 января (3 февраля) [1]) Киселевъ донесъ канцлеру, что, получивъ на свой запросъ неблагопріятный отвѣтъ [2]), онъ покидаетъ Парижъ и направляется въ Брюссель. Вмѣстѣ съ этимъ онъ сообщалъ о французскихъ вооруженіяхъ, о призывѣ подъ знамена резервистовъ, объ усиліяхъ французскаго и англійскаго кабинетовъ склонить Австрію и Пруссію на свою сторону и, наконецъ, о своей аудіенціи у Наполеона, который, по словамъ ясно видѣвшаго Киселева („j'ai clairement vu"), не отчаивался въ сохраненіи мира и возлагалъ много надеждъ на свое письмо къ Императору Николаю.

Это письмо, какъ и отвѣтъ Государя были немедленно опубликованы въ Moniteur'ѣ и въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ. Воспроизведеніе ихъ еще разъ подчеркиваетъ то непримиримое противорѣчіе во взглядахъ, котораго уже нельзя было разрѣшить иначе, какъ мечемъ.

Императоръ Наполеонъ писалъ Государю изъ Тюйлерійскаго дворца 29 (17) января 1854 года:

„Государь!

„Разногласіе, возникшее между Вашимъ Величествомъ и „Портою Оттоманскою, достигло такой степени важности, что „я считаю долгомъ самъ объяснить прямо Вашему Величеству, „какое участіе Франція принимала въ семъ дѣлѣ и какія средства „представляются мнѣ для устраненія опасностей, угрожающихъ „спокойствію Европы.

„Въ нотѣ, представленной, по повелѣнію Вашего Величества, „моему кабинету и кабинету королевы Викторіи, стараются дока„зать, что система понужденія, принятая морскими державами съ „самаго начала, одна растравила вопросъ. Мнѣ же кажется, что „вопросъ этотъ остался бы дѣломъ кабинетнымъ, если бъ занятіе „Княжествъ не превратило вдругъ переговоровъ въ дѣйствія. Между „тѣмъ, и по вступленіи войскъ Вашего Величества въ Валахію, мы „приглашали Порту не считать этого занятія поводомъ къ войнѣ, „свидѣтельствуя тѣмъ о крайнемъ желаніи нашемъ достигнуть „примиренія. Согласившись съ Англіею, Австріею и Пруссіею, я „предложилъ Вашему Величеству ноту, которая была бы удовле„творительна для обѣихъ сторонъ. Ваше Величество ее приняли,

[1]) Киселевъ — канцлеру 22 января (3 февраля) 1854 г., № 13. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, карт. Paris, 1854.

[2]) См. Приложеніе № 88.

„но лишь только получили мы это благопріятное извѣстіе, какъ „Вашъ министръ объяснительными къ ней примѣчаніями уничто- „жилъ весь успѣхъ примиренія и воспрепятствовалъ намъ настаи- „вать въ Константинополѣ на простомъ и безусловномъ принятіи „ея. Порта, съ своей стороны, предложила сдѣлать въ проектѣ „ноты измѣненія, которыя, по мнѣнію представителей четырехъ „державъ въ Вѣнѣ, могли быть допущены. Они не были одобрены „Вашимъ Величествомъ. Тогда „Порта, оскорбленная въ своемъ „достоинствѣ, угрожаемая въ своей „независимости, отягощенная уже „сдѣланными ею усиліями для про- „тивопоставленія войска арміямъ „Вашего Величества, предпочла „объявленіе войны этому положе- „нію, нерѣшительному и унизи- „тельному. Она просила нашего „пособія; дѣло ея казалось намъ „справедливымъ. Эскадры англій- „ская и французская получили при- „казаніе войти въ Босфоръ.

Эпизодъ сраженія подъ Ахалцыхомъ.

„Мы приняли, въ отношеніи „къ Турціи, положеніе покрови- „тельствующее, но не дѣйствую- „щее. Мы не поощряли ее къ войнѣ. „Мы безпрестанно подавали султану совѣты о миролюбіи и умѣ- „ренности, увѣренные, что этимъ средствомъ достигнемъ примире- „нія, и четыре державы вновь согласились представить Вашему „Величеству другія предложенія. Ваше Величество, съ своей сто- „роны, являя спокойствіе, порождаемое сознаніемъ своей силы, „ограничивались, какъ на лѣвомъ берегу Дуная, такъ и въ Азіи, „отраженіемъ нападенія турокъ, и съ умѣренностью, достойною „Владыки великой Имперіи, объявили, что будете оставаться въ „оборонительномъ положеніи. Итакъ, дотолѣ мы были, могу ска- „зать, внимательными зрителями военныхъ дѣйствій, но не прини- „мали въ нихъ участія. Вдругъ синопское дѣло заставило насъ „принять положеніе болѣе рѣшительное. Франція и Англія не счи- „тали полезнымъ посылать десантныя войска на помощь Турціи. „Итакъ, ихъ флагъ не принималъ участія въ дѣлахъ, происходив- „шихъ на сушѣ. Но на морѣ было иное. Три тысячи орудій при

„входѣ въ Босфоръ присутствіемъ своимъ довольно громко го-
„ворили Турціи, что двѣ первенствующія морскія державы не до-
„зволятъ напасть на нее на морѣ. Синопское происшествіе было
„для насъ и оскорбительно, и неожиданно. Не важно то, хотѣли
„ли турки или нѣтъ перевезти военные запасы на русскіе берега.
„Дѣло въ томъ, что русскіе корабли напали на водахъ Турціи,
„на суда турецкія, стоявшія спокойно въ турецкомъ портѣ. Они
„истребили ихъ, несмотря на обѣщаніе не вести войны наступа-
„тельной, несмотря на близость нашихъ эскадръ. Въ этомъ случаѣ
„оскорбленіе нанесено было не политикѣ нашей, а нашей военной
„чести. Пушечные выстрѣлы Синопа грустно отозвались въ серд-
„цахъ всѣхъ тѣхъ, которые въ Англіи и Франціи живо чувствуютъ
„національное достоинство. Воскликнули единогласно: „Союзники
„ „наши должны быть уважаемы вездѣ, куда могутъ достигнуть наши
„ „выстрѣлы!“ Посему дано было нашимъ эскадрамъ предписаніе
„войти въ Черное море и, если нужно, силою препятствовать
„повторенію подобнаго событія. Посему послано было Санктпетер-
„бургскому Кабинету общее объявленіе съ извѣщеніемъ его, что
„если мы станемъ препятствовать туркамъ къ перенесенію насту-
„пательной войны на берега, принадлежащіе Россіи, то будемъ по-
„кровительствовать снабженію ихъ войскъ на ихъ собственной
„землѣ. Что же касается до русскаго флота, то, препятствуя ему
„въ плаваніи по Черному морю, мы поставляемъ его въ иное по-
„ложеніе, ибо надлежало на время продолженія войны сохранить
„залогъ равносильный владѣніямъ турецкимъ, занятымъ русскими,
„и облегчить такимъ образомъ заключеніе мира, имѣя способъ къ
„обоюдному обмѣну.

„Вотъ, Государь, точный ходъ и послѣдовательность со-
„бытій. Ясно, что по достиженіи ими сей степени, они должны
„привести или къ окончательному соглашенію, или къ рѣшитель-
„ному разрыву.

„Ваше Величество подали столько свидѣтельствъ попечитель-
„ности своей о сохраненіи спокойствія Европы, содѣйствовали тому
„такъ могущественно своимъ благодѣтельнымъ вліяніемъ противъ
„духа безпорядка, что я не сомнѣваюсь въ томъ, которую часть
„вы изберете изъ представленныхъ Вамъ на выборъ. Если Ваше
„Величество, подобно мнѣ, желаете миролюбиваго окончанія, этого
„можно достигнуть очень просто объявленіемъ, что немедленно
„будетъ заключено перемиріе, что дѣла пойдутъ своимъ дипломa-
„тическимъ порядкомъ, что всякое непріязненное дѣйствіе прекра-

„тится, и что всѣ воюющія силы оставятъ тѣ мѣста, куда при-
„званы были по поводу войны.

„Итакъ, русскія войска вышли бы изъ Княжествъ, а наша
„эскадра изъ Чернаго моря. Такъ какъ Ваше Величество предпо-
„читаете вести переговоры прямо съ Турціею, то Вы назначили бы
„посла для заключенія съ уполномоченнымъ султана конвенціи,
„которая потомъ будетъ представлена конференціи четырехъ дер-
„жавъ. Въ случаѣ принятія этого плана, въ которомъ мы съ коро-
„левою Викторіею совершенно согласны, спокойствіе будетъ воз-
„обновлено, и свѣтъ удовлетворенъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ этомъ
„планѣ не заключается ничего такого, что не было бы достойно
„Вашего Величества, что могло бы оскорбить честь Вашу. Но когда,
„по причинамъ, которыя трудно понять, Ваше Величество будете
„отвѣчать отказомъ, тогда Франція, какъ и Англія, будетъ при-
„нуждена предоставить жребію оружія и случайностямъ войны рѣ-
„шеніе, котораго можно было бы теперь достигнуть разсудкомъ и
„справедливостью.

„Не думайте, Ваше Величество, чтобъ въ моемъ сердцѣ была
„малѣйшая непріязненность: я питаю только тѣ чувства, которыя
„Ваше Величество выразили Сами въ письмѣ ко мнѣ отъ 17 ян-
„варя 1853 г.: „Наши сношенія должны быть искренно-друже-
„„ственныя и основываться на однихъ и тѣхъ же намѣреніяхъ:
„„сохраненія порядка, миролюбія, уваженія къ трактатамъ и
„„взаимной благопріязни“. Эта программа достойна Государя,
„начертавшаго оную, и я, не колеблясь, скажу, что пребылъ
„ей вѣренъ.

„Прошу Ваше Величество вѣрить искренности моихъ чувствъ,
„и съ сими чувствами пребываю, Государь, Вашего Величества

„добрый другъ *Наполеонъ*“.

Отвѣтъ Императора Николая изъ Петербурга отъ 28 января (9 февраля) 1854 года былъ слѣдующій [1]):

„Не могу лучше отвѣчать Вашему Величеству, какъ повто-
„реніемъ словъ, сказанныхъ Мною, которыми оканчивается Ваше
„письмо: „Наши сношенія должны быть искренно-дружественныя
„„и основываться на однихъ и тѣхъ же намѣреніяхъ: сохраненія
„„порядка, миролюбія, уваженія къ трактатамъ и взаимной благо-
„„пріязни“. Принимая сію программу, какъ Я начерталъ оную самъ,

[1]) Французскій текстъ писемъ см. Приложеніе № 89.

„Вы утверждаете, что пребывали ей вѣрны. Смѣю думать, и со-
„вѣсть Меня въ томъ удостовѣряетъ, что Я отъ нея не уклонялся,
„ибо въ дѣлѣ, раздѣляющемъ насъ и возникшемъ не по Моей
„винѣ, Я всегда старался о сохраненіи благопріятныхъ сношеній
„съ Франціей и съ величайшимъ раченіемъ избѣгалъ встрѣтиться
„на этомъ поприщѣ съ выгодами религіи, исповѣдуемой Вашимъ
„Величествомъ; дѣлалъ, для поддержанія мира, всѣ уступки въ
„формѣ и въ существѣ, какія только допускала честь Моя, и, требуя
„для Моихъ единовѣрцевъ въ Турціи утвержденія правъ и пре-
„имуществъ, пріобрѣтенныхъ для нихъ издавна цѣною русской
„крови, не искалъ ничего такого, что не истекало бы изъ трак-
„татовъ. Если бъ Порта была предоставлена самой себѣ, раздоръ,
„приводящій въ недоумѣніе Европу, давно былъ бы прекращенъ.
„Бѣдственное вліяніе одно тому воспрепятствовало. Возбуждая не-
„основательныя подозрѣнія, распаляя фанатизмъ турокъ, предста-
„вивъ правительству ихъ Мои намѣренія и истинное значеніе Моихъ
„требованій въ ложномъ видѣ, дали этому вопросу такіе обшир-
„ные размѣры, что изъ него неминуемо должна была возникнуть
„война.

„Ваше Величество позволите мнѣ не распространяться въ по-
„дробности объ обстоятельствахъ, изложенныхъ въ Вашемъ письмѣ
„съ особенной Вашей точки зрѣнія. Многія дѣйствія Мои оцѣ-
„ниваются въ немъ, по Моему мнѣнію, не во всей точности; многіе
„случаи, изложенные превратно, потребовали бы, для представленія
„ихъ въ надлежащемъ видѣ, по крайней мѣрѣ какъ Я ихъ понимаю,
„слишкомъ подробныхъ толкованій, несовмѣстныхъ съ перепискою
„между царственными лицами. Такимъ образомъ Ваше Величество
„полагаете занятіе Княжествъ виною быстраго превращенія пере-
„говоровъ въ дѣйствія. Но Вы упускаете изъ виду, что этому
„занятію, еще только временному, предшествовалъ и преимуще-
„ственно подалъ поводъ случай весьма важный—появленіе союз-
„ныхъ флотовъ вблизи Дарданеллъ, да и гораздо прежде того,
„когда Англія колебалась еще принять понудительное положеніе
„противъ Россіи, Ваше Величество предупредили ее отправленіемъ
„своего флота до Саламина. Это оскорбительное дѣйствіе возвѣ-
„щало, безспорно, малое ко Мнѣ довѣреніе. Оно должно было
„поощрить турокъ и заранѣе препятствовать успѣху переговоровъ,
„показавъ имъ, что Франція и Англія готовы поддерживать ихъ
„дѣло во всякомъ случаѣ. Такимъ же образомъ Ваше Величество
„говорите, что объяснительныя замѣчанія Моего Кабинета въ вѣн-

„ской нотѣ поставили Францію и Англію въ невозможность по-
„буждать Порту къ принятію оной. Но Ваше Величество можете
„вспомнить, что наши замѣчанія не предшествовали отказу въ
„простомъ и безусловномъ принятіи ноты, а послѣдовали за нимъ,
„и Я полагаю, что если бъ сіи державы сколько-нибудь дѣйстви-
„тельно желали сохраненія мира, онѣ долженствовали бы съ самаго
„начала содѣйствовать этому простому и безусловному принятію
„ноты, и не допускать со стороны Порты измѣненія того, что Мы
„приняли безъ всякой перемѣны. Впрочемъ, если бъ которое либо
„изъ нашихъ замѣчаній могло подать поводъ къ затрудненіямъ,
„Я сообщилъ въ Ольмюцѣ достаточное имъ поясненіе, которое
„Австрія и Пруссія признали удовлетворительнымъ. Къ несчастью,
„между тѣмъ часть англо-
„французскаго флота во-
„шла уже въ Дарданеллы,
„подъ предлогомъ охра-
„ненія жизни и собствен-
„ности англійскихъ и
„французскихъ подданъ-
„ныхъ, а для входа всего
„флота, безъ наруше-
„нія трактата 1841 года,

Нижегородцы подъ Башкадыкларомъ.

„надлежало, чтобъ оттоманское правительство объявило Намъ
„войну. По Моему мнѣнію, если бъ Франція и Англія же-
„лали мира, какъ Я, имъ слѣдовало, во что бы то ни стало,
„препятствовать сему объявленію войны, или, когда война уже
„была объявлена, употребить старанія, чтобъ она ограничивалась
„тѣсными предѣлами, которыми Я желалъ оградить ее на Дунаѣ,
„чтобъ Я не былъ насильно выведенъ изъ чисто оборонитель-
„ной системы, которую желалъ сохранять. Но съ той поры,
„какъ позволили туркамъ напасть на азіатскія наши границы, за-
„хватить одинъ изъ пограничныхъ постовъ (даже до срока, назна-
„ченнаго для открытія военныхъ дѣйствій), обложить Ахалцыхъ и
„опустошить Армянскую Область, съ тѣхъ поръ, какъ дали турец-
„кому флагу свободу перевозить на наши берега войска, оружіе
„и снаряды, можно ли было, по здравому смыслу, надѣяться, что
„мы спокойно будемъ ожидать послѣдствій такихъ покушеній? Не
„слѣдовало ли предполагать, что мы употребимъ всѣ средства для
„воспрепятствованія этому? Затѣмъ случилось синопское дѣло.
„Оно было неминуемымъ послѣдствіемъ положенія, принятаго

„обѣими державами, и это происшествіе, конечно, не могло имъ по-
„казаться *непредвидѣннымъ*. Я объявилъ, что желаю оставаться въ
„оборонительномъ положеніи, но объявилъ это прежде, нежели
„вспыхнула война, доколѣ Моя честь и Мои выгоды это дозволяли,
„доколѣ война оставалась въ извѣстныхъ предѣлахъ. Все ли было
„сдѣлано для того, чтобъ эти предѣлы не были нарушены? Когда
„Ваше Величество, не довольствуясь быть зрителемъ или даже
„посредникомъ, пожелали стать вооруженнымъ пособникомъ Моихъ
„враговъ, тогда, Государь, было бы гораздо прямѣе и достойнѣе
„Васъ, предварить Меня о томъ откровенно, объявивъ Мнѣ
„войну. Тогда всякъ зналъ бы, что ему дѣлать. Но справедливое
„ли дѣло обвинять насъ въ событіи по совершеніи онаго, когда
„сами никоимъ образомъ его не предупреждали? Если пушечные
„выстрѣлы въ Синопѣ грустно отозвались въ сердцѣ тѣхъ, кто
„во Франціи и въ Англіи живо чувствуетъ народное достоинство,
„неужели Ваше Величество думаете, что грозное присутствіе при
„входѣ въ Босфоръ трехъ тысячъ орудій, о которыхъ Вы говорите,
„и вѣсть о входѣ ихъ въ Черное море не отозвались въ сердцѣ
„народа, котораго честь Я защищать обязанъ? Я узналъ отъ Васъ
„впервые (ибо въ словесныхъ объявленіяхъ, сдѣланныхъ Мнѣ здѣсь,
„этого сказано не было), что, покровительствуя снабженію припа-
„сами турецкихъ войскъ на собственной ихъ землѣ, обѣ державы
„рѣшились *препятствовать нашему плаванію по Черному морю,*
„т.-е., вѣроятно, снабженію припасами собственныхъ нашихъ бере-
„говъ. Предоставляю на судъ Вашего Величества, облегчается ли
„этимъ, какъ Вы говорите, заключеніе мира, и дозволено ли Мнѣ
„при этомъ выборѣ одного изъ двухъ предложеній не только раз-
„суждать, но и помыслить на одно мгновеніе о Вашихъ предло-
„женіяхъ перемирія, о немедленномъ оставленіи Княжествъ и о
„вступленіи въ переговоры съ Портою для заключенія конвенціи,
„которая потомъ была бы представлена конференціи четырехъ дер-
„жавъ. Сами Вы, Государь, если бъ Вы были на Моемъ мѣстѣ,
„неужели согласились бы принять такое положеніе? Могло ли бы
„чувство народной чести Вамъ то дозволить? Смѣло отвѣчаю: нѣтъ!
„Итакъ, дайте мнѣ право мыслить такъ, какъ Вы. На что бы Ваше
„Величество ни рѣшились, Я не отступлю ни предъ какою угрозою.
„Довѣряю Богу и Моему праву, и Россія, ручаюсь въ томъ, явится
„въ 1854 году такою же, какъ была въ 1812-мъ.

„Если, при всемъ томъ, Ваше Величество съ меньшимъ рав-
„нодушіемъ къ Моей чести возвратитесь чистосердечно къ нашей

„программѣ, если Вы подадите Мнѣ отъ сердца Вашу руку, какъ „Я Вамъ предлагаю Свою въ эти послѣднія минуты, Я охотно „забуду все, что въ прошедшемъ могло бы быть для Меня оскор„бительнымъ. Тогда, Государь, *но только тогда,* намъ можно „будетъ вступить въ сужденія и, можетъ-быть, согласиться. Пусть „Вашъ флотъ ограничится удержаніемъ турокъ отъ доставленія „новыхъ силъ на позорище войны. Охотно обѣщаю, что имъ не„чего будетъ страшиться Моихъ нападеній. Пусть они пришлютъ „ко Мнѣ уполномоченнаго для переговоровъ. Я приму его съ „надлежащимъ приличіемъ. Условія Мои извѣстны въ Вѣнѣ. Вотъ „единственное основаніе, на которомъ Мнѣ позволено вести пере„говоры.

„Прошу Ваше Величество вѣрить искренности чувствъ, съ „коими пребываю, Государь, Вашего Величества добрый другъ

„Николай".

Приводимый выше текстъ письма Государя вышелъ въ свѣтъ, обработаннымъ въ Министерствѣ Иностранныхъ дѣлъ, но первоначальный, нѣсколько отличающійся отъ отправленнаго, проектъ письма былъ собственноручно написанъ Императоромъ Николаемъ, и мы помѣщаемъ этотъ проектъ въ приложеніи [1]).

Графъ Нессельроде упомянулъ въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ отъ 26 января 1854 года о томъ, что генералъ Кастельбажакъ, которому канцлеръ далъ для прочтенія письмо Императора Наполеона, былъ глубоко огорченъ. Онъ просилъ разрѣшить ему кратковременное представленіе Государю, считая это единственнымъ утѣшеніемъ въ неудачѣ, постигшей его усилія создать лучшія отношенія между Россіей и Франціей. На докладѣ была положена слѣдующая Высочайшая помѣтка: „En témoignage de mon estime particulière pour le g. Castelbajac et les efforts, qu'il a fait, quoique en vain, pour établir de bons rapports avec nous, envoyez lui demain le cordon de St-Alexandre et préparez un rescrit. Je le ferai venir le plus tôt, que je le pourrai" [2]).

Милостивое отношеніе Императора Николая къ французскому послу еще болѣе замѣчательнымъ образомъ выразилось 1 февраля. Графъ Нессельроде передалъ, по приказанію Государя, ноту съ

---

[1]) См. Приложеніе № 90.
[2]) См. Приложеніе № 91.

возвращеніемъ вѣрительныхъ грамотъ только одному англійскому послу сэру Гамильтону Сеймуру. Канцлеръ замѣтилъ, что генералъ Кастельбажакъ чувствуетъ себя въ затруднительномъ положеніи, не получивъ такой же ноты [1]). Графъ Нессельроде напоминалъ, что именно отъ французскаго правительства исходило предложеніе запретить намъ плаваніе по Черному морю и, не посылая французскому послу такой же, какъ Сеймуру, ноты, мы какъ бы болѣе любезно относимся къ странѣ, которая показала себя болѣе грубой по отношенію къ намъ. Государь, несмотря на эти доводы, остался непреклоненъ и написалъ на докладѣ: „Je persiste dans ma réso-„lution de ne pas mettre à l'égal le g. Castelbajac avec Seymour. „Il dépendra de lui de demander ses passeports, mais je ne les lui „enverrai pas moi-même".

Въ концѣ февраля канцлеръ получилъ отъ Друэнъ-де-Люиса письмо, которое являлось ультиматумомъ и объявленіемъ намъ войны.

„Исполняя приказаніе Императора, моего Августѣйшаго Госу-„даря", писалъ французскій министръ [2]), „имѣю честь объявить „вашему превосходительству, что, если С.-Петербургскій кабинетъ „будетъ упорствовать въ нежеланіи поставить свой споръ съ „Турціей на чисто дипломатическую почву и не сообщитъ намъ „черезъ васъ своихъ намѣреній приказать войскамъ, подъ ко-„мандой генерала князя Горчакова, начать отступленіе за Прутъ „на опредѣленную трактатами границу Россіи и Турціи такъ, чтобы „княжества Молдавія и Валахія были окончательно очищены до „15 апрѣля, то правительство Его Императорскаго Величества „принуждено будетъ считать отрицательный отвѣтъ или молчаніе „за объявленіе войны и дѣйствовать сообразно этому".

Объ исполненіи подобныхъ требованій очевидно не могло быть и рѣчи. Уже 9 февраля Императоръ Николай, отозвавъ своихъ пословъ изъ Лондона и Парижа, повелѣлъ обнародовать слѣдующій манифестъ [3]):

---

[1]) См. Приложеніе № 92.

[2]) См. Приложеніе № 93.

[3]) Проектъ этого манифеста былъ собственноручно написанъ Императоромъ Николаемъ. Вышедшій въ свѣтъ манифестъ нѣсколько измѣненъ въ редакціи, а потому подлинный проектъ Государя мы помѣщаемъ въ Приложеніи № 94.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ, ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ

и проч., и проч., и проч.,

Объявляемъ всенародно:

Мы уже возвѣстили любезнымъ Нашимъ вѣрноподданнымъ о причинѣ несогласій Нашихъ съ Оттоманскою Портою.

Съ тѣхъ поръ, невзирая на открытіе военныхъ дѣйствій, Мы не переставали искренно желать, какъ и понынѣ желаемъ, прекращенія кровопролитія. Мы питали даже надежду, что размышленіе и время убѣдятъ Турецкое правительство въ его заблужденіи, порожденномъ коварными наущеніями, въ коихъ Наши справедливыя, на трактатахъ основанныя требованія представляемы были какъ посягательство на его независимость, скрывающее замыслы на преобладаніе. Но тщетны были доселѣ Наши ожиданія. Англійское и Французское Правительства вступились за Турцію, и появленіе соединенныхъ ихъ флотовъ у Царьграда послужило вящшимъ поощреніемъ ея упорству. Наконецъ, обѣ Западныя Державы, безъ предварительнаго объявленія войны, ввели свои флоты въ Черное море, провозгласивъ намѣреніе защищать Турокъ и препятствовать Нашимъ военнымъ судамъ въ свободномъ плаваніи для обороны береговъ Нашихъ.

Послѣ столь неслыханнаго между просвѣщенными Государствами образа дѣйствія, Мы отозвали Наши Посольства изъ Англіи и Франціи и прервали всякія политическія сношенія съ сими Державами.

Итакъ, противъ Россіи, сражающейся за Православіе, рядомъ съ врагами Христіанства становятся Англія и Франція!

Но Россія не измѣнитъ Святому своему призванію; и если на предѣлы ея нападутъ враги, то Мы готовы встрѣтить ихъ съ твердостью, завѣщанною Намъ предками. Мы и нынѣ не тотъ ли самый народъ Русскій, о доблестяхъ коего свидѣтельствуютъ достопамятныя событія 1812 года! Да поможетъ Намъ Всевышній доказать сіе на дѣлѣ! Въ этомъ упованіи, подвизаясь за угнетенныхъ братьевъ, исповѣдующихъ Вѣру Христову, единымъ сердцемъ всея Россіи воззовемъ:

„Господь нашъ! Избавитель нашъ! Кого убоимся! Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его!“

Данъ въ Санктпетербургѣ, въ 9-й день февраля мѣсяца, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ пятьдесятъ четвертое, Царствованія же Нашего въ двадцать девятое.

Отвѣтомъ на французскій ультиматумъ могла быть только рѣшимость отразить непріятеля съ оружіемъ въ рукахъ, доказавъ ему на дѣлѣ геройскую мощь русской арміи и русскаго народа независимо отъ исхода войны.

II.

Баронъ Брунновъ продолжалъ смотрѣть на событія съ усвоенной имъ точки зрѣнія, которая обезпечивала его депешамъ лучшую оцѣнку въ Петербургѣ. Въ началѣ августа онъ отмѣтилъ [1]) высказанныя въ палатѣ общинъ Кобденомъ слова о томъ, что Восточный вопросъ долженъ быть разрѣшенъ когда-нибудь окончательно, такъ какъ невозможно, чтобы исламъ продолжалъ существовать при современномъ состояніи культуры христіанскихъ народовъ. Достойно замѣчанія, что противъ этой фразы Государь сдѣлалъ надпись: „C'est tout à fait mon avis; c'est incontestable“.

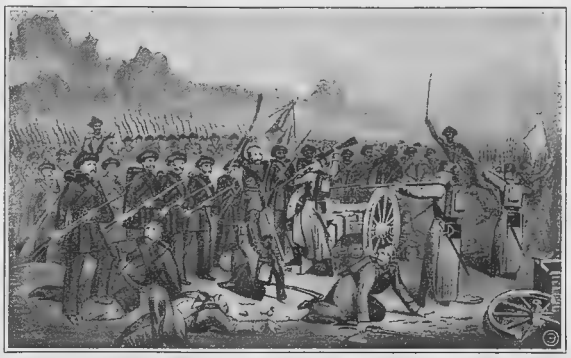
Въ августѣ же послѣдовалъ интересный разговоръ нашего лондонскаго посла съ лордомъ Абердиномъ, который, раздѣляя, видимо, до извѣстной степени идеи Кобдена, нашелъ нужнымъ сказать барону Бруннову о Турціи: „Я пересталъ вѣрить, что „она можетъ просуществовать болѣе долгій срокъ. Я думаю, „однако, что мы не проживемъ достаточно долго, чтобы намъ „пришлось заняться этой комбинаціей. Нынѣ она мнѣ кажется не „столь удаленной (peu éloignée)“. Эти слова англійскаго министра произвели глубокое впечатлѣніе на Государя, который, подчеркнувъ ихъ, сдѣлалъ на поляхъ депеши многозначительную отмѣтку: „Enfin“.

Приведенныя Высочайшія помѣтки достаточно краснорѣчивы. Если ихъ сопоставить съ выраженіями Государя въ письмахъ къ князю Варшавскому, то становится несомнѣннымъ, что посте-

---

[1]) Бар. Брунновъ — канцлеру 5 (17) августа 1853 г., № 227. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, карт. Londres, 1853.

пенно умъ Императора Николая стала волновать грандіозная мысль объ изгнаніи турокъ изъ Европы и о созданіи на Балканскомъ полуостровѣ ряда христіанскихъ государствъ. Эта мысль была выражена также въ приводимыхъ въ своемъ мѣстѣ письмахъ Государя къ Императору Францу-Іосифу, и сама по себѣ она являлась достойнымъ концомъ освободительной политики вѣнценосныхъ вождей Россіи, начиная съ Петра Великаго [1]). Но волею судебъ мысль эта столкнулась съ условіями, при наличности которыхъ она не могла быть осуществлена. Наша дипломатія въ спорѣ о Святыхъ Мѣстахъ и въ позднѣйшемъ конфликтѣ, который выросъ на почвѣ требованій князя Меншикова и противодѣйствія имъ, запуталась въ противорѣчіяхъ. Вмѣсто того, чтобы ясно поставить вопросъ о необходимости осуществленія великой мысли, которая могла бы, вѣроятно, при надлежащемъ ея провозглашеніи встрѣтить сочувствіе въ Европѣ, она прежде всего стала отъ нея отказываться. Это и вызвало на западѣ тѣ обвиненія насъ въ двуличіи, которыя сослужили службу Турціи и ея союзникамъ и привели къ непріязненному по отношенію къ намъ настроенію чуть ли не всѣ культурныя страны. Прямота и искренность Императора Николая были поставлены намъ въ вину, такъ какъ всюду думали, что нашъ кабинетъ желаетъ только придраться къ случаю, чтобы низвергнуть Оттоманскую Имперію и воспользоваться ея наслѣдіемъ. Заявленія же нашей дипломатіи



Лубокъ Башкадыкларскаго сраженія (Красная пушка султана).

---

[1]) Интересно прослѣдить, какъ по мѣрѣ хода событій развивалась въ этомъ отношеніи мысль Императора Николая. 8 мая 1854 г. въ „Journal des Débats“ появилась статья, касающаяся разрыва съ западными державами. Въ томъ мѣстѣ доклада графа Нессельроде, касающагося этой статьи, гдѣ говорится о возможной въ будущемъ самостоятельности Придунайскихъ княжествъ, Государь сдѣлалъ слѣдующую помѣтку: „Не только княжества, но *всѣ* христіанскія „народности Турціи обязательно должны стать независимыми, стать тѣмъ, чѣмъ онѣ были „прежде и таковыми войти въ семью христіанскихъ государствъ Европы. Гарантія ихъ религіи, „ихъ организаціи и ихъ отношеній къ сосѣдямъ должна быть урегулирована на международ„номъ конгрессѣ, который я желалъ бы видѣть въ Берлинѣ“. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, карт. Доклады, 1854.

о томъ, что мы чужды какихъ-либо мыслей о расширеніи территоріи Россіи, принимались на западѣ, какъ неискусныя уловки. Даже такіе люди, какъ лордъ Абердинъ, который имѣлъ счастливый случай лично бесѣдовать съ Государемъ и зналъ его высокія мысли, колебались, не зная, что скрываетъ въ себѣ возникшій споръ, и какія въ дѣйствительности цѣли преслѣдуются нашей политикой. Обаяніе личности Императора Николая, однако, было столь велико, что лордъ Абердинъ, годъ спустя послѣ встрѣчи съ нимъ, сознавалъ, какъ бы инстинктивно, что въ существѣ возникшихъ недоразумѣній лежитъ взаимное непониманіе сторонъ. „Я бы желалъ", говорилъ онъ барону Бруннову, „чтобы „Его Величество былъ убѣжденъ, что его умѣренность болѣе „всего затрудняетъ его противниковъ (contrarie ses adversaires). „Они желали бы истощить его терпѣніе, довести его до край„ности и тогда обвинить Россію въ нападеніи... Эта жалкая, „изворотливая политика составляетъ нашъ позоръ".

Далѣе лордъ Абердинъ замѣтилъ нашему послу, что онъ имѣетъ несчастіе не довѣрять лорду Редклифу, безъ котораго, однако, обойтись невозможно, и что онъ презираетъ „скотовъ турокъ" (ces brutes), не имѣя средствъ предоставить ихъ собственной судьбѣ [1]).

Оговорки лорда Абердина были, конечно, понятны для барона Бруннова. Онъ не могъ, находясь въ Лондонѣ, не знать, что добрыя чувства англійскаго перваго министра были чисто платоническія. Нашъ посолъ могъ бы дать сообщаемому разговору соотвѣтствующее разъясненіе, при которомъ рѣчи лорда Абердина представились бы въ ихъ истинномъ свѣтѣ. Но баронъ Брунновъ воздержался отъ этого. Онъ зналъ, что такія разъясненія были бы непріятны, и потому предпочелъ оставлять свое правительство въ заблужденіи до того времени, когда истина станетъ очевидной, и когда ее можно будетъ объяснить безумiемъ англійскихъ государственныхъ людей или тѣми „intrigues de sérail", которымъ нашъ дипломатъ приписывалъ борьбу англійскихъ политическихъ партій [2]).

Однако, время дипломатическихъ остротъ и стилистическихъ упражненій проходило. Баронъ Брунновъ обстоятельствами былъ вынужденъ писать иногда краткія и содержательныя депеши.

---

[1]) Брунновъ — канцлеру 17 (29) октября 1853 г. Гос. Арх., разр. III, д. № 108.
[2]) Брунновъ — канцлеру 30 сентября (12 октября) 1853 г. Тамъ же.

17 (29) октября онъ донесъ канцлеру, что командующій англійской эскадрой адмиралъ Дундасъ получилъ инструкцію охранять Константинополь, а также турецкіе порты на Черномъ морѣ — Варну, Требизонтъ и Батумъ.

Въ ноябрѣ нашъ лондонскій посолъ былъ уже вынужденъ признать, что „два кабинета (нашъ и с.-джемскій) желаютъ столь „противоположнаго, что нѣтъ возможности довести ихъ до согла„шенія мирными путями“ [1]). Письмо барона Бруннова, въ которомъ онъ приводилъ только что изложенный взглядъ, замѣчательно по своей редакціи. Оно начинается указаніемъ на возможное заключеніе мира съ Турціей, при чемъ авторъ его совѣтуетъ не только держаться требованій князя Меншикова, но и увеличить ихъ. Далѣе рѣчь идетъ о покровительствѣ, которое англичане оказываютъ туркамъ; разсказывается о томъ, что лордъ Абердинъ, будучи предупрежденъ о возможномъ отъѣздѣ барона Бруннова, высказался, что онъ не отзоветъ сэра Гамильтона Сеймура изъ Петербурга; упоминается о глубокомъ впечатлѣніи, которое произвелъ на англійскаго министра прочтенный ему отрывокъ изъ письма графа Нессельроде къ барону Бруннову, и, наконецъ, приводятся слова лорда Абердина о томъ, что лично онъ только и желалъ бы подтвержденія нашихъ трактатовъ съ Турціей, между тѣмъ какъ другіе стремятся къ ихъ пересмотру [2]).

Впрочемъ, Императоръ Николай уже не сомнѣвался болѣе въ непріязненномъ отношеніи къ намъ англійской политики. Онъ, можетъ быть, былъ только введенъ въ заблужденіе относительно причинъ этой непріязни. На всеподданнѣйшей запискѣ графа Орлова [3]) о бесѣдѣ съ сэромъ Гамильтономъ Сеймуромъ, который выражалъ надежду, что все еще перемѣнится къ лучшему, Государь надписалъ: „Ни Сеймуру и никому изъ нихъ (англій„скихъ купцовъ) не вѣрю, ибо *они* [4]) честному слову не вѣ„рятъ, п . . . . . !“

Однако, Императоръ Николай сдѣлалъ еще одну попытку побороть предубѣжденіе лондонскаго кабинета. Онъ отправилъ 20 октября (1 ноября) Королевѣ Викторіи собственноручное письмо слѣдующаго содержанія [5]):

---

[1]) Письмо бар. Бруннова гр. Нессельроде 14 (26) ноября 1853 г. Тамъ же.
[2]) См. Приложеніе № 95.
[3]) Отъ 5 октября 1853 г. Собственная Его Величества библіотека, шк. 115, портф. 14.
[4]) Курсивъ подлинника.
[5]) Французскій подлинникъ въ Приложеніи № 96.

„Вашему Величеству, надѣюсь, извѣстны искреннія мои „чувства къ Вашей особѣ съ тѣхъ поръ, какъ я имѣлъ честь „лично Васъ узнать; мнѣ казалось, что Вы также благоволили „оказывать мнѣ нѣкоторое расположеніе. Вы меня простите, что „наканунѣ, быть-можетъ, серьезныхъ событій я обращаюсь не- „посредственно къ Вамъ, чтобы испытать *послѣднее остающееся „мнѣ средство* [1]) предотвратить несчастія, избѣжаніе которыхъ „является въ интересахъ обѣихъ нашихъ странъ. Я позволяю „себѣ это сдѣлать съ особенно большимъ довѣріемъ потому, „что за много времени до того, какъ дѣла Востока приняли „тотъ дурной оборотъ, въ которомъ они находятся въ настоящее „время, я непосредственно обращался къ Вашему Величеству че- „резъ сэра Гамильтона Сеймура. Я старался обратить Ваше вни- „маніе на событія, тогда еще неопредѣленныя, но весьма прав- „доподобныя въ моихъ глазахъ, которыя я старался освѣтить „*прежде всего* совмѣстно съ англійскимъ кабинетомъ, чтобы „устранить, насколько возможно, различіе нашихъ взглядовъ. Пе- „реписка того времени, которую благоволите приказать перечесть „себѣ еще разъ, достигла своей цѣли, такъ какъ разъяснила „англійскому правительству самыя интимныя мои мысли относи- „тельно затронутыхъ серьезныхъ предположеній, а я получилъ „въ отвѣтъ (или, по крайней мѣрѣ, такъ предполагалъ) такое же „изложеніе взглядовъ Вашего Величества.

„Будучи, такимъ образомъ, освѣдомлены о томъ, чего мы „обоюдно желали бы, по какому же фатальному стеченію обсто- „ятельствъ мы дошли, Государыня, до столь яркаго недораз- „умѣнія по вопросамъ, относительно которыхъ мы согласились, „казалось, раньше, такъ какъ *мое слово обязываетъ меня по „отношенію къ Вашему Величеству такъ же, какъ,* я думаю, „*слово англійскаго правительства обязательно по отношенію „ко мнѣ.*

„Я обращаюсь къ справедливости и къ сердцу Вашего Ве- „личества, я взываю къ Вашимъ добрымъ намѣреніямъ и къ „Вашей мудрости. Благоволите рѣшить, должны ли мы остаться, „какъ я этого горячо желаю, въ добромъ согласіи, одинаково „выгодномъ для нашихъ странъ, или Вы находите *войну не- „избѣжной въ то время, когда я тщетно прошу указать „причины къ ней.* Долженъ ли англійскій флагъ развѣваться

[1]) Курсивъ подлинника.

„рядомъ съ полумѣсяцемъ, чтобы бороться съ Андреевскимъ „крестомъ.

„Каково бы ни было рѣшеніе Вашего Величества, будьте „увѣрены въ неизмѣнной и искренней привязанности, съ которой „не перестану пребывать Вашего Величества добрымъ братомъ „и другомъ".

Отвѣтъ на это письмо послѣдовалъ черезъ двѣ недѣли, сообразно состоянію тогдашнихъ сообщеній.

„Государь и дорогой братъ", писала Королева Викторія [1]). „Съ глубокимъ и искреннимъ удовлетвореніемъ я получила письмо,

Башкадыкларское сраженіе (съ карт. Шарлеманя).

„которое Вашему Императорскому Величеству угодно было напи- „сать мнѣ 18 (30) октября [2]). Я весьма тронута выраженными „Вами чувствами, и Ваше Величество меня достаточно знаете, „чтобы вѣрить во взаимность этихъ чувствъ.

„Я также очень благодарна Вамъ, Государь, за откровенность, „съ которой вы мнѣ говорите о настоящихъ осложненіяхъ. Я бы „не сумѣла лучше отвѣтить на чистосердечныя намѣренія Вашего

---

[1]) См. Приложеніе № 97.

[2]) Черновое письмо Императора Николая помѣчено 20 октября (1 ноября).

„Величества иначе, какъ высказавъ въ свою очередь со всей „прямотой мои взгляды на затронутый вопросъ, такъ какъ я „убѣждена, что въ этомъ заключается лучшее средство сохранить „съ пользой истинную дружбу.

„Я прочитала, дорогой братъ, согласно Вашему желанію, какъ „секретныя сообщенія, которыя Вы пожелали нынѣшней весной „мнѣ передать черезъ барона Гамильтона Сеймура, такъ и отвѣты, „которые я приказала моему правительству Вамъ отправить.

„Хотя при чтеніи и становится очевидной весьма замѣтная „разница Вашихъ и моихъ взглядовъ на Турецкое государство и „его жизнеспособность, но меморандумъ Вашего Величества отъ „3 (15) апрѣля самымъ счастливымъ образомъ разсѣивалъ не- „пріятныя опасенія. Изъ него видно, что если мы не были согласны „относительно *состоянія здоровья* [1]) Оттоманской Имперіи, то „между нами была полная солидарность относительно необходимости „предоставить ей жить и не предъявлять ей унижающихъ ее тре- „бованій съ тѣмъ, чтобы остальные поступали бы такъ же, и никто „не злоупотреблялъ бы ея слабостью для полученія исключитель- „ныхъ преимуществъ. Съ этой цѣлью Ваше Величество заявили „даже готовность потрудиться въ согласіи съ Англіей для продол- „женія существованія Турецкой Имперіи и избѣгать всякаго повода, „могущаго повести къ ея распаденію.

„Я также была убѣждена, что между нами не было и не „могло быть никакого различія во взглядахъ относительно тре- „бованій о Святыхъ Мѣстахъ, требованій, которыя, какъ я имѣла „право думать, составляли единственный предметъ недовольства „Россіи Портой.

„Я, Государь, вполнѣ полагаюсь на слово, данное мнѣ Вашимъ „Величествомъ, слово, впослѣдствіи подтвержденное, благодаря „Вашей дружбѣ, объясненіями Вашихъ намѣреній. Никто болѣе „меня не цѣнитъ высокой прямоты Вашего Величества, и я желала „бы, чтобы мои убѣжденія могли бы разрѣшить въ этомъ отно- „шеніи всѣ затрудненія. Но вамъ извѣстно, что, какъ бы ни „были чисты намѣренія, которыми руководствуется монархъ, даже „наиболѣе возвышеннаго характера, этихъ личныхъ качествъ „недостаточно для международныхъ договоровъ, когда одно госу- „дарство связуетъ себя по отношенію къ другому торжественными „обязательствами. Истинныя намѣренія Вашего Величества были

[1]) Курсивомъ — мѣста, подчеркнутыя Императоромъ Николаемъ.

„несомнѣнно забыты и плохо истолкованы въ отношеніи формы, „приданной обращеннымъ къ Портѣ требованіямъ.

„Искренно желая, Государь, изслѣдовать, отчего собственно „могло произойти это непріятное недоразумѣніе, я естественно „остановилась на 7 статьѣ Кайнарджійскаго трактата, и я должна „сказать Вашему Величеству, что, запросивъ относительно смысла, „который можетъ быть приданъ этой статьѣ, совѣта самыхъ „свѣдущихъ людей, а затѣмъ прочтя ее сама съ искреннимъ „желаніемъ избѣгнуть односторонности, я пришла къ убѣжденію, „что эта статья не можетъ подлежать распространительному тол- „кованію, которое желали ей придать. Всѣ друзья Вашего Вели- „чества увѣрены, какъ и я, что Вы *не злоупотребили бы данными „Вамъ правами, но такого рода требованія* (какія предъявлены „Турціи) *едва ли могутъ быть пріемлемы кѣмъ-либо изъ госу- „дарей, уважающихъ свою независимость.*

„Я не скрою также отъ Вашего Величества тяжелаго впеча- „тлѣнія, которое на меня произвело занятіе Княжествъ. Вотъ уже „четыре мѣсяца, какъ оно вызываетъ общее потрясеніе въ Европѣ „и впослѣдствіи можетъ привести къ событіямъ, которыя я буду „оплакивать наравнѣ съ Вами. Но, такъ какъ намѣренія Вашего „Величества относительно Порты *дружественны и безкорыстны,* „то я убѣждена, что Вы найдете способъ ихъ проявить и осуще- „ствить такъ, чтобы обойти самыя серьезныя опасности, *которыя, „увѣряю Васъ, я съ своей стороны буду всѣми силами устранять.* „Безпристрастное вниманіе, съ которымъ я слѣдила за причинами, „вызывавшими до настоящаго времени неудачу всѣхъ попытокъ „примиренія, *даетъ мнѣ твердое убѣжденіе въ томъ, что нѣтъ „существеннаго препятствія, котораго нельзя было бы устранить „или быстро преодолѣть при содѣйствіи Вашего Императорскаго „Величества.*

„Я не оставляю надежды на этотъ счастливый результатъ „даже послѣ грустныхъ столкновеній, которыя вызвали пролитіе „крови въ Княжествахъ, такъ какъ я вѣрю въ Бога, и если со „всѣхъ сторонъ намѣренія чисты, а хорошо понимаемые интересы „общи, то Всемогущій не дозволитъ, чтобы *вся Европа, въ „которой такъ много горючихъ элементовъ, была подвергнута „всеобщему потрясенію.*

„Да блюдетъ Богъ дни Вашего Величества и вѣрьте, Госу- „дарь, искренней привязанности, съ которой пребываю Вашего „Императорскаго Величества доброй сестрой и другомъ“.

Императоръ Николай помѣтилъ на этомъ письмѣ: „C'est fort „amical, mais cela ne conclut rien du tout".

Въ то время, какъ монархи обмѣнивались приведенными письмами, баронъ Брунновъ продолжалъ въ Лондонѣ свою политику бесѣдъ съ лордомъ Абердиномъ. Онъ исполнилъ также данное ему министромъ финансовъ порученіе перевести изъ англійскаго банка вкладъ нашего правительства въ суммѣ около 25 милліоновъ франковъ и подчеркивалъ въ своей депешѣ [1]) эту свою заслугу передъ отечествомъ, какъ „nouvelle preuve de fidélité et de dévouement au service de notre Auguste Maître". Нашъ дипломатъ сообщалъ также о входѣ части союзной эскадры въ Черное море и о своей бесѣдѣ по этому поводу съ лордомъ Абердиномъ. Англійскій министръ заявилъ барону Бруннову, что входъ незначительной эскадры („escadrille") послѣдовалъ не по инструкціи союзныхъ правительствъ, а по личной иниціативѣ пословъ и адмираловъ; цѣлью такого рѣшенія было, по всей вѣроятности, облегченіе путешествія отозванныхъ изъ Княжествъ и временно находившихся въ Варнѣ консуловъ, а также возвращеніе стоявшихъ въ устьѣ Дуная торговыхъ судовъ. Одно изъ высказанныхъ лордомъ Абердиномъ предположеній о входѣ части эскадры въ Черное море сводилось и къ возможности наблюдать за движеніями турецкой эскадры на случай столкновенія между морскими силами Россіи и Турціи. Въ заключеніе разговора лордъ Абердинъ добавилъ, что онъ является противникомъ поползновеній заставить Англію воевать съ Россіей, но что онъ не можетъ оставить Турцію безъ поддержки.

Баронъ Брунновъ возразилъ своему собесѣднику, что предлогъ для входа союзной эскадры въ Черное море ему представляется „пустымъ и достойнымъ презрѣнія" (mesquin et méprisable), что русскія власти хозяйничать ей и уводить суда въ Сулинскомъ рукавѣ не позволятъ, и присутствіе эскадры при встрѣчѣ русскихъ морскихъ силъ съ турецкими не помѣшаетъ нашимъ морякамъ исполнить свой долгъ. Впрочемъ, лордъ Абердинъ и самъ назвалъ причины входа въ Черное море нѣсколькихъ союзныхъ военныхъ судовъ „contemptible" (достойнымъ презрѣнія), что, по словамъ Бруннова, свидѣтельствовало объ „униженіи, которое долженъ былъ испытать англійскій первый „министръ передъ лицомъ представителя Императора".

---

[1]) Бар. Брунновъ — канцлеру 14 (26) ноября 1853 г., № 301. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, карт. Londres, 1853.

Вопросъ о вооруженномъ вмѣшательствѣ Великобританіи въ русско-турецкую распрю былъ въ англійскомъ общественномъ мнѣніи рѣшенъ съ того момента, когда въ Лондонѣ было получено извѣстіе о Синопской побѣдѣ. Баронъ Брунновъ въ слѣдующихъ словахъ описываетъ состояніе умовъ въ Англіи послѣ этого событія [1]):

„Русскій флотъ проявилъ свое мужество въ благородномъ „боевомъ дѣлѣ. Сценой этой неожиданной побѣды была стихія, „въ которой Англія считала себя „безраздѣльно господствующей. „Великобританская эскадра, стоявшая на якорѣ въ Босфорѣ, была „свидѣтельницей нашей побѣды. „Она оставалась бездѣятельной въ „то время, когда турецкій флагъ „склонился передъ Андреевскимъ „крестомъ. Гдѣ же была Англія, „объявившая, что ея знамя развѣвается на водахъ Востока для „того, чтобы охранять независимость Турціи, ея старой союзницы! Она оставалась неподвижной. Она даже не осмѣлилась „пройти проливы. Это преисполнило мѣру паденія. Жребій брошенъ. Нельзя болѣе отступать, „не марая чести Англіи несмываемымъ пятномъ. Таковы, г. канцлеръ, рѣчи органовъ общественнаго мнѣнія".

Эпизодъ Башкадыкларскаго сраженія.

Минута кризиса наступала, хотя лордъ Абердинъ и сообщилъ барону Бруннову, что въ интересахъ сохраненія мира онъ предполагаетъ сдѣлать еще одно усиліе, и окончательное рѣшеніе по этому поводу ожидалось нашимъ посломъ черезъ нѣсколько дней. Однако, 3 (15) декабря [2]) нашъ посолъ сообщилъ, что лордъ Абердинъ не будетъ дѣлать совѣту министровъ никакихъ предложеній, но Редклифъ, по словамъ англійскаго министра, еще надѣялся заставить Турцію вступить въ переговоры [3]). Баронъ

---

[1]) Бар. Брунновъ — канцлеру 1 (13) декабря 1853 г., № 314. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, карт. Londres, 1853.

[2]) Бар. Брунновъ — канцлеру 3 (15) декабря 1853 г., № 318. Тамъ же.

[3]) Слова лорда Абердина совершенно не соотвѣтствуютъ истинной роли лорда Редклифа, очерченной безпристрастнымъ свидѣтелемъ генераломъ Барагэ-д'Илье. (См. выше, разд. 1 этой главы).

Брунновъ счелъ долгомъ заявить на это лорду Абердину, что „Англія не страховое общество, обязанное отвѣчать за несчастные „случаи на морѣ“, и если она стремится сохранить Оттоманскую Имперію, то должна проявлять это стремленіе не путемъ войны, а мирными средствами, такъ какъ никакая иностранная демонстрація не заставитъ насъ отказаться отъ права войны по отношенію къ Турціи.

Баронъ Брунновъ, руководствуясь инструкціей графа Нессельроде, заявилъ лорду Абердину и Кларендону, что „отношеніе „Государя Императора къ двумъ морскимъ державамъ будетъ со„образно съ поведеніемъ ихъ эскадръ по отношенію къ нашей“ [1]). Англійскіе же министры замѣтили на это, что Синопская побѣда въ извѣстномъ смыслѣ является униженіемъ для Англіи, и вопросъ о дѣйствіи союзныхъ эскадръ зависитъ отъ пословъ въ Константинополѣ и отъ адмираловъ. Брунновъ не могъ не выразить удивленія по поводу такой передачи правительствами руля политики адмиралмъ, въ отвѣтъ на что ему пришлось выслушать оригинальную теорію, подробно изложенную лордомъ Абердиномъ.

„Я примирился съ мыслью“, сказалъ англійскій министръ, „что мнѣ придется узнать о боевомъ столкновеніи нашихъ су„довъ съ вашими. Я не спорю противъ того, что вамъ принад„лежитъ право преслѣдовать турецкіе корабли вездѣ, гдѣ ихъ „можно встрѣтить, но мы полагаемъ, что въ нашихъ интересахъ „помѣшать такимъ встрѣчамъ. Отсюда легко возможно предви„дѣть столкновенія. Мы не назовемъ этого войной... Я вижу „ваше удивленіе. Вы удивитесь еще болѣе, если я вамъ скажу, „что мы идемъ далѣе. Мы допускаемъ, что борьбу между нами „возможно ограничить предѣлами Чернаго моря, не распространяя „ее ни на Балтійское, ни на другія части земного шара. Если „бѣдствія войны можно заключить въ болѣе узкій кругъ, то „отчего не сдѣлать этого? Вѣдь распря турецкая и почему ее „не заключить въ территоріальные предѣлы, гдѣ она должна быть „разрѣшена? Это можетъ показаться неслыханнымъ, но я не „думаю, чтобы это былъ абсурдъ“.

На замѣчаніе барона Бруннова, что мы имѣемъ дѣло съ Турціей, и что вмѣшательство третьихъ державъ скорѣе способно запутать вопросъ, чѣмъ содѣйствовать его разрѣшенію, лордъ Абердинъ отвѣтилъ:

---

[1]) Бар. Брунновъ — канцлеру 14 (26) декабря 1853 г., № 323. Тамъ же.

„Для насъ невозможно предоставить Турцію вашей милости. „Невозможно также предоставить ее собственной неспособности. „Поэтому намъ приходится выбирать между двумя одинаково „плохими способами. Прежде всего мы рискуемъ разсориться „съ вами, а если бы мы пришли къ соглашенію съ вами, то „пришлось бы принуждать Турцію".

Изложеніе бесѣды съ лордомъ Абердиномъ баронъ Брунновъ восполнилъ своими замѣчаніями. „Когда политика ложна", писалъ онъ, „то она можетъ привести лишь къ плохимъ послѣдствіямъ. „Англія стала на путь, съ котораго ей невозможно сойти, не „наталкиваясь на препятствія, созданныя ея же руками".

Донесеніе нашего посла было испещрено восклицательными знаками, которыми Императоръ Николай отмѣтилъ приведенные отрывки, сдѣлавъ въ концѣ надпись: „C'est absurde et pitoyable" [1]).

Однако, Государь не терялъ еще окончательной надежды или признавалъ, по крайней мѣрѣ, необходимымъ до конца исчерпать всѣ возможныя средства для избѣжанія полнаго разрыва съ Англіей. Онъ еще разъ обратился 3 (15) декабря къ королевѣ Викторіи съ собственноручнымъ письмомъ.

„Государыня", писалъ Императоръ Николай [2]), „я благодарю „Ваше Величество за столь же дружественный, сколько и откро„венный отвѣтъ на письмо, которое я имѣлъ честь вамъ напи„сать. Благодарю также за довѣріе къ моему слову. Я надѣюсь, „что имѣю на это нѣкоторое право. 28 лѣтъ политической жизни, „часто подверженной тяжелымъ испытаніямъ, никому, я надѣюсь, „не даютъ права въ этомъ сомнѣваться. Какъ мнѣ ни прискорбно „быть иного, чѣмъ Ваше Величество, мнѣнія, но я позволяю себѣ „думать, что въ дѣлахъ публичныхъ, а также въ отношеніяхъ „одной страны къ другой ничто не можетъ быть болѣе свято, „какъ слово и личный характеръ государя, такъ какъ отъ ихъ „окончательнаго рѣшенія зависитъ миръ и война.

„Я не буду, конечно, утомлять вниманія Вашего Величества „подробнымъ разборомъ статьи 7 Кайнарджійскаго трактата, но „замѣчу лишь, Государыня, что уже 80 лѣтъ, какъ Россія и „Турція понимали ее такъ, какъ понимаемъ мы ее и теперь.

---

[1]) См. Приложеніе № 98.

[2]) Въ Государственномъ Архивѣ проектъ этого письма находится въ двухъ экземплярахъ. Изъ нихъ одинъ написанъ собственноручно Государемъ, а другой—писарской рукой, съ исправленіями рукой Государя. Который былъ отправленъ по назначенію, неизвѣстно, и мы помѣщаемъ въ Приложеніяхъ №№ 99 и 100 оба экземпляра.

„Этотъ смыслъ былъ извращенъ лишь въ послѣднее время, вслѣд-„ствіе подстрекательствъ, которыя Вашему Величеству столь же „хорошо извѣстны, какъ и мнѣ. Вернуть Кайнарджійскому трактату „первоначальное значеніе и укрѣпить его торжественнымъ обяза-„тельствомъ — такова цѣль моихъ усилій и таковой она останется, „хотя бы, вопреки моему горячему желанію, пришлось еще про-„ливать кровь. Это жизненный вопросъ для Россіи, и нѣтъ усилій, „которыхъ она не употребила бы, чтобы его надлежащимъ обра-„зомъ разрѣшить.

„Если мнѣ пришлось занять Княжества, о чемъ я сожалѣю „такъ же, какъ и Ваше Величество, то потому, что свобода, ко-„торой Княжества пользуются, завоевана цѣной русской крови и „достигнута, Государыня, мною въ 1828 и 1829 годахъ. Было бы „недостойно меня предавать ихъ наканунѣ конфликта, который „дѣлали все болѣе и болѣе вѣроятнымъ, на волю враговъ хри-„стіанства, коихъ гнетъ понятенъ лишь тѣмъ, кто его испыталъ. „Я надѣюсь, что это достаточный отвѣтъ на сомнѣнія и сожа-„лѣнія Вашего Величества. Вы изволили мнѣ высказать, что не „сомнѣваетесь въ возможности возстановленія мира при моей „помощи, несмотря на пролившуюся кровь. Отъ всего сердца „отвѣчаю, Государыня, — да, если ваши уполномоченные точно „исполнятъ ваши приказанія и ваши благожелательныя намѣренія, „потому что мои не измѣнились съ самаго начала настоящихъ „грустныхъ событій. Отступать передъ опасностью или хотя бы „только желать теперь не того, чего я желалъ раньше, и отречься „отъ своего слова было бы ниже меня, и благородное сердце „Вашего Величества должно это понять. Я прибавлю лишь, что „мое сердце обливается кровью, узнавши, какіе ужасы творятся „дикими ордами съ тѣхъ поръ, какъ тамъ развивается англій-„скій флагъ.

„Я сердечно благодаренъ за добрыя пожеланія, которыя вамъ „угодно было мнѣ передать. Они взаимны, пока я живъ, Госу-„дарыня, и я радъ высказать это Вашему Величеству, увѣряя „васъ въ моей благожелательности. До конца жизни пребываю, „Государыня, Вашего Величества преданнымъ братомъ и другомъ".

Въ приложеніяхъ читатель найдетъ подлинникъ этого проекта, а также варіантъ, вышедшій, вѣроятно, изъ-подъ пера графа Нессельроде, смягчившаго прямыя и рѣшительныя выраженія Государя и введшаго въ текстъ рядъ дипломатическихъ вставокъ и округленныхъ фразъ, которыми былъ такъ богатъ стилисти-

ческій репертуаръ канцлера, а въ особенности его ученика, какъ самъ онъ любилъ себя называть, барона Бруннова.

Несомнѣнныя познанія, наблюдательность и способность оріентироваться въ событіяхъ, отличавшія этого дипломата, терялись въ стилистическихъ изворотахъ, въ желаніи блеснуть оригинальнымъ сравненіемъ и въ особенности въ опасеніи вызвать неудовольствіе Государя. У барона Бруннова не слѣдуетъ искать ни прямоты, ни рѣшительности въ высказываніи своихъ взглядовъ. Иногда, въ особо важныя минуты—намекъ и ничего болѣе, при

Башкадыкларское сраженіе (лубокъ).

томъ намекъ, тотчасъ же взятый обратно или сопровождаемый оговорками, среди которыхъ исчезалъ его настоящій смыслъ.

Классическимъ образцомъ такого „дипломатическаго искусства“ въ сношеніяхъ со своимъ собственнымъ правительствомъ является записка барона Бруннова о положеніи Восточнаго вопроса, написанная въ январѣ 1854 года [1]). Она начинается общими соображеніями о причинахъ (превосходно извѣстныхъ автору) политическихъ ошибокъ, совершаемыхъ правительствами. Какъ на главную причину, баронъ Брунновъ указываетъ на

[1]) См. Приложеніе № 101.

неточныя или преувеличенныя свѣдѣнія, доставляемыя агентами. „Послѣдніе имѣютъ слабость думать, что они оказываютъ пріятныя „услуги своимъ кабинетамъ, льстя господствующимъ мнѣніямъ „и сообщая свѣдѣнія, ихъ поддерживающія".

Далѣе идетъ рѣчь о томъ, какъ впалъ, вслѣдствіе этой причины, въ ошибки лондонскій кабинетъ [1]), и какъ, наоборотъ, болѣе глубоко проникаетъ въ суть вещей Императоръ Наполеонъ III. Въ то время, когда „англійская политика не сознаетъ „ни того, чего желаетъ, ни того, что можетъ", Наполеонъ прекрасно понялъ, что событія доведутъ его армію до Константинополя, и что явится возможность передѣлать карту Европы для возвеличенія Франціи. Записка излагаетъ далѣе подробности, касающіяся англійскихъ морскихъ вооруженій и предположенной перевозки французскихъ войскъ въ Константинополь, упоминаетъ объ „ужасѣ, охватывающемъ англійскій кабинетъ при мысли „о будущемъ", отмѣчаетъ безсиліе Швеціи и Даніи воспротивиться захвату Балтійскаго моря и колебанія Пруссіи и, наконецъ, подходитъ къ существенному вопросу о войнѣ и мирѣ. Баронъ Брунновъ прежде всего указываетъ на мирную миссію Австріи, нѣсколько осложненную послѣдними рѣшеніями пословъ на вѣнской конференціи, упоминаетъ вскользь о сомнѣніяхъ, вызываемыхъ парижскимъ проектомъ конференціи шести, и замѣчаетъ, что, если одно предложеніе не будетъ имѣть успѣха, то возникнетъ другое, такъ какъ никто не желаетъ перейти черту, отдѣляющую миръ отъ войны.

„Если бы пришлось объяснить", писалъ Брунновъ, „какимъ „образомъ Европа дошла до этой черты, то современная исторія „затруднилась бы связать начало съ концомъ.

„Годъ тому назадъ, когда князь Меншиковъ отправлялся въ „Константинополь, предметомъ его миссіи было урегулированіе „вопроса о Святыхъ Мѣстахъ посредствомъ дружественнаго согла„шенія съ Портой. Съ этого времени событія въ своемъ безоста„новочномъ ходѣ съ каждымъ шагомъ прибавляли Восточному „вопросу опасность за опасностью.

„Въ маѣ мѣсяцѣ вопросъ еще назывался нотой князя Мен„шикова.

„Въ іюлѣ онъ сталъ уже занятіемъ Княжествъ.

---

[1]) Бар. Брунновъ очевидно забылъ свои же сообщенія о независимости лорда Редклифа, который менѣе всего заботился объ угожденіи своему кабинету и дѣйствовалъ по собственному почину.

„Въ августѣ онъ пріобрѣлъ имя вѣнской ноты.

„Диванъ преобразовалъ его въ объявленіе войны.

„Морскія державы осложнили его посылкой эскадръ сначала „въ Дарданеллы, а потомъ къ выходу изъ Босфора.

„Россія отвѣтила Синопской побѣдой.

„Нынѣ мы подходимъ къ моменту, когда Восточный вопросъ „станетъ называться оккупаціей Константинополя общими силами „Франціи и Англіи.

„Если измѣнился видъ вопроса, то и цѣль нашихъ усилій „стала другая. Главнѣйшимъ интересомъ нашей политики является „лишеніе морскихъ державъ преобладающаго положенія, которое „онѣ заняли между Дарданеллами и Босфоромъ. Чѣмъ дольше „онѣ тамъ останутся, тѣмъ послѣдствія будутъ менѣе благопріятны „для насъ. Чтобы ихъ вытѣснить изъ положенія, столь полезнаго „для ихъ интересовъ и столь вреднаго для нашихъ, у насъ остается „выборъ между двумя альтернативами.

„Одной является миръ, другой—война.

„Императору принадлежитъ избрать ту, которую онъ найдетъ „лучшей.

„Не будемъ обезцѣнивать выгодъ мира, если его послѣд„ствіемъ является изъятіе Константинополя изъ власти англо„французскаго союза.

„Не будемъ также игнорировать трудностей, которыя придется „преодолѣть, чтобы достигнуть той же цѣли съ оружіемъ въ „рукахъ".

Баронъ Брунновъ говорилъ, какъ Пиѳія. Не удивительно поэтому, что вышеприведенныя строки записки удостоились лишь вопросительнаго знака, поставленнаго Государемъ на поляхъ труда нашего дипломата рядомъ съ отмѣткой NB.

Баронъ Брунновъ одновременно съ запиской препроводилъ графу Нессельроде интересное, полное противорѣчій письмо [1]). Оно начинается длиннымъ вступленіемъ, въ которомъ нашъ дипломатъ замѣчаетъ, что у насъ не знаютъ Англіи, и поэтому онъ считаетъ долгомъ высказать истину о предвидимыхъ имъ опасностяхъ. Съ чувствомъ своего превосходства говоритъ Брунновъ о „жалкомъ видѣ", съ которымъ лордъ Рёссель сообщилъ ему объ инструкціяхъ, посланныхъ въ Петербургъ Сеймуру, о ничтожествѣ англійскихъ министровъ, „ежедневно измѣняющихъ свое

[1]) Бар. Брунновъ — канцлеру 1 (13) января 1854 г. Гос. Арх., разр. III, д. № 108.

„мнѣніе“ и готовящихся къ открытію парламента, какъ къ рождественскому празднику, когда дѣтямъ показываютъ изображающую Великобританію куклу на картонномъ кораблѣ въ качествѣ владычицы морей. „Все это было бы смѣшно“, сентенціозно добавлялъ баронъ Брунновъ, „если бы миръ Европы не „былъ поставленъ на карту къ финалу рождественской пьесы“.

Авторъ, упомянувъ въ началѣ письма о томъ, что „Россія „должна отдать себѣ отчетъ въ жертвахъ, которыя ей придется „принести, и въ страданіяхъ, которыя ждутъ ее, если она вступитъ „въ великую борьбу“, замѣчаетъ въ концѣ, что, хотя парламентъ и ассигнуетъ какія угодно суммы, такъ какъ „манія противо„дѣйствія русскимъ завоеваніямъ затемняетъ всѣ умы“, но, что, однако, страна будетъ въ такомъ настроеніи лишь до тѣхъ поръ, пока ей не надоѣстъ нести издержки и читать газеты.

Если баронъ Брунновъ думалъ, что его записка и письмо явятся серьезнымъ предостереженіемъ передъ наступающими событіями, то онъ глубоко ошибался. Вѣрнѣе всего, что эти документы, какъ и многіе другіе, исходившіе отъ талантливаго дипломата и стилиста, имѣли въ виду убѣдить будущаго историка въ умѣ автора и въ сознаніи имъ значенія переживаемаго историческаго момента. Эта цѣль достигнута. Нельзя нынѣ отрицать (оставляя въ сторонѣ неизбѣжныя ошибки въ родѣ написанной отходной Пальмерстону), что баронъ Брунновъ прекрасно оріентировался въ событіяхъ, но нельзя также не отмѣтить, что онъ, дорожа своимъ личнымъ положеніемъ, не высказывалъ своихъ взглядовъ съ ясностью и полнотой, которые отличаютъ вѣрныхъ слугъ Царя и отечества не только за страхъ, но и за совѣсть.

Чѣмъ, напримѣръ, объяснить странное сообщеніе барона Бруннова, сдѣланное наканунѣ предвидѣнныхъ имъ громадной важности событій, о томъ, что правительства западныхъ державъ раскаиваются въ посылкѣ сэру Сеймуру и генералу Кастельбажаку инструкцій объяснить петербургскому кабинету входъ эскадръ въ Черное море намѣреніемъ воспрепятствовать всякому нашему нападенію на турецкій флотъ и порты [1]).

Но на дѣлѣ вышло иное. Англійскій и французскій послы въ Петербургѣ поступили, согласно даннымъ имъ инструкціямъ,

---

[1]) Бар. Брунновъ — канцлеру 1 (13) января 1854 г., № 2. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, карт. Londres, 1854.

и въ то время, когда депеша барона Бруннова направлялась еще къ мѣсту назначенія, графъ Нессельроде предложилъ ему разъяснить вопросъ о томъ, намѣрены ли союзныя эскадры воспрепятствовать также турецкому флоту нападать на наши суда и берега [1]). „Намъ невозможно", писалъ канцлеръ, „разсматривать „сдѣланное намъ заявленіе иначе, какъ покушеніемъ на наши „права воюющей стороны. Императоръ считаетъ себя обязаннымъ „протестовать противъ этого заявленія и не можетъ признать „его правомѣрности. Его рѣшеніе въ будущемъ опредѣлится въ „зависимости отъ способа примѣненія заявленія адмиралами обоихъ „флотовъ и отъ поведенія ихъ судовъ относительно нашихъ".

Ахметъ-паша со своимъ штабомъ.

13 (25) января баронъ Брунновъ исполнилъ данное ему порученіе, обратившись къ лорду Кларендону съ нотой слѣдующаго содержанія.

„Нижеподписавшійся получилъ приказаніе объясниться съ „вашимъ превосходительствомъ относительно значенія сообщенія, „сдѣланнаго устно Имперскому канцлеру англійскимъ представи„телемъ въ С.-Петербургѣ.

„Если оно было вызвано желаніемъ устранить возможность „столкновенія между русскими и оттоманскими морскими силами, „то этого можно было достигнуть, руководствуясь принципомъ „справедливой взаимности.

„Поэтому слѣдовало бы точно опредѣлить, что оттоманская „эскадра должна воздержаться отъ всякаго нападенія на русскій „флагъ и на русскіе берега въ Европѣ и въ Азіи.

„Подъ этимъ условіемъ была бы обезпечена равная без„опасность оттоманскому берегу и флагу.

---

[1]) Депеша отъ 4 января 1854 г. См. Приложенія №№ 102 и 103.

„Во-вторыхъ, если турецкимъ судамъ позволено безпрепят-
„ственно поддерживать сообщенія между оттоманскими портами
„для доставленія жизненныхъ припасовъ, военныхъ матеріаловъ и
„войскъ, то такое же право должно быть обезпечено судамъ
„Императорскаго флота для того, чтобы они могли поддерживать
„сообщеніе между русскими портами на европейскомъ и азіат-
„скомъ побережьѣ.

„Такое рѣшеніе имѣло бы послѣдствіемъ, при его точномъ
„осуществленіи, прекращеніе между воюющими сторонами вра-
„ждебныхъ дѣйствій на морѣ.

„Нижеподписавщійся имѣетъ честь просить его превосходи-
„тельство лорда Кларендона увѣдомить его въ отвѣтъ на эту
„ноту, согласны ли намѣренія правительства Ея Великобританскаго
„Величества съ намѣреніями Императорскаго кабинета относи-
„тельно принципа совершенной взаимности, изложеннаго въ на-
„стоящемъ сообщеніи“ [1]).

Отвѣтъ заставилъ себя ждать шесть дней и не былъ удо-
влетворителенъ.

„Нижеподписавшійся“, писалъ лордъ Кларендонъ [2]), „имѣетъ
„честь подтвердить полученіе ноты барона Бруннова отъ 25 (13) с. м.,
„въ которой онъ сообщаетъ о полученномъ приказаніи запросить
„у нижеподписавшагося объясненія относительно точнаго смысла
„устнаго сообщенія представителя Ея Величества въ Петербургѣ
„канцлеру Имперіи.

„Баронъ Брунновъ указываетъ на нѣкоторыя мѣропріятія,
„которыя при взаимномъ соглашеніи и точномъ осуществленіи
„привели бы къ прекращенію военныхъ дѣйствій на морѣ, и
„проситъ нижеподписавшагося увѣдомить его, согласны ли намѣ-
„ренія правительства Ея Величества съ намѣреніями Император-
„скаго кабинета относительно принциповъ совершенной взаим-
„ности, изложенныхъ въ нотѣ барона Бруннова.

„Нижеподписавшійся, отвѣчая барону Бруннову, считаетъ
„долгомъ заявить, что сообщеніе сэра Сеймура имѣло въ виду
„установить: что флотъ Ея Величества былъ посланъ въ Кон-
„стантинополь не для нападенія на Россію, но для защиты Турціи,

---

[1]) Нота бар. Бруннова лорду Кларендону 13 (25) января 1854 г. Гос. Арх., разр. XI, д. № 1227.

[2]) Нота лорда Кларендона бар. Бруннову 19 (31) января 1854 г. Приложеніе къ деп. Бруннова канцлеру 20 января (1 февраля) 1854 г., № 18. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, карт. Londres, 1854.

„и что правительство Ея Величества было бы радо, если бы „необходимость такого использованія флота вовсе не представля- „лась. Но уничтоженіе турецкаго флота, мирно стоявшаго на „якорѣ въ турецкой гавани, доказало, что примирительное на- „строеніе правительства Ея Величества и дружественное объ его „намѣреніяхъ сообщеніе графу Нессельроде 27 октября были „невѣрно поняты и съ ними не считались. Поэтому правительство „Ея Величества рѣшилось принять мѣры для устраненія въ бу- „дущемъ несчастій въ родѣ того, театромъ котораго былъ Синопъ. „Съ этой цѣлью корабли Ея Величества и Императора францу- „зовъ должны войти въ Черное море и потребовать отъ каждаго „встрѣченнаго русскаго корабля, чтобы онъ возвратился въ рус- „скій портъ; если бы онъ не пожелалъ считаться съ этимъ тре- „бованіемъ, то принудить его къ исполненію. Но, такъ же какъ и „въ прошломъ, правительство Ея Величества, желая мирно раз- „рѣшить текущія затрудненія, приняло бы мѣры, чтобы воспре- „пятствовать всякому нападенію турецкаго флота на русскую „территорію.

„Нижеподписавшійся установилъ, такимъ образомъ, значеніе „сообщенія, которое, во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, устно „сдѣлалъ представитель королевы въ Петербургѣ, и ему кажется „совершенно излишнимъ увѣдомлять барона Бруннова о томъ, „что этому сообщенію будутъ точно придерживаться.

„Нижеподписавшійся спѣшитъ добавить, что правитель- „ство Ея Величества искренно желаетъ сохраненія дружествен- „ныхъ отношеній съ Россіей, и всѣ усилія его будутъ имѣть „цѣлью разрѣшеніе русско-турецкой распри, согласно со спра- „ведливостью и съ честью, но Россія заставила правительство Ея „Величества исполнить свой долгъ безъ колебаній.

„Турція является державой оскорбленной и болѣе слабой; „часть ея территоріи занята и удерживается силой, между тѣмъ, „какъ военныя приготовленія въ Россіи совершаются на широкую „ногу. Правительство Ея Величества, защищая Турцію отъ гро- „зящей ей опасности, поддерживаетъ основной принципъ евро- „пейской политики сохраненія Оттоманской Имперіи, принципъ, „который былъ нѣсколько разъ провозглашенъ пятью великими „европейскими державами.

„Предѣлы и характеръ такой защиты будутъ зависѣть отъ „образа дѣйствій Россіи, но правительство Ея Величества не те- „ряетъ надежды, что миръ возможенъ на справедливыхъ условіяхъ,

„предложенныхъ Портой Россіи. Если бы они были приняты, „то перемиріе на морѣ и на сушѣ прекратило бы пролитіе крови „и положило бы конецъ затрудненіямъ, вытекающимъ изъ мор„скихъ операцій. Опасныя нынѣ для общественнаго мира несо„гласія были бы тогда скоро устранены".

Не могло быть болѣе сомнѣній въ томъ, что Великобританія всецѣло становилась на сторону Турціи, и барону Бруннову оставалось лишь исполнить инструкцію графа Нессельроде и потребовать свои вѣрительныя грамоты. Онъ сердечно простился съ лордомъ Абердиномъ, который упрекалъ себя въ томъ, что не отправилъ тотчасъ же послѣ неудачи посольства князя Меншикова въ Петербургъ лорда Гренвиля для конфиденціальныхъ переговоровъ, и восклицалъ: „Это невозможно, это была бы чу„довищная война" [1]). Прощаніе съ лордомъ Кларендономъ ограничилось рукопожатіемъ.

26 января (7 февраля) баронъ Брунновъ покинулъ Лондонъ и направился въ Брюссель, гдѣ ему пришлось прожить, по приказанію Государя, около полугода.

Вскорѣ вслѣдъ за этимъ графъ Нессельроде получилъ сообщеніе лорда Кларендона [2]), съ заявленіемъ, что „если Россія „откажется отъ разрѣшенія чисто дипломатическимъ путемъ своихъ „несогласій съ Блистательной Портой и не увѣдомитъ черезъ „возвращающагося курьера о своемъ намѣреніи дать войскамъ „князя Горчакова приказъ отступить за Прутъ такъ, чтобы „Молдавія и Валахія были очищены до 30 апрѣля, то Велико„британское правительство будетъ считать отказъ или молчаніе „петербургскаго кабинета за равносильныя объявленію войны". Курьеру было приказано ожидать отвѣта не долѣе шести дней.

Курьеръ, конечно, ждалъ напрасно. Отвѣтъ не послѣдовалъ и послѣдовать не могъ. Оставалось принять вызовъ, уповая, какъ правильно выражалась позднѣйшая декларація нашего правительства, на силу сопротивленія, даваемую самоотверженностью и патріотизмомъ русскаго народа.

Столь долго подготовлявшійся разрывъ Россіи съ западными державами совершился. Франція и Англія 12 марта заключили въ Константинополѣ особый трактатъ съ Турціей, которымъ опредѣлялись ихъ взаимныя отношенія [3]), а 10 апрѣля между обѣими

---

[1]) Бар. Брунновъ — канцлеру 25 января (6 февраля) 1854 г. Гос. Арх., разр. III, д. № 108.
[2]) См. Приложеніе № 104.
[3]) См. Приложеніе № 105.

западными державами былъ заключенъ оборонительный и наступательный союзъ [1]).

Если въ Англіи этотъ союзъ былъ вызванъ опасеніемъ столь нежелательнаго для нея паденія Оттоманской Имперіи и чрезмѣрнаго усиленія вліянія Россіи на Востокѣ, то со стороны Императора Наполеона III преслѣдовались совершенно иныя и не соотвѣтствовавшія, по всей вѣроятности, интересамъ Великобританіи цѣли.

„Я смѣюсь надъ Восточнымъ вопросомъ“, сказалъ Наполеонъ принцу Гогенцолерну-Зиненгеру уже послѣ разрыва съ Россіей, „такъ же, какъ и надъ „вліяніемъ русскихъ „въ Азіи. Меня интересуетъ лишь вліяніе „ихъ въ Европѣ, и „я хочу положить конецъ тому господству, которое за послѣднее время петербургскій кабинетъ пріобрѣлъ на континентѣ. Мнѣ все равно, желаетъ ли „Россія очистить Княжества или нѣтъ, но я желаю ослабить ее „и не заключу мира, пока не достигну своей цѣли“ [2]).

Отрядъ греческихъ волонтеровъ.

Наше правительство ознакомило европейскіе кабинеты и общественное мнѣніе со своимъ взглядомъ на происшедшій разрывъ посредствомъ утвержденныхъ Государемъ февральскаго меморандума и мартовской декларації [3]). Истинное же освѣщеніе событій для Россіи было, кромѣ того, сдѣлано новымъ манифестомъ отъ 11 апрѣля, написаннымъ лично Императоромъ Николаемъ. Въ этомъ манифестѣ, объявленномъ при торжественной обстановкѣ въ первый день Свѣтлаго Христова Воскресенія, Государь объяснялъ народу, что общая цѣль Англіи и Франціи обезсилить Россію и низвести ее съ той степени могущества, на которую она возведена Всевышней Десницей. Упомянувъ далѣе о томъ, что Россія сражается не для матеріальныхъ выгодъ, а исключительно за вѣру

---

[1]) См. Приложеніе № 106.

[2]) Письмо гр. Бенкендорфа кн. Долгорукову изъ Берлина 12 (24) марта 1854 г. Арх. Канц. Воен. Мин., 1854 г., секр. д. № 3.

[3]) См. Приложенія №№ 107 и 108.

христіанскую и въ защиту единовѣрныхъ своихъ братій, Государь обращался ко всему христіанству. „Да познаетъ же все христіан-„ство“, были заключительныя слова манифеста, „что, какъ мыслитъ „Царь русскій, такъ мыслитъ, такъ дышитъ съ нимъ вся русская „семья“ [1]).

III.

Мы уже говорили, что вскорѣ послѣ возвращенія князя Меншикова изъ Константинополя нашему послу въ Вѣнѣ барону Мейендорфу было поручено передать Императору Францу-Іосифу собственноручное письмо Императора Николая, въ которомъ откровенно разъяснялись взгляды и намѣренія Государя.

Австрійскій монархъ отвѣтилъ [2]), что имъ поручено графу Буолю войти въ соглашеніе съ барономъ Мейендорфомъ относительно самаго полезнаго способа дѣйствій для достиженія цѣли посреднической миссіи, принимаемой на себя вѣнскимъ кабинетомъ. Прежде всего Императоръ Францъ-Іосифъ предполагалъ повліять на Порту, чтобы она дала „должное“ Россіи удовлетвореніе. Онъ надѣялся успѣть въ этомъ, разсчитывая на возвышенныя чувства Императора Николая, которыя окажутъ свое вліяніе въ отношеніи великодушной пощады Турціи. Если бы, однако, успѣхъ не былъ достигнутъ, и Государь рѣшился бы занять Княжества, то усилія австрійскаго Императора предполагалось направить на то, чтобы ни въ Константинополѣ, ни въ Лондонѣ и Парижѣ оккупація не была признаваема началомъ войны. Относительно сдѣланнаго изъ Петербурга предложенія Австріи занять пограничныя турецкія области Императоръ Францъ-Іосифъ находилъ, что съ этимъ не слѣдовало бы спѣшить. Онъ полагалъ, что открытое принятіе Австріей враждебныхъ противъ Турціи мѣръ вызвало бы форменный союзъ Франціи со всѣми революціонными элементами и просилъ предоставить ему широкую свободу дѣйствій, которой онъ воспользуется „dans l'esprit de l'alliance qui unit“.

Вскорѣ Императоръ Николай отправилъ въ Вѣну другое письмо, слѣдующаго содержанія [3]):

---

[1]) См. Приложеніе № 109.

[2]) Собственноручное письмо Императора Франца-Іосифа Государю 16 іюня 1853 г. Гос. Арх.

[3]) Отъ 20 іюня (2 іюля) 1853 г.

„Мой дорогой другъ! Я не могу достаточно благодарить „тебя за благородные, прямые и столь достойные тебя отвѣты „на то, что я тебѣ писалъ и поручилъ передать барону Мейен- „дорфу. Я вполнѣ одобряю программу, которой ты желаешь „придерживаться въ настоящемъ грустномъ случаѣ. Она столь же „разумна, какъ и осторожна, и я не могу ее не уважать. Къ „несчастью, дѣла все ухудшаются, такъ какъ тебѣ уже извѣстно, „что моя послѣдняя попытка привести турокъ къ болѣе справед- „ливой оцѣнкѣ вещей не удалась, вслѣдствіе адской диктатуры „(l'infernale dictature), которой пользуется надъ этимъ несчастнымъ „правительствомъ лордъ Редклифъ, сдѣлавшійся, кажется, все- „могущимъ. Результатъ ясенъ. Для меня — это необходимость „немедленно вступить въ Княжества, что уже и совершается; для „Турціи — полное подчиненіе англійскимъ и французскимъ фанта- „зіямъ, т.-е. именно то, что желаютъ вмѣнить въ вину моимъ „намѣреніямъ.

„Мнѣ не остается ничего болѣе, какъ продолжать держаться „плана, который я начерталъ и которому буду слѣдовать спокойно „и рѣшительно на досаду англійскому и французскому флоту и „ихъ вооруженной силѣ. Если они желаютъ войны со мной, то „пусть придутъ — мы будемъ готовы защищаться. Если желаютъ „приняться за моихъ союзниковъ — я тутъ со всѣми моими силами „для поддержки послѣднихъ.

„Но то, что мы должны предвидѣть и чему противодѣйство- „вать заставляютъ наши интересы, можетъ теперь, когда Турція „предалась англичанамъ и французамъ, вскорѣ наступить. Если „вспыхнетъ война, то я не имѣю никакой возможности поступать „дальше такъ, какъ поступалъ раньше; я не смогу болѣе удер- „живать въ покоѣ болгаръ, грековъ и прочія народности, нетер- „пѣливыя и пришедшія въ отчаяніе. Весьма возможно, что онѣ „всѣ возстанутъ, а флоты безсильны противъ нихъ. Послѣдствіемъ „будетъ паденіе въ Европѣ Оттоманской Имперіи даже безъ „помощи нашего оружія.

„Я желалъ бы, если это событіе наступитъ, заранѣе знать „твои виды и намѣренія. Я повторяю то, что ты уже знаешь: „*я не желаю завоеваній* [1]), и я это торжественно объявилъ въ „моемъ манифестѣ Россіи. *Этимъ все сказано.* Мнѣ казалось бы, „поэтому, что простѣйшимъ рѣшеніемъ было бы признать въ

[1]) Курсивъ подлинника.

„ихъ границахъ независимость народностей, которыя сами отдѣ-
„лились бы отъ Турціи, какъ-то: Молдавія, Валахія, Сербія,
„Болгарія и др. Я думаю, и ты тоже это предпочелъ бы, что
„отъ насъ отстраняетъ несправедливыя подозрѣнія, будто мы
„стремимся къ завоеваніямъ. Такая мѣра дастъ намъ сосѣдями
„маленькія государства, которыя будутъ управляться по ихъ обы-
„чаямъ и лицами, ими выбранными; для ихъ существованія
„нуженъ будетъ только *нашъ общій протекторатъ,* а непріятелей
„у нихъ не будетъ.

„Если, наконецъ, вслѣдствіе ли общаго возстанія христіанъ
„или вслѣдствіе хода военныхъ операцій, и Константинополь
„долженъ быть освобожденъ отъ турокъ, то и тутъ съ тобой
„однимъ, мой добрый, дорогой другъ, я хотѣлъ бы, въ пред-
„видѣніи будущаго, быть въ согласіи относительно того, что,
„по твоему мнѣнію, слѣдовало бы сдѣлать. Я не вижу другого
„исхода, какъ созданіе *вольнаго города подъ гарантіей всѣхъ*
„*европейскихъ державъ и срытіе укрѣпленій Дарданелловъ и*
„*Босфора* [1]).

„Что касается, дорогой другъ, до настоящаго, то, по занятіи
„Княжествъ, *я не предполагаю переходить Дуная.* Я желалъ бы
„выждать, какое впечатлѣніе произведетъ эта первая оккупація.
„Мой флотъ готовъ, но онъ пока безъ дѣла. Ты можешь быть
„увѣренъ, что я позабочусь держать тебя въ курсѣ всего, что
„можетъ произойти и измѣнить мои нынѣшнія рѣшенія. Въ Кня-
„жества вступаютъ 4-й и часть 5-го корпусовъ, численностью
„около 80 тысячъ. 13 и 14 дивизіи остаются въ Севастополѣ и
„Одессѣ, чтобы быть готовыми ко всякимъ случайностямъ. Ре-
„зервы обоихъ корпусовъ сформированы и находятся на походѣ,
„чтобы замѣнить свои корпуса на мѣстахъ ихъ стоянки. Кромѣ
„этихъ войскъ, будетъ приведенъ на военное положеніе и 3 кор-
„пусъ, чтобы можно было, въ случаѣ надобности, и его ввести
„въ дѣло. Остаются гвардія, гренадеры и 1, 2 и 6 корпуса
„пѣхоты и три корпуса резервной кавалеріи. Я пока не привожу
„ихъ на военное положеніе, ожидая теченія событій. Я равнымъ
„образомъ не дѣлаю никакихъ приготовленій къ защитѣ здѣсь,
„не думая, чтобы безуміе англичанъ дошло до желанія здѣсь
„на насъ напасть; но, если бы это случилось, то мы готовы
„принять ихъ лучшимъ образомъ.

---

[1]) Курсивъ подлинника.

„Что касается оскорбленій французскихъ и англійскихъ газетъ, „то я на нихъ отвѣчаю презрительнымъ молчаніемъ; оскорбленіе „есть оружіе слабыхъ.

„Я полагаюсь на Бога и желалъ бы во всѣхъ случаяхъ „разсчитывать на твою дружбу, какъ, льщу себя, ты полагаешься „на мою, которая принадлежитъ тебѣ на всю жизнь съ той „нѣжностью, которую къ тебѣ чувствуетъ, мой добрый, дорогой „другъ, твой вѣрный и преданный братъ, другъ и союзникъ“ [1]).

Панорамный видъ Крымскаго полуострова.

Въ іюлѣ монархи вторично обмѣнялись письмами. Императоръ Францъ-Іосифъ, ссылаясь на только-что приведенныя мысли Государя [2]), писалъ, что онъ вполнѣ согласенъ съ принципами охраненія мира и сохраненія Оттоманской Имперіи. Далѣе австрійскій Императоръ замѣчалъ, что, вѣроятно, турки представятъ Государю черезъ посредничество Австріи пріемлемыя условія примиренія, и тогда будетъ возможно закрыть главу событій, которая заключаетъ въ себѣ столь многіе шансы войны. Но Императоръ

---

[1]) См. Приложеніе № 110.
[2]) Императоръ Францъ-Іосифъ — Императору Николаю 21 іюля н. ст. 1854 г. Гос. Арх.

Францъ-Іосифъ высказывалъ нѣкоторыя сомнѣнія относительно мыслей Императора Николая на тотъ случай, если бы примиренія не состоялось и, наоборотъ, Турція пала бы. Онъ спрашивалъ, во-первыхъ, не явился ли бы общій русско-австрійскій протекторатъ надъ балканскими государствами причиной недоразумѣній, способныхъ омрачить существующія дружескія отношенія, и потому не слѣдуетъ ли прежде всего думать о предотвращеніи такихъ событій? Онъ замѣчалъ, во-вторыхъ, что вольный городъ Константинополь легко могъ бы сдѣлаться очагомъ революцій, при чемъ ссылался на примѣръ Кракова и на событія въ Швейцаріи. Если бы, однако, катастрофа съ Турціей приближалась, и обстоятельства потребовали бы конфиденціальнаго обмѣна мыслей, то въ Петербургѣ находится генералъ Гіулай, который уполномоченъ выслушать необходимыя сообщенія.

Императоръ Николай отвѣтилъ своему союзнику и другу пространнымъ письмомъ [1]), въ которомъ выражалъ сомнѣніе въ возможности избѣжать войны. Государь временно предполагалъ оставаться на лѣвомъ берегу Дуная, находя, что нападеніе турокъ дастъ намъ и военныя и политическія преимущества. Нашъ флотъ не долженъ былъ оставаться въ бездѣйствіи, если дѣло ограничится только войной съ Турціей, но онъ не будетъ рисковать собой, если въ Черномъ морѣ появятся флоты западныхъ державъ.

Лучшимъ временемъ для возобновленія Австріей своей примирительной роли Государь считалъ наступленіе зимы и затишья въ военныхъ дѣйствіяхъ. Онъ предвидѣлъ неуспѣхъ предложеній, которыя намѣревались сдѣлать Турціи представители четырехъ державъ, въ видѣ извѣстной уже вѣнской ноты, утверждая, что пока въ Константинополѣ преобладаетъ вліяніе лорда Редклифа, то турецкій фанатизмъ, имъ возбужденный, не пойдетъ ни на какія уступки.

Въ концѣ письма упоминалось о поѣздкѣ Государя въ Ольмюцъ на сентябрьскіе маневры, за нѣсколько дней до начала которыхъ австрійскій Императоръ выразилъ сердечную радость по поводу близкаго свиданія, присоединивъ къ этому просьбу о приглашеніи на маневры и фельдмаршала князя Варшавскаго [2]).

---

[1]) Императоръ Николай — Императору Францу-Іосифу 25 іюня ст. ст. 1853 г., изъ Краснаго Села. Гос. Арх.

[2]) Императоръ Францъ-Іосифъ — Императору Николаю 14 сентября н. ст. 1853 г. Гос. Арх.

Но если отношенія между монархами не оставляли желать ничего лучшаго, то въ отношеніяхъ вѣнскаго и петербургскаго кабинетовъ замѣчалось нѣкоторое разногласіе. Уже въ началѣ іюля графъ Нессельроде обратилъ вниманіе Государя [1]) на то, что австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ „сходитъ съ правиль-„наго пути", при чемъ на докладѣ канцлера Государь помѣтилъ: „Согласенъ, дорогой другъ, и радъ, что депеша изъ Вѣны про-„извела на васъ то же впечатлѣніе, что и на меня. Этого терпѣть „невозможно, и вотъ еще одно доказательство, какъ я правъ, „утверждая, что Буоль фальшивъ или ограниченъ, и я долѣе его „глупостей терпѣть не буду. Я рѣшительно поговорю объ этомъ „съ Гіулаемъ" [2]).

Дѣло шло о заявленіи графа Буоля, который жаловался барону Мейендорфу, что наши требованія превышаютъ возможное для Австріи, и о колебаніяхъ вѣнской политики между двумя обозначившимися полюсами. Впрочемъ, правительство Франца-Іосифа продолжало дѣлать усилія для обращенія Порты на путь примиренія и еще въ сентябрѣ поручало своему представителю въ Константинополѣ настаивать на принятіи Портой вѣнской ноты безъ всякихъ измѣненій [3]).

Въ этотъ періодъ переговоровъ содѣйствіе вѣнскаго кабинета къ примиренію пошло еще далѣе. Когда конференція пословъ четырехъ державъ совѣщалась о томъ, слѣдуетъ ли объявить Портѣ о гарантіи, принимаемой на себя державами въ томъ, что вѣнская нота не будетъ покушеніемъ на суверенныя права султана, лишь послѣ подписанія Портой и отправленія ноты въ Вѣну, то англійскій посолъ лордъ Вестмореландъ заявилъ, что, ознакомившись съ замѣчаніями графа Нессельроде на турецкія поправки и съ толкованіемъ, которое нашъ кабинетъ придаетъ отдѣльнымъ фразамъ ноты, великобританское правительство находитъ невозможнымъ настаивать на принятіи Портой ноты въ ея первоначальной редакціи. Французскій кабинетъ присоединился къ точкѣ зрѣнія лондонскаго, а графъ Буоль, наоборотъ, выразилъ французскому

---

[1]) Всеподданнѣйшій докладъ гр. Нессельроде 2 іюля 1853 г. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, карт. Доклады, 1853.

[2]) „D'accord, cher ami, je suis charmé de voir, que la dépêche de Vienne vous a fait „la même impression qu'à moi. C'est intolérable, et voici une preuve de plus de ce que j'ai „raison en soutenant que Buol est faux ou un plat pied, dont je ne souffrirai plus les sottises. „J'en parlerai demain vertement à Guilay".

[3]) Гр. Буоль — бар. Бруку въ Константинополь 13 сентября 1853 г. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, карт. Autriche, 1853.

правительству мнѣніе, что находитъ заявленіе кабинетовъ западныхъ державъ неосновательными [1]).

Независимо отъ этого австрійскій министръ рекомендовалъ послу въ Константинополѣ барону Бруку [2]) не довѣрять лорду Редклифу и употребить всѣ усилія для противодѣйствія вліянію этого дипломата на турецкихъ министровъ. „Заявленіе четырехъ „державъ", писалъ графъ Буоль, „о гарантіи суверенитета сул„тана должно убѣдить турокъ, что ихъ опасенія относительно „смысла ноты лишены основанія". Австрійскому же послу въ Лондонѣ, графу Коллоредо, онъ сообщалъ [3]), что, изучивъ толкованія с.-петербургскаго кабинета на предложенныя Портой измѣненія въ вѣнской нотѣ, онъ не нашелъ въ нихъ ничего, кромѣ уже ранѣе высказанныхъ Россіей и всѣмъ извѣстныхъ доводовъ. Графъ Буоль предлагалъ графу Коллоредо приложить всѣ усилія, чтобы привести лондонскій кабинетъ къ убѣжденію о необходимости повліять на Порту въ смыслѣ принятія ею проекта вѣнской ноты. Обширная депеша графа Буоля барону Гюбнеру въ Парижъ [4]) содержитъ тѣ же указанія и подчеркиваетъ, что отсутствіе единогласной и рѣшительной поддержки пословъ четырехъ державъ въ Константинополѣ лишаетъ ноту всякихъ шансовъ быть принятой Портой.

Однако, усилія графа Буоля не имѣли успѣха, и, убѣдившись въ этомъ, онъ отправилъ графу Нессельроде интересное письмо [5]), въ которомъ предлагалъ сдѣлать еще одну попытку мирнаго разрѣшенія кризиса. Австрійскій министръ полагалъ пригласить Порту къ веденію непосредственныхъ переговоровъ съ Россіей на основаніяхъ вѣнской ноты, нѣсколько измѣненной, согласно переговорамъ монарховъ въ Ольмюцѣ. Графъ Буоль думалъ, что къ участію въ этой попыткѣ можно было бы привлечь и двѣ западныя державы; на тотъ же случай, если бы это послѣднее оказалось невозможнымъ, онъ спрашивалъ мнѣнія, насколько такой шагъ, предпринятый отдѣльно, могъ бы быть полезенъ. Письмо это было прочтено Государемъ, который надписалъ на немъ: „Мы объ этомъ поговоримъ. Я думаю, что это слишкомъ, и что „оно не привело бы ни къ чему".

---

[1]) Деп. Фонтона канцлеру 11 (23) сентября 1853 г., № 247. См. Приложеніе № 111.
[2]) Гр. Буоль—бар. Бруку 19 сентября 1853 г. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, карт. Autriche, 1853.
[3]) Гр. Буоль—гр. Коллоредо 23 сентября 1853 г. Тамъ же.
[4]) См. Приложеніе № 112.
[5]) См. Приложеніе № 113.

Графу Буолю былъ отправленъ одобренный Государемъ отвѣтъ [1]). „Мы не говоримъ *нѣтъ*“, писалъ въ немъ канцлеръ, „и, несмотря на объявленіе Портой войны, храмъ Януса не „будетъ для нея закрытъ. Безумное рѣшеніе, принятое ею во „время года, когда военныя операціи почти невозможны, измѣ- „няетъ характеръ взаимныхъ отношеній. Состояніе войны не пре- „кращается иначе, какъ мирнымъ трактатомъ. Поэтому настоящій „кризисъ можетъ прекратить не простая нота, а заключенный „довѣренными лицами съ достаточными полномочіями и инструк- „ціями трактатъ, въ основаніе котораго была бы положена вѣнская „нота. Мнѣ кажется, что въ этомъ отношеніи положеніе, въ „которое мы поставлены объявленіемъ Портой войны, скорѣе „облегчаетъ, чѣмъ затрудняетъ дѣло. Если вы можете поэтому, „дорогой графъ, отдѣльно, что для насъ было бы предпочти- „тельнѣе, или сообща съ другими державами достигнуть отпра- „вленія оттоманскимъ правительствомъ уполномоченнаго въ нашу „главную квартиру, то онъ будетъ принятъ съ мирными чувствами, „которыя не переставали одушевлять Императора, и непосред- „ственные переговоры могли бы начаться“. Далѣе графъ Нессельроде отмѣчалъ, что Государь „не оттолкнетъ ни одного шанса „мира, могущаго представиться въ теченіе зимы, и что, наоборотъ, „онъ приметъ его съ поспѣшностью, соотвѣтствующей его мир- „нымъ намѣреніямъ“.

Графъ Буоль принялся ткать новую паутину, которую, однако, вихрь событій порвалъ, какъ и всѣ предыдущія. Въ ноябрѣ работа австрійскаго министра настолько подвинулась впередъ, что возвратившійся въ Вѣну баронъ Мейендорфъ могъ изложить достигнутые результаты [2]). Они состояли въ томъ, что идея перемирія и вступленія воюющихъ сторонъ въ мирные переговоры была повсюду встрѣчена сочувственно, но различіе взглядовъ весьма явственно опредѣлилось. Австрія совѣтовала Портѣ послать уполномоченнаго въ нашу главную квартиру, Франція же и Англія находили, что мѣстомъ веденія мирныхъ переговоровъ должна быть нейтральная страна. Англія предпочитала Лондонъ, тюйлерійскій кабинетъ указывалъ на Франкфуртъ. Австрійскій кабинетъ предлагалъ, въ виду этого, нашему согласиться на избраніе Вѣны.

---

[1]) См. Приложеніе № 114.

[2]) Бар. Мейендорфъ — кн. М. Д. Горчакову 17 (29) ноября 1853 г. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 4253.

Все это были разсужденія чисто теоретическія, и баронъ Мейендорфъ замѣчалъ, что принятіе Портой новаго австрійскаго предложенія является весьма сомнительнымъ.

Императоръ Францъ-Іосифъ, по возвращеніи изъ Варшавы, куда онъ провожалъ Государя послѣ ольмюцкихъ маневровъ, повторялъ въ своемъ письмѣ къ Императору Николаю предложенія графа Буоля [1]). Съ одной стороны письмо указывало на опасность революціоннаго движенія, которое „ждетъ лишь минуты, когда „Австрія будетъ вовлечена въ борьбу", а съ другой взывало къ „мудрости и умѣренности" Государя, благодаря которымъ еще возможно возстановить миръ. Австрійскій монархъ настойчиво подчеркивалъ, что дѣйствительной гарантіей правъ Россіи по отношенію къ Турціи является могущество первой, что важны не слова [2]), а фактъ внушительнаго величія Россіи, всегда обезпечивающаго ей въ концѣ концовъ побѣду надъ переходящими случайностями.

Государь прочелъ письмо съ полнымъ вниманіемъ, подчеркнувъ важнѣйшія фразы и сдѣлавъ рядъ отмѣтокъ на поляхъ. Противъ фразъ объ умѣренности и миролюбивомъ расположеніи Императоръ Николай надписалъ: „Если цѣной эвакуаціи Княжествъ—это не„возможно; было бы безуміемъ съ моей стороны отказаться отъ „этого преимущества" [3]) и далѣе: „Да, но не для того, чтобы „отступать" [4]).

Противъ фразы о томъ, что фактъ могущества Россіи болѣе дѣйствителенъ, чѣмъ слова, вѣроятно трактата, Государь отмѣтилъ: „Значитъ вновь начинать войну каждыя 20 лѣтъ. Значитъ опять „война" [5]).

Отмѣтка объ эвакуаціи Княжествъ полна значенія. Въ письмѣ Императора Франца-Іосифа не упоминается объ эвакуаціи и, если ее затронулъ въ своей помѣткѣ Государь, то остается предположить, что объ этомъ была рѣчь при личномъ свиданіи монарховъ. Такое предположеніе подкрѣпляется и дальнѣйшими историческими данными, развернувшимися по мѣрѣ хода событій.

Отвѣтъ Государя не заставилъ долго себя ждать [6]). „Сред„ства, употребленныя до сихъ поръ для выхода изъ настоящаго

---

[1]) Имп. Францъ-Іосифъ къ Имп. Николаю 13 ноября н. ст. 1853 г. Гос. Арх.

[2]) Т.-е., какъ можно догадываться, не редакція ноты или будущаго трактата.

[3]) „Si c'est au prix de l'évacuation des principautés, cela n'est pas possible; ce serait „fou de ma part de renoncer à cet avantage".

[4]) „Oui, mais pas pour reculer".

[5]) „C'est-à-dire de recommencer de 20 à 20 ans la guerre. C'est-à-dire derechef la guerre".

[6]) Имп. Николай — Имп. Францу-Іосифу 14 ноября ст. ст. 1853 г. См. Прилож. № 115.

„положенія“, писалъ Императоръ Николай, „привели къ резуль-
„татамъ, противоположнымъ намѣченной цѣли. Желали мира,
„привели къ войнѣ... Пока двѣ морскія державы будутъ отно-
„сительно Россіи оставаться въ положеніи, которое онѣ за-
„няли, я не вижу возможнаго мира съ Турціей. Миръ, воз-
„становленный на предлагаемыхъ ими условіяхъ, будетъ под-
„дѣльнымъ миромъ, даже допустивъ на мгновенье, что я на эти
„условія соглашусь. Развѣ русская кровь пролилась даромъ, а
„усилія и жертвы столь-
„кихъ молодыхъ силъ
„должны, ради англій-
„скаго и французскаго
„коварства и ради слѣ-
„пого упрямства Порты,
„остаться напрасными;
„Россія же должна выйти
„изъ борьбы униженной
„въ глазахъ Европы, ли-
„шенной въ будущемъ
„того нравственнаго вліянія, на которое столь
„часто опирались консервативныя начала по-

Входъ англо-французской эскадры въ Черное море.

„рядка, въ то время, когда въ Турціи господствовала бы Англія
„и распространяла свои губительныя доктрины во вредъ намъ.
„Была бы такая развязка для тебя удобна?... Нѣтъ и тысячу
„разъ нѣтъ! Останемся тѣснѣе соединенными, чтобы отразить
„столь отвратительныя (infâmes) комбинаціи. Единственный для
„насъ путь, съ достоинствомъ ведущій къ цѣли, это тотъ,
„который ты рекомендовалъ Портѣ. Пусть она поспѣшитъ при-
„слать въ нашу главную квартиру уполномоченнаго для всту-
„пленія съ нами въ переговоры по опредѣленію условій мира.
„Въ томъ положеніи, до котораго дошли дѣла, это, при пред-
„варительномъ перемиріи, единственное средство возстановленія
„мира. Иначе Россія никогда не договаривалась съ Портой.
„Если бы переговоры происходили въ мѣстѣ, гдѣ находятся
„представители Франціи и Англіи, то дѣло мира постоянно тор-
„мозилось бы ими, что уже доказано восемью мѣсяцами тер-
„пѣнія, и мы достигли бы результата, какъ разъ противоположнаго
„тому, который имѣли въ виду.

„Будь увѣренъ, что моя умѣренность не поколеблется, если „только ее можно будетъ примирить съ честью и съ интересами „Россіи. Это священный даръ, за который я отвѣтственъ передъ „Богомъ и передъ моей страною.

„Ты то же думаешь. Моя надежда на Бога и на справедли„вость дѣла, которое я защищаю,—*дѣла христіанства* [1]). При „фанатизмѣ, которымъ охвачены нынѣ несчастные турки, вскорѣ „начнется крестовый походъ, въ которомъ Россія будетъ защит„ницей христіанства, а Франція и Англія совершатъ низость „бороться за полумѣсяцъ. Возможно ли, чтобы у Россіи не ока„залось союзниковъ въ святомъ дѣлѣ, которое она будетъ за„щищать? Единъ Господь знаетъ будущее, но, вѣруя въ Его „милосердіе, я постараюсь исполнить мой долгъ, несмотря ни на „что, и да будетъ Богъ мнѣ въ помощь! Аминь".

Историку нечего прибавлять къ этимъ благороднымъ, полнымъ высокаго порыва словамъ, кромѣ замѣчанія, что назрѣвала историческая трагедія, которую болѣе ничто не могло предотвратить.

5 декабря по новому стилю въ Вѣнѣ собралось совѣщаніе представителей Австріи, Пруссіи, Франціи и Великобританіи для составленія протокола [2]), содержаніе котораго сводилось къ предложенію воюющимъ сторонамъ добрыхъ услугъ четырехъ кабинетовъ для возстановленія мира. Одновременно была составлена и подписана нота четырехъ державъ Портѣ, съ предложеніемъ сообщить свои условія примиренія. Однако, сущность протокола состояла не въ этой формальной сторонѣ, а заключалась въ слѣдующихъ нѣсколькихъ словахъ: „Нижеподписавшіеся съ удоволь„ствіемъ подтверждаютъ, что настоящая война ни въ какомъ „случаѣ не можетъ повести за собой территоріальныхъ измѣненій „обѣихъ Имперій, способныхъ измѣнить освѣщенныя временемъ „владѣнія на Востокѣ, необходимыя для спокойствія всѣхъ про„чихъ державъ".

Фраза, конечно, сопровождалась ссылками на миролюбіе нашего кабинета и на его заявленіе объ отсутствіи завоевательныхъ замысловъ, а также о томъ, что отъ Порты требуется не болѣе, какъ подтвержденіе прежнихъ трактатовъ безъ всякаго посягательства на независимость султана; однако, смыслъ вышеприве-

---

[1]) Курсивъ подлинника.
[2]) См. Приложеніе № 116.

денныхъ словъ отъ этого нисколько не измѣнился. Онъ весьма опредѣленно заключался въ томъ, что четыре державы не допустятъ измѣненія войной statu quo на турецкомъ Востокѣ. У Россіи, какъ и предвидѣлъ Императоръ Николай, союзниковъ не оказывалось.

Впрочемъ, подробности переговоровъ, которые велись въ Вѣнѣ представителями четырехъ державъ, такъ же какъ и подписанный ими протоколъ 5 декабря, остались неизвѣстными петербургскому кабинету, и этимъ моментомъ можно опредѣлить отклоненіе Вѣны отъ чистосердечныхъ сношеній съ Петербургомъ.

Графъ Буоль въ депешѣ отъ 7 декабря н. ст. далъ нѣкоторыя, но не полныя объясненія бывшихъ между четырьмя державами переговоровъ австрійскому представителю въ Россіи барону Лебцельтнеру [1]) для ознакомленія съ ними нашего кабинета. Онъ писалъ, что, въ виду появившагося Высочайшаго манифеста и продолжающихся военныхъ дѣйствій, положеніе австрійскаго кабинета стало весьма затруднительнымъ, такъ какъ ни въ Парижѣ ни въ Лондонѣ не нашлось почвы для новыхъ примирительныхъ попытокъ. Пришлось отыскать такую почву въ Вѣнѣ, предложивъ представителямъ державъ констатировать сообща европейскій характеръ Восточнаго вопроса и обусловить ихъ добрыя услуги для возстановленія мира принципомъ сохраненія существующихъ трактатовъ и обязательствъ, уже принятыхъ на себя обѣими сторонами. Къ депешѣ была приложена только нота, отправленная въ Константинополь, но не самый протоколъ.

Существованіе протокола, видимо, осталось неизвѣстнымъ и нашему послу въ Вѣнѣ барону Мейендорфу, который доносилъ лишь объ отправленной Портѣ ноты, подчеркнулъ солидарность кабинетовъ въ ея поддержкѣ, но не считалъ возможнымъ предсказывать успѣхъ [2]). Баронъ Мейендорфъ упоминалъ объ отвѣтѣ султана на рѣчь французскаго посла Барагэ-д'Илье, въ которомъ султанъ требовалъ отказа отъ всѣхъ нашихъ заявленій и эвакуаціи Княжествъ, и замѣчалъ, что желаніе нашего кабинета вести непосредственные переговоры съ Портой неисполнимо, такъ какъ съ 1841 года независимость и цѣлость Турціи стали началомъ общеевропейскаго международнаго права.

---

[1]) Гр. Буоль — бар. Лебцельтнеру 7 декабря н. ст. 1853 г. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, карт. Autriche, 1853.

[2]) Бар. Мейендорфъ — канцлеру 29 ноября (11 декабря) 1853 г., № 317. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, карт. Vienne, 1853.

Желаніе непосредственныхъ переговоровъ между воюющими сторонами было, по мнѣнію нашего дипломата, практически неисполнимо и потому, что, въ случаѣ продолженія войны, въ нее вмѣшаются Франція и Англія, и все равно ихъ представители будутъ, какъ уполномоченные воюющихъ сторонъ, участвовать въ будущихъ мирныхъ переговорахъ.

Баронъ Мейендорфъ сознавалъ всю серьезность положенія. Онъ рѣшился въ своемъ донесеніи помѣстить слѣдующія заключительныя слова: „Не слѣдовало ли бы попробовать для избѣ-„жанія долгой, кровавой, неравной и безрезультатной борьбы „убѣдиться, желаютъ ли всѣ европейскія державы, какъ онѣ это „говорятъ, почетнаго и удовлетворительнаго соглашенія для насъ „и для нашихъ противниковъ. Если бы даже эта попытка ока-„залась безплодной, то мы все-таки оставались бы господами „нашего окончательнаго рѣшенія. Ваше превосходительство изви-„ните меня, что я рѣшаюсь чистосердечно высказать мое мнѣ-„ніе о вѣроятностяхъ, которыя могутъ наступить въ ближай-„шемъ будущемъ. Съ 1812 года Россіи не пришлось пережи-„вать столь серьезнаго кризиса. Но тогда все же у насъ были „союзники, а нынѣ нѣтъ ни одного. Тогда вопросъ шелъ о „томъ, быть или не быть; теперь же дѣло идетъ о большемъ „или меньшемъ нашемъ вліяніи въ будущемъ на Востокѣ, о „вліяніи, которое не зависитъ исключительно отъ побѣдъ, такъ „какъ, если бы было иначе, то настоящій разрывъ не могъ бы „имѣть мѣста“.

Баронъ Мейендорфъ, исполнивъ долгъ прямого безъ прикрасъ изложенія своего взгляда на дѣло и на путь, котораго, по его мнѣнію, слѣдовало бы держаться во избѣжаніе несчастій, сопряженныхъ съ „неравной“ борьбой, продолжалъ прилагать усилія побороть опасенія австрійскаго кабинета передъ развертывающимися событіями. 6 (18) декабря, въ день тезоименитства Государя, нашему вѣнскому послу пришлось имѣть продолжительный разговоръ съ Императоромъ Францемъ-Іосифомъ, который видѣлъ опасность въ нашемъ отказѣ вести мирные переговоры не въ главной квартирѣ нашей арміи [1]). Императоръ добавилъ: „Отда-„вая ваши интересы въ наши руки, вы довѣряетесь испытанному „другу“...

---

[1]) Бар. Мейендорфъ — канцлеру 11 (23) декабря 1853 г., № 335. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, карт. Vienne, 1853.

„Который“, замѣтилъ Императору баронъ Мейендорфъ, „не „далъ бы намъ совѣта согласиться на условія, которыхъ онъ не „принялъ бы самъ, будучи на нашемъ мѣстѣ“.

— „Само собою разумѣется“, живо сказалъ Францъ-Іосифъ, „я всегда буду радъ быть полезнымъ Императору, но интересы „моей собственной страны настолько замѣшаны въ дѣло, что я „не могу вполнѣ ихъ отстранить“.

Баронъ Мейендорфъ сталъ доказывать, что русско-турецкая война ничѣмъ Австріи не угрожаетъ. Вѣдь тѣ же опасенія были и въ 1829 году, но ихъ ничто не подтвердило. Турція не болѣе угрожаема, чѣмъ была тогда, и Австріи нечего безпокоиться. Далѣе нашъ посолъ говорилъ о Сербіи, напомнивъ, что было сказано въ Ольмюцѣ, при свиданіи монарховъ, о непосредственномъ русско-австрійскомъ соглашеніи относительно этой страны. „Знаете ли“, замѣтилъ Императоръ Францъ-Іосифъ, „что Сербія проситъ у меня „10 тысячъ ружей. Я не рѣшился дать. Я подумаю объ этомъ „по возвращеніи изъ Мюнхена. Можетъ быть, будетъ возможно „ихъ удовлетворить“...

Отъѣздъ барона Бруннова изъ Лондона.

Одновременно съ депешей барона Мейендорфа писалъ въ Петербургъ и Императоръ Францъ-Іосифъ, поздравляя Государя съ блестящей побѣдой на Синопскомъ рейдѣ [1]). Австрійскій монархъ, повторяя свои опасенія относительно возможной поддержки Франціей революціоннаго движенія въ Италіи и Венгріи, заклиналъ Государя („en te conjurant“) войти въ разсмотрѣніе мирныхъ предложеній, которыя будутъ ему представлены, и прислать въ Вѣну уполномоченнаго для веденія мирныхъ переговоровъ.

На это Императоръ Николай отвѣтилъ 12 (24) декабря слѣдующимъ письмомъ: „Я искренно благодарю тебя, мой добрый, „дорогой другъ, за вниманіе, выказанное твоимъ любезнымъ

[1]) Имп. Францъ-Іосифъ — Имп. Николаю 11 (23) декабря 1853 г.

„письмомъ отъ 11 декабря. Я заранѣе былъ увѣренъ, что ты не „будешь равнодушенъ къ успѣху нашего оружія тѣмъ болѣе, „что съ каждымъ днемъ становится очевиднѣе, что мы вновь „сражаемся противъ революціи, которая овладѣла такъ назы- „ваемымъ Восточнымъ вопросомъ, чтобы эксплоатировать его „въ своихъ видахъ; этого не желаютъ признать ни Англія, ни „Франція, если онѣ не въ согласіи съ ней. Дѣло, впрочемъ, со- „вершенно ясно, и мы найдемъ въ рядахъ турецкихъ войскъ „нашихъ старинныхъ знакомыхъ — поляковъ и венгровъ. Такимъ „образомъ, это дѣло наше общее; оно также твое, какъ и мое, „и ты не можешь этого не признать. И наши успѣхи обезпечи- „ваютъ тебѣ спокойствіе Венгріи и Трансильваніи.

„Перейдемъ теперь къ менѣе пріятному для меня и для „тебя предмету. Я, конечно, могу только благодарить тебя за „тѣ усилія, которыя ты не перестаешь дѣлать, чтобы привести „морскія державы на лучшій путь и сдѣлать, такимъ образомъ, „возможнымъ возстановленіе мира.

„Къ несчастью, я долженъ тебѣ признаться, что, по моему „мнѣнію, направленіе, принятое въ послѣднее время на вѣнскихъ „конференціяхъ, скорѣе можетъ насъ отдалить отъ цѣли, которую „твои благородныя старанія имѣли въ виду. Подписанные тамъ „акты не принудятъ меня къ прискорбной, по меньшей мѣрѣ, „перемѣнѣ, и я очень опасаюсь, чтобы тѣ затрудненія, отъ ко- „торыхъ мнѣ такъ желательно отъ глубины моего сердца тебя „было бы избавить, все-таки могутъ возникнуть, и притомъ за- „трудненія очень опаснаго свойства.

„Насколько мнѣ извѣстно, инструкціи, данныя представи- „телямъ четырехъ державъ въ Константинополѣ, даютъ Портѣ „право *опредѣлить условія мира* [1]). Но можешь ли ты думать, „что Турція, поддерживаемая до такой степени Франціей и Англіей, „предложитъ условія, которыя согласовались бы съ честью и „достоинствомъ Россіи? И можешь ли ты мнѣ посовѣтовать при- „нять подобныя условія послѣ того, какъ пролита русская кровь, „и послѣ одержанныхъ нашимъ храбрымъ войскомъ побѣдъ, въ „которыхъ и ты принялъ такое дружеское участіе?

„Я, конечно, и для тебя и для себя желаю мира, но не „согласенъ ли ты съ тѣмъ, что въ нашихъ уступкахъ мы не должны „переходить границъ, указанныхъ намъ нашими обязанностями

---

[1]) Курсивъ подлинника.

„монарховъ. Не находишь ли ты также, что было бы предосуди-„тельно робѣть передъ угрозами Франціи. Во-первыхъ, ихъ не „такъ легко привести въ исполненіе, а, во-вторыхъ, я тебѣ повто-„ряю, что, если Франція пожелаетъ заставить тебя нарушить *ней-„тралитетъ, который ты мнѣ обѣщалъ сохранить,* то, несмотря „на увеличеніе войскъ, которое потребуетъ война съ Турціей, „я могу привести къ тебѣ на помощь 2 или 3 корпуса, т.-е. „приблизительно 180 тысячъ вспомогательнаго войска. Не я, ко-„нечно, желаю доходить до такой крайности, и я не обману твоего „довѣрія къ моимъ обѣщаніямъ. При случаѣ я сумѣю быть „великодушнымъ въ отношеніи моихъ враговъ, но до тѣхъ поръ „мнѣ нужно получить *сполна* и *непосредственно* то, что мнѣ „должно, и что ты самъ считаешь справедливымъ требованіемъ.

„Лучшее средство для достиженія этой цѣли — *не обнару-„живать слабости передъ западными державами и не допу-„стить возможности даже подозрѣвать разрыва союза трехъ „монархій, который такъ долго былъ охраной спокойствія „Европы.*

„Я убѣжденъ, что ты думаешь объ этомъ такъ же, какъ и я, „и что отнынѣ я могу разсчитывать на тебя, каковъ бы ни былъ „результатъ мирной попытки, въ послѣдній разъ сдѣланной въ „Константинополѣ. Если она не удастся, въ чемъ я не могу еще „пока не сомнѣваться, то наступитъ время, которое я предска-„зывалъ тебѣ, дорогой другъ, когда я не буду въ состояніи „оставаться въ принятомъ мною положеніи. Тогда я возстану, во „имя нашей святой вѣры, за освобожденіе христіанства отъ му-„сульманскаго ига и сдѣлаю возваніе ко всѣмъ христіанамъ. „Останется ли Апостолическій Императоръ равнодушнымъ къ „этому призыву?“ [1]).

Роковымъ диссонансомъ донынѣ звучатъ слова письма объ единеніи трехъ монархій. Что думали австрійскіе государственные люди, читая ихъ въ Вѣнѣ, когда они уже вступили съ представителями Франціи, Англіи и Пруссіи въ соглашеніе о недопущеніи какого бы то ни было измѣненія statu quo на Балканскомъ полуостровѣ. Въ Петербургѣ зарождались планы, которымъ заранѣе было постановлено противодѣйствовать всѣми силами, и никто не рѣшался прямо, безъ оговорокъ, высказать это Императору Николаю. Протоколъ отъ 5 декабря въ точности былъ неизвѣстенъ

[1]) См. Приложеніе № 117.

нашему кабинету, и лишь одинъ баронъ Мейендорфъ, знакомый, можетъ быть, неофиціально съ содержаніемъ этого документа, предупреждалъ, что въ возможной въ скоромъ будущемъ гигантской борьбѣ мы останемся въ Европѣ безъ союзниковъ.

Статья парижскаго „Moniteur"'а о вѣнскомъ протоколѣ приподняла завѣсу, скрывавшую его истинный смыслъ. Графъ Нессельроде послѣ этого высказалъ барону Мейендорфу, что Австрія, участвуя въ подписаніи протокола, не столько перетянула западныя державы на свою сторону, сколько сама приняла ихъ точку зрѣнія, и протоколъ является „первымъ звеномъ цѣпи „коллективныхъ дѣйствій, которыя приведутъ къ конечному раз„рушенію стараго союза трехъ кабинетовъ" [1]).

Въ концѣ декабря баронъ Мейендорфъ доносилъ [2]), что онъ отправилъ, основываясь на увѣреніяхъ графа Буоля, слѣдующую телеграмму князю Варшавскому: „Прошу вашу свѣтлость „сообщить Императору, что Австрія будетъ, несмотря на то, „что бы ни произошло между морскими державами и Россіей, „придерживаться относительно насъ дружественнаго нейтралитета, „если мы подтвердимъ наши заявленія о существованіи и цѣ„лости Турціи". Баронъ Мейендорфъ, будучи приглашенъ Императоромъ Францемъ-Іосифомъ къ обѣду, просилъ своего высокаго собесѣдника открыться съ полной искренностью Государю. Австрійскій монархъ замѣтилъ въ отвѣтъ, что онъ рѣшилъ сдѣлать это въ письмѣ, передать которое будетъ поручено графу Эстергази.

Разговоръ имѣлъ мѣсто уже послѣ заявленія Великобританіи и Франціи о входѣ ихъ эскадръ въ Черное море. Императоръ высказалъ нашему послу мнѣніе, что, если бы возможно было ограничить военныя операціи азіатскимъ театромъ, оставаясь въ Европѣ въ оборонительномъ положеніи, то общая война могла бы, кажется, быть избѣгнута.

Одновременно баронъ Мейендорфъ сообщилъ канцлеру [3]), что, по свѣдѣніямъ изъ Константинополя, отвѣтъ Порты на ноту четырехъ державъ можетъ заключать заявленіе, что уступки для христіанскихъ религій сдѣланы для Европы, а не для Россіи, и

---

[1]) Канцлеръ — бар. Мейендорфу 14 декабря 1853 г., № 515. На депешѣ надпись Государя: „Быть по сему". Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, карт. Vienne, 1853.

[2]) См. Приложеніе № 118.

[3]) Бар. Мейендорфъ — канцлеру 26 декабря ст. ст. 1853 г., № 350. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, карт. Vienne, 1853.

что Порта отказывается отъ прежнихъ трактатовъ съ Россіей, сомнѣваясь въ ихъ цѣлесообразности. Баронъ Мейендорфъ приводилъ далѣе свой разговоръ съ графомъ Буолемъ, который находилъ, что причиной входа союзныхъ флотовъ въ Черное море явилась Синопская побѣда, а не вѣнское соглашеніе 5 декабря; слѣдуетъ выждать событій, и въ будущемъ, по словамъ графа Буоля, добрыя примирительныя услуги Австріи могутъ быть намъ столь же полезны, какъ и раньше. „Nous n'y avons rien gagner", отмѣтилъ Государь противъ этой фразы.

Отъѣздъ Кисѣлева изъ Парижа.

Письмо Императора Франца-Іосифа [1]), о которомъ сообщалъ баронъ Мейендорфъ, дѣйствительно было достаточно яснымъ. Вѣнценосный авторъ взывалъ въ немъ къ испытанной въ тяжелыя минуты дружбѣ Государя, ссылался на необходимость противиться настояніямъ морскихъ державъ и на необходимость сохраненія строгаго нейтралитета, напоминалъ о заключенномъ въ Мюнхенгрецѣ его предшественникомъ соглашеніи съ Императоромъ Николаемъ, въ основу котораго было положено сохраненіе Турціи, подъ главенствомъ ея царствующей династіи, и въ концѣ концовъ просилъ дать ему торжественное удостовѣреніе въ томъ, что наши войска не перейдутъ Дуная; если же это случилось бы, то удостовѣреніе въ томъ, что война не поведетъ ни къ какому измѣненію въ существующихъ политическихъ отношеніяхъ областей Европейской Турціи.

„Je suis peu content de cette lettre", написалъ Государь на поляхъ письма; „faites faire une copie pour Orloff"..

Въ Петербургѣ назрѣвалъ новый планъ. Графу Орлову было поручено отправиться въ Вѣну и попытаться заключить съ австрійскимъ кабинетомъ соглашеніе, которое направило бы политику обѣихъ державъ на одинъ общій путь. Письмо Императора Франца-

[1]) Имп. Францъ-Іосифъ — Имп. Николаю 7 января 1854 г. н. ст. Гос. Арх.

Іосифа явственно противорѣчило этимъ планамъ, и Государь имѣлъ всѣ причины оставаться имъ недовольнымъ.

Однако, миссія графа Орлова не была пріостановлена, и 7 января послѣдовало Высочайшее утвержденіе нижеслѣдующаго его доклада.

I. Въ переговорахъ, которые мнѣ придется вести въ Вѣнѣ, несомнѣнно зайдетъ рѣчь о Сербіи. Его Императорское Величество расположенъ, на случай, если бы эта провинція была освобождена отъ владычества Порты, раздѣлить съ Австріей протекторатъ надъ ней. Могу ли я высказать это рѣшеніе Императорскаго кабинета?

II. Если бы событія привели къ дѣятельному содѣйствію намъ Австріи, то воспротивились ли бы мы осадѣ ея войсками Бѣлграда?

III. Положеніе Княжествъ на Дунаѣ и въ особенности плаваніе по этой рѣкѣ живо интересуютъ Австрію и Германію. Было бы поэтому, быть-можетъ, полезно предуказать, что Императорское правительство готово въ свое время и въ своемъ мѣстѣ возобновить переговоры о дѣйствительномъ улучшеніи Сулинскаго устья?

IV. Если бы вѣнскій кабинетъ пожелалъ, въ виду обязательствъ, принятыхъ имъ на себя 5 декабря, и во избѣжаніе противорѣчія, въ которое могъ бы впасть, подписывая новый предлагаемый нами протоколъ, избрать другую форму, напримѣръ, форму обмѣна деклараціями, то уполномоченъ ли я принять ее?

V. Если бы Пруссія колебалась присоединиться къ нашимъ предложеніямъ, то по необходимости слѣдовало бы заключить соглашеніе съ одной Австріей. Не надлежитъ ли на этотъ случай ввести въ соглашеніе статью о томъ, что оба двора соединятъ свои усилія, чтобы достигнуть участія Пруссіи?

VI. Не было ли бы полезно, чтобы въ этомъ случаѣ я избралъ обратный путь черезъ Берлинъ [1])?

Офиціальной цѣлью миссіи графа Орлова было сообщеніе австрійскому двору условій, на которыхъ нашъ кабинетъ могъ бы вступить въ мирные переговоры; въ дѣйствительности же, какъ видно изъ приведеннаго доклада, дѣло шло о возобновленіи тѣснаго союза трехъ консервативныхъ дворовъ, о которомъ Государь писалъ въ одномъ изъ своихъ писемъ. Миссіи Орлова ставилась, такимъ образомъ, цѣль, въ то время недостижимая.

---

[1]) См. Приложеніе № 119.

Проектъ протокола, который предполагалось заключить между Россіей, Австріей и Пруссіей, заключался въ слѣдующемъ:

„Вслѣдствіе войны, вспыхнувшей между Россіей и Турціей, и „въ виду принятія лондонскимъ и парижскимъ дворами рѣшеній, „стремящихся путемъ участія ихъ флотовъ придать войнѣ болѣе „серьезный и опасный характеръ, три союзные двора австрійскій, „прусскій и русскій рѣшили, руководствуясь общимъ желаніемъ „болѣе тѣснаго единенія при опасностяхъ, угрожающихъ общему „миру, опредѣлить общимъ соглашеніемъ то положеніе, которое „въ будущемъ они займутъ какъ относительно другъ друга, такъ „и относительно западныхъ державъ.

„Вслѣдствіе этого они согласились на слѣдующіе пункты:

„Ст. I. На случай, если лондонскій и парижскій дворы при- „мутъ дѣятельное участіе въ войнѣ противъ Россіи, то берлин- „скій и вѣнскій дворы, рѣшившіеся дѣйствовать сообща и согла- „совать свою политику съ политикой остальной Германіи, фор- „мально обязуются сохранять по отношенію къ воюющимъ сто- „ронамъ самый строгій нейтралитетъ и, въ случаѣ настояній или „угрозъ Англіи и Франціи, объявить, что они рѣшились защи- „щать свой нейтралитетъ, если понадобится, съ оружіемъ въ ру- „кахъ противъ всякаго посягательства.

„Ст. II. На случай, если бы лондонскій и парижскій дворы „воспротивились этому рѣшенію путемъ нападенія на австрійскую, „прусскую или какого-либо другого нѣмецкаго государства тер- „риторію, то три государя будутъ считать такой фактъ нападеніемъ „на ихъ собственную территорію и обязуются оказывать другъ „другу для отбитія нападенія взаимную помощь, по мѣрѣ требо- „ванія обстоятельствъ. Относительно размѣровъ этой помощи особо „назначенные военные комиссары вступятъ въ соглашеніе впо- „слѣдствіи.

„Ст. III. Императоръ Всероссійскій, вѣрный даннымъ имъ „заявленіямъ и въ стремленіи удовлетворить пожеланія своихъ „союзниковъ, остается при твердомъ рѣшеніи закончить войну, „какъ только его достоинство и правильно понятый интересъ его „Имперіи это дозволятъ. Однако, принимая во вниманіе, что дѣя- „тельное участіе въ войнѣ двухъ морскихъ державъ можетъ вы- „звать развитіе событій и военныхъ операцій, способное произвести „измѣненіе въ существующемъ въ Турціи положеніи вещей, Его „Величество Императоръ Всероссійскій обязуется не принимать въ „договорахъ, которые могутъ наступить съ морскими державами,

„никакихъ рѣшеній безъ предварительнаго соглашенія со своими „союзниками“ [1]).

Проектъ былъ приложенъ къ тождественнымъ депешамъ, отправленнымъ 8 января 1854 года [2]) графомъ Нессельроде барону Мейендорфу въ Вѣну и барону Будбергу въ Берлинъ. Депеша напоминала, что вѣнское соглашеніе четырехъ державъ не помѣшало Франціи и Англіи вступить между собою въ особое соглашеніе, выразившееся въ общемъ ихъ рѣшеніи отправить эскадры въ Черное море. Это событіе открываетъ новый фазисъ кризиса, при которомъ и Государь считаетъ себя обязаннымъ обратиться съ серьезнымъ призывомъ къ своимъ друзьямъ и союзникамъ. Канцлеръ разсматривалъ далѣе три возможныхъ для Австріи и Пруссіи рѣшенія: принять сторону Россіи, принять сторону морскихъ державъ и, наконецъ, остаться нейтральными. Первая альтернатива сразу привела бы ко всеобщей войнѣ, которую всѣ желали избѣжать; вторая была бы униженіемъ передъ угрозами западныхъ державъ и привела бы германскія государства къ плачевному будущему. „Россія не побѣдима у себя“, писалъ канцлеръ. „Она „не боится военныхъ нашествій, ни нашествій революціоннаго духа. „Если союзники ее оставятъ, если, не дай Богъ, она вышла бы „изъ кризиса униженной, вслѣдствіе отсутствія ихъ нравственной „поддержки, или побѣжденной, вслѣдствіе отсутствія матеріальной „поддержки, то она запомнила бы это, углубилась бы въ себя и „устроилась бы такъ, чтобы въ будущемъ обойтись безъ союз„никовъ“.

Единственнымъ выходомъ для Австріи и Пруссіи совмѣстно съ прочими германскими государствами является нейтралитетъ, но не колеблющійся и не выжидательный, а строгій и рѣшительный, основанный на полной солидарности Германіи и, въ случаѣ надобности, защищаемый съ оружіемъ въ рукахъ. Только онъ способенъ предотвратить всеобщую войну, дать Австріи и Пруссіи возможность играть роль примирителей и охранить начала порядка и законности, для защиты которыхъ былъ созданъ тройственный союзъ.

Государь, отправляя графа Орлова въ Вѣну, написалъ Императору Францу-Іосифу обширное письмо [3]), во вступительныхъ словахъ котораго были отмѣчены удивленіе и горечь, вызванныя приведеннымъ выше письмомъ австрійскаго монарха. Государь еще

---

[1]) См. Приложеніе № 120.
[2]) См. Приложеніе № 121.
[3]) Отъ 4 (16) января 1854 г. Госуд. Арх.

разъ подчеркнулъ, что ему чужды завоевательныя стремленія. Что же касается до оставленія войскъ нашихъ на лѣвомъ берегу Дуная, то вопросъ этотъ рѣшитъ дальнѣйшая судьба войны. То же слѣдуетъ сказать о возможномъ возстаніи турецкихъ христіанъ. Нельзя думать, чтобы Россія когда-либо содѣйствовала возвращенію ихъ подъ турецкое иго. Мюнхенгрецкое соглашеніе обязывало Россію и Австрію охранять независимость и неприкосновенность Турецкой Имперіи, но обѣ державы, предвидя и возможность ея паденія, обязались въ этомъ случаѣ не предпринимать ничего безъ предварительнаго взаимнаго соглашенія. О немъ лишь и можетъ быть рѣчь, и миссія графа Орлова состоитъ въ полномъ разъясненіи взглядовъ Государя на событія, требующія взаимнаго соглашенія Австріи и Россіи. Государь просилъ оказать графу Орлову полное довѣріе и замѣчалъ, что, въ случаѣ возникновенія на развалинахъ Турціи мелкихъ христіанскихъ государствъ, они должны будутъ оставаться подъ общимъ протекторатомъ Россіи и Австріи; поэтому опасенія послѣдней относительно тяготѣнія къ намъ ея славянскихъ провинцій представляются напрасными.

Прощаніе съ войсками на Красной площади въ Москвѣ (Народная картина).

Это письмо должно было быть вручено графомъ Орловымъ Императору Францу-Іосифу, какъ послѣднее средство, въ случаѣ неудачи миссіи. Прямыя правдивыя выраженія письма Государя произвели тяжелое впечатлѣніе на канцлера, который просилъ разрѣшенія смягчить тонъ письма. Императоръ Николай не согласился на это, находя, что настало время высказать Императору Францу-Іосифу все откровенно, и Государь предпочиталъ имѣть его открытымъ врагомъ, вмѣсто неизвѣстности, на что можно разсчитывать [1]). Вѣроятно, графу Нессельроде не удалось смягчить рѣшенія Государя при личномъ докладѣ на другой день, такъ

---

[1]) Высочайшая помѣтка на докладѣ гр. Нессельроде отъ 4 января 1854 г. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, карт. Доклады 1854 г.

какъ въ архивахъ имѣется лишь одинъ черновикъ отправленнаго письма, написанный рукою графа А. В. Адлерберга. Для веденія же переговоровъ графъ Орловъ былъ снабженъ другимъ вѣрительнымъ письмомъ [1]).

Государь съ нетерпѣніемъ ожидалъ результатовъ миссіи графа Орлова, который, какъ это можно судить изъ его переписки съ графомъ Нессельроде, отправлялся въ путь безъ особой надежды на успѣхъ.

Государь въ это время былъ очень нервенъ. „Я видѣлъ „Императора вчера", писалъ канцлеръ графу Орлову [2]); „онъ былъ „въ хорошемъ расположеніи (il était bien), и докладъ окончился „спокойно". Очевидно, что такой спокойный докладъ былъ въ то время рѣдкостью. И не мудрено, такъ какъ отъ австрійскаго посла были уже получены свѣдѣнія о томъ, что Порта заявила въ отвѣтъ на ноту четырехъ державъ о согласіи вести съ Россіей мирные переговоры не иначе, какъ въ присутствіи представителей Англіи, Франціи, Австріи и Пруссіи [3]). Столь рѣшительное заявленіе означало, особенно въ случаѣ неудачи миссіи графа Орлова, что военный кризисъ продолжится неопредѣленное время, осложнится и, несомнѣнно, разрастется до громадныхъ размѣровъ. Безпокойство и нервное настроеніе Государя были болѣе чѣмъ понятны.

Графъ Орловъ прибылъ въ Вѣну 16 (28) января, и его аудіенція у Императора Франца-Іосифа состоялась, день спустя. Посолъ Государя былъ встрѣченъ весьма сердечно, но за словами австрійскаго монарха чувствовалось нѣкоторое безпокойство [4]). Графъ Орловъ заявилъ своему августѣйшему собесѣднику, что, будучи знакомъ съ сокровенными мыслями Государя, онъ можетъ увѣрить, что Императоръ Николай сердечно желаетъ прекращенія кризиса почетнымъ миромъ, основанія котораго извѣстны союзнымъ дворамъ. „Однако", прибавилъ онъ, „послѣ „демонстраціи морскихъ державъ и въ виду значенія, которое „онѣ стараются придать входу ихъ эскадръ въ Черное море, миръ „уже не въ рукахъ Государя, а зависитъ отъ объясненій, которыя „будутъ даны этими двумя державами" [5]).

---

[1]) Отъ 8 (20) января 1854 г. Госуд. Арх.

[2]) Гр. Нессельроде — гр. Орлову въ Вѣну 13 (25) января 1854 г. Госуд. Арх., разр. XV, д. № 324.

[3]) Гр. Буоль — бар. Лебцельтнеру 13 января н. ст. 1854 г. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, карт. Autriche, 1854.

[4]) См. Приложеніе № 122.

[5]) См. Приложеніе № 123.

На замѣчаніе Императора о томъ, какъ онъ высоко цѣнитъ умѣренность Государя, графъ Орловъ отвѣтилъ:

„Сохраненіе мира, несмотря на эту умѣренность, менѣе „обезпечено, чѣмъ когда-либо. Государь долженъ готовиться къ „войнѣ. Ему надо было разъяснить со своими союзниками то „положеніе, которое, въ ихъ общихъ интересахъ, они должны „принять въ виду наступающаго кризиса. Въ этомъ состоитъ „истинная цѣль моей миссіи къ Вашему Величеству".

Графъ Орловъ, изложивъ затѣмъ содержаніе и смыслъ привезенныхъ имъ писемъ Государя, подчеркнулъ то чувство горечи, которое должны были вызвать у Императора Николая послѣднія вѣсти изъ Вѣны.

„Я не могъ поступать иначе", сказалъ австрійскій Императоръ. „Вы знаете мои чувства къ Императору Николаю. Они „останутся у меня на всю жизнь, но у меня, такъ же, какъ и у него, „есть долгъ Государя, и, вѣрьте мнѣ, что одной изъ величайшихъ „моихъ заботъ въ теченіе всего этого кризиса была мысль о томъ, „что можетъ наступить минута, когда различіе интересовъ можетъ „лечь тѣнью на то тѣсное единеніе, которое я столь горячо желаю „сохранить навсегда. Вотъ почему я счелъ себя въ правѣ обра„титься съ полной откровенностью къ моему другу и союз„нику".

Графъ Орловъ замѣтилъ, что не въ искренности, столь цѣнимой Государемъ, дѣло, а въ условіи не переходить Дуная, которое поставила намъ Австрія для сохраненія ею строгаго нейтралитета. „Это, столь категорически поставленное, условіе въ „минуту, когда союзные флоты входили въ Черное море, чтобы „парализовать наши морскія операціи, приняло особый смыслъ. „Оно какъ бы требуетъ отъ насъ такого же стѣсненія нашихъ „операцій на сушѣ. И я долженъ откровенно заявить Вашему „Величеству, что такое условіе не пріемлемо. Сохраненіе оборони„тельнаго положенія на Дунаѣ, при свободѣ Омеру-пашѣ атаковать „насъ въ избранномъ имъ пунктѣ, представляетъ непреодолимыя „трудности... Если бы посредничествующія державы склонили пред„варительно къ подобному поведенію и Порту, то Государь не „противился бы и держался бы въ строго оборонительномъ поло„женіи; но въ настоящихъ условіяхъ, послѣ возобновляемыхъ „турками нападеній, подобное обязательство со стороны Государя „способствовало бы продолженію кризиса, отнимая у Россіи средства „привести Порту къ соглашенію".

— Я признаю — сказалъ Императоръ — военныя затрудненія, связанныя съ сохраненіемъ оборонительнаго образа дѣйствій на Дунаѣ, и понимаю, что Государь желаетъ въ своихъ интересахъ перейти къ активнымъ дѣйствіямъ. Но вы понимаете также, насколько Австрія должна этого опасаться, такъ какъ переходъ черезъ Дунай, вызывая возстаніе христіанскаго населенія, можетъ привести къ положенію, противному ея интересамъ. Освобожденіе этого населенія создало бы новый и опасный для Австріи порядокъ вещей.

Графъ Орловъ сослался на письмо Государя и подтвердилъ, что интересы Россіи и Австріи могутъ быть отожествлены, и что будущая судьба турецкихъ провинцій можетъ быть поставлена въ зависимость отъ соглашенія между этими двумя державами. Конечно, вопросъ представляется сложнымъ, но затрудненія могутъ быть преодолѣны при условіи, что два Императорскіе двора будутъ дѣйствовать въ полномъ согласіи, и къ нимъ присоединятся Пруссія и прочія германскія государства. Поэтому, добавилъ графъ Орловъ, наше посольство въ Берлинѣ поддерживаетъ предложеніе австрійскаго кабинета о возобновленіи трактата 1851 года о содѣйствіи Пруссіи на случай нападенія французовъ на австрійскія владѣнія въ Италіи.

Аудіенція закончилась предложеніемъ сообщить графу Буолю письма и проекты нашего кабинета. Но австрійскій министръ заявилъ графу Орлову, что онъ считаетъ опаснымъ заключеніе съ нами соглашенія относительно нейтралитета, такъ какъ оно можетъ вызвать всеобщее потрясеніе, и что Австрія во всякомъ случаѣ не приметъ на себя никакихъ обязательствъ безъ существенныхъ гарантій.

Графъ Орловъ, сообщая все изложенное, высказалъ также мнѣніе, основанное на бесѣдахъ съ разными, и особенно военными, лицами, что даже выжидательный австрійскій нейтралитетъ не можетъ принять по отношенію къ намъ непріязненнаго характера.

20 января (1 февраля) состоялась вторая аудіенція графу Орлову [1]). Онъ уже не разсчитывалъ на успѣхъ своей миссіи, тѣмъ болѣе, что прусскій кабинетъ, по полученнымъ имъ изъ Берлина извѣстіямъ, склонялся къ заключенію особаго соглашенія съ Великобританіей и ни за что не рѣшался принять совмѣстно съ Австріей и второстепенными германскими государствами систему

[1]) См. Приложеніе № 124.

твердаго и рѣшительнаго нейтралитета. Графъ Орловъ воспользовался, несмотря на свои сомнѣнія, благожелательнымъ къ намъ расположеніемъ князя Виндишгреца, который былъ способенъ оказать нѣкоторое содѣйствіе въ убѣжденіи Императора Франца-Іосифа относительно пользы принятія предложенія нашего кабинета.

Въ теченіе двухъ часовъ второй аудіенціи выяснилось, что Австрія приметъ наше предложеніе вооруженнаго нейтралитета, если съ нашей стороны будутъ даны „формальныя гарантіи“ въ неприкосновенности Турціи и возврата къ statu quo въ отношеніи пограничныхъ съ Австріей турецкихъ провинцій.

Вѣнскій кабинетъ утверждалъ, что проектируемый нами, на случай освобожденія турецкихъ христіанъ, общій русско-австрійскій

Англо-французская эскадра въ Босфорѣ.

протекторатъ оказался бы для Австріи призрачнымъ и лишь вызвалъ бы недоразумѣнія между двумя Имперіями. Онъ категорически отказался безъ полученія формальныхъ гарантій отъ предложеннаго соглашенія и опредѣленно заявилъ, что Австрія будетъ придерживаться выжидательнаго нейтралитета и выставитъ на границѣ Княжествъ обсерваціонный корпусъ. Императоръ Францъ-Іосифъ добавилъ, что этой демонстраціи будетъ чуждъ всякій непріязненный характеръ, но что надобно понять ея необходимость для Австріи.

Графъ Орловъ усмотрѣлъ эту необходимость, особенно послѣ разговора съ графомъ Буолемъ, въ боязни австрійскаго кабинета передъ Франціей. Нельзя отрицать, что забота объ итальянскихъ владѣніяхъ Австріи въ нѣкоторой степени вліяла на рѣшеніе вѣнскаго кабинета, но съ другой стороны непосредственное сосѣдство славянскихъ провинцій Габсбургской монархіи съ единоплеменными и единовѣрными имъ областями Оттоманской Имперіи

создавало для Австріи при возникшемъ кризисѣ серьезный поводъ къ заботамъ. Какъ баронъ Мейендорфъ, такъ и нашъ военный агентъ графъ Штакельбергъ сообщали, что австрійскіе славяне явно выражали свое сочувствіе Россіи [1]). У насъ причину опасенія Австріи итти съ нами рука объ руку именно видѣли, со словъ графа Орлова, въ ея страхѣ потерять итальянскія владѣнія, и эта неправильная для вѣрнаго заключенія посылка явилась исходнымъ пунктомъ для пророческихъ словъ Тютчева, высказанныхъ имъ въ началѣ 1854 года. „Autriche"—писалъ онъ одному знакомому—„se brouille avec ses amis pour ne pas se compromettre „vis-à-vis de ses ennemis. Peine inutile!... Le canon qui bat en „brèche Sébastopole la chassera d'Italie..." [2]). Такое же пророческое предсказаніе было сдѣлано и барономъ Брунновымъ, который въ своемъ письмѣ изъ Брюсселя къ барону Будбергу въ Берлинъ нарисовалъ очень правдоподобную и живую картину будущаго положенія Европы, вызваннаго къ жизни правленіемъ Наполеона III послѣ Крымской войны [3]).

Миссія графа Орлова была окончена. Передъ своимъ отъѣздомъ онъ былъ приглашенъ Императоромъ къ обѣду. Францъ-Іосифъ былъ грустенъ, и при прощаніи у него навернулись на глазахъ слезы. Графъ Буоль въ этотъ вечеръ былъ искренно обезпокоенъ [4]). Графъ Орловъ и нашъ военный агентъ графъ Штакельбергъ [5]) отмѣчали, что поведеніе вѣнскаго кабинета осуждалось военными и мѣстнымъ обществомъ; многіе изъ офицеровъ выражали желаніе вступить въ ряды нашихъ войскъ. Однако, австрійцевъ безпокоило присутствіе нашей арміи въ Княжествахъ, которое невольно дѣйствовало возбуждающимъ образомъ на славянское населеніе Австрійской Имперіи.

Императоръ Францъ-Іосифъ, разставаясь съ графомъ Орловымъ, предупредилъ, что онъ пришлетъ къ нему графа Буоля, сообщеніе котораго просилъ выслушать, какъ сообщеніе самого Императора и принадлежащее его собственной мысли. Нѣсколько

---

[1]) Бар. Мейендорфъ — канцлеру 12 (24) марта 1854 г., № 72. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, карт. Vienne, 1854.

Гр. Штакельбергъ — воен. министру 9 (21) февраля 1854 г. Арх. Канц. Воен. Мин., 1853 г., секр. д. № 16.

[2]) Ст. С. Аксакова о Ѳ. И. Тютчевѣ. Русск. Арх., 1874 г., стр. 315.

[3]) Бар. Брунновъ — бар. Будбергу 3 (15) апрѣля 1854 г. Госуд. Арх., разр. III, д. № 108.

[4]) См. Приложеніе № 125.

[5]) Гр. Штакельбергъ — воен. министру 30 января (11 февраля) 1854 г. Арх. Канц. Воен. Мин., 1853 г., секр. д. № 16.

позднѣе все высказанное графомъ Буолемъ было намъ официально сообщено австрійскимъ посломъ въ Петербургѣ барономъ Лебцельтнеромъ [1]). Глава вѣнскаго кабинета замѣчалъ, что состоявшійся отказъ Пруссіи принять наши предложенія освобождаетъ его отъ объясненій причинъ, почему они отклоняются и Австріей. Но откровенность, лежащая въ основаніи отношеній двухъ Императорскихъ дворовъ, заставляетъ его высказать рядъ нижеслѣдующихъ соображеній.

„Императоръ Францъ-Іосифъ не можетъ связывать себя, въ „виду случайностей, послѣдствія которыхъ недоступны человѣ„ческому предвидѣнію, обязательствами, если съ своей стороны „Императоръ Николай не пожелаетъ ограничить простора своихъ „дѣйствій. Послѣдствія продолжительной русско-турецкой войны „столь проблематичны, что Австрія, непосредственно заинтересо„ванная въ Восточномъ вопросѣ, не можетъ дать обязательства „сохранять безусловный нейтралитетъ. Нашъ государь, безспорно, „безгранично довѣряетъ слову своего августѣйшаго друга, но „ничто не можетъ гарантировать, что давленіе событій будетъ „выше Императорской воли. Несмотря на ея опредѣленныя стре„мленія, успѣхъ оружія, въ связи съ настроеніемъ подвластныхъ „Турціи народностей, можетъ привести къ положенію вещей, „противныхъ интересамъ Австрійской Имперіи.... Австрія могла „обязываться сохранять выжидательный нейтралитетъ, пока Россія „заявляла, что она намѣрена придерживаться оборонительнаго „образа дѣйствій. Но вопросъ, къ несчастью, принялъ обще-евро„пейскій характеръ и сталъ столь серьезенъ, что Австрія не „можетъ поступить иначе, какъ оставляя за собой полную сво„боду рѣшеній, которыя она будетъ призвана принять.

„Если бы Императоръ Николай“, говорилось далѣе въ сообщеніи, „пожелалъ принять на себя обязательства не распростра„нять безъ пользы военныхъ операцій въ Европейской Турціи [2]), „не стремиться ни къ какому территоріальному расширенію [3]), ни „къ какому вмѣшательству во внутреннія дѣла Турціи, не тре„бовать никакого права, которое не вытекало бы изъ прежнихъ „трактатовъ [4]), т.-е. обязательства, которыя кажутся согласными

---

[1]) Гр. Буоль — бар. Лебцельтнеру 5 февраля 1854 г. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, карт. А, 1854.

[2]) Здѣсь Государь поставилъ три вопросительныхъ знака.

[3]) То же.

[4]) „A-t-il jamais été question d'autre chose, cela ne s'entend-il pas de soi-même“, помѣтилъ Государь.

„съ его интересами, то Австрія была бы готова дать съ своей „стороны согласіе на то, чего отъ нея требуютъ. Русскій кабинетъ „слишкомъ справедливъ, чтобы не признать въ противномъ слу„чаѣ нашихъ затрудненій въ начертаніи себѣ теперь же про„граммы, которую будущія обстоятельства заставятъ насъ принять".

Сущность русскихъ предложеній, писалъ графъ Буоль, состоитъ въ сохраненіи среди настоящаго кризиса тѣснаго единенія трехъ державъ, какъ оплота соціальнаго порядка. Но вѣдь теперь дѣло идетъ не объ охраненіи порядка, а, напротивъ, чтобы войти въ новыя комбинаціи, сущности и послѣдствій которыхъ нельзя предугадать...

Наоборотъ, соглашеніе четырехъ державъ, произведшее столь тягостное впечатлѣніе въ Петербургѣ, основано на принципѣ неприкосновенности Оттоманской Имперіи, какъ элемента европейскаго равновѣсія. Австрійскій министръ высказалъ сожалѣніе объ отказѣ Россіи отъ первоначальнаго намѣренія не переходить Дуная и закончилъ свою депешу слѣдующей фразой: „Чѣмъ серьезнѣе „становятся послѣдствія, связанныя съ переходомъ черезъ Дунай, „тѣмъ болѣе мы считаемъ исполненіемъ своего долга заклинать „(conjurons) петербургскій кабинетъ еще разъ обратиться передъ „совершеніемъ рѣшительнаго шага къ своей мудрости". Въ заключеніе графъ Буоль завѣрялъ, что Австрія не питаетъ никакихъ непріязненныхъ мыслей и попрежнему готова прокладывать пути къ миру.

Сообщеніе графа Буоля легло въ нѣсколько измѣненной редакціи въ основу письма австрійскаго Императора къ Государю [1]). Онъ также умолялъ (supplier) взвѣсить еще разъ всѣ послѣдствія перехода черезъ Дунай и также требовалъ гарантій въ томъ, что „ничто не будетъ измѣнено въ политическомъ по„ложеніи странъ (балканскихъ), о которыхъ идетъ рѣчь".

Полнымъ горечи и величія души звучитъ отвѣтъ Императора Николая на это письмо [2]).

„Союзники", писалъ Государь, „на которыхъ я имѣлъ право „разсчитывать, меня оставляютъ и даже свой нейтралитетъ под„чиняютъ условіямъ, нынѣ отъ меня не зависящимъ. Требованіе „гарантіи въ сохраненіи Турціи въ настоящемъ видѣ мнѣ кажется „страннымъ, такъ какъ это не въ моей и не въ чьей власти,

---

[1]) Императоръ Францъ-Іосифъ—Императору Николаю 5 февраля н. ст. 1854 г. Гос. Арх.
[2]) Отъ 17 февраля (1 марта) 1854 г. Гос. Арх.

„если христіанскія народности возстанутъ... Я никогда не соглашусь „вернуть освобожденныхъ христіанъ подъ иго ихъ завзятыхъ „враговъ... Самая мысль несогласія между нами мнѣ въ высшей „степени прискорбна, но возможность войны между нами мнѣ „кажется безсмысленной".

Государь былъ правъ. Отступать передъ угрозами западныхъ державъ, ярко выраженныхъ въ сообщеніи о входѣ ихъ флотовъ въ Черное море, было невозможно. Австрійскія заклинанія и

Группа военноначальниковъ обѣихъ армій.

мольбы объ оставленіи мысли о переходѣ черезъ Дунай и объ эвакуаціи Княжествъ послѣ этого были безсильны. Послѣдняя операція могла бы наступить лишь вслѣдствіе стратегическихъ соображеній, въ которыхъ пока не было надобности.

Событія шли къ роковой трагической развязкѣ, и циркуляръ графа Нессельроде [1]) не могъ болѣе произвести никакого впечатлѣнія, хотя, извѣщая о разрывѣ дипломатическихъ сношеній

[1]) Отъ 18 февраля ст. ст. 1854 г. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, карт. С. 1854.

съ Англіей и Франціей, онъ былъ снабженъ объемистыми приложеніями, въ которыхъ излагался ходъ всего кризиса и оправдывались дѣйствія и требованія Россіи [1]).

Для всѣхъ вопросъ формулировался просто и ясно: Европа (т.-е. великія державы) не могла допустить дальнѣйшаго преобладающаго вліянія Россіи на турецкомъ Востокѣ, почитала турецкія дѣла своими общеевропейскими и никоимъ образомъ не была согласна, чтобы русско-турецкій споръ былъ разрѣшенъ непосредственно между Россіей и Турціей.

Австрія вполнѣ присоединилась къ этой точкѣ зрѣнія и сообщила нашему правительству [2]), что требованія западныхъ державъ объ эвакуаціи Княжествъ разсматриваются ею, какъ вполнѣ законныя, хотя она и находитъ формулу ихъ достойной сожалѣнія. Австрія, считая, что она исполнила свой долгъ по отношенію къ Россіи, увѣдомляла, что впредь она рѣшила руководствоваться исключительно собственными интересами. Черезъ нѣсколько дней графъ Буоль вновь поднялъ „дружественный голосъ“, чтобы „умолять“ нашъ кабинетъ согласиться на требованія западныхъ державъ, и еще разъ заявлялъ, что австрійское правительство оставляетъ за собой полную свободу дѣйствій [3]).

Солидарность Австріи съ западными державами выражалась все опредѣленнѣе. Баронъ Мейендорфъ 30 марта (11 апрѣля) сообщалъ [4]), что представители четырехъ державъ подписали въ Вѣнѣ новый протоколъ, содержаніе котораго не было сообщено нашему послу, несмотря на его настояніе.

Однако, нашъ посолъ узналъ, что этотъ документъ заключалъ четыре пункта: 1) охраненіе неприкосновенности Оттоманской Имперіи, 2) эвакуацію нами Княжествъ, 3) обязательство условиться о мѣрахъ къ достиженію этого результата и 4) улучшеніе положенія турецкихъ христіанъ.

Баронъ Мейендорфъ рѣзко отозвался на отказъ сообщить ему текстъ протокола.

„Помните“, сказалъ онъ графу Буолю, „что у Россіи 700 ты„сячъ человѣкъ въ рядахъ арміи, и къ ней нельзя относиться, „какъ къ второстепенному государству. Если вы объявите ей

---

[1]) См. Приложеніе № 107.

[2]) Бар. Мейендорфъ — канцлеру 24 февраля (8 марта) 1854 г., № 52. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, карт. Vienne, 1854.

[3]) Гр. Буоль — гр. Эстергази 5 марта н. ст. 1854 г. Тамъ же, карт. A, 1854.

[4]) См. Приложеніе № 126.

„войну, и если допустить абсурдъ, что она будетъ унижена и „уменьшена, то она все-таки останется державой съ 60 милліонами „населенія, которая граничитъ съ Австріей и требуетъ добро-„сосѣдскихъ отношеній. По меньшей мѣрѣ безполезно обострять „и безъ того натянутыя отношенія".

Графъ Буоль увѣрилъ, что въ протоколѣ нѣтъ рѣчи о мѣрахъ принужденія, которыя предполагалось бы примѣнить къ Россіи, и Австрія никогда не стремилась къ войнѣ съ нами. Но, замѣтилъ онъ, если петербургскій кабинетъ отказалъ Австріи въ гарантіяхъ, о которыхъ она просила, то ей осталось оставить за собой свободу дѣйствій. „Мы ею пользуемся. Вотъ и все".

Баронъ Мейендорфъ отмѣтилъ въ своемъ донесеніи два интересныхъ факта. По его мнѣнію, поведеніе графа Буоля имѣло цѣлью вызвать въ Россіи безпокойство по поводу будущей роли Австріи. Въ связи съ этимъ нашъ посолъ подчеркнулъ повышеніе фондовъ на вѣнской биржѣ, какъ слѣдствіе ожидаемаго разрыва съ Россіей. Повышеніе произошло потому, что биржевые дѣльцы думали, подобно другимъ многочисленнымъ нѣмцамъ, что, чѣмъ болѣе враговъ увидитъ вокругъ себя Россія, тѣмъ вѣроятнѣе станутъ шансы мира.

Другимъ отмѣченнымъ барономъ Мейендорфомъ фактомъ было веденіе графомъ Буолемъ переговоровъ съ прусскимъ посломъ графомъ Арнимомъ и отправленіе генерала Гесса изъ Вѣны въ Берлинъ для заключенія съ Пруссіей особой конвенціи. Нашъ посолъ видѣлся съ пріѣхавшимъ въ Вѣну полковникомъ Мантейфелемъ, родственникомъ прусскаго министра. Баронъ Мейендорфъ просилъ, въ виду близкихъ съ Мантейфелемъ отношеній и высказаннаго имъ довѣрія, доложить Королю прусскому, что переговоры о конвенціи могли бы сохранить за Пруссіей нѣкоторую свободу дѣйствій, утвердить ея нейтралитетъ и вообще ослабить значеніе вѣнскаго протокола въ томъ, что компрометируетъ Пруссію и оскорбляетъ Россію.

Новая роль Австріи, заботившейся „исключительно о сво-„ихъ собственныхъ интересахъ", выяснялась все опредѣленнѣе. 30 апрѣля баронъ Мейендорфъ сообщалъ князю Варшавскому [1]), что на слѣдующій день Императоръ Францъ-Іосифъ подпишетъ приказъ объ усиленіи войскъ въ Трансильваніи и Галиціи. Мѣра эта, добавлялъ нашъ посолъ, предпринята въ виду сосредоточенія

[1]) Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, карт. Vienne, 1854.

нашихъ войскъ у австрійской границы, и она не была бы принята, если бы наши резервы оставались въ Яссахъ. Усиленіе войскъ будетъ приведено въ исполненіе въ теченіе шести недѣль, и если мы не перейдемъ черезъ Балканы, то Австрія насъ атаковать не будетъ.

Желаніе добиться мира, склоняя Россію къ уступкамъ, заставило австрійскій кабинетъ послѣдовательно замѣнить просьбы и мольбы категорическими требованіями, угрозами и, наконецъ, военными демонстраціями. Она оказалась въ станѣ нашихъ враговъ, и оставалась лишь слабая надежда на чувства австрійскаго монарха по отношенію къ спасшему его Имперію Государю, мерцавшая среди надвигавшейся темноты, какъ пламя, которое способно было погаснуть при первомъ дуновеніи бури.

Глава XI.

I.

Еще до вступленія нашихъ войскъ въ Княжества началась весьма дѣятельная переписка между Государемъ и князьями Варшавскимъ, Долгорукимъ, Горчаковымъ, Меншиковымъ и Воронцовымъ о планѣ кампаніи, предстоявшей въ томъ случаѣ, если бы споръ нашъ съ Турціей не удалось разрѣшить иначе, какъ силою оружія.

Очень характерная и знаменательная переписка эта является замѣчательнымъ доказательствомъ того, какъ военныя операціи могущественной арміи парализуются вмѣшательствомъ фальшивыхъ политическихъ соображеній, и какъ армія, привлеченная не для своей прямой цѣли—разсѣченія запутаннаго гордіева узла политической обстановки, а лишь для физической полумѣры, связывается по рукамъ и ногамъ и въ концѣ концовъ становится въ положеніе, противное всѣмъ принципамъ военнаго искусства.

Задача нашей Дунайской арміи, какъ извѣстно, заключалась по первоначальнымъ предположеніямъ, изложеннымъ въ собственноручной запискѣ Императора Николая отъ 16—17 мая 1853 года[1]), въ военно-политическомъ воздѣйствіи на Турцію, и это главное положеніе должно было лечь въ основу всѣхъ дѣйствій князя Горчакова. Государь, „желая всегда избѣгать войны съ Турціей по „гибельнымъ ея послѣдствіямъ для войскъ и по неопредѣленности „цѣли дѣйствій, ежели избѣгнуть хотимъ конечнаго ниспроверженія Турецкой Имперіи“, раздѣлилъ военныя дѣйствія противъ

[1]) Томъ I, Приложеніе № 218.

Оттоманской Порты на три раздѣла или эпохи. Первая эпоха заключалась въ занятіи Придунайскихъ княжествъ и въ отраженіи въ нихъ нападенія турокъ, если бы они рѣшились произвести таковое. При невоздѣйствіи на непріятеля занятія нами Княжествъ, должно было наступить время къ усиленію принудительныхъ средствъ. Государю желательно было, чтобы въ этотъ второй періодъ и австрійцы приняли активное участіе, занявъ Герцоговину и Сербію. При этомъ Императоръ Николай полагалъ сообщить туркамъ, что ежели они не согласятся на наши предложенія, то онъ объявитъ независимость Княжествъ и Сербіи. Переходить Дунай Государь, однако, не предполагалъ и въ то время. Наконецъ, если турки все еще будутъ продолжать упорствовать, то тогда, по словамъ записки Императора Николая, „наступитъ время угрозу исполнить „и признаніемъ независимости Княжествъ положить начало разру- „шенія Оттоманской Имперіи“.

Вотъ съ какой программой армія князя Горчакова двинулась на берега Дуная, и, хотя начальникъ ея признавалъ эту программу вполнѣ соотвѣтствующей обстоятельствамъ [1]), тѣмъ не менѣе онъ понималъ, что не придется ограничиться лишь ея исполненіемъ. „При всемъ моемъ желаніи“, писалъ онъ своему другу, князю Меншикову, „мнѣ невозможно будетъ перейти Дунай въ этомъ „году... для этого мнѣ не хватаетъ времени, силъ и средствъ для „переправы“. Такимъ образомъ съ первыхъ же шаговъ выдвигался на очередь вопросъ объ измѣненіи неестественнаго плана *трехъ эпохъ*. „Если будетъ война“, писалъ Горчаковъ Меншикову въ томъ же письмѣ, „то я увѣренъ, что она будетъ очень трудная. „Въ случаѣ, если англичане и французы будутъ противъ насъ, то „вашъ флотъ будетъ парализованъ ихъ флотомъ. Если же они „будутъ нейтральны, въ чемъ я сомнѣваюсь, то единственная су- „щественная помощь, которую вы мнѣ можете оказать, это де- „сантомъ въ Бургасѣ и перевозкой жизненныхъ продуктовъ, такъ „какъ я не вѣрю въ успѣхъ морского нападенія на Константи- „нополь“ [2]).

Въ ряду предположеній о возможномъ планѣ будущей кампаніи главное мѣсто занимала мысль о переходѣ черезъ Дунай. Впервые на ней болѣе подробно остановился Паскевичъ въ своей перепискѣ съ княземъ Горчаковымъ. Въ письмѣ отъ 6 іюля

---

[1]) Кн. Горчаковъ — кн. Меншикову 17 іюня 1853 г. Арх. Воен. Уч. Ком., № 4253.
[2]) Переводъ съ французскаго.

1853 года [1]) престарѣлый фельдмаршалъ, на ряду съ цѣлымъ рядомъ совѣтовъ по устройству интендантской части, которой онъ придавалъ такое серьезное значеніе, затрагивалъ вопросъ и о наступательной кампаніи. Она не представлялась князю Ивану Ѳедоровичу трудной, такъ какъ онъ еще не разсчитывалъ на вмѣшательство западныхъ державъ и тѣмъ болѣе Австріи; силамъ же турокъ фельдмаршалъ не придавалъ особаго значенія.

Графъ Ридигеръ.

Лучшимъ мѣстомъ для переправы черезъ Дунай Паскевичъ считалъ Гирсово, какъ пунктъ, вдающійся въ Болгарію, близкій къ морю и къ Варнѣ, которую онъ ставилъ первымъ и главнымъ предметомъ нашихъ дѣйствій. Движеніе къ этой крѣпости и взятіе ее фельдмаршалъ признавалъ необходимымъ сдѣлать возможно скорѣе, не увлекаясь до паденія ея никакими другими цѣлями и лишь отбивая попытки непріятеля помѣшать скорому овладѣнію Варной. Если бы турки преждевременно погорячились и перешли съ большими силами Дунай до перехода его нашими войсками, то Горчакову надлежало ихъ разбить, воспользоваться своей побѣдой, и тогда война могла бы окончиться ранѣе, чѣмъ это предполагалось.

Фельдмаршалъ не находилъ невыгоднымъ отложить переходъ черезъ Дунай до весны, такъ какъ, хотя къ этому времени турки и поправятъ нѣсколько свои крѣпости, но едва ли будутъ сильнѣе: турецкую армію онъ считалъ еще не вышедшею изъ младенчества, имѣвшую регулярныхъ войскъ до 60-ти тысячъ, а остальное—мало пригодную милицію.

Продовольствіе за Дунаемъ Паскевичъ предполагалъ доставлять моремъ, если оно будетъ для насъ открыто; въ противномъ же случаѣ сухимъ путемъ отъ Гирсова, складывая припасы въ одномъ изъ приморскихъ пунктовъ—Кюстенджи, Мангаліи или Коварнѣ.

Въ послѣдовавшей вслѣдъ за этимъ офиціальной перепискѣ князя Горчакова съ военнымъ министромъ командовавшій войсками

---

[1]) Письмо это помѣщено въ январьской книжкѣ „Русской Старины“ за 1876 г.

на Дунаѣ первоначально выражалъ свое глубокое убѣжденіе [1]), что, слѣдуя плану *трехъ эпохъ,* цѣль Государя будетъ неминуемо достигнута самымъ вѣрнымъ и выгоднымъ для насъ образомъ, т.-е., „отклоняя большіе расходы, большую трату людей и оставляя „Россію въ томъ величественномъ положеніи относительно Европы, „котораго она достигла твердою и вмѣстѣ съ тѣмъ умѣренною „политикой Государя Императора". Вести наступательную войну за Дунаемъ, имѣя противъ себя Турцію, Францію и Англію, а, слѣдовательно, не владѣя Чернымъ моремъ, Горчаковъ признавалъ невыгоднымъ [2]), но если бы, какъ это предполагалъ Паскевичъ, обстоятельства перемѣнились, и послѣдовали бы несогласія между обѣими западными державами, то наступленіе за Дунай было бы выгоднѣе пассивнаго отстаиванія Княжествъ. Во всякомъ случаѣ князь Горчаковъ полагалъ, что задунайскую кампанію можно начать не ранѣе марта 1854 года, и слѣдовало до перехода за Балканы театръ нашихъ дѣйствій ограничить раіономъ между моремъ, Шумлою, Гирсовымъ и Варною, отнюдь „не забиваясь" въ Малую Валахію.

Однако, политическая обстановка въ то время представлялась Государю не въ такомъ розовомъ свѣтѣ, какъ его помощникамъ, потому что противъ предложенія воспользоваться Чернымъ моремъ, хотя бы только для каботажной перевозки на театръ военныхъ дѣйствій продовольствія, онъ помѣтилъ: „въ теперешнемъ поло- „женіи оно невозможно".

Къ концу августа политическій горизонтъ еще сильнѣе омрачился, и надежда на свободное плаваніе нашихъ судовъ по Черному морю еще болѣе упала. „Никакъ нельзя ручаться „за это", писалъ Государь [3]), „ибо на злобу и сумасшествіе „нѣтъ ни мѣры, ни правилъ: на все быть готову необхо- „димо". А потому Императоръ Николай, не рѣшивъ еще окончательно, будетъ ли возможно начать въ 1854 году наступательную войну, повелѣлъ разсчитывать подвозъ всего продовольствія сухимъ путемъ.

Результатомъ такой политической обстановки была новая записка князя Горчакова о наступательной кампаніи за Дунаемъ,

---

[1]) Кн. Горчаковъ — военному министру 28 іюля 1853 г., № 390. Арх. Канц. Воен. Мин. по снар. в., 1853 г., секр. д. № 65.

[2]) „Разумѣется", начерталъ противъ этихъ словъ Императоръ Николай.

[3]) Военный министръ — кн. Горчакову 29 августа 1853 г., № 986. Арх. Канц. Воен. Мин. по снар. в., 1853 г., секр. д. № 65.

составленная 20 сентября 1853 года въ предположеніи, что мы не будемъ владѣть Чернымъ моремъ [1]).

Согласно этой запискѣ, начать кампанію предполагалось въ концѣ марта или въ началѣ апрѣля, въ зависимости отъ состоянія подножнаго корма. Базой предстоявшихъ дѣйствій долженъ былъ служить Дунай отъ устья до Гирсова, а наступленіе вести въ пространствѣ между моремъ и линіей отъ Гирсова на Праводы, Адріанополь и Константинополь съ тѣмъ, чтобы въ Валахіи не распространяться далѣе Бухареста. При наступленіи ограничиться лишь взятіемъ укрѣпленій Бабадагской области и Варны, маскируя Шумлу. По взятіи Варны оставить достаточное число войскъ для прикрытія тыла, перейти Балканы между Праводами и моремъ и наступать далѣе на Адріанополь и Константинополь.

Необходимое количество войскъ для выполненія означеннаго плана князь Горчаковъ опредѣлялъ слѣдующимъ образомъ:

Въ Придунайскихъ княжествахъ 6 полковъ пѣхоты съ артиллеріей, 2 кавалерійскихъ полка съ батареей и 2 казачьихъ полка. Такой значительный отрядъ для занятія Княжествъ объяснялся тѣмъ, что всѣ дунайскія крѣпости должны были оставаться въ рукахъ турокъ.

Бессарабію оборонять мѣстными войсками.

Въ окрестностяхъ Одессы и въ Крыму имѣть пѣхотную дивизію съ артиллеріей и одинъ казачій полкъ, но, въ случаѣ объявленія западными державами намъ войны, авторъ записки полагалъ необходимымъ увеличить тамъ число войскъ.

Наконецъ, для дѣйствія въ Болгаріи и Румеліи предполагалось достаточнымъ 6 пѣхотныхъ дивизій съ артиллеріей, 2 стрѣлковыхъ баталіона, 3 саперныхъ, 3 понтонныхъ баталіона, $1\frac{1}{2}$ кавалерійскія дивизіи съ артиллеріей и 8 казачьихъ полковъ съ 2-мя батареями.

Князь Горчаковъ предполагалъ, что главныя силы турокъ, во время осады нами Варны, не выйдутъ изъ своихъ крѣпостей и Шумлы, чтобы не дать намъ случая ихъ разбить, а поэтому послѣ взятія нами Варны считалъ необходимымъ оставить въ Болгаріи для прикрытія нашего тыла 2 пѣхотныя дивизіи, 1 кавалерійскую бригаду и 3 казачьихъ полка со вспомогательными частями; остальныя же войска, силою около 60 тысячъ, употребить на походъ за Балканы.

---

[1]) Арх. Канц. Воен. Мин., 1853 г., секр. д. № 60.

Надо думать, что этотъ нѣсколько односторонній планъ кампаніи, ставившій армію въ ея наступленіи къ Варнѣ и Константинополю въ тиски между моремъ, которое могло быть въ рукахъ англо-французскаго флота, и невзятыми турецкими крѣпостями, безъ всякой опоры со стороны нашего праваго фланга, не произвелъ серьезнаго впечатлѣнія въ Петербургѣ, такъ какъ его замолчали, и неизвѣстно даже, былъ ли онъ доложенъ Государю.

Князь А. С. Меншиковъ съ своей стороны полагалъ, что главные удары Турціи надо наносить въ Азіи, гдѣ она болѣе слаба; задача же нашей арміи на Балканскомъ полуостровѣ сводилась лишь къ удержанію тамъ большей части непріятельскихъ войскъ [1]), при чемъ слѣдовало постараться разбить ихъ по частямъ до сосредоточенія къ Шумлѣ.

Военный министръ въ своемъ письмѣ къ Меншикову присоединялся къ мыслямъ князя и сообщалъ ему, что Государь раздѣляетъ ихъ вполнѣ, „по крайней мѣрѣ до сего времени“, присовокуплялъ онъ, „но я вамъ не отвѣчаю за то, что будетъ „завтра“ [2]).

Лично Императоръ Николай высказалъ свои соображенія по поводу кампаніи 1854 года въ обстоятельной собственноручной запискѣ, составленной въ концѣ октября и началѣ ноября 1853 г. Дѣйствительность заставила убѣдиться Государя въ непрактичности плана трехъ эпохъ, на которомъ онъ такъ неохотно и подъ давленіемъ своихъ совѣтчиковъ остановился. Но въ этой запискѣ замѣтны лишь слабыя попытки сбросить съ арміи паутину политическаго надъ ней гнета.

Кампанія 1854 года, по словамъ Государя [3]), могла быть: оборонительной противъ турокъ въ Европѣ и наступательной въ Азіи; оборонительной противъ турокъ въ союзѣ съ Франціей и Англіей и наступательной въ Азіи; наступательною въ Европѣ и Азіи противъ однихъ турокъ и противъ нихъ же, несмотря на союзъ ихъ съ Франціей и Англіей.

„Неувѣренность или сомнѣніе“, писалъ Государь, „что предпримутъ Англія и Франція при открытіи кампаніи, требуютъ съ „нашей стороны такихъ соображеній, которыя, обезпечивъ собственныя наши границы отъ непріятельскихъ предпріятій, да-

---

[1]) Кн. Меншиковъ — кн. Долгорукову 28 сентября 1853 г. Арх. Воен.-Уч. Ком. Гл. Шт., № 4254.

[2]) Кн. Долгоруковъ — кн. Меншикову 9 октября 1853 г. Тамъ же.

[3]) Приложеніе № 127.

„вали бы, однако, намъ возмож-
„ность наносить наибольшій вредъ
„Турціи, не тратя безъ необходи-
„мости русскую кровь". Въ зави-
симости отъ этого надлежало обез-
печить собственныя границы и на-
ступательно дѣйствовать противъ
непріятеля.

Генералъ-адъютантъ Бергъ.

Нападенія на наши границы съ сухого пути Государь не ожи-далъ, а опасался лишь морскихъ предпріятій и высадокъ. Онъ, не затрагивая въ запискѣ вопроса о Балтійскомъ побережьѣ, остана-вливалъ свое вниманіе на Черномъ морѣ. Здѣсь нападенію могли под-вергнуться Одесса, Крымъ или береговыя укрѣпленія на Кавказѣ. Этотъ послѣдній случай Дер-жавный авторъ записки признавалъ самымъ невыгоднымъ, такъ какъ онъ долженъ былъ повлечь за собою очищеніе береговой линіи, за исключеніемъ, можетъ быть, Анапы, Новороссійска, Геленджика и Сухумъ-Кале. Къ атакѣ на Крымъ слѣдовало гото-виться, какъ только союзники появятся въ Царьградѣ; нападеніе на Одессу не представлялось опаснымъ, такъ какъ оно могло повлечь за собою лишь бомбардированіе города. Наконецъ, пере-права непріятеля черезъ Дунай въ наши предѣлы, вблизи Измаила или Рени, представлялась невѣроятною.

Государь, переходя къ разсмотрѣнію наступательной войны противъ турокъ, признавалъ желательнымъ первоначально огра-ничиться обороною Княжествъ, выбивъ, однако, турокъ изъ Ка-лафата; на Кавказѣ же — наоборотъ, энергично наступать и до весны овладѣть Карсомъ, Баязетомъ и Ардаганомъ. Если и послѣ этого не послѣдуетъ перемѣны въ упорствѣ турокъ, то примѣрно въ концѣ марта приступить къ переправѣ черезъ Дунай.

Самую операцію Государь полагалъ начать сильной демон-страціей у Сатунова и Гирсова, дабы настоящую переправу испол-нить выше Видина, послѣ чего приступить къ осадѣ этой крѣ-пости. Видимо, этому пункту придавалось большое значеніе въ смыслѣ воздѣйствія на поднятіе къ возстанію сербовъ. Если бы демонстраціи наши не удались, и турки стянули бы главныя свои

силы къ Видину, то тогда у Сатунова и Гирсова должна быть произведена настоящая переправа, при чемъ войска наши должны были занять край до Троянова вала, блокируя Исакчу, Тульчу и Кюстенджи.

По окончаніи этихъ операцій слѣдовало приступить къ осадѣ Видина и дѣйствовать противъ турецкой арміи, ежели она пойдетъ на помощь къ этой крѣпости, или же двинется противъ войскъ въ Бабадагской области. Въ первомъ случаѣ, т.-е. при наступленіи турецкой арміи къ Видину, слѣдовало итти навстрѣчу къ непріятелю, стараться разбить его, „напустивъ сербовъ имъ „въ лѣвый флангъ и тылъ". У Троянова вала, если турки не сильны, также разбить ихъ; ежели же они тамъ будутъ очень сильны, то отступить къ Гирсову и продолжать осаду Видина, паденіе котораго Государь предполагалъ въ августѣ мѣсяцѣ.

Если въ Черномъ морѣ не будетъ флотовъ англійскаго и французскаго, то обязанность нашего флота должна была состоять въ защитѣ нашихъ береговъ и въ нанесеніи возможнаго вреда туркамъ, препятствуя свободному сообщенію съ ихъ портами.

Дальнѣйшее упорство турокъ должно было придать борьбѣ еще болѣе широкій характеръ. „Полагаю", писалъ Государь, „что „этому предшествовать должно воззваніе къ единоплеменнымъ и „единовѣрнымъ народамъ къ возстанію объявленіемъ, что мы „идемъ впередъ для избавленія ихъ отъ турецкаго ига.... Разрѣ- „шенное формированіе волонтерныхъ ротъ будетъ тогда служить „основаніемъ или корнемъ новыхъ ополченій въ Сербіи и Булгаріи, „на что употребится зима 1854 года".

Въ Азіи предполагалось въ это время завладѣть Кобулетомъ и Батумомъ, не подаваясь далѣе впередъ, но дѣлая частые набѣги и предоставляя персамъ вести наступательную войну.

„Начало 1855 года", кончалъ Императоръ Николай свою записку, „укажетъ намъ, какую надежду возлагать можемъ на „собственные способы христіанскаго населенія Турціи, и останутся „ли и тогда Англія и Франція намъ враждебными. Мы не иначе „должны двинуться впередъ, *какъ ежели народное возстаніе за „независимость приметъ самый обширный и общій размѣръ; „безъ сего общаго содѣйствія намъ не слѣдуетъ трогаться „впередъ; борьба должна быть между христіанами и турками; „мы же какъ бы оставаться въ резервѣ*" [1]).

---

[1]) Курсивъ подлинника.

Глубокая вѣра Государя въ правоту своихъ требованій и желаніе сохранить Турцію видны и въ этомъ планѣ военныхъ дѣйствій. Конечная цѣль операцій сводилась въ немъ не къ нанесенію Оттоманской Портѣ рѣшительнаго удара, а лишь къ усугубленію мѣръ воздѣйствія, желая въ то же время сохранить цѣлость Турецкой Имперіи. И только продолжавшееся упорство турокъ заставило бы Императора Николая выдвинуть на очередь и поддержать общее возстаніе христіанскихъ народностей съ цѣлью освобожденія ихъ отъ турецкаго ига, что вполнѣ справедливо Государь почиталъ вопросомъ, еще далеко не созрѣвшимъ. Николай Павловичъ все еще продолжалъ вѣрить въ неестественность союза Англіи и Франціи съ Турціей и разсчитывалъ, что ко времени общаго возстанія христіанъ обѣ эти державы перестанутъ быть намъ враждебными.

Записка Государя была препровождена для свѣдѣнія и соображенія Паскевичу, Воронцову и Меншикову. Князю же Горчакову она была отправлена со слѣдующей припиской военнаго министра: „Ожидая вашего по сей запискѣ заключенія, Государь Императоръ „желать изволитъ, дабы при изложеніи онаго вы не стѣснялись „мнѣніемъ Его Величества, но руководствовались собственными „вашими убѣжденіями“ [1]).

Первымъ поспѣшилъ отвѣтить на записку Государя князь Варшавскій. Онъ почиталъ себя счастливымъ, что его мысли сходствовали съ планомъ Императора Николая [2]), и лишь дополнялъ его своей идеей подготовить исполненіе этого плана въ теченіе наступавшаго зимняго періода. Идея фельдмаршала была довольно оригинальна и заключалась въ томъ, чтобы устроить на Дунаѣ посредствомъ флотиліи и судовъ плавучій магазинъ съ боевыми и продовольственными запасами, переправиться противъ Исакчи въ первой половинѣ февраля на правый берегъ Дуная и, подвигая за собою вверхъ по рѣкѣ этотъ плавучій магазинъ, а также устроенный плавучій мостъ, забирать одну за другой турецкія крѣпости, начиная съ Исакчи.

Такимъ способомъ Паскевичъ полагалъ возможнымъ избѣжать неудобства зимней кампаніи въ отношеніи недостатка фуража и непроѣздныхъ для тяжестей въ это время года дорогъ, обезпечить

---

[1]) Военный министръ — кн. Горчакову 3 ноября 1853 г. Арх. Канц. Воен. Мин., 1853 г., секр. д. № 60.

[2]) Всеподданнѣйшее письмо отъ 14 ноября 1853 г. Арх. Канц. Воен. Мин., 1853 г., секр. д. № 60.

занятіемъ Исакчи нашъ лѣвый флангъ, даже на случай чьей-либо высадки, а также очищать отъ турокъ берегъ Дуная, этого главнаго пути нашихъ транспортовъ къ центру и правому флангу.

Соображенія свои князь Иванъ Ѳедоровичъ излагалъ въ представленной Государю запискѣ [1]), въ которой восхищался намѣченнымъ пунктомъ переправы черезъ Дунай у Видина, считая эту мысль новой и блестящей. „Она вводитъ насъ", писалъ Паскевичъ, „въ непосредственныя сношенія съ самыми воинствен-„ными племенами Турціи: сербами, болгарами и далѣе черногор-„цами. Обращая противъ Турціи ея собственное населеніе, она „сохраняетъ наши силы и сберегаетъ русскую кровь".

Предначертанный Императоромъ Николаемъ совершенно „новый" планъ, по мнѣнію Паскевича, могъ повести къ разрушенію Турецкой Имперіи. „До сихъ поръ сербы", писалъ онъ, „бывали „въ войнахъ поддерживаемы только незначительными частями на-„шихъ войскъ; нынѣ же, когда флотилія, осадная артиллерія и „цѣлый корпусъ войскъ будутъ ихъ поддерживать, то не только „Видинъ, но можетъ быть взятъ и Бѣлградъ, и тогда сербы по-„чувствуютъ возможность быть независимыми отъ ига турецкаго".

Государь отвѣтилъ на эту записку Паскевича собственноручнымъ письмомъ отъ 21 ноября [2]). Императоръ Николай, находя, что мысли его во многомъ сошлись съ мыслями отца-командира, сдерживалъ, однако, пылкую фантазію князя Варшавскаго о движеніи плавучаго магазина по Дунаю не только до взятія Силистріи, но и до взятія остальныхъ прибрежныхъ крѣпостей. Предположеніе же объ овладѣніи въ теченіе одного лѣта болѣе одной, много двумя крѣпостями Государь полагалъ совершенно несбыточнымъ. Надежда на содѣйствіе задунайскихъ христіанъ у Николая Павловича была невелика, и до выясненія этого вопроса онъ не былъ расположенъ итти далеко за Дунай.

„Сношенія наши съ Англіей", кончалъ Государь свое письмо, „часъ отъ часу хуже, и я считаю, что разрывъ неминуемъ; вѣроятно, „то же послѣдуетъ и съ Франціей, а потому крайняя осторожность „необходима, чтобы быть готовымъ на все".

Князь Горчаковъ представилъ свои заключенія на планъ Государя въ двухъ запискахъ на имя военнаго министра отъ 21 и 29 ноября [3]). Повторяя вкратцѣ основныя мысли начертанія

---

[1]) См. Приложеніе № 128.
[2]) Императоръ Николай—кн. Варшавскому 21 ноября (3 декабря) 1853 г. Приложеніе № 129.
[3]) Приложенія №№ 130 и 131.

Императора Николая, князь Михаилъ Дмитріевичъ признавалъ справедливость ихъ „разительною“ и лишь докладывалъ противъ широкаго охвата турокъ съ обоихъ фланговъ и въ особенности противъ совершенія главной переправы въ верховьяхъ Дуная у Видина. Такія дѣйствія онъ признавалъ обѣщающими большіе результаты, но зато и успѣхъ ихъ могъ подвергнуться случайностямъ, которымъ, по мнѣнію автора записки, лучше было бы не подвергаться.

Князь Горчаковъ опасался, во-первыхъ, чтобы во время форсированія нами переправы на обоихъ флангахъ турки не двинулись

Генералъ-адъютантъ Жомини.

большою массою отъ Рущука, Туртукая и Силистріи къ Бухаресту и не овладѣли Валахіей. Предполагая, что непріятель можетъ произвести это наступленіе болѣе чѣмъ 80-ю тысячами, онъ считалъ, что тѣмъ двумъ пѣхотнымъ и одной кавалерійской дивизіямъ, которыя оставались бы у насъ въ Валахіи, остановить турокъ было бы трудно. Даже при конечномъ задержаніи наступленія непріятеля въ этомъ направленіи большая часть Валахіи на долгое время оставалась бы у него въ рукахъ, и оперирующій у Видина русскій корпусъ принужденъ былъ бы отступить, чтобы не лишиться продовольствія, которое онъ можетъ получать только изъ Валахіи. „Ни на Сербію“, писалъ Горчаковъ, „которая бѣдна, ни на Австрію, которая даже

„во время войны въ Венгріи дала намъ во всю кампанію не болѣе „какъ на восемь дней хлѣба, разсчитывать нельзя".

Второе неблагопріятное обстоятельство князь Михаилъ Дмитріевичъ видѣлъ „въ крайнемъ затрудненіи, которое мы встрѣ- „тимъ при переправѣ черезъ Дунай, и учрежденіи мостовъ на сей „рѣкѣ". Наши понтоны были неудобны для перевозки войскъ, а выше Видина нѣтъ ни одной рѣки, впадающей въ Дунай, гдѣ можно было бы безопасно строить суда.

Князь Горчаковъ полагалъ, въ виду этихъ соображеній, совмѣстно съ тѣмъ условіемъ, что важныя военныя операціи можно было предпринять лишь въ половинѣ или въ концѣ апрѣля, когда просохнутъ дороги и появится подножный кормъ, основную мысль Государя исполнить слѣдующимъ образомъ:

До начала весны выбить турокъ изъ Малой Валахіи и, если это окажется возможнымъ, то овладѣть Калафатомъ. Если же укрѣпленія при Калафатѣ такъ сильны, что успѣхъ штурма будетъ сомнителенъ или повлечетъ за собою большой уронъ, то авторъ полагалъ, не предпринимая штурма, вогнать непріятеля въ его укрѣпленія и обнести ихъ редутами, чтобы не позволить туркамъ выходить изъ нихъ. „Дѣльно", отмѣтилъ противъ этого мѣста Императоръ Николай.

Зимою же приступить къ устройству моста близъ Галаца и ранней весной начать демонстрацію переправы, а, если окажется возможнымъ, то и самую переправу у Сатунова и Мачина или Гирсова. Послѣ этого для отвлеченія вниманія непріятеля постараться овладѣть Тульчею, Исакчею, Мачинымъ и Гирсовымъ. „Это „необходимо", помѣтилъ Государь.

Какъ скоро Малая Валахія будетъ за нами упрочена, то приступить къ заготовленію судовъ въ верховьяхъ р. Жіо или Ольты для переправы черезъ Дунай. Если турки предпримутъ наступательныя дѣйствія на нашу сторону рѣки, то разбить ихъ; если же они останутся за Дунаемъ, то, выбравъ наиболѣе выгодное по обстоятельствамъ время, перейти рѣку выше Рущука въ числѣ примѣрно 40 тысячъ для дѣйствія въ западной Болгаріи и для возбужденія въ ней и въ Сербіи возстанія. Князь Горчаковъ полагалъ, что этотъ корпусъ, имѣя за собой хорошее мостовое укрѣпленіе, можетъ разбить въ полѣ любую турецкую армію, будетъ, базируясь на Валахію, совершенно обезпеченъ въ отношеніи продовольствія и будетъ достаточно силенъ, чтобы предпринять осаду и даже взятіе Рущука.

Приведенная записка, судя по одобрительнымъ на ней помѣткамъ, произвела отличное впечатлѣніе на Государя, который былъ склоненъ даже отказаться отъ осады Видина [1]) и приказалъ отправить записку со своими замѣчаніями обратно автору „для зави-„сящихъ соображеній и мѣропріятій“ [2]).

Во второй своей запискѣ отъ 29 ноября князь Горчаковъ собственно подтверждалъ первоначальные свои доводы противъ переправы у Видина, отказывался отъ мысли ограничиться на лѣвомъ флангѣ только демонстраціей переправы, а признавалъ необходимымъ въ началѣ апрѣля произвести здѣсь настоящую переправу и занять край по Трояновъ валъ. По окончаніи же операцій на лѣвомъ флангѣ, примѣрно въ концѣ іюня, приступить къ наступательнымъ дѣйствіямъ на правомъ флангѣ и совершить переправу черезъ Дунай около Никополя.

Авторъ въ этой запискѣ остерегалъ Государя также отъ излишнихъ надеждъ на помощь Австріи и сербовъ. „Я не по-„лагаю“, писалъ онъ [3]), „чтобы, въ случаѣ переправы нашего пра-„ваго фланга выше Видина, можно было ожидать значительныхъ „пособій отъ австрійцевъ, и опасаюсь, что Австрія, избѣгая, „чтобы морскія державы не приняли подобнаго пособія за на-„рушеніе нейтралитета, не окажетъ намъ никакого содѣйствія. „Относительно сербовъ я также не увѣренъ, чтобы, невзирая на „искреннюю преданность народа Государю Императору, они могли „оказать намъ дѣйствительныя въ этомъ отношеніи пособія. „Весьма быть можетъ, что теперешнее сербское правительство „парализуетъ стремленіе народа въ нашу пользу, доколѣ мы не „будемъ уже за Дунаемъ“.

Записка эта также была испещрена собственноручными помѣтками Государя и признана имъ вполнѣ основательной [4]).

Но, кромѣ общихъ замѣтокъ, препровожденныхъ Горчакову военнымъ министромъ, Государь этимъ не ограничился и въ двухъ собственноручныхъ письмахъ дѣлился своими мыслями съ ближайшимъ исполнителемъ военныхъ операцій на Дунаѣ.

---

[1]) „Быть-можетъ, вмѣсто Видина“, помѣтилъ онъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ Горчаковъ говорилъ объ осадѣ Рущука.

[2]) Военный министръ — кн. Горчакову 1 декабря 1853 г., № 724, Арх. Канц. Воен. Мин., 1853 г., секр. д. № 60.

[3]) Приложеніе № 131.

[4]) Военный министръ — кн. Горчакову 9 декабря 1853 г., № 734. Арх. Канц. Воен. Мин., 1853 г., секр. д. № 60.

„Твою записку о будущей кампаніи читалъ со вниманіемъ „и почти во всемъ съ тобой согласенъ", отвѣчалъ Императоръ Николай князю Горчакову на первую его записку [1]). „Одно „только, признаюсь, считаю крайне мудренымъ — это перепра- „виться между Рущукомъ и Никополемъ. Самая переправа муд- „рена, а послѣ оной придется еще овладѣть укрѣпленіями, по- „томъ, вѣроятно, встрѣтить подходящаго непріятеля, не имѣя ни „готоваго мостового прикрытія, ни устроеннаго моста. Все это „такія препятствія, преодолѣніе которыхъ въ одно время почти „не сбыточно даже нашимъ героямъ... Взвѣсь все это и успокой „меня доказательствомъ, что я ошибаюсь. Потому думаю, что „прежде всего должно совершить переправу на нижнемъ Дунаѣ „у Сатунова, Галаца или Гирсова, гдѣ, по твоимъ свѣдѣніямъ, „это вѣрнѣе и легче. Потомъ непремѣнно овладѣть Исакчей, „Тульчей, Мачинымъ и Гирсовымъ. Тогда Дунай нашъ до Си- „листріи, и можно будетъ подвинуть мостъ изъ Гирсова къ „Каларашу.

„Здѣсь, думаю, переправа будетъ легче, имѣя уже корпусъ „на правомъ берегу Дуная. Тогда турки, вѣроятно, выйдутъ изъ- „подъ Шумлы къ Силистріи; ихъ атаковать и разбить, а затѣмъ „обойти Силистрію и итти подъ Рущукъ, устроить въ удобномъ „мѣстѣ переправу, мостовое прикрытіе и мостъ и тогда уже съ „вѣрнымъ сообщеніемъ съ правымъ берегомъ начать осаду Ру- „щука... Осаждать же Силистрію считаю менѣе выгоднымъ, чѣмъ „Рущукъ, и во всякомъ случаѣ не думалъ бы приступать ко „второй осадѣ, не взявъ прежде Рущука".

Вторая записка князя Горчакова успокоила Государя относительно вызванныхъ первой запиской недоразумѣній. „Въ общихъ „чертахъ", писалъ Императоръ Николай князю Михаилу Дмитріевичу [2]), „планъ будущей кампаніи я совершенно утверждаю, „какъ изложено въ твоей запискѣ... Никогда не думалъ я на- „чать дѣло правымъ флангомъ; напротивъ, думалъ и думаю и „теперь, что должно начать съ демонстрацій или переправы на „лѣвомъ флангѣ... Повторяю, что сколько ни желаю, чтобы пере- „права у Никополя, сходно твоему предположенію, могла быть „исполнена, но кажется предпріятіемъ весьма труднымъ". Далѣе

---

[1]) Императоръ Николай — кн. Горчакову 1 (13) декабря 1853 г. Собственная Его Величества библіотека, шк. 115, портф. 14.

[2]) Императоръ Николай — кн. Горчакову 9 (21) декабря 1853 г. Собственная Его Величества библіотека, шк. 115, портф. 14.

Государь предоставлялъ Горчакову самостоятельно сдѣлать группировку войскъ и вообще распоряжаться, „какъ удобнѣе при„знаетъ, ибо я не *гофкрихсратъ* [1]), а даю тебѣ полную свободу, „означая только мои *мысли,* а не Высочайшія повелѣнія".

„Ожидаемое сбывается", такъ закончилъ Государь свое письмо. „Злость англичанъ за Синопъ угрожаетъ скорымъ разрывомъ; „французы умѣреннѣе и, кажется, не рѣшаются на это. Будемъ „готовы принять ихъ, гдѣ имъ угодно. Не думаю, чтобы рискова„вали атаковать Севастополь, но боюсь за Черноморскій берегъ, „гдѣ форты наши почти навѣрно пропадутъ, если англичане ата„куютъ".

II.

Одновременно съ перепиской по поводу плана предстоящей кампаніи между главными дѣйствующими лицами особая записка о войнѣ съ Турціей была подана и генералъ-адъютантомъ Бергомъ [2]). Авторъ ея исходилъ изъ того заключенія, что всѣ наши успѣхи въ Малой Азіи никогда не нанесутъ серьезнаго удара оттоманскому правительству, и что, напротивъ, потеря нами тамъ хоть одного изъ нашихъ укрѣпленныхъ пунктовъ будетъ имѣть весьма опасныя для насъ послѣдствія на всемъ Кавказѣ. Поэтому наше положеніе въ Азіи, хотя бы только съ цѣлью удержать въ своихъ рукахъ пріобрѣтенное раньше, требуетъ немедленнаго и значительнаго подкрѣпленія находящихся тамъ войскъ. Лучшимъ средствомъ защиты нашей азіатской границы генералъ Бергъ считалъ переходъ, въ случаѣ усиленія на Кавказѣ войскъ, въ наступленіе, полагая, что его можно начать въ концѣ мая или въ началѣ іюня 1854 года.

Что касается до отношенія враждующихъ сторонъ въ Европѣ, то, наоборотъ, тамъ положеніе турокъ являлось, по мнѣнію автора, наиболѣе опаснымъ, и мы не должны были пренебрегать выгодами наступательныхъ операцій, если только этому не воспрепятствуютъ особой важности политическія обстоятельства.

Переходя къ подробностямъ, генералъ Бергъ совершенно откидывалъ возможность пользоваться намъ, какъ на европейскомъ, такъ и на азіатскомъ театрахъ войны, содѣйствіемъ флота, на

---

[1]) Курсивъ подлинника.
[2]) Отъ 17 ноября 1853 г. Приложеніе № 132.

подобіе того, какъ это было въ кампаніи 1828—1829 годовъ, но онъ полагалъ, что, несмотря на это, мы можемъ нанести туркамъ чувствительные удары въ Европѣ и въ Азіи.

Считая, что мѣстныхъ кавказскихъ войскъ едва хватитъ для поддержанія порядка среди покоренныхъ народовъ, авторъ записки полагалъ, что для того, чтобы оттолкнуть турокъ до Эрзерума и обезпечить нашу границу съ Персіей, надо усилить Кавказскій корпусъ тремя дивизіями пѣхоты, 20-ю эскадронами драгунъ и бригадой уланъ съ артиллеріей. Если прибавить къ нимъ хотя бы только 10 баталіоновъ кавказскихъ войскъ, то дѣйствующій отрядъ будетъ силою въ 58 баталіоновъ съ соотвѣтствующимъ числомъ кавалеріи и артиллеріи.

Этотъ отрядъ генералъ Бергъ предполагалъ распредѣлить слѣдующимъ образомъ:

12 баталіоновъ въ Гуріи, которыхъ онъ считалъ достаточнымъ для удержанія съ этой стороны турокъ вплоть до Батума.

Главныя силы, численностью до 30 баталіоновъ, могли бы дѣйствовать отъ Александрополя на Карсъ и Ардаганъ, по взятіи которыхъ соединить свои операціи съ Гурійскимъ отрядомъ.

Для защиты нашихъ границъ съ Персіей оставалось 16 баталіоновъ, которые должны были расположиться такимъ образомъ, чтобы брать во флангъ персидскую армію въ случаѣ ея наступленія на Шушу и Елизаветполь. Если же Персія станетъ на нашу сторону, то этотъ отрядъ долженъ былъ составить резервъ главныхъ силъ.

Обращаясь къ дѣйствіямъ на европейскомъ театрѣ войны, генералъ Бергъ первоначально дѣлалъ расчетъ тѣмъ силамъ, которыя могли быть употреблены на этотъ случай, и потомъ излагалъ слѣдующія свои предположенія.

Главныя силы, изъ шести пѣхотныхъ и двухъ кавалерійскихъ дивизій, должны дѣйствовать въ наиболѣе прямомъ и короткомъ направленіи отъ Бухареста на Адріанополь. Онѣ должны переправиться черезъ Дунай въ томъ пунктѣ, который выберетъ командующій арміей, и тотчасъ же приступить къ осадѣ Силистріи и потомъ Рущука. Эти двѣ крѣпости составятъ отличную базу для дальнѣйшихъ дѣйствій и парализуютъ неудобство отказа отъ пользованія Чернымъ моремъ. Кромѣ того, взятіе этихъ крѣпостей заставитъ турокъ выйти изъ ихъ укрѣпленнаго лагеря въ Шумлѣ и дать намъ сраженіе, что, по мнѣнію автора, было бы наиболѣе выгоднымъ обстоятельствомъ.

Лѣвофланговый корпусъ, силою въ полторы дивизіи пѣхоты и дивизіи кавалеріи, долженъ будетъ, переправившись черезъ Дунай, взять Исакчу и Мачинъ, прочно утвердиться въ Бабадагской области до Троянова вала и содѣйствовать главнымъ силамъ, угрожая непріятелю, который направился бы отъ Варны къ Силистріи.

Правофланговый отрядъ, силою около бригады пѣхоты, драгунскаго корпуса и 3-4 казачьихъ полковъ, долженъ былъ постараться проникнуть въ мѣстность между Малой Валахіей, Сербіей и Софіей.

Генералъ-адъютантъ Лидерсъ.

Блокируя Видинъ, онъ долженъ былъ разбить турецкія войска, которыя будутъ находиться въ этой части Болгаріи, побудить сербовъ и болгаръ къ участію во враждебныхъ дѣйствіяхъ и вооружить ихъ.

Генералъ Бергъ былъ увѣренъ, что всѣ эти дѣйствія заставятъ турокъ въ концѣ концовъ встрѣтить насъ въ открытомъ полѣ, и рѣшительная побѣда передастъ въ наши руки Шумлинскій укрѣпленный лагерь или дастъ намъ возможность предпочесть направленіе на Тырново и Казанлыкъ. Въ обоихъ случаяхъ въ наши руки перейдетъ большая часть Болгаріи.

Лѣвый корпусъ долженъ будетъ, базируясь на Бабадагъ и Силистрію, наблюдать мѣстность между Варной и Шумлой, а правый продвинуться до Софіи и, можетъ быть, до Филиппополя.

Этотъ нѣсколько оптимистическій планъ кампаніи, въ которомъ не принимались въ расчетъ враждебныя дѣйствія Австріи и наступательныя сухопутныя операціи англо-французовъ, былъ доложенъ Государю 29 ноября и безо всякихъ помѣтокъ подшитъ къ дѣлу.

Между тѣмъ переписка между Императоромъ Николаемъ съ одной стороны и Паскевичемъ и Горчаковымъ съ другой относительно плана предстоящихъ дѣйствій продолжалась. Какъ извѣстно, Государь вскорѣ отказался отъ первоначальной своей

мысли переправиться черезъ Дунай выше Видина и осаждать эту крѣпость, остановившись на переправѣ ниже Силистріи и осадѣ Рущука. Это извѣстіе произвело сильное впечатлѣніе на душою преданнаго Россіи и Государю князя Михаила Дмитріевича. „Свѣтлая „мысль ваша", всеподданнѣйше доносилъ онъ [1]), „сдѣлать вторичную „переправу черезъ Дунай нѣсколько ниже Силистріи отстраняетъ „всѣ дѣйствительно большія трудности форсированія перехода рѣки „выше Рущука"...—Мой сонъ съ этой минуты пересталъ быть тревожнымъ,—патетически восклицалъ онъ въ письмѣ къ военному министру [2]).

Князь Иванъ Ѳедоровичъ вводилъ новую поправку въ предстоящія операціи, вызванную особой враждебностью къ намъ западныхъ державъ послѣ Синопской побѣды. Онъ вполнѣ основательно предполагалъ, что можетъ быть англо-французы захотятъ поддержать турокъ и сдѣлаютъ въ Варнѣ десантъ въ 30-40 тысячъ, чтобы, имѣя въ рукахъ Силистрію, прорвать нашъ центръ. Для отвращенія этой опасности фельдмаршалъ сообщалъ Государю родившуюся у него, а въ дѣйствительности лишь нѣсколько измѣненную первоначальную мысль предупредить противника и раннею весною обезпечить нашъ лѣвый флангъ и центръ взятіемъ малыхъ крѣпостей и даже Силистріи, а затѣмъ уже дѣйствовать по предложенному плану [3]).

Такимъ образомъ первоначальная идея осады Силистріи была высказана Паскевичемъ, которому впослѣдствіи судьба вручила и ея исполненіе. Государь вполнѣ присоединился къ мнѣнію своего отца-командира. „Мысль твою", писалъ Николай Павловичъ [4]), „завладѣть маленькими турецкими крѣпостями и приступить къ „осадѣ Силистріи раздѣляю, и я сообщилъ Горчакову".

Болѣе подробно князь Варшавскій излагалъ свои мысли въ проектѣ весьма длиннаго письма на имя князя Горчакова, которое онъ рѣшилъ, вмѣсто того, чтобы отправить по назначенію, представить Государю Императору [5]). Смѣемъ думать, что прямая цѣль

---

[1]) Всеподданнѣйшее письмо кн. М. Д. Горчакова 13 декабря 1853 г. Арх. Канц. Воен. Мин., 1853 г., секр. д. № 88.

[2]) Кн. Горчаковъ — военному министру 9 декабря 1853 г. Арх. Канц. Воен. Мин., 1853 г., секр. д. № 60.

[3]) Всеподданнѣйшее письмо кн. Варшавскаго 5 (17) декабря 1853 г. Арх. Канц. Воен. Мин., 1853 г., секр. д. № 60.

[4]) Императоръ Николай — кн. Варшавскому 16 (28) декабря 1853 г. Собственная Его Величества библіотека.

[5]) Всеподданнѣйшее письмо кн. Варшавскаго отъ 29 декабря 1853 г. Арх. Канц. Воен. Мин., 1853 г., секр. д. № 60.

этой работы, состоявшей въ большей своей части изъ критики дѣйствій и предположеній командовавшаго войсками на Дунаѣ, была именно Петербургъ. Если же и былъ принятъ авторомъ такой оригинальный способъ всеподданнѣйшаго доклада, то, кромѣ дружбы, которою дарилъ Государь Паскевича, надо полагать, къ этому были и другія причины. Записки князя Михаила Дмитріевича о предстоящихъ дѣйствіяхъ удостаивались особаго вниманія Государя, который вообще былъ къ нему весьма милостивъ; князь же Варшавскій былъ не изъ тѣхъ характеровъ, которые легко дѣлились своей славой съ другими. Къ тому же въ письмѣ на имя своего друга можно болѣе разносторонне, чѣмъ въ сухомъ всеподданнѣйшемъ докладѣ, выставить и его и себя. Этотъ во всякомъ случаѣ интересный документъ, писанный рукой генерала Ушакова, пріѣхавшаго впослѣдствіи съ Паскевичемъ на Дунай въ должности дежурнаго генерала, мы помѣщаемъ въ приложеніи [1]).

Фельдмаршалъ, вслѣдъ за длинными возраженіями на предположенія Государя, подробно разработанныя княземъ Горчаковымъ, переходитъ въ проектѣ своего письма къ изложенію плана дѣйствій. Это въ общемъ было повтореніе первоначальнаго его предположенія о переправѣ еще зимою, въ февралѣ мѣсяцѣ, черезъ Дунай на низовьяхъ рѣки съ цѣлью подвигаться вверхъ по рѣкѣ правымъ ея берегомъ, забирая всѣ крѣпости и пользуясь Дунаемъ, какъ коммуникаціонной линіей. Новаго здѣсь было только то, что авторъ, опасаясь усиленія турецкой арміи англо-французами, предполагалъ основательнѣе занять низовья Дуная, перебросивъ тамъ на правый берегъ рѣки болѣе многочисленный отрядъ, чтобы въ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ быть вполнѣ обезпеченнымъ отъ поползновенія морскихъ державъ со стороны устья рѣки, а также скорѣе приступать къ осадѣ Силистріи, взятіе которой вполнѣ обезпечивало нашъ центръ отъ прорыва.

На всю операцію переправы, взятія Исакчи, Мачина, Гирсова, подходъ къ Силистріи и очищенія рѣки отъ непріятельскихъ судовъ Паскевичъ предполагалъ достаточнымъ 24-25 дней и при началѣ переправы въ концѣ февраля считалъ возможнымъ подойти къ Силистріи въ половинѣ марта и немедленно приступить къ осадѣ ея, что, по его мнѣнію, можно было бы окончить въ три недѣли.

Дальнѣйшія мысли князя Ивана Ѳедоровича настолько интересны въ смыслѣ характеристики его собственныхъ дѣйствій,

---

[1]) Приложеніе № 133.

когда онъ лично сталъ во главѣ Дунайской арміи, что мы приводимъ ихъ ниже въ подлинникѣ.

„Мудрено, чтобы турки", писалъ Паскевичъ, „хладнокровно „смотрѣли, что мы взяли у нихъ три крѣпости и подошли къ „четвертой, столь для нихъ важной. Хотя имъ трудно будетъ „тащить и хлѣбъ, и фуражъ, и артиллерію, но они, вѣроятно, „постараются собрать сюда всю свою армію. Этого я бы и желалъ „и объ одномъ сожалѣлъ бы, что не могъ заставить ихъ собраться „еще прежде, когда прокормиться имъ было бы еще труднѣе. „У насъ было бы всего до 85 тысячъ человѣкъ, а съ такими си„лами можно бы стать не только противъ турецкой, но и противъ „европейской арміи. Турокъ же можно надѣяться разбить и „разсѣять, отнять половину орудій и преслѣдовать по крайней „мѣрѣ на два перехода. Не слѣдуетъ забывать, что у турокъ „армія одна; послѣ неудачи они долго не соберутъ другой арміи, „и тогда откроется большое поле для дѣйствій куда угодно. „Здѣсь представляется соблазнительная мысль: разсѣивъ непрія„тельскую армію, итти на Шумлу, но, подумавъ хорошенько, я „нахожу, что это удалило бы насъ отъ главнаго предмета, т.-е. „дѣйствій съ праваго фланга посредствомъ сербовъ и другихъ „христіанскихъ племенъ".

По взятіи Силистріи Паскевичъ полагалъ половину укрѣпленій уничтожить и затѣмъ, смотря по обстоятельствамъ, дѣйствовать оборонительно, если Европа будетъ угрожать намъ войной на западной границѣ, или наступательно, по принятому плану. Что же касается до привлеченія къ борьбѣ христіанскихъ народностей, то авторъ предполагалъ впредь до выясненія обстоятельствъ относительно десанта французовъ оказывать сербамъ лишь матеріальную поддержку. Дальнѣйшіе же успѣхи и возстаніе другихъ христіанскихъ племенъ могло, по мнѣнію Паскевича, потрясти Турецкую имперію.

„Можетъ быть", заканчивалъ свое письмо князь Варшавскій, „я представляю все въ слишкомъ хорошемъ видѣ; знаю, что на „войнѣ иногда одно обстоятельство разрушаетъ планъ дѣйствій, „но не забудьте, что у турокъ армія одна; другую они соберутъ „не скоро, а, въ случаѣ успѣха при дальнѣйшихъ удачныхъ „дѣйствіяхъ на правомъ флангѣ, сообразно предначертанному „плану, кампанія можетъ окончиться въ Адріанополѣ. Даже не „при столь блестящемъ успѣхѣ вся Болгарія въ нашихъ рукахъ. „Тогда пусть англичане и французы владѣютъ Чернымъ моремъ, „они ничего намъ не сдѣлаютъ...

„Не осудите, любезнѣй-
„шій князь, если я, увлекаясь
„интересомъ самаго предмета,
„говорилъ со всею откровен-
„ностью, но сами вы со-
„гласитесь, что здѣсь дѣло
„идетъ объ обстоятельствахъ,
„для всѣхъ насъ столь драго-
„цѣнныхъ: о славѣ Государя
„и Россіи, и о чести русскаго
„оружія".

Генералъ-адъютантъ Хомутовъ.

Императоръ Николай начерталъ на этомъ письмѣ между прочимъ слѣдующее: „Почти все „согласно съ моимъ мнѣніемъ, „кромѣ того, что князь счи-
„таетъ важнѣе взять Силистрію,
„чѣмъ Рущукъ; быть-можетъ,
„что такъ; пусть кн. Горчаковъ рѣшитъ по обстоятельствамъ"...

Такимъ образомъ, откровенныя мысли Паскевича дошли до адресата, но нѣсколько кружнымъ путемъ.

Князь Горчаковъ въ своей запискѣ отъ 13 декабря [1]) радовался свѣтлой мысли Государя о вторичной переправѣ черезъ Дунай ниже Силистріи и останавливался лишь на подробностяхъ исполненія этого плана. Но въ дополненіе къ этой запискѣ онъ представилъ 3 января 1854 года вторую записку [2]), въ которой, почти одновременно съ представленнымъ мнѣніемъ Паскевича, онъ высказывалъ тождественную съ нимъ мысль о необходимости овладѣнія Силистріей, если только будетъ имѣться въ виду высадка вспомогательнаго европейскаго корпуса въ Варнѣ. Взятіе же Рущука произвести уже послѣ этого или даже ограничиться только наблюденіемъ за этой крѣпостью, распространивъ поиски въ направленіи къ Шумлѣ, Разграду и западнѣе для оживленія возстанія христіанскихъ племенъ.

Почти одновременно послѣдовавшія отъ князя Паскевича и князя Горчакова предложенія, вмѣсто Рущука, осаждать Силистрію, видимо, не понравились Государю, такъ какъ они шли

---

[1]) Приложеніе № 134.
[2]) Арх. Канц. Воен. Мин., 1853 г., секр. д. № 60.

въ разрѣзъ съ его мыслью поддержать возстаніе сербовъ и оказать существенную помощь христіанскому населенію Турціи въ завоеваніи собственными руками своей свободы. „Тутъ многое не такъ", помѣтилъ Государь, „и не отвѣчаетъ тому, чего хочу и о чемъ „писалъ". Относительно осады Силистріи Императоръ Николай помѣтилъ: „Такъ думаетъ князь Варшавскій, но это жаль будетъ, „ибо отдалитъ насъ отъ цѣли поднять христіанъ и подать имъ „помощь, что оттуда далеко будетъ". Взятіе послѣ Силистріи Рущука Государь считалъ необходимымъ, а „подъ Шумлу отнюдь „и думать не должно ходить".

Однако, Императоръ Николай высказывалъ нѣкоторую двойственность въ отношеніи намѣренія привлечь христіанъ къ возстанію. Съ одной стороны, преемственная для русскихъ государей мысль видѣть, наконецъ, своихъ угнетаемыхъ единоплеменниковъ свободными и при томъ получившими свободу собственными усиліями лишь при помощи и подъ руководствомъ великой Россіи, должна была увлекать Николая Павловича; съ другой же стороны, онъ опасался, чтобы все это освободительное движеніе не вылилось въ простое революціонное броженіе наиболѣе безпокойныхъ элементовъ, что было такъ противно духу и характеру Императора Николая.

„Раздѣляю тоже мнѣніе твое и по сербскому дѣлу и по „предложеніямъ греческой этеріи", писалъ Государь князю Горчакову почти одновременно съ помѣщенной выше его собственноручной помѣткой [1]). „Признаюсь, не охотникъ я до нихъ, ибо „явно пахнетъ революціонной *вонью* [2]), тѣмъ болѣе, что начать „хотятъ мимо воли короля греческаго, который на дняхъ просилъ „моего совѣта и которому отвѣчалъ, что прошу его сидѣть спо„койно у моря, ждать погоды. Рано еще пока ему начинать, „позднѣе увидимъ! Признаюсь, что и сербамъ еще большой вѣры „не даю, ибо много и у нихъ моральной порчи. Итакъ, намъ „полезно быть осторожными и всѣ эти затѣи держать въ запасѣ"...

Однако, Государю хотѣлось вѣрить въ то, что, можетъ быть, христіанскія народности Турціи и въ особенности сербы возросли уже до общаго движенія съ цѣлью завоевать свою самостоятельность, и потому ему трудно было отказаться отъ осады Рущука, вмѣсто Силистріи, хотя, полный вѣры въ своихъ помощниковъ,

---

[1]) Императоръ Николай — кн. Горчакову 24 декабря 1853 г. Собственная Его Величества библіотека, шк. 115, портф. 14.

[2]) Курсивъ подлинника.

онъ вновь подчинялъ свое мнѣніе мнѣнію Паскевича и Горчакова, дѣлая лишь слабыя попытки отстоять цѣльность собственнаго плана.

„Съ большимъ вниманіемъ прочелъ я твое письмо къ „Горчакову", писалъ Императоръ Николай князю Варшавскому 5 (17) января 1854 года [1]), „и радъ былъ удостовѣриться въ „томъ, что мы почти одинаково думаемъ на счетъ предстоящей „кампаніи. Въ одномъ только я не рѣшаюсь. Конечно, Силистрія „важный пунктъ, въ особенности былъ бы онъ необходимъ въ „рукахъ нашихъ, ежели бъ, по примѣру 1828 и 29 годовъ, напра„вленіе наше было бы на Шумлу, Варну или на Балканы. Но „мнѣ кажется, что, рѣшась, какъ ты самъ предлагалъ, стараться „болѣе дѣйствовать черезъ христіанъ, нашихъ единовѣрцевъ, а „намъ быть въ резервѣ, не правильнѣе ли овладѣть Рущукомъ и „тамъ или близко къ оному имѣть прямую переправу въ самый „центръ Валахіи, тѣмъ болѣе, что мы этимъ будемъ среди болгаръ „и близъ сербовъ, ежели на нихъ считать хотимъ... Далѣе же „Рущука итти впередъ мы можемъ тогда только, ежели возстаніе „христіанъ будетъ *общее,* что должно оказаться скоро послѣ „взятія Рущука; овладѣніе же Силистріей, полагаю, не произвело бы „еще на нихъ такого дѣйствія, ибо далеко отъ нихъ".

Да и не мудрено, что Государь подчинялъ свое мнѣніе взглядамъ князя Варшавскаго. „Довѣріе мое къ тебѣ", писалъ онъ въ томъ же письмѣ, „неограничено, и ежели опять настанетъ, какъ „кажется нынѣ, тяжелое время, меня успокаиваетъ, что на твою „помощь и совѣты я могу вполнѣ полагаться".

Прошло три недѣли, и мрачныя тучи надъ Россіей все болѣе и болѣе сгущались. Разрывъ съ западными державами былъ неминуемъ, надежды на Австрію и Пруссію падали, и посылка довѣренныхъ лицъ Государя къ обоимъ дворамъ потерпѣла неудачу. Къ тому же пережитыя волненія не могли не отразиться на здоровьѣ Императора Николая. Онъ, одинаково сильный до послѣдней минуты своей жизни духомъ, тѣмъ не менѣе начиналъ угасать и ослабѣвать физически. Все это еще болѣе заставляло его обращать вниманіе на князя Варшавскаго, и вліяніе фельдмаршала въ смыслѣ направленія военныхъ операцій должно было возрастать. Грустью дышатъ слѣдующія строки письма Государя къ Паскевичу [2]).

---

[1]) Собственная Его Величества библіотека, шк. 115, портф. 14.

[2]) Императоръ Николай — кн. Варшавскому 26 января (7 февраля) 1854 г. Собственная Его Величества библіотека, шк. 115, портф. 14.

„Пролежалъ 13 дней въ подагрѣ! Не могъ ранѣе отвѣчать, „любезный отецъ-командиръ, на письмо твое 11 (23) января. „Обстоятельства дѣлаются болѣе и болѣе грозными и напоми- „наютъ положеніе наше въ 1812 году. Писать и переписываться „обо всемъ никакъ нельзя, потому мнѣ весьма желательно, чтобы „ты, ежели можешь, прибылъ сюда хотя на короткое время, дабы „лично обмѣняться мыслями и условиться обо многомъ къ пред- „стоящимъ обстоятельствамъ. Молю Бога, чтобы Онъ меня наста- „вилъ на свою свѣтлую волю, но мнѣ нужна твоя дружба и твои „совѣты, чтобы смѣлѣе дѣйствовать къ лучшему. Итакъ, буде „можешь, пріѣзжай, и чѣмъ раньше, тѣмъ лучше. Я еще очень „слабъ и устаю скоро; другой день, что выѣзжаю. Въ Берлинѣ „полная неудача, какъ я и впередъ ожидалъ; не большую надежду „питаю на удачу Орлова въ Вѣнѣ и покуда еще ничего отъ него „не получилъ, что считаю уже дурнымъ знакомъ". Единственнымъ утѣшеніемъ Государя въ это тяжелое время былъ патріотическій подъемъ русскаго общества. „Здѣсь все тихо", писалъ онъ Паскевичу нѣсколько раньше [1]), „холодно, какъ давно не было, „но не въ сердцахъ, которыя прямо русскія, какъ отрадно видѣть" [2]).

Но въ то время, когда Государь возлагалъ всѣ свои надежды на князя Варшавскаго, этотъ послѣдній, подъ вліяніемъ двуличной политики Австріи, потерялъ спокойствіе духа и впервые проявилъ зачатки подчиненія той доминирующей идеѣ, которая наложила отпечатокъ на направленіе всей его дальнѣйшей дѣятельности, связала намъ руки и, можетъ быть, парализовала успѣхъ всей кампаніи. Мысль эта—боязнь наступательной войны со стороны Австріи.

„Всемилостивѣйшій Государь", всеподданнѣйше писалъ Паскевичъ 23 января 1854 года [3]), „изъ депеши графа Орлова „узналъ я отвѣтъ Австріи. Не ожидалъ я, чтобы Австрія отка- „зала подписать актъ, которымъ Ваше Императорское Величество „предлагать ей изволили быть только нейтральною. Хотя она и „обѣщаетъ нынѣ оставаться въ положеніи наблюдательномъ, но „можно ли ручаться, чтобы боязнь Англіи и Франціи не поста- „вила ее вскорѣ совершенно противъ насъ. Какъ поступить въ

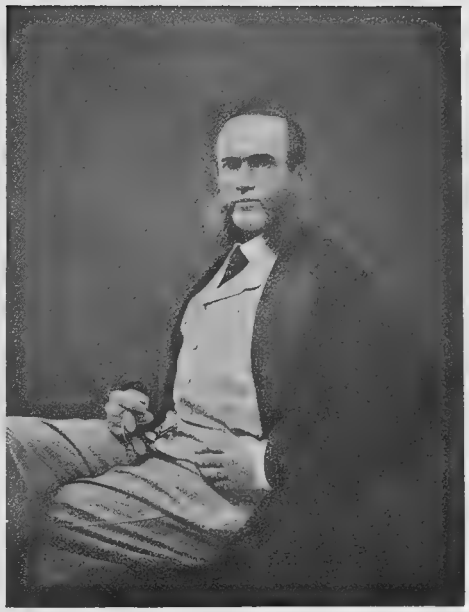
---

[1]) Императоръ Николай — кн. Варшавскому 5 (17) января 1854 г. Собственная Его Величества библіотека, шк. 115, портф. 14.

[2]) Какъ образчикъ той полной мощи, которую Императоръ Николай предоставилъ въ это время кн. Варшавскому въ отношеніи плана кампаніи, мы помѣщаемъ въ Приложеніи № 135 мало значущую, но характерную въ этомъ отношеніи записку Государя къ военному министру.

[3]) Арх. Канц. Воен. Мин., 1854 г., секр. д. № 9.

„настоящемъ случаѣ, о томъ мо-„гутъ быть разныя предположе-„нія. Не придется ли обратить „часть войскъ для охраненія на-„шихъ западныхъ границъ и тѣмъ „удержать Австрію отъ непріяз-„ненныхъ дѣйствій. Жаль, если „не найдется средства теперь же „заключить миръ съ Турціей безъ „вмѣшательствъ другихъ дер-„жавъ, хотя бы только на осно-„ваніи прежнихъ трактатовъ, пре-„доставивъ себѣ возмездіе впо-„слѣдствіи".



Баронъ Будбергъ.

Результатомъ такихъ опасеній были настоятельныя просьбы князя Варшавскаго объ усиленіи войскъ на австрійской границѣ. Государь исполнилъ просьбу фельдмаршала, повелѣвъ направить въ Варшаву гренадерскій корпусъ и подготовить къ походу на Каменецъ-Подольскій 17-ю пѣхотную дивизію, хотя на эту послѣднюю мѣру онъ рѣшился не сразу. „Все это", такъ кончалъ Государь свою записку по этому поводу военному министру [1]), „родилось въ мысляхъ князя по „прочтеніи депешъ изъ Вѣны; онъ ожидаетъ войны съ Австріей, „что они насъ возьмутъ *въ тылъ* [2]); я не вѣрю этой крайности".

III.

Разрывъ съ западными державами, отказъ Австріи и Пруссіи отъ заключенія договора о взаимномъ нейтралитетѣ и выставленіе первой изъ нихъ обсерваціоннаго корпуса на границѣ съ Сербіей заставили Императора Николая нѣсколько измѣнить свой планъ предстоящихъ операцій и окончательно остановиться на осадѣ Силистріи.

„Все это", писалъ Государь князю Горчакову [3]), „ничуть „не измѣняя ни моихъ намѣреній, ни рѣшимости дѣйствовать

---

[1]) Отъ ? февраля 1854 г. Арх. Канц. Воен. Мин., 1853 г., секр. д. № 60.
[2]) Курсивъ подлинника.
[3]) Приложеніе № 136.

„сильно, требуетъ, однако, кажется мнѣ, нѣкоторыхъ перемѣнъ „въ планѣ дѣйствій".

Государь признавалъ необходимымъ, оставаясь въ оборонительномъ положеніи въ Малой Валахіи, перейти возможно скорѣе Дунай въ его низовьяхъ, овладѣть малыми крѣпостцами и немедленно приступить къ осадѣ Силистріи, чтобы въ ней имѣть твердый пунктъ на лѣвомъ флангѣ, а затѣмъ поднять вверхъ по рѣкѣ нашу флотилію и тѣмъ вѣрнѣе приступить къ осадѣ Рущука. Обойтись безъ взятія этой послѣдней крѣпости Государь не считалъ возможнымъ, какъ для твердаго обладанія Дунаемъ, такъ и для помощи сербамъ, если ихъ возстаніе сдѣлается грознымъ для турокъ. „Свѣдѣнія о готовности сербовъ таковы", писалъ Николай Павловичъ [1]), „что даютъ мнѣ полную надежду на ихъ содѣй„ствіе, *коль скоро мы будемъ за Дунаемъ*" [2]). Имѣя со взятіемъ Силистріи и Рущука сильную позицію на Дунаѣ, Государь не предполагалъ углубляться внутрь страны, „доколѣ не объяснится, „какое вліяніе на дѣла имѣть будетъ возстаніе христіанъ, и въ „какой силѣ оно разовьется".

Между тѣмъ князь Горчаковъ на мѣстѣ дѣлалъ необходимыя приготовленія къ переправѣ черезъ Дунай, производство которой должно было всецѣло лечь на его плечи. Первоначальное желаніе Государя и князя Варшавскаго переправиться черезъ рѣку возможно скорѣе, примѣрно въ февралѣ, воспользовавшись для этого замерзаніемъ Дуная, было отмѣнено, въ виду рискованности такого предпріятія, зависѣвшаго отъ весьма случайныхъ данныхъ— времени, въ общемъ весьма незначительнаго, пока рѣка бываетъ скована льдомъ.

Самую операцію рѣшено было, по совѣщаніи съ командиромъ расположеннаго на низовьяхъ Дуная 5-го корпуса, генераломъ Лидерсомъ, произвести въ началѣ марта, при чемъ, главныя силы должны были переправиться у Браилова, противъ Мачина; вспомогательную же переправу или демонстрацію произвести одной бригадой отъ Измаила около Тульчи. Главныя силы ввѣрялись генералъ-адъютанту Лидерсу, переправа же у Измаила — начальнику 7-й пѣхотной дивизіи генералу Ушакову. На правомъ берегу всѣ войска вступали подъ общее руководство Лидерса и должны были овладѣть крѣпостцами Тульча, Исакча, Мачинъ и Гирсово.

---

[1]) Тамъ же.
[2]) Курсивъ подлинника.

Однако, продолжать немедленно дальнѣйшее движеніе къ Силистріи князь Горчаковъ считалъ невозможнымъ. „Ваше Импе„раторское Величество“, всеподданнѣйше писалъ онъ по этому поводу [1]), „изволили выразить, что, если буду къ началу апрѣля „подъ Силистріей, то успѣхъ будетъ несомнѣнный. Осмѣливаюсь „доложить, что пребываніе нашихъ войскъ за Дунаемъ, до вре„мени просушки дорогъ и появленія хорошей травы, въ высшей „степени трудно, даже если они будутъ оставаться около нашихъ „мостовъ, ибо необходимо будетъ имъ подвозить не только про„віантъ и зерновой фуражъ, но и самое сѣно. Поэтому я пола„галъ до появленія хорошей травы ограничиться взятіемъ крѣ„постей Дуная и устройствомъ хорошихъ мостовыхъ укрѣпленій „противъ Сатунова и у Гирсова; итти же къ Черноводамъ и „Силистріи или въ концѣ апрѣля или въ началѣ мая“.

Государь сдѣлалъ, не безъ вліянія тѣхъ опасеній и страховъ, которые царили въ душѣ бывшаго въ то время въ Петербургѣ князя Варшавскаго, и о которыхъ будетъ сказано ниже, слѣдующую помѣтку на письмѣ Горчакова: „Теперь будетъ кстати „Горчакову писать, *что весьма довольно покуда* [2]) будетъ, ежели „и все, что онъ пишетъ, что будетъ предпринято, благополучно „исполнится“.

Но почти въ тотъ же день, когда командующій войсками на Дунаѣ окончательно остановился на пунктѣ и времени переправы и доносилъ объ этомъ Государю, князь Варшавскій писалъ ему изъ Петербурга первое предостереженіе и вливалъ въ его и безъ того нерѣшительную душу первыя колебанія [3]). „Въ на„стоящихъ обстоятельствахъ“, писалъ онъ, „когда дѣла идутъ съ „такой быстротою, что каждый день приноситъ что-либо новое, „измѣняя отношенія наши къ Европѣ и уничтожая наши прежніе „расчеты, мы находимся въ необходимости, сообразно новому „нашему положенію, измѣнить, можетъ быть, и прежніе наши „планы“.

Князь Варшавскій, разсчитывая, что турки имѣютъ подъ ружьемъ на европейскомъ театрѣ 180 тысячъ, полагалъ, что, за исключеніемъ гарнизоновъ по Дунаю и Балканамъ, они могутъ выставить въ поле для дѣйствія противъ насъ 60 тысячъ лучшихъ войскъ, къ

---

[1]) Всеподданнѣйшее письмо кн. Горчакова 16 февраля 1854 г. изъ Браилова. Арх. Канц. Воен. Мин., 1853 г., секр. д. № 60.

[2]) Курсивъ подлинника.

[3]) Кн. Варшавскій — кн. Горчакову 17 февраля 1854 г. Воен. Уч. Арх., отд. 2, д. № 3358.

которымъ надо прибавить еще около 50 тысячъ англичанъ и французовъ. Мы могли выставить для дѣйствія за Дунаемъ лишь 66 тысячъ, съ которыми Паскевичъ полагалъ невозможнымъ разбить 110 тысячную армію и въ то же время брать крѣпости по Дунаю.

На правомъ флангѣ обстановка также измѣнилась. Австрія, поставивъ войска на своей военной границѣ, могла угрожать нашей коммуникаціи въ Валахіи, и князь переставалъ вѣрить въ ея нейтралитетъ. „Видно", писалъ онъ, „Австрія разочла, что ей выгоднѣе „быть противъ насъ".

Все это, по мнѣнію фельдмаршала, заставляло насъ, прежде чѣмъ перейти Дунай, подумать, какія слѣдуетъ употребить средства въ такихъ критическихъ для насъ обстоятельствахъ.

Но черезъ нѣсколько дней послѣ этого письма произошло событіе, которое несомнѣнно сыграло большую роль въ ходѣ дальнѣйшихъ операцій нашихъ на Дунаѣ.

Князь Варшавскій 21 февраля былъ назначенъ главнокомандующимъ всѣми вооруженными силами на западной и южной границахъ и собрался лично отправиться на Дунай. За княземъ Горчаковымъ были сохранены всѣ предоставленныя ему раньше права и обязанности во время отсутствія Паскевича изъ южной арміи. Въ присутствіи же фельдмаршала онъ вступалъ въ должность его начальника штаба. „Итакъ", сообщалъ объ этомъ князь Иванъ Ѳедоровичъ своему бывшему начальнику штаба, „мы будемъ „опять работать и трудиться вмѣстѣ, любезнѣйшій князь, съ тѣмъ „же усердіемъ, какъ и всегда" [1]).

Съ этого времени началось слишкомъ настойчивое опасеніе со стороны фельдмаршала наступленія австрійцевъ въ тылъ нашей Дунайской арміи, нежеланіе переходить Дунай и стремленіе держаться впредь въ оборонительномъ положеніи на лѣвомъ его берегу и даже въ будущемъ отойти за линію Серета. Если бы не опредѣленная воля Императора Николая и не неожиданная рѣшимость Горчакова, то Дунайской кампаніи не суждено было бы украситься единственной блестящей операціей — мартовскимъ переходомъ черезъ Дунай.

Паскевичъ, извѣщая Горчакова о своемъ назначеніи, сообщалъ ему въ секретномъ письмѣ [2]), что при настоящемъ положеніи

---

[1]) Кн. Варшавскій — кн. Горчакову 24 февраля 1854 г. Спб. Русск. Стар. 1876 г., февраль, стр. 388.

[2]) Тамъ же.

вещей итти впередъ противъ Турціи и думать нельзя, а рекомендовалъ ограничиться взятіемъ Тульчи, Исакчи, Мачина и, если не встрѣтится особыхъ препятствій, то и Гирсова, устроивъ сильныя предмостныя укрѣпленія. Войска изъ Малой Валахіи онъ предлагалъ оттянуть и съ главными силами маячить на лѣвомъ берегу Дуная, стараясь выманить непріятеля и разбить его. Въ то же время имъ обращалось особое вниманіе на обезпеченіе фланговъ и тыла, какъ со стороны Одессы, въ случаѣ высадки вблизи нея англо-французскихъ десантовъ, такъ и со стороны австрійцевъ.

Перевозка турецкихъ раненыхъ въ Молдавіи.

Всѣ эти предположенія одновременно были подтверждены Паскевичемъ Горчакову и въ формѣ официальнаго предписанія [1]).

Государь, съ своей стороны, въ тотъ же день писалъ Горчакову, что, считая успѣшную переправу черезъ Дунай весьма важнымъ шагомъ, онъ находилъ, что до выясненія двуличности Австріи и направленія удара морскихъ державъ начинать движенія къ Силистріи не слѣдуетъ [2]).

На слѣдующій день опасенія князя Варшавскаго еще болѣе увеличились, и онъ секретно сообщалъ князю Горчакову [3]), что угрозы Австріи и Пруссіи не позволяютъ уже намъ думать о дѣйствіяхъ за Дунаемъ, а надобно помышлять о своихъ сообщеніяхъ въ тылу. Поэтому Горчакову предлагалось очищать магазины въ Малой Валахіи, имѣя въ виду, что, по всей вѣроятности, наша армія продержится еще мѣсяца полтора около Бухареста, а потомъ сосредоточится между Бузео, Браиловымъ и Серетомъ. Въ концѣ своего письма фельдмаршалъ предлагалъ расплачиваться ассигнаціями въ краѣ, „который мы намѣрены оставить“.

---

[1]) Паскевичъ — кн. Горчакову 24 февраля 1854 г., № 138. Воен. Уч. Арх., отд. 2, д. № 3358.

[2]) Императоръ Николай—кн. Горчакову 24 февраля 1854 г. Собственная Его Величества библіотека, шк. 115, портф. 14.

[3]) Кн. Варшавскій — кн. Горчакову 25 февраля 1854 г. Русск. Стар. 1876 г., февраль, стр. 392.

Во всеподданнѣйшей же запискѣ, представленной въ тотъ же день, князь Варшавскій высказывалъ свои опасенія въ менѣе рѣшительной формѣ и лишь предлагалъ не брать Гирсова, а ограничиться только взятіемъ Тульчи, Исакчи и Мачина и устройствомъ въ этомъ послѣднемъ моста и сильнаго укрѣпленія [1]). А 27 февраля [2]) фельдмаршалъ предписалъ Горчакову для исполненія не брать Гирсова и готовиться начать отходить отъ Бухареста за р. Серетъ съ 1 мая [3]).

---

[1]) Записка кн. Варшавскаго 25 февраля 1854 г. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 3358.

[2]) Кн. Варшавскій — кн. Горчакову 27 февраля 1854 г., № 26. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 3358.

[3]) Въ этотъ же день, по словамъ кн. Варшавскаго, относящимся къ позднѣйшей эпохѣ, имъ была представлена Государю новая всеподданнѣйшая записка, въ которой, какъ говоритъ фельдмаршалъ, онъ шелъ противъ мнѣнія всѣхъ „въ ту минуту, когда, въ порывѣ безумія, „мы готовились закидать всю Европу шапками". Мы не пользуемся этой запиской для изслѣдованія плановъ предстоявшихъ военныхъ операцій, такъ какъ не имѣемъ никакихъ документальныхъ данныхъ о томъ, что это произведеніе фельдмаршала дѣйствительно было представлено Императору Николаю; не можемъ также фактически утверждать, что оно вышло изъ-подъ пера кн. Варшавскаго позднѣе, когда надъ Россіей пронеслась уже кровавая туча, сведшая въ могилу Царя-рыцаря. Но самый фактъ появленія въ свѣтъ записки Паскевича, весьма заботившагося, по словамъ современниковъ, о томъ, что о немъ будетъ писать исторія (Записки П. К. Менькова, т. II), настолько характеренъ, что мы считаемъ необходимымъ не только здѣсь упомянуть о немъ, но даже и привести этотъ интересный документъ.

Надо замѣтить, что въ нашихъ архивахъ съ замѣчательной аккуратностью сохранились не только всѣ письма и записки, восходившія до Государя, но даже и второстепенныя; той же записки кн. Варшавскаго, о которой идетъ рѣчь, мы ни въ одномъ архивѣ найти не могли. Исторія сохраненія ея для потомства состоитъ въ слѣдующемъ:

Осенью 1855 г., когда Паскевичъ былъ одержимъ уже своимъ смертельнымъ недугомъ, кн. Горчаковъ прислалъ ему обзоръ дѣйствій своихъ со времени вступленія въ командованіе Крымской арміей. Фельдмаршалъ, несмотря на физическія страданія, продиктовалъ 16 сентября 1855 г., по прочтеніи записки, свои замѣчанія, которыя, какъ онъ говорилъ, рано или поздно займутъ мѣсто въ военной исторіи Россіи. Замѣчанія эти были диктованы въ формѣ письма къ кн. Горчакову, которое, однако, не было отправлено по назначенію. Въ 1868 г. письмо это было доставлено начальникомъ штаба Виленскаго военнаго округа военному министру и нынѣ хранится въ Воен. Уч. Арх. Гл. Шт., отд. 1, д. № 839. Въ сокращенномъ видѣ оно было напечатано въ „Русской Старинѣ" 1872 г. и въ полномъ видѣ въ Запискахъ П. К. Менькова. Мы здѣсь приводимъ ту часть письма, которая относится къ январю и февралю 1854 г.

„Признаюсь", писалъ фельдмаршалъ кн. Горчакову, „я виноватъ передъ отечествомъ, „что былъ отчасти причиною возвышенія вашего на ту степень, на которой вы нынѣ нахо-„дитесь. Покойный Государь былъ правъ, когда онъ, въ февралѣ 1854 г., хотѣлъ, послѣ „всѣхъ неудачныхъ дѣлъ на Дунаѣ и неосновательныхъ распоряженій въ Княжествахъ, ото-„звать васъ изъ арміи. Тогда я еще полагалъ, что вы съ пользой можете служить Россіи. „Нынѣ, откладывая всякое самолюбіе въ сторону, откровенно сознаюсь, что я жестоко ошибался.

„Изъ приводимаго здѣсь разговора съ покойнымъ Государемъ, ваше сіятельство можете „судить, что участь ваша была въ моихъ рукахъ. Мнѣ достаточно было молчать для того, „чтобы рѣшить вашу судьбу.

„Это было въ первыхъ дняхъ моего прибытія въ Петербургъ, въ 1854 г., когда я „уже согласился принять командованіе надъ всѣми войсками, расположенными на западной „границѣ и въ Княжествахъ.

„Я пришелъ къ Государю около 12 часовъ съ докладомъ. Мы были въ рабочемъ его „кабинетѣ, гдѣ онъ впослѣдствіи скончался. Государь былъ чрезвычайно грустенъ. Нѣсколько „минутъ продолжалось молчаніе. Наконецъ, онъ обратился ко мнѣ со слѣдующими словами:

—„Отецъ-командиръ! Я весьма недоволенъ распоряженіями Горчакова. Сраженія подъ „Ольтеницею и Четати служатъ явнымъ доказательствомъ вовсе необдуманнаго плана, сло-

Императоръ Николай боролся по мѣрѣ силъ какъ съ преувеличенными страхами Паскевича относительно опасности, грозившей со стороны Австріи, такъ и съ привычкой фельдмаршала

„вомъ сказать, во всѣхъ его дѣйствіяхъ видны нерѣшительность и суета. Судя по ходу всѣхъ „его дѣлъ, мнѣ кажется, что онъ неспособенъ быть главнокомандующимъ. Сомнѣваюсь даже, „будетъ ли онъ въ состояніи командовать во время войны отдѣльною частью? По всѣмъ „этимъ соображеніямъ, я полагаю отозвать его изъ арміи и тебѣ предоставляю избрать себѣ, „кого хочешь, въ начальники штаба".

„Сознаюсь, я былъ крайне удивленъ, услыхавъ столь рѣзкое сужденіе и почти приго„воръ надъ человѣкомъ, служившимъ всегда съ большимъ отличіемъ. Прошло нѣсколько „минутъ, пока я собрался съ мыслями. Вотъ, кажется, слово въ слово отвѣтъ мой Государю:

„Позвольте, ваше величество, сказать нѣсколько словъ въ оправданіе кн. Горчакова. „Я его знаю слишкомъ 23 года, знаю его храбрость и способности. У насъ въ арміи нѣтъ „человѣка, который бы съ большею пользою могъ занять во время войны мѣсто начальника „штаба. Его обширныя свѣдѣнія по всѣмъ частямъ управленія арміею, его военныя способ„ности, смѣю думать, не подлежатъ сомнѣнію. Нельзя осуждать главнокомандующаго, находя„щагося отъ своихъ отрядовъ во ста и болѣе верстахъ, въ ошибкахъ, сдѣланныхъ подъ „Ольтеницею и Четати. За всѣмъ тѣмъ, не могу не обвинить Горчакова въ томъ, что, не „слѣдуя великой истинѣ, сказанной Наполеономъ, держать войска свои всегда въ кулакѣ, онъ „растянулся съ малочисленными своими отрядами на 600 верстъ".

„Государь, выслушавъ меня съ большимъ вниманіемъ, изволилъ сказать:

—„Дай Богъ, отецъ-командиръ, чтобъ я ошибался. Желаю тебѣ вѣрить".

„Послѣ сего разговора Государь уже ни разу не говорилъ и не намекалъ о вызовѣ „вашего сіятельства изъ арміи.

„Будучи обязанъ въ дѣйствіяхъ моихъ отдать отчетъ потомству, я откровенно согла„шаюсь въ моей ошибкѣ и прошу соотечественниковъ моихъ простить мнѣ, что я въ заблу„жденіи моемъ еще въ 1854 г. считалъ ваше сіятельство способнымъ быть самостоятельнымъ „начальникомъ.

„Сознаніе это доставляетъ мнѣ нѣкоторое облегченіе, а въ минуты тяжкихъ страданій „и душевнаго негодованія мнѣ отрадно вспомнить, что до начала войны, когда еще можно „было предупредить всѣ бѣдствія, постигшія впослѣдствіи Россію, я противъ мнѣнія всѣхъ въ „эту минуту, когда, въ порывѣ безумія, мы готовились закидать всю Европу шапками, осмѣ„лился 27 февраля 1854 г. представить покойному Государю записку слѣдующаго содержанія:

„Четыре европейскія державы предлагаютъ намъ свой ультиматумъ. Мы находимся въ „томъ положеніи, что теперь вся Европа противъ насъ, на морѣ и на сухомъ пути. Англія, „Франція, Турція уже объявили войну; Австрія, можно сказать, на ихъ сторонѣ; Пруссія „можетъ быть также увлечена скоро. Никогда еще Россія не бывала въ такихъ тяжкихъ „обстоятельствахъ.

„При Императорѣ Александрѣ Павловичѣ, въ 1812 г., Англія была за насъ; съ „Турціею успѣли заключить миръ; неограниченное властолюбіе Наполеона заставило задолго „предвидѣть 1812 годъ и дало намъ полтора года на приготовленія. Въ 1810 г. мы уже могли „начать формированіе новыхъ полковъ; весь 1811 г. устраивали резервы и магазины въ „тылу и потому въ 1812 г., начавъ отступленіе до самой Москвы, пополняли убыль въ „войскахъ резервами.

„Нынѣ обстоятельства такъ быстро измѣнились, что не дали намъ возможности приго„товиться. Дай Богъ, чтобы я ошибался, но мнѣ кажется, что нельзя уже сомнѣваться, что „Пруссія будетъ дѣйствовать вмѣстѣ съ Австріею противъ насъ.

„Имѣя двухъ непріятелей въ центрѣ, тогда какъ французы высадятся на Черномор„скихъ берегахъ, австрійцы изъ Трансильваніи выйдутъ на коммуникаціи нашей дунайской „арміи, а пруссаки обойдутъ флангъ въ Литвѣ, мы уже не можемъ держаться ни въ Польшѣ, „ни въ Литвѣ, а, отступая, не найдемъ магазиновъ.

„Европа можетъ повторить кампанію 1812 года, но, вѣроятно, избѣгнетъ ошибокъ „Наполеона. Она будетъ вести войну методически, отброситъ насъ за Днѣпръ и, отнявъ „Польшу, усилится нашими крѣпостями въ царствѣ и въ Литвѣ. Несчастія и потери тогда „Россіи — трудно теперь предвидѣть.

„Таковы, мнѣ кажется, послѣдствія войны теперь со всею Европою: пока она въ „соединеніи, мы съ нею бороться не въ силахъ. Намъ дорого время; чтобы выиграть его,

путать князя Горчакова и руководить изъ Петербурга всѣми подробностями его дѣйствій на Дунаѣ. Чтобы подтвердить то огромное вліяніе, которое имѣлъ Паскевичъ на Государя, приведемъ слѣдующую, весьма характерную, записку Императора Николая военному министру отъ 28 февраля 1854 года [1]): „Мнѣ удалось „убѣдить князя Варшавскаго ничего не измѣнять въ *прежнемъ* [2]), „кромѣ того только, что, буде можно или нужно будетъ, то „7-ю легкую дивизію подведетъ ближе къ Варшавѣ. Просилъ „его тоже не сбивать съ толку Горчакова частыми приказаніями, „въ родѣ гофрихсрата. Главныя мысли должны ему быть начер„таны здѣсь; исполненіе же и примѣненіе къ обстоятельствамъ, „*вполнѣ* ему предоставлено на его отвѣтственность, иначе выйдетъ „вздоръ. Настой на этомъ и послѣ моего отъѣзда".

Но въ то время, когда Паскевичъ противился наступленію за Дунай, князь Меншиковъ смотрѣлъ на эту операцію иначе. „Съ большимъ удовлетвореніемъ", писалъ онъ князю Горчакову [3]),

---

„думаю, что на ультиматумъ ея можно бы отвѣчать, что предложенія принимаются съ тѣмъ, „чтобы назначить сроки нашего выступленія изъ Княжествъ въ одно время съ выступленіемъ „непріятельскихъ флотовъ:

„1-й срокъ. Мы очищаемъ Малую Валахію; флотъ выходитъ изъ Чернаго моря.

„2-й срокъ. Мы выходимъ изъ Большой Валахіи; флотъ — изъ Босфора.

„3-й срокъ. Мы очищаемъ Молдавію; флотъ оставляетъ Дарданеллы.

„О послѣднемъ условіи лучше даже умолчать, ибо нѣтъ надежды, чтобы оно было „принято. Для опредѣленія сроковъ и приготовленій къ отступленію, заключить перемиріе на „шесть недѣль. Шесть недѣль намъ очень важны, для насъ каждый день дорогъ! Отступая, „мы не отдаемъ своей земли, но возвращаемся на свои границы. По крайней мѣрѣ, мы удер„жимъ, можетъ быть, Австрію и Пруссію, показавъ, что не желаемъ войны.

„Австрія боялась бы сербовъ, но съ нашимъ отступленіемъ изъ Валахіи ей нѣтъ „предлога держать 50 тысячъ на сербской границѣ. Если бы морскія державы не согласились „на наши предложенія, то и тогда мы, по крайней мѣрѣ, выиграемъ время; имѣя полтора„два мѣсяца, успѣемъ укрѣпить настоящую стратегическую позицію на Днѣстрѣ; турки не „войдутъ въ Княжества, а останутся въ Болгаріи.

„Въ центрѣ будутъ войска, соберемъ магазины; словомъ, займемъ стратегическіе пункты „и приготовимъ продовольствіе.

„Европейскимъ державамъ будетъ время одуматься.

„Ихъ лихорадочное состояніе можетъ быть успокоится, и разсудокъ возьметъ верхъ.

„Конечно, мы и тогда не въ состояніи держаться на центрѣ, если и Пруссія противъ „насъ; но неужели нѣтъ возможности отдѣлить ее отъ другихъ державъ и склонить въ нашу „пользу?

„Несчастія, которыя могутъ постигнуть Россію въ случаѣ общаго на насъ возстанія, „будутъ неисчислимы и не скоро изгладятся. Если бъ ихъ можно было предупредить, хотя бы „съ нѣкоторыми уступками, которыя всегда будутъ сравнительно менѣе важны и впослѣдствіи „при благопріятныхъ обстоятельствахъ вознаградятся.

„Конечно, больно для самолюбія каждаго русскаго рѣшиться теперь уступить; но со „временемъ Россія пойметъ, что оттого зависѣла ея судьба, и благословитъ, какъ спасителя, „того, кто великодушно рѣшится теперь на пожертвованія!"

[1]) Арх. Канц. Воен. Мин., 1853 г., секр. д. № 60.

[2]) Курсивъ подлинника.

[3]) Кн. Меншиковъ — кн. Горчакову 5 марта 1854 г. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 4253.

„узналъ я изъ вашихъ писемъ, что вы предполагаете перейти „Дунай между 7 и 10 числами, раньше, чѣмъ успѣютъ отнять у „васъ эту заслугу [1]). Наступайте на Омера-пашу, вы его разобьете „и этимъ оттянете время англо-французской экспедиціи, что спасетъ „Севастополь и Крымъ“ [2]).

Не безъ сильныхъ, видимо, сомнѣній и не безъ большого вліянія Паскевича Государь отказался отъ мысли энергичныхъ дѣйствій на правомъ берегу Дуная для взятія Силистріи и Рущука и въ началѣ марта начерталъ новый планъ кампаніи на 1854 годъ.

Лазутчикъ болгаринъ Райко Николовъ.

„Почти съ каждымъ днемъ“, писалъ онъ Горчакову [3]), „положе- „ніе дѣлъ становится для насъ грозъ- „нѣе черезъ неслыханную неблаго- „дарность императора австрійскаго. „Оно дошло до того, что выну- „дило меня начертать новый обзоръ „или планъ дѣйствій, соотвѣтствен- „ный теперешнему положенію на- „шихъ соотношеній. Князь Иванъ „Ѳедоровичъ его одобрилъ и тебѣ „сообщаетъ. Это, повторяю, не пред- „писаніе *гофрихсрата,* но обзоръ „необходимый положенія нашего и „того, что мы въ такихъ обстоятель- „ствахъ предпринимать можемъ и какъ *полагаемъ* къ оному „приступить, не стѣсняя тебя въ нужныхъ детальныхъ отсту- „пленіяхъ, лишь бы общее направленіе дѣйствій было согласно „съ онымъ и въ связи потому со всѣми другими мѣрами, „которыя на всѣхъ другихъ угрожаемыхъ пунктахъ предприни- „маются.

„Ежели, однако, вѣроломство Австріи дойдетъ до рѣшитель- „наго наступленія на насъ, или въ Малую Валахію или въ Мол- „давію—тогда, разумѣется, что ты долженъ самъ рѣшить общее

---

[1]) Въ это время въ Севастополѣ было уже извѣстно о назначеніи Паскевича главнокомандующимъ и о предстоящемъ прибытіи его на Дунай.

[2]) Переводъ съ французскаго.

[3]) Императоръ Николай — кн. Горчакову 8 (20) марта 1854 г. Собственная Его Величества библіотека, шк. 115, портф. 14.

„отступленіе на избранное поле сраженія, гдѣ, собравъ сколько „наиболѣе можно, дать рѣшительное сраженіе и тогда съ помощью „Божіей: cela aura été reculé pour mieux sauter“...

Въ собственноручной запискѣ [1]), о которой Государь упоминалъ въ своемъ письмѣ къ Горчакову, Императоръ Николай съ грустью сознавалъ, что изъ прежнихъ его предположеній могла исполниться только переправа у Мачина и Тульчи; вопросъ о томъ, когда и какъ приступить къ Силистріи, а также какъ направить дальнѣйшія дѣйствія, оставался вполнѣ неопредѣленнымъ. Кромѣ слуховъ о готовившихся десантахъ на Кавказѣ, въ Крыму и въ Бессарабіи, особенная опасность угрожала намъ и со стороны Австріи, „расположеніе которой изъ двусмысленнаго дѣлалось „болѣе и болѣе явно намъ враждебнымъ“. Она не только парализовала участіе въ борьбѣ со стороны сербовъ, но угрожала „намъ самимъ на нашемъ правомъ флангѣ и даже нашему тылу „вторженіемъ въ собственные наши предѣлы“.

Государь ставилъ далѣе вопросъ, какъ намъ дѣйствовать, „соблюдая военную осторожность, не роняя нашего политическаго „достоинства и вліянія на христіанъ“, и рѣшалъ его слѣдующимъ образомъ:

Послѣ взятія Мачина и Тульчи устроить тамъ сильное мостовое прикрытіе. Для охраненія нижняго Дуная, а также для резерва на случай высадки въ Бессарабіи или у Одессы оставить полторы дивизіи. Одной дивизіей наблюдать Силистрію и Гирсово, Мало-Валахскій отрядъ оттянуть за Краіово и на Ольту, въ видѣ аріергарда главныхъ силъ, которыя въ составѣ $3^1/_2$ дивизій расположить около Бухареста. Драгунскій корпусъ имѣть въ резервѣ по обоимъ берегамъ Прута.

Въ такомъ положеніи слѣдовало ожидать, удастся ли союзникамъ высадка, и гдѣ, а также постараться разбить соединенными силами турокъ, откуда бы они не наступали на насъ, т.-е. отъ Видина ли, Рущука, Никополя или Силистріи.

Государь полагалъ, что это выжидательное положеніе продолжится до іюля, когда „должно объясниться, враги ли намъ „австрійцы, или, удержанные примѣромъ Пруссіи и нашимъ грозным видомъ, они останутся нейтральными“. Въ такомъ случаѣ августъ и сентябрь предполагалось употребить для рѣшительнаго удара на Силистрію и, можетъ быть, на Рущукъ.

---

[1]) Приложеніе № 137.

Императору Николаю не удалось, однако, до самой своей кончины увидѣть Австрію дѣйствительно нейтральной, и до конца войны это государство усердно продолжало играть свою пагубную для Россіи, но безславную для него самого роль.

Фельдмаршалъ, отправляя только что приведенную записку Государя князю Горчакову, снабдилъ ее длинной инструкціей, въ которой положеніе нашей Дунайской арміи рисовалось весьма мрачными красками.

Паскевичъ исходилъ изъ того заключенія, что политическія обстоятельства должны были имѣть особое вліяніе на наши военныя дѣйствія, и въ этомъ отношеніи обстановка представлялась ему въ слѣдующемъ видѣ:

Со стороны Пруссіи угрозы не ожидалось; Австрія же объявила, что впредь поведеніе ея будетъ основано только на собственныхъ выгодахъ, которыя, впрочемъ, не враждебны ни для одной изъ державъ. Но, однако, австрійское правительство стягивало войска, которыхъ, по свѣдѣніямъ фельдмаршала, черезъ три недѣли могло собраться для дѣйствія противъ насъ около 250 тысячъ, и они могли направиться къ Каменцу-Подольску или къ Яссамъ, къ Бухаресту или Краіову. Съ другой стороны, англо-французы, кромѣ дѣйствій въ морѣ и высадки въ другихъ мѣстахъ, могли сдѣлать десанты около Одессы или Аккермана и угрожать нашему тылу на Леово и Бендеры.

Съ нашей стороны для защиты границъ были приняты слѣдующія мѣры:

Курляндія, Литва и правый флангъ Царства Польскаго защищались 1-мъ корпусомъ; въ Варшавѣ и за Вислою сосредоточивались двѣ гренадерскія дивизіи; противъ Кракова одна бригада и противъ Лемберга полторы дивизіи 2-го корпуса.

Для связи поименованныхъ войскъ съ Дунайской арміей и для обезпеченія коммуникаціонной линіи этой послѣдней образовывался отрядъ изъ 6-й пѣхотной, двухъ кирасирскихъ, двухъ драгунскихъ дивизій и казачьяго полка, который долженъ былъ расположиться по австрійской границѣ до Каменца и ниже до Бендеръ и Леова.

Придавая особое значеніе этому отряду, фельдмаршалъ приказывалъ усилить его еще одной дивизіей изъ арміи Горчакова, которую держать примѣрно около Кагула.

Далѣе Паскевичъ давалъ подробныя указанія, какъ дѣйствовать, въ случаѣ высадки союзниковъ и направленія ихъ на Одессу или на Аккерманъ, и вновь переходилъ на свою излюбленную тему о

переправѣ черезъ Дунай и мѣрахъ противъ покушенія австрійцевъ на нашъ тылъ. Очевидно, переходъ на правый берегъ рѣки не улыбался фельдмаршалу, и онъ предписывалъ Горчакову, въ случаѣ неудачи первой попытки, не возобновлять переправы, а продолжать оставаться въ оборонительномъ положеніи. Что же касается до австрійцевъ, то онъ рекомендовалъ сократить нашу линію на Дунаѣ и въ началѣ апрѣля отвести Мало-Валахскій отрядъ отъ Калафата къ Краіову и даже за р. Ольту.

„Впрочемъ", кончалъ фельдмаршалъ свои настоятельныя указанія, „отступленіе сіе сдѣлайте по вашимъ соображеніямъ. Не „будучи на мѣстѣ, я не даю вамъ рѣшительнаго о томъ пред- „писанія" [1]).

Но въ тотъ же день на берега Дуная, вслѣдъ за только-что изложенной инструкціей, полетѣло уже форменное предписаніе отъ князя Варшавскаго [2]) отвести къ 1 апрѣля Мало-Валахскій отрядъ за Ольту, выслать изъ-подъ Бухареста одну дивизію пѣхоты къ Тырговицу, имѣя кавалерію впереди для наблюденія за Германштадтомъ, и, въ случаѣ перехода австрійцами границы у этого послѣдняго, стягивать всю армію къ Бузео или Рымнику, а, если это не удастся, то и къ Фокшанамъ, гдѣ и принять бой.

Трудно понять причину отправленія фельдмаршаломъ въ одинъ и тотъ же день изъ Петербурга инструкціи, дающей нѣкоторый просторъ волѣ Горчакова, и категорическаго предписанія по одному и тому же предмету.

Единственнымъ объясненіемъ можетъ служить только то предположеніе, что вышеприведенное новое начертаніе хода военныхъ дѣйствій, составленное Государемъ, дошло до фельдмаршала послѣ составленія инструкціи, и въ этомъ начертаніи онъ увидалъ возможность безотвѣтственно приказать исполнить свою завѣтную мысль. Дѣйствительно, объ этомъ документѣ князь Варшавскій упоминалъ не въ инструкціи, а въ послѣдовавшемъ за ней предписаніи.

Мысль объ отступленіи такъ неотвязчиво преслѣдовала въ это время Паскевича, что онъ не ограничился данными Горчакову указаніями и чуть ли не ежедневно изъ Петербурга и по пути своемъ въ Варшаву въ длинныхъ письмахъ подтверждалъ одно и то же [3]). Къ счастью для князя Михаила Дмитріевича, онъ всѣ

---

[1]) Кн. Варшавскій — кн. Горчакову 8 марта 1854 г., № 96/39. См. Приложеніе № 138.
[2]) Кн. Варшавскій — кн. Горчакову 8 марта 1854 г., № 100. Тамъ же.
[3]) Русск. Стар., 1876 г., февраль, стр. 394 — 396.

эти посланія получилъ послѣ совершенія своей блестящей переправы черезъ Дунай.

Однако, трусливый, строго оборонительный планъ князя Варшавскаго не у всѣхъ въ Петербургѣ вызывалъ сочувствіе. „И такъ, рѣшѐно“, занесъ графъ Граббе въ свою книжку подъ 14 марта 1854 г. [1]): „Съ огромными средствами избранъ „самый робкій планъ дѣйствій противъ Турціи. Дунайская армія „переправилась или переправляется въ эти дни за Дунай, между „Браиловымъ и Мачи-„нымъ. Дунай въ томъ „мѣстѣ имѣетъ болѣе „400 саженей ширины „и ни одного острова. „Берегъ непріятельскій „занятъ батареями, и „сзади нихъ, на высо-„тахъ позиція турокъ. „Въ случаѣ успѣха, вѣ-„роятно, большимъ уро-„номъ купленнаго, армія „вступитъ въ самый пустынный и нездоровый край Турціи „и начнетъ осаждать лежащія по Дунаю крѣпости, въ кото-„рыхъ неуклюжіе въ полѣ турки хорошо обороняются. Воз-„станію славянъ и грековъ никакой отъ того помощи. Огром-„ныя средства на малыя дѣла, надъ которыми растаетъ армія „и пройдетъ драгоцѣнное время. Хотятъ не отдаляться отъ „Одессы, куда боятся высадки. Эти двѣ операціи разныя. „Дунайская армія не можетъ оказать никакого пособія, и отряды „изъ нея туда, въ случаѣ нужды, не послѣдуютъ... Фельд-„маршалъ къ труднѣйшему, къ переправѣ, не могъ поспѣть, а „поручилъ кн. Горчакову. Въ случаѣ продолжительной осады „Силистріи англо-французы могутъ дѣлать тревожныя высадки „въ Кюстенджи, Мангаліи, а особливо въ Варнѣ. Ничего „сколько-нибудь рѣшительнаго, грознаго для Турціи, побуди-„тельнаго къ миру“.

Дунай у Калафата.

Такова была обстановка на политическомъ горизонтѣ, въ Петербургѣ и Варшавѣ, когда князь Михаилъ Дмитріевичъ совершалъ свою переправу черезъ Дунай.

---

[1]) Русск. Арх., 1889 г., т. 1, стр. 567.

О дѣйствительномъ положеніи и намѣреніяхъ турокъ въ этотъ періодъ кампаніи на европейскомъ театрѣ войны мы имѣемъ весьма мало документальныхъ данныхъ, которыя сводятся лишь къ донесеніямъ французскаго полковника Діё, состоявшаго при арміи Омера-паши, и французскаго посла въ Константинополѣ генерала Барагэ-д'Илье къ маршалу С. Арно въ Парижъ.

Полковникъ Діё, одностороннее донесеніе котораго, къ сожалѣнію, было тайнымъ образомъ доставлено изъ Парижа въ Петербургъ, видимо, очень радужно смотрѣлъ на положеніе турокъ и вѣрилъ тѣмъ грандіознымъ планамъ, которыми съ нимъ дѣлился талантливый Омеръ-паша исключительно, по всей вѣроятности, съ политической цѣлью, не придавая имъ практической цѣны. А между тѣмъ, можно полагать, что именно донесенія французскаго агента произвели на князя Варшавскаго то пагубное впечатлѣніе, которое придало столь печальный оборотъ всѣмъ его дѣйствіямъ на Дунаѣ и предшествовавшимъ имъ распоряженіямъ.

Полковникъ Діё въ декабрѣ мѣсяцѣ совершилъ путешествіе отъ Константинополя къ Дунаю и проѣхалъ вдоль этого послѣдняго отъ Мачина до Видина. Впечатлѣнія очевидца, ѣздившаго съ удостовѣреніемъ за подписью самого султана, повелѣвавшаго ему все показывать, имѣетъ поэтому для насъ особую цѣну, но, повторяемъ, что при ознакомленіи съ этими впечатлѣніями слѣдуетъ имѣть въ виду излишній оптимизмъ французскаго офицера [1]).

Не говоря ничего объ оборонительной силѣ Константинополя, авторъ останавливается на Адріанополѣ, который, съ его укрѣпленнымъ лагеремъ, онъ считаетъ лучшимъ мѣстомъ для сосредоточенія перваго французскаго экспедиціоннаго корпуса. Направляясь далѣе къ Шумлѣ, Діё изслѣдовалъ проходы черезъ Балканы, которые могутъ быть, какъ патетически восклицалъ авторъ, „мѣстомъ столкновенія французской арміи съ русской, если судьба „измѣнитъ доблести оттоманскихъ войскъ". Проходы эти, сильные по своей природѣ, укрѣплялись и защищались многочисленнымъ корпусомъ редифовъ, подъ руководствомъ польскихъ и венгерскихъ офицеровъ. Шумла, съ его большимъ и укрѣпленнымъ лагеремъ, составляла центръ операцій Омера-паши, который съ самаго начала кампаніи усиленно укрѣплялъ этотъ пунктъ. Шумлинскій лагерь, защищаемый стотысячной фанатизированной, по словамъ Діё, арміей, былъ сдѣланъ неприступнымъ, благодаря ги-

[1]) Рапортъ полк. Діё отъ 26 декабря 1853 г. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, карт. Paris, 1854.

гантскимъ фортификаціоннымъ сооруженіямъ, исполненнымъ при дѣятельномъ участіи иностранныхъ офицеровъ.

Пунктомъ для высадки французскихъ войскъ Діё намѣчалъ Варну. „Невозможно предположить“, добавлялъ онъ, „чтобы въ „то время, когда турки владѣютъ правымъ берегомъ Дуная, опи- „раясь на Балканы и Черное море, русскій корпусъ осмѣлился „переправиться черезъ эту рѣку, зная о присутствіи въ Варнѣ „французской арміи“.

Бабадагскую область занималъ отрядъ въ 24 тысячи, слѣдившій съ особой бдительностью за русскими канонерками въ рукавахъ устья Дуная. „Если“, писалъ Діё, „русская армія пред- „полагаетъ перейти рѣку въ ея низовьяхъ, то она встрѣтитъ „ужасный ударъ и вѣрное пораженіе“.

Численность турецкихъ войскъ опредѣлялась авторомъ примѣрно въ 280 тысячъ только дѣйствующей арміи. Изъ нихъ 100 тысячъ находилось въ лагерѣ подъ Шумлой, 100 тысячъ по линіи Дуная, а остальныя въ Видинѣ и Калафатѣ, который имъ признавался неприступнымъ, и въ которомъ находились лучшія войска турецкаго генералиссимуса.

Планъ своихъ предстоящихъ операцій Омеръ-паша изложилъ полковнику Діё въ слѣдующемъ видѣ. Онъ предполагалъ окружить русскую армію въ Валахіи и отрѣзать ее отъ Молдавіи, откуда Горчаковъ получалъ все необходимое. Съ этой цѣлью 20 тысячный корпусъ долженъ будетъ двинуться отъ Калафата для атаки русскаго отряда въ Краіовѣ, и послѣ нѣсколькихъ ложныхъ маневровъ передъ этимъ городомъ, имѣющихъ цѣлью привлечь сюда наше вниманіе, Омеръ-паша, принявши свой правый флангъ за ось захожденія, быстро двинетъ влѣво всю армію и резервъ для занятія важныхъ дефиле, ведущихъ въ Трансильванію. Чтобы еще болѣе покрыть этотъ маневръ тайной и окончательно усыпить русскихъ, турки должны были предпринять въ разныхъ пунктахъ теченія Дуная ложныя попытки перехода рѣки. По выясненіи успѣха блестящаго маневра турецкой арміи противъ нашего праваго фланга, Омеръ-паша форсируетъ Дунай между Рущукомъ и Силистріей, и „русская армія, атакованная въ го- „лову и въ тылъ, стѣсненная со всѣхъ сторонъ, принуждена бу- „детъ отступить въ Молдавію, преслѣдуемая Омеромъ-пашею во „главѣ всѣхъ его силъ“.

Въ такомъ видѣ рисовалась обстановка восторженному полковнику Діё.

Но меньше чѣмъ черезъ мѣсяцъ послѣ этого донесенія дѣлился съ маршаломъ С. Арно своими впечатлѣніями и французскій посолъ въ Константинополѣ генералъ Барагэ-д'Илье [1]). Чтеніе этого документа рисуетъ въ иномъ свѣтѣ способность Турціи къ единоборству съ Россіей, чѣмъ это представлялось полковнику Діё. „Послѣ моего послѣдняго письма", такъ начинаетъ генералъ Барагэ-д'Илье, „дѣла турокъ приняли оборотъ „мало успокоительный". Хотя Константинополь и былъ обезпеченъ лишь отъ нечаяннаго нападенія съ моря, но султанъ только послѣ серьезнаго настоянія французскаго посла приказалъ отпустить деньги для начала работъ по приведеніи столицы въ крѣпость 1-го класса. Балканскіе проходы кончали укрѣплять, но заставить турокъ организовать турецкую армію не удалось. Посолъ рекомендовалъ торопиться присылкой перваго экспедиціоннаго корпуса генерала Канробера, такъ какъ скоро русская армія перейдетъ въ наступленіе, а Омеръ-паша при всѣхъ его способностяхъ не въ состояніи одинъ сопротивляться русскимъ. Онъ не сумѣлъ воспользоваться первоначальными выгодами своего положенія и очень замедлилъ исполненіемъ принятаго плана. „Если Омеръ-паша „при первой встрѣчѣ не разобьетъ на́-голову русскихъ, то дѣло „султана на половину проиграно"—такъ кончалъ генералъ Барагэ-д'Илье свое письмо.

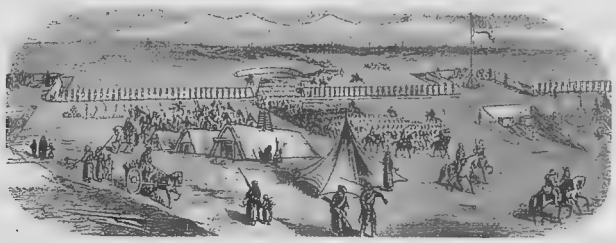
Въ письмѣ отъ 24 февраля [2]) французскій посолъ рисовалъ еще болѣе тяжелую картину. „Турція", писалъ онъ, „сдѣлала „сверхчеловѣческія усилія, чтобы быть въ состояніи противо„стоять нападенію Россіи, и между тѣмъ она далека отъ возмож„ности единоборства со своимъ знаменитымъ противникомъ. Дѣй„ствительно, ея азіатская армія, численностью болѣе 80 тысячъ „человѣкъ, дала новое подтвержденіе стараго военнаго принципа, „что дисциплина главенствуетъ надъ числомъ войскъ, и, брошен„ная на 40 тысячъ русскихъ, она была на́-голову разбита; ея „румелійская армія до сего времени задерживала русскихъ на „Дунаѣ, благодаря хорошимъ оборонительнымъ распоряженіямъ „Омера-паши, и даже пріобрѣла тамъ нѣкоторыя преимущества, „хотя, надо сознаться, столкновенія до сихъ поръ не были се„рьезны. Въ настоящее время оттоманское правительство сосредо„точило на Дунаѣ около 150 тысячъ человѣкъ и не можетъ

[1]) Ген. Барагэ-д'Илье—марш. С. Арно 15 января н. ст. 1854 г. Арх. Канц. Воен. Мин., 1853 г., секр. д. № 60.

[2]) Ген. Барагэ-д'Илье—марш. С. Арно 24 февраля 1854 г., Парижъ. Арх. Воен. Мин.

„располагать еще болѣе чѣмъ 30 тысячами, разбросанными частью „въ Адріанополѣ, частью въ Константинополѣ для охраны султана „и укрѣпленій Босфора".

Мнѣніе о предстоящемъ ходѣ кампаніи высказывалъ также и австрійскій генералъ Гессъ [1]). По его расчетамъ, на европейскомъ театрѣ противъ насъ могли дѣйствовать 140 тысячъ турокъ и 40 тысячъ союзниковъ. Австрійскій генералъ считалъ, что при такихъ условіяхъ переходъ нашей арміи черезъ Дунай рискованъ, и что дальнѣйшія наши дѣйствія, даже послѣ взятія Силистріи или Рущука и выиграннаго въ полѣ сраженія, не приведутъ насъ за Балканы. Если бы мы перешли Дунай у Мачина, то турки, по его предположенію, могли сосредоточить 90-100 тысячъ между Варной и Силистріей, но наврядъ ли Омеръ-паша,



Видъ Калафатскаго укрѣпленнаго лагеря.

зная о скоромъ прибытіи англо-французскаго корпуса, поторопится одинъ дать намъ сраженіе. Это обстоятельство облегчитъ намъ переправу черезъ Дунай, но послѣ этого и, можетъ быть, во время осады Силистріи намъ надо быть готовыми къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, когда турки, подкрѣпленные союзниками, будутъ гораздо многочисленнѣе насъ.

Генералъ Гессъ высказывалъ также предположеніе, что, если мы будемъ продолжать оставаться въ оборонительномъ положеніи, то арміямъ западныхъ державъ нельзя будетъ долго оставаться въ Константинополѣ и, желая принять участіе въ активныхъ противъ насъ дѣйствіяхъ, они высадятся въ Варнѣ и атакуютъ насъ совмѣстно съ турками въ Валахіи.

Эти весьма, можетъ быть, выгодные съ австрійской точки зрѣнія совѣты, не остались, какъ мы видѣли, безъ вліянія на

---

[1]) Бар. Мейендорфъ (нашъ посолъ въ Вѣнѣ) — канцлеру 15 (27) февраля 1854 г., № 39. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, 1854 г., карт. Vienne.

Паскевича, который настоялъ-таки на своемъ желаніи перейти къ оборонѣ, что дало союзникамъ возможность сдѣлать высадку въ Крыму и перенести войну въ наши предѣлы.

IV.

Изъ обзора дипломатическихъ сношеній державъ и нашихъ предположеній о предстоящихъ военныхъ операціяхъ видно то большое значеніе, которое игралъ въ охватившемъ Европу кризисѣ вопросъ о балканскихъ народностяхъ, подвластныхъ Блистательной Портѣ и очень заинтересованныхъ въ теченіи и исходѣ возникшаго конфликта.

Всѣ эти народности исповѣдывали въ громадномъ большинствѣ православную вѣру и совершенно основательно видѣли въ ней могущественный оплотъ самаго своего существованія и залогъ будущей самостоятельной жизни. Вопросъ о Святыхъ Мѣстахъ, который постепенно разросся до значенія общаго вопроса о защищаемыхъ Россіей правахъ и преимуществахъ православныхъ подданныхъ Турціи, затрагивалъ самые жизненные ихъ интересы. Балканскія народности, всегда готовыя воспользоваться всякимъ удобнымъ случаемъ для сверженія турецкаго владычества, съ лихорадочнымъ вниманіемъ слѣдили за ходомъ событій, ожидая лишь времени, когда пробьетъ часъ возстанія. Только, къ сожалѣнію, въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія онѣ не были еще, какъ увидимъ ниже, подготовлены къ тому, чтобы самимъ, съ оружіемъ въ рукахъ, содѣйствовать отвоеванію своей свободы, которая только въ такомъ случаѣ и можетъ быть прочнымъ достояніемъ народа.

О настроеніи балканскихъ христіанъ были одинаково освѣдомлены какъ петербургскій, такъ и остальные европейскіе кабинеты. Въ то время, какъ въ Петербургѣ стремились лишь къ тому, чтобы возстанія балканскихъ народностей не вспыхивали слишкомъ рано и не повлекли за собой кровавой расправы турокъ съ беззащитнымъ населеніемъ, правительства остальныхъ европейскихъ державъ старались не только остановить тамъ броженіе умовъ, но и воспрепятствовать всякой попыткѣ балканскихъ народностей стать на сторону Россіи.

Роль болгаръ, сербовъ и румынъ въ событіяхъ 1853—1855 годовъ выяснена въ русской и славянской исторической литературѣ

съ достаточной полнотой, а поэтому настоящій трудъ, ограничиваясь общимъ очеркомъ роли балканскихъ народностей, дополняетъ уже извѣстное въ печати лишь свѣдѣніями, почерпнутыми изъ нѣсколькихъ неизданныхъ документовъ.

Болгарское царство или, вѣрнѣе, царства, такъ какъ въ концѣ своего самостоятельнаго политическаго существованія Болгарія разбилась на нѣсколько владѣній, пало въ концѣ XIV вѣка. Съ тѣхъ поръ болгары оставались въ теченіе около пяти столѣтій подъ непосредственнымъ турецкимъ игомъ, при чемъ даже церковь подверглась почти полной денаціонализаціи. Она, будучи подчинена греческому вселенскому патріарху, подпала подъ вліяніе греческаго духовенства, которое, поглощенное мыслью о возстановленіи Византійской Имперіи, особенно заботилось о томъ, чтобы церкви въ Болгаріи придать греческій обликъ; въ богослуженіи былъ введенъ греческій языкъ, и литургія на славянскомъ языкѣ совершалась только въ забытыхъ сельскихъ приходахъ.

Національное возрожденіе болгаръ совпало съ турецкими войнами Императрицы Екатерины второй и было, можетъ быть, вызвано эхомъ нашихъ побѣдъ, пронесшимся раскатами своими по долинамъ и ущельямъ Балканскихъ и Родопскихъ горъ и докатившимся до всѣхъ уголковъ полуострова, гдѣ раздавалась народная славянская рѣчь, и гдѣ сіялъ православный крестъ. Въ 1762 году болгаринъ Паисій, монахъ Аѳонской горы, написалъ первую по истеченіи нѣсколькихъ столѣтій книгу о царяхъ и святыхъ болгарскихъ, которая распространилась переписчиками по Болгаріи, а его ученикъ и послѣдователь Софроній ввелъ въ нѣкоторыя церковныя школы обученіе болгарскому языку.

До какой степени національное болгарское движеніе было, однако, незначительно и не вліяло на болѣе зажиточные классы, свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что даже проживавшіе въ Россіи состоятельные болгары, каковыми были Априлевъ и Палаузовъ въ Одессѣ, долгое время жертвовали въ своемъ отечествѣ на греческія школы и поддерживали тамъ греческія національныя стремленія. Этимъ одесскимъ дѣятелямъ впервые открыла глаза книга Венелина „Древніе и нынѣшніе болгары“, появленіе которой въ Москвѣ совпало со временемъ первой турецкой войны Императора Николая. Послѣ этого Палаузовъ и Априлевъ основали въ 1835 году на своей родинѣ, въ городѣ Габровѣ, первую

болгарскую школу, вслѣдъ за которой стали открываться другія школы, и начали печататься учебныя книги. Вскорѣ появилась первая болгарская газета, и ко времени возникновенія конфликта изъ-за Святыхъ Мѣстъ болгарское національное движеніе стало такъ быстро распространяться по обѣимъ сторонамъ Балканскаго хребта, что особенно заинтересованнымъ въ кризисѣ державамъ приходилось уже съ нимъ считаться.

Въ дѣйствительности же болгары, всецѣло преданные Россіи и отъ нея одной ожидавшіе освобожденія отъ мусульманскаго ига, не были въ то время еще готовы оказать существенную помощь своей будущей освободительницѣ. Они, по своему положенію въ центрѣ Оттоманской Имперіи, болѣе чѣмъ кто-либо находились подъ давленіемъ турецкаго гнета, который успѣлъ за нѣсколько столѣтій почти совсѣмъ убить въ этой націи способность къ самостоятельному почину въ отвоеваніи себѣ человѣческихъ правъ. Поэтому можно было разсчитывать на серьезное съ ихъ стороны возстаніе только при широкой, продолжительной и правильной ихъ организаціи извнѣ, т.-е. со стороны Россіи, чего не было сдѣлано въ годы, предшествовавшіе войнѣ, и что не могло быть сдѣлано во время войны до занятія нами болгарской территоріи. Къ тому же мѣстное населеніе, сосредоточенное въ центрѣ расположенія турецкихъ армій, могло принести намъ существенную пользу только при наличности всѣхъ данныхъ великаго народа, способнаго пожертвовать всѣми благами міра на защиту своей родины. Въ такомъ случаѣ партизанская война, сопряженная съ тѣми неудобствами, которыя испытываетъ армія, дѣйствующая среди враждебнаго ей населенія, была бы къ нашимъ услугамъ, но болгары того времени не были, по указаннымъ выше причинамъ, къ этому подготовлены.

Николай Христофоровичъ Палаузовъ подалъ въ 1853 году нашему представителю въ Константинополѣ Озерову записку о необходимости основать въ Болгаріи центральное высшее училище; когда же вспыхнула война, то онъ обращался съ интересными записками не только къ князю Горчакову въ Бухарестъ и къ барону Остенъ-Сакену въ Одессѣ, но и въ Петербургъ [1]). Въ февралѣ 1854 года въ Одессѣ было основано болгарское общество для объединенія дѣятельности всѣхъ болгарскихъ патріотовъ и для созданія постояннаго органа ихъ сношеній съ Россіей.

---

[1]) См. выше, глава VIII.

Общество приняло названіе „Болгарскаго Настоятельства“ и дѣятельно распространяло въ Болгаріи идею братства съ Россіей. Въ протоколѣ перваго общаго собранія Настоятельства значилось: „Избранный Богомъ великій Государь Императоръ Всероссійскій „Николай Павловичъ, покровитель и защитникъ несчастнаго на„рода болгарскаго, ополчился для возобновленія униженнаго пра„вославія въ турецкой державѣ. Поэтому и болгарамъ, про„живающимъ въ Россіи, необходимо позаботиться объ угнетен„ныхъ своихъ братьяхъ и по возможности имъ пособить“. Самъ Палаузовъ вскорѣ отправился на театръ военныхъ дѣйствій. Въ одной изъ своихъ записокъ онъ писалъ: „Пре„данность болгаръ Россіи „несомнѣнна. Но надобно „увѣрить ихъ, въ какихъ „видахъ Россія готова посо„бить имъ, увѣрить посред„ственно или непосред„ственно, что страданія ихъ „извѣстны, что Россія за„ботится объ улучшеніи ихъ „участи и находитъ возмож„нымъ ихъ освобожденіе“.

Фортъ Петра I въ Кронштадтѣ въ 1854 г.

Болгарское Настоятельство и самъ Палаузовъ посвящали этому „увѣренію“ всѣ свои силы, встрѣчая на родинѣ противодѣйствіе въ лицѣ французскихъ и англійскихъ эмиссаровъ, которые старались воздѣйствовать на болгарскій народъ въ противоположномъ направленіи. О дѣятельности этихъ эмиссаровъ упоминаютъ между прочимъ и сообщенія бывшаго переводчика при нашемъ посольствѣ въ Константинополѣ Аргиропуло, который остался тамъ послѣ разрыва дипломатическихъ сношеній съ Портой и продолжалъ давать намъ свѣдѣнія обо всемъ, происходившемъ въ Турціи [1]). Французскіе и англійскіе агенты ссылались на турецкіе манифесты и изданные по настоянію лорда Редклифа султанскіе акты, которые признавали права и преимущества христіанъ, и увѣряли болгаръ, что они могутъ ожидать помощи только отъ западныхъ державъ, а не отъ Россіи. Въ Европѣ еще въ сороковыхъ годахъ

[1]) Письма и донесенія отъ 4 (16) апрѣля, 23 іюля (5 августа) 1853 г. и др. Госуд. Арх., разр. III, д. № 124.

было понято значеніе болгарскаго національнаго возрожденія, и были приняты мѣры для его направленія въ русло общихъ идей и интересовъ съ западомъ. Съ этой цѣлью въ Галатѣ была основана католическая миссіонерная станція, а въ Константинополѣ католическая школа для обученія болгарскихъ дѣтей обоего пола. Эти учрежденія, естественно, находились въ станѣ нашихъ враговъ и, даже воспитывая юношество въ болгарскомъ патріотизмѣ, направляли послѣдній на путь противодѣйствія нашей политикѣ. Поэтому-то Палаузовъ и настаивалъ въ своей запискѣ на „увѣреніяхъ“ болгаръ съ нашей стороны въ освободительныхъ стремленіяхъ Россіи.

Настроеніе громаднаго большинства болгарскаго народа было, несмотря на всѣ происки западныхъ агентовъ, проникнуто чувствомъ неразрывной нравственной связи съ Россіей, и одного слова ея было достаточно, чтобы волненіе охватило страну. Но слово это было произнесено лишь отчасти и поздно, безъ достаточной подготовки; оно не могло, благодаря сложившимся обстоятельствамъ, быть культивировано. Время болгарскаго освобожденія еще не настало, и, только четверть вѣка спустя, Болгарія получила, благодаря новымъ жертвамъ Россіи, самостоятельное политическое существованіе.

Что касается до Сербіи, которая и по своей величинѣ, и по большей подготовленности къ самостоятельной политической жизни, и, наконецъ, по своему положенію на флангѣ турецкой арміи, дѣйствовавшей противъ насъ, могла бы оказать намъ наиболѣе существенную помощь, то эта страна уже много лѣтъ находилась подъ двойственнымъ вліяніемъ Россіи и Австріи. При этомъ, благодаря отчасти неустойчивости нашей политики, а отчасти неудачному подбору нашихъ агентовъ и близкому къ Сербіи сосѣдству Австріи, вліяніе наше въ ней сильно пошатнулось. „Кто бы „могъ подумать“, всеподданнѣйше доносилъ князь Варшавскій [1]), „что въ Сербіи человѣкъ (Карагеоргіевичъ), который воспитывался „у насъ въ корпусѣ, сталъ первымъ нашимъ врагомъ. Между „тѣмъ, онъ сдѣлалъ враждебнымъ намъ народъ, который около „ста пятидесяти лѣтъ дѣйствовалъ съ нами и на насъ однихъ „надѣялся“.

Сербія въ половинѣ прошлаго столѣтія находилась въ положеніи, значительно лучшемъ, чѣмъ смежная Болгарія. Возстанія

---

[1]) Письмо отъ 12 (24) мая 1853 г. Арх. Канц. Воен. Мин., 1853 г., секр. д. № 44.

этой страны во времена Екатерининскихъ походовъ, а затѣмъ долгая и кровавая борьба съ турками съ 1804 по 1817 годъ привели къ признанію Портой ея автономіи во внутреннихъ дѣлахъ; вскорѣ же послѣ этого, въ 1820 году, Милошъ Обреновичъ добился признанія себя наслѣдственнымъ княземъ Сербіи, которая стала съ тѣхъ поръ полусамостоятельнымъ государствомъ. Въ 1826 году права сербовъ были освящены русско-турецкой конвенціей въ Аккерманѣ, а, по заключеніи Адріанопольскаго мира, рядъ султанскихъ гатти-шерифовъ освободилъ Сербію отъ турецкихъ гарнизоновъ, призналъ автокефальность сербской церкви, присоединилъ къ странѣ спорные округа и замѣнилъ различныя, взимаемыя въ пользу Порты, подати одной общей данью. Своеволіе князя Милоша вызвало въ странѣ смуту, подъ давленіемъ которой въ 1835 году былъ изданъ сербскій органическій уставъ, выработанный созванной княземъ общенародной скупщиной. Этотъ уставъ ввѣрялъ законодательную власть князю и сенату, который состоялъ изъ назначаемыхъ княземъ 17 пожизненныхъ членовъ. Гатти-шерифъ 1838 года утвердилъ порядокъ, выработанный скупщиной, и устроилъ въ странѣ судебную власть.

Вскорѣ Милошъ бѣжалъ отъ новой смуты, и послѣ него власть переходила поочередно къ его сыновьямъ, Милану и Михаилу. При послѣднемъ вспыхнуло новое возстаніе, которое закончилось созывомъ тщательно подобранной изъ враговъ князя скупщины и возведеніемъ на княжескій престолъ сына знаменитаго въ исторіи сербскихъ возстаній воеводы Кара-Георгія, Александра. Выборъ скупщины былъ утвержденъ Портой, но самымъ рѣшительнымъ образомъ опротестованъ петербургскимъ кабинетомъ, вслѣдствіе того, что онъ произошелъ подъ давленіемъ революціи и подъ вліяніемъ Вуича и Петроневича, вожаковъ возстанія противъ законной власти князя Михаила. Кромѣ того, Александръ Карагеоргіевичъ былъ извѣстенъ своимъ расположеніемъ къ Австріи и подчинялся руководству своихъ вѣнскихъ вдохновителей. Порта взяла, подъ вліяніемъ нашихъ требованій, назадъ свое признаніе за Александромъ княжескаго достоинства, принудила временное сербское правительство къ изгнанію изъ страны вожаковъ бывшаго возстанія и къ созыву новой скупщины, которая, впрочемъ, вновь избрала княземъ Александра Карагеоргіевича. На этотъ разъ выборъ былъ признанъ Россіей, и новый князь могъ въ теченіе ряда лѣтъ посвятить себя внутреннему устройству страны и заботамъ объ ея экономическомъ развитіи. Расположеніе Карагеоргіевича

къ Австріи проявлялось неоднократно, а его первый министръ Илья Гарашанинъ отличался западническимъ образомъ мыслей.

Князь Александръ и Гарашанинъ стояли у кормила правленія именно во время обостренія восточнаго вопроса и препятствовали всѣми силами проявленію возбужденія, которое охватило населеніе при извѣстіи о нашемъ разрывѣ съ Портой и о начавшейся войнѣ. Такая политика Карагеоргіевича въ связи съ бременемъ податей, увеличеніе которыхъ требовалось реформами въ государствѣ, вызывала въ странѣ глухое, но всеобщее недовольство.

Нашимъ генеральнымъ консуломъ въ Бѣлградѣ былъ въ то время Туманскій. Онъ, между прочимъ, сообщалъ, что сербское правительство озабочено настроеніемъ умовъ въ народѣ, и что въ Крагуевацѣ, напримѣръ, командующій милиціей воевода Книшанинъ принимаетъ мѣры для противодѣйствія настроенію и произноситъ рѣчи, враждебныя Россіи. Однако, мѣры эти не достигали цѣли. Нашъ генеральный консулъ приводилъ въ своемъ донесеніи письма вліятельныхъ лицъ, которыя опредѣленно заявляли, что, по соглашенію между всѣми выдающимися людьми округа, рѣшено не только ни въ чемъ не противиться воли „нашей покровительницы“ (т.-е. Россіи), но дѣйствовать противъ всякаго, кто желалъ бы замѣнить ея покровительство чьимъ-либо другимъ [1]).

Извѣстіе о разрывѣ нашихъ дипломатическихъ сношеній съ Турціей вызвало, какъ свидѣтельствуетъ Туманскій, въ сербскомъ правительствѣ желаніе сблизиться съ Портой и съ западными державами [2]). Французскій консулъ настаивалъ на этомъ, обѣщая, что Сербія, примкнувъ къ стану нашихъ враговъ, окончательно освободится отъ тягостнаго покровительства Россіи. Политика князя Александра, помнившаго исторію перваго своего избранія и сохранившаго чувство обиды за протестъ Россіи, вызывала въ странѣ крайнее безпокойство. Старшее духовенство и нотабли обращались къ нашему консулу за совѣтомъ, и онъ долженъ былъ ихъ успокаивать, рекомендуя имъ терпѣніе и вѣру въ заботу Россіи о судьбахъ сербскаго народа. Къ Бѣлградскому митрополиту, который предпринялъ въ то время путешествіе по странѣ, являлись депутаціи и толпы народа, требуя разъясненій по поводу слуховъ объ отказѣ правительства отъ покровительства Россіи и угрожая всѣмъ, кто могъ рѣшиться на нѣчто подобное [3]).

---

[1]) Туманскій — канцлеру 11 мая 1853 г., № 12. Госуд. Арх., разр. XI, д. № 1239.
[2]) То же отъ 20 мая 1853 г., № 13. Тамъ же.
[3]) Тамъ же.

Между правительствомъ князя Александра и народомъ разверзалась пропасть, но оно упорно держалось принятаго курса, какъ бы не замѣчая этой пропасти. Несмотря на увѣренія посланнаго въ августѣ 1853 года въ Сербію Фонтона, будто страна спокойна и полна довѣрія, и будто сербское правительство единодушно съ народомъ въ самомъ благопріятномъ для Россіи расположеніи [1]), извѣстно, что князь Александръ и его совѣтники неизмѣнно до конца войны придерживались самаго строгаго нейтралитета.

Эта политика не принесла Сербіи никакихъ выгодъ. Она, согласно ст. 28 мирнаго Парижскаго трактата, осталась, какъ была

Городъ Видинъ.

и до войны, вассальнымъ княжествомъ съ правами самостоятельнаго внутренняго управленія, свободы церкви, законодательства, торговли и судоходства, основанными на султанскихъ гатти-шерифахъ и „поставленными впредь подъ общую гарантію державъ, „участвующихъ въ трактатѣ".

Греція, провозглашенная независимой національнымъ собраніемъ 15 января 1822 года и объявленная Лондонской конференціей 3 февраля 1830 года монархіей, съ опредѣленіемъ ея территоріальныхъ границъ, могла бы по своей величинѣ и по своему положенію оказать намъ существенную пользу, но правительство ея и король находились подъ вліяніемъ западныхъ державъ. Впрочемъ, энергичное содѣйствіе этой страны было бы полезно только при развитіи нашихъ наступательныхъ операцій внутрь Балканскаго полуострова; симпатіи же простого народа не могли, при отдаленности территоріи отъ театра военныхъ дѣйствій, принести намъ существенной пользы.

---

[1]) Бар. Мейендорфъ — канцлеру 1 (13) сентября 1853 г., № 215. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, карт. Vienne, 1853.

Греки, оставшіеся за предѣлами новаго королевства, считали его образованіе лишь первымъ шагомъ на пути возстановленія Византійской Имперіи, первымъ звеномъ той цѣпи, которую предстояло выковать въ будущемъ. Особенно волновалось населеніе пограничныхъ съ Грецією областей, единокровное съ освободившимися греками, столѣтіями жившее одной съ ними жизнію и принимавшее участіе въ борьбѣ за независимость.

Петербургскій кабинетъ зналъ объ этомъ недовольствѣ грековъ и принималъ его во вниманіе, въ виду возможныхъ случайностей, которыми были чреваты надвигавшіяся событія.

Нашъ посланникъ въ Аѳинахъ Персіани сообщалъ [1]), что извѣстный циркуляръ графа Нессельроде отъ 30 мая 1853 года былъ принятъ въ Греціи восторженно, что нѣтъ болѣе партійности, такъ какъ все слилось въ симпатіи къ Россіи, что усилія Франціи и Англіи поколебать въ Греціи наше вліяніе лишь способствовали его укрѣпленію и прочности. Манифестъ о вступленіи нашихъ войскъ въ Придунайскія княжества вызвалъ въ Греціи, по свидѣтельству Персіани, неописуемый энтузіазмъ и возрожденіе надеждъ на возстановленіе Византійской Имперіи.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ [2]) Персіани сообщалъ о полной готовности греческаго населенія не только въ королевствѣ, но и въ Румеліи къ вооруженной борьбѣ. Духовенство, купечество, тайныя общества (извѣстныя *гетеріи*), всѣ сословія лишь ожидаютъ сигнала, чтобы возстать противъ турокъ, а гетеріи собирались даже отправить офиціальнаго представителя въ Петербургъ.

Такія извѣстія изъ Аѳинъ въ связи съ возникшими въ Эпирѣ волненіями давали основаніе для учета роли будущаго греческаго возстанія въ предстоящихъ событіяхъ. Князь Варшавскій коснулся въ письмѣ къ Государю [3]) этого вопроса весьма недвусмысленно:

„Если это правда (т.-е. что греки готовятъ возстаніе)“, писалъ фельдмаршалъ, „то въ случаѣ серьезной наступательной „войны противъ Турціи, почему бы намъ симъ не воспользоваться? „Почему не пригласить грековъ дѣйствовать съ нами заодно и „даже почему не обѣщать имъ какихъ-либо округляющихъ Грецію „провинцій? Греція отъ того сильнѣе не будетъ, а намъ сіе „можетъ быть полезно тѣмъ, что отвлечетъ горныхъ пашей,

---

[1]) Персіани — канцлеру 26 іюня 1853 г. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, карт. А, 1853.
[2]) Персіани — канцлеру 18 сентября 1853 г. Тамъ же.
[3]) Отъ 28 сентября (10 октября) 1853 г. Арх. Канц. Воен. Мин., 1853 г., секр. д. № 44.

„которые въ случаѣ похода къ Адріанополю были бы у насъ „во флангѣ, а потомъ и въ тылу. Разумно сіе предложеніе сдѣлать „не теперь, для того чтобы не компрометировать Грецію передъ „Англіей, у которой море въ рукахъ“...

Послѣднее замѣчаніе князя Варшавскаго свидѣтельствуетъ, что онъ отдавалъ себѣ отчетъ въ крайней трудности для грековъ порвать ихъ отношенія съ Великобританіей, ставшей уже въ то время достаточно опредѣленно на сторону Турціи. Англія принимала самое близкое участіе въ судьбахъ Греціи въ недавніе годы борьбы за независимость, и ея покровительство молодому королевству имѣло для послѣдняго реальную, ощутимую цѣнность. Ни греческое правительство, ни представители греческаго общества не могли брать на себя отвѣтственности за послѣдствія разрыва съ Англіей.

Опасность греческаго возстанія, которому несомнѣнно сочувствовала и которое въ Эпирѣ и Ѳессаліи поддерживала офиціальная Греція наравнѣ съ народомъ, заставила западныя державы принять по отношенію къ греческому правительству рѣшительныя мѣры. Онѣ опубликовали извѣстный разговоръ Императора Николая съ сэромъ Гамильтономъ Сеймуромъ, подчеркивая исключеніе Государемъ возможности возстановленія Византійской Имперіи, что естественно вызвало среди грековъ нѣкоторое разочарованіе, а затѣмъ прямо потребовали отъ правительства короля Оттона, чтобы Греція осталась безусловно нейтральной. Въ маѣ 1854 г. въ Пиреѣ появилась англо-французская эскадра, и союзныя войска высадились на греческую территорію.

Боснія и Герцоговина, совершенно разоренныя событіями 1852—53 годовъ, не могли принять вновь участія въ борьбѣ съ турками, а храбрая, но далекая Черногорія, хотя и была готова пожертвовать для общаго дѣла всѣмъ своимъ достояніемъ, но была мала и далека, почему ею можно было воспользоваться лишь при участіи въ возстаніи со стороны сербовъ.

Кромѣ приведенныхъ выше причинъ на успѣшную подготовку участія христіанскихъ народностей въ нашей борьбѣ съ Турціей, долженъ былъ повліять также извѣстный уже взглядъ Императора Николая, который опасался встрѣтить въ этомъ святомъ для него дѣлѣ революціонныя попытки наиболѣе горячихъ головъ. Государь считалъ возможнымъ приступить къ нему только при соотвѣтственной подготовкѣ подвластныхъ мусульманамъ племенъ воспріять свободное политическое существованіе въ формѣ, обезпечивающей

какъ это существованіе, такъ и спокойствіе сосѣднихъ государствъ. Недружелюбное къ вопросу объ освобожденіи христіанъ отношеніе и, скажемъ болѣе, противодѣйствіе со стороны Австріи также не должно было остаться безъ неблагопріятнаго вліянія на успѣхъ дѣла.

Изо всѣхъ предположеній Государя о мѣрахъ воздѣйствія на Оттоманскую Порту было видно, что онъ полагалъ обратиться къ возстанію христіанъ лишь только въ томъ случаѣ, когда упрямство Турціи можетъ повести къ паденію и разложенію этой монархіи. Императоръ Николай, считая, что такое время еще не настало, и что турки не доведутъ своего сопротивленія до столь серьезныхъ размѣровъ, первоначально подходилъ очень осторожно къ этому щекотливому вопросу и лишь допускалъ участіе мѣстныхъ волонтеровъ въ рядахъ нашей арміи; но, по мѣрѣ того, какъ къ спору Россіи съ Турціей примѣшивалась открытая враждебность западныхъ державъ, Государь призналъ, что возстаніе христіанъ должно осуществиться, хотя, подъ вліяніемъ отчасти канцлера, отчасти другихъ причинъ, благопріятное время было упущено, и это сильное въ русскихъ рукахъ оружіе заглохло безрезультатно.

На просьбѣ князя Горчакова, обращенной къ военному министру тотчасъ по входѣ нашихъ войскъ въ Княжества, о высылкѣ въ Бухарестъ 10 тысячъ ружей для вооруженія въ случаѣ надобности болгаръ или вообще христіанскаго населенія Турціи [1]), Государь начерталъ: „*Выдавать ихъ некому* [2]), ибо возбуждать „къ возстанію не хочу“, а военный министръ добавилъ къ этому, что доставленіе ружей „можетъ возбудить толки, съ намѣреніемъ „Его Величества несогласные“ [3]).

Нѣсколько позднѣе, а именно 30 сентября, князь Михаилъ Дмитріевичъ вновь затронулъ вопросъ о привлеченіи къ борьбѣ съ турками балканскихъ христіанъ и на этотъ разъ встрѣтилъ со стороны Государя болѣе сочувствія къ своей мысли [4]).

Горчаковъ предлагалъ для отвлеченія западныхъ державъ отъ участія въ войнѣ съ нами „напугать ихъ“ возможностью рѣшительной войны противъ турокъ на будущій годъ, съ призывомъ къ оружію и къ свободѣ всѣхъ христіанскихъ народностей Турціи.

---

[1]) Кн. Горчаковъ — военному министру 27 и 28 іюля 1853 г., № 389. Арх. Канц. Воен. Мин., 1853 г., по снар. в., д. № 57 и № 62.

[2]) Курсивъ подлинника.

[3]) Военный министръ — кн. Горчакову 6 августа 1853 г., № 958. Арх. Канц. Воен. Мин., по снар. в. 1853 г., секр. д. № 62.

[4]) Кн. Горчаковъ — военному министру 30 сентября 1853 г., съ Высочайшими на немъ помѣтками. Арх. Канц. Воен. Мин., 1853 г., секр. д. № 60.

(„Certe“, помѣтилъ Государь). Однако, князь сознавался, что эта мѣра будетъ очень сильная и повлечетъ за собою одно изъ двухъ: или почетный для Россіи миръ, или же принудитъ насъ завладѣть Болгаріей, а, можетъ быть, и окончательно покончить съ турками.

Единственной воинственной націей, на которую можно было разсчитывать, Горчаковъ считалъ сербовъ, но для того, чтобы они возстали, необходимо было или наше присутствіе въ Болгаріи или же призывъ со стороны Россіи къ ихъ независимости („Такъ и будетъ“, помѣтилъ Государь). Въ молдо-валахахъ авторъ письма находилъ мало крови въ жилахъ и считалъ, что высшіе классы, которые бредили о романской имперіи, были враждебны намъ. На болгаръ же можно было разсчитывать только тогда, когда мы дойдемъ до подножія Балканъ; до того же времени они за оружіе не возьмутся. Въ провинціяхъ, сосѣднихъ съ Грецiей, гетерія много поработала надъ народомъ и, по мнѣнію Горчакова, не было ничего невозможнаго въ томъ, что они возстанутъ раньше нашего къ нимъ приближенія.

Вербовка въ Англіи.

Съ этого времени были сдѣланы распоряженія объ увеличеніи молдо-валахскихъ войскъ, и начался пріемъ волонтерами болгаръ и грековъ, которые являлись въ обиліи, но сербовъ князь Горчаковъ принимать не рѣшался, что вызвало слѣдующую помѣтку Государя отъ 28 октября: „Отвѣчать, что предоставляется „кн. Горчакову приступить къ тому, что ему удобнѣе кажется; „ежели формироваться будутъ волонтерныя роты, то можно брать „въ нихъ и грековъ и сербовъ, но стараться *каналій*[1]) не брать“ [2]).

Въ послѣдующей своей перепискѣ съ Государемъ князь Горчаковъ неоднократно возвращался къ вопросу о возстаніи хри-

[1]) Курсивъ подлинника.

[2]) Донесеніе кн. Горчакова отъ 30 сентября 1853 г., № 1391, и помѣтка Государя 10 октября 1853 г.; донесеніе кн. Горчакова отъ 20 октября, № 1721, и помѣтка Государя 28 октября. Арх. Канц. Воен. Мин., по снар. в., 1853 г., секр. д. № 62. Письмо Государя къ кн. Горчакову отъ 9 (21) октября 1853 г. Собственная Его Величества библіотека, шк. 115, портф. 14.

стіанъ. Такъ, въ письмѣ отъ 13 декабря [1]) онъ высказывалъ мысль о пользѣ отправки послѣ нашей переправы черезъ Дунай особаго отряда войскъ въ Сербію въ томъ случаѣ, если народъ подымется противъ турокъ. Онъ полагалъ, что, „увидя русскій „мундиръ у себя, сербы бросятся на турокъ, и тогда наше дѣло „будетъ ихъ къ сему поощрять, не дѣлая, впрочемъ, никакихъ „преждевременныхъ воззваній отъ имени русскаго правительства, „чтобы не компрометировать его ни противъ нейтральныхъ дер„жавъ, ни противъ самихъ возставаемыхъ племенъ, если бы „обстоятельства указали пользу мира съ турками безъ изгнанія „ихъ изъ Европы".

Одновременно съ этимъ князь Горчаковъ сообщалъ и о предложеніи греческой гетеріи произвести возстаніе въ ближайшихъ къ Греціи провинціяхъ, но считалъ это преждевременнымъ, какъ по неблагонадежности прибывшихъ въ Бухарестъ представителей, такъ и потому, что возстаніе гетеріи на югѣ, противъ воли греческаго правительства, могло имѣть послѣдствіемъ занятіе этой страны войсками враждебныхъ намъ державъ.

Между тѣмъ все усиливающееся недоброжелательство западныхъ державъ, которое успѣло выясниться съ достаточной очевидностью, заставило Императора Николая откинуть свои опасенія относительно привлеченія къ борьбѣ христіанскихъ народностей, и онъ въ собственноручной запискѣ, предназначенной для государственнаго канцлера, высказалъ замѣчательныя по этому поводу мысли. Казалось, преданія Священнаго союза, связавшія Россію по рукамъ и ногамъ, готовы были, наконецъ, порваться, и русскому государственному эгоизму предстояло вступить въ свои законныя права, но и въ данномъ случаѣ злой рокъ воспрепятствовалъ осуществленію благихъ и широкихъ намѣреній Государя.

„Непозволительныя заявленія лорда Абердина", писалъ Императоръ Николай въ своей запискѣ [2]), „заключающія въ себѣ „явныя намѣренія затруднить наши дѣйствія на морѣ и дозволить „въ то же время туркамъ дѣйствовать противъ насъ этимъ же „путемъ [3]), вынуждаютъ обратиться къ комбинаціи, способной

---

[1]) Всеподданнѣйшее письмо кн. Горчакова 13 декабря 1853 г. Арх. Канц. Воен. Мин., 1853 г., секр. д. № 88.

[2]) Собственноручная записка Императора Николая въ началѣ ноября 1853 г. Приложеніе № 139.

[3]) Великобританское правительство объявило, что оно ничего не предприметъ противъ положенія, занятаго Россіей въ Княжествахъ на лѣвомъ берегу Дуная, пока война не будетъ перенесена на правый берегъ; затѣмъ Англія предупредила, что она доставитъ матеріальную

„вести насъ прямо къ цѣли, увеличивъ наши наступательныя „средства и обезпечивъ ихъ отъ нападенія англичанъ.

„Кажется, что англійское правительство, взявши сторону ту„рокъ, предвидитъ, что въ скоромъ будущемъ эта Имперія не въ „состояніи будетъ болѣе существовать въ Европѣ, и придумы„ваетъ уже какимъ бы образомъ обратить послѣдствія этого „изгнанія противъ насъ. Для этого, можетъ быть, оно само ста„нетъ *во главѣ освобожденія европейскихъ христіанъ* съ цѣлью „дать имъ въ будущемъ такое устройство, *которое шло бы „совершенно въ разрѣзъ съ нашими существеннѣйшими инте„ресами* [1]).

„Не представляется ли, слѣдовательно, нашимъ настоятель„нымъ долгомъ предупредить этотъ гнусный расчетъ и объявить „теперь же всѣмъ державамъ, что, сознавая всю безполезность „общихъ усилій обратить турецкое правительство на путь спра„ведливости и вынужденные къ войнѣ, исходъ которой не можетъ „быть опредѣленъ заранѣе, мы остаемся вѣрны провозглашенному „уже раньше принципу отказаться, по возможности, отъ всякаго „завоеванія, но вмѣстѣ съ тѣмъ признаемъ, что наступило время „возстановить независимость христіанскихъ народовъ Европы, „подпавшихъ нѣсколько вѣковъ тому назадъ оттоманскому игу. „Принимая на себя починъ этого святого дѣла, мы взываемъ ко „всѣмъ христіанскимъ націямъ присоединиться къ намъ для дости„женія такой священной цѣли. Дѣло идетъ не только о право„славныхъ, но о судьбѣ всѣхъ безъ различія христіанъ, подвласт„ныхъ мусульманскому владычеству въ Европѣ.

„Такимъ образомъ, мы провозгласимъ желаніе дѣйствительной „независимости молдо-валаховъ, сербовъ, болгаръ, босняковъ и „грековъ съ тѣмъ, чтобы каждый изъ этихъ народовъ вступилъ „въ обладаніе страной, въ которой живетъ уже цѣлые вѣка, и „управлялся бы лицомъ, *избраннымъ ими самими изъ среды „своихъ же соотечественниковъ*.

„Я думаю, что сдѣланное такимъ образомъ воззваніе, или „декларація, должно произвести быструю перемѣну во мнѣніи

поддержку Турціи только въ случаѣ атаки, направленной нами съ моря противъ одного изъ турецкихъ портовъ Чернаго моря. На депешѣ бар. Бруннова, сообщившаго это оригинальное рѣшеніе лондонскаго кабинета, Императоръ Николай 26 октября 1853 г. написалъ: „C'est „infâme. Et les turcs pourraient inopinément passer la rive gauche; voilà un paradoxe digne „des anglais.— Ainsi c'est la guerre avec nous.— Soit".

[1]) Курсивъ подлинника.

„всего христіанскаго міра и привести его, быть можетъ, къ болѣе „правильнымъ понятіямъ объ этомъ важномъ событіи, или, по „крайней мѣрѣ, освободитъ его отъ исключительнаго и злона- „мѣреннаго руководства англійскаго правительства.

„Я не вижу другого средства положить предѣлъ недобро- „желательству англичанъ, такъ какъ невѣроятно, чтобы послѣ „подобнаго заявленія они рѣшились примкнуть къ туркамъ и „сражаться вмѣстѣ съ ними противъ христіанъ.

„Разумѣется, послѣ достиженія первоначальной цѣли будущее „устройство освобожденныхъ областей должно быть предоставлено „общему соглашенію. Несомнѣнно, что оно представитъ еще не „мало затрудненій, но я вполнѣ убѣжденъ, что разрѣшеніе ихъ „не встрѣтитъ непреодолимыхъ препятствій; къ тому же, если „успѣхъ увѣнчаетъ *нашу попытку,* то представится болѣе вѣроятія „одержать верхъ и въ остальныхъ *нашихъ намѣреніяхъ.*

„Было бы крайне необходимымъ ознакомиться съ намѣреніями „этихъ провинцій, отправивъ немедленно на мѣста способныхъ „людей, чтобы поскорѣе собрать положительныя данныя о на- „стоящемъ настроеніи этихъ народовъ и о той помощи, которую „мы можемъ ожидать съ ихъ стороны.

„Люди, подобные Ковалевскому, были бы для этого неоцѣ- „нимы. Это слѣдовало бы сдѣлать относительно сербовъ и „босняковъ, такъ какъ все, что касается до болгаръ, намъ извѣстно. „Надо также немедленно вызвать сюда депутацію молдаво-валаховъ, „составленную изъ наиболѣе разсудительныхъ бояръ и духовен- „ства, чтобы ознакомить ихъ съ нашими намѣреніями на счетъ „ихъ будущности и тѣмъ склонить на сторону этого проекта“.

Такія смѣлыя и неожиданныя для графа Нессельроде изъ устъ Императора Николая мысли должны были произвести на престарѣлаго канцлера впечатлѣніе нечаянно ударившаго грома. И онѣ таковое произвели. „Я нахожусь подъ ужаснымъ впечатлѣніемъ „послѣдняго разговора, которымъ Ваше Императорское Величество „меня удостоили“, всеподданнѣйше писалъ графъ Нессельроде 8 ноября [1]) и просилъ разрѣшенія представить докладъ, въ которомъ онъ намѣчалъ „подводные камни“ на пути приведенія въ исполненіе новаго плана Государя. Канцлеръ находилъ, что время обращенія къ возстанію христіанъ выбрано неудобно, и что будетъ

---

[1]) Всеподданнѣйшее письмо гр. Нессельроде 8 ноября 1853 г. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, 1853 г., карт. Доклады.

гораздо лучше, если это возстаніе появится само собою, какъ слѣдствіе военныхъ дѣйствій. Графъ Нессельроде признавалъ возможнымъ въ видѣ уступки немедленно приступить къ нѣкоторымъ подготовительнымъ мѣрамъ. Для убѣжденія Императора Николая канцлеръ прибѣгъ къ старому, испробованному имъ и никогда не дававшему отказа, средству. Онъ выставилъ противорѣчіе проекта Государя съ политическимъ направленіемъ, котораго мы неуклонно придерживались почти полъ-столѣтія, и невозможность для консервативной Европы слѣдовать за Россіей по этому новому пути.

Въ обширномъ докладѣ, который былъ приложенъ къ письму [1]), канцлеръ подробно развивалъ свою мысль. Онъ сознавалъ, что

Вербовка въ Лондонѣ.

освобожденіе христіанъ отъ мусульманскаго ига должно когда-либо совершиться въ силу самой необходимости, и весьма вѣроятно, что появленіе нашихъ войскъ на правомъ берегу Дуная послужитъ толчкомъ къ общему ихъ возстанію, но преждевременныя попытки ихъ къ этому, до возможности немедленнаго оказанія имъ помощи нашими войсками, поведутъ лишь къ звѣрскому подавленію ихъ турками. Съ другой стороны, такой шагъ подрывалъ еще бывшую у графа Нессельроде надежду покончить обострившуюся распрю на Дунаѣ при помощи дипломатическихъ нотъ и трактатовъ, тогда какъ освобожденіе христіанъ не мыслимо безъ паденія оттоманскаго владычества въ Европѣ, на что никоимъ образомъ не согласятся ни Англія, ни Франція.

---

[1]) Приложеніе № 140.

Наши шаги въ этомъ направленіи усилятъ недовѣріе къ намъ всей Европы и дадутъ право упрекать Императора Николая въ томъ, что, подъ видомъ выполненія святой идеи заступничества за своихъ единовѣрцевъ, онъ содѣйствовалъ образованію на Балканскомъ полуостровѣ новыхъ государствъ, которыя подпали бы подъ власть Россіи.

Но что болѣе всего пугало стараго дипломата временъ священнаго союза и вѣрнаго хранителя его завѣтовъ, такъ это боязнь упрека петербургскому кабинету въ непослѣдовательности и въ измѣнѣ тѣмъ принципамъ, которые руководили русской политикой въ теченіе послѣднихъ сорока лѣтъ; короче, канцлеръ боялся, что сильная воля Императора Николая сорветъ, наконецъ, путы австрійской опеки и въ тяжелый часъ наступившей грозной борьбы станетъ руководствоваться лишь интересами собственной страны. Эта часть доклада графа Нессельроде отличалась особой страстностью. Онъ не понималъ, какъ Россія, которая всегда протестовала противъ національностическихъ стремленій поляковъ, венгровъ, итальянцевъ, горцевъ Кавказа и даже молдо-валаховъ, сама подыметъ знамя возстанія христіанскихъ подданныхъ султана. Правда, балканскія народности освобождались отъ ига мусульманскаго, но это не уменьшало нашей непослѣдовательности, такъ какъ мы противились въ свое время свободѣ гетеріи въ Греціи и освободительной пропагандѣ Парижа и Лондона на томъ же Балканскомъ полуостровѣ. Консервативная Европа, заключалъ канцлеръ, будетъ имѣть право возражать намъ словами всѣхъ нашихъ заявленій, въ которыхъ мы постоянно увѣряли, что, вступая въ предѣлы Княжествъ, мы не предпримемъ ничего, что могло бы вызвать возстаніе христіанскаго населенія противъ султана.

По мнѣнію автора доклада, вопросъ представлялся совершенно въ другомъ видѣ, если мы будемъ вынуждены необходимостью вести противъ Порты безпощадную войну, что, весьма вѣроятно, послужитъ сигналомъ къ поголовному возстанію христіанъ, безъ всякаго съ нашей стороны подстрекательства, и это событіе мы можемъ принять тогда, какъ свершившійся фактъ. При рѣшительномъ движеніи значительныхъ силъ, которыя мы должны будемъ выставить на театрѣ военныхъ дѣйствій, и при согласованіи этого движенія съ возстаніемъ христіанъ, Оттоманская Имперія не будетъ въ состояніи выдержать такого удара и перестанетъ существовать. Конечно, Англія и Франція не возьмутъ на себя труда вновь завоевывать въ пользу султана шагъ за шагомъ освобожденную

уже территорію, защищаемую Россіей и христіанскими народами, готовыми умереть съ оружіемъ въ рукахъ за свою національную независимость. Тогда мы можемъ провозгласить ихъ независимость передъ лицомъ всего міра, и это будетъ носить на себѣ характеръ такого безпристрастія и великодушія, передъ которыми смолкнутъ недоброжелательность и недобросовѣстность. Въ настоящее же время канцлеръ предлагалъ ограничиться лишь собираніемъ на мѣстѣ данныхъ какъ о размѣрѣ возможнаго возстанія, такъ и о необходимой для этого съ нашей стороны матеріальной помощи.

Государь, оставивъ безъ возраженія всю увѣщательную часть доклада, остановился лишь на нарисованной графомъ Нессельроде картинѣ самостоятельнаго возстанія христіанъ, признавъ ее вполнѣ вѣрной и соотвѣтствующей его взглядамъ, такъ какъ проектируемыя имъ мѣры онъ предполагалъ примѣнить только послѣ перехода нами на правый берегъ Дуная.

Въ заключеніе своей записки канцлеръ успокаивалъ Государя, что вся комбинація о возстаніи христіанъ, появившаяся лишь вслѣдствіе ожиданія коварнаго поведенія англичанъ, которые при неудачной для турокъ войнѣ могутъ взять на себя иниціативу освобожденія подвластныхъ имъ племенъ и новаго устройства ихъ на основаніяхъ, враждебныхъ Россіи, есть лишь случай, на который трудно разсчитывать. Турція въ начавшихся военныхъ дѣйствіяхъ проявила такую силу и энергію, которыя не позволяютъ мечтать о скоромъ ея паденіи и, по мнѣнію канцлера, намъ въ настоящее время слѣдовало главнымъ образомъ обратить вниманіе на то, чтобы увеличить свои силы и этимъ заставить смириться турокъ и нашихъ западныхъ недоброжелателей. Если же дѣла примутъ дурной для турокъ оборотъ, то тогда лишь настанетъ время изыскивать средства противодѣйствовать устройству враждебнаго для насъ быта балканскихъ христіанъ.

Императоръ Николай не соглашался, однако, со взглядомъ своего канцлера и на поляхъ записки начерталъ:

„Я не раздѣляю вашей спокойной увѣренности. Я убѣжденъ, „что англичане, такъ мало разборчивые въ средствахъ, не заду„маются перемѣнить свою роль, какъ только убѣдятся въ томъ, „что шансы войны склоняются на нашу сторону, и съ этой ми„нуты пожелаютъ обратиться въ освободителей христіанъ, чтобы „лишить насъ иниціативы въ этомъ предпріятіи. Преслѣдуя безъ „всякаго стѣсненія исключительно свои личные интересы, они

„постараются придать дѣлу освобожденія такое направленіе, ко-
„торое, по ихъ мнѣнію, окажется для насъ самымъ вреднымъ.
„Должны ли мы допустить это? Полагаю, что нѣтъ.

„Провозглашеніе освобожденія должно быть сдѣлано нами
„лишь *тогда,* когда мы будемъ *навѣрное* знать, что христіане
„не только желаютъ освобожденія, въ чемъ не можетъ быть со-
„мнѣнія, но что они готовы дѣйствовать при нашей поддержкѣ,
„не щадя жизни и съ напряженіемъ всѣхъ своихъ усилій".

Мнѣніе графа Нессельроде восторжествовало. Все было отложено въ долгій ящикъ, и лишь для успокоенія Государя дѣлались слабыя, разрозненныя попытки сношенія съ балканскими христіанами. А между тѣмъ 26 декабря баронъ Мейендорфъ донесъ изъ Вѣны, что, по свѣдѣніямъ, полученнымъ изъ Константинополя, представители четырехъ великихъ державъ настаиваютъ у Оттоманской Порты на освобожденіи ея христіанскихъ подданныхъ. Императоръ Николай написалъ на этой депешѣ слѣдующія многознаменательныя слова: „Вотъ оно, правъ ли я?"

По нѣкоторымъ даннымъ, можно судить, что на желаніе Государя выдвинуть въ нашей борьбѣ съ Турціей вопросъ освобожденія христіанъ оказали извѣстное вліяніе и политическія записки главы московскихъ славянофиловъ М. П. Погодина, къ которымъ, по словамъ Мартенса, Государь началъ серьезно относиться; многочисленныя же помѣтки Императора Николая на этихъ запискахъ подтверждаютъ такое мнѣніе. Съ другой стороны, графиня А. Д. Блудова въ своемъ письмѣ къ Погодину, относящемуся къ концу 1853 года, сообщала, что измѣненіе во взглядахъ Императора Николая на вопросъ объ освобожденіи христіанъ, „къ
„несчастью, никакъ еще не проникаетъ до дипломатіи нашей, и
„она все находитъ средство сдѣлать вялыми и безцвѣтными самыя
„хорошія предположенія" [1]).

И, дѣйствительно, нельзя не согласиться съ однимъ изъ нашихъ современниковъ, который говоритъ [2]), что Императоръ Николай въ то время былъ странно одинокъ въ своей политикѣ. Его дипломатическая канцелярія работала въ идеѣ европейскаго концерта; онъ тоже напряженно работалъ, но совершенно отдѣльно отъ нея, слѣдуя своему чутью русскаго человѣка. Въ годину

---

[1]) Н. Барсуковъ: Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. XIII, стр. 18.

[2]) „Дипломатическія школы и практическая политика" С. А.—„Новое Время" 13 января 1900 г., № 8577.

испытаній онъ не нашелъ въ своемъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ ни одного живого, дѣйствительно творческаго совѣта; напротивъ, наша дипломатія, соединенная давними традиціями „школы“, направляла всѣ свои усилія на то, чтобы разрушить въ Государѣ всѣ пугавшія ее намѣренія, которыя возникали въ немъ изъ яснаго сознанія практической пользы.

Не могли не воздѣйствовать на высказанное направленіе мыслей Императора Николая относительно возбужденія христіанскихъ народностей и донесенія съ мѣстъ нашихъ дипломатическихъ агентовъ. Съ одной стороны Государю доносили объ усиленной дѣятельности англійскихъ консуловъ въ Болгаріи, которые, со времени занятія нами Княжествъ, начали проявлять особую заботливость о болгарскомъ населеніи, увѣряя, что Англія всѣми силами хлопочетъ улучшить его положеніе, и совѣтуя не надѣяться на Россію и не вѣрить ея обѣщаніямъ [1]). Съ другой стороны сообщали, что одно появленіе въ Сербіи нашего агента Фонтона произвело ошеломляющее впечатлѣніе и привело руководителей народной партіи въ восторгъ, но нельзя того же сказать относительно турокъ и лорда Редклифа, „которые „очень ясно увидали, что успокоеніе этой страны зависитъ исключительно отъ воли Государя Императора“ [2]).

Карикатура на вербовку англичанъ.

Донесенія изъ Аѳинъ характеризовали настроеніе всего населенія Греціи и Румеліи совершенно подготовленнымъ къ сильному и общему возстанію. Духовенство, купечество и многочисленныя тайныя общества вели усиленную пропаганду противъ власти султана; партія гетеріи хотѣла даже послать въ Петербургъ особаго делегата [3]). Но вмѣстѣ съ тѣмъ страна эта была полна

---

[1]) Арх. Канц. Воен. Мин., по снар. в., 1853 г., секр. д. № 35.

[2]) Аргиропуло—Озерову 14 (26) августа 1853 г. Ад. № 201. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, 1853 г., карт. С.

[3]) Персіани—канцлеру 18 сентября 1853 г. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, 1853 г., карт. А.

политическихъ интригъ и распространяемыхъ противъ Россіи враждебныхъ вымысловъ, хотя греческая пресса выражала въ общемъ симпатіи къ намъ и ненависть къ морскимъ державамъ [1]). Во главѣ русофильской партіи стояла королева, которая открыто и даже демонстративно выказывала симпатіи къ Россіи, „но чѣмъ „королева была отзывчивѣе, тѣмъ король былъ сдержаннѣе, что", какъ доносилъ Персіани [2]), „составляло оригинальную противо- „положность съ благородной откровенностью его августѣйшей „супруги". Къ сожалѣнію, нашъ дипломатъ очень поздно выяснилъ истинную причину сдержанности короля эллиновъ.

Вообще, сообщенія этого дипломата о положеніи Греціи были нѣсколько разнорѣчивыя. Такъ, донося 20 ноября [3]) о недовольствѣ лондонскаго кабинета на то, что аѳинское правительство не принимаетъ достаточно энергичныхъ мѣръ, чтобы обезпечить спокойствіе сосѣдней и союзной Турціи, если бы таковому что-либо угрожало, онъ утверждалъ, что народъ остается спокоенъ къ возбужденію противъ мусульманъ. По словамъ этого донесенія Персіани, нельзя было разсчитывать на что-либо серьезное, пока наши войска не перейдутъ Дуная, такъ какъ греки боятся своимъ преждевременнымъ движеніемъ ухудшить положеніе остальныхъ христіанъ, подвластныхъ Портѣ. Въ депешѣ же отъ 4 декабря [4]) нашъ посолъ, восхваляя спокойное и созерцательное положеніе, принятое королемъ по отношенію къ надвигающимся событіямъ, присовокуплялъ, что такое поведеніе не удовлетворяетъ страну, которая жалуется на неподвижность своего правительства. Не разобравшись ни въ трудномъ положеніи Греціи, удаленной отъ Россіи и находившейся подъ физическимъ давленіемъ вооруженныхъ силъ морскихъ державъ, ни въ настоящихъ намѣреніяхъ короля, онъ усыплялъ петербургскій кабинетъ тѣмъ, что „король и королева „всѣ свои надежды основываютъ исключительно на могуще- „ственной поддержкѣ нашего Августѣйшаго Повелителя" [5]).

Тѣмъ временемъ на Дунаѣ шли разрозненныя попытки сбора волонтеровъ, возложенныя на генерала Салоса и на гвардейской конной артиллеріи полковника Костанду. Хотя князь Горчаковъ и доносилъ, что жители съ энтузіазмомъ встрѣтили вѣсть о

---

[1]) Персіани — канцлеру 28 августа 1853 г. Тамъ же.
[2]) Персіани — канцлеру 20 ноября 1853 г., № 961. Тамъ же.
[3]) Тамъ же.
[4]) Персіани — канцлеру 4 декабря 1853 г. Тамъ же.
[5]) Тамъ же.

формированіи волонтерныхъ баталіоновъ, и поступающимъ въ нихъ было назначено очень большое по тому времени содержаніе отъ русскаго правительства [1]), но къ марту мѣсяцу въ обоихъ Княжествахъ набралось всего 2037 человѣкъ волонтеровъ [2]). Что же касается до принятія на нашу службу греческихъ уроженцевъ, то, несмотря на ту пользу, которую они могли принести нашему черноморскому флоту, къ ихъ пріему относились очень сдержанно [3]), такъ какъ Государь въ подобномъ предложеніи гетеріи, сдѣланномъ противъ воли греческаго правительства, готовъ былъ, по словамъ графа Нессельроде, скорѣе видѣть гражданскую войну, чѣмъ демонстрацію противъ Турціи въ пользу ея христіанскихъ подданныхъ [4]).

Что касается до настроенія жителей Княжествъ, то въ теченіе зимы, которую наши войска провели на лѣвомъ берегу Дуная, оно не измѣнилось въ нашу пользу. Народъ, какъ доносилъ князь Горчаковъ [5]), не думалъ о перемѣнахъ въ управленіи и измѣненіе существующаго порядка встрѣтилъ бы съ равнодушіемъ. Избавленіе отъ подданства Порты его не интересовало, такъ какъ съ 1829 года оно его болѣе не тяготило. Революціонная партія въ Княжествахъ находилась подъ вліяніемъ самыхъ крайнихъ соціальныхъ началъ. Цѣль ея состояла въ образованіи на радикальныхъ основаніяхъ изъ обоихъ Княжествъ, Болгаріи, Бессарабіи и части Трансильваніи особаго Романскаго государства. Чувствуя въ Россіи главную преграду къ такимъ намѣреніямъ, партія эта всегда останется нашимъ врагомъ. Бояре не имѣли никакого чувства истиннаго патріотизма. Всѣ ихъ помыслы сводились къ достиженію разными происками господарскаго достоинства или прибыльныхъ мѣстъ, для чего выгоднѣе было оставаться подъ главенствомъ турокъ. Если, по мнѣнію князя Горчакова, среди жителей Княжествъ и было какое-либо затаенное желаніе, то оно состояло въ томъ, чтобы ихъ области находились подъ общимъ покровительствомъ всѣхъ великихъ державъ.

Въ такомъ положеніи находился ко времени нашей переправы черезъ Дунай вопросъ о столь важномъ для нашего успѣха

---

[1]) Отъ 3 руб. сер. въ сутки (баталіонному командиру) до 15 коп. (рядовому), при чемъ нижнимъ чинамъ выдавалось еще по 11 коп. сер. кормовыхъ въ сутки.

[2]) Арх. Канц. Воен. Мин., 1853 г., секр. д. № 95.

[3]) Взглядъ нашего правительства на возстаніе грековъ въ Эпирѣ изложенъ въ циркулярѣ гр. Нессельроде отъ 2 марта 1854 г. См. Приложеніе № 141.

[4]) Кн. Горчаковъ — кн. Меншикову 26 января 1854 г., № 315. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 4253.

[5]) Кн. Горчаковъ — военному министру 27 января 1854 г. Арх. Канц. Воен. Мин., 1853 г., секр. д. № 60.

дѣлѣ, какъ поднятіе возстанія христіанъ съ цѣлью освобожденія ихъ отъ мусульманскаго ига и, какъ видно, въ положеніи далеко не соотвѣтствовавшемъ характеру, мыслямъ и предположеніямъ Императора Николая Павловича.

И, дѣйствительно, въ самомъ скоромъ времени Государь долженъ былъ совершенно отказаться отъ мысли о существенной помощи болгаръ и грековъ.

На запискѣ Погодина отъ 27 мая 1854 года, въ которой говорилось, что съ переходомъ нашихъ войскъ черезъ Дунай „Болгарія свободна и первый членъ славянскаго союза готовъ", Государь начерталъ: „Отнюдь нѣтъ. Онъ радъ чужими руками „жаръ загребать, бѣжитъ, не дерется, а теперь вслѣдъ за нами „покидаетъ свой край" [1]).

Что касается до Греціи, то ей пришлось подчиниться требованію англо-французовъ, поддержанному вооруженной силой. Это подчиненіе совпало съ моментомъ, когда Императоръ Николай Павловичъ рѣшилъ отправить къ королю Оттону флигель-адъютанта подполковника Исакова съ миссіей заключенія особаго соглашенія.

„Извѣстіе (о подчиненіи короля Оттона франко-англійскимъ тре- „бованіямъ), которое мнѣ сообщено Вашимъ Величествомъ", писалъ графъ Нессельроде [2]), „можетъ оказаться, опасаюсь, смертельнымъ „ударомъ для возстанія греческаго населенія. Если оно подтвердится, „миссія подполковника Исакова будетъ безцѣльна и безпредметна. „Не соотвѣтствовало бы достоинству Вашего Величества посылать „своего адъютанта къ государю, который пересталъ быть независи- „мымъ и сталъ фактически плѣнникомъ нашихъ непріятелей".

Вскорѣ греческій повѣренный въ дѣлахъ Зографосъ подтвердилъ графу Нессельроде грустное извѣстіе [3]). „Король факти- „чески отрекся отъ престола; онъ не болѣе, какъ французскій „или англійскій префектъ", надписалъ Государь на докладѣ, отмѣнивъ миссію подполковника Исакова. Всякая надежда на возстаніе грековъ исчезла, а мятежъ въ Эпирѣ и Ѳессаліи былъ отчасти подавленъ турками, отчасти угасъ самъ, когда его вожаки убѣдились въ его безполезности.

---

[1]) Собств. Его Вел. Библіотека.

[2]) Всеподданнѣйшій докладъ гр. Нессельроде 22 мая 1854 г. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, карт. Доклады, 1854.

[3]) Всеподданнѣйшій докладъ 31 мая 1854 г. Тамъ же.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ